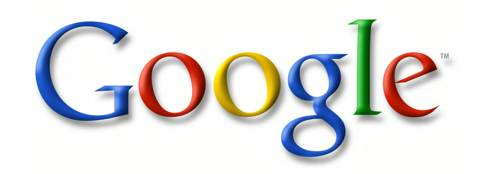
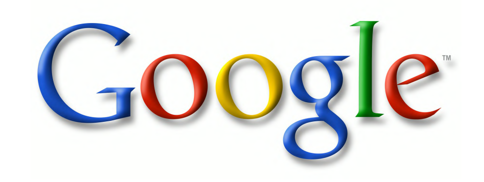
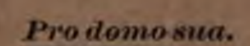




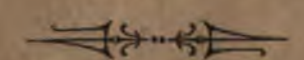


Pro domo sua.

Стороженки.

Фамильный архивъ.

Томъ третій.



КІЕВЪ, 1907.

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

Pro domo sua.

ТОРОЖЕНКИ.

Фамильный архивъ.

Томъ третій.

КІЕВЪ, 1907.

Настоящее изданіе выпущено въ количествѣ 200 нумерованныхъ экземпляровъ.

№ 71

Василію Егоровичу Рудакову.

…ъ, Типографія Т-ва Г. Л. Фронцкевича и К°, Анненковская улица, домъ № 3.

Предисловіе.

Настоящій *третій* томъ Фамильнаго Архива отличается значительною пестротою своего состава. Съ одной стороны въ него вошли документы строго-фамильнаго содержанія, дополняющіе свѣдѣнія Родословника, какъ-то: купчія Стефана Григорьевича Стороженка на земли въ дачахъ с. Денисовки на р. Чевельчѣ въ нынѣшнемъ Лубенскомъ уѣздѣ, продажный актъ на усадьбы въ г. Лубнахъ Николая Михайловича Стороженка, формулярный списокъ о службѣ Павла Даниловича Стороженка и завѣщаніе Григорія Андреевича Стороженка. Съ другой стороны, на ряду съ ними, идетъ собраніе писемъ къ Андрею Яковлевичу Стороженку постороннихъ ему лицъ, преимущественно изъ ученаго и литературнаго міра: Бодянскаго, Булгарина, Владиславлева, Воейкова, Ганки, Греча, гр. Крейца, Мацѣёвскаго, Павлищева, кн. Паскевича, Терещенка, Юзефовича, кн. Яблоновскаго, бискуповъ: Павловскаго, Гольдтмана, Шумборскаго, Страшынскаго и Лентовскаго. Въ этомъ же собраніи нашли себѣ мѣсто и любопытныя письма ученаго содержанія отъ Діонисія Зубрицкаго къ В. А. Мацѣёвскому, переданныя, очевидно, послѣднимъ въ пользованіе Андрея Яковлевича Стороженка. Наконецъ, преобладающую долю тома занимаютъ письма четырехъ лицъ, близкихъ Владиміру Андреевичу Стороженку, а именно его зятя (мужа сестры) Николая Ивановича Ушакова, двоюроднаго его брата по матери Еленѣ Михайловнѣ, изъ дома Дарагановъ, Михаила Николаевича Краснокутскаго, тетки его, по мужу П. М. Даргану, Анны Михайловны, урожденной Балугьянской, и двоюродной сестры Елисаветы Петровны Дараганъ, въ замужествѣ Веревкиной. Къ письмамъ

Ушакова и къ напечатаннымъ во II-мъ томѣ письмамъ его жены Елисаветы Андреевны примыкаютъ, какъ послѣдствіе ихъ заграничной поѣздки осенью 1842 года, восторженно-порывистыя посланія итальянскаго поэта Далл'онгаро.

Вся эта переписка относится къ царствованію императора Николая Павловича, захватывая лишь первые годы правленія его преемника' предшествовавшіе еще освобожденію крестьянъ отъ крѣпостной зависимости; все это документы такъ-называемой „дореформенной" эпохи. Сохраняя преимущественное значеніе семейной хроники, они представляютъ, по нашему мнѣнію, и болѣе широкій научно-историческій интересъ, ибо даютъ опору для защиты какъ личности послѣдняго рыцаря на царскомъ тронѣ, такъ и нравственнаго достоинства русскаго дворянства его времени отъ тѣхъ клеветъ, какими осыпаетъ ихъ въ теченіе почти полустолѣтія наша изящная, политическая и даже лжеисторическая литература.

Съ пѣной у рта говорятъ обыкновенно „освободители" объ императорѣ Николаѣ Павловичѣ, какъ о гасителѣ просвѣщенія. Къ великому изумленію нашему, въ помощь этому крикливому и неблагозвучному хору присоединился и загробный голосъ автора „Исторіи Россіи" С. М. Соловьева, который, въ порывѣ личнаго мелочнаго раздраженія, не постѣснялся написать слѣдующія недостойныя историка фразы: „Николай I-ый... инстинктивно ненавидѣлъ просвѣщеніе, какъ поднимающее голову людямъ, дающее имъ возможность думать и судить, тогда какъ онъ былъ воплощенное: „не разсуждать!" При самомъ вступленіи его на престолъ враждебно встрѣтили его на площади люди, и эти люди принадлежали къ самымъ просвѣщеннымъ и даровитымъ, они всѣ думали, разсуждали, критиковали, и слѣдствіемъ этого было 14-ое декабря. По воцареніи Николая, просвѣщеніе перестало быть заслугою, стало преступленіемъ въ глазахъ правительства; университеты подверглись опалѣ; Россія предана была въ жертву преторіанцамъ; военный человѣкъ, какъ палка, какъ привыкшій не разсуждать, но исполнять, и способный пріучить другихъ къ исполненію безъ разсужденій, считался лучшимъ, самымъ способнымъ начальникомъ вездѣ; имѣлъ ли онъ какія-нибудь способности, опытность въ дѣлахъ, – на это не обращалось никакого вниманія. Фрунтовики возсѣли на всѣхъ правительственныхъ мѣстахъ, и съ ними воцарилось невѣжество, произволъ, грабительство, всевозможные безпорядки. Смотръ сталъ цѣлью общественной и государственной жизни. Все дѣлалось на показъ, для того, чтобъ державный пріѣхалъ, взглянулъ и сказалъ: – Хорошо! все въ порядкѣ! — Отъ-а все потянулось на показъ, во внѣшность, и внутреннее развитіе оста-

новилось“ (Вѣстн. Евр. 1907, май, стр. 43—44). Между тѣмъ, перечитывая въ настоящемъ томѣ интимныя письма среднихъ людей Николаевскаго царствованія, никогда не предназначавшихъ (въ противность С. М. Соловьеву) своихъ писемъ не только „для другихъ“, но даже и „для дѣтей“, и не предчувствовавшихъ, что ихъ переписка можетъ быть когда-либо напечатана, мы наблюдаемъ, что образованіе и нравственное совершенствованіе себя и дѣтей они ставили главною заботою жизни и въ своемъ Государѣ не только не видѣли гасителя ихъ просвѣтительныхъ порывовъ, но, напротивъ, называли его „покровителемъ наукъ“ (стр. 107), радовались, что у нихъ „такой славный Царь, строгій и милосердый, возвышенный и нѣжный“ (стр. 80), а одинъ изъ корреспондентовъ предполагаетъ даже представить рукопись своего историческаго труда на Высочайшее воззрѣніе и думаетъ, „что она Русскому Батюшкѣ придется по сердцу“ (стр. 112). Чѣмъ же можно объяснить такое противорѣчіе во взглядахъ на императора Николая Павловича его подданныхъ? Дѣло въ томъ, что въ нашу эпоху болѣе чѣмъ когда-нибудь стало ясно, что „просвѣщеніе“ можетъ быть двухъ различныхъ типовъ: одно—настоящее христіанское просвѣщеніе, о которомъ писалъ Гоголь: „Просвѣтить не значитъ научить, или наставить, или образовать, или даже освѣтить, но всего насквозь высвѣтлить человѣка во всѣхъ его силахъ, а не въ одномъ умѣ, пронести всю природу его сквозь какой-то очистительный огонь. Слово это взято изъ нашей Церкви, которая уже почти тысячу лѣтъ его произноситъ, не смотря на всѣ мраки и невѣжественныя тьмы, отвсюду ее окружавшіе, и знаетъ, зачѣмъ произноситъ. Недаромъ архіерей, въ торжественномъ служеніи своемъ, подъемля въ обѣихъ рукахъ и троесвѣщникъ, знаменующій Тройцу Бога, и двусвѣщникъ, знаменующій Его сходившее на землю Слово въ двойномъ естествѣ Его, и Божескомъ, и человѣческомъ, всѣхъ ими освѣщаетъ, произнося „Свѣтъ Христовъ освѣщаетъ всѣхъ!“ Недаромъ также въ другомъ мѣстѣ служенія гремятъ отрывочно, какъ бы съ неба, вслухъ всѣмъ слова: „Свѣтъ просвѣщенія!“ и ничего къ нимъ не прибавляетъ болѣе“. (Изд. Тихонравова, т. IV, 1889, стр. 79). Просвѣщеніе второго типа основывается на культѣ французской революціи. Отрицаніе бытія Божія и Божественнаго происхожденія Царской власти, пренебреженіе къ исторически-сложившимся и опытомъ вѣковъ провѣреннымъ основамъ общежитія, присвоеніе каждому лицу права быть законодателемъ и реформаторомъ—вотъ наиболѣе выпуклыя черты того міровоззрѣнія, которое прививается молодымъ поколѣніямъ отшатнувшимся отъ Христа лже-просвѣщеніемъ. Императоръ Николай I-ый, по долгу сана, обязанъ былъ быть его врагомъ. Къ сожалѣнію, подобное лже-просвѣщеніе начинало уже въ ту эпоху находить себѣ преданныхъ сторонниковъ въ средѣ университетскихъ профессоровъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ самыя „За-

писки“ С. М. Соловьева, и вотъ почему профессора, а вслѣдъ за ними и ихъ слушатели, пріучались смотрѣть на императора Николая, какъ на гонителя просвѣщенія, а въ свою очередь университеты стали казаться Государю вредными разсадниками поклонниковъ катастрофы 1793 г. (казнь короля). Въ наше время, когда русскіе университеты потеряли всякое научное достоинство и обратились въ открытые очаги мятежа и анархіи, воззрѣніе на нихъ императора Николая представляется не только проницательнымъ, но даже пророческимъ.

Письма жены и дочери тульскаго губернатора восемьсотъ пятидесятыхъ годовъ Петра Михайловича Дарагана, равно какъ и письма ардатовскаго помѣщика Михаила Николаевича Краснокутскаго, переносятъ насъ въ среду русскаго помѣстнаго дворянства крѣпостной эпохи, бытописателемъ котораго явился И. С. Тургеневъ. Нити жизни Краснокутскаго и Тургенева тянулись почти параллельно, и чуть ли сами они не встрѣчались во время продолжительнаго пребыванія обоихъ за границею. Тургеневъ писалъ, какъ долженъ работать художникъ слова: „Да не только надъ своей вещью работать надо, надъ тѣмъ, чтобы она выражала именно то, что вы хотѣли выразить, и въ той мѣрѣ и въ томъ видѣ, какъ вы этого хотѣли: нужно еще читать, учиться безпрестанно, вникать во все окружающее, стараться не только уловлять жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ, но и понимать ее, понимать тѣ законы, по которымъ она движется и которые не всегда выступаютъ наружу; нужно сквозь игру случайностей добиваться до типовъ—и со всѣмъ тѣмъ всегда оставаться вѣрнымъ правдѣ, не довольствоваться поверхностнымъ изученіемъ, чуждаться эффектовъ и фальши.“ (Первое собр. писемъ И. С. Тургенева, Спб. 1885, стр. 295—296). Жизнь, которую „уловлялъ“ Тургеневъ, была именно жизнью нашихъ корреспондентовъ и подобныхъ имъ людей средняго дворянскаго круга. Катерина Павловна Филимонова, для которой были выписаны изъ Дерпта сочиненія Жоржъ Зандъ (стр. 341), или Елисавета Петровна Дараганъ—легко могли дать черты для портрета Лизы Калитиной. Пріѣздъ М. Н. Краснокутскаго въ Мачкасы (стр. 339) можно было бы написать тѣми же красками, какими Тургеневъ рисуетъ пріѣздъ Лаврецкаго въ Васильевское. Стремясь быть объективнымъ писателемъ, тѣмъ не менѣе Тургеневъ самъ не уберегся отъ „фальши“, чуждаться которой вмѣнялъ въ обязанность художнику. Онъ откровенно сознается въ этомъ, говоря объ „Отцахъ и Дѣтяхъ“: „*Вся моя повѣсть направлена противъ дворянства, какъ передового класса.* Вглядитесь въ лица Н. П. (Николая Петровича Кирсанова), П. П., Аркадія. Слабость и вялость или ограниченность. Эстетическое чувство заставило меня взять именно *хорошихъ* представителей дворянства, чтобъ тѣмъ вѣрнѣе доказать мою тэму: если сливки плохи,

что-же молоко? Взять чиновниковъ, генераловъ, грабителей и т. д. было-бы грубо, le pont aux ânes—и невѣрно.“ (Собр. писемъ, стр. 105). Отравленный невѣріемъ и „свободами“, Тургеневъ не хотѣлъ видѣть положительныхъ качествъ средняго дворянства Николаевской эпохи: его преданности вѣрѣ отцовъ и его государственнаго смысла, а напротивъ желалъ, чтобы читатели *полюбили* Базарова, котораго онъ самъ называетъ революціонеромъ,—„со всею его грубостью, безсердечностью, безжалостной сухостью и рѣзкостью.“ (Собр. писемъ, стр. 106). Побывать въ церкви, поговѣть, съѣздить помолиться въ Троицко-Сергіевскую Лавру—составляло душевную потребность большинства тогдашнихъ среднихъ дворянъ. Андрей Яковлевичъ писалъ своему сыну: „Добродѣтель неразлучна съ вѣрою и упованіемъ: чувства сіи внушаются Всеблагимъ въ сердца чистыя. Не надѣйся на разумъ, который иногда и блуждаетъ, но совѣтуйся во всемъ съ совѣстью,—она есть стражъ поступковъ. Молись Творцу; и да никакой помыселъ суетный не коснется чистаго сердца.“ (Т. III, стр. 317). Сильное религіозное чувство смягчало шероховатости отношеній дворянъ къ крестьянамъ, обусловленныхъ крѣпостнымъ правомъ, и, вопреки общепринятому мнѣнію, злоупотребленія помѣщиковъ своею властью составляли только прискорбныя исключенія. Это признаетъ въ своихъ „Запискахъ“ (Вѣстн. Евр. 1907, іюнь) даже озлобленный противъ Николаевскаго „режима“ С. М. Соловьевъ. Многіе владѣльцы сердечно заботились о благополучіи своихъ крестьянъ и, напримѣръ, Андрей Яковлевичъ, рѣдко бывавшій у себя въ Богодуховкѣ, еще въ 1830-хъ годахъ держалъ тамъ для лѣченія крестьянъ постояннаго врача. М. Н. Краснокутскій не позабылъ о своихъ бывшихъ крестьянахъ и при составленіи духовнаго завѣщанія: онъ пожертвовалъ Ардатовскому земству въ неприкосновенный капиталъ 48,000 рублей съ тѣмъ, чтобы изъ процентовъ на него содержались народныя школы въ сс. Мачкасахъ и Медаевѣ. (Т. III, стр. 605.) Тургеневъ не могъ оцѣнить религіозной настроенности большинства средняго дворянства, потому что она была чужда его природѣ. Онъ выражался о себѣ такъ: „Я преимущественно реалистъ, и болѣе всего интересуюсь живою правдою людской физіономіи; ко всему сверхъестественному отношусь равнодушно, ни въ какіе абсолюты и системы не вѣрю, люблю больше всего свободу, и, сколько могу судить,—доступенъ поэзіи. Все человѣческое мнѣ дорого, славянофильство—чуждо, такъ же какъ и всякая *ортодоксія*.“ (Собр. писемъ, стр. 252). Въ другой разъ Тургеневъ не постыдился написать Полонскому: „Ты предполагаешь, что я магометанскую вѣру считаю или долженъ считать какимъ-то низшимъ видомъ, чѣмъ-то мизернымъ въ сравненіи съ христіанствомъ. Въ этомъ ты вполнѣ ошибаешься. По моему—это два вида одной формаціи, и освобождая болгаръ, мы должны руковод-

ствоваться не тѣмъ фактомъ, что они — христіане, а турки — магометане; —а тѣмъ, что турки ихъ рѣжутъ и грабятъ"... (Собр. писемъ, стр. 307). Государственныхъ заслугъ тогдашняго дворянства и его государственнаго смысла Тургеневъ не давалъ себѣ труда взвѣсить, ибо онъ льнулъ къ революціонному культу. Желая похвалить своего Базарова, онъ писалъ о немъ: „Базаровъ... честенъ, правдивъ и *демократъ до конца ногтей*... Мнѣ мечталась фигура сумрачная, дикая, большая, до половины выросшая изъ почвы, сильная, злобная, честная и всетаки обреченная на погибель, потому-что она всетаки стоитъ еще въ преддверіи будущаго — мнѣ мечтался какой-то странный pendant съ Пугачевымъ и т. д." (Собр. писемъ, стр. 104-107). Нечего грѣха таить: отбившись отъ родины и вѣры предковъ, Тургеневъ впрягся въ колымагу торжествующей смуты и немало содѣйствовалъ вызыванію мятежныхъ „бѣсовъ". Теперь только, въ наши грустные дни, можно оцѣнить правильность сужденія Н. И. Ушакова: „Люди никогда не сдѣлаются ангелами; но, безъ бдительнаго надзора за ними, легко превращаются въ демоновъ." (Т. III, стр. 278).

Письма Н. И. Ушакова открываютъ намъ душу одного изъ Николаевскихъ генераловъ, надъ которыми вдосталь поиздѣвались даже люди такой величины, какъ И. С. Тургеневъ или С. М. Соловьевъ. Не будучи „демократомъ до конца ногтей," онъ не менѣе Базарова былъ честенъ и правдивъ; но, кромѣ того, онъ неусыпно служилъ нѣсколько десятковъ лѣтъ подрядъ русскому государству и содѣйствовалъ его расширенію и укрѣпленію, не щадя живота. Забота о пополненіи познаній никогда не покидала его и онъ написалъ нѣсколько цѣнныхъ военно-историческихъ трудовъ, доставившихъ ему извѣстность въ этой области науки (О военныхъ дѣйствіяхъ въ Азіатской Турціи въ 1829 г., Объ отношеніи Россіи къ Кавказу и о постепенномъ утвержденіи тамъ Русскаго владычества, Записки очевидца о войнѣ Россіи противу Турціи и западныхъ державъ). На склонѣ дней онъ принялъ участіе въ подготовкѣ крестьянской реформы и былъ членомъ Полтавскаго комитета 1859 г.

Н. В. Гоголь, сатирикъ по природѣ, прежде всего подмѣчалъ въ людяхъ все уродливое, отталкивающее, нелѣпое. Обильный матеріалъ для своего таланта нашелъ онъ въ русскомъ обществѣ и положилъ основаніе такъ-называемой „обличительной" литературѣ. Ѣдкій смѣхъ Гоголя раздражалъ многихъ и, напримѣръ, Андрей Яковлевичъ выражался, что „гоголевщина — отзывается тухлыми яйцами" (Т. II, стр. 408). Но Гоголь впослѣдствіи самъ сознавалъ, что изобразилъ Россію въ слишкомъ каррикатурномъ видѣ, и въ „Выбранныхъ мѣстахъ изъ переписки

съ друзьями" принесъ всенародное покаяніе. Здѣсь въ письмѣ „Къ занимающему важное мѣсто" (XXVIII) коснулся онъ своимъ мощнымъ словомъ русскаго дворянства:... „У насъ дворянство есть цвѣтъ нашего же народа, а не какое-нибудь пришлое чужеземное сословіе... Дворянство наше представляетъ явленье, точно, необыкновенное. Оно образовалось у насъ совсѣмъ иначе, нежели въ другихъ земляхъ. Началось оно не насильственнымъ приходомъ, въ качествѣ вассаловъ съ войсками, всегдашнихъ оспаривателей верховной власти и вѣчныхъ угнетателей сословія низшаго; началось оно у насъ личными выслугами предъ царемъ, народомъ и всей землей,—выслугами, основанными на достоинствахъ нравственныхъ, а не на силѣ." Свои сужденія о дворянствѣ Гоголь заканчиваетъ обращеніемъ къ своему корреспонденту: „Когда вы (дворянамъ)... покажете, что теперь имъ всѣмъ предстоитъ сослужить истинно-благородную и высокую службу царю, а именно: такъ же великодушно, какъ нѣкогда становились въ рядъ противу непріятеля, такъ же великодушно стать теперь на неприманчивыя мѣста и должности, опозоренныя низкими разночинцами, тогда увидите, какъ встрепенется наше дворянство. Отбою не будетъ отъ желающихъ вступить въ службу и занять самыя невидныя мѣста. И отслуживши, не потребуютъ они себѣ за это ни наградъ, ни отличій, ни даже привилегій и преимуществъ, довольные тѣмъ, что показали высокое внутреннее преимущество свое. Словомъ—только покажите имъ высоту ихъ званія, и вы увидите, какъ благородна ихъ природа". (Изд. Тихонравова, т. IV, 1889, стр. 159—161). Службою своею въ крестьянскихъ комитетахъ и мировыми посредниками перваго призыва дворяне доказали, что предчувствія Гоголя были справедливы. Но это была уже лебединая пѣснь дворянскаго сословія. Проводя безъ передышки свои скороспѣлыя и необдуманныя „реформы", особенно въ области финансовъ, правительство Александра II обрекло помѣстное дворянство на гибель, и теперь мы присутствуемъ при его агоніи. Самыя усадьбы его сжигаются, при полномъ равнодушіи государственной власти, чтобы не оставалось по немъ даже и вещественныхъ памятниковъ. Какъ и можно было ожидать, искусственное и преждевременное уничтоженіе высшаго культурнаго сословія не принесло добра Россіи и гибель ея является теперь, для болѣе проницательныхъ умовъ, весьма сбыточною возможностью. Сметено создавшее Россію и любившее ее, какъ свое дѣтище, помѣстное дворянство — и сама Россія быстро покатилась въ пропасть... Евреи и инородцы всѣми мѣрами содѣйствуютъ ея крушенію, а потомки разореннаго и обезземеленнаго дворянства подъ модными кличками „кадетовъ", эсдековъ и т. д. — дружною толпою пополняютъ ряды еврейскихъ наемниковъ, къ вящей славѣ Израиля.

Семь портретовъ, помѣщаемыхъ въ третьемъ томѣ, сняты: Андрея Яковлевича въ парадной сенаторской формѣ и Владимира Андреевича въ формѣ камеръ-юнкера Высочайшаго двора—съ оригиналовъ масляными красками, Елисаветы Петровны Дараганъ, по мужу Веревкиной,—съ оригинала масляными красками работы знаменитаго художника Нефа, Франческо Далл'онгаро—съ карандашнаго эскиза, Н. И. Ушакова, М. Н. Краснокутскаго и Д. И. Дарагана (автора „Записокъ", отрывокъ изъ которыхъ напечатанъ въ т. II на стр. 677—696)—съ кабинетныхъ фотографическихъ карточекъ; группы: сестеръ Дараганъ и Полтавскаго крестьянскаго комитета 1859 года, въ которомъ принималъ участіе Н. И. Ушаковъ,—воспроизведены также съ фотографическихъ снимковъ.

А. С.

26 іюня 1907 года.

Документы, относящіеся къ Стефану Григорьевичу Стороженку, сотнику Яблоновскому.

(1742—1754) *).

(Музей Скаржинской, Отдѣлъ рукописей, № 1018).

1.

Пред нами врядом городовим Яблуновским Діонісіемъ атаманомъ Зѣнченкомъ Іваномъ Коломиченкомъ воитомъ при битности людей честнихъ Михаилу Филоненку Івану Чорному и иnихъ чесnихъ людей згодившися ставши Дмитриха Маря з синами своими Лескомъ и Якимомъ жителка Яблуновская сознала свою доброволную продажу, поведаючи: пане вряде, продала я свою власную луку нѣ в чомъ не пенную и не заведенную цѣною копъ за десять ровно Іеремѣю Чеберяку жителю Яблуновскому стоячую надъ рекою Сухою Оржицею промѣжъ гай Дащиной Лунки, а з другой стороны по окопъ по дорогу и по закопъ і на могилкахъ Филиповъ старого покоинаго не с примусу чіего, лечъ з своеи доброи воли, отдаляючи отъ оной сама себе и дѣтей своихъ и кревнихъ ближнихъ і далекихъ, аби жадною мѣрою нѣхто з насъ не важився у тенну луку интересоватися или откуповати, а Еремѣю якъ хотя владѣти, ставши жъ и Еремѣй Чеберякъ обявлял свою куплю повѣдеючи: пане вряде, ижъ купилемъ луку вшириченную в Мари Дмитрихи за цѣну певную копъ за десять во свое владѣніе а стоячая помѣжъ вишеписанніхъ урочищахъ от гай Дащіной по грушку, а з другой сторони по окопъ покойнаго Филипа з прилеглимъ к неи нивямъ, которіе орувал господаръ еіи Дмитро, и просили насъ вряду обѣ стороны видат(ь) ради вѣроятия и твердости писанія свѣдителствованного, пре то ми вряд, вислухавши обоихъ сторонъ обявленіе видячи доброволную продажу и куплю ихъ, видалемъ сіе писаніе потребуючои сторони для крѣпости и памяти кому о томъ впредь над-

---

*) За сообщеніе этихъ документовъ приносимъ благодарность С. Д. Щербаку. Яблоново—нынѣ село Лубенскаго уѣзда Полтавской губ.

длежатиметъ з притисненiемъ нашои печати мѣскои Яблуновскои за попiсанiемъ рукъ нашихъ року и дня вышеписанного. Дѣялося сiе при могоречникахъ Iвану Чорному и Михаилу Филоненку Гараску Гадашу, а хто зволитъ купит(ь) у Яреми золотихъ сто повиненъ дати а сiе писал Васил Михавинъ писар Яблу(но)вски (м. п.).

[Печать восковая (сохранился только осколокъ)].

1742 году Марта 20 д. козакъ и житель города Яблунова Ярема Чеберякъ сiю купчую в сотенное Яблуновское правленiе принесши обявилъ намъ нижеподписавшимся, яко онъ написанную въ той купчой луку купленную нимъ в Марiи Дмитрихи его милости пану Стефану Стороженку сотнику Яблуновскому без всякого примусу доброволне подаровал и сiю купчую ему жъ пану сотнику отдалъ, якую купчую мы въ сотенномъ Яблуновскомъ правленiи вислушавши его Чеберяка доброволную даровизну принявши в книгу записат(ь) велѣли, а записавши оную пометивши своими руками закрепивъ и сотенную печать приложивъ пану сотнику з сотенного правленiя вышеписанного году и мѣсяця отдали. Атаманъ городовий Яблуновскiй Омелян Остаповъ. Сотенной писаръ Iванъ Ковалевскiй (мѣсто печати).

2.

Тисяча сѣмъ сотъ пятдесятъ второго году марта 2 дня. Я нижей именований козакъ сотнѣ Яблуновской житель села Золотухъ Грицко Норка чиню симъ моимъ доброволнимъ купчимъ записомъ кому би о семъ впредъ потомние часи потреба укажетъ вѣдати, ижъ я за согласiемъ жени и дѣтей своихъ, такожъ кревних близких и далеких без всякаго примусу и подступления стоящую въ селѣ Денисовцѣ мою хату мазку з дворомъ и принадлежащимъ к оной хатѣ огородомъ, прозиваемое Кожушковщину, якое ни кому ни въ чемъ не пенное и не заведенное, помѣжники же оному дворику з едной сторони козакъ Денисовский Лукянъ Ющенко, а з другой посполитий Федоръ Самоиленко набутой мною по куплѣ от козака сотнѣ второй полковой Лубенской жителя деревнѣ Пятигорецъ Дениса Ивахненка, на которомъ грунтѣ яко мнѣ жить за изшествиемъ моимъ на прежнее мое жиле до братовъ в село Золотухи не по способности, продалъ сотниковѣ Яблуновскому его благородию господину Стефану Стороженку ценою за два рубли пятдесят копеекъ якие денги я сполна принявши от оного грунта с хатою себе, жену, дѣтей и всѣхъ кревних близких и далеких моихъ отдаляя за оний грунтъ с хатою мною проданной якъ я, такъ

и наслѣдники мои откладать денегъ неповинни, но волно его благородию господину сотнику Стороженку и наслѣдникамъ его тѣмъ мною проданнимъ дворикомъ плецомъ з хатою вѣчне без всякаго препятсвия владѣть чего для сей купчий записъ от мене его благородію господину сотнику Стороженку при подписѣ имени моего року мѣсяца и числа вишеписанних дан козакъ сотнѣ Яблуновскои села Золотухъ Грицко Норка, а вмѣсто его неграмотного по его прошенію Михайло Василиевъ руку приложилъ.

Тисяча семъ сотъ пятдесятъ второго году марта третого дни сій вишпрописанной купчій записъ отъ козака сотнѣ Яблуновской жителя Золотуского Грицка Норки на проданную нимъ благородному господину сотнику Яблуновскому Стефану Стороженку в селѣ Денисовцѣ хату мазку з двором и принадлежащей к оной хатѣ огородомъ данной оному господину сотнику Стороженку на врядѣ Яблуновскомъ от обоихъ сторонъ благородного господина сотника Яблуновскаго Стороженка и козака Грицка Норки очевистно ставши предъ нами нижей подписавшимися старшиною былъ обявленъ для конфѣрмаціи купчіѣ онои у книги врядовіе: мы пре то присидящая на врядѣ Яблуновскомъ старшина, принявъ сей купчой запись за правилной, велѣлисмо оной въ книги мѣскіе врадовіе Яблуновскіе записати, якой и записанъ, а сію конфѣрмацію на владѣніе господину сотнику Стороженку на куплю хати з дворомъ и огородомъ за руками врядовихъ и печатію Яблуновскою видали року и дня вишшеписаннихъ. Сотникъ наказній Яблуновскій Демянъ Степановъ. Атаманъ Петро Преворскинъ. Писаръ сотенной Яблуновской Андрей Думѣнскій.

3.

Тисяча семъсотъ пятьдесятъ второго году мѣсяця ноября 20 дня.

Я нижеподписавшійся чиню симъ моимъ доброволнимъ кому потреба впредь укажетъ вѣдать писаніемъ, ижъ имѣю я сотнѣ Яблуновской в состоящомъ села Денисовки полѣ надъ рѣчкою Чевелчею стѣнку лѣсную з сѣнокосною лукою, в якой три части: една моя, другая отъ братовой моей Агрипини Игнатовой Колодяжной, третая же от брата моего Ѳоми Колодяжного козаковъ села Денисовки по куплѣ мнѣ доставшіеся, которой с полу всѣх трохъ частей луки помѣжники от села Денисовки козака Денисовского Ѳедора Голоти стѣнка з лучкою, а от гори рѣчки Чевелчи окопъ положенъ отъ луки помѣжной сотника Ивана Огроновича, нѣ кому не в чемъ не пенную, но власную мою

без всякого примусу и подступленія з доброй моей волѣ за обявленіемъ вишписаннимъ племѣнникамъ моимъ Роману и Данилу Колодяжнимъ, которіе не пожелали откупить, и другимъ покревнимъ близкимъ и далекимъ моимъ з согласія дѣтей моихъ продалъ господину сотнику Яблуновскому Стефану Стороженку за певную суму денегъ готових кладучи совито сорокъ рублей кобилу в шести, а корову с телямъ в четирох рублех, да кадку горѣлки, что уже я усе от оного господина сотника руками своими отобравши, вѣчне от оной стѣнки з лукою себе и всѣхъ моихъ наслѣдниковъ отдаляю, ему же господину сотнику з его наслѣдники оною проданною мною стѣнкою з лукою, якъ хотя владѣя нѣ от кого и малѣйшого препяствія не узнавая, користоватися свободно да будетъ, и для того сіе мое купчое писмо з даннимъ мнѣ отъ вишписанной братовой моей з еи синами Колодяжной и брата моего Ѳоми Колодяжного купчихъ записовъ (якіе прошалъ на урядѣ сотенномъ Яблоновскомъ конфѣрмовать) ему господину сотнику з его наслѣдниками на свободное и вѣчное тоею стѣнкою з лукою владѣніе при подписаніи имени и прозванія моего ниже мною упрошеннимъ вишписанного году мѣсяця и числа далъ; козакъ сотнѣ Яблуновской житель села Денисовки Семенъ Колодяжный к сему купчому писму подписался, вмѣсто же его неграмотного по его прошенію оной же сотнѣ Яблуновской Іосифъ Денисовъ руку приложилъ.

1752 году мѣсяця ноября 20 д.

Перед нами врядомъ сотенимъ Яблуновскимъ вишпрописанная купчая от его Благородія сотника Яблуновского господина Стефана Стороженка и козака сотнѣ Яблуновской жителя Денисовскаго Семена Колодяжного била презентована якую мы врядъ сотеній Яблуновскій припявши за слушной и на прошеніе предъ речоних сторонъ приказалы оную до книги сотеной Яблуновской записати, якоя и записана, а с книги сію врядовую конфѣрмацію (его Благородію господину Стефану Стороженку и его наслѣдникамъ на безпрепятственое купленою стѣнкою з лучкою владѣніе) за руками старшинскими и печатію сотеною Яблуновскою видати, якая року и дня вышписанихъ і видана. Атаманъ сотенной Яблуновскій Омелянъ Остаповъ. Писаръ сотенній Авдрей Думѣнскій.

4.

Тисяча сѣмъ сотъ пятьдесятъ третого году сентября девятого дна.

Ми нижей подписавшіеся во всякого суда и права и кому би о семъ вѣдати подлежало чрезъ сіе наше писаніе обявляемъ, іжъ мы

собственое своe отческое козачое поле лежащое в кутѣ надъ лучкою Голотиною и Чевелчею дней на десять пахотное, которое з доброи своеи волѣ за согласіемъ женъ и дѣтей нашихъ господину сотнику Яблуновскому Стефану Стороженку продали за цену рублей шесть, а оному полю помѣжники: от степу козакъ Денисовскій Опанасъ Ткаченко и сотникъ Ковалѣвскій (мѣсто пропущено), да козакъ Денисовскій Михаило Кияшка, и онимъ полемъ господинъ сотникъ Яблуновскій панъ и наслѣдники его отселѣ (понеже ми за оное показаніе денги отобрали) имѣютъ зуполную власть какъ хотя владѣть, даровать(ь), продат(ь), замѣнят(ь) и к наилучшему своему пожитку оборочать, ми же себе женъ и дѣтей нашихъ близких и далеких кревнихъ от того поля вѣчне отдаляемъ и не повинни мы жены и дѣти наши такожъ близкіе и далекіе кревніе за тое поле денегъ откладаты под виною двадцати рублеи денегъ до сотенной Яблуновской канцеляріи штрафу заплатиты нежели б моглъ его господина сотника Яблуновского или наслѣдниковъ его за тое поле турбовати, то мы во всякого суда за то отвѣтствовать должны чего ради на спокойное ему господину сотнику Яблуновскому тѣмъ полемъ владѣніе сіе купчое писмо року и дня вишъ писанихъ видали в Яблуневѣ козаки сотнѣ Яблуновской жителѣ Денисовскіе Карпъ и Яковъ Гапоненки, а вмѣсто ихъ неграмотнихъ по ихъ прошенію писалъ сіе купчое писмо а на ономъ подписался козакъ сотнѣ Чорнуской Іванъ Левенецъ. Тисяча сѣмсотъ пятдесятъ третого году мѣсяца сентября 11 дня. Перед нами врядом сотеннимъ Яблуновскимъ его благородіе сотникъ Яблуновскій господинъ Стефанъ Стороженко да козаки сотнѣ Яблуновской жителѣ Денисовскіе Карпъ и Яковъ Гапоненки ставши просили насъ вряду вишъ прописанную купчую конфѣрмовать и в книгу сотенную Яблуновскую записати; и ми врядъ сотенній Яблуновскій сію купчую принявши за правилную приказали до книги сотенной Яблуновской слово до слова вписати, якая и вписана, а съ книги сію врадовую конфѣрмацію (его благородію господину сотнику Яблуновскому Стефану Стороженку и его наследникамъ на безпрепятственное купленнимъ полемъ владѣніе) за руками старшинскими и печатію сотенною Яблуновскою видати, якая року и дня вишписанних и виданна. Атаманъ сотенной Яблуновскій Омелянъ Остаповъ Писаръ Сотенній Яблуновскій Андрѣй Думѣнскій. Хорунжій Сотенній Матвѣй Арсеневъ (печать сотнѣ Яблуновской).

длежатиметъ з притисненіемъ нашои печати мѣскои Яблуновскои за попісаніемъ рукъ нашихъ року и дня вышеписанного. Дѣялося сіе при могоречникахъ Івану Чорному и Михаилу Филоненку Гараску Гадашу, а хто зволитъ купит(ь) у Яреми золотихъ сто повиненъ дати а сіе писал Васил Михавинъ писар Яблу(но)вски (м. п.).

[Печать восковая (сохранился только осколокъ)].

1742 году Марта 20 д. козакъ и житель города Яблунова Ярема Чеберякъ сію купчую в сотенное Яблуновское правленіе принесши обявилъ намъ нижеподписавшимся, яко онъ написанную въ той купчой луку купленную нимъ в Маріи Дмитрихи его милости пану Стефану Стороженку сотнику Яблуновскому без всякого примусу доброволне подаровал и сію купчую ему жъ пану сотнику отдалъ, якую купчую мы въ сотенномъ Яблуновскомъ правленіи вислушавши его Чеберяка доброволную даровизну принявши в книгу записат(ь) велѣли, а записавши опую пометивши своими руками закрепивъ и сотенную печать приложивъ пану сотнику з сотенного правленія вышеписанного году и мѣсяця отдали. Атаманъ городовий Яблуновскій Омелян Остаповъ. Сотенной писаръ Іванъ Ковалевскій (мѣсто печати).

2.

Тисяча сѣмъ сотъ пятдесятъ второго году марта 2 дня. Я нижей именований козакъ сотнѣ Яблуновской житель села Золотухъ Грицко Норка чиню симъ моимъ доброволнимъ купчимъ записомъ кому би о семъ впредъ потомние часи потреба укажетъ вѣдати, ижъ я за согласіемъ жени и дѣтей своихъ, такожъ кревних близких и далеких без всякаго примусу и подступления стоящую въ селѣ Денисовцѣ мою хату мазку з дворомъ и принадлежащимъ к оной хатѣ огородомъ, прозиваемое Кожушковщину, якое ни кому ни въ чемъ не пенное и не заведенное, помѣжники же оному дворику з едной сторони козакъ Денисовский Лукянъ Ющенко, а з другой посполитий Федоръ Самоиленко набутой мною по куплѣ от козака сотнѣ второй полковой Лубенской жителя деревнѣ Пятигорецъ Дениса Ивахненка, на которомъ грунтѣ яко мнѣ жить за изшествиемъ моимъ на прежнее мое жиле до братовъ в село Золотухи не по способности, продалъ сотниковѣ Яблуновскому его благородию господину Стефану Стороженку ценою за два рубли пятдесят копеекъ якие денги я сполна принявши от оного грунта с хатою себе, жену, дѣтей и всѣхъ кревних близких и далеких моихъ отдаляя за оний грунтъ с хатою мною проданной якъ я, такъ

и наслѣдники мои откладать денегъ неповинни, но волно его благородію господину сотнику Стороженку и наслѣдникамъ его тѣмъ мною проданнимъ дворикомъ плецомъ з хатою вѣчне без всякаго препятсвия владѣть чего для сей купчий записъ от мене его благородію господину сотнику Стороженку при подписѣ имени моего року мѣсяца и числа вишеписанних дан козакъ сотнѣ Яблуновскои села Золотухъ Грицко Норка, а вмѣсто его неграмотного по его прошенію Михайло Василиевъ руку приложилъ.

Тисяча семъ сотъ пятдесятъ второго году марта третого дни сій вишпрописанной купчій записъ отъ козака сотнѣ Яблуновской жителя Золотуского Грицка Норки на проданную нимъ благородному господину сотнику Яблуновскому Стефану Стороженку в селѣ Денисовцѣ хату мазку з дворомъ и принадлежащей к оной хатѣ огородомъ данной оному господину сотнику Стороженку на врядѣ Яблуновскомъ от обоихъ сторонъ благородного господина сотника Яблуновскаго Стороженка и козака Грицка Норки очевисто ставши предъ нами нижей подписавшимися старшиною былъ обявленъ для конфѣрмаціи купчіѣ онои у книги врядовіе: мы пре то присидящая на врядѣ Яблуновскомъ старшина, принявъ сей купчой запись за правилной, велѣлисмо оной въ книги мѣскіе врадовіе Яблуновскіе записати, якой и записанъ, а сію конфѣрмацію на владѣніе господину сотнику Стороженку на куплю хати з дворомъ и огородомъ за руками врядовихъ и печатію Яблуновскою видали року и дня вишшеписаннихъ. Сотникъ наказній Яблуновскій Демянъ Степановъ. Атаманъ Петро Преворскинъ. Писаръ сотенной Яблуновской Андрей Думѣнскій.

3.

Тисяча семъсотъ пятьдесятъ второго году мѣсяця ноября 20 дня.

Я нижеподписавшійся чиню симъ моимъ доброволнимъ кому потреба впредь укажетъ вѣдать писаніемъ, ижъ имѣю я сотнѣ Яблуновской в состоящомъ села Денисовки полѣ надъ рѣчкою Чевелчею стѣнку лѣсную з сѣнокосною лукою, в якой три части: една моя, другая отъ братовой моей Агрипини Игнатовой Колодяжной, третая же от брата моего Ѳоми Колодяжного козаковъ села Денисовки по куплѣ мнѣ доставшіеся, которой с полу всѣх трохъ частей луки помѣжники от села Денисовки козака Денисовского Ѳедора Голоти стѣнка з лучкою, а от гори рѣчки Чевелчи окопъ положенъ отъ луки помѣжной сотника Ивана Огроновича, нѣ кому не в чемъ не пенную, но власную мою

без всякого примусу и подступленія з доброй моей волѣ за обявленіемъ вишписаннимъ племѣнникамъ моимъ Роману и Данилу Колодяжнимъ, которіе не пожелали откупить, и другимъ покревнимъ близкимъ и далекимъ моимъ з согласія дѣтей моихъ продалъ господину сотнику Яблуновскому Стефану Стороженку за певную суму денегъ готових кладучи совито сорокъ рублей кобилу в шести, а корову с телямъ в четирох рублех, да кадку горѣлки, что уже я усе от оного господина сотника руками своими отобравши, вѣчне от оной стѣнки з лукою себе и всѣхъ моихъ наслѣдниковъ отдаляю, ему же господину сотнику з его наслѣдники оною проданною мною стѣнкою з лукою, якъ хотя владѣя нѣ от кого и малѣйшого препятствія не узнавая, користоватися свободно да будетъ, и для того сіе мое купчое писмо з даннимъ мнѣ отъ вишписанной братовой моей з еи синами Колодяжной и брата моего Ѳоми Колодяжного купчихъ записовъ (якіе прошалъ на урядѣ сотенномъ Яблоновскомъ конфѣрмовать) ему господину сотнику з его наслѣдниками на свободное и вѣчное тоею стѣнкою з лукою владѣніе при подписаніи имени и прозванія моего ниже мною упрошеннимъ вишписанного году мѣсяця и числа далъ; козакъ сотнѣ Яблуновской житель села Денисовки Семенъ Колодяжный к сему купчому писму подписался, вмѣсто же его неграмотного по его прошенію оной же сотнѣ Яблуновской Іосифъ Денисовъ руку приложилъ.

1752 году мѣсяця ноября 20 д.

Перед нами врядомъ сотенимъ Яблуновскимъ вишпрописанная купчая от его Благородія сотника Яблуновского господина Стефана Стороженка и козака сотнѣ Яблуновской жителя Денисовскаго Семена Колодяжного била презентована якую мы врядъ сотеній Яблуновскій принявши за слушной и на прошеніе предъ речоних сторонъ приказалы оную до книги сотеной Яблуновской записати, якоя и записана, а с книги сію врядовую конфѣрмацію (его Благородію господину Стефану Стороженку и его наслѣдникамъ на безпрепятственое купленою стѣнкою з лучкою владѣніе) за руками старшинскими и печатію сотеною Яблуновскою видати, якая року и дня вышписанихъ і видана. Атаманъ сотенной Яблуновскій Омелянъ Остаповъ. Писаръ сотеній Андрей Думѣнскій.

4.

Тисяча сѣмъ сотъ пятьдесятъ третого году сентября девятого дна.

Ми нижей подписавшіеся во всякого суда и права и кому би о семъ вѣдати подлежало чрезъ сіе наше писаніе обявляемъ, іжъ мы

собственое своe отческое козачое поле лежащое в кутѣ надъ лучкою Голотиною и Чевелчею дней на десять пахотное, которое з доброи своеи волѣ за согласіемъ женъ и дѣтей нашихъ господину сотнику Яблуновскому Стефану Стороженку продали за цену рублей шесть, а оному полю помѣжники: от степу козакъ Денисовскій Опанасъ Ткаченко и сотникъ Ковалѣвскій (мѣсто пропущено), да козакъ Денисовскій Михаило Кияшка, и онимъ полемъ господинъ сотникъ Яблуновскій панъ и наслѣдники его отселѣ (понеже ми за оное показаніе денги отобрали) имѣють зуполную власть какъ хотя владѣть, дароват(ь), продат(ь), замѣнят(ь) и к наилучшему своему пожитку оборочать, ми же себе женъ и дѣтей нашихъ близких и далеких кревнихъ от того поля вѣчне отдаляемъ и не повинни мы жены и дѣти наши такожъ близкіе и далекіе кревніе за тое поле денегъ откладаты под виною двадцати рублей денегъ до сотенной Яблуновской канцеляріи штрафу заплатиты нежели б моглъ его господина сотника Яблуновского или наслѣдниковъ его за тое поле турбовати, то мы во всякого суда за то отвѣтствовать должны чего ради на спокойное ему господину сотнику Яблуновскому тѣмъ полемъ владѣніе сіе купчое писмо року и дня вишъ писанихъ видали в Яблуневѣ козаки сотнѣ Яблуновской жителѣ Денисовскіе Карпъ и Яковъ Гапоненки, а вмѣсто ихъ неграмотнихъ по ихъ прошенію писалъ сіе купчое писмо а на ономъ подписался козакъ сотнѣ Чорнуской Іванъ Левенецъ. Тисяча сѣмсотъ пятдесятъ третого году мѣсяца сентября 11 дня. Перед нами врядом сотеннимъ Яблуновскимъ его благородіе сотникъ Яблуновскій господинъ Стефанъ Стороженко да козаки сотнѣ Яблуновской жителѣ Денисовскіе Карпъ и Яковъ Гапоненки ставши просили насъ вряду вишъ прописанную купчую конфѣрмовать и в книгу сотенную Яблуновскую записати; и ми врядъ сотенній Яблуновскій сію купчую принявши за правилную приказали до книги сотенной Яблуновской слово до слова вписати, якая и вписана, а съ книги сію врадовую конфѣрмацію (его благородію господину сотнику Яблуновскому Стефану Стороженку и его наследникамъ на безпрепятственное купленнимъ полемъ владѣніе) за руками старшинскими и печатію сотенною Яблуновскою видати, якая року и дня вишписанних и виданна. Атаманъ сотенной Яблуновскій Омелянъ Остаповъ Писаръ Сотенній Яблуновскій Андрѣй Думѣнскій. Хорунжій Сотенній Матвѣй Арсеневъ (печать сотнѣ Яблуновской).

5.

Тисяча сѣмъ сотъ пятдесят четвертого году мѣсяця августа тридцятого дня.

Ми ниже подписавшіеся симъ нашимъ доброволнимъ купчимъ записомъ кому о семъ нынѣ и в потомніе часи подлежитъ вѣдать чинимъ вѣдомо въ томъ, что дѣдовскую и отцевскую луку з ровчакомъ мною Федоромъ Голотою вирѣзаннимъ на Чевелчѣ чему будетъ болѣе сорока лѣтъ за Левченковою от села Денисовкы за верству на означенной Чевелчѣ з согласія жены, а нашеи маткы и кревнихъ своихъ, нѣ кому нѣ въ чемъ не пенную и в продажу не заведенную, его високоблагородію сотнику Яблуновскому господину Стефану Стороженку продалы за цену доброй монеты двадцатъ рублей ровно, к коимъ денгамъ в додатокъ корову и два четверика жита якіе денгы, корову и жито вышеписанного числа своими рукамы и принялы, около коеи же лукы з одного боку в горѣ его господина сотника лука, а другого Романченкова лука притягла, от которои лукы себе жены и дѣтей такожъ и всѣхъ родственниковъ своихъ близкихъ и далекихъ отдаляя, ему господину сотнику и наслѣдникамъ его на вѣчное и спокойное владѣніе вступаемъ, якою лукою з ровчакомъ мною Федоромъ здѣланнимъ, какъ выше значится, и до сего владѣемимъ, не узнаючы нѣ от кого и малѣйшого препятствія и спору, онъ господинъ сотникъ и наслѣдникы его спокойно владѣть и какъ хотя яко своимъ власнимъ користоватся и в замѣну отдать силны, а буди б кто къ оной лукѣ илы к ровчаку з наслѣдниковъ или родственниковъ нашихъ турбацію на его господина сотника или его наслѣдниковъ наноситъ без справкы преступая сіе наше доброволное купчое писмо вщалъ, то на вщинателя сто рублевой штрафъ заплатитъ полагаемъ, въ чомъ для лутшои твердости и спокойнѣйшаго ему господину сотнику и наслѣдникамъ его владѣнія сія купчая за подписомъ упрошеннимъ намы именъ и прозваніи саморучно хресты прилагая стверждаемъ и оную гдѣ онъ господинъ сотникъ пожелаетъ на урадѣ конфѣрмовать дозволяемъ году мѣсяця и числа вишеписаннихъ, къ сей купчей козаки Денисовские Федор Голота × Кондрат і Данило Голотенки + +, а вмѣсто их неграмотних по их прошенію дякъ Денисовскій Зѣновій Василиевъ во свидѣтелство подписался; сей продажѣ и куплѣ будучи свѣдомъ и во свидѣтелство козакъ сотнѣ Яблуновской житель городовій Яблуновскій Іосифъ Діонисіевъ при своей печати подписался (печать); сей продажѣ и куплѣ будучи свѣдомъ и во свѣдителство козакъ сотнѣ Пирятинской житель городовій Пирятинскій Петро Шевченко при своей печати под-

писался (м. п.); сей продажѣ и куплѣ будучи свѣдомъ и во свѣдытелство козакъ городовій Яблуновскій Михаило Свириденко при печати подписался (печать).

Актъ о продажѣ недвижимаго имѣнія въ г. Лубнахъ Николаемъ Михайловичемъ Стороженкомъ Роману Дмитріевичу Крыловскому.

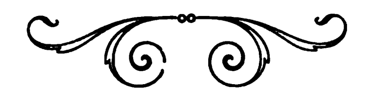
Тысяча сѣмъ сотъ девять десятъ девятого года мѣсяця Іюня 2-го дня.

Я нижеподписавшійся Черниговского повѣта маршалъ Николай Михаиловъ сынъ Стороженко объявляю всякому суду и праву и всѣмъ кому бы о семъ вѣдать надлежало, что имѣю я въ спокойномъ владѣніи моемъ Малороссійской губерніи въ городѣ Лубнахъ доставшееся мнѣ по куплѣ отъ господина генералъ-маіора Михаила Андреевича Милорадовича недвижимое имѣніе: а именно крестьянъ малороссійскихъ по ревизіи 1795 года записанныхъ за отцомъ оного генералъ-маіора Михайлы Милорадовича умершимъ генералъ-порутчикомъ и кавалеромъ Андреемъ Степановычемъ Милорадовичемъ удову Катерину Степанову дочь Хруленкову и Якова Алексѣева сына Недоборенка съ ихъ обоего пола семействами: всего мужеска пола сѣмъ, а женска четыре души съ движимымъ и недвижимымъ имуществомъ, изъ коего при городѣ Лубнахъ на предмѣстіи дворъ съ хатою и другимъ строеніемъ съ огородомъ и садомъ, въ коемъ квадратной мѣры одна десятина пять сотъ тридцять съ половиною саженей, а чрезъ улицу въ окопѣ большая левада съ садомъ разнаго фруктоваго и протчаго лѣсного дерева рощею и сѣнокосомъ, въ коей пять десятин тысяча триста сорокъ два с половиною саженей, а внутрѣ города два плеца пустые бывшіе подъ шинковымъ и торговыхъ лавокъ строеніемъ, въ коихъ квадратныхъ девятнадцять саженей, да въ близости города въ округѣ онаго поля пахотного четыре нивы, въ коихъ шесть десятинъ двѣ тысячи сто шестьдесятъ сѣмъ и три четверти саженей, а всего во всѣхъ тѣхъ земляхъ тридцять десятинъ тысяча шесть сотъ сорокъ два и три четверти квадратныхъ саженей; оное все вышеписанное съ людьми имѣніе продалъ я господину маіору Роману Димитріевичу Крыловскому и наслѣдникамъ его въ родъ безъповоротно

за сумму Россійской ходячей монеты пять сотъ рублей, которые деньги я отъ него всѣ сполна получа вливаю симъ право ему господину Крыловскому владѣть всѣми вышеписанными мною проданными съ людьми двыжимыми и недвыжимыми имѣніи вѣчно и потомственно по всей его волѣ дать продать даровать и какъ хотя на его пользу обращать, а я себя и наслѣдниковъ моихъ отъ того съ людьми проданного имѣнія вовся отдаляю и на случай естли бы паче чаянія могли от кого либо на то имѣніе произойти споры и претенціи, то я и по мнѣ наслѣдники повынны защищать сторону его господина Крыловского; сіе же съ людьми имѣніе до сего никому не продано не заложено и никому ни по какимъ здѣлкамъ и крѣпостямъ не отписано въ твердость чего и сей купчій записъ за подписаніемъ рукъ моей и свидѣтельскихъ при печатехъ данъ ему господину Крыловскому въ Черниговѣ времени вышеписанного. Къ сему купчему запису въ томъ что значащееся по оному недвижимое съ людьми мое имѣніе продалъ я господину маіору Роману Дмитріевичу Крыловскому и за оное денегъ пять сотъ рублей отъ его сполна получилъ своеручно при печати моей подписался маршалъ повѣта Черниговского Николай Михайловъ сынъ Стороженко. При даче сего купчого записа были и по персоналному продавца его высокородія господина повѣта Черниговского маршала Николая Михаиловича Стороженка прошенію во свидѣтельство при печатехъ своихъ подписались Черниговского повѣта хорунжій Степанъ Матвѣевъ сынъ Домонтовичъ (м. п.). Титулярный Совѣтникъ Василій Трипольскій (м. п.). Титулярный Совѣтникъ Михайло Тишкевичъ (м. п.). 1799 года июня 28 д. въ судѣ земскомъ повѣта Черниговского сей купчій записъ въ сходство правъ малороссійскихъ книги статутъ роздѣла 7-го артикуловъ 1-го и 2-го и опредѣленія сего суда въ книги земскихъ крѣпостей отъ слова до слова подъ № 12 вписанъ и въ сторону пріобрѣтателя господина маіора Романа Дмитріевича Криловского съ правнымъ выписомъ для перенесенія положенія пр(і)обрѣтенного имѣнія въ земскій повѣтовый Лубенскій судъ поручается. Земскій писаръ Гаврило Красовскій.

1799 года июля 18-го дня сей купчій записъ повѣренного господина маіора Романа Криловского дворяниномъ Тимофѣемъ Гмирою при прошеніи въ повѣтовый земскій Лубенскій судъ былъ представливанъ, и какъ съ оного оказалось, что оной за личнимъ от продавца господина маршала Стороженка въ повѣтовой земскій Чернѣговской судъ представлениемъ в крѣпостніе того суда книги вписанъ и возвращенъ покупщику Криловскому со взысканіемъ подлѣжащихъ въ казну пошлинныхъ денегъ, с оного жъ записа значитъ, что купленное маіоромъ

Криловскимъ имѣніе состоитъ положеніемъ здѣшняго повѣта въ городѣ Лубнахъ и в околичности оного для того опредѣленія повѣтового земского Лубенского суда оной записъ по положенію проданного имѣнія в повѣтѣ Лубенскомъ в сходство права статутового роздѣла 7-го артикуловъ 1-го и 2-го вписанъ точностію в крѣпостную сего суда книгу и возвращенъ в сторону покупщика Криловскаго съ сею надписью свидѣтельствующей представленіе оного в сей судъ за печатьми Земского Судьи Андрея Запорожского и подсудковъ Ивана Ковалевского и Лаврентія Васенка съ подписомъ земского писара (п) (п) (п) Земскій писаръ Федоръ Шкляревскій. Регистраторъ Иванъ Левѣшковъ.



Письма разныхъ лицъ къ Андрею Яковлевичу Стороженку.

I. М. Бодянскій.

1.

Привѣтствую Васъ искренно, почтеннѣйшій землякъ Осипъ Максимовичъ. „Москвитянинъ“ доставлялъ мнѣ столько удовольствія, что на текущій годъ состою въ числѣ подписчиковъ на него съ мыслію быть таковымъ и на слѣдующіе за тѣмъ годы, доколѣ не изсякнутъ источники дѣльнаго въ трудахъ издателей его.

Въ журналѣ этомъ, противъ котораго въ другихъ періодическихъ изданіяхъ нашихъ есть столько выходокъ (gadaniny, какъ говорятъ поляки), витаетъ духъ современной пытливости и видно прямое желаніе дѣлиться съ читателями свѣдѣніями полезными безъ всякихъ заднихъ мыслей, или продѣлокъ, облекаемыхъ въ формы иностранныхъ фельетоновъ, подобныхъ пускаемымъ дѣтьми бумажнымъ змѣямъ съ трещотками.

Хотѣлъ было послать Вамъ, любезный землякъ, недавно описанный мною эпизодъ изъ исторіи нашей, но оставилъ это до свиданья, ограничиваясь на этотъ разъ слѣдующею краткою выпискою изъ цѣлаго: ...... [1]).

Сдѣлайте дружеское одолженіе, напишите мнѣ: какъ Вы думаете о прописанномъ?

Во время диктованія этого письма мнѣ принесли „Pamiętniki o wojnach kozackich za Chmielnickiego przez nieznajomego autora“, кото-

---

[1]) Въ черновомъ отпускѣ этого письма, съ котораго оно здѣсь печатается, выписки не сдѣлано.

рые отправляю къ Вамъ, даже не заглянувши въ нихъ. Выписываю сегодня же другой экземпляръ для моего прочтенія, а Вы скажить, буде Ваша ласка, мени—чи правду, чи брехню задавъ ляхъ, выдавець памьятныкивъ?

Прошлаго лѣта, можно сказать, по привычкѣ уже, я былъ въ Карлсбадѣ и на возвратномъ пути чрезъ Прагу видѣлъ всѣхъ добрыхъ моихъ пріятелей, тружениковъ на Славянской нивѣ. Шафарикъ очень ослабѣлъ; Чехи не будутъ имѣть ему подобнаго въ дѣятельности, хотя она и нѣмецкая. Мнѣ кажется, что гораздо болѣе обѣщаютъ непочатые Сербы и Болгары на поприщѣ возникающей письменности ихъ, нежели вышедшіе, хотя бы и докторами философіи, изъ школъ нѣмецкихъ. Въ Сербіи, какъ мнѣ пишутъ оттуда, на три выходящія тамъ періодическія изданія число подписчиковъ каждый годъ удваивается. Слава тебѣ Боже!

Не забувайте-жъ щыро Васъ шанующаго земляка та бувайте здоровеньки.

А. Стороженко.

Варшава $\frac{\text{20 генваря}}{\text{1 февраля}}$ 1844 г.

2.

Ваше Превосходительство, Милостивый Государь, Андрей Яковлевичъ! Письмо Вашего Превосходительства отъ 20-го января, посланное, Богъ вѣсть съ кѣмъ, получено мною тоже, Богъ вѣсть когда, то есть только мѣсяцъ съ небольшимъ тому назадъ. Гдѣ, съ кѣмъ и зачѣмъ такъ долго пропадало оно, а равно и кто этотъ, доставившій мнѣ его, остается по сю пору для меня тайною. Какъ бы то ни было, но я счелъ нужнымъ оговориться объ этомъ предъ Вами, щобъ Вы не подумалы чого, бороны Боже, негарного о своимъ земляци, котрый такъ дуже и багацько кохае и шануе, якъ сынъ батька, Васъ, ясневельможный и добрый пане!

Пріймите мою искреннюю душевную благодарность за память Вашу обо мнѣ, и тѣ истинно прекрасныя мысли, которыя угодно было Вамъ переслать мнѣ о предметѣ столько близкомъ каждому изъ сыновъ Руси. Я ничего не могу возразить Вамъ тутъ, даже сдѣлать малѣйшей придирки, къ которой, однако же, чувствую себя довольно падкимъ въ другихъ обстоятельствахъ. Грѣшный человѣкъ! Вѣрнѣе, отчетливѣе и разительнѣе нельзя было выразить того отношенія, какое находилось между Бѣлой, Малой и Червоной Русью съ одной, и Литвой съ другой стороны. Литовцы были здѣсь только тѣмъ, чѣмъ, нѣкогда, Варяги

или Русы (или оба вмѣстѣ, или же, какъ хотятъ нѣкоторые, Варяго-Русы) для Сѣверной и Южной Руси. Они дали снова точку опоры, средобѣжную, изъ которой выходили и снова возвращались лучи живительнаго, творческаго свѣта, творящее, вполнѣ впослѣдствіи слившееся съ творимымъ, потерявшееся въ немъ, какъ теряется капля въ морѣ, первичная причина, давшая чему-либо къ чему-либо толчекъ въ послѣдующемъ отъ того дѣйствіи,—явленіи. Замѣчательно, что въ жизни Русскаго народа три главныя его племени, Велико-Мало- и Бѣлорусы, имѣли каждое изъ нихъ первоначально свой Запорожскій кошъ, столицу-гнѣздо, изъ которой все исходило, около которой образовывалось постепенно государство, грозившее послѣ, при лучшихъ обстоятельствахъ, покрыть вѣтвями своими сперва родственныя свои главныя вѣтви, объявлявшія на то же самое подобное притязаніе, а потомъ и чужое, сосѣднее и несосѣднее. Новгородъ и Кіевъ, потомъ, съ ослабленіемъ послѣдняго, отрасль его, Червоная Русь въ Галичѣ и Львовѣ, далѣе, съ ослабленіемъ и этой, Бѣлая Русь въ лицѣ Литовцевъ и, напослѣдокъ, съ ослабленіеніемъ и этой, Великая Русь въ своей бѣлокаменной Москвѣ. Мало-Русь пыталась было, послѣ поноснаго соединенія Бѣлой съ Польшей, снова зажить старой Русью Владимира, но на новый образецъ, въ лицѣ козачества; однако Москва взяла свое, перетянула государственные вѣсы на свою сторону, и вотъ теперь, мало-помалу, почти вся Русь составила одно плотное политическое тѣло, его же и врата адовы не одолѣютъ. Но за все это должна благодарить она прежде и больше всего насъ, Хохловъ, помогшихъ ей добровольнымъ смиреніемъ и самоотверженіемъ отъ соперничества заложить и строить это величественное, исполинское и великолѣпное зданіе, гордость и славу нашу и нашихъ братьевъ соплеменныхъ, страхъ и удивленіе иноязычниковъ! Она это въ новѣйшее время сознаетъ, и потому съ жадностью принимается за раскрытіе скрижалей нашей прежней жизни. Такъ, наше Историческое Московское Общество положило издать всѣ, какія только можно будетъ собрать *Малорусскія лѣтописи*, и редакцію поручило *мнѣ*. Я приготовилъ нынѣче къ осени лѣтопись *Самійла Величка*, бывшаго писаря въ канцеляріи Мазепы. Онъ воспользовался вполнѣ лѣтописными записками Самійла Зорка, писаря Богдана Хмельницкаго, и довелъ все до 1720 года. Изображенія гетьмановъ тутъ же и, скажу Вамъ, что они совершенно несходны съ Бантышевскими, но въ нихъ гораздо больше правдоподобія и съ перваго взгляда показываютъ, что сняты прямо съ природы. Вѣрно Величко воспользовался портретами гетьмановъ въ Генеральномъ нашемъ Правленіи, или въ гетьманскихъ покояхъ. Кромѣ того, приготовилъ я лѣтописи наши: неизвѣстнаго, подъ названіемъ: „Краткое описаніе Малой Россіи“, доведенное до смерти Полуботка, Ша-

фонскаго, Ригельмана, и еще кое-что. Всѣ онѣ составятъ одинъ огромнѣйшій томъ листовъ въ 150 печатныхъ. Нѣтъ ли еще у Вашего Превосходительства какой лѣтописи или описанія Малороссіи? Вы обладаете такимъ богатымъ собраніемъ малороссійскихъ письменныхъ памятниковъ, и потому, очень можетъ случиться, что между ними найдется какая-либо. Если найдется или же нашлась, то не будете ли столько благосклонны прислать нашему Историческому Обществу для списанья. За неприкосновенность и возвращеніе Общество ручается. А ежели нѣтъ этого, то, по крайней мѣрѣ, нельзя ли будетъ Вашему Превосходительству переслать намъ на время того Реестра Малороссійскому Запорожскому Войску при Богданѣ Хмельницкомъ, который представленъ былъ имъ польскому королю, находится теперь у Васъ, и я имъ, по благосклонности Вашей, пользовался нѣкоторое время въ бытность свою въ Варшавѣ? Мнѣ бы хотѣлось напечатать этотъ „Реестръ“ въ „Добавленіи“, и тѣмъ сохранить навсегда имена этихъ лыцарей для признательнаго потомства. Этимъ бы мы обязали чрезвычайно потомковъ ихъ какъ въ дворянствѣ, такъ и въ козачествѣ нашемъ и пр. Буде угодно будетъ Вамъ сдѣлать для насъ эту милость, то благоволите вручить просимое либо сыну г. Мацѣевскаго, теперь пребывающему въ кругу родныхъ на вакаціи, либо же другому кому-либо изъ надежныхъ молодыхъ людей, отправляемыхъ Вашимъ учебнымъ округомъ ежегодно въ Августѣ къ намъ въ университетъ на учебу-то. Снявши, какъ можно поспѣшнѣе, списокъ, мы бы тотчасъ-же переслали подлинникъ Вамъ обратно по почтѣ, или черезъ вѣрный случай. Но, да? Чы, може, не?

Благодарю Васъ еще душевно за „Pamiętniki o wojnach kozackich za Chmielnickiego“; но я ихъ давно уже имѣлъ, и даже теперь переведены они на Русскій здѣсь, и напечатаются въ Трудахъ нашего Истор. Общества, какъ матеріалъ.

Засимъ, имѣю честь быть съ моимъ глубочайшимъ уваженіемъ и высокопочитаніемъ къ Вашему Превосходительству, Милостивый Государь! Вашимъ покорнѣйшимъ и нижайшимъ слугою

Осипъ Бодянскій.

Іюня 17-го дня, 1844. Москва. (Съ подлинника).

3.

Варшава, 3/15 сентября 1848 года.

Вы нѣкогда желали, почтенный, полезно-трудолюбивый землякъ мой, Осипъ Максимовичъ, дабы я прислалъ Вамъ на время реестръ, или списки рицарскаго стана, или козацтва войска Запорожскаго, внесенные послѣ Збаражскаго договора въ особую книгу, скрѣпленную по листамъ Пи-

саремъ Войсковымъ Генеральнымъ Иваномъ Выговскимъ и подписанную собственноручно Гетманомъ Богданомъ Хмельницкимъ, съ соизволенія короля Яна Казиміра 1649 года.

Книга эта, которую Вы видѣли у меня, находилась въ Архивѣ старыхъ польскихъ дѣлъ. Она хранится у меня въ Малороссіи. Хотя мнѣ и случалось быть дома, но все какъ бы налётомъ, такъ, что я не имѣлъ времени послать ее Вамъ, съ необходимыми, по мнѣнію моему, въ такомъ случаѣ, замѣчаніями. При первомъ досугѣ, я это выполню, а между тѣмъ, посылаю Вамъ при семъ имянной списокъ старшины козацкой войска Запорожскаго, выписанный изъ недавно прочитаннаго мною Діаріуса ксендза Доминикана Окульскаго [1]), напечатаннаго въ Краковѣ 1639 года. Порадуюсь истинно, если выписка къ чему нибудь Вамъ пригодится. За многодѣліемъ я не имѣлъ времени составить ее съ предполагаемою мною отчетливостію, да и самое дѣло не стоитъ труда особеннаго.

Къ набросаннымъ замѣчаніямъ моимъ къ выпискѣ неизлишнимъ считаю приложить также присланныя мнѣ изъ библіотеки Рачинскихъ изъ Познаня копіи съ писемъ къ Сапѣгамъ: подъ лит. А. 4 декабря 1602 г. Ивана Куцковича, подписавшагося Гетманомъ [2]); подъ лит. Б. 30 маія 1610 г. Андрея Стороженка, подписавшагося Старшимъ Полковникомъ войска Запорожскаго [3]), и подъ лит. В. и Г. 7 октября и 24 апрѣля 1656 и 1657 г. Гетмана Богдана Хмельницкаго [4]). Оригиналы этихъ писемъ хранятся въ означенной библіотекѣ.

Въ историческихъ эпизодахъ Малой Россіи, издаваемыхъ доселѣ разными лицами, подъ пышнымъ названіемъ Малороссійской исторіи, нигдѣ нѣтъ гетмана Ивана Куцковича. Впрочемъ и Дмитрій Гуня, какъ видно изъ Діаріуса ксендза Окульскаго, въ письмахъ своихъ 1638 г. къ Хану Крымскому, подписывался также Гетманомъ, а къ Потоцкому Старшимъ Полковникомъ, подобно Андрею Стороженку. Мнѣ кажется, изъ этого можно судить, что титулъ Гетмана употребляемъ былъ главными вождями козацкаго войска, хотя они и не были Гетманами Малороссіи, ибо мнѣ самому случалось видѣть подписи съ Гетманскими титулами: Голуба, Мороза и другихъ Червонноруссовъ, и что изъ сего происходитъ такое большое число Гетмановъ, наименованныхъ Рубаномъ, Конискимъ и другими, писавшими о Малороссіи.

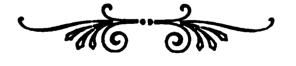
[1]) Русскій переводъ „Дневника“ Симеона Окульскаго съ нѣкоторыми сокращеніями напечатанъ въ книгѣ: „Мемуары, относящіеся къ исторіи Южной Руси“ Вып. II, Кіевъ, 1896, стр. 168—288. [2]) Письмо Ивана Куцковича въ русскомъ переводѣ было напечатано въ „Кіевской Старинѣ“ за 1883 г., т. VI, стр. 379—381. [3]) Письмо А. Стороженка напечатано въ т. I Фамильнаго Архива, стр. 1—2. [4]) Напечатаны въ русскомъ переводѣ въ „Кіевской Старинѣ“ за 1885 г., т. XI, стр. 196—198.

Вникнувши трудолюбиво въ разборъ этого предмета, по документамъ, коихъ такая пропасть въ Галиціи, на Подолѣ и на Украйнѣ, я думаю можно бы было сдѣлать, сколь полезное, столько и необходимое объясненіе по этому.

Когда въ Великой Россіи печатались однѣ только церковныя книги, въ Польшѣ были уже печатаемы разные діаріусы, памятныя книжки и множество виршей; а на Руси полуденной даже грамматики, какъ напр. изданная въ Львовѣ въ 1582 г., которой экземпляръ есть и у меня [1]).

Сперва Руссины или Малоруссы переписывались на своемъ діалектѣ, потомъ корреспонденція между ними, а особенно съ Поляками, была по польски. Она уцѣлѣла въ великомъ числѣ и донынѣ. Нѣтъ стариннаго польскаго дома, гдѣ бы не было подобнаго рода остатковъ. Писавшіе Малороссійскія исторіи почти не дѣлали никакихъ розысканій въ этомъ морѣ фактовъ, а ограничивались тѣмъ, что уцѣлѣло въ Малороссіи лѣваго берега Днѣпра, гдѣ, исключая могилъ, окоповъ и майдановъ (кои были тѣми же валами), не осталось почти никакихъ памятниковъ даже съ XVI столѣтія. Да иначе и быть не могло, послѣ войнъ съ поляками и татарами, продолжавшихся болѣе полусемнадцатаго столѣтія. Какая жъ тутъ можетъ быть исторія? Но думая объ этомъ, можно заговориться, или заговорить слушающаго съ терпѣніемъ человѣка досужаго, а какъ Вы, достойнѣйшій землякъ, по своему, а я по моему, можетъ быть, слишкомъ заняты, то оставляю этотъ интересный для меня предметъ до времени свиданія нашего на родинѣ, чего искренно желаю, какъ желаю Вамъ успѣха въ трудахъ, здоровья и терпѣнія.

Почитающій васъ.. Андрей Стороженко [2]).



---

[1]) Вѣроятно, сдѣлана ошибка въ годѣ; „Грамматика доброглаголиваго Еллино-Словенскаго языка“ на слав. и греч. яз. была издана въ Львовѣ въ 1591 году.— Ундольскаго, Очеркъ славяно-русской библіографіи, М. 1871 г., стр. 18, № 109. Собр. соч. Максимовича, т. III, К. 1880, стр. 678. [2]) Письмо это, сохранившееся въ бумагахъ І. М. Бодянскаго, принадлежащихъ Имп. Обществу Ист. и Древн. Росс. при Московскомъ Университетѣ, напечатано въ „Чтеніяхъ“ Общества за 1906 г., кн. 1-ая, стр. 648—649.

Ѳ. В. Булгаринъ [1]).

1.

6 апрѣля 1829 г.

Воспоминаніе дружескихъ лѣтъ твоихъ, достойно-счастливый Ѳаддей Венедиктовичъ, давно укоряетъ меня въ неисполненіи обѣщанія отозваться къ тебѣ изъ Малороссіи, гдѣ имя твое, осѣненное литературною славою, такъ же произносится съ почтительнымъ удовольствіемъ. Я не долго пробылъ на родинѣ. Судьба опять увлекла въ дикія степи, меня, любителя дикой природы; — и зазеленѣвшіе курганы, посреди необозримыхъ равнинъ, устланныхъ сѣдымъ ковылемъ, помаваемымъ вѣтромъ, привѣтствуютъ возвратившагося. Нѣсколько дней тому назадъ я пріѣхалъ изъ Одессы на мѣсто службы моей въ Елисаветградъ. Если Одесса не представляетъ теперь одушевленнаго торговаго города, то гавань ея, наполненная транспортными судами, приходящими и отходящими съ продовольствіемъ для побѣдоносныхъ войскъ нашихъ къ берегамъ Болгаріи, напоминали мнѣ славу отважнаго украинскаго козацкаго войска, дерзнувшаго для славы и для добычи пуститься на простыхъ лодкахъ своихъ по бурному, какъ они называли, синему морю, и завоевавъ Трапезонтъ и Синопъ, подходить къ самому Царьграду, предавая огню и мечу гнѣзда бусурманскія. Сіе случилось, какъ тебѣ извѣстно изъ лѣтописца малороссійскаго, около 1576 года. Тогдашній польскій король Баторій завидовалъ славѣ простодушныхъ гетмановъ Шаха и Подковы; послѣдній изъ нихъ столько былъ великъ душою, что отказался отъ побѣжденнаго имъ княжества Волосскаго, будучи избраннымъ на княженіе онаго вольными голосами. Ему впослѣдствіи отрубили голову во Львовѣ. Бренные останки его похоронены были признательными козаками,

---

1) Указатель написаннаго о Ѳ. В. Булгаринѣ данъ у Н. Энгельгардта, Исторія русской литературы, Спб. 1902, т. I, стр. 325.

товарищами битвъ, въ Каневскомъ монастырѣ. Но полно о старинѣ. Прости моей болтливости; не могу удержаться отъ оной, коснувшись и случаемъ—буйныхъ, любившихъ дикую свободу, и погибшихъ отъ того южныхъ славянъ-рыцарей. Твои статьи о сербахъ и черногорцахъ воспламеняютъ мрачныхъ капитановъ корабельныхъ въ Одессѣ, кои почти всѣ изъ славянскихъ племенъ. Одинъ рагузинецъ по складамъ читалъ мнѣ болѣе нравящіяся ему мѣста, и бесѣда съ моряками этими восхищала меня. Отъ турокъ, находящихся здѣсь съ пашею Юсуфомъ, я не могъ добиться никакого толку о защитѣ ихъ покоренной нашими Варны. Они съ восточнымъ энтузіазмомъ приписываютъ все сверхъестественной силѣ, боятся нашихъ пушекъ и козаковъ, прославляютъ павшихъ байрэктарей (которые, по словамъ ихъ, рубили непріятелей, какъ огурцы) и отрицательно качаютъ головами, щелкая языкомъ, при разговорахъ о взятіи Шумлы и переходѣ чрезъ Балканы. Въ бытность мою въ Малороссіи мнѣ случалось много разъ видѣться съ оставившимъ лѣтъ 9 тому назадъ въ с. Мельникахъ (верстахъ въ 12 отъ моего пепелища) жену и дѣтей, пошедшимъ на *заработки* отъ нищеты и содѣлавшимся нынѣ извѣстнымъ Осипомъ Михайловичемъ Гладкимъ, двухъ-бунчужнымъ пашею и кошовымъ передавшихся къ намъ запорожцевъ. Похожденіе его любопытно и по самой уже невѣжественной простотѣ разсказа. Мнѣ хотѣлось бы передать тебѣ слышанное отъ него для лучшаго употребленія, чѣмъ какое я могу сдѣлать изъ этой дичи, но боюсь, что и такъ уже слишкомъ злилъ тебя мелкимъ, неразборчивымъ письмомъ моимъ. Ожидаю присылки твоего „Выжигина", и если напитаюсь описательнымъ вдохновеніемъ и буду имѣть время отъ службы, изображу предъ тобою Гладкого. Какъ ты повернулъ отходный минутный бредъ 38 лѣтняго юноши: „Къ изображенію ея съ закрытымъ лицомъ"... и стоитъ ли онъ тисненія?—Сдѣлай дружбу, достойнѣйшій Ѳаддей Венедиктовичъ, поговори насчетъ извѣстнаго тебѣ предназначенія моего съ Максимомъ Яковлевичемъ, и увѣдомь, что онъ скажетъ; мнѣ хотѣлось бы еще нѣкоторое время пожить въ Петербургѣ, дабы не умереть со скуки подъ старость. Съ болѣзненнымъ прилежаніемъ занимаюсь теперь между дѣломъ приведеніемъ въ порядокъ собранныхъ мною архивовъ о малороссіянахъ XVI столѣтія. Есть весьма много любопытнаго. Досадую самъ на себя, что принялся за столь трудную работу; но, по упрямому характеру малороссіянина, не могу бросить начатое. Прощай! вспоминай иногда о дикомъ твоемъ почитателѣ и обрадуй его нѣсколькими строками, адресуя: Херсонской губерніи въ г. Елисаветградъ, помощнику начальника штаба резервныхъ войскъ А. Стороженку. Покорнѣйше прошу засвидѣтельствовать мое истинное почтеніе Николаю Ивановичу.

(Съ черноваго отпуска).

2.

Карлово возлѣ Дерпта, 9 сентября 1833 г.

Почтеннѣйшій, добрѣйшій, и умнѣйшій Андрей Яковлевичъ! Бью челомъ, *padam do nóg* и прочее сему подобное и прошу прощенія въ томъ, что не писалъ къ тебѣ. Не писалъ не потому, что забылъ или не люблю, а потому, что дѣло затянулось. Собирался, написалъ раза два, прочелъ и изорвалъ, а тамъ и пошли отлагательства. Такъ у насъ всѣ дѣла дѣлаются! Мнѣ бы хотѣлось побесѣдовать съ тобой *сердечно*, а бумагѣ повѣряю я только то, что можетъ быть напечатано. Когда пріѣдешь въ Петербургъ, узнаешь, люблю ли я тебя. Грудью отражалъ я стрѣлы клеветы и злобы, устремленныя на тебя. Въ Царствѣ Русскомъ нѣтъ таинствъ—все со временемъ узнаешь и удостовѣришься, другъ ли тебѣ.

Башмаки чрезъ офицера Кусова получили мы съ благодарностью одной парой менѣе, какъ сказано было въ твоемъ письмѣ. Я должникъ твой. Но ты пишешь, чтобы я прислалъ книгъ. Какихъ? Этого вопроса я не разрѣшу, и въ семъ дѣлѣ не буду совѣтовать. Это зависитъ отъ вкуса. Скажи въ какомъ родѣ, тогда получишь немедленно.

О жизни моей сказать нечего. Живу, какъ живетъ осина и береза, съ той разницей, что онѣ молчатъ и не чувствуютъ, а я чувствую, глотаю желчь и молчу. Пишу вздоръ, читаю умное, прогуливаюсь въ пустынѣ, т. е. между нѣмцами, разговаривающими отъ рожденія до смерти о процентахъ и винокуреніи, и отъ скуки дѣлаю дѣтей! Одинъ сынокъ, Болеславъ, черноглазый и животрепещущійся, какъ пламя, уже на 11-мъ мѣсяцѣ, другаго существа поджидаю въ непродолжительномъ времени. Я толкую по своему, что холера подарила мнѣ дѣтей, ибо натура, убивая людей эпидеміями, оплодотворяетъ безплодныхъ, чтобы пополнить убылое число. Это тоже, что рекрутскій наборъ. Увѣдомляю тебя заранѣе, что мой сынокъ будетъ плохимъ чиновникомъ и никогда не доползетъ до статскаго совѣтника, ибо у него черные глаза и онъ слишкомъ быстро смотритъ, почти также, какъ ты.

Князь Варшавскій въ проѣздъ въ Петербургъ и на обратномъ пути призывалъ меня къ себѣ и обласкалъ превыше моего достоинства и заслугъ. По памяти моего друга и его любимца Грибоѣдова онъ такъ добръ былъ со мною, что я душевно привязанъ къ нему и увѣренъ, что когда мои земляки отрекутся отъ злаго бѣса крамолы, то будутъ счастливы подъ управленіемъ князя Варшавскаго. Тьфу ты про-

пасть! неужели не пора образумиться! У меня сердце разрывется ана части и гортань заливается желчью, когда слышу о поступкахъ (безсмысленныхъ и злодѣйскихъ) людей, осмѣливающихся называться либералами и патріотами!—Изверги зарѣзали мать свою!

Ты писалъ ко мнѣ, что Варшава нынѣ скучна. Вѣрно! Однако-жъ думаю, что съ правымъ сердцемъ и неглупою головою въ Варшавѣ можно болѣе, чѣмъ гдѣ либо, жить пріятно. Польскій народъ отъ природы гостепріименъ и общежителенъ. Просвѣщенныхъ людей тамъ довольно, климатъ пріятный, все дешево—чего же болѣе! Взгляни-ка безпристрастно на Петербургъ! Что за радости и у насъ? Собираюсь въ Петербургъ въ октябрѣ. „Мазепа" мой печатается. Пришлю, какъ скоро выйдетъ въ свѣтъ.

Цѣлую тебя сердечно и прошу поцѣловать отъ меня ручку у Юліи Ивановны. Жена моя, также и свояченицы всѣ, кланяются нижайше ей и тебѣ дѣлаютъ книксены. Благо разрѣшился письмомъ, теперь стану пороть часто—только не иначе, какъ на заданныя темы, ибо здѣсь новостей никакихъ нѣтъ, а что хотѣлось бы высказать, то на бумагѣ было бы тяжко. И такъ прощай, люби и не забывай вѣрнаго и неизмѣннаго друга Ѳ. Булгарина.

(Съ подлинника).

3.

Карлово возлѣ Дерпта, 7 февраля 1834 г.

Почтеннѣйшій и благородный другъ Андрей Яковлевичъ! Свѣтлѣйшій проѣхалъ чрезъ Дерптъ 5-го февраля вечеромъ и на сей разъ я не видалъ его. На другой день отдали мнѣ твою грамоту. Снѣга у насъ, какихъ не запомнятъ, а Свѣтлѣйшій, привыкнувъ къ преодолѣнію всѣхъ препятствій, слѣдуетъ вмѣстѣ съ тяжелыми своими экипажами, на колесахъ, а потому вчера сдѣлалъ въ сутки одну только станцію. Я недавно возвратился изъ Петербурга. Тамъ снѣга еще глубже. Какъ и когда доѣдетъ онъ!

Наталья Андреевна фонъ-Фокъ ожидала тебя ежедневно въ Петербургѣ. Дочь твоя выходитъ изъ института, и она думала, что ты пріѣдешь за нею. Впрочемъ, у доброй Натальи Андреевны будетъ ей хорошо, пока ты не будешь имѣть случая взять ее къ себѣ. Видѣлъ я и сынка твоего. Премилый и преумный мальчикъ. Неизвѣстно отъ чего такъ сердце и лежитъ къ нему. Я не могъ налюбоваться имъ.

Книги для тебя я соберу, переплету и буду ждать, куда велишь выслать. Съ будущею почтою вышлю тебѣ новый мой романъ: „Мазепа", который прошу прочесть, не взирая на твои многочисленныя занятія. Не успѣлъ уложить сегодня.

Я и позабылъ поздравить тебя съ генеральскимъ чиномъ и звѣздою! Извини! Ей Богу такъ привыкъ смотрѣть все въ умъ и въ душу человѣка, что наружность всегда исчезаетъ отъ меня. Благо ты для меня тотъ же Стороженко, что былъ за 28 лѣтъ предъ симъ, а я желаю тебѣ душевно всего, что только можно получить на землѣ земнаго. Да ужъ лучшаго ничего не выдумаешь, братъ, какъ Юлію Ивановну! Этимъ сокровищемъ наградилъ тебя Богъ за добрую твою душу и выше этой награды не получишь, хоть бы ты завоевалъ семь царствъ и четырнадцать столицъ!

Въ Петербургѣ я всякій день бывалъ у вашего графа, который по прежнему милостивъ ко мнѣ. Добрый и благородный человѣкъ! Другой, на его мѣстѣ, выгналъ бы меня пиньками, если бы послышалъ ту правду, что я говорю ему, привыкнувъ судить о видимомъ и слышимомъ по совѣсти, безъ укрыванія мыслей, и говорить громко, когда есть случай, т. е. когда хотятъ знать мой образъ мыслей. Черное называю я всегда чернымъ, а бѣлое бѣлымъ, хоть бы пришлось лопнуть! Дорого заплатилъ я за это, а теперь поздно отвыкать. Но твой графъ единственный, можетъ быть, человѣкъ въ Россіи, который съ рыцарскою душою гнушается лестью и ложью, и любитъ откровенность. Послѣ смерти Максима Яковлевича [1]) не думаю, чтобы онъ часто встрѣчался съ людьми, любящими правду для правды. Дай Богъ ему силъ и терпѣнья! Много про него говорятъ пустаго злые люди, а пусть попробовалъ бы кто быть на его мѣстѣ!

Всѣ вы говорите, что знаете Польшу и Поляковъ, а мнѣ кажется, что я знаю болѣе васъ всѣхъ. Я, какъ говорится, посвященъ въ таинство характера польскаго, и вотъ тебѣ, въ одной чертѣ, вся характеристика народа. Во время прусскаго правительства запрещено было ѣздить въ Варшавѣ въ шесть лошадей. За каждую лошадь, сверхъ пары, должно было платить червонецъ штрафу. Польскіе паны нарочно ѣздили въ шесть лошадей, чтобы имѣть удовольствіе посвоевольничать и охотно платили штрафъ! Смѣшно, а правда. Дѣлай съ Поляками, что хочешь, осыпай ихъ золотомъ, но если имъ нельзя *коврать* и посвоевольничать,— они все будутъ почитать себя несчастными. Что-жъ дѣлать, когда Богъ создалъ такое племя!

Но Польша существуетъ теперь только въ полонезахъ и мазуркахъ; слѣдовательно объ этомъ и толковать нечего. Надѣлали пакостей

---

[1]) **Фонъ-Фока.**

и глупостей, пусть же и отвѣчаютъ, и по дѣломъ. Доказано, что никогда имъ не было лучше, какъ передъ гадкимъ ихъ бунтомъ, а имъ захотѣлось *похвастать*, по примѣру бѣшеныхъ французовъ. Ахъ скоты! Растерзалъ бы своими руками этихъ проклятыхъ карбонаровъ и пропагандистовъ. Истыя гіены и бѣшеные волки! Надобно убивать, гдѣ встрѣтишь! Если ты другъ человѣчества, души ихъ безъ милосердія, только, разумѣется, не по подозрѣніямъ, а по доказательствамъ. Объ этомъ прошу тебя, какъ другъ.

По старопольскому обычаю становлюсь на колѣни передъ Юліей Ивановной и цѣлую прахъ ножекъ ея за милостивую приписку къ твоему письму. Je suis son chevalier déclaré и счастливъ, когда мы съ женою воспоминаемъ объ ней и хвалимъ. Жена моя и вся семья свидѣтельствуютъ почтеннѣйшей Юльѣ Ивановнѣ и тебѣ почтеніе и засылаютъ усердные поклоны, а я, лобызая тебя, желаю тебѣ терпѣнья на твоемъ безпокойномъ мѣстѣ и есмь на вѣки вѣрный и неизмѣнный другъ

Ѳ. Булгаринъ.

(Съ подлинника).

4.

Карлово возлѣ Дерпта, 21 марта 1836 года.

Почтеннѣйшій и благороднѣйшій другъ Андрей Яковлевичъ! Ты не можешь себѣ представить, какъ я обрадовался, получивъ твое письмо. Я уже думалъ, что ты погибъ для моей дружбы, и уже воздвигнулъ тебѣ въ моемъ сердцѣ надгробный памятникъ. Клевета разсѣяла на твой счетъ различные слухи, и въ Петербургѣ стараются представить тебя герцогомъ Альбою. Разумѣется, что я не вѣрилъ разсказамъ, но подумалъ: honores mutant mores, и, не получивъ отвѣта на письмо мое, писанное въ маѣ 1835 г. [1]), замолчалъ. Наконецъ, отзывъ твой воскресилъ меня и открылъ глаза. Герцогъ Альба не могъ бы любить Булгарина. Съ душею, полною радости и любви къ тебѣ, бросаюсь въ твои объятія!

Достоинства твои поставили тебя въ такое положеніе, что ты можешь быть полезенъ и мнѣ, и литературѣ, если захочешь помочь мнѣ въ моемъ предпріятіи. Посылаю тебѣ мои проспекты и одинъ номеръ

---

[1]) Не сохранилось.

„Сына Отечества", гдѣ изложено все дѣло. Это результатъ цѣлой моей жизни! Но ученые труды не такъ легко расходятся, какъ романы, и содѣйствіе мудрыхъ правителей мнѣ необходимо. Издержки велики. Нельзя ли въ Царствѣ Польскомъ собрать подписку? Книга моя будетъ чрезвычайно полезна для Поляковъ. Во-первыхъ, я не ругаю враговъ Россіи, но только убѣждаю, что лучше жить съ нами, нежели противу насъ. Мое правило не ругаться въ исторіи. Это пахнетъ варварствомъ. Узнавъ Россію, Поляки поневолѣ выбросятъ изъ головы бредъ о своей независимости отъ нея. Съ этою же почтою пишу и Свѣтлѣйшему, прося его о позволеніи посвятить ему національный и общенародный трудъ, какъ *первому сыну* Россіи, матери всѣхъ славянскихъ племенъ, разсѣянныхъ по лицу земли. Отъ тебя зависитъ замолвить предъ нимъ словечко. Проспектовъ я ему не осмѣлился послать, а если ему угодно будетъ помочь дѣлу, то ты исполнишь это. Надѣюсь на твою дружбу и любовь къ Россіи и литературѣ. Дѣло право стоитъ того, чтобы поддержать его.

За брошюрку Мацѣевскаго премного благодаренъ. Нельзя ли узнать и мнѣ, пишущему нынѣ Россійскую Исторію, какую тайну обѣщаетъ Мацѣевскій объявить міру, о которой даже и не снилось русскимъ и польскимъ историкамъ?!!! Не мистификація ли это [1]? Я много уважаю труды Мацѣевскаго и знаю ихъ, но изъ нихъ знаю также, что онъ немного легковѣренъ въ изысканіяхъ. Ради Бога пришли мнѣ, если у тебя есть что важнаго для исторіи казаковъ. Эту часть отдѣлываю я con amore.

Еще прошу тебя всепокорнѣйше, нельзя ли прислать мнѣ какихъ либо новыхъ статистическихъ извѣстій о Царствѣ Польскомъ. Въ министерствахъ, по старому обычаю, вѣрно составляются статистическія таблицы. Чтобы выслать копію! Всѣ русскія министерства помогаютъ мнѣ, а Александръ Христофоровичъ объявилъ, что будетъ писать отъ своего имени вездѣ, гдѣ мнѣ нужно узнать что либо. Но къ вамъ, правителямъ Польши, я пересылаю просьбу отъ своего имени, надѣясь на твою дружбу и на милость Свѣтлѣйшаго. Университетъ Варшавскій уничтоженъ. Какое у васъ заведеніе для окончательнаго курса наукъ и какъ раздѣлено народное просвѣщеніе, есть ли гимназіи или что-нибудь подобное? О Польшѣ мы не имѣемъ понятія! Что было до бунта, мнѣ все извѣстно, а теперь ничто не публикуется, а толки идутъ, якобы все уничтожено и мракъ носится надъ бездною. Право не знаешь, чему вѣрить! Вѣдь всѣ вѣсти, толки распускаются нашими же Русскими! Варшавскаго Поляка я видомъ не видалъ отъ несчастнаго бунта. Ради

---

[1]) **Дѣло идетъ объ „Исторіи Руссовъ" лже-Кониссскаго, сдѣлавшейся извѣстною Мацѣевскому черезъ посредство Андрея Яковлевича.**

Бога, Россіи, наукъ и дружбы собери, что можно, о новомъ состояніи Царства Польскаго и вышли мнѣ, какъ возможно скорѣе, ибо съ мая начинается печатаніе.

Что тебѣ много дѣла, это можно предугадывать. Почеркъ твой уже превращается въ гіероглифическій. Что дѣлать! Много хлопотъ, тяжкій трудъ,—но за то можно дѣлать много добра, а для этого Христосъ далъ себя распять на крестѣ! Жизнь коротка, добро вѣчно. Прочти предисловіе къ „Чуркину"; увидишь, что есть люди, которые, при сальной свѣчѣ, записывали дѣла и рѣчи современниковъ. Чрезъ 50, а много 100 лѣтъ, *мы* прочтемъ, (т. е. человѣчество прочтетъ) много такого, что теперь неизвѣстно. Подвизайся, друже, на поприщѣ блага, да укрѣпитъ тебя Провидѣніе! Тебѣ не нужно сказывать, что и Поляки—люди и что земля и человѣчество существовали прежде отечества и политики. Поляки въ человѣчествѣ есть то, что больной въ обществѣ. Лихорадку надобно вылѣчить и баста.

Богъ далъ мнѣ *третьяго* сына, за два мѣсяца предъ симъ. Отъ испуга, причиненнаго здѣшними студентами, которые владѣютъ Дерптомъ по праву завоеванія, жена моя чуть не умерла послѣ родовъ. Уже была горячка и послѣдняя крайность. Новорожденный тоже чуть не умеръ. Но—lepszy Pan Bóg, jak Pan Rymsza, и теперь, слава Богу, все въ порядкѣ. Я выѣзжаю на третій день Свѣтлаго Праздника по дѣламъ въ Петербургъ, гдѣ уже былъ зимою. Черезъ мѣсяцъ буду дома. Если благоволишь писать ко мнѣ, пиши въ Дерптъ. Отъ всего моего семейства и меня свидѣтельствую нижайшее почтеніе Юліи Ивановнѣ. Прошу поклониться также Александру Павловичу Безаку и рекомендовать меня его супругѣ. Издавъ мое сочиненіе, надѣюсь выѣхать полѣчиться къ водамъ и поѣду чрезъ Варшаву. Да сохранитъ тебя Господь во святомъ своемъ покровительствѣ и да утвердитъ въ сердцѣ твоемъ память о вѣрномъ и искренне преданномъ другѣ

Ѳ. Булгаринѣ.

(Съ подлинника).

5.

Тихое Карлово возлѣ Дерпта, 30 мая 1836 года.

Почтенный и благородный другъ Андрей Яковлевичъ! Дѣла мои привлекли меня сего года два раза въ Петербургъ. Въ послѣднюю поѣздку мою засталъ я тамъ князя Варшавскаго. Онъ принялъ меня

очень милостиво, долго разговаривалъ, но на посвященіе моей „Россіи" своему имени не согласенъ изъ скромности, говоря, что такое сочиненіе должно быть посвящено Государю или Наслѣднику. Какъ на посвященіе Государю надобно пройти чрезъ формы и искать милости Министра Просвѣщенія и чиновъ Главнаго Правленія Училищъ, то я, не созданный Богомъ къ поклоненію и комплиментамъ, посвящаю трудъ мой: *„доброй, гостепріимной, великодушной Россіи"*, съ эпиграфомъ: *„твоя отъ твоихъ и тебѣ же приносяще"*.—Князь Варшавскій удостоилъ меня чести разговаривать о тебѣ, и къ величайшей моей радости я удостовѣрился, что онъ тебя любитъ и уважаетъ. Онъ мнѣ разсказалъ твое благородное обхожденіе съ подсудимыми во время нашествія глупыхъ эмиссаровъ на Польшу и проч. Пользуясь этою минутою, я самъ разстегнулъ душу и высказалъ Князю все, что я знаю, отъ дѣтства, о твоемъ благородномъ характерѣ, прямодушіи, твоемъ усердіи быть полезнымъ и частыхъ неудачахъ за излишнюю откровенность съ начальниками, и о пламенномъ рвеніи къ добру. Князь выслушалъ это съ довольнымъ видомъ. Я былъ счастливъ, ибо кого я люблю, за того готовъ на пушки. Вообще Поляки любятъ Князя, но жалуются, что *свита* его (не знаю, что подъ этимъ разумѣютъ, канцелярію, что ли?) обходится съ ними съ величайшимъ презрѣніемъ, какъ Египтяне или Ассиріяне съ Іудеями. Образчикъ этихъ Ассиріянъ или Египтянъ видѣлъ я въ фигурѣ *Очкина*. Этотъ *Польскій Вельможа* (по нынѣшнему) есть сынъ обанкрутившагося русскаго купца и понынѣ здравствующаго. Два сына его, *Вельможа* и другой, бывшій мой сотрудникъ по журналамъ (bon enfant), имѣли при себѣ франц. гувернера и были помѣщены послѣ въ Горномъ Корпусѣ волонтерами. *Вельможа* былъ изгнанъ изъ Корпуса за какіе то подвиги. Братъ его, bon enfant, выпросилъ у меня письмо на Кавказъ къ Грибоѣдову, который и помѣстилъ его при Князѣ. Теперь встрѣтился я съ этимъ *Польскимъ Паномъ* на крестинахъ у брата его и пустилъ бомбу на счетъ дурного обхожденія съ Поляками. Рыжій *Вельможа* высказалъ всѣ гнусности на счетъ Поляковъ, разумѣется, съ оговоркою на счетъ моего руссизма. Въ другое время я бы сдѣлалъ другое, но теперь сказалъ только: горе народу, управляемому такими людьми, какъ *Очкинъ*, и горе правительству, употребляющему *такихъ людей!* Онъ сказалъ мнѣ, между прочимъ: только одинъ *Вашъ пріятель*, Стороженко, (какъ носятся слухи), обходится дурно съ Поляками, а всѣ мы *балуемъ* ихъ. Я сказалъ на отрѣзъ, что не вѣрю никакимъ слухамъ на твой счетъ, ибо знаю тебя. Вотъ кто распространяетъ слухи изъ зависти за милость къ тебѣ Князя! Я уже писалъ къ тебѣ, что враги твои *наши Русапеты*. Очкинъ старался увѣрить меня, что ты родомъ изъ Поляковъ, приговаривая: „вотъ вѣдь *Ваши же Поляки* обходятся дурно" и проч. Пишу къ тебѣ для того, чтобы ты зналъ, кто тебя

окружаетъ. Я не имѣю ничего общаго съ Очкинымъ и видѣлъ пару разовъ въ жизни. Брата его люблю, ибо онъ честный человѣкъ, а *рыжій* братъ, *Вельможа*, несносенъ. Что за тонъ, что за манера, что за чванство!! Воля твоя, а большаго наказанія за бунтъ быть не можетъ, какъ быть управляемому такими людьми! Непостижимо!

Твоего пріятеля Н. И. Ушакова (адъют. князя) видѣлъ я въ канцеляріи; онъ такъ озабоченъ, что не имѣлъ времени переговорить со мною. Я хотѣлъ ему многое разсказать, чего нельзя повѣрить бумагѣ, насчетъ распространяемыхъ на твой счетъ слуховъ, чтобъ повредить тебѣ, ибо общее мнѣніе въ Петербургѣ теперь за *снисхожденіе*. Но не могъ поймать Ушакова, да и вообще всѣ пріѣзжающіе изъ Варшавы такъ холодны, такъ важны, такъ насобачились на Полякахъ играть роль *побѣдителей*, что не хочется и подходить! Богъ съ ними! Хотѣлъ было ѣхать погостить въ Варшаву, но теперь ни за милліоны не поѣду! Въ Петербургѣ я избалованъ пріемами и ласкою первѣйшихъ въ государствѣ. Графъ Бенкендорфъ, графы Чернышевъ, Орловъ и проч.—все это превѣжливые, премилые, прелестные люди въ обхожденіи, понимающіе достоинство и званіе литератора, и принимающіе людей не по чинамъ. А вашъ Варшавскій писаришка, сынишка банкрута -купчишки, безъ заслугъ, безъ дарованья, ломается, какъ чертъ на крестинахъ, и говоритъ: *преподлый народъ* эти Варшавскіе Поляки! Довольно объ этомъ! Отвелъ душу, теперь легче!

Ты меня душевно обрадовалъ извѣстіемъ, что ты отыскалъ Pamiętniki Ch. Paska—о Мазепѣ, т. е. обрадовалъ въ той надеждѣ, что я получу копію [1]). Хотя Очкинъ, *польскій рыжій вельможа*, и называетъ польскій народъ *подлымъ* за то, что княгиня Сангушко (помнится) бросилась къ ногамъ князя Варшавскаго, изъ *благодарности*, *послѣ* сдѣланнаго добра, а я право брошусь тебѣ въ ноги, если ты сообщишь мнѣ рукопись о Мазепѣ *не для напечатанія*, но для прочтенія и внесенія сущности изъ нея въ мою исторію. Я упомяну, что *ты отыскалъ* этотъ важный документъ. Обѣщалъ ты мнѣ пѣсни красноруссскія, статистику Польши, и извѣстіе о происхожденіи казаковъ, о которыхъ Мацѣевскій обѣщалъ сказать то, что намъ и не снилось, но, по занятіямъ твоимъ и недостатку времени, вѣрно забылъ. Бью челомъ снова, и прошу не забывать! Ради Бога пришли рукопись о Мазепѣ. Клянусь Богомъ и дѣтьми, что не употреблю во зло *твоей собственности*.

---

[1]) Вѣроятно, Андрей Яковлевичъ извѣщалъ Ѳ. В. Булгарина о выходѣ въ свѣтъ изданія графа Эдуарда Рачынъскаго: „Pamiętniki Jana Chryzostoma Paska z czasów panowania Jana Kazimierza, Michała Korybuta i Jana III Poznań 1836.“, а Булгаринъ принялъ сообщеніе о новой книгѣ за открытіе рукописи и началъ хлопотать о копіи для себя.

Исторія моя идетъ успѣшно. Первый томъ Исторіи и первый томъ Статистики уже печатаются, карты гравируются. Къ осени выдамъ 2 тома Исторіи и 2 тома Статистики. Право, дѣло будетъ не дурное. Тебѣ пришлю *первый* экземпляръ.

О себѣ долженъ же сказать что нибудь! У меня теперь *три сына*. Семья и дѣти, слава Богу, здоровы. Въ Карловѣ живу я тихо, съ природой, въ семьѣ и съ книгами, и счастливъ! Богъ далъ мнѣ 350 душъ въ Бѣлоруссіи, въ прекрасномъ мѣстѣ, Мстиславскомъ уѣздѣ, гдѣ земля Украинская. Туда послалъ лучшаго изъ здѣшнихъ хозяевъ привести имѣніе въ порядокъ и сдѣлать счастливыми *угнетенныхъ Кривичей*. Подписка на мою Исторію идетъ превыше моихъ ожиданій. Русь любитъ своего стараго слугу и друга Ѳаддея! Дай Богъ ей всякаго счастья! Въ Петербургѣ ко мнѣ благосклонны, потому что я ничего для себя не прошу, не желаю и веду себя чисто и прямо. Молю Бога, да ниспошлетъ счастье и тебѣ, достойному всего добраго за твою добрую и благородную душу, за твой умъ и чистую любовь къ просвѣщенію.

Прошу тебя покорнѣйше поцѣловать ручку у Юліи Ивановны и засвидѣтельствовать нижайшее почтеніе отъ цѣлаго Карловскаго народонаселенія.

Сдѣлай милость, обними отъ меня Александра Павловича Безака. Я нахожусь въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ съ его братьями и всей родней. Даже Константинъ, который не многихъ жалуетъ, меня много жалуетъ и доказываетъ это дѣломъ. Мы всѣ обрадовались, что Богъ далъ ему сынка, и пили у Греча за здоровье роженицы и новорожденнаго.

Je reviens à mes moutons! Ты обѣщалъ мнѣ прислать статистику, по французски, трудъ 10 лѣтъ одного изъ твоихъ друзей. Ради Бога, вышли поскорѣе! А Мазепа? Дрожу отъ нетерпѣнія! Грѣшенъ—этотъ характеръ историческій мнѣ нравится въ романтическомъ отношеніи.

Боюсь утруждать тебя моими письмами и просить у тебя писемъ, составляющихъ услажденіе души моей въ моемъ уединеніи. Но если выберешь свободную минуту, *письни*, дружбы ради, къ любящему тебя душевно, уважающему и вѣрному на жизнь и смерть

другу Ѳаддею Булгарину.

(Съ подлинника).

6.

Карлово возлѣ Дерпта, 4 февраля 1837.

Почтеннѣйшій и благороднѣйшій другъ Андрей Яковлевичъ! Прости великодушно, что не писалъ къ тебѣ такъ долго. Это произошло

единственно изъ опасенія безпокоить тебя въ твоихъ тяжкихъ трудахъ. Сегодня восемь дней, какъ я возвратился изъ Петербурга, гдѣ пробылъ два мѣсяца. Призвало меня въ Карлово обратно нечаянное бѣдствіе. Второй сынокъ мой, трехлѣтній купидончикъ, заболѣлъ было воспаленіемъ въ легкихъ и въ груди. Онъ уже былъ присужденъ къ смерти докторами, но они же, при помощи правителя натуры, спасли его. А между тѣмъ я былъ почти въ сумасшествіи; жена заболѣла отъ страха и горести. Добрый мой Гречъ утѣшалъ меня въ горѣ, и радовался, когда я получилъ эстафету о благопріятномъ переломѣ болѣзни моего сына, а между тѣмъ его постигло горшее бѣдствіе. При мнѣ заболѣлъ второй сынъ его Николай, который былъ похожъ на отца лицемъ, и въ пять дней послѣ моего отъѣзда скончался, 25 января, на 19-мъ году отъ рожденія. Юноша былъ полонъ дарованій, и мы на него надѣялись, что онъ заступитъ наше мѣсто. Господствующая въ Петербургѣ нервная горячка или тифусъ—убила его. Можешь судить о горѣ Греча и моемъ! Я люблю Греча, какъ роднаго брата, а дѣтей его, какъ своихъ.

Видѣлъ я твоего сына. Прелестный юноша! Уменъ, милъ въ обращеніи, благороденъ во всѣхъ пріемахъ, превосходно учится и отличнаго поведенія. Поздравляю тебя душевно и молю Бога, чтобъ онъ сохранилъ его тебѣ на радость и чтобъ мои дѣти были похожи на него.

Впервые сошелся я покороче съ твоимъ другомъ полковникомъ Ушаковымъ. До сихъ поръ видѣлъ я его только мелькомъ при фельдмаршалѣ или за канцелярскими бумагами. Въ немъ узнаю я человѣка съ умомъ и образованностью отличными, а за сердце его ручается твоя къ нему дружба. Хотя я несогласенъ съ нимъ въ *нѣкоторыхъ пунктахъ*, но это вовсе не мѣшаетъ мнѣ питать къ нему полное уваженіе. Мнѣ все кажется, что немногіе между Вами, т. е. правителями Польши, знаютъ *въ точности* характеръ и духъ польскаго народа. По мнѣ, такъ изъ него ласкою можно сдѣлать что угодно, а дѣтской побрякушкой повесть на конецъ свѣта. *Молчаніе*, въ польскомъ законодательствѣ, не есть *знакъ согласія*. По моему, вся бѣда, и въ Польшѣ и въ Россіи, отъ того, что дворянство и вообще образованный классъ *не знаютъ нашей общей матери Россіи*, этого неприступнаго гнѣзда славянскаго. Еслибъ польское юношество воспитывать въ томъ духѣ, что Россія есть благо для нихъ, что братство съ Русскими для нихъ честь, слава *и матеріальная выгода*, что одно средство загладить прошлое есть быть полезными Россіи службою или талантомъ,—то другая генерація въ Польшѣ была бы иная. Но въ этомъ случаѣ надобно убѣждать умъ и сердце, а *не приказывать*. Отъ того ваши Поляки не будутъ Русскими, что имъ велятъ учиться писать по русски, когда и въ Россіи нѣтъ даже посредственныхъ учителей русскаго языка. Надобно, чтобъ ваши По-

ляки думали по русски, и для этого нужно *воспитаніе*. Я обрадовался, напечатавъ въ „Пчелѣ“ извѣстіе объ экзаменѣ въ институтѣ благородныхъ дѣвицъ въ Варшавѣ! Вотъ это такъ славно! А велѣть забыть польскій языкъ, польскую исторію и литературу, воля ваша, невозможно. Царство Польское высунулось носомъ въ Европу. Въ Пруссіи, Саксоніи, Австріи вездѣ печатаются польскія книги. Что прибыли, что вы запретите въ Варшавѣ печатать и писать по польски? Книги перенесутъ изъ заграницы на рукахъ. По мнѣ, пусть бы печатали по польски въ Варшавѣ, но только въ такомъ духѣ, чтобъ измѣнить зловредное направленіе умовъ нашего несчастнаго вѣка, отравленнаго Франціей. Извини, что распространился о предметѣ, до меня не касающемся, но какъ мы говорили объ этомъ съ Ушаковымъ, то я не могъ умолчать и передъ тобой. Поляковъ истребить нельзя совершенно, такъ должно стараться приготовить новую генерацію Поляковъ, убѣжденныхъ въ томъ, что имъ безъ Россіи и внѣ Россіи нѣтъ спасенія. Еслибъ у васъ былъ Директоръ училищъ такой, какимъ я себѣ воображаю, т. е. Полякъ, преданный Россіи не за награды, а по убѣжденію,—дѣло пошло бы ладно. Да откуда взять его!

Моя „Россія“ (т. е. мое сочиненіе) разовьетъ нѣсколько понятій о нашей общей Славянской матери. Я измѣнилъ планъ сочиненія по необходимости. Вмѣсто 8-ми частей будетъ 12 частей. Первыя 4 части—2 исторіи и двѣ статистики, съ рисункомъ и 4 картами, появятся въ *нынѣшнемъ февралѣ*. О прочемъ скажетъ тебѣ объявленіе. Увидишь, въ какомъ духѣ написано сочиненіе, безъ всякой лести, лжи и подлости, въ которыхъ Россія вовсе не имѣетъ нужды, потому что она сильна правдою. Замѣчательно, что я развилъ одну идею Свѣтлѣйшаго Князя Варшавскаго. Онъ мнѣ сказалъ мелькомъ: „кажется мнѣ, что Ляхи—не славяне“. Я давай искать и рыться—и точно убѣдился въ этомъ, увидишь.

Осенью я переселяюсь въ Петербургъ. Некому для „Пчелы“ работать. Гречъ усталъ, а я крѣпчаю духомъ съ лѣтами. Для „Россіи“ моей также здѣсь нѣтъ матеріаловъ. Тамъ подъ бокомъ Румянцевскій музеумъ и Имп. библіотека.

Ты обѣщалъ мнѣ копію съ манускрипта о Мазепѣ. Клянусь тебѣ, что я не сдѣлаю изъ этого никакого употребленія, не напечатаю и не дамъ никому списать, а если захочешь, то даже для себя не спишу, а только прочту, воспользуюсь извѣстіями для моей исторіи, и рукопись отправлю къ тебѣ обратно. Ради Бога пришли мнѣ, что написалъ Мацѣевскій о происхожденіи казаковъ. Для меня это весьма важно.

Прошу отъ меня поцѣловать ручки ангелу Юльѣ Ивановнѣ и засвидѣтельствовать ей почтеніе отъ меня, отъ жены и отъ всей

моей семьи. Поклонись пожалуйста Александру Павловичу Безаку и порекомендуй его супругѣ, а при случаѣ mettez moi dans les bonnes graces de son Altesse Monseigneur le Prince de Varsovie. Онъ ко мнѣ всегда былъ ласковъ, и я кромѣ уваженія, раздѣляемаго мною съ цѣлымъ міромъ, душевно люблю его. Въ моей „Россіи“ ему будетъ монументъ, хотя не колоссальный, по объему сочиненія, но прочный и, что важнѣе, изъ правдивыхъ матеріаловъ.

Другъ Ѳаддей Булгаринъ.

N. B. Унасъ разнесся слухъ, что поэтъ Пушкинъ убитъ на дуэли барономъ Дантессомъ, кавалергардскимъ офицеромъ, - за жену. Я еще не получилъ писемъ изъ Петербурга, но Воейковъ уже писалъ съ проѣзжающимъ къ своей тещѣ Протасовой. Жаль поэта—и великая,—а человѣкъ былъ дрянной. Корчилъ Байрона, а пропалъ, какъ заяцъ. Жена его право не виновата. Ты зналъ фигуру Пушкина: можно ли было любить, особенно пьянаго!

(Съ подлинника).

7.

Карлово возлѣ Дерпта, 6 марта 1837 г.

Почтеннѣйшій и незабвенный другъ Андрей Яковлевичъ!

Съ нынѣшнею или съ будущею почтою Плюшаръ (imprimeur, libraire et editeur) отправитъ по почтѣ тебѣ и Его Свѣтлости по экземпляру веленевому и съ раскрашенными картами моей „Россіи“. Подписчикамъ вышлетъ онъ на твое имя всѣ вдругъ, въ ящикѣ. Чудно, что русскія книги въ Польшу должны проходить чрезъ таможни, и съ большею трудностью, нежели иностранныя, входягъ въ Россію. А велятъ учиться по русски! Здѣсь дѣло какъ то не клеится.

Возобновляю просьбу мою о манускриптѣ о Мазепѣ. Одолжи на всю жизнь! Еще прошу крайняго одолженія. Вели справиться, сколько въ Царствѣ Польскомъ учебныхъ заведеній, какъ называются главныя, есть ли у васъ лицей или какая высшая школа, сколько вообще въ Царствѣ учащихъ (т. е. учителей) и учащихся (т. е. школьниковъ)? Это мнѣ необходимо нужно для 3-го тома статистики. Нельзя ли получить какихъ либо свѣдѣній о фабрикахъ, мануфактурахъ, торговлѣ и промышленности. Какъ великъ у васъ вывозъ и привозъ товаровъ, сколько производства на фабрикахъ? По твоему желанію, тебѣ дадутъ

въ министерствахъ всякія возможныя свѣдѣнія. Въ Россіи печатаются въ министерскихъ журналахъ отчеты по всѣмъ отраслямъ управленія Россіи;—у васъ то, что было написано надъ дверьми классовъ въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ: „молчаніе, тишина, вниманіе и напряженіе ума". А право стоило бы, чтобы у васъ, *по примѣру Россіи*, завести хотя одинъ журналъ казенный, гдѣ бы печатались отчеты министерствъ, банковъ и проч. Нынѣ уже и въ Турціи печатаютъ объ этомъ въ Оттоманскомъ Мониторѣ. Если тебя не обременитъ, пришли мнѣ Kalendarz Warszawski na rok 1837 i Administr. kalendarzyk, изъ коего я узнаю, какія есть у васъ присутственныя мѣста. Слѣдующіе 4 тома „Россіи" выйдутъ непремѣнно въ концѣ сего 1837 года. Первые томы позадержались, но не за мной, а за картами. Было много бѣды! Катки лопнули, мастеръ сбанкротовалъ и проч. Теперь приняты противу всего мѣры.

Изъ исторіи увидишь, что я на всѣ предметы смотрю иначе, какъ мои предшественники. Еслибъ я думалъ, какъ другіе, то не зачѣмъ было бы и писать исторіи. Чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе у меня разницы съ другими. Не моя вина. Кажется мнѣ, что другіе не такъ смотрѣли на нашу исторію. Прочти всѣ предисловія. Почта отходитъ, а я заработался. Прости и ради Бога не забывай, а поддержи друга.

Ѳ. Булгаринъ.

N. B. Почтеннѣйшей Юльѣ Ивановнѣ почтеніе отъ всего моего семейства, а отъ меня нижайшій поклонъ.

(Съ подлинника).

8.

С.-Петербургъ, 18 февраля 1838 г.

Его Превосходительству Милостивому Г-рю Андрею Яковлевичу Стороженку въ собственныя руки отъ Ѳ. Булгарина.

Любезнѣйшій другъ Андрей Яковлевичъ! Вотъ тебѣ лучшій нашъ археологъ и твой землякъ Терещенко! Ради Бога будь ему Провидѣніемъ въ Варшавѣ! Онъ ѣдетъ собирать по Европѣ матеріалы для нашей святой Руси. Ты, какъ любитель и знатокъ, самъ все оцѣнишь. Обнимаю и тебя и душу твою, и прошу продолжать дружбу къ вѣрному твоему Ѳаддею Булгарину.

(Съ подлинника).

9.

С.-Петербургъ 30 мая 1839 г.

Почтенный другъ Андрей Яковлевичъ! Не гнѣвайся, что я не отвѣчалъ тебѣ скоро на твои письма. Это происходитъ не отъ холодности, но отъ избытка чувствъ. Я такъ крѣпко люблю тебя и имѣю къ тебѣ такую неограниченную довѣренность, что далъ бы годъ жизни за то, чтобъ прожить съ тобою мѣсяцъ и наговориться досыта. Но бумажная бесѣда—плохое дѣло! Бумага тряпка, и я не изливаю на ней чувствъ моихъ, а передаю прямо изъ души въ душу.

Познакомился я здѣсь съ твоею дочерью. Что это за милое и прелестное созданіе! Она, право, обворожила меня своимъ добродушіемъ, любезностью и красотою. Поздравляю съ этимъ алмазомъ! Зятя твоего Ушакова видѣлъ я нѣсколько разъ. Какъ близкій къ тебѣ человѣкъ, онъ мнѣ чрезвычайно дорогъ, но мы не имѣли времени, какъ говорится, сойтись близко. Онъ, по природѣ, какъ нѣмцы говорятъ: zurückhaltend, что въ нынѣшнемъ вѣкѣ безподобно. При томъ же, всѣ ваши Варшавскіе чиновники здѣсь такъ осторожны, что отъ нихъ едва допытаешься, бываютъ ли сѣверные вѣтры въ Варшавѣ. Пекинъ гораздо ближе къ намъ, нежели Варшава. Не знаю, нужно ли это и хорошо ли, но такъ есть.

Сына твоего, Володю, видѣлъ я однажды, когда Ушаковъ былъ здѣсь. Мы обѣдали вмѣстѣ у Дарагановъ. Мнѣ вовсе неизвѣстны причины, по которымъ Володя меня чуждается. Отъ дѣтства я любилъ его и ласкалъ. Однажды, когда онъ былъ еще пажемъ, я хотѣлъ подарить ему 10 руб. на конфекты. Онъ не принялъ. Въ наше время дѣти ѣли конфекты и не чуждались. Быть можетъ, у него антипатія ко мнѣ, и я за это не въ претензіи. Есть люди, которые падаютъ въ обморокъ отъ запаха ананаса, такъ чтожъ мудренаго, что моя физіономія можетъ не нравиться! Впрочемъ я отъ всѣхъ слышу, что сынъ твой прекрасный малый, ведетъ себя хорошо и любимъ всѣми, кто его знаетъ. Н. И. Гречъ не видѣлъ еще твоего сына.

Благодарю тебя за доставленіе знакомства съ Корвелемъ. Много ли у васъ такихъ чиновниковъ? У насъ немного. Уменъ, благороденъ и способенъ. Много для одного! Онъ страстно привязанъ къ тебѣ и знаетъ тебя въ тонкости, т. е. проникъ въ душу твою, гдѣ на днѣ—золотой рудникъ. Что онъ здѣсь разсказываетъ о тебѣ, то мы и уши развѣсили! Между прочимъ онъ говоритъ, что вся Варшава въ отчаяньи, узнавъ, что ты хочешь оставить службу, и разсказываетъ анекдоты, которые дѣлаютъ честь уму твоему и сердцу. Удивительнѣе

всего, что этотъ страстно привязанный къ тебѣ чиновникъ, этотъ умный благовоспитанный человѣкъ, вовсе не награжденъ тобою, а на Очкинѣ навѣшено крестовъ, какъ на чучелѣ! Да вѣдь Очкинъ и въ лакеи не годится къ Корвелю! Чудная игра судьбы! Этого Очкина выгнали за гнусныя дѣла изъ Горнаго Корпуса. По просьбѣ его брата, я рекомендовалъ его въ писцы въ Грузію, чрезъ покойнаго Грибоѣдова, и Очкинъ, невѣжда въ полномъ смыслѣ слова, развратникъ, дурной братъ, еще горшій сынъ,—играетъ важную роль и награжденъ, какъ геній и фениксъ чести! Не даромъ въ Варшавѣ существуетъ лотерея! Это эмблема счастья. Корвель не хочетъ болѣе служить. Если ему *при тебѣ* не повезло, то чего же надѣяться отъ *другихъ*! По моему, онъ очень умно дѣлаетъ.

Теперь поговорю о себѣ. Плюшаръ сбанкрутовалъ и увлекъ въ паденіи своемъ сочиненіе мое: „*Россія*" и проч. Я потерялъ 78,000 рублей, включая въ то число и Варшавскихъ подписчиковъ, изъ коихъ *ни одинъ* не заплатилъ даже сломаннаго шеляга! Чудная судьба этой книги! Другіе попользовались ею, а автору не досталось даже на обертку книги! Но я не упалъ духомъ и, собравшись съ деньгами, напечатаю остальное. Смирдина также увлекъ Плюшаръ въ бездну и литература чахнетъ. Геніальныхъ писателей-прозаиковъ у насъ нѣтъ, литературные журналы издаются съ желчью или невѣжествомъ, и никогда Русская словесность не была въ худшемъ положеніи. Цензура наша не зла, но глупа, не понимаетъ воли Отца Россіи и Его великихъ видовъ, и вмѣсто того, чтобъ ловить ядовитыхъ гадовъ и лютыхъ звѣрей,—бьетъ пчелъ и шелковыхъ червей! Публика ужасно охладѣла къ пакгаузу, называемому литературою. Наша „Пчела" идетъ, слава Богу, хорошо въ хозяйственномъ отношеніи, но внутреннее достоинство зависитъ вовсе не отъ насъ. Для мысли и чувства тутъ нѣтъ мѣста, а всетаки работы механической у меня столько, что не имѣю времени вздохнуть. Нынѣшній листъ „Пчелы" беретъ два прежніе. Матеріалу надобно бездна! Я издаю полное собраніе моихъ сочиненій—*компактно*. Первый томъ уже готовъ и выйдетъ въ августѣ. Тогда же выпущу и мое путешествіе въ Финляндію и Швецію, ибо лѣтомъ напрасно выдавалъ книги: у насъ ничего не читаютъ лѣтомъ. Все пришлю тебѣ по выходѣ въ свѣтъ, но уже въ Варшавѣ книгъ продавать не стану! Богъ съ ними! Удивительно, какъ Свѣтлѣйшій Князь позволяетъ въ Варшавѣ перепечатывать Русскія книги и лишать живыхъ авторовъ ихъ достоянія! Теперь, когда въ цѣлой Европѣ хлопочутъ объ уничтоженіи гнусной контрафакціи, у насъ заводятъ ее! Удивительно и ужасно! Хочешь исключить что либо изъ книги для Польши, купи право у автора и перепечатывай, но перепечатывать самовластно и

пользоваться чужимъ добромъ, какъ сдѣлалъ Павлищевъ съ книгою Устрялова,—грѣхъ и стыдъ! Неужели тебѣ нельзя выставить этого на видъ!

Жена моя и дѣти уѣхали за недѣлю предъ симъ въ Карлово, а я мучусь здѣсь одинъ. Все счастье мое въ женѣ, въ дѣтяхъ и въ нѣсколькихъ добрыхъ друзьяхъ. Гречъ вѣренъ мнѣ, какъ настоящій Пиладъ. Цѣлую ножки и ручки Юльѣ Ивановнѣ, обнимаю тебя сто разъ отъ души и благодарю, что ты, шагнувъ на ступень лѣстницы, ведущей къ земному величію, не забываешь друга, который рѣшительно не хочетъ быть ничѣмъ, а только человѣкомъ и Өаддеемъ Булгаринымъ.

(Съ подлинника).

10.

С.-Петербургъ, 14 мая 1844 г.

Милостивый Государь Андрей Яковлевичъ! Честь имѣю увѣдомить Ваше Превосходительство, что я за сочиненіе мое *Россія*—получилъ отъ Васъ въ 1842 году въ маѣ 1440 руб. ассигн., а нынѣ въ 1844 году получилъ 510 рублей ассигн., полученныхъ Вами отъ Артиллерійскаго начальства. Священнымъ долгомъ поставляю принесть Вашему Превосходительству искреннюю мою благодарность за Ваше попеченіе, а равномѣрно и Артиллерійскому начальству за просвѣщенное покровительство литературныхъ трудовъ моихъ. Съ истиннымъ высокопочтеніемъ и совершенною преданностью честь имѣю пребыть Вашего Превосходительства, Милостивый Государь, покорнѣйшимъ слугою

Ө. Булгаринъ.

(Съ подлинника).

11.

С.-Петербургъ, 15 мая 1844 г.

Ангелъ мой Андрей Яковлевичъ! Я ужасно испугался, получивъ отъ тебя письмо съ *Милостивымъ Государемъ* и *Вы*,—и даже и деньгамъ не порадовался! Наконецъ, сталъ утѣшать себя мыслью, что это письмо оффиціальное, а потому при моемъ оффиціальномъ отвѣтѣ при-

лагаю и дружеское посланіе, не полагая, чтобъ на тебѣ исполнилось: honores mutant mores. Что значатъ всѣ чины, ордена и ленты въ сравненіи съ моею безкорыстною къ тебѣ любовью и дружбою отъ дѣтскихъ лѣтъ! Трынь-трава! И тебѣ ли, умной головѣ, мѣрить достоинства званіями! Не хочу вѣрить,—а еслибъ было иначе, это былъ бы жестокій ударъ моему сердцу!

Видѣлся я съ твоимъ зятемъ Николаемъ Ивановичемъ Ушаковымъ и прочелъ до слова его новое сочиненіе о сношеніяхъ съ Кавказомъ. Хорошее дѣло, но надлежало бы оживить дѣйствіемъ и анекдотами для многочисленной публики. Твой сынъ Володя пріѣзжалъ сюда-- и былъ у меня нѣсколько разъ. Узнавъ меня покороче, онъ, кажется, полюбилъ меня. Что это за прелестный молодой человѣкъ! Ничего не молю у Бога, какъ только, чтобъ дѣти мои похожи были на твоего Володю! Поведенія—примѣрнаго, à la lettre! Всѣ отцы и матери въ Дерптѣ ставятъ его въ примѣръ дѣтямъ своимъ, начиная съ меня. Добръ, какъ ангелъ, справедливъ въ душѣ, уменъ и съ пламенною любовью къ наукамъ. Одно безпокоитъ его, а именно, онъ боится, что ты будешь недоволенъ его долгимъ пребываніемъ въ Дерптѣ! Молись Богу, чтобъ онъ подолѣе оставался въ Дерптѣ! Время не потеряно ни для него, ни для отечества. Разсуди, что годъ, и даже два, ничто, мигъ одинъ, чтобы научиться настолько по-нѣмецки и по-латыни, чтобъ слушать лекціи и читать авторовъ! Потомъ пойдетъ какъ по маслу, но безъ 4-хъ лѣтъ пребыванія въ Дерптѣ нельзя сдѣлать ничего порядочнаго, а онъ учится съ величайшимъ усиліемъ! Жалованьемъ своимъ онъ доволенъ и благословляетъ тебя за отеческіе подарочки. Славное дитя! Я, ей Богу, люблю его, какъ родного сына! Богъ далъ тебѣ еще дѣтище, съ чѣмъ и поздравляю, а мнѣ жена, дастъ Богъ, принесетъ такой же подарокъ въ іюнѣ или въ началѣ іюля! Подненько мы начали, да что же дѣлать! Надо вѣрить въ судьбу. Меня было порадовали здѣсь, что тебѣ дадутъ въ Польшѣ Министерство Внутр. Дѣлъ. Вотъ лучше взялъ бы тебя нашъ Перовскій въ помощники—товарищемъ, чѣмъ пустѣйшаго Сенявина. Въ каждомъ нумерѣ „Полицейской Газеты" находишь великіе подвиги! Чиновники Мин. Внутр. Дѣлъ ежедневно ловятъ обвѣшивающихъ на золотники и обмѣривающихъ на вершки, а, по смыслу басни Крылова, слоновъ-то и не примѣчаютъ! Я все держусь моихъ старыхъ правилъ: что надобно въ народѣ водворить сперва любовь къ закону и порядку, а тамъ уже заводить порядки. Народное воспитаніе, воспитаніе! Вѣрю, что если бы въ вашей Польшѣ знали статистику и географію Россіи и духъ русскаго народа, то не ухватились бы за нелѣпую мысль воевать съ Россіей или искать невозможной независимости! Только грубое невѣжество можетъ питать эти идеи! Еслибъ я былъ профессоромъ въ Польшѣ, я бы повторялъ каждый день съ каѳедры:

хотите быть счастливыми, будьте добрыми и вѣрными сынами *матери всѣхъ славянскихъ народовъ* Россіи! Если вамъ что не нравится въ ней теперь, вспомните, что 50 и 100 лѣтъ въ исторіи—мигъ, а народъ славянскій вѣченъ и безъ Россіи вамъ нѣтъ спасенія! Польша могла существовать независимо, когда Пруссія вовсе не существовала, Австрія была слаба, а Россія была азіятскимъ ханствомъ; но теперь безъ Россіи Польшѣ нѣтъ мѣста на земномъ шарѣ, а нѣмцы сдѣлаютъ изъ васъ тоже, что сдѣлали съ поморянами и проч., т. е. нѣмцевъ и проч. Все зло отъ невѣжества!

Завтра я выѣзжаю въ Дерптъ и пробуду тамъ мѣсяца три. Угоди старому другу и пришли боченокъ венгерскаго, адресуя или въ Ригу, на имя Бургомистра Өедора Өедоровича Тимма (Timm), или въ Дерптъ, на имя купца: Peter Martin Thun (Тунъ). Да нельзя ли прислать какихъ польскихъ историческихъ книгъ? За это возвращу деньги съ благодарностью. Н. И. Гречъ возвратился на дняхъ изъ заграницы здоровъ и веселъ, и тебѣ кланяется. Моя семья вчера выѣхала въ Дерптъ. Кланяюсь низко твоей барынѣ и тебя крѣпко прижимаю къ сердцу. Вѣренъ до гроба и за гробъ, Ө. Булгаринъ.

„Россію" мою продолжаю—и будетъ недурное дѣло! Много новыхъ видовъ и идей въ исторіи Россіи и славянщины вообще!

(Съ подлинника).

12.

28 мая / 9 іюня 1844 г.

Препровождая полученныя мною при отношеніи отъ ..——. за №..——. деньги къ тебѣ, лучшій другъ мой Өаддей Венедиктовичъ, я не имѣлъ времени тогда писать особо. Форма—формой, а дружба—дружбой.

Канцелярскій слогъ у насъ все еще такъ разнствуетъ съ литературнымъ, какъ народный языкъ съ языкомъ людей образующихся. Хотя и были литераторскія попытки въ обѣихъ родахъ усвоить что-то среднее, но слогъ даже козака Луганскаго [1]) мнѣ не совсѣмъ нравится; а

---

[1]) В. И. Даля.

канцелярскіе труженики не почли бы дѣловымъ того, кто вмѣсто дикаго слова *препровождаю*—написалъ бы просто *посылаю*.

Прискорбно мнѣ, если ты могъ усомниться, хотя бы и въ минуту какого-нибудь столичнаго впечатлѣнія, въ расположеніи едва ли не старѣйшаго изъ друзей твоихъ, украинца, по природѣ и по сердцу.

Почесть и значеніе наружныя, и увлекательные виды ихъ для честолюбцевъ, никогда не сбивали меня съ тропинки, освѣщаемой свѣтомъ доступной человѣку истины, и не отдаляли ни отъ друзей, съ которыми я сходился на оной, ни отъ трудовъ, въ коихъ искалъ самодовольствія.

Простая, но умная старуха, землячка моя, мать Алексѣя Разумовскаго, любимца Императрицы Елисаветы, говаривала сыну своему, жаловавшемуся предъ нею иногда на огорчающихъ его вельможъ: „Сынку, абы тоби свитывъ мисяць; а тыи звизды въ хмари ховаются“. Такъ и я скажу, въ переносномъ смыслѣ, о звѣздахъ, тобою упоминаемыхъ: пусть онѣ блестятъ для другихъ; но очи, силящіяся, можетъ быть, и тщетно, прозрѣть въ туманную даль познаній и просвѣщенія, не имѣютъ времени заниматься ими, созерцая свѣтило ночное, дондеже засвѣтитъ солнце для грядущихъ по насъ, коимъ мы обязаны, по мѣрѣ силъ каждаго, оставить наблюденія наши, и да послужатъ они матеріаломъ, или въ бытописаніи, или въ исторіи, или въ гражданской жизни, или, наконецъ, въ описаніи нравовъ, терпящихъ нынѣ отъ эгоизма, несознанія и недобросовѣстности.

Въ отвѣтъ на замѣчанія твои о заблужденіяхъ польскихъ,—посылаю листокъ, написанный много о Лелевелѣ, который, какъ во время возмущенія, такъ и нынѣ, болѣе другихъ дѣйствовалъ и дѣйствуетъ на легкомысленность. Когда же соберу историческія брошюрки, пришлю ихъ тебѣ при оказіи.

Вино давно мною куплено; но извощики такъ рѣдко идутъ отсюда въ Ригу, что надобно ожидать случая; отправить же нарочно одинъ боченокъ вина—было бы дорого. Да и довезется ли оно благополучно? А жаль потерять около 160 бутылокъ такого венгржина, отъ котораго и самъ Августъ II-ій облизывалъ бы губы. Впрочемъ—я не упущу оказіи.

Свидѣтельство твое о моемъ Владимірѣ восхитило отца его, искренняго тебѣ друга.

(Съ черноваго отпуска).

13.

Варшава, августъ 1845 г.

Ты совсѣмъ забылъ меня, дружище, Ѳаддей Венедиктовичъ! — Сѣмъ-ка аукну, авось откликнешься. Я хотѣлъ было пустить въ тебя бочкою венгерскаго вина, купленнаго три года тому назадъ и неотправленнаго единственно только за неимѣніемъ оказіи, но купецъ говоритъ, что лѣтомъ пересылка винъ неудобна, — итакъ подожди еще до осени.

Экое пришло на меня времячко! Право, братъ, и „Пчелы" твоей читать некогда. Не подъ лѣта приставили къ дѣлу (сверхъ всѣхъ прежнихъ тяжкихъ моихъ обязанностей), и трудному и почти непочатому и отвѣтственному по совѣсти; хотѣлось бы сдѣлать что нибудь доброе, хотѣлось бы положить хотя камушекъ для грядущихъ зиждителей; но начнешь перебирать въ умѣ предметы, требующіе хода, устройства, порядка необходимаго, и изъ множества ихъ едва найдешь такой, который отъ тебя зависитъ. Не люблю я полумѣръ; не терплю системы надувательной:—сладкихъ годовыхъ отчетовъ и наружнаго блеска; но сущность въ настоящій вѣкъ слишкомъ застѣнчива,—невидимка; да и результаты по большей части относятся не къ тому, кто ихъ причиною. Жаль, что многимъ приходится на старость то, что въ эпоху силы и здоровья сдѣлалось бы на пользу и даже на славу. Лѣта тяжеловѣснѣе для насъ булыжника, который употребляется въ гнетъ надъ разными жизненными припасами; — послѣдніе подъ тяжестію сохраняются въ прокъ; первыя же гнетутъ насъ къ землѣ и къ разрушенію.

Будучи далекимъ съ природы отъ всякой зависти, признаюсь, я иногда завидую призванію твоему, какъ писателя. Какое прекрасное поприще въ жизни! Какая независимость въ распоряженіи временемъ! — тогда, какъ служебный труженикъ на всякомъ шагу встрѣчаетъ препятствія, и не имѣя времени дѣлать всего самъ, долженъ заставлять различными мѣрами дѣйствовать въ духѣ его множество другихъ лицъ, по большей части работающихъ машинально.

Вѣчная экзерциція, вѣчное усиліе; — а утѣшеніе въ одномъ только себѣ: ибо на всѣхъ не угодишь.

Я началъ крѣпко думать о моей малороссійской хатѣ, и одна только общая польза отдаляетъ необходимое на старость успокоеніе на родинѣ. Въ наши лѣта честолюбіе обуреваетъ однихъ суетныхъ столичныхъ искателей; кто же провелъ четыре десятка лѣтъ или на бивакахъ, или подъ соломенною кровлею, или за скромнымъ письменнымъ столикомъ, тотъ смотритъ на людей и почести съ горькою улыбкою.

Почти сорокъ лѣтъ мы не теряли другъ друга изъ виду; по крайней мѣрѣ моя дружба къ тебѣ была всегда одинакова. Дай Богъ еще встрѣтиться, а еще желательнѣе было бы пожить по крайней мѣрѣ въ одномъ городѣ.

Множество періодическихъ изданій въ Сербіи удивительно; читая ихъ, не могу себѣ вообразить: какъ могло въ столь короткое время распространиться тамъ полу-европейское просвѣщеніе? 1809 года въ Бѣлградѣ я ничего не видѣлъ печатнаго кромѣ букварей и катехизисовъ.

Сдѣлай дружеское одолженіе, опиши мнѣ моего Вольдемара;—и почѐму ему кажется такъ страшнымъ экзаменъ на ученую степень? Безъ нея же нельзя начинать службу. Взявшись за гужъ, не говори что не дюжъ.

(Съ черноваго отпуска).

14.

С.-Петербургъ, 22 сентября 1845 г.

Возвратясь изъ любезнаго моего Карлова, (произведеннаго, какъ видишь на рисункѣ, изъ Лифляндскаго сарая въ замокъ), только 20 сент. 1845 г., я нашелъ твое письмо отъ 7/19 августа и спѣшу отвѣтить на него. При людяхъ буду звать тебя и Высокопревосходительствомъ и чѣмъ угодно, но *наединѣ* не могу иначе называть, какъ милымъ другомъ, ergo—ты. Мечты твои о благѣ, устройствѣ и порядкѣ края, въ которомъ ты занимаешь самую важную должность,—прекрасны и достойны твоего сердца,—но это только романъ! Безъ людей одному можно только творить *писанное и бумажное* благо, а не *существенное, осязаемое*! Хотя бы ты и успѣлъ что либо сдѣлать, другіе разрушатъ. Знаемъ мы здѣсь всѣхъ русскихъ людей, которымъ ввѣрено управленіе края! Приведу въ примѣръ одного Очкина, котораго я знаю съ тѣхъ поръ, когда его выгнали за гнусные поступки изъ Горнаго Корпуса, и когда я, по просьбѣ его брата, рекомендовалъ на Кавказъ, Грибоѣдову. Очкинъ нынѣ фигура и панъ ясневельможный, а что про него разсказываютъ—уши вянутъ! Впрочемъ, общее правило, что людямъ нельзя дѣлать добра, безъ любви къ нимъ, точно также нельзя и составить счастья края, не любя его. Это аксіома. А много ли насчитаешь у васъ русскихъ высшихъ чиновниковъ, которые бы любили край, ввѣренный ихъ попеченію, и имѣли понятіе о томъ, что есть *отечество,* что есть *высшее назначеніе человѣка*, и наконецъ, что та-

кое само *добро!* Ой, казаче, казаче,—ты все еще юнъ! Перестань думать о невозможномъ, не сочиняй романа,—а, говоря канцелярскимъ слогомъ: *очищай бумаги,* не забывая *очищать желудка.* Вотъ что составляетъ жизнь и великаго и малаго чиновника! Вся разница въ лѣтахъ, въ чинахъ и въ жалованьи.

Ты завидуешь участи русскаго писателя! Шутка это или насмѣшка? Наказываютъ вора, если онъ похититъ у меня носовой платокъ, а не хотятъ слушать, когда я жалуюсь, что меня лишили моей драгоцѣннѣйшей собственности: *идей,* заключающихъ въ себѣ сѣмена блага отечества, пользы царской, добра человѣчества!

Великъ Уваровъ—превыше Торквемады и Омара! За нѣсколько лѣтъ предъ симъ, когда я умаливалъ его дать просторъ (разумѣется законный) русскому уму, Уваровъ указалъ мнѣ на бронзовое изображеніе Центавра, стоящее на каминѣ, и сказалъ: „вотъ *народъ*". „Правда", отвѣчалъ я: „но если хотите, чтобъ животное везло и было здорово, не погоняйте *его по головѣ*".—Пожилъ бы ты, напримѣръ, съ цензоромъ Крыловымъ, который вымарываетъ въ повѣсти: „*синій фракъ*", потому что въ министерствѣ просвѣщенія синіе мундиры!!! Для меня все равно, потому что я дожилъ уже до апатіи, удостовѣрясь въ невозможности добра! Жду смерти, какъ человѣкъ, мучимый безсонницей, ждетъ сна! Не завидуй мнѣ, ради Бога! Можно позавидовать моему домашнему счастью,—но въ жизни оно такъ непрочно, что счастье составляетъ мученье, возбуждая вѣчный страхъ лишеній. Мнѣ ужасно досадно, что я родился *человѣкомъ,* а не быкомъ или собакой! На земномъ шарѣ только животныя, *живущія желудкомъ,*—счастливы! Попади капля ума и чувства въ пищеварительную машину—и бѣда! Если нельзя сдѣлать добра *людямъ,* можно сдѣлать его человѣку,—а потому сдѣлай добро *мнѣ!* Ты въ силѣ и въ средствахъ. Отними отъ мошенника Глюксберга книги и эстампы, которые взяты въ мою пользу у бѣжавшаго русскаго книгопродавца и перешли на мой счетъ ко мнѣ, въ Питеръ. Для меня это будетъ большое *добро!*

На счетъ węgrzyna я и думать пересталъ! Ничего нѣтъ легче, какъ переслать въ Данцигъ, а изъ Данцига въ Ригу или въ Питеръ. Въ Ригу на имя бургомистра Тимма, а въ Питеръ на мое. Попробую выписать чрезъ Броды. Замокъ ci-devant польскаго пана не можетъ быть безъ Венгерскаго, а въ Карловѣ нѣтъ его ни капли.

Далъ бы я одну изъ моихъ Карловскихъ башенъ, чтобы побесѣдовать съ тобою только четверть часа и объяснить много на словахъ. Verba volant, scripta manent,—а я питаю великую недовѣрчивость къ болтушкѣ бумагѣ! Есть у тебя здѣсь и враги и клеветники, какъ водится и какъ должно быть. Ума и возвышенія люди не прощаютъ. Есть и добрые люди, введенные на твой счетъ въ заблужденіе. Этихъ

надѣюсь просвѣтить. Во всякомъ случаѣ я дѣйствую, какъ истинный твой другъ, знающій твое сердце вполнѣ. Ты спрашиваешь меня о сынѣ твоемъ Владимірѣ! Что тебѣ сказать? Это просто уродъ нравственный, принимая слово уродъ въ смыслѣ *исключенія изъ общаго правила*. Много зналъ и знаю я людей, но ничего подобнаго не встрѣчалъ,—да еслибъ жилъ еще сто лѣтъ, не встрѣчу! Истинная, высокая любовь къ наукамъ и познаніямъ, благородный характеръ, удивительная скромность, умъ основательный и прочный, добрѣйшее сердце, деликатность рѣдкая—ну, словомъ, я не знаю совершеннѣе молодаго человѣка! Нѣтъ въ немъ *нашей* пылкости и воспріимчивости, нѣтъ *нашего* вѣчно разгоряченнаго воображенія, нѣтъ *нашихъ* порывовъ и вспышекъ, нѣтъ *нашей* поэзіи—и слава, трикратъ слава Богу! Знать Владиміра и любить—одно и тоже. Онъ составляетъ славу русскихъ въ Дерптѣ! Его всѣ любятъ, а болѣе *уважаютъ* въ Дерптѣ, отъ Попечителя до послѣдняго сапожника. Поведеніе—примѣрное, 15-лѣтней благовоспитанной дѣвицы. Я бы отдалъ себя въ рабство на сто лѣтъ, еслибъ хоть одинъ изъ 4-хъ моихъ сыновей былъ въ половину равенъ твоему Владиміру! Владиміръ преданъ тебѣ и всему семейству всей душой, всѣмъ доволенъ и никогда и ни на что не жалуется. Испытывая его, однакожъ, *полицейски*, я догадался, что ты желалъ бы его видѣть *блистательнымъ свѣтскимъ человѣкомъ, паркетнымъ героемъ*,—а онъ къ этому не рожденъ Ты хотѣлъ бы видѣть его блистательною звѣздою и на служебномъ поприщѣ,—*а этого не будетъ*, потому что онъ слишкомъ скроменъ, тихъ и благороденъ. Умный ты человѣкъ, а хочешь отъ сына, что я бы исторгнулъ всею моею силою изъ моего дѣтища! Владиміра счастье въ наукахъ, въ уединеніи и въ бесѣдѣ нѣсколькихъ избранныхъ пріятелей. Это настоящій человѣкъ: ecce homo! Учится онъ примѣрно. Его ставятъ *въ образецъ*, но онъ учится основательно, а не хватаетъ вершки. Ему надобно было сперва изучить нѣмецкій и латинскій языки *основательно*, gruntownie,—а на это требуется пять или шесть лѣтъ времени; - онъ же успѣлъ въ этомъ въ 3 года и въ будущемъ году сдастъ вѣрно полный экзаменъ на *кандидата правъ*! Событіе неслыханное! Благодари Бога день и ночь, что онъ далъ тебѣ такого сына! Я бы не отпустилъ его отъ моего сердца и умеръ бы сладко на груди его! Чудное дитя! Вотъ истинная Божья награда тебѣ! Кланяйся отъ меня и отъ моей жены твоей супругѣ и поцѣлуй отъ меня ручку, и не забывай вѣрнаго друга Ѳ. Булгарина.

(Съ подлинника).

15.

С.-Петербургъ, 16 декабря 1845 г.

Почтенный и старый другъ Андрей Яковлевичъ! Жду, жду отъ тебя вѣсточки и не дождусь. Ужъ не разгнѣвался ли ты за мое послѣднее письмо, въ которомъ изъ души моей излилось нѣсколько правдъ. Но вѣдь ты знаешь меня. Я молчу предъ тѣми только, которыхъ не уважаю, а, любя тебя душевно и уважая высоко, я не могу передъ тобою скрывать того, что у меня на умѣ и на душѣ. Да вѣдь я самъ знаю тебя и вѣрю, что ты презрѣлъ бы меня, если бы я не былъ съ тобою откровененъ,—и ты же запретилъ мнѣ думать, что: honores mutant mores.

Сынъ твой Владимиръ пишетъ ко мнѣ, что онъ приготовляется къ экзамену. Подарилъ ты въ сынѣ своемъ алмазъ человѣчеству и отечеству: это ecce homo! Кажется мнѣ, что душѣ его было бы здорово, если бы онъ могъ повидаться съ тобою и съ родными. Издержки на это не большія, но такое разсѣяніе, среди сильнаго ученія,—весьма полезно. Будь спокоенъ! Выйдетъ онъ изъ Университета человѣкомъ, котораго тотчасъ отличатъ и замѣтятъ на каждомъ поприщѣ службы. По-русски пишетъ онъ безъ задоринки; по-нѣмецки пишетъ—что надобно удивляться; латынь—изнасиловалъ и подчинилъ себѣ, а юридическія понятія—прекрасны; философіей освѣтилъ умъ. Другіе молодые люди портятся въ Дерптѣ, а Владимиръ поведеніемъ своимъ исправилъ многихъ. Сохрани, Господи, васъ обоихъ: отца для сына, сына для отца!

Есть у насъ здѣсь патріотическое предпріятіе: изданіе *Эрмитажной галлереи*. Издатели люди почтенные и мнѣ хорошо знакомые; не вѣтренные искатели счастья, но скромные и добрые граждане, употребившіе болѣе 200 тысячъ своего капитала на это предпріятіе въ надеждѣ на *Русскій патріотизмъ!* Высочайшій Дворъ поддерживаетъ это предпріятіе, но въ народѣ еще много первобытной дикости, чтобы понять *артистическое дѣло*. Надобно пособить, и я обращаюсь къ тебѣ съ покорнѣйшею просьбою. Поляки (весьма многіе) все еще воображаютъ. что столица Россіи—нѣчто въ родѣ стана Чингисъ-хана, съ тою разницею, что ставки каменныя. Такъ думаетъ и 9/10 Западной Европы, Пусть же они увидятъ, какія въ Царской столицѣ сокровища! Тебѣ легко пригласить къ подпискѣ нѣсколько ясневельможныхъ и яснеосвѣцоныхъ Пановъ! Помни, что я весьма остороженъ въ подобныхъ дѣлахъ и что эта моя просьба въ этомъ родѣ—*первая* и вѣрно *послѣдняя*. Такія предпріятія—*вѣковыя*. Вотъ, напримѣръ, *Сподвижники Александра I*—такъ спекуляція, *на авось!* Объ ней я молчу;—а это *дѣло солидное*. Все

въ мірѣ дѣлается *человѣкомъ*. Каковъ онъ, таково и дѣло;—а я, зная коротко издателей, по чувству обязанъ помогать имъ, какъ могу, на чужбинѣ, чтобъ убѣдить ихъ, что мы не Гунны и не Вандалы.

Сдѣлай милость, удосужься и напиши ко мнѣ хоть три строчки. Неужели некогда посвятить *три* минуты для успокоенія сердца, которое любитъ тебя безкорыстно, безъ всякихъ видовъ, не какъ Сенатора, не какъ Министра, но какъ человѣка, любитъ тихомолкомъ, и тогда только издаетъ вопль, когда услышитъ что-либо противное противу любимаго человѣка! Обнимаю тебя отъ всей души и желаю здравія и спокойствія.

Вѣрный до гроба другъ

Ѳ. Булгаринъ.

P. S. Почтеннѣйшей твоей супругѣ ручки и ножки цѣлую à la polonais!

16.

⁴/₁₆ *генваря 1846 года.*

Въ наши лѣта, достойнѣйшій другъ мой Ѳаддей Венедиктовичъ ни новыя знакомства, ни новые взгляды — не отвлекаютъ отъ старыхъ; а тѣмъ менѣе не измѣняется ни въ чемъ дружество, увѣковѣченное по смыслу: ибо и вѣкъ человѣческій, какъ называемъ мы кратковременное прохожденіе отъ колыбели до могилы,—не заключая въ себѣ вѣка историческаго,—наполненъ происшествіями, частными для другихъ, и чисто историческими для каждаго мыслящаго.

Не писалъ къ тебѣ—просто отъ недосуга; но никакое облако не потемняло и на мгновеніе моего дружескаго къ тебѣ расположенія.

Вино я послалъ наконецъ къ тебѣ осенью въ Ригу, на имя Бургомистра Тимма, о чемъ Вольдемаръ мой конечно уже извѣстилъ тебя; а какъ ты найдешь предназначаемое тобою для Карловскаго твоего замка венгерское, долженствующее тамъ состарѣться,—прошу меня увѣдомить. Прикажи только, чтобы его въ бутылкахъ не очень крѣпко закупоривали: ибо оно, по извѣстному тебѣ свойству, можетъ еще лѣтомъ и заиграть, т. е. może robić.

Благодарю тебя отъ души за пріятное извѣстіе о сынѣ моемъ. Дай Богъ, чтобы онъ скорѣе выдержалъ экзаменъ, получилъ бы ученую степень и тогда мы пріймемъ его въ объятія семейной любви и

дружбы въ Варшавѣ, ежели останемся здѣсь въ теченіе этого года. Пріѣхать ему сюда отставнымъ офицеромъ, хоть бы и съ самыми глубочайшими, но не явными, свѣдѣніями,—не ловко, о чемъ я писалъ къ нему со всѣми подробностями, а годъ времени въ занятіяхъ пролетитъ такъ, что и оглянуться не успѣетъ; за то послѣ, зады для него будутъ самыми пріятнѣйшими; сего нельзя приложить ко всякому.

Чрезъ нѣсколько дней, поотдѣлавшись, послѣ праздниковъ, напишу къ тебѣ болѣе, ограничиваясь нынѣ сердечнымъ желаніемъ тебѣ съ семействомъ всякаго добра и здравія.

(Съ черноваго отпуска).

17.

7/19 февраля 1846 г.

И въ самую мрачную темницу проникаютъ лучи надежды и свѣта, безъ чего узникъ не могъ бы выносить своего положенія. Это можно примѣнить и къ труженику, повергнутому въ темноту, или хаосъ многодѣлія. Онъ также не снесъ бы тяжкаго, неблагодарнаго, отвѣтственнаго по совѣсти бремени своего, если бы надежда на успокоеніе по трудахъ и мимолетящая мысль о какомъ нибудь любимомъ имъ предметѣ – не мелькали съ улыбкою въ его воображеніи.

Недавно я нечаянно взглянулъ на книжку подъ заглавіемъ: *Listy o Szwecyi—Eust. Hr. Tyszkiewicza*. Любопытство заставило перелистовать ее, ибо Тышкевичъ описываетъ въ ней, какіе документы относительно къ Польшѣ и Россіи онъ видѣлъ въ тамошнихъ библіотекахъ [1]. Посылаю при семъ къ тебѣ, почтеннѣйшій другъ мой Ѳаддей Венедиктовичъ, реестрикъ показавшагося мнѣ достойнымъ свѣдѣнія любознательныхъ. Нельзя ли намъ какъ нибудь списать помѣщенные въ реестрикѣ документы? У тебя есть въ Петербургѣ много знакомыхъ Поляковъ; отъ васъ часто ѣздятъ въ Швецію; если бы ты могъ поручить кому нибудь изъ нихъ переписать означенные акты, то сдѣлалъ бы прислугу для занимающихся исторіею; если бы даже это стоило и издержекъ, то я охотно принимаю въ нихъ участіе [2]).

---

[1]) Listy o Szwecyi pisał Eustachy Hr. Tyszkiewicz. Tom I, Wilno 1846, str. 117—148. [2]) **Къ черновику приложена слѣдующая замѣтка, написанная рукою В. А. Мацѣёвскаго:** W świeżo wydanem dziele: *Listy o Szwecyi pisał Eust. Hr. Tyszkiewicz. Tom I. Wilno 1846*, znajdują się ciekawe wiadomości o rękopisach, będących w zamku

Твой Рижскій Бургомистръ Тиммъ видно все еще сбирается написать тебѣ о полученномъ отъ меня винѣ; а если оно уже въ Карловѣ, напиши, какъ ты нашелъ его и сколько вышло бутылокъ.

Издателямъ Эрмитажной Галлереи я тотчасъ отвѣчалъ на письмо ихъ; но ни гравюръ, ни даже проспекта изданія отъ нихъ еще не получилъ; врядъ ли они найдутъ здѣсь охотниковъ на подписку; впрочемъ я прикажу огласить предпріятіе ихъ во всѣхъ здѣшнихъ публичныхъ вѣдомостяхъ.

Если бы ты встрѣтилъ невозможность въ списаніи польскихъ актовъ въ библіотекѣ графа Браге, пожалуйста напиши мнѣ;—я буду просить объ этомъ Министра Просвѣщенія.

Будучи въ Вильнѣ 1839 года, я видѣлъ въ библіотекѣ графа Хрептовича старинную карту Литвы и части полуденной Россіи. На картѣ этой означены лазни: Гедимина близъ Очакова и Витольда—ниже настоящаго города Николаева. Теперь же прочиталъ статью Скальковскаго въ Журналѣ Мин. Внутр. Дѣлъ за августъ, въ которой подтверждается существованіе означенныхъ лазней или купаленъ. Заднѣпрщина наша доселѣ почиталась вольною степью, ни почему не любопытною, исключая гарцованія запорожцевъ съ татарами; а если бы кто углубился хотя нѣсколько въ древность, то не только нашелъ бы тамъ слѣды язычества Литовскаго, но и гораздо древнѣйшіе памятники. Мнѣ самому случилось видѣть въ Екатеринославлѣ въ одномъ пустомъ огородѣ нѣ-

---

Skokloster pod Sztokholmem, do Hrabiego Brahe należącym. Rękopisy te wzięte zostały przez Szwedów z Polski, w czasie wojny ich z Polakami za panowania u nas Jana Kazimirza. Wypisuję tytuły tych rękopisów, które się odnoszą do czasu Samozwańców i dotąd znane mi nie były.

Własnoręczne Pamiętniki Jana Piotra Sapiehy, znanego Protektora obu Samozwańców (Tyszk. str. 117).

Chowańskiego Bojara korrespondencya z XX. Radziwiłem Hetmanem 1615 (tamże 132).

Poselstwo Moskiewskie od Szujskiego, słuchane w Krakowie dn. 3 Januar. 1607 (tamże 135).

Dyaryusz, tyczący się Maryny Carowej (tamże 142).

List od Cara Szujskiego do Wojewody Smoleńskiego; listy przejęte Wojewody Smoleńsk. do Szujskiego (tamże 144).

List Carowej do P. Przemyślskiego 1609 (tamże 145).

List Carowej do Króla 1610. Uniwersał Cara Dymitra 1610 (146).

List od kozaków Zaporozkich do Króla po wzięciu Staroduba 1610 (tamże 146).

Wypis z listu Posłów Moskiewskich do Filareta Metropolity, pisanego do Orszy (tamże 148).

Listy od Michajła i Filarety do Zaporozkich 1618 (tamże 148).

сколько каменныхъ языческихъ болвановъ, огромнаго размѣра, обдѣланныхъ недурно, кои представляютъ какихъ-то монголовъ съ калмыцкими глазами и съ тонкими длинными усами.

Желаю тебѣ, другъ мой, съ семействомъ здоровья.

(Съ черноваго отпуска).

18.

С.-Петербургъ, 19 марта 1846 г.

Старый и вѣрный другъ лучше милліоновъ двухъ!

Не отвѣчалъ по весьма важнымъ причинамъ! Ты далъ мнѣ комиссію о прінсканіи человѣка для выписки документовъ въ Швеціи;—я искалъ человѣка и не нашелъ! Документы эти, особенно Dziennik Jana Sapiehi,[1]) я самъ видѣлъ въ Швеціи, въ замкѣ Скоклостерѣ, принадлежавшемъ покойному графу Браге, и говорилъ объ нихъ въ моемъ „*Путешествіи въ Швецію*". Писано такимъ почеркомъ, что надобно умѣть разобрать. Вышли Мацѣёвскаго на казенный счетъ, если можешь: надобно человѣка *ученаго*, а не кого нибудь. А преважныя вещи для эпохи Самозванцевъ!

За вино милліонъ спасибо, но я его не получилъ и едва ли получу! Таможня выпьетъ! Директоръ Департ. Внѣшней Торговли Языковъ обѣщалъ сдѣлать возможное и невозможное, но едва ли вырветъ изъ глотки таможни. Трудностей бездна. Всетаки мое дѣло—заплатить долгъ. Ради Бога напиши, что тебѣ стало вино,—и я возвращу деньги съ величайшею благодарностью. Удивительны и непостижимы сообщенія съ Варшавой! Не могу до сихъ поръ выслать тебѣ моихъ „Воспоминаній" Надобно послать въ *вашу цензуру*. Обѣщали мнѣ, однакожъ, переслать чрезъ канцелярію Туркула. Чрезъ служащаго въ Русской службѣ француза Оже (Augér), котораго Государь Императоръ лично знаетъ и жалуетъ, ибо онъ служилъ въ Измайловскомъ полку, сынъ Николая Ивановича Греча послалъ въ Парижъ къ отцу Гречу книги, которыхъ списокъ при семъ прилагается. Изъ письма Оже,

---

[1]) Дневникъ старосты Усвятскаго Яна Петра Сапѣги по рукописи изъ библіотеки графа Браге изданъ былъ только въ 1901 г. Александромъ Гиршбергомъ въ книгѣ: Polska a Moskwa w pierwszej połowie wieku XVII, str. 167—332.

тутъ же прилагаемаго, усмотришь, что книги у него отняли на границѣ, какъ опасныя вещи. Ужели и Русскіе календари—вещи запрещенныя? Вещи, непостижимыя умомъ человѣческимъ!

Выбрался я писать къ тебѣ не въ пору и некстати. Воображаю, сколько у тебя теперь хлопотъ и заботъ при нынѣшнихъ обстоятельствахъ! Ахъ, что это за скоты! На границѣ Польши слѣдовало бы надписать: *страна сумасшедшихъ*. Не Польшей ей называться, а *Безуміей*. Да тутъ понять нельзя ни крохи! Ужели пьяная и глупая шляхта хотѣла воевать съ тремя державами? Воля твоя, il y a du comique!. Эта такая жалкая фарса, которой и самъ Шекспиръ не выдумалъ бы. Я бы просто, безъ церемоніи,—поролъ нагайками! Вѣдь это изъ рукъ вонъ! Мы здѣсь въ Петербургѣ читаемъ и глазамъ не вѣримъ. Хороша и французская палата—нечего сказать! Поджигатели и смертоубійцы эти господа французскіе депутаты, а Чарторижскій—высокое комическое лицо, политическій Фальстафъ, созданіе Шекспировское, а по русски: гороховый шутъ! Какъ тутъ серьезничать съ ослами? Воображаю, что это долженъ быть за народъ, эти woiownіki, собравшіеся ниспровергнуть три Царства! Искренне сожалѣю о тебѣ, что ты долженъ бороться съ этими дикими звѣрями. Я, какъ Тарасъ Скотининъ въ *Недоросль* фонъ Визина,—лучше бы хотѣлъ жить со свиньями, чѣмъ съ этими людьми. Заслужили прозваніе *безмозглые*—нечего сказать!

Вчера еще получилъ письмо отъ твоего и моего милаго и дорогого Владимира. Онъ приготовляется къ *большей части экзамена*, и я увѣренъ, что сдастъ его превосходно. Онъ хотѣлъ было пожить въ Москвѣ, но я ему отсовѣтовалъ, ибо знаю, что тамъ университетъ въ совершенномъ упадкѣ, и тамъ бы онъ забылъ, чему учился. Къ тому же и жизнь и юношество въ Москвѣ—незавидныя! Пусть кончаетъ, гдѣ началъ. Я видѣлъ много и знаю, что эти переселенія изъ одного университета въ другой ни къ чему доброму не ведутъ.

Мы живемъ здѣсь, какъ у Христа за пазухой. Тихо, смирно, и благословенно! Предержащія власти ко мнѣ, благодареніе Богу, милостивы, а я кругъ жизни моей ограничилъ семьей и моей работой. На лѣто выѣду въ мое милое Карлово. Еслибъ тебя не было въ Варшавѣ, то забылъ бы, что Польша существуетъ. Она только терзаетъ душу мою, огорчая нашего добраго Государя и отравляя счастье несчастныхъ и безвинныхъ, которымъ судьба повелѣла родиться и жить въ этой безумной странѣ. Отъ тебя не могу требовать отвѣта на мое письмо, ибо ты, вѣрно, и день и ночь теперь въ работѣ. Молю Бога, да укрѣпитъ твои силы и да пошлетъ средства къ скорому устраненію безумныхъ покушеній дикихъ звѣрей и успокоенію страны. Прошу почтен-

нѣйшей твоей супругѣ поцѣловать отъ меня ручку и сложить низкій поклонъ отъ жены моей, составляющей въ теченіе 24 лѣтъ счастье моей жизни! Съ любовью и уваженіемъ остаюсь на вѣки вѣрный другъ

Ѳ. Булгаринъ.

(Съ подлинника).

19.

Варшава $^{2}/_{14}$ апрѣля 1846 г.

Такъ, почтеннѣйшій другъ мой Ѳаддей Венедиктовичъ,—отяготѣло надо мною разысканіе темноты кромѣшной, исчадій ада нравственнаго, образующихся въ несытый вѣкъ, въ которомъ досталось жить намъ! Ухищренія, злость, глупость и легковѣріе—такъ перепутаны между собою, что, мнѣ кажется, легче раздѣлить тонкую паутину на нити, нежели разыскать правду. Горестно—чувство такой невозможности; хотя совѣсть и успокаиваетъ самоотверженіемъ и руководствомъ добра, но тяжесть необъятныхъ трудовъ—невыносима. Исчерпалъ я и разумъ и сердце; чувствую необходимость подышать инымъ воздухомъ; не поѣду однакоже для того въ спасительный для меня Карлсбадъ, дабы не проѣзжать ни Пруссіи, ни Кракова;—а поплетусь для отдохновенія на родину, подъ соломенную кровлю предковъ моихъ. Тамъ не услышу ни о коммунизмѣ, ни о соціализмѣ, ни о безмозглыхъ и дерзновенныхъ Польскихъ эмиграціонныхъ партіяхъ мнимо-аристократической и буйно-демократической. Это какія-то шальныя пародіи; надобно читать газеты ихъ и Газету Познанскую, чтобы вѣрить въ сбыточность самыхъ безразсуднѣйшихъ предпріятій, означающихся кровавыми чертами.

Я вчера видѣлъ двѣ конечности жалкихъ представителей Польши: подъ однимъ номеромъ случайно посажены три дигнитарія Rzeczy Pospolitej, существовавшей 8 дней въ Краковѣ, коимъ 219 лѣтъ отъроду; а подлѣ нихъ, въ другомъ номерѣ, застаешь 3-хъ wojowników, имѣющихъ въ совокупности 54 года. Прошу же разсудить теперь: чего случиться не можетъ на землѣ, которую ты назвалъ Безуміею?

Но я „nie bocian,—świata nie oczyszczę“—и если бы былъ убѣжденъ, что стремленіе мое къ общей пользѣ увѣнчается или хоть нѣкоторымъ успѣхомъ, или признательностію, то плылъ бы и противу воды; а какъ ни того, ни другого не предвижу,—охотно je cède ma place

pour le plus digne. Болѣе году бьюсь, какъ рыба объ ледъ; кажись и сдѣлалъ нѣчто по прямой моей обязанности; но впереди mer à boire; а къ тому еще и эти безпутныя продѣлки политическія. Силъ недостаетъ тащить фуры дряни на немазанныхъ колесахъ.

Радуюсь отъ души, что Вольдемаръ мой собрался сдать экзаменъ и потомъ поступить на поприще гражданской службы. Состояніе наше истинно весьма ограниченное. Пока служу—занимаю палаты; въ собственномъ же углѣ могу только укрыться отъ непогоды. Благодарю милосерднаго Создателя и за это. Меня увѣряютъ, что я соскучусь въ деревнѣ, какъ бы мнѣ было лѣтъ 30 только; я же думаю совсѣмъ противное;—впрочемъ, если 40-ка-лѣтняя служебная опытность для чего нибудь понадобится, то, полѣчившись и отдохнувши, готовъ и умереть не только за письменнымъ столикомъ, но даже и на бивакахъ. Привычка—вторая натура; съ этимъ я вполнѣ согласенъ.

Вино твое, по удостовѣренію отправившаго оное, давно уже въ Ригѣ. Посмотримъ, получишь ли ты доброе венгерское, или уксусъ. Тогда такъ и разсчитаемся.

Обнимаю тебя отъ всего сердца...

P. S. Юлья Ивановна свидѣтельствуетъ тебѣ свое почтеніе и мы оба вмѣстѣ желаемъ доброй твоей супругѣ съ семействомъ вашимъ истиннаго добра и здоровья.

(Съ черноваго отпуска).

20.

С.-Петербургъ, 15 апрѣля 1846 г.

Добрѣйшій и благороднѣйшій Андрей Яковлевичъ!

Много ты сдѣлалъ добра въ жизни, а наконецъ пришло къ тому, что сдѣлаешь благодѣяніе сорокалѣтнему твоему другу, который взываетъ къ тебѣ о помощи! Служу я тебѣ здѣсь вѣрно, какъ будочникъ, и твердо увѣренъ, что ты наградишь меня за вѣрную тебѣ службу! Вотъ въ чемъ дѣло.

Передъ нынѣшнимъ постомъ, выдалъ я замужъ племянницу моей жены и мою воспитанницу Мальвину—пѣвицу, которую ты вѣрно не забылъ, за подпоручика Фридриха Кина. Будь онъ сомнительный человѣкъ, я бы не выдалъ за него дѣвицы, которую воспитывалъ, какъ

родную дочь, отъ трехлѣтняго ея возраста. Кинъ человѣкъ разумный, серьезный, честный и благонамѣренный: истый старинный Германецъ. Онъ былъ въ Кавказскомъ корпусѣ и здѣсь въ отпуску, но какъ предержащія власти ко мнѣ, благодареніе Богу, милостивы, то по первому моему письму князь Чернышевъ перевелъ его въ коммисаріатскій штатъ, что увидишь изъ прилагаемой копіи милаго его письма ко мнѣ. Прошу тебя, заклинаю и умоляю, переведи его данною тебѣ отъ Бога и Царя властью, или посредствомъ друзей твоихъ, въ Варшаву, или помощникомъ смотрителя Главнаго Госпиталя въ Варшавѣ, или смотрителемъ провіантскаго магазина на Прагѣ, или въ цитадели, или въ такъ называемое званіе Pisarz Solny. На это мѣсто надобно залогу 20,000 злотыхъ: залогъ есть и будетъ представленъ въ 24 часа Если же нѣтъ вакансіи, дай *что нибудь въ этомъ родѣ*; отъ фронтовой и адъютантской службы, а равно и канцелярской мы отказываемся. Кинъ знаетъ польскій языкъ, ибо, по обстоятельствамъ, кончилъ курсъ наукъ въ гимназіи въ Кѣльцахъ, — но онъ не полякъ, а нѣмецъ родомъ. Если передъ выѣздомъ своимъ не можешь заняться этимъ дѣломъ, поручи его доброму и благородному Николаю Ивановичу Ушакову. Я увѣренъ, что онъ не откажетъ,—да твердо убѣжденъ, что и Свѣтлѣйшій Фельдмаршалъ, всегда на меня милостивый, не откажетъ мнѣ въ моей просьбѣ, отъ исполненія которой зависятъ счастье и спокойствіе моего семейства. Только бы представить ему дѣло—что несомнѣнно сдѣлаетъ добрый Николай Ивановичъ! И такъ благоволи бросить благодѣяніе въ семейство друга твоего! Впередъ благословляемъ тебя! Варшава пріобрѣтетъ пѣвицу и милую дамочку, которой талантомъ восхищалась и сама Віардо Гарсія, а служба получитъ честнаго, умнаго и благороднаго человѣка. Это par dessus le marché, какъ говорятъ французы!

Чрезъ Варшавскаго Русскаго книгопродавца послалъ я тебѣ мои *Воспоминанія*, а теперь посылаю извлеченіе изъ изданнаго Смирдинымъ сборника *Новоселье*, часть III. Статья эта имѣла счастье обратить на себя вниманіе Августѣйшаго моего благодѣтеля и покровителя Государя Императора! Прошу доставить и другія двѣ брошюры по адресамъ. Богъ знаетъ, не примчусь ли я къ тебѣ въ Малороссію: такъ мнѣ нужно переговорить съ тобою,—если ты не проѣдешь чрезъ Дерптъ. Вѣдь экзаменъ Владимира еще *неокончательный*. Такого экзамена нельзя состряпать за одинъ разъ! Дай ему волю—это будетъ такой чиновникъ, за котораго начальники драться станутъ между собою. По русски пишетъ онъ мастерски, безъ задоринки. Жена моя свидѣтельствуетъ свое почтеніе Юліи Ивановнѣ, а я caluię nóżki i rączki po staropolsku. Какъ ни глупы были старые поляки, но въ милліонъ разъ были и умнѣе

и благороднѣе нынѣшнихъ обитателей Безумія! Обнимаю тебя отъ души и остаюсь на всегда вѣрный и неизмѣнный другъ и слуга

Ѳаддей Булгаринъ.

N. B. При семъ прилагается формуляръ Кина.

(Съ подлинника).

21.

С.-Петербургъ, 12 января 1847 г.

Почтеннѣйшій другъ Андрей Яковлевичъ!

Не писалъ я къ тебѣ по двумъ причинамъ: 1) Спрашивалъ я зятя твоего Н. И. Ушакова, гдѣ ты, когда воротишься и проч. и не получилъ отвѣта; 2) Знаю, что тебѣ некогда заниматься чтеніемъ пустыхъ писемъ.—Начинаю это письмо благодарностью за Węgrzyna. Наконецъ получилъ и попробовалъ! Хорошо вельми! Разлили мы по бутылкамъ, но не знаю, съ умѣньемъ ли. Дастъ Богъ дожить до лѣта, перелью наново. Употребили и нужную подливу. Прошу покорно извѣстить меня: много ли я тебѣ долженъ денегъ, которыя и возвращу съ благодарностью.

Весьма жаль, что Варшава отдѣлена отъ насъ Китайскою стѣною. Не знаемъ мы здѣсь въ точности ни умственнаго движенія, ни матеріальной жизни этого уголка великаго Царства Русскаго. Не извѣстія, а только слухи доходятъ къ намъ изъ Польши, какъ изъ Китая, и тогда только что нибудь прогремитъ, когда Поляки взбѣсятся. Это безмолвное раздѣленіе, по моему мнѣнію, весьма мѣшаетъ сліянію племенъ во-едино.

Владиміръ твой кончилъ блистательно экзаменъ на званіе кандидата, но за патентомъ дѣло стало, потому что одинъ безтолковый нѣмецъ сдѣлалъ замѣчаніе на его ученую диссертацію. Нѣмецъ воображаетъ, что *совѣстные суды*—есть тоже, что *присяжные* (jury), какъ въ древности *12 мужей* и *цѣловальники*. Вретъ нѣмецъ! Совѣстный судъ не имѣетъ никакого отношенія къ древности—и Владиміръ правъ, а теперь сидитъ въ Царскомъ Селѣ, въ уединеніи, и доказываетъ нѣмцу, что онъ совралъ. Все это хорошо, но мнѣ кажется, что Владиміръ ужъ слишкомъ пристрастился къ наукамъ и работаетъ свыше силъ своихъ. Онъ даже постарѣлъ отъ безпрерывнаго напряженія ума·

Если совѣтъ мой можетъ быть выслушанъ, то я просилъ бы тебя, высылая Владимира за границу, *запретить* ему отцовскою властью снова корпѣть по Университетамъ. Пусть проѣдется по Европѣ, посмотритъ людей и различныя учрежденія, *заглянетъ* въ Университеты, но полно школьничать! Онъ на смерть заучится! Мнѣ крайне досадно, что онъ простеръ свою страсть слишкомъ далеко. Одно изъ двухъ: или быть профессоромъ, или ученымъ чиновникомъ. Для второго у него уже довольно матеріала. Но за границу вышли его непремѣнно. Добро надобно всегда дѣлать *вполнѣ* или вовсе не дѣлать. Нѣсколько тысячъ рублей не раззорятъ тебя, а вояжъ для Владимира будетъ весьма полезенъ. Онъ просто удивительный человѣкъ! Живетъ, какъ монахъ, непричастенъ глупостямъ свѣта, и поведеніемъ своимъ и скромностью снискиваетъ вездѣ общее уваженіе и любовь. Поздравляю тебя съ такимъ сыномъ! Высшей милости отъ Бога нельзя ждать! Все прочее трынь-трава.

Литература наша жалкая и бѣдная. Журналы глупы, какъ гуси, вопятъ безъ смысла и подчиваютъ Русь безграмотными переводами или безсмысленными сказками. Языкъ искаженъ, какъ во время столпотворенія. Все гнусная спекуляція, по несчастію поддерживаемая интригою. О благѣ литературы—никто не мыслитъ. Историки близоруки и пишутъ по заказу. Ученый міръ, состоящій изъ нѣсколькихъ нѣмцевъ, повторяетъ сказанное въ другомъ мѣстѣ. Въ одномъ Дерптѣ еще свѣтится огонекъ. Мнѣ такъ все это надоѣло и опротивѣло, что я только высматриваю время, какъ бы дать стречка отсюда и запереться въ моемъ Карловѣ. Скучно, тошно и тяжело.

Податель сего письма—мой племянникъ, славный малый и кое чему учился. Это первый Булгаринъ православной вѣры. Прошу Н. И. Ушакова, нельзя ли оставить его въ Варшавѣ. Попроси и ты, ради старой дружбы. Племянникъ мой прекрасный штабный офицеръ. Посылаю чрезъ него 3 томъ Воспоминаній. Они здѣсь понравились и даже враги должны были сказать объ нихъ доброе слово. Главное, что тутъ все правда. Всему есть живые свидѣтели въ Петербургѣ. Эти „Воспоминанія" составляютъ мое утѣшеніе.

Боюсь утомить тебя моимъ письмомъ и кончу, повторяя чувства любви и преданности къ тебѣ, съ которыми слягу въ могилу.

Вѣрный другъ Ѳ. Булгаринъ.

(Съ подлинника).

22.

Варшава, 28 января (9 февраля) 1847 г.

Мнѣ весьма пріятно, лучшій другъ мой Ѳаддей Венедиктовичъ, что угодилъ тебѣ виномъ, а еще пріятнѣе то, что я первый положилъ основаніе въ погребу твоемъ Карловскомъ нектаромъ гостепріимныхъ предковъ, попивавшихъ себѣ его, приговаривая: „non est vinum nisi hungaricum!“.

Посылая вино, я право не думалъ о заплатѣ за него; но если ты непремѣнно хочешь расплатиться, то пришли мнѣ изъ Петербурга Полтавской губерніи въ г. Пирятинъ столько бутылокъ краснаго Портвейна, не дороже 60 копѣекъ за бутылку, сколько вышло ихъ изъ присланнаго мною боченка; за транспортъ же извощику, по накладной, уплатитъ въ Пирятинѣ прикащикъ моей деревни Щербаковки, состоящей въ 5 верстахъ отъ Пирятина.

Какъ ни хвастаетъ настоящее поколѣніе новыми своими идеями, но въ старину, а особенно въ Польшѣ, и жили и учились лучше нынѣшняго. Ты говоришь, что у васъ кругъ ученыхъ ограничивается нѣсколькими нѣмцами;—здѣсь же, исключая двухъ-трехъ, никто даже не читаетъ ничего, кромѣ газетныхъ новостей и провозимыхъ тайно одностороннихъ пошлыхъ брошюрокъ, издаваемыхъ на польскомъ языкѣ tułaczami świata. И эти-то политическія пародіи, при которыхъ бываютъ и картинки модъ, изображающія бородатыхъ франтовъ, даютъ работу полиціи.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я написалъ разсказанное мнѣ однимъ изъ ученыхъ здѣшнихъ моихъ пріятелей о Лелевелѣ, а потомъ написалъ и śpiewkę, кои при семъ прилагаю.

Если тебѣ, какъ говоришь, все надоѣло, то какъ-же допекло меня, обреченнаго на вѣчныя разысканія жалкихъ и безумныхъ попытокъ. Ты сбираешься въ свое Карлово; а я только и думаю о моей роскошной,— беззаботной Малороссіи. Неужели мы, и удалившись отъ свѣта, не увидимся? Мысль грустная. Племянникъ твой однако же говоритъ, что ты бодръ, веселъ, слѣдовательно и подвиженъ; поэтому—надѣюсь обнять тебя подъ чистымъ украинскимъ небомъ въ козачьей хатѣ стараго друга твоего.

Владимира я непремѣнно отпущу за границу; пусть посмотритъ на настоящихъ нѣмцевъ; пусть послушаетъ ораторовъ Берлинскаго университета, почитающихъ себя если не Богами, то вдохновенными божествами.

Насчетъ службы моего Владимира я еще ничего не придумалъ; увидѣвшись съ нимъ,—посовѣтуемся, и отъ него будетъ зависить путь, по которому онъ пойдетъ съ честію. Праздныхъ, безъ мѣстъ, безъ видовъ на доступное у насъ дворянину значеніе, молодыхъ людей я не люблю. Одна только старость имѣетъ право на успокоеніе по трудахъ многолѣтнихъ.

Правда, что большая часть нашихъ русскихъ журналовъ, или журналистовъ, охриплымъ крикомъ своимъ подобны гусямъ, или лучше еще „Indykom". Послѣдніе всегда повторяютъ то, что произносится громче обыкновеннаго разговора. Мнѣ разсказывали анекдотъ, что одинъ генералъ принужденъ былъ оставить службу именно чрезъ Indyków.

Дѣло было такъ: Однажды онъ производилъ смотръ войскамъ; недалеко линіи фронта мальчишка пасъ Indyki. Генералъ, подъѣзжая къ ротѣ, или къ баталіону, обыкновенно здоровался съ солдатами и получалъ въ отвѣтъ громогласное: „Здравія желаемъ, Ваше Превосходительство"! Indyki кричали въ свою очередь; что произвело смѣхъ. Генералъ сердился; велѣлъ гнать Indyków прочь; но ничтожное обстоятельство это сдѣлало его дѣйствительно смѣшнымъ до того, что онъ вышелъ въ отставку.

На дняхъ мнѣ удалось прослушать *Петербургскій Сборникъ*, изданный Н. Некрасовымъ. У меня болѣли глаза; а потому вечера проводилъ я дома. Рано ложиться спать не могу. Дѣловыя бумаги утромъ какъ-то легче исполняются. И такъ, когда мнѣ читали статью въ Сборникѣ о Литературѣ г. Бѣлинскаго, я надиктовалъ замѣчанія мои на нее, кои при семъ также посылаю тебѣ для прочтенія.

Благодарю тебя покорнѣйше за присылку 3-й части твоихъ Воспоминаній. Первыя части ихъ меня занимали самымъ пріятнѣйшимъ образомъ. Твоя прабабка, житье родителей твоихъ, гаснувшая воячка, положеніе людей въ польскихъ губерніяхъ послѣ раздѣла Польши, Ферзенъ, твоя корпусная эпоха—все это живо, картинно. Здѣсь оно во сто разъ интереснѣе, нежели въ Петербургѣ.

Но пора перестать и пожелать тебѣ здоровья и охоты продолжать воспоминанія.

(Съ черноваго отпуска).

23.

С.-Петербургъ, 7 марта 1847 г.

Почтенный и неизмѣнный другъ Андрей Яковлевичъ!

Вѣрно, какъ Богъ на небеси, что я люблю твоего Владимира, какъ родного сына, и что ничего не прошу для себя у Бога, какъ только, чтобъ мои дѣти похожи были на твоего Владимира. Былъ онъ всегда малый умный и благородный, а вотъ теперь и ученый. Учился онъ основательно и сдѣлалъ чудо, пріобрѣвъ степень кандидата въ столько времени, въ сколько другіе едва вступаютъ въ двери храма наукъ. Въ Дерптѣ онъ пріобрѣлъ общую любовь и уваженіе и всѣ отцы семействъ указывали на него своимъ дѣтямъ, какъ на образецъ. Наградилъ тебя Богъ! По характеру, твой Владимиръ человѣкъ сорокалѣтній. Ради Бога не стѣсняй его воли и позволь жить на свѣтѣ по его влеченію. Чтобъ ты не предпринималъ, никогда ты не сдѣлаешь изъ него ни свѣтскаго франта-визитера, ни честолюбца. Онъ человѣкъ кабинетный, находящій наслажденіе только въ маломъ кружкѣ умныхъ и честныхъ людей или въ доброй семьѣ. Я почитаю это высокимъ благомъ, дарованнымъ ему свыше, и не знаю какъ ты думаешь объ этомъ.

Благодарю за пріемъ моего племянника, офицера. Безакъ не исполнилъ моей просьбы, боясь опасностей Варшавы для юноши! Но опасности для нравственности не въ большомъ городѣ, а въ глуши. Въ городѣ онъ могъ бы имѣть kochankę,—въ чемъ не будетъ недостатка и въ деревнѣ,—но въ городѣ молодой человѣкъ, живущій въ обществѣ, не сопьется и не получитъ коръ-де-гардныхъ привычекъ. Впрочемъ я за отказъ не въ претензіи—и зналъ впередъ, что изъ моей просьбы ничего не будетъ. Вѣдь я никому не нуженъ въ Варшавѣ, а между людьми все идетъ *на промѣнъ*. Кто въ 57 лѣтъ не знаетъ людей,—ten kiep.

Вино я не могу тебѣ послать прежде осени. Дорогъ нѣтъ, и Пирятинъ все равно, что Бухара или Кашемиръ. Прямыхъ сообщеній нѣтъ. Мнѣ обѣщали дать знать, когда пойдетъ на осень транспортъ съ аптекарскими матеріалами въ Лубны,—тутъ я приплету и вино. Ты же не живешь въ деревнѣ, такъ все равно, сегодня или завтра.

Ты видишь одну глупость въ русскихъ журналахъ, а я вижу больше, но молчу. Чистый *коммунизмъ*, проповѣдуемый явно, безъ всякихъ обиняковъ. Напримѣръ, въ „Отеч. Запискахъ", 1844 г. № 2, стр. 98, въ статьѣ *Іезуиты* напечатано: „Богъ на крестѣ, освящающій *свободу и равенство* не однихъ Римскихъ гражданъ, но и всѣхъ людей, какъ членовъ одного человѣчества, присущаго его божественности,—вотъ что побѣдило древній *міръ и не престаетъ развиваться и оплодотворяться въ мірѣ новомъ*". Ка-

ково тебѣ это покажется? И этотъ журналъ покровительствуется и продается въ провинціяхъ жандармами и чиновниками всѣхъ вѣдомствъ, по предписанію Директоровъ Департаментовъ, восхваляется съ каѳедръ и проч. Судьбы Промысла неисповѣдимы! Повѣрили ли бы во Франціи, что подобныя правила распространяются именемъ Правительства? Послѣ этого чему дивиться, что я, старовѣръ, вѣрующій, что *свобода и равенство* мечты и при томъ *ядовитыя*, что коммунизмъ есть *чума* нашего вѣка,—не милъ якобинцамъ и ихъ покровителямъ! Но издатель „Отеч. Записокъ" имѣетъ 100.000 руб. дохода, а съ этимъ какъ не найти покровителей. Пишутъ злое и при томъ безграмотно, искажая прекрасный русскій языкъ, а между тѣмъ даже критика ихъ языка почитается здѣсь злонамѣренностью. „О времена, о времена! Собака, выходя изъ кухни, горько выла!" и проч. Я только и смотрю, какъ бы улизнуть въ Карлово, да и запереться тамъ до смерти, съ моими книгами; а поѣдешь ты на житье въ Малороссію,—пріѣду къ тебѣ мѣсяца на три, непремѣнно. Отведемъ душу.

Поляковъ я хорошо знаю, какъ будто самъ сотворилъ ихъ. Истребить ихъ можно, но передѣлать—никакъ! Дѣлай съ ними, что хочешь,—но позволь *врать* и носить какую нибудь *особую ленточку* въ видѣ кокарды, и они будутъ счастливы, хоть запряги ихъ вмѣсто воловъ на мельницѣ. Ужъ такая натура! Будутъ говорить: „ciężkie czasy, ale życie wesołe" и околѣвать подъ тяжестью работы, распѣвая narodowe piosenki. Послѣдняя ихъ попытка воевать съ *тремя* державами, не имѣя даже ни одного регулярнаго барабанщика (объ артиллеріи ни слова!),—доказываетъ, что тутъ надобно имѣть дѣло *не съ мозгомъ*.

Присланный тобою разсказъ о Лелевелѣ не достаточно рисуетъ его характеръ. Я зналъ его лично и былъ съ нимъ въ корреспонденціи. Онъ даже печаталъ у меня статьи въ „Сѣверномъ Архивѣ". Лелевель есть просто *ученый дуракъ*. Онъ зналъ Мидянъ и Ассирійцевъ, но до сихъ поръ не знаетъ ни Россіи, ни Польши. Лелевель есть математическое доказательство, что *теорія безъ практики*—мыльный пузырь. Именъ и чиселъ онъ знаетъ много, а людей никогда не зналъ. Въ политическомъ отношеніи Лелевель тоже, что извѣстный во французской революціи Анахарсисъ Клоцъ, который подписывался: ennemi personnel de Jesus Christ, а съ роду не читалъ Евангелія. Мѣсто для Лелевелей—въ домѣ сумасшедшихъ. О древностяхъ говоритъ онъ, какъ Богъ, а о политикѣ, какъ козелъ!

Одинъ я двигаю „Пчелу" и почти на смерть заработался. Пишу къ тебѣ въ два часа ночи и кончаю письмо, какъ водится, просьбою: Есть у васъ въ какой то школѣ учителемъ или профессоромъ живописи *Каневскій*. Онъ началъ портреты моихъ дѣтей, кажется, и кончилъ, и увезъ съ собою въ Варшаву! Пока я былъ ему *нуженъ*, онъ, разумѣется,

23.

С.-Петербургъ, 7 марта 1847 г.

Почтенный и неизмѣнный другъ Андрей Яковлевичъ!

Вѣрно, какъ Богъ на небеси, что я люблю твоего Владимира, какъ родного сына, и что ничего не прошу для себя у Бога, какъ только, чтобъ мои дѣти похожи были на твоего Владимира. Былъ онъ всегда малый умный и благородный, а вотъ теперь и ученый. Учился онъ основательно и сдѣлалъ чудо, пріобрѣвъ степень кандидата въ столько времени, въ сколько другіе едва вступаютъ въ двери храма наукъ. Въ Дерптѣ онъ пріобрѣлъ общую любовь и уваженіе и всѣ отцы семействъ указывали на него своимъ дѣтямъ, какъ на образецъ. Наградилъ тебя Богъ! По характеру, твой Владимиръ человѣкъ сорокалѣтній. Ради Бога не стѣсняй его воли и позволь жить на свѣтѣ по его влеченію. Чтобъ ты не предпринималъ, никогда ты не сдѣлаешь изъ него ни свѣтскаго франта-визитера, ни честолюбца. Онъ человѣкъ кабинетный, находящій наслажденіе только въ маломъ кружкѣ умныхъ и честныхъ людей или въ доброй семьѣ. Я почитаю это высокимъ благомъ, дарованнымъ ему свыше, и не знаю какъ ты думаешь объ этомъ.

Благодарю за пріемъ моего племянника, офицера. Безакъ не исполнилъ моей просьбы, боясь опасностей Варшавы для юноши! Но опасности для нравственности не въ большомъ городѣ, а въ глуши. Въ городѣ онъ могъ бы имѣть kochankę,—въ чемъ не будетъ недостатка и въ деревнѣ,—но въ городѣ молодой человѣкъ, живущій въ обществѣ, не сопьется и не получитъ коръ-де-гардныхъ привычекъ. Впрочемъ я за отказъ не въ претензіи—и зналъ впередъ, что изъ моей просьбы ничего не будетъ. Вѣдь я никому не нуженъ въ Варшавѣ, а между людьми все идетъ *на промѣнъ*. Кто въ 57 лѣтъ не знаетъ людей,—ten kiep.

Вино я не могу тебѣ послать прежде осени. Дорогъ нѣтъ, и Пирятинъ все равно, что Бухара или Кашемиръ. Прямыхъ сообщеній нѣтъ. Мнѣ обѣщали дать знать, когда пойдетъ на осень транспортъ съ аптекарскими матеріалами въ Лубны,—тутъ я приплету и вино. Ты же не живешь въ деревнѣ, такъ все равно, сегодня или завтра.

Ты видишь одну глупость въ русскихъ журналахъ, а я вижу больше, но молчу. Чистый *коммунизмъ*, проповѣдуемый явно, безъ всякихъ обиняковъ. Напримѣръ, въ „Отеч. Запискахъ", 1844 г. № 2, стр. 98, въ статьѣ *Iезуиты* напечатано: „Богъ на крестѣ, освящающій *свободу и равенство* не однихъ Римскихъ гражданъ, но и всѣхъ людей, какъ членовъ одного человѣчества, присущаго его божественности,—вотъ что побѣдило древній міръ *и не престаетъ развиваться и оплодотворяться въ мірѣ новомъ*". Ка-

ково тебѣ это покажется? И этотъ журналъ покровительствуется и продается въ провинціяхъ жандармами и чиновниками всѣхъ вѣдомствъ, по предписанію Директоровъ Департаментовъ, восхваляется съ каѳедръ и проч. Судьбы Промысла неисповѣдимы! Повѣрили ли бы во Франціи, что подобныя правила распространяются именемъ Правительства? Послѣ этого чему дивиться, что я, староверъ, вѣрующій, что *свобода и равенство* мечты и при томъ *ядовитыя*, что коммунизмъ есть *чума* нашего вѣка,—не милъ якобинцамъ и ихъ покровителямъ! Но издатель „Отеч. Записокъ" имѣетъ 100.000 руб. дохода, а съ этимъ какъ не найти покровителей. Пишутъ злое и при томъ безграмотно, искажая прекрасный русскій языкъ, а между тѣмъ даже критика ихъ языка почитается здѣсь злонамѣренностью. „О времена, о времена! Собака, выходя изъ кухни, горько выла!" и проч. Я только и смотрю, какъ бы улизнуть въ Карлово, да и запереться тамъ до смерти, съ моими книгами; а поѣдешь ты на житье въ Малороссію,—пріѣду къ тебѣ мѣсяца на три, непремѣнно. Отведемъ душу.

Поляковъ я хорошо знаю, какъ будто самъ сотворилъ ихъ. Истребить ихъ можно, но передѣлать—никакъ! Дѣлай съ ними, что хочешь,—но позволь *врать* и носить какую нибудь *особую ленточку* въ видѣ кокарды, и они будутъ счастливы, хоть запряги ихъ вмѣсто воловъ на мельницѣ. Ужъ такая натура! Будутъ говорить: „ciężkie czasy, ale życie wesołe" и околѣвать подъ тяжестью работы, распѣвая narodowe piosenki. Послѣдняя ихъ попытка воевать съ *тремя* державами, не имѣя даже ни одного регулярнаго барабанщика (объ артиллеріи ни слова!),—доказываетъ, что тутъ надобно имѣть дѣло *не съ мозгомъ*.

Присланный тобою разсказъ о Лелевелѣ не достаточно рисуетъ его характеръ. Я зналъ его лично и былъ съ нимъ въ корреспонденціи. Онъ даже печаталъ у меня статьи въ „Сѣверномъ Архивѣ". Лелевель есть просто *ученый дуракъ*. Онъ зналъ Мидянъ и Ассирійцевъ, но до сихъ поръ не знаетъ ни Россіи, ни Польши. Лелевель есть математическое доказательство, что *теорія безъ практики*—мыльный пузырь. Именъ и чиселъ онъ знаетъ много, а людей никогда не зналъ. Въ политическомъ отношеніи Лелевель тоже, что извѣстный во французской революціи Анахарсисъ Клоцъ, который подписывался: ennemi personnel de Jesus Christ, а съ роду не читалъ Евангелія. Мѣсто для Лелевелей—въ домѣ сумасшедшихъ. О древностяхъ говоритъ онъ, какъ Богъ, а о политикѣ, какъ козелъ!

Одинъ я двигаю „Пчелу" и почти на смерть заработался. Пишу къ тебѣ въ два часа ночи и кончаю письмо, какъ водится, просьбою: Есть у васъ въ какой то школѣ учителемъ или профессоромъ живописи *Каневскій*. Онъ началъ портреты моихъ дѣтей, кажется, и кончилъ, и увезъ съ собою въ Варшаву! Пока я былъ ему *нуженъ*, онъ, разумѣется,

работалъ, а потомъ и бросилъ. Нельзя ли взять отъ него картины и прислать въ Петербургъ. Что онъ хочетъ за работу, я заплачу, но зачѣмъ ему лишать меня портретовъ моихъ дѣтей! Это зло и варварски! По твоему одному слову онъ бы опомнился! Обнимаю душевно и прошу поцѣловать отъ меня ручки у твоей супруги, а отъ моей жены засвидѣтельствовать ей почтеніе.

Вѣрный до гроба Ѳ. Булгаринъ.

(Съ подлинника).

24.

С.-Петербургъ 9 февраля 1849 года.

Добрѣйшій и почтеннѣйшій старый другъ и старый товарищъ Андрей Яковлевичъ! Жилъ былъ на бѣломъ свѣтѣ нѣкто Гроссъ, нѣмецкой породы, ремесломъ врачъ. Онъ ѣздилъ, разъѣзжалъ по древней Литвѣ и гдѣ то въ Самогитіи встрѣтилъ человѣка, который сказался прусскимъ купцомъ, имѣлъ паспортъ и упросилъ Гросса отвезть письмо къ пану Шеміоту, по дѣлу коммерческому. Не подозрѣвая, какъ у насъ говорится на Руси, никакого *художества*, Гроссъ взялъ письмо и отдалъ прислугѣ, а потомъ оказалось, что этотъ мнимый купецъ былъ сумасбродъ и негодяй, сирѣчь польскій эмиссарій Рёръ. Дѣло открылось и Гросса также потянули къ отвѣту и засадили въ тюрьму, гдѣ онъ и пробылъ полтора года. Виновныхъ осудили по закону, а Гросса хотя и не нашли виновнымъ, но за прикосновенность къ дѣлу выслали на жительство въ столицу Сумбеки, въ городъ Казань, гдѣ онъ уже находится съ годъ! Я знаю Гросса съ дѣтства. Человѣкъ онъ скромный, тихій и неспособенъ ни къ какимъ мятежническимъ дѣламъ. Покойный мой дядя Павелъ Булгаринъ, подконюшій Литовскій и бывшій маршалъ трибунала Литовскаго, кавалеръ Бѣлаго Орла, при всей своей аристократической гордости и, какъ нѣкогда въ Литвѣ говорили: *dumie Bułharynowskiey*,—рѣшился выдать въ замужество за Гросса, воспитанную въ своемъ домѣ бѣдную родственницу изъ фамиліи Колонтаевъ: великое доказательство честности и благородства Гросса! Теперь жена и *шестеро* его дѣтей, которыхъ онъ содержалъ своими трудами, пользуясь довѣренностью всей Жмуди, какъ врачъ, безъ куска хлѣба, и не можетъ тащиться за мужемъ по бѣдности въ дальнюю страну, гдѣ Гроссъ, никому неизвѣстный, не можетъ имѣть практики! Простираю руки къ берегамъ Вислы и вопію со слезами: милосердія, милосердія

и справедливости, справедливости! Жандармскій генералъ-маіоръ Львовъ, убѣжденный въ невинности Гросса, выписалъ копію съ дѣла и намѣревался просить для Гросса помилованія. Рѣшительно онъ ничѣмъ не виноватъ; такимъ образомъ, какъ провинился Гроссъ, можетъ каждый изъ насъ провиниться, взявъ письмо для передачи по дорогѣ. Ужели за это раззорять семейное гнѣздо, расторгать связь супружескую и оставлять дѣтей безъ хлѣба? Ни добрѣйшій фельдмаршалъ, ни ты и птичьяго гнѣзда не разорите понапрасну — и это сталось безъ вашего вѣдома! Виленская коммиссія взяла кого могла взять, да и вытолкала всѣхъ, какъ бы кто ни былъ правъ! Однимъ-де бусурманомъ меньше! Жена Гросса уже подавала просьбу Свѣтлѣйшему Князю въ прошломъ мартѣ, но отвѣта не получила. Теперь снова посылаетъ бумагу, облитую слезами бѣдныхъ малютокъ, а я низенько кланяюсь тебѣ и умоляю на все священное—употребить твое ходатайство, чтобъ, изслѣдовавъ невинность Гросса, позволить ему возвратиться на Жмудь, гдѣ за него поручится все дворянство! Внемли гласу вдовъ и сиротъ, да благо ти будетъ и долголѣтенъ будеши на земли! Сына твоего Владимира я рѣдко вижу. Не ходитъ не только ко мнѣ, но и къ Натальѣ Андреевнѣ, гдѣ онъ прежде проводилъ время. Сидитъ запершись и занимается сенатскими дѣлами. Хулить этого нельзя, но и хвалить излишней нелюдимости невозможно. Съ высокимъ уваженіемъ, любовью и дружбою остаюсь до гроба вѣрный и нелицемѣрный, преданный тебѣ душою и тѣломъ

Ѳаддей Булгаринъ.

(Съ подлинника).

В. А. Владиславлевъ[1]).

1.

Петербургъ 13 февраля 1837 г.

Милостивый Государь Андрей Яковлевичъ!

Ваше Превосходительство изволите спрашивать, какимъ образомъ редакція „Литературныхъ Прибавленій" перешла къ Краевскому? Съ особеннымъ удовольствіемъ спѣшу удовлетворить Вашему любопытству, принося искреннюю признательность за милостивое вниманіе Ваше къ сему журналу. Въ прошломъ году А. Ѳ. Воейковъ, соскучивъ отъ журнальныхъ заботъ и перебранокъ, предложилъ мнѣ взять на себя редакцію „Литературныхъ Прибавленій"; черезъ два мѣсяца я передалъ ее Плюшару, но съ тѣмъ однакоже, чтобы журналъ сей выходилъ не иначе, какъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ Краевскаго редактора журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія. Краевскій очень молодъ, прекрасно образованъ, съ твердыми нравственными правилами, дѣятеленъ, и не принадлежа ни къ какой литературной партіи, любимъ всѣми извѣстнѣйшими нашими писателями. Я увѣренъ, что журналъ его со временемъ будетъ однимъ изъ лучшихъ. Александръ Ѳедоровичъ остался отвѣтственнымъ издателемъ передъ Правительствомъ, а я дѣятельнымъ сотрудникомъ, и получаемъ отъ Плюшара за передачу права по 6 т. рублей въ годъ каждый; контрактъ сдѣланъ на 5 лѣтъ. Не знаю, за что Господь наградилъ меня этимъ значительнымъ пріобрѣтеніемъ. Вашъ лестный отзывъ о статьѣ Краевскаго порадовалъ его благородную, теплую душу; въ этомъ случаѣ и Петер-

---

1) Написалъ четыре тома „Повѣстей и разсказовъ" (СПБ. 1835—38 г. 12°), издалъ „Альманахъ на 1838 г." съ гравюрами (СПБ. 1838 г. 12°); но особенно пріобрѣлъ литературную извѣстность изданіемъ альманаха „Утренняя Заря" (5 книгъ. СПБ. 1839-43 г. 12°).

бургъ отдалъ ему должную справедливость. Мнѣніе Вашего Превосходительства о „Литературныхъ Прибавленіяхъ“ дорого цѣнится издателями, потому что оно Ваше; и потому что благосклонный отзывъ Вашъ дастъ имъ возможность распространить журналъ въ Царствѣ Польскомъ.

Смерть Пушкина поразила Петербургъ. Россія ввѣрила ему единственное свое вдохновеніе, рѣдкое и случайное; сплетни большого свѣта погубили его. До 100 т. человѣкъ приходили въ домъ Пушкина проститься съ его прахомъ. Тѣло его перевезено для погребенія въ Псковскую губернію.

Леонтій Васильевичъ, въ котораго я день отъ дня больше влюбляюсь, поручилъ мнѣ принести Вашему Превосходительству искреннюю его признательность за память и за дружеское Ваше къ нему расположеніе.

Душевно жалѣю, что занятія красавца тезки моего Владиміра Андреевича въ Пажескомъ Корпусѣ лишаютъ меня истиннаго удовольствія видѣться такъ часто, какъ бы я хотѣлъ. Надѣюсь однако же, что производство его въ офицеры исполнитъ это сердечное мое желаніе. Я слишкомъ обязанъ Вамъ за Ваши милости, чтобы могъ не принимать живѣйшаго участія въ Вашемъ сынѣ, и почту себя гораздо счастливѣе, когда пріобрѣту право на его сердечное знакомство.

Покорнѣйше прося засвидѣтельствовать нелицемѣрное уваженіе Милостивой Государынѣ Юліѣ Ивановнѣ, съ чувствами душевнаго почитанія и сердечной привязанности честь имѣю быть

Вашего Превосходительства всепокорнѣйшимъ слугою

Владиміръ Владиславлевъ.

2.

С.-Петербургъ 5 мая 1838 г.

Милостивый Государь Андрей Яковлевичъ!

Есть блага въ мірѣ, которыя даются намъ судьбою или счастіемъ даромъ, безъ всякихъ заслугъ; такъ, напримѣръ, лотерейный выигрышъ, кладъ, счастливыя обстоятельства въ дѣлахъ, въ службѣ, въ предпріятіяхъ. Къ этимъ баловствамъ фортуны, я отношу Ваше доброе и постоянное ко мнѣ расположеніе. Если бы я началъ разсказывать Вамъ мое умѣнье цѣнить и уважать Васъ, если бы Вы знали, какъ много сожа-

лѣю я о томъ, что Вы въ Варшавѣ, а я въ Петербургѣ, Вы бы повѣрили моей искренности и не приняли ея за пустыя фразы. Эти фальшивыя ассигнаціи, распространившись въ обществѣ, выгнали представителей своихъ: душу и сердце. Люди нашли, что онѣ гораздо сообщительнѣе, легче, удобнѣе, пріятнѣе, звучнѣе,—и въ самомъ дѣлѣ жди, когда выскажется истинное чувство, которое, западая глубоко въ сердце, роднится съ нимъ и рѣдко всплываетъ наружу, а фразы, какъ щепки, всегда плаваютъ на поверхности.

Несмотря на доброе намѣреніе Вашего Превосходительства познакомить меня съ почтеннымъ Николаемъ Ивановичемъ, я видѣлся съ нимъ только одинъ разъ и то на самое короткое время. Вы сами живали въ Петербургѣ и потому знаете, какъ озабочены бываютъ наши дорогіе гости, пріѣзжающіе къ намъ на нѣсколько дней, съ кучею дѣлъ, съ обязанностію дѣлать визиты. Мои служебныя занятія, изданіе Альманаха и участіе въ нѣкоторыхъ журналахъ отнимаютъ у меня все время. Одинъ только вечеръ въ недѣлю у меня собирается кружокъ моихъ знакомыхъ. То и другое помѣшало мнѣ сблизиться съ Николаемъ Ивановичемъ, съ которымъ я имѣлъ истинное удовольствіе познакомиться еще въ прошедшемъ году и котораго давно люблю и почитаю, какъ человѣка умнаго и пріятнаго и, сколько помнится, перваго на Руси основательнаго и просвѣщеннаго военнаго писателя.

Съ сердечнымъ удовольствіемъ прочиталъ я въ письмѣ Вашемъ все то, что относится до отечественной нашей литературы. Мнѣ даже странно, что государственный человѣкъ, съ высоты своего своего поста, бросаетъ любознательный взглядъ на нашу бѣдную литературу, въ которой нѣтъ ни сильныхъ двигателей, ни меценатовъ, которою завладѣли Смирдинъ и Сеньковскій. Странность этого я объясню Вамъ просто: непривычкою видѣть подобное участіе и любопытство.

Мнѣніе Ваше, что у насъ первенствуетъ проза, справедливо. Это происходитъ оттого, что у прозаиковъ болѣе таланта и поэзіи, нежели у стихотворцевъ. Между поэтами у насъ блеститъ одна только свѣтлая звѣздочка - это Бенедиктовъ. Талантъ его не многостороненъ, онъ превосходенъ только въ лиризмѣ. Многіе журналы смотрятъ на него пристрастно. Ему говорятъ, что у Данте, Байрона, Пушкина болѣе творчества, у Шекспира и Шиллера болѣе драмы, что у Жуковскаго болѣе мечтательности и чувствительности, а въ слогѣ болѣе простоты и непринужденности и такимъ образомъ, сравнивъ Бенедиктова съ отличительнымъ достоинствомъ каждаго изъ великихъ поэтовъ, не признаютъ въ немъ никакого достоинства.

Нашимъ поэтамъ болѣе дался родъ лирической поэзіи. Державинъ, Жуковскій и Пушкинъ, каждый въ этомъ родѣ, выразились самобытно,

каждый привлекъ вниманіе къ своей поэзіи, описывая одинаковые предметы; сходства между ними нѣтъ; они различно выражаютъ одушевленіе. Не смотря на великихъ поэтовъ, Вы съ наслажденіемъ прочтете Бенедиктова. Онъ не напомнитъ Вамъ прежнихъ ощущеній, но представитъ Вамъ пробужденіе души, представитъ новую мысль, въ такомъ видѣ, въ какомъ не мечталась она другому поэту. У него есть страсть, энергія, сила, много яркихъ красокъ и отчетливости въ отдѣлкѣ стиховъ. Онъ изысканъ нѣсколько, но и эта слабость пропадаетъ, когда въ него вчитаешься. Бенедиктовъ талантъ самородный: у него есть мысль и чувство. Прочитайте въ его произведеніяхъ: Горныя Выси, Пожаръ, Искра, Пѣвецъ, Перлъ, Возвратись, Горячій источникъ, Жажда любви, Жизнь и смерть, Радость и горе, Море, Ватерлоо. Каждое изъ нихъ богатый перлъ поэзіи. Пушкинъ высоко цѣнилъ Бенедиктова.

Литература наша сдѣлалась средствомъ добыванія денегъ пронырливымъ искателямъ. Достоинство литератора и журналиста означается у насъ числомъ получаемаго имъ дохода. Истинная оцѣнка и образованіе талантовъ въ сторону—все зависитъ отъ связей и отъ выгодъ. Боюсь раскрывать передъ Вами нечистую картину литературной дѣятельности. Постараюсь удовлетворить Вашему любопытству извѣстіемъ о тѣхъ только писателяхъ, которыхъ и частная и литературная жизнь пріобрѣли имъ общее уваженіе и громкое имя.

И. А. Крыловъ отдыхаетъ на лаврахъ; торжественный юбилей, данный въ 50-лѣтіе литературной его дѣятельности, въ которомъ приняли участіе всѣ Государственные чины, который удостоенъ былъ вниманіемъ Государя, показалъ, что Россія умѣетъ цѣнить истинный талантъ. Крыловъ бодръ и силенъ мыслію, онъ могъ бы совладать со стихомъ, но ему не дается предметъ басни. Впрочемъ онъ исполнилъ свое назначеніе и имѣетъ полное право до двухъ часовъ, ничего не дѣлая, сидѣть въ своемъ кабинетѣ и болтать ногами, а вечера проводить въ Англійскомъ клубѣ.

В. А. Жуковскій—послѣ трогательной, говорящей сердцу Ундины не написалъ ничего. Занятія его при Дворѣ и обширный кругъ знакомыхъ отрываютъ его отъ литературы. Онъ уѣхалъ съ Наслѣдникомъ, кажется, на годъ.

Кн. П. А. Вяземскій —не принимаетъ никакого участія въ нашей литературѣ. Послѣднія его стихотворенія, какъ, напримѣръ, *Я пережилъ*, напечатанное въ моемъ Альманахѣ, глубоко проникнуто поэтическимъ чувствомъ. По временамъ онъ печатается въ Gaz. de France. Послѣдняя статья его: Incendie du Palais d'hiver прекрасна.

И. И. Лажечниковъ—вышелъ въ отставку и живетъ на Волгѣ, въ свѣтлой деревушкѣ. Онъ оканчиваетъ два романа вдругъ: *Бусурманъ* и *Колдунъ на Сухаревой башнѣ*.

Кн. В. Ѳ. Одоевскій, одинъ изъ мыслящихъ и дѣятельныхъ литераторовъ оканчиваетъ романъ: *Сегеліель*.

И. И. Козловъ совсѣмъ исписался, онъ брызжетъ водяными стихами для добыванія денегъ, на неумѣстную роскошь его семейства.

Н. В. Гоголь живетъ въ Римѣ и пишетъ уморительный романъ: *Мертвыя души*.

Н. Кукольникъ при каждой новой драмѣ отступаетъ назадъ. Ему удался одинъ только *Тассъ*.

Гр. А. П. Растопчина, женщина поэтъ, съ рѣшительнымъ талантомъ. Стихи ея полны силы, нѣжности, чувства. Повѣсти ея (Ясновидящей) показали, что она также мастерски владѣетъ прозою, какъ и стихами.

П. А. Плетневъ, одинъ изъ самыхъ умныхъ, дѣятельныхъ и просвѣщенныхъ литераторовъ-мыслителей занимается изданіемъ Современника и почти цѣлыя книжки наполняетъ своими статьями. На Современникъ не болѣе 400 подписчиковъ и журналъ этотъ не разойдется, потому что онъ издается четырьмя книжками и слѣдовательно онъ не можетъ вмѣстить въ себѣ ничего журнальнаго. Современникъ издается болѣе въ угожденіе Великой Княжнѣ Маріи Николаевнѣ, которая изволитъ принимать въ немъ большое участіе.

Изъ молодыхъ талантовъ наиболѣе замѣчательны:

Губеръ, который съ необыкновеннымъ успѣхомъ окончилъ переводъ *Гетева Фауста*.

Соколовскій—авторъ Мірозданія, глубоко проникнутый духомъ Еврейской поэзіи.

Гребенка, поэтъ и прозаикъ, авторъ Разсказовъ Пирятинца и повѣсти: Вотъ кому зозуля ковала, напечатанной въ Сборникѣ.

А. К. Жуковскій (подъ псевдонимомъ Бернета); къ сожалѣнію онъ не всегда вѣренъ своей поэзіи, послѣдняя поэма его: Елена—весьма неудачна. Бернетъ хорошъ только въ лиризмѣ.

Жукова написала двѣ части разсказовъ „На Карповкѣ". Это другая женщина писательница съ истиннымъ поэтическимъ дарованіемъ.

Каменскій издалъ двѣ части повѣстей и разсказовъ; молодой писатель, который, хотя и не такъ талантливъ, какъ описываетъ его въ своей рецензіи Булгаринъ, однакоже нельзя не сознаться въ его даро-

ваніи, нельзя отнять у него идеи, изобрѣтательности, глубокаго чувства. Недостатокъ его заключается въ механизмѣ періодовъ. У него дурной, тяжелый слогъ.

Кольцовъ, Воронежскій мѣщанинъ, занимающійся продажею скота, поэтъ съ сильною душою, съ свѣтлымъ и бойкимъ умомъ, образованнымъ природою и размышленіемъ.

И. Панаевъ въ занимательныхъ повѣстяхъ очень вѣрно и мило описываетъ наши аристократическіе салоны.

Якубовичъ и *Степановъ*—поэты съ истиннымъ неподдѣльнымъ дарованіемъ.

Кн. Э. Мещерскій перевелъ на французскій языкъ всѣхъ лучшихъ русскихъ поэтовъ. Книга его выйдетъ въ продолженіе нынѣшняго года въ Парижѣ и доставитъ большую пользу нашей литературѣ, познакомитъ ее съ западною Европою. Переводъ превосходный!

Если Вы прибавите къ этому исчисленію трехъ четырехъ Московскихъ прозаиковъ и поэтовъ, которые, по принятому обыкновенію въ Москвѣ, сдѣлались весьма лѣнивы Вы будете имѣть понятіе о всѣхъ дѣятеляхъ нашей литературы.

Въ музыкальномъ мірѣ готовятся пять оперъ. Ими занимаются: *Гр. М. Ю. Віельгорскій, М. И. Глинка, Алябьевъ, Верстовскій и Струйскій.*

Теперь перенесу Васъ въ грязную часть нашей литературы: въ журналистику и полемику. У насъ собственно литературные три журнала: Библіотека для чтенія, Сынъ Отечества и Московскій Наблюдатель, и двѣ газеты: Сѣверная Пчела и Литературныя прибавленія.

Б. для Чтенія имѣетъ 5 тысячъ подписчиковъ. Она, какъ Вамъ извѣстно, выходитъ толстыми книгами очень исправно, въ которыхъ самое любопытное отдѣленіе: *смѣсь*. Журналъ этотъ не учитъ и не образуетъ, а пріучаетъ къ безвкусію, и смѣется надъ всѣми и надъ всѣмъ. Въ ученыхъ и критическихъ статьяхъ Вы видите неуваженіе ко всему, что признано высокимъ и заслуживающимъ уваженія всего образованнаго міра. Не оставленъ въ покоѣ ни одинъ изъ писателей, двинувшихъ науку впередъ или пріобрѣтшихъ громкое имя въ искусствѣ. Шампольонъ, Кювье, Шеллингъ, Гегель, Виланскій, Шлецеръ, Карамзинъ, Пушкинъ и т. п.—никто не избѣжалъ злобнаго упрека холодной насмѣшки. Нельзя заставить себя мыслить по чужому убѣжденію; можно не раздѣлять мнѣнія геніальнаго писателя, можно не понимать его достоинствъ, но должно опровергать или судить объ немъ съ уваженіемъ, а не съ площаднымъ хохотомъ, который можетъ быть наградою только шарлатану. Этотъ тонъ сужденій Б. для Ч. вреднѣе всего дѣйствуетъ на возрастающее поколѣніе, истребляя въ немъ благоговѣніе къ высокому въ наукѣ и искусствѣ, увѣряя его, что философія галиматья, а поэзія пустозвонство. Безъ этого уваженія къ истинѣ и изящному не

можетъ быть чистой нравственности. Въ Б. для Ч. до сихъ поръ не было еще ни одной дѣльной, благонамѣренной, основательной критики; въ литературной лѣтописи осмѣиваются не произведенія, а большею частію лица авторовъ. Въ отдѣленіи „Словесности" прочтите повѣсть „Идеалъ и Катенька", гдѣ двѣ дѣвушки говорятъ о гипсовомъ Апполонѣ, и судите по ихъ отвратительности и безнравственности, до какой степени Б. для Ч. не уважаетъ своихъ читателей. Право ея книжекъ нельзя положить въ гостинной.

Сынъ Отечества подъ редакціею Полевого преобразился съ нынѣшняго года въ толстые томы. Онъ сухъ и вялъ. Критика бранчива и даже не остра, у него во всемъ одни лишь недостатки, все дурно, дурно безусловно, безъ доказательствъ. Въ немъ, какъ и въ Б. для Ч., участвуютъ весьма немногіе литераторы. Подписчиковъ на него 1400.

Московскій Наблюдатель издается произведеніями московскихъ литераторовъ. Изданіе его очень красиво, но онъ часто опаздываетъ цѣлыми мѣсяцами. Въ немъ нѣтъ ничего журнальнаго, своевременнаго, отечественнаго; журналъ этотъ не имѣетъ силы, жизни, энергіи и ни одной рѣзкой отличительной черты; если бы онъ выходилъ въ Китаѣ или въ Индіи, Вы бы никакъ не догадались, что это Русскій журналъ.

„Сѣверная Пчела" вѣроятно всякій день передъ Вами. Вы сами конечно замѣтили, много ли улучшилась она въ настоящемъ году, подъ вліяніемъ Греча, Булгарина и Полевого.

Нашъ добрый знакомый Александръ Ѳедоровичъ началъ старѣться. Онъ живетъ также уединенно подъ Таврическимъ, изрѣдка распространяетъ свой „сумасшедшій домъ", также злобно, остро и оригинально. Тяготясь изданіемъ „Литературныхъ Прибавленій", онъ передалъ ихъ мнѣ, которыя подъ редакціею Краевскаго имѣютъ теперь 3,000 подписчиковъ.

Заключу мое описаніе главнымъ лицомъ въ литературѣ; это книгопродавецъ Смирдинъ. У него на откупу Сеньковскій, Гречъ, Булгаринъ и Полевой. Послѣдній въ званіи редактора „Сына Отечества" и литературнаго отдѣленія въ „Сѣверной Пчелѣ". Не смотря на одного хозяина, приказчики ссорятся между собою слѣдующимъ образомъ: Сеньковскій со всѣми, Гречъ съ Сеньковскимъ, Булгаринъ съ Полевымъ, Полевой съ Булгаринымъ и Сеньковскимъ. По послѣднимъ слухамъ, Полевой изгоняется изъ этой касты за ссору съ Булгаринымъ. Эта монополія Смирдина губительнѣе всего для молодыхъ писателей: отъ него зависитъ дать книгѣ ходъ и, слѣдовательно, извѣстность автора.

Вотъ подробный взглядъ на нашу литературу—скажите, не жалка ли она? Я не прибавилъ къ ней ни одного чернаго пятнышка. Если

письмо мое слишкомъ длинно, вспомните, что Вы сами просили подробностей. Я старался исполнить требованіе Ваше какъ можно усерднѣе.

Въ будущемъ мѣсяцѣ я ѣду въ Ревель и два лѣтніе мѣсяца посвящу любимому моему труду.

Привѣтствуя Васъ отъ имени Леонтія Васильевича [1]) и Александра Ѳедоровича [2]), съ чувствами высокаго уваженія и совершенной преданности честь имѣю быть

Вашего Превосходительства покорнѣйшимъ слугою

Владиміръ Владиславлевъ.

Милостивой Государынѣ Юльѣ Ивановнѣ покорнѣйше прошу передать глубочайшее уваженіе.

3.

С.-Петербургъ, 18 мая 1838 г.

Милостивый Государь Андрей Яковлевичъ!

Опекунскій Совѣтъ поступилъ съ Вашимъ Превосходительствомъ какъ нельзя безсовѣстнѣе; въ этомъ случаѣ виноватъ не Директоръ Поповъ (котораго Вы переименовали въ Стога), а мелкое чиновничество, старающееся не объ дѣлѣ, а объ очищеніи бумагъ. Сегодня посылается въ Кіевскую Гражданскую Палату разрѣшеніе, по которому Вы получите купленное Вами отъ Г-жи Закревской имѣніе. Директоръ Поповъ проситъ меня извиниться передъ Вами въ упущеніи его подчиненнаго. А я имѣю честь представить точную копію съ предписанія К. Г. Палатѣ.

Хотя я крайне сожалѣю о непріятности, навлеченной Вамъ дѣйствіемъ Опекунскаго Совѣта, но, какъ эгоистъ, я радовался случаю исполнить Ваше приказаніе и безконечно благодаренъ Вамъ, что Вы обо мнѣ вспомнили. Всякое дѣло у насъ требуетъ надзора и наблюденія; испорченное въ началѣ, оно влечетъ за собою трату времени, а иногда невыгоду въ приговорѣ — и потому я покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство не отчуждать меня ни отъ чего, до Васъ и до близкихъ Вамъ людей относящагося; я буду самый усердный и исполнительный Вашъ ходатай. Приказывайте мнѣ! Вы этимъ много и много меня обяжете.

---

[1]) Дубельта, [2]) Воейкова.

Посланіе мое о русскихъ литераторахъ, объяснило Вамъ, почему я не тотчасъ отвѣчалъ на письмо Ваше. Вы сами позволили мнѣ собраться съ силами. Въ дополненіе честь имѣю извѣстить, что Булгаринъ, осердясь на Полевого за выходку противъ его „Россіи", отнялъ у него совокупно съ Гречемъ редакцію „Сына Отечества" и слѣдовательно и эта оппозиція сольется подъ власть Сеньковскаго. Дѣло будетъ чисто. Остаются одни „Литературныя прибавленія", гдѣ честный человѣкъ можетъ сказать свое мнѣніе.

Поблагодарите Милостивую Государыню Юлію Ивановну за добрую Ея обо мнѣ память и потрудитесь передать чувство моего искренняго уваженія и преданности.

Покорнѣйше прося о продолженіи Вашего добраго ко мнѣ расположенія, съ глубочайшимъ уваженіемъ и совершенною преданностію честь имѣю быть Вашего Превосходительства покорнѣйшимъ слугою

Владиміръ Владиславлевъ.

Леонтій Васильевичъ и Александръ Өедоровичъ благодарятъ Васъ за привѣтствіе и свидѣтельствуютъ взаимное уваженіе.

4.

8/20 февраля 1842 г.

Встрѣчу тебя, любезнѣйшій другъ Владимиръ Андреевичъ, съ распростертыми объятіями, и привѣтствіемъ искренняго, слѣдующимъ лѣтомъ, какъ пишешь, или въ Варшавѣ, или въ Германіи, куда опять отправляюсь къ цѣлительнымъ для моихъ упадающихъ подъ тяжестію трудовъ и заботъ силъ тѣлесныхъ и духовныхъ. Чувствую, что послѣднія, т. е. spiritus vitalis, улетаютъ годъ отъ году, какъ веселые гости съ пира, на которомъ хозяинъ дѣлается усталымъ, скучнымъ, отяжелѣлымъ.

Понимаю вполнѣ радость при свѣжей дѣятельности, которая таилась подъ образомъ лѣни, описываемой тружениками, какъ Батюшковъ, и природными стихотворцами, какъ Пушкинъ. Способные къ трудамъ, лѣнясь,—думаютъ. Случай пробуждаетъ отъ невольной дремоты въ бездѣйствіи; и мысли олицетворяются въ дѣлѣ. Батюшковъ, если бы его сдѣлали дежурнымъ штабъ-офицеромъ,—конечно съ такою же тщательностію обработывалъ бы казенныя бумаги, какъ статьи

свои; что дѣлалъ бы и Пушкинъ,—только послѣднiй врядъ ли сталъ бы рыться въ актахъ, чего не дѣлалъ, писавши: Пугачева, Годунова и Полтаву, какъ мнѣ кажется. Поэзiя витаетъ подъ солнцемъ, но истинныхъ поэтовъ, отъ сотворенiя мiра,—была ли и дюжина? Ты не былъ записнымъ стихотворцемъ. Гладкая проза и мысли—необходимы и по управленiю дежурствомъ. Да будетъ оно началомъ поприща твоего на стезѣ полезной службы!

Мнѣ жаль, если Володя мой не можетъ бывать у тебя часто. Онъ любитъ читать; а еще болѣе слушать, по породѣ Русиновъ, все полезное и занимательное. Любитъ полуденное родное небо и зеленѣющiяся равнины, съ которыхъ, на зарѣ утренней, лѣниво подымается туманъ, какъ бы согласуясь съ тяжелыми на подъемъ обитателями привольной природы. Онъ говорилъ мнѣ, какъ землякъ его Гребенка, коего разсказы я самъ люблю читать, описывалъ наслажденiе возлежать на муравѣ подъ вишнею, или подъ грушею; и я радовался принимаемымъ имъ впечатлѣнiямъ, доказывающимъ гражданственность. Я самъ не люблю бѣснованiя; но между тѣмъ полъ вѣка только вздыхаю о покоѣ, плыву съ безпрерывнымъ безпокойствiемъ и опасенiями по треволненному простору чуждаго моря и не могу пристать къ привѣтному родному берегу.

Если Богъ благословитъ осѣсть мнѣ въ Малороссiи, прiѣзжай; я покажу тебѣ украшающiе хату мою оригиналы: Мориллоса, Рафаеля, Менкса, Тинторето, Ля-Гренеля, Каналетти, Гамильтона, Остадо, Гакерта и другихъ пикторовъ[1]; покажу кипы славянскихъ манускриптовъ, а особенно касающихся Руси; покажу наконецъ труды мои по сему предмету—не для печати;—и мы проведемъ время весело. Привози съ собою и Гребенку; а между тѣмъ попроси его написать хотя коротенькое замѣчанiе на Исторiю Малороссiи, или лучше сказать Малороссiйскихъ Губернiй, Марковича. Недавно мнѣ случилось прочесть въ Русскомъ Вѣстникѣ изъ означенной компиляцiи Гетманство Барабаша, гдѣ описывается возстанiе Хмельницкаго; и переписавшiй записки, также именуемыя Исторiею, Архiепископа Конисскаго, даже не зналъ, что въ баталiяхъ при Желтыхъ Водахъ и за Тясминомъ Хмельницкiй взялъ въ плѣнъ двухъ Гетмановъ Польскихъ: коронннаго Потоцкаго и польнаго Калиновскаго; о чемъ пишутъ всѣ польскiе историки.

---

[1]) Мориллосъ (1615 г.) и Гамильтонъ (Jean Georges 1666—1740 г.)—школы фламандской; Гакертъ (Вильгельмъ 1748—1780) и Менксъ (Измаилъ 1690—1764)—нѣмецкой; Остадо (Исаакъ 1613—1671)—голландской, Каналетти (Антонiй 1697—1768)—итальянской. Ла-Гренель (Louis-Jean-François 1724—1805)—французской школы. Подробнѣе см. Dictionnaire historique des peintres etc. Adolphe Siret. Paris. 1855. P. 23, 45, 49, 113, 207, 217, 219, 226, 258, 441.

Недавно также я читалъ у Френа[1]) путешествіе араба Ибнъ-Фадлана въ X-мъ столѣтіи, который описываетъ, что Русы, живущіе на Волгѣ, по сожженіи тѣлъ умершихъ, насыпаютъ надъ ними курганъ и ставятъ на ономъ столбъ съ надписью имянъ: покойнаго, и владѣющаго страною князя[2]). Спрашивается: какими буквами они писали тогда? Слѣдовательно Венелинъ правъ во многомъ; а особливо въ томъ, что Славяне имѣли грамоту и до Кирилла и Меѳодія.

Но я задиктовался; извини, если отвлекъ тебя отъ занятій по дежурству твоему.

До свиданія! Желаю тебѣ съ достойнѣйшею супругою здоровья и счастья, какъ искренній вашъ.

А. Стороженко.

(Съ черноваго отпуска).

5.

С.-Петербургъ 24 марта 1842 года.

Милостивый Государь Андрей Яковлевичъ!

Какъ благодарить за письмо Ваше, отъ 8 февраля, въ которомъ такъ много утѣшительной правды, такъ много теплаго чувства, что я невольно вздохнулъ о привязи и о Вашемъ малороссійскомъ хуторѣ. Сбудется ли это когда нибудь! Голубое небо, дивная природа, отсутствіе тревожныхъ заботъ, отсутствіе неестественной, судорожной дѣятельности, тишина, покой, свободное раздумье, оригиналы Морилоса, Рафаэля, Каналетта—все это снится мнѣ и на яву и во снѣ, и я безотвѣтно спрашиваю: когда же это будетъ?

Да, много и много надобно потрудиться, прежде, нежели придется промѣнять службу на тогу гражданина. Для гражданства болѣе нежели для службы нужны средства, а я только еще бросаю сѣмена, не зная, каковы будутъ всходы.

Въ нынѣшнемъ году никакъ не удастся уѣхать изъ Петербурга. По должности много хлопотъ; лѣтомъ ждемъ знаменитыхъ гостей. Итакъ еще годъ!

---

[1]) Сочиненіе академика Френа: Ibn-Foszlan's und anderer Araber Berichte über die Russen älterer Zeit. 1823. [2]) Гаркави. Сказанія мусульманскихъ писателей о Славянахъ и Русскихъ. С.-Петербургъ, 1870, стр 101.

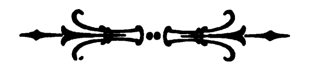
Съ Николаемъ Ивановичемъ я видѣлся очень рѣдко: и онъ и я на службѣ.

Оканчиваю письмо тѣмъ, чѣмъ бы надобно было его начать. Я слышалъ о производствѣ Васъ въ тайные совѣтники съ назначеніемъ сенаторомъ. Ужъ не въ Петербургъ ли?.. Мнѣ помнится, что это было Вашею постоянною и любимою мечтою. Боюсь прицѣпиться къ этой мысли, чтобъ послѣ не упасть въ грязь разочарованія.

Свидѣтельствуя искреннѣйшее привѣтствіе Милостивой Государынѣ Юльѣ Ивановнѣ, съ чувствами душевнаго уваженія и сердечной привязанности честь имѣю быть

Вашего Превосходительства покорнѣйшимъ слугою

В. Владиславлевъ.



А. Ѳ. Воейковъ [1]).

1.

Елисаветградъ, 8 апрѣля 1829 года.

Всѣ выраженія признательности сдѣлались столь общими, что и разгадать трудно: диктуютъ ли ихъ чувства или условная вѣжливость? Взявшись за перо, я хотѣлъ было благодарить Васъ, душею моею чтимый Александръ Ѳедоровичъ, за дружеское Ваше расположеніе ко мнѣ, хотѣлъ повторить увѣреніе въ нелицемѣрной моей къ Вамъ преданности; но, представивши себѣ разумнаго, просвѣщеннаго человѣка и литератора, потушилъ воскурившуюся уже жертву истиннымъ достоинствамъ, не требующимъ оной въ кудрявыхъ парахъ воображенія, а принимающимъ простое чувство привязанности съ привѣтными ласками. Личныя бесѣды удостовѣрили меня въ семъ; заочныя — утѣшатъ жаждущаго ихъ, удаленнаго службою въ степи, можно сказать, не населенныя, по сравненію съ столицею.

Переѣзды, новое мое назначеніе и неопредѣлительность мѣста останавливали меня отозваться къ Вамъ. Нынѣ же, пріютившись покудова въ Елисаветградѣ, спѣшу съ сердечною радостію выполнить обѣщанія; спѣшу воспользоваться позволеніемъ Вашимъ отрывать Васъ иногда отъ полезнѣйшихъ занятій моимъ незатѣйливымъ писаніемъ.

Листки „Инвалида“ и оставленный Вами на поприщѣ чести „Славянинъ“ извѣщаютъ меня о Вашемъ здоровьи, судя по трудамъ надъ ними. Они доходятъ ко мнѣ чрезъ Золотоношу. Сдѣлайте одол-

---

[1]) Александръ Ѳедоровичъ Воейковъ (род. 1778 г. † 1839 г.), старинной дворянской фамиліи, воспитанникъ московскаго университета, въ свое время перворазрядный литературный критикъ, написалъ множество стихотвореній, славился переводами, составилъ 4 сборника образцовыхъ сочиненій русскихъ писателей и былъ издателемъ пяти журналовъ.

женіе, почтеннѣйшій Александръ Ѳедоровичъ, прикажите дать направленіе имъ въ настоящее мое мѣстопребываніе.

Я только что возвратился изъ Одессы. Что тамъ дѣлается, Вамъ извѣстно изъ тамошняго, хотя впрочемъ скуднаго, журнала. Здѣсь весна уже. Скоро зеленѣющіеся курганы заговорятъ съ вѣтрами. Мнѣ они всегда напоминаютъ унылую запорожскую пѣсню: „А у поли могила, зъ витромъ говорила". Всякій скачущій по равнинѣ, покрытой сѣдымъ ковылемъ, стелющимся подъ припавшимъ къ сѣдлу всадникомъ, представляетъ хищнаго, провождавшаго унылые дни въ безнравственной независимости и набѣгахъ, одичавшаго ватажка нѣкогда славной Запорожской Сѣчи.

Я люблю степь; но, признаюсь, желалъ бы, только не на старомъ мѣстѣ, прожить нѣсколько лѣтъ въ столицѣ для собранія хотя нѣкотораго запаса для скучной старости. Здѣсь не съ кѣмъ повесть словечко, некому прочитать написаннаго, не съ кѣмъ забыть на минуту труды служебные, и душа хладѣетъ для изящнаго. Какъ бы возвратиться къ Вамъ въ Петербургъ?

Въ дѣйствующихъ войскахъ мнѣ быть при всемъ желаніи, какъ видно, не прійдется. Не знаю, какъ выкарабкаться изъ резервовъ? Не люблю утомительнаго спокойствія; пока не обветшалъ силами и духомъ, готовъ къ тяжкимъ, но полезнымъ трудамъ, и никакъ не удастся попасть на тропу къ цѣли сей. Одна старина малороссійская теперь въ свободные часы занимаетъ и утѣшаетъ меня; а еще болѣе утѣшитъ благодатный отзывъ Вашъ, коего съ нетерпѣніемъ ожидать будетъ преданный Вамъ до предѣла, его же не прейдеши, помощникъ начальника штаба резервныхъ войскъ, находящійся Херсонской губерніи въ г. Елисаветградѣ,

А. Стороженко.

(Съ черноваго отпуска).

2.

С.-Петербургъ, 30 апрѣля 1829 г.

Очень было мнѣ прискорбно молчаніе Ваше, Милостивый Государь Андрей Яковлевичъ, и тѣмъ болѣе, что генералъ Засядко и невѣдомый мнѣ маіоръ поселенныхъ войскъ хвалились часто предо мною Вашимъ къ нимъ благорасположеніемъ и полученіемъ отъ Васъ гра-

мотокъ. Теперь и я буду хвалиться Вашими милостями! Итакъ, Вы въ Елисаветградѣ! Вы недалеко отъ Миргорода, и жалуетесь на скуку, на нищету въ собесѣдникахъ умныхъ, образованныхъ! Но видно Вы не знаете, что у Васъ подъ бокомъ три золотые человѣка, три сокровища? Генералъ Николай Алексѣевичъ Столыпинъ, командиръ 3-го украинскаго уланскаго полка Юрій Осиповичъ Лахманъ и юнкеръ того же полка—Владиміръ Андреевичъ Владиславлевъ! Вамъ стоитъ только сблизиться и жизнь Ваша усладится ихъ сладкими разговорами.

Не желайте возврата въ Петербургъ теперь; опытомъ дознано, что въ этомъ болотѣ, холодномъ во всѣхъ отношеніяхъ, никто еще не написалъ ни пяти строчекъ для безсмертія. Всѣ удаляются отсюда или въ горы Кавказскія, или въ долины Таврическія, или въ степи Екатеринославскія, гдѣ раздолье уму и просторъ воображенію. Даже самъ Карамзинъ писалъ, или дописывалъ свою Исторію въ Царскомъ Селѣ, гдѣ живалъ онъ до зимы; даже самъ Жуковскій творитъ иногда стихи въ Гатчинѣ и въ Павловскѣ; Пушкинъ всякую осень удаляется въ дремучіе лѣса Псковскіе и возвращается весною съ новою поэмою. Пишите и привозите къ намъ на судъ готовое: вотъ Вамъ мое благословеніе.

Вы обѣщали мнѣ присылать отрывки изъ жизни Потемкина; увѣренъ, что Вы сдержите свое слово—

Et je la crois plus pure,
Que l' autel des Dieux, entouré du parjure.

Обнимаю Васъ и съ нетерпѣніемъ ожидаю длинныхъ писемъ; у Васъ много досуга, мыслей, чувствованій; Вамъ легко писать.

Всею душою Вамъ преданный

Воейковъ.

(Съ подлинника).

3.

6 октября 1829 г.

Виноватъ предъ Вами, истинно почитаемый мною Александръ Ѳедоровичъ, скакавши по пустому свѣту съ апрѣля по августъ. Неоднократно принимался за перо, чтобы, хотя и не связно, написать къ

Вамъ, но путешествіе по неволѣ, разобщая идеи, увлекало ихъ въ грядущее;—возвратясь, думалъ я, на опредѣленнѣйшій пунктъ, къ моему письменному столику, опишу все, что видѣлъ: въ Бессарабіи, Молдавіи, Валахіи и за Дунаемъ; а между тѣмъ время летѣло, впечатлѣнія видѣннаго темнѣли, не изглаживалось только вписанное въ дорожникъ, такъ, какъ и преданность моя къ Вамъ въ признательномъ сердцѣ.

Если случай броситъ меня въ Петербургъ и Вы будете имѣть свободное время и терпѣніе прослушать записки дичающаго труженика,— бремя недовѣрчивости къ самому себѣ облегчится Вашимъ снисходительнымъ вниманіемъ. Вы писали ко мнѣ, что все почти лучшее написано отличнѣйшими нашими литераторами внѣ сырой, холодной столицы; что въ открытыхъ степяхъ раздолье; согласенъ,—но только не воображенію, которое, подобно взору, не останавливаясь ни на чемъ, теряется. Обширную пустоту ихъ, мнѣ кажется, можно уподобить безвоздушному мѣсту, гдѣ все дышащее замираетъ.

Не знаю, съ кѣмъ бы самъ Демосѳенъ бесѣдовалъ здѣсь? Берега моря неприступны. Славная Одесса все еще въ оцѣпленіи, гдѣ, хотя ничего не пишутъ (не исключаю и журнала) кромѣ карантинныхъ записокъ, паспортовъ и объявленій о продажахъ съ публичнаго торга домовъ, но встрѣчаешься по крайней мѣрѣ съ физіономіями, подобными столичнымъ. Нѣтъ, признаюсь, я хотѣлъ бы изъ здѣшняго простора въ одушевленный пріютъ Вашъ. Господь вѣсть помышленія человѣка, яко суть суетна, говоритъ царь Давидъ; тщетныя ко тщетнымъ прилагаются, говоритъ блаж. Іовъ; чувствую тщету и суетность, но, вспомнивши сказанное царемъ Соломономъ въ книгѣ „Притчей“ его: „на немъ же сиціи мѣстѣ вся соберутъ, не иди тамо; уклонись же отъ нихъ и измѣни; не уснутъ бо, аще зла не сотворятъ; отымется сонъ отъ нихъ и не спятъ; тіи бо питаются пищею нечестія, виномъ же законопреступнымъ упиваются“,—начинаю думать о тихихъ занятіяхъ. Написанную мною въ степяхъ басню на разсмотрѣніе Ваше у сего представляю. Я бы желалъ протиснуть ее въ какомъ нибудь альманахѣ на слѣдующій 1830 годъ, если Вы изволите найти того заслуживающею.

Хотѣлъ было передать Вамъ предварительно нѣкоторыя письма изъ моего походника, писанныя въ Кишиневѣ, подъ Силистріей, въ Галацахъ и въ Каралашахъ, гдѣ меня окуривали по 14 дней, но оставилъ до свиданья.

Вашъ Владиславлевъ, по полученіи мною отъ Васъ письма, въ которомъ Вы похвалили его, взятъ въ штабъ, занимается здѣсь письменнымъ дѣломъ, бываетъ у меня, и я нахожу въ немъ молодаго человѣка, достойнаго похвалы Вашей. Матвѣевъ служитъ въ резервахъ, которые вмѣстѣ съ славнымъ окончаніемъ войны, вѣроятно,

присоединятся къ полкамъ, а потому въ настоящее время и къ пристроенію его нѣтъ въ виду никакого мѣста. Впрочемъ, что только отъ меня когда нибудь зависѣть будетъ, чѣмъ бы я могъ отслужить Вамъ за лестное Ваше ко мнѣ расположеніе,—радъ стараться! Толико чту Васъ въ глубинѣ души моей.

Нашъ достойнѣйшій генералъ Александръ Дмитріевичъ, [1]) сдѣлалъ широкій шагъ къ цѣли заслугъ своихъ; вмѣстѣ съ симъ я пишу къ Его Превосходительству. Покорнѣйше прошу при свиданіи съ нимъ присоединить и мое поздравленіе съ возвышеніемъ его.

Я не рѣшался писать, доколѣ не увижусь съ Вами въ Пайкахъ; [2]) обстоятельства могутъ отдалить меня отъ сего; между тѣмъ чувства всегда одинаковы къ Вамъ.

(Съ черноваго отпуска).

4.

24 октября 1832 г.

Обязанность моя неразлучна съ такими хлопотами, кои доходятъ иногда едва ли не до бѣснованія. Мало, весьма мало остается времени для отдыха; а тѣмъ еще менѣе для пріятныхъ занятій. Мысль, что я могу быть забытымъ и тѣми, кои составляютъ весьма ограниченный кругъ избранныхъ, по чувствамъ и разуму, преслѣдуетъ меня съ упрекомъ въ собственномъ молчаніи. Сбираюсь писать; ловлю предметы, мелькающіе въ воображеніи: а толпа тѣснящихся въ ономъ жидовъ, шляхты и потому подобнаго вздора затемняетъ все, представляющееся интереснымъ для описанія. Пожалѣйте меня, почтеннѣйшій Александръ Ѳеодоровичъ; напишите хотя нѣсколько строкъ о нашемъ сѣверѣ: ибо въ этой Варшавѣ, которую я уподобляю пространной огромной *кавярнѣ*, имѣя дѣло съ гордо-пресмыкающимися, ни о чемъ въ прочемъ не мыслящими, скоро и самъ мыслить забудешь. Вы спросите: что такое кавярня? Охъ! не дай Богъ, чтобы кавярни завелись и у насъ на святой Руси! Съ недавняго времени въ Петербургѣ нѣтъ такой улицы, нѣтъ такого переулка, гдѣ бы ни встрѣчались блуждающіе взоры съ вывѣсками табачной продажи. Грѣхъ одной изъ газетъ нашихъ, грѣхъ ей, что она хвалитъ трудолюбіе табачныхъ фабрикантовъ.

---

[1]) Засядко. [2]) С. Пайки—Пирятинскаго уѣзда Полтавской губ., бывшее имѣніе Краснокутскихъ.

Самъ я предпочитаю трубку едвали не всѣмъ вымысламъ праздности; но обращаясь къ старинѣ, завидую предкамъ, не знавшимъ зелія, наполняющаго нынѣ запахомъ для многихъ и зловоніемъ для нѣкоторыхъ почти всякое вмѣстилище людей, начиная отъ кабинетовъ и даже гостинныхъ вельможъ до землянокъ нищеты и бездѣлья. Быстрое распространеніе употребленія наркотической травы сей можетъ со временемъ подать мысль спекулянтамъ оной устроить въ магазинахъ и лавочкахъ своихъ покои для курильщиковъ, — горечь во ртахъ потребуетъ услажденія,—содержатели курилокъ начнутъ приготовлять кофе, посѣтители станутъ добавлять въ оное ромъ,—и такимъ образомъ заведутся *кавярни* или кофейни, каковыхъ въ Варшавѣ почти столько же, сколько домовъ въ городѣ, не исключая и самихъ монастырей. Здѣсь все, можно сказать, только что не живетъ въ кавярняхъ. Отъ утра до глубокой ночи онѣ наполнены празднолюбцами. Для прислуги въ оныхъ и для приманки посѣтителей употребляются ловкія, безстыдныя и смазливенькія при томъ кавярки, одѣтыя по послѣдней модѣ субретокъ парижскихъ. Изъ скопища, читающаго газеты въ сихъ вертепахъ разврата, проистекаютъ вымышляемыя новости; пьянственныя восклицанія и вздохи упившихся о временахъ, по ихъ мыслямъ лучшихъ, увлекаютъ и трезвыхъ въ разговоры вредные, и, наконецъ, такая публичная жизнь поселяетъ безнравственность въ самыхъ семействахъ. А если бы Вы посмотрѣли на сцену театра Rozmaitości, т. е. Variété: что бы Вы тамъ увидѣли и услышали? И театръ сей устроенъ въ костелѣ. Гдѣ набожные предки слушали съ благоговѣніемъ слово Божіе, тамъ полупросвѣщенные потомки ихъ восхищаются нынѣ экивоками лицедѣевъ и игрою скомороховъ, хотя тотъ же крестъ святой коронуетъ зданіе. Онъ, кажется, грозитъ буйной толпѣ лжемудрствующихъ, не карая; и да образумятся! О Вавилонъ праздношатающихся по улицамъ отъ кавярни до кавярни! долго ли судьба опредѣлила кутерми́ться въ мрачныхъ стѣнахъ твоихъ? Я все перечиталъ, что было написано здѣсь въ теченіе прошлыхъ 9 мѣсяцевъ, 9 дней и 9 часовъ безумія и ужасовъ; ничего не нашелъ такого, что бы не дышало кавярнями, не дышало смрадомъ: гдѣ же тутъ просвѣщеніе? Исключая презрѣнія и негодованія къ общей деморализаціи, погружающихъ меня часто въ болѣзненное уныніе по сердечному желанію добра себѣ подобнымъ, исключая хлопотъ съ влачащими дни безъ цѣли,—въ отношеніи службы мнѣ здѣсь не худо; честолюбіе мое не страдаетъ, ибо я имѣю счастіе служить подъ такимъ начальникомъ, съ какимъ встрѣчаться мнѣ въ 27 лѣтъ не случалось. Труды не остаются безъ вниманія; а если бы при семъ и здоровье служило, то чего бы и желать, подвигаясь къ старости; но оное изведено тщетными усиліями 12 лѣтнихъ трудовъ по такой части, которая, преобразовывая́сь безпрерывно, и по нынѣ не установилась еще.

Но пора кончить, пора честь знать, какъ говорится. Простите, достойный почтенія Александръ Ѳедоровичъ, если я слишкомъ занялъ Васъ моимъ мелкимъ почеркомъ, и выполните слѣдующую покорнѣйшую просьбу мою: Свѣтлѣйшему понадобился издаваемый Вами „Инвалидъ“ за 1827 и 1828 годы. Сдѣлайте одолженіе, вышлите оный, если можно, съ первымъ отправляющимся изъ С.-Петербурга къ намъ фельдъ-егеремъ. Что будутъ стоить изданія сіи, я тотчасъ по полученіи ихъ отправлю къ Вамъ деньги; или укажите, отъ кого и какимъ образомъ достать ихъ можно, разумѣется, за деньги же; а ежели встрѣтится какое либо затрудненіе въ семъ, то пришлите хотя на нѣкоторое время собственные Ваши экземпляры, которые чрезъ нѣсколько недѣль Вы получить изволите отъ меня обратно въ совершенной цѣлости. Это было бы всего лучше,—только съ первымъ фельдъ-егеремъ.

(Съ черноваго отпуска).

5.

С.-Петербургъ, 23 февраля 1834 г. № 291.

Вы оживили своимъ драгоцѣннымъ письмомъ дряхлаго старичишку, который пять мѣсяцевъ страдаетъ изнурительною болѣзнью, милостивый государь Андрей Яковлевичъ! Вы изъ числа тѣхъ немногихъ людей, которыхъ любовь для меня драгоцѣнна и для пріобрѣтенія добраго мнѣнія которыхъ я готовъ сражаться съ великанами и ухватить луну зубами.

Заслуженный генералъ Александръ Дмитріевичъ Засядко, по долговременному, слишкомъ долговременному пребыванію въ отпуску, подвергся общей со всѣми подобными ему участи: уволенъ отъ службы съ 6-тью тысячами рублей пенсіона. Другой, имѣя при семъ 250 душъ жениныхъ, жилъ бы припѣваючи, но Александръ Дмитріевичъ плохой хозяинъ и не получаетъ съ деревни ни одного гроша; сверхъ того привыкъ къ роскоши. Меня сокрушаетъ его состояніе. Самъ боленъ, жена, четверо дѣтей... на шести тысячахъ, изъ коихъ, вѣроятно, надобно отдѣлить еще часть на проценты и уплату долговъ; немного наживешь!

Въ отсутствіе Ваше со святою Русью множество чудесъ понадѣлалось. Доселѣ мы въ Европѣ блистали только штыками, гремѣли пушками, удивляли побѣдами: теперь знаменитѣйшій въ Европѣ живописецъ—русскій *Брюловъ*, превосходнѣйшій въ Парижѣ оперный пѣ-

вецъ—русскій *Ивановъ*, примадонна, получающая въ Большой Оперѣ 40 т. франковъ жалованья,—россіянка *Шоберлехнеръ*, урожденная *Даль-Око*!!!

Послѣ Вашего отъѣзда написанъ историческій романъ подъ заглавіемъ: „Послѣдній Новикъ", не уступающій ни Вальтеръ-Скотту, ни Куперу. Сочинитель онаго *Ив. Ив. Лажечниковъ*, начавшій въ 1812 г. свое поприще въ Моск. гренадерскомъ полку, поперемѣнно бывшій адъютантомъ генераловъ Писарева, принца Карла Мекленбургскаго и весьма долгое время графа А. И. Остермана-Толстого. Онъ женатъ по страсти, но, къ сожалѣнію, не имѣетъ дѣтей; онъ пишетъ другой историческій же романъ изъ временъ импер. Анны Іоанновны: натурально, что кровожадный властолюбецъ Биронъ играетъ въ немъ главную роль. Одинъ отрывокъ былъ помѣщенъ недавно въ альманахѣ „Денница". Я отъ него въ восхищеніи. Такъ и обдаетъ русскимъ духомъ.

Еще новость и весьма пріятная въ словесности. Вы знаете, что послѣ безсмертныхъ трагедій Озерова двадцатилѣтіе прошло,—и ни одной замѣчательной драмы не являлось на нашей сценѣ. Теперь вдругъ распустилось нѣсколько талантовъ высокихъ, блестящихъ, благовонныхъ. У васъ въ Варшавѣ заведена Смирдинымъ книжная русская лавка и навѣрное имѣются новыя трагедіи: „Баторій и Россія", соч. барона Розена, „Дмитрій Самозванецъ", соч. Хомякова, „Торквато Тассо", соч. Кирѣева, „Торквато Тассо", „Джюліо Мости" и такъ названная авторомъ „Рука Всевышняго отечество спасла", соч. Кукольника. За первую авторъ награжденъ брилліантовымъ перстнемъ. Государь черезъ Жуковскаго изволилъ сдѣлать Розену свои собственныя замѣчанія и приказалъ ему передѣлать свою трагедію для сцены, исключивъ царя Ивана Васильевича, сына его царевича Іоанна и сыноубійство русскаго Нерона. Автору отечественной трагедіи „Рука Всевышняго отечество спасла", молодому писателю Кукольнику, Императоръ и Императрица также пожаловали по драгоцѣнному перстню. Императоръ призывалъ его, благодарилъ, ободрялъ, дѣлалъ свои замѣчанія, весьма дѣльныя, доказывающія, что Онъ внимательно читалъ ее.

Генералъ-маіоръ Михаилъ Ѳедоровичъ Орловъ, братъ графа Алексѣя Ѳедоровича, столь извѣстный участіемъ въ заговорѣ 14 декабря и еще болѣе умомъ, знаніями и буйными республиканскими правилами, кажется, присмирѣлъ и написалъ превосходную книгу „Государственный кредитъ".

Но всего удивительнѣе, всего непостижимѣе даже для насъ, состарѣвшихся на бумагомараніи, отчаянно-храброе предпріятіе здѣшняго книгопродавца А. Ф. Смирдина. Вообразите, что ему самому обходится журналъ его въ годъ около 190.000 рублей! Тутъ включается бумага, печатаніе, жалованье редактору, корректору, и покупка статей у писате-

лей. Смирдинъ платитъ по червонцу за стихъ А. С. Пушкину, по 400 рублей за печатный листъ (8 страничекъ) Александру Бестужеву; многимъ по 300 рублей и никому не менѣе 200 рублей!!!

Не одинъ Смирдинъ,—и другіе книгопродавцы развязали мѣшки: Булгарину за четыре части двухъ его романовъ „Мазепы“ и „Чушкина“ заплатили 15 т. рублей; Лажечникову за новый его романъ „Ледяной домъ“ сулятъ уже 20 т. рублей. Россія скачетъ, какъ конь Фальконета на памятникѣ Петра Великаго.

Прошу засвидѣтельствовать мое искреннее сердечное почтеніе милостивой государынѣ Юліи Ивановнѣ; ея ко мнѣ благорасположенія по гробъ мой не забуду. Видѣть ея ангельскій ликъ, быть привѣчаему ея небесною улыбкою есть уже счастье, особливо для бобыля и сироты, каковъ душевно Вамъ преданный

А. Воейковъ.

Не забывайте меня и впередъ!

(Съ подлинника).

6.

С.-Петербургъ, 26 февраля (6 марта) 1836 г. № 267.

Милостивый Государь Андрей Яковлевичъ!

Вы ужасно выросли, Вы сдѣлались великаномъ съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались; Вамъ подобаетъ честь, слава и поклоненіе. Я всегда съ жаднымъ участіемъ слушаю разсказы о Васъ отъ Варшавскихъ гостей. Знаю, что Вы выдали замужъ Вашу хорошенькую свояченицу, которая вскружила головы всему штабу генералъ-фельдмаршала, [1]) что Юлія Ивановна была больна опасно, что Вы со звѣздою путешествуете, сдѣлались помѣщикомъ Царства Польскаго, присоединили къ своей фамиліи фамилію своего герцогства, что у Васъ

Изъ красноогненна виссона
Подобный радугѣ нарядъ
Съ плеча деснаго полосою
Виситъ на лѣвую бедру.

---

[1]) Любовь Ивановна Миркалова-Бобровская изъ дома Андрея Яковлевича вышла замужъ за Александра Павловича Безака.

Не вѣрю, если бы злые клеветники стали увѣрять меня, что Вы меня разлюбили, и въ доказательство этой вѣры обращаюсь къ Вамъ съ челобитьемъ: взять на себя трудъ передать вѣрно вложенное здѣсь письмецо умному, храброму и любезному генералу Лахману.

Я люблю его, хотя у насъ въ Петербургѣ многіе сильные земли до него не охотники. Это для меня странно; однако же вѣрно они имѣютъ свои резоны, ибо дѣйствіе не бываетъ безъ причины, какъ живая овца безъ овчины. Можетъ быть, quelque arrière-pensée. Нынъче лѣтомъ меня очень огорчили скверные слухи, недоброжелателями его разсѣваемые, и. конечно, несправедливые, будто бы онъ бросилъ вторую свою жену и опять сошелся съ первою. Чего не выдумаютъ люди, которые, будучи не въ состояніи всползти на высоту, куда взлетѣли люди съ талантами, стараются стащить ихъ внизъ и замарать грязью.

Послѣ Васъ явился на поприщѣ государственной службы Михаилъ Павловичъ Позенъ и, будучи въ 1828-мъ году титулярнымъ совѣтникомъ и не-кавалеромъ, теперь статсъ-секретарь, дѣйств. ст. сов. и св. Влад. 3-й ст. кавалеръ. Онъ человѣкъ съ необыкновенными дарованіями и необыкновенно расположенный къ добру, въ большомъ ходу, имѣетъ трехъ сыновей пажами и пойдетъ далеко.

Въ литературѣ молодой поэтъ Бенедиктовъ есть явленіе лучезарное; мы послали къ Вашимъ книгопродавцамъ нѣсколько экземпляровъ его стихотвореній; прочтите и восхищайтесь. На военной чредѣ въ мнѣніи жителей Сѣверной Пальмиры высоко становится Н. Н. Муравьевъ.

Съ высокимъ уваженіемъ и сердечною привязанностью за отличную честь поставляю быть, Милостивый Государь, Вашего Превосходительства покорнѣйшимъ слугою

А. Воейковъ.

(Съ подлинника).

7.

С.-Петербургъ, 4 февраля 1837 г. № 169.

Милостивый Государь Андрей Яковлевичъ!

Я обрадовался Вашему письму, какъ радуется петербургскій житель ясному осеннему дню, или встрѣтивъ жаркую душу, еще незачерствѣвшую отъ исканія почестей и денегъ. Вмѣстѣ съ живѣйшею моею благодарностью позвольте попенять за краткость письмеца Вашего. Оно только раздра-

знило, расшевелило дружбу мою, а не насытило желанія узнать о Вашемъ житьѣ-бытьѣ. Какъ будто для меня не занимательно, какъ будто бы сердцу моему все равно, знать или не знать о здоровьи несравненной Юліи Ивановны, о томъ, что Богъ даровалъ ей дѣточекъ, что Вы, живучи съ Поляками, не разлюбили православной Руси, ея литературы, ея жрецовъ и представителей, между которыми и азъ служу пономаремъ.

На дняхъ мы схоронили великана родной поэзіи. *Пушкинъ* убитъ на дуэли съ поручикомъ кавалергардскаго полка Геккеромъ, который усыновленъ голландскимъ посланникомъ при нашемъ Дворѣ, а въ службу принятъ по ходатайству герцогини Беррійской, имѣвшей съ нимъ, какъ увѣряетъ la chronique scandaleuse, любовную интрижку. Онъ былъ бѣднякъ и получалъ пособіе отъ щедротъ Императора. Причиною ссоры между творцомъ „Онѣгина“ и творцомъ пакостей была, какъ говорятъ, ревность. Геккеръ, или по прежнему прозвищу Дантезъ, началъ сильно волочиться за женою поэта; одна дама, влюбленная въ Дантеза, стала писать къ Пушкину письма anonymes, въ коихъ то предупреждала его, то насмѣхалась надъ нимъ, то увѣдомляла, что онъ принятъ въ дѣйствительные члены Общества Рогоносцевъ. Жена Пушкина кокетствовала съ нимъ и тѣмъ еще больше разжигала ревность мужа, въ жилахъ котораго кипѣла африканская кровь дѣда его Ганнибала. Однажды, встрѣтивъ его у своей жены, Пушкинъ грозно спросилъ: зачѣмъ онъ такъ часто ѣздитъ къ нему? Тотъ, не собравшись съ духомъ, отвѣчалъ, что влюбленъ въ сестру жены его. „Такъ женитесь же на ней!“ возразилъ Пушкинъ. И тотчасъ же ихъ обручили. 9 января нынѣшняго года была свадьба, а 27, какъ увѣряютъ, онъ опять нашелъ въ гостяхъ у своей жены Дантеза и вызвалъ его на поединокъ. Черезъ два часа послѣ этого они стрѣлялись: французъ-голландецъ раненъ легко въ правую руку, Пушкинъ въ bas ventre; пуля прошла съ праваго бока къ лѣвому, остановилась подъ кожей, не повредила ни мочеваго пузыря, ни кишекъ, ни селезенки, а всю внутренность оконтузила и парализировала. Они стрѣлялись на барьерѣ въ 20 шагахъ и могли подходить по пяти шаговъ ближе, т. е. такъ, чтобы между ними оставалось 10 шаговъ. Но Геккеръ, сдѣлавъ только три шага, выстрѣлилъ, Пушкинъ упалъ, противникъ его бросился было помогать ему; но Пушкинъ приподнялся и сказалъ: „я раненъ въ ляжку“, а противнику, чтобъ онъ становился на дистанцію, потому что—„я хочу стрѣлять“. Выстрѣлилъ и ранилъ легко. Первое слово его было, когда привезли его раненаго домой, женѣ: „ты невинна!“ Потомъ написалъ письмо къ Императору, отъ котораго получилъ слѣдующія безсмертныя строки. Ихъ нельзя читать безъ сладкихъ слезъ и безъ гордости, что у насъ такой славный Царь, строгій и милосердый, возвышенный и нѣжный.

Вотъ онѣ почти слово въ слово: „Любезный Александръ Сергѣевичъ! Если намъ не суждено въ сей жизни съ тобою видѣться, то пріими мое прощеніе и совѣтъ: призови духовника и кончи дни свои, какъ истинный христіанинъ. О женѣ и дѣтяхъ не огорчайся: я буду отецъ имъ".

N. B. Все письмо Е. И. В. написано карандашемъ и собственною рукою.

Но Пушкинъ уже самъ потребовалъ священника и пріобщился св. Таинъ прежде, чѣмъ получилъ всемилостивѣйшій рескриптъ Государевъ. 29 января въ 2 часа 30 минутъ онъ скончался. Два сына его взяты въ пажи, дочери въ одинъ изъ женскихъ институтовъ; въ указѣ камеръ-юнкеръ Пушкинъ наименованъ камергеромъ.

Сдѣлайте мнѣ величайшее одолженіе, любезнѣйшій изъ генералъ-полицеймейстеровъ и простыхъ меровъ и префектовъ, увѣдомьте меня съ первою почтою, гдѣ генералъ Лахманъ? Что дѣлаетъ храбрый Лахманъ? Куда писать къ умному, милому, свѣтскому Лахману? Мнѣ это нужно, необходимо.

Я видѣлъ здѣсь мелькомъ, не помню у кого, книгу прелюбопытную: „Исторія второй половины польскаго похода 1831 г." г. м. Окунева. Здѣсь ея достать нельзя. Если это не такъ важно, то пришлите мнѣ экземпляръ по русски чрезъ начальника фельдъ-егерей Сакса. Черезъ него всегда я вѣрно получаю всѣ изъ Варшавы посылки и письма.

Напишите мнѣ длинное письмо и такое блестящее искрами ума, чтобъ его можно было напечатать въ моихъ Oeuvres posthumes.

Съ высокимъ уваженіемъ и сердечною преданностью за отличную честь поставляю быть Вашимъ, Милостивый Государь, покорнѣйшимъ слугою

А. Воейковъ.

Дубельтъ, Владиславлевъ, Крашенинниковъ, Ольденборгеръ бьютъ Вамъ челомъ.

(Съ подлинника).

Вячеславъ Ганка [1]).

1.

Ваше Превосходительство!

Я ожидалъ ужъ въ пять часовъ извѣстнаго человѣка, и лучше-бъ былъ сдѣлалъ, если-бъ былъ тотчасъ самъ къ „Тремъ липамъ" пошелъ, по крайней мѣрѣ-бъ имѣлъ удовольствіе видѣть еще разъ Ваше Превосходительство. Человѣкъ пришелъ въ половинѣ шестаго и, какъ я послѣ, идучи около „Трехъ липъ", узналъ, онъ Васъ уже не засталъ.

Что не сдѣлалось, должно сдѣлать: панъ Феликсъ Бораковскій это тепериче исполнитъ.

Желая Вашему Превосходительству всего благополучія, имѣю честь быть съ высочайшимъ уваженіемъ и совершенною преданностію покорнѣйшій слуга

Вячеславъ Ганка.

Прага 8/20 августа 1842.

(Съ подлинника).

2.

Ваше Превосходительство, Милостивѣйшій Государь!

Пользуясь проѣздомъ черезъ Прагу въ Варшаву Антона Осиповича Корси, я не могъ пропустить не припомянуть о себѣ Вашему

---

1) Прочное основаніе для будущей достойной біографіи одного изъ заслуженнѣйшихъ дѣятелей чешскаго возрожденія Вячеслава Ганки положено изданіемъ профессора В. А. Францева: Письма къ Вячеславу Ганкѣ изъ славянскихъ земель. Варшава 1905. Въ предисловіи указаны статьи, посвященныя жизнеописанію Ганки и оцѣнкѣ его ученой и общественной дѣятельности.

Превосходительству. Прилагаемую при семъ книгу „Сазаво-Еммаузское Евангеліе“ и „Начала священнаго языка Словянъ“ прошу покорнѣйше милостиво принять, какъ послѣдній сохранившійся на чужбинѣ останокъ истребленнаго у насъ Православія. Въ предисловіи я объ этомъ обширнѣе говорилъ,—но укратили.

Желая Вашему Превосходительству быть здоровымъ, счастливымъ и долговѣчнымъ, имѣю честь оставаться навсегда

Вашего Превосходительства Милостивѣйшаго Государя покорнѣйшій слуга

Вячеславъ Ганка.

Прага 3/15 іюля 1846.

(Съ подлинника)

3.

Дрезденъ, 1846 г. іюля 26 дня.

Ваше Превосходительство!

Предполагавши возвратиться въ Россію черезъ Варшаву, въ бытность мою въ Прагѣ получилъ я отъ директора тамошняго Народнаго Музея, господина Ганки, пакетъ для доставленія Вашему Превосходительству. Нѣкоторыя непредвидѣнныя обстоятельства заставили меня принять другой путь и лишили удовольствія доставить лично Вашему Превосходительству оный пакетъ; а потому я просилъ Россійское Посольство въ Дрезденѣ о пересылкѣ его, не оставляя впрочемъ предположенія посѣтить Варшаву, въ которой желалъ бы осмотрѣть Училище Глухонѣмыхъ (бывши въ теченіе многихъ лѣтъ учителемъ и директоромъ основаннаго мною въ Москвѣ такого же училища) и узнать о состояніи газоваго освѣщенія, принадлежа къ Обществу занимающихся газовымъ освѣщеніемъ, основанному *Шерръе*, и желая съ своей стороны, по мѣрѣ возможности, содѣйствовать распространенію этого освѣщенія въ предѣлахъ Россійской Имперіи, гдѣ представится только удобный къ тому случай.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностію честь имѣю быть Вашего Превосходительства покорнѣйшій слуга

Кав. Антонъ Ос. Корси.

4.

⁶/₁₈ апрѣля 1847 г.

Милостивый Государь, Вячеславъ Вячеславовичъ!

Добрый труженикъ Вацлавъ Александръ Мацѣевскій завтра выѣзжаетъ за границу. Онъ намѣренъ побывать и у Васъ въ Прагѣ. Дабы онъ не билъ Вамъ челомъ безъ моего гостинца, посылаю посредствомъ его нѣсколько новыхъ книгъ для Вашей собственной библіотеки, какія только, пробѣжавши каталогъ въ здѣшнемъ книжномъ магазинѣ Сеневальда, показались мнѣ любопытными--по заглавіямъ.

Книги эти, а именно:... господинъ Мацѣёвскій поручилъ отправить по почтѣ самому книгопродавцу Сеневальду.

Буду радоваться, если Вы найдете въ нихъ что нибудь новое, или любопытное.

Я далъ г. Мацѣёвскому и одну брошюрку, кѣмъ написанную—не знаю. Прошу покорнѣйше о терпѣніи прочитать ее и сообщить мнѣ, чрезъ подателя, или и по почтѣ, Ваше мнѣніе о мысляхъ, въ ней заключающихся, кои мнѣ кажутся весьма справедливыми.

Remeskoje blagovestvovanije и „Начала священнаго языка Словянъ“—я получилъ отъ Васъ. Примите, М. Г., душевную признательность за память объ искреннемъ почитателѣ Вашемъ.

А. Стороженко.

(Съ черноваго отпуска).

5.

Прага, д. ⁴/₁₆ іюля 1847 г.

Милостивѣйшій Государь!

Я имѣлъ удовольствіе получить отправленныя ко мнѣ Вашимъ Высокопревосходительствомъ книги. Онѣ будутъ для меня драгоцѣннѣйшимъ воспоминаніемъ Вашей благосклонности ко мнѣ.

Г. Мацѣёвскій отдалъ мнѣ копію Вашей любопытной статьи, съ которой намѣреніемъ я совершенно соглашаюсь; только я бы желалъ, чтобъ она съ VIII вѣка обширнѣе исчисляла нынѣ уже онѣмеченныя словянскія племена и ярчей опредѣляла ихъ тогдашнія границы. Далѣе,

чтобъ было показано, что гдѣ только въ IX и X вѣкѣ Православіе свои благодѣятельные лучи бросило, хотя-жъ тамъ и впослѣдствіи оно нѣмцами истреблено было, въ тѣхъ странахъ сохранился словянскій языкъ и съ нимъ вмѣстѣ и народность навсегда; гдѣ напротивъ въ странахъ, куда сихъ-же лучей не дошло, и племена словянскія только одними нѣмецкими епископами въ порабощеніе крещены, въ тѣхъ странахъ и языкъ словянскій совсѣмъ исчезъ, и остались только слабые слѣды обычаевъ и повѣрій. Я совсѣмъ убѣжденъ, что если-бы блескъ сихъ лучей изъ сосѣдственныхъ Чехъ въ Лузацію не засягалъ, то бы и тамъ, какъ въ Турингіи, на рѣкѣ Салѣ, на нижней Лабѣ и т. д. съ нѣмецкимъ вѣроученіемъ не осталось бы словянскаго слова. Эта статья бъ имѣла гораздо болѣе силы, крѣпости и прочности, ибо историческое воспоминаніе убѣждаетъ. Поляки своимъ усиліемъ распространяться на востокъ и пустить западныя страны нѣмцамъ согрѣшили сами противъ себя и противъ всему Словянству. Въ новѣйшихъ временахъ въ сей статьѣ, правда, благоразумнѣе говорить только про Россію и Польшу.

Къ довершенію моей радости я имѣлъ счастіе познакомиться съ Вашимъ для меня незабвеннымъ Владиміромъ Андреевичемъ, [1]) который мнѣ принесъ драгоцѣнное Ваше письмо, и я, лаская себѣ надежду заслужить благосклонность Вашу, почитаю пріятнѣйшею обязательностію увѣрить Васъ въ глубочайшемъ къ Вамъ почтеніи и преданности, и имѣю честь быть Вашего Высокопревосходительства покорнѣйшій слуга

Вячеславъ Ганка.

(Съ подлинника).

6.

Милостивый Государь, Ваше Высокопревосходительство!

Прилагаемые при семъ листки прошу покорнѣйше принять милостиво, по крайней мѣрѣ, въ извѣстность. Мы дождались временъ, которыхъ еще не ожидали. У насъ было бы все хорошо, но проклятые нѣмцы! Жаль, что у Васъ нѣтъ нашихъ газетъ, чтобы узнать, какими беззаконными хитростями они хотятъ насъ въ свои безбожныя мрѣжи

---

[1]) См. Книги Францева стр. 779 и Фамильнаго Архива, тома втораго, стр. 200—203.

увлечь. Читайте постановленія Франкфуртскихъ пятидесяти самозванцевъ въ отношеніи къ нашей протестаціи. Мы не хотимъ соединенія съ этою большою Германіею. Мы Словяне и останемся Словянами до послѣдней капли крови. Очень было бы намъ пріятно видѣть въ нашемъ съѣздѣ и нашихъ братій Россіянъ. Прощайте и не забывайте насъ. Покорнѣйшій и преданнѣйшій Вячеславъ Ганка.

На русскомъ языкѣ, не знали мы, печатать ли или нѣтъ, и потому не печатано.

(Съ подлинника).

(Къ этому письму приложены четыре воззванія къ Славянамъ на языкахъ: польскомъ, чешскомъ, хорватскомъ и нижне-лужицкомъ; польскій текстъ печатаемъ ниже. Почтовый штемпель письма въ Варшавѣ: 16 мая нов. ст. 1848 г.

7.

Słowianie, bracia!

Któż z nas niepoglądnie ze żałością na przeszłość naszą, i komuż tajno, że to, cośmy przecierpieli, stało się jedynie z przyczyny ospałości i odosobnienia dzielącego braci od braci? Ale po długich wiekach, w którycheśmy zapomnieli jedni o drugich, w których tylokrotne nieszczęście zsypało się na głowy nasze, przyszliśmy nakoniec do poznania, żeśmy wszystkie narody słowiańskie dzieci jednego szczepu wielkiéj matki, żeśmy bracia! Nastały czasy ważne, które oswobodziły narody i zrzuciły z nich brzemię, pod którém tak ciężko stękały—czasy te zrzuciły i z nas brzemię, i my teraz to, cośmy już od dawna czuli, możemy wysłowić, to co ku pomyślności naszéj służy, rozważyć i utwierdzić. Narody europejskie porozumiewają i zjednoczają się. Niemcy powołali ku zjednoczeniu swemu parlament do Frankfurtu, który wymaga, aby mu państwo austryjackie ze swéj niepodległości tyle ustąpiło, ile ku całości niemieckiéj potrzeba, i ażeby państwo austryjackie ze wszystkiemi krajami nielicząc Węgry do rzeszy niemieckiej się wcieliło.—Takowy krok naruszyłby nietylko całość państwa austryjackiego, ale także połączenie i samoistność szczepów słowiańskich, i narodowość ich takim sposobem byłaby w niebezpieczeństwie. Naszym więc jest obowiązkiem, abyśmy to, co nam jest najświętsze, gorliwie bronili. Przyszedł czas, abyśmy i my Słowianie porozumieli się wspólnie i zjednoczyli umysły nasze. Przeto do uskutecznienia tychto zamysłów odpowiadając z radością

na liczne nam z różnych krain słowiańskich zasłane żądania czynimy niniejszém odezwę do wszystkich narodów słowiańskich państwa austryjackiego, i wzywamy wszystkich mężów posiadających zaufanie narodu, którym na pomyślności naszej zależy, aby się w starosławnéj Pradze czeskiéj dnia 31-go Maja r. b. zgromadzili, gdziebyśmy wspólnie na rozwagę wzięli wszystko to, co dobro naszego narodu wymaga, i co w tychto ważnych czasach czynić mamy. Jeżeliby ale i drudzy Słowianie w państwie austryackiém niemieszkający zjazd nasz obecnością zaszczycić chcieli, będą jako goście serdecznie witani.

W Pradze dnia 1. Maja 1848.

Josef Matyász hrabie z Thunu.
Wojtiech hrabie Deym.
Jan rytirz z Neuberka.
Pawel Josef Szafarik.
Karol Malisz, członek deputacyi polskiéj.
Frant. Palacky.
Wáclaw Hanka.
Ludevit Sztúr.
Jan Pietr Jordan.
J. Erazim Wocel.
Karel Wladislaw Zap.
Dr. F. Lad. Rieger.
Witalis Grzybowski.
Stefan Aranitski.
Wáclaw Sztulc
Michail Panić.
Karel Maria baron Villani.
Karel Jaromir Erben.
Dr. Fr. Mikloszić.
Dr. Ant. Jaroslaw Bek.
Fr. Mat. Klácel.
Dr. Jan Dvoráczek na Mareyszi, Morawan z Tiszńowa.
Jerzy Lubomirski.
Jan Dobrzański, jako pełnomocnik rady narodowéj Lwowskiéj.
Vincenc hrabie z Waldszteina.
Maksim Papić, Protopresbyter.

Wszystkie dopisy w interessie wyżej wyrażoném zasélają się do kancellaryi komitetu dla zjazdu Słowiańskiego w Pradze, w mieszczańskiéj biesiadzie Nr. 141—2.

8.

Докладная записка Свѣтлѣйшему Князю Варшавскому И. Ѳ. Паскевичу.

Варшава, ⁵/₁₇ *мая 1848 г.*

Вчерашній день я получилъ по обыкновенной почтѣ изъ Праги отъ стараго знакомаго моего, извѣстнаго ученостью и показывающаго всегда рѣшительную преданность къ Россіи, Вячеслава Ганки, письмо, съ приложеніемъ четырехъ печатныхъ экземпляровъ воззваній на разныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, коими приглашаются на 31 мая сего года въ Прагу депутаты изъ всѣхъ славянскихъ провинцій Австрійской имперіи, для совѣщаній о народномъ своемъ единеніи, по примѣру нѣмцевъ, съѣхавшихся уже во Франкфуртѣ въ числѣ 50 уполномоченныхъ для пріуготовительныхъ работъ въ общемъ Германскомъ собраніи. Приглашенія эти напечатаны во многихъ публичныхъ заграничныхъ вѣдомостяхъ. Въ числѣ подписавшихся на оныхъ есть много извѣстныхъ лицъ, какъ-то: графы—Тунъ, Коловратъ, Деймъ, ученые—Шафарикъ, Палацкій и другіе. Въ означенномъ письмѣ г. Ганка пишетъ по русски: „мы дождались временъ, которыхъ еще не ожидали. У насъ было бы все хорошо, но проклятые нѣмцы! Жаль, что у Васъ нѣтъ нашихъ газетъ, чтобы узнать, какими хитростями они насъ увлечь хотятъ въ свои безбожныя мрѣжи. Читайте постановленія Франкфуртскихъ пятидесяти самозванцевъ относительно нашей протестаціи. Мы не хотимъ соединенія съ этою великою Германіею. Мы славяне,—и останемся таковыми до послѣдней капли крови. Весьма пріятно было бы видѣть на нашемъ съѣздѣ и Россіянъ, братій нашихъ".

P.S. „На русскомъ языкѣ мы не знали, печатать ли приглашенія или нѣтъ,—и потому не печатали".

Прописанное письмо г. Ганки съ приложеніями имѣю честь почтеннѣйше представить при семъ Вашей Свѣтлости въ оригиналѣ.

(Съ черновика).

9.

Намѣстникъ Его Императорско-Царскаго Величества въ Царствѣ Польскомъ.

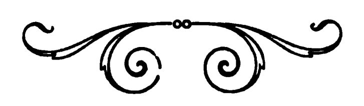
Варшава, 15/27 мая 1848 г. № 1217.

Секретно. Господину Сенатору, Тайному Совѣтнику, Стороженко.

Государь Императоръ, вслѣдствіе всеподданнѣйшей моей записки, по предмету полученнаго Вашимъ Превосходительствомъ письма отъ Вячеслава Ганки, Высочайше повелѣть соизволилъ оставить это письмо безъ отвѣта.

О чемъ нужнымъ считаю увѣдомить Ваше Превосходительство къ непремѣнному исполненію.

Намѣстникъ, Генералъ-Фельдмаршалъ Князь Варшавскій.



Н. И. Гречъ [1]).

1.

С.-Петербургъ, $^{15}/_{27}$ *марта 1834 г.*

Любезнѣйшій Андрей Яковлевичъ! Благодарю тебя душевно, что ты не забываешь меня. Александръ Павловичъ [2]), конечно, скажетъ тебѣ, что и я тебя крѣпко помню. Что это вы запропастились въ злочестивой и вѣроломной Варшавѣ! Бросьте ее, да пріѣзжайте къ намъ на берега Финскихъ озеръ. У насъ шумно и весело. Литература идетъ славно. Теперь затѣваемъ даже Conversations-Lexicon на русскомъ языкѣ. Завтра по этому случаю у меня въ домѣ соборъ ученыхъ и словесниковъ. Что, нельзя ли завербовать и тебя касательно исторіи Малороссіи и прочихъ подобныхъ вещей? Я печатаю свой романъ: „Черная женщина" и первый экземпляръ пошлю Юліи Ивановнѣ, которой прошу засвидѣтельствовать мое усердное почтеніе.

Прости, любезнѣйшій! Не забывай душевно преданнаго тебѣ

Н. Греча.

---

[1]) Род. 1787 г., † 1867 г., первоначально учитель словесности. Съ 1807 г. по 1841 г. редактировалъ до пятнадцати газетъ и журналовъ, изъ которыхъ „Сынъ Отечества" (съ 1812 г.) и „Сѣверная Пчела" (съ 1825 г.) были въ свое время самыми распространенными. Сочиненія Н. И. Греча и біографическій о немъ матеріалъ указаны въ книгѣ А. В. Мезіеръ, Русская Словесность, ч. II, Спб. 1902, стр. 67—68.
[2]) Безакъ.

2.

С.-Петербургъ, 10 января 1842 г.

Почтеннѣйшій и любезнѣйшій Андрей Яковлевичъ!

Позволь мнѣ рекомендовать тебѣ вручителя сего превосходнаго италіанскаго поэта и импровизатора г. Джустиніани, который обратилъ здѣсь на себя общее вниманіе своими необыкновенными дарованіями и снискалъ уваженіе благородствомъ своего характера и образа мыслей. Сдѣлай милость, будь ему отцомъ и покровителемъ въ его начинаніяхъ и трудахъ. За это душевно будетъ благодарить тебя всѣмъ сердцемъ преданный старый другъ

Н. Гречъ.

3.

Парижъ, 26 марта (7 апрѣля) 1845 г.

Любезнѣйшій другъ Андрей Яковлевичъ!

Позволь обезпокоить тебя просьбою о пособіи бѣднымъ людямъ. Въ прошломъ году былъ здѣсь, въ Парижѣ, одинъ благородный полякъ, г. Дрогоевскій, помѣщикъ Люблинской губерніи (изъ г. Томашова), былъ допущенъ гостемъ въ одинъ изъ здѣшнихъ клубовъ (Ancien cercle Grammont), посѣщаемый самыми порядочными людьми, игралъ въ немъ въ карты, проигрался, и у служителей клуба занялъ 3155 франковъ, дней на восемь. Но уже на третій день онъ выѣхалъ изъ Парижа. Ограбленные имъ люди писали къ нему и просили уплаты, но не получили отвѣта. Нынѣ вознамѣрились они жаловаться правительству и отправили о томъ просьбу А. А. Писареву, но я не знаю, къ нему ли именно они должны были прибѣгнуть, и потому всепокорно и всеусердно прошу тебя увѣдомить меня, такъ ли они поступили, и есть ли надежда на успѣхъ. Я самъ писалъ о томъ къ Александру Александровичу, и надѣюсь, что онъ, по старому знакомству со мною, не оставитъ моей просьбы безъ вниманія. Помоги и ты, любезнѣйшій другъ, или по крайней мѣрѣ извѣсти, можно ли чего надѣяться.

Съ чувствами искренней дружбы и преданности твой вѣрный

Н. Гречъ.

Мой адресъ: Mr. Gretsch, 5, Rue des Champs-Elysées, Paris.

4.

Парижъ, ³/15 іюля 1845 г.

Почтеннѣйшій и любезнѣйшій Андрей Яковлевичъ!

Благодарю тебя душевно за дружеское вниманіе къ моему ходатайству. По совѣту твоему, искатели долга съ поляка Дрогоевскаго обратились къ французскому консулу, пребывающему временно здѣсь, въ Парижѣ, а онъ обратилъ ихъ просьбу, снабженную всѣми доводами и свидѣтельствами, къ занимающему его мѣсто у васъ, въ Варшавѣ. Онъ конечно обратится къ нашему Правительству и въ этомъ случаѣ прошу тебя не оставить твоею благодѣтельною помощью бѣдныхъ людей, обманутыхъ самымъ безсовѣстнымъ образомъ.

Прошу тебя кланяться всѣмъ: Юліи Ивановнѣ, Любови Ивановнѣ, Александру Павловичу, и принять увѣреніе въ искреннемъ, неизмѣнномъ моемъ уваженіи и душевной преданности.

Н. Гречъ.

5.

С.-Петербургъ, 23 февраля ст. ст. 1850 г.

Любезный и почтенный Андрей Яковлевичъ!

Во-первыхъ, благодарю тебя душевно за вниманіе и дружескій привѣтъ бѣднымъ моимъ странникамъ. Это была для нихъ манна въ снѣжной пустыни. По послѣднимъ извѣстіямъ, сынъ мой былъ еще въ Берлинѣ и сбирался съ силами къ дальнѣйшему пути. Дай же Богъ свидѣться мнѣ съ нимъ, здоровымъ и окрѣплымъ!

Теперь всепокорнѣйшая просьба. Одинъ пріятель везъ мнѣ изъ Парижа деревянные часы, нѣсколько книгъ и дюжины 4 перчатокъ. Въ таможнѣ на границѣ Царства Польскаго у него отобрали все это съ тѣмъ, что пришлютъ въ здѣшнюю таможню, но съ 29-го декабря новаго стиля вещи эти остаются тамъ.

Проѣзжій былъ французскій подданный Гертель (Hertel), а ярлыкъ, данный ему таможнею, при семъ препровождаю. Нельзя ли, въ силу

данной Вашему Превосходительству власти, понудить почтенную таможню? Для формы прилагаю и письмо ко мнѣ Гертеля.

И у насъ порядочно разглядываютъ путешественниковъ, но, по крайней мѣрѣ, не удерживаютъ ихъ вещей въ теченіе двухъ мѣсяцевъ. Ужъ не пропали ли онѣ? Онѣ именно не важны, но такъ какъ везены были не въ пользу господъ таможенныхъ, а для меня, то я, кажется, имѣю право искать ихъ.

Извини, почтеннѣйшій другъ, что я тебя этимъ обременяю. Но ты столько уже одолжалъ меня, что избаловалъ до крайности.

Кланяюсь въ поясъ и посылаю искреннее пожеланіе всѣхъ благъ земныхъ и небесныхъ.

Душевно преданный Н. Гречъ.

Votre Excellence,

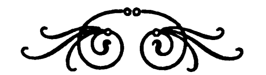
Votre bonté pour moi me donne assez de courage pour vous prier de vouloir bien avoir la complaisance de réclamer en mon nom des objets qui doivent m'être envoyés de la douane de Myslowitz à la douane de St. Pétersbourg. Vous trouverez ci-inclus l'écrit qui m'a été donné pour en faire la réclamation, ce sont: quatre douzaines de gants noirs, une petite pendule borne et un paquet de livres.

D'avance soyez persuadé de la parfaite reconnaissance de votre tout dévoué serviteur

H. Hertel.

P. S. J'ai laissé à la douane l'argent nécessaire pour l'emballage de tous ces objets.

St.-Pétersbourg le 2 Janvier 1850.



Графъ Крейцъ.

1.

25 мая (6 іюня) 1845 г.

Милостивый Государь Андрей Яковлевичъ!

Я имѣлъ честь Васъ просить о опредѣленіи, къ какому нибудь мѣсту молодого человѣка г. Сѣравскаго [1]), котораго отца, какъ непріятельскаго генерала, я имѣлъ случай въ 1831 году шибко поколотить. Находясь безъ малѣйшаго способа къ содержанію и не имѣя никакой въ мірѣ подпоры, онъ рѣшился прибѣгнуть ко мнѣ, надѣясь на обыкновенное побѣдителей великодушіе противу дѣтей побѣжденныхъ. Тронутъ до глубины души довѣренностью бѣднаго молодого человѣка, я приношу къ Вашему Превосходительству усерднѣйшую за нимъ просьбу. Впрочемъ онъ имѣетъ хорошія познанія и, сколько я могъ узнать, весьма хорошаго поведенія. Будьте для него милостивы и возложите на меня долгъ искренней благодарности.

Честь имѣю быть съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностью Вашего Превосходительства покорнѣйшимъ слугою

гр. Ципр. Крейцъ.

---

[1]) Генералъ Сѣравскій послѣ войны 1831 г. эмигрировалъ въ Парижъ, гдѣ и умеръ отъ холеры въ 1849 г. Старшій сынъ его Наполеонъ Сѣравскій, участвовавшій въ кампаніи въ качествѣ кавалерійскаго офицера, оставилъ любопытныя „Записки“, недавно изданныя проф. Смолкою: Pamiętnik Napoleona Sierawskiego, oficera konnego pułku gwardyi za czasów W. Ks. Konstantego. Lwów 1907.

2.

Варшава $^{15}/_{27}$ августа 1845 г.

Милостивый Государь Андрей Яковлевичъ!

На почтеннѣйшее письмо Вашего Превосходительства отъ $^{9}/_{21}$ сего августа пріятнымъ долгомъ считаю отвѣтствовать, что согласно желанію Вашему Евгеній Сѣравскій опредѣленъ мною въ должность писаря при Варшавской Губернской Гимназіи.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть Вашего Превосходительства покорнѣйшій слуга

Павелъ Мухановъ.

В. А. Мацѣёвскій [1].

1.

Z Warszawy dnia 22 września 1839.

Łaskawy panie jenerale, a moy szanowny przyjacielu i dobrodzieju!

Powróciwszy w tych dniach do Warszawy z podróży moiey naukowey, zasmuciłem się wielce, gdym tu Pana mojego nie zastał: lecz P. Orest Jewiecki [2] (który przezemnie oboygu państwa dobrodzieystwa tysiączne zasyła ukłony) pocieszył mnie tą nadzieją, że tu wkrótce znowu Pana jenerała dobrodzieja oglądać będziemy.

Podróż moja naukowa, iako odbywana z chorą żoną, nie tyle mi przyniosła korzyść, ile gdybym był iezdził swobodny. Wszakże nie była bez korzyści i to wielkiey. Dowiedziałem się, że w Reygern (Raygrod), naystarszym klasztorze Benedyktynów w Morawij, o dwie mile od Berna położonym, iest rękopis z VIII—XI wieku, różne duchowne rzeczy zamykający. Początek iego sięga czasów Karola W. Jest pisany po łacinie, ma wszakże i wyrazy greckie, pisane nie przez Greka, lecz cudzoziemca, iak to widać z pisowni liter. Naturalny iest wniosek, że pismo to pochodziło od ludzi, nie będących Grekami z urodzenia, a przecież grecki wyznających obrządek, to iest przez Słowian, gdyż iest pisane inaczey aniżeli podług historycznych pomników owczesni Grecy pisywali, i iest ułożone w ięzyku na zachodzie nie używanym, to iest w greckim. Inne są ieszcze dowody na to, potwierdzające nader zdanie moje, które w rosprawie o pierwotnych dziejach kościoła u Słowian (w Pamiętnikach) objawiłem [3].

---

[1]) Въ журналѣ Мин. Нар. Просв. за *мартъ* 1883 г г. Пташицкій помѣстилъ статью, въ которой далъ сжатый, но обстоятельный очеркъ жизни и дѣятельности В. А Мацѣёвскаго по поводу послѣдовавшей въ концѣ января того года смерти его въ Варшавѣ (стр. 51—60). Родился Мацѣёвскій въ г. Кальваріи въ 1793 г. [2]) Орестъ Евецкій, чиновникъ особыхъ порученій Намѣстника Царства Польскаго, перевелъ на русскій языкъ и издалъ въ Варшавѣ въ 1840 г. сочиненіе Мацѣёвскаго: „Исторія первобытной христіанской церкви у Славянъ". [3]) Pamiętniki o dziejach, piśmiennictwie i prawodawstwie Słowian. W Petersburgu i Lipsku. 1839. Два тома.

Powtóre, z archiwum kawalerów maltańskich w Pradze okazuje się, że iuż w XII wieku kawalerowie ś. Jana Jerozolimscy (późniey maltańscy) mieli swoje wielkie przeorstwo w Opatowie pod Sandomirzem. Skąd się popiera móy domysł, który w tychże dziejach obiawiłem o styczności krzyżaków z biskupstwem Lubuskim.

Potrzecie, w Goldstein, wsi blisko Opawy, w cyrkule Ołomunieckim w Morawij, iest kronika z XV wieku, w którey iest opis o wpadnieniu *Kozaków* w te strony. Wiadomości tey udzielił mi P. Antoni Boczek, nader godny wiary człowiek, i obiecał mi wypisu tego udzielić. Domniewywać się można, że ci kozacy przybyli do Morawij z Korybutem, synowcem Witolda i Jagiełły, gdy tenże iechał do Czech, zaproszony na tron od Hussytów; albo że wpadli tam w czasie woyny Kazimirza Jagiellończyka, króla polskiego, z Matyaszem Korwinem, królem węgierskim w pierwszey połowie XV wieku. Co bąć to bąć mamy tu dowód piśmienny na to, że rycerstwo kozackie z rzeczy i nazwiska było iuż znane w XIV (za Korybuta) lub w XV wieku. Nie należy się sądzić, ażeby dopiero wtedy było utworzone, lecz że ono iuż istniało, gdy Litwini zagarnęli Ruś, pod których też chorągwiami odtąd służyli kozacy. To rzuca wielkie swiatło na to, com w artykule o kozakach (w Pamiętnikach) powiedział [1]. Poczekaymy, ale nie ustawaymy w dobrych chęciach, a pokaże się ieszcze więcey!

Zwiedziłem całą Luzacyą i zebrałem ważne pamiątki do dziejów tamecznych Słowian. O tém wszystkiem dam sprawą w nowem dziele mojem, które gotuję do druku pod tytułem: *Polska i Ruś w XV—XVI wieku pod względem domowego życia, literatury i sporów religiynych uważane.*

Kończę na tém list móy, prosząc naywidniey Pana Jenerała dobrodzieja o odpis: będzie on drogą pamiątką dla mnie od osoby, dla którey tyle mam szacunku i którey tyle winien iestem wdzięczności.

Pana Jenerała Dobrodzieja przyjaciel i sługa

Wacław Aleksander Maciejowski.

(Съ подлинника).

---

[1]) Tom I, str. 286—322.

2.

Z Poznania dn. 28 kwietnia 1847.

Jaśnie Wielmożny Senatorze a móy najłaskawszy Dobrodzieju!

Rozpatrzyłem się w listach Chmielnickiego, których nie mała liczba po rusku i po polsku pisanych do króla i do różnych panów polskich znajduje się w bibliotece Hr. Raczyńskiego w Poznaniu. Listy te jedną i też samą a iuż znajomą rzecz opiewają, nie sądzę przeto ażeby ie warto było odpisywać. Wszelako to z nich widać, że Chmielnicki był wysoce iak na swój wiek ukształconym człowiekiem, dla tego więc myslę kazać ieden i drugi po polsku (czy i po rusku?) pisany przekopijować: chyba gdybyś Jaśnie Wielmożny Senator inaczej rozkazał, na co czekam polecenia, choćby i ustnie dać się mającego. Natomiast znalazłem tu kilkanaście oryginalnych pieczęci przywieszonych bądź do listów, bądź do innych pism oryginalnych, które wyobrażają różne postacie. Jedne pieczęcie są Hetmanów wojska Zaporożskiego, przywieszone będąc do listów już to samego Chmielnickiego, już też Hetmanów innych (Andrzeja Mogiły, Tetery, Hołubka). Wyobrażają rycerza w stroju kozackim, a na około iego napis, brzmiący raz: *peczat wojska jego miłosti korola zaporozskago*, drugi raz: *kopia peczati wojska* [1]) i t. d. Oprócz tych są tu jeszcze oryginalne pieczęcie Książąt Rusi Czerwonej, a mianowicie: Aleksandra księcia Podolskiego z r. 1357 z napisem na około niemieckim (gdyż przywieszona iest do dypłomata dla Niemców na wolność prowadzenia handlu wydanego), Władysława Opolskiego z r. 1378 z napisem na około łacińskim. Obiedwie te pieczęcie są bardzo okazałe: pierwsza wystawia pogoń z smokiem pod koniem, druga osobą w ruskim stroju, siedzącą na okazałym tronie. Są nadto różne pieczęcie z ruskimi na około napisami, mające na tarczy raz krzyże i strzały, drugi raz ptaki. Są nakoniec pieczęcie również z ruskiemi napisami mołdawskich Hospodarów. Muszę ieszcze i to dodać, że na pieczęci Hetmana Tetery i Mogiły, a mianowicie na pieczęci drugiego (?), iest okazała figura, ubrana w strój strzelców, czoło rosyjskiej armii niegdyś stanowiących, która w jednej ręce trzyma samopał, a w drugiej tarczę, na której żadnego nie masz herbu.

---

[1]) На древнѣйшей доселѣ извѣстной печати Войска Запорожскаго, приложенной къ универсалу гетмана Игната Василёвича отъ 10 августа 1596 г., выгравирована надпись: „*Копиа воиска Запорозского*“. Мы объясняемъ себѣ слово *копиа* въ томъ смыслѣ, что изображенный на печати воинъ *точно* передаетъ дѣйствительный внѣшній видъ Запорожскаго козака.

Artysta żąda za rysunek każdej pieczęci zł. pol. 30, a za odlew takowejże z metalu zł. 42. Jeżelibyś J. W. Senator chciał mieć te zabytki, toćby lepiej było kazać ie odlać, niż odrysować, bo rożnica w koszcie mała, a materyał metalowy trwalszy.

Oczekując rozkazu co mam czynić (jeżeli nie odbiorę odpowiedzi, wnioskować będę, że Jaśnie Wielmożny Pan nie życzysz sobie posiadać tych zabytków), mam honor pisać się

Jaśnie Wielmożnego Senatora a mojego najłaskawszego
Dobrodzieja najniższym sługą

Wacław Aleks. Maciejowski.

(Съ подлинника).

3.

Z Poznania dn. 13 maja 1847.

Jaśnie Wielmożny Senatorze, a mój najłaskawszy Dobrodzieju!

List Senatora doszedł mnie, i wszystkie polecenia Jego wypełnione będą. Na piśmie, do którego pieczęć Hołubka [1]) (czyli raczej Hołuba, pismo iest we Lwowie, napiszę do P. Zubrzyckiego, ażeby go przysłał), stoi: *Olifi Ostapowicz Hołub Hetman wojska Jego Korolewskoj M. Zaporowskoho s towaristwem.* O Hołubie tym, czyli iak go Polacy zwali Hołubku, tyle powziąłem wiadomości, że żył za Zygm. Augusta i póżniej, a zginął w wyprawie pod Byczyną, którą Jan Zamojski przeciwko Maksymilianowi Austryackiemu Królem przez jedną partyą Polaków obranemu zrobił [2]). Mam wiersze na śmierć Hołubka tego przez owczesnego poetę polskiego zrobione, a ta pieczęć i owe pismo jest całym materyałem do poznania tego, zresztą nieznanego człowieka. Jeden z tutejszych miłosników starożytności, który głównie sledzi pomniki sztuki, stare malowidła, rysunki, pisma i pieczęcie zbiera,

---

[1]) Актъ съ подписью Олифера Остаповича Голуба отъ 24 іюня 1622 г., хранящійся въ Архивѣ Львовскаго Братства, по копіи снятой Діонисіемъ Зубрицкимъ, напечатанъ въ т. I ч. 3-ей Архива Юго-Западной Россіи, К. 1863, стр. 268—271.

[2]) Мацѣёвскій смѣшиваетъ здѣсь *Олифера Голуба*, подписавшагося на актѣ 1622 г., съ козацкимъ гетманомъ *Голубкомъ*, убитымъ 24 января 1588 г. въ сраженіи подъ Бычиной. См. *Dalszy ciąg Kroniki Polskiej* Іоакима Бѣльскаго въ изданіи Собѣщанскаго, Варш. 1851, стр. 84—89.

posiada takowych niezliczoną massę, między któremi są wojska zaporowskiego Hetmanów, litewsko-ruskich Książąt i znakomitych rodzin ruskich (ostatnie pochodzą z XV wieku, książąt Sanguszków dziwna pieczęć iest między niemi najważniejsza) pieczęcie. Są też i pieczęcie dawnych książąt polskich, z których głównie zajęły uwagą moją Kujawskich książąt i małżonek ich. Najstarsze, z początku XIII wieku pochodzące, są bardzo dziwne. Wyobrażają iezdcza (niekiedy i naszego rycerza), który smoka przebija dzidą. U góry iest napis po słowiansku: Isus Christos. Toż samo, czyli tenże napis, znalazłem na pieczęci księżnej Kujawskiej. Zkąd-że to?

Pieczęcie te znajdują się w Kurniku w bibliotece Hr Dzialyńskiego o mil dwie od Poznania. Pojechałem tam i nad spodziewanie zostałem dobrze przyjęty. Wiele tam ważnych iest rzeczy nie tylko do polskiej, lecz i do ruskiej historyi. Są tu originalne, z pieczęciami, złotem naprzód a następnie zwyczainem pismem, urzędowe noty, które Car Aleksij Michaiłowicz i jego Boiarowie podawali do rządu polskiego względem Hetmana Doroszenki (iest i jego pieczęć z r. 1675), granic Ukrainy, przez Polską Rossyi za Jana Kazimirza ustąpionej, umowy względem Kijowa. Zwracając na pisma te uwagą Jaśnie Wielmożnego Senatora, pytam się, czy je i Doroszenki też pieczęć kazać przekopijować. Cena do pieczęci rzniętej na stali (zkąd się odciski zdejmować będą) taż sama, to jest talarów 7, cena przepisywania ruskich pism talarów 4 za arkusz. Zapłaci się zaś za nadesłaniem do Warszawy tego wszystkiego. Na to muszę atoli zwrócić uwagą ieszcze, że Bibliotekarz, który się odpisów podjął, czyta wprawdzie po rusku, lecz pisze *łacińskiemi literami*, wyjąwszy *jerczyk* (ja, je, jo, ju), które wypi-uje po rusku, ręką machinalnie prowadząc po papierze. Jeżeli więc Senator zechciesz mieć te nowości, racz mi napisać, adressując list *do Wrocławia*, z tem na kopercie nadpisem: *nachzulassen beim Herrn Professor Purkinie*, gdyż ieszcze nie wiem, czy stanę w obierzy, czy u niego. W każdym razie da on wiadomość poczcie o mieszkaniu mojem.

Skończywszy wszystko co można było w Poznaniu i Kurniku, udaję się teraz do Rogalina, do prywatnej biblioteki i archivum Hr. Raczyńskich (w Poznaniu jest *publiczna* biblioteka przez ś. p. Edwarda Hr. Raczyńskiego założona), która ma ciekawe rzeczy zawierać. Nie wiedząc zaś iak długo tam zabawią, proszę adressować mi list do Wrocławia, zkąd napiszę do Bibliotekarza owego, z którym o tem mówiłem, ażeby rzeczone ruskie noty odpisał dla Senatora.

Polecając się łaskawej pamięci i względom Jaśnie Wielmożnego Senatora, zostaję z najgłębszem uszanowaniem

Wacław Aleksander Maciejowski.

(Съ подлинника).

4.

Z Warszawy 4 lutego (n. st.) 1855.

Panie Senatorze!

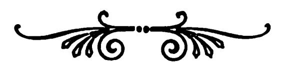
Czy się to godzi milczeć tak długo i nie chcieć choć literką udarować swojego od tylu lat znajomego? Podając Senatorowi powód do pisania, przesyłam mu dwie najnowsze publikacye moje [1]), z których ekzemplarz jeden zatrzymawszy dla siebie, racz łaskawie doręczyć drugi J. W. Marszałkowi Kapuistowi, którego lat temu kilka poznałem w Karlsbadzie i którego poważam wysoce.

Treść broszurek nader jest ważna, przedstawia albowiem pomnik języka słowiańskiego przed dwoma tysiącami lat pisany! Pomnik, jakim się Niemcy poszczycić nie mogą, gdyż Ulfilas ich żył dopiero w IV po Chr. wieku, gdy tym czasem Dyoskorydes, z którego wyrazy rzeczone wyjąłem, żył r. 1—50 po Chr. Jest więc w tej broszurce zawarta równie ważna jak kwestya Swewów, która coraz więcej nabiera znaczenia w samych Niemczech. Przeczytawszy to dziełko racz go jakiemu uczonemu botanikowi zakomunikować, a co on powie, udzielić mi łaskawie.

Jaśnie Wielmożnej Senatorowej i Jenerałowej Uszakowej racz P. Dobr. oświadczyć moje najniższe ukłony, a gdy do Jenerała Uszakowa pisać będziesz pozdrowić go czule i prosić, by swojemu koledze broni Połkownikowi Mieńkow raczył oświadczyć mój ukłon i pozdrowienie. Czekając na odpis Senatora, łączę wyrazy najgłębszego szacunku.

Wacław Aleksander Maciejowski.

(Съ подлинника).



---

1) Брошюра: „Geto-Da-i, Nadwislańskich i Naddnieprskich Polan przodkowie“. W. 1855.

Н. И. Павлищевъ. [1]

Варшава, 3 августа н. с. 1845 г.

Милостивый Государь Андрей Яковлевичъ!

Дорожа просвѣщеннымъ мнѣніемъ Вашего Превосходительства, я желаю подвергнуть ему мое сужденіе *О промышленныхъ силахъ Царства Польскаго*, возникшее по случаю преобразованія многихъ училищъ въ реальныя школы, совершаемаго въ Совѣтѣ Народнаго Просвѣщенія, гдѣ я состою Членомъ.

Чтеніе займетъ 25 минутъ. Если можете удѣлить частицу досуга, то крайне одолжите меня, назначивъ, въ которомъ часу я могу явиться.

Примите искреннія увѣренія въ истинномъ моемъ почтеніи и всегдашней преданности.

Николай Павлищевъ.

---

[1] Свѣдѣнія о Н. И. Павлищевѣ и портретъ его помѣщены въ книгѣ А. А. Сидорова: „Русскіе и русская жизнь въ Варшавѣ“, Варш. 1899, стр. 103—106.

Князь И. Ѳ. Паскевичъ.

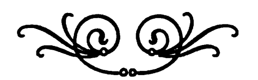
Варшава, 11 іюня 1844 г.

Милостивый Государь Андрей Яковлевичъ!

Зная, съ какимъ постояннымъ любопытствомъ и участіемъ Вы слѣдите за успѣхами Русской и Славянской литературы, особенно исторической, я препровождаю къ Вамъ одинъ экземпляръ вновь вышедшаго и доставленнаго мнѣ романа: Князь Курбскій, въ 4-хъ частяхъ. Надѣюсь, что въ этомъ пространномъ повѣствованіи Вы найдете обильный запасъ матеріаловъ *для нашихъ бесѣдъ*.

Примите увѣреніе въ искреннемъ почтеніи.

Князь Варшавскій.



А. В. Терещенко [1]).

Берлинъ, 29 сентября (11 октября) 1838 г.

Ваше Превосходительство Милостивый Государь

Андрей Яковлевичъ!

Проникнутый чувствомъ глубокаго уваженія къ особѣ Вашей, я съ восторгомъ принимаюсь за перо. Но съ чего начать?—и самъ не знаю! Столько и такое множество разнообразныхъ и однообразныхъ предметовъ толкается въ моей головѣ, что теряешься! Напримѣръ, взять ближайшіе къ намъ предметы,—и что ближе, какъ не люди и науки?—вѣнецъ человѣческаго ума! Люди вездѣ одинаковые: добрые и злые, коварные и сребролюбивые, тщеславные и эгоисты, слѣдовательно, Ваше Превосходительство, довольно ихъ знаете. Науки—это совсѣмъ другое. Здѣсь, въ Германіи, ихъ жилище, цвѣтущій разсадникъ. Нигдѣ не разлито въ такой массѣ образованіе, какъ здѣсь. Но сдѣлались ли чрезъ то люди счастливѣе? Конечно. Руссо оставилъ по себѣ черное пятно, написавъ сочиненіе о вредности наукъ. Къ этому его побудило одно тщеславіе. Вы изволите помнить, что его къ этому побудило? Какая пружина тщеславія? Однажды онъ бесѣдовалъ въ Академіи о пользѣ наукъ. Всѣ слушавшіе совершенно были увлечены умнымъ его изложеніемъ; но одному изъ его слушателей, вѣтренному французу, у котораго, или и у каждаго изъ нихъ, отъ высокаго до смѣшнаго одинъ шагъ, сказалъ ему: „Вы намъ говорите то, что искони всѣ прадѣды намъ говорили; но докажите намъ противное".—„Какъ?" возразилъ изумленный Руссо, „хотите, чтобы я торжественно объявилъ, что науки вредны?"—„Да, да", отвѣчалъ его возражатель.—„Этого не могу я сдѣлать," говорилъ Руссо.—„Ну, такъ Вы старое повторяете."—Это такъ задѣло

[1]) Александръ Власьевичъ Терещенко—этнографъ, авторъ книги: Бытъ русскаго народа. Въ VII частяхъ. Спб. 1848.

его чувствительную струну честолюбія, что онъ произнесъ, въ порывѣ гнѣва: „Науки вредны—я докажу!“ Вотъ какъ увлекаются страстями и умные люди, —Руссо, которому Европа покланялась! О люди, люди! Послѣ него явились дерзкія головы, которыя возстали противъ религіи. Это слѣдствіе испорченной нравственности. Но скажи имъ, жестоко обидятся. Напримѣръ, много есть людей, которые ни во что не вѣрятъ, чѣмъ они хвалятся, не краснѣя; но они почтутъ себѣ жестокою обидою, если мы усомнимся въ ихъ нравственности, или, если мы не станемъ считать ихъ за честныхъ. Скажи прямо свое мнѣніе самому развратнѣйшему или самому безчестнѣйшему, что онъ дѣйствительно порочeнъ, —онъ не только пріиметъ за смертельную обиду, но станетъ доказывать, что не онъ порочемъ, а я, потому что я высказалъ ему правду. Скажутъ, это отъ того, что его тронула совѣсть. Согласенъ, но утверждать, что совѣсть всегда обвиняетъ, когда кто виновенъ; доказывать, что злодѣй невиненъ, когда совѣсть его заглохла, —это несправедливо. Христіанинъ благодаритъ Бога, что разумъ не обвиняетъ его. Онъ полагаетъ, что онъ чистъ совѣстью: милліоны людей этимъ себя утѣшаютъ. Порочная жизнь и добрая вѣра не могутъ жить между собою въ дружбѣ, но люди ихъ соединяютъ только для того, чтобы успокоить свою совѣсть. Если мнѣ такой человѣкъ говоритъ, котораго я не уважаю за его дурные поступки, что это дѣло противно его совѣсти, я это такъ же слушаю хладнокровно, какъ онъ мнѣ говоритъ, когда онъ голоденъ, что эго кушанье не сваритъ его желудокъ! Совѣсть—не законъ Божественный. Творецъ, начертавъ законъ, далъ людямъ совѣсть произносить судъ. Это правило неоспоримое, только при первомъ взглядѣ; но, всмотрѣвшись ближе въ поступки человѣка, Вы скажете: для него нѣтъ закона! Человѣкъ порочeнъ, поведеніе его ненавистно всѣмъ: онъ обманываетъ, разоряетъ, губитъ. Полагаютъ, что совѣсть мучитъ этого изверга, угрызеніе отгоняетъ сонъ отъ его очей! Совѣсть дѣйствуетъ на него точно такъ, какъ на мертваго рыданія кровныхъ. Когда несчастіе принудитъ его бросить взоръ на ужасный, кровавый журналъ его жизни, онъ пробуждается, начинаетъ его тревожить; онъ содрогается; выходитъ по-немного совѣсть: она разбираетъ его дѣла и судитъ. Вотъ гдѣ страшный судъ! Но... но я оставляю этотъ предметъ. Я увлекся, но отъ того, что всю испорченность нравовъ ложно приписываютъ наукамъ,—не науки, —этотъ небесный даръ, искра Божественнаго ума,—не науки виновны, а неправильное понятіе, какое даютъ юношамъ, а злые умы, пользуясь слабостію смертныхъ, посѣваютъ въ своихъ вредныхъ сочиненіяхъ Богоотступническія сѣмена.

Я не въ силахъ передать въ сихъ нѣмыхъ строкахъ то безпредѣльное чувство уваженія, коимъ преисполнено сердце мое къ Вашему имени и всему высокому семейству Вашему. Ваши ласки и Ея Превосхо-

дительства Юліи Ивановны доставляютъ мнѣ сладостнѣйшее воспоминаніе. Немного времени я имѣлъ честь проводить въ Вашему кругу, но я увидѣлъ въ немъ рѣдкое семейство: доброе и просвѣщенное. Никогда не забуду то нѣжное соучастіе, какое Юлія Ивановна изволила выразить при моемъ прощеніи: „не забудьте, что есть люди, которые Васъ любятъ“. Это такъ проникло мою душу, что я едва удержалъ слезы отъ избытка радостныхъ чувствъ; но, когда Вы благословили меня на путь, я спѣшилъ выйти изъ комнаты. У меня полились слезы ручьями. Я плакалъ, я плакалъ, какъ дитя, что разстался съ Вами! Но никогда сердце мое не разстанется. Счастливые тѣ изъ смертныхъ, которые имѣютъ даръ привязывать къ себѣ людей. Я чувствую, что всѣ мои выраженія слабы: да послужатъ онѣ доказательствомъ нелицемѣрнаго изліянія души. Мое глубочайшее почтеніе Ихъ Превосходительствамъ: Юліи Ивановнѣ и Елизаветѣ Андреевнѣ, — и профессору Мацѣёвскому. Я къ нему буду писать.

Конечно, отъ меня ждутъ описанія тѣхъ мѣстъ, которыя я посѣтилъ? Желалъ бы душевно сообщить, но огромность моихъ записокъ, изъ коихъ не всѣ еще приведены въ порядокъ, лишаютъ меня пріятнѣйшей обязанности. Когда я ихъ приведу въ желаемый порядокъ и напечатаю, буду имѣть честь поднесть Вашему Превосходительству. Имена Вашихъ Превосходительствъ я внесъ въ свои записки.

Какими же судьбами я очутился въ Берлинѣ? Какъ всякій путешествующій, который до зимы не знаетъ настоящаго своего пребыванія. Изъ Дрездена я намѣревался ѣхать на теплыя воды, но докторъ Крейсингъ мнѣ отсовѣтовалъ. Поэтому, осмотрѣвъ достопримѣчательности столицы, я поѣхалъ въ Прагу. Виноватъ—Вашему Превосходительству кланяется знаменитый Гульяновъ; онъ спрашивалъ меня: скоро ли кончите Вы Исторію Малороссіи? Но я ему отвѣчалъ, что огромность занятій Вашихъ не дозволяетъ окончить въ скоромъ времени. Онъ жалѣлъ и его чувство я самъ раздѣлялъ. Въ Прагѣ я встрѣтилъ рѣдкое радушіе ученыхъ: Ганки, Шафарика и Юнгманна; они открыли мнѣ входъ во многіе архивы и библіотеки. Въ нихъ хранится огромный запасъ для будущихъ историковъ Богеміи и Славянскихъ народовъ. Народный музеумъ богатъ источниками для правовѣдѣнія, его исторіи и Славянской литературы. Меня изумило, когда я прочелъ въ прибавленіи къ Богемской лѣтописи, что болѣе 50 писателей теперь трудятся для своего языка. Любовь простаго народа ко всему отечественному, развитая посредствомъ чтенія на его природномъ языкѣ, такая сильная, что самое угнетеніе не можетъ ее подавить. Писатели воскрешаютъ имена и дѣянія своихъ знаменитыхъ мужей въ памяти своихъ соотечественниковъ и оживляютъ ихъ надеждою, что они скоро составятъ одно политическое тѣло съ могущественными Русскими, къ коимъ устрем-

лены сердца всѣхъ Славянъ. Въ Брюннѣ и Оломуцѣ сохранились нѣкоторыя рукописи, въ Краковѣ очень много, но во Львовѣ—это груда сокровищъ! Нигдѣ я не видѣлъ столько богатыхъ матеріаловъ для исторіи Западной Россіи! Я перебиралъ подлинныя грамоты, которыя отъ гніенія прорывались на моихъ рукахъ. У меня сердце облилось кровью, когда я подумалъ, какъ пожираетъ время! Ваше Превосходительство! Вы сильны и милостивы—доведите до свѣдѣнія Его Свѣтлости, что русское достояніе гибнетъ въ непріязненныхъ рукахъ и что надобно его собрать. Его Свѣтлость, ревнитель къ отечественной пользѣ, если только скажетъ одно слово министру народнаго просвѣщенія или доведетъ до свѣдѣнія престола, то вѣрно Августѣйшій Монархъ, покровитель наукъ, не дозволитъ истребить отечественныя хартіи. Имя Ваше, какъ ходатая наукъ, возсіяетъ въ незабвенной лѣтописи временъ. Поручая себя Вашему великодушію и доброму сердцу, имѣю честь пребыть съ глубочайшимъ почтеніемъ Вашего Превосходительства всепокорнѣйшимъ слугою

Александръ Терещенко.

Адресъ мой: Jäger-Strasse, № 69, parterre.

М. В. Юзефовичъ [1].

1.

Варшава, [18]/25 *октября 1847 г.*

Милостивый Государь Михаилъ Владиміровичъ!

Съ чувствомъ признательности за сближеніе ко мнѣ,—при воспоминаніи о пріятельскихъ бесѣдахъ нашихъ, мнѣ жаль, что не могу такъ скоро видѣться съ Вами, какъ бы желалъ. Опять я въ морѣ занятій, которое можно сравнить если не съ Средиземнымъ, то по крайней мѣрѣ съ Азовскимъ, и къ которому можно примѣнить, не читаемые уже, стихи Долгорукова: „Терпи свое тихонько горе", и пр. Но за всѣмъ тѣмъ, въ минуты отдыха, переселяюсь духомъ на милую нашу родину, воображеніе будитъ уснувшее на вѣки,—и каракули сыплются на бумагу. Такъ называю мой почеркъ, который затруднилъ бы Васъ; а потому покорнѣйше прошу извинить, читая это диктованіе. Многаго еще я не читалъ Вамъ; а хотѣлось бы прочесть все, показавши картины мои въ Чевельчѣ, куда буду просить Васъ, проѣзжая туда черезъ Кіевъ. Мой почтенный пріятель Мацѣёвскій возвратился изъ своего любознательнаго странствованія по осѣдлостямъ Славянскимъ и привезъ мнѣ много любопытныхъ списковъ, въ числѣ коихъ есть и сношенія съ 1610 года предка моего, старшаго запорожскаго полковника Андрея Стороженка съ Львомъ Сапѣгою. Это сохранилось въ библіотекахъ Познанскихъ графовъ: Рачинскаго и Дзялынскаго. Послѣдній обѣщаетъ мнѣ прислать всё, что я выберу изъ каталога руко-

---

[1]) М. В. Юзефовичъ былъ помощникомъ попечителя Кіевскаго учебнаго округа, а затѣмъ многолѣтнимъ предсѣдателемъ Кіевской Коммиссіи для разбора древнихъ актовъ. Скончался въ преклонномъ возрастѣ въ 1889 г. За сообщеніе отвѣтныхъ писемъ къ нему Андрея Яковлевича приносимъ искреннюю благодарность Борису Михайловичу Юзефовичу.

писей, ему принадлежащихъ, касательно Малороссіи. Исторія Полуденной Россіи не только любопытна, но и поучительна. Элементы ея: Православіе и чистая, безусловная преданность власти, по ученію апостола Павла. Войны козацкія воспламенялись духомъ старины и любви къ землѣ русской; но это было нечто иное, какъ эпизоды; и наши списыватели записокъ Конискаго невѣдомо съ чего взяли называть списки свои Исторіей Малороссіи. Мнѣ кажется, что имъ едва ли извѣстно, съ котораго времени названіе это вошло въ народное употребленіе. Напрасно будутъ они искать письменныхъ матеріаловъ по лѣвую сторону Днѣпра, гдѣ войны и пожары истребили все, исключая могилъ. Все, писанное въ гетманщинѣ нашей, могло сохраниться только тамъ, или у тѣхъ, коихъ предки получали такія писанія; слѣдовательно, надобно искать фактовъ далеко отъ Днѣпра, въ Литвѣ и Польшѣ, а не въ Гадячскомъ архивѣ. Шафарикъ считаетъ Малороссіянъ въ 13 милліоновъ. Нынѣшніе Галиціяне все тоже, что и Полтавцы. Между первыми есть еще ученые труженики; а письмо ко мнѣ одного изъ нихъ[1]) при семъ прилагаю, покорнѣйше прося, буде можно, удовлетворить пламенному его желанію и о послѣдующемъ почтить увѣдомленіемъ

Вашего искренняго Андр. Стороженко.

Жалѣю, что я не имѣлъ удовольствія ближе познакомиться съ Алексѣемъ Ивановичемъ[2]); покорнѣйше прошу при свиданіи съ нимъ, или же въ письмѣ къ нему, засвидѣтельствовать мое почтеніе; равномѣрно какъ Н. Э. Писареву.

2.

Павловъ, 1/13 іюлія 1847 г.

Ваше Высокопревосходительство, Милостивый Господинъ!

Извините, Ваше Высокопревосходительство, Милостивый Господинъ, что я осмѣляюсь къ Вамъ относиться съ просьбой. Г. Мацѣёвскій, съ которымъ отъ 1837 г. имѣю честь быть знакомымъ, писалъ ко мнѣ,

---

[1]) Этимъ лицомъ былъ Иванъ Николаевичъ Вагилевичъ, біографія котораго разсказана Яковомъ Головацкимъ въ статьѣ: „Судьба одного галицко-русскаго ученаго", помѣщенной въ Кіевской Старинѣ т. VI (1883), стр. 453—472. Письмо Вагилевича приводится ниже. [2]) Войцеховичемъ.

что Вы объявили ему, что хотите ласково пособствовать мнѣ, дабы я могъ получить званіе на каѳедру Словянскихъ языковъ въ Кіевѣ или Харьковѣ. Возможно ли что сдѣлать въ этомъ дѣлѣ, дѣлайте поскорѣе, ибо и у меня есть чувствіе за отчизною Русью, и я русскій, только не гражданинъ; а лучше всего, когда бы я получилъ это званіе, дабы ваше правительство занялось моей отпуской. У насъ нѣтъ совершенно просвѣщенія, и не нужно (это есть мнѣніе нашего духовнаго начальства); вотъ даже читать русскія книги запрещено въ Семинаріумѣ, а Карамзина— и нѣмецкій переводъ. Поэтому не явно ли, что я, бывъ русскимъ словянскимъ литераторомъ, много имѣю препятствій отъ моего начальства и товарищей по сану. Но и это извѣстно мнѣ нынче, что, обитая въ деревнѣ или въ городѣ, гдѣ нѣтъ сообщенія съ образованными людьми или по крайней мѣрѣ библіотеки, очень трудно приходитъ сдѣлать что хорошаго въ литературѣ.

Когда Ваше Высокопревосходительство, Милостивый Господинъ, благосклонно изволите заняться моей судьбою, прошу мнѣ объ этомъ написать нѣсколько словъ, дабы я могъ предпринять въ этомъ отношеніи нужныя мѣры.

Имѣю честь быть Вашего Высокопревосходительства, Милостивый Господинъ, съ достодолжнымъ высокопочтеніемъ покорнѣйшимъ слугою Иванъ Вагилевичъ. [1])

3.

Кіевъ, 5 декабря 1847 г.

Милостивый Государь Андрей Яковлевичъ!

Я замедлилъ отвѣтомъ на благосклонное письмо Вашего Превосходительства потому, что принялъ порученіе Ваше къ сердцу и желалъ исполнить его вѣрнѣе; а для этого нужно было дѣлать не спѣша. По данному мною направленію, можно надѣяться на успѣхъ. Вчера я имѣлъ окончательное объясненіе съ Дмитріемъ Гавриловичемъ, который поручилъ мнѣ просить Васъ сообщить о Вагилевичѣ подробныя свѣдѣнія, нужныя для принятія иностранца въ нашу службу: какого онъ званія, какого племени, чей подданный и какого исповѣданія? Мѣ-

[1]) Письмо это было напечатано въ „Кіевской Старинѣ“ за 1898 г., т. 60, отд. 2, стр. 8.

сто жительства его, означенное на письмѣ: *Павловъ*, [1]—намъ невѣдомо. По полученіи всѣхъ извѣстныхъ Вамъ свѣдѣній, чѣмъ подробнѣе, тѣмъ лучше, я примусь за усердное ходатайство о немъ, ибо искренно желаю его здѣсь имѣть, находя въ надежномъ человѣкѣ для здѣшней каѳедры настоятельную нужду. Я бы полагалъ даже не лишнимъ, если бы Ваше Превосходительство изволили написать отъ себя письмо прямо къ Генералъ-Губернатору Бибикову, а меня о томъ увѣдомить.

Благодарю чувствительнѣйше за Ваше ко мнѣ благосклонное вниманіе. Посѣщеніе Чевельчи составляетъ одно изъ самыхъ пріятныхъ помышленій моихъ Я теперь занятъ одной работой о Россіи и русскихъ, которую окончу къ тому времени и подвергну Вашей рецензіи. Что будетъ: книжка или статья, еще не знаю. Назначеніе ея для вразумленія на счетъ нашъ иностранцевъ; почему пишу на французскомъ языкѣ. Хочется кое что высказать общаго для всѣхъ. Въ Чевельчѣ конечно проведу время, какъ рѣдко намъ удается въ сей скучной юдоли. Но привезите все, что есть Вашего, ибо все такое интересно въ высшей степени.

Съ душевнымъ почтеніемъ и нелицемѣрною преданностію честь имѣю быть Вашего Превосходительства всепокорнѣйшимъ слугою

М. Юзефовичъ.

4.

Кіевъ, 31 іюля 1848 г.

Милостивый Государь Андрей Яковлевичъ!

Прошу Ваше Превосходительство великодушно простить меня за то, что я до сего времени не принесъ Вамъ моей искренней благодарности за истинное удовольствіе, доставленное мнѣ знакомствомъ съ Владиміромъ Андреевичемъ. Меня задержали попытки о Вагилевичѣ, о которомъ я хотѣлъ передать Вамъ окончательный отвѣтъ. Его перемѣщеніе къ намъ въ настоящее время оказалось рѣшительно невозможнымъ. О Владимірѣ Андреевичѣ скажу Вамъ то, что я отвѣчалъ недавно моей кузинѣ, Аннѣ Евгеньевнѣ, [2]) на вопросъ ея о немъ: что

[1]) Селеніе въ Галиціи, гдѣ былъ священникомъ тесть Вагилевича. [2]) Анна Евгеньевна Кромида, по первому мужу Дараганъ, по второму—Фролова.

я бы былъ вполнѣ удовлетворенъ въ моихъ желаніяхъ, если бы сыновья мои оказались со временемъ таковы, какъ онъ. Онъ у насъ пробылъ, къ сожалѣнію, очень недолго, и я едва успѣлъ свести его съ нѣкоторыми нашими учеными, въ томъ числѣ съ извѣстнымъ Грабовскимъ. Мы толковали всего болѣе, разумѣется, о задушевномъ вопросѣ и я нашелъ въ сынѣ отца и по уму, и по чувству. Ваше Превосходительство были столько благосклонны и внимательны ко мнѣ, что вспомнили о статьѣ моей и сообщили о ней Владиміру Андреевичу. Сумасшествіе Запада заставило меня отказаться отъ первой моей цѣли — написать для иностранцевъ, и я оставилъ работу на половинѣ. Теперь я о томъ не сожалѣю, ибо трудъ этотъ навелъ меня на другую мысль, болѣе полезную: написать о Россіи для своихъ, чѣмъ я и занимаюсь въ настоящее время. Сочиненіе выходитъ дѣльнѣе, чѣмъ первое, потому что я не сжимаю уже его въ рамку журнальной статьи, а даю ему развитіе полное, не стѣсняя мысли, а также и потому, что я его обдумываю и излагаю на языкѣ своемъ, а не чужомъ. Я теперь чувствую, какъ это много значитъ. Цѣль моя: выразить и объяснить истинное внутреннее значеніе Россіи посредствомъ ея Исторіи, съ тѣмъ, чтобы сквозь призму прошедшаго разсмотрѣть и указать истинныя потребности и обязанности нашего настоящаго. Что выйдетъ изъ задуманнаго, не знаю, но меня ободряютъ нѣсколько главнѣйшихъ вопросовъ, ясно для меня разрѣшившихся. Въ томъ числѣ нашъ *задушевный* такъ самъ собою и усѣлся на своемъ мѣстѣ. Я, разумѣется, рукопись свою представлю на Высочайшее воззрѣніе и думаю, что она Русскому Батюшкѣ придется по сердцу. Но работать еще много, не столько по объему, сколько по приготовленію себя къ разрѣшенію вопросовъ, а во времени я стѣсненъ, потому что могу заниматься только отрывками, между другимъ дѣломъ, что неудобно и досадно. [1])

Мы здѣсь, кромѣ сильныхъ и небезтревожныхъ ощущеній отъ происшествій Запада, перенесли въ добавокъ двѣ холеры. Теперь мы почти освободились уже и отъ второй. Бѣда бѣду погоняетъ, какъ говорятъ наши, и эта проклятая холера, кромѣ зла своего собственнаго, еще причинила намъ страшную помѣху въ полевыхъ работахъ, при скудномъ и безъ того урожаѣ. Дай Богъ, чтобы эта незванная гостья миновала Васъ. Изъ нашихъ чуть было не погибъ нашъ добрый Капнистъ: онъ былъ сильно боленъ не холерой, но слѣдствіемъ ея вліянія; теперь, слава Богу, онъ внѣ опасности. Я надѣюсь скоро быть у него и все думаю,

---

[1]) Можно догадываться, что статья, упоминаемая въ письмѣ, есть та самая, которой суждено было появиться въ печати лишь въ наши дни на страницахъ одиннадцатой книги „Старины и Новизны“ (С.-Петербургъ 1906 г.) подъ заглавіемъ: *О значеніи личности у насъ и на Западѣ.* (Стр. 7—83).

не удастся ли встрѣтиться тамъ съ Владиміромъ Андреевичемъ, котораго я полюбилъ сердечно и очень былъ бы радъ побыть съ нимъ на свободѣ. А надежду посѣтить въ Чевельчѣ мудраго и почтеннаго ея хозяина намъ должно, кажется, отложить теперь на долго!

Но какъ бы не наскучить Вамъ слишкомъ длинной говорливостью,— хотя, ей Богу, въ бесѣдѣ съ Вами, я предпочитаю дѣло уха дѣлу языка. И такъ позвольте заключить письмо мое увѣреніемъ въ глубокомъ уваженіи и душевной преданности, съ коими пребуду навсегда Вашего Превосходительства покорнѣйшимъ слугою

М. Юзефовичъ.

5.

Кіевъ, 31 марта 1850 г.

Милостивый Государь Андрей Яковлевичъ!

Два обстоятельства сдѣлали меня кругомъ виноватымъ передъ Вашимъ Превосходительствомъ: *во первыхъ*, по полученіи почтеннѣйшаго письма Вашего черезъ Языкова, я ожидалъ пріѣзда ко мнѣ обѣщаннаго Вашего управляющаго, чтобы писать черезъ него; *во вторыхъ*, у насъ тогда печаталось очень любопытное изданіе матеріаловъ, относящихся къ жизни кн. Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни, которое мнѣ хотѣлось сообщить Вамъ и которое окончилось печатаніемъ болѣе полугода назадъ, но по случаю одной статьи, духовнаго содержанія, требовавшей духовной цензуры (въ С. П. В.), выпущено въ свѣтъ только въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ. Такимъ образомъ, прождавъ сперва напрасно Вашего управляющаго, я потомъ прождалъ нѣсколько мѣсяцевъ Курбскаго, и окончательно провинился передъ Вами, удержавъ такъ долго Вашу рукопись, а что еще хуже, не поблагодаривъ Васъ за сообщеніе оной. Діаріушъ Окульскаго у насъ есть; но какъ я не читалъ его, то Ваша статья имѣла для меня весь интересъ новости. Вы меня простите, но я не могъ воздержаться, чтобъ не прочесть ее въ кружкѣ моихъ пріятелей, а у себя оставилъ копію, равно какъ и письмо Ваше къ Бодянскому, которое очень замѣчательно, не смотря на бѣглость Вашихъ въ немъ взглядовъ [1]). Догадка Ваша на счетъ новыхъ именъ съ

[1]) Напечатано выше, стр. 13—15.

гетманскимъ титуломъ была для насъ очень кстати: мы тоже напали на нѣкоторыя подобныя имена, и не знали, какъ быть съ ними. Вы насъ вывели изъ недоумѣнія, по крайней мѣрѣ, сколько теперь можно, и, кажется, по всему можно заключить съ достовѣрностію, что нѣкоторые *молодцы* наши въ извѣстныхъ обстоятельствахъ считали себя въ правѣ или считали нужнымъ брать на себя этотъ титулъ въ заграничныхъ сношеніяхъ, особенно съ татарвою. Какъ бы то ни было, Ваша догадка дѣльна, какъ нельзя болѣе. Посылаю при семъ Вашему Превосходительству Исторію Курбскаго и 1-й томъ лѣтописи Величка; я надѣюсь, что Вы найдете достойнымъ Вашего вниманія и то, и другое. Дѣятельность нашей археографической коммиссіи не ослабѣваетъ: у насъ имѣется множество матеріаловъ, не на одинъ десятокъ томовъ. Но что всего важнѣе, какъ слѣдствіе ея существованія, это учрежденіе при нашемъ университетѣ центральнаго архива изъ всѣхъ гродскихъ и мѣстскихъ книгъ, въ краю находящихся. Теперь эти драгоцѣнные памятники сохранятся невредимы для потомства, и, приведенные въ систематическій порядокъ, дадутъ способъ наукѣ ими воспользоваться въ самомъ источникѣ. Желалъ бы душевно, чтобы подобные архивы образовались и въ другихъ мѣстахъ Западнаго края.

Будете ли, достойнѣйшій землякъ нашъ, въ Чевельчу—и когда? Я душею рвусь туда, чтобы насладиться на свободѣ вполнѣ бесѣдою ея умнаго и просвѣщеннаго хозяина, котораго не только глубоко уважаю, но и смѣю любить сердечно. Пора бы ему приняться за *свое дѣло*, на покоѣ, и выработать лучшую часть своего призванія, плоды опыта и соображенія, польза отъ которыхъ выше пользы служебной, ибо эта послѣдняя съ жизнью прекратится, а та нѣтъ. Право такъ! Вѣдь не вѣка жить намъ, а непростительно умереть, унеся съ собою безвозвратно драгоцѣннѣйшее наслѣдство, какое должны бы мы были по себѣ оставить.

Съ чувствомъ глубочайшаго почтенія и душевной преданности имѣю честь быть Вашего Превосходительства покорнѣйшимъ слугою

Михайло Юзефовичъ.

Сейчасъ возвратили мнѣ съ почты и письмо и посылку, требуя для посылки таможеннаго свидѣтельства, а для рукописи разрѣшенія цензуры. Что касается до этой послѣдней, то хотя и не трудно бы получить оное, но какъ цензурная процедура медленна, то я и рѣшился рукописи не посылать, впредь до удобнаго случая. У меня оная будетъ сохранена въ совершенной цѣлости.

6.

Щербаковка, 22 августа 1850 г.

Милостивый Государь Михаилъ Владиміровичъ!

И такъ я весь на родинѣ;—душею, или духомъ всегда былъ въ ней, но тѣломъ болѣлъ далеко; чуть было не засыпалъ очей пескомъ чужой стороны. Правда, что въ нашей благословенной Украинѣ этотъ годъ не утѣшителенъ; засуха страшная; ни цвѣточка, ни ягодки; но какъ вспомню послѣдніе годы моей 44-лѣтней службы, такъ и зной сносится легче. Вы обѣщали посѣтить меня въ Чевельчѣ; хотя она и не въ такомъ еще порядкѣ, какого бы желалъ, но есть хата,—и радушный хозяинъ, всею душою Васъ любящій и уважающій, пріиметъ Васъ „по старосвѣтски", оживетъ въ бесѣдѣ, и сердечною признательностію за посѣщеніе замѣнитъ недостатокъ средствъ въ деревнѣ для городскаго угощенія.

Хлопоты, сборы по выѣзду изъ Варшавы и предположеніе видѣть Васъ въ Кіевѣ—были причиною, что я не писалъ къ Вамъ и не благодарилъ за присланныя книги трудовъ полезной Вашей Кіевской любознательности; винюсь и прошу прощенія. Почему я не пріостановился въ Кіевѣ, разскажу при свиданіи, а до того прибѣгаю опять съ покорнѣйшею моею просьбою. У меня остались въ Варшавѣ книги, въ числѣ коихъ нѣтъ запретныхъ; бывшій секретарь мой, зная наши съ Вами соотношенія, писалъ мнѣ, что онъ адресуетъ ихъ на Ваше имя; сдѣлайте одолженіе, прикажите, когда онѣ пришлются въ Кіевъ, взять ихъ изъ цензуры; а я пришлю за ними подводу;—симъ истинно обяжете имѣющаго честь быть съ отличнымъ почтеніемъ и душевною преданностію Вашимъ, Милостивый Государь, покорнѣйшимъ слугою

Андрей Стороженко.

Адресъ ко мнѣ въ Пирятинъ.

7.

С. Чевельча, 29 іюня 1851 г.

Милостивый Государь Михаилъ Владиміровичъ!

На пріятнѣйшее для меня письмо Ваше спѣшу отвѣчать, во первыхъ, съ искреннѣйшею признательностію за вниманіе ко мнѣ Кіев-

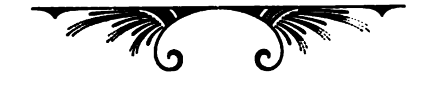
скаго ученаго общества, коего Вы предсѣдателемъ, и за любезный отзывъ Его Превосходительства Димитрія Гавриловича, на который вмѣстѣ съ симъ отвѣчаю по адресу въ Комиссію. Все сіе дѣло разума и дружескаго расположенія Вашего ко мнѣ! Въ отвѣтѣ Димитрію Гавриловичу я не распространяюсь; быть можетъ, коротко изъявляемое согласіе быть членомъ благого предпріятія покажется и сухимъ; но Вы дополните его Вашими свидѣтельствами чувства любящаго нашу общую родину и готоваго нести посильные труды на листахъ свѣдѣній, зиждемыхъ въ стройнѣйшемъ порядкѣ, нежели они собирались и склеивались донынѣ. Поелику Вы будете въ Ромны, рѣшаюсь и я ѣхать туда на 22 іюля,—именно только для того, чтобы съ Вами видѣться. И такъ до радостнаго для меня свиданія! Имѣю честь быть съ отличнымъ почтеніемъ и душевною преданностію, Милостивый Государь, Вашего Превосходительства покорнѣйшимъ слугою

А. Стороженко.

Адресъ ко мнѣ въ Пирятинъ.

8.

Высочайше учрежденная при Императорскомъ Университетѣ Св. Владиміра Коммиссія для описанія губерній Кіевскаго Учебнаго Округа съ разрѣшенія начальства приняла Андрея Яковлевича Стороженка въ званіе своего Почетнаго Члена. Въ удостовѣреніе чего выданъ сей дипломъ. Іюля 16-го дня 1851 года. Предсѣдатель М. Юзефовичъ. Вице-Предсѣдатель В Траутфеттеръ. Ученый Секретарь Д. Журавскій.



Князь В. Яблоновскій.

Krzywin [1]), $^{3}/_{15}$ *Juillet* 1847.

Monsieur le Sénateur!

L'aimabilité, que Votre Excellence m'a toujours témoignée, m'enhardit à Lui adresser ces quelques lignes. L'affreux, l'incalculable malheur, qui vient de me frapper, serait encore bien plus aggravée, si les dépouilles mortelles de ma Mère adorée étaient déposées sur une terre étrangère. Je viens donc supplier Votre Excellence de vouloir bien accorder la permission, que les Restes de ma Mère puissent être transportés par Michałowice dans le Royaume de Pologne, dans la terre de Czarnolas. Les relations amicales, qui existaient entre ma Mère et Votre Excellence, me donnent tout bien d'espérer, que j'obtiendrais cette faveur, et je saisis cette occasion pour reiterer à Votre Excellence l'assurance de la haute considération avec laquelle j'ai l'honneur d'être de Votre Excellence

Le très humble serviteur

Ladislas P-ce Jablonowski.

---

[1]) Кривинъ—бывшее волынское имѣніе князей Яблоновскихъ; палацъ и паркъ картинно описаны Александромъ Пржездзѣцкимъ въ книгѣ: *Padole, Wołyń, Ukraina.* Tom pierwszy. Wilno 1841. Str. 27. Свое описаніе Пржездзѣцкій заканчиваетъ такъ: „W Krzewinie piękna właścicielka letnie miesiące przepędza, kiedy wybór jej nie padnie n‹ Czarny las, ulubiony niegdyś domek wiejski Jana Kochanowskiego. Szczęśliwy, kto pomiędzy Krzewinem a Czarnym lasem wybierać może!" Княгиня Тереза Яблоновская, о смерти которой идетъ рѣчь въ письмѣ, происходила изъ дома князей Любомирскихъ; мужъ ея князь Максимиліанъ Яблоновскій былъ Управляющимъ Герольдіей Царства Польскаго при князѣ Паскевичѣ. Сынъ ихъ, Владиславъ, славился въ ту эпоху, какъ необыкновенно добрый, привѣтливый и изящный молодой человѣкъ. Подробности о семействѣ князей Яблоновскихъ см. у Дунина-Карвицкаго: *Z moich wspomnień.* Wstęp. Warsz. 1903, str. 28—32.

Привѣтственныя письма римско-католическихъ епископовъ.

1.

Jaśnie Wielmożny Panie!

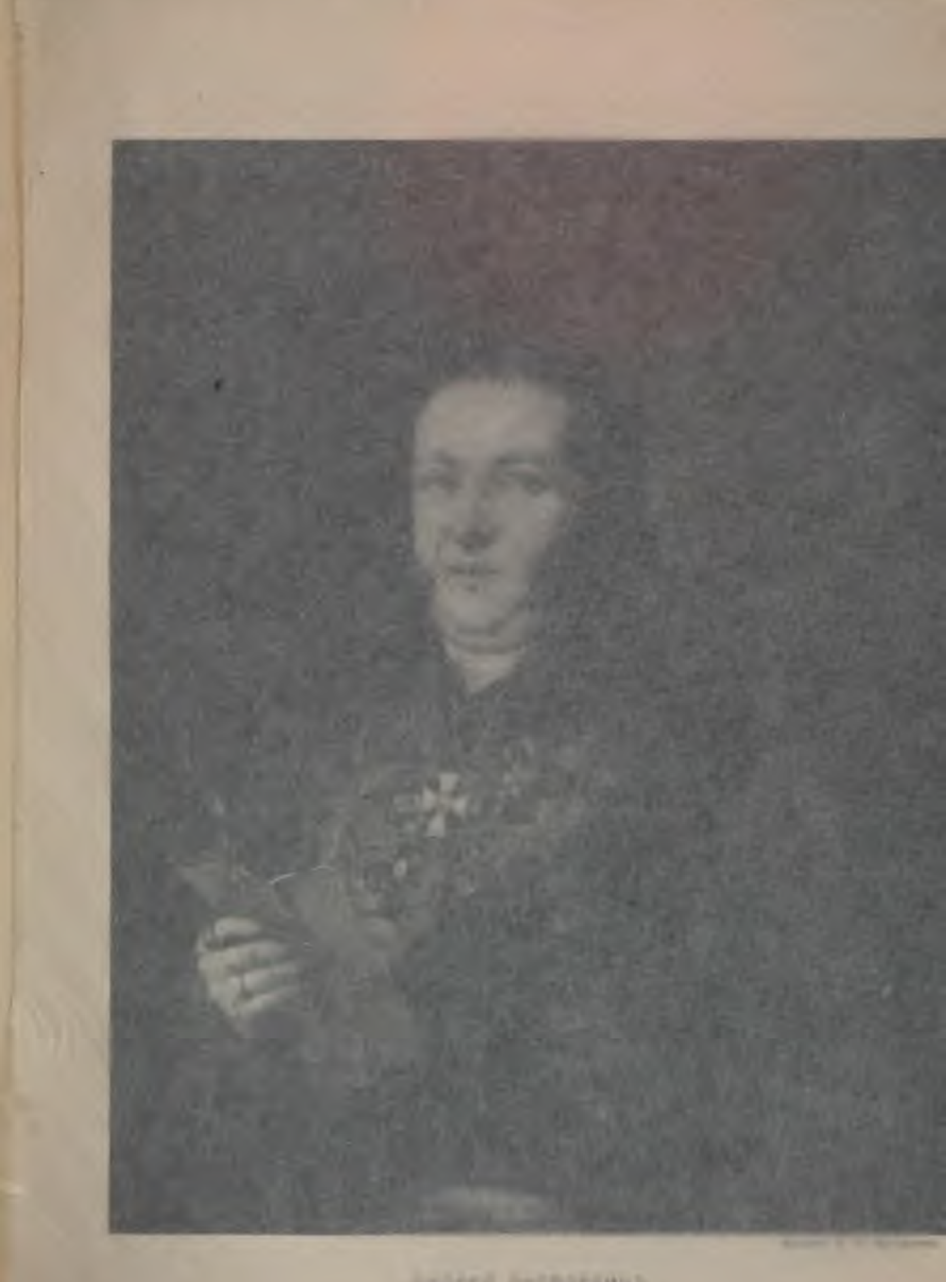
Z prawdziwą radością odebrałem wezwanie J. W. Pana, abym Duchowieństwu memu oznaymił tak o nominacyi, jako i obięty władzy Dyrektora Głównego, Prezyduiącego w Komissyi R—wey Spraw Wewnętrznych i Duchownych; dopełniłem na tych miast pierwsze wezwanie J. W. Dyrektora z poleceniem Duchowieństwu, aby prosili Boga o zdrowie i naydłuższe życie dzisieyszego Dyrektora naszego.

O iakżebym chętnie pospieszył osobiście powinszować J. W. Pana tey wysokiey w Kraju dostoyności, ale gdy i noga chora i droga niedobra tamuie nayszczersze chęci moie. Racz więc, Łaskawy Panie, to powinszowanie przyiąć, które li na pismie niosę tem sercem iakimżeś mnie zawsze zaszczycać raczył a któremu przyiaciel moy J. X. kanonik metropolitalny Gerwatowski wręczy.

Z prawdziwym szacunkiem i wysokim poważaniem J. W. Pana nayniższy sługa

A. Pawłowski Biskup Płocki.

W Pultusku dn. 12/24 kwietnia 1845.



Андрей Яковлевичъ

Стороженко

въ парадной сенаторской формѣ.

... письма ...
...хъ епископ...

... czcią i szacunk... poważan...

A. Pawłowski

W Pułtusku dn. 12/24 kwietnia 1845.

Фототип. С. В. Кульженко.

АНДРЕЙ ЯКОВЛЕВИЧЪ
СТОРОЖЕНКО

ВЪ ПАРАДНОЙ СЕНАТОРСКОЙ ФОРМѢ.

2.

Biskup Dyecezyi Sandomierskiéj. Sandomierz, dnia 13/25 kwietnia 1845 roku. № 600.

Do J. W-go Dyrektora Głównego Prezydującego w Kommissyi Rządowéj Spraw Wewnętrznych i Duchownych.

Powiadomiony będąc wysoką odezwą J. W. Pana, iż Ukazem Najwyższym z dnia 28 lutego (12 marca) r. b. do pełnienia obowiązków Dyrektora Głównego Prezydującego w Kommissyi Rządowéj Spraw Wewnętrznych i Duchownych, kierunek naczelny pomienionéj Władzy oraz sprawowanie obowiązków do tego Urzędu przywiązanych w dniu 6/18 kwietnia r. b. J. W. Pan obéjmujesz, wiadomość tę z największą radością serca odebrałem; a oznajmiając takową Duchowieństwu méj Dyecezyi, poleciłem temuż, iżby wspólnie ze mną Biskupem wznieśli gorące modły do tronu Boga Zastępów o pomyślność i przedłużenie błogich dni życia J. W. Pana tyle potrzebnego ku szczęśliwemu kierowaniu tą gałęzią Rządu, od któréj po większéj cześci los i spokojny byt na téj ziemi Duchowieństwa naszego zależy.

Racz Jaśnie Wielmożny Panie przyjąć od Biskupa Dyecezyi Sandomierskiéj rzetelny szacunek i ten hołd wysokiego poważania z jakiém na zawsze dla dostojnéj Osoby Jego pozostanie.

Goldtmann B. S.

3.

Jaśnie Wielmożny Senatorze Główny Dyrektorze Kommissyi Rządowey Spraw Wewnętrznych i Duchownych,

Panie i Nayłaskawszy Dobrodzieju!

Z pism publicznych wyczytawszy, że Nayiasnieyszy i Naysprawiedliwszy nasz Monarcha raczył wybrać i wezwać Jaśnie W. W. M. Pana Dobrodzieja do piastowania obowiązków Głównego Dyrektora Kommissyi Rząd. Spraw Wewnętrznych i Duchownych, pospieszam, iako dawny sługa i czciciel Jego Pański, ze złożeniem życzeń nayuprzeymszych, niemniey przesłania w Imieniu Boga Błogosławieństwa, aby Ten łaskami swoiemi raczył wspierać Go i zdrowiem obdarzać do dzwigania przywiązanych, a nayważnieyszych do tego wysokiego stopnia obowiązków.

Увѣдомленіе объ избраніи въ члены Общества изыскателей сѣверныхъ древностей.

Попечитель Варшавскаго Учебнаго Округа. Варшава дня 22 апрѣля—4 мая 1844 г. № 426.

Милостивый Государь Андрей Яковлевичъ!

Честь имѣю препроводить при семъ къ Вашему Превосходительству пакетъ, присланный на мое имя отъ Общества изыскателей сѣверныхъ древностей въ Копенгагенѣ.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностью имѣю честь быть Вашего Превосходительства покорнѣйшимъ слугою

Н. Окуневъ.

Monsieur,

Sur la proposition du Comité pour l'ancienne histoire de Russie, le Conseil d'Administration de la Société Royale des Antiquaires du Nord, Vous considérant comme un homme dont le caractère, l'activité et l'intérêt qu'il prend à l'histoire de sa patrie sont autant de titres à nos hommages Vous a nommé, dans sa séance de ce jour, Associé de la Section Russe.

Nous aurons à cet effet, l'honneur de Vous envoyer le Diplôme constatant Votre réception avec les Mémoires de la Société dans un paquet adressé à S. E. M. le Curateur de l'Instruction publique de Varsovie.

Nous Vous remettons ci-joint le Réglement conformément auquel les droits d'Associé Vous sont réservés.

Si vous souhaitez passer dans la classe des Membres Fondateurs ou dans celle des Membres ordinaires, il Vous plaira, en vertu de l'article 7-e du Réglement, de vouloir bien en donner connaissance au Secrétariat de la Société.

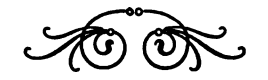
Après avoir achevé d'autres ouvrages d'une grande étendue, nous nous proposons maintenant de passer à la publication du grand ouvrage des Antiquités Russes. L'élan nouvellement donné aux efforts de notre Société par la réception de Votre Auguste Empereur et du Grand-Duc Héritier de l'Empire parmi les Membres Fondateurs, ne manquera pas d'être favorable au succés de nos travaux, et la coopération que nous accorde le Prince Royal de Danemarck qui a bien voulu se charger de la Présidence de la Société, contribue encore puissament à faciliter nos recherches.

Copenhague, ce 3 avril 1844.

Vice Président P. Hagnuun

Secretaire Mafn (?).

A Son Excellence Monsieur Storożenko Andraeas Conseiller Privé et Sénateur à Varsovie.



Teraz przystępując w krótkości do odpisu na udzielone mi uwagi przyjaciela Pańskiego z okolicy Kijowa [1]), nayprzód w ogólności muszę napomknąć, że w Historyi mojej Rusi Czerwonéy, która niestety dotąd w Cenzurze, zawsze miałem zwróconą uwagę na kozaków i Ruś Nad-i Zadnieprską, ile z planem moim zgadzało się. Przytaczać to, co tam napisałem, potrzeba by nader rozciągnąć się, to tylko tu wyrazić muszę, że do prawdy podobieństwa dowiodłem, że zbroyne kozactwo zaporozskie stąd z naszey Rusi wzięło początek, i rok z roku w naywiększey części stąd rekrutowało się. Działo się to szczególniey od roku 1442. Kozacy ci zbroyni niegdyś właściciele ziemi w Czerwoney Rusi, ciągle wraz z Tatarami naieżdżali Polskie posiadłości. Oprócz kozaków uzbrojonych i ciągle walczących było niegdyś i u nas, a potem tylko na Wołyniu, Podolu i Ukrainie, kozactwo osiadłe, to iest ludzie wolni, swobodni, szlachetni, własne posiadłośći mający,—kozacy tak wysoko cenili swoją szlachetność rycerską, że każdy szlachcic polski do ich grona przyięty, wyrzekał się szlachectwa Polskiego, ponieważ osiągał podług ich miemania wyższe, to iest Rusko-Kozacze. Dopiero to po traktacie Hadziackim pod panowaniem Jana Kazimierza od roku 1658 zacząwszy, chwycił się rząd Polski trafnej polityki, to iest żeby zniewеczyć i uposledzić szlachetność rusko-kozacką, zaczął obdarzać z własney hoyności kozaków kleynotem Szlachectwa Polskiego, tak Irzego Chmielnickiego, Wyhowskich, Sulimę, Nosacza, i innych mnóstwo; z których iedni smiali się z tego, a drudzy, mniey przezorni, przyimuiąc, tem samém podali w wątpliwość swe wolne i szlachetne pochodzenie. Nil nowi sub sole.

Uważać także należy, że Wołyń, Podole, W. X. Kijowskie, które całą Małą Rossyą teraznieyszą stanowiło, dopiero po roku 1569 z Polską połączyło się, a dotąd jako wolne iedynie z Litwą ziednoczone Państwo uważało się, do którego osobliwie W. X. Kijowskie. Polacy żadnego prawie wpływu nie mieli. Z powyższego okazuie się, że iuż daleko wczesniey, niżeli 1506 roku, byli uzbroieni kozacy nad Dnieprem pod rządem swych Hetmanów, nie uważali się wszelakoż, jak Pański przyjaciel pisze, za przednią straż Rzeczypospolitey Polskiey, lecz za naród wolny, nikomu nie podległy, walczyli przeciw Bisurmanom z męstwem i smiałością nie porownaną, tak, jak niegdyś Sławianie Uskokowie nad brzegami Adryatyckiego Morza, i jak teraz Czarnogorcy. Jeżeli kiedy usłużyli Polszcze przeciw nieprzyjacielom Chrześciaństwa, to za pieniądze, lecz zwierzchności iey nad sobą nie uznawali, bo to było i niepodobnem, przedzielało ich bowiem od Polski Podole i Wołynie do Litwy należące.

Po roku 1569, gdy Stefan Batory na tron wstąpił i zastał połączone z Polską, chociaż bez wiedzy i pomimo woli kozaków, W. X. Kijowskie,

---

[1]) А. Я. Стороженка.

starał się przychylić sobie ten waleczny naród, zaprowadził u nich ile się dało swoy porządek i usiłował zrobić ich użytecznemi Polszcze; lecz na nieszczęście gangrena już była mocno wkorzeniona w ciele państwa Polskiego, łakoma szlachta uważała tak jak Ruś Czerwoną, jak Litwę, podobnież i W. X. Kijowskie za swą dobrą zdobycz, oblegała króli o ziemie, a ci ażeby ich uiąć sobie, lub skłonić do zezwolenia na jakie bądź pożyteczne żądanie krajowe, rozdawali im podobnie jak Papieże w Ameryce ziemie przez wolnych ludzi zamieszkałe, pod tytułem Starostw, dzierżaw i t. d. Ci ziechawszy z przybranemi sobie sługami i żydami nakładali na owych wolnych osiadłych kozaków w imieniu Króla z początku małe, a potem co raz uciążliwsze daniny. Jedni ulegali,. a drudzy orężem bronili swey swobody, lub opuściwszy do zaporozskich udawali się kozaków. Co i jak daley nastąpiło, wiadomo z Historyków Rudawskiego, Grądzkiego, Kochowskiego, Pistoriusza i innych.

Sądy grodzkie i ziemskie, o których Przyjaciel Pański wspomina, podług mego zdania dopiero pod Stefanem, a może i pózniej, pod Wazami, co naypodobniejsza, w W. X. Kijowskim czyli Małey Rossyi zaprowadzone, również i prawo Magdeburskie po miastach, bo ruskie sądy inne wcale były.

Paley, o którym namienia tenże, żył w okolicy Białey Cerkwi. Niby on to ulegał Rzeczy Pospolitey a raczey Królowi, lecz mało dbał o to, i Starosta Białocerkiewski Jabłonowski musiał z nim bardzo ostrożnie postępować, częstokroć się wydarzało, że daniny od ujarzmionych już po części Rusinów około Białey Cerkwi raz Starosta, raz Paley odbierał, lub ich od tych że uwalniał. Mam niektóre jego własne oryginalne listy do tegoż starosty w 1697 i 1698 pisane.

Teraz na zagadnienia w udzielonem mi piśmie tak w krótkości odpisuię.

1-o. Że kozacy s tey strony Dniepra utracili swą swobodę i w poddaństwo przeszli, łatwo się da wytłumaczyć zastanowiwszy się nad tem, co wyżey przytoczono, i zważywszy, że po każdej zgodzie z niemi, warowano traktatem, że tylko pewna liczba miała bydź tak zwanych Regestrowych, naprz. w roku 1649 miało ich bydź 40,000, w roku 1651 po bitwie pod Beresteczkiem już tylko 20,000 i tym podobnież pózniey wszyscy zatem, nieumieszczeni w ten poczet, musieli przechodzić do stanu poddaństwa. W początku, jak rzekłem, kontentowali się starostowie i dzierżawcy małą daniną lub usługą, później zaś rok z roku powiększano ją, skąd ustawicznie rozruchy i rzezie. Wielu zaś z nich za Dniepr do swobodnych Rossyjskich kozaków lub na Zaporoże umknęło.

2-o. Że pod rządem Monarchycznym zachowali kozacy swe swobody— bardzo naturalna rzecz. Rządu Monarchicznego iest zasadą utrzymać każ-

dego przy jego prawach, i wolności; tem bardziey rząd Rossyjski uważał kozaków za swych i po narodowości i wyznaniu wiary, a nareszcie potrzebował ich ku swey pogranicznej obronie; zaś w Polszcze, gdzie arystokracya, władaiąca Państwem, własnych indywidualnych szukała korzyści, znaydowała ie w ujarzmieniu i przyswoieniu sobie własności nieprzyjaznego, pochodzeniem i religią obcego narodu. Były ieszcze i inne pobudki, które tu wszystkie wyliczać trudno. Kozacy pod Chmielnickiem i poźniey żądali, aby Królowie Polscy niemi rządzili samowładnie, i żeby tylko im, a nie tak zwaney Rzeczy Pospolitey, podlegali, lecz to było zgrozą dla Polskich Magnatów, bo by to ich pozbawiło zdobyczy, i wystawiło na niebezpieczeństwo że Król, władający tak licznym i bitnym żołnierzem, zdoła i ich swywole przykrócić, i tak zwaną wolność obalić.

3-o. Są ieszcze w Galicyi wolne ludzie zwani bojarami, kniaziami i szlachtą nayczęściey całemi wsiami; którzy z małych swoich posiadłości, albo wcale żadnych, albo małe usługi odbywają. Wiele takich osad po przyłączeniu Galicyi do Państw Austryackich przy łatwości, jaka podówczas była, wpisani w metrykę szlachty, o czem w mojey historyi dosyć obszernie. Umnieysza się i tu liczba takich osad. Przed lat 50, jak pamiętam, było ich więcey. Wszyscy są rusini.

4-o. Ormian bojarów u nas niema. Ci w Polszcze uważani byli za mieszczan i handlem się iedynie trudnili. Liczba ich coraz się zmnieysza. Zdołało wiele rodzin Ormiańskich per fas et nefas pozyskać przyznanie Szlachectwa, ponabywali dobra i ieszcze iedna lub dwie generacye, a zupełnie wsiąkną w ludność Polską.

Dokument ów z roku 1351, o którym wyżey wspomniałem, dawnieysze moie domysły ze wszystkim potwierdził, i dał mi iasnieysze wyobrażenie o klassach ludów dawnych ruskich i o ich stosunkach.

Co się tyczy dokumentów, ściągających się do Rusi Nad-dnieprskiey, takowe mogą i tu gdzieś niegdzieś znaleść się, lecz ich właściwie na Podolu, w Kijowskim i Mało-rossyi szukać należy, gdzie bez wątpienia znaydują się. Tu bardziey wytępiano, co było ruskiego, tam zaś muszą bydź ogromne porozrzucane materyały, tylko potrzeba ich szukać, naymnieyszy szpargał odczytać, a z odrobin sklei się dostateczna historya tamtych okolic. I u nas nikt się nie spodziewał, ażeby coś znaydować się miało, wszelakoż usilna osmioletnia mieyscowa praca i sledzenie doprowadziło do tego, że już bardzo wiele mamy, wiemy i coraz więcey dowiaduiemy się, bo obudził się duch badawczy w naszey młodzi.

Nabazgrawszy tyle, kończę, ciesząc się nadzieją bytności Pańskiey we Lwowie. Jakim bym był szczęsliwym, żebym mógł w bliskości Jego znaydować się: o, ile byśmy wysledzić, wyiasnić i sprostować mogli! A tak, wy-

iąwszy kilku młodych ludzi, których to obchodzi, sam tylko zaymuię się badaniami, nie maiąc nikogo, który by moie postrzeżenia prostować, rady dodawać, i z odkrytey prawdy historyczney radować się ze mną mógł.

Do nóg upadam. (Podpisano:) Zubrzycki.

(Съ копіи).

2.

Lwów 25 marca 1842.

Wielmożny Mci Dobrodzieiu!

List Pański z dnia 1-go marca odebrałem, sprawił on mnie wiele przyiemności, iak to wszystko, co z rąk Pańskich wychodzi. Słusznie bardzo że Pan Dobr. obudziłeś P. Loiolę, niech się rzecz wyiasnia. Artykułu tego w Bibliotece marcowey nie czytałem, gdyż do handlu Millikowskiego nie przychodzi to pismo periodyczne w tym roku, i, ile mi wiadomo, P. Borkowski dopiero styczniowy numer otrzymał. W roku upłynionym z łaski Pańskiey odebrałem wszystkie numera. Na ten rok nie przenumerowałem, bo za droga Biblioteka, darmo zaś odbierać nie mam prawa, gdyż tylko iednym artykułem roku przeszłego przysłużyłem się. Cieszę się bardzo, że W. Pan Dobrodziey przebaczyłeś redakcyi Biblioteki, a ona więcey ieszcze cieszyć się powinna, bo przez swe rozprawy byłeś iey naygłównieyszym i nayzaszczytnieyszym współpracownikiem. Za obiecaną Jutrzenkę dziękuię, ale upłynie wiele czasu, niżeli ona tu nadeydzie i nasza cenzura ią dozwoli, a, kto wie, może całkiem zaprzeczy.

Dzieło „Monumenta Russiae historica“ — zupełnie mi nieznaiome, a szczególney z przytoczonych przez Pana Dobrodzieia pism papieskich sciągnęło moią ciekawość. Jeżeli by to bez wielu trudności bydź mogło, prosiłbym o kopią listów Grzegorza IX z r. 1231, z r. 1232, 1234, ad Ulricum, i Alexandra IV z r. 1257, z zacytowaniem stronic książki, w którey znayduią się. Były by mi nader użyteczne do małego artykułu „o dawności obrządku łacińskiego na Rusi“, do którego mam nieco przygotowanych materyałów. Jeżeli by to mogło bydź, zrobisz mi W. Pan Dobrodziey wielką łaskę, udzielaiąc na pocztę tych listów.

Książki rossyiskie, o które prosiłem, po naywiększey części iuż otrzymałem, wszelakoż gdy W. Pan Dobrodziey poiedziesz do Petersburga, czego mu z duszy życzę, to osmielę się swego czasu prosić o prawo cywilne Cesarstwa Rossyiskiego i o procedurę sądową. Wiem, że się te oba kodexa

znayduią w wielkim zbiorze praw Imperij, sądzę zaś, że i poiedyńczo sprzedawać ich muszą. Życzę zaś dla tego podróży do Petersburga, bo będziesz Pan Dobrodziey mieć sposobność osobiście dać się poznać Ministrowi Oświecenia i innym znakomitym osobom.

Nic mi też Pan Dobrodziey nie donosisz o swoim wielkim dziele, nad którym pracowałeś i iuż imprimatur otrzymałeś, czyli się drukuie lub nie? i dla czego?

Fałszywa wiadomość w Tygodniku literackim, iakobym miał bydź współpracownikiem Lwowianina P. Zielińskiego, i bez moiego zezwolenia umieszczona. W roku przeszłym, wywdzięczaiąc się że mnie narzuca swém pismem, z którego tylko ryciny moie dzieci używaią do quodlibet na parawan, dałem mu dwa kawałki, to iest ułomek dziennika Pogodina w czasie pobytu w Paryżu, i móy własny artykuł humorystyczno-satyryczny „Ważna literacka wiadomość“ nazwany; lecz że się odważył położyć na końcu głoski D. Z. których w rękopismie nie było, i niektóre odmiany zrobił w texcie, odtąd wcale się z nim nie wdaię. Prawda, że z chęcią był bym mu niektórych udzielił drobnostek, i wielu innych wspierało by go swemi artykułami, gdyby się sam zarzekł pisać tak nazwane przez niego powieści, które przy plugawym trywialnym stylu, są tylko złosliwe karykatury dawnych zwyczaiów i obyczaiów polskich, dla przypodobania się pisane. Polacy mieli zły rząd, a raczey żadnego rządu i porządku, lecz obyczaie były szlachetne, a życie domowe, wyiąwszy magnatów, pełne cnot, i obyczayności.

Słusznie nazwałeś W. Pan Dobrodziey teraznieyszą dążność literacką dziennikomanią. Nie wiem, czyli kogo tyle oburza ten szał ile mnie, lada pismak szarpie się i bez znaiomości gruntowney bargrze, iak mówią niemcy, weit und breit, albo o tem, co iuż dawno innym wiadome, albo co nie zasługuie, żeby się nad tém rozszerzać; przeciwko to takim pismakóm wymierzona była moia „Ważna wiadomość literacka“ w Lwowianinie. Dziś właśnie przyprowadził do mnie P. Hr. Borkowski iakiegoś jegomości z brodą wspaniałą, chociaż ieszcze bardzo młodego, i przedstawił mi go iako literata. Zapytałem go, w iakim wydziale nauk pracuie, oswiadczył mi z widocznym własnem zadowolnieniem, że iuż napisał rozprawę o ięzyku polskim i że da ią drukować w Czasopismie. Jak mię mało nowy literat zaiął, żem zapomniał, iak się nazywa.

Czasopism instytutu Ossolińskich wyszedł w przeszłym roku, i w tym wychodzić będzie. Spodziewać się należy, że to będzie dobre pismo, ieżeli P. Kłodziński zostanie przy direkcyi tego instytutu; słychać bowiem, że sobie miał sprzykrzyć, i łatwo temu wierzyć mogę, ma do czynienia z wielkiemi Panami.

Wyiąwszy dzieło o Mithologij słowianskiey Professora Hanuscha, które na uwagę zewszechmiar zasługuie, nic tu u nas ważnego nie wyszło,—czasem kazanie, - czasem list pastoralny—a zresztą mgła i pomroka. Ja teraz

zaięty zatrudnieniami innego rodzaiu, nic nie piszę, bo i nadaremnie. Moia Kronika Lwowa po 10-miesięcznym odpoczynku wyszła nareszcie z rąk ordynaryjnego Cenzora mocno pokrzeslona Że zaś ma zawierać coś tam maiącego styczność mit den Staasrechte, przeto niżeli mi wydaną została, posłano ią przez Prezidium Kraiowe do Widnia do Staatsrathu. Gdy tam odbędzie Kwarantanne i dozwoloną iuż zostanie (a może i zabronioną), zamyslam przeciwko wykreśleniom ordynaryjnego Cenzora odwołać się do naywyższey nadworney cenzurney instancyi, a tak moia ta bazgranina kosztem rządu dwa razy Eilwagonem odprawi podróż do stolicy Cesarstwa. A kto wie, czyli ią nie spotka ten los, który spotkał moią historyą Galicyi, że ią zamknę do burka.

U nas tu teraz wszyscy zaięci nowym teatrem, który 28-o t. m. pierwszy raz otworzonym zostanie. Jest on obszernieyszy i porządnieyszy, iak dawny. Publiczność wszelakoż z Direktora, to iest P. Skarbka, niekontenta, bo znaczną część dawnieyszych polskich aktorów, a między niemi i zdolnych, usunął, a nawet całkiem polską scenę zaniechać zamyslał.

Życząc Panu Dobrodzieiowi przy pracach tyle użytecznych, tyle chwalebnych dobrego zdrowia i wytrwałości zostaię.

W. Pana Dobrodzieia nayniższym sługą

Zubrzycki.

Miałbym posłać po polsku i po rusku drukowaną odezwę podobną owey łacińskiey, ale na to potrzeba sposobności.

3.

Lwów 9-go marca 1850.

Wielmożny Mosci Dobrodzieiu!

List Pański sprawił mi niewymowne ukontentowanie, wyczytawszy z niego o miłym mi zdrowiu Pańskim. Zaiąłem się niezwłocznie danemi mię poleceniami, lecz prawie nadaremnie. Względem bukwarów Przemyskich z r. 1838 udałem się nie tylko do moich znaiomych w Przemyslu, ale nawet i do biskupa, wszelakoż nabydź ich nie mogłem. Jak ta edycya, iako też i kilka innych przemyskich i lwowskich od roku 1838 (wszystkie bowiem były iedney i teyże tresci) rozsprzedane; a teraz zupełnie odmienne zaprowadzone zostały. Dałem w różne strony polecenie, żeby przynaymniey używanych dostać można, i ieżeli zkąd dostanę, niezwłocznie wyprawię

ich do Warszawy. Łomałem sobie głowę, chcąc zgadnąć, czem sobie nasze nikczemne bukwary mogły ziednać sławę aż za granicą?

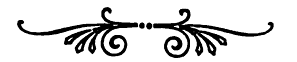
Co do Biblioteki zakładu Ossolińskiego, wyszło w roku 1847—12, a w roku 1848—4 zeszyty, potem nasi uczeni, rzuciwszy pioro, chwycili się za oręż, i Biblioteka ustała. Je zatem 12 poszytów z roku 1847, których sprzedaż iest w Kommissyi u księgarza Franciszka Pillera; odbierzesz Pan Dobrodziey przy pierwszey księgarskiey posyłce do Warszawy przez księgarnię Senewalda. Mowię przy pierwszey posyłce, gdyż między Lwowem i Warszawą niemasz regularney handlowey kommunikacyi, i tylko od czasu do czasu, gdy się przyzbiera materyałów i okazya wydarzy, wyprawiaią pakę do Warszawy. Prosiłem W-go Szlachtowskiego Kustosza, ażeby i owe 4 zeszyty, które w r. 1848 wydane, a które w Kommissyi u Pillera nie, znayduią się, także przez tegoż Pillera Panu Dobrod. przesłał. Zdaie się, że Senewald nie pisał tu do Lwowa o tę bibliotekę, bo by ią iuż dawno byli ztąd posłali.

Poemat Lipskiego drukuie się kosztem Ks. Lubomirskiego, również i pierwotne dzieie Polski P. Bielowskiego. Spodziewać się można, że to ostatnie dzieło, ile z pod piora naszego zacnego uczonego, ważney będzie tresci. Wicher rewolucyiny, który dotychczas wstrząsał Europę, dosiągnął nareszcie i naszą dotąd błogą i spokoyną Krainę. Zburzył wszystko, opanował umysły i zrządził nam nieobliczone szkody. Długo długo popamiętamy skutki tego szału. Ja poniosłem wiele straty, i miałem wiele zgrzyzoty. Jak się to wszystko ukończy, Bogu tylko wiadomo!

Panu Dobrodzieiowi życzę zdrowia i sił, abyś dla rozszyrzenia nauki pokończył rozpoczęte prace, i cieszę się nadzieią, że będąc w Krynicy, i Lwowskie rozwaliny odwiedzić, i sposobność mi dać raczysz, ieszcze raz na tym swiecie usciskać i ucałować tego, którego wysoce uwielbiam. Niżeli zaś to nastąpi, racz Pan Dobrodziey przyiąć wyrazy szczególnieyszego poważania, z którym piszę się

Wielmożnego Pana Dobrodzieja nayniższym sługą

Zubrzycki.



Письма Николая Ивановича Ушакова къ Владимиру Андреевичу Стороженку.[1]

СОБРАНІЕ ВТОРОЕ.

Тридцатые годы.

1.

Варшава, 10 іюля 1835 г.

Милое письмецо твое, безцѣнный Володя, отъ 1-го іюля, доказало мнѣ и твою аккуратность и истинную привязанность къ человѣку, который любитъ тебя всею душею. Такія чувства дѣлаютъ честь твоему юношескому сердцу; не всѣ въ равной степени оцѣниваютъ вниманіе посторонняго человѣка. Что касается до литературной стороны, то слогъ и мысли письма право выше твоего возраста, и я предрѣкаю тебѣ большой успѣхъ, если ты послѣдуешь моимъ совѣтамъ и будешь тщательно и съ охотою заниматься словесностію. Папенька твой тоже съ этимъ соглашается. Мнѣ говорили, что отъ тебя есть и другое на имя мое письмецо, но я еще не получалъ его отъ родныхъ твоихъ и кажется по той причинѣ, что ты написалъ тамъ что то о свадьбѣ Е. А. Подобнымъ слухамъ не должно такъ скоро вѣрить и, можетъ быть, тебѣ сдѣлаютъ даже за это выговоръ. Чтобы избѣжать въ другой разъ подобной бѣды, пожалуйста, не пиши впередъ ко мнѣ ничего о твоей сестрицѣ, ни ей обо мнѣ, чтобы не подумали, что я

---

[1]) Во II томѣ Фамильнаго Архива (ст. 670—676) помѣщено было нѣсколько писемъ Н. И. Ушакова къ Владимиру Андреевичу. При дальнѣйшемъ разборѣ семейныхъ бумагъ оказалось, что писемъ Н. И. сохранилось очень много и теперь мы помѣщаемъ второе ихъ собраніе, гораздо болѣе полное.

самъ вызываю тебя на подобные разговоры. Дѣло другое—мои увѣдомленія; они могутъ быть наполнены подобнымъ предметомъ, ибо ты, не получая иногда писемъ отъ родныхъ, захотѣлъ бы что нибудь узнать объ нихъ и отъ посторонняго. Премного благодаренъ тебѣ за извѣстіе объ экзаменѣ племянниковъ. Представь, что мы до сихъ поръ ни отъ нихъ, ни изъ деревни не имѣемъ никакого слуха. Молчаніе это чрезвычайно непріятно и, право, недоумѣваю, что объ немъ подумать.

Моя жизнь въ Варшавѣ продолжается по прежнему съ тою только разницею, что у насъ теперь частенько смотры и ученья, что при нынѣшнихъ жарахъ не весьма спокойно. Зной у насъ доходитъ до 30-ти градусовъ; я почти каждый день два раза купаюсь и за всѣмъ тѣмъ отдохнуть не могу. Черезъ двѣ съ половиною недѣли мы выступаемъ на маневры въ Калишъ и тамъ пробудемъ около 40 дней. Издержекъ для кармана и хлопотъ для души и тѣла было и будетъ еще много. Папенька твой также будетъ съ нами, а маменька, Е. А. и Любовь Ивановна, которая 25 іюня вернулась благополучно изъ Малороссіи, хотятъ пріѣхать на одинъ день посмотрѣть военный праздникъ и фейерверкъ, которому, какъ говорятъ, ничего подобнаго еще не было. Я бываю у Вашихъ не такъ часто, какъ прежде, но однако же черезъ два дня обыкновенно; это въ слѣдствіе того предположенія, о коемъ предварялъ тебя въ Петербургѣ; впрочемъ отношенія моего знакомства съ ними совершенно прежнія и также тѣсны. Многіе ожидали, что Е. А. вывезутъ на балы, данные фельдмаршаломъ 25 іюня и 1 іюля; но между нѣсколькими вновь явившимися въ свѣтъ дѣвицами она не показалась и, кажется, справедливо, потому что ея наружность такъ моложава, что едва ли можно назвать ее шестнадцатилѣтнею; при томъ и самое здоровье ей попеременно измѣняетъ: она очень растетъ и слѣдовательно, поневолѣ, должна худѣть. Между тѣмъ маменька всячески старается доставлять ей развлеченія; онѣ часто прогуливаются и бываютъ въ театрѣ, а сегодня, въ эту минуту, какъ пишу тебѣ, слушаютъ концертъ братьевъ Эйхгорновъ, недавно сюда прибывшихъ. Изъ этого можешь заключить, что теперь всѣ у Васъ въ семьѣ здоровы.

Я оканчиваю письмо поклономъ отъ брата и просьбою продолжать писать ко мнѣ съ такою же аккуратностью. Отъ меня это также другое письмо, а первое я отправилъ черезъ племянниковъ 6-го іюня. Натальѣ Андреевнѣ засвидѣтельствуй мое высокопочитаніе. Дай Богъ тебѣ столько счастья, сколько желаетъ отъ искренней души любящій тебя

Н. Ушаковъ.

2.

Г. Калишъ, 17 августа 1835 г.

Посреди нашихъ военныхъ заботъ, съ которыми неразлучны маневры и смотры, мнѣ пріятно хоть нѣсколько минутъ побесѣдовать съ тобою, безцѣнный и милый Володя! Наша главная квартира находится здѣсь около трехъ недѣль, а 7-го августа мы были обрадованы прибытіемъ Государя Императора. Съ тѣхъ поръ ежедневно продолжаются смотры и ученья и къ общему восторгу, кажется, Царь всѣмъ доволенъ. Его Императорское Высочество Михаилъ Павловичъ также присутствуетъ въ Калишѣ съ 13-го числа, но завтра Высокія Особы предполагаютъ ѣхать въ Пруссію, дабы взглянуть на маневры прусскихъ войскъ въ окрестностяхъ Бреславля. Къ 30-му августа Государь и Великій Князь вновь возвратятся сюда, а на другой день послѣ того прибудетъ Императрица и Король Прусскій въ сопровожденіи своихъ войскъ. Встрѣча гостямъ будетъ самая великолѣпная: нашъ корпусъ назначено поставить вдоль дороги, на разстояніи 4-хъ верстъ, для отданія военныхъ почестей. Присутствіе короля продолжится здѣсь до 9-го сентября и окончаніе маневровъ ознаменуется блестящимъ военнымъ праздникомъ. Остальныя подробности разскажутъ тебѣ мои племянники. Папенька твой исправляетъ здѣсь весьма трудную обязанность: на его попеченіи спокойствіе не только города, но и окрестностей на 20 верстъ кругомъ; онъ день и ночь въ заботахъ, но, благодаря Бога, здоровъ и заслужилъ милостивое вниманіе Государя.

Сюда ко мнѣ дошло твое письмецо отъ 12-го іюля. Привязанность твоя истинно меня утѣшаетъ и я прошу навсегда сохранить это чувство, полное юношеской искренности. Поздравляю съ переходомъ во второй классъ и душевно желаю, чтобы также отличился и къ будущему году. Увѣренъ, что племянники мои продолжатъ къ тебѣ и въ офицерскомъ званіи прежнее расположеніе. Навѣщай ихъ пожалуйста безъ церемоній и напиши мнѣ, удалось ли тебѣ быть у насъ въ деревнѣ. Въ торопяхъ я пишу къ тебѣ, кажется, совершенную безсмыслицу; но представь, что сейчасъ воротился только съ корпуснаго ученья, продолжавшагося пять часовъ, и спѣшу не опоздать къ фельдъегерю. Маменька и сестрица твоя здоровы и со времени нашего отсутствія изъ Варшавы принимаютъ минеральныя воды. Засвидѣтельствуй мое искреннее почтеніе Натальѣ Андреевнѣ и вспомни при этомъ случаѣ, что тебя мысленно обнимаетъ твой искренній пріятель Н. Ушаковъ.

P. S. Братъ мой тебѣ кланяется; онъ здѣсь вмѣстѣ со мною.

P. S. Клятву при Гробѣ Господнемъ, конечно, можно прочесть не безъ пользы, но есть много и много лучшаго для чтенія. Предположи себѣ непремѣнно прочесть все интересное о Петрѣ Великомъ, Екатеринѣ, Александрѣ и Наполеонѣ, а почтенную старину, выведенную Полевымъ на сцену въ романѣ, можно и не знать, хотя, впрочемъ, всякое свѣдѣніе должно быть драгоцѣнно для образованнаго юноши; но важнѣйшее напередъ.

3.

Крѣпость Ново-Георгіевская, 1 октября 1835 г.

За безпрерывнымъ недосугомъ я собирался писать къ тебѣ, мой милый Володя, каждый день по возвращеніи нашемъ изъ Калиша, но вотъ прошло почти три недѣли и я всетаки не успѣлъ этого исполнить въ Варшавѣ. Сегодня я прибылъ сюда вмѣстѣ съ фельдмаршаломъ, который сопровождаетъ Государя Императора. Его Величество вчерашній день изволилъ ночевать въ Варшавѣ, а сегодня, по осмотрѣ тамошняго гарнизона и цитадели, обѣдалъ здѣсь. Поляки готовили самую церемоніальную встрѣчу, но Царь отказалъ въ пріемѣ оной. Выѣздъ отсюда назначенъ 6-го числа; Государь изволитъ взять направленіе на Брестъ-Литовскій и Бѣлую-Церковь, гдѣ также будетъ осматривать войска дѣйствующей арміи. Фельдмаршалъ по сему случаю ѣдетъ вмѣстѣ съ Царемъ до Кіева и, какъ мнѣ предлежитъ путь туда же, то не надѣюсь вернуться въ Варшаву ранѣе первыхъ чиселъ ноября, что по наступленію осеннихъ дождей и холодовъ не совсѣмъ удобно. Въ Калишѣ, какъ ты знаешь изъ приказовъ, смотры и маневры наши окончились самымъ блистательнымъ образомъ; какъ то будетъ дальше, а покуда Государь чрезвычайно доволенъ и милостивъ.

Письмо твое отъ 11-го сентября я получилъ за столомъ у твоего папеньки и мы читали вслухъ это посланіе, были восхищены прекраснымъ слогомъ, юношескою откровенностію и любовію къ наукамъ, которыми отличаются твои строки. Продолжай, милый Володя, такъ думать и чувствовать и ты изъ любезнаго юноши сдѣлаешься рѣдкимъ человѣкомъ. Я и добрая, несравненная Юлія Ивановна горячіе за тебя заступники передъ папенькой; сестрица хоть, по скромности, ничего не говоритъ, но живой румянецъ на щекахъ ея показываетъ сильное въ этомъ участіе. Впрочемъ Андрей Яковлевичъ убѣдился теперь, что ты славный и тысячу разъ славный юноша. Надѣюсь, что похвалы эти тебя не испортятъ; Боже сохрани отъ излишняго самолюбія. Пишу эти строки

въ 2 часа ночи въ кабинетѣ фельдмаршала, когда Его Свѣтлость съ докладомъ у Государя; поэтому ты легко заключишь, что длинной и обстоятельной бесѣдой подарить тебя не могу. Впрочемъ, что сказать болѣе? Родные твои всѣ, благодаря Бога, здоровы. Папенька, какъ я уже писалъ, получилъ аренду и прусскій крестъ Краснаго Орла на шею Елисавета Андреевна занимается прилежно музыкою и много читаетъ, хотя большею частью романы и потому подобное легкое чтеніе. Она опять выросла и опять къ ней возвратилась милая веселость, которая нѣсколько времени какъ будто бы была въ отсутствіи; объ ней теперь снова можно сказать одно самое лестное и отборное. Любовь Ивановна живетъ съ мужемъ очень хорошо и даже дѣлаетъ съ нимъ поѣздки, довольно далекія, по дѣламъ службы. Мнѣ очень больно, что повидимому племянники мои начинаютъ къ тебѣ перемѣняться. Пожалуйста напиши, справедливы ли мои догадки; имъ будетъ очень стыдно и они вооружатъ меня противу нихъ Если же подозрѣніе мое несправедливо, то, сдѣлай дружбу, бывай у нихъ чаще; они могутъ разсказать тебѣ другія на мой счетъ подробности, которыхъ повторить мнѣ самому некогда. Обнимаю тебя, безцѣнный Володя, желаю тебѣ здоровья и успѣховъ и прошу писать по прежнему къ твоему преданному другу

Н. Ушакову.

P. S. Маленькаго Бородина поздравь съ вступленіемъ въ корпусъ и, если можно, покровительствуй ему.

4.

Варшава, 8 декабря 1835 г.

По возвращеніи моемъ изъ Россіи, въ исходѣ октября, я очень безпокоился о тебѣ, мой милый и любезный Володя, узнавъ, что ты былъ боленъ летучею оспою. Послѣ этого ты можешь повѣрить, какъ меня обрадовало твое пріятное письмецо отъ 7 ноября. Слава Богу, что ты здоровъ и, кажется, по прежнему меня любишь. Очень радъ также, что племянники мои не были противъ тебя виноваты. Пожалуйста именемъ моимъ адресуйся къ нимъ во всемъ. Я много благодаренъ тебѣ, милый Володя, за доставленное Ваничкѣ знакомство въ домѣ Натальи Андреевны; ему очень тамъ понравилось, да и не можетъ быть иначе посреди такого приличнаго и почтеннаго общества. Молодому гвардейцу нужна ловкость, и онъ теперь будетъ имѣть образцы и сред-

ство къ заимствованію хорошихъ манеръ. Пріятно слышать, что твое ученье идетъ успѣшно почти во всѣхъ предметахъ. Если М. И. Талызинъ иногда распекаетъ, то это служитъ доказательствомъ, что онъ видитъ въ тебѣ способность и хочетъ дать ей хорошее направленіе. Безъ лести, ты объясняешь свои мысли прекрасно и слогъ твой чистъ и ясенъ; одно только припомню, что всегда у тебя недостаетъ терпѣнія окончить порядочно начатую тему; но это общая черта юности. Прилежаніе твое къ скрипкѣ также меня восхищаетъ. Боюсь, чтобы трудность этого инструмента тебя потомъ не охладила. Музыкальный талантъ есть истинное счастье и доставляетъ душѣ тысячу наслажденій во всѣхъ обстоятельствахъ жизни; я многое отдалъ бы теперь, еслибъ возможно было въ мои лѣта и при нынѣшнихъ обязанностяхъ службы пріобрѣсть эту способность; утѣшаюсь тѣмъ только, что мои способы воспитанія были скудные.

Собственно о себѣ я особенныхъ новостей сказать не имѣю. Тебѣ вѣрно уже извѣстно, что книга моя теперь печатается въ Петербургѣ и къ февралю мѣсяцу Богъ дастъ будетъ готова. Не удивляйся такой медленности; тутъ необходима была довольно продолжительная переписка, по причинѣ многихъ справокъ и сношеній одного начальства съ другимъ. Недавно по арміи нашей сдѣлано объявленіе о скоромъ выходѣ въ свѣтъ моей книги и приглашены генералы и офицеры къ покупкѣ. Начало покуда хорошее, ибо два полковые командира, мои хорошіе пріятели, тотчасъ подписались на 50 экземпляровъ, что доставляетъ мнѣ однимъ разомъ болѣе 1200 руб., потому что цѣна книги назначена мною 25 руб., съ планами и картою. Если Богъ пошлетъ успѣхъ, то можно надѣяться получить чистой прибыли свыше 20 т. р. Такой счастливый оборотъ дѣла поощряетъ меня къ новымъ занятіямъ и я опять работаю кое что, но не безъ лѣни. Хотѣлось бы принудить себя къ большему прилежанію, но иногда нельзя; и особенно эти упущенія я дѣлаю обыкновенно для Юліи Ивановны, которая такъ мило умѣетъ уговаривать меня остаться у нихъ лишнихъ часа два и просидѣть съ ними за вистомъ. Вообще ласками твоихъ родныхъ я чрезвычайно обязанъ и желалъ бы, чтобы и ты съ своей стороны находилъ тоже въ нашемъ семействѣ. У Васъ, благодаря Бога, всѣ здоровы и собирались писать къ тебѣ черезъ Рерберга. На Рождество располагаютъ вывезти въ свѣтъ Елисавету Андреевну и по этому случаю ей приготовляютъ теперь бальныя платья. Она очень выросла и имѣетъ прекрасную наружность, но застѣнчива и повидимому боится, страхъ, своего перваго дебюта, который, безъ сомнѣнія, будетъ въ пользу ея. Я напишу тебѣ объ этомъ въ послѣдствіи, съ условіемъ, чтобы ты не передавалъ моихъ сужденій сестрицѣ. Она также сдѣлала хорошіе успѣхи въ музыкѣ, хотя остается еще многаго желать.

Кажется, больше нечего здѣсь прибавить: донесеніе полное и по формѣ. У насъ зима удивительная, какой не запомнятъ съ 1812 года. Снѣгъ лежитъ большой въ самомъ городѣ и морозы доходятъ до 12°. У папеньки твоего прекрасныя сани и лошади. Они также недавно купили очень хорошую двухмѣстную карету. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ и у меня появится экипажъ на счетъ книжнаго дохода. Прощай, милый Володя! Пожалуйста пиши ко мнѣ и вѣрь, что тебя сердечно любитъ и искренно цѣлуетъ твой преданный другъ

Н. Ушаковъ.

P. S. Братъ мой тебѣ кланяется.

5.

Варшава, 18 января 1836 г.

Желая увѣрить тебя, мой милый и безцѣнный Володя, въ неизмѣнномъ моемъ расположеніи, я отвѣчаю на письмо твое отъ 26-го декабря почти вслѣдъ за полученіемъ его; оно достигло сюда очень поздно и было только на дняхъ вручено мнѣ твоею сестрицею, когда я былъ у Вашихъ родныхъ. Избави Боже, чтобы я имѣлъ что нибудь противу тебя, и ты вѣрно уже успокоился въ этомъ, получивъ мое письмо, писанное также передъ праздниками; я всегда аккуратно и охотно посылаю къ тебѣ отвѣты, потому что это составляетъ для меня истинное удовольствіе. Въ послѣднемъ письмѣ ты сдѣлалъ мнѣ очень важные вопросы, на которые, по глубокому моему уваженію къ нимъ, я долженъ отвѣчать въ самомъ началѣ. Елисавета Андреевна, дѣйствительно, явилась въ свѣтъ и явилась съ самыми выгодными оттѣнками. Появленіе ея было въ прошедшее воскресеніе на дѣтскомъ балу у фельдмаршала; но она уже была представлена туда, какъ дѣвица взрослая. Княгиня ее очень обласкала и похвалы сыпались отовсюду. Не воображай ее большаго роста; она не выше маменьки, не ослѣпительна, не блистательна; но однакоже въ полномъ смыслѣ слова дѣвушка прекрасная, съ отличной манерой, съ пріятнымъ лицемъ и очень добрымъ сердцемъ; изящная смѣсь благородства, невинности и привлекательности. Дай Богъ, чтобы про нее всегда можно было повторить подобный отзывъ, и надобно отдать честь маменькѣ: она за нею, какъ своя. Я ожидалъ, что Елисавета Андреевна будетъ больше конфузиться при первомъ шагѣ посреди мало знакомой публики, но она прекрасно

выдержала это довольно критическое явленіе. Послѣ того два раза она вновь была на вечерахъ постороннихъ, и на послѣднемъ, въ среду, танцовала въ первой парѣ мазурку съ однимъ свитскимъ полковникомъ, будучи, разумѣется, этимъ восхищена. Я также въ тотъ день прошелъ съ ней польскій и сказалъ, что напишу тебѣ обо всемъ. Она танцуетъ хорошо и всѣ три раза была одѣта въ бѣломъ. О! если бы ты видѣлъ, какъ ее занимаетъ теперь выѣздъ въ свѣтъ; но по ея лѣтамъ это извинительно. Папеньки твоего на этотъ разъ нѣтъ въ Варшавѣ; онъ уѣхалъ въ Малороссію и возвратится развѣ недѣли черезъ двѣ; поэтому онъ не былъ свидѣтелемъ перваго появленія твоей сестрицы и не могъ вполнѣ утѣшаться тѣми похвалами, которыя она по справедливости заслужила. Не знаю, будешь ли ты доволенъ моимъ описаніемъ, но пора перейти къ другой матеріи.

Я, кажется, благодарилъ уже тебя за доставленное Ванѣ знакомство въ домѣ Натальи Андреевны. Пожалуйста, бывай и ты у нашихъ, или я буду этимъ крайне огорченъ. Спасибо за поздравленіе меня съ новымъ годомъ; и я взаимно тебя поздравляю, кажется въ другой разъ, посылая тебѣ при этомъ мой дружескій поцѣлуй и всѣ искреннія желанія, чтобы тебѣ во всемъ хорошемъ былъ успѣхъ. Что относится до твоихъ желаній въ отношеніи меня, то исполненіе ихъ не такъ то легко, и они, хотя состоятъ въ эту минуту изъ одной только мечты, но мечта эта едва ли когда нибудь осуществится. Что же дѣлать! О хорошемъ утѣшительно и помечтать. Книга моя хотя также составляетъ въ нѣкоторомъ смыслѣ покуда одну мечту, но она скоро осуществится въ печати и, кажется, къ половинѣ марта будетъ совершенно существительная. Открытая на нее здѣсь подписка идетъ очень изрядно.

Жду съ нетерпѣніемъ твоей литературы. Ты пишешь мнѣ, что по заказу пришлось тебѣ описывать свой характеръ; пожалуйста пришли, дабы я могъ дополнить и быть за тебя откровеннѣе. Прощай, мой любезный другъ Володя. Прошу болѣе вѣрить искреннему расположенію преданнаго тебѣ

Н. Ушакова.

P. S. Братъ мой благодаритъ тебя за память и взаимно тебѣ кланяется.

6.

Варшава, 4 марта 1836 г.

Необыкновенно поздно доходятъ ко мнѣ всѣ письма твои, милый и безцѣнный Володя! Представь, что послѣднія твои строки, отъ 27 генваря, я получилъ только сегодня. Въ этомъ не виноваты также и здѣшніе родные твои, потому что и къ нимъ письма доходятъ также медленно изъ Петербурга. Нужно ли увѣрять тебя, съ какимъ удовольствіемъ я пробѣгалъ твое посланіе; оно напомнило мнѣ собственную юность, когда одни теплыя чувства, одна довѣренность къ людямъ меня одушевляли. Теперь тщетно усиливаюсь удержать огонь сердечный; искра за искрой улетаетъ и на горячій еще пепелъ опытъ подливаетъ ежедневно холодной воды. Не отыскивай въ этомъ иносказательнаго смысла; это такъ, маленькій сплинъ; но я люблю людей, уважаю всѣ ихъ слабости и никогда не хотѣлъ бы жить въ пустынѣ. Дай Богъ, чтобы, при моемъ счастьи по службѣ, ты больше имѣлъ бы во всемъ другомъ успѣха. Въ этомъ и сомнѣваться нельзя; образъ воспитанія Вашего ужъ не похожъ на нашъ старинный; насъ выпускали въ свѣтъ почти Канадскими дикарями. Я очень радуюсь доброму окончанію твоего экзамена и отъ всей души поздравляю съ ефрейторскимъ чиномъ: это точно хорошая надежда быть камеръ-пажемъ; дай Богъ, дай Богъ!

Сегодня я обѣдалъ у твоего папеньки и порученіе къ сестрицѣ передалъ исправно; но она оправдывается и говоритъ, что часто и много къ тебѣ пишетъ. Разумѣется, я преклонилъ голову предъ такимъ отзывомъ и предоставляю Вамъ судиться между собою, тѣмъ болѣе, что ты и безъ того называешь меня пристрастнымъ. Конечно, по давнему знакомству, я болѣе другихъ могу оцѣнить душевныя качества Елисаветы Андреевны, но она, и по общему мнѣнію, прекрасная дѣвушка, милое созданіе, которое иногда можно называть еще и дитей. Заботливая и почтенная Юлія Ивановна ведетъ ее очень хорошею стезею и нѣтъ сомнѣнія, что въ будущую зиму она сдѣлаетъ еще болѣе блеска. Боюсь заговориться!

Папенька и маменька твои здоровы; я у нихъ по прежнему, и мнѣ, право, совѣстно, что мои родные не могутъ платить тебѣ въ такой же мѣрѣ ласками. Сдѣлай дружбу, бывай у нихъ, когда только имѣешь свободное время; ужъ вѣрно они всегда будутъ рады тебя видѣть. Мое свиданіе также не за горами; но не прежде, какъ 14 или 15-го апрѣля надѣюсь обнять тебя; тогда обѣщаю разсказать тебѣ болѣе подробностей.

Дай Богъ, чтобы ты нашелъ во мнѣ тѣже дружескія чувства, которыя привыкъ встрѣчать всегда и которыя искренно питаетъ къ тебѣ твой преданный и обнимающій тебя другъ.

Н. Ушаковъ.

P. S. Братъ мой благодаритъ за поклонъ и также тебя цѣлуетъ.

7.

Варшава, 8 іюля 1836 г.

Можетъ быть, милый и любезный Володя, ты начинаешь скучать моимъ молчаніемъ, можетъ быть, начинаешь думать, что послѣ знакомства съ семействомъ Р. я холоднѣе принимаю участіе во всемъ до тебя касающемся и первый разъ въ жизни, можетъ быть, выводишь заключеніе о непостоянствѣ общественныхъ отношеній. Но я ничего не имѣю на совѣсти и чистосердечно скажу тебѣ, что, не смотря на нѣкоторые поводы, впрочемъ отъ тебя не зависящіе, люблю тебя по прежнему безкорыстно. Послѣ такого вступленія ты можешь повѣрить, что успѣшный экзаменъ твой меня очень и очень обрадовалъ. Поздравляю тебя, мой дружокъ, съ скорымъ поступленіемъ въ камеръ-пажи—и какъ высоко ты всталъ между товарищами! Представь себѣ и мое торжество: я первый получилъ это пріятное извѣстіе и былъ первымъ добрымъ вѣстникомъ въ Вашемъ семействѣ. Папенька на этотъ разъ былъ очень занятъ въ своемъ кабинетѣ и никто не смѣлъ его потревожить, но послѣ долгихъ приготовленій сестрица твоя рѣшилась наконецъ войти къ нему и онъ услышалъ объ этомъ съ особеннымъ восхищеніемъ. Тотчасъ пошли толки; каждый началъ воображать тебя ужъ офицеромъ, кто коннымъ, кто пѣшимъ или артиллерійскимъ; но я далъ имъ искусно замѣтить, что едва ли по лѣтамъ твоимъ тебѣ достанется на будущій годъ надѣть офицерскій мундиръ, и къ удивленію моему папенька этимъ не огорчается. Наконецъ черезъ недѣлю дошло и къ нимъ твое письмо. Счетъ былъ разсмотрѣнъ безпристрастно и въ самомъ дѣлѣ нашлись излишки, особенно въ расходахъ не совсѣмъ опредѣленныхъ. Въ слѣдствіе окончательнаго рѣшенія, тебѣ, кажется, уже послана 1000 р. а. на первую обмундировку, остальное принадлежитъ къ годовому обыкновенному твоему содержанію и ты будешь получать это отъ времени до времени. Сверхъ денегъ собираются выслать тебѣ еще дюжину батистовыхъ платковъ, которые здѣсь несравненно дешевле;

но ты дожидай ихъ съ курьеромъ. Въ денежныхъ издержкахъ постарайся быть аккуратнымъ и не худо вести отчетъ въ особой тетрадкѣ. Это пріучаетъ молодого человѣка къ бережливости, а она для тебя необходима, потому что папенька не имѣетъ многаго; ты знаешь, что я всегда говорю тебѣ правду. Къ кругу здѣшнихъ родныхъ твоихъ присоединилась новая чета Николай Михайловичъ Дараганъ съ женою прибылъ сюда третьяго дня. Незнакомая твоя тетенька женщина тихая и добрая, но не красавица. Я бываю у Вашихъ почти ежедневно, но долженъ признаться, что стараюсь сокращать мои посѣщенія по неволѣ, отъ одной причины, которую, можетъ быть, къ твоему удивленію, разскажу тебѣ при свиданіи, и ты вѣрно меня оправдаешь. Болѣе о себѣ новаго сказать не нахожу. Съ пріѣзда я все еще въ хлопотахъ и за литературу не принимался, даже успѣлъ прочитать весьма немногое. Братъ мой щеголяетъ въ адъютантскомъ костюмѣ и занятъ съ утра до ночи. У насъ лѣто холодное, частые дожди и купаться почти невозможно.

Надѣюсь, что по возвращеніи изъ лагеря ты подаришь меня еще однимъ письмецомъ. До тѣхъ поръ прощай, мой неоцѣненный Володя! Мысленно и дружески обнимая тебя, остаюсь съ искренними желаніями всего лучшаго твой преданный

Н. Ушаковъ.

P. S. Братъ мой тебѣ кланяется; онъ адъютантомъ при генералѣ Рейбницѣ, котораго дѣти съ тобою въ корпусѣ; напиши, какъ они учатся. Директору Вашему засвидѣтельствуй отъ меня почтеніе.

8.

Варшава, 10 сентября 1836 г.

Мнѣ начинала закрадываться въ голову мысль, что ты разлюбилъ меня, милый и дорогой Володя! Такъ давно не имѣлъ отъ тебя писемъ и, особенно, не получалъ отвѣта на мои строки, посланныя къ тебѣ въ половинѣ іюля; и до сихъ поръ еще не знаю, дошло ли исправно это письмо; но, по крайней мѣрѣ, я успокоенъ теперь твоимъ пріятнымъ увѣдомленіемъ отъ 28 августа. Ты все такой же добрый и любезный юноша и я дружески протягиваю тебѣ руку. Очень благодаренъ, мой милый дружокъ, что при многочисленныхъ упражненіяхъ твоихъ ты удѣлилъ часокъ для меня. Письмо твое я, разумѣется, показывалъ роднымъ. Сестрица твоя позавидовала моему удовольствію; папенька

остался очень доволенъ слогомъ и мыслями твоими; онъ не утерпѣлъ, чтобы не прочитать письма при гостяхъ и повторялъ не разъ, что ты въ этомъ отношеніи начинаешь походить на него, т. е. пишешь только дѣльное и лишними фразами не обременяешь бумаги. Я за тебя былъ въ восхищеніи и съ радостію сообщаю тебѣ такіе интересные отзывы въ полномъ упованіи, что тебя похвалы не испортятъ. Мы боялись, чтобы папенька не обратилъ вниманія на расходы для театра, но онъ такъ былъ доволенъ, что не сдѣлалъ никакого на этотъ счетъ замѣчанія. Впрочемъ, по моему мнѣнію, театръ въ твоемъ званіи и въ твои лѣта нельзя принимать за одно удовольствіе: онъ также есть средство къ образованію и необходимъ послѣ Вашихъ ежедневныхъ занятій, послѣ физики Нечаева и *піитики* Матвѣя Ивановича, которому, между прочимъ, прошу сказать мое искреннее уваженіе и то, что я въ восторгѣ, слыша такіе лестные обо мнѣ отзывы отъ стараго и достопочтеннаго моего учителя. Тебѣ, вѣрно, нѣтъ времени читать длинныя письма, но надобно же помѣстить здѣсь какой нибудь отчетъ о себѣ. Я по прежнему бываю въ Вашемъ семействѣ и по прежнему сержусь на нѣкоторыхъ. Можетъ быть, онѣ и невинны, но я въ правѣ также дѣлать свое заключеніе по признакамъ. Впрочемъ, будь увѣренъ, что я питаю къ роднымъ твоимъ тѣ же самыя чувства преданности, и, наконецъ, никакія обстоятельства не заставятъ разлюбить моего дорогого Володю. Съ самаго возвращенія изъ Петербурга занятія мои не имѣютъ толку; Богъ знаетъ чѣмъ обременена голова; хочешь дѣлать одно, а думаешь другое, и тѣмъ досаднѣе, что всегда мысли несбыточны. Такое состояніе ума и души могу оправдать только теперешними у насъ фронтовыми занятіями: частые смотры, ученья и маневры совершенно отвлекаютъ отъ литературы. Мы съ нетерпѣніемъ ожидали сюда Государя, но общее желаніе такъ неожиданно разрушено. Послѣзавтра я ѣду сопутствовать фельдмаршалу въ Ковно и Динабургъ для осмотра перваго пѣхотнаго корпуса. Мы уже тамъ были въ послѣднихъ числахъ августа и, представь, что это только въ 500 верстахъ отъ Петербурга! Поѣздка продлится десять дней, но всѣ эти хлопоты окончатся едва къ 1-му октября, потому что здѣсь еще Его Свѣтлость будетъ осматривать 4 пѣхотный корпусъ, собранный теперь подъ Варшавой. Затѣмъ наступятъ зимняя тишина и увеселенія; но мы и въ настоящее время не безъ нихъ. Труппа Турньера, изъ Парижа, изумляетъ теперь насъ необыкновенною ловкостью на лошадяхъ: это совершенныя чудеса и я бы охотно описалъ тебѣ одинъ образчикъ, но въ моемъ письмѣ и безъ того такъ много недѣльнаго, что право пора кончить; развѣ еще нѣсколько словъ о родныхъ твоихъ. Они всѣ, благодаря Бога, здоровы; 5-го сентября праздновали имянины твоей сестрицы и даже немного танцовали, но это вѣрно опишетъ тебѣ Елисавета Андреевна. Прощай,

мой любезный Володя! Дай Богъ тебѣ побольше силъ къ вящему пріобрѣтенію познаній и здоровья къ перенесенію нынѣшнихъ безпрерывныхъ занятій. Какъ бы мнѣ хотѣлось посмотрѣть на тебя въ камеръ-пажескомъ мундирѣ! Но до этого пріятнаго случая ограничусь заочнымъ поцѣлуемъ, который посылаетъ тебѣ твой искренній другъ

Н. Ушаковъ.

P. S. Братъ мой тебѣ кланяется; Кованько сюда еще не прибылъ.

9.

Варшава, 8 октября 1836 г.

На такое милое письмецо, какое я получилъ отъ тебя, безцѣнный дружокъ Володя, отъ 18 сентября, грѣшно было бы опаздывать съ отвѣтомъ. Я съ первою почтою спѣшу отвѣчать тебѣ на него и вмѣстѣ съ тѣмъ увѣрить, что твоя привязанность ко мнѣ истинно меня восхищаетъ. Дай Богъ, чтобы у тебя всегда въ памяти оставалось сколько нибудь для меня мѣстечка. Я, разумѣется, не могъ прочесть въ Вашемъ миломъ семействѣ послѣднихъ твоихъ строкъ. Тамъ заключаются такія извѣстія, которыя могли бы огорчить папеньку. Въ самомъ дѣлѣ, что это за люди, которые столь увѣрительно разсказываютъ о моемъ сватовствѣ. Конечно нѣтъ ничего необыкновеннаго для дѣвушки быть чьей либо невѣстой; но если объ этомъ говорятъ безъ всякаго повода, тогда подобные разсказы можно отнести къ похвальбѣ и, разумѣется, вся вина пала бы на меня. Да, сестра твоя отлично достойная дѣвушка, всякій будетъ съ нею счастливъ, но къ сожалѣнію она привыкла меня такъ часто видѣть, что для нея я, можетъ быть, сдѣлался скучнымъ и даже вовсе неинтереснымъ, а юное сердце любитъ лучше въ этомъ случаѣ загадку, нежели рѣшенный вопросъ. Не такъ я думаю и не таковы мои чувства къ прекрасной Елисаветѣ Андреевнѣ; но на это она не обращаетъ никакого вниманія и вотъ почему въ моемъ безуміи я иногда позволяю себѣ сердиться на *нѣкоторыхъ*. Кто же эти нѣкоторые? Она, она одна. Пожалуйста не смѣйся надо мной; я говорю тебѣ серьезно и желалъ бы знать, отчего ты хохоталъ отъ всей души, услышавъ Петербургскія вѣсти. Но перемѣнимъ разговоръ. Я вчера разстался съ братомъ; онъ со своею дивизіею пошелъ на зимнія квартиры въ Калишъ и мы увидимся не прежде, какъ мѣсяца черезъ два, и то не надолго. Впрочемъ, Калишъ не такъ далеко отсюда и сношенія письменныя

можно имѣть часто. Теперь у насъ вообще время разставаній; Дараганъ Н. М. также сегодня отъѣзжаетъ съ супругою въ Люблинъ до будущаго лѣта. Меньшой братъ его Михайло остается покуда здѣсь въ караулѣ со своею батареею. Къ Кондзеровскому пріѣхала на дняхъ его жена изъ Малороссіи, весьма милая дама; но они также не остаются въ Варшавѣ. Маменька твоя такъ привыкла къ этимъ гостямъ, что теперь ей будетъ скучно. Для развлеченія она начала брать уроки верховой ѣзды и къ этому приготовляютъ также твою сестрицу. Не знаю, какой будетъ успѣхъ, но Елисавета Андреевна покуда въ восхищеніи отъ такой новости. Выходитъ, что ты очень кстати писалъ ей про степь и коней. У Васъ въ семействѣ всѣ, благодаря Бога, здоровы. Папенька занятъ по прежнему и нѣтъ никакой надежды, чтобы онъ могъ пріѣхать въ Питеръ ранѣе твоего выпуска. Впрочемъ, теперь эта поѣздка была бы собственно для удовольствія тебя видѣть, а тогда будетъ нужда и польза. Что до меня, то я точно собирался въ отпускъ, но прежде половины декабря не могу оставить Варшавы. Мнѣ бы очень хотѣлось пожить въ Петербургѣ безъ службы хоть недѣли двѣ; тогда бесѣды наши были бы не урывками и слѣдовательно гораздо пріятнѣе. Частыя поѣздки, которыя имѣлъ я въ нынѣшнемъ году, и это приготовленіе къ отпуску совсѣмъ отвлекли меня отъ любимыхъ занятій. Представь, что я не принимался за перо, чтобы начать какую нибудь новую дѣльную работу. Совѣсть убиваетъ, и хочу теперь въ разлукѣ съ братомъ и на просторѣ поправить потерянное время. Если дѣло пойдетъ на ладъ, напишу, что это будетъ за затѣя. Ваня [1]) вѣрно тебѣ разсказалъ, что и онъ трудится, по моему совѣту, надъ однимъ предметомъ. У него есть хорошія способности и жаль было бы не воспользоваться ими. Желаю, чтобы вы любили другъ друга и очень радъ, что онъ тебя навѣщаетъ. Пожалуйста, бывай у него: это мой большой фаворитъ. A propos: здѣсь я видѣлъ вашего Десентлорана; онъ служитъ у насъ въ арміи въ саперахъ. Твои родные много спрашивали у него объ тебѣ и восхищаются его отзывами. Пожалуйста, не оставляй меня безъ увѣдомленій и вѣрь, что искренно тебя любитъ твой преданный и мысленно цѣлующій тебя Н. Ушаковъ.

P. S. Мой братъ тебѣ кланяется.

---

[1]) Иванъ Николаевичъ Скворцовъ.

10.

Варшава, 12 ноября 1836 г.

На этой недѣлѣ я съ большимъ нетерпѣніемъ ожидалъ письмеца твоего, милый, безцѣнный Володя, но боялся однакоже, что за недосугомъ ты не успѣешь отвѣчать мнѣ. Посуди послѣ этого, съ какимъ удовольствіемъ я получилъ любезныя твои строки отъ 2 ноября. Объясненія твои, разумѣется, не вполнѣ меня удовлетворили; я никакъ не могу догадаться, что значитъ другая причина, подчеркнутая два раза, и по неволѣ оставляю бесѣду объ этомъ до личнаго съ тобою свиданія. Впрочемъ, ты ошибаешься, если думаешь, что эта причина въ Петербургѣ. Искренно благодарю тебя за милую откровенность и въ особенности за то сознаніе, которымъ ты такъ хорошо выразилъ свои ко мнѣ отношенія. Повѣрь, что и я не считаю тебя иначе, какъ роднымъ, но чувства эти внушены мнѣ также твоимъ прекраснымъ характеромъ и изъявляемою ко мнѣ привязанностью, а не другими какими притязаніями. Ты увидишь потомъ, что это сущая истина и что никакія обстоятельства не уменьшатъ мою къ тебѣ дружбу. Я долженъ предварить тебя, милый другъ, что послѣднее письмецо твое я имѣлъ неосторожность показать Юліи Ивановнѣ. Отъ нея я ничего не скрываю; но вотъ бѣда, что во время чтенія вошелъ въ комнату твой папенька; онъ замѣтилъ, что письмо мною было спрятано и очень любопытствовалъ узнать о причинѣ. Разумѣется, мы ея не сказали, но, во всякомъ случаѣ, я не думаю, чтобы Юлія Ивановна утаила отъ него содержаніе, и, можетъ быть, тебѣ поэтому сдѣлаютъ маленькій выговоръ за письменныя объясненія со мною. Пожалуйста, не сердись на меня. Ваши всѣ здоровы, исключая папеньки, который сильно страдалъ зубами и теперь еще имѣетъ опухоль на щекѣ, отъ дурной и очень продолжительной операціи. Обстоятельство это было причиною, что послѣднія двѣ недѣли Е. А. не выѣзжала на вечера и слѣдовательно не танцовала. Отсутствіе ея было замѣчено всѣми, и послѣ этого можешь судить, какъ она интересна. Предположено, что Юлія Ивановна и Е. А. будутъ въ теченіе зимы брать уроки верховой ѣзды у славнаго Турньера, котораго труппа показываетъ здѣсь чудеса на лошадяхъ. А учишься ли ты теперь верхомъ? Въ твои лѣта это составляетъ особенное наслажденіе и притомъ оно такъ необходимо для человѣка страстно любящаго тактику. Я очень радъ, что въ исторіи и статистикѣ вкусъ нашъ одинаковъ; для меня науки эти также составляютъ исключительную прелесть. Но зачѣмъ же такая жестокая немилость противъ математики? Правда она для юноши Аравійская пустыня; однакожъ и въ ней есть свои

оазисы, особенно въ прикладныхъ частяхъ, какъ-то: въ физикѣ, механикѣ и химіи; эти три науки могутъ вполнѣ вознаградить сухость первоначальныхъ занятій математики и потомъ надо любить сію послѣднюю, потому что она пріучаетъ насъ разсуждать и сближаетъ всего лучше съ логикою. Если можно дѣлить науки на романтическій и классическій разрядъ, то исторія, статистика и словесность болѣе принадлежатъ къ первому, а математика къ послѣднему. Вся важность въ томъ, чтобы учитель умѣлъ къ ней пріохотить, а право есть чѣмъ возбудить юношеское любопытство. Успѣхи твои на скрипкѣ восхищаютъ папеньку; что касается до танцевъ, то онъ не ожидаетъ отъ тебя мастерства, и не знаю, почему. Я очень радъ, что ты выбралъ наконецъ время завернуть къ моимъ племянникамъ. Они истинно добрые молодые люди; дай Богъ только, чтобы Петербургъ и гвардія ихъ не испортили. Лучшая отъ этого защита - занятія умственныя, и вотъ почему я предложилъ Ванѣ трудиться надъ переводомъ довольно нелегкой книги. Ты не пишешь ничего, понравилось ли тебѣ слышанное, и я очень любопытствую знать объ успѣхѣ, потому что онъ не присылалъ мнѣ еще ни одного отрывка. Мои занятія не представляютъ еще почти никакого результата; служба не даетъ возможности посвятить себя исключительно какому-нибудь труду. Притомъ ты знаешь, что я собираюсь въ отпускъ, и эта мысль также препятствуетъ иногда прилежанію. Въ половинѣ декабря думаю быть уже въ дорогѣ, но въ Петербургъ едвали явлюсь прежде половины января, потому что поѣду черезъ Москву и Ярославль въ наше маленькое имѣніе. Тысячи удовольствій доставитъ мнѣ этотъ отпускъ, но между пріятнѣйшими занимаетъ свиданіе съ тобою. Надѣюсь тогда имѣть больше способовъ доставить тебѣ развлеченіе, а не удерживать тебя, какъ прежде, въ стѣнахъ Лондонскаго трактира. Если ты будешь имѣть досугъ, то напиши мнѣ еще одно письмо сюда. Мы ожидаемъ сюда завтрешній день Его Высочество Михаила Павловича, возвращающагося въ Россію изъ Германіи. Для него здѣсь готовится у фельдмаршала большой балъ, но еще неизвѣстно, останется ли здѣсь сколько нибудь Великій Князь или поспѣшитъ въ Петербургъ. Прощай, милый Володя; желаетъ тебѣ всего лучшаго и обнимаетъ тебя искренно твой преданный и любящій тебя

другъ Н. Ушаковъ.

11.

Варшава, 10 декабря 1836 г.

Ты исполнилъ мою просьбу и премного одолжилъ меня, безцѣнный другъ Володя, письмомъ своимъ отъ 20-го ноября. По необыкновенному замедленію почты, я получилъ твои строки только вчера и, признаюсь, уже началъ было горевать, что нѣтъ отъ тебя извѣстій. Чтобы доказать, какъ мнѣ пріятно съ тобою бесѣдовать, я отвѣчаю на другой день, не смотря на то, что вчерась въ часъ пополуночи возвратился домой съ дежурства, а сегодня рано отходитъ почта. Скажи объ этомъ твоему товарищу философу, и пусть онъ потѣшится на мой счетъ въ изысканіяхъ корыстныхъ видовъ, которые могли бы истолковать мою особенную къ тебѣ привязанность. Не желаю для себя никакихъ испытаній - человѣкъ, правда, болѣе или менѣе эгоистъ,— но увѣренъ, что если не вѣчно, то мы долго и долго останемся съ тобою друзьями; по крайней мѣрѣ, я надѣюсь доказать это съ моей стороны. Пожалуйста, милый, добрый юноша, не слушай этихъ безбородыхъ Вольтеровъ: я видѣлъ ихъ и въ мое время; они жалкіе отголоски родительскаго образа мыслей или пустомели, не разсуждавшіе о томъ, что имъ удалось прочитать. Насчетъ математики начинаю примиряться съ тобою: разумѣется, прикладная часть этой холодной науки есть самая любопытная. Радъ душевно, что тебя занимаютъ механика, химія и физика, но изученіе этихъ предметовъ тѣсно соединено съ формулами, и такъ, волею или неволею, ты долженъ будешь попробовать прежде черстваго и горькаго, чтобы потомъ съ большимъ наслажденіемъ приняться за сладости. Объ исторіи и статистикѣ мы поспоримъ съ тобою при свиданіи и поспоримъ, какъ я угадываю, жестоко, а теперь нѣсколько словъ о другомъ. Мое пребываніе въ Варшавѣ, кажется, не должно продлиться за 15-е декабря. Я совершенно готовъ въ дорогу и одна остановка только за тѣмъ, что Свѣтлѣйшему нужно подписать нѣсколько бумагъ по моей части, которыя обѣщано рѣшить завтра. За всѣмъ тѣмъ не могу еще съ вѣроятностью утѣшать себя мыслью скораго свиданія съ родными и съ тобой, мой милый дружокъ! Безъ окончанія дѣлъ по службѣ мнѣ нельзя отсюда ѣхать, а окончаніе зависитъ отъ фельдмаршала. Братъ мой собрался ѣхать также со мной; онъ теперь здѣсь и тебя цѣлуетъ заочно. Мы сначала предполагаемъ ѣхать въ Москву, а въ Петербургѣ, если Богъ благословитъ, надѣюсь быть не позже 15-го января. Мнѣ пріятно видѣть, что ты предпочитаешь мою бесѣду всѣмъ другимъ развлеченіямъ, которыя я для тебя обѣщаю, но не безпокойся; у меня уже обдумано, какъ со-

единить то и другое. У Васъ въ семействѣ всѣ, благодаря Богу, здоровы, но папенька никуда не выѣзжаетъ: ему дергали зубъ; операція эта, по неискусству врача, была повторена нѣсколько разъ и теперь онъ боится простуды. Елис. Андр. сбираются прививать оспу: это, надобно тебѣ сказать, вошло здѣсь въ моду; мнѣніе нашихъ медиковъ и одинъ случай съ дамою, которой лицо подверглось страшному искаженію, такъ встревожили прекрасный полъ, что всѣ, для безопасности, полагаютъ необходимымъ прививать себѣ оспу другой разъ, хотя бы она въ дѣтствѣ и принялась хорошо. Такой ужасъ весьма извинителенъ милому полу: онѣ, въ нашъ испорченный вѣкъ, вправѣ думать, что мужчины безъ наружной красоты не могутъ ихъ любить. Мнѣніе обидное! 6-го декабря у насъ, т. е. въ домѣ Свѣтлѣйшаго, былъ блистательный балъ; не спрашивай у меня, кто больше всѣхъ мнѣ понравился: отвѣтъ ты угадаешь заранѣе. Елис. Андр. была въ бѣломъ платьѣ съ прекрасными локонами на головѣ и заслужила опять самые лестные отзывы. Подробности объ ней надѣюсь разсказывать тебѣ при скоромъ свиданіи нашемъ, а въ эту минуту пора сказать тебѣ прости. Будь здоровъ, мой безцѣнный дружокъ, прими мой заочный поцѣлуй и вѣрь искренней дружбѣ твоего преданнаго Н. Ушакова.

P. S. Удивляюсь, какъ могутъ тебѣ нравиться сонеты Бутырскаго; я читалъ нѣкоторые изъ нихъ въ печати; они были присланы особо фельдмаршалу; это такая дичь и вздоръ, что трудно повѣрить, какъ можно въ наше время и еще профессору, не стыдясь самого себя, писать и печатать подобныя вдохновенія: далеко куцому до зайца, такъ и Г-ну Б. до Державина. Если бы, сверхъ чаянія, отъѣздъ мой отсюда замедлился по обстоятельствамъ еще на неопредѣленное время, то я напишу тебѣ, милый дружокъ, чтобы наша корреспонденція не прерывалась, потому что мнѣ очень грустно будетъ не получать отъ тебя долго писемъ.

12.

Варшава, 3-го іюня 1837 г.

Я увѣренъ, милый дружокъ Володя, что послѣ нашей разлуки я первый возобновляю переписку и нынѣшнимъ письмомъ моимъ предупредилъ твое желаніе писать ко мнѣ. Это не хвастовство, а усердное доказательство, какъ много я люблю тебя и какъ пріятно мнѣ бесѣдовать съ тобою хоть издали. Мы въ Варшавѣ съ 28 мая. Путешествіе наше окончилось благополучно. Князь въ имѣніи пробылъ всего че-

тыре дня; занимался наиболѣе распоряженіями къ перестройкѣ пожалованныхъ домовъ: предположенія великолѣпныя; работы уже начались, но это будетъ стоить около 600 т. р. Отъ Могилева до Варшавы мнѣ пришлось почти все время находиться въ дормезѣ съ Его Свѣтлостью. Въ Бобруйскѣ и Брестѣ фельдмаршалъ осматривалъ двѣ дивизіи; на мою долю пришлось довольно усталости послѣ Гомельскаго кейфа. Я надѣялся отдохнуть въ Варшавѣ, но вчерась получилъ приказаніе готовиться также къ отъѣзду за границу, куда Свѣтлѣйшій выѣзжаетъ около 10-го іюня. И такъ я увижу новую для меня часть Европы! Путешествіе весьма лестное, полезное и, кажется, пріятное. Можетъ быть, мнѣ удастся начернить какой нибудь журналъ для общаго родныхъ моихъ и твоего любопытства; но это, впрочемъ, не обѣщаніе, а только еще первая мысль, такъ сказать, сгоряча. Семейство Ваше, благодаря Бога, здорово и меня приняло съ тою же благосклонною внимательностью. Они послѣзавтра ѣдутъ въ Карлсбадъ и ты не можешь себѣ вообразить, въ какомъ восхищеніи Юлія Ивановна и еще болѣе Елисавета Андреевна отъ этой поѣздки. Они берутъ съ собою четырехмѣстную карету. Любовь Ивановнѣ Богъ далъ дочку и сегодня маменька твоя креститъ у нихъ съ генераломъ Гилленшмитомъ. У насъ сейчасъ дивизіонное ученье и я тороплюсь не опоздать. Надѣюсь, что ты, милый дружокъ, будешь писать ко мнѣ по прежнему, и покуда Ваши за границей, адресуй къ нимъ письма на мое имя: мнѣ отсюда будутъ пересылать вѣрнѣе, для доставленія твоему папенькѣ. Охъ, какъ онъ много распрашивалъ о тебѣ, именно, съ отеческою нѣжностью и любопытствомъ! Голицынъ всячески старался уговорить о позволеніи служить тебѣ въ кавалергардахъ или конной гвардіи. Сестрица твоя также восхищалась этою мыслью, но папенька остался непреклоненъ и потому, единственно, что не достаетъ для этого матеріальныхъ средствъ. Прощай, мой милый и и безцѣнный Володя! Да благословитъ тебя Богъ на все доброе и возвышенное. Кланяйся отъ меня Натальѣ Андреевнѣ и люби по прежнему твоего вѣрнаго друга Н. Ушакова.

P. S. Я заказалъ себѣ партикулярное платье и во вторникъ надѣюсь щеголять во фракѣ.

13.

Теплицъ, 5 іюля 1837 г.

Ты вѣрно не ожидаешь получать отъ меня отсюда письма, милый и любезный дружокъ Володя! Мы здѣсь уже около трехъ недѣль и

послѣзавтра выѣзжаемъ обратно въ Варшаву. Можешь представить, какъ я жалѣю, что мы пробыли за границей такой короткій срокъ: что можно было увидѣть и замѣтить любопытнаго въ одинъ мѣсяцъ? Отъ Варшавы мы, можно сказать, проскакали чрезъ Силезію, Саксонію и Богемію; въ Бреславлѣ перемѣнили только лошадей, а въ Дрезденѣ хотя пробыли сутки, но при неизбѣжныхъ хлопотахъ и покупкахъ мнѣ удалось только пробѣжать по знаменитой картинной галлереѣ и взглянуть на королевскій арсеналъ—богатѣйшее собраніе древняго оружія, въ числѣ котораго находится первое изобрѣтенное ружье, пистолеты Карла XII, шпага Петра Великаго, которою онъ помѣнялся съ Сакс. и Польск. королемъ Августомъ II и сѣдло Наполеона. Какъ бы то ни было, но это коротенькое путешествіе оставляетъ во мнѣ многія пріятныя впечатлѣнія. Я познакомился, хотя очень поверхностно, съ сосѣднею намъ частію Европы и видѣлъ мѣста, ознаменованныя важнѣйшими событіями многихъ продолжительныхъ и кровопролитныхъ войнъ каковы: тридцатилѣтняя, семилѣтняя и 813 года. Теперь здѣсь тишина и благоденствіе. Силезія и Саксонія особенно отличаются благосостояніемъ народа; какіе города и селенія, какая разработка земли! Въ Богеміи тоже хорошо, но нѣтъ этого довольства, этого единообразнаго совершенства, котораго ничему болѣе нельзя приписать, какъ благотворному дѣйствію очищенной нравственности — плоду лютеранской религіи; а въ Богеміи, какъ ты знаешь, законъ католическій, хотя не столько исполненный фанатизма, какъ въ Польшѣ и въ Италіи, но допускающій тунеядство и праздность подъ рясою монашескихъ орденовъ; отъ этого здѣсь есть уже и бѣдность, и нужда, которыхъ въ Саксоніи, а въ особенности въ Силезіи, нельзя встрѣтить. Мнѣ еще многое надобно написать тебѣ, а времени остается очень мало; и такъ перейду къ Теплицу. Городокъ этотъ заключаетъ въ себѣ съ небольшимъ 3 т. жителей, построенъ хорошо и лежитъ между горами, посреди весьма пріятныхъ окрестностей, неподалеку отъ Кульма, прославленнаго пораженіемъ въ 813 г. Вандама и мужествомъ русской гвардіи, подъ предводительствомъ гр. Остермана и Ермолова. Здѣшнія минеральныя воды употребляются большею частью для ваннъ; устройство сихъ послѣднихъ хорошо, но далеко не сравнится съ кавказскимъ: тамъ еще многое не приведено къ концу; но уже и до сихъ поръ правительство наше разсыпало щедрою рукою тысячи различныхъ пособій на пользу общую; здѣсь, напротивъ, все, что есть, сдѣлано частными людьми для своего дохода. Когда нибудь я разскажу тебѣ это подробнѣе. Нынѣшній съѣздъ въ Теплицѣ довольно значителенъ и къ августу мѣсяцу число посѣтителей увеличится еще болѣе. Теперь здѣсь Прусскій Король съ принцессою Льгницъ, сынъ его Принцъ Карлъ, тотъ самый, который былъ въ Петербургѣ недавно. Въ свитѣ короля находится Александръ Гум-

больдъ, знаменитый путешественникъ и географъ. Кромѣ этихъ особъ здѣсь также маршалъ Мармонтъ, Герцогъ Рагузскій. Я былъ представленъ къ Королю и Принцу Карлу, а также отрекомендованъ Мармонту и Гумбольду, и съ двумя послѣдними обѣдалъ у фельдмаршала нашего. Король здѣсь живетъ, какъ и всѣ вообще, безъ этикета, ходитъ во фракѣ, посѣщаетъ публичныя гулянья ежедневно, каждый день бываетъ въ театрѣ и не пропускаетъ ни одного собранія; своею добротою и кротостью онъ заставляетъ позабывать санъ свой. Теплицъ его любимое лѣтнее мѣстопребываніе: онъ пріѣзжаетъ сюда каждый годъ, не взирая на то, что это земля другого государства. На дняхъ я ѣздилъ также въ Карлсбадъ къ твоимъ роднымъ; они, благодаря Бога, здоровы; папенька и маменька пьютъ воду, а Елисавета Андреевна не пользуется ничѣмъ. Я доставилъ ей твое послѣднее, довольно длинное письмо насчетъ экзамена, адресованное ко мнѣ въ конвертѣ. Мы вообще посмѣялись тому припадку ипохондріи, которымъ ты былъ одушевленъ въ то время. Богъ знаетъ, чего тебѣ вздумалось увѣрять, что ты печальнаго характера, любишь уединеніе и проч.—это пахнетъ романтизмомъ; впрочемъ, дурного ничего тутъ нѣтъ, я только противорѣчу въ томъ, что ты милый и пріятный юноша, а не рыцарь печальнаго образа. Родные твои пробудутъ въ Карлсбадѣ еще около двухъ недѣль, а потомъ переѣдутъ въ Теплицъ, гдѣ Андрей Яковлевичъ долженъ взять 15 ваннъ. Потомъ они еще не рѣшились, куда пуститься, и, можетъ быть, проѣдутъ прямо въ Малороссію. Я предлагалъ Елисаветѣ Андреевнѣ написать къ тебѣ нѣсколько строчекъ, но она сказала, что будетъ по окончаніи всего писать подробно. Обхожденіе со мною по прежнему, тогда какъ, напротивъ, папенька и маменька твои ласкаютъ меня совершенно по родственному. Карлсбадъ мнѣ понравился еще лучше Теплица; мѣстоположеніе его можетъ припомнить Кавказъ, а главный источникъ минеральныхъ водъ, называемый Шпрудель, есть истинный феноменъ: представь себѣ, что ключъ кипятка бьетъ на два аршина вверхъ изъ земли и обращаетъ въ камень все, что полежитъ въ его струяхъ нѣсколько часовъ. Я не окончилъ бы съ тобою разговора на десяти листкахъ, но курьеръ ждетъ меня и потому поспѣшаю сказать прости. Засвидѣтельствуй мое почтеніе Натальѣ Андреевнѣ, Вашему директору и М. И. Талызину. Если увидишь племянниковъ моихъ, то имъ также поклонись и скажи, что я отправилъ къ нимъ недавно пребольшое письмо. Дай Богъ тебѣ здоровья и счастья; дай Богъ, чтобы болѣзнь не повредила тебѣ въ старшинствѣ по балламъ и чтобы ты попрежнему былъ въ числѣ самыхъ первыхъ по наукамъ и прочему. Мысленно цѣлую тебя, остаюсь на вѣки твой искренній другъ

Н. Ушаковъ.

14.

Варшава, 28 іюля 1837 г.

Пробывъ здѣсь менѣе трехъ недѣль послѣ моего возвращенія изъ заграницы, я завтра опять пускаюсь въ отсутствіе, мой безцѣнный дружокъ Володя, и на этотъ разъ пробуду въ отсутствіи изъ Варшавы около полутора мѣсяца. Ты вѣрно уже слышалъ отъ моихъ племянниковъ, когда и какимъ образомъ мы вернулись изъ Теплица. Я охотно разсказалъ бы тебѣ объ этомъ, но теперь совершенно недосугъ и прошу дальнѣйшее считать за мной въ долгу. Впрочемъ, я писалъ тебѣ одинъ разъ изъ заграницы. Мы ѣдемъ сначало въ Ковно, гдѣ Государь Императоръ будетъ осматривать 1 пѣхотный корпусъ, а оттуда въ Кіевъ, и, можетъ быть, въ Вознесенскъ; легко случиться можетъ, что я успѣю побывать и въ Одессѣ, потому что туда отъ Вознесенска 120 верстъ и стыдно будетъ не употребить стараній побывать въ такомъ замѣчательномъ городѣ. Какую же кучу я приготовлю теперь разсказовъ для будущаго нашего свиданія, которое на этотъ разъ, такъ сказать, будетъ наканунѣ твоего офицерскаго чина! Съ большимъ удовольствіемъ могу сообщить тебѣ, что родные твои, благодаря Бога, здоровы; они теперь въ Теплицѣ и насчетъ ихъ возвращенія сюда ничего нельзя еще сказать вѣрнаго. Папенька твой долженъ былъ вернуться къ Высочайшему пріѣзду, но Императора теперь сюда не ожидаютъ, по случаю роспуска здѣшнихъ войскъ по квартирамъ, и легко станется, что Андрей Яковлевичъ проѣдетъ прямо въ Малороссію; по крайней мѣрѣ при свиданіи со мной онъ такъ загадывалъ. У Васъ теперь, вѣроятно, новая эпоха; прежніе товарищи твои должны быть уже офицерами, а ты безъ сомнѣнія разыгрываешь обязанность фельдфебеля. Душевно желаю, чтобы попрежнему тебя всѣ любили и чтобы не угасало въ тебѣ усердіе къ наукамъ и вообще къ образованности, основанной на нравственной чистотѣ. Я всегда и вездѣ твой защитникъ и дай Богъ, чтобы папенька, маменька и всѣ добрые люди нашли впослѣдствіи мои предсказанія о тебѣ справедливыми. Повѣрь, что мало кто желаетъ тебѣ столько счастья и столько тебя любитъ, какъ твой преданный другъ

Н. Ушаковъ.

15.

Г. Вознесенскъ, 25 августа 1837 г.

Меня преслѣдуютъ хлопоты, мой безцѣнный и милый Володя! Пріѣхавши въ Вознесенскъ, я полагалъ быть здѣсь гостемъ и зрителемъ, а вышло иначе. Въ военно-походной канцеляріи фельдмаршала, которую составляю я однимъ своимъ лицомъ, набралось и выросло столько дѣла, что право можно отъ такихъ заботъ потерять послѣдній здравый смыслъ, тѣмъ болѣе, что я цѣлый день не могу выйти изъ мундира, и поминутно, то сижу въ передней и принимаю гостей, то бѣгу въ палатку, гдѣ устроена моя канцелярія, и гляжу и распоряжаюсь писарями, которыхъ понабралъ здѣсь отъ всѣхъ возможныхъ частей войскъ. Вотъ тебѣ, милый другъ, вступленіе очень невеселое къ моему письму. Мы въ Вознесенскѣ третій день и пробудемъ, какъ кажется, до 4-го сентября, а тамъ куда, еще неизвѣстно. Государь изволилъ прибыть сюда еще 17-го августа и сдѣланными репетиціями смотровъ и маневровъ остался доволенъ. Вчера мы встрѣтили Императрицу, а въ ночь изволилъ прибыть Цесаревичъ; охъ! какъ онъ повозмужалъ послѣ вояжа! Теперь, дѣйствительно, на него уже нельзя смотрѣть, какъ на царственнаго юношу, но какъ на совершеннаго наслѣдника сильнаго престола. Великій Князь Михаилъ Павловичъ также здѣсь. Съ завтрешняго числа начнутся настоящіе смотры. Иностранцевъ любопытныхъ съѣхалось весьма много, изъ важнѣйшихъ—Австрійскій эрцгерцогъ Іоаннъ, два Прусскихъ принца и нѣсколько менѣе значительныхъ родственниковъ Германскихъ владѣльцевъ. Изъ русскихъ военныхъ здѣсь вся знать; между прочимъ князь Витгенштейнъ и генералъ Ермоловъ; оба они, и особенно первый, очень постарѣли. Въ заключеніе воинскихъ упражненій ожидаемъ большого бала, но женской публики, мнѣ кажется, здѣсь мало. Въ числѣ красавицъ почитаютъ М-me Бартоломей, твою дальнюю родственницу. Когда нибудь я опишу или разскажу тебѣ подробнѣе все, что захочешь узнать о Вознесенскѣ, который въ два мѣсяца изъ степного захолустья превратился въ весьма изрядный городокъ, новаго вкуса. Теперь пора къ другому предмету. Представь себѣ, что, проѣзжая Кіевъ, я неожиданно встрѣтился тамъ съ твоими родными; они изъ заграницы поѣхали въ Богодуховку и въ Варшавѣ проѣздомъ останавливались только на три дня. Папенька все еще жалуется на нездоровье, но маменька и сестра твоя въ самомъ цвѣтущемъ состояніи. Елисавета Андреевна даже выросла, но не скажу, чтобы похорошѣла, потому что въ моихъ глазахъ всегда была прекрасна. Они пробудутъ въ деревнѣ мѣсяцъ и возвратятся въ Варшаву въ исходѣ сен-

тября. Я получилъ отъ нихъ самое убѣдительное приглашеніе заѣхать къ нимъ, но не знаю, удастся ли выпроситься на возвратномъ пути отсюда; а я очень, очень желалъ бы посмотрѣть на то мѣсто, гдѣ Вы съ Елисаветой Андреевной рѣзвились дѣтьми. Забылъ сказать, что письмо твое отъ 29 іюля я получилъ по пріѣздѣ сюда. Искренно благодарю тебя за пріятное посланіе и радъ душевно, что могу опять поддержать твое обо мнѣ мнѣніе. Писать мнѣ, право, совершенный недосугъ, но бесѣда съ тобой совсѣмъ иное дѣло, и я для этого готовъ отнять послѣднее время отъ своего сна. При свиданіи съ твоими попеняю конечно въ особенности Елисаветѣ Андреевнѣ и это будетъ уже не въ первый разъ, потому что я дѣлалъ ей такое же замѣчаніе въ Кіевѣ. О нуждахъ твоихъ также не забуду разсказать. Прощай, мой дружочекъ. Цѣлую тебя отъ чистаго сердца и всегда остаюсь твой вѣрный другъ

Н. Ушаковъ.

P. S. Натальѣ Андреевнѣ засвидѣтельствуй мое почтеніе.

16.

Варшава, 16 сентября 1837 г.

Пишу къ тебѣ, мой милый дружокъ Володя, на третій день моего сюда возвращенія, съ полною увѣренностію, что ты порадуешься благополучному прибытію моему на мѣсто. Да! шестинедѣльное странствованіе со всѣми заботами и лишеніями заслуживаетъ порядочнаго кейфа и я теперь принимаюсь за это восточное наслажденіе, сидя въ своей прекрасной квартирѣ, въ турецкомъ халатѣ, съ роскошнымъ чубукомъ въ рубахѣ. Чудное твореніе человѣкъ! Жалуется на судьбу, ропщетъ на невыгоды жизни и своего положенія, но едва пригрѣло его солнышко, едва онъ выспался, какъ нужно,—все забыто опять до новыхъ приключеній и улыбка самодовольствія примиряетъ совершенно съ прошедшимъ. Ты можешь повѣрить, что мнѣ теперь хорошо, потому что я мечтаю, а мечтаютъ обыкновенно въ комфортабельномъ состояніи души и тѣла. Путешествіе наше окончилось совершенно благополучно. Насчетъ Вознесенска я писалъ уже тебѣ; многое, сверхъ того, ты прочтешь въ Высочайшихъ приказахъ; объ остальномъ почти нечего говорить. Труппа была тамъ самая незамѣчательная, изъ плохихъ русскихъ и французскихъ актеровъ; одинъ московскій артистъ

Щепкинъ отличался между ними. 30-го августа корпусъ офицеровъ давалъ въ Вознесенскѣ балъ Царской фамиліи, разумѣется, съ тѣми средствами, какія только могло отыскать усердіе воиновъ; но средства эти, разумѣется, не средства гражданъ большой столицы и потому балъ этотъ можно назвать хорошимъ военнымъ праздникомъ; подробности же ты можешь увидѣть изъ нынѣшняго моего письма къ Ванѣ и Жоржу. Изъ Вознесенска фельдмаршалъ отправилъ двухъ чиновниковъ, моихъ товарищей, обратно въ Варшаву, а меня только одного взялъ съ собою въ Одессу. Мы прибыли туда 6-го сентября утромъ и пробыли три дня. Городъ, точно, прекрасный и можетъ внушить поэтическія мысли. Видъ моря, на самомъ берегу котораго была наша квартира, меня плѣнилъ вполнѣ; я видѣлъ Каспійскія и Балтійскія волны, но на волны Чернаго моря мнѣ случилось взглянуть еще въ первый разъ; жаль очень, что неудалось покататься по заливу. Я и въ Одессѣ имѣлъ такъ мало досуга, что едва одинъ разъ удалось быть въ италіянскомъ театрѣ; представляли Клару фонъ Розенбергъ, музыка Риччи. Ты не можешь себѣ вообразить, какъ одно это представленіе испортило у меня всѣ прежнія понятія о С.-Петербургскомъ театрѣ. Отдаю Вамъ охотно Таліони и даже чету Петровыхъ за два спектакля италіянскихъ. Здѣсь точно ужъ игра настоящая, живое представленіе на сценѣ происшествій свѣтскихъ, украшенное восхитительною музыкою, которая исполняется съ такимъ талантомъ и искусствомъ, какое только свойственно италіянской оперѣ; и все это продолжается не за полночь, но два часа, не болѣе. Нѣтъ, милый Володя, кто не видѣлъ игры и не слышалъ пѣнія сыновъ Италіи, тотъ имѣетъ еще темное понятіе о прелестяхъ театра. Въ Одессѣ я также былъ приглашенъ на балъ, данный городомъ для Царской фамиліи; это происходило въ прекрасной биржевой залѣ, гдѣ столбы были украшены турецкими шалями, а на стѣнахъ уборной комнаты Императрицы висѣли виноградныя грозди въ такомъ изобиліи, что за собранный виноградъ въ Петербургѣ можно было бы взять 1000 р. Вообще Одесса и своимъ положеніемъ на берегу залива и своею торговою дѣятельностью оставили во мнѣ впечатлѣнія самыя пріятныя. Но городъ этотъ, кромѣ сала и дегтю, не имѣетъ въ себѣ чистаго русскаго духа: это иностранная колонія въ нашемъ отечествѣ или, по крайней мѣрѣ, самое пестрое гнѣздышко Руси, гдѣ слышишь столько же русскаго, сколько италіянскаго языка, гдѣ вывѣски на магазинахъ и лавкахъ почти большею частію иностранныя и гдѣ торговые обороты вытѣснили гостепріимство и радушіе славянъ. Населеніе Одессы простирается до 50 тыс. Мы оставили этотъ пріятный уголокъ ночью съ 8-го на 9-е число; свита Государя была уже на пароходѣ и на другой день утромъ Царская фамилія должна была отплыть къ Южному берегу Крыма. Я написалъ при выѣздѣ только къ

тября. Я получилъ отъ нихъ самое убѣдительное приглашеніе заѣхать къ нимъ, но не знаю, удастся ли выпроситься на возвратномъ пути отсюда; а я очень, очень желалъ бы посмотрѣть на то мѣсто, гдѣ Вы съ Елисаветой Андреевной рѣзвились дѣтьми. Забылъ сказать, что письмо твое отъ 29 іюля я получилъ по пріѣздѣ сюда. Искренно благодарю тебя за пріятное посланіе и радъ душевно, что могу опять поддержать твое обо мнѣ мнѣніе. Писать мнѣ, право, совершенный недосугъ, но бесѣда съ тобой совсѣмъ иное дѣло, и я для этого готовъ отнять послѣднее время отъ своего сна. При свиданіи съ твоими попеняю конечно въ особенности Елисаветѣ Андреевнѣ и это будетъ уже не въ первый разъ, потому что я дѣлалъ ей такое же замѣчаніе въ Кіевѣ. О нуждахъ твоихъ также не забуду разсказать. Прощай, мой дружочекъ. Цѣлую тебя отъ чистаго сердца и всегда остаюсь твой вѣрный другъ

Н. Ушаковъ.

P. S. Натальѣ Андреевнѣ засвидѣтельствуй мое почтеніе.

16.

Варшава, 16 сентября 1837 г.

Пишу къ тебѣ, мой милый дружокъ Володя, на третій день моего сюда возвращенія, съ полною увѣренностію, что ты порадуешься благополучному прибытію моему на мѣсто. Да! шестинедѣльное странствованіе со всѣми заботами и лишеніями заслуживаетъ порядочнаго кейфа и я теперь принимаюсь за это восточное наслажденіе, сидя въ своей прекрасной квартирѣ, въ турецкомъ халатѣ, съ роскошнымъ чубукомъ въ рубахѣ. Чудное твореніе человѣкъ! Жалуется на судьбу, ропщетъ на невыгоды жизни и своего положенія, но едва пригрѣло его солнышко, едва онъ выспался, какъ нужно,—все забыто опять до новыхъ приключеній и улыбка самодовольствія примиряетъ совершенно съ прошедшимъ. Ты можешь повѣрить, что мнѣ теперь хорошо, потому что я мечтаю, а мечтаютъ обыкновенно въ комфортабельномъ состояніи души и тѣла. Путешествіе наше окончилось совершенно благополучно. Насчетъ Вознесенска я писалъ уже тебѣ; многое, сверхъ того, ты прочтешь въ Высочайшихъ приказахъ; объ остальномъ почти нечего говорить. Труппа была тамъ самая незамѣчательная, изъ плохихъ русскихъ и французскихъ актеровъ; одинъ московскій артис

Щепкинъ отличался между ними. 30-го августа корпусъ офицеровъ давалъ въ Вознесенскѣ балъ Царской фамиліи, разумѣется, съ тѣми средствами, какія только могло отыскать усердіе воиновъ; но средства эти, разумѣется, не средства гражданъ большой столицы и потому балъ этотъ можно назвать хорошимъ военнымъ праздникомъ; подробности же ты можешь увидѣть изъ нынѣшняго моего письма къ Ванѣ и Жоржу. Изъ Вознесенска фельдмаршалъ отправилъ двухъ чиновниковъ, моихъ товарищей, обратно въ Варшаву, а меня только одного взялъ съ собою въ Одессу. Мы прибыли туда 6-го сентября утромъ и пробыли три дня. Городъ, точно, прекрасный и можетъ внушить поэтическія мысли. Видъ моря, на самомъ берегу котораго была наша квартира, меня плѣнилъ вполнѣ; я видѣлъ Каспійскія и Балтійскія волны, но на волны Чернаго моря мнѣ случилось взглянуть еще въ первый разъ; жаль очень, что неудалось покататься по заливу. Я и въ Одессѣ имѣлъ такъ мало досуга, что едва одинъ разъ удалось быть въ италіянскомъ театрѣ; представляли Клару фонъ Розенбергъ, музыка Риччи. Ты не можешь себѣ вообразить, какъ одно это представленіе испортило у меня всѣ прежнія понятія о С.-Петербургскомъ театрѣ. Отдаю Вамъ охотно Таліони и даже чету Петровыхъ за два спектакля италіянскихъ. Здѣсь точно ужъ игра настоящая, живое представленіе на сценѣ происшествій свѣтскихъ, украшенное восхитительною музыкою, которая исполняется съ такимъ талантомъ и искусствомъ, какое только свойственно италіянской оперѣ; и все это продолжается не за полночь, но два часа, не болѣе. Нѣтъ, милый Володя, кто не видѣлъ игры и не слышалъ пѣнія сыновъ Италіи, тотъ имѣетъ еще темное понятіе о прелестяхъ театра. Въ Одессѣ я также былъ приглашенъ на балъ, данный городомъ для Царской фамиліи; это происходило въ прекрасной биржевой залѣ, гдѣ столбы были украшены турецкими шалями, а на стѣнахъ уборной комнаты Императрицы висѣли виноградныя грозди въ такомъ изобиліи, что за собранный виноградъ въ Петербургѣ можно было бы взять 1000 р. Вообще Одесса и своимъ положеніемъ на берегу залива и своею торговою дѣятельностью оставили во мнѣ впечатлѣнія самыя пріятныя. Но городъ этотъ, кромѣ сала и дегтю, не имѣетъ въ себѣ чистаго русскаго духа: это иностранная колонія въ нашемъ отечествѣ или, по крайней мѣрѣ, самое пестрое гнѣздышко Руси, гдѣ слышишь столько же русскаго, сколько италіянскаго языка, гдѣ вывѣски на магазинахъ и лавкахъ почти большею частію ино[illegible] ныя и гдѣ торговые обороты вытѣснили гостепріимство и радуш[illegible] вянъ. Населеніе Одессы простирается до 50 ты[illegible] Мы остави[illegible] пріятный уголокъ ночью съ 8-го на 9-е число[illegible] Госуд[illegible] на пароходѣ и на другой день утромъ Ц[illegible] отплыть къ Южному берегу Крыма. Я [illegible]

твоимъ роднымъ; они еще въ Богодуховкѣ и какъ мнѣ больно, что не удалось къ нимъ заѣхать! Мы ѣхали назадъ въ Варшаву черезъ Тирасполь, Балту, Старо-Константиновъ, Дубно и Устилугъ, слѣдовательно совсѣмъ по другой дорогѣ, и отпроситься въ сторону нельзя было и думать. Можешь повѣрить, что я отъ этого потерялъ весьма и весьма много; вспомни только деревню, семейный кругъ и прочее: сколько случаевъ для *бесѣды откровенной!* Всю дорогу я былъ въ грустномъ расположеніи души, но, пріѣхавъ сюда, утѣшился по крайней мѣрѣ вполовину, получивъ милыя твои строки отъ 7-го сентября. Ты награждаешь меня совершенно, безцѣнный дружокъ, своею привязанностью и, дай Богъ, чтобы твои юношескія мечты на мой счетъ никогда не измѣнились. Что бы ни случилось со мною, но питать къ тебѣ пріязнь я, конечно, всегда буду въ одинаковой степени и все, что до тебя относится, меня занимаетъ вполнѣ. Отъ души восхищаюсь, что ты не забылъ, наконецъ, и нѣмецкую литературу; читай, читай все хорошее—это настоящій путь къ образованности. Посмотрѣвъ на часы, вижу, что пора письмо посылать на экстра-почту. Засвидѣтельствуй мое почтеніе Наталіи Андреевнѣ. О твоихъ нуждахъ я писалъ папенькѣ и онъ, вѣрно, поторопится прислать денегъ. Мы ждемъ ихъ сюда къ 1-му октября. Прощай, милый дружокъ! Пиши ко мнѣ и вѣрь, что немногіе тебя такъ любятъ, какъ твой вѣрный

Н. Ушаковъ.

17.

Варшава, 14 октября 1837 г.

Утѣшься, милый другъ Володя! Твои родные въ прошлую субботу возвратились сюда благополучно; вчерась они писали къ тебѣ и послали 500 руб. черезъ камеръ-юнкера Косецкаго; сегодня также сестрица твоя собиралась написать большое и отчетливое письмо, но не знаю, выполнитъ ли это намѣреніе. Они всѣ, благодаря Бога, здоровы: папенька совсѣмъ оправился и также бодръ и веселъ; Юлія Ивановна пополнѣла и попрежнему хороша, а Елисавета Андреевна хотя чувствуетъ съ дороги лихорадочные припадки, но сдѣлалась еще очаровательнѣе и къ сожалѣнію еще гордѣе противъ меня. Ея встрѣча со мною и нынѣшнее холодное обращеніе въ состояніи заморозить самыя горячія чувства. Я хотѣлъ было успокоить себя изрѣченіемъ незабвеннаго Пушкина:

„Утѣшься, другъ, она дитя,
Твое унынье безразсудно;

но въ 20-ть лѣтъ нынче не называютъ дѣвушекъ дѣтьми. Остается одно терпѣніе, но оно помогаетъ въ несчастьяхъ другого рода. Сдѣлай дружбу, не пиши ей ни слова обо мнѣ; я пересказываю тебѣ для облегченія сердца, а не въ видѣ жалобы, и сохрани меня Боже быть причиною хотя самой маленькой между Вами размолвки; люби ее съ братскою нѣжностью; она очень милая и весьма достойная дѣвушка. Послѣднее письмо твое отъ 31-го сентября было очень грустно и, кажется, диктовано хандрою. Я не показалъ его роднымъ твоимъ и долженъ по истинѣ сказать тебѣ, что ты не правъ. Возможно ли такъ горячо осуждать молчаніе папеньки и думать, что онъ и прочіе разлюбили тебя? Случай очень простой, что они не писали къ тебѣ нѣсколько мѣсяцевъ. Переѣзды и дорожные хлопоты—иногда, дѣйствительно, бываютъ большою помѣхою, писать же къ тебѣ изъ Малороссіи значило бы обречь письма на продолжительное странствованіе. Теперь, конечно, этого не будетъ и Ваша переписка приметъ прежній порядокъ. Увѣренъ, что ты самъ согласишься съ этимъ. Твои отзывы о моей книгѣ доставили мнѣ много удовольствія и я, право, не ожидалъ, чтобы въ такія лѣта можно было читать съ подобнымъ вниманіемъ довольно тяжелую книгу, но тѣмъ болѣе чести твоему юному уму и чувствамъ. Дай Богъ, чтобы изложенныя мною свѣдѣнія и повѣсть о дѣлахъ кавказскихъ героевъ принесли тебѣ когда нибудь пользу. О твоихъ намѣреніяхъ служить на Кавказѣ я еще не говорилъ папенькѣ, но думаю, что онъ не будетъ противиться, потому что молодость требуетъ дѣятельности и безъ этой пищи она скучна. Я недавно прочиталъ среднюю и новую исторію Шульгина, т. е. изображеніе характера и содержанія послѣднихъ 13-ти вѣковъ. Трудъ чрезвычайно дѣльный и написанъ рукою знатока; жаль, что перо было, кажется, желѣзное, потому что слогъ мѣстами тяжелъ и повторенія *и*, иногда не кстати, очень утомительны. Прощай, милый дружекъ мой! Заходи къ нашимъ и скажи, что я здоровъ и цѣлую ихъ.

Твой преданный другъ Н. Ушаковъ.

P. S. Сейчасъ сидѣлъ у меня твой папенька; онъ обнимаетъ тебя, а я за нимъ также цѣлую безцѣннаго Володю.

24.

Варшава, 29 іюня 1838 г.

Противъ обыкновенія моего отвѣчаю на этотъ разъ, милый Володя, нѣсколько позднѣе на письмо твое отъ 9-го іюня. Причиною этому Царскіе смотры и маневры, которые только что на дняхъ у насъ окончились и, благодаря Бога, совершенно благополучно. Государь остался войсками очень доволенъ и, отъѣзжая отсюда, 24 іюня, объявилъ весьма щедрыя награды. Для тебя, конечно, всего пріятнѣе будетъ узнать, что папенька твой удостоился получить орденъ Св. Станислава 1 ст., т. е. ленту, и сверхъ того 25 тыс. р. ассиг. Такою двойною милостію Государь наградилъ только его и дежурнаго генерала арміи Викинскаго. Да! я забылъ, что Балашеву также достались двѣ награды: чинъ и назначеніе флигель-адъютантомъ. Теперь папенькѣ твоему есть съ чѣмъ ѣхать въ Петербургъ и я всячески стараюсь подговорить его къ тому, зная, сколько ты и сестрица твоя дорожите этимъ свиданіемъ. Тутъ, впрочемъ, заключаются и мои весьма важныя выгоды. Надѣюсь, что, увидѣвшись съ тобою, Елисавета Андреевна будетъ ко мнѣ снисходительнѣе и тѣмъ дастъ мнѣ возможность ускорить исполненіемъ того дѣла, которое, къ искреннему моему сожалѣнію, продолжается не одинъ годъ и котораго безъ взаимнаго ея согласія я никогда не рѣшусь окончить. Повѣришь ли, что голова моя и сердце только заняты этимъ, и я провожу цѣлые дни въ изобрѣтеніи средства къ объясненію. Нѣтъ ни малѣйшаго случая говорить прямо съ нею; папенька твой такъ занятъ, а Юлія Ивановна боится вмѣшаться въ это дѣло или день за днемъ откладываетъ. И такъ ты одинъ можешь пособить горю, но, конечно, не черезъ переписку, а развѣ личнымъ участіемъ при Вашемъ свиданіи. Послѣднее письмо твое я не показывалъ роднымъ твоимъ и позволь пожурить тебя за непростительную пылкость. Возможно ли такъ жестоко отблагодарить директора? Какой непріятный приступъ къ офицерскому званію! Совѣтую тебѣ по дружбѣ извиниться передъ П. Н., если ты до сихъ поръ еще этого не сдѣлалъ. Молодымъ лѣтамъ свойственны ошибки, но худо, если неблагодарность закрадется въ наше сердце. Я знаю, что юное самолюбіе твое и твоихъ товарищей можетъ подсказывать тебѣ совсѣмъ другія правила, но да будетъ голосъ дружбы сильнѣе этого, и впередъ надобно быть увѣреннымъ, что не всегда можно встрѣтить въ начальникѣ такое рѣдкое снисхожденіе. Я писалъ уже къ Аркадію Илларіоновичу Беклемишеву насчетъ покупки для тебя лошади съ упряжью. Деньги на это посланы къ тебѣ отъ папеньки черезъ Френкеля. Если найдешь досугъ, то не худо бы

самому увидиться съ Беклемишевымъ и переговорить на этотъ счетъ. Сумма на обмундировку также къ тебѣ отослана. О часахъ я говорилъ Юліи Ивановнѣ и она обѣщала устроить дѣло; только потерпи и не пиши ничего къ папенькѣ насчетъ часовъ; но не худо бы поздравить его съ наградой. Прощай, мой милый другъ! Не сердись на меня за маленькій выговоръ; можетъ быть, никто кромѣ родныхъ не скажетъ тебѣ такой правды, какъ твой вѣрный

Н. Ушаковъ.

25.

Варшава, 21 іюля 1838 г.

Не поздравимъ ли мы тебя завтрешній день съ эполетами, милый и любезный другъ Володя? Кажется, въ послѣдніе годы производство было у Васъ ранѣе, именно 22-го іюля. Неужели на Ваше несчастіе захотятъ теперь возвратиться опять къ старому порядку? О какъ бы я былъ счастливъ, если бы письмо это застало тебя въ новомъ званіи, среди перваго упоенія юности! Переходъ этотъ можемъ оцѣнить только мы, испытавшіе нѣкогда подобную радость. Я нѣсколько разъ перечитывалъ тѣ строки, гдѣ ты пишешь о первой примѣркѣ платья. Воображаю твое самодовольствіе въ ту минуту, когда твой офицерскій нарядъ отразится передъ тобою въ нѣсколькихъ зеркалахъ и когда, можетъ быть, долетитъ до твоего уха посторонній шопотъ: какой онъ молодчикъ!!! Но сильныя ощущенія проходятъ скоро и за ними на поприщѣ военномъ являются длинной вереницей обязанности службы, обязанности въ первый періодъ не занимательныя, однообразныя; но, какъ нижнія ступени лѣстницы, неизбѣжныя. Надобно съ тою же охотою и веселымъ духомъ приняться и за нихъ; цѣль благородная, высокая, конечно, далеко, но если мы изберемъ въ свои спутники терпѣніе и благоразуміе, то путь покажется не такъ труднымъ и сократится значительно. По дружбѣ моей къ тебѣ я считаю себя въ правѣ дѣлать изрѣдка такого рода наставленія, особенно послѣ случая съ генер. Очень радъ, что мои замѣчанія приняты тобою за справедливыя; конечно, мнѣ не придется въ другой разъ объяснять тебѣ, мой дружокъ, всю опасность подобныхъ происшествій, но, пожалуйста, не забывай, что сказаннаго и сдѣланнаго возвратить нельзя. Извини, что я не удержалъ тайны и разсказалъ это сестрицѣ твоей; она также намѣревалась сдѣлать тебѣ дружескій выговоръ; но папенька, впрочемъ, ничего не знаетъ.

Надежда на пріѣздъ ихъ въ Петербургъ самая сомнительная; между прочимъ есть также основательныя причины, по которымъ Андрей Яковлевичъ не хотѣлъ бы ѣхать теперь въ столицу; но объ этомъ мы поговоримъ съ тобою при свиданіи, потому что описывать не совсѣмъ удобно. Что дѣлать, потерпи до нашего обычнаго пріѣзда, а тогда какъ нибудь мы тебя отпросимъ. Кучера отсюда собираются къ тебѣ выслать, но нѣтъ хорошей оказіи, и потому придется тебѣ на первое время принанять. Впрочемъ, можетъ быть, ты найдешь это удобнѣе и тогда поторопись увѣдомить, ибо кучеръ здѣсь также имъ нуженъ; у тебя же онъ не будетъ такъ бояться, какъ здѣсь, и, слѣдовательно, въ поведеніи выйдетъ ощутительная разница, слишкомъ непріятная и хлопотливая на первыхъ порахъ. Насчетъ лошади Беклемишевъ мнѣ ничего не писалъ еще, и я боюсь, чтобы ты не остался безъ экипажа въ самое важнѣйшее для тебя время. Въ разсужденіи часовъ, кажется, исторія окончена и папенька обѣщалъ подарить тебѣ новые. Сегодня я полуздоровъ и пишу тебѣ не свободной рукой; ты вѣрно замѣтилъ это изъ лѣниваго и брюзгливаго моего слога. Мнѣ не хотѣлось пропустить нынѣшней почты, чтобы ты не имѣлъ причины усомниться въ искренней дружбѣ любящаго тебя всѣмъ сердцемъ

Н. Ушакова.

P. S. Успѣхи въ италіянскомъ языкѣ для насъ сокрыты; но Елисавета Андреевна сама говоритъ, что она свободно читаетъ Тассо, и слову ея всегда можно повѣрить.

26.

Гомель, 3 сентября 1838 г.

Никогда не отвѣчалъ я съ такою медленностію на твои письма, мой милый и безцѣнный другъ Володя, какъ въ этотъ разъ. Представь, что строки твои отъ 27 іюля дошли ко мнѣ въ Варшавѣ ровно за мѣсяцъ предъ симъ и вотъ какъ поздно я благодарю тебя за нихъ. Въ этотъ, впрочемъ, краткій промежутокъ времени со мною случились такія перемѣны, которыхъ ты, конечно, не ожидаешь, если не получилъ еще извѣстій отъ твоихъ родныхъ. Перемѣны эти вполнѣ дѣлаютъ меня счастливымъ, но до возвращенія въ Варшаву я еще не смѣю совершенно наслаждаться этимъ неизмѣннымъ блаженствомъ: оно тайно не только для моихъ товарищей, но даже и для родныхъ; такъ рѣше-

но было въ Вашемъ семействѣ. Не имѣю времени разсказать тебѣ всѣхъ подробностей, но скрывать отъ тебя главнѣйшее не должно. Предъ самымъ отъѣздомъ моимъ изъ Варшавы извѣстное дѣло мое неожиданно подвинулось впередъ: одна добрая знакомая, руководимая истинными чувствами пріязни къ Елисаветѣ Андреевнѣ, рѣшилась безъ вѣдома моего говорить съ нею на мой счетъ; она замѣтила ей, что среди моего отчаянія я стою на той точкѣ, съ которой не трудно перейти къ совершенному равнодушію, и что ей извѣстны отчасти предположенія мои прекратить всѣ искательства, если до отъѣзда въ Россію не получу желаемаго отвѣта. Близость такой перемѣны удивили твою сестрицу; она отзывалась, что невиновата нисколько въ этой проволочкѣ и что съ своей стороны согласна на все, если папенька ей формально объ этомъ объявитъ. Срокъ былъ невеликъ и потому на другой же день приступили къ дѣлу, а на третій, т. е. 15-го августа, въ незабвенное воскресеніе, мнѣ позволено было объясниться съ Елисаветой Андреевной; къ истинному моему восторгу я нашелъ въ милой дѣвушкѣ столько добраго ко мнѣ расположенія, что въ самое короткое время мы устранили всѣ затрудненія и въ тотъ же вечеръ главное было улажено. Теперь я могу называться совершенно женихомъ, но, чтобы дѣло упрочить еще болѣе, предложилъ самъ, чтобы Елисавета Андреевна не стѣсняла себя этимъ обѣщаніемъ и въ продолженіе моего отсутствія вновь обсудила тотъ важный шагъ, на который нынѣ рѣшилась. Вотъ причина, по коей я считаю себя не въ правѣ объявлять покуда даже и роднымъ моимъ то счастіе, которое такъ сказать въ рукахъ у меня. Съ возвращеніемъ въ Варшаву, Богъ дастъ, я услышу подтвержденіе того же самаго согласія и тогда, но не прежде, поспѣшу раздѣлить мою радость со всѣми близкими сердцу. О, съ какимъ восхищеніемъ я назову тебя въ первый разъ моимъ братомъ! Какъ давно имя это назначено тебѣ въ моемъ сердцѣ. Увѣренъ, что ты вполнѣ раздѣлишь мои чувства и, если можно, еще болѣе полюбишь меня. Представь себѣ, что въ слѣдствіе этихъ послѣднихъ событій я лично познакомился съ твоимъ дѣдушкою и бабушкою. По просьбѣ моей фельдмаршалъ отпускалъ меня къ нимъ въ Богодуховку изъ Кіева; разумѣется, я не объяснилъ князю главной причины, а поставилъ только предлогомъ просьбу твоего папеньки осмотрѣть Ваше имѣніе, гдѣ теперь много передѣлокъ по хозяйству. Меня приняли въ Богодуховкѣ съ истиннымъ радушіемъ и ласкою, въ особенности бабушка, почтенная, добрая и умная женщина. Тамъ я прожилъ въ Вашемъ деревенскомъ, но прекрасномъ домикѣ слишкомъ двое сутокъ; осмотрѣлъ все папенькино хозяйство, насытился вполнѣ бесѣдою обо всѣхъ Васъ съ людьми, столь Вамъ близкими, и возвратился сюда напутствуемый чистосердечными благословеніями доброй Евы Яковлевны. Старики очень любятъ

тебя и Лизу, да, впрочемъ, кто же могъ бы и не любить Васъ, такихъ милыхъ, прекрасныхъ дѣтей? Ты видишь, что мнѣ нѣтъ нужды теперь льстить Вамъ, но я истинно счастливъ, сближаясь наконецъ съ Вами такими драгоцѣнными узами родства. Фельдмаршалъ здѣсь съ 25-го августа, а я только съ 30-го числа. Свита у насъ большая и половина ея помѣщается въ замкѣ фельдмаршала на красивомъ крутомъ берегу рѣки Сожа. Около Гомеля расположенъ теперь 2-й корпусъ лагеремъ; всего войскъ болѣе 50 тыс. Мы ежедневно учимся или маневрируемъ, а въ промежуткахъ бываютъ увеселенія. Вчера, напримѣръ, корпусъ давалъ большой военный балъ въ нарочно устроенной въ лѣсу залѣ; завтра балъ будетъ у фельдмаршала, а 7-го или 8-го мы выѣзжаемъ обратно. Ты можешь посудить, какія сильныя чувства влекутъ меня въ Варшаву. Здѣсь разлука моя услаждалась покуда портретами твоего папеньки, маменьки и Лизы, которые даны были мнѣ для отправленія къ тебѣ изъ Гомеля. Кажется, живописецъ очень хорошо схватилъ черты, особенно у Лизы, хотя она, по моему, въ оригиналѣ несравненно прелестнѣе. Портреты эти я показывалъ бабушкѣ и дѣдушкѣ и первая не хотѣла разстаться съ своей драгоцѣнной внучкой. Ты вѣрно также будешь въ восхищеніи.

5 сентября.—Мнѣ не удалось отправить вчера письмо, а нынѣ вспомни какой день? Имянины твоей сестры; поздравляю и цѣлую тебя заочно. Вообрази, что мнѣ никогда почти не удавалось провести это число въ Варшавѣ, а теперь я Богъ знаетъ отдалъ бы что за возможность лично привѣтствовать Елисавету Андреевну. Они теперь вѣрно празднуютъ въ Хенцинахъ, маіоратѣ твоего папеньки, откуда Юлія Ивановна и Лиза располагали съѣздить въ Краковъ и Величку. У насъ сегодня окончились всѣ маневры, но выѣдемъ мы отсюда развѣ 8-го числа. Здѣсь съ княземъ кромѣ меня Бутурлинъ, Рудзевичъ, Аничковъ, Очкинъ, Еліашевичъ и Четыркинъ. Очкинъ тебѣ очень кланяется и ужасно любопытствуетъ насчетъ окончанія моего дѣла, но я не выдаю тайны. Надѣюсь, милый другъ, что письмо застанетъ тебя офицеромъ. Приказы изъ Петербурга отсылаются въ Варшаву и потому я случайно только могу узнать теперь о твоемъ производствѣ. Воображаю, что въ эти минуты радости и восторга тебѣ некогда будетъ со вниманіемъ прочесть моего посланія, но строки эти такъ важны и ты такъ насъ любишь, что новыя извѣстія отвлекутъ тебя отъ всего. Прощай, мой безцѣнный Володя. Изъ Варшавы надѣюсь сообщить тебѣ болѣе подробностей, а теперь цѣлую сто разъ и остаюсь на вѣки твой преданный

Н. Ушаковъ.

7 сентября.—Приготовивъ совершенно къ отправленію это письмо, я имѣлъ несказанное удовольствіе получить отъ тебя новыя строки,

мой милый Володя. Совѣтъ Петра Николаевича Очкина справедливъ; лучше не покупать лошади, чѣмъ дѣлать заемъ; бѣда начать, а изъ долгу трудно потомъ выкупиться, и всякій разъ ты принужденъ будешь что-нибудь скрыть отъ папеньки. По возвращеніи въ Варшаву я разскажу папенькѣ обо всемъ, что тебѣ еще нужно, но ради Бога не предавайся желаніямъ имѣть вещи не столь для тебя необходимыя и не торопись покупать, что захочется. Умъ хорошо, а два лучше, и потому совѣтъ посторонній всегда полезенъ. Жалѣю очень, что тебѣ приходится дѣлать лишніе расходы на наемъ квартиры, но Ваня пишетъ, что онъ надѣется еще получить казенную квартиру, когда ты будешъ произведенъ,—что въ эту минуту, кажется, не мечта. Мы выѣзжаемъ отсюда завтра въ ночь и ты можешь представить, къ какою радостью я жду этой минуты. Сто разъ обнимаю и цѣлую тебя.

27.

Варшава 21 сентября 1838 г.

Я возвратился сюда 14-го сентября, мой милый и безцѣнный другъ Володя, и съ первой минуты свиданія съ сестрою твоею наслаждаюсь совершенною увѣренностію, что мое отсутствіе не измѣнило нисколько ея рѣшимости. Она встрѣтила меня съ радостію и чистосердечіемъ и, не взирая на конфузное положеніе невѣсты, продолжаетъ быть одинаковою. Наше дѣло теперь здѣсь гласно: не только цѣлый городъ знаетъ о немъ, но я даже просилъ словесно разрѣшенія фельдмаршала на женитьбу и Князь благосклонно поздравилъ меня съ этимъ счастіемъ. Со всѣхъ сторонъ сыплются ко мнѣ привѣтствія, что моя милая суженая—первая красавица въ Варшавѣ; но ея очаровательная наружность для меня не первое достоинство. Чѣмъ болѣе узнаю Лизу, тѣмъ болѣе нахожу въ ней ума и прекрасныхъ душевныхъ качествъ. Ахъ! какой у нея благородный образъ мыслей и какія высокія правила! За свое счастіе я вполнѣ ручаюсь; но молю ежедневно Бога подать мнѣ силы сдѣлать ее благополучною на всю жизнь. Жаль, что ты теперь не съ нами; но къ свадьбѣ надѣюсь, что ты осчастливишь насъ своимъ присутствіемъ. Впрочемъ ранѣе Новаго года мы не можемъ окончить дѣла, потому что не далеко уже осталось до Рождественскаго поста, а въ такое короткое время нельзя устроить новаго хозяйства. Я напишу ко всѣмъ, кому будетъ нужно, чтобы исходатайствовать тебѣ увольненіе на 28-мъ дней; для такого важнаго случая вѣроятно не откажутъ въ снисхожденіи.

Въ пылу восторга я забылъ поздравить тебя, мой дружокъ, съ эполетами; какъ къ лицу долженъ быть тебѣ гвардейскій нарядъ! О твоей радости нечего и говорить: она вполнѣ излита въ милыхъ строкахъ твоихъ отъ 6-го, 9-го и 13-го сентября; это письмо я получилъ 19-го числа и, разумѣется, тотчасъ передалъ его Лизѣ. Мы очень забавлялись твоими фантазіями; но ты немного не отгадалъ: портреты были рисованы прежде, нежели сестра твоя рѣшилась сдѣлать послѣдній шагъ. Наше удовольствіе нѣсколько разстраивается теперь болѣзнію доброй маменьки; она простудилась отъ верховой прогулки и получила кашель, который ея не оставляетъ уже около двухъ недѣль; впрочемъ важнаго ничего нѣтъ, исключая слабости и непріятнаго принужденія сидѣть дома. По этому случаю маменька сама къ тебѣ не пишетъ; сестра также не успѣла; но обѣ тебя цѣлуютъ отъ всей души. Отъ папеньки прилагаю большой пакетъ; онъ изъясняется съ родительскою важностію насчетъ твоего нынѣшняго званія и его сужденія истинно справедливы. Имѣвъ въ жизни много опыта, исполненный рѣдкаго ума и отличаясь во всѣхъ своихъ дѣлахъ сердечнымъ благородствомъ, папенька смотритъ на вещи и жизнь нашу съ точки самой вѣрной; ни одна книга не скажетъ тебѣ лучшей истины и я въ моихъ дружескихъ къ тебѣ чувствахъ могу только прибавить: что если будешь имѣть предъ собою всегда его правила, то нѣтъ сомнѣнія, что заслужишь общее уваженіе и рано станешь въ ряду тѣхъ офицеровъ, которыми Гвардія гордится. Твоимъ главнѣйшимъ упражненіемъ должно быть чтеніе; оно развернетъ твои способности и усладитъ довольно однообразный бытъ службы. Чтобы возвысить тебя въ кругу товарищей, папенька даетъ тебѣ новыя средства и хочетъ, чтобы ты непремѣнно имѣлъ дрожки и лошадь: его мнѣніе нельзя оспаривать.

Надѣюсь, что ты продолжаешь знакомство съ моими родными и теперь еще болѣе сблизишься съ ними. Кажется, смѣло могу называть тебя моимъ братомъ, и это меня чрезвычайно восхищаетъ. Дай Богъ, чтобы твоя дружба и привязанность ко мнѣ укрѣпились самыми неразрывными узами: это одно изъ первыхъ средствъ къ моему счастію и одно изъ лучшихъ желаній любящаго тебя всѣмъ сердцемъ и преданнаго друга

Н. Ушакова.

P. S. Папенька даетъ тебѣ на первый разъ слѣдующее порученіе: побывай въ Опекунскомъ Совѣтѣ и спроси, сколько получили тамъ денегъ въ уплату долга, состоящаго на купленномъ Андреемъ Яковлевичемъ въ Малороссіи имѣніи. Тутъ вышло небольшое недоразумѣніе. Долгу состояло всего 20.463 руб. 85 коп., а Ограновичъ выслалъ на

уплату, чрезъ Пирятинскую почтовую контору, одинъ разъ 1-го іюля 14 тыс. руб., а другой разъ 7500 руб. ассиг., слѣдовательно всего 21.500 руб., т. е. 1036 руб. 15 коп. болѣе, нежели слѣдовало. Если дѣйствительно вышла такая ошибка, то попроси, чтобы излишнюю сумму отправили назадъ въ Пирятинъ къ Ограновичу и во всякомъ случаѣ, чтобы Опекунскій Совѣтъ поторопился дать приказаніе о сложеніи запрещенія на имѣніе. Обо всемъ этомъ ты адресуйся прямо къ Управляющему Совѣтомъ и попроси, чтобы показали тебѣ, что писалъ на этотъ счетъ Ограновичъ, повѣренный Андрея Яковлевича, чиновникъ 12-го класса. Обнимаю и цѣлую тебя тысячу разъ.

28.

Варшава, 13 октября 1838 г.

Не думай, милый дружокъ Володя, чтобы при нынѣшнихъ обстоятельствахъ я не нашелъ бы времени побесѣдовать съ тобою. Удовольствіе это такъ для меня пріятно, что я не въ силахъ отказать себѣ въ немъ; но, пожалуйста, не ожидай теперь отъ моихъ писемъ ни складу, ни ладу. Мы всѣ, благодаря Бога, здоровы, исключая твоей сестры, которая простудилась и вчера провела день въ постели; впрочемъ нѣтъ ничего важнаго, и если уже я говорю объ этомъ съ такимъ спокойствіемъ, то вѣрно нѣтъ причины предполагать что нибудь большее. Маменька также поправляется; но ей позволяютъ только днемъ выѣзжать изъ дому. Надобно однакоже признаться, что у насъ погода стоитъ довольно холодная и два дня были морозы, которые впору назвать Петербургскими. Я теперь всякій день въ хлопотахъ объ устройствѣ новаго нашего помѣщенія. Квартиру мнѣ отвели прекрасную, только немного далеко отъ нашего Штаба и Ратуши, гдѣ живетъ папенька. У насъ будетъ всего 9-ть комнатъ, изъ которыхъ главнѣйшія: мой кабинетъ, гостинная, комната Лизы, спальная, дѣвичья; безъ прочихъ можно бы обойтиться; но здѣсь дома такъ дурно расположены внутри, что пяти комнатъ порядочныхъ найти нельзя, а непремѣнно надобно брать лишнее, чтобы изъ большаго числа отдѣлить необходимое. Можешь представить, что я всячески стараюсь округлить мои расходы и не затѣвать лишняго; но есть одинъ предметъ, на который обращено все мое вниманіе: это комната Лизы. Мнѣ хочется, чтобы тамъ была порядочная, хотя не роскошная, мебель и нѣсколько удобствъ для занятій, именно: хорошій письменный столикъ, столикъ рабочій, маленькая библіотека и каминъ. Все это во вкусѣ твоей сестры и она въ восхище-

ніи, что будетъ имѣть у себя такой кабинетъ. Для сокращенія издержекъ я намѣренъ многія вещи купить въ Краковѣ, куда располагаю скоро отправиться. Кстати недалеко оттуда пожалованъ мнѣ маіоратъ; имѣніе это называется *Воля-Либертовска* и отъ Хенцинъ отстоитъ только на 10-ть миль; слѣдовательно мы будемъ съ тобою довольно близкіе сосѣди.

Вчера отправился отсюда въ Петербургъ флигель-адъютантъ Астафьевъ и чрезъ него я писалъ къ Вашему полковому командиру объ увольненіи тебя на 28-мь дней въ Варшаву, къ свадьбѣ сестры. Астафьевъ обѣщалъ также употребить личное свое ходатайство и я надѣюсь, что если есть только какая возможность, то мы непремѣнно увидимъ тебя здѣсь. Не нужно доказывать, что пріѣздъ твой обрадуетъ всѣхъ насъ и осчастливитъ меня вполнѣ. Я пригласилъ также Ваню и Вамъ вдвоемъ было бы гораздо лучше путешествовать, а назадъ Вы были бы нашими проводниками, потому что послѣ свадьбы мы тотчасъ располагаемъ ѣхать въ Петербургъ. Дай Богъ, чтобы сбылись мои мечты; между тѣмъ не замедли увѣдомить, какъ пойдетъ дѣло, чтобы въ случаѣ нерѣшительности генерала можно было бы обратиться къ Его Высочеству.

Очкинъ тебѣ кланяется; я объявилъ, что ты къ нему пишешь, но письма еще ему не отдавалъ, потому что боюсь принять на свою совѣсть послѣдствія подобной переписки. Онъ любитъ болтать и неосторожно открываетъ предъ тобою такія картины, которыя гораздо лучше самому узнать въ свое время, нежели раскрывать напередъ. Конечно молодость есть такая эпоха жизни, въ которую нужно дѣло мѣшать съ бездѣльемъ; но въ эту то эпоху, не имѣя никакой опытности, мы скоро и неосторожно увлекаемся обольстительными предметами, осушаемъ однимъ разомъ чашу наслажденій и начинаемъ слишкомъ рано скучать жизнію. Я согласенъ, что въ твои лѣта нельзя наполнить душу однимъ чтеніемъ, что есть что-то особенное, чего сердце проситъ и ищетъ повсюду: и среди службы, и въ домашнемъ уединеніи, и, наконецъ, въ обществѣ, въ пылу обыкновенныхъ веселостей, которыя для многихъ составляютъ всю цѣль жизни. Любовь дѣйствительно одна въ состояніи украсить жизнь нашу самыми роскошными цвѣтами; но она, какъ рай, имѣетъ свои заповѣдные предѣлы, переступивъ которые, мы находимъ жалкую существенность. Твоя любовь должна быть идеальная; она одна можетъ сохранить свѣжесть и чистоту нашихъ чувствъ; одна она порождаетъ въ насъ стремленіе ко всему высокому и прекрасному; она и воину, и гражданину, и поэту, и художнику указываетъ цѣль и надѣляетъ его сверхъестественными силами къ пріобрѣтенію въ мірѣ добраго имени и уваженія ближнихъ. Дай Богъ, чтобы ты встрѣтилъ такую, которая своими совершенствами произвела бы на тебя

впечатлѣніе; но не думай, чтобы легко было сказать подобной особѣ, что она тебя очаровала и обворожила; это слишкомъ важный шагъ. Что касается до тѣхъ, которыя, по мнѣнію Очкина и прочихъ, привѣтливо принимаютъ такія изъясненія, то я думаю, что объ нихъ и говорить нечего. Это обыкновенно женщины слишкомъ опытныя, которыя въ обществахъ разставляютъ прелестныя сѣти для молодежи, собственно для своего удовольствія. Стоитъ ли любить такихъ, стоитъ ли для нихъ жертвовать драгоцѣннымъ временемъ и здоровьемъ? Повѣрь мнѣ, милый другъ, что на такой дорогѣ всего легче сдѣлаться игрушкою какой нибудь эгоистки, и всѣ эти господа, которые такъ хвалятся своими побѣдами, едва ли не извлекаютъ своихъ реляцій изъ романовъ новѣйшей школы. Я могъ бы тебѣ представить тысячу доказательствъ и даже разсказать нѣсколько анекдотовъ объ Очкинѣ; но оставимъ это до будущаго свиданія. Переписываться съ нимъ о такихъ *le rien de quelque chose* тебѣ не запрещаемъ; но ради Бога не смотри на него, какъ на достойнаго проповѣдника. Онъ прекрасный малый, благородный и добрый; но имѣетъ свои правила, опасныя для молодежи. Да будетъ для тебя покуда идеаломъ твоя сестра; ты имѣешь ея портретъ; воображай при этомъ, что съ прекрасною наружностію Лизы соединены высокая душа и умъ привлекательный и милый. Это не одно пристрастіе, но истинное убѣжденіе обнимающаго тебя мысленно и вѣрнаго твоего друга

Н. Ушакова.

P. S. Папенька очень доволенъ исправностію насчетъ справокъ въ Совѣтѣ; они всѣ тебя цѣлуютъ. Моимъ роднымъ поклонись, если ихъ увидишь.

29.

Варшава, 14 ноября 1838 года.

Я также на этотъ разъ немного неисправенъ, мой милый и безцѣнный Володя; но съ экстрапочтой мнѣ столько нужно было писать писемъ, что не успѣлъ окончить твое и поблагодарить тебя за строки отъ 1-го ноября. Жаль, очень жаль, что моя просьба къ генералу Ребиндеру попала не въ пору; теперь я между страхомъ и надеждою и рѣшился испытать послѣднее средство—писалъ къ Я. И. Ростовцеву и просилъ его быть ходатаемъ у Великаго Князя. Боже сохрани, если и тутъ мы встрѣтимъ неудачу; сестра твоя будетъ въ отчаяніи и утѣ-

шить ее не совсѣмъ легко. Генерала Ребиндера я также поблагодарилъ за участіе и вторично просилъ оказать съ своей стороны возможное содѣйствіе. Сдѣлай дружбу, хлопочи и ты; такого случая видѣться съ родными не скоро опять дождешься.

Вѣрно тебѣ не написали еще, что Юлія Ивановна на прошлой недѣлѣ поѣхала въ Берлинъ и возвратится сюда развѣ черезъ мѣсяцъ: она сопутствуетъ Безаковымъ; ты слышалъ, можетъ быть, что Александра Павловича послали туда для отвода артиллерійскихъ лошадей, подаренныхъ Государемъ Королю Прусскому. Поѣздка эта, по увѣренію медиковъ, будетъ полезна для здоровья маменьки, потому что коклюшъ не оставлялъ ее до сихъ поръ. Я также ѣду завтра дней на 8-мь, для осмотра пожалованнаго мнѣ имѣнія и кстати въ Краковъ, который оттуда только въ 6-ти миляхъ. Можешь представить, что мнѣ грустно разставаться съ Лизой, хотя и на короткое время; но нужда необходимая и притомъ не худо сдѣлать маленькую паузу и перемѣну въ нашей пріятной, но однообразной жизни. Однообразіе это для меня вовсе не тягостно; я желалъ бы, чтобы оно ничѣмъ не нарушалось; но молодыя дѣвушки самыя странныя созданія и разсуждаютъ иначе. Незабвенный нашъ поэтъ сказалъ правду, что мы любимъ горестно и трудно, а онѣ шутя. Пожалуйста, не выводи изъ этого никакихъ заключеній; когда нибудь я объясню тебѣ темныя мѣста въ моихъ письмахъ. Мы живемъ согласно; Лиза здорова и папенька также; я провожу съ ними и особенно съ сестрою твоей по нѣсколько часовъ въ сутки. Мнѣ бы хотѣлось, чтобы сестра твоя любила столько моихъ родныхъ, сколько ты ихъ любишь; но, кажется, на это надобно болѣе времени. О твоихъ денежныхъ нуждахъ я съ папенькой не рѣшился говорить; подожди до личнаго свиданія, а если тебя не отпустятъ, то тогда объясню ему все. Надобно сказать, что онъ собирается проситься на годъ въ отпускъ къ Кавказскимъ водамъ и въ Южную Россію; онъ такъ занятъ, что отдыхъ ему весьма нуженъ. О нашемъ новомъ устройствѣ хлопочетъ болѣе всего Юлія Ивановна и признаюсь, по моему мнѣнію, много лишняго; я охотно согласился бы сдѣлать нѣкоторыя сбереженія, чтобы вмѣсто этого улучшить твои способы: ты можешь быть увѣренъ, что говорю это со всею искренностію.

Письмо твое къ Сенъ-Лорану отправилъ; поклонъ Очкину передалъ; образъ мыслей его правда весьма оригиналенъ и занимателенъ; но это блестки ума, которыя мы съ тобой разсматриваемъ совершенно съ разныхъ сторонъ; я не завидую такимъ чудесамъ; только пожалуйста принимай ихъ болѣе за любезныя шутки, нежели за правила для жизни. Радуюсь душевно, что ты читаешь много; но все ли избранное? Припомни изрѣченіе Грибоѣдова, о которомъ я, кажется, не разъ тебѣ го-

ворилъ: *„куда дѣваться мнѣ отъ глупыхъ книгъ? Имъ счету нѣтъ, а жизнь— единый мигъ!“*

Жду отъ тебя лучшихъ извѣстій и молю Бога, чтобы Онъ утѣшилъ насъ твоимъ пріѣздомъ. Поклонись отъ меня Натальѣ Андреевнѣ и Владиславлеву. Обнимаетъ тебя мысленно твой преданный другъ

Н. Ушаковъ.

30.

Варшава, 8 декабря 1838 года.

Меня до сихъ поръ тѣшила надежда, что мы увидимъ тебя здѣсь на свадьбѣ, милый и безцѣнный другъ Володя; но твое письмо отъ 29-го ноября разрушило мои послѣднія мечты. Какъ жаль, что тебя не отпускаютъ и что всѣ мои старанія остались тщетны. Вчерась я объявилъ объ этомъ сестрѣ твоей и она въ большомъ горѣ; однакоже природное ея благоразуміе начинаетъ брать верхъ и Лиза вмѣстѣ со мною утѣшается тѣмъ, что мы по крайней мѣрѣ увидимъ тебя скоро въ Петербургѣ и, кажется, еще передъ масляницею; потому что мнѣ хотѣлось бы прибыть въ столицу, когда веселости тамъ еще не окончатся. Съ моей стороны къ свадьбѣ почти все готово, исключая окончательной отдѣлки квартиры, что также устроится совершенно къ Крещенью. Мнѣ жаль, что ты не увидишь нашего новоселья; оно не будетъ пышно; но, кажется, я все сдѣлалъ по моимъ средствамъ и думаю, что молодая жена останется довольною. Издержки мои весьма много сократились тѣмъ, что я успѣлъ закупить нѣкоторыя необходимыя вещи въ Краковѣ, куда ѣздилъ въ половинѣ ноября. Путешествіе это имѣло двойную пользу: по дорогѣ я осмотрѣлъ пожалованный мнѣ маіоратъ и нашелъ его совершенно по моимъ ожиданіямъ; объ этомъ ты вѣрно уже слышалъ отъ племянниковъ моихъ. Мы съ тобою сосѣди; но жаль, что не самые близкіе; потому что между нами 8-мъ миль, т. е. около 60 верстъ, изъ которыхъ большая половина по шоссе; имѣніе мое отъ Кракова только 6-ть миль, въ прекрасномъ мѣстоположеніи. О Хенцинахъ разскажу тебѣ при свиданіи, а теперь, будучи занятъ приготовленіями, не имѣю досуга, и могу прибавить только, что въ Хенцинахъ я былъ два раза и знаю ихъ довольно подробно.

Папа и Лиза, благодаря Бога, здоровы; Юлія Ивановна еще не возвратилась изъ Берлина, но ждемъ ее къ 18-му декабря. Третьяго дня были мои имянины и я провелъ ихъ въ новомъ домашнемъ кругу,

сестра твоя подарила мнѣ портфель своей работы и въ этотъ день была очень весела. Представь себѣ, что она безъ *maman* совершенная домосѣдка и, что всего лучше, не жалѣетъ о веселостяхъ, на которыхъ не участвуетъ. По правдѣ сказать, она очень умная дѣвушка, и если захочетъ быть любезною, то можетъ очаровать. Надобно признаться, что Андрей Яковлевичъ и Юлія Ивановна много образовали ея характеръ: одинъ своими истинно мудрыми внушеніями, другая примѣромъ рѣдкихъ правилъ. Тебя она обожаетъ; но я не ревную и не боюсь такого милаго соперничества.

Ты долженъ будешь получить предъ симъ письмо отъ папеньки черезъ Непокойчицкаго. Андрей Яковлевичъ поручилъ ему взглянуть на твой бытъ и, кажется, отъ него ты получишь деньги на лошадь. Надобно тебѣ непремѣнно завестись, наконецъ, экипажемъ, и я совѣтую не медлить; о дальнѣйшемъ же содержаніи папа заботится и непремѣнно снабдитъ тебя всѣмъ нужнымъ, если ты аккуратно напишешь, что лошадь уже куплена и что тебѣ недостаетъ того и того. О приданномъ Лизы не безпокойся; говорю безъ всякаго романа, что мнѣ довольно ея руки и сердца; потому что я больше ничего не искалъ и не надѣялся. Пиши къ папѣ, что ты читаешь; но пожалуйста, поменьше удѣляй времени на мимолетное чтеніе: Маріэтъ и Бульверъ хороши между дѣломъ; но исторія, мемуары и путешествія по моему гораздо полезнѣе. При свиданіи мы поспоримъ съ тобою объ этомъ, равно какъ и объ философіи Очкина, съ которымъ я совсѣмъ не въ контрѣ, но на прежней пріятельской ногѣ; онъ тебѣ кланяется и благодаритъ за память. Вчерась возвратился сюда съ Кавказа Голицынъ и разсказываетъ намъ кучу исторій о своихъ тамошнихъ похожденіяхъ. Засвидѣтельствуй мое искреннее почтеніе Натальѣ Андреевнѣ. Забылъ написать, что папа подалъ просьбу объ увольненіи его на годъ въ отпускъ съ содержаніемъ; но еще отсюда бумага не пошла и врядъ ли Государь захочетъ его уволить на такой продолжительный срокъ. Цѣлую тебя тысячу разъ и остаюсь на вѣки твой вѣрный другъ

Н. Ушаковъ.

P. S. Когда увидишь моихъ, то скажи, что я здоровъ и обнимаю ихъ.

31.

Варшава, 19 января 1839 года.

Пожалѣй обо мнѣ, милый Володя! Моя свадьба замедлилась, по случаю нездоровья бѣдной maman: она 10-ть дней въ постели отъ простуды и 15-го числа была отчаянно больна. Теперь, слава Богу, она поправляется; но когда совершенно будетъ здорова, опредѣлить нельзя, и я боюсь, чтобы потомъ не помѣшалъ постъ; потому что только до 30-го января можно вѣнчаться. Ты не можешь представить, сколько тутъ и душевнаго и карманнаго разстройства; все остальное у меня готово и я даже имѣю уже увольненіе въ отпускъ, такъ что на другой день послѣ свадьбы могъ бы ѣхать. Разумѣется, что при такомъ положеніи дѣлъ у Васъ въ домѣ было довольно унынія: папа и Лиза вытерпѣли порядочное горе; но, благодаря Всевышняго, опасность миновалась и теперь остается одна слабость и боязнь за рецидивъ, т. е. за возвращеніе белѣзни. Я думаю, по этой причинѣ ты не получишь въ нынѣшній разъ письма отъ родныхъ; но я не хочу оставлять тебя въ неизвѣстности и говорю сущую истину.

Послѣднее письмо твое я получилъ, но теперь не распространяюсь ни объ чемъ въ надеждѣ сладкой обнять тебя по крайней мѣрѣ въ постъ: тогда по прежнему возобновимъ наши бесѣды, въ которыхъ искреннимъ и непремѣннымъ участникомъ будетъ, конечно, и Лиза. Прибытіе наше будетъ важно и потому, что я долженъ рѣшить насчетъ твоего содержанія и сказать папѣ утвердительно, безъ чего тебѣ нельзя обойтиться. Благодарю чрезвычайно за деньги, которыя ты далъ Ванѣ; зная, что тебѣ такая сумма самому нужна, я хотѣлъ послать ее поскорѣе отсюда; но Ваня вѣрно уже разсказалъ, что помѣшало, и теперь подожди, пожалуйста, до моего прибытія.

Цѣлую тебя тысячу разъ за себя и за всѣхъ родныхъ твоихъ и остаюсь навѣки любящій тебя другъ

Николай Ушаковъ.

32.

Варшава, 2 февраля 1839 года.

Наконецъ, милый, безцѣнный Володя, я могу назвать тебя моимъ братомъ, и вѣрь мнѣ, что произношу это слово съ истиннымъ сердечнымъ восхищеніемъ. Ты догадаешься вѣроятно, что я уже женатъ;

свадьба наша исполнилась 29-го января, въ воскресенье, и сопровождалась довольно большимъ парадомъ: насъ вѣнчали въ замковой или придворной церкви; у меня посаженнымъ отцомъ и матерью были Князь и Княгиня, а шаферами Голицынъ и братъ мой, пріѣхавшій для этого случая изъ Калиша; у сестры твоей держалъ вѣнецъ Миша Дараганъ. Послѣ церкви у папы былъ чудесный ужинъ, на которомъ присутствовали, кромѣ Фельмаршала, князь Горчаковъ и князь Козловскій и сверхъ того еще одна важная особа, называемая *веселость*. На наше счастіе maman къ этому времени сдѣлалось гораздо лучше и она даже сама хозяйничала и принимала гостей. Вотъ тебѣ, милый другъ, главныя подробности столь радостнаго для меня событія; выразить все мое блаженство я не въ состояніи; по крайней мѣрѣ на это потребовался бы не одинъ листъ бумаги. Лиза дѣйствительно рѣдкое созданіе и какъ же завидно счастіе того, кому Провидѣніе посылаетъ ее спутницею жизни! Надѣемся скоро тебя увидѣть и обнять съ истиннымъ восторгомъ; но, къ сожалѣнію, отъѣздъ нашъ опять замедляется: оттепель такъ испортила дорогу, что слишкомъ было бы опасно предпринять теперь столь дальній путь, особенно съ молодою женщиною, еще не знакомою со всѣми трудностями дурного вояжа. Дней черезъ 10-ть Богъ дастъ будетъ лучше, и тогда мы не станемъ откладывать. Для насъ это время, конечно, пройдетъ невидимо; но ты безъ сомнѣнія погорюешь объ этой отсрочкѣ. Мы всякій день проводимъ теперь у папы, а за собственное хозяйство почти не принимались. Лиза очень довольна новымъ своимъ помѣщеніемъ и какъ мы жалѣемъ, что ты не здѣсь, и не могъ ни присутствовать на нашей свадьбѣ, ни посмотрѣть нашего новоселья.

До пріятнаго свиданія, милый другъ мой! Будь здоровъ и люби меня столько, сколько любитъ тебя твой вѣрный и Богомъ посланный братъ

Н. Ушаковъ.

Я думаю, ты никакъ не можешь вообразить сестру, которую ты зналъ ребенкомъ, уже замужемъ. Правда я и сама чуть вѣрю этому: такъ странно мнѣ это новое званіе. Николай Ивановичъ писалъ тебѣ о нашей свадьбѣ, но ничего не сказалъ о прелестной квартирѣ, которую онъ приготовилъ для меня. Ничего не можетъ быть лучше моего будуара или кабинета. Тамъ все напоминаетъ мнѣ нѣжную привязанность моего добраго мужа. Особенно бюро, гдѣ я занимаюсь, прелестно. Оно изъ сѣренькаго дерева съ фіолетовымъ бархатомъ, съ боковъ избранная библіотека въ рѣзныхъ шкафикахъ, а въ серединѣ китайская этажерка съ разными бюстиками, часиками и всѣми игрушками, необходимыми въ

кабинетѣ каждой женщины. Жаль только, что я должна тебѣ все это описывать. Но, можетъ быть, мы скоро увидимся и я подѣлюсь съ тобой моимъ счастьемъ.

До свиданія, милый другъ. Помни обожающую тебя сестру

Лизу Ушакову.

33.

Г. Теплицъ, ¹¹/₂₃ іюня 1839 г.

Сегодня почти мѣсяцъ, какъ мы разстались съ тобою, милый Вольдемаръ, и сколько перемѣнъ произошло со мною въ это незначительное время! Тогда какъ ты едва ли успѣлъ еще передвинуться до Красносельскаго лагеря, я переѣхалъ въ Варшаву, прожилъ тамъ 10-ть дней, побывалъ въ Карлсбадѣ, и вотъ почти недѣля, какъ сижу въ Теплицѣ и отъ скуки пью въ сутки по 4-е стакана Маріенбадской воды и принимаю ежедневно легенькія ванны. Но подумай однакоже, чтобы мнѣ въ самомъ дѣлѣ необходимо было пользоваться; нѣтъ, я вспоминаю старый совѣтъ Рсмана Сергѣевича и дѣлаю все это для разогнанія флегмы, которая, какъ ты можетъ быть замѣтилъ, приступаетъ часто у меня къ груди.

Что тебѣ сказать, милый другъ, о нынѣшней моей поѣздкѣ за границу? Разставшись съ Лизой, я, разумѣется, не могу видѣть самыхъ прекрасныхъ предметовъ въ хорошемъ цвѣтѣ. Поэтому Германія, которая такъ мнѣ нравилась въ первый разъ, кажется теперь скучною, однообразною и мертвою. Это холстина, на которой изображенъ прелестный ландшафтъ и движутся бумажныя фигуры подъ пружинами невидимаго машиниста. Въ самомъ дѣлѣ въ этихъ живописныхъ горахъ недостаетъ быстрыхъ рѣчекъ, многочисленныхъ табуновъ и стадъ; ущелья эти такъ тихи, такъ классически безмолвны, что самое пылкое воображеніе не въ состояніи придать имъ поэтической занимательности. Говорятъ, Италія, Франція—совсѣмъ другое. Пусть такъ; но кажется, что для каждаго изъ насъ наступаетъ эпоха, когда домосѣдство дѣлается пріятнѣе бродяжничества. Иное дѣло путешествовать въ сообществѣ близкихъ сердцу людей и я, можетъ быть, не отказался бы еще съѣздить на югъ Европы въ спокойной четвероместной каретѣ, въ которой кромѣ меня и Лизы помѣщался бы ты и еще кто нибудь изъ нашихъ; но когда же это случится?

Ты спросишь, можетъ быть, для чего же я не взялъ съ собою теперь Лизы? Правда у меня средствъ достало бы; мнѣ отпустили на дорогу почти 250 червонцевъ; но что бы она здѣсь дѣлала? Бреславль, Дрезденъ, Карлсбадъ и Теплицъ ей уже извѣстны. Въ Карлсбадѣ можетъ быть нашлось бы порядочное знакомство; но я тамъ пробылъ только три дня, а здѣсь скука страшная, и русскихъ нѣтъ никого, кромѣ насъ. Совѣсть, а не эгоизмъ управляютъ всегда моими дѣйствіями и мнѣ казалось непростительнымъ подвергать жену новой усталости и заставлять ее для собственнаго удовольствія жить безъ всякаго сообщества. Въ Варшавѣ, по крайней мѣрѣ, она осталась въ своемъ кругу и притомъ съ Maman. Долженъ признаться, что мнѣ очень грустно; но надѣюсь, что меня недѣли черезъ двѣ отсюда отпустятъ. Вообрази, что отъ Варшавы до Карлсбада мы ѣхали въ одной коляскѣ съ Очкинымъ; онъ выпросился въ Италію покупаться въ Адріатическихъ и Средиземныхъ волнахъ и хотѣлъ написать тебѣ изъ Венеціи или Неаполя. Но его вѣтренность заставляетъ опасаться, что едва ли онъ попадетъ въ Италію: у него каждый день новые проэкты.

Дай намъ вѣсточку, любезный дружокъ, о твоемъ житьѣ. Лиза тоскуетъ, что ты къ ней не пишешь; между тѣмъ отъ насъ это другое уже письмо; здоровъ ли ты и продолжаешь ли бывать также часто у нашихъ родныхъ? Не знаю, успѣю ли имъ написать теперь, по крайней мѣрѣ, ты передай хоть чрезъ Ваню, гдѣ и какъ я обрѣтаюсь. Поклонись также отъ меня Петру Михайловичу, Аннѣ Михайловнѣ и Дмитрію Дарагану. Если ты въ лагерѣ и живешь вмѣстѣ съ Ваней, то я обоихъ Васъ цѣлую, обоимъ желаю здоровья и счастія и остаюсь всегда Вамъ преданный другъ

Н Ушаковъ.

Не знаю, поймешь ли ты что нибудь изъ моего письма; я его писалъ почти ощупью. Было очень поздно ночью, я писалъ много, время прошло такъ скоро, что лампа уже погасала, когда я вспомнилъ, что завтра почтовый день и я велѣлъ писарю (который беретъ всѣ мои письма) ожидать письмо на завтра.

34.

Варшава, 19 іюля 1839 г.

Мы получили на дняхъ письмо твое отъ 7-го іюля, милый и безцѣнный дружокъ Володя! Ты не зналъ еще тогда о моемъ возвращеніи;

но я здѣсь уже три недѣли и опять приготовляюсь въ путь къ Бородину въ первыхъ числахъ августа. Разлука снова на мѣсяцъ и мы до сихъ поръ не рѣшились, гдѣ быть Лизѣ: оставаться ли здѣсь или ѣхать съ папою въ Малороссію. Сегодня ждемъ Андрея Яковлевича изъ Вильна и посудимъ объ этомъ вмѣстѣ. Впрочемъ признаюсь тебѣ откровенно, что я желалъ бы, чтобы Лиза осталась въ Варшавѣ. Поѣздка въ Богодуховку будетъ стоить намъ не менѣе 500 руб. и по пескамъ Волынскимъ и Кіевскимъ не такъ-то пріятно ѣздить въ знойное время. Что касается до общества, то она не найдетъ его и въ Малороссіи, тѣмъ болѣе, что папа предполагалъ ѣхать въ Одессу и въ другія мѣста, а Лизѣ тащиться повсюду за ними было бы не совсѣмъ кстати. Оставаясь въ Варшавѣ, она потеряетъ только одно, что позже съ тобою увидится; но мы льстимъ себя надеждою, что ты непремѣнно заѣдешь къ намъ сюда и проведешь здѣсь съ нами хотя недѣли три. Мысль эта меня вполнѣ восхищаетъ. Я бы хотѣлъ также знать, когда именно тебя отпустятъ, и не можешь ли ты въ исходѣ августа прибыть въ Бородино, чтобы оттуда я могъ тебя взять съ собою и довести до Богодуховки, потому что я надѣюсь послѣ смотра выпроситься туда у фельдмаршала, на то время, которое Его Свѣтлость пробудетъ въ Гомелѣ. Пожалуйста, подумай хорошенько, посовѣтуйся съ Дмитріемъ Ивановичемъ Дараганомъ и напиши мнѣ.

Я тебѣ не разсказываю теперь ничего о моей поѣзкѣ за границу, потому что подробно писалъ объ этомъ изъ Теплица, а остальное ты вѣрно знаешь изъ писемъ моихъ къ роднымъ. Какъ жаль, что Ваня заболѣлъ и что ты лишился въ немъ добраго лагернаго товарища, человѣка, любящаго тебя всею силою юной души. Описаніе твоей бивуачной жизни меня заняло въ полной мѣрѣ. Кланяйся отъ меня Похитонову; онъ добрый и честный товарищъ, и очень хорошо дѣлаетъ, что на досугѣ знакомитъ тебя съ Варшавою и съ такими подробностями этого города, которыя могутъ быть только словесно разсказаны. Мы ведемъ теперь здѣсь жизнь не шумную, но пріятную. Общество наше ограничивается родственнымъ кругомъ, т. е. Юліею Ивановною и Любовь Ивановною Лиза выучилась ѣздить верхомъ и иногда дѣлаетъ прогулки со мною верстъ по 15-ти. Можешь представить, какъ она красива на конѣ! Юлія Ивановна также ѣздитъ съ нами и управляетъ лошадью еще смѣлѣе Лизы. Оставаясь дома, мы всегда заняты чтеніемъ и время идетъ невидимо. Хозяйство наше мало по малу также устраивается: мы обѣдаемъ дома и я желалъ бы, чтобы ты поскорѣй былъ нашимъ гостемъ.

Въ эту минуту Лиза пишетъ къ тебѣ сама и потому я боюсь распространяться, чтобы не наполнить этого листка повтореніями. Очкинъ до сихъ поръ еще за границей; но нѣтъ слуховъ, чтобы онъ

поѣхалъ въ Италію. Если увидишь родныхъ нашихъ, то скажи, что я здоровъ, цѣлую ихъ отъ всего сердца и буду писать къ нимъ чрезъ нѣсколько дней. Дмитрію Ивановичу Дарагану мой усердный поклонъ. Можетъ быть, ты увидишь и Петра Михайловича: тогда ему засвидѣтельствуй мое особенное уваженіе, равно какъ и Аннѣ Михайловнѣ. Обнимаю тебя съ чувствомъ неизмѣнной дружбы и остаюсь на вѣки твой вѣрный и любящій тебя братъ

Н. Ушаковъ.

35.

Сельцо Новое, близъ Бородина, 21 августа 1839 г.

Послѣ всѣхъ здѣшнихъ усталостей и безпокойствъ можешь представить, милый другъ Вольдемаръ, какъ пріятно мнѣ было получить отъ тебя извѣстіе и, что называется, неожиданно. Ты собираешься въ отпускъ и даешь намъ утѣшительную надежду скоро съ тобою увидѣться. Какъ будемъ мы рады, если это скоро сбудется, особенно Лиза, которая отъ тебя безъ ума. Теперь она одна осталась въ Варшавѣ и скучаетъ чрезвычайно. Папа и Юлія Ивановна должны быть давно въ Богодуховкѣ и мы писали тебѣ объ ихъ выѣздѣ. Они приглашали Лизу съ собою; но встрѣтилось весьма много неудобствъ, и мы рѣшились ѣхать вмѣстѣ съ нею въ Малороссію въ октябрѣ, если что нибудь не помѣшаетъ. Какъ бы мнѣ хотѣлось переговорить съ тобою обо всемъ этомъ. Если ты будешь въ Москвѣ прежде 10-го сентября, то, можетъ быть, мы тамъ увидимся, хотя не знаю навѣрное, буду ли еще тамъ. Фельдмаршалъ сказалъ, что въ случаѣ поѣздки туда возьметъ съ собою одного адъютанта; но меня или кого другого, неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ при проѣздѣ чрезъ Москву справься во дворцѣ Великаго Князя Михаила Павловича, гдѣ фельдмаршаль будетъ жить. Ты хорошо дѣлаешь, что ѣдешъ этимъ трактомъ; взглянуть на старую столицу, на древнюю, обширную Москву, всегда любопытно, особенно теперь, когда тамъ готовятся для Государя большія веселости. Если поѣдешь позднѣе, то есть около 15-го или 20-го сентября, то отыскивай меня въ Гомелѣ, въ имѣніи фельдмаршала: тутъ какъ разъ проходитъ почтовый Бѣлорусскій трактъ чрезъ Черниговъ, Козелецъ и Переяславль до Золотоноши. Можетъ быть, тогда изъ Гомеля мы пустимся вмѣстѣ въ Богодуховку. Если бы въ Москвѣ мы съ тобой не столкнулись, то напиши сестрѣ въ Варшаву, когда именно ты проѣдешь и на какой срокъ от-

пущенъ, дабы, соображаясь съ этимъ, мы съ Лизой могли бы взять съ своей стороны мѣры къ скорѣйшему свиданію съ тобою. Вѣроятно, папа тебя продержитъ долго въ Богодуховкѣ; онъ поѣхалъ на 6-ть мѣсяцевъ, а въ деревнѣ такой гость, какъ ты, дороже всякаго общества. Онъ ждетъ тебя съ нетерпѣніемъ.

Пора сказать тебѣ, мой другъ, что мы здѣсь дѣлаемъ. Я пріѣхалъ сюда 11-го числа вмѣстѣ съ фельдмаршаломъ. Чрезъ пять дней послѣ того изволилъ прибыть Государь Императоръ и съ того времени начались ежедневные смотры. Всѣмъ до сихъ поръ видѣннымъ Его Величество весьма доволенъ; но еще осталась почти большая половина занятій: корпусныя ученья и маневры; все окончится не прежде 1-го сентября, а потомъ, кажется, ѣдутъ въ Москву торжествовать заложеніе Храма Спасителя. Между прочими маневрами будетъ исполнено примѣрно Бородинское сраженіе, въ томъ видѣ, какъ оно происходило, только съ измѣненіями на правомъ нашемъ флангѣ; но эти подробности такъ велики, что я отлагаю объясненія до будущаго свиданія съ тобою. Государь, Наслѣдникъ и Герцогъ Лейхтенбергскій живутъ въ лагерѣ, около гвардейскаго полка; фельдмаршалъ тамъ же; а мы по двое дежуримъ и тогда цѣлый день и ночь остаемся также въ лагерѣ, остальное же время помѣщаемся въ небольшой деревенькѣ, гдѣ господскій домъ былъ назначенъ для фельдмаршала; я, Очкинъ, докторъ и Гильфердингъ имѣемъ тамъ двѣ комнатки, весьма тѣсныя, но хорошо укрывающія насъ отъ сырости и пыли лагерной. Какъ умно я сдѣлалъ, что не взялъ съ собою Лизы: тутъ бы ей совершенно негдѣ было жить. Теперь хотя ей скучно, но она по крайней мѣрѣ не терпитъ нужды и вполнѣ довольна своимъ уголкомъ. Богъ знаетъ, какъ мнѣ хочется вернуться скорѣе и обнять мою безцѣнную Лизочку; но время въ разлукѣ идетъ такъ медленно.

Бываешь ли ты у нашихъ? Если увидишься съ ними, то скажи, что я здоровъ, получилъ сѣдло и шляпу и буду самъ писать вслѣдъ за симъ. Тебѣ весьма кланяется Очкинъ, а я сто разъ цѣлую и остаюсь навѣки твой искренній другъ и братъ

Н. Ушаковъ.

36.

Москва, 6 сентября 1839 г.

Вотъ третій день, какъ мы здѣсь, любезный другъ Вольдемаръ, и вчерась прибылъ сюда Александръ Дараганъ и объявилъ, что ты

совершенно готовъ ѣхать въ отпускъ, только ожидаешь извѣстія, гдѣ намъ съ тобою свидѣться. Чтобы вывести тебя изъ затрудненія, спѣшу сказать, что пребываніе наше продлится здѣсь навѣрное до 12-го сентября. Итакъ, если возможно, то ради Бога поторопись въ Москву и пріѣзжай прямо на квартиру Очкина и Четыркина, на улицѣ Остоженкѣ, въ домѣ Хомяковой, что противъ Зачатіевскаго монастыря. Я же живу не далеко, во флигелѣ дома Его Высочества Великаго Князя Михаила Павловича [1]). Если не успѣешь къ 12-му сентября, то, по крайней мѣрѣ, заѣзжай хоть въ Гомель, гдѣ фельдмаршалъ пробудетъ дней пять. Мнѣ очень хочется тебя обнять, милый другъ мой, и я чрезвычайно буду жалѣть, если это не исполнится ни въ Москвѣ, ни въ Гомелѣ.

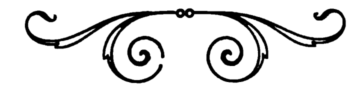
Сейчасъ получилъ письмо отъ Лизы; она, благодаря Бога, здорова, но грустить, не имѣя давно отъ тебя ни строчки.

Я такъ занятъ дѣломъ и такъ спѣшу, что не описываю тебѣ никакихъ новостей. Пожалуйста, побывай у нашихъ и скажи, что я здоровъ и цѣлую всѣхъ ихъ, а писать буду къ нимъ на дняхъ.

Прощай, обнимаю тебя сто разъ и остаюсь твой вѣрный и истинно тебя любящій другъ

Н. Ушаковъ.

P. S. Хоть передъ отъѣздомъ напиши сестрѣ: она въ отчаяніи и думаетъ, что ты ея не любишь.



---

[1]) На этой усадьбѣ помѣщается теперь Лицей въ память Цесаревича Николая.

Сороковые годы.

1.

Варшава, 20 апрѣля 1840 г.

Мнѣ все не вѣрится, милый дружочекъ Володя, что ты не съ нами. Каждый день утромъ я думаю: вотъ придешь ты обѣдать, вотъ увидимся съ тобою вечеромъ; но не тутъ то было: много пріятнаго кругомъ и передъ глазами убѣждаетъ тотчасъ, что этой радости намъ долго не дождаться. Полученное отъ тебя на прошлой недѣлѣ письмо доказываетъ, что ты еще болѣе насъ чувствуешь эту перемѣну. Вѣрю отъ всей души и принимаю эти доказательства съ искреннею благодарностію.

Отъ родныхъ нашихъ ты уже знаешь, что мы доѣхали сюда и скоро, и благополучно. Дорога къ удивленію обошлась почти безъ кощунствъ. Можешь представить мое нетерпѣніе, когда мы переправились за Нѣманъ. Въ 9 часовъ утра, въ Вербное Воскресенье, я былъ уже дома, гдѣ Лиза ждала меня по предварительнымъ извѣстіямъ, здоровая и такая милочка, что только ты одинъ можешь это понять. Разумѣется, съ той же минуты забыто все: и дорожная усталость и петербургскіе хлопоты и все, что разлука съ женою оставляетъ на сердцѣ непріятнаго. Жизнь тихая, полная своей особенной прелести, опять для меня возобновилась. Мы каждый день бываемъ у папы и, разумѣется, много и часто говоримъ о тебѣ. Если бы ты зналъ, сколько было разныхъ споровъ, преимущественно на счетъ твоего содержанія. Результатъ тотъ, что вмѣстѣ съ симъ получаешь по старому двухмѣсячное содержаніе 500 руб. и сверхъ того на обзаведеніе упряжи, наемъ кучера и проч. 600 руб., что, кажется, будетъ совершенно достаточно по сдѣланному нами съ тобою разсчету. Дальнѣйшее потерпи; потому что папа дѣйствительно теперь не можетъ иначе распорядиться. Недавно онъ послалъ въ Малороссію 9 т. руб. на покупку хлѣба; ибо прежній весь почти вышелъ и мужики начали нуждаться. Дѣла Хенцинскія все въ томъ же видѣ, т. е. имѣніе дохода не даетъ.

Проектовъ много: хотятъ продать почту, отдать все хозяйство въ аренду; но ни то, ни другое еще не приведено въ исполненіе. Кошулько остается управителемъ; но ему данъ въ помощь, для отчетовъ, особый писарь. Все прочее идетъ по старому и бюджетъ ежегодный не сокращается ни на волосъ.

У насъ съ Лизой также нѣтъ никакой перемѣны; только квартира наша поосвѣжилась, отъ небольшихъ поправокъ. Лиза переставила мебель въ своей комнаткѣ и украсила ее множествомъ цвѣтовъ, такъ что и самой богатой женщинѣ не стыдно было бы имѣть такой будуаръ: тамъ теперь трубокъ курить ужъ не позволяется.

На нашемъ Варшавскомъ горизонтѣ нѣсколько важныхъ перемѣнъ. Пріѣхалъ новый военный губернаторъ Писаревъ и съ тѣмъ вмѣстѣ прибавилось папѣ лишнихъ хлопотъ. Шиповъ подалъ въ отпускъ; но останется до пріѣзда Государя. Безака требуютъ въ Петербургъ на мѣсто кн. Долгорукаго и еще не рѣшено, ѣдетъ ли онъ одинъ или съ семействомъ. Л. И. хочется очень показать себя въ столицѣ въ новыхъ живыхъ картинахъ. Недавно въ цитадели нашей былъ большой пожаръ: сгорѣло много запаснаго артиллерійскаго лѣса и готовыхъ лафетовъ и платформъ. Вся потеря можетъ простираться до 250 т. руб. ассиг. Очкинъ и Четыркинъ тебѣ кланяются и благодарятъ за память: они на дняхъ вмѣстѣ съ Голицынымъ обѣдали у насъ. Очкинъ еще не совсѣмъ наслаждается кейфомъ, потому что его иногда требуютъ къ дѣлу. Maman и Лиза начали ѣздить верхомъ въ манежѣ. У насъ гораздо теплѣе Петербургскаго, но весна еще не совсѣмъ установилась и зелени мало. Мой поклонъ Дараганамъ, Натальѣ Андреевнѣ и Владиславлевымъ. Къ роднымъ пишу вмѣстѣ съ симъ и надѣюсь, что ты у нихъ бываешь часто, вслѣдствіе заключеннаго съ Любочкою условія. Прощай, мой ангелъ! Похристосуемся братски тремя искренними поцѣлуями,—заключаетъ письмо твой преданный другъ

Н. Ушаковъ.

2.

Варшава, 12 октября 1840 года.

Теперь моя очередь писать къ тебѣ, милый другъ Володя; не потому, чтобы сестра твоя не въ состояніи была это исполнить: она благодаря Бога здорова; но я самъ такъ давно не бесѣдовалъ съ тобою и вчера сверхъ того получилъ отъ тебя особое письмецо, отъ 5-го ок-

тября, наполненное порученіями и вопросами. Очень охотно берусь удовлетворить тебя и прежде всего о томъ, что къ намъ ближе. У насъ, т. е. въ кругу родныхъ, все благополучно и жизнь идетъ по старому, т. е. большею частію Maman и Катюша въ театрѣ, Papa за вистомъ, а мы съ Лизой дома. Порядокъ этотъ нарушается только иногда обѣдами и рѣдко, рѣдко, семейными вечерами, которые по временамъ украшаются пѣніемъ Андреева, извѣстнаго Петербургскаго тенора. Онъ пріѣхалъ сюда въ прошломъ мѣсяцѣ съ племянницею своею, которая вышла здѣсь замужъ за полковника Крока. Голосъ Андреева удивительный и онъ поетъ съ большимъ чувствомъ, особенно русскіе романсы, что на Лизу производитъ самое поэтическое впечатлѣніе. Здѣшнія знаменитости, т. е. Рожнецкіе и тому подобные пѣвцы, а за ними и польская публика съ примѣсью немного нашей—ополчились на него завистью и утверждаютъ, что голосъ и метода Андреева могутъ нравиться только русскимъ: это невѣжественное сужденіе нисколько на насъ не дѣйствуетъ, и мы съ восхищеніемъ слушаемъ нашего земляка. Какъ жаль, что ты не можешь раздѣлять съ нами такого удовольствія. Но кстати объ этомъ предметѣ. Кажется, отзывъ Papa объ отпускѣ огорчилъ тебя; однакоже онъ правъ. Извѣстно, какъ въ гвардіи смотрятъ на офицеровъ, которые удаляются отъ службы, а, попавши разъ на такое замѣчаніе, можно много повредить себѣ. При томъ какая цѣль ѣхать на годъ? Учиться хозяйству въ Хенцинахъ? Но въ твои лѣта нельзя довольно серьезно заниматься этимъ и, правду сказать, тамъ учиться нечему: двѣ недѣли, много мѣсяцъ и потомъ придется жить въ Варшавѣ, гдѣ всякій справедливо можетъ спросить тебя, для чего ты пріѣхалъ. Просятся на годъ въ отпускъ, кромѣ болѣзни, для поправленія семейныхъ дѣлъ или для раздѣла, а, слава Богу, у тебя ни того, ни другого въ виду нѣтъ. Какъ ни ограничена польза отъ службы въ прапорщичьемъ чинѣ; но всетаки, по совѣсти, тамъ, на мѣстѣ, можно пріобрѣсть болѣе для себя познаній, нежели здѣсь, въ кругу родныхъ и съ твоею застѣнчивостію въ обществѣ. Совсѣмъ иное ѣхать за границу, посмотрѣть на все, что образованность и благосостояніе народовъ представляютъ любопытнаго для ума и сердца. Но на это нужны деньги, которыхъ нѣтъ у отца, и объ его положеніи трудно судить постороннимъ. Что касается до тебя, то ты самъ видѣлъ близко: наружность для другихъ обманчива. Еслибъ я былъ эгоистъ, то прежде всѣхъ долженъ былъ бы поддержать твое желаніе; но мы подробнѣе объяснимся, Богъ дастъ, при свиданіи, а теперь скажу, что по истеченіи срока пріѣхать сюда мѣсяца на два и даже на три не мѣшаетъ и въ свое время какъ нибудь постараемся это уладить. Такихъ счастливцевъ мало, которые, при другихъ выгодахъ жизни, могутъ часто и продолжительно пользоваться свиданіемъ съ родными. Ты, конечно, не

сомнѣваешься, что мы всѣ хотѣли бы видѣть тебя безпрерывно въ нашемъ кругу; но твоя собственная польза не этого требуетъ: особенно въ такомъ случаѣ должно уважать мнѣніе и опытность отца.

Ты насъ очень порадовалъ, милый другъ, твоимъ истинно братскимъ участіемъ въ положеніи сестры. Если все благополучно окончится, то мое восхищеніе будетъ безмѣрно. Однакоже осталась еще половина срока и надобно испытать множество опасеній, при неопытности Лизы и Maman. Катерина Михайловна также въ этомъ дѣлѣ не много понимаетъ, потому что не имѣла дѣтей, а на вниманіе и совѣты Любочки, ты знаешь, положиться нельзя. До сихъ поръ все идетъ хорошо; но сколько требуется осторожностей, которыя могутъ ускользнуть и отъ самаго бдительнаго наблюденія!

Порученіе твое о Шлейковскомъ не могу лично выполнить, потому что не въ состояніи говорить съ такимъ жаромъ о почтенномъ профессорѣ; но къ счастію третьяго дня пріѣхалъ Очкинъ и я передалъ ему твою просьбу и напомню, что онъ въ Петербургѣ обѣщалъ хлопотать за Шлейковскаго. Очкинъ поправился здоровьемъ и тебѣ кланяется; говоритъ, что привезъ какой то подарокъ для тебя изъ заграницы, но не знаю, какой именно. Онъ между прочимъ былъ въ Парижѣ и разсказываетъ много интереснаго о тамошнихъ нравахъ, театрахъ, магазинахъ, гризеткахъ и вообще о цѣломъ народѣ, большая часть котораго отличается теперь идеями едва ли не хуже идей 1789 года; это толпа изступленныхъ, которые желаютъ имѣть всѣ выгоды жизни безъ труда и занятій. Такой ужасный духъ я называю degradation de l'humanité. Здѣсь также проѣздомъ маіоръ Горнаго Корпуса Лисенко, землякъ папы. Онъ возвращается изъ Франціи на Златоустовскій заводъ; человѣкъ съ хорошими свѣдѣніями и весьма скромный: Андрей Яковлевичъ отъ него въ восхищеніи, тѣмъ болѣе, что тутъ участвуетъ патріотизмъ.

Наши награды что то замолкли. Всѣ надежды обращены къ 6-му декабря. Ты знаешь, что папа представленъ къ Анненской лентѣ, а я къ землѣ. Для меня очень важно получить эту милость.

Натальѣ Андреевнѣ засвидѣтельствуй отъ насъ искреннее почтеніе и скажи, что порученность ея охотно выполню; но не могу переслать вещи впередъ, а привезу съ собою. Кажется, и твоему бѣлью должно будетъ пролежать до того времени: оно между тѣмъ готово; потерпи какъ нибудь. Любовь Ивановна недавно возвратилась изъ Кракова и, по порученію Лизы, купила тебѣ хорошую фуфайку фланелевую; другую я присовокупляю изъ моихъ. Надѣюсь видѣться съ тобою въ первыхъ числахъ декабря; по крайней мѣрѣ такъ носятся слухи. Цѣлуютъ тебя всѣ наши, особенно Лиза, которая до сихъ поръ безъ ума отъ тебя и съ восхищеніемъ всегда перечитываетъ твои письма. Она сама не успѣваетъ писать на этотъ разъ. Передай отъ насъ извѣстіе и

поклонъ роднымъ. Я буду писать къ нимъ дня черезъ три, а между тѣмъ скажи, что чай дошелъ ко мнѣ исправно. Братъ мой также тебѣ кланяется, равно какъ Четыркинъ и Голицынъ. Безака требуютъ въ Петербургъ рѣшительно на мѣсто Долгорукаго. Любочка радуется, но сама не знаетъ чему: переѣздъ и тамошняя жизнь едвали обойдутся дешево. Она теперь въ большой пріязни съ *Лохтиной* и жалуется, что родные мало ею занимаются. Я на этотъ счетъ разскажу тебѣ при свиданіи много исторій, а теперь прощай; скоро полночь и мое письмо вышло такъ длинно, что ты едвали прочитаешь его иначе, какъ на досугѣ, въ караулѣ. Обнимаетъ тебя сто разъ твой преданный и любящій тебя всѣмъ сердцемъ братъ и другъ

Н. Ушаковъ.

P. S. Позволь пожурить тебя, что ты никогда не пишешь папѣ о полученіи денегъ и онъ претендуетъ за то.

3.

Варшава, 4 ноября 1840 г.

Рекомендую тебѣ, любезный другъ Володя, добраго и умнаго малороссіянина, маіора корпуса горныхъ инженеровъ Ивана Николаевича Лисенко. Онъ путешествовалъ на казенный счетъ по Европѣ, чтобы познакомиться съ горною частію въ иностранныхъ земляхъ; былъ въ Берлинѣ, Вѣнѣ, Брюсселѣ и въ Парижѣ, а теперь, чрезъ Петербургъ, возвращается на Златоустовскій заводъ, гдѣ оставилъ свое семейство и гдѣ онъ начальникомъ извѣстной фабрики бѣлаго оружія. Познакомься съ нимъ; бесѣда такого человѣка пріятна и назидательна; онъ очень понравился папѣ и любилъ проводить съ нами время. Отъ него можешь узнать все, чѣмъ будешь интересоваться на счетъ нашей жизни. Притомъ онъ воспитывался вмѣстѣ съ Очкинымъ и встрѣтился съ нимъ по пріятельски.

Вчера вечеромъ пришло твое письмо отъ 29-го октября. Мы удивились исправности князя Радзивилла. Теперь ты снабженъ покуда всѣмъ нужнымъ, и какъ пріятно слышать, что, наконецъ, уже щеголяешь въ своемъ экипажѣ! Отъ письма твоего папа въ восхищеніи и намѣренъ подарить тебѣ 350 руб. на сани и на прочее обзаведеніе для зимы. Онъ совершенно согласенъ съ твоимъ мнѣніемъ о Ѳад. Венед. Эти люди исписались и, кажется, отживаютъ послѣдній умъ. Куда какъ

несносна полемика „Сѣверной Пчелы“ съ „Отечественными Записками“. Обѣ стороны не правы и тщетно хотятъ диктаторствовать въ литературѣ, забывая, что читающая публика въ Россіи уже не та, какъ была лѣтъ за 15. Классъ образованныхъ людей понимаетъ хорошо, что журналисты наши просто ремесленники, для которыхъ нуженъ насущный хлѣбъ и подрывъ собратій: у нихъ нѣтъ общаго направленія, общей цѣли и для нихъ чужды успѣхи наукъ и просвѣщенія. Подумай, какими глазами мы должны смотрѣть на подобныхъ представителей, если и ты уже, съ пылкимъ воображеніемъ, съ юношескою душею, не видишь тутъ поэзіи, а находишь одну прозу. Но проза эта показалась бы тебѣ еще грязнѣе, еслибъ судьба привела тебя отобѣдать когда нибудь у почтеннаго Нестора журналистовъ—Ѳад. Венед. Я бывалъ въ такихъ бесѣдахъ и ужаснулся, какъ мало идей блестѣло въ разговорахъ собесѣдниковъ. Вообще эти люди не понимаютъ, что строгіе ихъ судьи не тѣ, которымъ они должны отвѣчать на печатныя критики; но тѣ, которые, прочитавъ ихъ журналы,—жалѣютъ о потерянномъ времени и удивляются ихъ скучному пустословію.

Всю эту выходку набрасываю здѣсь потому, что папа въ нынѣшній разъ едва ли самъ будетъ писать къ тебѣ. Четвертый день какъ онъ въ постели; но не пугайся, мой другъ: болѣзнь простудная и обнаружилась ревматизмами въ обѣихъ ступняхъ ногъ. Вчера Мальчъ говорилъ, что, можетъ быть, это начало подагры; въ такомъ случаѣ еще лучше. Подагра самый снисходительный недугъ: помучаетъ дней 10-ть, 15-ть, и потомъ не только оставляетъ года на два, но уноситъ съ собою зародыши всѣхъ прочихъ болѣзней. Ты помнишь здѣсь генерала Влодека: онъ періодически страдаетъ подагрою; но за то какъ свѣжъ и бодръ въ остальное время, не смотря на свои 60 лѣтъ. Maman и Лиза огорчаются; но папа веселъ и, лежа въ постели, безпрестанно съ кѣмъ нибудь бесѣдуетъ.

Кажется, въ концѣ этого мѣсяца мы выберемся въ Петербургъ; по крайней мѣрѣ такъ носились слухи. Для меня важно то, что останемся у васъ не болѣе 15-ти дней; такимъ образомъ отсутствіе мое не разстроитъ Лизу и притомъ въ самое необходимое время я буду, Богъ дастъ, при ней неотлучно. Здоровье сестры твоей, благодаря Всевышнему, въ хорошемъ положеніи; она сама пишетъ къ тебѣ. Ты у насъ въ долгу; потому что не отвѣчалъ на послѣднія наши письма. Спасибо очень, что посѣщаешь нашихъ: они въ восхищеніи отъ тебя. Душевно желаю тебѣ, мой ангелъ, всѣхъ успѣховъ и цѣлую съ братскою искренностію.

Н. Ушаковъ.

Н. Ивановичъ такъ подробно написалъ тебѣ обо всемъ, что мнѣ право не остается сказать тебѣ ни слова интереснаго. Развѣ нѣжно,

нѣжно расцѣловать тебя за участіе, съ какимъ ты говоришь о теперешнемъ моемъ положеніи и поблагодарить за любовь твою, въ которой, ты знаешь, я всегда немножко сомнѣвалась. Прости мнѣ это. Тутъ бы надобно мнѣ было очень, очень много поговорить; но, право, ни мѣсто, ни время—не позволяютъ; надежда до будущей почты, когда вѣрно я успѣю докончить длиннѣйшее посланіе и пришлю тебѣ.

Sur ce adieu, mon cher. Je recommande aussi à ton amitié m-r Lisenko et n'oublie point de t'informer quelquefois de deux jeunes Coniar. Sophie te salue. Adieu.

4.

Варшава, 13 ноября 1840 г.

Мы весьма недавно писали къ тебѣ, милый другъ Вольдемаръ, чрезъ маіора корпуса горныхъ инженеровъ Лисенко; но теперь не худо чаще посылать тебѣ извѣстія, чтобы ты не безпокоился насчетъ здоровья Лизы и особенно папы. О болѣзни его ты уже знаешь. Вотъ 10 дней, какъ онъ въ постели, почти не владѣетъ ни руками, ни ногами, и съ большимъ трудомъ, при помощи пяти человѣкъ, передвигается съ мѣста на мѣсто, т. е. съ одного бока на другой. До сихъ поръ доктора не опредѣлили названія болѣзни: одинъ говоритъ, что это *goutte volante*, другой называетъ *artretisme*, или сильное разслабленіе ножныхъ и ручныхъ суставовъ, отъ простуды и желудка. Какъ бы то ни было, опасности, благодаря Бога, нѣтъ никакой и припадки съ каждымъ днемъ становятся слабѣе; но ты знаешь, что папа мнителенъ и нетерпѣливъ, и отъ этого самое поправленіе его кажется продолжительнымъ. Maman очень измучилась безсонницей, и всѣ люди въ домѣ устали чрезвычайно отъ безпрестанной возни съ больнымъ, а тутъ, какъ нарочно, еще случилось отправленіе Степы въ Малороссію и мнѣ уже пришлось подписывать письма за папу. Повторяю, что опасаться совершенно нечего; дней черезъ пять обѣщаютъ посадить его въ стулъ, но потомъ еще долго нельзя будетъ выходить на воздухъ, а весною понадобится курсъ лѣченія минеральными водами.

Мы вчера получили твои строки отъ 5-го ноября. Я вижу, что одно изъ моихъ писемъ къ тебѣ не дошло, потому что ты ни слова объ немъ не упоминаешь, а между тѣмъ письмо отправлено мѣсяцъ назадъ по почтѣ. Въ немъ не было ничего важнаго; но мнѣ жаль, если ты во время не имѣлъ объ насъ извѣстій. Лиза сегодня сама собира-

лась отвѣчать; но у нея насморкъ и болитъ нога; поэтому она проситъ извинить, и даже досадуетъ, что такъ случилось. Въ остальномъ здоровье ея благодаря Бога держится и полнота мало по малу прибавляется. Очень некстати приближается моя поѣздка. Говорятъ, недѣли черезъ двѣ съ половиною мы отправляемся къ вамъ въ гости. Я объ одномъ только молю Бога, чтобы путешествіе это все окончилось по крайней мѣрѣ къ 10-му января; потому что далѣе Лиза будетъ въ трудномъ положеніи. Ожидай насъ къ 6-му декабря и, кажется, опять въ Демутовъ трактиръ. Очкинъ и Четыркинъ собираются также.

Папа хочетъ непремѣнно знать всѣ подробности насчетъ твоихъ лошадей и экипажа. Напиши въ первый разъ, какихъ мастей, лѣтъ и росту твои лошади, какая у нихъ сбруя и какъ одѣтъ кучеръ и проч. На сани онъ пришлетъ тебѣ денегъ, а покуда изворотись своими.

До пріятнаго свиданія, милый Вольдемаръ! Пиши пожалуйста чаще къ сестрѣ; она тебя такъ любитъ и такъ весела и счастлива, когда читаетъ твои строки, что право грѣшно отказывать ей въ томъ. Вмѣстѣ съ Лизой обнимаю тебя и желаю здоровья и во всемъ успѣховъ. Ваня пишетъ мнѣ, что 6-го декабря ты, можетъ быть, попадешь въ подпоручики. Папа очень обрадовался, когда я сказалъ ему вчера о томъ. Прощай, прощай! Пора отсылать на почту.

Н. Ушаковъ.

Катер. Мих. тебя цѣлуетъ, а отъ насъ поклонъ семейству Нат. Андреевны.

Папа и Юлія Ивановна обнимаютъ тебя также, милый другъ.

5.

Варшава, 21 января 1841 г.

Мнѣ самому не вѣрится, милый другъ Володя, что я наконецъ дома и что за дверьми, въ другой комнатѣ, Лиза, которую по своему желанію я могу всякую минуту расцѣловать не заочно, а на самомъ дѣлѣ. Признайся, что тутъ глубокая, невыразимая поэзія. Но я неосторожно началъ письмо и залечу такъ въ небеса, не сказавъ тебѣ на цѣломъ листкѣ ни одного слова о дѣлѣ. Итакъ возвращаюсь къ историческому и прозаическому порядку. Дорога благопріятствовала мнѣ вполнѣ, не смотря на милліоны ухабовъ, при одномъ изъ которыхъ и

Тимоѳей и ямщикъ мой выпали изъ саней, а я одинъ мчался полверсты и едва успѣлъ удержать лошадей. Доѣхалъ я сюда менѣе нежели въ $4^1/_2$ сутокъ. Могъ бы добраться ранѣе; но боялся обезпокоить утромъ жену. Она почти меня не ожидала; потому что за два часа передъ тѣмъ только что получила послѣднее мое письмо. Благодаря Бога, Лиза здорова и такая же хорошенькая и восхитительная, какъ прежде. Она посылаетъ тебѣ полновѣсное и дружеское спасибо за твой портретъ и за щетку; но сама не пишетъ по двумъ причинамъ: во первыхъ, потому что это ей тяжело, а, во вторыхъ, по извѣстной боязни на счетъ твоей нескромности. За то забросала меня вопросами на твой счетъ и боится, чтобы безъ такого ментора, какъ я, ты не увлекся бы различными впечатлѣніями и вліяніемъ дружбы. Ты понимаешь? Еще одно ее безпокоитъ—подарки. Но я увѣрилъ, что ты рѣшился теперь отъ всего отказываться и сдержишь слово.

Вчера вечеръ мы провели у папы и сегодня обѣдали тамъ. Бесѣда началась о тебѣ. Папа одобрилъ выдачу 30 червонцевъ, но объявилъ, что больше ни за что не дастъ, а если узнаетъ о долгахъ, то уменьшитъ и самое содержаніе твое. Вотъ тема, по которой ты долженъ, милый другъ, располагать своею жизнію. Воля отца, въ чемъ бы она ни заключалась, всегда священна. Для оправданія твоего не худо, если бы ты хотя разъ прислалъ отчетъ о своихъ ежемѣсячныхъ издержкахъ; это успокоитъ папу. Здоровье его, благодаря Бога, поправляется; но ногами онъ еще плохъ и ходитъ съ трудомъ, однако же выѣзжаетъ прогуливаться въ саняхъ.

Лиза мастерски и успѣшно исполнила порученіе на счетъ твоего отпуска заграницу. Мнѣ оставалось только присоединить нѣсколько убѣжденій о пользѣ этой поѣздки. Папа соглашается взять тебя съ собою; но съ двумя условіями: во первыхъ, чтобы ты самъ хлопоталъ о своемъ увольненіи, а, во вторыхъ, чтобы занялся хорошенько и теперь же нѣмецкимъ языкомъ. О первомъ я вмѣстѣ съ симъ пишу къ Очкину, чтобы убѣдить Ром. Серг. достать нужныя для тебя свидѣтельства. Папа желаетъ, чтобы ты пріѣхалъ сюда къ 20-му или 25-му мая; потому что онъ отправится въ Карлсбадъ не прежде 5-го іюня, а передъ тѣмъ съѣздитъ еще въ Малороссію. Съ Божіею помощію начинай дѣйствовать. Всѣ родные тебя цѣлуютъ, а Maman проситъ на посланные 25 руб. ассигн. купить ей двѣ пары черепаховыхъ шпилекъ и банку помады въ 15 руб. у Реноме; но не иначе какъ Violette или Réséda; а если 15-рублевыхъ баночекъ нѣтъ, то три 5-рубл., но пожалуйста сдѣлай это поаккуратнѣе и пришли съ Очкинымъ, а въ случаѣ ихъ отъѣзда отдай Лобанову въ Инспектор. Департ. для пересылки ко мнѣ. Кланяйся отъ насъ Натальѣ Андреевнѣ и Дараганамъ. Къ маменькѣ я пишу самъ. Прощай, я очень усталъ отъ дороги. Н. Ушаковъ.

Лиза особенно проситъ поблагодарить Наталью Андреевну за посылку и сама будетъ писать къ ней и къ тебѣ въ слѣдующую почту.

Поблагодари папу за деньги и за согласіе взять тебя за границу; но пиши такъ, чтобы онъ не догадался, что мы уже прежде условились о томъ.

Кромѣ Violette и Réséda другой помады не покупай.

6.

Варшава, 15 февраля 1841 г.

Написавъ одно письмо тотчасъ по моемъ возвращеніи сюда, я до сихъ поръ еще не собрался написать къ тебѣ другой разъ, милый другъ Володя! Сначала помѣшало возвращеніе Князя и масляница, а потомъ мы говѣли вмѣстѣ съ Лизою и сегодня были у св. Причастія. Благодаря Бога, Лиза выдержала постъ и службу церковную, какъ нельзя лучше. Беременность ея также идетъ благополучно и дней черезъ 10-ть должно ожидать разрѣшенія. Минута страшная; но за то, если Всевышній поможетъ, радость наша тѣмъ болѣе будетъ невыразима. Лиза цѣлуетъ тебя и еще разъ благодаритъ за портретъ, въ которомъ нашла много сходства. Мѣсто ему назначено на бюро. Извини, что она сама не пишетъ; не повѣришь, какъ ей бѣдненькой трудно усѣсться теперь за письменный столикъ. Вотъ почти мѣсяцъ, какъ она собирается отвѣчать Татариновой и каждый разъ откладываетъ. Наконецъ сегодня рѣшилась непремѣнно писать во вторникъ, чтобы примириться съ пламенной своей подругой, которая грозитъ совершеннымъ разрывомъ дружбы. Какъ не затрепетать при такихъ ужасахъ! Женская ненависть не то, что наша.

Отъ тебя, мой дружочекъ, мы получили два письма и оба чрезъ Очкина. Вообрази, онъ опять начинаетъ хандрить, но, кажется, отъ того, что его заставляютъ каждое утро служить. Мы всѣмъ семействомъ принесли ему благодарность за оказанныя тебѣ дружескія ласки. Papa очень порадовался отзывомъ на твой счетъ какъ Очкина, такъ Ром. Серг. и Герасимова; но твердитъ все одно, что ты, кажется, мало читаешь и особенно неаккуратенъ въ расходахъ. Разумѣется, никто ни слова не проронилъ о долгахъ. Вмѣстѣ съ симъ ты получишь отъ Papa деньги на двухмѣсячное содержаніе и при этомъ очень, очень справедливые и умные совѣты. Не понимаю, что тебѣ стоитъ прислать хоть однажды *расходъ* за мѣсяцъ; тутъ самый щекотливый характеръ не нашелъ бы

ничего обиднаго; да и можно ли волю отца не считать священною? Соберись съ духомъ и пришли хотя примѣрную раскладку.

Здоровье Papa, благодаря Бога, опять поправляется: онъ ходитъ по комнатѣ и играетъ въ вистъ; но на воздухъ выѣзжать не позволяютъ. Мы всѣ порадовались, что жребій ѣхать на Кавказъ не палъ на тебя и на Ваню. Что то скажетъ поѣздка за границу? Если нужно, я напишу къ Игнатьеву, Ростовцеву и Ребиндеру. Первые два, какъ бывшіе начальники твои по воспитанію, охотно возьмутся доставить тебѣ случай побывать за границей и усовершенствовать твои познанія. Увѣдомь меня поскорѣе, къ кому именно адресоваться съ просьбою; терять времени не нужно.

Порученіе Анны Михайл. я исполнилъ, т. т. просилъ полков. Фока, и онъ отнесся уже куда слѣдуетъ о переводѣ братьевъ Краузе въ его полкъ; но, вотъ бѣда!—самъ Фокъ выходитъ въ отставку и неизвѣстно, кто на его мѣсто будетъ назначенъ. Впрочемъ пусть только переведутъ, а то они здѣсь не останутся безъ защиты. Перескажи все это Аннѣ Мих. и поклонись отъ меня какъ ей, такъ равно Петру и Александру; да не забудь прибавить поклонъ и отъ Лизы.

Катюша и Maman тебя цѣлуютъ и первая проситъ доставить письмо къ Нат. Андреевнѣ. Тутъ опять отъ насъ пребольшой и преусердный поклонъ.

Еще одно порученіе. Извѣстный Баургерцъ заводитъ съ тобою корреспонденцію. Объ чемъ дѣло, ты увидишь изъ его письма. Рѣчь идетъ, кажется, о томъ Дубецкомъ, который былъ въ штабѣ у Ростовцева. Спроси Алекс. Дарагана, и если мы ошиблись, то письмо возврати или поищи въ Петербургѣ другого Дубецкаго; вѣроятно же онъ существуетъ на свѣтѣ, а синенькая бумажка доставитъ тебѣ возможность отыскать его хоть въ Камчаткѣ.

Пора кончить. Завтра я дежурнымъ и спать ужасно хочется. Скажи роднымъ нашимъ, что мы здоровы и цѣлуемъ ихъ, а писать я буду черезъ три дня, т. е. съ слѣдующею экстрапочтою. Очень благодаренъ за извѣстіе о проданной Кондзеровскимъ землѣ; дѣло славное, и я спрошу у него секрета. Клапяется тебѣ Очкинъ и прочая братія. Еліашевичъ еще не возвратился. У насъ новаго только то, что Софіано женится на Павловской. Итакъ кожаный романъ уже въ печати и лѣтомъ выйдетъ въ свѣтъ. Сегодня хоронили M-me Гильфердингъ; она страдала около года водяною болѣзнію. Вѣчный покой душѣ ея. Не хочу кончить такъ грустно и скажу, что молодой Погодинъ еще здѣсь; но теперь не такъ веселится, какъ въ прошломъ году, потому что масляница была здѣсь довольно *сухая*

совершенно готовъ ѣхать въ отпускъ, только ожидаешь извѣстія, гдѣ намъ съ тобою свидѣться. Чтобы вывести тебя изъ затрудненія, спѣшу сказать, что пребываніе наше продлится здѣсь навѣрное до 12-го сентября. Итакъ, если возможно, то ради Бога поторопись въ Москву и пріѣзжай прямо на квартиру Очкина и Четыркина, на улицѣ Остоженкѣ, въ домѣ Хомяковой, что противъ Зачатіевскаго монастыря. Я же живу не далеко, во флигелѣ дома Его Высочества Великаго Князя Михаила Павловича [1]). Если не успѣешь къ 12-му сентября, то, по крайней мѣрѣ, заѣзжай хоть въ Гомель, гдѣ фельдмаршалъ пробудетъ дней пять. Мнѣ очень хочется тебя обнять, милый другъ мой, и я чрезвычайно буду жалѣть, если это не исполнится ни въ Москвѣ, ни въ Гомелѣ.

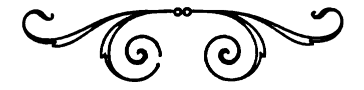
Сейчасъ получилъ письмо отъ Лизы; она, благодаря Бога, здорова, но грустить, не имѣя давно отъ тебя ни строчки.

Я такъ занятъ дѣломъ и такъ спѣшу, что не описываю тебѣ никакихъ новостей. Пожалуйста, побывай у нашихъ и скажи, что я здоровъ и цѣлую всѣхъ ихъ, а писать буду къ нимъ на дняхъ.

Прощай, обнимаю тебя сто разъ и остаюсь твой вѣрный и истинно тебя любящій другъ

Н. Ушаковъ.

P. S. Хоть передъ отъѣздомъ напиши сестрѣ: она въ отчаяніи и думаетъ, что ты ея не любишь.



---

[1]) На этой усадьбѣ помѣщается теперь Лицей [illegible] колая.

Сороковые годы.

1.

Варшава, 20 апрѣля 1840 г.

Мнѣ все не вѣрится, милый дружочекъ Володя, что ты не съ нами. Каждый день утромъ я думаю: вотъ придешь ты обѣдать, вотъ увидимся съ тобою вечеромъ; но не тутъ то было: много пріятнаго кругомъ и передъ глазами убѣждаетъ тотчасъ, что этой радости намъ долго не дождаться. Полученное отъ тебя на прошлой недѣлѣ письмо доказываетъ, что ты еще болѣе насъ чувствуешь эту перемѣну. Вѣрю отъ всей души и принимаю эти доказательства съ искреннею благодарностію.

Отъ родныхъ нашихъ ты уже знаешь, что мы доѣхали сюда и скоро, и благополучно. Дорога къ удивленію обошлась почти безъ кощунствъ. Можешь представить мое нетерпѣніе, когда мы переправились за Нѣманъ. Въ 9 часовъ утра, въ Вербное Воскресенье, я былъ уже дома, гдѣ Лиза ждала меня по предварительнымъ извѣстіямъ, здоровая и такая милочка, что только ты одинъ можешь это понять. Разумѣется, съ той же минуты забыто все: и дорожная усталость и петербургскіе хлопоты и все, что разлука съ женою оставляетъ на сердцѣ непріятнаго. Жизнь тихая, полная своей особенной прелести, опять для меня возобновилась. Мы каждый день бываемъ у папы и, разумѣется, много и часто говоримъ о тебѣ. Если бы ты зналъ, сколько было разныхъ споровъ, преимущественно на счетъ твоего содержанія. Результатъ тотъ, что вмѣстѣ съ симъ получаешь по старому двухмѣсячное содержаніе 500 руб. и сверхъ того на обзаведеніе упряжи, наемъ кучера и проч. [illegible] уб., что, кажется, будетъ совершенно достаточно [illegible] съ тобою разсчету. Дальнѣйшее по- [illegible] тьно теперь не можетъ иначе распо- [illegible] Малороссію 9 т. руб. на покупку [illegible] и мужики начали нуждаться. [illegible] э. имѣніе дохода не даетъ.

совершенно готовъ ѣхать въ отпускъ, только ожидаешь извѣстія, гдѣ намъ съ тобою свидѣться. Чтобы вывести тебя изъ затрудненія, спѣшу сказать, что пребываніе наше продлится здѣсь навѣрное до 12-го сентября. Итакъ, если возможно, то ради Бога поторопись въ Москву и пріѣзжай прямо на квартиру Очкина и Четыркина, на улицѣ Остоженкѣ, въ домѣ Хомяковой, что противъ Зачатіевскаго монастыря. Я же живу не далеко, во флигелѣ дома Его Высочества Великаго Князя Михаила Павловича [1]). Если не успѣешь къ 12-му сентября, то, по крайней мѣрѣ, заѣзжай хоть въ Гомель, гдѣ фельдмаршалъ пробудетъ дней пять. Мнѣ очень хочется тебя обнять, милый другъ мой, и я чрезвычайно буду жалѣть, если это не исполнится ни въ Москвѣ, ни въ Гомелѣ.

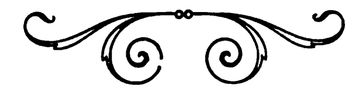
Сейчасъ получилъ письмо отъ Лизы; она, благодаря Бога, здорова, но груститъ, не имѣя давно отъ тебя ни строчки.

Я такъ занятъ дѣломъ и такъ спѣшу, что не описываю тебѣ никакихъ новостей. Пожалуйста, побывай у нашихъ и скажи, что я здоровъ и цѣлую всѣхъ ихъ, а писать буду къ нимъ на дняхъ.

Прощай, обнимаю тебя сто разъ и остаюсь твой вѣрный и истинно тебя любящій другъ

Н. Ушаковъ.

P. S. Хоть передъ отъѣздомъ напиши сестрѣ: она въ отчаяніи и думаетъ, что ты ея не любишь.



[1]) На этой усадьбѣ помѣщается теперь Лицей въ память Цесаревича Николая.

Сороковые годы.

1.

Варшава, 20 апрѣля 1840 г.

Мнѣ все не вѣрится, милый дружочекъ Володя, что ты не съ нами. Каждый день утромъ я думаю: вотъ придешь ты обѣдать, вотъ увидимся съ тобою вечеромъ; но не тутъ то было: много пріятнаго кругомъ и передъ глазами убѣждаетъ тотчасъ, что этой радости намъ долго не дождаться. Полученное отъ тебя на прошлой недѣлѣ письмо доказываетъ, что ты еще болѣе насъ чувствуешь эту перемѣну. Вѣрю отъ всей души и принимаю эти доказательства съ искреннею благодарностію.

Отъ родныхъ нашихъ ты уже знаешь, что мы доѣхали сюда и скоро, и благополучно. Дорога къ удивленію обошлась почти безъ кощунствъ. Можешь представить мое нетерпѣніе, когда мы переправились за Нѣманъ. Въ 9 часовъ утра, въ Вербное Воскресенье, я былъ уже дома, гдѣ Лиза ждала меня по предварительнымъ извѣстіямъ, здоровая и такая милочка, что только ты одинъ можешь это понять. Разумѣется, съ той же минуты забыто все: и дорожная усталость и петербургскіе хлопоты и все, что разлука съ женою оставляетъ на сердцѣ непріятнаго. Жизнь тихая, полная своей особенной прелести, опять для меня возобновилась. Мы каждый день бываемъ у папы и, разумѣется, много и часто говоримъ о тебѣ. Если бы ты зналъ, сколько было разныхъ споровъ, преимущественно на счетъ твоего содержанія. Результатъ тотъ, что вмѣстѣ съ симъ получаешь по старому двухмѣсячное содержаніе 500 руб. и сверхъ того на обзаведеніе упряжи, наемъ кучера и проч. 600 руб., что, кажется, будетъ совершенно достаточно по сдѣланному нами съ тобою разсчету. Дальнѣйшее потерпи; потому что папа дѣйствительно теперь не можетъ иначе распорядиться. Недавно онъ послалъ въ Малороссію 9 т. руб. на покупку хлѣба; ибо прежній весь почти вышелъ и мужики начали нуждаться. Дѣла Хенцинскія все въ томъ же видѣ, т. е. имѣніе дохода не даетъ.

Проектовъ много: хотятъ продать почту, отдать все хозяйство въ аренду; но ни то, ни другое еще не приведено въ исполненіе. Кошулько остается управителемъ; но ему данъ въ помощь, для отчетовъ, особый писарь. Все прочее идетъ по старому и бюджетъ ежегодный не сокращается ни на волосъ.

У насъ съ Лизой также нѣтъ никакой перемѣны; только квартира наша поосвѣжилась, отъ небольшихъ поправокъ. Лиза переставила мебель въ своей комнаткѣ и украсила ее множествомъ цвѣтовъ, такъ что и самой богатой женщинѣ не стыдно было бы имѣть такой будуаръ: тамъ теперь трубокъ курить ужъ не позволяется.

На нашемъ Варшавскомъ горизонтѣ нѣсколько важныхъ перемѣнъ. Пріѣхалъ новый военный губернаторъ Писаревъ и съ тѣмъ вмѣстѣ прибавилось папѣ лишнихъ хлопотъ. Шиповъ подалъ въ отпускъ; но останется до пріѣзда Государя. Безака требуютъ въ Петербургъ на мѣсто кн. Долгорукаго и еще не рѣшено, ѣдетъ ли онъ одинъ или съ семействомъ. Л. И. хочется очень показать себя въ столицѣ въ новыхъ живыхъ картинахъ. Недавно въ цитадели нашей былъ большой пожаръ: сгорѣло много запаснаго артиллерійскаго лѣса и готовыхъ лафетовъ и платформъ. Вся потеря можетъ простираться до 250 т. руб. ассиг. Очкинъ и Четыркинъ тебѣ кланяются и благодарятъ за память: они на дняхъ вмѣстѣ съ Голицынымъ обѣдали у насъ. Очкинъ еще не совсѣмъ наслаждается кейфомъ, потому что его иногда требуютъ къ дѣлу. Maman и Лиза начали ѣздить верхомъ въ манежѣ. У насъ гораздо теплѣе Петербургскаго, но весна еще не совсѣмъ установилась и зелени мало. Мой поклонъ Дараганамъ, Натальѣ Андреевнѣ и Владиславлевымъ. Къ роднымъ пишу вмѣстѣ съ симъ и надѣюсь, что ты у нихъ бываешь часто, вслѣдствіе заключеннаго съ Любочкою условія. Прощай, мой ангелъ! Похристосуемся братски тремя искренними поцѣлуями,—заключаетъ письмо твой преданный другъ

Н. Ушаковъ.

2.

Варшава, 12 октября 1840 года.

Теперь моя очередь писать къ тебѣ, милый другъ Володи; не потому, чтобы сестра твоя не въ состояніи была это исполнить: она благодаря Бога здорова; но я самъ такъ давно не бесѣдовалъ съ тобою и *вчера сверхъ* того получилъ отъ тебя особое письмецо, отъ 5-го ок-

тября, наполненное порученіями и вопросами. Очень охотно берусь удовлетворить тебя и прежде всего о томъ, что къ намъ ближе. У насъ, т. е. въ кругу родныхъ, все благополучно и жизнь идетъ по старому, т. е. большею частію Maman и Катюша въ театрѣ, Papa за вистомъ, а мы съ Лизой дома. Порядокъ этотъ нарушается только иногда обѣдами и рѣдко, рѣдко, семейными вечерами, которые по временамъ украшаются пѣніемъ Андреева, извѣстнаго Петербургскаго тенора. Онъ пріѣхалъ сюда въ прошломъ мѣсяцѣ съ племянницею своею, которая вышла здѣсь замужъ за полковника Крока. Голосъ Андреева удивительный и онъ поетъ съ большимъ чувствомъ, особенно русскіе романсы, что на Лизу производитъ самое поэтическое впечатлѣніе. Здѣшнія знаменитости, т. е. Рожнецкіе и тому подобные пѣвцы, а за ними и польская публика съ примѣсью немного нашей — ополчились на него завистью и утверждаютъ, что голосъ и метода Андреева могутъ нравиться только русскимъ: это невѣжественное сужденіе нисколько на насъ не дѣйствуетъ, и мы съ восхищеніемъ слушаемъ нашего земляка. Какъ жаль, что ты не можешь раздѣлять съ нами такого удовольствія. Но кстати объ этомъ предметѣ. Кажется, отзывъ Papa объ отпускѣ огорчилъ тебя; однакоже онъ правъ. Извѣстно, какъ въ гвардіи смотрятъ на офицеровъ, которые удаляются отъ службы, а, попавши разъ на такое замѣчаніе, можно много повредить себѣ. При томъ какая цѣль ѣхать на годъ? Учиться хозяйству въ Хенцинахъ? Но въ твои лѣта нельзя довольно серьезно заниматься этимъ и, правду сказать, тамъ учиться нечему: двѣ недѣли, много мѣсяцъ и потомъ придется жить въ Варшавѣ, гдѣ всякій справедливо можетъ спросить тебя, для чего ты пріѣхалъ. Просятся на годъ въ отпускъ, кромѣ болѣзни, для поправленія семейныхъ дѣлъ или для раздѣла, а, слава Богу, у тебя ни того, ни другого въ виду нѣтъ. Какъ ни ограничена польза отъ службы въ прапорщичьемъ чинѣ; но всетаки, по совѣсти, тамъ, на мѣстѣ, можно пріобрѣсть болѣе для себя познаній, нежели здѣсь, въ кругу родныхъ и съ твоею застѣнчивостію въ обществѣ. Совсѣмъ иное ѣхать за границу, посмотрѣть на все, что образованность и благосостояніе народовъ представляютъ любопытнаго для ума и сердца. Но на это нужны деньги, которыхъ нѣтъ у отца, и объ его положеніи трудно судить посторонним. Что касается до тебя, то ты самъ видѣлъ близко: наружность для другихъ обманчива. Еслибъ я былъ эгоистъ, то прежде всѣхъ долженъ былъ бы поддержать твое желаніе; но мы подробнѣе объяснимся, Богъ дастъ, при свиданіи, а теперь скажу, что по истеченіи срока пріѣхать сюда мѣсяца на два и даже на три не мѣшаетъ и въ свое время какъ нибудь постараемся это уладить. Такихъ счастливцевъ мало, которые, при другихъ выгодахъ жизни, могутъ часто и продолжительно пользоваться свиданіемъ съ родными. Ты, конечно, не

сомнѣваешься, что мы всѣ хотѣли бы видѣть тебя безпрерывно въ нашемъ кругу; но твоя собственная польза не этого требуетъ; особенно въ такомъ случаѣ должно уважать мнѣніе и опытность отца.

Ты насъ очень порадовалъ, милый другъ, твоимъ истинно братскимъ участіемъ въ положеніи сестры. Если все благополучно окончится, то мое восхищеніе будетъ безмѣрно. Однакоже осталась еще половина срока и надобно испытать множество опасеній, при неопытности Лизы и Maman. Катерина Михайловна также въ этомъ дѣлѣ не много понимаетъ, потому что не имѣла дѣтей, а на вниманіе и совѣты Любочки, ты знаешь, положиться нельзя. До сихъ поръ все идетъ хорошо; но сколько требуется осторожностей, которыя могутъ ускользнуть и отъ самаго бдительнаго наблюденія!

Порученіе твое о Шлейковскомъ не могу лично выполнить, потому что не въ состояніи говорить съ такимъ жаромъ о почтенномъ профессорѣ; но къ счастію третьяго дня пріѣхалъ Очкинъ и я передалъ ему твою просьбу и напомню, что онъ въ Петербургѣ обѣщалъ хлопотать за Шлейковскаго. Очкинъ поправился здоровьемъ и тебѣ кланяется; говоритъ, что привезъ какой то подарокъ для тебя изъ заграницы, но не знаю, какой именно. Онъ между прочимъ былъ въ Парижѣ и разсказываетъ много интереснаго о тамошнихъ нравахъ, театрахъ, магазинахъ, гризеткахъ и вообще о цѣломъ народѣ, большая часть котораго отличается теперь идеями едва ли не хуже идей 1789 года; это толпа изступленныхъ, которые желаютъ имѣть всѣ выгоды жизни безъ труда и занятій. Такой ужасный духъ я называю degradation de l'humanité. Здѣсь также проѣздомъ маіоръ Горнаго Корпуса Лисенко, землякъ папы. Онъ возвращается изъ Франціи на Златоустовскій заводъ; человѣкъ съ хорошими свѣдѣніями и весьма скромный: Андрей Яковлевичъ отъ него въ восхищеніи, тѣмъ болѣе, что тутъ участвуетъ патріотизмъ.

Наши награды что то замолкли. Всѣ надежды обращены къ 6-му декабря. Ты знаешь, что папа представленъ къ Анненской лентѣ, а я къ землѣ. Для меня очень важно получить эту милость.

Натальѣ Андреевнѣ засвидѣтельствуй отъ насъ искреннее почтеніе и скажи, что порученность ея охотно выполню; но не могу переслать вещи впередъ, а привезу съ собою. Кажется, и твоему бѣлью должно будетъ пролежать до того времени: оно между тѣмъ готово; потерпи какъ нибудь. Любовь Ивановна недавно возвратилась изъ Кракова и, по порученію Лизы, купила тебѣ хорошую фуфайку фланелевую; другую я присовокупляю изъ моихъ. Надѣюсь видѣться съ тобою въ первыхъ числахъ декабря; по крайней мѣрѣ такъ носятся слухи. Цѣлуютъ тебя всѣ наши, особенно Лиза, которая до сихъ поръ безъ ума отъ тебя и съ восхищеніемъ всегда перечитываетъ твои письма. Она сама не успѣваетъ писать на этотъ разъ. Передай отъ насъ извѣстіе и

поклонъ роднымъ. Я буду писать къ нимъ дня черезъ три, а между тѣмъ скажи, что чай дошелъ ко мнѣ исправно. Братъ мой также тебѣ кланяется, равно какъ Четыркинъ и Голицынъ. Безака требуютъ въ Петербургъ рѣшительно на мѣсто Долгорукаго. Любочка радуется, но сама не знаетъ чему: переѣздъ и тамошняя жизнь едвали обойдутся дешево. Она теперь въ большой пріязни съ *Лохтиной* и жалуется, что родные мало ею занимаются. Я на этотъ счетъ разскажу тебѣ при свиданіи много исторій, а теперь прощай; скоро полночь и мое письмо вышло такъ длинно, что ты едвали прочитаешь его иначе, какъ на досугѣ, въ караулѣ. Обнимаетъ тебя сто разъ твой преданный и любящій тебя всѣмъ сердцемъ братъ и другъ

Н. Ушаковъ.

P. S. Позволь пожурить тебя, что ты никогда не пишешь папѣ о полученіи денегъ и онъ претендуетъ за то.

3.

Варшава, 4 ноября 1840 г.

Рекомендую тебѣ, любезный другъ Володя, добраго и умнаго малороссіянина, маіора корпуса горныхъ инженеровъ Ивана Николаевича Лисенко. Онъ путешествовалъ на казенный счетъ по Европѣ, чтобы познакомиться съ горною частію въ иностранныхъ земляхъ; былъ въ Берлинѣ, Вѣнѣ, Брюсселѣ и въ Парижѣ, а теперь, чрезъ Петербургъ, возвращается на Златоустовскій заводъ, гдѣ оставилъ свое семейство и гдѣ онъ начальникомъ извѣстной фабрики бѣлаго оружія. Познакомься съ нимъ; бесѣда такого человѣка пріятна и назидательна; онъ очень понравился папѣ и любилъ проводить съ нами время. Отъ него можешь узнать все, чѣмъ будешь интересоваться на счетъ нашей жизни. Притомъ онъ воспитывался вмѣстѣ съ Очкинымъ и встрѣтился съ нимъ по пріятельски.

Вчера вечеромъ пришло твое письмо отъ 29-го октября. Мы удивились исправности князя Радзивилла. Теперь ты снабженъ покуда всѣмъ нужнымъ, и какъ пріятно слышать, что, наконецъ, уже щеголяешь въ своемъ экипажѣ! Отъ письма твоего папа въ восхищеніи и намѣренъ подарить тебѣ 350 руб. на сани и на прочее обзаведеніе для зимы. Онъ совершенно согласенъ съ твоимъ мнѣніемъ о Ѳад. Венед. Эти люди исписались и, кажется, отживаютъ послѣдній умъ. Куда какъ

несносна полемика „Сѣверной Пчелы“ съ „Отечественными Записками“. Обѣ стороны не правы и тщетно хотятъ диктаторствовать въ литературѣ, забывая, что читающая публика въ Россіи уже не та, какъ была лѣтъ за 15. Классъ образованныхъ людей понимаетъ хорошо, что журналисты наши просто ремесленники, для которыхъ нуженъ насущный хлѣбъ и подрывъ собратій: у нихъ нѣтъ общаго направленія, общей цѣли и для нихъ чужды успѣхи наукъ и просвѣщенія. Подумай, какими глазами мы должны смотрѣть на подобныхъ представителей, если и ты уже, съ пылкимъ воображеніемъ, съ юношескою душею, не видишь тутъ поэзіи, а находишь одну прозу. Но проза эта показалась бы тебѣ еще грязнѣе, еслибъ судьба привела тебя отобѣдать когда нибудь у почтеннаго Нестора журналистовъ—Ѳад. Венед. Я бывалъ въ такихъ бесѣдахъ и ужаснулся, какъ мало идей блестѣло въ разговорахъ собесѣдниковъ. Вообще эти люди не понимаютъ, что строгіе ихъ судьи не тѣ, которымъ они должны отвѣчать на печатныя критики; но тѣ, которые, прочитавъ ихъ журналы,—жалѣютъ о потерянномъ времени и удивляются ихъ скучному пустословію.

Всю эту выходку набрасываю здѣсь потому, что папа въ нынѣшній разъ едва ли самъ будетъ писать къ тебѣ. Четвертый день какъ онъ въ постели; но не пугайся, мой другъ: болѣзнь простудная и обнаружилась ревматизмами въ обѣихъ ступняхъ ногъ. Вчера Мальчъ говорилъ, что, можетъ быть, это начало подагры; въ такомъ случаѣ еще лучше. Подагра самый снисходительный недугъ: помучаетъ дней 10-ть, 15-ть, и потомъ не только оставляетъ года на два, но уноситъ съ собою зародыши всѣхъ прочихъ болѣзней. Ты помнишь здѣсь генерала Влодека: онъ періодически страдаетъ подагрою; но за то какъ свѣжъ и бодръ въ остальное время, не смотря на свои 60 лѣтъ. Maman и Лиза огорчаются; но папа веселъ и, лежа въ постели, безпрестанно съ кѣмъ нибудь бесѣдуетъ.

Кажется, въ концѣ этого мѣсяца мы выберемся въ Петербургъ; по крайней мѣрѣ такъ носились слухи. Для меня важно то, что останемся у васъ не болѣе 15-ти дней; такимъ образомъ отсутствіе мое не разстроитъ Лизу и притомъ въ самое необходимое время я буду, Богъ дастъ, при ней неотлучно. Здоровье сестры твоей, благодаря Всевышнему, въ хорошемъ положеніи; она сама пишетъ къ тебѣ. Ты у насъ въ долгу; потому что не отвѣчалъ на послѣднія наши письма. Спасибо очень, что посѣщаешь нашихъ: они въ восхищеніи отъ тебя. Душевно желаю тебѣ, мой ангелъ, всѣхъ успѣховъ и цѣлую съ братскою искренностію.

Н. Ушаковъ.

Н. Ивановичъ такъ подробно написалъ тебѣ обо всемъ, что мнѣ право не остается сказать тебѣ ни слова интереснаго. Развѣ нѣжно,

нѣжно расцѣловать тебя за участіе, съ какимъ ты говоришь о теперешнемъ моемъ положеніи и поблагодарить за любовь твою, въ которой, ты знаешь, я всегда немножко сомнѣвалась. Прости мнѣ это. Тутъ бы надобно мнѣ было очень, очень много поговорить; но, право, ни мѣсто, ни время—не позволяютъ; надежда до будущей почты, когда вѣрно я успѣю докончить длиннѣйшее посланіе и пришлю тебѣ.

Sur ce adieu, mon cher. Je recommande aussi à ton amitié m-r Lisenko et n'oublie point de t'informer quelquefois de deux jeunes Coniar. Sophie te salue. Adieu.

4.

Варшава, 13 ноября 1840 г.

Мы весьма недавно писали къ тебѣ, милый другъ Вольдемаръ, чрезъ маіора корпуса горныхъ инженеровъ Лисенко; но теперь не худо чаще посылать тебѣ извѣстія, чтобы ты не безпокоился насчетъ здоровья Лизы и особенно папы. О болѣзни его ты уже знаешь. Вотъ 10 дней, какъ онъ въ постели, почти не владѣетъ ни руками, ни ногами, и съ большимъ трудомъ, при помощи пяти человѣкъ, передвигается съ мѣста на мѣсто, т. е. съ одного бока на другой. До сихъ поръ доктора не опредѣлили названія болѣзни: одинъ говоритъ, что это *goutte volante*, другой называетъ *artretisme*, или сильное разслабленіе ножныхъ и ручныхъ суставовъ, отъ простуды и желудка. Какъ бы то ни было, опасности, благодаря Бога, нѣтъ никакой и припадки съ каждымъ днемъ становятся слабѣе; но ты знаешь, что папа мнителенъ и нетерпѣливъ, и отъ этого самое поправленіе его кажется продолжительнымъ. Maman очень измучилась безсонницей, и всѣ люди въ домѣ устали чрезвычайно отъ безпрестанной возни съ больнымъ, а тутъ, какъ нарочно, еще случилось отправленіе Степы въ Малороссію и мнѣ уже пришлось подписывать письма за папу. Повторяю, что опасаться совершенно нечего; дней черезъ пять обѣщаютъ посадить его въ стулъ, но потомъ еще долго нельзя будетъ выходить на воздухъ, а весною понадобится курсъ лѣченія минеральными водами.

Мы вчера получили твои строки отъ 5-го ноября. Я вижу, что одно изъ моихъ писемъ къ тебѣ не дошло, потому что ты ни слова объ немъ не упоминаешь, а между тѣмъ письмо отправлено мѣсяцъ назадъ по почтѣ. Въ немъ не было ничего важнаго; но мнѣ жаль, если ты во время не имѣлъ объ насъ извѣстій. Лиза сегодня сама собира-

лась отвѣчать; но у нея насморкъ и болитъ нога; поэтому она проситъ извинить, и даже досадуетъ, что такъ случилось. Въ остальномъ здоровье ея благодаря Бога держится и полнота мало по малу прибавляется. Очень некстати приближается моя поѣздка. Говорятъ, недѣли черезъ двѣ съ половиною мы отправляемся къ вамъ въ гости. Я объ одномъ только молю Бога, чтобы путешествіе это все окончилось по крайней мѣрѣ къ 10-му января; потому что далѣе Лиза будетъ въ трудномъ положеніи. Ожидай насъ къ 6-му декабря и, кажется, опять въ Демутовъ трактиръ. Очкинъ и Четыркинъ собираются также.

Папа хочетъ непремѣнно знать всѣ подробности насчетъ твоихъ лошадей и экипажа. Напиши въ первый разъ, какихъ мастей, лѣтъ и росту твои лошади, какая у нихъ сбруя и какъ одѣтъ кучеръ и проч. На сани онъ пришлетъ тебѣ денегъ, а покуда изворотись своими.

До пріятнаго свиданія, милый Вольдемаръ! Пиши пожалуйста чаще къ сестрѣ; она тебя такъ любитъ и такъ весела и счастлива, когда читаетъ твои строки, что право грѣшно отказывать ей въ томъ. Вмѣстѣ съ Лизой обнимаю тебя и желаю здоровья и во всемъ успѣховъ. Ваня пишетъ мнѣ, что 6-го декабря ты, можетъ быть, попадешь въ подпоручики. Папа очень обрадовался, когда я сказалъ ему вчера о томъ. Прощай, прощай! Пора отсылать на почту.

Н. Ушаковъ.

Катер. Мих. тебя цѣлуетъ, а отъ насъ поклонъ семейству Нат. Андреевны.

Папа и Юлія Ивановна обнимаютъ тебя также, милый другъ.

5.

Варшава, 21 января 1841 г.

Мнѣ самому не вѣрится, милый другъ Володя, что я наконецъ дома и что за дверьми, въ другой комнатѣ, Лиза, которую по своему желанію я могу всякую минуту расцѣловать не заочно, а на самомъ дѣлѣ. Признайся, что тутъ глубокая, невыразимая поэзія. Но я неосторожно началъ письмо и залечу такъ въ небеса, не сказавъ тебѣ на цѣломъ листкѣ ни одного слова о дѣлѣ. Итакъ возвращаюсь къ историческому и прозаическому порядку. Дорога благопріятствовала мнѣ вполнѣ, не смотря на милліоны ухабовъ, при одномъ изъ которыхъ и

Тимоѳей и ямщикъ мой выпали изъ саней, а я одинъ мчался полверсты и едва успѣлъ удержать лошадей. Доѣхалъ я сюда менѣе нежели въ $4^1/_2$ сутокъ. Могъ бы добраться ранѣе; но боялся обезпокоить утромъ жену. Она почти меня не ожидала; потому что за два часа передъ тѣмъ только что получила послѣднее мое письмо. Благодаря Бога, Лиза здорова и такая же хорошенькая и восхитительная, какъ прежде. Она посылаетъ тебѣ полновѣсное и дружеское спасибо за твой портретъ и за щетку; но сама не пишетъ по двумъ причинамъ: во первыхъ, потому что это ей тяжело, а, во вторыхъ, по извѣстной боязни на счетъ твоей нескромности. За то забросала меня вопросами на твой счетъ и боится, чтобы безъ такого ментора, какъ я, ты не увлекся бы различными впечатлѣніями и вліяніемъ дружбы. Ты понимаешь? Еще одно ее безпокоитъ—подарки. Но я увѣрилъ, что ты рѣшился теперь отъ всего отказываться и сдержишь слово.

Вчера вечеръ мы провели у папы и сегодня обѣдали тамъ. Бесѣда началась о тебѣ. Папа одобрилъ выдачу 30 червонцевъ, но объявилъ, что больше ни за что не дастъ, а если узнаетъ о долгахъ, то уменьшитъ и самое содержаніе твое. Вотъ тема, по которой ты долженъ, милый другъ, располагать своею жизнію. Воля отца, въ чемъ бы она ни заключалась, всегда священна. Для оправданія твоего не худо, если бы ты хотя разъ прислалъ отчетъ о своихъ ежемѣсячныхъ издержкахъ; это успокоитъ папу. Здоровье его, благодаря Бога, поправляется; но ногами онъ еще плохъ и ходитъ съ трудомъ, однако же выѣзжаетъ прогуливаться въ саняхъ.

Лиза мастерски и успѣшно исполнила порученіе на счетъ твоего отпуска заграницу. Мнѣ оставалось только присоединить нѣсколько убѣжденій о пользѣ этой поѣздки. Папа соглашается взять тебя съ собою; но съ двумя условіями: во первыхъ, чтобы ты самъ хлопоталъ о своемъ увольненіи, а, во вторыхъ, чтобы занялся хорошенько и теперь же нѣмецкимъ языкомъ. О первомъ я вмѣстѣ съ симъ пишу къ Очкину, чтобы убѣдить Ром. Серг. достать нужныя для тебя свидѣтельства. Папа желаетъ, чтобы ты пріѣхалъ сюда къ 20-му или 25-му мая; потому что онъ отправится въ Карлсбадъ не прежде 5-го іюня, а передъ тѣмъ съѣздитъ еще въ Малороссію. Съ Божіею помощію начинай дѣйствовать. Всѣ родные тебя цѣлуютъ, а Maman проситъ на посланные 25 руб. ассигн. купить ей двѣ пары черепаховыхъ шпилекъ и банку помады въ 15 руб. у Реноме; но не иначе какъ Violette или Réséda; а если 15-рублевыхъ баночекъ нѣтъ, то три 5-рубл., но пожалуйста сдѣлай это поаккуратнѣе и пришли съ Очкинымъ, а въ случаѣ ихъ отъѣзда отдай Лобанову въ Инспектор. Департ. для пересылки ко мнѣ. Кланяйся отъ насъ Натальѣ Андреевнѣ и Дарагановымъ. Къ маменькѣ я пишу самъ. Прощай, я очень усталъ отъ дороги. Н. Ушаковъ.

Лиза особенно проситъ поблагодарить Наталью Андреевну за посылку и сама будетъ писать къ ней и къ тебѣ въ слѣдующую почту.

Поблагодари папу за деньги и за согласіе взять тебя за границу; но пиши такъ, чтобы онъ не догадался, что мы уже прежде условились о томъ.

Кромѣ Violette и Réséda другой помады не покупай.

6.

Варшава, 15 февраля 1841 г.

Написавъ одно письмо тотчасъ по моемъ возвращеніи сюда, я до сихъ поръ еще не собрался написать къ тебѣ другой разъ, милый другъ Володя! Сначала помѣшало возвращеніе Князя и масляница, а потомъ мы говѣли вмѣстѣ съ Лизою и сегодня были у св. Причастія. Благодаря Бога, Лиза выдержала постъ и службу церковную, какъ нельзя лучше. Беременность ея также идетъ благополучно и дней черезъ 10-ть должно ожидать разрѣшенія. Минута страшная; но за то, если Всевышній поможетъ, радость наша тѣмъ болѣе будетъ невыразима. Лиза цѣлуетъ тебя и еще разъ благодаритъ за портретъ, въ которомъ нашла много сходства. Мѣсто ему назначено на бюро. Извини, что она сама не пишетъ; не повѣришь, какъ ей бѣдненькой трудно усѣсться теперь за письменный столикъ. Вотъ почти мѣсяцъ, какъ она собирается отвѣчать Татариновой и каждый разъ откладываетъ. Наконецъ сегодня рѣшилась непремѣнно писать во вторникъ, чтобы примириться съ пламенной своей подругой, которая грозитъ совершеннымъ разрывомъ дружбы. Какъ не затрепетать при такихъ ужасахъ! Женская ненависть не то, что наша.

Отъ тебя, мой дружочекъ, мы получили два письма и оба чрезъ Очкина. Вообрази, онъ опять начинаетъ хандрить, но, кажется, отъ того, что его заставляютъ каждое утро служить. Мы всѣмъ семействомъ принесли ему благодарность за оказанныя тебѣ дружескія ласки. Papa очень порадовался отзывомъ на твой счетъ какъ Очкина, такъ Ром. Серг. и Герасимова; но твердитъ все одно, что ты, кажется, мало читаешь и особенно неаккуратенъ въ расходахъ. Разумѣется, никто ни слова не проронилъ о долгахъ. Вмѣстѣ съ симъ ты получишь отъ Papa деньги на двухмѣсячное содержаніе и при этомъ очень, очень справедливые и умные совѣты. Не понимаю, что тебѣ стоитъ прислать хоть однажды *расходъ за мѣсяцъ*; тутъ самый щекотливый характеръ не нашелъ бы

ничего обиднаго; да и можно ли волю отца не считать священною? Соберись съ духомъ и пришли хотя примѣрную раскладку.

Здоровье Papa, благодаря Бога, опять поправляется: онъ ходитъ по комнатѣ и играетъ въ вистъ; но на воздухъ выѣзжать не позволяютъ. Мы всѣ порадовались, что жребій ѣхать на Кавказъ не палъ на тебя и на Ваню. Что то скажетъ поѣздка за границу? Если нужно, я напишу къ Игнатьеву, Ростовцеву и Ребиндеру. Первые два, какъ бывшіе начальники твои по воспитанію, охотно возьмутся доставить тебѣ случай побывать за границей и усовершенствовать твои познанія. Увѣдомь меня поскорѣе, къ кому именно адресоваться съ просьбою; терять времени не нужно.

Порученіе Анны Михайл. я исполнилъ, т. т. просилъ полков. Фока, и онъ отнесся уже куда слѣдуетъ о переводѣ братьевъ Краузе въ его полкъ; но, вотъ бѣда!—самъ Фокъ выходитъ въ отставку и неизвѣстно, кто на его мѣсто будетъ назначенъ. Впрочемъ пусть только переведутъ, а то они здѣсь не останутся безъ защиты. Перескажи все это Аннѣ Мих. и поклонись отъ меня какъ ей, такъ равно Петру и Александру; да не забудь прибавить поклонъ и отъ Лизы.

Катюша и Maman тебя цѣлуютъ и первая проситъ доставить письмо къ Нат. Андреевнѣ. Тутъ опять отъ насъ пребольшой и преусердный поклонъ.

Еще одно порученіе. Извѣстный Баургерцъ заводитъ съ тобою корреспонденцію. Объ чемъ дѣло, ты увидишь изъ его письма. Рѣчь идетъ, кажется, о томъ Дубецкомъ, который былъ въ штабѣ у Ростовцева. Спроси Алекс. Дарагана, и если мы ошиблись, то письмо возврати или поищи въ Петербургѣ другого Дубецкаго; вѣроятно же онъ существуетъ на свѣтѣ, а синенькая бумажка доставитъ тебѣ возможность отыскать его хоть въ Камчаткѣ.

Пора кончить. Завтра я дежурнымъ и спать ужасно хочется. Скажи роднымъ нашимъ, что мы здоровы и цѣлуемъ ихъ, а писать я буду черезъ три дня, т. е. съ слѣдующею экстрапочтою. Очень благодаренъ за извѣстіе о проданной Кондзеровскимъ землѣ; дѣло славное, и я спрошу у него секрета. Кланяется тебѣ Очкинъ и прочая братія. Еліашевичъ еще не возвратился. У насъ новаго только то, что Софіяно женится на Павловской. Итакъ кожаный романъ уже въ печати и лѣтомъ выйдетъ въ свѣтъ. Сегодня хоронили M-me Гильфердингъ; она страдала около года водяною болѣзнію. Вѣчный покой душѣ ея. Не хочу кончить такъ грустно и скажу, что молодой Погодинъ еще здѣсь; но теперь не такъ веселится, какъ въ прошломъ году, потому что масляница была здѣсь довольно *сухая*

Проектовъ много: хотятъ продать почту, отдать все хозяйство въ аренду; но ни то, ни другое еще не приведено въ исполненіе. Кошулько остается управителемъ; но ему данъ въ помощь, для отчетовъ, особый писарь. Все прочее идетъ по старому и бюджетъ ежегодный не сокращается ни на волосъ.

У насъ съ Лизой также нѣтъ никакой перемѣны; только квартира наша поосвѣжилась, отъ небольшихъ поправокъ. Лиза переставила мебель въ своей комнаткѣ и украсила ее множествомъ цвѣтовъ, такъ что и самой богатой женщинѣ не стыдно было бы имѣть такой будуаръ: тамъ теперь трубокъ курить ужъ не позволяется.

На нашемъ Варшавскомъ горизонтѣ нѣсколько важныхъ перемѣнъ. Пріѣхалъ новый военный губернаторъ Писаревъ и съ тѣмъ вмѣстѣ прибавилось папѣ лишнихъ хлопотъ. Шиповъ подалъ въ отпускъ; но останется до пріѣзда Государя. Безака требуютъ въ Петербургъ на мѣсто кн. Долгорукаго и еще не рѣшено, ѣдетъ ли онъ одинъ или съ семействомъ. Л. И. хочется очень показать себя въ столицѣ въ новыхъ живыхъ картинахъ. Недавно въ цитадели нашей былъ большой пожаръ: сгорѣло много запаснаго артиллерійскаго лѣса и готовыхъ лафетовъ и платформъ. Вся потеря можетъ простираться до 250 т. руб. ассиг. Очкинъ и Четыркинъ тебѣ кланяются и благодарятъ за память: они на дняхъ вмѣстѣ съ Голицынымъ обѣдали у насъ. Очкинъ еще не совсѣмъ наслаждается кейфомъ, потому что его иногда требуютъ къ дѣлу. Maman и Лиза начали ѣздить верхомъ въ манежѣ. У насъ гораздо теплѣе Петербургскаго, но весна еще не совсѣмъ установилась и зелени мало. Мой поклонъ Дараганамъ, Натальѣ Андреевнѣ и Владиславлевымъ. Къ роднымъ пишу вмѣстѣ съ симъ и надѣюсь, что ты у нихъ бываешь часто, вслѣдствіе заключеннаго съ Любочкою условія. Прощай, мой ангелъ! Похристосуемся братски тремя искренними поцѣлуями,—заключаетъ письмо твой преданный другъ

Н. Ушаковъ.

2.

Варшава, 12 октября 1840 года.

Теперь моя очередь писать къ тебѣ, милый другъ Володя; не потому, чтобы сестра твоя не въ состояніи была это исполнить: она благодаря Бога здорова; но я самъ такъ давно не бесѣдовалъ съ тобою и вчера сверхъ того получилъ отъ тебя особое письмецо, отъ 5-го ок-

тября, наполненное порученіями и вопросами. Очень охотно берусь удовлетворить тебя и прежде всего о томъ, что къ намъ ближе. У насъ, т. е. въ кругу родныхъ, все благополучно и жизнь идетъ по старому, т. е. большею частію Maman и Катюша въ театрѣ, Papa за вистомъ, а мы съ Лизой дома. Порядокъ этотъ нарушается только иногда обѣдами и рѣдко, рѣдко, семейными вечерами, которые по временамъ украшаются пѣніемъ Андреева, извѣстнаго Петербургскаго тенора. Онъ пріѣхалъ сюда въ прошломъ мѣсяцѣ съ племянницею своею, которая вышла здѣсь замужъ за полковника Крока. Голосъ Андреева удивительный и онъ поетъ съ большимъ чувствомъ, особенно русскіе романсы, что на Лизу производитъ самое поэтическое впечатлѣніе. Здѣшнія знаменитости, т. е. Рожнецкіе и тому подобные пѣвцы, а за ними и польская публика съ примѣсью немного нашей—ополчились на него завистью и утверждаютъ, что голосъ и метода Андреева могутъ нравиться только русскимъ: это невѣжественное сужденіе нисколько на насъ не дѣйствуетъ, и мы съ восхищеніемъ слушаемъ нашего земляка. Какъ жаль, что ты не можешь раздѣлять съ нами такого удовольствія. Но кстати объ этомъ предметѣ. Кажется, отзывъ Papa объ отпускѣ огорчилъ тебя; однакоже онъ правъ. Извѣстно, какъ въ гвардіи смотрятъ на офицеровъ, которые удаляются отъ службы, а, попавши разъ на такое замѣчаніе, можно много повредить себѣ. При томъ какая цѣль ѣхать на годъ? Учиться хозяйству въ Хенцинахъ? Но въ твои лѣта нельзя довольно серьезно заниматься этимъ и, правду сказать, тамъ учиться нечему: двѣ недѣли, много мѣсяцъ и потомъ придется жить въ Варшавѣ, гдѣ всякій справедливо можетъ спросить тебя, для чего ты пріѣхалъ. Просятся на годъ въ отпускъ, кромѣ болѣзни, для поправленія семейныхъ дѣлъ или для раздѣла, а, слава Богу, у тебя ни того, ни другого въ виду нѣтъ. Какъ ни ограничена польза отъ службы въ прапорщичьемъ чинѣ; но всетаки, по совѣсти, тамъ, на мѣстѣ, можно пріобрѣсть болѣе для себя познаній, нежели здѣсь, въ кругу родныхъ и съ твоею застѣнчивостію въ обществѣ. Совсѣмъ иное ѣхать за границу, посмотрѣть на все, что образованность и благосостояніе народовъ представляютъ любопытнаго для ума и сердца. Но на это нужны деньги, которыхъ нѣтъ у отца, и объ его положеніи трудно судить постороннимъ. Что касается до тебя, то ты самъ видѣлъ близко: наружность для другихъ обманчива. Еслибъ я былъ эгоистъ, то прежде всѣхъ долженъ былъ бы поддержать твое желаніе; но мы подробнѣе объяснимся, Богъ дастъ, при свиданіи, а теперь скажу, что по истеченіи срока пріѣхать сюда мѣсяца на два и даже на три не мѣшаетъ и въ свое время какъ нибудь постараемся это уладить. Такихъ счастливцевъ мало, которые, при другихъ выгодахъ жизни, могутъ часто и продолжительно пользоваться свиданіемъ съ родными. Ты, конечно, не

сомнѣваешься, что мы всѣ хотѣли бы видѣть тебя безпрерывно въ нашемъ кругу; но твоя собственная польза не этого требуетъ; особенно въ такомъ случаѣ должно уважать мнѣніе и опытность отца.

Ты насъ очень порадовалъ, милый другъ, твоимъ истинно братскимъ участіемъ въ положеніи сестры. Если все благополучно окончится, то мое восхищеніе будетъ безмѣрно. Однакоже осталась еще половина срока и надобно испытать множество опасеній, при неопытности Лизы и Maman. Катерина Михайловна также въ этомъ дѣлѣ не много понимаетъ, потому что не имѣла дѣтей, а на вниманіе и совѣты Любочки, ты знаешь, положиться нельзя. До сихъ поръ все идетъ хорошо; но сколько требуется осторожностей, которыя могутъ ускользнуть и отъ самаго бдительнаго наблюденія!

Порученіе твое о Шлейковскомъ не могу лично выполнить, потому что не въ состояніи говорить съ такимъ жаромъ о почтенномъ профессорѣ; но къ счастію третьяго дня пріѣхалъ Очкинъ и я передалъ ему твою просьбу и напомню, что онъ въ Петербургѣ обѣщалъ хлопотать за Шлейковскаго. Очкинъ поправился здоровьемъ и тебѣ кланяется; говоритъ, что привезъ какой то подарокъ для тебя изъ заграницы, но не знаю, какой именно. Онъ между прочимъ былъ въ Парижѣ и разсказываетъ много интереснаго о тамошнихъ нравахъ, театрахъ, магазинахъ, гризеткахъ и вообще о цѣломъ народѣ, большая часть котораго отличается теперь идеями едва ли не хуже идей 1789 года; это толпа изступленныхъ, которые желаютъ имѣть всѣ выгоды жизни безъ труда и занятій. Такой ужасный духъ я называю dégradation de l'humanité. Здѣсь также проѣздомъ маіоръ Горнаго Корпуса Лисенко, землякъ папы. Онъ возвращается изъ Франціи на Златоустовскій заводъ; человѣкъ съ хорошими свѣдѣніями и весьма скромный: Андрей Яковлевичъ отъ него въ восхищеніи, тѣмъ болѣе, что тутъ участвуетъ патріотизмъ.

Наши награды что то замолкли. Всѣ надежды обращены къ 6-му декабря. Ты знаешь, что папа представленъ къ Анненской лентѣ, а я къ землѣ. Для меня очень важно получить эту милость.

Натальѣ Андреевнѣ засвидѣтельствуй отъ насъ искреннее почтеніе и скажи, что порученность ея охотно выполню; но не могу переслать вещи впередъ, а привезу съ собою. Кажется, и твоему бѣлью должно будетъ пролежать до того времени: оно между тѣмъ готово; потерпи какъ нибудь. Любовь Ивановна недавно возвратилась изъ Кракова и, по порученію Лизы, купила тебѣ хорошую фуфайку фланелевую; другую я присовокупляю изъ моихъ. Надѣюсь видѣться съ тобою въ первыхъ числахъ декабря; по крайней мѣрѣ такъ носятся слухи. Цѣлуютъ тебя всѣ наши, особенно Лиза, которая до сихъ поръ безъ ума отъ тебя и съ восхищеніемъ всегда перечитываетъ твои письма. Она сама не успѣваетъ писать на этотъ разъ. Передай отъ насъ извѣстіе и

поклонъ роднымъ. Я буду писать къ нимъ дня черезъ три, а между тѣмъ скажи, что чай дошелъ ко мнѣ исправно. Братъ мой также тебѣ кланяется, равно какъ Четыркинъ и Голицынъ. Безака требуютъ въ Петербургъ рѣшительно на мѣсто Долгорукаго. Любочка радуется, но сама не знаетъ чему: переѣздъ и тамошняя жизнь едвали обойдутся дешево. Она теперь въ большой пріязни съ *Лохтиной* и жалуется, что родные мало ею занимаются. Я на этотъ счетъ разскажу тебѣ при свиданіи много исторій, а теперь прощай; скоро полночь и мое письмо вышло такъ длинно, что ты едвали прочитаешь его иначе, какъ на до сугѣ, въ караулѣ. Обнимаетъ тебя сто разъ твой преданный и любящій тебя всѣмъ сердцемъ братъ и другъ

Н. Ушаковъ.

P. S. Позволь пожурить тебя, что ты никогда не пишешь папѣ о полученіи денегъ и онъ претендуетъ за то.

3.

Варшава, 4 ноября 1840 г.

Рекомендую тебѣ, любезный другъ Володя, добраго и умнаго малороссіянина, маіора корпуса горныхъ инженеровъ Ивана Николаевича Лисенко. Онъ путешествовалъ на казенный счетъ по Европѣ, чтобы познакомиться съ горною частію въ иностранныхъ земляхъ; былъ въ Берлинѣ, Вѣнѣ, Брюсселѣ и въ Парижѣ, а теперь, чрезъ Петербургъ, возвращается на Златоустовскій заводъ, гдѣ оставилъ свое семейство и гдѣ онъ начальникомъ извѣстной фабрики бѣлаго оружія. Познакомься съ нимъ; бесѣда такого человѣка пріятна и назидательна; онъ очень понравился папѣ и любилъ проводить съ нами время. Отъ него можешь узнать все, чѣмъ будешь интересоваться на счетъ нашей жизни. Притомъ онъ воспитывался вмѣстѣ съ Очкинымъ и встрѣтился съ нимъ по пріятельски.

Вчера вечеромъ пришло твое письмо отъ 29-го октября. Мы удивились исправности князя Радзивилла. Теперь ты снабженъ покуда всѣмъ нужнымъ, и какъ пріятно слышать, что, наконецъ, уже щеголяешь въ своемъ экипажѣ! Отъ письма твоего папа въ восхищеніи и намѣренъ подарить тебѣ 350 руб. на сани и на прочее обзаведеніе для зимы. Онъ совершенно согласенъ съ твоимъ мнѣніемъ о Ѳад. Венед. Эти люди исписались и, кажется, отживаютъ послѣдній умъ. Куда какъ

несносна полемика „Сѣверной Пчелы" съ „Отечественными Записками". Обѣ стороны не правы и тщетно хотятъ диктаторствовать въ литературѣ, забывая, что читающая публика въ Россіи уже не та, какъ была лѣтъ за 15. Классъ образованныхъ людей понимаетъ хорошо, что журналисты наши просто ремесленники, для которыхъ нуженъ насущный хлѣбъ и подрывъ собратій: у нихъ нѣтъ общаго направленія, общей цѣли и для нихъ чужды успѣхи наукъ и просвѣщенія. Подумай, какими глазами мы должны смотрѣть на подобныхъ представителей, если и ты уже, съ пылкимъ воображеніемъ, съ юношескою душею, не видишь тутъ поэзіи, а находишь одну прозу. Но проза эта показалась бы тебѣ еще грязнѣе, еслибъ судьба привела тебя отобѣдать когда нибудь у почтеннаго Нестора журналистовъ—Ѳад. Венед. Я бывалъ въ такихъ бесѣдахъ и ужаснулся, какъ мало идей блестѣло въ разговорахъ собесѣдниковъ. Вообще эти люди не понимаютъ, что строгіе ихъ судьи не тѣ, которымъ они должны отвѣчать на печатныя критики; но тѣ, которые, прочитавъ ихъ журналы,—жалѣютъ о потерянномъ времени и удивляются ихъ скучному пустословію.

Всю эту выходку набрасываю здѣсь потому, что папа въ нынѣшній разъ едва ли самъ будетъ писать къ тебѣ. Четвертый день какъ онъ въ постели; но не пугайся, мой другъ: болѣзнь простудная и обнаружилась ревматизмами въ обѣихъ ступняхъ ногъ. Вчера Мальчъ говорилъ, что, можетъ быть, это начало подагры; въ такомъ случаѣ еще лучше. Подагра самый снисходительный недугъ: помучаетъ дней 10-ть, 15-ть, и потомъ не только оставляетъ года на два, но уноситъ съ собою зародыши всѣхъ прочихъ болѣзней. Ты помнишь здѣсь генерала Влодека: онъ періодически страдаетъ подагрою; но за то какъ свѣжъ и бодръ въ остальное время, не смотря на свои 60 лѣтъ. Maman и Лиза огорчаются; но папа веселъ и, лежа въ постели, безпрестанно съ кѣмъ нибудь бесѣдуетъ.

Кажется, въ концѣ этого мѣсяца мы выберемся въ Петербургъ; по крайней мѣрѣ такъ носились слухи. Для меня важно то, что останемся у васъ не болѣе 15-ти дней; такимъ образомъ отсутствіе мое не разстроитъ Лизу и притомъ въ самое необходимое время я буду, Богъ дастъ, при ней неотлучно. Здоровье сестры твоей, благодаря Всевышнему, въ хорошемъ положеніи; она сама пишетъ къ тебѣ. Ты у насъ въ долгу; потому что не отвѣчалъ на послѣднія наши письма. Спасибо очень, что посѣщаешь нашихъ: они въ восхищеніи отъ тебя. Душевно желаю тебѣ, мой ангелъ, всѣхъ успѣховъ и цѣлую съ братскою искренностію.

Н. Ушаковъ.

Н. Ивановичъ такъ подробно написалъ тебѣ обо всемъ, что мнѣ право не остается сказать тебѣ ни слова интереснаго. Развѣ нѣжно,

нѣжно расцѣловать тебя за участіе, съ какимъ ты говоришь о теперешнемъ моемъ положеніи и поблагодарить за любовь твою, въ которой, ты знаешь, я всегда немножко сомнѣвалась. Прости мнѣ это. Тутъ бы надобно мнѣ было очень, очень много поговорить; но, право, ни мѣсто, ни время—не позволяютъ; надежда до будущей почты, когда вѣрно я успѣю докончить длиннѣйшее посланіе и пришлю тебѣ.

Sur ce adieu, mon cher. Je recommande aussi à ton amitié m-r Lisenko et n'oublie point de t'informer quelquefois de deux jeunes Coniar. Sophie te salue. Adieu.

4.

Варшава, 13 ноября 1840 г.

Мы весьма недавно писали къ тебѣ, милый другъ Вольдемаръ, чрезъ маіора корпуса горныхъ инженеровъ Лисенко; но теперь не худо чаще посылать тебѣ извѣстія, чтобы ты не безпокоился насчетъ здоровья Лизы и особенно папы. О болѣзни его ты уже знаешь. Вотъ 10 дней, какъ онъ въ постели, почти не владѣетъ ни руками, ни ногами, и съ большимъ трудомъ, при помощи пяти человѣкъ, передвигается съ мѣста на мѣсто, т. е. съ одного бока на другой. До сихъ поръ доктора не опредѣлили названія болѣзни: одинъ говоритъ, что это *goutte volante*, другой называетъ *artretisme*, или сильное разслабленіе ножныхъ и ручныхъ суставовъ, отъ простуды и желудка. Какъ бы то ни было, опасности, благодаря Бога, нѣтъ никакой и припадки съ каждымъ днемъ становятся слабѣе; но ты знаешь, что папа мнителенъ и нетерпѣливъ, и отъ этого самое поправленіе его кажется продолжительнымъ. Maman очень измучилась безсонницей, и всѣ люди въ домѣ устали чрезвычайно отъ безпрестанной возни съ больнымъ, а тутъ, какъ нарочно, еще случилось отправленіе Степы въ Малороссію и мнѣ уже пришлось подписывать письма за папу. Повторяю, что опасаться совершенно нечего; дней черезъ пять обѣщаютъ посадить его въ стулъ, но потомъ еще долго нельзя будетъ выходить на воздухъ, а весною понадобится курсъ лѣченія минеральными водами.

Мы вчера получили твои строки отъ 5-го ноября. Я вижу, что одно изъ моихъ писемъ къ тебѣ не дошло, потому что ты ни слова объ немъ не упоминаешь, а между тѣмъ письмо отправлено мѣсяцъ назадъ по почтѣ. Въ немъ не было ничего важнаго; но мнѣ жаль, если ты во время не имѣлъ объ насъ извѣстій. Лиза сегодня сама собира-

лась отвѣчать; но у нея насморкъ и болитъ нога; поэтому она проситъ извинить, и даже досадуетъ, что такъ случилось. Въ остальномъ здоровье ея благодаря Бога держится и полнота мало по малу прибавляется. Очень некстати приближается моя поѣздка. Говорятъ, недѣли черезъ двѣ съ половиною мы отправляемся къ вамъ въ гости. Я объ одномъ только молю Бога, чтобы путешествіе это все окончилось по крайней мѣрѣ къ 10-му января; потому что далѣе Лиза будетъ въ трудномъ положеніи. Ожидай насъ къ 6-му декабря и, кажется, опять въ Демутовъ трактиръ. Очкинъ и Четыркинъ собираются также.

Папа хочетъ непремѣнно знать всѣ подробности насчетъ твоихъ лошадей и экипажа. Напиши въ первый разъ, какихъ мастей, лѣтъ и росту твои лошади, какая у нихъ сбруя и какъ одѣтъ кучеръ и проч. На сани онъ пришлетъ тебѣ денегъ, а покуда изворотись своими.

До пріятнаго свиданія, милый Вольдемаръ! Пиши пожалуйста чаще къ сестрѣ; она тебя такъ любитъ и такъ весела и счастлива, когда читаетъ твои строки, что право грѣшно отказывать ей въ томъ. Вмѣстѣ съ Лизой обнимаю тебя и желаю здоровья и во всемъ успѣховъ. Ваня пишетъ мнѣ, что 6-го декабря ты, можетъ быть, попадешь въ подпоручики. Папа очень обрадовался, когда я сказалъ ему вчера о томъ. Прощай, прощай! Пора отсылать на почту.

Н. Ушаковъ.

Катер. Мих. тебя цѣлуетъ, а отъ насъ поклонъ семейству Нат. Андреевны.

Папа и Юлія Ивановна обнимаютъ тебя также, милый другъ.

5.

Варшава, 21 января 1841 г.

Мнѣ самому не вѣрится, милый другъ Володя, что я наконецъ дома и что за дверьми, въ другой комнатѣ, Лиза, которую по своему желанію я могу всякую минуту расцѣловать не заочно, а на самомъ дѣлѣ. Признайся, что тутъ глубокая, невыразимая поэзія. Но я неосторожно началъ письмо и залечу такъ въ небеса, не сказавъ тебѣ на цѣломъ листкѣ ни одного слова о дѣлѣ. Итакъ возвращаюсь къ историческому и прозаическому порядку. Дорога благопріятствовала мнѣ вполнѣ, не смотря на милліоны ухабовъ, при одномъ изъ которыхъ и

Тимоѳей и ямщикъ мой выпали изъ саней, а я одинъ мчался полверсты и едва успѣлъ удержать лошадей. Доѣхалъ я сюда менѣе нежели въ $4^1/_2$ сутокъ. Могъ бы добраться ранѣе; но боялся обезпокоить утромъ жену. Она почти меня не ожидала; потому что за два часа передъ тѣмъ только что получила послѣднее мое письмо. Благодаря Бога, Лиза здорова и такая же хорошенькая и восхитительная, какъ прежде. Она посылаетъ тебѣ полновѣсное и дружеское спасибо за твой портретъ и за щетку; но сама не пишетъ по двумъ причинамъ: во первыхъ, потому что это ей тяжело, а, во вторыхъ, по извѣстной боязни на счетъ твоей нескромности. За то забросала меня вопросами на твой счетъ и боится, чтобы безъ такого ментора, какъ я, ты не увлекся бы различными впечатлѣніями и вліяніемъ дружбы. Ты понимаешь? Еще одно ее безпокоитъ—подарки. Но я увѣрилъ, что ты рѣшился теперь отъ всего отказываться и сдержишь слово.

Вчера вечеръ мы провели у папы и сегодня обѣдали тамъ. Бесѣда началась о тебѣ. Папа одобрилъ выдачу 30 червонцевъ, но объявилъ, что больше ни за что не дастъ, а если узнаетъ о долгахъ, то уменьшитъ и самое содержаніе твое. Вотъ тема, по которой ты долженъ, милый другъ, располагать своею жизнію. Воля отца, въ чемъ бы она ни заключалась, всегда священна. Для оправданія твоего не худо, если бы ты хотя разъ прислалъ отчетъ о своихъ ежемѣсячныхъ издержкахъ; это успокоитъ папу. Здоровье его, благодаря Бога, поправляется; но ногами онъ еще плохъ и ходитъ съ трудомъ, однако же выѣзжаетъ прогуливаться въ саняхъ.

Лиза мастерски и успѣшно исполнила порученіе на счетъ твоего отпуска заграницу. Мнѣ оставалось только присоединить нѣсколько убѣжденій о пользѣ этой поѣздки. Папа соглашается взять тебя съ собою; но съ двумя условіями: во первыхъ, чтобы ты самъ хлопоталъ о своемъ увольненіи, а, во вторыхъ, чтобы занялся хорошенько и теперь же нѣмецкимъ языкомъ. О первомъ я вмѣстѣ съ симъ пишу къ Очкину, чтобы убѣдить Ром. Серг. достать нужныя для тебя свидѣтельства. Папа желаетъ, чтобы ты пріѣхалъ сюда къ 20-му или 25-му мая; потому что онъ отправится въ Карлсбадъ не прежде 5-го іюня, а передъ тѣмъ съѣздитъ еще въ Малороссію. Съ Божіею помощію начинай дѣйствовать. Всѣ родные тебя цѣлуютъ, а Maman проситъ на посланные 25 руб. ассигн. купить ей двѣ пары черепаховыхъ шпилекъ и банку помады въ 15 руб. у Реноме; но не иначе какъ Violette или Réséda; а если 15-рублевыхъ баночекъ нѣтъ, то три 5-рубл., но пожалуйста сдѣлай это поаккуратнѣе и пришли съ Очкинымъ, а въ случаѣ ихъ отъѣзда отдай Лобанову въ Инспектор. Департ. для пересылки ко мнѣ. Кланяйся отъ насъ Натальѣ Андреевнѣ и Дарагановымъ. Къ маменькѣ я пишу самъ. Прощай, я очень усталъ отъ дороги. Н. Ушаковъ.

Лиза особенно проситъ поблагодарить Наталью Андреевну за посылку и сама будетъ писать къ ней и къ тебѣ въ слѣдующую почту.

Поблагодари папу за деньги и за согласіе взять тебя за границу; но пиши такъ, чтобы онъ не догадался, что мы уже прежде условились о томъ.

Кромѣ Violette и Réséda другой помады не покупай.

6.

Варшава, 15 февраля 1841 г.

Написавъ одно письмо тотчасъ по моемъ возвращеніи сюда, я до сихъ поръ еще не собрался написать къ тебѣ другой разъ, милый другъ Володя! Сначала помѣшало возвращеніе Князя и масляница, а потомъ мы говѣли вмѣстѣ съ Лизою и сегодня были у св. Причастія. Благодаря Бога, Лиза выдержала постъ и службу церковную, какъ нельзя лучше. Беременность ея также идетъ благополучно и дней черезъ 10-ть должно ожидать разрѣшенія. Минута страшная; но за то, если Всевышній поможетъ, радость наша тѣмъ болѣе будетъ невыразима. Лиза цѣлуетъ тебя и еще разъ благодаритъ за портретъ, въ которомъ нашла много сходства. Мѣсто ему назначено на бюро. Извини, что она сама не пишетъ; не повѣришь, какъ ей бѣдненькой трудно усѣсться теперь за письменный столикъ. Вотъ почти мѣсяцъ, какъ она собирается отвѣчать Татариновой и каждый разъ откладываетъ. Наконецъ сегодня рѣшилась непремѣнно писать во вторникъ, чтобы примириться съ пламенной своей подругой, которая грозитъ совершеннымъ разрывомъ дружбы. Какъ не затрепетать при такихъ ужасахъ! Женская ненависть не то, что наша.

Отъ тебя, мой дружочекъ, мы получили два письма и оба чрезъ Очкина. Вообрази, онъ опять начинаетъ хандрить, но, кажется, отъ того, что его заставляютъ каждое утро служить. Мы всѣмъ семействомъ принесли ему благодарность за оказанныя тебѣ дружескія ласки. Papa очень порадовался отзывомъ на твой счетъ какъ Очкина, такъ Ром. Серг. и Герасимова; но твердитъ все одно, что ты, кажется, мало читаешь и особенно неаккуратенъ въ расходахъ. Разумѣется, никто ни слова не проронилъ о долгахъ. Вмѣстѣ съ симъ ты получишь отъ Papa деньги на двухмѣсячное содержаніе и при этомъ очень, очень справедливые и умные совѣты. Не понимаю, что тебѣ стоитъ прислать хоть однажды расходъ за мѣсяцъ; тутъ самый щекотливый характеръ не нашелъ бы

ничего обиднаго; да и можно ли волю отца не считать священною? Соберись съ духомъ и пришли хотя примѣрную раскладку.

Здоровье Papa, благодаря Бога, опять поправляется: онъ ходитъ по комнатѣ и играетъ въ вистъ; но на воздухъ выѣзжать не позволяютъ. Мы всѣ порадовались, что жребій ѣхать на Кавказъ не палъ на тебя и на Ваню. Что то скажетъ поѣздка за границу? Если нужно, я напишу къ Игнатьеву, Ростовцеву и Ребиндеру. Первые два, какъ бывшіе начальники твои по воспитанію, охотно возьмутся доставить тебѣ случай побывать за границей и усовершенствовать твои познанія. Увѣдомь меня поскорѣе, къ кому именно адресоваться съ просьбою; терять времени не нужно.

Порученіе Анны Михайл. я исполнилъ, т. т. просилъ полков. Фока, и онъ отнесся уже куда слѣдуетъ о переводѣ братьевъ Краузе въ его полкъ; но, вотъ бѣда!—самъ Фокъ выходитъ въ отставку и неизвѣстно, кто на его мѣсто будетъ назначенъ. Впрочемъ пусть только переведутъ, а то они здѣсь не останутся безъ защиты. Перескажи все это Аннѣ Мих. и поклонись отъ меня какъ ей, такъ равно Петру и Александру; да не забудь прибавить поклонъ и отъ Лизы.

Катюша и Maman тебя цѣлуютъ и первая проситъ доставить письмо къ Нат. Андреевнѣ. Тутъ опять отъ насъ пребольшой и преусердный поклонъ.

Еще одно порученіе. Извѣстный Баургерцъ заводитъ съ тобою корреспонденцію. Объ чемъ дѣло, ты увидишь изъ его письма. Рѣчь идетъ, кажется, о томъ Дубецкомъ, который былъ въ штабѣ у Ростовцева. Спроси Алекс. Дарагана, и если мы ошиблись, то письмо возврати или поищи въ Петербургѣ другого Дубецкаго; вѣроятно же онъ существуетъ на свѣтѣ, а синенькая бумажка доставитъ тебѣ возможность отыскать его хоть въ Камчаткѣ.

Пора кончить. Завтра я дежурнымъ и спать ужасно хочется. Скажи роднымъ нашимъ, что мы здоровы и цѣлуемъ ихъ, а писать я буду черезъ три дня, т. е. съ слѣдующею экстрапочтою. Очень благодаренъ за извѣстіе о проданной Кондзеровскимъ землѣ; дѣло славное, и я спрошу у него секрета. Кланяется тебѣ Очкинъ и прочая братія. Еліашевичъ еще не возвратился. У насъ новаго только то, что Софіано женится на Павловской. Итакъ кожаный романъ уже въ печати и лѣтомъ выйдетъ въ свѣтъ. Сегодня хоронили M-me Гильфердингъ; она страдала около года водяною болѣзнію. Вѣчный покой душѣ ея. Не хочу кончить такъ грустно и скажу, что молодой Погодинъ еще здѣсь; но теперь не такъ веселится, какъ въ прошломъ году, потому что масляница была здѣсь довольно *сухая*

Прощай, мой милый другъ! Люби меня по прежнему и вѣрь, что искренно желаетъ тебѣ счастія твой преданный братъ

Н. Ушаковъ.

P. S. Ты мнѣ забылъ написать, хочетъ ли Саранча рѣшительно опредѣлиться въ армію?

Дмитр. Дараг. мой поклонъ и прочимъ, кто вспомнитъ.

7.

Варшава, 22 февраля 1841 г.

Наконецъ, милый другъ Володя, сообщаю тебѣ давно ожидаемую тобою новость: Лиза мать. Сегодня въ 4-е часа по полудни Богъ даровалъ намъ сына, а тебѣ племянника. Роды, по милости Всевышняго, окончились благополучно, и тѣмъ пріятнѣе, что еще вчера она гуляла пѣшкомъ по городу. Можешь представить наше восхищеніе! Maman и Катюша въ это время сидѣли у насъ и первые меня поздравили. Papa ничего не зналъ о страданіяхъ Лизы и для него внучекъ почти нечаянно явился на свѣтъ. Сестра твоя геройски перенесла все и очень мило глядитъ на малютку. Теперь предстоитъ другой подвигъ—кормить дитя. Не знаю, удастся ли Лизѣ выполнить обѣтъ свой. Все въ руцѣ Господней.

Тороплюсь тебя обрадовать и потому не распространяюсь болѣе ни о чемъ. Сообщи о нашемъ семейномъ событіи доброй Натальѣ Андреевнѣ и Дараганамъ. Прощай, обнимаю тебя крѣпко и остаюсь искреннимъ другомъ твоимъ

Н. Ушаковъ.

P. S. Напиши, какъ идетъ дѣло о твоемъ отпускѣ.

8.

Варшава, 1 марта 1841 г.

Вотъ тебѣ, любезный другъ Володя, повторительное извѣстіе о радостномъ для насъ событіи. Ровно за недѣлю предъ симъ, 22-го февраля, Богъ даровалъ намъ сына, котораго мы наименовали Андреемъ,

въ честь Papa. Пишу къ тебѣ другой разъ именно потому, что ты жалуешься на неполученіе нашихъ писемъ. Лиза уже начала кормить и все покуда идетъ благополучно. Крошка нашъ премиленькій, но на кого будетъ похожъ, еще неизвѣстно; судя же по бѣленькой кожицѣ, можно думать, что въ немъ отразится прекрасный портретъ матери. Много новыхъ, непостижимыхъ и вмѣстѣ сладостныхъ чувствъ даетъ положеніе отца; по этому ты и не удивишься, а вотъ что замѣчательно, что Papa въ восторгѣ отъ внука и очень доволенъ, что малютку назвали его именемъ. Впрочемъ онъ восхищается покуда за глаза; потому что не выѣзжаетъ изъ дому; но черезъ два дня, когда исполнится важный девятидневный терминъ для Лизы, т. е. когда она встанетъ съ постели, Papa обѣщалъ непремѣнно быть у насъ и взглянуть на внука, которымъ бредитъ и во снѣ и на яву. За то Maman и Катюша ежедневно заѣзжаютъ любоваться нашею семейною картиною. Какъ бы хорошо было, еслибъ и тебѣ удалось отпроситься.

Третьяго дня я получилъ разомъ три твоихъ письма, съ приложеніями двухъ особо къ Papa и одного къ Очкину. Странное дѣло, что мои увѣдомленія такъ медленно къ тебѣ доходятъ; но я увѣренъ, что въ эту минуту ты убѣдился, что не наша въ томъ вина. Извѣстіе о нездоровьи Маменьки меня испугало тѣмъ болѣе, что отъ нихъ мы не имѣемъ давно писемъ. Сегодня же я опять къ нимъ пишу. Что за происшествія съ Любочкой? Ты меня только подразнилъ и я до сихъ поръ не могу разгадать. Дай Богъ, чтобы тутъ было что нибудь поважнѣе маскараднаго разговора или вечера у Никитенка.

Отпустятъ ли тебя, мой другъ, за границу? Ждемъ съ нетерпѣніемъ развязки. По твоимъ словамъ, ни то, ни се; но однакоже препятствіе только со стороны Медицин. Комитета, а Ром. Серг. вѣрно объяснилъ всѣмъ и каждому изъ своихъ товарищей, чѣмъ и какъ ты боленъ. Чрезъ Князя дѣйствовать невозможно и было бы поздно, если Комитетъ объявитъ тебя не подлежащимъ лѣченію Теплицкими водами.

Коммиссію твою насчетъ Саранчи выполню въ слѣдующемъ письмѣ. Теперь же я никуда не выѣзжаю и не могу переговорить съ полковыми командирами. Насчетъ Богодуховскаго дома мы уже говорили Papa: онъ можетъ дать только три комнаты; потому что въ одной живетъ докторъ, а въ другой сложены вещи. Однакоже покуда ничего не говори Аннѣ Мих. Papa самъ тебѣ о томъ напишетъ. Кланяйся ей отъ насъ, равно какъ Петру, Александру, Дмитрію и Натальѣ Андреевнѣ, съ цѣлымъ семействомъ. Деньги Papa уже послалъ тебѣ. У насъ, т. е. въ Варшавѣ ничего новаго, кромѣ пріѣзда Княгини, которую ожидали сегодня, и Тальберга, который на дняхъ даетъ концертъ. Кланяются

тебѣ Очкинъ, Четыркинъ и Герасимовъ; послѣднiй говорилъ, что самъ писалъ, съ нѣмецкими фразами. Прощай! Обнимаю и цѣлую тебя за цѣлое наше семейство. Обрадуй скорѣе насъ отпускомъ.

Н. Ушаковъ.

9.

Варшава, 19 марта 1841 г.

Я знаю, любезный другъ Володя, какъ ты интересуешься объ насъ и тороплюсь успокоить тебя, что мы всѣ слава Богу здоровы. Лиза еще довольно слаба для того, чтобы писать самой; но какъ только кончится 6-ть недѣль, она сама намѣрена поговорить съ тобою. Ея обязанность теперь трудная; я вижу на опытѣ, что кормить дитя не бездѣлица: бѣдненькую будятъ раза три въ ночь и она никогда не можетъ выспаться порядочно, а днемъ, отъ непривычки, вовсе спать не можетъ и отъ того почти ежедневно страдаетъ головною болью; но никакъ не хочетъ отказаться отъ принятаго намѣренiя. Впрочемъ здоровье ея каждый день укрѣпляется, а малютка растетъ замѣтно и презабавный крикунъ. Мы всячески стараемся отгадать, какiе у него будутъ глаза; но покуда они синiе, или, лучше сказать, цвѣту неопредѣлительнаго. Папа бываетъ у насъ часто, а Юлiя Иван. и Катюша ежедневно. Прiѣзжай и ты взглянуть на племянника. Ахъ, какъ мы будемъ рады, когда придетъ, наконецъ, извѣстiе о твоемъ отпускѣ! Къ Пасхѣ вѣроятно объяснится, да или нѣтъ. Неужели же медики признаютъ, что для тебя Петербургскiй климатъ здоровѣе Германскаго? Романъ Сергѣев. не долженъ тогда ногой ступить на медицинскiе вечера и обѣды.

Я сейчасъ только изъ театра. Тальони танцовала сильфиду и качучу. Тебѣ завидно слышать про такую роскошь? Она останется здѣсь недѣли три и дастъ пять представленiй, между прочими Пирата и Озеро волшебницы, съ восхитительнымъ галопадомъ. Я радъ, что Лиза къ тому времени выздоровѣетъ и успѣетъ посмотрѣть Тальони. Она бѣдненькая и такъ потеряла концерты Тальберга и Оль-буля. Какъ нарочно на это время съѣзжаются сюда всѣ знаменитые артисты: ожидаютъ еще Листа и Эрнеста.

Въ Петербургъ ѣдетъ племянникъ Государя, наслѣдный принцъ Веймарскiй, сынъ В. К. Марьи Павловны. Онъ провелъ здѣсь три дня и нынче отправился въ Новогеоргiевскъ. Для него дѣлали парадъ

здѣшнему гарнизону, два обѣда и вечеръ у Фельдмаршала. Maman и Любочка разговаривали съ принцемъ.

Письмо съ 5 руб. я получилъ. Послѣднимъ твоимъ увѣдомленіемъ папа доволенъ. Очкинъ тебѣ кланяется; онъ все еще не такъ свободенъ; но, по крайней мѣрѣ, мало хандритъ и ведетъ жизнь довольно разсѣянную. На дняхъ пріѣхалъ Еліяшевичъ и привезъ Ив. Александр.; я хочу непремѣнно показать его Лизѣ.

Прощай. Мы оба съ Лизой тебя цѣлуемъ и просимъ поблагодарить отъ насъ Нат. Андр. и Анну Мих. за участіе въ нашей радости. Къ своимъ буду писать въ слѣдующую почту, а теперь скажи, что мы ихъ обнимаемъ и проч.

Н. Ушаковъ.

10.

Динабургъ, 10 апрѣля 1841 г.

Представь, милый другъ Володя, что, выѣхавъ третьяго дня изъ Варшавы и добравшись уже до половины дороги, мы возвращаемся назадъ. Фельдмаршалъ сильно простудился и никакъ не можетъ слѣдовать далѣе; завтра ѣдемъ потихоньку опять въ Варшаву. Съ Княземъ были только я и Ром. Серг., а Очкинъ и Еліяшевичъ оставались въ Варшавѣ и не имѣли приказанія ѣхать въ Петербургъ.

Посылаю тебѣ сто пятьдесятъ рублей серебромъ при письмѣ папы: это содержаніе на два мѣсяца и остальные въ подарокъ. Наши всѣ благодаря Бога здоровы, только жалѣемъ, что тебя не отпустили за границу. Крестины Андрюши были въ воскресенье неожиданно, потому что я не предполагалъ, что меня возьмутъ въ Петербургъ.

Болѣе право писать некогда. Прощай, будь здоровъ и люби твоего друга

Н. Ушакова.

11.

Варшава, 3 мая 1841 г.

Не вини меня, милый другъ Володя, что я иногда пропускаю отвѣчать на твои письма; но за то если пишу къ тебѣ, то вѣрно съ удовольствіемъ. Послѣднія отъ тебя строки мы получили на дняхъ, отъ 22 апрѣля, и я въ тоже время передалъ Papa твою просьбу на

счетъ денегъ: онъ согласенъ выслать ихъ къ 1-му іюня; тѣмъ болѣе, что около этого времени выѣзжаетъ за границу, откуда пересылка такая—была бы затруднительна. Твое послѣднее письмо ему очень понравилось и *за мудрыя разсужденія объ экономіи* тебѣ будетъ небольшой денежный подарокъ. Шутки въ сторону; право не стыдно порядочному молодому человѣку аккуратно заниматься своими счетами и избѣгать денежной зависимости, самой непріятной изъ всѣхъ оковъ.

Поѣздка въ Малороссію отложена, кажется, до осени; по крайней мѣрѣ Papa раздумалъ ѣхать туда теперь. Впрочемъ время выѣзда на воды также положительно не назначено. Здоровье Андр. Яковл. лучше; но при перемѣнѣ погоды онъ чувствуетъ по прежнему боль въ рукахъ и ногахъ, хотя не такую сильную. Наши всѣ тебя обнимаютъ, а Лиза цѣлуетъ дружески. Она сама собиралась писать; но по истинѣ трудно ей удосужиться и притомъ къ вечеру она всегда устанетъ. Пожалуйста извини ее. Андрюша посылаетъ также свой сладенькій поцѣлуй: дитя весьма миленькое и съ каждымъ днемъ дѣлается забавнѣе; теперь онъ начинаетъ что то произносить и восхитительно улыбается. Лиза привязалась къ нему всею силою материнскаго чувства, а я безпрестанно таскаю его на рукахъ. Сегодня Андрюшѣ минуло 10-ть недѣль. Очень благодаримъ тебя за мысль собирать для него деньги: пусть будетъ это самая маленькая сумма; дружба твоя увеличитъ ея цѣнность.

Скажи Саранчѣ, чтобы онъ подавалъ въ Эстляндскій егерскій полкъ; только въ этомъ полку есть одна ваканція юнкерская; во всѣхъ же другихъ, квартирующихъ въ Царствѣ Польскомъ, ваканціи откроются послѣ ожидаемаго по корпусу производства. Юнкеровъ Краузе, о которыхъ просила меня Анна Михайловна, нельзя перевесть въ квартирующую здѣсь кавалерію; потому что они, какъ оказалось по перепискѣ съ Начальствомъ Военнаго Поселенія, представлены уже къ производству въ офицеры съ переводомъ въ пѣхотные полки 2-го Корпуса. Передай это Аннѣ Михайл. при нашемъ поклонѣ ихъ семейству.

Къ роднымъ я буду писать на будущей недѣлѣ, а теперь скажи, что мы всѣ здоровы и обнимаемъ ихъ. Ваничку особо поцѣлуй. Письмо твое Очкину доставлено исправно. Онъ сумасшествуетъ; не поѣхалъ за границу, такъ выдумалъ другую штуку: нанялъ хорошую квартиру и заказалъ разнородную, изящную мебель, со всѣми комфортами. Онъ, Ром. Серг., Еліашев. и Герасимовъ тебѣ кланяются. Но вотъ отъ пусторѣчія и мѣста нѣтъ. Остается приписать одну коммиссію: Лиза проситъ купить и прислать намъ ноты Молитвы Лермонтова, положенной на фортепіано Ѳ. Толстымъ: это стоитъ 1 руб. серебр. Прощай! Да подкрѣпитъ тебя Всевышній для смотровъ, маневровъ и лагеря.

Н. Ушаковъ.

12.

Варшава, 4-го іюня 1841 г.

Мы еще не поблагодарили тебя, милый другъ Володя, за ноты. Лиза въ восхищеніи отъ твоей исправности; только она ожидала отъ музыки гораздо болѣе. На этотъ разъ извини, что она сама къ тебѣ не пишетъ; но недавно ты получилъ наконецъ отъ нея письмо и увѣрился конечно, что нѣжныя ея чувства къ тебѣ нисколько не измѣнились. Позволь намъ вмѣстѣ разцѣловать тебя и поблагодарить также за твои обязательныя предложенія.

Вотъ почти недѣля, какъ мы осиротѣли: Андр. Яковл., Юлія Иван. и Катюша уѣхали въ четвергъ, т. е. 29 мая, вечеромъ, напившись у насъ чаю; мы проводили ихъ до заставы. Сегодня Ясинскій возвратился изъ Хенцинъ и привезъ намъ отъ нихъ письма. Maman и Катюша, разумѣется, скучали въ деревнѣ, а Papa занимался хозяйствомъ. Имѣніе теперь окончательно передано новому администратору, который обязался въ теченіе 11-ти лѣтъ давать ежегодно по 31 т. злот. Такимъ образомъ отъ Кошулька совсѣмъ отдѣлались и хлопотъ прежнихъ не будетъ. По письмамъ видно, что они сегодня должны быть въ Краковѣ, гдѣ только пообѣдаютъ, и отправятся далѣе въ Вѣну; тамъ пробудутъ около недѣли, заѣдутъ въ Прагу и будутъ въ Карлсбадѣ около 20-го іюня. Если захочешъ писать, то письма адресуй къ намъ для пересылки. Деньги для тебя на слѣдующій терминъ, т. е. съ 1-го сентября, оставлены у насъ, а нынѣшніе, съ 1-го іюля, мы отправили къ тебѣ на прошлой недѣлѣ, чрезъ Лобанова. Увѣдомь пожалуйста о полученіи.

Можешь посудить, какъ Лиза теперь скучаетъ. Мы жили здѣсь исключительно въ родственномъ кругу и потому постороннія знакомства не имѣютъ для насъ особой прелести. Одно утѣшеніе—нашъ малютка; онъ обнимаетъ тебя своими маленькими ручками. Дитя истинно милое и съ каждымъ днемъ дѣлается забавнѣе. Когда то Богъ приведетъ тебя его увидѣть. Сентябрь такъ далеко, что, кажется, и не дождешься его. Къ довершенію грусти жены я также на дняхъ выѣзжаю изъ Варшавы недѣли на полторы. Мнѣ нужно принимать отъ казны имѣніе и передать его лично моему администратору, чтобы потомъ быть покойнымъ на этотъ счетъ. Земля моя что то нейдетъ съ рукъ: Логиновъ писалъ мнѣ недавно, что хлопочетъ въ мою пользу; но когда это кончится? А между тѣмъ финансы скудны по причинѣ старыхъ долговъ, которые выплачиваются мало по малу изъ моего собственнаго содержанія. Богъ милостивъ, какъ нибудь надобно изворачиваться.

Здѣсь теперь двѣ новости: выставка, на которой не послѣднее мѣсто будутъ занимать товары и произведенія, доставленныя изъ Россіи, и конная скачка, открытіе коей предназначено на дняхъ. Это будетъ первый опытъ и, можетъ быть, покуда неблистательный.

Очкинъ тебѣ кланяется; онъ у насъ бываетъ часто и собирается писать къ тебѣ длинное письмо. Сверхъ ожиданія нынѣшній годъ ему въ Варшавѣ не скучно. Отъ Четыркина и Герасимова прими также поклонъ. Къ нашимъ я пишу съ этою же почтою. Слѣдовательно передай наше привѣтствіе только Дараганамъ; ибо Нат. Андр. вѣрно уже уѣхала. Еще поклонись Безаку; я очень радъ, что вы сближаетесь. Цѣлую тебя, мой ангелъ, и повторяю просьбу писать къ намъ.

Н. Ушаковъ.

13.

1-го августа 1841 г.

Прими, милый другъ Володя, близкое участіе въ нашей великой горести. Нѣсколько дней назадъ мы еще были счастливы, а теперь испытали потерю сильную. Ангелъ-дитя наше уже не существуетъ на землѣ. Всевышнему угодно было призвать его на небо, въ сонмъ херувимовъ. Бѣдный Андрюша страдалъ только пять дней и скончался, кажется, отъ зубовъ, или отъ сыпи, которая была у него на лицѣ и, по увѣренію медиковъ, обратилась внутрь. Всѣ средства были употреблены къ его спасенію; но что можетъ сдѣлать человѣческое искусство противъ назначенія свыше? Несчастная Лиза въ совершенномъ отчаяніи и ничто не можетъ утѣшить ея печали. Мы мужчины не въ состояніи оцѣнить такой нѣжности и разсудкомъ побѣждаемъ горесть. Но сердце матери и чувства ея къ первенцу младенцу, котораго она лелѣяла на своей груди, обезоруживаютъ всякую философію и заставляютъ безмолвно присоединяться къ этой скорби. Со дня кончины Андрюши, т. е. съ 29-го іюля, Лиза грустить одинаково, и здѣсь нѣтъ надежды, чтобы она скоро привыкла къ такой утратѣ. По долгомъ разсужденіи рѣшаюсь завтра ѣхать за границу, въ Теплицъ, къ батюшкѣ. Совѣты и участіе его могутъ быть лучшимъ бальзамомъ для Лизы. Съ нами отправляется также Якубовская, которая въ это трудное для насъ время показала къ намъ безпредѣльное дружество. Она не отходила сначала отъ ребенка, а потомъ отъ Лизы, и провела въ ея спальнѣ нѣсколько ночей, безъ сна. Умѣряя елико возможно свою печаль, я не могу смотрѣть безъ

глубокаго сострадания на положеніе Лизы. Пріѣзжай къ намъ скорѣе ради Бога, чтобы утѣшить сестру. Твое присутствіе облегчитъ удрученную ея душу. Проси себѣ непремѣнно увольненія на 4-е мѣсяца въ Варшаву и Малороссію. Я не думаю, чтобы для такой причины отказали; но на всякій случай принимаю мѣры къ устраненію препятствій и съ симъ же вмѣстѣ пишу къ П. Н. Ушакову, начальнику гвардейской пѣхоты, и къ Вашему полковому командиру. Если успѣешь отпроситься къ 20-му августа, то ты будешь здѣсь именно къ пріѣзду папы, т. е. почти къ 1-му сентября. Пожалуйста употреби всѣ средства, а если нужны будутъ деньги, то возьми хотя у нашихъ, изъ той суммы, которая лежитъ въ банкѣ за проданное наше Новгородское имѣніе. Кстати я теперь не пишу самъ къ нимъ; потому что некогда, да и сердце болитъ пересказывать такія печальныя событія. Отъ брата они получатъ сначала извѣстіе, что Андрюша не здоровъ, а потомъ уже напишу и я; ибо я возвращусь изъ за границы самъ чрезъ 12-ть дней. Чтобы не испугать маменьку, пожалуйста передай имъ поосторожнѣе, что съ нами случилось, и не худо прежде выспросить, получили ли они отъ брата извѣстіе. Лиза цѣлуетъ тебя вмѣстѣ со мною, но сказать болѣе не можетъ ни слова. Я самъ едва дописываю эти строки. Прощай.

Н. Ушаковъ.

14.

Варшава, 25 августа 1841 г.

Пропутешествовавъ за границею съ горемъ пополамъ три недѣли, я опять со вчерашняго дня на мѣстѣ, милый братъ и другъ Володя! Прискорбно было возвращаться въ свою квартиру, еще недавно украшенную скромнымъ, но совершеннымъ счастіемъ. Сколько напоминаній о незабвенномъ малюткѣ; сколько тягостныхъ думъ, а будущее—такая неизвѣстность и темнота! Лизу я оставилъ въ Теплицѣ у Рара; но съ трудомъ довезъ туда; однакоже это было единственное средство спасти ее отъ помѣшательства. Свиданіе съ родными, какъ можешь догадаться, было самое печальное. Къ счастію они были предупреждены моимъ письмомъ и даже сами поспѣшили посовѣтовать намъ выѣздъ за границу. Совѣты отца, испытавшаго такъ много въ жизни, были лучшимъ лѣкарствомъ для Лизы. Съ перваго дня она сдѣлалась нѣсколько покойнѣе и, замѣтивъ въ теченіе недѣли эту благопріятную перемѣну, я рѣшился ѣхать назадъ; потому что срокъ моего отпуска

былъ кратковременный, и мнѣ сверхъ того нужно еще хлопотать здѣсь о перемѣнѣ квартиры, о памятникѣ для малютки и о проч. и наконецъ явиться въ Варшаву прежде прибытія Императора, который сегодня пріѣзжаетъ въ Новогеоргіевскъ, а послѣзавтра сюда. Papa не будетъ здѣсь въ это время. Медики, не смотря на поправленіе его здоровья, совѣтовали ему послѣ курса въ Теплицѣ отдохнуть немного въ Дрезденѣ, и возвращенія ихъ ожидаю не прежде 2½ недѣль.

По письму П. Н. Ушакова увѣренъ, что ты не встрѣтишь препятствія къ полученію отпуска, и даже полагаю тебя въ дорогѣ; но если эти строки ты получишь еще на мѣстѣ, то возьми въ соображеніе: во первыхъ, что Papa желаетъ, чтобы ты, для сбереженія издержекъ, пріѣхалъ сюда въ почтовой каретѣ, чрезъ Ковно, и потомъ дилижансомъ; слѣдовательно безъ человѣка; и, во вторыхъ, чтобы просился не болѣе какъ на два мѣсяца, или даже на 28-мь дней. Онъ боится, что жизнь въ Варшавѣ тебя испортитъ и совсѣмъ отучитъ отъ службы. Какая надобность; пріѣзжай хоть на этихъ условіяхъ: ты обрадуешъ меня и Лизу до безконечности. Если Papa еще не возвратится, то разумѣется прямо ко мнѣ на квартиру; но лучше было бы, чтобы ты выѣхалъ изъ Петербурга только 6-го сентября; тогда пробудешь здѣсь долѣе со всѣми нами. Твоего жалованья теперь тебѣ не посылаю, въ ожиданіи скораго свиданія, и притомъ опасаюсь, чтобы оно съ тобою не разъѣхалось; но вѣроятно на 500 руб. ты найдешь кредитъ въ Петербургѣ и безъ процентовъ, а деньги можно переслать потомъ отсюда тому, у кого займешь.

Я не могу еще опомниться отъ всѣхъ переворотовъ, которые случились со мною въ такое короткое время. Кромѣ потери, покуда незамѣнимой, сколько потрясеній въ самомъ хозяйствѣ; но объ этомъ послѣ. Пріѣзжай ради Бога, чтобы лично обнять любящаго тебя всѣмъ сердцемъ и преданнаго брата

Н. Ушакова.

P. S. Если передъ отъѣздомъ увидишь Безаковыхъ, Дарагановъ и Наталью Андр., то поклонись имъ отъ меня.

15.

Варшава, 3 апрѣля 1842 г.

Вѣрный своему слову поспѣшаю сказать тебѣ, любезный Вольдемаръ, что я уже на мѣстѣ. Путешествіе наше, исключая нѣсколькихъ злоключеній, окончилось благополучно и вчера въ 7-мь часовъ утра я уже былъ дома. Лизу, разумѣется, нашелъ еще въ постели; но она уже ожидала меня и очень обрадовалась моему возвращенію. Жаль только, что она все еще не укрѣпилась здоровьемъ. Вчера и сегодня мы обѣдали всѣ вмѣстѣ въ ратушѣ. Папа въ восхищеніи отъ сенаторства, но за то Maman въ первые дни, какъ говорятъ, досадовала очень на предстоящія ей лишенія и потери тѣхъ удобствъ, которыми пользовалась безъ малѣйшихъ хлопотъ. Впрочемъ это надобно приписать болѣе ея раздражительности, происходящей отъ нездоровья; потому что она до сихъ поръ еще не поправилась. Теперь однакоже все начинаетъ успокаиваться: Maman ужасно хлопочетъ о будущемъ хозяйствѣ; но великое затрудненіе въ квартирѣ. Покуда Андр. Яковл. будетъ за границей, думаютъ жить гдѣ нибудь на дачѣ, или въ Англійскомъ трактирѣ, вновь отдѣланномъ, недалеко отъ насъ, а на зиму перейти въ свой домикъ, который Papa намѣренъ купить на Новомъ Свѣтѣ. Михайла, Гришку съ дѣтьми и еще нѣкоторыхъ изъ челяди отправляютъ въ Малороссію и хозяйство такимъ образомъ округлится. Вотъ все, что знаю на первый разъ.

Особенно любопытнаго я не нашелъ здѣсь ничего; даже и погода у насъ не завидная: хотя тепло, но дождь; однако все же лучше вашего петербургскаго. Четыркинъ былъ вчера у насъ, Еліяшевичъ сегодня, а Очкинъ, кажется, сидитъ на своемъ обыкновенномъ дежурствѣ; впрочемъ вчера онъ обѣдалъ также въ ратушѣ, но былъ не въ своей тарелкѣ. Голицына рѣшительно представляютъ Воен. Начальн. въ Калишъ.

Къ роднымъ я пишу теперь же; но между прочимъ поручаю и тебѣ сказать Любочкѣ и Ванѣ милліонъ родственныхъ отъ меня привѣтствій. Лиза очень, очень довольна письмомъ Любочки; но сама еще не собирается писать. Обнимаю тебя за себя и за жену. Ждемъ твоихъ извѣстій; но пожалуйста не забывай, какъ и что должно писать къ Papa.

Твой искренній другъ

Н. Ушаковъ.

P. S. Какъ здоровье Вани? Мнѣ все еще не вѣрится, что ты такъ далеко.

былъ кратковременный, и мнѣ сверхъ того нужно еще хлопотать здѣсь о перемѣнѣ квартиры, о памятникѣ для малютки и о проч. и наконецъ явиться въ Варшаву прежде прибытія Императора, который сегодня пріѣзжаетъ въ Новогеоргіевскъ, а послѣзавтра сюда. Papa не будетъ здѣсь въ это время. Медики, не смотря на поправленіе его здоровья, совѣтовали ему послѣ курса въ Теплицѣ отдохнуть немного въ Дрезденѣ, и возвращенія ихъ ожидаю не прежде $2^1/_2$ недѣль.

По письму П. Н. Ушакова увѣренъ, что ты не встрѣтишь препятствія къ полученію отпуска, и даже полагаю тебя въ дорогѣ; но если эти строки ты получишь еще на мѣстѣ, то возьми въ соображеніе: во первыхъ, что Papa желаетъ, чтобы ты, для сбереженія издержекъ, пріѣхалъ сюда въ почтовой каретѣ, чрезъ Ковно, и потомъ дилижансомъ; слѣдовательно безъ человѣка; и, во вторыхъ, чтобы просился не болѣе какъ н› два мѣсяца, или даже на 28-мь дней. Онъ боится, что жизнь въ Варшавѣ тебя испортитъ и совсѣмъ отучитъ отъ службы. Какая надобность; пріѣзжай хоть на этихъ условіяхъ: ты обрадуешъ меня и Лизу до безконечности. Если Papa еще не возвратится, то разумѣется прямо ко мнѣ на квартиру; но лучше было бы, чтобы ты выѣхалъ изъ Петербурга только 6-го сентября; тогда пробудешь здѣсь долѣе со всѣми нами. Твоего жалованья теперь тебѣ не посылаю, въ ожиданіи скораго свиданія, и притомъ опасаюсь, чтобы оно съ тобою не разъѣхалось; но вѣроятно на 500 руб. ты найдешь кредитъ въ Петербургѣ и безъ процентовъ, а деньги можно переслать потомъ отсюда тому, у кого займешь.

Я не могу еще опомниться отъ всѣхъ переворотовъ, которые случились со мною въ такое короткое время. Кромѣ потери, покуда незамѣнимой, сколько потрясеній въ самомъ хозяйствѣ; но объ этомъ послѣ. Пріѣзжай ради Бога, чтобы лично обнять любящаго тебя всѣмъ сердцемъ и преданнаго брата

Н. Ушакова.

P. S. Если передъ отъѣздомъ увидишь Безаковыхъ, Дарагановъ и Наталью Андр., то поклонись имъ отъ меня.

глубокихъ истинъ жизни". По моему, это фраза нѣмецкаго студента, или поэтическая выходка, прекрасная въ какой нибудь поэмѣ, но дурная въ приложеніи къ обыкновенной нашей жизни. Одним словомъ мы до сихъ поръ не поняли двухъ твоихъ мыслей: 1) отъ чего тебѣ вздумалось такъ внезапно идти въ отставку, и 2) что ты намѣренъ дѣлать, когда оставишь службу? Насчетъ перваго ты говоришь: „къ счастію мнѣ не удалось ѣхать на Кавказъ; тутъ подоспѣлъ поручичій чинъ и нѣкоторыя другія мелочныя обстоятельства;" насчетъ второго видна нерѣшительность, особенно проявляющаяся въ желаніи быть чисто ученымъ человѣкомъ, историкомъ, философомъ.

Разобравъ критически затѣянное тобою предпріятіе, которое, можетъ быть, теперь уже исполнено, я скажу тебѣ, любезный другъ Володя, что послѣдняго твоего письма мы до сихъ поръ не рѣшились отдавать Papa; потому что съ новаго года онъ былъ крѣпко боленъ и только на дняхъ сталъ немного поправляться. Болѣзнь образовалась отъ простуды и обнаружилась горячечными припадками и нарывомъ въ горлѣ, который, благодаря Бога, самъ прорвался. Можешь посудить, что въ это время письмо твое было бы вовсе некстати, тѣмъ болѣе, что Андр. Яковл рѣшительно надѣялся, что дѣло это возьметъ другой оборотъ. Чтобы не вдругъ разочаровать его, мы постепенно приготовляемъ объясненіе и, кажется, онъ угадываетъ уже развязку. Какъ быть? Если дѣло сдѣлано, то наша обязанность состоитъ въ томъ, чтобы все устроить къ лучшему. Не смотря на противоположность моихъ мыслей, я вмѣстѣ съ другими буду увѣрять Papa, что въ твоемъ предпріятіи нѣтъ ничего несбыточнаго; что такіе порывы молодости не только не заслуживаютъ осужденія, но напротивъ похвальны и благородны; потому что дышатъ любовію къ такому чистому и высокому предмету, каковы ученость, образованіе; что жизнь человѣка должна проявиться въ какомъ нибудь стремленіи и что стремленію этому необходимо обнаружиться въ юношескомъ возрастѣ; что изъ всѣхъ душевныхъ направленій, изъ всѣхъ наклонностей юноши,—твоя самая возвышенная. Нѣтъ сомнѣнія, что Papa и самъ такъ думаетъ, и будетъ въ эту минуту благословлять судьбу, что она не бросила тебя на одну изъ тѣхъ гибельныхъ дорогъ, на которыхъ множество молодежи утратило честь, здоровье и послѣднее состояніе, нажитое трудами ихъ отцовъ.

Но, допуская всѣ эти утѣшенія, не должно забывать съ другой стороны, что Papa слишкомъ строгъ въ мнѣніяхъ о людяхъ, и что судъ его неумолимъ, особенно тогда, когда мечты и надежды его бываютъ разрушены. Я увѣренъ, что онъ съ нѣжною любовію схватится теперь за мысль видѣть тебя въ послѣдствіи образованнымъ и достойнымъ во всѣхъ отношеніяхъ человѣкомъ; но рамки, въ которыхъ онъ

16.

13 апрѣля 1842 г.

Я уже писалъ тебѣ одинъ разъ, любезный другъ Володя, и именно по обѣщанію, на другой день нашего пріѣзда въ Варшаву; поэтому все любопытное насчетъ Рара ты уже знаешь. Покупка дома продолжается; но нѣтъ еще ничего вѣрнаго,—по крайней мѣрѣ, самый выборъ еще не сдѣланъ. Съ нынѣшняго дня мы всѣ начали говѣть, исключая Лизы, которая исполнила это во время моего отсутствія. Благодаримъ тебя за аккуратность въ корреспонденціи. Радъ душевно, что Ванѣ дали хотя небольшое отъ казны пособіе. Скажи, что я ихъ всѣхъ обнимаю, но писать теперь некогда, а буду въ концѣ недѣли поздравлять ихъ съ Пасхою. Впрочемъ они также должны уже получить отъ меня одно письмо. Спроси у Леночки, какую сдѣлать подкладку къ бурнусу; да не лучше ли вмѣсто даннаго ею образчика сдѣлать черное? Лиза находитъ, что это самый приличный цвѣтъ, и притомъ черный тибетъ или кашемиръ гораздо прочнѣе. Братъ Ив. Ив. здоровъ. Прощай. Цѣлую тебя отъ всей души.

Н. Ушаковъ.

P. S. Пусть также Любочка напишетъ обстоятельнѣе о кушакахъ, т. е. какого цвѣта и длинные или короткіе?

17.

Варшава, 11 декабря 1842 г.

Ты имѣешь полное право пенять на насъ, милый другъ Володя! Странствуя за границей $3^1/_2$ мѣсяца [1]), мы не отозвались къ тебѣ ни строчкою; но самъ посуди, до того ли тогда было. Время неслось на быстрыхъ крыльяхъ, раскидывая предъ нами чудеса древняго и новаго міра; душа и тѣло изнурялись ежедневно отъ созерцанія множества предметовъ; наконецъ мы не жили почти на мѣстѣ.

---

[1]) Въ половинѣ августа 1842 г. Ушаковы предприняли путешествіе за границу. Черезъ Вѣну и Тріестъ они проѣхали въ Римъ и Неаполь, затѣмъ побывали во Флоренціи и Миланѣ, откуда поѣхали черезъ Тироль и Швейцарію въ Мюнхенъ; сдѣлавъ отсюда экскурсію къ Констанскому озеру, они опять черезъ Вѣну вернулись въ Варшаву 30-го ноября ст. ст.

Самое любопытное изъ нашего путешествія тебѣ уже извѣстно; Любинька[1]) передала столько подробностей сестрѣ, что послѣ нея нельзя сдѣлать никакихъ прибавленій. Все, что ускользнуло отъ нашихъ перьевъ, все, что не пишется, а разсказывается въ дружеской бесѣдѣ, надѣюсь передать тебѣ при будущемъ свиданіи, которое вѣроятно случится опять въ апрѣлѣ. Я поступилъ вдвойнѣ благоразумно: во первыхъ, что, рѣшившись ѣхать за границу, воспользовался этимъ случаемъ, чтобы осмотрѣть, какъ можно болѣе, и, во вторыхъ, что придумалъ взять съ собою Любиньку. Она была самою лучшею спутницею для Лизы, и если бы ты зналъ, какъ кобиты подружились. Лиза безпрестанно повторяетъ, что ни за что не отпуститъ отъ себя Любиньку. Можешь вообразить, какъ утѣшаетъ меня эта пріязнь, тѣмъ болѣе, что ей отчасти обязанъ я благопріятными перемѣнами въ здоровьи и образѣ мыслей сестры твоей. Лиза въ самомъ дѣлѣ поправилась очень, и теперь припадки меланхоліи почти исчезли; она возвратилась сюда съ твердымъ намѣреніемъ возобновить прежній порядокъ нашей жизни и уже сдѣлала множество визитовъ и приготовляетъ туалетъ свой для баловъ и вечеровъ. Посмотримъ, какой эффектъ сдѣлаетъ Любинька! Какъ бы то ни было, присутствіе ея здѣсь будетъ для насъ всегда пріятно. По цѣлымъ днямъ онѣ или работаютъ, или читаютъ что нибудь вмѣстѣ съ Лизою и время такимъ образомъ наполнено.

Мы нашли въ Варшавѣ большую новость, которая, вѣроятно, удивила и тебя въ первыя минуты. Маленькая сестрица наша дитя премиленькое и такое спокойное, какъ херувимъ. Отъѣзжая за границу, мы еще не были совершенно увѣрены въ беременности Maman и объ разрѣшеніи ея узнали уже въ Миланѣ, на возвратномъ пути. Сверхъ ожиданія папа чрезвычайно радъ такому подарку и очень нѣженъ къ малюткѣ; Maman не слишкомъ возится съ дитятей, у котораго кромѣ кормилицы есть еще нянька, а за недостаткомъ ихъ и Катюша. Малютку назвали Дарьей, въ честь твоей бабушки; но еще не крестили. Остальное все по прежнему не исключая занятій папы, которыми продолжаютъ его забрасывать.

Третьяго дня получили твои письма. Андр. Яковл. очень занимаетъ твое будущее производство; но приказа отъ 6-го декабря еще у насъ нѣтъ. Я писалъ о тебѣ новому вашему полковому командиру; увѣдомь, какія будутъ отъ того послѣдствія.

Лиза и Любинька тебѣ кланяются; первая сама собиралась написать, но на бѣду имъ попался въ руки новый романъ E. Sue *Paula Monti* и онѣ хотятъ проглотить его въ нынѣшній вечеръ, давно не вкушавъ

---

[2]) Любовь Николаевна Скворцова, потомъ по мужу Романовичъ.

подобнаго удовольствія, потому что за границей читать романовъ было некогда. Къ роднымъ на этотъ разъ мы совсѣмъ не пишемъ; ибо писали двѣ почты сряду. Скажи, что мы всѣ здоровы и ихъ обнимаемъ. Былъ боленъ очень Четыркинъ; но теперь начинаетъ поправляться; Очкинъ трудится не на шутку съ намѣреніемъ выпроситься весною въ Италію. Прощай, мой милый дружочекъ. Поклонъ мой Дмитр. Дар. и Рылѣеву. Цѣлуетъ тебя искренно

Н. Ушаковъ.

18.

Варшава, 18 декабря 1842 г.

Съ нынѣшнею почтою папа посылаетъ тебѣ, любезный другъ Володя, отвѣтъ на изъявленное тобою желаніе идти въ отставку и учиться за границей. Позволь же и мнѣ сказать, со всею дружескою откровенностію, что идею эту я считаю дикою, тѣмъ болѣе, что она родилась такъ внезапно, въ пылу мечтательности, свойственной твоимъ лѣтамъ. Въ самомъ дѣлѣ подумай хорошенько обо всемъ, что пишетъ тебѣ папа, и ты увидишь, что намѣреніе, для тебя повидимому благоразумное, вовсе неосновательно. Ты хочешь учиться, образовать себя для гражданской службы; но для этого недостаточно одного желанія,— нуженъ характеръ, большое самоотверженіе и нѣкоторые предварительные способы. Способы эти заключаются въ познаніи языковъ: французскаго, нѣмецкаго и латинскаго. Первый ты знаешь изрядно, второй очень мало, третьяго не знаешь вовсе. Для изученія ихъ въ той степени совершенства, которая требуется для слушанія юридическихъ курсовъ, едва ли достаточенъ одинъ годъ. Но, положимъ, что все это ты преодолѣешь и черезъ 4 года явишься къ намъ съ самыми удовлетворительными успѣхами въ правовѣденіи. Остается вступить въ службу; но здѣсь препоны новыя: избрать поприще можно только въ Петербургѣ, въ одномъ изъ министерствъ, набитыхъ чиновниками съ избыткомъ. Нужна ваканція и особое покровительство, чтобы занять сначала изрядное мѣсто; въ противномъ случаѣ смѣшаешься въ толпѣ канцелярскихъ чиновниковъ, или попадешь въ званіе помощника столоначальника. Въ томъ и другомъ разѣ проталкиваться впередъ трудно. У насъ правленіе не представительное, нѣтъ ораторовъ и депутатовъ; ждешь ваканцій, подвигаешься медленно, а покамѣстъ энергія и воображеніе изсохнутъ за безцвѣтными канцелярскими бумагами, въ которыхъ едва ли больше пищи, чѣмъ въ военной службѣ. Возьмемъ при-

мѣры около насъ: Очкинъ, Еліяшевичъ, Бруевичъ, Григорьевъ продолжали службу подъ вліяніемъ счастливыхъ обстоятельствъ и что же они? Статскіе совѣтники, чрезъ 20 лѣтъ постояннаго служенія. Ученостью проложилъ себѣ дорогу одинъ Уваровъ [1]; но и тотъ аристократъ, надѣленный отъ рожденія богатствомъ. Государств. секретарь Корфъ, Бахтинъ, Позенъ—особенные счастливцы; всѣ остальные добились въ дѣйств. стат. совѣт. почти въ 50 лѣтъ.

Статья денежная—новое для тебя затрудненіе. Пусть Андр. Яков. даетъ тебѣ и по 3 т. руб., но не забудь, ты не будешь уже имѣть казенной квартиры, деньщиковъ и жалованья; а притомъ сдѣлалъ нѣкоторыя привычки, отъ коихъ отказываться будетъ трудно.

Убѣжденія папы я считаю весьма сильными; но онъ, какъ отецъ, не хочетъ препятствовать твоему счастію на какой бы то ни было дорогѣ. Твое дѣло обсудить теперь съ хладнокровіемъ; но на бѣду ты оставилъ для себя такой малый срокъ. Въ подобныхъ случаяхъ давать совѣты трудно, а тѣмъ болѣе совѣты скорые. По моему мнѣнію, лучше бы повѣрить себя глубже, сознать свои силы и утвердиться, что желаніе твое есть истинное, непобѣдимое призваніе, а не мечтательность. Воздушные замки твои очень привлекательны и мнѣ жаль разрушать ихъ; но они выстроены на непрочномъ основаніи и, можетъ быть, въ теченіе одной ночи. Время не уйдетъ, если ты выйдешь въ отставку въ будущемъ сентябрѣ, а покуда можно употребить досугъ на изученіе языковъ. При истинномъ влеченіи къ наукамъ военная служба не можетъ быть помѣхою. Въ караулѣ ты бываешь одинъ разъ въ недѣлю и даже рѣже, другой и третій день отдадимъ дежурству, остается еще четыре дня, въ теченіе коихъ навѣрное найдется часовъ 6-ть свободныхъ, которые обыкновенно употребляются у васъ на карты и куреніе трубокъ. Сочти, сколько потеряннаго времени назади, а привычка побѣждается не легко.

Я думаю, что самое лучшее написать теперь папѣ, что ты рѣшаешься подождать до сентября и подвергнуть себя своему собственному испытанію. Если внутренній голосъ не перестанетъ убѣждать, что перемѣна въ твоемъ направленіи необходима, тогда съ Богомъ на новую дорогу; но не забудь, что и бригадный командиръ, съ образованіемъ и познаніями, можетъ точно также обратить на себя вниманіе, какъ и хорошій дѣйств. стат. совѣт. Тому и другому перспектива ближайшая—губернаторство; съ тою разницею, что послѣдній будетъ еще добиваться, чтобы его переименовали въ военный чинъ. Фронтовая служба трудна и неназидательна, но она ближе ведетъ къ цѣли; а вездѣ необходимо терпѣніе.

---

[1] Забылъ гр. Панина; но и тотъ аристократъ и богачъ.

Я такъ заговорился объ одномъ предметѣ, что не въ силахъ обратиться къ постороннему. Оставляю мѣсто для Лизы и дружески обнимаю тебя въ полной надеждѣ, что ты разсудишь обо всемъ обстоятельно.

Преданный тебѣ Н. Ушаковъ.

P. S. Любинька тебѣ кланяется; онѣ съ Лизою очень дружны.

19.

Варшава, 14 января 1843 г.

Я не знаю, что написать тебѣ, любезный другъ Володя; такъ сильно озадачили насъ твои послѣднія письма, въ которыхъ ты изъявляешь рѣшительное намѣреніе идти въ отставку. Удивляюсь, откуда ты взялъ, что Андр. Яковл. соглашается на то; въ отвѣтѣ его были объяснены всѣ невыгодныя стороны и въ заключеніе сказано только: „впрочемъ дѣлай, какъ хочешь". Не думаю, чтобы можно было назвать это согласіемъ. По крайней мѣрѣ, слѣдовало бы изложить сильныя побудительныя причины, а изъ писемъ твоихъ мы видимъ только какой то бредъ о независимости и темное желаніе сдѣлаться образованнымъ человѣкомъ; но развѣ служба военная мѣшаетъ такому порыву, впрочемъ благородному? развѣ всѣ мы, получивъ первоначальное образованіе, погрязли потомъ въ невѣжествѣ отъ того, что фронтъ, война и другія обязанности нашего мундира помѣшали намъ слѣдовать за просвѣщеніемъ? Нѣтъ, въ цѣломъ твоемъ письмѣ я не вижу нисколько логики. Что значитъ, напримѣръ, застѣнчивость—самый сильный предлогъ, на который ты ссылаешься? Признаюсь, я замѣтилъ въ тебѣ до сихъ поръ застѣнчивость только въ обществѣ; но и у меня есть тотъ же недостатокъ; однакоже это не попрепятствовало ни мнѣ, ни множеству другихъ, продолжать съ честію военную службу. Ты говоришь, что испытывалъ себя 4-е года и убѣдился, что не годишься быть военнымъ человѣкомъ. Но въ чемъ же заключались эти испытанія? Караулы, дежурства, ученья и лагерь были тебѣ не по сердцу; но они и для каждаго не составляютъ наслажденій; однакоже люди и съ большимъ противу тебя состояніемъ, и съ способами лучшими для жизни продолжаютъ служить въ Гвардіи, потому что это кратчайшая дорога къ достиженію какой либо значительности, безъ которой въ Россіи нельзя быть полезнымъ человѣкомъ. Не понимаю, что ты хотѣлъ сказать этимъ: „я желаю жить въ безпредѣльной области не-громкихъ, но

глубокихъ истинъ жизни". По моему, это фраза нѣмецкаго студента, или поэтическая выходка, прекрасная въ какой нибудь поэмѣ, но дурная въ приложеніи къ обыкновенной нашей жизни. Однимъ словомъ мы до сихъ поръ не поняли двухъ твоихъ мыслей: 1) отъ чего тебѣ вздумалось такъ внезапно идти въ отставку, и 2) что ты намѣренъ дѣлать, когда оставишь службу? Насчетъ перваго ты говоришь: „къ счастію мнѣ не удалось ѣхать на Кавказъ; тутъ подоспѣлъ поручичій чинъ и нѣкоторыя другія мелочныя обстоятельства;" насчетъ второго видна нерѣшительность, особенно проявляющаяся въ желаніи быть чисто ученымъ человѣкомъ, историкомъ, философомъ.

Разобравъ критически затѣянное тобою предпріятіе, которое, может быть, теперь уже исполнено, я скажу тебѣ, любезный другъ Володя, что послѣдняго твоего письма мы до сихъ поръ не рѣшились отдавать Papa; потому что съ новаго года онъ былъ крѣпко боленъ и только на дняхъ сталъ немного поправляться. Болѣзнь образовалась отъ простуды и обнаружилась горячечными припадками и нарывомъ въ горлѣ, который, благодаря Бога, самъ прорвался. Можешь посудить, что въ это время письмо твое было бы вовсе некстати, тѣмъ болѣе, что Андр. Яковл рѣшительно надѣялся, что дѣло это возьметъ другой оборотъ. Чтобы не вдругъ разочаровать его, мы постепенно приготовляемъ объясненіе и, кажется, онъ угадываетъ уже развязку. Какъ быть? Если дѣло сдѣлано, то наша обязанность состоитъ въ томъ, чтобы все устроить къ лучшему. Не смотря на противоположность моихъ мыслей, я вмѣстѣ съ другими буду увѣрять Papa, что въ твоемъ предпріятіи нѣтъ ничего несбыточнаго; что такіе порывы молодости не только не заслуживаютъ осужденія, но напротивъ похвальны и благородны; потому что дышать любовію къ такому чистому и высокому предмету, каковы ученость, образованіе; что жизнь человѣка должна проявиться въ какомъ нибудь стремленіи и что стремленію этому необходимо обнаружиться въ юношескомъ возрастѣ; что изъ всѣхъ душевныхъ направленій, изъ всѣхъ наклонностей юноши,—твоя самая возвышенная. Нѣтъ сомнѣнія, что Papa и самъ такъ думаетъ, и будетъ въ эту минуту благословлять судьбу, что она не бросила тебя на одну изъ тѣхъ гибельныхъ дорогъ, на которыхъ множество молодежи утратило честь, здоровье и послѣднее состояніе, нажитое трудами ихъ отцовъ.

Но, допуская всѣ эти утѣшенія, не должно забывать съ другой стороны, что Papa слишкомъ строгъ въ мнѣніяхъ о людяхъ, и что судъ его неумолимъ, особенно тогда, когда мечты и надежды его бываютъ разрушены. Я увѣренъ, что онъ съ нѣжною любовію схватится теперь за мысль видѣть тебя въ послѣдствіи образованнымъ и достойнымъ во всѣхъ отношеніяхъ человѣкомъ; но рамки, въ которыхъ онъ

заключаетъ понятіе объ образованности, слишкомъ обширны. Поэтому не обольщай себя возможностію удовлетворить его немногимъ. Не скрою отъ тебя, мой другъ, что до сихъ поръ я не видѣлъ въ тебѣ стойкости характера, а цѣль, избранная тобою, требуетъ упорнаго постоянства и самаго сильнаго прилежанія. Да пошлетъ тебѣ Всевышній всю твердость души и тѣла и поможетъ выдти съ полнымъ успѣхомъ изъ труднаго положенія, въ которое ты самъ себя ставишь.

Не смотря на строгость сужденій моихъ, я не сомнѣваюсь, что все сказанное мною ты отнесешь единственно къ искренней, непритворной моей дружбѣ. Гдѣ бы ты ни былъ и чтобы съ тобою ни случилось, ты можешь всегда полагаться на давнія мои чувства и безпредѣльное участіе во всемъ, что до тебя касается. Богъ знаетъ, увижусь ли съ тобою въ Петербургѣ, куда мы ранѣе марта не будемъ; но во всякомъ случаѣ ожидаю, что мнѣ напишешь обстоятельно планъ будущихъ твоихъ занятій; только ради Бога подумай объ этомъ хорошенько, а не предавайся мечтаніямъ, которыя до сихъ поръ уносятъ тебя въ поднебесье, въ какой то туманный міръ поэзіи. Поэзія усладительна въ извѣстныя лѣта жизни; но далѣе смѣняетъ ее проза, правда сухая и холодная, но за то опытная и разсудительная.

Мы всѣ здѣсь, благодаря Бога, здоровы; Лиза и Papa вѣроятно будутъ писать сами; Любинька тебѣ очень кланяется и въ восхищеніи, что ея письма такъ нравятся. Занятіе италіянскимъ языкомъ продолжается. Маленькая твоя сестрица—премилое дитя. Цѣлую тебя братски и прошу дать мнѣ руку, въ знакъ того, что ты не сердишься на строгія сужденія твоего искренняго друга

Н. Ушакова.

20.

15 января 1843 г.

Сегодня утромъ показали Papa письмо твое; онъ, какъ можно было предвидѣть, посердился изрядно; но потомъ чувства отцовскія взяли верхъ надъ разсужденіями обыкновеннаго человѣка и гроза главная, кажется, миновалась. Онъ самъ пишетъ къ тебѣ съ этою же почтою, и ты увидишь, что наставленія его объ ученой степени совершенно справедливы. Онъ говоритъ даже, что не желаетъ тебя видѣть, прежде нежели ты получишь дипломъ, и чего добраго онъ въ состояніи сдержать это слово. По моему, мы видимъ съ нимъ разно. Что,

напримѣръ, за польза быть такимъ ученымъ, каковъ Терещенко? А онъ, быть можетъ, самый добрый, трудолюбивый человѣкъ, и едвали не имѣетъ уже диплома. Сколько есть другихъ ученыхъ, которые не годятся ни для службы, ни для практической жизни. Характеристика ихъ прекрасно выражена въ двухъ старинныхъ стихахъ:

„Педантъ надъ книгами, въ теченіе полвѣка
Утратившій и смыслъ, и образъ человѣка.“

Я увѣренъ, что мы не будемъ имѣть права трунить надъ тобою въ этомъ отношеніи; увѣренъ, что ты съумѣешь отдѣлить въ наукѣ золото отъ дряни; но всетаки боюсь одного: достанетъ ли у тебя терпѣнія и силъ? Право, дѣло не маловажное и стоитъ схимничества. Торжество твое, а вмѣстѣ съ тѣмъ и наше, будетъ въ послѣдствіи неоцѣнимо.

На счетъ Дерпта поразузнай хорошенько: говорятъ, что Университетъ этотъ скоро закроютъ. По моему, также Москва лучше: жить тамъ дешевле, да и не такъ близка оттуда туманная даль.

Лиза, сверхъ ожиданія, писать сегодня не можетъ; она принимала лѣкарство рвотное и отъ дѣйствія его такъ устала, что откладываетъ бесѣду до слѣдующей почты.

Посылаю тебѣ твой билетъ Коммерческаго банка на 50 руб. серебр., онъ теперь вѣроятно понадобится; другого у меня не было.

Прощай, обнимаю тебя братски за себя и за Лизу. Поклонись нашимъ и скажи, что буду писать къ нимъ черезъ три дня, а въ эту минуту за полночь и мнѣ завтра вставать рано на дежурство.

21.

Варшава, 13 марта 1843 г.

Сегодня Papa получилъ изъ Дерпта первое письмо отъ тебя, любезный Вольдемаръ, а я при этомъ вспомнилъ, что давно не писалъ къ тебѣ и что ты въ правѣ подумать обо мнѣ Богъ знаетъ что. Причиною молчанія было ни что иное, какъ новая моя должность. Хотя на представленіе обо мнѣ еще не вышло до сихъ поръ никакого рѣшенія изъ Петербурга, но я уже вступилъ въ занятія и, такъ сказать, принялъ канцелярію. На первое время дѣла много; потому что нужно познакомиться со всѣмъ старымъ хламомъ и тотчасъ поставить себя въ возможность дѣйствовать самостоятельно. Лиза ужасно скучаетъ, что я теперь такъ много часовъ провожу внѣ дома; слава Богу, что

здѣсь Любинька, а то въ самомъ дѣлѣ такое одиночество было бы несносно; потому что здѣсь, какъ ты самъ знаешь, общества нѣтъ никакого, и только по вечерамъ забредутъ къ намъ два или три гостя. Женскій кругъ ихъ по прежнему ограничивается домомъ Коніара; Софи все такая же добрая и милая; Вѣра (пріѣзжая изъ Петербурга) равномѣрно намъ очень понравилась и Лиза крѣпко ее полюбила за веселый живой характеръ и взаимную привязанность, въ которой онѣ съ Софи истинныя соперницы; но, разумѣется, перевѣсъ на сторонѣ послѣдней, по старой пословицѣ: *старый другъ лучше новыхъ двухъ*. Что касается *до нашихъ*, то разстояніе квартиръ чрезвычайно уменьшило наши сношенія, мы тамъ обѣдаемъ только по воскресеньямъ, одинъ разъ въ недѣлю, и рѣдко съѣзжаемся вечеромъ. На прошлой недѣлѣ были крестины Дашеньки; воспріемниками были фельдмаршалъ и Люб. Ив. Церемоніалъ происходилъ въ 5-ть часовъ, а потомъ тотчасъ обѣдали. Гостей было до 20-ти человѣкъ и все это стоило до 2 т злот.; но за то же все шло прекрасно. Съ Безаковыми видимся рѣдко: Люб. Ив. по прежнему занимается вареніемъ аквы-тофаны вмѣстѣ съ Лох.., а ты знаешь, какъ Лиза боится даже духа этого нектара. Бѣдный О... по прежнему въ сѣтяхъ; все собирался писать къ тебѣ и все некогда: мѣшаетъ ежедневное дежурство. Четыркинъ ѣдетъ за границу; здоровье его совсѣмъ разстроено и, кажется, больше отъ лѣченія; потому что онъ испробовалъ всѣ средства и перемѣняетъ ихъ чрезъ двѣ недѣли. Теперь пользуютъ его холодной водой.

Твое письмо изъ Дерпта успокоило насъ всѣхъ; по крайней мѣрѣ; ты сдѣлалъ рѣшительный шагъ и приступаешь уже къ дѣлу. Дай Богъ полнаго успѣха; но тутъ, конечно, многое зависитъ отъ тебя самого. Главное—система или порядокъ въ ученіи: сдѣлай себѣ планъ и твердо иди къ цѣли. Конечно, само по себѣ уже важно сдѣлаться совершенно образованнымъ человѣкомъ; но быть дѣльнымъ еще важнѣе. Въ твои лѣта и съ твоимъ опытомъ и познаніями нельзя учиться машинально, но слѣдуетъ учиться съ разсужденіемъ. Я, можетъ быть, объясняюсь какъ педантъ, какъ директоръ канцеляріи; но вѣрно съ желаніемъ тебѣ истиннаго добра и счастія, желаніемъ, которое такъ давно и такъ постоянно напутствуетъ тебя въ моихъ мысляхъ.

Все, что ты пишешь о твоемъ первоначальномъ обзаведеніи въ Дерптѣ, мы нашли весьма основательнымъ; выходитъ однакоже, что 2/т. руб., какъ ты желалъ прежде, были бы для тебя недостаточны. Хорошо, что жизнь въ Дерптѣ совершенно нѣмецкая и что можно обойтись безъ прислуги и трактировъ. Весьма интригуетъ насъ семейство г-на Фробена, въ домѣ котораго ты будешь жить; опытнымъ людямъ тотчасъ бросается на умъ патріархальная сцена изъ Лафонтеновскихъ романовъ; но это только намеки злыхъ людей, а ты, конечно,

не за тѣмъ пріѣхалъ въ Дерптъ, чтобы сдѣлаться героемъ новѣйшей повѣсти. Какъ бы я хотѣлъ взглянуть на твое житье и побесѣдовать поглубже о будущемъ, которое представляетъ для тебя столько таинственно-прекраснаго. Понимаю вполнѣ, какъ ты теперь счастливъ, и твое самодовольствіе, твое восхищеніе и надежды есть лучшее свидѣтельство благородныхъ, добрыхъ чувствъ, которыя мы привыкли въ тебѣ находить.

Не думай, чтобы мое желаніе быть въ Дерптѣ было только фантастическою мечтою; оно въ самомъ дѣлѣ можетъ осуществиться въ половинѣ мая. Недѣли черезъ двѣ Князь ѣдетъ въ Петербургъ; мнѣ опять назначено быть въ свитѣ; а на возвратномъ пути мы разсчитываемъ съ Очкинымъ отдѣлиться; потому что Свѣтл. поѣдетъ, кажется, въ Гомель и съ нимъ будетъ другой адъютантъ, Беклемишевъ, котораго велѣно мнѣ пріучать понемногу къ обязанностямъ письменнымъ и дорожнымъ. Я боюсь еще обольщать себя надеждою видѣться съ тобою; но буду всячески стараться достигнуть этого. Можетъ быть, даже и Papa завернетъ къ тебѣ, потому что онъ все еще собирается въ Петербургъ; а когда поѣдетъ, то вѣрно не утерпитъ, чтобы не взглянуть на тебя: въ его лѣта и при его здоровьи нельзя пренебрегать свиданіями; кто знаетъ, много ли ихъ осталось впереди!

Сегодня я совсѣмъ не въ письменномъ расположеніи и, конечно, ты замѣтишь, что письмо отзывается канцеляріею. Что дѣлать? Никакъ не выбьешь изъ головы интендантскихъ и инженерныхъ бумагъ, которыя испещрены притомъ цифрами. Лиза уже писала тебѣ одинъ разъ въ Дерптъ, а теперь цѣлуетъ тебя, равно какъ Papa, Maman и Катюша, а Любинька очень и очень кланяется. Даша—премиленькое дитя и такое доброе, что я почти не встрѣчалъ: она доставляетъ мнѣ много отрады воспоминаніями, хотя грустными, но тѣмъ не менѣе всегда слишкомъ близкими къ сердцу. Тутъ благоразумнѣе всего кончить; второй часъ ночи. Прощай, милый другъ мой; да будетъ надъ тобою небесное благословеніе и всюду да споспѣшествуютъ тебѣ наши усердныя и искреннія мольбы.

Преданный братъ Н. Ушаковъ.

P. S. Родные съ горестію пишутъ изъ Петербурга о твоемъ отъѣздѣ; понимаю, что для нихъ большая потеря.

Миша [1]) утвержденъ адъютантомъ въ штабѣ Гилленшмидта и очень примѣрно работаетъ.

---

[1]) Михаилъ Михайловичъ Дараганъ.

22.

С.-Петербургъ, 5 апрѣля 1843 г.

Вотъ мы уже и въ Петербургѣ, любезный другъ Володя! Первое отдѣленіе, въ которомъ находился я, прибыло сюда еще 31 марта, второе—Очкинъ и Еліашевичъ—только вчера. Романъ больной остался въ Варшавѣ и ѣдетъ за границу, на Рейнъ, въ Парижъ и Италію. Какъ досадно, что ты теперь не съ нами! Не предполагаю, чтобы время шло для тебя пріятно, и увѣряюсь въ этомъ твоею частою корреспонденціею съ здѣшними знакомыми. Мои очень благодарны и сами сбираются писать на дняхъ; но я думаю, что ты прекрасно сдѣлалъ бы, если бы пріѣхалъ собственною персоною хотя на недѣлю. Въ наукахъ это не сдѣлаетъ большой разницы; потому что ты, какъ слышно, лекцій еще не берешь, а занимаешься только латинскимъ и нѣмецкимъ языками. Для перваго мы прикомандируемъ къ тебѣ пріѣхавшаго съ нами доктора Россета; для второго—Наталья Андреевна съ цѣлымъ семействомъ, нетерпѣливо тебя ожидающимъ. Мнѣ кажется, что самое лучшее пріѣхать сюда на Ѳоминой; потому что около этого времени Papa располагалъ быть здѣсь. Я оставилъ всѣхъ ихъ благодаря Бога здоровыми; маленькая сестра твоя премиленькое дитя, боюсь хвалить, чтобы не сглазить. Papa хотѣлъ ѣхать отсюда въ Москву, а потомъ въ Малороссію; здѣсь же пробудетъ не болѣе трехъ недѣль. Квартиру я полагаю нанять ему въ Демутовомъ трактирѣ; а мы живемъ въ одномъ домѣ съ фельдмаршаломъ, т. е. въ бывшемъ домѣ французскаго посольства, на Милліонной. Наше пребываніе продлится здѣсь до 1-го мая, а далѣе неизвѣстно; возвращеніе будетъ чрезъ Гомель, куда, можетъ быть, меня и не возьмутъ; но во всякомъ случаѣ трудно будетъ заѣхать въ Дерптъ; ибо по этому направленію шоссе перерывается за Митавой, а ѣхать на перекладныхъ въ мои лѣта тяжеленько.

Если ты читаешь русскія газеты, то, вѣроятно, встрѣтилъ тамъ приказъ о моемъ назначеніи. Перемѣняю теперь мундиръ адъютантскій на мундиръ гвардейской артиллеріи; но покуда успѣли его сдѣлать, ношу Военнаго Министерства, на что также имѣю разрѣшеніе. О содержаніи моемъ еще идетъ переписка; впрочемъ назначеніемъ моимъ я вполнѣ доволенъ и тѣмъ болѣе, что, кажется, послѣдній разъ отлучаюсь изъ дому. Хорошо, что теперь живетъ у насъ Любинька, а то моя Лиза совершенно не умѣетъ жить въ одиночествѣ. Слава Богу они сошлись въ характерахъ и живутъ истинно дружески, такъ что я не знаю, обойдется ли разлука потомъ безъ большихъ слезъ; но покуда на цѣлый годъ я еще покоенъ. Лиза дала мнѣ письмо на твое имя и

лорнетку, купленную для тебя въ Мюнхенѣ. Если къ намъ не пріѣдешь, то постараюсь переслать то и другое при хорошей оказіи. Пожалуйста, въ такомъ случаѣ пиши намъ подробно, какъ ты живешь и чѣмъ занимаешься. Да подкрѣпитъ тебя Всевышній и поддержитъ твою добрую волю и здоровье на подвигѣ истинно трудномъ. Учиться 4-е года въ такомъ возрастѣ не шутки, и притомъ тебя ожидаетъ строгій судъ отца и надежды всѣхъ тебя любящихъ. Изъ словъ Papa видно, что онъ самъ хочетъ, чтобы ты пріѣхалъ и намѣренъ послать тебѣ объ этомъ приглашеніе. Можетъ быть, лучше дождаться его вызова; впрочемъ самъ подумай о томъ и выбери лучшее.

Я приглашалъ Очкина сдѣлать приписку; но онъ отвѣчалъ, что будетъ писать особенно. Какъ то странно не видѣть тебя съ нами и ты повѣришь, что мнѣ очень грустно убѣждаться въ этой дѣйствительности ежедневно. Ныньче ѣду обѣдать къ Липранди, гдѣ будутъ Дмитрій и Ваня. Липранди весьма жалѣетъ, что ты оставилъ полкъ; но, познакомившись ближе со всѣми здѣшними дѣлами, нахожу, что ты имѣлъ основательныя причины; только не надобно терять времени для будущей службы. Я подробно разскажу Papa обо всемъ и, вѣроятно, онъ перемѣнитъ мнѣніе.

Пишу это въ канцеляріи, при извѣстномъ тебѣ шумѣ публики, и потому не ожидай большого смысла. Главное мнѣ хотѣлось передать свѣдѣнія обо всѣхъ насъ и предупредить на счетъ пріѣзда Papa. Прощай, мой милый другъ; обнимаю тебя искренно и остаюсь сердечно преданный тебѣ

Н. Ушаковъ.

23.

20 апрѣля 1843 г.

Papa пріѣхалъ вчера утромъ и посылаетъ тебѣ, любезный другъ Володя, вызовъ на свиданіе со всѣми нами. Не думаю, чтобы ты захотѣлъ отказываться; недѣля отлучки не сдѣлаетъ разницы въ занятіяхъ. Что касается до Малороссіи, то объ этомъ и говорить нечего. Въ Малороссію ѣхать нужно не менѣе какъ на мѣсяцъ, а заниматься тамъ вовсе невозможно. Гораздо лучше повидайся съ нами здѣсь; три, четыре дня доставятъ намъ взаимную радость и удовольствіе. Вчерась же Papa сдѣлалъ два важныхъ визита: былъ у нашихъ и у Натальи

Андреевны. Подробности разскажу при свиданіи и вручу тогда тебѣ письма отъ Лизы, которыхъ набралось уже два, и при томъ лорнетка.

Не распространяюсь болѣе, обнимаю тебя и остаюсь искренній другъ твой

Н. Ушаковъ.

24.

Петербургъ, 23 мая 1843 года.

Извѣстіе о прибытіи твоемъ въ Дерптъ я получилъ, любезный другъ Володя, и письмо твое въ оригиналѣ отправилъ къ женѣ, чтобы заинтриговать тамъ еще болѣе на счетъ m-lle Фр. Слава Богу, что ты начинаешь привыкать къ Дерпту; лѣтомъ особенно тамъ должно быть недурно. Пожалуйста, пиши къ намъ чаще, подробнѣе и откровеннѣе: мы, кажется, стоимъ всей твоей довѣренности.

Вообрази мое счастіе! Сегодня, наконецъ, мы оставляемъ сей *парадизъ,* какъ называлъ его Петръ Великій. Ночью выѣзжаетъ первый транспортъ, состоящій изъ меня, Россета, Еліашевича и Беклемишева; Князь остается для свадьбы Балашева, на которой онъ приглашенъ посаженнымъ отцомъ; но завтра ночью также выѣзжаетъ съ сыномъ. Всѣ мы ѣдемъ на Гомель, а оттуда предполагается завернуть еще въ Кіевъ, для осмотра войскъ. Какъ бы то ни было; но важнѣе всего тронуться съ мѣста, а потомъ каждый день будетъ сближать меня съ милыми сердцу. У меня еще есть надежда въ Кіевъ не ѣхать; ибо фельдмаршалъ, хотя съ большимъ мракомъ, обѣщалъ отпустить изъ Гомеля. Счастливый Очкинъ теперь почти у воротъ Варшавы!

Вчера съ почтою не было писемъ отъ Лизы; но онѣ писали отъ 15-го, что все благополучно. Богъ знаетъ, гдѣ то теперь Андр. Яков.

Ты припомнишь, что въ день отъѣзда времени очень мало, а дѣла по уши; и такъ прощай. Обнимаю тебя дружески и остаюсь навѣки преданный

Н. Ушаковъ.

25.

Варшава, 8 іюля 1843 года.

Ты скучаешь, милый другъ Володя, не получая отъ насъ писемъ; но тутъ нѣтъ другой причины, кромѣ лѣтнихъ жаровъ, которые такъ невольно склоняютъ человѣка къ кейфу. Про себя я этого впрочемъ сказать не могу; обязанность быть въ канцеляріи по 6-ти часовъ и болѣе оставляетъ слишкомъ мало времени для лѣни; потому что досугъ нужно употребить на чтеніе, дабы не погрязнуть собственно въ канцелярскихъ свѣдѣніяхъ. Не могу сказать, чтобы должность моя была обременительна; но я нашелъ много работы за прошлое время и манипуляцію, противорѣчащую моимъ понятіямъ; теперь же все приходитъ въ желаемый видъ. По счастію меня не взяли за границу и вотъ около двухъ недѣль, какъ мы безъ хозяина: съ Княземъ, кромѣ его семейства, поѣхали только докторъ Шеферъ и Гильфердингъ, да и тотъ, по недостатку мѣста, въ дилижансѣ; они теперь въ Карлсбадѣ, куда еженедѣльно мы посылаемъ курьеровъ. Въ Карлсбадѣ также и Papa, который отправился двумя днями ранѣе фельдмаршала. Передъ отъѣздомъ Андр. Яковл. послалъ тебѣ деньги на содержаніе, которыя ты вѣроятно уже и получилъ. Поѣздкою своею въ Малороссію Papa остался очень доволенъ; по его словамъ, Чевельча и Богодуховка не уступятъ лучшимъ англійскимъ фермамъ: тамъ прекрасный конскій заводъ, голландскія коровы на цѣпяхъ и свинные хлѣвы очищаются ежедневно водою изъ нарочно устроенныхъ для того крановъ; о прочемъ и говорить нечего. Покупка новаго имѣнія продолжается, но не у Завадовскаго, а у Щербака; дѣло еще не кончено и Лейхте посылается для довершенія начатаго. Papa воротится сюда не прежде половины августа. Безаки недавно были въ Парижѣ, а теперь отправились въ Остенде, гдѣ оставятъ дѣтей, для купанья, а сами поѣдутъ въ Лондонъ: завидное путествіе! Но дай Богъ, чтобы заграничныя таможни задержали весь запасъ аква—тофаны, который, вѣроятно, Любочка приготовила на досугѣ для Варшавы. Лохтина на дняхъ также отправилась въ Маріенбадъ; Очкинъ остался здѣсь, но осенью собирается непремѣнно въ Италію и уже получилъ дозволеніе. Отъ Четыркина мы получили нѣсколько писемъ: онъ кончилъ курсъ въ Карлсбадѣ и пустился на Рейнъ, а оттуда въ Парижъ, Генную и Неаполь; здоровье его поправляется. Изъ Варшавы выѣхали равномѣрно Симоничевы, Фенши и Яновичи: послѣдніе навсегда въ Малороссію.

За отсутствіемъ такого множества знакомыхъ мы ведемъ теперь жизнь самую тихую и чаще всего видимся съ Коніарами, но и они, кажется,

проживутъ здѣсь недолго. Остальной кругъ ограничивается Ушаковыми, которые живутъ около лагеря за Маримонтской заставой, и Писаревыми. Кастріотъ еще не пріѣхалъ и будетъ развѣ осенью. Съ Maman видимся по прежнему: она такая же добрая и также часто ѣздитъ въ театръ. Кстати послѣзавтра у насъ открывается италіянскій спектакль: сюда приглашены на 24 представленія, или на три мѣсяца, италіянскіе артисты изъ Берлинской труппы и другихъ мѣстъ. Балетомъ нашимъ дирижируетъ теперь отецъ Талліони; не правда ли, что для Варшавы это огромный шагъ впередъ?

Ты не можешь представить, какая у тебя миленькая сестрица Даша; но, между нами сказать, Maman смотритъ на все это довольно прозаически и, слава Богу, что есть еще кому осыпать нѣжностями это милое дитя: мы всѣ, а въ особенности Лиза, цѣлуемъ ее до нельзя, а Катюша, по добротѣ своей, поставляетъ долгомъ простирать заботы до мелочей. Недавно поднялась было въ домѣ Maman страшная суета: Лохтина вздумала склонить Катюшу ѣхать съ нею за границу и, при отказѣ Юл. Ив., поссорилась съ ней; однако же Катюша сама объявила нежеланіе разстаться съ Maman и дѣло кончилось миромъ.

Письмо мое довольно, кажется, длинно для званія директора канцеляріи; оставляю мѣсто для Лизы и Любиньки; это будетъ лучшая для нихъ приманка взяться за перо, а у нихъ, сколько мнѣ извѣстно, большой запасъ для бесѣды съ тобою. Кланяются тебѣ братъ мой, Очкинъ и Миша: послѣдній много занятъ и не такъ часто видится съ нами; можетъ быть, избѣгая опасности. Пиши, пожалуйста: что ты дѣлаешь, какъ идутъ науки, жизнь среди Фробеновъ и прогулки въ окрестностяхъ Дерпта? Обнимаю тебя искренно и остаюсь съ чувствами дружбы преданный тебѣ братъ

Н. Ушаковъ.

26.

6 августа 1843 года.

Вотъ и отъ меня небольшая приписка[1]), любезный другъ Володя! Ты помнишь, что мы собирались перемѣнить квартиру: теперь это исполнено и сегодня новое наше жилище, по обычаю предковъ, освящено и окроплено святою водою. Пожелай намъ счастія на новосельи; а удобствъ и комфорту довольно. Я радъ, что имѣю особую, просторную комнату, гдѣ можно съ удовольствіемъ заниматься писаніемъ на

[1]) Письмо Елисаветы Андреевны напечатано во II томѣ Фам. Арх. на стр. 480—482.

моемъ большомъ столѣ, котораго прежде рѣшительно нельзя было помѣстить въ кабинетѣ. Не взирая на всѣ эти давнія стѣсненія, предпринятая мною „Исторія сношеній съ Кавказомъ“ продолжалась и будетъ продолжаться отнынѣ еще успѣшнѣе съ Божіею помощію. Я довелъ ее до царствованія Екатерины II и въ тоже время пополнилъ многое впереди; такъ что по справедливости буду нѣкогда имѣть право гордиться этимъ трудомъ: мысль чрезвычайно утѣшительная!

Papa возвратился сюда съ фельдмаршаломъ третьяго дня и чрезвычайно обласканъ былъ Княземъ за границей. Радуюсь душевно этому сближенію, изъ котораго каждый, кромѣ меня, выводитъ свои предположенія на будущее: идя всегда одинаковою дорогою, я не полагаюсь ни на какія случайности и не умѣю строить воздушныхъ замковъ. Самое лучшее то, что Papa сейчасъ же поручили опять одно весьма важное слѣдствіе, которое онъ, конечно, исполнитъ съ прежнимъ отличіемъ.

Позволь сдѣлать маленькое замѣчаніе: изъ письма твоего вижу, что ты жестоко влюбленъ; отгадалъ ли? Но, можетъ быть, это ничто иное, какъ духъ германской мечтательности, которою нельзя не заразиться въ Дерптѣ и притомъ въ атмосферѣ университетской. Прощай; обнимаю тебя дружески.

Н. Ушаковъ.

27.

$^{10}/_{22}$ *сентября 1843 г.*

Лиза столько пишетъ тебѣ [1]), любезный другъ Володя, что мнѣ остается только подкрѣпить этими строками извѣстіе о производствѣ меня въ генералы. Наконецъ, дождались мы и этого, да еще какъ неожиданно! Вообрази, что со мною вмѣстѣ произведены 50 полковниковъ, чего никогда не бывало въ русской арміи. Такое счастливое для насъ событіе есть послѣдствіе радостнаго извѣстія о рожденіи Царскаго внука. Здѣсь узнали объ этомъ по телеграфу, чрезъ два часа по прибытіи Государя въ Варшаву, и въ тотъ же вечеръ, т. е. 8-го числа, поскакалъ фельдъегерь въ Петербургъ съ приказомъ о нашемъ производ-

---

[1]) Это письмо является припискою къ письму Елисаветы Андреевны, напечатанному во II т. Фам. Архива на стр. 483—484.

ствѣ; другихъ милостей покуда еще нѣтъ. Императоръ такъ доволенъ новостію, что смотритъ на войска снисходительно и благодаритъ за все: вчерашній смотръ и нынѣшнее корпусное ученье отбыли какъ нельзя лучше Я уже заказалъ себѣ всю обмундировку и на дняхъ преображусь въ генерала. Вотъ тебѣ предметъ для продолжительныхъ размышленій, а затѣмъ прощай; я усталъ, потому что также, какъ и прежде, ѣзжу на смотры и ученья, разумѣется по доброй волѣ. Обнимаетъ тебя искренно братъ твой

Н. Ушаковъ.

28.

Варшава, 19 ноября 1843 года.

Ты вѣрно пеняешь на наше молчаніе, любезный другъ Володя; но мои оправданія законны: кто просидитъ 10 часовъ въ канцеляріи, тому къ вечеру такъ опротивѣютъ бумага, чернила и перья, что глядѣть на нихъ не хочешь. Лизѣ другое дѣло; но и она имѣетъ свои извиненія, о которыхъ сама въ эту минуту разсказываетъ. Непростительнѣе всего то, что мы до сихъ поръ не написали тебѣ о важномъ событіи въ нашей общей семейной сферѣ. Новость состоитъ въ томъ, что двѣ недѣли назадъ Maman разрѣшилась сыномъ, котораго назвали Николаемъ. И онъ, и она, благодаря Бога, здоровы; но Юлія Иван. еще въ постели, по причинѣ слабости. Papa, какъ кажется, очень доволенъ; хотя это потрясло основаніе его воздушныхъ замковъ на счетъ имѣнія въ Малороссіи. Впрочемъ онъ не говоритъ уже объ этомъ съ самаго возвращенія изъ-за границы и тѣмъ болѣе, что фельдмаршалъ съ нимъ очень, очень хорошъ, и нѣтъ никакой причины удаляться на покой въ Чевельчу. О новорожденномъ ничего еще не могу сказать: въ этомъ состояніи нашей жизни мы самыя жалкія созданія; но за то Дашенька—премиленькое дитя и я отъ всей души люблю ее. Нѣтъ сомнѣнія, что тѣ же самыя чувства будутъ одушевлять меня и въ разсужденіи Николеньки; хотя мы теперь какъ то раздѣлились на два семейства и видимся только по воскресеньямъ, исключая времени болѣзни Maman. Не объясняй этого равнодушіемъ съ чьей либо стороны; причины тому двѣ и самыя обыкновенныя: Papa и я по цѣлымъ днямъ заняты, а вечеромъ онъ почти всегда часовъ съ 7-ми играетъ въ вистъ у фельдмаршала; сверхъ того у насъ особый кругъ знакомства, о *которомъ* Лиза писала уже тебѣ. Самый главный и частый нашъ посѣ-

титель это Романъ; онъ бываетъ почти каждый вечеръ, вздыхаетъ объ Италіи и добротою своею согрѣваетъ наши бесѣды. Очкинъ давно уѣхалъ и теперь, вѣроятно, въ Неаполѣ, куда выбралъ дорогу чрезъ Вѣну, Тріестъ, Венецію, республику Санмарино и Римъ. Возвратится онъ не прежде, какъ въ апрѣлѣ, а можетъ и позднѣе. Сегодня былъ у насъ Еліашевичъ; говорили о твоемъ ученіи и думаемъ не на шутку, какъ бы уговорить Papa, чтобы тебѣ разрѣшено было завернуть лѣтомъ въ Варшаву, провѣтрить немножко Дерптскую схоластику и отогрѣть душу въ родномъ кругу. Препятствій, кажется, не предвидится, кромѣ статьи о деньгахъ; но для подобнаго путешествія немного ихъ потребуется.

Хороша ли у васъ зима? А мы съ недѣлю покатались на саняхъ, а потомъ видѣли опять теплые, ясные дни. Теперь снова на дворѣ осенняя слякоть.

Прощай, мой милый дружочекъ. Сегодня мы получили письма отъ родныхъ и Ваня пишетъ, что ты здоровъ. Дай Боже всегда это слышать.

А какова Зинаида?

Обнимаю тебя искренно и вѣрю, что ты любишь твоего преданнаго друга

Н. Ушакова.

29.

С.-Петербургъ, 21 апрѣля 1844 г.

Papa уже писалъ тебѣ, мой милый другъ Володя, о моемъ отъѣздѣ въ Петербургъ; я прибылъ сюда съ фельдмаршаломъ ночью съ 18-го на 19-ое число и поспѣшаю увѣдомить тебя о томъ именно для того, чтобы ты пріѣхалъ на нѣсколько дней повидаться со мною и поговорить о родныхъ. Думаю, что ты мнѣ не откажешь въ этомъ удовольствіи и при томъ недѣля или 10-ть дней отлучки изъ Дерпта едва ли сдѣлаютъ какое помѣшательство въ твоихъ учебныхъ занятіяхъ. Что касается до издержекъ, то Papa мнѣ говорилъ, что онъ послалъ тебѣ денегъ, и сверхъ того я принимаю половину расходовъ на свой счетъ. Пріѣзжай же пожалуйста: здѣсь такъ многіе желаютъ тебя видѣть, и я думаю кромѣ того, что коротенькое путешествіе тебѣ необходимо и даже полезно, для освѣженія однообразной жизни въ Дерптѣ. Изъ писемъ вообще трудно видѣть твое настоящее положеніе, твоя

надежды и всѣ тѣ подробности, которыя такъ много интересуютъ любящихъ тебя родныхъ. Мы остановились въ Демутовомъ трактирѣ № 25; покуда пріѣхали съ фельдмаршаломъ только я, Россетъ и Беклемишевъ; но завтра или послѣзавтра будутъ: Еліашевичъ и Гильфердингъ, а Очкинъ и Четыркинъ опять отправляются за границу. Здоровье Очкина поправляется: онъ всталъ уже съ постели, но не выходитъ еще изъ комнаты.

Родныхъ я оставилъ всѣхъ здоровыми; но Лиза, кажется, беременна и чувствуетъ обыкновенные въ такихъ случаяхъ припадки. Papa по старому собирается въ отставку и бредитъ Малороссіею. Maman съ Катюшею ежедневно въ театрѣ. Всѣ они обнимаютъ тебя. Маленькіе дѣти очень милы, особенно старшая дочка. Наканунѣ моего отправленія изъ Варшавы проѣхалъ изъ-за границы въ Малороссію Алекс. Дараганъ; жена его также беременна. Пріѣзжай же сюда, мой дружокъ: на словахъ разскажу тебѣ гораздо болѣе. Если не захочешь останавливаться у Дмитрія, то пожалуй явись прямо къ намъ въ трактиръ: мѣсто найдемъ для тебя.

Въ ожиданіи твоего пріѣзда или увѣдомленія, на что ты рѣшишься, обнимаю тебя искренно и остаюсь преданнымъ тебѣ другомъ.

Н. Ушаковъ.

P. S. Кажется, мы остаемся въ Петербургѣ не далѣе, какъ до 10-го мая.

30.

С.-Петербургъ 15 мая 1844 г.

Наконецъ наступилъ и нашъ отъѣздъ, милый другъ Володя. Объявлено оффиціально, что ѣдемъ сегодня послѣ полночи и ѣдемъ прямо въ Варшаву. Можешь представить, въ какомъ я восторгѣ! Отъ Лизы получилъ письмо вчера; она обнимаетъ тебя, а Любинька посылаетъ дружескій поклонъ. Романъ и Очкинъ поѣхали въ Карлсбадъ вмѣстѣ. Въ домѣ Papa произошла большая перемѣна: мужъ Катюши умеръ и ее вызвали въ Малороссію для полученія наслѣдства. Миша отправился вмѣстѣ съ нею, въ отпускъ на 28-мь дней. Теперь Maman сама разливаетъ чай, хлопочетъ о хозяйствѣ, заказываетъ обѣды и проч. Воображаю, что за хаосъ опять тамъ водворится. Возвратится ли Катюша, еще неизвѣстно. Изъ Варшавы ты получишь обстоятельное увѣдомленіе отъ сестры; впрочемъ всѣ наши здоровы.

Посылаю тебѣ обѣщанныя книги; но съ уговоромъ держать ихъ рѣшительно про себя, ибо покуда ихъ ни за что нельзя купить, слѣдовательно онѣ *секретъ*. Углубляйся самъ, сколько тебѣ угодно; но не забывай, что если бы спросили этотъ экземпляръ, то я потребую возврата, ибо Туркулъ не прислалъ, а удѣляемъ тебѣ свой. Посылку эту спѣшу передать Ѳ. В. Булгарину, который завтра отправляется въ Дерптъ. Пожалуйста и ему не говори, что у тебя есть такая дорогая вещь, а то онъ проболтается. Ѳ. В. прислалъ мнѣ свои замѣчанія, но я съ ними несовсѣмъ согласенъ.

Прощай, обнимаю и цѣлую тебя дружески.

Н. Ушаковъ.

31.

Варшава, 14 іюня 1844 г.

По совѣсти, я давно собирался писать къ тебѣ, любезный другъ Вольдемаръ; но дѣло останавливалось за Лизою, которая отчасти по нездоровью, отчасти за разными *разрывками* общественной жизни принуждена была со дня на день отлагать свою бесѣду. Понимаю, какъ ты долженъ пенять на насъ, среди Дерптскаго твоего уединенія, и, признаюсь, не оправдываю и себя въ этихъ строчкахъ.

Вотъ болѣе мѣсяца, какъ мы разстались съ тобою. Возвратясь домой, я отдыхаю теперь послѣ хлопотливой Петербургской жизни, если можно назвать отдыхомъ мою всегдашнюю службу; разница только въ томъ, что я здѣсь при своихъ пенатахъ, со всѣми удобствами домашней жизни. Время мы проводимъ хотя незатѣйливо, но пріятно, и почти знакомымъ тебѣ порядкомъ. Лиза продолжаетъ полнѣть и испытывать неизбѣжныя страданія беременности, какъ то: зубную нервическую боль, тяжесть и тому подобное; но переноситъ все это съ твердостію. Она въ эту минуту занята, кажется, весьма длиннымъ письмомъ къ тебѣ, а Любинька между тѣмъ отправилась спать, ибо завтра утромъ начинаетъ лѣченіе сывороткою, не отъ болѣзни, а такъ, для очищенія лимфатической системы: она тебѣ очень кланяется и благодаритъ за память. Съ папою и Maman мы не такъ часто видимся, собственно отъ различнаго образа нашей жизни, чего никакимъ способомъ нельзя привести въ гармонію. Съ Любочкой разладъ совершенный и мы не только не ѣздимъ другъ къ другу, но даже избѣгаемъ свиданія, о чемъ я говорилъ, кажется, тебѣ въ Петер-

бургѣ. Papa уже получилъ пожалованныя ему деньги и, вообрази, первымъ распоряженіемъ послѣ того было накупить мебели и отправить ее въ Чевельчу, вмѣстѣ съ картинами, которыхъ набралось также довольно. Транспортъ этотъ, вѣроятно, постигнетъ та же участь, которая постигла и многія прежнія вещи, завезенныя въ Малороссію: онѣ, какъ слышно, въ тщетномъ ожиданіи хозяина отчасти поразсохлись, а отчасти попорчены крысами. Не понимаю, какая охота тратить такимъ образомъ деньги, если нѣтъ рѣшительнаго намѣренія жить въ деревнѣ. Правда, Papa и теперь продолжаетъ говорить объ отставкѣ, но мы уже свыклись съ этимъ и видимъ, что ему нельзя осуществить такой мысли; да впрочемъ и зачѣмъ? Съ кѣмъ и какъ проводить время въ деревнѣ тому, кто всю жизнь свою провелъ среди свѣтской суеты въ треволненіяхъ службы военной, гражданской и политической? Съ другой стороны Князь не захочетъ разстаться съ Андр. Яков., котораго теперь очень любитъ и находитъ истинно полезнымъ. Какъ бы то ни было, но въ іюлѣ мѣсяцѣ Papa ѣдетъ однакоже въ Малороссію на время, а оттуда приглашенъ Свѣтлѣйшимъ въ Гомель, гдѣ, кажется, мы вмѣстѣ проведемъ нѣсколько дней.

Какъ я радъ, что книги дошли къ тебѣ исправно, а у меня были нѣкоторыя опасенія, ибо я отправилъ ихъ въ минуту самаго нашего отъѣзда изъ Петербурга и боялся, что онѣ не застанутъ Булгарина. Покуда еще не имѣю причины тревожить тебя сомнѣніями на счетъ ихъ возврата и душевно желаю, чтобы онѣ остались навѣки въ твоей юридической библіотекѣ. Кстати, Papa говорилъ, что послалъ тебѣ денегъ на книги, но сколько, я не могъ добиться, и по нѣкоторымъ разговорамъ счелъ неумѣстнымъ реализировать извѣстный тебѣ проектъ на счетъ погашенія долговъ; думаю, что лучше выждать нѣсколько времени.

Спасибо тебѣ за вызовъ доставлять матеріалы насчетъ Кавказа; но, признаюсь, это дѣло нелегкое на такомъ огромномъ разстояніи. Мнѣ кажется, нужно начать съ того, чтобы ты прислалъ мнѣ выписку изъ каталога Булгаринской библіотеки въ Карловѣ обо всемъ томъ, гдѣ только въ самыхъ названіяхъ книгъ встрѣтится слово Кавказъ или что нибудь, до того относящееся, и тогда я буду въ состояніи сказать, гдѣ и какъ порыться; покуда же пересмотри Сѣверный Архивъ и Сынъ Отечества до 1832 года и напиши, не найдется ли тамъ какихъ статей, касающихся моего предмета: это легко также сдѣлать по оглавленіямъ. Поклонись отъ меня Булгарину и узнай отъ него, какъ онъ принялъ мои возраженія насчетъ Черноморскихъ Руссовъ и необходимости прикрасить мою книгу анекдотцами, собраніе которыхъ весьма трудно и, по моему мнѣнію, будетъ отзываться литературною спекуляціею. Я

совсѣмъ не думаю угождать всѣмъ классамъ читающей публики, да это и невозможно.

Письмо твое къ Очкину отправилъ, онъ въ Карлсбадѣ, живетъ съ Четыркинымъ, оба хандрятъ и жалуются на скуку. Мы въ страшномъ безпокойствѣ за Петербургскихъ родныхъ: представь, съ самаго возвращенія въ Варшаву отъ нихъ не было ни строчки. Боже сохрани, чтобы тамъ чего не случилось.

Прощай, мой дружочекъ; перо едва двигается, глаза липнутъ и продолжать рѣшительно не могу. Обнимаю тебя отъ чистаго сердца и остаюсь любящій тебя братъ и другъ

Н. Ушаковъ.

Цѣлую тебя сто разъ. Лиза.

32.

Варшава, 20 сентября 1844 г.

Мы не отвѣчали на два письма твоихъ, любезный другъ Вольдемаръ; остановка была за справками по билетамъ Шенига; таблицъ розыгрышей теперь нигдѣ нѣтъ и мнѣ насилу удалось получить изъ Банка оффиціальное объ этомъ свѣдѣніе, которое и прилагаю здѣсь въ подлинникѣ съ переводомъ, вмѣстѣ съ присланною отъ тебя номераціею. Одинъ изъ билетовъ вышелъ еще въ 1841 году и на него палъ выигрышъ 66 руб. 60 коп. серебромъ; жалѣю, что не болѣе: такому милому семейству, какимъ ты изобразилъ намъ семейство Шенига, кстати бы выиграть и милліонъ. Мы имѣемъ также 12-ть билетовъ по 500 злот. каждый; но вотъ 5-ть лѣтъ тщетно ожидаемъ приза; да послужатъ это утѣшеніемъ твоимъ добрымъ знакомымъ.

У насъ все еще одни ожиданія. Лиза полнѣетъ болѣе и болѣе и не безъ страху думаетъ о приближеніи тяжкой минуты. По всѣмъ расчетамъ осталось, кажется, не болѣе двухъ недѣль, а, можетъ быть, и менѣе, ибо въ такихъ дѣлахъ точное опредѣленіе невозможно. Впрочемъ она бодро еще двигается, но зато съ большимъ трудомъ принимается за всякое дѣло, и сомнѣваюсь, чтобы нашла довольно силъ написать тебѣ такое письмо, какія она пишетъ обыкновенно. Для избѣжанія усталости я оставлю ей мѣстечко на своемъ листкѣ и увѣренъ, что ты не потребуешь невозможнаго. Она по прежнему любитъ тебя идеально, и если заговоритъ съ тобою языкомъ привычнымъ, то разольется въ чув-

ствахъ, увлечется мечтаніямя, а все это въ настоящемъ ея положеніи не совсѣмъ безвредно. Бытъ нашъ въ тѣхъ же незатѣйливыхъ границахъ: мы ведемъ по прежнему жизнь мирную, особенно теперь, когда наступившая холодная осень положила преграды всякимъ отдаленнымъ поѣздкамъ и когда вліяніемъ Л. И. какъ то расклеиваются наши сношенія съ самыми близкими родными. Мы бываемъ у Papa разъ въ недѣлю, и иногда и въ двѣ недѣли. Maman по старому почти ежедневно въ театрѣ въ сопровожденіи Катюши, которая возвратилась сюда вмѣстѣ съ Papa и теперь сблизилась съ Л. И Измѣна непростительная, оправдываемая только отчасти извѣстной вѣтренностію Катюши! Грустны такія шаткія отношенія между своими; но что же дѣлать?—не мы тому виноваты. Papa, Maman и дѣточки здоровы. Андр. Яковл. покуда безъ плановъ, трудится по коммиссіи, въ большой милости у фельдм., но вдали ничего не видно и, кажется, онъ начинаетъ привыкать къ такому безцвѣтному періоду жизни. Когда сойдемся, говоримъ о тебѣ, и я радуюсь, что Papa перестaлъ строить на твой счетъ воздушные замки и ожидать, что ты чрезъ два года можешь быть магистромъ. Я увѣренъ впрочемъ, что тебя не усыпитъ это извѣстіе и что ты въ тишинѣ Дерптской, среди невинныхъ наслажденій, раздѣляя скромное счастіе добрыхъ нѣмцевъ, не потеряешь драгоцѣнныхъ минутъ досуга для умноженія своихъ познаній. Очень, очень благодаренъ тебѣ за сообщеніе свѣдѣній, открытыхъ для моей Исторіи въ *Сѣверномъ Архивѣ*. Жаль только, что журнала этого здѣсь совсѣмъ достать нельзя, и потому я прошу тебя прислать мнѣ, если можно, на первый разъ тѣ книжки, въ которыхъ помѣщены: 1) извѣстіе о жизни Арія архіеп. Аргутинскаго Долгорук., 2) подробности о Стенькѣ Разинѣ, 3) о духовномъ завѣщаніи имеретинскаго царя Арчила и 4) о бракахъ Россійскихъ Князей съ Грузинками и Ясынями.

Книжки можно переслать чрезъ Петербургъ, посредствомъ Вани. Я ихъ не задержу. Въ случаѣ рѣшительной невозможности, спишись пожалуйста съ Булгаринымъ, нельзя ли, не покупая цѣлаго изданія Сѣверн. Архива, достать за деньги у книгопродавцевъ то только, что мнѣ нужно. Во всякомъ разѣ не замедли отвѣтомъ, ибо я и такъ цѣлое лѣто совсѣмъ не занимался продолженіемъ моего труда и желалъ бы наверстать зимою. Словарь Щекатова я знаю: тамъ все такая старина, что мнѣ онъ совсѣмъ не нуженъ. Булгарину я очень благодаренъ и обращусь самъ къ нему съ просьбою прислать то, что онъ для меня приготовилъ. Понимаю, что поспѣшное изданіе моей рукописи можетъ повредить ея достоинству; но съ другой стороны зачѣмъ же и медлить, пока будутъ исчерпаны всѣ источники? Теперешнія событія на Кавказѣ подстрекаютъ любопытство публики и вотъ, по моему, лучшая

эпоха для такой книги. Все хорошо во время и нѣтъ ничего совершеннаго. Другіе, идя за мною, напомнятъ недостатки, а всетаки первое спасибо будетъ мнѣ.

Я записался не на шутку, забывая, что у меня досуга слишкомъ мало, а тутъ какъ разъ подоспѣла и полночь. Прощай же, мой милый другъ. Обнимаю тебя искренно и при желаніи всего лучшаго остаюсь всѣмъ сердцемъ любящій тебя братъ

Н. Ушаковъ.

P. S. Любинька очень тебѣ кланяется и благодаритъ тебя за память. Вѣрно ей не судьба найти жениха въ Варшавѣ. Много вздыхателей, но никого не изберешь среди ихъ, и притомъ все оканчивается одними вздохами.

Прежде чѣмъ Николай Ивановичъ закроетъ письмо, хотѣлось и мнѣ сказать тебѣ нѣсколько словъ, мой добрый, славный Володя, а болѣе еще разцѣловать тебя сто разъ, ибо очень распространяться, ей Богу, не въ силахъ. Папа говорилъ мнѣ, что онъ уже отвѣчалъ тебѣ на счетъ предположеній объ Московскомъ Университетѣ и дальнѣйшей службѣ. О французскихъ книгахъ я буду помнить. А другіе вопросы твои завлекли бы меня такъ далеко, что я не смѣю ихъ и затрогивать. Прощай, мой другъ, можетъ быть, надолго.... Да благословитъ тебя Богъ, и да сопутствуютъ всегда молитвы нѣжно любящей тебя сестры и друга

Élise Ouchakoff.

Не забывайте меня, добрый Вольдемаръ, я помню и люблю Васъ по прежнему!

33.

Варшава, 13 октября 1844 г.

Порадуйся вмѣстѣ съ нами, любезный другъ Вольдемаръ! Богъ даровалъ намъ милую дочку, а тебѣ племянницу, которую назвали мы Машенькою. Она родилась въ прошлую пятницу, т. е. 6-го октября, въ часъ по полудни. Лиза храбро выдержала этотъ страшный кризисъ, роды кончились и легко и благополучно; но за то чрезъ полчаса потомъ я былъ ужасно испуганъ состояніемъ ея здоровья. Къ счастію въ са-

мую эту минуту прибылъ Ясинскій [1]), за которымъ мы только что предъ тѣмъ успѣли послать. По его совѣту, мы пригласили тотчасъ доктора Вольфа, а Четыркинъ привезъ съ собою по моей просьбѣ Коханскаго. Жизнь, что называется, была на волоскѣ, потому что такіе переходы бываютъ въ эту минуту чрезвычайно быстры. Спроси объ этомъ у вашихъ Дерптскихъ медиковъ и они тебѣ объяснятъ, какова была опасность. Какъ бы то ни было, опасность эта устранена благовременно при помощи Божіей и съ искусствомъ докторовъ и къ вечеру того дня я могъ уже дышать свободнѣе, послѣ большого перепуга. Теперь, благодаря Бога, больная поправляется обыкновеннымъ порядкомъ и надѣюсь, что дня черезъ четыре она совершенно встанетъ съ постели. Мы любуемся ежедневно нашей Машенькой; она родилась съ черными волосками и слѣдовательно будетъ брюнетка; цвѣту глазъ еще различить хорошо нельзя, какъ равно и сказать, на кого будетъ похожа. Я радъ, что Господь даровалъ намъ дочь, потому что Лиза этого желала. Мы приглашаемъ тебя въ крестные отцы заочно съ Юл. Иван. Если Богъ благословитъ, то крестить располагаемъ 6-го декабря въ день моихъ имянинъ. Лиза обнимаетъ тебя дружески и вмѣстѣ со мною благодаритъ за письмо, отъ 3-го октября, которое мы получили сегодня. Всѣ родные здѣшніе здоровы. Papa нынче въ первый разъ былъ у Лизы, потому что прежде никого къ ней не допускали. Онъ также только что освободился отъ глазной болѣзни, которою страдалъ болѣе недѣли. Не правда ли странно подумать, что Даша и маленькій Коля уже имѣютъ племянницу? Они сами премиленькія дѣти.

Благодарю тебя за хлопоты по моей Кавказской рукописи. Увѣдомь, какой отвѣтъ дастъ Булгаринъ, а я съ нетерпѣніемъ жду этихъ матеріаловъ и крайне буду доволенъ, если онъ пришлетъ все, что ты отыскалъ любопытнаго. Моя цѣль именно показать иностранцамъ ихъ невѣжество въ отношеніи Кавказа и ложныя понятія на счетъ притязаній Россіи. Когда рукопись будетъ вполнѣ окончена, то съ охотою воспользуюсь твоимъ предложеніемъ перевести ее въ Дерптѣ на нѣмецкій языкъ; но Богъ знаетъ, скоро ли я слажу съ моею работою, отъ которой безпрестанно отвлекаетъ меня служба.

Ты спрашиваешь объ Очкинѣ. Онъ здоровъ, ведетъ жизнь въ прежней *сферѣ* и поэтому рѣдко видится съ нами; впрочемъ я сохраняю прежнія съ нимъ пріятельскія отношенія, хотя издалека. Непостижимо, до какой степени онъ противоположенъ здѣсь и въ Петербургѣ; впрочемъ объяснить это можетъ одна слабость характера. Кланяется тебѣ Миша,

---

[1]) Онъ показалъ чрезвычайно много усердія и пріязни къ намъ.

а мнѣ пора окончить, и послать тебѣ на прощанье искренній поцѣлуй и желаніе всевозможныхъ успѣховъ.

Н. Ушаковъ.

34.

Варшава, 22 ноября 1844 г.

Получивъ отъ тебя, любезный другъ Володя, письменное согласіе быть воспріемникомъ отъ купели нашей Машеньки, мы рѣшились, съ Божіимъ благословеніемъ, окрестить ее вчера, въ праздникъ Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы. Мѣсто твое, какъ было условлено, заступалъ Миша, а обязанность крестной матери исполнила Юлія Ивановна, которая не забыла о твоихъ порученіяхъ, хотя впрочемъ при крещеніи дѣвочки со стороны воспріемника ничего почти и не требуется. Обрядъ совершился во второмъ часу дня, а потомъ всѣ родные обѣдали у насъ, съ прибавленіемъ изъ постороннихъ только Ром. Серг. и Ясинскаго. Рекомендую тебѣ дочку, какъ очень миленькую дѣвочку: она благодаря Бога здорова, только маменька ея все еще не совсѣмъ оправилась и въ добавокъ къ прежнему два дня страдаетъ опять зубною болью. Впрочемъ все это въ обыкновенномъ порядкѣ, остальное же у насъ благополучно. Papa собирался самъ писать къ тебѣ, а покуда я посылаю отъ всѣхъ поклоны, а въ особенности отъ Лизы, которая тебя цѣлуетъ, и отъ Любиньки. Не забывай пожалуйста насъ своими письмами.

Ты вѣроятно не читалъ въ газетахъ, что меня утвердили директоромъ канцеляріи; въ этомъ заключается не простая формальность, но вмѣстѣ и прибавка 800 руб. сер. жалованья, такъ что теперь я буду получать въ годъ всего 3 т. р. сер., не считая квартиры. Покуда очень хорошо, и грѣшно было бы желать большаго, пока не пріобрѣтешь на то права.

Изъ писемъ твоихъ я съ удовольствіемъ замѣчаю стоическое терпѣніе, съ какимъ ты принялся за науку. Продолжай не ослабѣвать въ томъ, чтобы не разрушить послѣднихъ надеждъ отца. Ты уже знаешь, какъ онъ думаетъ объ университетскомъ курсѣ и какимъ аршиномъ измѣряетъ это поприще. По неограниченному самолюбію онъ желаетъ, чтобы на тебѣ осуществились всѣ его идеи и вотъ единственная причина, по которой Андр. Яков. отказывается отъ свиданія съ тобою, прежде окончанія курса. У всякаго свой взглядъ на вещи. Твое дѣло

споспѣшествовать тому всѣми зависящими отъ тебя средствами и я не сомнѣваюсь, что у тебя достанетъ на то и характера и способностей.

Булгаринъ не высылаетъ мнѣ обѣщанныхъ матеріаловъ, а за ними у меня остановилась работа. Если ты съ нимъ въ корреспонденціи, то сдѣлай дружбу, напиши ему о присылкѣ первоначально хотя тѣхъ книгъ, о которыхъ я просилъ тебя въ предыдущемъ письмѣ.

Засимъ сознаюсь тебѣ откровенно, что пишу эти строки подъ вліяніемъ самыхъ сильныхъ аттакъ со стороны Морфея. Извини такому усыпительному окончанію письма. Обнимаю тебя дружески и, желая всего лучшаго, остаюсь преданный и любящій братъ

Н. Ушаковъ.

35.

25 ноября.

Совершенно неожиданно я нашелъ здѣсь все изданіе Сѣвернаго Архива и теперь не имѣю надобности въ тѣхъ книжкахъ, о присылкѣ которыхъ писалъ тебѣ. Если Булгаринъ имѣетъ что нибудь о Кавказѣ, кромѣ матеріаловъ, помѣщенныхъ въ Сѣверномъ Архивѣ, то попроси прислать.

Ты, вѣроятно, прежде сего получишь письмо мое насчетъ крестинъ Машеньки; поэтому я ничего не прибавляю теперь. Будь здоровъ и люби по прежнему твоего вѣрнаго друга

Н. Ушакова.

36.

19 января 1845 года.

Что мнѣ добавить, любезный другъ Володя, къ посланію Лизы? Оно рѣшительно согласно съ моими мыслями и мнѣ жаль, что не могу на этотъ разъ быть твоимъ защитникомъ. Въ самомъ дѣлѣ послѣднія письма твои отличаются какою то неопредѣленностію, какими то мечтами, которыя даютъ поводъ выводить неблагопріятныя заключенія на *счетъ* твоего постоянства. Хочешь ли ты быть дѣйствительно ученымъ,

т. е. полезнымъ себѣ и другимъ? Если хочешь, то нужно выдержать экзаменъ на званіе студента, а еще лучше на званіе магистра. Если нѣтъ, то зачѣмъ же ты оставлялъ службу и потерялъ два года въ Дерптѣ? Безъ привиллегій, доставляемыхъ наукою, ты займешь въ сенатѣ ничтожную должность, до которой достигаетъ всякій человѣкъ, неимѣющій за собою никакихъ средствъ. И что за фантазія пришла тебѣ разыгрывать роль труженика? Никто не берется за это по своей охотѣ, а дѣлаются тружениками люди, стѣсненные обстоятельствами жизни. Не думай, чтобы жить своими трудами было легко. Ты снова хочешь броситься въ крайность, тогда какъ на нынѣшнемъ пути твоемъ ты прошелъ уже половину разстоянія, отдѣляющаго тебя отъ цѣли. Не могу согласиться, чтобы римское право, русское, и вообще законовѣдѣніе и языки латинскій и нѣмецкій были камнемъ преткновенія для человѣка съ твоими начатками образованности, съ твоимъ здравымъ смысломъ и въ такія лѣта, когда душевныя и тѣлесныя силы еще не истощены. Конечно, можно ужаснуться при взглядѣ на огромные фоліанты, въ которыхъ заключается юридическая наука; но этотъ ужасъ понятенъ въ ученикѣ, а не въ человѣкѣ, понимающемъ истинную потребность изученія; для него результатъ всего законовѣдѣнія сожмется въ тѣсныя рамы происхожденія законовъ, ихъ духа, исторіи и главнѣйшихъ примѣненій. Можетъ быть, я слишкомъ рѣзко сужу о томъ; но право, кажется, здѣсь есть сколько нибудь истины и кто же выскажетъ тебѣ ее какъ не самые близкіе люди? До сихъ поръ папа торопилъ тебя и въ этомъ случаѣ понятно его отцовское нетерпѣніе. Теперь онъ отдаетъ на твой произволъ время, но хочетъ однако же, чтобы ты выдержалъ характеръ, т. е. достигнулъ вполнѣ первоначальнаго твоего намѣренія. Такъ по крайней мѣрѣ могу заключать изъ словъ его. Вооружись же твердостію и продолжай начатое, чтобы выйти съ торжествомъ. Я увѣренъ, что всѣ эти объясненія ты примешь истинно по дружески. Мнѣ вовсе не хотѣлось бы огорчить тебя, нападая на твои предположенія. При томъ du choc des opinions jaillit la vérité.

Мы здѣсь всѣ благодаря Бога здоровы. Кланяется тебѣ Любинька и очень, очень благодаритъ, что ты ея не забываешь. Машенька наша часъ отъ часу дѣлается милѣе и премного насъ утѣшаетъ, особенно Лизу, которая теперь несравненно веселѣе прежняго, выѣзжаетъ опять въ свѣтъ и танцуетъ довольно часто. Препровожденіе времени и кругъ знакомства нашъ тебѣ почти извѣстны, за исключеніемъ небольшой перемѣны въ лицахъ. Съ своими, кромѣ Papa, мы по прежнему видимся рѣдко; театръ и Любочка тому причиною. Даша и Коля премиленькія дѣти.

Съ нѣкотораго времени Papa довольно часто пріѣзжаетъ къ намъ обѣдать, возвращаясь поздно изъ Слѣдственной Коммиссіи. Фельдмар-

жить ли этотъ кухмистеръ рекрутской повинности, и въ такомъ случаѣ ему нельзя отлучаться изъ края.

Я пишу къ тебѣ эти строки наудачу въ Петербургъ, судя по послѣднему извѣстію, полученному отъ тебя Андр. Яков. Papa поручилъ мнѣ даже отправить къ тебѣ деньги 150 руб. серебр., но нужно подождать отъѣзда фельдъегеря, потому что посылать чрезъ почту убыточно. Опасаясь однакоже, чтобы ты не остался безъ гроша, я писалъ вчера Ванѣ, чтобы онъ взялъ покуда столько же денегъ у генерала Липранди, на мое имя, и отдалъ ихъ тебѣ, а между тѣмъ не замедлю выслать полученныя отъ Papa и адресую ихъ къ сестрѣ Марьѣ Ивановнѣ для вѣрности, потому что Ваня, вѣроятно, будетъ тогда въ лагерѣ, а тебя можетъ не случиться въ Петербургѣ.

Мы всѣ здѣсь, благодаря Бога, здоровы. Papa очень трудится и имѣетъ кучу дѣлъ; Maman начинаетъ входить въ хозяйство, но еще не живетъ въ новомъ помѣщеніи, а остается съ дѣтьми на старой квартирѣ, куда Андр. Яков. пріѣзжаетъ разъ въ день отобѣдать. Причиною такой довольно странной жизни —затѣи Maman: она потребовала большихъ передѣлокъ въ комнатахъ, назначенныхъ для нея и для дѣтей, а эти передѣлки окончутся едва ли прежде октября. Блюменфельда отправили въ Малороссію съ Андреемъ, для инспекторскаго смотра, и, кажется, для уплаты части долга, лежащаго на имѣніи.

Ты вѣрно удивишься, если я скажу тебѣ, что Лиза также уѣхала, вмѣстѣ съ Любинькой и Машею, въ деревню, но не въ Малороссію, а въ Шимановъ, къ Коніарамъ. Онѣ живутъ тамъ уже три дня, а завтра я самъ къ нимъ отправляюсь на нѣсколько часовъ: Шимановъ отсюда только въ 45-и верстахъ, по Калишскому шоссе. Если Лизѣ деревенская жизнь поправится, то я оставлю ее тамъ подолѣе. Она и Любинька очень тебѣ кланяются, а за Машу мы всѣ тебя цѣлуемъ. Боюсь хвалить эту дѣвочку: она такъ мила, что право страшно.

Нѣтъ сомнѣнія, что до тебя дошли уже слухи о послѣдней моей наградѣ. Я надѣялся получить звѣзду; но слава Богу, что совсѣмъ не отложили награжденія до двухлѣтняго термина. Впрочемъ мнѣ грѣшно было бы жаловаться на неудачи по службѣ, а съ другой стороны совѣсть меня не упрекаетъ, чтобы я не усердствовалъ и не старался заслужить отличія. Мои денежныя дѣла, при теперешнемъ содержаніи, также немного исправились, тѣмъ болѣе, что фельдмаршалъ нашелъ средство погасить 1600 руб. серебр. казеннаго моего долга и затѣмъ я остаюсь должнымъ въ казну всего 1400 руб. серебр., а отъ частныхъ кредиторовъ вовсе избавился.

При этой финансовой исповѣди, невольно вырывается вопросъ: въ какомъ состояніи твой бюджетъ? Повѣрь мнѣ, что для совершеннаго

возстановленія этой части тебѣ нужно скорѣе окончить университетскій курсъ и тогда, вѣроятно, Papa прибавитъ что нибудь къ нынѣшнему твоему содержанію. Меня радуетъ то, что ты, наконецъ, убѣдился въ необходимости получить дипломъ; не говорю о многихъ выгодахъ, сопряженныхъ съ тѣмъ; но Papa этого именно хочетъ. Поздравь его также съ наградою: ему дали св. Владиміра 2 ст., т. е. звѣзду. Я совсѣмъ было запомнилъ написать тебѣ о томъ.

14 іюня.

Вчера рано утромъ я возвратился изъ Шиманова, гдѣ провелъ цѣлый день, а сейчасъ получилъ извѣстіе, что сегодня возвратится и Лиза, по случаю отъѣзда M-me Вульфъ въ Петербургъ. Отъѣздъ этотъ не нечаянный; она давно уже собиралась туда ѣхать въ дилижансѣ. Петръ Михайл. Дараганъ въ Варшавѣ и сію минуту только отъ меня вышелъ; мы обѣдаемъ сегодня вмѣстѣ у Maman, а Papa поѣхалъ на нѣсколько дней въ Пулавы и Люблинъ, по службѣ. Посылаю тебѣ съ симъ вмѣстѣ деньги 150 руб. серебр. чрезъ курьера, котораго назначено отправить сегодня. Напиши о полученіи, чтобы я могъ успокоить скорѣе Андр. Яковл.

Затѣмъ прощай, мой ангелъ. Цѣлую тебя за всю семью и прошу не сердиться на нашу неисправность, а писать къ намъ по прежнему часто и откровенно. Лиза по возвращеніи сама обѣщала съ тобою побесѣдовать. Тороплюсь съ докладомъ къ фельдмаршалу въ Лазенки.

Преданный другъ

Н. Ушаковъ.

39.

10 августа 1845 г.

Къ письму Лизы мнѣ совершенно нечего прибавить, любезный другъ Вольдемаръ, кромѣ искренняго сожалѣнія, что ты давно уже не писалъ къ намъ, именно послѣ твоего возвращенія въ Дерптъ. Хорошо, если этому причиною твои усиленныя занятія; но не дай Богъ, чтобы ты былъ нездоровъ. Пожалуйста, успокой любящихъ тебя родныхъ.

У насъ все благополучно; Машенька щеголяетъ уже съ двумя зубками и день ото дня становится милѣе и забавнѣе. Поможетъ ...

житъ ли этотъ кухмистеръ рекрутской повинности, и въ такомъ случаѣ ему нельзя отлучаться изъ края.

Я пишу къ тебѣ эти строки наудачу въ Петербургъ, судя по послѣднему извѣстію, полученному отъ тебя Андр. Яков. Papa поручилъ мнѣ даже отправить къ тебѣ деньги 150 руб. серебр., но нужно подождать отъѣзда фельдъегеря, потому что посылать чрезъ почту убыточно. Опасаясь однакоже, чтобы ты не остался безъ гроша, я писалъ вчера Ванѣ, чтобы онъ взялъ покуда столько же денегъ у генерала Липранди, на мое имя, и отдалъ ихъ тебѣ, а между тѣмъ не замедлю выслать полученныя отъ Papa и адресую ихъ къ сестрѣ Марьѣ Ивановнѣ для вѣрности, потому что Ваня, вѣроятно, будетъ тогда въ лагерѣ, а тебя можетъ не случиться въ Петербургѣ.

Мы всѣ здѣсь, благодаря Бога, здоровы. Papa очень трудится и имѣетъ кучу дѣлъ; Maman начинаетъ входить въ хозяйство, но еще не живетъ въ новомъ помѣщеніи, а остается съ дѣтьми на старой квартирѣ, куда Андр. Яков. пріѣзжаетъ разъ въ день отобѣдать. Причиною такой довольно странной жизни — затѣи Maman: она потребовала большихъ передѣлокъ въ комнатахъ, назначенныхъ для нея и для дѣтей, а эти передѣлки окончутся едва ли прежде октября. Блюменфельда отправили въ Малороссію съ Андреемъ, для инспекторскаго смотра, и, кажется, для уплаты части долга, лежащаго на имѣніи.

Ты вѣрно удивишься, если я скажу тебѣ, что Лиза также уѣхала, вмѣстѣ съ Любинькой и Машею, въ деревню, но не въ Малороссію, а въ Шимановъ, къ Коніарамъ. Онѣ живутъ тамъ уже три дня, а завтра я самъ къ нимъ отправляюсь на нѣсколько часовъ: Шимановъ отсюда только въ 45-и верстахъ, по Калишскому шоссе. Если Лизѣ деревенская жизнь поправится, то я оставлю ее тамъ подолѣе. Она и Любинька очень тебѣ кланяются, а за Машу мы всѣ тебя цѣлуемъ. Боюсь хвалить эту дѣвочку: она такъ мила, что право страшно.

Нѣтъ сомнѣнія, что до тебя дошли уже слухи о послѣдней моей наградѣ. Я надѣялся получить звѣзду; но слава Богу, что совсѣмъ не отложили награжденія до двухлѣтняго термина. Впрочемъ мнѣ грѣшно было бы жаловаться на неудачи по службѣ, а съ другой стороны совѣсть меня не упрекаетъ, чтобы я не усердствовалъ и не старался заслужить отличія. Мои денежныя дѣла, при теперешнемъ содержаніи, также немного исправились, тѣмъ болѣе, что фельдмаршалъ напе[…] средство погасить 1600 руб. серебр. казеннаго моег[…] остаюсь должнымъ въ казну всего 1400 руб. серебр.[…] диторовъ вовсе избавился.

При этой финансовой исповѣди, невольно […] *какомъ* состояніи твой бюджетъ? Повѣрь мн[…]

возстановленія этой части тебѣ нужно скорѣе окончить университетскій курсъ и тогда, вѣроятно, Papa прибавитъ что нибудь къ нынѣшнему твоему содержанію. Меня радуетъ то, что ты, наконецъ, убѣдился въ необходимости получить дипломъ; не говорю о многихъ выгодахъ, сопряженныхъ съ тѣмъ; но Papa этого именно хочетъ. Поздравь его также съ наградою: ему дали св. Владиміра 2 ст., т. е. звѣзду. Я совсѣмъ было запомнилъ написать тебѣ о томъ.

14 іюня.

Вчера рано утромъ я возвратился изъ Шиманова, гдѣ провелъ цѣлый день, а сейчасъ получилъ извѣстіе, что сегодня возвратится и Лиза, по случаю отъѣзда M-me Вульфъ въ Петербургъ. Отъѣздъ этотъ не нечаянный; она давно уже собиралась туда ѣхать въ дилижансѣ. Петръ Михайл. Дараганъ въ Варшавѣ и сію минуту только отъ меня вышелъ; мы обѣдаемъ сегодня вмѣстѣ у Maman, а Papa поѣхалъ на нѣсколько дней въ Пулавы и Люблинъ, по службѣ. Посылаю тебѣ съ симъ вмѣстѣ деньги 150 руб. серебр. чрезъ курьера, котораго назначено отправить сегодня. Напиши о полученіи, чтобы я могъ успокоить скорѣе Андр. Яковл.

Затѣмъ прощай, мой ангелъ. Цѣлую тебя за всю семью и прошу не сердиться на нашу неисправность, а писать къ намъ по прежнему часто и откровенно. Лиза по возвращеніи сама обѣщала съ тобою побесѣдовать. Тороплюсь съ докладомъ къ фельдмаршалу въ Лазенки.

Преданный другъ

Н. Ушаковъ.

39.

10 августа 1845 г.

Къ письму Лизы мнѣ совершенно нечего прибавить, любезный другъ Вольдемаръ, кромѣ искренняго сожалѣнія, что ты давно уже не писалъ къ намъ, именно послѣ твоего возвращенія въ Дерптъ. Хорошо, если этому причиною твои усиленныя занятія; но не дай Богъ, чтобы ты былъ нездоровъ. Пожалуйста, успокой любящихъ тебя родныхъ.

У насъ все благополучно; Машенька щеголяетъ уже съ двумя зубками и день ото дня становится милѣе и забавнѣе. Поможетъ ли

намъ Всевышній взростить это прекрасное дитя,—вотъ что меня занимаетъ ежеминутно!

Третьяго дня я видѣлся съ Очкинымъ и былъ разговоръ о тебѣ съ особымъ участіемъ. Жаль, что Очкинъ живетъ почти исключительно въ Маркахъ у Лохтиной и слишкомъ по-философски отправляетъ свою должность. Во всякомъ случаѣ онъ остается такимъ же умнымъ и добрымъ малымъ.

Мы писали уже къ тебѣ, что здѣсь былъ Петръ Мих. Дараганъ; онъ составилъ какую то книгу: „наставленіе эскадроннымъ командирамъ" и обѣщалъ прислать мнѣ рукопись для прочтенія. Сомнѣваюсь, чтобы можно было сказать что либо интересное о такомъ *слишкомъ важномъ* предметѣ. Кланяется тебѣ Миша, а Катюша страшно скучаетъ въ Малороссіи и, кажется, скоро возвратится къ намъ; по крайней мѣрѣ, Papa ей предлагалъ.

У меня очень много дѣла, а у Андр. Яков. еще болѣе. Жены наши сердятся на это; но, по моему, если служить, такъ служить совѣстливо. Я имѣю виды перетащить сюда Ваничку; онъ самъ объ этомъ проситъ; но едва ли выпустятъ его изъ гвардіи.

Дѣла кавказскія опять запутываются. Ты вѣрно уже читалъ въ газетахъ о смерти двухъ генераловъ. Сынъ фельдмаршала получилъ золотую шпагу. Становишься въ тупикъ при мысли, чѣмъ это все кончится. Средства огромныя, а вотъ лѣтъ 5-ть, какъ мы при однихъ и тѣхъ же результатахъ, съ нѣкоторыми варіаціями.

Обнимаю тебя отъ всего сердца и остаюсь по прежнему твой другъ и братъ

Н. Ушаковъ.

40.

Варшава, 9 мая 1848 г.

Ты уѣхалъ такъ недавно, любезный другъ Вольдемаръ, что право почти не о чемъ писать къ тебѣ, кромѣ повторенія жалобъ на множество служебныхъ дѣлъ. Опять я началъ поздненько возвращаться домой и къ обѣду и по вечерамъ. Жаль, что ты далеко теперь отъ газетъ. Въ Парижѣ снова было кровопролитіе самое безумное и, кажется, во Франціи все идетъ быстро къ анархіи. Не отличаются также порядкомъ Вѣна и Берлинъ. Право, нельзя не согласиться, что всѣхъ нынѣшнихъ народ-*ныхъ крикуновъ* и реформистовъ слѣдовало бы пересѣчь розгами и

заклеймить вѣчнымъ позоромъ. У нихъ только фразы, а истиннаго стремленія къ благу ни на грошъ. Видно, что тяжкіе опыты прошедшаго не научили Европы. На границѣ нашей между тѣмъ все успокоилось, хотя Пруссаки продолжаютъ усмирять Познанцевъ. Войска наши болѣе и болѣе становятся въ грозное положеніе, чтобы идти впередъ по первому указанію Царя.

Но довольно о политикѣ.

Мы съ этимъ вмѣстѣ посылаемъ письмо къ Любинькѣ, чтобы она могла разсчитать твой пріѣздъ въ Монастырище.

Я также пожалуюсь тебѣ на Данзаса. Онъ былъ два раза съ визитомъ, но именно въ такое время, когда меня не бываетъ дома.

Очкинъ переселился въ Марки, но пріѣзжаетъ сюда изрѣдка получать приказанія по извѣстному тебѣ литературному дѣлу.

Прощай, мой ангелъ; цѣлую тебя искренно. Не забудь написать о Тѣни и вѣрь всегдашней дружбѣ

Н. Ушакова.

4.

Варшава, 2 іюня 1853 г.

Лиза уѣхала отсюда 17 мая, а потому, любезный другъ Вольдемаръ, письмо твое не застало ея здѣсь. Я отошлю это письмо завтра въ Дрезденъ, откуда сестра твоя писала ко мнѣ только одинъ разъ. Она дѣйствительно будетъ пользоваться ваннами въ Шандау, какъ посовѣтовали и дрезденскіе медики. Судя по первымъ извѣстіямъ, жизнь тамъ дешева: квартира, столъ, ванны и прочее, en grand, обходятся 90 руб. серебр. въ мѣсяцъ. По этому разсчету у Лизы достанетъ денегъ на 6-ть мѣсяцевъ, если она захочетъ остаться такъ долго. По моему, пусть живетъ тамъ, лишь бы это послужило средствомъ къ радикальному возстановленію ея здоровья. У нея сильно разстроены нервы и отъ того происходитъ безпрестанная раздражительность и непонятная боязнь холеры, о которой у насъ съ сентября мѣсяца не слышно, по милости Божіей. Другая бѣда, что Лиза до сихъ поръ не привыкла жить въ дѣствительномъ мірѣ, но чаще переносится въ область мечтательную, создавая въ своемъ воображеніи такія обязанности женщины, которыя не согласны не только съ практикою, но, по моему мнѣнію, переходятъ даже за предѣлы простого смысла нашей Божественной религіи. Пожалуйста, это между нами. Я люблю Лизу всѣмъ сердцемъ; но не могу согласиться съ ея мыслями и понятіями, и боюсь, чтобы эта непростительная въ ея лѣта отвлеченность не подѣйствовала на нашу рѣзвую Машу. Можетъ быть, нынѣшнее уединеніе и необходимость хлопотать самой о малѣйшихъ жизненныхъ потребностяхъ лучше всего убѣдятъ Лизу, что идеальная жизнь и жизнь земная не сходятся между собою. Собственно для дочери я радъ, что въ Дрезденѣ она будетъ имѣть болѣе средствъ къ образованію нѣмецкому, т. е. степенному; по характеру же она, кажется, вовсе несклонна къ мечтательности.

Благодарю тебя, мой другъ, за особое письмо ко мнѣ. Хотѣлъ бы съѣхаться съ тобою въ Малороссіи; но нѣтъ и надежды выпроситься въ отпускъ ранѣе 1 го сентября. Жду назначенія въ начальники дивизіи и хочу воспользоваться начинающимся здѣсь скоро корпуснымъ лагеремъ, чтобы заняться фронтомъ. О сенаторствѣ покуда нельзя и думать, хотя бы мнѣ очень хотѣлось. Впрочемъ недавно были на меня другіе виды. Князь Горчаковъ, отъѣзжая отсюда, приглашалъ взять должность дежурнаго генерала въ арміи, на турецкой границѣ, въ случаѣ войны. Но какъ армія еще не сформировалась и едва ли дойдетъ до этого, то я опять остаюсь у безводнаго моря, въ ожиданіи погоды.

Николай Иванович
Ушаковъ.

тебѣ. Не стану изъяснять, какъ мнѣ грустно оставаться опять въ одиночествѣ. Я не поѣхалъ теперь потому, чтобы не брать слишкомъ продолжительнаго отпуска; но думаю отправиться въ половинѣ будущаго іюля, проживу въ Малороссіи мѣсяца два и привезу жену и Машу назадъ, если Господь позволитъ все это исполнить. Миша Дараганъ также намѣренъ отправиться со мною. При возвращеніи Лизы мое присутствіе будетъ болѣе ей нужно, ибо осенью дороги очень трудны, а теперь всетаки гораздо лучше. Лиза пріѣдетъ сначала въ Чевельчу, чтобы застать папу и Maman на мѣстѣ; ибо послѣ имянинъ Андрея Яковл., т. е. послѣ 4-го іюля, они располагали ѣхать въ Варшаву, откуда Юлія Иван. пустится по желѣзной дорогѣ за границу, а папа воротится опять въ Малороссію. Въ Варшавѣ они остановятся у меня.

Приготовленія къ отъѣзду Лизы случились въ самую большую суету, которая здѣсь происходила. Не нужно объяснять, что это было во время смотровъ. Слава Богу все кончилось благополучно и, кажется, Государь уѣхалъ довольнымъ. Погода стояла самая благопріятная. Теперь фельдмаршалъ отправился на 10 дней въ Гомель, чтобы тамъ приготовить помѣщеніе для Высочайшаго пріѣзда въ сентябрѣ, на смотръ 3-го пѣх. корпуса. Очкинъ получилъ ленту Станислава, но желалъ предпочтительно денегъ, которыхъ не дали. Тороплюсь кончить, потому что спѣшу по службѣ къ кн. Горчакову. Обнимаю тебя, мой другъ, крѣпко; пиши ко мнѣ и скажи роднымъ, что я ихъ цѣлую, но напишу завтра. Будь здоровъ и люби по прежнему твоего искренняго брата

Ушакова.

2.

Варшава, 15 іюля 1852 г.

Не знаю, было ли тебѣ извѣстно, любезный другъ Вольдемаръ, что Papa выѣхалъ изъ Чевельчи 29 іюня, чтобы проводить Юлію Иван. за границу. Они прибыли сюда 5-го іюля, т. е. на другой день имянинъ Papa. Юлія Иван. оставалась здѣсь всего три дня и отправилась въ Эмсъ, черезъ Дрезденъ, гдѣ должна была посовѣтоваться съ докторами, на счетъ своей болѣзни. На видъ она, кажется, не страдаетъ, но затвердѣніе въ груди увеличивается и, можетъ быть, придется дѣлать операцію. Сегодня мы ѣдемъ съ Papa въ Малороссію; Миша Дараганъ отправляется съ нами. Андрей Яковл., слава Богу, здоровъ и веселъ. Всѣ здѣшніе знакомые и подчиненные являются къ нему толпами, на

перерывъ стараясь доказать, сколько они всегда его помнили. У Свѣтлѣйшаго Papa также былъ, но Князь въ тотъ день никого не принималъ, чѣмъ все и кончилось.

Papa посылаетъ тебѣ при семъ 800 руб. серебромъ изъ денегъ Хенцинскихъ. О полученіи ихъ напиши въ Чевельчу. Мы разсуждали здѣсь о передачѣ тебѣ маіората; но, по моему, Papa правъ. Неужели въ самомъ дѣлѣ имѣетъ на тебя виды А. М.? По моему, это не только невозможно, но было бы грѣшно по совѣсти. Такую поэзію, непростительную для твоихъ лѣтъ, надобно выбросить изъ головы. Благоразуміе и предусмотрительность отца сдѣлали тебѣ хорошій выборъ въ дочкѣ сенатора К. Отчего ты не пользуешься начатымъ знакомствомъ? Жаль, что мы не можемъ лично объясниться.

Надѣюсь, что Лиза писала тебѣ изъ деревни. Проектовъ у нея много; но какъ это все удастся?

Прощай; тороплюсь ѣхать въ замокъ, чтобы откланяться. Къ сестрѣ буду писать передъ самымъ выѣздомъ; но скажи, что я всѣхъ ихъ обнимаю, равно какъ и тебя.

Н. Ушаковъ.

Письмо твое отъ 21 іюня получилъ, но за хлопотами не успѣлъ отвѣчать прежде. О людяхъ напишу рѣшительно изъ деревни.

Прилагаю записочку отъ Papa.

Папа живетъ у меня.

3.

Варшава, 7 октября 1852 г.

Вотъ мы опять въ Варшавѣ, любезный другъ Вольдемаръ! Возвратились сюда 1 октября, а разстались съ Papa въ Щербаковкѣ 21 прошлаго мѣсяца и потомъ прожили три дня у Любиньки, въ Монастырищѣ. Неохотно мы ѣхали назадъ послѣ продолжительной деревенской жизни, особенно Лиза, которую сильно пугала здѣшняя холера; но, благодаря Бога, задолго до нашего прибытія болѣзнь совсѣмъ прекратилась. Въ нашей квартирѣ была также жертва,—панна, отъ собственной и непростительной неосторожности въ пищѣ. Какое счастіе, что мы были тогда такъ далеко!

Ты не узналъ бы теперь Новаковъ: домъ прекрасный и помѣстительный, всѣ комнаты обклеены бумажками, дворъ выравненъ и прос-

торенъ, заборъ и ворота щегольскіе. Всѣмъ этимъ мы обязаны дружескому усердію Николая Ѳедоровича. Онъ и Любинька прожили у насъ почти все время и очень тебѣ кланяются. Papa, Миша и Николай Дараганъ гостили у насъ два дня въ началѣ августа, во время Лубенской ярмарки, и каждому было особое помѣщеніе. Заѣзжалъ къ намъ также Ник. Степ. Ограновичъ съ Степой; онъ можетъ разсказать тебѣ всѣ остальныя подробности о нашемъ хозяйствѣ. Между прочимъ мы наняли садовника и приказали построить теплицу, для цвѣтовъ. Но самое главное—кончили дѣло съ Томарою за 16300 руб. серебр., изъ которыхъ 3/т. руб. я долженъ заплатить къ 1-му января, а остальные 1-го мая, и тогда имѣніе совершенно переходитъ въ наши руки. Купчая наша. Всѣ находятъ, что цѣна недорога, ибо имѣніе вполнѣ округляется и будетъ состоять уже не изъ мелкихъ, разбросанныхъ кусковъ, а изъ большихъ участковъ съ незначительною черезполосностію. Хлопочу о деньгахъ, которыхъ у меня покуда имѣется всего 9/т. руб. Надѣюсь сдѣлать частный заемъ, а потомъ заложу все имѣніе для уплаты займа. Богъ милостивъ, какъ нибудь извернусь, а между тѣмъ запродажный актъ между мною и Томарою уже заключенъ.

Здѣсь есть слухи, что ты уже получилъ оберъ-секретарство. Если это правда, то отъ всей души поздравляю и радуюсь тѣмъ болѣе, что это вполнѣ утѣшитъ Papa, который постоянно занятъ былъ твоимъ повышеніемъ. Мы не писали къ тебѣ изъ деревни просто по лѣни, а подъ конецъ уже не было разсчета писать, потому что отсюда письмо скорѣе дойдетъ. Скажи, пожалуйста, гдѣ теперь твоя квартира? На этотъ разъ мы адресуемъ въ Сенатъ. Надѣюсь, что ты станешь чаще радовать насъ извѣстіями о себѣ; заранѣе предваряю, что недосугамъ отъ службы я не вѣрю. Грѣшно было бы тебѣ не думать объ насъ, особенно о сестрѣ, которая такъ исключительно тебя любитъ. Не станемъ звать тебя зимою въ Варшаву, но на весну ты, конечно, доставишь намъ это удовольствіе, и тогда хорошо было бы тебѣ поѣхать въ деревню вмѣстѣ съ Лизой. Papa объ этомъ мечтаетъ.

Прощай, любезный другъ. Цѣлую тебя за мою особу и за Машу, которой вчера исполнилось 8-мь лѣтъ, а сестра сама будетъ писать. Поклонись отъ насъ роднымъ; я послалъ имъ письмо на дняхъ. Да сохранитъ тебя Всевышній въ здоровьи и счастіи. Преданный братъ

Н. Ушаковъ.

P. S. Мой нелицемѣрный поклонъ Безакамъ, если ты видишься съ ними, и Н. С. Ограновичу.

4.

Варшава, 2 іюня 1853 г.

Лиза уѣхала отсюда 17 мая, а потому, любезный другъ Вольдемаръ, письмо твое не застало ея здѣсь. Я отошлю это письмо завтра въ Дрезденъ, откуда сестра твоя писала ко мнѣ только одинъ разъ. Она дѣйствительно будетъ пользоваться ваннами въ Шандау, какъ посовѣтовали и дрезденскіе медики. Судя по первымъ извѣстіямъ, жизнь тамъ дешева: квартира, столъ, ванны и прочее, en grand, обходятся 90 руб. серебр. въ мѣсяцъ. По этому разсчету у Лизы достанетъ денегъ на 6-ть мѣсяцевъ, если она захочетъ остаться такъ долго. По моему, пусть живетъ тамъ, лишь бы это послужило средствомъ къ радикальному возстановленію ея здоровья. У нея сильно разстроены нервы и отъ того происходитъ безпрестанная раздражительность и непонятная боязнь холеры, о которой у насъ съ сентября мѣсяца не слышно, по милости Божіей. Другая бѣда, что Лиза до сихъ поръ не привыкла жить въ дѣствительномъ мірѣ, но чаще переносится въ область мечтательную, создавая въ своемъ воображеніи такія обязанности женщины, которыя не согласны не только съ практикою, но, по моему мнѣнію, переходятъ даже за предѣлы простого смысла нашей Божественной религіи. Пожалуйста, это между нами. Я люблю Лизу всѣмъ сердцемъ; но не могу согласиться съ ея мыслями и понятіями, и боюсь, чтобы эта непростительная въ ея лѣта отвлеченность не подѣйствовала на нашу рѣзвую Машу. Можетъ быть, нынѣшнее уединеніе и необходимость хлопотать самой о малѣйшихъ жизненныхъ потребностяхъ лучше всего убѣдятъ Лизу, что идеальная жизнь и жизнь земная не сходятся между собою. Собственно для дочери я радъ, что въ Дрезденѣ она будетъ имѣть болѣе средствъ къ образованію нѣмецкому, т. е. степенному; по характеру же она, кажется, вовсе несклонна къ мечтательности.

Благодарю тебя, мой другъ, за особое письмо ко мнѣ. Хотѣлъ бы съѣхаться съ тобою въ Малороссіи; но нѣтъ и надежды выпроситься въ отпускъ ранѣе 1-го сентября. Жду назначенія въ начальники дивизіи и хочу воспользоваться начинающимся здѣсь скоро корпуснымъ лагеремъ, чтобы заняться фронтомъ. О сенаторствѣ покуда нельзя и думать, хотя бы мнѣ очень хотѣлось. Впрочемъ недавно были на меня другіе виды. Князь Горчаковъ, отъѣзжая отсюда, приглашалъ взять должность дежурнаго генерала въ арміи, на турецкой границѣ, въ случаѣ войны. Но какъ армія еще не сформировалась и едва ли дойдетъ до этого, то я опять остаюсь у безводнаго моря, въ ожиданіи погоды.

Немного грустно думать, что силы и здоровье пропадають въ канцелярской службѣ.

Отъ папы имѣю послѣднее извѣстіе отъ 12 мая. Исторія о Полячкѣ вышла совершенный вздоръ и къ нему вовсе не касается. Папа пишетъ, что послалъ тебѣ деньги на обмундировку и что онъ въ восхищеніи отъ твоего придворнаго званія. Деньги Томарѣ я всѣ уже заплатилъ, посредствомъ разныхъ займовъ, и теперь осталось только получить купчую крѣпость, о чемъ хлопочетъ Николай Өедоровичъ. Миша Дараганъ получилъ прекрасное назначеніе въ Москвѣ—командиромъ арсенала и недѣли черезъ двѣ отправляется туда, покуда одинъ. Прощай, мой добрый другъ, обнимаю тебя искренно и остаюсь всегда одинаковъ

Н. Ушаковъ.

P. S. Пришли мнѣ свой адресъ; ибо Лиза увезла его съ собою.

5.

Варшава, 21 октября 1853 г.

Ты, вѣроятно, удивляешься, любезный другъ Вольдемаръ, не имѣя отъ меня отвѣта на послѣднія письма къ намъ отъ 19 сентября; но въ это время случилось со мною нѣсколько приключеній, которыя до сихъ поръ воспрепятствовали написать тебѣ хотя нѣсколько словъ. Вообрази, что я ѣздилъ за границу, прожилъ съ семействомъ въ Дрезденѣ почти недѣлю и съ 14-го октября опять здѣсь, среди множества хлопотъ по приготовленію къ отъѣзду на Дунай.

Тебѣ, конечно, еще неизвѣстно, что во время Высочайшихъ смотровъ я получилъ отъ князя Горчакова письменное приглашеніе занять подъ его начальствомъ мѣсто дежурнаго генерала. Въ моемъ согласіи нельзя было и сомнѣваться, а соизволеніе фельдмаршала дано еще прежде, при отъѣздѣ отсюда кн. Горч. Докладъ Государю тогда же былъ сдѣланъ и оставались затѣмъ только формальности, т. е., чтобы князь Горчаковъ вошелъ съ оффиціальнымъ обо мнѣ представленіемъ въ Петербургъ, что онъ, вѣроятно, и сдѣлалъ; но до сихъ поръ рѣшенія еще нѣтъ и я, что называется, сижу теперь у моря и жду погоды. Если можно, потрудись справиться объ этомъ чрезъ Капгера, или кого другаго, и увѣдомь меня поскорѣе; ибо непріятно и даже убыточно оставаться въ такомъ двусмысленномъ положеніи.

Разсчитывая, что въ случаѣ поѣздки въ армію, мнѣ придется быть очень долго въ разлукѣ съ семействомъ, я воспользовался пребываніемъ здѣсь Государя и выпросилъ себѣ отпускъ за границу на 10-ть дней, для устройства тамъ моего семейства до 1-го іюля; ибо переѣхать имъ въ Варшаву было бы гораздо дороже и совсѣмъ некстати, а отправляться въ Малороссію теперь вовсе невозможно по нашимъ прекраснымъ дорогамъ. Лизѣ предположеніе это очень понравилось, тѣмъ болѣе, что изъ Букареста переписка чрезъ Вѣну съ Дрезденомъ можетъ производиться скорѣе, нежели чрезъ Россію и Царство Польское. Я выхлопоталъ уже ей дополнительный паспортъ и снабдилъ деньгами на все время, такъ что могу быть теперь спокоенъ за семейство, если Богъ не лишитъ меня своей милости.

Въ Дрезденъ я пріѣхалъ въ понедѣльникъ, наканунѣ дня рожденія Маши, и остался тамъ почти недѣлю. Лизу я нашелъ нѣсколько оправившуюся въ здоровьи, но по прежнему блѣдною и худою въ тѣлѣ. Доктора приписываютъ все разстройству нервовъ; но, благодаря Бога, грудной болѣзни у нея нѣтъ. Они надѣются, что жизнь зимою въ умѣренномъ климатѣ, спокойствіе и возобновленіе лѣченія раннею весною опять въ Шандау окончательно помогутъ больной. Признаюсь, я уже потерялъ довѣріе къ медицинскимъ обѣщаніямъ; но надобно сказать по правдѣ, что много препятствуетъ выздоровленію Лизы ея чрезвычайная раздражительность и испорченное воображеніе, порождающее въ ней самые нелѣпые ужасы: напримѣръ, при ней не только нельзя говорить о холерѣ, но даже произносить этого слова. Варшава также производитъ на нее самыя непріятныя впечатлѣнія. При такомъ всегдашнемъ состояніи духовнаго организма трудно быть здоровою. Маша, славу Богу, растетъ и учится охотно; она говоритъ теперь по нѣмецки, какъ истая нѣмка, и даже пишетъ и читаетъ твердо на этомъ языкѣ. Все, чему училась прежде, подвигается также впередъ съ успѣхомъ. Пенсіонъ, куда она ходитъ на лекціи два раза въ день, извѣстенъ въ Дрезденѣ хорошимъ преподаваніемъ и нравственностію; я самъ тамъ былъ раза три и видѣлъ порядокъ. За лекціи въ теченіе мѣсяца платится по 6-и талеровъ, а учатъ по нѣмецки, по французски и по англійски, музыкѣ, рисованію и другимъ предметамъ, необходимымъ при воспитаніи дѣвицъ. Жизнь въ Дрезденѣ, какъ ты знаешь, дешевая и самая спокойная. Лиза имѣетъ квартиру изъ 4-хъ комнатъ, съ угловымъ фонарикомъ, переднею и кухнею, за 25 талеровъ въ мѣсяцъ съ мебелью, на площади Неймарктъ противу Фрауенкирхъ; столъ стоитъ полтину серебромъ, и вообще при ея похвальной и рѣдкой бережливости издержки ежемѣсячныя составляютъ только около 190 руб. сер., т. е. навѣрное въ половину противу Варшавы, гдѣ притомъ непріятностей и безпокойствъ много. Сестра обѣщала сама писать тебѣ

обо всемъ; письмо у нея почти было готово передъ отъѣздомъ. Весьма будетъ полезно, если ты устроишь постоянную съ нею переписку; это было бы самымъ полезнымъ для нея развлеченіемъ. Пиши и ко мнѣ чаще, гдѣ бы я ни находился, а то, право, разлука, какъ мнѣ кажется, охладила насъ. Можетъ быть, вы съ Лизой успѣете уговориться ѣхать на будущій годъ вмѣстѣ въ Малороссію.

Отъ Papa я давно не имѣю извѣстій, вѣроятно потому, что онъ, по прежнимъ предположеніямъ, ожидалъ меня въ Новаки, въ началѣ текущаго мѣсяца; но приглашеніе кн. Горчакова все разстроило. Юлія Иван. писала Блюменфельду изъ Неаполя, что будетъ скоро въ Варшаву; но я мало вѣрю этимъ словамъ; развѣ недостатокъ денегъ понудитъ ее скорѣе возвратиться. Лѣченіемъ она мало занималась.

Къ роднымъ въ Петербургъ я писалъ подробно на дняхъ; но при свиданіи передай имъ мой поцѣлуй. Бѣдная Любинька ждетъ меня къ себѣ и не дождется; но если поѣду въ армію, то постараюсь заѣхать въ Монастырище, хотя бы и просрочить недѣлю.

Обнимаю тебя, любезный братъ, отъ всего сердца и желаю здоровья и успѣховъ во всемъ. Люби по прежнему твоего друга

Н. Ушакова.

P. S. Поклонись отъ меня Капгеру, да напиши мнѣ и Лизѣ адресъ нынѣшней твоей квартиры.

6.

Г. Букарестъ, 21 декабря 1853 г.

По пріѣздѣ сюда я пишу къ тебѣ, любезный другъ Вольдемаръ, уже во вторрй разъ. Если первое письмо мое дошло исправно, то ты знаешь давно, какъ я доѣхалъ къ новому мѣсту и какъ былъ принятъ. Съ тѣхъ поръ новаго ничего не случилось. Зима приковываетъ насъ къ лѣвому берегу Дуная, а на эту сторону турки не показываются. У нихъ осталось одно только гнѣздо въ княжествахъ—Калафатъ, на самой оконечности праваго нашего фланга, но и тамъ едва ли они удержатся долго. Отрядъ Анрепа недавно подвинулся въ томъ направленіи и стоитъ теперь въ 30 верстахъ оттуда, при Боэлешти. На усиленіе этого отряда подходитъ вся 12-я пѣхотная дивизія, съ ея артиллеріею. Едва ли туркамъ это понравится. Войска наши, не смотря на зимнее время, очень бодры; больныхъ по особенному счастію не много и это слѣдуетъ от-

нести къ хорошему объ нихъ попеченію главнаго начальника. Скоро ли придется встрѣтиться лицемъ къ лицу съ непріятелемъ, еще неизвѣстно. Миша рвется въ огонь; это очень похвально, но не угадаешь, гдѣ прежде представится случай повоевать. Онъ прикомандированъ теперь къ Ольвіопольскому уланскому полку, которымъ командуетъ генералъ М. Козляниновъ, служившій нѣкогда въ конно-піонерахъ у Петра Михайловича [1]). Полкъ этотъ расположенъ близко отъ Букареста и потому Миша [2]) пріѣзжаетъ сюда часто танцовать и разсѣяться отъ скучной стоянки. Впрочемъ онъ живетъ въ одномъ домѣ съ полковымъ командиромъ и очень имъ обласканъ. Скажи Аннѣ Михайловнѣ, что я хлопоталъ о прикомандированіи его къ штабу; но это оказалось невозможнымъ. Буду по крайней мѣрѣ стараться, чтобы онъ непремѣнно попалъ въ военныя дѣйствія, когда они начнутся. Я понимаю, что незачѣмъ было бы иначе пріѣзжать изъ Петербурга. Не знаю, часто ли Миша пишетъ къ роднымъ; но онъ здоровъ; я видѣлъ его не далѣе, какъ третьяго дня; онъ даже обѣдалъ у меня и хотѣлъ приготовить письмо; но, кажется, уѣхалъ въ полкъ не написавши. Я получилъ отъ него на сохраненіе 100 полуимперіаловъ и вообще, кажется, онъ не тратитъ денегъ по пустому.

Что сказать тебѣ о Букарестѣ? Я не успѣлъ еще завести здѣсь знакомствъ и все почти время убиваю на службѣ. Городъ имѣетъ до 130 т. жителей; можно достать все, но теперь все дорого. Есть общество, танцующее и говорящее по французски, есть очень хорошія постройки, но онѣ разбросаны по кривымъ и узкимъ улицамъ, на которыхъ нѣтъ и тротуаровъ. О красотѣ женщинъ и объ ихъ свободной жизни гораздо болѣе разсказывали и разсказываютъ, нежели находишь на самомъ дѣлѣ.

Съ Лизой я завелъ переписку черезъ Вѣну и уже получилъ отъ нея одно письмо заграничнымъ путемъ. Но она вообще лѣнива часто писать и это наводитъ на меня тоску. Послѣднее извѣстіе имѣю отъ 30 ноября; она и Маша были, благодаря Бога, здоровы. Эти строки ты вѣроятно получишь въ новый годъ. Отъ всей души поздравляю заранѣе и желаю, чтобы въ этомъ году устроилось общее наше свиданіе въ Малороссіи. Прощай, мой милый другъ и братъ, обнимаю тебя по старому и остаюсь искренно преданный

Н. Ушаковъ.

---

[1]) Дарагана. [2]) Михаилъ Петровичъ Дараганъ.

P. S. Сестрѣ Маріи Иван. скажи, что я писалъ ей отсюда также два раза и что теперь цѣлую всѣхъ ихъ.

7.

Кишиневъ, 16 января 1854 г.

Послѣ долгихъ ожиданій, я получилъ отъ тебя, любезный другъ Вольдемаръ, пріятный подарокъ на новый годъ: называю этимъ письмо твое отъ 2-го числа сего мѣсяца. Слава Богу, что ты здоровъ и далъ о себѣ добрую вѣсть. Ты знаешь, какъ я люблю тебя, и можешь повѣрить, что для меня тяжело было это давнее прекращеніе нашей переписки. Мы оба виноваты; но у меня столько казеннаго дѣла и притомъ столько частной переписки, что съ трудомъ удовлетворяешь сердечнымъ побужденіямъ. Надобно благодарить и за то, что я успѣваю бороться съ моими обязанностями и даже выходилъ изъ этой борьбы съ честію. Весьма лестно для меня мнѣніе постороннихъ людей, о которомъ ты пишешь, и, признаюсь, оно дороже оффиціальныхъ наградъ. Тревожитъ только одна продолжительность усилій, коей покуда и конца не видно. Вотъ насталъ и новый годъ; но вдали все темно и смутно. Слухи о переговорахъ въ Вѣнѣ, по моему, не обѣщаютъ ничего утѣшительнаго: это безсовѣстный обманъ, затѣянный врагами православія, на счетъ рыцарскаго нашего великодушія. Какъ же бы иначе выпутаться имъ изъ Севастопольскаго дѣла? Съ появленіемъ теплаго времени они заговорятъ другое; но тогда уже нельзя будетъ возвратить тѣхъ выгодъ, которыя мы теперь имѣемъ. Съ такими безчестными обманщиками нужна рѣшимость: три дня сроку,—и конецъ. Къ сожалѣнію насъ, кажется, усыпляетъ надежда на честный миръ. Вотъ три мѣсяца въ Севастополѣ бездѣйствіе. Мы здѣсь ближе; но недоумѣніе наше столь же велико, какъ и въ Петербургѣ; а между тѣмъ Россія, въ продолженіе зимы, могла бы задавить этихъ комаровъ, страдающихъ отъ холода и голода, въ чемъ они и сами сознаются. Казалось много было данныхъ и въ томъ и въ другомъ; но отъ 70-лѣтнихъ полководцевъ трудно ожидать энергіи, дѣятельности и даже свѣтлаго ума. Суворовъ, Михельсонъ и еще нѣкоторые—суть явныя исключенія, ниспосылаемыя свыше. Объ этомъ можно говорить долго и еще не окончить; а покуда результатъ тотъ, что каждый курьеръ, пріѣзжающій къ намъ изъ Севастополя, привозитъ одно и тоже: новаго ничего нѣтъ и не предвидится перемѣны.

Долговременная разлука съ семействомъ начинаетъ крѣпко тяготить меня, тѣмъ болѣе, что не часто получаю извѣстія отъ Лизы и въ такомъ положеніи нельзя удержаться отъ безпокойствъ. Съ наступленіемъ весны рѣшился перемѣстить жену и дочь въ Малороссію и послалъ Лизѣ планъ этого вояжа. Ты самъ видѣлъ, что въ Новакахъ жить прекрасно, а послѣ того улучшеній прибавилось. Маша въ восхищеніи, что переѣдетъ въ деревню; но Лиза боится недостатка въ докторахъ, а при ея нервахъ и всегдашней мнительности недостатокъ этотъ чрезвычайно важенъ. Хоть бы на первое время ты пріѣхалъ въ Новаки пожить съ сестрою; вѣдь 28-ми-дневные отпуски допускаются ежегодно и они не разстраиваютъ службы. Подумай объ этомъ и спишись съ Лизой. Братъ Ив. Ив. обѣщаетъ проводить ее изъ Варшавы въ деревню; но это едва ли не мечта.

Поздравляю тебя по братски съ новымъ годомъ, т. е. цѣлую крѣпко, съ искренними желаніями тебѣ счастія. Передай роднымъ, что я, благодаря Бога, здоровъ и писалъ къ нимъ назадъ тому менѣе 3-хъ недѣль, а теперь посылаю всѣмъ и каждому по поцѣлую; поклонъ мой Аннѣ Михайловнѣ и въ особенности Безакамъ, которые такъ обласкали Любиньку въ Петербургѣ. Прощай, и пожалуйста хоть изрѣдка давай о себѣ знать любящему другу

Н. Ушакову.

8.

Букарестъ, 30 января 1854 г.

Встрѣтился вѣрный случай написать къ тебѣ, любезный другъ Вольдемаръ; но у меня рѣшительно нѣтъ досуга, и потому довольствуйся хотя нѣсколькими строками.

Благодарю за послѣднее письмо, которое получилъ на дняхъ. Нисколько не удивляюсь, что въ тебѣ пробуждается воинскій жаръ: это свойственно каждому русскому сердцу. Но вступать на службу изъ отставки довольно трудно. Подумай объ этомъ основательнѣе и напиши мнѣ, куда желаешь ты опредѣлиться. Времени впереди еще много. Предваряю однако же, что сестра будетъ очень этимъ встревожена; ибо и обо мнѣ она постоянно безпокоится.

У насъ военныя дѣйствія ограничиваются по прежнему отраженіемъ турокъ отъ Дуная. Ты знаешь, вѣроятно, что князь Горчаковъ ѣздилъ самъ къ Калафату; но не было цѣли аттаковать теперь же эту

крѣпость, а только приблизить туда отрядъ нашъ, и потому все кончилось небольшою перестрѣлкою. Подъ стѣнами Калафата оставленъ теперь генер. Липранди съ 30 т. челов. Въ отсутствіе князя турки дѣлали покушеніе переправиться противу Журжи, но отбиты съ урономъ. Такія продѣлки бываютъ безпрерывно на разныхъ пунктахъ. Скучно, но нечего дѣлать, покуда мы сами въ большихъ силахъ не перейдемъ на ту сторону Дуная.

Миша въ Букарестѣ, былъ боленъ, но теперь поправляется. Кажется, причиною была собственная его неосторожность; важнаго однако же ничего не случилось.

Отъ Лизы теперь чаще получаю извѣстія; она говоритъ, что и къ тебѣ писала раза два. Уже родилась страсть къ живописи масляными красками; дѣлаетъ образъ для Новаковской церкви, но затрудняется на счетъ православнаго стиля. Есть книга „Россійская иконографія", или что то въ родѣ этого. Пожалуйста купи и вышли эту книгу въ Варшаву къ брату Ивану Иван., а онъ отправитъ ее къ Лизѣ.

Прощай, мой дружокъ, цѣлую тебя искренно и остаюсь при желаніи тебѣ здоровья и счастья преданный братъ

Н. Ушаковъ.

9.

Г. Браиловъ, 13 марта 1854 г.

Время успѣховъ наступило и для Дунайскихъ войскъ. Изъ письма моего къ Маріи Иван. ты узнаешь, любезный другъ Вольдемаръ, всѣ подробности о переходѣ войскъ нашихъ 11 марта за Дунай, въ трехъ пунктахъ, въ числѣ 50 т. Переправу можно назвать блистательною; потому что никогда въ мартѣ мѣсяцѣ войска наши не переходили чрезъ такую широкую и быструю рѣку. Теперь фонды наши за границей поднимутся; да и въ Россіи удовлетворится общее нетерпѣніе. Распространяться рѣшительно некогда. Я, благодаря Бога, здоровъ; но страшно тороплюсь. Отъ Лизы около мѣсяца не имѣю извѣстій и крайне боюсь, не случилось ли чего съ нею или съ Машей. Одна теплая вѣра въ благость Провидѣнія меня подкрѣпляетъ въ такой мучительной неизвѣстности.

Прощай; обнимаю тебя сердечно и остаюсь всегда преданный другъ

Н. Ушаковъ.

P. S. Полкъ, къ которому прикомандированъ Миша, не участвовалъ въ переправѣ; ибо находится около Букареста, въ другомъ отрядѣ.

10.

Лагерь подъ Силистріею 10 мая 1854 г.

Я еще не отвѣчалъ тебѣ, любезный другъ Вольдемаръ, на письмо твое, въ которомъ ты изъявлялъ рѣшительное и жаркое намѣреніе препоясаться мечемъ на защиту отечества. Мы съ Очкинымъ обстоятельно разсуждали объ этомъ и находимъ, что, несмотря на грозную борьбу народовъ, ты можешь спокойно оставаться среди мирныхъ твоихъ занятій и избѣгнуть тѣмъ многихъ неудобствъ, сопряженныхъ со всякою перемѣною по службѣ. Пожалуй, я готовъ принять тебя по особымъ порученіямъ въ военномъ мундирѣ, собственно къ себѣ; но подача въ службу, разныя формальности при этомъ и переѣздъ сюда потребуютъ не менѣе двухъ мѣсяцевъ, а это время совершенно достаточно для совершеннаго охлажденія всякаго порыва; между тѣмъ обстоятельства перемѣнятся и можетъ наступить сожалѣніе о покинутомъ хорошемъ. Вообще въ нынѣшнюю войну, самую страшную изъ всѣхъ доселѣ бывшихъ, труднѣе всего опредѣлить конецъ: онъ можетъ наступить скоро и можетъ отдалиться на нѣсколько лѣтъ. Въ первомъ случаѣ. ты жестоко ошибешься; во второмъ, конечно, выигралъ бы, удовлетворивъ при томъ благородному твоему стремленію дѣлить опасности и труды съ прежними товарищами военными. Въ этомъ случаѣ трудно дать совѣтъ полезный. Если желаніе въ тебѣ непреодолимо, то подавай просьбу, просись по арміи и увѣдомь меня немедленно, дабы я могъ тотчасъ написать о назначеніи тебя по особымъ ко мнѣ порученіямъ; но предваряю, что вся эта продѣлка, т. е. обмундированіе, переѣздъ, заведеніе лошадей и прочаго по военному положенію, требуетъ немаловажныхъ издержекъ, отнюдь не вознаграждаемыхъ жалованьемъ. Похвальны твои чувства; они достойны тебя; но благоразуміе требуетъ все взвѣсить заранѣе. Я буду очень радъ раздѣлить съ тобою мою палатку и скромное продовольствіе; въ этомъ ты, конечно, не будешь нуждаться. Надѣюсь также, что ты поможешь мнѣ много и въ трудахъ, а объ удовольствіяхъ ежедневной бесѣды и говорить нечего. Вотъ все, милый другъ, что могу сказать тебѣ на этотъ счетъ со всегдашнею моею откровенностію. Брось жребій и пусть рѣшитъ судьба.

Мы стоимъ подъ Силистріей уже нѣсколько дней; силы наши грозны, дѣйствія осады уже начались и подвигаются успѣшно. Крѣпость окружена нашими батареями и сильно страдаетъ отъ нихъ; но есть нагорныя полевыя укрѣпленія, которыя составляютъ главный оплотъ непріятеля; къ нимъ приближаемся всякую ночь траншеями, а днемъ

бываютъ перестрѣлки, мало вредящія войскамъ нашимъ. Атака ведется съ праваго и лѣваго берега Дуная и съ острововъ, которыхъ здѣсь множество, а слѣдовательно и много мостовъ. Позиція наша вообще чрезвычайно обширная; но какъ бы то ни было, есть надежда, что предводительствуемыя фельдмаршаломъ войска наши скоро одолѣютъ крѣпость. Дай Богъ, чтобы эта надежда сбылась.

Пишу къ тебѣ эти строки, усталый отъ занятій и отъ сильнаго жару; но, слава Богу, здоровье еще служитъ. Съ Лизой и съ Машей переписываюсь часто; объ Рара имѣю также недавнія извѣстія: офицеръ, посланный мною въ Кіевъ, заѣзжалъ въ Новаки и въ Чевельчу, и видѣлъ Андр. Яков. по возвращеніи его изъ Одессы; онъ также проникнутъ воинственнымъ жаромъ.

Прощай, мой милый другъ, обнимаю тебя искренно и остаюсь вѣрный тебѣ братъ

Н. Ушаковъ.

P. S. Подумай, не потеряешь ли ты камеръ-юнкерства съ переходомъ въ военную службу?

Кланяются тебѣ Очкинъ и Миша Дараганъ, который здоровъ и находится въ числѣ здѣшнихъ войскъ.

Скажи сестрѣ Марьѣ Иван. и прочимъ роднымъ, что я всѣхъ ихъ цѣлую отъ души.

11.

Кишиневъ, марта 1855 г.

Ты, вѣроятно, уже знаешь, любезный другъ Вольдемаръ, о назначеніи кн. Горчакова Главнокомандующимъ въ Крыму, съ подчиненіемъ въ его команду и южной арміи. Эта перемѣна повлекла за собою перемѣщеніе въ Севастополь и части нашего штаба; въ числѣ другихъ и я ѣду туда 12-го марта. Мы остаемся при своихъ званіяхъ, но будемъ считаться въ командировкѣ въ Крыму. Что то Богъ пошлетъ новой іерархіи; неужели и мы не приведемъ дѣла къ концу хорошему? Признаюсь откровенно, что я всѣ надежды возлагаю единственно на помощь Всемогущаго Творца; ибо въ настоящее время человѣческія способности оказываются какъ то вообще мелкими и узкими. Отъѣздъ мой отсюда я принялъ съ радостію; 6-и-мѣсячное бездѣйствіе

уже слишкомъ было утомительно, тогда какъ теперь требуются энергія и всѣ усилія противу враговъ отечества: за нами идутъ въ Крымъ $2^1/_2$ дивизіи пѣхоты и одна драгунская; слѣдовательно средствъ будетъ много, если они поспѣютъ во время. Одно только грустно, что еще далѣе буду отъ семьи, а Лиза и безъ того не часто пишетъ. Послѣднее извѣстіе отъ нея имѣю отъ 11 февраля; она съ Машей собиралась ѣхать въ Берлинъ говѣть. Я, кажется, уже писалъ тебѣ, что, въ случаѣ разрыва съ Австріей и Пруссіей, рѣшено мною, чтобы онѣ возвратились въ Новаки; очень досадно будетъ это разстройство въ лѣченіи Лизы и въ воспитаніи Маши, но иначе поступить нельзя.

Какое неожиданное и прискорбное событіе кончина Государя! Надобно же было, чтобы и это важное обстоятельство присоединилось ко всѣмъ затрудненіямъ нынѣшняго времени. Но Богъ милостивъ и новое царствованіе поддержитъ и укрѣпитъ Россію на той же степени славы и чести.

Благодарю тебя за поклонъ чрезъ Герстенцвейга; мнѣ также не удалось написать съ нимъ. Если ты видишь Мишу Дарагана, то скажи ему, чтобы онъ поторопился возвратить долгъ въ штабъ южной арміи. Грѣшно ему не написать объ этомъ ни строчки.

У меня есть къ тебѣ небольшое порученіе: въ Сенатѣ производится дѣло о княжескомъ достоинствѣ Петра Саакадзева, служащаго юнкеромъ въ Низовскомъ егерскомъ полку. Бѣдный юноша третъ лямку три года за какими то сенатскими справками, для которыхъ, конечно, не могло бы потребоваться болѣе года. Ради Бога попроси, кого знаешь, ускорить окончаніемъ; я принимаю большое участіе въ Саакадзевѣ, ибо это сынъ моего бѣднаго совоспитанника.

Душевно желаю, чтобы ты постоянно былъ здоровъ и счастливъ. Не сомнѣвайся въ искренней дружбѣ обнимающаго тебя брата

Н. Ушакова.

P. S. Мой поклонъ Аннѣ Михайловнѣ и Безаковымъ, когда у нихъ будешь.

12.

На сѣверной сторонѣ Севастополя 29 марта 1855 г.

Христосъ воскресе, милый другъ Вольдемаръ!

Обнимаю и привѣтствую тебя по христіански, съ сердечною, братскою любовію.

Св. Пасху встрѣтили у насъ сильною канонадою и бомбардированіемъ, которые продолжаются до сихъ поръ; впрочемъ и всю страстную недѣлю ружейный и пушечный огонь не умолкалъ. Начали дѣйствія на праздникъ не мы, а враги наши, упорно и настойчиво поддерживающіе свою дерзкую цѣль, но, благодаря Бога, потери у насъ весьма умѣренная, принявъ во вниманіе истребительныя средства непріятеля. Дней черезъ 10-ть къ намъ подойдутъ подкрѣпленія, и тогда положеніе Севастополя значительно поправится; между тѣмъ всѣ здѣсь бодры и веселы, а гарнизонъ оказываетъ ежедневно примѣры истинного и высокаго геройства, особенно моряки.

За множествомъ дѣлъ и хлопотъ не могу распространяться. Къ Лизѣ писалъ вчера. Боюсь, что переѣздъ мой сюда подѣйствуетъ на ея разстроенныя нервы. Впрочемъ, по милости Божіей, до сихъ поръ здоровъ твой искренній другъ и братъ

Н. Ушаковъ.

P. S. Къ сестрѣ Марьѣ Ивановнѣ теперь же отправляю письмо.

13.

Лагерь на Инкерманѣ 2 сентября 1855 г.

Ты вѣрно уже знаешь, любезный другъ Вольдемаръ, о событіи, случившемся здѣсь 27 августа. Для разъясненія, какъ все это произошло, посылаю приказъ, въ составленіи котораго я не принималъ однако же никакого участія. Грустно и тяжело прошлое и настоящее, а будущее совершенно темно и загадочно. Изъ посылаемаго сегодня донесенія генералъ-адмиралу ты увидишь, что черноморскій флотъ не существуетъ; но мы не пускаемъ еще непріятеля на рейдъ и стоимъ въ грозномъ положеніи на Сѣверной сторонѣ. Покуда, нѣсколько дней, тихо; но вѣроятно скоро, и можетъ быть и завтра, обоюдная канонада возобновится.

Я, благодаря Бога, цѣлъ и невредимъ, о чемъ давно уже увѣдомилъ Лизу. Чрезъ три дня ея именины. Поздравляю тебя съ этимъ праздникомъ въ нашемъ семействѣ. Дай Богъ, чтобы она и Маша были здоровы.

Пишу теперь два слова къ сестрѣ Мар. Ив. Побывай у нихъ и разскажи подробности о здѣшнихъ печальныхъ событіяхъ. Воображаю, сколько теперь разныхъ толковъ въ Петербургской публикѣ!

Начальнику твоему Ник. Карловичу [1]) передай мой искренній поклонъ. Я всегда любилъ его искренно; не знаю, сохранилъ ли онъ ко мнѣ подобное чувство. Съ удовольствіемъ увидѣлъ на одной бумагѣ подъ его подписью твою „начальникъ отдѣленія."

Жду сюда Владиславлева въ должность дежурнаго штабъ-офицера. Представленіе объ немъ давно пошло. Попроси его, чтобы онъ самъ похлопоталъ и одолжилъ меня скорѣйшимъ сюда пріѣздомъ.

Обнимаю тебя отъ всего сердца и остаюсь любящій и преданный другъ

Н. Ушаковъ.

14.

Новаки, 7 ноября 1856 г.

На дняхъ я получилъ книгу: *Гражданскіе Законы, собранные Усовымъ.* Если это отъ тебя, любезный братъ Вольдемаръ, то очень благодаренъ за скорое исполненіе моей просьбы; но какъ же при этомъ не написать ни строчки? Мы до сихъ поръ не знаемъ, какъ Вы доѣхали, гдѣ живете и какимъ образомъ устроились въ Петербургѣ? Пишу на удачу, съ адресомъ въ вашъ департаментъ. Можетъ быть, ты разсчитывалъ писать при посылкѣ другихъ книгъ: *Собраніе Законовъ,*—въ такомъ разѣ я примиряюсь, лишь бы отстрочка не вышла отдаленная.

Мы, благодаря Бога, всѣ здоровы, но почти всегда одни. Лизѣ, кажется, деревенскій воздухъ полезенъ, но разнаго рода безпокойства встрѣчаются по прежнему. Маша учится хорошо, ѣздитъ верхомъ по двору, въ хорошую погоду, а когда выпадаетъ снѣжокъ, то въ саду на маленькихъ ручныхъ санкахъ. Любинька и Николай Ѳед. гостили у насъ въ началѣ прошлаго мѣсяца съ дѣтьми почти двѣ недѣли и

---

[1]) Краббе.

обѣщаютъ опять пріѣхать къ 6-му декабря. Пробовалъ начать визиты по сосѣдямъ: былъ у Паульсона и познакомился съ нимъ, а вчера онъ отплатилъ визитомъ и у насъ обѣдалъ. Былъ также у Степы и, переночевавъ у него, пустился чрезъ Чевельчу къ княгинѣ Кантакузиной въ Буромку и къ Невѣровскому; обоихъ не засталъ дома: княгиня наканунѣ уѣхала въ Вознесенскъ; но я однакоже ночевалъ въ Буромкѣ и былъ хорошо принятъ ея компаніонкой и гувернеромъ. Къ Ивану Петр. пріѣхалъ около 2-хъ часовъ по полудни, но онъ былъ тогда за 70 верстъ, на имянинахъ у Кодинца. Страшно подумать, какія все разстоянія. Усадьба Невѣровскаго показалась пустынею: нутри дома комнаты обветшалыя, съ такою же мебелью; такъ и напоминаютъ Старосвѣтскихъ помѣщиковъ; Григорій Чевельчанскій уморилъ меня, называя Ивана Петровича *прекраснымъ мужемъ*, хотя тотъ никогда не былъ женатъ; но это уже высокій слогъ.

Одно скучно, что мы не получаемъ ни газетъ, ни журналовъ; но съ 1-го января я намѣренъ непремѣнно ихъ выписывать и съ этимъ обращаюсь къ тебѣ, любезный другъ! Пожалуйста, подпишись для меня на два какихъ нибудь періодическихъ изданія, т. е на одну газету и на одинъ журналъ. Изъ газетъ, кажется, лучше С. Петерб. Вѣдомости; журнала не знаю. Ты ближе съ этимъ знакомъ и на твой выборъ вполнѣ полагаюсь. Деньги, сколько вообще слѣдуетъ съ меня за все, вышлю по первому твоему увѣдомленію, или, если хочешь, передамъ здѣсь Марьѣ Давыдовнѣ. Я скоро намѣренъ навѣстить ее и оттуда проѣхать къ Кондзеровскому и къ Ильѣ Яковлевичу[1]); тоже дорога не близкая!

Изъ Одессы получили одно письмо: Юлія Ив., по обыкновенію, говоритъ, что жизнь тамъ гораздо дешевле Чевельчанской. Ты самъ можешь судить, до какой степени это правдоподобно.

Лиза на этотъ разъ ничего не приписываетъ, въ ожиданіи твоего письма; но обнимаетъ тебя и Вареньку; я дѣлаю тоже съ твоего дозволенія и въ качествѣ старика; Маша посылаетъ вамъ много поцѣлуевъ. Пожалуйста пишите о себѣ съ нѣкоторыми любопытными для насъ подробностями. Отъ всей души желаю вамъ здоровья и счастія и остаюсь преданный братъ

Н. Ушаковъ.

---

[1]) Стороженку.

15.

Новаки, 20 ноября 1856 г.

Наконецъ мы получили письмо твое, любезный другъ Вольдемаръ, да еще съ припискою отъ Вареньки, но видно вы оба, среди ежедневныхъ пріятныхъ впечатлѣній, не считаете теперь времени: на письмѣ выставлено 16 сентября, т. е. день вашей свадьбы. Доброе предзнаменованіе! Дай Богъ, чтобы вся жизнь ваша была только продолженіемъ этого счастливаго дня. Очень радъ, что ты успѣлъ познакомить Вареньку съ семействомъ моей сестры; ужъ конечно она нигдѣ не найдетъ столько радушія и искренности.

Я писалъ уже къ вамъ назадъ двѣ недѣли; слѣдовательно вы знаете подробно, какъ мы справляемся съ деревенскою жизнію. Съ тѣхъ поръ кругомъ насъ есть новое и къ сожалѣнію неутѣшительное! Въ Чевельчѣ умеръ главный управляющій, Григорій Бондаренко; его поразилъ апоплексическій ударъ въ мозгъ; спасти не было средства. Я самъ ѣздилъ въ Чевельчу, чтобы сдѣлать нѣкоторыя необходимыя распоряженія, и послалъ эстафету къ Андр. Яковл.; мнѣ кажется, ему нужно бы пріѣхать самому: теперь такое большое имѣніе остается на рукахъ у самаго простого прикащика, при которомъ нѣтъ даже смышленнаго писаря.

Другая бѣда въ Монастырищѣ! Любинька, отъ сильной простуды, заболѣла оспою и вотъ уже 10-ть дней, какъ въ постели. Бѣдный Никол. Өедоров. въ большихъ заботахъ и скорби; но, спасибо ему, часто извѣщаетъ насъ о ходѣ болѣзни: самое большое опасеніе, чтобы и на дѣтей не перешло. Не знаю, удастся ли послѣ сего Ник. Өедор. быть скоро въ Кручѣ, куда maman ваша пригласила его, собираясь въ первой половинѣ декабря ѣхать въ Петербургъ. Мы съ отъѣзда вашего не видали Марьи Давыдовны. Дороги наши въ настоящее время, вы знаете, каковы: выпалъ было снѣгъ, но сегодня весь растаялъ отъ тумана, и наступила малороссійская слякоть. Жаль, если не случится увидѣться съ родною сосѣдкою!

Оставляю мѣсто для Лизы, которая хотѣла непремѣнно приписать и, вѣроятно, скажетъ что нибудь и объ Машѣ, вовсе не скучающей деревенскою жизнію. Благодарю Вареньку за присланный поцѣлуй и взаимно обнимаю васъ отъ чистаго сердца.

Преданный братъ

Н. Ушаковъ.

P. S. Сестрѣ Мар. Ив. скажи, что мы здоровы и обнимаемъ ее, равно какъ и дѣтокъ.

Къ журналамъ, о присылкѣ которыхъ съ 1-го января я просилъ тебя въ прошломъ письмѣ, добавь, пожалуйста, какой нибудь хозяйственный, болѣе практическій, и дѣтскій, по лѣтамъ Маши; я писалъ какъ мы сочтемся въ деньгахъ.

Почти совѣстно нарушать ваше блаженство такими извѣстіями, какія сообщаетъ намъ Николай Ивановичъ; но, тридцать пять и одно „но" заставили и меня присоединить мои поздравленія и желанія счастья вамъ, на этомъ, не совсѣмъ ясномъ лоскуткѣ бумаги. Я было хотѣла говѣть къ 21-му, но погода перемѣнилась и окружила насъ непроходимою грязью. Это, кажется, единая перемѣна, происшедшая въ нашей жизни. Слава Богу, что Маша не скучаетъ деревнею; завтра ея имянины и мы устраиваемъ для нея сюрпризъ, и посему я еще на ногахъ, несмотря на 1/2 десятаго.

Жму дружески руку Varette и поручаю себя твоей снисходительности.

Любящая васъ

Ушакова.

16.

Новаки, 3 декабря 1856 г.

Мы не забыли, что у васъ завтра домашній праздникъ: имянины Вареньки. Отъ всей души поздравляемъ. Дай Богъ, чтобы этотъ день былъ всегда для васъ столь же радостенъ, какъ и день свадьбы; дай Богъ,... но всѣхъ желаній не умѣстишь на этомъ листкѣ.

Я сегодня возвратился изъ Кручи, куда ѣздилъ вмѣстѣ съ Никол. Ѳедор. Изъ этого вы можете заключить, что Любинькѣ теперь лучше, но она все еще въ карантинѣ, у себя дома, и едва ли будетъ въ состояніи навѣстить насъ и къ праздникамъ. Въ Кручѣ мы ночевали. Maman ваша разсказывала нѣкоторыя подробности объ васъ. Пріятно видѣть, что жизнь ваша въ Петербургѣ хорошо устроилась; но все это дѣла второстепенныя, а самое главное моральное счастіе, въ которомъ, кажется, у васъ также не будетъ недостатка, особенно съ пріѣздомъ Марьи Давыдовны. Она собирается въ дорогу къ 11-му числу; но бѣда съ экипажемъ: для колесъ—большая грязь, а для саней вовсе нѣтъ

снѣгу; онъ держится у насъ 3 или 4-е дни и вообще покуда болѣе тепла, нежели холода.

Отъ Андр. Яковл. давно не имѣемъ извѣстій. Я писалъ уже тебѣ о смерти управл. Бондаренка. Объ этомъ, болѣе двухъ недѣль, какъ послана въ Одессу эстафета, но она какъ въ воду канула. Впрочемъ въ нашемъ захолустьи нельзя разсчитывать ни на какія сношенія.

У насъ новаго ничего нѣтъ. Благодаря Бога, всѣ здоровы и не скучаемъ, хотя рѣшительно нѣтъ никакихъ посѣщеній. Я было очень прилѣжно принялся за эмеритальную пенсію; но по несчастію въ присланныхъ мнѣ отъ брата разсчетахъ оказались разныя недоумѣнія, вкравшіяся вопреки моихъ указаній, и потому я потребовалъ объясненія. Но не близкое дѣло переписываться отсюда съ Варшавою и ранѣе новаго года едва ли получу удовлетворительный отвѣтъ; а здѣсь самому составлять новые разсчеты на 50 лѣтъ,—была бы египетская и даже невозможная для одного работа. Досада страшная! А я разсчитывалъ послать къ тебѣ, любезный Вольдемаръ, эти бумаги съ Марьею Давыдовной. Впрочемъ, ошибки писарскія, а цѣлый проэктъ нисколько не погрѣшителенъ. Богъ дастъ, ты удостовѣришься.

Скажи, пожалуйста, благополучно ли все въ семействѣ сестры Мар. Иван.? Никто изъ нихъ давно ко мнѣ не писалъ; попеняй молодежи: я начинаю крѣпко безпокоиться.

Мы всѣ искренно обнимаемъ васъ.

Преданный братъ и другъ

Н. Ушаковъ.

17.

Новаки, 12 декабря 1856 г.

На дняхъ мы получили, любезный другъ Вольдемаръ, письмо твое, отъ 26 ноября; то, которое послано было съ книгою, вѣроятно, пропало навсегда, ибо до сихъ поръ къ намъ не достигло. Благодарю за подписку на С. П.-бург. Вѣдомости и на Русск. Вѣст. У насъ только этого и не достаетъ для деревенской жизни, а впрочемъ мы не скучаемъ въ деревнѣ, какъ я уже сказалъ и прежде. Повѣрь, что тишина и независимость весьма хорошіе проводники къ житейскимъ пріятностямъ. У насъ въ Россіи еще мало понимаютъ провинцію, а

тѣмъ менѣе собственный бытъ: нужно, чтобы кто нибудь безпрерывно давалъ намъ движеніе, а иначе мы не выдумаемъ ничего, и отъ того тяготимся уединеніемъ и простою семейною жизнію. Недостаетъ еще у меня одного или двухъ хорошихъ переписчиковъ: лежитъ куча работы вчернѣ.

Скажу откровенно, что письмо твое взволновало меня немного несправедливымъ сужденіемъ о какихъ то усиліяхъ, которыя мнѣ слѣдуетъ употребить для полученія мѣста. Я даже несовсѣмъ понимаю это. Правда, генераловъ довольно безъ должностей и, можетъ быть, число ихъ даже удвоится съ упраздненіемъ бригадныхъ и корпусныхъ; но сколько же изъ нихъ годныхъ къ дѣлу? Я отнюдь не причисляю себя къ большинству такихъ, и думаю, что моя 35-и-лѣтняя служба и пріобрѣтенный мною въ это время опытъ, по разнымъ обязанностямъ, не легкимъ, даютъ мнѣ право считать себя полезнымъ ко всякому порученію преимущественно предъ толпою. Неужели въ короткое время мы достигли такого усовершенствованія, что теперь всѣ безъ разбора хороши? Если бы это было дѣйствительно такъ, то я искренно порадовался бы столь быстрымъ успѣхамъ. Безъ службы я не скучаю; но чувствую, что еще нѣсколько лѣтъ могъ бы быть полезенъ. Однако же ѣхать куда бы то ни было, для отысканія дѣла, считаю безразсуднымъ и убыточнымъ для кармана.

Вчера должна была выѣхать къ вамъ Мар. Давыд., но не знаю, удалось ли ей; снѣгу вовсе нѣтъ и дорога непріятная. Отъ Андрея Яковлев. давно ничего не получаемъ, и неизвѣстно, дошла ли къ нему эстафета, отправленная мѣсяцъ назадъ. Не назвать ли и это усовершенствованіемъ?

Сестра твоя и Маша обнимаютъ вмѣстѣ со мною тебя и Вареньку. Утѣшила насъ мечта твоя переселиться на югъ, къ намъ поближе: всетаки могли бы чаще видѣться. Но это, конечно, еще сонъ, а сбыточность сомнительная.

Прощайте, друзья мои; да хранитъ васъ Всевышній отъ всякихъ бѣдъ. Мой сердечный поклонъ цѣлому семейству сестры Мар. Ив.; я здѣсь не получилъ отъ нихъ ни одного письма; только не забываетъ меня Ив. Никол. изъ отдаленной Ковны. Онъ собирается въ Петербургъ.

Преданный братъ

Н. Ушаковъ.

P. S. Напиши, что слѣдуетъ возвратить тебѣ за газету и журналъ.

18.

Новаки, 24 декабря 1856 г.

Изъ Петербурга корреспонденція идетъ скорѣе и правильнѣе, нежели изъ другихъ мѣстъ; такъ и все у насъ: въ Петербургѣ сосредоточивается главная исправность, а далѣе все идетъ инымъ порядкомъ. Изъ Нѣжина мы получаемъ письма чрезъ 8-мь дней, а изъ Одессы иногда чрезъ *три* недѣли. Этимъ вступленіемъ начинаю потому, что сегодня мы были порадованы письмомъ твоимъ, любезный другъ Вольдемаръ, отъ 14-го числа: оно, выходитъ, достигло къ намъ въ 10-ть дней. Повторяю мою благодарность за подписку на „С. П. Б. Вѣдомости" и на „Русскій Вѣстникъ" и прибавляю къ тому большое спасибо за подарокъ Машѣ дѣтскаго журнала; но дай Богъ, чтобы все это получалось въ свое время.

Очень радъ, что твои мысли объ оставленіи Петербурга начинаютъ принимать увеличенные размѣры. Конечно, въ семействѣ самое главное—здоровье. Разстройство въ этомъ отношеніи ведетъ за собою самыя скорбныя послѣдствія. Укажу на собственный примѣръ. Впрочемъ, мнѣ кажется, за Вареньку нельзя опасаться: нынѣшніе припадки —благой признакъ. Съ пріѣздомъ Марьи Давыд. ты успокоишься и все пойдетъ своимъ порядкомъ. Но вотъ бѣда,—она до сихъ поръ еще не въ дорогѣ. 21-го числа мы были у нея въ Кручѣ, вмѣстѣ съ Андр. Яковл., и хотя послѣ того выпалъ у насъ порядочный снѣгъ, но безъ морозу; однакоже она и сегодня еще не выѣхала, опасаясь распутицы.

Papa прибылъ прямо въ Чевельчу ночью съ 18-го на 19-е число, по весьма дурному пути, и какъ мнѣ было извѣстно, что 20-го числа онъ располагалъ принимать свой пенсіонъ изъ Пирятинскаго Казнач., то я къ тому времени отправился въ Щербаковку, гдѣ часа два ожидалъ Андр. Яковл. Мы провели тамъ все 21 число, а 22-го прибыли въ Новаки. Papa только переночевалъ у насъ и вчера опять возвратился въ Чевельчу. Мы просили его остаться на праздники; но онъ говоритъ, что нашелъ послѣ смерти Григорія разныя денежные недостатки, требующіе строгаго разысканія. Разумѣется, оставшаяся администрація сваливаетъ все на покойнаго; но если что и не такъ, то вѣрно истину знаетъ только жена. Papa полагаетъ теперь не имѣть своихъ управляющихъ, а наемныхъ; но едва ли это лучше и покойнѣе. О возвращеніи его въ Одессу еще ничего неизвѣстно; но онъ не поѣдетъ другой разъ по дурной дорогѣ, а хотѣлъ дождаться саннаго пути. Надѣюсь увидѣться съ нимъ передъ отъѣздомъ. Одессой онъ очень доволенъ и весьма хвалится расположеніемъ къ нему всего тамошняго общества.

Какъ жаль бѣднаго Владиславлева: былъ онъ хорошій человѣкъ и еще долженъ бы жить. О Б. ты забылъ сказать самое главное: женатъ ли онъ, на комъ и какъ?

Цѣлымъ моимъ семействомъ поздравляю тебя и Вареньку съ наступающимъ праздникомъ и близкимъ Новымъ годомъ. Обнимаемъ отъ души и желаемъ истиннаго счастія. Маша въ эту минуту хлопочетъ объ елкѣ; но вотъ бѣда,—гостей никого не будетъ: Любинька все еще въ домашнемъ карантинѣ. Мы сегодня получили отъ нихъ письма; увидимся съ ними развѣ къ масляной. Вотъ какъ разстроились всѣ наши планы! Но, слава Богу, что по крайней мѣрѣ у насъ до сихъ поръ все благополучно.

Если увидишь кого либо изъ семейства сестры Мар. Ив., то передай имъ всѣмъ наше привѣтствіе съ праздникомъ и Новымъ годомъ. Мар. Ив. Господь послалъ счастіе въ дѣтяхъ за примѣрную ея доброту и истинную набожность; а нынче, среди вседневныхъ эмансипацій, женскій полъ ставитъ впереди другія достоинства. Боже сохрани, если къ моей Машѣ привьются такія идеи; но покуда она не внушаетъ за себя опасенія, и особенно теперь направленіе ея не ухищренное, а сердце наклонно ко всему хорошему.

Кланяйся отъ меня доброму Никол. Карл.[1]) Разбирая бумаги, я нашелъ недавно статью, приготовленную мною о военныхъ дѣйствіяхъ въ Дагестанѣ въ 1826 году, когда покойный отецъ его былъ тамъ начальникомъ, въ самое трудное время. Какъ только немного удосужусь, то приведу ее въ порядокъ, для напечатанія.

Да будетъ съ вами всегда благословеніе небесное.

Н. Ушаковъ.

19.

Новаки, 4 февраля 1857 г.

Цѣлый мѣсяцъ я не писалъ къ тебѣ, любезный другъ Вольдемаръ, но этому единственною причиною было мое отсутствіе. Я ѣздилъ на Кіевскіе контракты, за разными мелочами, а потомъ сдѣлалъ нѣсколько отдаленныхъ визитовъ. Пребываніе мое въ Кіевѣ продолжалось не бо-

---

[1]) Краббе.

лѣе 3-хъ сутокъ и въ такое время, когда ярмарка, или по крайней мѣрѣ контрактовая зала, еще не открывалась. Со мною былъ и Никол. Ѳедор., а потомъ я завезъ его въ Монастырище и, переночевавъ тамъ, возвратился благополучно домой, чтобы встрѣтить Рара, который, въ проѣздъ мой чрезъ Чевельчу, обѣщалъ къ намъ пріѣхать около 25 января, но пріѣхалъ позднѣе; а потому я, не разсчитывая на этотъ визитъ, отправился навѣстить Марѳу Павловну [1]), Кондзеровскихъ и m-me Галаганъ; когда же вернулся домой, то узналъ, что Андр. Яковл. былъ у Лизы только сутки; но хотѣлъ пріѣхать на масляницѣ, проститься, передъ отъѣздомъ будто бы въ Одессу; но едва ли; хотя впрочемъ теперь у насъ прекрасная санная дорога, съ 20 января.

Во время описанныхъ поѣздокъ былъ я два раза въ Кручѣ съ Никол. Ѳедор. Онъ очень хлопочетъ о вашемъ хозяйствѣ и хотѣлъ опять посмотрѣть на него въ началѣ поста.

Въ нашемъ тихомъ уголку, благодаря Бога, все благополучно и мнѣ пріятно каждый разъ повторять, что мы вовсе не скучаемъ деревенскою жизнію. Изъ этого можешь заключить, что не только притязаній, но даже и стремленій къ перемѣнѣ у меня до сихъ поръ не является. День наполненъ съ утра до вечера, безъ постороннихъ посѣщеній. Однимъ тягощусь, что нѣтъ хорошаго калиграфа, для переписки моихъ бумагъ. Въ крайности поймалъ какого-то польскаго нѣмца, который уволенъ съ сахарнаго завода. Почеркъ его еще годился бы; но онъ мало знаетъ по-русски, и потому можешь вообразить, какую чепуху копируетъ съ рукописи. Но нужда и терпѣніе все преодолѣваютъ: сначала заставляю его переписывать два раза начерно и затѣмъ уже допускаю къ чистой работѣ, послѣ значительныхъ поправокъ; мука порядочная, а сколько тратится времени!

Письмо твое, отъ 9 января, получили на дняхъ, а вчера пришло увѣдомленіе отъ сестры Марьи Иван. Она пишетъ между прочимъ, что Марья Давыд. уже въ Петербургѣ. Поздравляю васъ, что вы дождались, наконецъ, этого соединенія. Мы искренно порадовались надеждамъ твоимъ, что въ квартирѣ можетъ въ скоромъ времени сдѣлаться тѣсненько. Дай Богъ, чтобы надежды эти исполнились благополучно. Вѣрно, что послѣ такой прибавки нужно серьезно думать о мѣстѣ провинціальномъ: нуженъ не блескъ Петербургскій и воздушные замки, а прочная осѣдлость, для будущности.

„С.-Петербург. Вѣдомости“ получаю скоро и исправно; „Русскій Вѣстникъ“ № 1 также прибылъ. Оба изданія очень хороши и въ моемъ вкусѣ, исключая нѣкоторыхъ грязныхъ сценъ изъ „Губернскихъ

[1]) **Немировскую, урожденную Исаевичъ, по первому мужу Савицкую.**

очерковъ" [1]). Не понимаю даже, какъ это могло забраться въ такой просвѣщенный журналъ. Подарка твоего еще не получили. Деньги за газету и Вѣстникъ я передалъ Никол. Θедор. для отсылки къ вамъ съ хозяйскими.

Искренній нашъ поклонъ Мар. Давыд., а тебя и Вареньку обнимаемъ отъ всего сердца.

Преданный братъ и другъ

Н. Ушаковъ.

P. S. Къ сестрѣ Мар. Ив. пишу теперь же.

20.

Новаки, 27 февраля 1857 г.

Послѣдній разъ я писалъ къ тебѣ, любезный другъ Вольдемаръ, предъ отправленіемъ папы въ Одессу; онъ уѣхалъ 7-го февраля, по санной дорогѣ. Я простился съ нимъ въ Чевельчѣ. Андр. Яков. хотѣлъ прибыть сюда обратно къ 20 апрѣля. Нанялъ управителя и на первый разъ, какъ говоритъ, доволенъ имъ; но ты знаешь, какъ шатки похвалы папы; иногда, впрочемъ, по внушеніямъ самолюбія, онѣ держатся довольно долго, хотя и съ большою натяжкою.

На дняхъ получили твое письмо, отъ 11 февраля. За все благодаримъ, но есть причина и посѣтовать. Изъ горячаго къ намъ участія, ты впадаешь иногда въ ошибки, разсуждая о моемъ нынѣшнемъ положеніи. Увѣряю тебя, что мнѣ вовсе не дурно и до 1-го сентября я не буду хлопотать ни о какой перемѣнѣ. Въ Кіевѣ получены вѣрныя и положительныя свѣдѣнія, что Государь будетъ тамъ 15 августа. Я поѣду лично представиться Его Велич. и тогда увижу, должно ли мнѣ ждать какого назначенія. Присланный тобою приказъ вовсе не относится ко мнѣ: онъ объявленъ 17-го іюля, а 8-го августа, т. е. чрезъ 22 дня, я зачисленъ, по Высоч. повелѣнію, въ запасныя войска, тотчасъ по полученіи въ воен. мин. донесенія моего о возвращеніи изъ заграничнаго отпуска. Въ приказѣ говорится о состоящихъ просто по арміи, кавалеріи и артиллеріи, и ни слова о тѣхъ, кои числятся въ запасныхъ войскахъ; сихъ послѣднихъ велѣно даже назначать въ должности по дворянскимъ выборамъ и считать эту службу дѣйствитель-

---

[1]) Салтыкова-Щедрина.

ною. Для меня, покуда, нынѣшнее положеніе и отставка не имѣютъ никакой разницы. Я буду получать въ отставкѣ ни болѣе ни менѣе, какъ теперь, ибо настоящее казенное содержаніе составляетъ выслуженный мною полный пенсіонъ. И такъ, мнѣ кажется, лучше выждать той развязки, о которой я сказалъ выше. Если же меня уволятъ прежде, то не вижу въ этомъ никакого стыда, ибо служба моя была всегда чистая и, надѣюсь, болѣе полезная, нежели многихъ другихъ, въ моемъ званіи. Насильно милымъ не будешь никому.

Получили, наконецъ, и Дѣтскій Журналъ № 1. Благодарю очень за подарокъ. Я прочелъ этотъ номеръ весь и нахожу прекраснымъ. Маша прямо у меня учится русскому языку; но если она пишетъ къ тебѣ по-нѣмецки, то это не значитъ, чтобы не умѣла писать по-русски; только почеркъ отечественный у нея хуже иностраннаго, отъ того, что за границей не занималась этимъ, а теперь, при множествѣ другихъ уроковъ, успѣвать труднѣе. Я очень радъ, что у нея есть, наконецъ, постоянная подруга, особенно для русскаго языка. Кондзеровскіе были у насъ на масляной и оставили намъ на неопредѣленное время меньшую дочь свою Надю, почти ровесницу Маши: онѣ учатся вмѣстѣ. Жена прилежно и очень успѣшно копируетъ образа для церкви. Не знаю, разберешь ли ты, о чемъ она проситъ: ей нужно бы нѣсколько литографированныхъ раскрашенныхъ эстамповъ изъ образной церковной живописи, а преимущественно Благовѣщеніе и четыре Евангелиста, какъ они изображаются на царскихъ вратахъ, средней величины. Поищи и купи на нашъ счетъ.

Пріятно видѣть, что ты уже началъ хлопотать рѣшительно о службѣ въ провинціи. Дай Богъ полнаго успѣха, чтобы жить намъ, наконецъ, поближе и на долго, Поздравляю съ прибытіемъ Марьи Давыдовны; поклонись ей отъ насъ, а Вареньку и тебя мы всѣ обнимаемъ. Отъ души желаю вамъ здоровья и счастливаго хода и окончанія ожидаемой катастрофы. Присутствіе Мар. Давыд. насъ успокаиваетъ.

Объ Экономическомъ Журналѣ не хлопочи; покуда хозяйство наше катится просто по старинѣ, безъ изысканныхъ улучшеній. Настанетъ эпоха для перемѣнъ съ осуществленіемъ желѣзныхъ дорогъ, но первый опытъ, кажется, не очень дешевъ: на Варшавско-Вѣнской дорогѣ верста стоила до 21/т. р. сер., а на вновь отданныхъ будетъ стоить по разсчету до 69 т. и при томъ съ обезпеченіемъ по 5% на 85 лѣтъ! Не слишкомъ ли горячо предложили прямо 4/т. верстъ?? Сравненій съ Петербург.-Моск. дорогой отнюдь не слѣдовало дѣлать: тамъ роскошь, а не одна нужда, и при томъ какія болота! Извѣстія объ этомъ полу-

чены здѣсь послѣ отъѣзда Papa, и потому я излагаю собственное сужденіе.

Прощай, мой другъ, и будь увѣренъ въ искреннихъ чувствахъ преданнаго брата

Н. Ушакова.

21.

Новаки, 30 марта 1857 г.

Отговѣвши на 4-ой недѣлѣ поста, я ѣздилъ къ Любинькѣ, а потомъ былъ у m-me Галаганъ и у Кондзеровскихъ, возвратясь же домой, въ прошлую субботу, получилъ письмо твое, любезный другъ Вольдемаръ, отъ 11-го марта; но прежде нежели собрался отвѣчать на него, Лиза и Маша были порадованы двумя новыми твоими посланіями. Спасибо и очень спасибо за аккуратность, а еще болѣе, что ты не забываешь насъ, среди нашей уединенной, деревенской жизни, и не пеняешь на меня за откровенность, высказанную иногда въ топорной формѣ: такъ и слѣдуетъ между близкими людьми. Жена сама поблагодаритъ тебя за братскую любезность, а Маша въ восхищеніи, что получила отъ тебя особое письмо; ждетъ съ нетерпѣніемъ подаренную книгу и старается отгадать, въ какомъ она родѣ. Читаетъ по-русски твоя племянница очень хорошо и съ толкомъ по ея лѣтамъ; усовершенствованіе въ иностранныхъ языкахъ нисколько не мѣшаетъ ей заниматься и отечественнымъ, особенно при ея природныхъ способностяхъ. Я не согласенъ съ тобою, что иностранные языки въ настоящее время дѣлаются менѣе нужны въ Россіи. Правда, у насъ начинаетъ развиваться литература, или, лучше сказать, *писаніе;* но можно ли передать въ журналахъ все, хотя бы только самое любопытное? При томъ языки иностранные всегда останутся необходимыми для общежитія, путешествій и для сравненія чужихъ прогрессовъ съ нашими, не въ переводахъ, а въ подлинникахъ. Собственно о нашей нынѣшней литературѣ я скажу далѣе. Возвращаясь же къ Машѣ, сознаюсь, что ей покуда всего нужнѣе заняться русской калиграфіей. Извѣстно мнѣ, что существуетъ какая то американская метода, по которой, будто бы въ 15-ть уроковъ, выучиваются хорошо писать, а недавно вышла еще новая метода, учить по транспарантамъ, и методу эту наши газеты расхвалили. Пожалуйста, любезный другъ, пришли намъ *поскорѣе* обѣ эти методы, на тѣ три рубля, которые, по письму твоему, я заплатилъ здѣсь отцу вольно-

отпущенной нами женщины. Въ лучшихъ книжныхъ магазинахъ ты не затруднишься найти.

Газеты я получаю очень неисправно, о чемъ не худо сказать Амплію Никол. Очкину, при свиданіи. Русскій Вѣстникъ и Дѣтскій Журналъ опаздываютъ цѣлымъ мѣсяцемъ. Въ Дѣтск. Журн. есть даже статьи вовсе не дѣтскія и даже не религіозныя, какъ *Прометей*. Статьи: *Бонинскіе острова* и *Плотникъ* хороши, но развѣ изъ отечественнаго нельзя было набрать ничего болѣе, кромѣ повѣсти *Пустыня?* Вообще литература наша прихрамываетъ: мы обрадовались дозволенной свободѣ и пустились судить и рядить вкось и вкривь. Въ этомъ смыслѣ отличился и Морской Сборникъ, двумя статьями: о *воспитаніи* и объ *обязанностяхъ старшаго офицера на кораблѣ*. Пироговъ софистически нападаетъ на наши воспитательныя заведенія, говоритъ: намъ нужны люди и матери семействъ, а не чиновники и свѣтскія дамы. Ужъ не за эту ли новость его сдѣлали Попечителемъ Одесск. Учеб. Окр.? Кто будетъ противорѣчить, что образованіе человѣка важнѣе образованія чиновника; но въ нынѣшнюю эпоху намъ именно нужны прежде чиновники и дѣльцы, а нравственная образованность приходитъ постепенно и не отъ одного воспитанія, а и отъ примѣровъ внѣшнихъ. Самъ Пироговъ, для тѣхъ, кто его лично знаетъ, не образецъ желаемаго человѣческаго усовершенствованія. При томъ, кто указываетъ на недостатки, тотъ долженъ выставить и средства къ поправленію, а тутъ просто болтовня, на которую слѣдовало отвѣчать: *врачъ, исцѣли же!* Въ статьѣ *объ обязан. старш. офиц. на кораблѣ*—проповѣдуется просто антиподчиненность; но авторъ забылъ, что, не научившись повиноваться, нельзя быть хорошимъ начальникомъ. Пусть умный подчиненный видитъ, что ему приказываютъ не такъ, и въ критическихъ случаяхъ можетъ даже взять на себя строгую отвѣтственность не исполнить вреднаго приказанія, но безпрестанныя умствованія младшихъ противу старшихъ ведутъ къ бѣдѣ неминуемой. Знаю все это по долговременному опыту; да при томъ это старинныя аксіомы для каждаго мыслящаго человѣка.

Въ домашнемъ быту нашемъ, благодаря Бога, благополучно; мы всѣ здоровы и тѣшимся приближеніемъ весны: на деревьяхъ показываются почки, трава зеленѣетъ и кой гдѣ выпускаютъ овецъ въ поле; работы сельскія начинаютъ возобновляться; дни стоятъ ясные; но холодные вѣтры. Лиза и Маша будутъ говѣть на будущей недѣлѣ, т. е. на страстной. Я тружусь надъ моими рукописями и переписка ихъ, посредствомъ польскаго нѣмца, начинаетъ идти успѣшно: по крайней мѣрѣ я довелъ его до красиваго и четкаго почерка, а здѣшніе мѣстные писаря никуда не годятся; способъ этотъ я попробовалъ, но убѣдился, что всѣ эти жалкіе грамотѣи или пьяницы, или безтолковые, пишущіе при томъ стариннымъ казачьимъ шрифтомъ, да еще надобно выпра-

шивать позволенія отлучаться; денегъ же требуютъ гораздо болѣе, нежели мой нѣмецъ, которому я плачу только 1 руб. серебр. въ недѣлю, кромѣ моей пищи и пристанища.

Мы очень рады, что переводъ твой на службу при Харьков, Университетѣ кажется правдоподобнымъ. По моему, это лучше всякихъ другихъ мѣстъ, да и по твоимъ наклонностямъ. Обѣщаю заранѣе быть частымъ вашимъ гостемъ; но если ты не уѣдешь изъ Петербурга ранѣе августа, то надѣюсь еще прислать къ тебѣ мою рукопись; она называется: *объ отношеніяхъ Россіи къ Кавказу и о постепенномъ утвержденіи тамъ Русскаго владычества.* Признаюсь, хотѣлось бы чрезъ тебя продать мой трудъ Смирдину, или кому либо изъ лучшихъ книгопокупщиковъ. Ты увидишь, что это стоитъ денегъ.

Сегодня я слишкомъ распространился, но пора и кончить. Цѣлую отъ души тебя и добрую Вареньку, а Марьѣ Давыдовнѣ мой искренній поклонъ. Поздравляю съ предверіемъ праздника и дай Богъ, чтобы все, все было у васъ благополучно.

Преданный другъ Н. Ушаковъ.

P. S. Жена брала сегодня ванну и потому не успѣла написать сама, а отложила до праздника; покуда же она, вмѣстѣ съ Машею, обнимаетъ тебя и Вареньку, и кланяется Марьѣ Давыдовнѣ. Сестрѣ Мар. Ив., Дашенькѣ и племянникамъ передай также нашъ поклонъ. Андрея Яковл. ожидаемъ въ Чевельчу къ 20 апрѣля; но впрочемъ онъ не писалъ намъ, послѣ отъѣзда въ Одессу.

22.

Новаки, 30 ноября 1857 г.

Возвратясь на этой недѣлѣ въ деревню изъ Кіева, я получилъ, любезный братъ Вольдемаръ, письмо твое отъ 19-го сего мѣсяца. Пріятно было узнать, что вы всѣ, благодаря Бога, здоровы и что маленькій Андрюша такъ много утѣшаетъ тебя. Конечно, дѣти самое высшее благо, дарованное намъ Провидѣніемъ въ здѣшнемъ мірѣ; но жаль, что обстановка не бываетъ всегда въ гармоніи.

Маіоратскія дѣла твои должны теперь нѣсколько поправиться, ибо въ Кіевѣ Papa разсказалъ мнѣ, что получилъ, наконецъ, отъ Блюменфельда 1400 руб., которые тотчасъ къ тебѣ и отправилъ. По словамъ Papa, выходитъ, что задержка денегъ въ Варшавѣ происходила отъ самыхъ пустыхъ предлоговъ, которые будто бы теперь уже устранены; но изъ письма твоего я вижу противорѣчіе и опять становлюсь въ недоумѣніи: гдѣ же истина??

Радъ очень, что покупка дома въ Харьковѣ округляетъ тамошнее ваше положеніе и позволяетъ менѣе требовать изъ деревни для внѣшнихъ издержекъ; но мнѣ кажется, что было бы выгоднѣе, еслибъ Мар. Давыд. купила домъ побольше, такъ, чтобы, кромѣ квартиры, получался бы и нѣкоторый доходъ. Но, конечно, не мое дѣло объ этомъ разсуждать: ты доволенъ,—а это самое главное. Желаю теперь одного: чтобы ты поскорѣе получилъ новую приличную тебѣ должность. Та, о которой ты пишешь, и почетная и пріятная. На такомъ мѣстѣ можно сдѣлать гораздо болѣе пользы и скорѣе выказать свое усердіе и способности; а при томъ не бездѣлица познакомиться на казенный счетъ съ значительнымъ и интереснымъ уголкомъ Россіи, гдѣ будешь ежегодно разъѣзжать по службѣ.

Въ Кіевѣ я пробылъ недѣлю, т. е. съ 18 до 26 числа, слѣдовательно провелъ тамъ имянины Маши и Катерины Мих., но признаюсь не совсѣмъ доволенъ многимъ, о чемъ разскажу тебѣ при свиданіи. Лиза занимаетъ порядочную, но довольно тѣсную квартиру, всего 4-е комнаты, противу Институтскаго сада, почти на Крещатикѣ, недалеко отъ Papa. Сегодня я отправилъ имъ туда городскую карету, съ своимъ кучеромъ и лошадьми, и фортепіано, ибо семья моя останется въ Кіевѣ до 1-го апрѣля. Конечно, все это довольно тяжело для кармана и едва ли обойдется дешевле 1200 руб. серебр.; но чтоже дѣлать, если Лиза говоритъ, что ей нужно лѣчиться и что зимою въ деревнѣ здоровье ея еще болѣе страдаетъ.

Я здѣсь не скучаю въ разнообразныхъ занятіяхъ, образчикъ которыхъ надѣюсь показать тебѣ по пріѣздѣ въ Харьковъ; но это еще мечта или, лучше сказать, проэктъ. Дня черезъ 4-е ѣду въ Щербаковку, куда Papa обѣщалъ прибыть къ 3-му декабря, по своимъ дѣламъ, а 6-го числа я надѣюсь быть у Любиньки и тамъ окончательно переговорю съ Ник. Ѳед. насчетъ затѣваемой нами поѣздки на Крещенскую ярмарку, а вмѣстѣ и для свиданія съ тобою. Теперь же ничего вѣрнаго сказать не могу, хотя отъ всей души желаю лично обнять тебя и побесѣдовать о многомъ. Кстати, читалъ ли ты въ № 242 С. Петерб. Вѣдомостей статью объ эмансипаціи, бывшей въ Остзейскихъ губерніяхъ? Вотъ это настоящее разумное дѣло, а вовсе не то, какъ у насъ толкуютъ скороспѣлки. Боже сохрани поступать иначе! Здѣшніе провинціалы ничего не понимаютъ, а лѣзутъ въ разсужденія. Смѣхъ да и только! Не такъ ли и въ Харьков. губерніи?

Обнимаю тебя отъ всего сердца, прошу поцѣловать за меня жену и сына, а Мар. Давыд. засвидѣтельствовать мой поклонъ.

Искренно преданный братъ и другъ Н. Ушаковъ.

23.

Новаки, 20 февраля 1858 г.

Не совсѣмъ скоро я отвѣчаю тебѣ, любезный братъ Вольдемаръ, на письмо отъ 21 января. Я получилъ его болѣе двухъ недѣль назадъ, по возвращеніи изъ Монастырища, куда ѣздилъ по случаю нездоровья Никол. Ѳед., и провелъ тамъ всю послѣднюю недѣлю масляницы. Нездоровье оказалось неважное и скоро кончилось. Въ оба пути ночевалъ я въ Кручѣ; но, признаюсь, домъ вашъ совсѣмъ неудобенъ для зимы, особенно теперь, при экономической топкѣ.

Съ первой недѣли поста сижу постоянно дома, но за то, благодаря Бога, успѣлъ отговѣть и пріобщиться св. Таинъ. Вчера ночевалъ у меня Никол. Ѳедор., нарочно пріѣзжавшій въ Кручу, чтобы отвѣчать вамъ по денежнымъ дѣламъ, о которыхъ вы ему писали. У насъ снѣгу еще очень много и холода до 15 град.

Отъ Лизы имѣю послѣднія извѣстія отъ 5-го февраля. Болѣзненность продолжается въ той же степени, не смотря на обнадеживанья Меринга. Маша, слава Богу, здорова, и ее отпускаютъ въ концертъ и на дѣтскіе театры, съ m-lle Шульцъ и съ Софи Дараг. Я разрѣшилъ Лизѣ привезти сюда на лѣто живописца, который теперь даетъ ей уроки. Софи обѣщала также прожить долго у насъ. Какъ хорошо будетъ, когда и вы пріѣдете въ наши мѣста; но на чемъ остановилось обѣщаніе предоставить тебѣ другую должность? Неужели это не сбудется? Вопросъ этотъ тѣмъ болѣе важенъ, что Ваня Сквор. пишетъ мнѣ изъ Ковно, будто бы въ Министерствѣ Просвѣщенія почти навѣрное было рѣшено перемѣстить вашъ университетъ въ Чугуевъ, для избѣжанія значительныхъ расходовъ на новыя университетскія постройки въ Харьковѣ. Не весело будетъ перебраться въ такую глушь, а при томъ и домашнее разстройство. Ив. Никол. очень тебѣ кланяется и говоритъ, что всегда считаетъ тебя однимъ изъ лучшихъ своихъ пріятелей, чему, конечно, ты вѣришь.

Не отъ меня зависѣло увидѣться непремѣнно съ папою. Изъ Щербаковки отъ прикащика я получилъ 4-го января извѣщеніе, что Андр. Яковлевичъ пріѣзжаетъ туда въ тотъ день и немедленно отправляется въ Кіевъ; но потомъ я узналъ отъ Степы, что папа пробылъ въ Щербаковкѣ даже до 7-го числа, но меня не увѣдомилъ.

Ты, вѣроятно, удивишься, получивъ отъ меня, съ нынѣшнимъ письмомъ, цѣлую тетрадь, отдѣльно. Не поскучай прочесть ее. Дѣло въ томъ, что мы расходимся съ тобою въ мнѣніяхъ насчетъ эмансипаціи и, какъ свиданіе наше послѣдуетъ не скоро, то я счелъ необ-

ходимымъ сообщить тебѣ мои мысли на бумагѣ. Я совсѣмъ не противъ нововведенія; но думаю, что и толкать его горячо впередъ также не слѣдовало бы. У насъ въ губерніи почти общее заключеніе, что прежде нужно уничтожить страшную чрезполосность земли, а до того времени нѣтъ надобности просить и о комитетѣ, которому, прежде размежеванія, ровно нечего будетъ дѣлать, а между тѣмъ дворяне будутъ платить деньги на содержаніе членовъ, которыхъ выберутъ въ комитетъ. Какъ рѣшитъ большинство въ Полтавѣ,—не знаю, но слышалъ, что и Черниговская губер. одинаковаго мнѣнія. Такую же статью отправилъ я на судъ папѣ. Твой отвѣтъ меня интересуетъ Если найдешь приличнымъ, то покажи мою тетрадь и Зиновьеву; сужденія наши были сходны. Разрѣшаю также дать прочесть Ив. Евстаф. и Затлеру, буде ты съ нимъ знакомъ: онъ человѣкъ умный и благомыслящій.

Вотъ кстати еще новинка; но не читай ея въ слухъ. Замѣтилъ ли ты въ № 31 С. П.-бургск. газеты, въ фельетонѣ, эпиграмму покойнаго Пушкина „*на Аглаю?*" Послѣ этого, пожалуй, напечатаютъ другую его же эпиграмму, извѣстную среди молодежи, „*о капитанѣ Бороздѣ.*" И такъ начинаетъ быть очевиднымъ злоупотребленіе снисходительной цензурой! Тутъ невольно вспомнишь „Фигаро" Бомарше и вредныя послѣдствія этой пьесы въ печати и на театрѣ. Люди никогда не сдѣлаются ангелами; но, безъ бдительнаго надзора за ними, легко превращаются въ демоновъ.

Благодареніе Богу, что маленькій Андрюша вашъ перенесъ благополучно оспу. Поцѣлуй его за меня, равно какъ и добрую его маменьку, а Марьѣ Давыдовнѣ передай мой искренній поклонъ.

Письмо мое очень длинно; но забылъ еще одно важное обстоятельство. У меня совсѣмъ нѣтъ сигаръ. Ожидаю изъ Петербурга и Кіева; но это еще довольно отдалено. Если ты не крѣпко нуждаешься въ деньгахъ, то потрудись прислать мнѣ скорѣе 100 сигаръ отъ Лемера, цѣною въ 12 руб. ящикъ, тѣхъ самыхъ, которыя я покупалъ у него и пробовалъ въ магазинѣ. При свиданіи разочтемся исправно.

Обнимаю тебя отъ всего сердца и желаю, чтобы всѣ вы были здоровы.

Преданный другъ

Н. Ушаковъ.

P. S. Съ нетерпѣніемъ ожидаю свѣдѣній объ основаніяхъ, принятыхъ въ Морскомъ Министерствѣ для эмеритальныхъ пенсій.

24.

Новаки, 27 марта 1858 г.

Христосъ воскресъ!

Отъ всей души обнимаю тебя, любезный братъ и другъ, и христіанскимъ лобзаніемъ привѣтствую съ праздникомъ, хотя уже давно наступившимъ. Похристосуйся за меня съ Варенькой, съ вашимъ Андрюшей и съ Марьей Давыдовной: я желаю всѣмъ вамъ здоровья и счастія, а при томъ пріятной и спокойной жизни на новосельи, куда вы, вѣроятно, уже перебираетесь.

Письмо твое отъ 7 марта получилъ еще на вербной недѣлѣ; но ждалъ сигаръ, которыя только передъ самымъ праздникомъ добыты мною изъ Лубенъ, весьма въ хорошемъ видѣ, и совершенно угодили на вкусъ. Спасибо за скорую высылку, а то почти двѣ недѣли я принужденъ былъ довольствоваться однѣми трубками, что очень удобно для кейфовъ, но скучно и неловко при занятіяхъ.

Началъ я и окончилъ постъ въ деревнѣ, безвыѣздно. Праздникъ встрѣтилъ одинъ, довольно грустно, вдали отъ жены и дочери. Только на третій день пріѣзжали съ поздравленіями нѣкоторые гости изъ города, да сосѣди, въ числѣ коихъ Степ. Ограновичъ. Степа, обще съ братомъ Николаемъ, купили выгодное мѣсто въ Лубнахъ и начинаютъ уже строиться. Чрезъ нѣсколько дней я, наконецъ, самъ собираюсь ѣхать въ Кіевъ за своими, въ сопутствіи Николая Өедоров., съ которымъ мы уговорились соединиться въ Кручѣ. Отсутствіе наше не продолжится болѣе 10 или 12-и дней; но Лизѣ, вѣроятно, нельзя будетъ отправиться въ деревню ранѣе 15-го или 20 апрѣля: дороги еще не просохли, да и погода не установилась, хотя у насъ со вчерашняго дня и начали уже сѣять. Папа, можетъ быть, уже въ Щербаковкѣ, ибо намѣревался выѣхать туда тотчасъ послѣ праздника, а Maman, какъ говорятъ, сбирается опять въ Одессу, но навѣрное не знаю. Теперь и вашъ пріѣздъ сюда, кажется, не за горами. Лѣтомъ вообще я ожидаю много пріятнаго въ деревнѣ. Сестра Мар. Иван. обѣщаетъ непремѣнно навѣстить насъ въ маѣ или іюнѣ, вмѣстѣ съ Дашей, Петей и Сашей, а Николя будетъ въ половинѣ августа. Съѣздъ огромный и радости для меня много.

Очень нетерпѣливо желаю поспорить съ тобою скорѣе въ разномысліи нашемъ объ улучшеніи быта крестьянъ въ томъ видѣ, какъ оно у насъ затѣяно. Но, пожалуйста, не воображай, что я рѣшительный противникъ этой мѣры. Всѣ мои разсужденія клонятся къ тому, что нельзя же приступать къ такому важному дѣлу, какъ у насъ присту-

паютъ. Ты самъ же говоришь, что въ Остзейскихъ губерніяхъ были партіи за и противъ; но тамъ мнѣнія этихъ партій выслушивались обѣими сторонами, а мы торопимся только высказать угожденіе виновнику начала, сами еще не понимая, какъ взяться за устройство новаго порядка, при существующемъ у насъ маломъ образованіи дворянъ. Вотъ первая задача: кого избрать въ члены комитетовъ? А этимъ комитетамъ придется составлять цѣлыя тетради новыхъ узаконеній. Но подробности я разовью тебѣ при свиданіи. Боже мой, какую дичь пишутъ до сихъ поръ объ этомъ наши газеты и журналы! Не стоитъ даже посылать имъ возраженій.

Съ искренними чувствами дружбы остаюсь преданный и любящій тебя братъ

Н. Ушаковъ.

25.

Полтава, 3 марта 1859 г.

Послѣднее письмо твое, отъ 24 февраля, я получилъ, любезный братъ Вольдемаръ, уже по пріѣздѣ изъ Новаковъ, откуда вернулся въ прошлую среду, т. е. на 3-ій день поста. Напрасно и говорить, что я съ пріятностію провелъ время у себя въ деревнѣ, тѣмъ болѣе, что нашелъ тамъ Дарагановъ, расположившихся у насъ, кажется, до весны, и сверхъ того пріѣзжала на одинъ день Юл. Ив. Всѣхъ, благодаря Бога, нашелъ здоровыми; но жаль, что нервическая раздражительность Лизы, несмотря на всю хорошую обстановку жизни, продолжается по прежнему. Мы никакъ не сойдемся въ сужденіяхъ по разнымъ хозяйственнымъ предметамъ. Конечно, и я, можетъ быть, много виноватъ тутъ своею неуступчивостію, но у каждаго человѣка есть свои недостатки. При свиданіи разскажу тебѣ подробности, а теперь нечего и распространяться объ нихъ, ибо случаи эти никогда и не оканчиваются важнымъ. Бѣда только, что здоровье Лизы не можетъ съ этимъ поправиться. Душевно желаю, чтобы ты поскорѣе переѣхалъ въ деревню: твои бесѣды, хотя и не очень частыя, всего благотворнѣе дѣйствуютъ на сестру, какъ я это давно замѣтилъ. Надѣюсь, что къ празднику Благовѣщенія вы совсѣмъ оставите Харьковъ: снѣгъ быстро пропадаетъ вездѣ, послѣ дождей и весеннихъ вѣтровъ, которые у насъ ежедневно. *По временамъ солнце* начинаетъ посылать на землю теплые лучи. Не

худо бы ты сдѣлалъ, еслибъ заблаговременно увѣдомилъ о вашемъ выѣздѣ: я приготовлю тогда квартиру поближе отъ себя, потому что мое помѣщеніе тѣсно, и доставить вамъ такія же удобства, какія я имѣлъ у васъ въ Харьковѣ, не могу, при всемъ искреннемъ моемъ желаніи.

Съ пріѣзда сюда я очень много занятъ письменною работою. Комитетъ просилъ меня составить двѣ главы положенія: о сельскомъ обществѣ и о правахъ и отношеніяхъ помѣщика. Завтра надѣюсь ихъ кончить, а между тѣмъ не упустилъ заняться и твоимъ дѣломъ. По справкѣ оказалось, что просьба твоя вѣроятно, отправленная по тяжелой почтѣ, еще не получена у губернатора; но правитель канцеляріи обѣщалъ мнѣ сдѣлать все по прежнему, т. е. и скоро и отчетливо, а я берусь наблюдать за этимъ.

Комитетская наша работа продолжается успѣшно: всѣ главы вчернѣ на этой недѣлѣ будутъ окончены; останется тщательный пересмотръ ихъ и переписка набѣло, такъ что къ страстной недѣлѣ можетъ уже подпишемъ все положеніе. Между тѣмъ завтра назначено выбирать двухъ депутатовъ для поѣздки въ Петербургъ. Вѣроятно, будутъ выбраны Позенъ и Кочубей или Остроградскій, предвод. Кременчугскій. Меня также считаютъ кандидатомъ, но не думаю, чтобы большинство осталось за мною, а интриговать, ты знаешь, не въ моихъ правилахъ. Особеннаго счастія въ поѣздкѣ я не вижу; развѣ видѣться только съ родными; но для этого, конечно, лучше ѣхать независимымъ.

В. И. Гинцъ, примѣрный хозяинъ, проситъ убѣдительно справиться, не продаются ли въ Харьковѣ вновь изобрѣтенныя механическія грабли Говарда, для собиранія скошеннаго сѣна, но отнюдь не Бутеноповскія, которыя уже оказались на опытѣ негодными. Пожалуйста, разузнай хорошенько отъ хозяевъ и увѣдомь также и о цѣнѣ. Такую полезную вещь можно бы завести и намъ, особенно теперь, при уменьшеніи обязаннаго труда.

Отъ всего сердца обнимаю тебя, вмѣстѣ съ Варенькой и Андрюшей, и остаюсь преданный другъ

Н. Ушаковъ.

26.

Полтава, 10 марта 1859 г.

Недавно я писалъ къ тебѣ, любезный другъ и братъ, что бумаги, посланныя тобою къ губернатору, еще здѣсь не были получены. Теперь утвердительно могу сказать, что онѣ уже утверждены подписью и на этой же недѣлѣ отправлены по принадлежности, въ Варшаву.

Вотъ и тебѣ небольшое порученіе. Софи Дараганъ просила купить для нея 1/2 дюжины батистовыхъ платковъ, по прилагаемому образцу. Такихъ здѣсь не нашлось, а потому потрудись исполнить это, вмѣстѣ съ Варенькой, или Ан. Варламов., но по почтѣ не посылай, а привези съ собою, равно какъ и двѣ сотни сигаръ для меня. не дороже 12 рублей за сотню, крѣпкихъ. Въ здѣшнемъ магазинѣ Лемера нѣтъ хорошихъ сортовъ.

Выборъ депутатовъ, для поѣздки въ Петербургъ, окончился у насъ довольно безтолково съ повтореніемъ тѣхъ же интригъ и смѣшныхъ сценъ, о которыхъ нѣкогда разсказывалъ незабвенный нашъ Рара. Избраны Позенъ и членъ отъ Пирятинскаго уѣзда, тамошній судья, Богдановичъ[1]): послѣдній совершенно случайно. Многіе, и даже кн. Кочубей, потерпѣли пораженіе. За меня оказалось только 12-ть голосовъ. Впрочемъ, я очень доволенъ, что останусь на лѣто въ деревнѣ. Хозяйство требуетъ ближайшаго надзора, особенно если Лиза поѣдетъ за границу. Вчера я получилъ отъ нея успокоительное извѣстіе. Всѣ у насъ, благодаря Бога, здоровы и оживлены обществомъ Софи, которая умѣетъ угождать твоей сестрѣ и способна отвращать образъ ея мыслей отъ ипохондріи. Пишутъ, что въ Новакахъ теплые дни бываютъ, до 10 градусовъ. Въ теплицѣ нашей есть уже примулы, а въ саду зеленѣетъ. Такъ и тянетъ меня въ деревню; но до страстной недѣли не вырвусь отсюда, а ты, конечно, опередишь меня. Въ Полтавѣ еще большая грязь, а по дорогѣ сюда отъ Харькова разливы; но, вѣроятно, все это придетъ въ законный порядокъ дней чрезъ 15-ть.

Отъ искренняго сердца цѣлую тебя, Вареньку, маленькаго Андрюшу и прошу передать мой поклонъ Богдановичамъ. Анна Варл. давно ко мнѣ не писала.

Преданный тебѣ нелицемѣрно братъ и другъ

Н. Ушаковъ.

---

1) Александръ Васильевичъ Богдановичъ кончилъ свою продолжительную служебную карьеру Воронежскимъ губернаторомъ.

27.

Полтава, 13 марта 1859 г.

Съ нынѣшнею почтою я непремѣнно полагалъ писать къ тебѣ, любезный другъ и братъ Вольдемаръ, потому что въ прошлый разъ забылъ сказать еще о моихъ двухъ просьбахъ,—какъ сегодня получилъ письмо твое отъ 9-го марта, которое усилило во мнѣ желаніе побесѣдовать съ тобою.

Прежде всего благодарю за доброе участіе, которое ты принимаешь въ моихъ сѣтованіяхъ на домашнее наше положеніе. Какъ бы я былъ радъ, еслибъ когда нибудь оно совершенно измѣнилось! Сестра твоя добрая, благородная и умная женщина. Никогда любовь моя къ ней не уменьшалась, а теперь дружескія отношенія наши должны бы быть еще сильнѣе, потому что ихъ связываетъ одинъ предметъ—наша милая дочь, благо которой ровно драгоцѣнно для обѣихъ сторонъ. Къ сожалѣнію, мы представляемъ два характера, можетъ быть, одинаково самолюбивые и, можетъ быть, столько же раздражительные. Эти недостатки во мнѣ происходятъ отчасти отъ сознанія, что я все сдѣлалъ для себя въ жизни, а отчасти отъ того, что бремя домашнихъ заботъ, прежде всего, всетаки падаетъ на меня. Я стараюсь всячески быть уступчивымъ и успѣлъ побѣдить многое, но нервическая болѣзнь Лизы почти не даетъ возможности устроить дѣла, какъ бы мнѣ хотѣлось. Надобно дѣйствовать слишкомъ осторожно; но каждую минуту не убережешься, а потому и не ускользнешь отъ непріятныхъ столкновеній. Вотъ тебѣ коротенькая и правдивая исповѣдь. Объ остальномъ переговоримъ при свиданіи; но предупреждаю, что по письмамъ мы опять друзья. Лиза очень довольна пребываніемъ у насъ Софи и говоритъ, что она умѣетъ направлять образъ ея мыслей и не допускаетъ до ипохондріи. Какъ бы полезна была для сестры твоей продолжительность такого общества. Это излѣчило бы Лизу вѣрнѣе всѣхъ медицинскихъ средствъ.

Радуюсь, что сближается время вашего переѣзда въ деревню; но опасаюсь, чтобы крайне измѣнчивая погода не задержала васъ на мѣстѣ еще недѣли три. Сегодня опять выпалъ здѣсь снѣгъ, да еще такой, что покрылъ всю землю! Разумѣется, что изъ этого болѣе ничего не будетъ, кромѣ увеличенія грязи, которая и безъ того въ Полтавѣ образцовая. Извозщичьи дрожки запрягаются тройкой, да и то мѣстами трудно проѣхать, какъ, напримѣръ, въ губер. почтов. контору.

Maman просила меня прислать ей отсюда канвы для вышиванія ковра, но такой здѣсь не отыскалось. Потрудись купить 4-е аршина

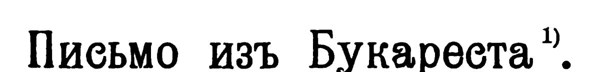
въ Харьковѣ, но только въ широкихъ квадратахъ или клѣткахъ, и толстой. Для Маши купи пожалуйста романъ Загоскина: *Аскольдова могила*. Съ тѣми романами, которые я привезъ ей, это составитъ рядъ полезнаго историческаго чтенія.

Ив. Евст. и Аннѣ Варл. передай мой поклонъ, а первому сообщи, что барышникъ, кажется, надулъ одною лошадью: она до сихъ поръ хромаетъ и видно, что ее и прежде лѣчили отъ этого изъяна, ибо на лопаткѣ оказались слѣды прежнихъ заволокъ. Дѣлать нечего; но барышнику необходимо поставить на видъ такой непростительный обманъ.

Поцѣлуй за меня Вареньку и сынка, а тебя я обнимаю отъ всего сердца съ душевнымъ желаніемъ, чтобы вы всѣ были здоровы.

Преданный братъ и другъ

Н. Ушаковъ.



Письмо изъ Букареста[1].

(1854 г.)

Пишу къ вамъ еще подъ вліяніемъ бала 6-го февраля,—бала, какого не запомнятъ въ Букарестѣ, бала, который останется надолго въ памяти присутствовавшихъ.

Балъ 6-го февраля былъ данъ въ Букарестѣ въ честь генерала Лидерса, генералами, штабъ и оберъ-офицерами его корпуса и гражданскими чиновниками въ Княжествахъ. Генералъ былъ приглашенъ на балъ особымъ изящно нарисованнымъ акварелью билетомъ, на которомъ была изображена пожалованная ему звѣзда св. Георгія Побѣдоносца въ большомъ видѣ, обложенная другими его орденами, и украшенная видами сраженій Трансильванской кампаніи. Середина билета, внутренній кругъ Георгіевской звѣзды, открывалась, и подъ этой крышкой было написано приглашеніе. Въ немъ сказано, что этотъ балъ данъ въ воспоминаніе побѣдъ, къ которымъ генералъ Лидерсъ велъ свои войска въ Трансильваніи, въ благодарность за его неусыпную о нихъ заботливость, и въ ознаменованіе той любви къ нему, которую раздѣляетъ каждый солдатъ его корпуса.

---

1) Письмо это помѣщено было въ видѣ фельетона въ одномъ изъ нумеровъ ...ерной Пчелы". Авторъ его, Михаилъ Петровичъ Дараганъ, упомянутъ выше ... *254*.

Приготовленія къ балу продолжались болѣе трехъ недѣль. Нельзя было найти дома съ такими обширными залами, чтобъ помѣстить всѣхъ приглашенныхъ: придумали соединить двѣ самыя большія залы въ Букарестѣ въ домѣ Босселя и въ домѣ Слатиняно крытой теплой галереей, которая проходила бы по летучему мосту черезъ дворы и черезъ домъ Карла Гики. Работа закипѣла, и галерея воздвиглась и украсилась какъ-бы по мановенію волшебнаго жезла. Въ тоже время украсились залы военными арматурами, бюстами, девизами... Интересно было видѣть, какъ русскій солдатъ прилаживалъ свой штыкъ, составляя великолѣпную люстру, навѣшивалъ лавры, убиралъ бесѣдку, съ такимъ же спокойнымъ видомъ, какъ, за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ, шелъ на приступъ красной башни.

Отъ дома генерала Лидерса до залы собранія горѣли смоляные рожки; такъ-что на Поду-Могуисой было свѣтло какъ днемъ. Фасадъ дома былъ великолѣпно иллюминованъ. У подъѣзда стояли двѣ огромныя колонны изъ мортиръ и единороговъ, поставленныхъ пирамидально на кучахъ ядеръ и бомбъ. Эти иллюминованныя съ верху до низу колонны съ горящими бомбами представляли чудный видъ, говорили каждому, что тутъ пируютъ военные, что тутъ честятъ они своего героя. Входъ, украшенный зеленью, разноцвѣтными шкаликами, бюстами, зеркалами, заставлялъ предчувствовать очарованіе галереи, и поражалъ свѣтомъ огромной люстры, составленной изъ штыковъ и сабель, которая какъ солнце озаряла самые отдаленные уголки, и увеличивала свѣтъ самой залы. Зала была убрана легкой, воздушной арматурой. На одномъ концѣ ея парилъ черный орелъ, расширявшій крылья отъ одной стѣны до другой, и державшій въ золотомъ клевѣ и золотыхъ когтяхъ лавры. На другомъ концѣ залы находился фамильный гербъ генерала Лидерса—рука съ мечемъ въ красномъ полѣ, и внизу три звѣзды въ голубомъ полѣ. Гербъ былъ обвитъ лентами и украшенъ орденами генерала, по сторонамъ два полусолнца изъ шомполовъ, а надъ гербомъ золотая звѣзда съ вензелемъ Государя Императора, господствующая надъ всѣмъ окружающимъ. Такъ вотъ подъ какой звѣздой родился генералъ Лидерсъ!... Такъ вотъ какая звѣзда указываетъ ему путь!... Въ нишѣ помѣщенъ былъ портретъ самого генерала во весь ростъ. Онъ представленъ разсматривающимъ карту Трансильваніи... Да! онъ умѣлъ хорошо разсмотрѣть ее. Онъ зналъ, какъ насъ вести, и потому такъ мало было жертвъ, такъ много пользы! Въ сторонѣ устроена была туалетная для дамъ, тутъ находился цѣлый модный магазинъ, все что нужно для бала... У генерала Лидерса есть дочь 12-ти лѣтъ; 6-го февраля день ея рожденья. Распорядители бала не упустили изъ виду это обстоятельство, чтобы прибавить къ торжеству воина, радость отца. Портретъ 12-ти-лѣтней дочери генерала украшалъ также залу.

Въ 8 часовъ начали съѣзжаться. Всѣ спѣшили быть раньше, чтобъ видѣть пріемъ. Гостей встрѣчали хозяйки, жены русскихъ чиновниковъ и офицеровъ, иныя изъ нихъ только что вышли здѣсь замужъ. Въ 10 часовъ зала была полна: 1200 особъ ожидали пріѣзда генерала Лидерса. Владѣтельный князь Валахіи, Стирбей, начальникъ турецкихъ войскъ, Омеръ-Паша, всѣ почетнѣйшія дамы и кавалеры города были уже въ залѣ. Съ пріѣздомъ генерала трубачи заиграли маршъ, и за ними музыка и пѣвчіе огласили залу торжественнымъ, граціознымъ польскимъ, сочиненнымъ для этого дня полковникомъ Шевичемъ. Слова сочиненія поручика Аммосова; вотъ они:

Когда законы презирая
Умы шумѣли возмутясь,
Молчала наша Русь святая,
Своимъ величіемъ гордясь.
Едва-лишь крикомъ, чадомъ вреднымъ
Ихъ рой край мирный возмутилъ;
Его крыломъ своимъ побѣднымъ
Орелъ двуглавый осѣнилъ.
И въ край другой, какъ помощь Бога,
Былъ званъ двуглавый нашъ орелъ.
Царь указалъ *тебѣ* дорогу,
И *ты* къ побѣдѣ насъ повелъ.
Явясь какъ геній межъ рядами
Ты насъ собой одушевилъ,
Въ мгновенье съ храбрыми войсками—
Пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ.
Замолкли бурные витіи
Со страхомъ въ слѣдъ взирая намъ.
Хвала Царю, хвала Россіи,
Хвала, хвала ея сынамъ!
Ужъ не шумитъ толпа безумно,
Настала мирная пора.
Воскликнемъ радостно и шумно—
Ура! Начальникъ нашъ, Ура!
Твой ликъ величіемъ сіяетъ,
Одѣта лаврами глава;
Твоимъ дѣламъ рукоплескаетъ,
Гремя, народная молва.
Теперь тебѣ мы межъ собою
Семейный праздникъ нашъ даемъ,
Веди, мы всюду за тобою
На славу новую пойдемъ.

Начались танцы, музыка для танцевъ вся сочинена къ этому случаю гг. Шевичемъ и Вистомъ. Особенно поразителенъ былъ кадриль изъ русскихъ и валашскихъ пѣсенъ. Но пора идти ужинать.

Двери раскрылись въ галерею, устроенную по летучему мосту. Длинная аллея, иллюминованная фестонами разноцвѣтныхъ шкаликовъ и шаровъ, представилась взору проходящихъ паръ. „Какая прелесть! какое очарованье! какъ мило!" слышалось со всѣхъ сторонъ. „Гдѣ же мы теперь? Какая чудная бесѣдка! Какая прекрасная ротонда! Посмотрите на эти кусты зелени! Какъ искусно расположены они! Какъ вьются по нимъ огни!" Пока проходили пары, 5-ть оркестровъ играли по протяженію аллеи и въ залахъ. Но вотъ мы въ домѣ Слатиняно. Въ одномъ концѣ главной залы видѣнъ транспаранъ съ вензелемъ генерала и его супруги; ихъ имена обвиты жемчугомъ; на самой большой жемчужинѣ вензель ихъ дочери. Въ нѣсколькихъ залахъ накрыты столы на 500 кувертовъ. Мы усадили дамъ и почетнѣйшихъ мужчинъ. Остальные должны стоять. Такъ тѣсно, что невозможно разносить теплыя блюда. Все, что роскошь могла отъискать въ Букарестѣ для вкуса,—все было собрано на столахъ и заготовлено въ буфетѣ. Но ѣли и пили мало, какъ обыкновенно бываетъ на балахъ. Мы угостили этимъ ужиномъ потомъ баталіонъ солдатъ, который былъ въ караулѣ у залы собранія. Они покушали за здоровье своего любимаго начальника.

За ужиномъ генералъ Лидерсъ предложилъ прежде всего тостъ, безъ котораго для насъ русскихъ нѣтъ праздника, тостъ за здравіе мудраго нашего Монарха, покровителя Княжествъ, и вмѣстѣ за здоровье Его Величества Турецкаго Султана. Тостъ за здоровье генерала Лидерса провозглашенъ былъ княземъ Багратіономъ, который говорилъ при этомъ рѣчь, исполненную чувствъ любви и уваженія къ виновнику праздника. Генералъ Лидерсъ отвѣчалъ тостомъ за здоровье своихъ сподвижниковъ въ Трансильванскую войну и посѣтителей бала. Онъ сказалъ:

„Чувства, которыми я проникнутъ, не могутъ быть выражены словами, но они запечатлѣны глубоко въ моемъ сердцѣ. Вы поймете меня, храбрые товарищи мои, какъ вы поняли голосъ чести на полѣ сраженія и въ трудахъ военныхъ.

„Приношу вамъ искреннюю благодарность мою и прошу принять тостъ: за здоровье любезныхъ гостей, которымъ обязаны мы этимъ блистательнымъ праздникомъ. Ура!"

Генералъ Непокойчицкій предложилъ тостъ за здоровье владѣтельнаго князя Валахіи и за благоденствіе края. Князь Стирбей отвѣчалъ рѣчью, въ которой благодарилъ русскія войска за ихъ присутствіе въ краѣ, хвалилъ ихъ дисциплину, нравственность и предложилъ тостъ за ихъ здоровье и за здоровье Омеръ Паши и турецкаго войска. Генералъ

Комаръ предложилъ тостъ за здоровье дамъ—„лучшей награды воиновъ“.—Дамы отвѣчали браво. Ура было безъ конца.

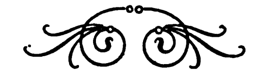
Стали разъѣзжаться въ 5 часовъ. Иные возвратились домой со свѣтомъ. Этотъ балъ останется надолго въ памяти присутствовавшихъ.

Я не разсказывалъ вамъ многихъ подробностей по распорядительной части, которыя были необходимы для соблюденія въ такой толпѣ порядка, всѣхъ удивлявшаго. Мы сдѣлали все, что могли, каждый принесъ частичку своихъ трудовъ, своего таланта, своей души... болѣе всѣхъ хлопотали генералъ Комаръ, генералъ Непокойчицкій, баронъ Ренненкамфъ, полковникъ Шевичь.

Считаю не лишнимъ приложить здѣсь еще солдатскую пѣсенку, сочиненную также по случаю этого праздника. Она выражаетъ воинственный духъ, который остался въ войскахъ послѣ Трансильванской кампаніи.

Не гордитесь, наши дѣды!
Нѣтъ, и насъ запомнитъ врагъ!
Вражей кровью и побѣдой
Нашъ означенъ каждый шагъ;
Мы прикрыли нашей грудью
Мирныхъ гражданъ, старцевъ, женъ,
Взяли тысячу орудій,
Взяли тысячу знаменъ;
Разогнали вражьи тучи,
Уходили удальцевъ,
И набрали плѣнныхъ кучи
Баталіоновъ и полковъ!
Знайте жъ Русскихъ, пустословы,
И не суйтесь на глаза!
Мы на стражѣ, мы готовы,
Мы какъ Божія гроза!

М. Дараганъ.



Письма Франческо Далл'онгаро къ Н. И. и Е. А. Ушаковымъ.

Посѣтивъ Тріестъ осенью 1842 г., Ушаковы познакомились тамъ съ молодымъ итальянскимъ поэтомъ и журналистомъ, издававшимъ журналъ „La Favilla“, Франческо Далл'онгаро. Памятью этого знакомства осталась пачка писемъ, относящихся къ двумъ различнымъ эпохамъ въ жизни поэта. Первые четыре письма писаны изъ Тріеста подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ только что заключеннаго знакомства и очарованія, внушеннаго увлекающемуся поэту красотою Елисаветы Андреевны. Остальныя четыре письма писаны изъ Брюселя, гдѣ почти пятидесятилѣтній уже поэтъ проживалъ въ качествѣ политическаго изгнанника. Жизнь Далл'онгаро прошла очень бурно и оставила значительный слѣдъ въ исторіи итальянскаго объединенія. Онъ родился въ 1808 г. въ г. Одерцо Венеціанской области, учился въ мѣстной духовной семинаріи Della Salute, потомъ въ Падуѣ и принялъ духовный санъ. Его независимыя вольнодумныя проповѣди не понравились высшимъ духовнымъ властямъ и ему запрещено было отправленіе богослуженія. Тогда онъ поселился въ Тріестѣ и сдѣлался частнымъ преподавателемъ и журналистомъ. Выше упомянуто, что здѣсь онъ основалъ журналъ „La Favilla“. Но журнальная дѣятельность не удовлетворяла его и онъ сталъ пробовать свои силы въ области драматургіи. Начиная съ 1338 г., появились въ свѣтъ его драмы: Il Fornaretto, I Dalmati, da qui a cent'anni и друг. Въ 1847 г. за рѣчь на банкетѣ въ честь Кобдена онъ былъ удаленъ изъ предѣловъ Австріи и жилъ послѣдовательно въ Сіеннѣ, Флоренціи, Римѣ, Венеціи, Миланѣ и Туринѣ, дружилъ съ Томмазео, Манинъ, Каттанео и Бальбо, сочинилъ патріотическій гимнъ: „Возвращеніе трехъ цвѣтовъ“, положившій основу итальянскому объединительному движенію. Въ мартѣ 1848 г. онъ появляется въ Римѣ; въ рядахъ студенческаго легіона участвуетъ въ Венеціанской экспедиціи, издаетъ журналъ „Fatti e no parole“, становится сотрудникомъ Гарибальди, членомъ Римскаго учредительнаго

собранія, основываетъ „Moniteur romain". Послѣ осады Рима и занятія его французскими войсками онъ убѣжалъ въ Швейцарію, откуда былъ изгнанъ въ 1852 г., и надолго поселился въ Брюселѣ, гдѣ читалъ публичные курсы о Данте. Года четыре спустя, онъ перебрался во

F. Dall'Ongaro

Францію, сотрудничалъ въ газетахъ и опять чуть не былъ изгнанъ оттуда, заподозрѣнный въ содѣйствіи покушенію Орсини. Во время войны 1859 г. Наполеона III съ Австріей онъ былъ корреспондентомъ парижской газеты „La Patrie" въ Италіи. Послѣ объединенія послѣдней онъ основался во Флоренціи и былъ здѣсь профессоромъ древней и

новой драматической литературы. Кромѣ упомянутыхъ выше драмъ и множества журнальныхъ и газетныхъ статей онъ издалъ цѣлый рядъ стихотворныхъ сборниковъ и романовъ, пользовавшихся значительнымъ успѣхомъ. Умеръ Франческо Далл'онгаро въ Неаполѣ 10 января н. ст. 1873 г. (См. Dictionnaire universel des contemporains. Par G. Vapereau. 5-me édition. Paris 1880. P. 501).

1.

Trieste, 17 octobre 1842.

Monsieur,

M. Micheli me charge de vous faire bien des compliments et de vous dire, que quelques lettres adressées à votre nom ont été envoyées à Naples au Consul de Russie avec la recommandation de vous les faire parvenir le plus tôt possible. J'espére, que celle-ci vous trouvera à Rome, où vous recevrez aussi le numéro du Journal, où j'ai parlé de Padoue et de la réunion des savants. Il ne s'agit que de deux ou trois pages, mais mon espace et mon temps étaient limités. J'en reparlerai peut-être dans le numéro suivant.

Je vous prie, Monsieur, de ne pas vous refuser à la connaissance de M. le chevalier Paoletti, qui est le premier peintre italien à Rome, celui même, qui a travaillé la chambre Pompeïenne chez Pedrocchi. Il est chargé de vous présenter mon portrait, que vous m'avez demandé tous les trois. Si cela vous fait plaisir, ayez la bonté de m'en procurer un, qui sera triple, en permettant, que Monsieur Paoletti me fasse les vôtres. Je les garderai comme un souvenir précieux des moments agréables, que j'ai passé avec vous, et comme une espérance de vous revoir un jour. Faites beaucoup de compliments à Madame votre épouse. Je lui ai ecrit à Naples: a-t-elle reçu ma lettre? J'espére, que vous voudrez bien me mettre au courant de votre voyage.

Agréez l'assurance de mon estime et de mon dévouement. Je suis votre très humble serviteur

F. Dall'ongaro.

Адресъ: A Monsieur le colonel Nicolas d'Ouchakoff, aide de camp de S. A. le prince de Varsovie.

Rome.

2.

Trieste, 8 marzo 1843.

Voi studierete, secondo la vostra promessa, la lingua italiana, e studiandola, e ritornando col pensiero all' Italia, ricorderete il vostro poeta, il quale è sempre memore di voi.

Vi ringrazio della lettera che mi scriveste appena giunta a Varsavia: non v'ho risposto prima col fatto, ma tutti i giorni v'ho ringraziato in ispirito, e voi lo crederete, o poetica Elisa, perchè il mondo degli spiriti non è per voi cosa vana e chimerica.

Avrete ricevuti alcuni numeri del nostro giornale, e il prossimo che vi giungerà avrà inclusa una cosa, che voi desideraste tanto, e che sembrava non vi dovesse mai giungere tra le mani—intendo il mio ritratto.

Non è quello, che doveva recarvi il Paoletti a Roma, ma è un abbozzo fatto da mio fratello - è una delle primissime cose, che fa all'acquerello.

Egli era partito da Monaco il giorno stesso che voi vi guingeste; e sembra propriamente, che codesto ritratto dovesse esser ludibrio d'una misteriosa fatalità—come l'originale di esso.

Ora io sono ben certo d'includerlo alla Favilla—ma sono io ben certe che vi perverrà?

Assicuratemene, vi scongiuro, appena l'avrete nelle mani; e badate che non vi scappi via.

Fra poco vi manderò anche una poesia, che vi dedico nella mia mente, intitolata „il mare e la terra".

Io vi ho conosciuta sul mare—e questo ha oggimai un diritto imperscrivibile alla mia poetica riconoscenza.

Ve lo dico sul serio, Elisa, io ho bisogno oggimai di credere alla vostra affezione di tutti e tre.

Sul principio io volevo trattare codesto bisogno come una fantasia, speravo — che dico?—temevo, che un mese o due di lontananza avesse riposto ogni cosa a suo luogo nella gran camera dell' obblio - ma non è così, Elisa; voi tre mi appariste come un fenomeno luminoso dopo troppi mesi di tenebre, perchè il tempo possa scancellarne in me la memoria.

Voi siete qui nella mia mente come il primo giorno ch'io m'avvenni in voi - anzi pur come l'ultimo che vi vidi.

Dunque vogliatemi bene tutti e tre, e non dimenticate il poeta lontano.

A questi giorni più che mai io avrei voluto sentirmi spuntare le ali e *volar via da questa* scellerata atmosfera che mi uccide.

E già, sentite Elisa, quel mio progetto si adempirà: io farò una visita a nord, e voi sarete la mia stella polare.

Fate conoscere nella vostra bella lingua alcuni de'versi miei, acciocchè quando io vi giunga, il mio nome non sia da tutti ignorato costì.

Oserò anche mandarvi una coraggiosa poesia la quale mi suscitò contro la malevolenza acuta dell'ipocrita fariscismo—una poesia che tutte le donne hanno trovata morale, e tutti gli uomini empia.

Non è la prima volta ch'io mi sarò appellato a quel delicato istinto che rende santi i giudizii della donna, e infallibile la sua simpatia.

E quella vispa e graziosa Lubinka [1]? E ella fedele alla intenzione di occuparsi con voi della lingua italiana?

E essa davvero capace di affrontare tutta quella difficoltà, in mezzo a quella vita brillante che il carnavale prescrive alla vostra classe?

Spesso questo pensiero mi si caccia mio malgrado nello spirito.

Voi tutti e due vi aggirerete in una frivola e vertiginosa atmosfera sociale—dove non trova luogo l'intimo sentimento del cuore!

Io ho troppo conosciuto, Elisa, l'alta società, e so qual vita vi si conduce.

Ma voi almeno, avete la forza di reagire: voi avete un picciolo mondo in voi stessa; e chi sa che non siate cosi buona dall' accordarvi quartiere anche allo smarrito spirito mio!

Salutate cordialmente il vostro sposo, salutate la buona cugina vostra. Perchè non mi scriverebbe ella una riga?

Ma voi certamente mi scriverete, e presto, e lungo, e con quel grazioso abbandono che l'aria della laguna, e il raggio lunare attraverso i rami flessibili delle mimose v'ispirava a Venezia.

Io non sento mai l'organo senza pensare a voi, e quando vedo Giove, spero che v'abiteremo un giorno ambidue—ove non vi piaccia di qui qualche altro pianeta, meno splendido e più misterioso.

Intanto addio, o bella emanazione d'un mondo migliore,—perdonate lo stile del vostro entusiasta.

Dall'ongaro.

---

[1]) Племянница Н. И. Ушакова Любовь Николаевна Скворцова.

3.

Trieste, 3 aprile 1843.

A quest'ora avrete ricevuta una lettera mia, e col quarto numero della Favilla [1]) un abbozzo del mio ritratto.

Questo già non mi scusa d'aver indugiato soverchiamente a rispondere alla vostra amabillisima lettera.

Ho indugiato perchè volevo un vostro rimprovero, perchè io amo sentirmi sgridare da voi—e ci sono riuscito—del resto voi sapete bene che dal canto mio la dimenticanza è impossibile—e se è vero ciò che dite con tanta grazia, ch'io *erro talora nei mondi ideali della poesia, fra i sogni dorati, e ascolto i concerti degli angeli, e la voce sublime di Dio*—gli e appunto allora, Elisa, ch'io vi ho presente—e *sarebbe crudeltà farmi discendere fra le miserie della vita,* appunto perchè sarebbe un separarmi da voi!

Colla Favilla che partirà contemporaneamente a questa lettera riceverete un esemplare della terza edizione della mia povera *Perla nelle macerie.*

Il sentimento che l'ha ispirata non potrebbe essere fraintesso che dalla malevolenza de'eritici, e dalla ipocrisia della società—non dagli uomini dabbene—e da voi.

Contutto ciò, se non me n'aveste fatta parola—avrei dubitato a mandarvela—perchè vi sono nel mondo miserie cosi profonde, che il solo saperle è cosa che appanna la serenità di certi spiriti puri e verecondi, siccome è il vostro.

Ma poi ho pensato: gli angeli veggono i mali della umanità e non ne sono contaminati—cosi voi pure, Elisa, potrete piangere sulle sventure della misera classe ch'io deploro e compiango!

Io ho un' altra idea della missione nostra—io credo che la letteratura e la poesia debbano compiere colla parola mortale, ciò che la Parola eterna cominciò nel Vangelo. Il secolo è spensierato—e se soccorre alla miseria, è più per non averla sotto gli occhi, che per vera pietà.

Bisogna svelare ai grandi della terra le piaghe sanguinenti dei piccioli—bisogna redimere il povero.

Non si potrà farlo, senza incorrere nell'odio di molti, senza affrontare la vigile ipocrisia, e il beffardo motteggio de'tristi—ma non importa—il corragio e la fermezza è uno dei caratteri del Genio—a me mancano gli altri—ma questo nò.

---

1) ***La Favilla* (Искра)—журналъ, издававшійся въ Тріестѣ Далл'онгаро.**

O mia musa! incoratemi voi—una vostra parola di conforto mi sarà compenso a tutto il resto.

Io non sarò frainteso da voi!

Anche la *nuova Rodope* è improntata di questo carattere, e se i primi capitoli potevano lasciarvi alcun dubbio sullo scrittore—dagli ultimi, anche senza ch'io vel dicemi, l'avreste riconosciuta per mia.

Scrivo per voi una poesia intitolata „il mare e la terra". La scrivo, e l'avrete fra non molto, e me ne ringrazierete, spero.

Composi anche un' altra Ballata sopra un' antica leggenda della mia patria – e l'eroina che vi primeggia si chiama Emma.

Sarà stampata fra poco come la Perla, e la manderò a voi perchè ve la leggiate insieme a quella mia bruna ed amabile nemica: alla quale non ho punto obbligo di chieder perdono, come ella non ha diritto alcuno di vantarsi d'avermi scritto.

L'avrà fatto forse al *poète mélancolique du golphe Adriatique* e l'avrà dimenticato poi.

Studiate pure l'italiano entrambe, e leggete, ma quando vorrete scrivermi fatelo per ora in quella lingua che v'è più famigliare.

Io non vorrei essere incerto sull'estensione delle parole che usereste scrivendomi.

Già fra noi la lingua è una cosa indifferente—l'anima parla all'anima, e la parola appena più adombrare questo arcano e spirituale linguaggio.

E il vostro francese, Elisa, a me sembra italiano – a me sembra la lingua materna, dacchè voi m'esprimete in essa le delicati emozioni del vostro cuore.

Salutate il Colonnello e scrivetemi lungo e presto.

Dall'ongaro.

Avrò io i vostri ritratti?

4.

20 novembre 1843.

Vi scrivo, gentil Signora, dal letto dove un ostinato reuma mi condanna da qualche giorno.

Vi scrivo una riga a dispetto della febre, del medico, e dell'infermiere, pure per non perdere la buona occasione che m'offre il Signor Otchkine, vostro cugino, cred'io, gentile persona che fu per me un vero angelo, perchè distrusse con una parola i sinistri sospetti che m'avea fatto nascere una sua lettera.

Egli m'avea scritto mille cose gentili da parte vostra, ma la somma era ch'io non potevo più sperare vostri caratteri, nè farvi giugnere i miei.

Non mi scrisse il perchè — addurse seccamente il vostro improvviso allontanamento da Varsavia.

Qualche giorno dopo seppi da altri che eravate ancora costì.

Io non mi seppi spiegare questa contraddizione che dando luogo nella mia calda fantasia a mille sospetti.

Temetti per me e per voi - ora so la premozione del Signor Ouchakoff, so l'incertezza del vostro recapito; so che mi sarebbe difficile ritrovarlo—ma non arrivo ancora a comprendere come la *nuova* e la *picciola* Russia sieno luoghi così divisi dal mondo che non si possa spedire di là una lettera nell' Italia.

Sono io forse indiscreto?

La testa non mi regge, e mi s'aggravano alquanto gli occhi — mi conviene esser breve.

Continuate ad esser buona con me, gentile Elisa; in Italia non s'interrompono le corrispondenze letterarie così per capriccio, o per una prima difficoltà che poi non sembrami insuperabile—o almeno non si cominciano.

Io pubblicai già la Poesia dove, vi scriveva d'aver confidato alla fama—picciola e circoscritto com'io posso sperarla il nome amabile *d'Emma*.

A un altro nome consegrai altri versi che mai non pubblicherò colle stampe.

Terminerò questa lettere colle due ultime strofe di quel mesto componimento.

Le aggradirete queste, forse vi scriverò il rimanente.

Quel fior che cerchi ed ami
Fin dalla prima aurora
I cui sognati stami

Non hai veduti ancora,
E i freddi climi e i torridi
Ne voi chiedendo invan.

Simbolo d'un ascosa
Felicità sovrana
Quella *cerulea rosa*
Troppo è da te lontana,
Cresce fra' muschi e l'ériche
D'inabitato pian.

Dall'ongaro.

5.

Bruxelles, 12 luglio 1856.

„Parmi nel core serbar la traccia
Che un' altra volta già m'apparisti.
Bianca la veste, bianca la faccia
Come un presagio d'anni men tristi.

Anco rammento le tue parole·
Che dolci e lievi scendeanmi al cor
Come concerto d'arpe e oiole,
Come sospiri d'un primo amor".

Questi versi, Elisa, che vi piacgnero un giorno, sulla cheta laguna della mia Venezia, quanto volontieri ve li avrei ripetuti a Bruxelles, se un buon angelo vi avesse ispirato a venirvi! Forse, o ch'io m'illudo), l'ispirazione ve ne sarebbe venuta, se aveste ricevuto una lettera ch'io vi scriveva or fa un anno a Pietroburgo, e più ancora se aveste voluto conoscere il culto devoto ed affettuoso ch'io non ho mai cessato di consecrarsi alla vostra memoria.

Ah! voi credete che i poeti sieno soggetti all'influenza dello spazio e del tempo come gli altri semplici mortali!

Dio vi perdoni, Elisa, la immeritata credenza!

Il buon Generale [1] fu a trovarmi nell'umile mia casetta prima di partir per Parigi. Abbiamo fatti lunghi discorsi, e agitate discussioni ancora più gravi di quelle d'un tempo.

---

[1]) Николай Ивановичъ Ушаковъ.

Seppi dell'amabile Lubinka divenuta madre di due figli [1]). Duro fatica a figurarmi quel gentile folletto divenuto *materfamilias!*

Ci eravemo concertati col Generale, che al suo ritorno da Parigi, si sarebbe incaricato d'una mia lettera e di qualche nuovo verso per voi—ma non ho avuto la pazienza d'attenderlo.

Sapervi cosi vicina, e non affrettarmi a scrivervi una riga, mi parve cosa poco degna del vostro vecchio poeta.

E non verrete voi qui?

Non vi sedurranno le feste magnifiche che si preparano al re Leopoldo? Archi trionfali, carri mitologici e storici, inni e baldorie d'ogni maniera, come sanno architettarne i fiamminghi! Davvero oso credere appena che possiate rinunciare a questo breve viaggio.

Certo non vi è qui un viale di *mimose orientali*, come nei giardini di Venezia, ma se voi conservate per quella pianta l'antica simpatia, sappiate ch'io ne coltivo una nel mio picciolo *jardin d'hiver*, appunto in memoria di quei deliziosi momenti. Questo vale una poesia, mi pare!

So che avete una graziosa bimba con voi, e da due giorni metto sossopra cielo e terra per trovarle una governante.

Ah! s'io potessi mutar sesso ed età! Ma i tempi di Tiresia sono lontani, ed oggimai siamo condannati a restare quello che madre natura ha voluto farci nella sua alta e imperscrutabil saggezza!

Addio, *pellegrina che là t'arresti!* Possiate voi ricordar questi versi, e conservare un picciol posto nella vostra memoria all'autore.

Devotissimo vostro

Francesco Dall'ongaro.

Rue Iosafat 68.

---

[1]) Любовь Николаевна Скворцова, выйдя замужъ за Н. Ѳ. Романовича, имѣ*двухъ дочерей.*

6.

Bruxelles, 28 luglio 1856.

Le nostre lettere s'incontrano per via e non rendono più sollecite le nostre intelligenze.

Ad una parte della vostra gentillissima del 16, risposi direttamente al Generale, dirigendo la lettera a Kissingen.

Ignoro se questa lettera vi seguirà a Dresda.

Essa contiene copia del diploma accademico della giovane istitutrice d' Anversa, ed una letterina ch'ella m'indirizzava, dalla quale avrete una prova, se non d'altro della sua modestia.

Ho veduto la fanciulla, che ha già 22 anni. Ha un' indole semplice e affettuosa. Ma non manca di fermezza nè di energia.

Potrà quindi imparare ciò che non sa, e captivarsi l'animo della vostra figlinolina tanto da farsi amare e rispettare. E figlia di un medico che è nel medesimo tempo orticultore distinto; quindi visse anch' essa in mezzo alle piante ed ai fiori, ed ha imparato a conoscerli, a coltivarli ad amarli.

Vi parrà ragion da poeta—ma io credo che l'amore intelligente della natura sia buon indizio e buon fondamento per una governante.

Perciò vi raccomanderli mille volte più questa, che l'altra colla quale ebbe a trattare il Sig. Generale. È una tedesca *vaporosa* troppo più curante di sè che d'altrui.

Quanto alle sue pretensioni sul prezzo, esse andavano a 2500 franchi; mentre il Generale non era disposto ad oltrepassare i 2,000.

Io parlai alla giovanetta d'Anversa su quest'ultima base. Ad ogni modo vi dicevo e pregavo voleste venire voi stessa a Bruxelles, poichè non credo dovere nè poter prendere sopra me stesso la risponsabilità di conchiudere in un affare si dilicato.

Voi dite di avere qualche settimana disponibile ancora—perchè non fareste un viaggio fin qui?

Non crediate che il solo desiderio vivissimo ch'io ho di rivedervi, mi detti questa preghiera.

Gli è ch'io considero come utilissimo il vostro viaggio per abbreviare le trattative e condurle a buon fine senza che nessuno di noi abbia dopo a pentirsene.

Dresda alfine non è in capo al mondo: una gita sul Reno facile e piacevole.

Da Cologna a Bruxelles è un passo, se non vi annoja la strada ferrata. Venite dunque, Elisa; una vostra riga mi annunzi la vostra risoluzione, e mi dica con precisione il giorno che arriverete a Cologna.

S'io posso vi verrò incontra fin là, o almeno fino a Verviers ch' è il confine del Belgio, per evitare l'impiccio del passaporto.

Sarei imbarazzato a suggerirvi quali fra i libri moderni possano appurare le vostre idee e confermare le vostre convinzioni.

È probabile che le nostre anime, Elisa, non si sieno avanzate per la medesima via, nè abbiano raggianta la stessa meta.

Le serene regioni dello spirito devono naturalmente essere più famigliari per voi che per me.

Vi è però un libro ch'io credo potervi raccomandare con qualche fiducia ed è *Terre et Ciel* par I. Reynaud. Più volte leggendolo ho pensato a voi, e ad una seria domanda che mi faceste nei giardini di Venezia intorno alle stelle, e alla opinione che possano essere destinate a nostro soggiorno nella vita avvenire.

Quanto volontieri parlerei a lungo con voi, Elisa, su questi argomenti che innalzano l'anima, quando non si fa schiava di gretti calcoli, e di misere superstizioni.

Più di tutti i libri però io vi consiglio lo studio e l'amore della natura. Questa è il libro dei libri: questa è la vera ed eterna rivelazione di Dio.

Ma basti di questo per oggi, che altrimenti correrei rischio di scrivere un trattato—un trattato che spero riassumere in poche ed affetuose parole, se il mio bel sogno di rivedervi non si dilegua

Voi mi chiedete di mio fratello. Oh! voi non pensaste certo, Elisa, di mettere il dito sopra una ferita che sanguina! Mio fratello pittore suggellò col sangue la sua fede politica—come un altro mio fratello—che miracolosamente guarì—come io stesso lavò suggellando col sudor dell' esiglio.

Tutta la mia famiglia fu unanime: tutti abbiamo pagato e paghiamo il nostro tributo alla grande e infelice causa che pende ancora innanzi al tribunale di quel Dio che vuole gli uomini rispettivamente liberi, e sottomessi a lui solo, e alla legge eterna del Dovere e della Ragione.

Non mi pento di ciò che ho fatto, non rinunzio alla mia speranza, aspetto con serena e operosa rassegnazione che si compia il giudicio di Dio, e vengà il suo regno sulla terra, come nel cielo.

Se mai questa fiducia avesse a spegnersi nell'animo mio, quel giorno, Elisa, io non amerei e non vivrei più. A che vivere, quando non s'ama, e non si crede, e non si spera più nel trionfo della giustizia e della verità?

Voi mi troverete forse troppo poeta per aver avuto una parte si seria e dolorosa nelle vicende del mio paese—che volete?

Io sono sempre quello stesso

Dall'ongaro.

7.

Bruxelles, 3 agosto 1856.

È probabile che al ricevere di questa mia, avrete già veduto Mademigella Rodagas, che partì ieri sera alla volta di Dresda, accompagnata da due righe mie, nelle quali ho formulato le condizioni del suo *engagement*.

Ho voluto lasciarvi tutta la latitudine di modificarle, secondo l'esito della prova, che del resto spero abbastanza soddisfacente.

La giovane sente forse un pò del villaggio, e non potrà sulle prime compier l'ufficio di un ottima *istitutrice*.

Ma come *governante* ho fiducia che riuscirà, solo che voi vogliate giovarla di opportuni consigli.

Il fondo è buono, la morale eccellente, l'istinto religioso profondo e vero.

Voi avete quindici giorni per farne l'esperienza a Dresda, e un anno per vedere come procede nel bene nella vostra casa di campagna.

L'ho munita di qualche picciolo trattato che vi compiacerete di esaminare prima che ne faccia l'epplicazione alla vostra bambina.

Suo padre fu qui, e avrebbe voluto accompagnarla egli stesso: ma come la giovane mi pareva abbastanza animosa, io lo consigliai a lasciarla partire tutta sola, come mostraste desiderare.

Ella è ora nelle vostre mani; voi l'avrete guidicata—e spero che il vostro giudicio non sarà molto diverso dal mio.

Ad ogni modo, scrivetemi aperto e francamente per mia tranquillità e per quella de' suoi parenti.

Avevo l'intenzione di trascrivervi certe poesie che composi da ultimo e non sono ancora stampate: ma il tempo mi manca, e mi conviene rimetterlo ad altro giorno.

Scrivendo al Generale e alla graziosa vostra compagna d'un tempo, ricordate loro il mio nome.

Conosceste a Dresda la baronessa di Reinsberg conosciuta nella letteratura sotto il suo nome d'Ida Düringsfeld?

È una Signora piena di spirito, che conobbi a Bruxelles, e che conoscereste, credo, con piacere.

Se la via lunga, e il passaporto spirato, e il mio cattivo genio mi tolse la fortuna di vedervi compensatemi con taluna delle vostre sempre care e preziose lettere.

Peccato che la parola scritta riesca sempre così fredda e così scolarita a manifestare lo stato dell'anima nostra!

Deh! non misurate, vi prego, da queste parole il vivo sentimento d'amicizia che sento per voi!

Il vostro devotissimo

F. Dall'ongaro.

7.

Bruxelles, 11 agosto 1856.

La vostra ultima lettera mi trovò ammalato, e non mi restitui la salute.

Mi spiace vivamente non essere riuscito, com' io volevo, a trarvi d'imbarazzo.

Incolpatene un poco la vostra fretta: del resto gittate pure tutto il carico sul vostro *carissimo poeta*, e sulle illusioni da cui si lascia ancora sorprendere.

Sapevo bene che la damigella ch'io vi spedivo non possedeva nè l'età, nè l'esperienza, nè tutti i numeri richiesti. Ma mi lusingavo che potesse supplire colla bontà del carattere, e colla naturale energia di cui la credo capace.

Dall'altra parte chi ci saprà dire se un' indole come quella che voi riconoscete nella vostra Maria, sia più governabile da una severa duegne, che da una insinuante compagna?

Ma voi siete certamente al caso di giudicarne meglio di me, e non vorrei per tutto l'oro del mondo che aveste a fare per riguardo a me una cosa che ripugna alla vostra coscienza materna.

Vi sarò riconoscentissimo se userete l'opera vostra perchè questa buona fanciulla abbia un collocamento più opportuno, e uguamente onorevole presso l'amabile vostra cugina.

Benchè ammalato, non ho mancato d'informarmi più particolarmente sulla facoltà musicale di m-lle Stelling.

Mi fu risposto che è molto debole in questo ramo, e che è fermamente determinata a non accettare nessun collocamento nel nord.

La vera ragione è questa delle sue ritrosie e della difficoltà che faceva.

Vedato questo, e volendo pure ajutarvi se potessi, ad uscire d'impiccio, ho preso alcune informazioni che mi parvero favorevoli sopra una Madamigella Sanderson, che è presentemente a Gotha, e che, approfittando della vici-*za, verrà* a farvi una visita.

Vedetela, e se vi soddisfa e meriterà di dividere con voi le gravi funzioni di madre e di educatrice, sarò lieto di avervela suggerita.

Scrivetemi ancora, vi prego, prima di lasciar la Germania, e non vogliate ricordarvi che lo zelo d'amicizia e la buona volontà che ho portato in questa faccenda.

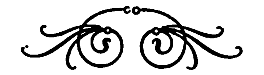
Vi accludo una lettera del fratello di Madamigella Sanderson, ed una riga che avrete l'estrema bontà di passare alla mia povera *protegée*.

Bisogna bene ch'io la prepari ad ogni eventualità.

Scrivete al Generale le cose più affettuose da parte mia, e gradite i rispettosi saluti

da vostro devotissimo

F. Dall'ongaro.



Копія съ формулярнаго списка о службѣ служившаго въ Малороссійскомъ кирасирскомъ полку порутчикомъ и по Высочайшему приказу 1800-го г. декабря 25 назначеннаго къ статскимъ дѣламъ Павла Стороженка [1]),—выписаннаго изъ присланныхъ отъ онаго полку отъ 1-го генваря 1797-го года послужныхъ списковъ.

Порутчикъ Павелъ Даниловъ сынъ Стороженко, 32 лѣтъ, изъ дворянъ Черниговской губерніи, что нынѣ Малороссійская, Борзенскаго уѣзда села Лисогоръ, за нимъ съ братьями мужскаго пола 275-ть душъ. Выпущенъ изъ сухопутнаго кадетскаго корпуса изъ кадетъ симъ чиномъ 1787 г. ноября 15-го. По выпускѣ изъ кадетскаго корпуса опредѣленъ въ бывшій Малороссійскій гренадерскій полкъ, изъ коего сформированъ конно-гренадерскій Военнаго Ордена, а изъ сего Малороссійскій кирасирскій,—1787 г. ноября 15-го. Выключенъ изъ службы по указу Военной Коллегіи по воинской экспедиціи, въ 18-ый день марта 1797-го г. состоявшемуся, за неприбытіе изъ отпуска—1797 г. апрѣля 15-го. Назначенъ къ статскимъ дѣламъ по Высочайшему приказу 1800 г. декабря 25-го. 1788-го г. марта съ 20-го іюня по 20-е въ Польшѣ, а съ того въ Молдавіи и Бессарабіи, 1789 г. сентября 7-го при дѣйствительномъ сраженіи противъ непріятеля при рѣчкѣ Салчѣ и прогнаніи его изъ лагеря, 8-го, 9-го, 10-го и 11-го числъ при преслѣдованіи за онымъ, а 12-го того же мѣсяца при канонадѣ города Измаила, ноября 4-го при взятіи города Бендеръ, 1790 г. октября 6-го при занятіи Киліевскаго ретраншемента, а съ того ноября по 6-е при осадѣ, на вылазкахъ и взятіи оной крѣпости находился. По россійски читать и писать умѣетъ. Былъ уволенъ г. генералъ-порутчикомъ и кавалеромъ Нащокинымъ съ 24 апрѣля 1792 г. въ домъ его до полученія отставки. Въ штрафахъ по суду или безъ суда не бывалъ. Холостъ. Сверхъ комплекта при полку и находится въ домовомъ отпуску 1792 г. г. апрѣля съ 29-го. Къ повышенію достоинъ. Подлинный подписалъ подполковникъ князь Николай Кантакузинъ. Съ подлиннымъ засвидѣтельствовалъ секретарь Фроловъ. Съ подлиннымъ читалъ актуаріусъ Бочаровъ.

---

[1]) Два письма Павла Даниловича Стороженка были напечатаны въ *Фамильномъ Архивѣ, т. I, стр. 345—350.* Въ Родословникѣ онъ показанъ подъ № 14 на стр. 508.

Прошеніе Павла Стороженка къ неизвѣстному лицу о назначеніи его гражданскимъ цензоромъ въ Радзивиловъ.

Ваше Высокопревосходительство

Милостивый Государь!

Многочисленные опыты милости Вашей и расположенія благотворить прибѣгающимъ подъ покровительство Ваше подали мнѣ смѣлость утруждать Васъ моею нижайшею просьбою.

1787-го года ноября 16 дня выпущенъ я изъ сухопутнаго кадетскаго корпуса поручикомъ, и въ семъ чинѣ находясь болѣе тринадцати лѣтъ, служилъ въ арміи, былъ въ сраженіяхъ и при осадахъ городовъ. По слабости же здоровья, не могши долѣе продолжать воинской службы, просилъ объ опредѣленіи меня къ статскимъ дѣламъ, и по Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію минувшаго 1800 года декабря 25 дня препровожденъ въ Герольдію для опредѣленія къ мѣсту. Извѣстясь же нынѣ, что есть ваканція гражданскаго цензора въ Радзивиловской Цензурѣ, нижайше прошу Ваше Высокопревосходительство помѣстить меня на помянутую ваканцію съ награжденіемъ чина. А какъ я не имѣю чести быть знаемъ Вашимъ Высокопревосходительствомъ, то ссылаюсь на знающихъ меня особъ, Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Туманскаго и Статскаго Совѣтника Безака, кои о мнѣ могутъ свидѣтельствовать.

Найубѣдительнѣйше умоляю Ваше Высокопревосходительство не отринуть моей просьбы и воззрѣть милостивымъ окомъ на того, который по жизнь свою благодѣянія Ваши памятовать будетъ, и который съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ имѣетъ честь быть

Вашего Высокопревосходительства

Милостиваго Государя нижайшій слуга

Павелъ Стороженко.

Февраля 21 дня
1801-го года.

Завѣщаніе премьеръ-маіора Григорія Андреевича Стороженка, умершаго 16 іюня 1810 года въ с. Ржавцѣ.[1]

Сознано лично господиномъ маіоромъ Григоріемъ Андреевичемъ Стороженкомъ 1810 года, мая 2 дня.

Тысяча восемьсотъ десятаго года, апрѣля въ двадцать седьмой день.

Всякій смертный человѣкъ не предвидитъ кончины своей, а я, бывая часто боленъ, также не могу вѣдать, когда къ Создателю моему позванъ буду въ сей жизни, а потому, имѣя имѣніе, хотя посредственное, доставшееся по дѣлежу вѣчисто отъ однофамильцовъ моихъ Стороженковъ, и сверхъ того и собственно мною благопріобрѣтенное, обязанъ оному сдѣлать распоряженіе, дабы оное и по смерти моей не только въ стороннее какое захваченіе не разрушено каковымъ либо нерадѣніемъ, но и дѣти мои не имѣли бы власти разнонравіями попустить онаго въ стороннія руки ни подъ какимъ видомъ, ни за долги таковы, которые они безъ позволенія моего нажили, ни продажею, а соблюли бы, примѣрно мнѣ, вѣчно при себѣ, ибо я имъ не оставляю долговъ собственныхъ, за которые могло бы утратиться имѣніе. Помянутое же разнонравіе между дѣтьми моими долгомъ моимъ поставляю тутъ объяснить, и, призывая Бога въ свидѣтели, свидѣтельствую по самой истинѣ, что съ дѣтей моихъ до сего времени въ началѣ,

Во первыхъ, я нахожу старшаго сына моего Павла, что нынѣ губернскій секретарь, и добронравнѣе набожностію отличною и гораздо способнѣйшимъ къ удержанію имѣнія, по выше объясненному моему намѣренію, способностію его къ хозяйственному распоряженію, и таковужъ благоразуміемъ дочь мою Анну, въ дѣвицахъ находящуюсь; они обое, первый хозяйствомъ, а послѣдняя правленіемъ въ домѣ—дѣлаютъ непосредственную мнѣ помощь безъ паденія до сего времени имѣнія

[1]) За сообщеніе намъ копіи завѣщанія приносимъ благодарность В. Л. Модзалевскому.

моего, почему первый заслуживаетъ моей родительской довѣренности и по смерти моей, а послѣдняя уваженія, такъ, чтобы объ ней положить и установить одинъ разъ навсегда и чтобы въ случай перемѣны ея состоянія выходомъ въ замужье получила съ имѣнія моего участь, закономъ установленную, приданымъ со всего моего имѣнія доходовъ, и, какъ закономъ установлено, невыданныхъ дочерей удовлетворить движимымъ имѣніемъ, составляющимъ со всего моего имѣнія цѣну четвертую долю всего недвижимаго имѣнія—то въ началѣ всего.

Во вторыхъ, завѣщаю сыну моему Павлу неотмѣнно, безъ всякихъ ея затрудненій, исполнить тотъ законъ; въ противномъ же случаѣ должна она всегда моего недвижимаго имѣнія получить безпрекословно и безъ тяжбъ (Боже сохрани!) судовыхъ четвертую часть, будабы она до того доведена была, противу того вдвое.

Въ третьихъ, учреждаю и вливаю власть старшему сыну моему Павлу, по смерти моей, взять въ свое, по волѣ его, содержаніе и распоряженіе все мое недвижимое имѣніе, въ которомъ онъ сіе долженъ безъ прекословія отъ прочихъ братьевъ во всѣхъ частяхъ имѣнія моего по равномѣрному числу крестьянъ, зачитая взятыхъ людей на услуги Михайломъ на его часть, и если бы подобныхъ не нашлось во владѣніи удалостію и способностію ко услугамъ, каковы имъ взяты, по постойности [1]) оныхъ, взять Павлу въ часть свою съ прибавкою и угодій, каждому между себя въ части назначить, и тое имѣніе все, не пуская въ особенности каждому во владѣніе, но во всемъ ономъ собственно отъ себя учредить и продолжать таково распоряженіе въ хозяйствѣ, чтобы оное составить могло, безъ отягощенія людей, соотвѣтствующій количеству недвижимаго имѣнія доходъ, о которомъ весть записки, и дабы онѣ справедливы были подъ собственнымъ присмотромъ Павла и его засвидѣтельствованіемъ руки подписомъ, и таковымъ запискамъ братья его должны вѣрить и утверждаться на ономъ безъ всякаго прекословія, для веденія коихъ имѣть исправнаго экономическаго писаря, за таковъ же трудъ сына моего Павла получать ему, кромѣ на его участь принадлежащихъ съ его части, — съ прочихъ частей, спадающихъ на его братьевъ Петра, Михайла и Исаака, опекунскій закономъ установленный пятый процентъ.

Сіяжъ опека возлагается отъ меня на сына моего Павла надъ всѣмъ моимъ имѣніемъ по нижеслѣдующимъ резонамъ, а именно:

Первое, съ сыновъ моихъ Петръ, что нынѣ въ военной службѣ унтеръ-офицеръ, хотя и добрый человѣкъ, кроткій и смирный, но посѣщеніемъ Божіимъ простъ и вовсе неспособный къ хозяйству, такъ, что

---

[1]) Стоимости.

можетъ утерять часть свою нечувствительнымъ образомъ, не только, чтобы могъ что либо собрать доходовъ въ его надлежащей части, почему и долженъ онъ служить по смерть свою въ военной службѣ, но по распоряженію пріобрѣтенный доходъ старшимъ его братомъ Павломъ на его часть онъ получать долженъ, по состоянію достоинства его въ службѣ, ко вспоможенію служенія его, съ наблюденіемъ отъ старшаго его брата, но и то, дабы давалъ отчетъ ему Павлу, яко опекуну имѣнія, о всемъ, гдѣ, что и на какую надобность онъ употребилъ; а если онъ отчета въ томъ дать ему Павлу поупрямится за свидѣтельствованіемъ командира его, на что употребилъ, то и не отпускать ему и его доходовъ.

Второе. Впрочемъ сыны мои, Михайло и Исаакъ, имѣющіе чины статскіе противу чиновъ военныхъ оберъ офицерскихъ, скажу я тутъ, что они доставлены въ началѣ ихъ службы въ прошломъ 1803 годѣ мною лично съ многими убытками въ Санктпетербургъ въ Юнкерскій Институтъ, съ котораго поступили оба въ должности къ министру финансовъ, гдѣ, находясь до сего времени, съ нихъ Михайло подъ видомъ и на брата своего—забирали съ доходовъ экономическихъ не малую сумму тысячами чрезъ все прошедшее время отъ меня, о количествѣ котораго забору выписка тутъ прилагается съ экономическихъ записокъ, но къ крайней моей печали прилагаемымъ тутъ письмомъ, писаннымъ ко мнѣ отъ Исаака, доказывается, что та неусыпными трудами моими пріобрѣтаемая сумма растрачиваемая была оными сынами моими бездѣльно и безъ всякаго разсужденія, что, въ разсужденіи посредственнаго моего имѣнія, ихъ части не могутъ составить доходовъ, чтобы имъ и помыслить дерзнуть растрачивать безъ законной необходимости; съ того письма я вижу, что они наживаютъ на таковоежъ марнотравство и долги, непозволенные мною и законами. Сей припятый ими нравъ, не по природѣ ихъ, но собственно ими взятый на ихъ пагубу, столь родительскому попеченію объ нихъ моему огорчительный, учреждаютъ во мнѣ принять предосторожность и увѣряютъ таковою растратою, не по мѣрѣ надлежащаго на ихъ дохода, о неспособности ихъ къ хозяйству въ распоряженіи имѣніемъ, и что они могутъ таковыми ихъ поступками, къ безславію моему невинному, утратя участи своей, не имѣть уже и впредь при старости ихъ лѣтъ прибѣгнуть куда либо главу подклонити да и за молодыхъ лѣтъ скитаться по чужимъ угламъ! Отвращая отъ нихъ сіе бѣдствіе, учреждаю я симъ не имѣть имъ власти иной, какъ только, каковы бы могли по распоряженію старшаго ихъ брата собраться доходы, на ихъ участи принадлежащіе, получать и удовольствоваться оными, а куда употреблены будутъ, давать старшому своему брату письменный самосправедливѣйшій отчетъ, и если окажется употребленіе на таковое же марнотравство, то и принадлежащихъ

на ихъ части доходовъ имъ не отпущать, а содержать въ цѣлости на непредвидимый случай; участи имѣнія недвижимаго въ случай непомѣрныхъ каковыхъ ихъ долговъ должны быть свободны отъ распродажи, поелику я имъ не позволялъ насчетъ моего имѣнія наживать долговъ; почему даю знать суду симъ же ко опубликованію, дабы нигдѣ въ судахъ принимаемо не было на продажу ихъучастей отъ оныхъ сыновъ моихъ купчихъ крѣпостей и не конфирмовано, а равно и въ случай за долги распродажи, то такъ какъ за непозволенные мною долги не слѣдуетъ правительству распродавать, ибо я отрекаюсь платить ихъ долговъ, яко оные не по волѣ моей, а по своевольству ихъ иныбы нажиты, а въ такой крайности благоизволитъ правительство взыскивать съ собственно ихъ лицъ, какъ законъ повелѣваетъ, и дѣлаю имѣніе мое отъ оныхъ и по смерти моей свободнымъ. Сіе все я утверждаю на вѣчныя времена симъ моимъ завѣщаніемъ, дабы небольшое мое имѣніе, какъ выше объяснено, не могло быть разрушено и оставалось бы ненарушимо добропорядочному потомку своего потомства и не только въ чуждыя руки не доставалось ни подъ какимъ видомъ, ни по продажѣ, ни за долги, ни за что.

Но если бы сыну моему Павлу отяготительно сію опеку держать, однакожъ я не освобождаю его до тѣхъ поръ отъ оной, покудова онъ не изберетъ и не исходатайствуетъ вмѣсто себя отъ правительства опекуна къ частямъ Петра, Михайла и Исаака на таковыхъ точно обстоятельствахъ, на каковыхъ и ему отъ меня сія опека поручается, который опекунъ долженъ отъ него во всемъ зависѣть; въ случаѣжъ онаго опекуна непорядковъ перемѣнить другимъ, и для того и вѣдать ему распоряженіе опекуна въ собраніи доходовъ и въ употребленіи оныхъ на основаніи вышеобъясненнаго сего моего постановленія; и тогда можетъ остаться свободнымъ отъ оной, оставаясь при назначенной точно имъ себѣ части. Завѣщаю присемъ, что какую бы онъ ни назначилъ себѣ часть, то-есть въ каковыхъ селеніяхъ и предмѣстіяхъ имѣнія моего и какихъ крестьянъ и угодій за выгоднѣйшихъ найдетъ себѣ въ часть поставить, лишь бы только равномѣрна была, какъ въ числѣ ревизскихъ наличныхъ душъ, такъ и въ количествѣ мѣры земли, пахатной, сѣнокосной и лѣсной, противу прочихъ, то оная должна быть по смерти моей, безъ всякаго прекословія отъ братьевъ его, вѣчно и ненарушимо во владѣніи его и потомковъ его, яко способнаго къ хозяйству и достойнаго о немъ сего моего постановленія.

Къ онымъ участямъ каждаго нужны быть усадьбы для жительства; извѣстно же и по общей раздѣлкѣ, съ признательности однофамильцевъ, значащейся по постановленію и раздѣлочному реестру, по которой я сіе имѣніе получилъ, что усадьба, на которой я жилымъ домомъ нынѣ жительствую, учреждена собственно моими трудами, на землѣ та-

ковой, которая прежде была пустыремъ, неокопана и необсажена садомъ, неимѣвшая никакого на себѣ строенія, ни господскаго, ни крестьянскаго, но я окопкою и, обсадивъ садомъ, собственными моими трудами и устроилъ жилой домъ съ службами и другими строеніями и такимъ образомъ устроилъ усадьбу значительною и соразмѣрною обширностію ея всему моему имѣнію пропорціею своею, но, дабы труды мои неповержены ни во что, а цѣлостно та усадьба состояла своею окружностію навсегда и вѣчно безъ раздробленія оной и разрушенія на оной строеній между моими дѣтьми раздѣлкою, то въ цѣлости той усадьбѣ и оставаться на вѣчныя времена по смерти моей сыну моему Павлу одному, во уваженіе имъ однимъ понесенныхъ трудовъ въ вышеобъясненной помощи мнѣ въ хозяйствѣ и процессовыхъ дѣлахъ, и что съ общихъ доходовъ не имѣлъ онъ, не имѣетъ и до смерти моей неимѣтиметъ полученіемъ собственно на себя со всего имѣнія изъ приходящаго мнѣ доходу подъ мое собственное распоряженіе; а если и получилъ, то собственными своими трудами, съ таковыхъ земель, которыя употребляемы не были въ мою экономію; вопреки чего прочіе сыны мои, какъ выше обьяснено, забирали съ моего готоваго дохода и трудами сына моего Павла пріобрѣтаемаго неуважно и на недѣльныя ихъ употребленія, удалясь отъ дому моего въ Санктпетербургъ и не дѣлая мнѣ никакой помощи въ хозяйствѣ. Но дабы и оные сыны мои по пропорціи каждому количества въ участь имѣнія имѣли мѣсто, то опредѣляется имъ всѣмъ троимъ по равной части противу объясненной усадьбы моей лежащую обширную леваду, касаясь даже къ сухому яру, въ которомъ нужно имѣть воду къ водопою учрежденіемъ колодцевъ и загаченіемъ пруда, каждаго усадьбы возможно, раздѣливъ оную на три равныя доли: Петру, Михайлу и Исааку; почему каждый на своей участи по своему произволенію можетъ устроить для себя домъ изъ лѣсовъ, какова каждому достанется часть, и покупкою дерева, ибо и я на устроеніе жилаго моего дома найболѣе покупалъ дерево.

Будежбы по Божіей волѣ дѣти мои и ихъ потомство измерли, такъ, что некому было бы наслѣдовать симъ имѣніемъ, то сіе все мое имѣніе подъ опекою отъ приказа общественнаго призрѣнія цѣлостно и ненарушимо оставаться должно, доходы же онаго я отношу ко употребленію въ жертву на воспоминаніе мое и собственно потомковъ моихъ въ снабдѣніе нищимъ бѣднымъ и сиротамъ, ибо другихъ моихъ всѣхъ родственниковъ, близкихъ и дальнихъ, и особливо однофамильцевъ моихъ Стороженковъ, вовсе удаляю нынѣ, и въ такомъ случаѣ, яко я во всю жизнь мою отъ нихъ мучительно огорчаемъ тяжбами, притязаніями и недачею полностію такова имѣнія, каково бы мнѣ принадлежало на мою часть по наслѣдству. Однакожъ объясняю при семъ, что *въ числѣ коихъ гони*телей я не считаю однофамильца дѣйствительнаго

статскаго совѣтника и кавалера Николая Михайловича Стороженка, потомка отъ другаго дѣда моего, сотника Иваницкаго Ивана Стороженка, происходящаго, и по безпримѣрной добротѣ души его и кротости и почиталъ, почитаю, и обязанъ и завѣщаю потомству моему искреннѣйшимъ родственникомъ почитать его.

Присовокупляю и сіе обстоятельство о выданной мною старшой моей дочери Маріи за флота лейтенанта Савицкаго. Я обязанъ тутъ-же объяснить, что сія дочь моя, продолжительно находясь въ дѣвицахъ во время другихъ дѣтей моихъ малолѣтства, имѣла случай невозбранный со всѣхъ моихъ доходовъ весьма хорошо снабдиваема быть богатымъ различнымъ одѣяніемъ праздничнымъ, такъ какъ и во время продолженія жизни матери ея чрезъ двадцать три года споряжаемо ей, а моей женѣ, отъ меня одѣяніе, собранное и оставшееся по смерти матери ея, она все то получила, и въ другихъ вещахъ, что все можетъ назваться достопрочнымъ приданнымъ, на ея участь безъ всякаго отъ зятя за то приданное записа его имѣнія, по правному наставленію во обнадеживаніе возвращенія въ случай смерти его безъ потомка должнагобъ быть, то и разсудилъ я достаточною до сего всего того полученнаго нею, но въ случаѣ растраты онаго приданнаго и смерти мужа ея и безпотомства не могла быть она убѣжища въ его имѣніи имѣть, то завѣщаю дѣтямъ моимъ дать ей для жительства убѣжище, а хотя бы и не впала въ послѣднее состояніе, отъ всѣхъ сыновъ моихъ съ участи ихъ и отъ дочери Анны, сложа между собой, всего одну тысячу рублей.

Мельницы же я назначаю въ части сыновъ Павла—Иваницкія, Петра, Михайла и Исаака—Ичепковскія, а къ тому сынамъ моимъ Петру, Михайлу и Исааку отдѣляю каждому по одной вѣтряной мельницѣ, изъ коихъ двѣ есть наличны, а третью изъ имѣнія моего устроить должно.

Наконецъ за нужное почитаю также упомянуть: препоручаю и завѣщаю Павлу Стороженку дойтить окончанія дѣла, въ Правительствующемъ Сенатѣ подъ разсмотрѣніемъ находящагося, въ претензіи моей за порубъ Черниговской губерніи Нѣжинскаго повѣта подъ селомъ Томашовкою лѣсовъ на коллежскаго ассесора Константина Селевановича и помѣщиковъ надворнаго совѣтника Григорія, секундъ маіора Кирилла и прапорщика Алексѣя Закревскихъ [1]), но къ сему дохожденію употребить долженъ стараніе съ доходовъ всего моего имѣнія, а не только съ своей части, безпрекословно и безотрицательно отъ его братьевъ въ томъ;

---

1) Двѣ жалобы Григорія Андреевича, поданныхъ въ декабрѣ 1787 г. графу Румянцеву по поводу порубокъ въ Томашовскихъ лѣсахъ, напечатаны въ I т. Фамильнаго Архива на стр. 141—146.

еслижъ бы кто съ нихъ, братій его, хотя малѣйше въ старательствѣ и вспомоществованіи съ нихъ участей деньгами отрекся, то таковаго за небреженіе лишаю я и удаляю участи, на него принадлежащей по приговору ихъ Закревскихъ и Селевановича, взысканіи и полученіи отъ нихъ оной претензіи, но такова участь его въ той претензіи должна оставаться при Павлу Стороженку вѣчно.

Сіе распредѣлительное постановленіе о недвижимыхъ имѣніяхъ моихъ, по наслѣдству и куплѣ мною нынѣ владѣемыхъ, къ ненарушимому исполненію показаннаго въ ономъ дѣтьми моими, сынами и дочерьми, и точному ими соблюденію всего, въ семъ постановленіи объясненнаго, на вѣчныя времена подписомъ собственноручнымъ моимъ и печатью герба моего при свидѣтеляхъ, на семъ подписавшихся, утверждаю.

Подлинное распредѣлительное постановленіе собственноручно подписалъ: Малороссійской Полтавской Губерніи повѣту Прилуцкаго помѣщикъ преміеръ маіоръ Григорій Андреевъ сынъ Стороженко. Печать. При составленіи сего распредѣлительнаго постановленія были и по просьбѣ собственноручно на ономъ подписавшагося помѣщика преміеръ маіора Григорія Андреевича Стороженка при печатяхъ въ свидѣтели подписались: изъ дворянъ протоіерей и благочинный Симонъ Политковскій. Прилуцкаго повѣта помѣщикъ штабсъ-ротмистръ Александръ Булгаровъ. Печать. Прилуцкаго повѣта въ селѣ Ряшкахъ осѣдлость свою имѣющій дворянинъ поручикъ Трегубовъ. Печать.

Опредѣленіе господъ подсудковъ, на выѣздѣ бывшихъ, на семъ распредѣлительномъ постановленіи наложено таково.

Тысяча восемсотъ десятаго года, мая 2-го числа, мы, нижеподписавшіеся, Прилуцкаго повѣтоваго суда подсудки, за выѣздомъ пашимъ Прилуцкаго повѣта въ село Ржавецъ по призыву помѣщика Прилуцкаго повѣта г-на маіора Григорія Андреевича Стороженка, въ соотвѣтствіе статутоваго права раздѣла 8-го артикула 2-го, лично, въ домѣ того же Стороженка, отъ него приняли сіе распредѣлительное постановленіе, предъ нимъ, Стороженкомъ, хотя въ болѣзни находящимся, но при доброй памяти и совершенномъ смыслѣ, вычитано оное въ слухъ, такъ что онъ выразумѣть всю силу сего распредѣленія могъ, и за прочетомъ онъ, Стороженко, утвердилъ во всей силѣ сіе распредѣлительное постановленіе и все объясненное въ немъ, объявляя, что все распредѣлительное имъ, Стороженкомъ, имѣніе стоитъ цѣны пятнадцать тысячъ рублей и просилъ вписать сіе распредѣленіе въ крѣпостную книгу и затѣмъ вручить изъ суда сыну его губернскому секретарю Павлу Стороженку, и поелику сіе распредѣленіе учинено соотвѣтственно статутовому праву раздѣла 7-го артикула 1-го за *подписомъ распредѣлителя* и трехъ свидѣтелей дворянъ протоіерея

Политковскаго, штабсъ ротмистра Болгарова и поручика Трегубова и лично предъ нами, нижеподписавшимися подсудками, сознано, и какъ мы отъ него, Григорія Стороженка, приняли цѣну двумъ листамъ крѣпостной гербовой бумаги, яко на простой гербовой написано, именно тридцать руб., и въ силу Высочайшаго указа, прошлаго 1808 года октября въ 28 день изданнаго, въ казну пошлинъ на мѣсто канцелярскихъ сборовъ десять рублей всѣ сполна, то и опредѣляемъ вписать то распредѣленіе въ крѣпостную книгу и затѣмъ отдать Павлу Стороженку, объясняя при семъ, что имѣющіеся въ томъ распредѣленіи приписки по утвержденіи самого распредѣлителя Григорія Стороженка должны существовать въ 4-мъ листѣ 7 страницы надъ пятою строкою именно „для жительства убѣжища" и подъ седьмой строкою „мельницы же я назначаю въ части сыновъ Павла Иваницкія, Петра, Михайла и Исаака Иченковскія", а отъ сей дикціи „Иченковскія" приписано на маргинесѣ за скрѣпою самого распредѣлителя Григорія Стороженка тако: „а къ тому сынамъ моимъ Петру, Михайлу и Исааку опредѣляю каждому по одной вѣтряной мельницѣ, изъ коихъ двѣ есть наличныхъ, а третью изъ имѣнія моего устроить должно". Сіе распредѣленіе подписали: подсудокъ Романовскій, подсудокъ Авраменко.

Конфирмаціи Прилуцкаго Повѣтоваго Суда на семъ распредѣлительномъ постановленіи таковы: Въ Прилуцкомъ повѣтовомъ земскомъ судѣ 1810 года, мая 4 дня, сіе распредѣлительное постановленіе г-на маіора Григорія Андреевича Стороженка и приложенные при томъ постановленіи регистръ объ издержкахъ его на сыновъ его Михайла и Исаака Стороженковъ и письмо къ нему, распредѣлителю Григорію Стороженку, съ тѣхъ сыновъ его отъ Исаака писанное вписаны въ крѣпостную сего суда книгу подъ № 69 на листахъ 90. 91. 92. 93. 94. 95. 96. 97. и 98. и съ симъ засвидѣтельствованіемъ и судовою печатью сіе распредѣленіе съ приложенными при немъ бумагами отдано сыну распредѣлителя г. губернскому секретарю Павлу Стороженку, а подлежащіе въ казну по выше значащейся помѣтѣ сорокъ руб. въ сей судъ внесены.

Подсудокъ Романовскій. Подсудокъ Авраменко. Въ докладѣ дѣлъ 14 класса Литвиновъ. Повытчикъ регистраторъ Козинцовъ. Печать.

Сей распредѣлительный записъ послѣ смерти распредѣлителя маіора Григорія Стороженка, послѣдовавшей сего года іюня шестнадцатаго числа, сыномъ его губернскимъ секретаремъ Павломъ Стороженкомъ сего августа 2-го числа при прошеніи въ Прилуцкій повѣтовый судъ для вѣдома о таковой распредѣлителя Стороженка смерти въ узаконенное время былъ представленъ и въ крѣпостной книгѣ тамо, гдѣ сей записанъ, о таковой явкѣ онаго отмѣчено, въ засвидѣтельствованіе чего и сія помѣта на немъ учинена, и съ оною отданъ помянутому

губернскому секретарю Павлу Стороженку обратно 1810 года августа 3 числа. Судья Василій Гудимъ. Подсудокъ Авраменко.

Что сія копія распредѣлительнаго постановленія съ таковаго подлиннаго точностію списана и съ онымъ есть во всемъ вѣрна, въ томъ Полтавской губерніи Прилуцкій уѣздный судъ свидѣтельствуетъ. 1839 года апрѣля 10 дня. На копіи помѣту подписали: судья Марковичъ, засѣдатель Афанасьевъ, секретарь Гатенковъ, канцеляристъ Войтенко. Печать № 420.

Сія копія съ таковоюжъ копіею распредѣлительнаго записа во всемъ вѣрна, въ чемъ Полтавское дворянское собраніе свидѣтельствуетъ. Ноября 20 дня 1843 года.

Депутатъ Капитанъ Мищенко.
Секретарь Иванъ Любомирскій.
Титулярный Совѣтникъ Артюховъ.

(Изъ Дѣла Арх. Деп. Герольдіи Пр. Сената).

Юношескія размышленія В. А. Стороженка о письмахъ къ нему отца.

Родители мои уѣхали изъ С.-Петербурга въ 1832 году,—кажется, въ мартѣ мѣсяцѣ, а изъ писемъ ихъ этого года осталось у меня только одно, отъ 20-го сентября; прочія, вѣрно, потеряны. Сущность этого письма заключается въ увѣщаніяхъ быть прилежнымъ. „Ты всегда слышалъ отъ меня,“ говоритъ отецъ мой, „что лѣность я почитаю важнѣйшимъ преступленіемъ.“ Но недавно только постигъ я всю справедливость этихъ словъ. Хотя никогда не отвергалъ я пользы наукъ, но лѣнь и сопутствующіе ей пороки долго не покидали меня. Да, я долго не былъ достоинъ любви твоей, отецъ мой! Скоро забывалъ наставленія твои! Женское сердце гораздо нѣжнѣе и потому смыслъ письма маменьки: любовь, привязанность, сожалѣніе и утѣшеніе!

16 января 1833 г.

Нѣжность родительская ясно выражается въ слѣдующихъ строкахъ отца: „Помни, что вы составляете всѣ пріятныя надежды, всѣ радости для меня, и что для чувствъ моихъ необходимо утѣшеніе, вами доставляемое. Но для этого учись, будь добрымъ, покорнымъ и терпѣливымъ. Старайся снискивать вниманіе и расположеніе къ себѣ старшихъ, исполняй свято всѣ приказанія, будь доволенъ всѣмъ,—и Богъ милосердѣйшій услышитъ мои и твои молитвы,—и поможетъ сдѣлаться тебѣ современемъ достойнымъ человѣкомъ.“ Какое свѣтлое, чистое, религіозное чувство, какая возвышенная душа! „Честность, прямодушіе и характеръ, облагороженный поступками“, продолжаетъ Родитель мой, „суть качества, возвышающія насъ и въ самой бѣдности. Намъ съ тобой фортуна не дала богатства; слѣдовательно отъ однихъ трудовъ и прилежнаго пріуготовленія себя къ онымъ зависѣть будетъ твое значеніе въ ограниченномъ кругѣ бѣднаго, но честнаго русскаго дворянина.“ Здѣсь нельзя не привести на память словъ нѣжнѣйшаго въ мірѣ существа: „Молись Всеблагому и учись, душенька, укловаться

отъ дурныхъ примѣровъ и будешь счастливъ въ чистой совѣсти.“ Дѣйствительно счастье не въ богатствѣ! Какъ часто упрекаю я родителей моихъ въ томъ, что они посылаютъ мнѣ мало денегъ. Должно помнить только, что отецъ мой въ теченіе 30 лѣтъ службы ни откуда не получалъ пособій. Разумѣется, другое время, другіе и обычаи; зато же я и получаю довольно въ сравненіи съ нимъ. „Я люблю болѣе всего трудъ и прилежаніе. Это хлѣбъ нашъ; это одна надежда бѣдному сравняться съ богатымъ.“

Маменька была въ Малороссіи и оттуда писала ко мнѣ: „поцѣлуй ручки добрѣйшей Натальи Андреевнѣ и старайся заслуживать любовь этой рѣдкой женщины.“ Это было слѣдствіемъ того, что я рѣдко бывалъ у нея; „это непростительно,“ говоритъ отецъ; „благодарность есть одна изъ первѣйшихъ нашихъ обязанностей.“

Отецъ непремѣнно хотѣлъ, чтобы я учился на скрипкѣ, но покуда, право, нѣтъ никакого расположенія или, лучше сказать, лѣнь преодолѣваетъ все.

Въ концѣ 1832-го года папенька писалъ мнѣ, что не доволенъ слогомъ и чистотой письма.

„Пиши такъ“ продолжаетъ онъ, „чтобы я могъ судить объ успѣхахъ твоихъ въ ученіи. Науки и свѣдѣнія — суть достояніе твое.“ Въ этомъ же письмѣ отецъ даетъ мнѣ совѣтъ, которымъ онъ изобличаетъ себя: „будь добрымъ, прилежнымъ; будь примѣрнымъ подчиненнымъ и хорошимъ товарищемъ и самъ Богъ благословитъ тебя.“ Я однажды написалъ папенькѣ о впечатлѣніяхъ, которыя произвели во мнѣ ножки; какія ножки, право, не помню. Это ему не нравилось и вслѣдствіе этого онъ писалъ: „Надо еще предаться ученію,—одному ученію. Читай, мой другъ, въ свободное время, а поэзія да будетъ твоимъ отдохновеніемъ; хорошіе стихи сами врѣзываются въ память, если въ оныхъ видны чувства возвышенныя; но проза требуетъ углубленія, и потому пріучай себя размышлять о томъ, что читаешь. Исторія и географическія свѣдѣнія никогда не выходятъ изъ головы, когда предметы заучены и обдуманы хорошо. Читай, повторяю, думай, разговаривай о прочитанномъ съ любящими также чтеніе товарищами, не стыдись спрашивать о томъ, чего не понимаешь, и Богъ благословитъ тебя быть человѣкомъ. Труды есть наше предназначеніе!“ Здѣсь говоритъ умъ отца моего, а теперь будетъ молвить сердце,—доброе, нѣжное отцовское сердце. „Будь здоровъ, добръ, благороденъ и да утѣшится тобою нѣжно любящій тебя отецъ, въ васъ полагающій все счастье, для васъ трудящійся тяжко; но съ упованіемъ и сладкою надеждою оставить вамъ имя, съ которымъ бы вы вступили въ свѣтъ, не чувствуя *разницы въ состояніяхъ.* Прямая дорога, истинная честность, истинное

честолюбіе хотя медленно, но равняютъ насъ и съ счастливцами, даже слѣпого случая.“ Когда я перешелъ въ 3-й классъ, папенька подарилъ мнѣ часы свои и при этомъ писалъ: „Время не ждетъ насъ; взглядывая на часы, разсчитывай оное, и повѣряй свои занятія. Отъ регулярнаго заведенія часовъ зависитъ вѣрность ихъ: подобно и въ занятіяхъ необходимы регулярность и вѣрный разсчетъ времени съ твердою волею и постоянствомъ. Не велико число 24; удободѣлимость его легка; но дабы въ теченіе сутокъ не оставалось большихъ промежутковъ, надобно подумать съ утра, что когда дѣлать, и чѣмъ наполнить пустоту, соединяя пріятное съ полезнымъ? Учись, читай, пріучай себя къ терпѣнію, къ трудамъ умственнымъ, и никогда не будешь раскаиваться. Я бы умеръ безъ занятій. Въ математическихъ познаніяхъ увидишь ты и мудрость человѣка и правильную цѣпь открытій, сдѣланныхъ мыслящими. Языки необходимы для чтенія и для свѣта. Время не ждетъ насъ и однажды упущенное не возвращается. Не забывай сестры; любите другъ друга и самъ Богъ милосерднѣйшій любить васъ будетъ.“

„Другъ мой Володя! старайся не идти рядомъ со многимъ множествомъ; употребляй способности, какими наградило тебя небо, на пользу и на отличіе предъ другими; будь добрымъ товарищемъ, но не съ равнодушными къ наукамъ, познаніямъ и похваламъ, достойно заслуженнымъ.“

„Религія, — созерцаніе величія и благости Творца, возвышаетъ чувства добраго; будь таковымъ и благо тебѣ будетъ.

„Пора бы оставить и службу, но у каждаго честнаго человѣка есть много такихъ священныхъ обязанностей, которыя заставляютъ его служить и трудиться до послѣдняго вздоха.“

„Пріучай себя къ занятіямъ сухимъ, кои въ послѣдствіи времени будутъ составлять радость, ни отъ кого независимую. Чувства собственнаго достоинства должны быть тайною; но эта тайна для другихъ есть завѣтное утѣшеніе для себя, съ которымъ не страшно никакое дѣло. Начиная смотрѣть на свѣтъ не дѣтскимъ зрѣніемъ уже, надобно заключить священное условіе съ нимъ—условіе истинной, непоколебимой честности и правоты душевной. Пусть люди будутъ не правы противу тебя, но ты будь правымъ противу ихъ. Ищи утѣшенія дружбы въ достойныхъ. Это умилительное чувство ближе къ твоему возрасту. Избѣгай празднолюбцевъ, бери примѣры съ отличающихся по достоинствамъ. Добродѣтель неразлучна съ вѣрою и упованіемъ: чувства сіи внушаются Всеблагимъ въ сердца чистыя. Не надѣйся на разумъ, который иногда и блуждаетъ, но совѣтуйся во всемъ съ совѣстью, — она есть стражъ поступковъ. Молись Творцу; и да никакой помыселъ суетный не коснется чистаго сердца.“

Познанія украшаютъ каждаго; они есть матеріалъ для составленія идей правильныхъ. „Вступленіе въ свѣтъ со свѣдѣніями, скромная самонадѣянность и дозволенное чувство мыслить, что я нигдѣ не лишній (ежели убѣжденъ въ правѣ на то прилежнымъ приготовленіемъ себя къ предстоящему поприщу), даетъ ходъ и противъ вѣтра фортуны, который не для всякаго бываетъ попутный. На самой прямой дорогѣ встрѣчаются преткновенія, но, идя по ней, не попадешь въ такую извилину, изъ которой трудно выбираться; съ прямымъ познаніемъ тоже: трудись и взыщутъ тебя. Свѣтскія отличія мимолетны; а отличающія насъ свѣдѣнія и правость характера—вѣрны въ цѣли, хотя и отдаленной обстоятельствами. Родившись знатнымъ, не трудно достигнуть значеній, но достигнуть до нихъ, какъ говорится, ремнемъ—трудно, но за то какъ почтенно! Не думай, чтобы безъ наукъ, безъ трудовъ и размышленій, безъ истиннаго самоотверженія—можно было достигнуть до чего либо; не полагай, что протекція всего болѣе пособляетъ на свѣтѣ, не ищи примѣровъ въ оной; а трудись и заключай ее въ самомъ себѣ, въ достоинствахъ собственныхъ. Чего ты не училъ и не читалъ, то не приснится даже, и самая счастливѣйшая мысль, не поддерживаемая знаніемъ дѣла, есть мечта и только.“

„Вспыльчивость есть большое преткновеніе на пути жизни. Ее однакоже умѣрить можно—и довлѣетъ. Чѣмъ ранѣе начнешь трудиться надъ самимъ собой, тѣмъ легче успѣешь.“

„Много горя, много лишеній повстрѣчаешь ты, не родившись знатнымъ, за то какъ лестна, какъ благородна самостоятельность, какъ утѣшительна мысль, что честность и труды могутъ сравнить насъ съ тѣми, кои достигаютъ почестей по богатству, или заслугами не ихъ собственными.“

„Будь разсчетливъ,—это есть одно изъ похвальнѣйшихъ качествъ гражданственности; будь человѣкомъ честнымъ, вѣрнымъ твоему долгу, пріучайся почитать обязанности священныя, приготовляй себя быть полезнымъ, не теряя времени, не мечтай, ибо мечтанія приторны, и не увлекайся суетностью.“

„Горе намъ, если мы позволяемъ себѣ осуждать какіе либо недостатки въ своихъ родителяхъ. Когда же и къ кому начнемъ мы быть снисходительными, если мы неумолимы къ отцу и къ матери? Даже въ такомъ случаѣ, когда бы отецъ и мать далеко отстояли отъ идеала благоразумія и доброты, будемъ изыскивать средства, какъ бы оправдать и укрыть ихъ слабости отъ постороннихъ взоровъ и выставить одни ихъ хорошія качества. Поступая такимъ образомъ, упражняясь въ благочестіи и научаясь цѣнить чужія достоинства, мы сами сдѣ-*лаемся лучше.*“

„Другъ мой, старайся чаще приводить себѣ на умъ эту думу, печальную, но наставительную: Быть можетъ почтенныя сѣдины, которыя теперь передо мною, будутъ скоро покоиться въ могилѣ! О, доколѣ ты еще съ ними, утѣшай ихъ въ скорбяхъ, столь часто сопровождающихъ старость! Самыя лѣта уже довольно располагаютъ ихъ къ печали,—такъ берегись, чтобы ея не умножить. Во всѣхъ поступкахъ, въ обхожденіи съ ними будь любезенъ, предупредителенъ, такъ, чтобы одно присутствіе твое ихъ оживляло и радовало. Каждая улыбка, вызванная тобою на ихъ увядшія уста, каждая отрада. возбужденная тобою въ ихъ сердцѣ, будетъ для нихъ выше всѣхъ отрадъ, а для тебя обратится въ заслугу.“

„Была одна зима, когда и шинели у меня не было. Вы были тогда уже на свѣтѣ, и чистое упованіе на благій Промыселъ утверждало меня въ ожиданіяхъ лучшаго, по крайней мѣрѣ необходимаго. Обращаюсь мыслями къ прошедшему, совѣсть утѣшаетъ ихъ. Ничто не тяготитъ ея; и ежели человѣку честному суждено быть предметомъ зависти, то онъ смотритъ гордымъ окомъ на ничтожныхъ, и изслѣдывая для себя собственно поступки свои, прощаетъ клевету, равно какъ не радуется похваламъ; ибо все здѣсь,—суета суетъ, всяческая суета! И такъ мы успокоимся, ежели въ теченіе жизни старались быть того достойными. Покорность предопредѣленію, скромность въ ожиданіяхъ и вѣрность въ обязанностяхъ своихъ-суть добродѣтели, украшающія гражданина. Не должно измѣнять разъ избранному поприщу; ибо человѣку безпокойному вездѣ худо. Покоя должно искать въ смиренной покорности Промыслу и въ теплотѣ религіозной. Легче и безопаснѣе принимать совѣты, нежели давать ихъ.“

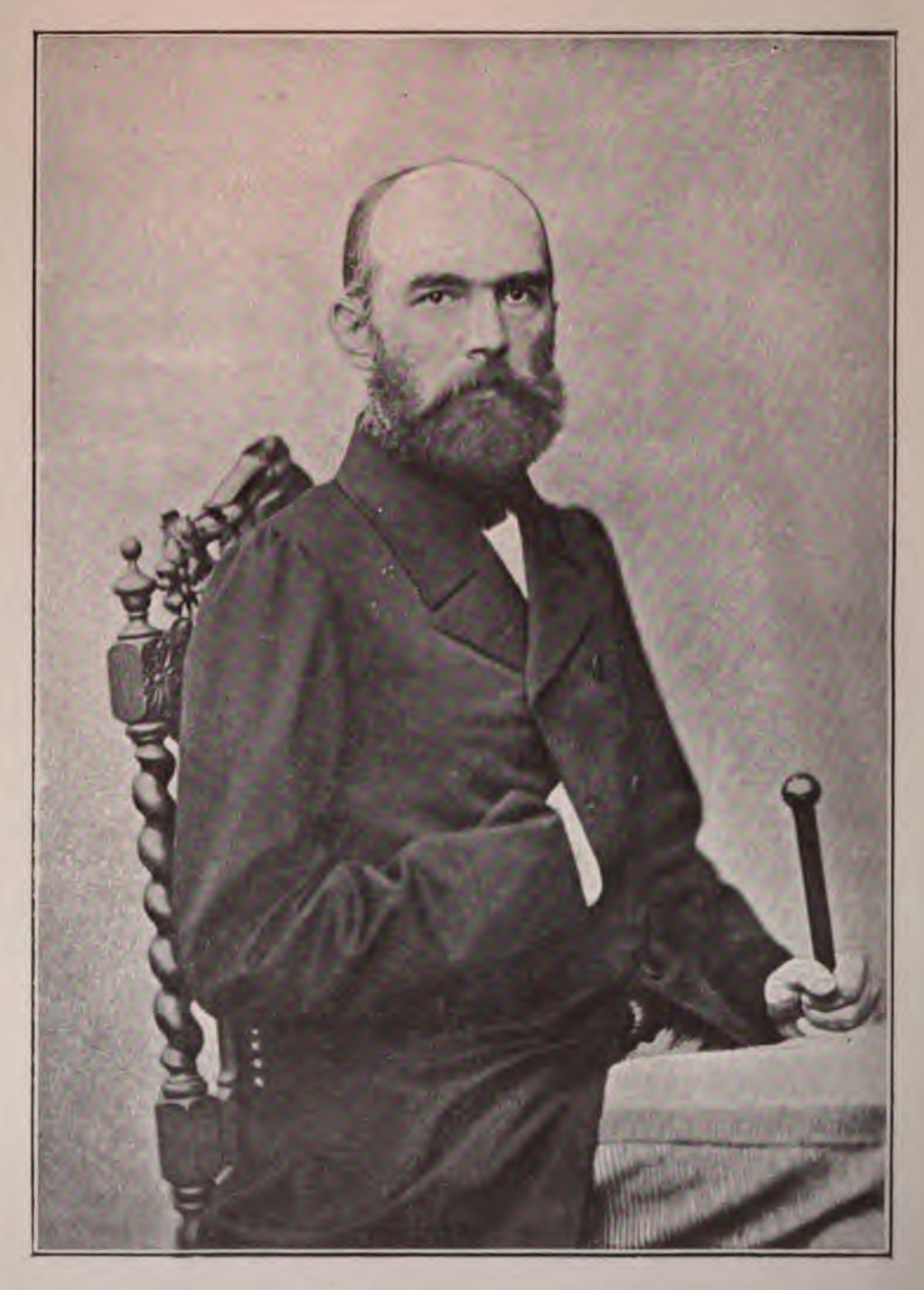
Шумныя общества ведутъ къ разсѣянію и рѣдко оставляешь ихъ безъ пустоты въ сердцѣ или даже безъ укоризны совѣсти, а потому и лучше избѣгать ихъ. Гораздо болѣе наслажденія въ тихихъ бесѣдахъ друзей и близкихъ.

„Не дѣлай другому, чего не желаешь, чтобы другіе тебѣ дѣлали,“—эта истина должна руководить поступками человѣка. Мало любить себя и стараться не вредить самому себѣ, нужно любить ближнихъ и не только не дѣлать имъ ничего на зло, но наставлять ихъ на все доброе, и помогать чѣмъ можешь. Обѣщанія тогда только имѣютъ цѣну, когда они исполняются. Неисполненное обѣщаніе есть проступокъ, а потому должно стараться избѣгать обѣщаній, которыхъ не въ состояніи исполнить, а однажды сдѣлавъ его, выполнить во что бы то ни стало.

Игра карточная есть дѣйствительно пустое занятіе, и молодому человѣку нужно избѣгать этого по возможности. Время летитъ скоро; не опомнишься, какъ пройдутъ юные годы. Необходимо наполнять

ихъ чѣмъ нибудь посерьезнѣе, позанимательнѣе. Отъ картъ даже и воспоминаній не останется подъ старость. Человѣка-гражданина, служащаго, должна занимать современность. Чтобы избрать мѣсто въ кругу всеобщей дѣятельности, чтобы разгадать болѣе или менѣе это броженіе умовъ, нужно слѣдить за каждой точкой круга, необходимо слѣдовательно слѣдить за современными событіями. Это ведетъ къ чтенію журналовъ. Привычка сдѣлаетъ то, что, заглянувъ въ листокъ газеты, увидишь, достоинъ ли онъ вниманія или нѣтъ.

Пріятно видѣть около себя людей, понимающихъ тебя, людей, которые въ состояніи оцѣнить твои поступки, слѣдовательно людей образованныхъ; нельзя требовать этого отъ служителя, напримѣръ; но не менѣе того постояннымъ стараніемъ человѣка умнаго должно быть развитіе способностей умственныхъ и душевныхъ каждаго изъ приближенныхъ людей, слѣдовательно и служителя.



Михаилъ Николаевичъ
Краснокутскій.

Михаилъ Николаевичъ
Краснокутскій.

Письма Михаила Николаевича Краснокутскаго къ двоюродному его брату Владиміру Андреевичу Стороженку.

(1843—1860 гг.).

1.

Псковъ, 11 августа 1843 г.

Ужасное, неожиданное несчастье постигло насъ; сегодня, въ 3-мъ часу утра, скоропостижно, на пятый день болѣзни, умеръ папа и оставилъ насъ круглыми сиротами. Мы ѣхали вмѣстѣ до Пскова, откуда онъ предполагалъ ѣхать въ Петербургъ по дѣламъ, а меня на пароходѣ отправить въ Дерптъ; но тутъ онъ заболѣлъ, два раза пустили кровь, былъ консиліумъ, но все еще болѣзнь не казалась опасною. Сегодня ночью—ударъ въ легкія и все кончено въ нѣсколько минутъ; я услышалъ только послѣднее предсмертное хрипѣніе, и больше ничего-ничего: ни взгляда, ни вздоха больше. Я одинъ безъ помощи, совѣта; право не знаю, какъ не сойду съ ума. Николай Михайловичъ[1]) въ Петербургѣ; къ нему послалъ эстафету, прося, если можно, немедленно пріѣхать; написалъ къ Гришѣ; не знаю, на что рѣшиться, какъ дѣйство ать. Напиши ко мнѣ, другъ Володя, посовѣтуй, голова кружится, самъ не знаю, что пишу.

М. Краснокутскій.

Я забылъ, что не выслалъ долгъ; извини, будь такъ добръ, теперь посылаю; ты, Володя, будь такъ добръ, узнай, что надобно дѣлать,

---

[1]) Дарагавъ.

чтобы получить увольненіе; скажи ректору, что домашнія обстоятельства не позволяютъ мнѣ явиться; если получишь увольненіе, то вышли на мое имя Полтавской губ. въ м. *Яготинъ;* если надобно подать прошеніе, подай за меня, сдѣлай все, что можно. Когда буду поспокойнѣе, напишу еще.

2.

Псковъ, 15 августа 1843 года.

Думаю, добрый мой Володя, что ты получилъ извѣстіе отъ меня о несчастіи, насъ постигшемъ. Позавчера я похоронилъ превосходнѣйшаго отца. Но довольно объ этомъ; горя слишкомъ много, чтобъ опять растравлять рану, которая и безъ того не скоро заживетъ. Всѣми силами стараюсь какъ можно скорѣе вырваться изъ Пскова, но, какъ кажется, раньше четверга не выѣду; такъ много дѣла; описи, возня съ опекой и т. п. Марья Михайловна Медемъ была такъ добра, что, узнавши о моемъ положеніи, приняла во мнѣ участіе, была на похоронахъ и приглашала меня къ себѣ въ деревню. Бѣда та, что Бартоломей уѣхалъ по губерніи; тогда бы меня уже выпустили изъ города. Поѣду въ Тверь, гдѣ теперь будетъ Гриша на Царскомъ смотру къ концу этого мѣсяца, послѣ коего съ нимъ отправлюсь въ Пайки [1]). Если по твоему разсчету письма твои могутъ прійти въ Тверь къ 5 сентября, то адресуй ихъ туда на имя Петра Михайловича или Гриши, для передачи мнѣ; лучше же всего въ штабъ гусарскаго Е. И. В. Великаго князя Михаила Павловича полка полковнику Дарагану; если же къ этому времени писать не успѣешь, то Полтавской губ. въ м. Яготинъ. Это письмо получишь черезъ товарища моего Большакова, который проѣздомъ въ Дерптъ былъ у меня. Онъ вручитъ тебѣ 208 сер.; сдѣлай мнѣ одолженіе, душа моя, сходи къ моему прежнему хозяину купцу Копылову, отдай ему эти деньги и возьми мою росписку; я ему остался долженъ за квартиру. Всѣ вещи, если можно, то попроси у Фробена, чтобы позволилъ перенести куда нибудь къ себѣ; если этого нельзя, то возьми и запечатай все своею печатью и попроси отъ меня у кого нибудь изъ товарищей, чтобъ взяли на сохраненіе до моего пріѣзда; или найми какой нибудь амбарчикъ и сложи туда; а хозяина того дома взялся удовлетворить Большаковъ; если же денегъ ему мною

---

[1]) С. Пайки Пирятинскаго уѣзда Полтавской губ.—имѣніе Краснокутскихъ.

на то данныхъ не станетъ, то дай ему сколько нужно; я тебѣ немедленно возвращу. Онъ также дастъ тебѣ мои двѣ серебрянныя ложки, кои были заложены. Съ собою я привезъ изъ Кіева для М-me Фробенъ двѣ банки розоваго варенья, а тебѣ 7 фунтовъ сухихъ конфетъ, которыя пріими отъ меня, а варенье передай по назначенію. Рецептъ его я было списалъ и везъ, да некогда рыться въ бумагахъ.

Также получишь съ пароходомъ и своихъ 2 чемодана, за которые много благодаренъ. Также посылаю тебѣ при семъ довѣренность на полученіе писемъ и денегъ, могущихъ придти на мое имя; первыя высылай по адресу, а вторыя оставь у себя до моего пріѣзда, который, вѣроятно, будетъ не ранѣе начала будущаго года. Если денегъ не выдадутъ, пусть остаются на почтѣ. Извини, милый другъ мой Володя, что обременяю тебя всѣмъ этимъ, но я увѣренъ, что ты тоже бы обратился ко мнѣ; и помни всегда, когда тебѣ понадобится въ чемъ нибудь дружеская рука, что у тебя есть твой

Михаилъ Краснокутскій.

P. S. Пишу, можетъ быть, очень нечетко; извини; я все еще не оправился: рука дрожитъ отъ разстройства нервовъ.

Ради Бога не забудь объ увольненіи; оно мнѣ очень нужно; у меня нѣтъ никакихъ документовъ кромѣ просроченнаго билета; если надобно будетъ свидѣтельство о болѣзни или о томъ, почему я не пріѣхалъ, то на всякій случай я истребую и пришлю.

3.

26 августа 1843 г.

Пишу къ тебѣ со станціи Крестовъ, въ 5 верстахъ отъ Пскова, добрый другъ мой Володя, чтобы исполнить обѣщаніе, которое совсѣмъ позабылъ въ хлопотахъ объ отъѣздѣ. Еще вчера я кончилъ всѣ свои дѣла, благодаря великому человѣку Константину Ив. Онъ, узнавъ, что еще не кончено, сказалъ: „Я пугну ихъ“, и въ два часа все было готово. Отъѣздъ же мой задержалъ пріѣздъ изъ Петербурга нашего добраго Николая Михайловича; въ воскресенье поутру онъ насъ обрадовалъ; я выѣхалъ сегодня, т. е. 24-го во вторникъ, въ 8 часовъ вечера.

Прощай, другъ мой, твой

Михаилъ Краснокутскій.

Душевно жалѣю, милый мой Володя, что не засталъ тебя въ Псковѣ, хотя очень спѣшилъ изъ Петербурга застать нашего бѣднаго Мишу, котораго вчера мы проводили. Я же предполагаю завтра выѣхать въ Малороссію, дабы тамъ привести сиротскія дѣла въ порядокъ; обо мнѣ идетъ представленіе относительно перевода въ Военное Министерство, съ тѣмъ, чтобы получить мѣсто въ Кременчугѣ — Члена Коммиссаріатской Коммиссіи; пока выйдетъ, или откажутъ (что нибудь изъ двухъ), проживу въ Малороссіи у своихъ; а тамъ пріѣду въ декабрѣ, и если откажутъ, то выйду въ отставку; вотъ, мой другъ, вкратцѣ излагаю мои предположенія. Въ Петербургѣ всѣ здоровы, вспоминаютъ тебя, нашъ любезный Дмитрій хлопочетъ также о перемѣнѣ службы.

Прощай, другъ мой, не забывай искренно любящаго дядю

Николая Дарагана.

4.

Тверь, сентября 16 дня 1843 г.

Письмо твое отъ 30 августа, милый мой Володя, я получилъ 13-го, а деньги 50 р. за день до того; мнѣ жаль, что не далъ я тебѣ довѣренности на гербовой бумагѣ; думалъ, что Нѣмцы не погонятся за форменностью; написалъ бы новую по формѣ, да не знаю какъ; впрочемъ, если можно, попроси, чтобы деньги, если прійдутъ еще,—остались на почтѣ до моего пріѣзда; если же нельзя, то пересылай Полт. губ. въ м. Яготинъ, также и письма, которыя могутъ прійти,—туда же. Теперь приступаю къ разсказу обо всѣхъ моихъ поѣздкахъ и приключеніяхъ, въ которыхъ впрочемъ нѣтъ ничего занимательнаго.

Протащившись пять дней почти до Твери, я засталъ тамъ брата и Петра Михайловича и, пробывъ тамъ три дня, на четвертый отправился въ Ржевъ, гдѣ тогда была Анна Мих. и куда она меня приглашала письмомъ. Пробывъ тамъ около недѣли, мы вмѣстѣ пріѣхали сюда 9-го этого мѣсяца. Вотъ тебѣ изображеніе моей страннической жизни. Отсюда, дождавшись смотровъ юнкеровъ Набоковымъ, т. е. я думаю черезъ недѣлю, поѣдемъ съ братомъ въ Симбирскую губ., откуда выѣдемъ въ Малороссію въ послѣднихъ числахъ ноября, а оттуда въ свѣтлой перспективѣ мнѣ опять представляется моя спокойная, беззаботная жизнь въ Дерптѣ, которой только теперь узналъ цѣну. Да, поздравь Анну Мих. Она теперь: Ея Превосходительство. Петръ Мих. вчера получилъ извѣстіе о томъ, что онъ произведенъ 8-го числа

этого мѣсяца въ генералъ маіоры. Увольненіе изъ университета или отпускъ — это все равно; первое даже лучше. За исполненіе всѣхъ моихъ порученій очень очень благодаренъ тебѣ; все прекрасно сдѣлано. Анна Мих. очень къ намъ добра, приняла въ насъ участіе, и хочетъ взять къ себѣ маленькихъ сестру и брата; не знаю, какъ это будетъ, но или ей или никому, потому что она имѣетъ на это полное право по письмамъ и завѣщанію папеньки, гдѣ онъ изъявилъ на это желаніе, чтобы они были въ семействѣ Петра Мих. А. М., кажется, тебя очень любитъ и разспрашивала о тебѣ съ большимъ участіемъ. Здѣсь слѣдуетъ смотръ за смотромъ каждый день; всѣ просто бѣснуются въ ожиданіи Царскаго смотра, который будетъ около 1 октября. Я здѣсь очень скучаю, приняться ни за что не могу; безпорядочная жизнь эта никакъ не даетъ успокоиться мыслямъ и принять регулярный ходъ.

Надѣюсь, что Гриша будетъ произведенъ. Шульгинъ передъ моимъ отъѣздомъ далъ письмо къ Набокову, гдѣ его о томъ проситъ. Отъ меня поклонъ всѣмъ моимъ товарищамъ; скажи имъ, что въ декабрѣ буду.

Фробенамъ засвидѣтельствуй мое почтеніе; рецептъ варить розу и арбузныхъ сѣмечекъ привезу непремѣнно.

Прощай, другъ мой Володя. Ты видишь - письмо самое беззалаберное. Виноватъ—Миша, не даетъ мнѣ покою; онъ большой шалунъ, поутру приходитъ ко мнѣ учиться. Теперь, прочтя, что я пишу, что онъ шалунъ, все толкаетъ подъ руку. Прощай, обнимаю тебя. До свиданія. Твой братъ и другъ

Михаилъ Краснокутскій.

5.

Тверь, 25 сентября 1843 г.

Принимаюсь за перо, любезный Володя, чтобы увѣдомить тебя о перемѣнѣ нашихъ намѣреній: мы отсюда ѣдемъ въ Полтавскую губ. а въ Симбирскую, кажется, вовсе не поѣдемъ; это произошло отъ того, что рожденіе внука задержало Государя въ смотрѣ войскъ, который будетъ происходить не раньше 3 октября, а до того Гришѣ нельзя ѣхать; потому то и высылай мнѣ пришедшія письма Полтавской губ. Пирятинскаго уѣзда въ м. Яготинъ.

Третьяго дня проѣзжалъ Наслѣдникъ въ Москву, а Государыня осталась ночевать здѣсь же и вчера только въ 9 часовъ утра выѣхала

Копія съ формулярнаго списка о службѣ служившаго въ Малороссійскомъ кирасирскомъ полку поручикомъ и по Высочайшему приказу 1800-го г. декабря 25 назначеннаго къ статскимъ дѣламъ Павла Стороженка [1],—выписаннаго изъ присланныхъ отъ онаго полку отъ 1-го генваря 1797-го года послужныхъ списковъ.

Поручикъ Павелъ Даниловъ сынъ Стороженко, 32 лѣтъ, изъ дворянъ Черниговской губерніи, что нынѣ Малороссійская, Борзенскаго уѣзда села Лисогоръ, за нимъ съ братьями мужскаго пола 275-ть душъ. Выпущенъ изъ сухопутнаго кадетскаго корпуса изъ кадетъ симъ чиномъ 1787 г. ноября 15-го. По выпускѣ изъ кадетскаго корпуса опредѣленъ въ бывшій Малороссійскій гренадерскій полкъ, изъ коего сформированъ конно-гренадерскій Военнаго Ордена, а изъ сего Малороссійскій кирасирскій,—1787 г. ноября 15-го. Выключенъ изъ службы по указу Военной Коллегіи по воинской экспедиціи, въ 18-ый день марта 1797-го г. состоявшемуся, за неприбытіе изъ отпуска—1797 г. апрѣля 15-го. Назначенъ къ статскимъ дѣламъ по Высочайшему приказу 1800 г. декабря 25-го. 1788-го г. марта съ 20-го іюня по 20-е въ Польшѣ, а съ того въ Молдавіи и Бессарабіи, 1789 г. сентября 7-го при дѣйствительномъ сраженіи противъ непріятеля при рѣчкѣ Салчѣ и прогнаніи его изъ лагеря, 8-го, 9-го, 10-го и 11-го числъ при преслѣдованіи за онымъ, а 12-го того же мѣсяца при канонадѣ города Измаила, ноября 4-го при взятіи города Бендеръ, 1790 г. октября 6-го при занятіи Киліевскаго ретраншемента, а съ того ноября по 6-е при осадѣ, на вылазкахъ и взятіи оной крѣпости находился. По россійски читать и писать умѣетъ. Былъ уволенъ г. генералъ-поручикомъ и кавалеромъ Нащокинымъ съ 24 апрѣля 1792 г. въ домъ его до полученія отставки. Въ штрафахъ по суду или безъ суда не бывалъ. Холостъ. Сверхъ комплекта при полку и находится въ домовомъ отпуску 1792 г. г. апрѣля съ 29-го. Къ повышенію достоинъ. Подлинный подписалъ подполковникъ князь Николай Кантакузинъ. Съ подлиннымъ засвидѣтельствовалъ секретарь Фроловъ. Съ подлиннымъ читалъ актуаріусъ Бочаровъ.

---

[1]) Два письма Павла Даниловича Стороженка были напечатаны въ *Фамильномъ Архивѣ*, т. I, стр. 345—350. Въ Родословникѣ онъ показанъ подъ № 14 на стр. 508.

Прошеніе Павла Стороженка къ неизвѣстному лицу о назначеніи его гражданскимъ цензоромъ въ Радзивиловъ.

Ваше Высокопревосходительство
Милостивый Государь!

Многочисленные опыты милости Вашей и расположенія благотворить прибѣгающимъ подъ покровительство Ваше подали мнѣ смѣлость утруждать Васъ моею нижайшею просьбою.

1787-го года ноября 16 дня выпущенъ я изъ сухопутнаго кадетскаго корпуса порутчикомъ, и въ семъ чинѣ находясь болѣе тринадцати лѣтъ, служилъ въ арміи, былъ въ сраженіяхъ и при осадахъ городовъ. По слабости же здоровья, не могши долѣе продолжать воинской службы, просилъ объ опредѣленіи меня къ статскимъ дѣламъ, и по Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію минувшаго 1800 года декабря 25 дня препровожденъ въ Герольдію для опредѣленія къ мѣсту. Извѣстясь же нынѣ, что есть ваканція гражданскаго цензора въ Радзивиловской Цензурѣ, нижайше прошу Ваше Высокопревосходительство помѣстить меня на помянутую ваканцію съ награжденіемъ чина. А какъ я не имѣю чести быть знаемъ Вашимъ Высокопревосходительствомъ, то ссылаюсь на знающихъ меня особъ, Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Туманскаго и Статскаго Совѣтника Безака, кои о мнѣ могутъ свидѣтельствовать.

Найубѣдительнѣйше умоляю Ваше Высокопревосходительство не отринуть моей просьбы и воззрѣть милостивымъ окомъ на того, который по жизнь свою благодѣянія Ваши памятовать будетъ, и который съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ имѣетъ честь быть

Вашего Высокопревосходительства
Милостиваго Государя нижайшій слуга
Павелъ Стороженко.

Февраля 21 дня
1801-го года.

Завѣщаніе премьеръ-маіора Григорія Андреевича Стороженка, умершаго 16 іюня 1810 года въ с. Ржавцѣ.[1]

Сознано лично господиномъ маіоромъ Григоріемъ Андреевичемъ Стороженкомъ 1810 года, мая 2 дня.

Тысяча восемьсотъ десятаго года, апрѣля въ двадцать седьмой день.

Всякій смертный человѣкъ не предвидитъ кончины своей, а я, бывая часто боленъ, также не могу вѣдать, когда къ Создателю моему позванъ буду въ сей жизни, а потому, имѣя имѣніе, хотя посредственное, доставшеесь по дѣлежу вѣчисто отъ однофамильцовъ моихъ Стороженковъ, и сверхъ того и собственно мною благопріобрѣтенное, обязанъ оному сдѣлать распоряженіе, дабы оное и по смерти моей не только въ стороннее какое захваченіе не разрушено каковымъ либо нерадѣніемъ, но и дѣти мои не имѣли бы власти разнонравіями попустить онаго въ стороннія руки ни подъ какимъ видомъ, ни за долги таковы, которые они безъ позволенія моего нажили, ни продажею, а соблюли бы, примѣрно мнѣ, вѣчно при себѣ, ибо я имъ не оставляю долговъ собственныхъ, за которые могло бы утратиться имѣніе. Помянутое же разнонравіе между дѣтьми моими долгомъ моимъ поставляю тутъ объяснить, и, призывая Бога въ свидѣтели, свидѣтельствую по самой истинѣ, что съ дѣтей моихъ до сего времени въ началѣ,

Во первыхъ, я нахожу старшаго сына моего Павла, что нынѣ губернскій секретарь, и добронравнѣе набожностію отличною и гораздо способнѣйшимъ къ удержанію имѣнія, по выше объясненному моему намѣренію, способностію его къ хозяйственному распоряженію, и таковужъ благоразуміемъ дочь мою Анну, въ дѣвицахъ находящуюсь; они обое, первый хозяйствомъ, а послѣдняя правленіемъ въ домѣ—дѣлаютъ непосредственную мнѣ помощь безъ паденія до сего времени имѣнія

---

[1]) За сообщеніе намъ копіи завѣщанія приносимъ благодарность В. Л. Модзалевскому.

моего, почему первый заслуживаетъ моей родительской довѣренности и по смерти моей, а послѣдняя уваженія, такъ, чтобы объ ней положить и установить одинъ разъ навсегда и чтобы въ случай перемѣны ея состоянія выходомъ въ замужье получила съ имѣнія моего участь, закономъ установленную, приданымъ со всего моего имѣнія доходовъ, и, какъ закономъ установлено, невыданныхъ дочерей удовлетворить движимымъ имѣніемъ, составляющимъ со всего моего имѣнія цѣну четвертую долю всего недвижимаго имѣнія—то въ началѣ всего.

Во вторыхъ, завѣщаю сыну моему Павлу неотмѣнно, безъ всякихъ ея затрудненій, исполнить тотъ законъ; въ противномъ же случаѣ должна она всегда моего недвижимаго имѣнія получить безпрекословно и безъ тяжбъ (Боже сохрани!) судовыхъ четвертую часть, будабы она до того доведена была, противу того вдвое.

Въ третьихъ, учреждаю и вливаю власть старшему сыну моему Павлу, по смерти моей, взять въ свое, по волѣ его, содержаніе и распоряженіе все мое недвижимое имѣніе, въ которомъ онъ сіе долженъ безъ прекословія отъ прочихъ братьевъ во всѣхъ частяхъ имѣнія моего по равномѣрному числу крестьянъ, зачитая взятыхъ людей на услуги Михайломъ на его часть, и если бы подобныхъ не нашлось во владѣніи удалостію и способностію ко услугамъ, каковы имъ взяты, по постойности [1]) оныхъ, взять Павлу въ часть свою съ прибавкою и угодій, каждому между себя въ части назначить, и тое имѣніе все, не пуская въ особенности каждому во владѣніе, но во всемъ ономъ собственно отъ себя учредить и продолжать таково распоряженіе въ хозяйствѣ, чтобы оное составить могло, безъ отягощенія людей, соотвѣтствующій количеству недвижимаго имѣнія доходъ, о которомъ весть записки, и дабы онѣ справедливы были подъ собственнымъ присмотромъ Павла и его засвидѣтельствованіемъ руки подписомъ, и таковымъ запискамъ братья его должны вѣрить и утверждаться на ономъ безъ всякаго прекословія, для веденія коихъ имѣть исправнаго экономическаго писаря, за таковъ же трудъ сына моего Павла получать ему, кромѣ на его участь принадлежащихъ съ его части,—съ прочихъ частей, спадающихъ на его братьевъ Петра, Михайла и Исаака, опекунскій закономъ установленный пятый процентъ.

Сіяжъ опека возлагается отъ меня на сына моего Павла надъ всѣмъ моимъ имѣніемъ по нижеслѣдующимъ резонамъ, а именно:

Первое, съ сыновъ моихъ Петръ, что нынѣ въ военной службѣ унтеръ-офицеръ, хотя и добрый человѣкъ, кроткій и смирный, но посѣщеніемъ Божіимъ простъ и вовсе неспособный къ хозяйству, такъ, что

---

[1]) Стоимости.

можетъ утерять часть свою нечувствительнымъ образомъ, не только, чтобы могъ что либо собрать доходовъ въ его надлежащей части, почему и долженъ онъ служить по смерть свою въ военной службѣ, но по распоряженію пріобрѣтенный доходъ старшимъ его братомъ Павломъ на его часть онъ получать долженъ, по состоянію достоинства его въ службѣ, ко вспоможенію служенія его, съ наблюденіемъ отъ старшаго его брата, но и то, дабы давалъ отчетъ ему Павлу, яко опекуну имѣнія, о всемъ, гдѣ, что и на какую надобность онъ употребилъ; а если онъ отчета въ томъ лать ему Павлу поупрямится за свидѣтельствованіемъ командира его, на что употребилъ, то и не отпускать ему и его доходовъ.

Второе. Впрочемъ сыны мои, Михайло и Исаакъ, имѣющіе чины статскіе противу чиновъ военныхъ оберъ офицерскихъ, скажу я тутъ, что они доставлены въ началѣ ихъ службы въ прошломъ 1803 годѣ мною лично съ многими убытками въ Санктпетербургъ въ Юнкерскій Институтъ, съ котораго поступили оба въ должности къ министру финансовъ, гдѣ, находясь до сего времени, съ нихъ Михайло подъ видомъ и на брата своего—забирали съ доходовъ экономическихъ не малую сумму тысячами чрезъ все прошедшее время отъ меня, о количествѣ котораго забору выписка тутъ прилагается съ экономическихъ записокъ, но къ крайней моей печали прилагаемымъ тутъ письмомъ, писаннымъ ко мнѣ отъ Исаака, доказывается, что та неусыпными трудами моими пріобрѣтаемая сумма растрачиваемая была оными сынами моими бездѣльно и безъ всякаго разсужденія, что, въ разсужденіи посредственнаго моего имѣнія, ихъ части не могутъ составить доходовъ, чтобы имъ и помыслить дерзнуть растрачивать безъ законной необходимости; съ того письма я вижу, что они наживаютъ на таковоежъ марнотравство и долги, непозволенные мною и законами. Сей принятый ими нравъ, не по природѣ ихъ, но собственно ими взятый на ихъ пагубу, столь родительскому попеченію объ нихъ моему огорчительный, учреждаютъ во мнѣ принять предосторожность и увѣряютъ таковою растратою, не по мѣрѣ надлежащаго на ихъ дохода, о неспособности ихъ къ хозяйству въ распоряженіи имѣніемъ, и что они могутъ таковыми ихъ поступками, къ безславію моему невинному, утратя участи своей, не имѣть уже и впредь при старости ихъ лѣтъ прибѣгнуть куда либо главу под клонити да и за молодыхъ лѣтъ скитаться по чужимъ угламъ! Отвращая отъ нихъ сіе бѣдствіе, учреждаю я симъ не имѣть имъ власти иной, какъ только, каковы бы могли по распоряженію старшаго ихъ брата собраться доходы, на ихъ участи принадлежащіе, получать и удовольствоваться оными, а куда употреблены будутъ, давать старшому своему брату письменный самосправедливѣйшій отчетъ, и если окажется употребленіе на таковое же марнотравство, то и принадлежащихъ

на ихъ части доходовъ имъ не отпущать, а содержать въ цѣлости на непредвидимый случай; участи имѣнія недвижимаго въ случай непомѣрныхъ каковыхъ ихъ долговъ должны быть свободны отъ распродажи, поелику я имъ не позволялъ насчетъ моего имѣнія наживать долговъ; почему даю знать суду симъ же ко опубликованію, дабы нигдѣ въ судахъ принимаемо не было на продажу ихъучастей отъ оныхъ сыновъ моихъ купчихъ крѣпостей и не конфирмовано, а равно и въ случай за долги распродажи, то такъ какъ за непозволенные мною долги не слѣдуетъ правительству распродавать, ибо я отрекаюсь платить ихъ долговъ, яко оные не по волѣ моей, а по своевольству ихъ иныбы нажиты, а въ такой крайности благоизволитъ правительство взыскивать съ собственно ихъ лицъ, какъ законъ повелѣваетъ, и дѣлаю имѣніе мое отъ оныхъ и по смерти моей свободнымъ. Сіе все я утверждаю на вѣчныя времена симъ моимъ завѣщаніемъ, дабы небольшое мое имѣніе, какъ выше объяснено, не могло быть разрушено и оставалось бы ненарушимо добропорядочному потомку своего потомства и не только въ чуждыя руки не доставалось ни подъ какимъ видомъ, ни по продажѣ, ни за долги, ни за что.

Но если бы сыну моему Павлу отяготительно сію опеку держать, однакожъ я не освобождаю его до тѣхъ поръ отъ оной, покудова онъ не изберетъ и не исходатайствуетъ вмѣсто себя отъ правительства опекуна къ частямъ Петра, Михайла и Исаака на таковыхъ точно обстоятельствахъ, на каковыхъ и ему отъ меня сія опека поручается, который опекунъ долженъ отъ него во всемъ зависѣть; въ случаѣжъ онаго опекуна непорядковъ перемѣнить другимъ, и для того и вѣдать ему распоряженіе опекуна въ собраніи доходовъ и въ употребленіи оныхъ на основаніи вышеобъясненнаго сего моего постановленія; и тогда можетъ остаться свободнымъ отъ оной, оставаясь при назначенной точно имъ себѣ части. Завѣщаю присемъ, что какую бы онъ ни назначилъ себѣ часть, то-есть въ каковыхъ селеніяхъ и предмѣстіяхъ имѣнія моего и какихъ крестьянъ и угодій за выгоднѣйшихъ найдетъ себѣ въ часть поставить, лишь бы только равномѣрна была, какъ въ числѣ ревизскихъ наличныхъ душъ, такъ и въ количествѣ мѣры земли, пахатной, сѣнокосной и лѣсной, противу прочихъ, то оная должна быть по смерти моей, безъ всякаго прекословія отъ братьевъ его, вѣчно и ненарушимо во владѣніи его и потомковъ его, яко способнаго къ хозяйству и достойнаго о немъ сего моего постановленія.

Къ онымъ участямъ каждаго нужны быть усадьбы для жительства; извѣстно же и по общей раздѣлкѣ, съ признательности однофамильцевъ, значащейся по постановленію и раздѣлочному реестру, по которой я сіе имѣніе получилъ, что усадьба, на которой я жилымъ домомъ нынѣ жительствую, учреждена собственно моими трудами, на землѣ та-

ковой, которая прежде была пустыремъ, неокопана и необсажена садомъ, неимѣвшая никакого на себѣ строенія, ни господскаго, ни крестьянскаго, но я окопкою и, обсадивъ садомъ, собственными моими трудами и устроилъ жилой домъ съ службами и другими строеніями и такимъ образомъ устроилъ усадьбу значительною и соразмѣрною обширностію ея всему моему имѣнію пропорціею своею, но, дабы труды мои неповержены ни во что, а цѣлостно та усадьба состояла своею окружностію навсегда и вѣчно безъ раздробленія оной и разрушенія на оной строеній между моими дѣтьми раздѣлкою, то въ цѣлости той усадьбѣ и оставаться на вѣчныя времена по смерти моей сыну моему Павлу одному, во уваженіе имъ однимъ понесенныхъ трудовъ въ вышеобъясненной помощи мнѣ въ хозяйствѣ и процессовыхъ дѣлахъ, и что съ общихъ доходовъ не имѣлъ онъ, не имѣетъ и до смерти моей неимѣтиметъ полученіемъ собственно на себя со всего имѣнія изъ приходящаго мнѣ доходу подъ мое собственное распоряженіе; а если и получилъ, то собственными своими трудами, съ таковыхъ земель, которыя употребляемы не были въ мою экономію; вопреки чего прочіе сыны мои, какъ выше обьяснено, забирали съ моего готоваго дохода и трудами сына моего Павла пріобрѣтаемаго неуважно и на недѣльныя ихъ употребленія, удалясь отъ дому моего въ Санктпетербургъ и не дѣлая мнѣ никакой помощи въ хозяйствѣ. Но дабы и оные сыны мои по пропорціи каждому количества въ участь имѣнія имѣли мѣсто, то опредѣляется имъ всѣмъ троимъ по равной части противу объясненной усадьбы моей лежащую обширную леваду, касаясь даже къ сухому яру, въ которомъ нужно имѣть воду къ водопою учрежденіемъ колодцевъ и загаченіемъ пруда, каждаго усадьбы возможно, раздѣливъ оную на три равныя доли: Петру, Михайлу и Исааку; почему каждый на своей участи по своему произволенію можетъ устроить для себя домъ изъ лѣсовъ, какова каждому достанется часть, и покупкою дерева, ибо и я на устроеніе жилаго моего дома найболѣе покупалъ дерево.

Будежбы по Божіей волѣ дѣти мои и ихъ потомство измерли, такъ, что некому было бы наслѣдовать симъ имѣніемъ, то сіе все мое имѣніе подъ опекою отъ приказа общественнаго призрѣнія цѣлостно и ненарушимо оставаться должно, доходы же онаго я отношу ко употребленію въ жертву на воспоминаніе мое и собственно потомковъ моихъ въ снабдѣніе нищимъ бѣднымъ и сиротамъ, ибо другихъ моихъ всѣхъ родственниковъ, близкихъ и дальнихъ, и особливо однофамильцевъ моихъ Стороженковъ, вовсе удаляю нынѣ, и въ такомъ случаѣ, яко я во всю жизнь мою отъ нихъ мучительно огорчаемъ тяжбами, притязаніями и недачею полностію такова имѣнія, каково бы мнѣ принадлежало на мою часть по наслѣдству. Однакожъ объясняю при семъ, что *въ числѣ коихъ* гонителей я не считаю однофамильца дѣйствительнаго

статскаго совѣтника и кавалера Николая Михайловича Стороженка, потомка отъ другаго дѣда моего, сотника Иваницкаго Ивана Стороженка, происходящаго, и по безпримѣрной добротѣ души его и кротости и почиталъ, почитаю, и обязанъ и завѣщаю потомству моему искреннѣйшимъ родственникомъ почитать его.

Присовокупляю и сіе обстоятельство о выданной мною старшой моей дочери Маріи за флота лейтенанта Савицкаго. Я обязанъ тутъ-же объяснить, что сія дочь моя, продолжительно находясь въ дѣвицахъ во время другихъ дѣтей моихъ малолѣтства, имѣла случай невозбранный со всѣхъ моихъ доходовъ весьма хорошо снабдиваема быть богатымъ различнымъ одѣяніемъ праздничнымъ, такъ какъ и во время продолженія жизни матери ея чрезъ двадцать три года споряжаемо ей, а моей женѣ, отъ меня одѣяніе, собранное и оставшееся по смерти матери ея, она все то получила, и въ другихъ вещахъ, что все можетъ назваться достопрочнымъ приданнымъ, на ея участь безъ всякаго отъ зятя за то приданное записа его имѣнія, по правному наставленію во обнадеживаніе возвращенія въ случай смерти его безъ потомка должнагобъ быть, то и разсудилъ я достаточною до сего всего того полученнаго нею, но въ случаѣ растраты онаго приданнаго и смерти мужа ея и безпотомства не могла быть она убѣжища въ его имѣніи имѣть, то завѣщаю дѣтямъ моимъ дать ей для жительства убѣжище, а хотя бы и не впала въ послѣднее состояніе, отъ всѣхъ сыновъ моихъ съ участи ихъ и отъ дочери Анны, сложа между собой, всего одну тысячу рублей.

Мельницы же я назначаю въ части сыновъ Павла—Иваницкія, Петра, Михайла и Исаака—Иченковскія, а къ тому сынамъ моимъ Петру, Михайлу и Исааку отдѣляю каждому по одной вѣтряной мельницѣ, изъ коихъ двѣ есть наличны, а третью изъ имѣнія моего устроить должно.

Наконецъ за нужное почитаю также упомянуть: препоручаю и завѣщаю Павлу Стороженку дойтить окончанія дѣла, въ Правительствующемъ Сенатѣ подъ разсмотрѣніемъ находящагося, въ претензіи моей за порубъ Черниговской губерніи Нѣжинскаго повѣта подъ селомъ Томашовкою лѣсовъ на коллежскаго ассесора Константина Селевановича и помѣщиковъ надворнаго совѣтника Григорія, секундъ маіора Кирилла и прапорщика Алексѣя Закревскихъ [1]), но къ сему дохожденію употребить долженъ стараніе съ доходовъ всего моего имѣнія, а не только съ своей части, безпрекословно и безотрицательно отъ его братьевъ въ томъ;

---

[1]) Двѣ жалобы Григорія Андреевича, поданныхъ въ декабрѣ 1787 г. графу Румянцеву по поводу порубокъ въ Томашовскихъ лѣсахъ, напечатаны въ I т. Фамильнагс Архива на стр. 141—146.

еслижъ бы кто съ нихъ, братій его, хотя малѣйше въ старательствѣ и вспомоществованіи съ нихъ участей деньгами отрекся, то таковаго за небреженіе лишаю я и удаляю участи, на него принадлежащей по приговору ихъ Закревскихъ и Селевановича, взысканіи и полученіи отъ нихъ оной претензіи, но такова участь его въ той претензіи должна оставаться при Павлу Стороженку вѣчно.

Сіе распредѣлительное постановленіе о недвижимыхъ имѣніяхъ моихъ, по наслѣдству и куплѣ мною нынѣ владѣемыхъ, къ ненарушимому исполненію показаннаго въ ономъ дѣтьми моими, сынами и дочерьми, и точному ими соблюденію всего, въ семъ постановленіи объясненнаго, на вѣчныя времена подписомъ собственноручнымъ моимъ и печатью герба моего при свидѣтеляхъ, на семъ подписавшихся, утверждаю.

Подлинное распредѣлительное постановленіе собственноручно подписалъ: Малороссійской Полтавской Губерніи повѣту Прилуцкаго помѣщикъ преміеръ маіоръ Григорій Андреевъ сынъ Стороженко. Печать. При составленіи сего распредѣлительнаго постановленія были и по просьбѣ собственноручно на ономъ подписавшагося помѣщика преміеръ маіора Григорія Андреевича Стороженка при печатяхъ въ свидѣтели подписались: изъ дворянъ протоіерей и благочинный Симонъ Политковскій. Прилуцкаго повѣта помѣщикъ штабсъ-ротмистръ Александръ Булгаровъ. Печать. Прилуцкаго повѣта въ селѣ Рышкахъ осѣдлость свою имѣющій дворянинъ поручикъ Трегубовъ. Печать.

Опредѣленіе господъ подсудковъ, на выѣздѣ бывшихъ, на семъ распредѣлительномъ постановленіи наложено таково.

Тысяча восемсотъ десятаго года, мая 2-го числа, мы, нижеподписавшіеся, Прилуцкаго повѣтоваго суда подсудки, за выѣздомъ нашимъ Прилуцкаго повѣта въ село Ржавецъ по призыву помѣщика Прилуцкаго повѣта г-на маіора Григорія Андреевича Стороженка, въ соотвѣтствіе статутоваго права раздѣла 8-го артикула 2-го, лично, въ домѣ того же Стороженка, отъ него приняли сіе распредѣлительное постановленіе, предъ нимъ, Стороженкомъ, хотя въ болѣзни находящимся, но при доброй памяти и совершенномъ смыслѣ, вычитано оное въ слухъ, такъ что онъ выразумѣть всю силу сего распредѣленія могъ, и за прочетомъ онъ, Стороженко, утвердилъ во всей силѣ сіе распредѣлительное постановленіе и все объясненное въ немъ, объявляя, что все распредѣлительное имъ, Стороженкомъ, имѣніе стоитъ цѣны пятнадцать тысячъ рублей и просилъ вписать сіе распредѣленіе въ крѣпостную книгу и затѣмъ вручить изъ суда сыну его губернскому секретарю Павлу Стороженку, и поелику сіе распредѣленіе учинено соотвѣтственно статутовому праву раздѣла 7-го артикула 1-го за *подписомъ распредѣлителя* и трехъ свидѣтелей дворянъ протоіерея

Политковскаго, штабсъ ротмистра Болгарова и поручика Трегубова и лично предъ нами, нижеподписавшимися подсудками, сознано, и какъ мы отъ него, Григорія Стороженка, приняли цѣну двумъ листамъ крѣпостной гербовой бумаги, яко на простой гербовой написано, именно тридцать руб.; и въ силу Высочайшаго указа, прошлаго 1808 года октября въ 28 день изданнаго, въ казну пошлинъ на мѣсто канцелярскихъ сборовъ десять рублей всѣ сполна, то и опредѣляемъ вписать то распредѣленіе въ крѣпостную книгу и затѣмъ отдать Павлу Стороженку, объясняя при семъ, что имѣющіеся въ томъ распредѣленіи приписки по утвержденіи самого распредѣлителя Григорія Стороженка должны существовать въ 4-мъ листѣ 7 страницы надъ пятою строкою именно „для жительства убѣжища“ и подъ седьмой строкою „мельницы же я назначаю въ части сыновъ Павла Иваницкія, Петра, Михайла и Исаака Иченковскія“, а отъ сей дикціи „Иченковскія“ приписано на маргинесѣ за скрѣпою самого распредѣлителя Григорія Стороженка тако: „а къ тому сынамъ моимъ Петру, Михайлу и Исааку опредѣляю каждому по одной вѣтряной мельницѣ, изъ коихъ двѣ есть наличныхъ, а третью изъ имѣнія моего устроить должно“. Сіе распредѣленіе подписали: подсудокъ Романовскій, подсудокъ Авраменко.

Конфирмаціи Прилуцкаго Повѣтоваго Суда на семъ распредѣлительномъ постановленіи таковы: Въ Прилуцкомъ повѣтовомъ земскомъ судѣ 1810 года, мая 4 дня, сіе распредѣлительное постановленіе г-на маіора Григорія Андреевича Стороженка и приложенные при томъ постановленіи регистръ объ издержкахъ его на сыновъ его Михайла и Исаака Стороженковъ и письмо къ нему, распредѣлителю Григорію Стороженку, съ тѣхъ сыновъ его отъ Исаака писанное вписаны въ крѣпостную сего суда книгу подъ № 69 на листахъ 90. 91. 92. 93. 94. 95. 96. 97. и 98. и съ симъ засвидѣтельствованіемъ и судовою печатью сіе распредѣленіе съ приложенными при немъ бумагами отдано сыну распредѣлителя г. губернскому секретарю Павлу Стороженку, а подлежащіе въ казну по выше значащейся помѣтѣ сорокъ руб. въ сей судъ внесены.

Подсудокъ Романовскій. Подсудокъ Авраменко. Въ докладѣ дѣлъ 14 класса Литвиновъ. Повытчикъ регистраторъ Козинцовъ. Печать.

Сей распредѣлительный записъ послѣ смерти распредѣлителя маіора Григорія Стороженка, послѣдовавшей сего года іюня шестнадцатаго числа, сыномъ его губернскимъ секретаремъ Павломъ Стороженкомъ сего августа 2-го числа при прошеніи въ Прилуцкій повѣтовый судъ для вѣдома о таковой распредѣлителя Стороженка смерти въ узаконенное время былъ представленъ и въ крѣпостной книгѣ тамо, гдѣ сей записанъ, о таковой явкѣ онаго отмѣчено, въ засвидѣтельствованіе чего и сія помѣта на немъ учинена, и съ оною отданъ помянутому

губернскому секретарю Павлу Стороженку обратно 1810 года августа 3 числа. Судья Василій Гудимъ. Подсудокъ Авраменко.

Что сія копія распредѣлительнаго постановленія съ таковаго подлиннаго точностію списана и съ онымъ есть во всемъ вѣрна, въ томъ Полтавской губерніи Прилуцкій уѣздный судъ свидѣтельствуетъ. 1839 года апрѣля 10 дня. На копіи помѣту подписали: судья Марковичъ, засѣдатель Афанасьевъ, секретарь Гатенковъ, канцеляристъ Войтенко. Печать № 420.

Сія копія съ таковоюжъ копіею распредѣлительнаго записа во всемъ вѣрна, въ чемъ Полтавское дворянское собраніе свидѣтельствуетъ. Ноября 20 дня 1843 года.

Депутатъ Капитанъ Мищенко.
Секретарь Иванъ Любомирскій.
Титулярный Совѣтникъ Артюховъ.

(Изъ Дѣла Арх. Деп. Герольдіи Пр. Сената).

Юношескія размышленія В. А. Стороженка о письмахъ къ нему отца.

Родители мои уѣхали изъ С.-Петербурга въ 1832 году,—кажется, въ мартѣ мѣсяцѣ, а изъ писемъ ихъ этого года осталось у меня только одно, отъ 20-го сентября; прочія, вѣрно, потеряны. Сущность этого письма заключается въ увѣщаніяхъ быть прилежнымъ. „Ты всегда слышалъ отъ меня,“ говоритъ отецъ мой, „что лѣность я почитаю важнѣйшимъ преступленіемъ.“ Но недавно только постигъ я всю справедливость этихъ словъ. Хотя никогда не отвергалъ я пользы наукъ, но лѣнь и сопутствующіе ей пороки долго не покидали меня. Да, я долго не былъ достоинъ любви твоей, отецъ мой! Скоро забывалъ наставленія твои! Женское сердце гораздо нѣжнѣе и потому смыслъ письма маменьки: любовь, привязанность, сожалѣніе и утѣшеніе!

16 января 1833 г.

Нѣжность родительская ясно выражается въ слѣдующихъ строкахъ отца: „Помни, что вы составляете всѣ пріятныя надежды, всѣ радости для меня, и что для чувствъ моихъ необходимо утѣшеніе, вами доставляемое. Но для этого учись, будь добрымъ, покорнымъ и терпѣливымъ. Старайся снискивать вниманіе и расположеніе къ себѣ старшихъ, исполняй свято всѣ приказанія, будь доволенъ всѣмъ,—и Богъ милосерднѣйшій услышитъ мои и твои молитвы,—и поможетъ сдѣлаться тебѣ современемъ достойнымъ человѣкомъ.“ Какое свѣтлое, чистое, религіозное чувство, какая возвышенная душа! „Честность, прямодушіе и характеръ, облагороженный поступками“, продолжаетъ Родитель мой, „суть качества, возвышающія насъ и въ самой бѣдности. Намъ съ тобой фортуна не дала богатства; слѣдовательно отъ однихъ трудовъ и прилежнаго пріуготовленія себя къ онымъ зависѣть будетъ твое значеніе въ ограниченномъ кругѣ бѣднаго, но честнаго русскаго дворянина.“ Здѣсь нельзя не привести на память словъ нѣжнѣйшаго въ мірѣ существа: „Молись Всеблагому и учись, душенька, уклоняться

Познанія украшаютъ каждаго; они есть матеріалъ для составленія идей правильныхъ. „Вступленіе въ свѣтъ со свѣдѣніями, скромная самонадѣянность и дозволенное чувство мыслить, что я нигдѣ не лишній (ежели убѣжденъ въ правѣ на то прилежнымъ приготовленіемъ себя къ предстоящему поприщу), даетъ ходъ и противъ вѣтра фортуны, который не для всякаго бываетъ попутный. На самой прямой дорогѣ встрѣчаются преткновенія, но, идя по ней, не попадешь въ такую извилину, изъ которой трудно выбираться; съ прямымъ познаніемъ тоже: трудись и взыщутъ тебя. Свѣтскія отличія мимолетны; а отличающія насъ свѣдѣнія и правость характера—вѣрны въ цѣли, хотя и отдаленной обстоятельствами. Родившись знатнымъ, не трудно достигнуть значеній, но достигнуть до нихъ, какъ говорится, ремнемъ—трудно, но за то какъ почтенно! Не думай, чтобы безъ наукъ, безъ трудовъ и размышленій, безъ истиннаго самоотверженія—можно было достигнуть до чего либо; не полагай, что протекція всего болѣе пособляетъ на свѣтѣ, не ищи примѣровъ въ оной; а трудись и заключай ее въ самомъ себѣ, въ достоинствахъ собственныхъ. Чего ты не училъ и не читалъ, то не приснится даже, и самая счастливѣйшая мысль, не поддерживаемая знаніемъ дѣла, есть мечта и только.“

„Вспыльчивость есть большое преткновеніе на пути жизни. Ее однакоже умѣрить можно—и довлѣетъ. Чѣмъ ранѣе начнешь трудиться надъ самимъ собой, тѣмъ легче успѣешь.“

„Много горя, много лишеній повстрѣчаешь ты, не родившись знатнымъ, за то какъ лестна, какъ благородна самостоятельность, какъ утѣшительна мысль, что честность и труды могутъ сравнить насъ съ тѣми, кои достигаютъ почестей по богатству, или заслугами не ихъ собственными.“

„Будь разсчетливъ,—это есть одно изъ похвальнѣйшихъ качествъ гражданственности; будь человѣкомъ честнымъ, вѣрнымъ твоему долгу, пріучайся почитать обязанности священныя, приготовляй себя быть полезнымъ, не теряя времени, не мечтай, ибо мечтанія приторны, и не увлекайся суетностью.“

„Горе намъ, если мы позволяемъ себѣ осуждать какіе либо недостатки въ своихъ родителяхъ. Когда же и къ кому начнемъ мы быть снисходительными, если мы неумолимы къ отцу и къ матери? Даже въ такомъ случаѣ, когда бы отецъ и мать далеко отстояли отъ идеала благоразумія и доброты, будемъ изыскивать средства, какъ бы оправдать и укрыть ихъ слабости отъ постороннихъ взоровъ и выставить одни ихъ хорошія качества. Поступая такимъ образомъ, упражняясь въ благочестіи и научаясь цѣнить чужія достоинства, мы сами сдѣ*лаемся лучше.*“

„Другъ мой, старайся чаще приводить себѣ на умъ эту думу, печальную, но наставительную: Быть можетъ почтенныя сѣдины, которыя теперь передо мною, будутъ скоро покоиться въ могилѣ! О, доколѣ ты еще съ ними, утѣшай ихъ въ скорбяхъ, столь часто сопровождающихъ старость! Самыя лѣта уже довольно располагаютъ ихъ къ печали,—такъ берегись, чтобы ея не умножить. Во всѣхъ поступкахъ, въ обхожденіи съ ними будь любезенъ, предупредителенъ, такъ, чтобы одно присутствіе твое ихъ оживляло и радовало. Каждая улыбка, вызванная тобою на ихъ увядшія уста, каждая отрада. возбужденная тобою въ ихъ сердцѣ, будетъ для нихъ выше всѣхъ отрадъ, а для тебя обратится въ заслугу."

„Была одна зима, когда и шинели у меня не было. Вы были тогда уже на свѣтѣ, и чистое упованіе на благій Промыселъ утверждало меня въ ожиданіяхъ лучшаго, по крайней мѣрѣ необходимаго. Обращаюсь мыслями къ прошедшему, совѣсть утѣшаетъ ихъ. Ничто не тяготитъ ея; и ежели человѣку честному суждено быть предметомъ зависти, то онъ смотритъ гордымъ окомъ на ничтожныхъ, и изслѣдывая для себя собственно поступки свои, прощаетъ клевету, равно какъ не радуется похваламъ; ибо все здѣсь,—суета суетъ, всяческая суета! И такъ мы успокоимся, ежели въ теченіе жизни старались быть того достойными. Покорность предопредѣленію, скромность въ ожиданіяхъ и вѣрность въ обязанностяхъ своихъ-суть добродѣтели, украшающія гражданина. Не должно измѣнять разъ избранному поприщу; ибо человѣку безпокойному вездѣ худо. Покоя должно искать въ смиренной покорности Промыслу и въ теплотѣ религіозной. Легче и безопаснѣе принимать совѣты, нежели давать ихъ."

Шумныя общества ведутъ къ разсѣянію и рѣдко оставляешь ихъ безъ пустоты въ сердцѣ или даже безъ укоризны совѣсти, а потому и лучше избѣгать ихъ. Гораздо болѣе наслажденія въ тихихъ бесѣдахъ друзей и близкихъ.

„Не дѣлай другому, чего не желаешь, чтобы другіе тебѣ дѣлали,"—эта истина должна руководить поступками человѣка. Мало любить себя и стараться не вредить самому себѣ, нужно любить ближнихъ и не только не дѣлать имъ ничего на зло, но наставлять ихъ на все доброе, и помогать чѣмъ можешь. Обѣщанія тогда только имѣютъ цѣну, когда они исполняются. Неисполненное обѣщаніе есть проступокъ, а потому должно стараться избѣгать обѣщаній, которыхъ не въ состояніи исполнить, а однажды сдѣлавъ его, выполнить во что бы то ни стало.

Игра карточная есть дѣйствительно пустое занятіе, и молодому человѣку нужно избѣгать этого по возможности. Время летитъ скоро; не опомнишься, какъ пройдутъ юные годы. Необходимо наполнять

ихъ чѣмъ нибудь посерьезнѣе, позанимательнѣе. Отъ картъ даже и воспоминаній не останется подъ старость. Человѣка-гражданина, служащаго, должна занимать современность. Чтобы избрать мѣсто въ кругу всеобщей дѣятельности, чтобы разгадать болѣе или менѣе это броженіе умовъ, нужно слѣдить за каждой точкой круга, необходимо слѣдовательно слѣдить за современными событіями. Это ведетъ къ чтенію журналовъ. Привычка сдѣлаетъ то, что, заглянувъ въ листокъ газеты, увидишь, достоинъ ли онъ вниманія или нѣтъ.

Пріятно видѣть около себя людей, понимающихъ тебя, людей, которые въ состояніи оцѣнить твои поступки, слѣдовательно людей образованныхъ; нельзя требовать этого отъ служителя, напримѣръ; но не менѣе того постояннымъ стараніемъ человѣка умнаго должно быть развитіе способностей умственныхъ и душевныхъ каждаго изъ приближенныхъ людей, слѣдовательно и служителя.

Кромѣ писемъ отъ тебя со вложеніями писемъ Сони и Сени ничего не получаю. Гриша молчитъ—непонятно. Я уже послалъ ему нагоняй за это. Въ Малороссію почти навѣрно не поѣду. Отсюда выѣду въ самыхъ первыхъ числахъ сентября. Черезъ тебя было думалъ выхлопотать себѣ паспортъ до этого времени, но такъ какъ можетъ быть, что ты уѣдешь, то увѣдомь, кто изъ русскихъ остался въ Дерптѣ. Или, можетъ быть, Фробенъ будетъ такъ добръ и возьмется за это. Когда прійдетъ время, я пришлю письмо къ ректору и свидѣтельство о болѣзни, или другое что. Еще одно порученіе тобѣ. Возьми у Карова Handbuch der Chemie Lehman'а и перешли мнѣ по почтѣ. Съ этимъ вмѣстѣ спроси, не пришли ли мои Oeuvres complètes de G. Sand, и если да, то отдай ихъ переплетчику, пусть переплететъ въ самый лучшій переплетъ, какой умѣетъ (хоть 2 или 3 руб. сер. за книгу), на корешкѣ внизу, или иначе, пусть выпечатаетъ буквы С. Р. и эти книги, уложивъ въ хлопчатую бумагу, пришли мнѣ. За вкусомъ переплета присмотри самъ—это подарокъ. Будь такъ добръ и возьми на себя эти хлопоты—мнѣ бы очень хотѣлось, чтобы это было хорошо; довольно просто, но со вкусомъ. Я полагаюсь на твой вкусъ. Съ этими книгами можешь прислать и кисетъ, а не то—оставь его у себя до моего пріѣзда.

Прощай, добрый другъ мой. Обнимаю тебя крѣпко. Фробену скажи, что картофель растетъ. Бобы Штрюмпеля—тоже. Изъ сѣмянъ Рижскихъ нѣкоторыя посѣяны. Отъ Сени извѣстій ожидать буду. Будешь ли ты въ перепискѣ со Штрюмпелемъ? Прощай. Твой другъ и братъ

М. Краснокутскій.

P. S. Что твое столярство? Я здѣсь одно время было довольно усердно строгалъ и пилилъ, такъ что сдѣлались мозоли. Чѣмъ ты теперь занимаешься? Что касается до меня, то у меня главное—химія. Недавно привезли изъ аптеки кое какой дряни. Попробую экспериментировать. Химія меня занимаетъ, и я берусь за дѣло серьезно. Дѣлаю Auszug изъ Dulk'а, которымъ очень доволенъ. Ботаникой занимаюсь меньше. Предметъ, особенно сначала, чрезвычайно сухъ, если некому показать въ природѣ то, что говоритъ наука. Да такъ и забывается чрезвычайно скоро. Химія идетъ дѣльно.

Твой М. К.

устроить наши дѣла, которымъ я почти совершенно не могъ посвятить времени, и тогда, окончательно раздѣлавшись съ Малороссіей, попрощаюсь съ нею надолго. Ты вѣрно слышалъ, что Анна Мих. уѣзжаетъ за границу вмѣстѣ съ отцемъ и Мишей; слѣдовательно планъ жить въ Дерптѣ—будетъ еще однимъ изъ неисполнившихся ея предположеній. Къ Іевлеву буду писать съ этой же почтой. Въ Чевельчѣ былъ вмѣстѣ съ Елисаветой и Екатериной Михайл.; послѣдняя теперь въ Богодуховкѣ, въ іюнѣ по дѣламъ пріѣдетъ въ Кіевъ, а въ августѣ располагаетъ вмѣстѣ съ Александрой Мих. и Гришей ѣхать въ Атаки въ гости къ Елис. Мих. Всѣ много о тебѣ распрашивали и обнимаютъ тебя. Петръ Мих. можетъ быть будетъ послѣ Царскаго смотра въ Богодуховку вмѣстѣ съ Мишей, своимъ братомъ. Гриша для поправленія своихъ обстоятельствъ, разстроенныхъ 3000 р. за ремонтерство, располагаетъ перейти служить на поселеніе и уже подалъ переводъ. Прощай, обнимаю тебя. Если получишь какія нибудь письма на мое имя и найдешь ихъ заслуживающими вниманія, то перешли ко мнѣ. Кланяйся Фробенамъ и всѣмъ моимъ знакомымъ, Степанову, если не уѣхалъ, и не забывай меня.

Твой братъ и другъ

М. Краснокутскій.

P. S. Константинъ Николаевичъ вчера пріѣхалъ сюда, Государя ожидаютъ сегодня. Дороговизна ужасная: мы платимъ 7 р. сер. за квартиру въ три комнаты въ сутки.

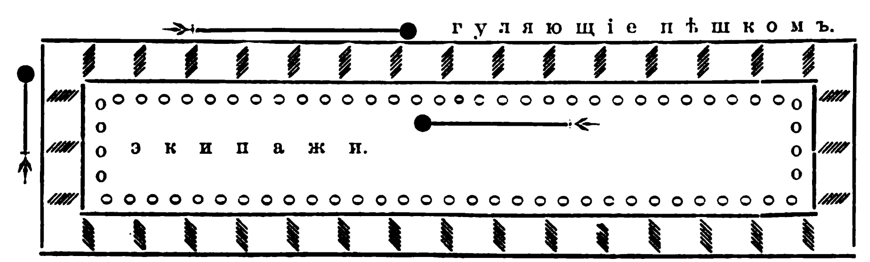
Вчера Соня взята, а сегодня въ 8 часовъ вечера Елис. Мих. уѣхала въ Атаки мая 23 дня.

14.

Москва, 18 мая 1846 г.

Сегодня шестой день, какъ я въ Москвѣ, любезный другъ Володя, и передъ отъѣздомъ собрался написать тебѣ нѣсколько словъ и разсказать о продолженіи нашего путешествія, котораго начало тебѣ извѣстно изъ нѣсколькихъ словъ, написанныхъ мною изъ Ямбурга. Выѣхавъ изъ Ямбурга въ 11 часовъ, мы были часовъ въ 10 вечера на послѣдней станціи передъ Псковомъ, гдѣ и остались ночевать, чтобы не пріѣхать въ полночь въ Псковъ, гдѣ мы были въ 5 часовъ утра и остались до 11-и. Тамъ я видѣлъ Рокотова, которому привезъ письмо

отъ жены. Онъ отъ радости не зналъ, чѣмъ меня угостить, и какъ доказательство этого, отдалъ мнѣ даже свой единственный апельсинъ. Дорога до Твери, куда мы пріѣхали въ пятницу часовъ въ 9 вечера, была очень однообразна. Двѣ маленькихъ ломки въ тарантасѣ, такой холодъ ночью, что мы дрогли въ теплыхъ шинеляхъ, и жаръ днемъ— вотъ всѣ impressions de voyage. Бернгардъ не спалъ по ночамъ и пріѣхалъ въ Тверь совершенно измученный—тамъ выспался за дорогу и на дорогу. По пріѣздѣ туда я сейчасъ же отправился къ Петру Мих. и провелъ у него весь вечеръ. На другой день мы оба обѣдали у него и въ вечеру, въ 10 часовъ, пустились дальше. Петръ Мих. доволенъ своимъ назначеніемъ, провелъ очень пріятно время въ Варшавѣ, три мѣсяца тому назадъ получилъ Станислава за командованіе полкомъ въ слѣдствіе особаго представленія Мих. Павловича, здоровъ и веселъ, мало перемѣнился. Онъ назначенъ командиромъ не гусарской, а уланской дивизіи, и его бригадный штабъ стоитъ не въ Ржевѣ, а въ Торжкѣ, на шоссе. Анна Мих. 17-го этого мѣсяца должна была на первомъ отплывающемъ пароходѣ ѣхать съ отцемъ въ Теплицъ, съ тѣмъ, чтобы въ августѣ воротиться назадъ. По возвращеніи она будетъ жить также въ Торжкѣ, такъ что, можетъ быть, я увижу ее на обратномъ пути. Петръ Мих. предлагаетъ Гришѣ мѣсто бригаднаго адъютанта и поручилъ мнѣ написать ему это. Вчера я писалъ и уговаривалъ Гришу рѣшиться на что нибудь; хочешь служить—бери мѣсто; не хочешь— подавай въ отставку. Въ Москву мы пріѣхали въ воскресенье въ 1/2 6-го вечеромъ, т. е. ровно черезъ недѣлю по выѣздѣ изъ Дерпта. Завтра мы выѣзжаемъ, пробывъ также ровно недѣлю въ Москвѣ. Что касается до нашего пребыванія здѣсь, то нельзя сказать, чтобы мы веселились. Въ первый день по пріѣздѣ, т. е. въ понедѣльникъ, мы бѣгали взадъ и впередъ по Кузнецкому мосту, глазѣя во всѣ стороны. Во вторникъ были у машинистовъ Бутеноповъ и осматривали фабрику и т. д. Я былъ въ корпусѣ, видѣлъ обоихъ Максимовичей и осмотрѣлъ все заведеніе отъ парадной залы до ватеръ-клозетовъ включительно. Въ четвергъ было большое гулянье въ Петровскомъ паркѣ, гдѣ мы видѣли всю Москву; весь beau monde въ экипажахъ самыхъ различныхъ формъ, покроя и цвѣта ѣздилъ шагомъ по большой аллеѣ.



Цѣпь экипажей двигалась въ одну сторону, гуляющіе пѣшкомъ

шли въ противоположную, имѣя такимъ образомъ возможность видѣть лица ѣдущихъ въ экипажахъ, что было впрочемъ довольно трудно, потому что тѣ смотрѣли другъ на друга. Насмотрѣвшись такимъ образомъ другъ на друга часа два, всѣ отправились въ 10-мъ часу по домамъ. Простаго народу на гуляньи почти не было; нѣсколько десятковъ купцовъ, къ которымъ присоединились и мы, пили чай шагахъ въ двухстахъ отъ главной аллеи, подъ деревьями на травѣ, гдѣ для этого поставлены столики, и нѣсколько десятковъ хлѣбниковъ, апельсинщиковъ и пр. не даютъ покоя пьющимъ чай. Чтобы узнать средній слой Москвичей, мы пили два раза чай въ трактирахъ, находящихся въ половину въ зелени, и гдѣ, слыша, что мы говоримъ между собою по нѣмецки, les habitués встрѣтили насъ словами: Шпрехенъ зи дейтчъ, Иванъ Андрейчъ? Побывали въ портерной распивочной лавкѣ, гдѣ впрочемъ не застали никого, обѣдали у Печькина, гдѣ также грязно, какъ и въ любомъ русскомъ трактирѣ, не смотря на то, что комнаты довольно велики и хорошо убраны, и въ залѣ играетъ органъ, который по преданію стоитъ 40 тысячъ. Что касается до визитовъ, то я ни у кого не былъ и ни съ кѣмъ не познакомился. Былъ у Головина, но онъ уѣхалъ въ деревню. Мишель Тургеневъ не такъ здоровъ и не выходитъ изъ дому, такъ что у меня не было въ Москвѣ человѣка, который былъ бы моимъ чичероне. Въ двухъ трехъ знакомыхъ домахъ я также не былъ; адресовъ у меня нѣтъ, а шишка des Ortsinns, кажется, совершенно не существуетъ въ моемъ черепѣ, такъ что я не могъ найти, гдѣ они живутъ. У Эвеніуса я также не былъ. Два раза ѣздилъ къ нему, но узнавъ, что онъ бываетъ дома только до 9-и или 10-и часовъ утра, будучи, какъ деканъ медицинскаго факультета, занятъ экзаменами и большою практикою, и что онъ живетъ въ 6-и верстахъ отъ центра города, въ городскомъ госпиталѣ, я отказался отъ надежды представиться ему, и такъ какъ письмо Фробена не заключало ничего, кромѣ представленія и рекомендаціи, то я не отдалъ его, а оставилъ у себя. Извини меня передъ Фробеномъ и поблагодари его за это письмо.

Мы считаемъ съ нетерпѣніемъ время, которое намъ осталось пробыть въ Москвѣ. Мнѣ ужасно хочется поскорѣе вырваться отсюда, и если бы я не заказалъ себѣ платья, которое будетъ готово только къ завтрему, то не остался бы больше трехъ или двухъ дней въ Москвѣ. Но, слава Богу, завтра выѣзжаемъ, а въ четвергъ ввечеру я надѣюсь увидѣть Мачкасы и быть среди своихъ.

Вотъ все обо мнѣ. Съ вами въ Дерптѣ не могло случиться въ эти двѣ недѣли ничего замѣчательнаго. Ожидаю отъ тебя писемъ въ Мачкасахъ. Что Сеня? Фробены? Штрюмпель уже вѣрно собирается въ дорогу. Ты на дачѣ въ своемъ палацѣ.

Какъ экзаменъ у Брекера? Чѣмъ ты теперь занимаешься? Русскіе вѣрно разъѣхались. Пришли мнѣ мѣрку Сени. На обратномъ пути мнѣ хочется купить ему пальто или что нибудь въ этомъ родѣ въ магазинѣ готовыхъ платьевъ. Прощай. Обнимаю тебя. Поцѣлуй Сеню. Поклоны всѣмъ, какъ Штрюмпель говоритъ: Grüssen Sie alle zu Hause. Степанову особенный. Пусть не забудетъ обѣщанія писать. Что Кохъ? Прощай до Мачкасъ. Оттуда буду писать и къ Сенѣ прямо въ Нейаузъ.

Твой братъ и другъ

М. Краснокутскій.

P. S. Важное дѣло. Возьми мой Beleg-Bogen у Бергера; я отдалъ подписать Брекеру, да и забылъ взять назадъ.

15.

С. Мачкасы, 19-го іюня 1846 г.

Только что собирался писать къ тебѣ, любезный другъ Володя, чтобы отвѣчать тебѣ на письмо твое отъ 17-го мая, какъ получаю письмо твое отъ 4-го іюня. Такимъ образомъ буду отвѣчать на оба вмѣстѣ—съ тѣмъ, чтобы опять скоро дать тебѣ о себѣ извѣстія.

Въ письмѣ моемъ изъ Москвы я писалъ тебѣ, что выѣзжаю изъ Москвы въ воскресенье, т. е. 19-го мая, но за неимѣніемъ лошадей я выѣхалъ въ понедѣльникъ рано поутру и, сопровождаемый всю дорогу дождями, въ пятницу, часа въ 4 послѣ обѣда, пріѣхалъ въ Мачкасы. Сначала тяжелое чувство проняло меня, когда я вошелъ въ пустой Мачкасскій домъ, встрѣченный только нѣсколькими дворовыми и управляющимъ, и я обѣжалъ всѣ комнаты, какъ будто ища жилаго уголка или роднаго лица, которое встрѣтило бы меня съ радостью. Платона не было дома—онъ уѣхалъ на ярмарку, и не найти единственнаго человѣка, котораго я хорошо знаю и люблю, и на котораго не смотрю, какъ на слугу, еще увеличило мое грустное чувство. Но, слава Богу, это не долго продолжалось - часа три, четыре; потомъ я началъ устраиваться, чтобы прожить покойнѣе въ Мачкасахъ, комнаты приняли жилой видъ, начали выкладывать вещи и понемногу все—а вмѣстѣ съ тѣмъ и мои чувства—пришло въ равновѣсіе.

Вотъ четвертая недѣля, какъ я въ Мачкасахъ. Живу почти совершенно по Дерптски. У себя никого не вижу; самъ ѣзжу довольно часто къ моимъ самымъ близкимъ сосѣдямъ Филимоновымъ. Что каса-

ется до дальнихъ посѣщеній и до дѣловыхъ поѣздокъ, то пока откладывалъ ихъ со дня на день—да и извинительно; время такъ дурно, что не приведи Богъ,—нѣтъ дня, чтобы не было дождя, и холодно такъ, что иногда ввечеру не обойдешься безъ теплой шинели. Но скоро кончу съ этимъ—ожидаю только увидѣться съ Іевлевымъ, чтобы сказать ему, что я хочу, чтобы меня назначили опекуномъ, и потомъ поѣду въ Ардатовъ Пока дурная погода не позволяетъ мнѣ распредѣлить порядочно мое время: погода лучше—спѣшишь ею пользоваться, а дурно—иногда цѣлый день сидишь дома. Занимаюсь немного—кругомъ часа два въ день. Что касается до моего сопутника, то хотя я нашелъ въ немъ меньше, нежели ожидалъ, но теперь совершенно помирился съ этимъ разочарованіемъ, котораго впрочемъ и долженъ былъ ожидать. Мнѣ жаль только за него, что онъ скучаетъ, не умѣя найти себѣ занятій другого рода, кромѣ книгъ, съ которыми нельзя же возиться цѣлый день. Онъ молчаливъ и несообщителенъ, не смотря на всѣ мои усилія de l'apprivoiser. Теперь я отказался отъ этого и предоставилъ его - его мечтамъ. Кромѣ времени, когда мы занимаемся, времени обѣда, чаю, когда мы размѣняемся нѣсколькими словами самаго незначительнаго разговора, мы сидимъ каждый въ своей комнатѣ; онъ читаетъ и гуляетъ, я гуляю и читаю—и все. Что касается до моего здоровья, то оно, кажется, немного лучше. Жизнь я веду самую аккуратную. Воздерживаюсь больше обыкновеннаго въ пищѣ, сплю не больше 8-и часовъ въ сутки, хожу мало, больше ѣзжу, особенно верхомъ. Такъ какъ я стараюсь ознакомиться съ имѣніемъ, то иногда бываю часа 4 сряду на лошади, когда поѣду въ отдаленныя стороны. Ѣзжу не дорогами, а по лѣсамъ, гранямъ, межникамъ и пр.

Благодарю тебя, мой другъ Володя, за Дерптскія новости. Радуюсь вмѣстѣ съ вами отсюда пріѣзду Мари, конфирмаціи Костиньки, удовольствію старика Фробена и M-me Frohbeen, мысленно навѣщаю тебя въ твоей кельѣ и присутствую при Брекерскомъ экзаменѣ, думаю о Сенѣ, къ которому уже почти кончилъ письмо, но еще не отправилъ, о томъ, какъ ему живется, и что дѣлаетъ Штрюмпель и пр. Коха навѣщу въ Москвѣ. Что касается, милый другъ мой, до Малороссійской поѣздки, то не упускай случая, поѣзжай, и на мѣстѣ, при свиданьи съ Papa, ты обдѣлаешь многое, а главное прійдешь ins Reine насчетъ будущихъ плановъ, службы въ Кіевѣ, или гдѣ бы ни было, и пр. Въ октябрѣ, по послѣднему лѣтнему пути, возвратись, чтобы въ январѣ покончить съ экзаменами.

Что касается до молодыхъ князей, [1]) то, какъ видно, они не будутъ—нашего поля ягодами. Что дѣлать? Радуюсь за нихъ пріѣзду ихъ матери сюда—а не то сдѣлаются пропащими головушками.

---

[1]) *Кантакузеновъ.*

Кромѣ писемъ отъ тебя со вложеніями писемъ Сони и Сени ничего не получаю. Гриша молчитъ—непонятно. Я уже послалъ ему нагоняй за это. Въ Малороссію почти навѣрно не поѣду. Отсюда выѣду въ самыхъ первыхъ числахъ сентября. Черезъ тебя было думалъ выхлопотать себѣ паспортъ до этого времени, но такъ какъ можетъ быть, что ты уѣдешь, то увѣдомь, кто изъ русскихъ остался въ Дерптѣ. Или, можетъ быть, Фробенъ будетъ такъ добръ и возьмется за это. Когда прійдетъ время, я пришлю письмо къ ректору и свидѣтельство о болѣзни, или другое что. Еще одно порученіе тобѣ. Возьми у Карова Handbuch der Chemie Lehman'a и перешли мнѣ по почтѣ. Съ этимъ вмѣстѣ спроси, не пришли ли мои Oeuvres complètes de G. Sand, и если да, то отдай ихъ переплетчику, пусть переплететъ въ самый лучшій переплетъ, какой умѣетъ (хоть 2 или 3 руб. сер. за книгу), на корешкѣ внизу, или иначе, пусть выпечатаетъ буквы С. Р. и эти книги, уложивъ въ хлопчатую бумагу, пришли мнѣ. За вкусомъ переплета присмотри самъ—это подарокъ. Будь такъ добръ и возьми на себя эти хлопоты—мнѣ бы очень хотѣлось, чтобы это было хорошо; довольно просто, но со вкусомъ. Я полагаюсь на твой вкусъ. Съ этими книгами можешь прислать и кисетъ, а не то—оставь его у себя до моего пріѣзда.

Прощай, добрый другъ мой. Обнимаю тебя крѣпко. Фробену скажи, что картофель растетъ. Бобы Штрюмпеля—тоже. Изъ сѣмянъ Рижскихъ нѣкоторыя посѣяны. Отъ Сени извѣстій ожидать буду. Будешь ли ты въ перепискѣ со Штрюмпелемъ? Прощай. Твой другъ и братъ

М. Краснокутскій.

P. S. Что твое столярство? Я здѣсь одно время было довольно усердно строгалъ и пилилъ, такъ что сдѣлались мозоли. Чѣмъ ты теперь занимаешься? Что касается до меня, то у меня главное—химія. Недавно привезли изъ аптеки кое какой дряни. Попробую экспериментировать. Химія меня занимаетъ, и я берусь за дѣло серьезно. Дѣлаю Auszug изъ Dulk'a, которымъ очень доволенъ. Ботаникой занимаюсь меньше. Предметъ, особенно сначала, чрезвычайно сухъ, если некому показать въ природѣ го, что говоритъ наука. Да такъ и забывается чрезвычайно скоро. Химія идетъ дѣльно.

Твой М. К.

16.

С. Мѣднево, іюля 20-го дня 1846 г.

Не очень давно получилъ я, любезный другъ и братъ Володя, письмо твое, съ которымъ ты присылаешь мнѣ и письмо Сени. Только теперь собрался я отвѣчать тебѣ, чтобы разсказать вмѣстѣ съ тѣмъ о томъ, что со мною дѣлается и что случилось новаго со времени послѣдняго моего посланія къ тебѣ. Если не ошибаюсь, то я писалъ тамъ, что я еще ничего не начиналъ по назначенію меня на мѣсто Іевлева. Теперь это все кончено такъ легко и скоро, какъ я не ожидалъ. Мнѣ надобно было всего только разъ съѣздить въ Паромзино къ Іевлеву для того, чтобы прежде, нежели просить опеку о назначеніи меня, увѣдомить его объ этомъ намѣреніи. Онъ принялъ это какъ должно, какъ вещь совершенно натуральную съ моей стороны, и отнесся въ опеку рапортомъ, что такъ какъ я достигъ совершеннолѣтія и могу теперь самъ принять въ опекунское вѣдѣніе Мачкасы, то онъ и отказывается отъ должности опекуна, прося назначить меня на его мѣсто. Послѣ того мнѣ осталось только съѣздить въ Ардатовъ и познакомиться съ нашимъ предводителемъ дворянства. Этотъ принялъ меня прекрасно, согласился на все, чего я хотѣлъ, въ Ардатовѣ написали мнѣ прошеніе въ опеку и сняли копіи съ моего метрическаго свидѣтельства и студентскаго паспорта, и отпустили домой, сказавъ, что все будетъ сдѣлано. Третьяго дня я получилъ указъ о назначеніи меня опекуномъ и предписаніе принять имѣніе по описи отъ прежняго опекуна. На дняхъ вѣроятно будетъ объявлено объ этомъ крестьянамъ и съ нихъ взята подписка о повиновеніи. Что касается до принятія имѣнія отъ Іевлева, то это дѣло нѣсколькихъ минутъ. Надобно будетъ послать къ нему взять опись и при свидѣтеляхъ расписаться на ней въ принятіи имѣнія. Такимъ образомъ, какъ ты видишь, по этому дѣлу все почти кончено, но тѣмъ не меньше, хотя это меня не удерживаетъ, я остаюсь при первомъ своемъ намѣреніи пробыть въ Мачкасахъ до послѣднихъ чиселъ августа. Потому, такъ какъ срокъ моего паспорта кончается послѣзавтра, будь такъ добръ, любезный другъ Володя, сходи къ ректору и скажи ему, что состояніе моего здоровья не позволяетъ мнѣ поспѣть назадъ къ сроку и что я прошу дать мнѣ паспортъ до 1-го сентября. Докторское свидѣтельство я привезу самъ. Я не думаю, чтобы ректоръ сдѣлалъ какія нибудь затрудненія. Когда получишь паспортъ, то разсчитывай, дойдетъ ли онъ до меня прежде моего выѣзда отсюда; а если нѣтъ (это почти навѣрное), то оставь его у себя, а я до*ѣду и со старымъ.* Что касается до моего образа жизни, то онъ мало

перемѣнился; но такъ какъ въ продолженіе послѣднихъ двухъ недѣль погода стоитъ здѣсь чудесная, то я меньше занимаюсь и читаю, а больше дѣлаю движенія и разъѣзжаю. Сегодня я выѣзжаю съ моимъ сосѣдомъ Филимоновымъ къ Бороздину, управляющему удѣльною конторой, верстъ за 40 отсюда, въ его деревню. Завтра ввечеру или послѣзавтра мы думаемъ быть назадъ. Я пишу къ тебѣ отъ Филимоновыхъ, къ которымъ я пріѣхалъ вчера и гдѣ остался ночевать. На будущей недѣлѣ мы всѣ вмѣстѣ ѣдемъ на удѣльную образцовую ферму, куда насъ также пригласилъ Бороздинъ посмотрѣть образцовое хозяйство. Вернгардъ все по старому. Къ Сенѣ я буду писать скоро. Отъ Гриши я получилъ письмо. Онъ съ бухту-барахту бросилъ Пайки и вступилъ въ кирасиры на поселеніе, не увѣдомивъ впередъ о перемѣнѣ своихъ плановъ. Письмо писано уже изъ деревушки недалеко отъ Елисаветграда, гдѣ стоитъ его эскадронъ. Такимъ образомъ предложеніе Петра Мих. поступить Гришѣ къ нему въ адъютанты разсыпалось въ прахъ. Покупка земли около Паекъ не состоялась. Гриша также скоро остылъ, какъ и воспламенился, и меня радуетъ, что я это впередъ угадалъ и не поѣхалъ въ Малороссію. Соня писала мнѣ изъ Атакъ. Она теперь здорова. Елис. Мих. пишетъ мнѣ въ письмѣ своемъ, писанномъ черезъ 10 дней по пріѣздѣ въ Атаки и полученномъ мною нѣсколько дней тому назадъ, что сынъ ея Мишель женится на дочери Бессарабскаго губернатора Ѳедорова и что она съ Сонею отправляется на мѣсяцъ въ Кишиневъ на свадьбу и воротится въ Атаки къ концу іюля. Въ Малороссіи, кажется, все по старому; по крайней мѣрѣ Гриша не пишетъ ничего новаго. Надежда Ив. Гинцъ родила сына и дочь вмѣстѣ. Что дѣлаешь ты, милый другъ мой Володя? Что Сеня? Онъ теперь долженъ быть уже въ Дерптѣ. Что Фробены, Штрюмпель, мои соотечественники? Напиши, если успѣешь обо всемъ. Прощай, добрый другъ мой. Обнимаю тебя крѣпко. Твой братъ и другъ

М. Краснокутскій.

P. S. Сеню цѣлую. Кланяйся Штрюмпелямъ, Фробенамъ и всѣмъ, кто обо мнѣ спроситъ.

Отъ Степанова я получилъ письмо изъ подъ Москвы. Отвѣчалъ ему. Ожидаю скоро опять извѣстій. Бѣдняга скучаетъ въ подмосковной и бранитъ деревню.

17.

Дерптъ, 29 октября 1846 года.

Послѣ твоего отъѣзда, любезный другъ Володя, мы цѣлую субботу разсчитывали, гдѣ ты въ ту минуту находишься, и теперь считаемъ тебя давно въ Петербургѣ и думаемъ, что ты пріѣхалъ, какъ располагалъ, и провелъ воскресенье и понедѣльникъ съ M-me Фробенъ. Впрочемъ, обо всемъ этомъ мы надѣемся завтра узнать отъ нея подробно.

Ты съ нетерпѣніемъ вѣрно ожидаешь твое Belobungschreiben и я спѣшу переслать его тебѣ, чтобы оно поскорѣе принесло радость въ Варшаву. Вчера я получилъ его отъ Озенбрюггена, который былъ очень любезенъ и научилъ меня, что нужно будетъ дѣлать, когда ты пришлешь свою работу. Вчера вечеромъ я читалъ его внизу и при этомъ случаѣ по тебѣ опять было пролито нѣсколько слезинокъ. M-lle Гюбнеръ, Тони и Фробенъ тебѣ кланяются.

Въ субботу я распорядился упаковкою и отдачею фурману твоего ящика съ книгами, который сегодня отправляется въ Петербургъ. При письмѣ прилагаю Belegzettel, по которому ты долженъ будешь заплатить. Frachtzettel Фробенъ написалъ и онъ отданъ фурману. Твои остальныя порученія исполнены. Книги къ Вольфіусу и Штейнбаху отнесены и получены росписки. Студзинскому я самъ при случаѣ отдамъ. У Бергера спрашивалъ объ инструментахъ, за которые завтра ему заплачу. Больше, кажется, ничего.

Посылаю тебѣ рецептъ твоей Haarwasser, которую Фробенъ совѣтуетъ тебѣ продолжать употреблять.

Сейчасъ послѣ твоего отъѣзда пріѣхалъ Степановъ проститься съ тобою и хотѣлъ догонять тебя на извощикѣ. Я его отговорилъ и онъ просилъ меня кланяться тебѣ.

Вчера я былъ у Штрюмпеля—просилъ, чтобы онъ позволилъ Сенѣ ходить ко мнѣ по понедѣльникамъ и четвергамъ заниматься русскимъ языкомъ и французскими уроками Корваля.

У насъ дома все благополучно. Немножко скучаютъ и съ нетерпѣніемъ ожидаютъ m-me Фробенъ. Вчера послѣ обѣда Фробенъ, Паулусъ и я втроемъ маршировали по залѣ, подымая ноги къ потолку, и потомъ Фробенъ училъ Паулуса сражаться съ нимъ по пѣтушьи—знаешь, какъ онъ дѣлалъ съ Горномъ. Мы порядочно похохотали. Болтаемъ и споримъ съ Фробеномъ, чтобы онъ не очень по тебѣ скучалъ,—и это удается; по крайней мѣрѣ, не такъ замѣтно, что тебя нѣтъ.

Въ воскресенье я былъ у Тургеневыхъ. Думаю познакомить Сеню съ маленькими Рачинскими.

Отъ тебя надѣемся получить извѣстія, когда ты опять начнешь осѣдлую жизнь и начнешь заниматься. Первую недѣлю твоего пребыванія ты столько набѣгаешься, что не соберешься съ силами.

Прощай, милый другъ мой. Обнимаю тебя крѣпко. Риттеръ и Катеневъ кланяются тебѣ. Если ты забылъ поручить мнѣ еще что нибудь, то напиши. Фробенъ передалъ отъ тебя поклонъ г. Розбергу, Борискѣ и проч.

Твой братъ и другъ

М. Краснокутскій.

18.

Дерптъ, 9-го ноября 1846 г.

Благодарю тебя, милый, добрый другъ мой Володя, за твое письмо—за тѣ дружескія слова, которыя ты говоришь мнѣ; они пошли мнѣ прямо къ сердцу. Хотя я и не ожидалъ, что первое письмо твое будетъ въ такомъ духѣ, какъ ты его пишешь (я думалъ, что первыя минуты очарованія, которыя чувствуешь при всякомъ переворотѣ въ жизни, пройдутъ не такъ скоро)—но это должно было наконецъ прійти къ тому, что почувствуешь, что чего то недостаетъ и что сердце не полно. Дастъ Богъ, все понемногу уравновѣсится: сердце привыкнетъ любить тѣхъ, кто тебя окружаетъ; новыя привычки замѣнятъ старыя, и жизнь пойдетъ по старому. Пусть же привязанности, которыя ты здѣсь оставилъ и которыми ты обязанъ вполнѣ только самому себѣ, поддержатъ тебя въ этомъ кризисѣ и согрѣютъ твое сердце, и если моя—лежитъ на вѣсахъ, то я бы желалъ передать тебѣ увѣренность, которая лежитъ во мнѣ, что ты останешься въ моемъ сердцѣ.

Вчера былъ день, который мы годъ тому назадъ провели довольно шумно вмѣстѣ—день моихъ имянинъ. Сеня сдѣлалъ мнѣ подставку для чернильницы, песочницы и перьевъ—своей работы. Мысленно я пожалъ отсюда дружески твою руку, какъ бы это было, если бы ты былъ здѣсь. День впрочемъ прошелъ тихо, потому что мои товарищи не вспомнили этого. Я очень радъ, потому что боюсь быть на виду, особенно царемъ пирушекъ. Наши дома всѣ здоровы.

M-lle Hübner веселѣе съ пріѣзда M-me Frohbeen. Переворотовъ въ семьѣ никакихъ не замѣтно. Риттеръ живетъ въ твоей комнатѣ. Надѣюсь, мы уживемся,—по крайней мѣрѣ я стараюсь о томъ. Сегодня и завтра здѣсь маскарады.

По понедѣльникамъ и четвергамъ Сеня приходитъ ко мнѣ брать русскіе уроки и потомъ мы читаемъ внизу громко по французски по просьбѣ M-lle Pourpier. Прощай. Обнимаю тебя крѣпко. Это пишу наскоро, чтобы отдать Фробену отослать съ своимъ письмомъ. Его я люблю все больше—онъ добрый и честный человѣкъ. При случаѣ буду писать больше. Александру не писалъ - все собираюсь. Прощай. Вѣрь горячей привязанности твоего друга и брата

М. Краснокутскаго.

19.

Дерптъ, 13 ноября 1846 г.

Письмо твое, любезный другъ мой Володя, я получилъ третьяго дня и благодарю тебя за память. Что я дѣлалъ 8-го, я тебѣ писалъ въ моей записочкѣ, посланной съ письмомъ Фробена. Нашимъ всѣмъ знакомымъ кланялся и они о тебѣ спрашиваютъ и вспоминаютъ тебя. Что касается до твоей работы, то не оставляй однажды выбраннаго предмета; если ты теперь въ немъ и разочаровался, то я думаю, что, познакомившись съ нимъ ближе, въ томъ видѣ, какъ онъ существуетъ въ дѣйствительности, ты всетаки найдешь въ немъ кое что интересное. Планъ напечатать ее, ты можешь поставить въ зависимость отъ того, какъ она выйдетъ, не преслѣдуя этой цѣли непремѣнно. Такъ скорѣе раздѣлаешься и съ Петербургомъ, который я желалъ бы тебѣ оставить какъ можно скорѣе. Ты мнѣ не пишешь о томъ, какъ ты нашелъ всѣхъ своихъ прежнихъ друзей и товарищей: Дмитрія, Рылѣева и пр. и сошелся ли ты съ ними по прежнему. Изъ твоихъ писемъ мнѣ кажется, что тебѣ недостаетъ человѣка, съ которымъ бы ты могъ часъ другой поговорить о себѣ, о томъ, что съ тобою и въ тебѣ дѣлается, и проч. Тебѣ надобно поскорѣе увидѣть Лизу, папу и кончить съ вопросомъ, что ты будешь дальше дѣлать. Всѣ наши домашніе—Фробенъ и его жена желаютъ, чтобы тебя оставило твое Петербургское расположеніе духа. Что касается до меня, то у меня все идетъ по прежнему. То апатія

схватитъ меня и держитъ въ своихъ лапахъ нѣсколько дней, какъ вотъ эти дни, то опять я прогоню ее. Дни идутъ по прежнему тихо и мирно. Риттеры приступили къ нашему Kaffegeselschaft и мы съ нѣсколькими изъ нашихъ пьемъ по послѣобѣдамъ кофе. Это время я занимался химіею. Машковцевъ получилъ свой кабинетъ и перевезъ его къ себѣ; мы тамъ пакостимся съ Катеневымъ, Паулусомъ и другими нашими доморощенными недоспѣлыми химиками. 6-го былъ день рожденія секретарши Линде; былъ по прошлогоднему déjeuner dansant, вспоминали тебя и другихъ недостававшихъ противъ прошлогодняго. Былъ тамъ Гугенбергеръ – онъ сдѣлалъ докторскій экзаменъ. Долгорукій и Штейнъ пріѣхали въ воскресенье; я обѣдалъ съ ними и съ Мюндингомъ у Штрюмпеля—разсказывали о Римѣ, Неаполѣ и пр. Ввечеру, уйдя оттуда и побывъ съ Сенею въ кабинетѣ Машковцева, гдѣ мы сожигали фосфоръ въ кислородѣ, прихожу домой и нахожу внизу—кого? Конради. Онъ ѣхалъ изъ Эстляндіи отъ Деллинсгаузеновъ въ Курляндію, гдѣ ему нашли мѣсто гувернера и гдѣ черезъ годъ или два надѣется быть пасторомъ, и по дорогѣ пробылъ 2 дня, т. е. до вчерашняго утра, здѣсь. Кланяется тебѣ. Нисколько не перемѣнился, но отчудился немножко отъ всѣхъ своихъ. Это натурально. Вчера была свадьба горничной секретаря Линде съ лакеемъ Фитингофа. Линде съ женою и Идхенъ Глазаръ, M-elle Hübner съ Тонни и Ганной были при вѣнчаньи. Грандтъ, Степановъ, Кюстеръ и я были маршалами. Я ушелъ въ часъ, остальные танцовали до 5-ти. Свадьба была im Lindschen Garten и всѣ присутствовавшіе приглашены туда сегодня на кофе въ 5 часовъ. Изъ молодежи были только наши. Много шалили и канканировали. Паулусъ и Катеневъ отличались особенно.

Теперь о дѣлахъ. 2 экземпляра 2 Heft der Theorie und Praxis von Osenbrüggen вышлетъ тебѣ Каровъ въ пятницу. Всѣ они печатаны на одного рода бумагѣ и потому нельзя будетъ, какъ ты желалъ, выслать тебѣ одинъ экземпляръ на лучшей и другой на обыкновенной бумагѣ. Я постараюсь, чтобы въ пятницу они были непремѣнно высланы. Фробенъ просилъ меня переслать тебѣ прилагаемую при семъ записочку, которую проситъ тебя какъ можно скорѣе отослать по городской почту или отдать Леонарду Фробену. По письмамъ Костиньки мы знаемъ, что она не была у Шёнига на празднованіи 20 лѣтъ свадьбы; она простудилась и не могла выѣзжать. Александру вчера писалъ и посылаю тебѣ его письмо. Что касается до моего дѣла, то здѣсь только Герольдія можетъ что нибудь сдѣлать. Полтавскій архіерей нуженъ будетъ тогда, если бы Герольдія никакъ не согласилась признать моего метрическаго свидѣтельства достаточнымъ. Потому, мой другъ, попробуй прежде всего въ Герольдіи - она здѣсь все. Вышли мнѣ, если можно, сотню или двѣ папиросъ Винклера (на Михайловской улицѣ) Madyland doux

юсь, что это не затруднило бы тебя, потому что это можно сдѣлать черезъ какого нибудь писаря. Это все я поспѣшу сдѣлать, но теперь прошу тебя, милый другъ мой, попробуй прежде, нельзя ли обойтись безъ консисторіи и Гедеона, потому что это есть послѣднее средство, къ которому я думалъ прибѣгнуть только въ крайнемъ случаѣ. (Ты не можешь себѣ вообразить, что значитъ имѣть дѣло съ консисторіей. Это свидѣтельство, которое теперь сдѣлалось негоднымъ, стоило папенькѣ, кромѣ денегъ, годъ времени, хотя онъ самъ хлопоталъ объ немъ.) Потому, милый другъ, попробуй прежде то средство, которое я считалъ лучшимъ, именно съѣзди къ Замятину, покажи ему копіи съ моихъ бумагъ, мою записку о дѣлѣ и, только если онъ скажетъ, что иначе нельзя, подай мое прошеніе Гедеону. Я почти увѣренъ, что если Замятинъ захочетъ, то все обойдется безъ новаго свидѣтельства, тѣмъ больше, что я почти увѣренъ, что это была придирка Герольдіи. Что до того, что говоритъ объ этомъ Гедеонъ, то я думаю, что онъ въ дѣлахъ Герольдіи не знаетъ большаго толку, да кромѣ того извѣстное дѣло, что Герольдія дѣлаетъ все, что захочетъ — надобно только дать; я и на это съ радостью согласенъ.

3. Что касается до покупокъ, которыя я тебя просилъ сдѣлать, то я вижу, что ты самый дурной коммиссіонеръ. Мнѣ было очень покойно принять на себя долгъ твой Карову, потому что тогда я могу, не пересылая тебѣ каждый разъ денегъ, поручать тебѣ сдѣлать какія мнѣ будетъ нужно покупки. Теперь я опять тебѣ буду долженъ за вещи дѣтямъ. Вчера былъ у Штрюмпеля; онъ показывалъ мнѣ книгу, которую онъ хочетъ подарить à Simon къ праздникамъ. Это Vorschule der Chemie, въ которой дано довольно краткое понятіе о всей химіи съ большимъ количествомъ самыхъ занимательныхъ опытовъ. Онъ предлагаетъ мнѣ выписать à Simon нужные для этихъ опытовъ аппараты, которые всего стоятъ въ Берлинѣ 9 талеровъ. Я согласился. Жаль, что Сеня такъ flüchtig, а то бы это могло ему принести большую пользу. Къ праздникамъ ему также будетъ сдѣланъ сюртучокъ, какъ у Риттеровъ, и я ему закажу къ нему бархатный жилетъ; курточку и простенькую жилетку я ему уже заказалъ. Не знаю, что подарить ему къ праздникамъ. Что ты пишешь о пальто, что оно стоитъ дорого, то это бы меня не остановило, еслибы я былъ теперь при деньгахъ и еслибы главное былъ увѣренъ, что оно прійдется Сенѣ. При случаѣ напиши, другъ мой, что оно стоитъ и какого оно покрою: такого ли, что не важно, какъ оно сидитъ, или такого, что нужно, чтобы было шито по мѣркѣ. Я, можетъ быть, собьюсь съ деньгами и вышлю тебѣ ихъ впередъ, такъ какъ ты теперь самъ вѣроятно въ Geldklemme. Кстати было бы, если бы Деппъ, если тарантасъ проданъ, отдалъ тебѣ деньги. Если же *онъ не проданъ*, то нельзя ли его поставить или у Натальи Андреевны,

или у Дмитрія, такъ чтобы я въ случаѣ надобности зналъ, гдѣ онъ. Fr. Hübner переданъ твой поклонъ, также и то, что ты поручаешь ей сказать. Но она совершенно забыла, какое она тебѣ дала слово, которое не сдержала. Не можешь ли намекнуть? Другимъ кланялся также. Поблагодари очень отъ меня Дмитрія за его хлопоты. О твоихъ отношеніяхъ къ Костинькѣ я и въ отношеніи къ М-е Фробенъ и къ М-elle Hübner держу себя какъ прежде, т. е. какъ будто ничего не знаю. Старушка Линде хочетъ опять въ ярмарку переѣхать наверхъ; не знаю, согласится ли на это Паулусъ. Тебѣ всѣ кланяются и разспрашиваютъ о тебѣ. Риттеръ Роб съ Брандтами располагаетъ оставить Дерптъ въ концѣ этой недѣли.

Кантакузены только что были у меня. Я по прежнему навѣщаю ихъ на часокъ. Николя не такъ уже меня дичится. Рано дѣтямъ дали волю; не сдѣлаютъ экзамена Биленштейнъ на Рождество ѣдетъ домой на 2 мѣсяца. Степановъ также ѣдетъ въ Петербургъ. Послѣзавтра у Ропотовыхъ имянины; вѣроятно, пиръ горой. Получилъ извѣстія объ умолотѣ изъ Мачкасъ. Довольно плохо, и теперь будутъ кстати сдѣланные запасы ржи. Цѣны на рожь поднялись на 10 руб. Будутъ и выше. Впрочемъ тамъ все благополучно. Отъ Гриши ни слова скоро полгода. Не знаю, что и дѣлать. Даже адреса его не знаю. Обнимаю.

Твой братъ и другъ

М. Краснокутскій.

22.

Дерптъ, 5 декабря 1846 г.

Вчера писалъ я тебѣ подробно, милый другъ мой Володя, теперь пишу тебѣ только нѣсколько словъ, пересылая бумаги, которыя нужны по моему дѣлу. Прошеніе я подписалъ, по формѣ. Листъ гербовой бумаги въ 90 к. сер. посылаю. Мое подлинное свидѣтельство консисторіи посылаю съ стѣсненнымъ сердцемъ, какъ дѣтище, съ которымъ не увижусь и въ замѣну котораго новое не надѣюсь скоро и легко получить. По крайней мѣрѣ хочу взять всѣ предосторожности, чтобы въ случаѣ, если мои предположенія оправдаются, не быть безъ всякаго документа. Для университета взялъ уже изъ Landgericht'а засвидѣтельствованную копію. Варвары засвидѣтельствовали по нѣмецки и взяли злодѣи 1 р.

36 к. сер. Gebühren. Эту отдамъ въ университетъ. Тебя прошу для меня велѣть взять въ С.-Петербургскомъ уѣздномъ судѣ еще одну засвидѣтельствованную копію моего свидѣтельства. Это будетъ мнѣ служить по моимъ дѣламъ въ Русскихъ присутственныхъ мѣстахъ. Здѣсь негдѣ засвидѣтельствовать по-русски, а то я бы тебя не обременялъ этимъ. Впрочемъ не думаю, чтобы это было сколько нибудь затруднительно. Надобно переписать свидѣтельство на листѣ бумаги въ 15 коп. серебромъ, и отдать въ судъ. Въ полчаса все будетъ сдѣлано.

Только что переписчикъ твоей работы принесъ мнѣ переписанные имъ два листа и взялъ слѣдующіе. Я вздумалъ переписать тебѣ ихъ, чтобы ты видѣлъ, въ какомъ видѣ пошла твоя работа. Завтра къ обѣду онъ будетъ готовъ съ перепиской, завтра же отдамъ ихъ переплетчику и надѣюсь, что послѣзавтра твою работу можно будетъ подать Озенбрюггену. Переписчикъ умудрился такъ, что твоя работа займетъ 12 листовъ почтовой бумаги и всетаки не будетъ казаться очень размашисто писанною. Совѣтъ Озенбрюгена будетъ исполненъ.

Завтра въ Питерѣ вѣрно страшная суматоха. Мы, вѣроятно, у Ропотова. Вчера былъ у Фробеныхъ кураторъ, [1]) и спрашивалъ о тебѣ. Замѣтилъ что ты теперь вѣрно скучаешь, потому что Шёнигъ уѣхалъ изъ Петербурга. Сначала былъ довольно liebenswürdig, но потомъ за картами (онъ игралъ съ Фробенымъ, Розеномъ и Крюднеромъ) wurde grob, какъ говоритъ Фробенъ, и даже началъ поправлять этого въ нѣмецкомъ языкѣ. Фробенъ теперь злится и объявляетъ, что впредь, когда кураторъ прійдетъ къ нему, онъ уйдетъ изъ дому. Разумѣется, буря стихнетъ.

Прощай, другъ мой. Тебѣ всѣ кланяются. Риттеръ съ Брандтами завтра выѣзжаетъ. Хотѣлъ съ нимъ послать тебѣ книги отъ Карова, но боюсь его обременить. Пришлю ихъ лучше съ Степановымъ. Обнимаю тебя. Твой братъ и другъ

М. Краснокутскій.

P. S. Я раздумалъ прислать тебѣ первые 2 листа твоей работы. Могутъ понадобиться. Лучше пришлю всѣ вмѣстѣ.

---

[1]) *Попечитель учебнаго округа.*

23.

Дерптъ, 20-го декабря 1846 г.

Такъ какъ ты ожидалъ отъ меня, милый другъ мой Володя, рѣшительнаго отвѣта о томъ, принята ли твоя работа или нѣтъ, и какъ Озенбрюггенъ обѣщалъ немедленно по полученіи рѣшенія факультета зайти ко мнѣ и передать отвѣтъ, то я и не писалъ къ тебѣ, ожидая этого. Вчера однакожъ, получивъ письмо твое, я рѣшился сходить къ Озенбрюггену, чтобы узнать хоть что нибудь, что я могъ бы передать тебѣ. Я пришелъ какъ разъ кстати. Вчера поутру Тобинъ былъ у него и передалъ ему свое мнѣніе о твоей работѣ, не упустивъ при этомъ случая напакостить ближнему. Озенбрюггенъ показалъ мнѣ его мнѣніе, написанное на цѣломъ листѣ, въ которомъ, сколько могу судить по брошенному взгляду, Тобинъ находитъ, что не хватаетъ историческаго введенія, и что желательно, чтобы ты по Русской Правдѣ и другимъ памятникамъ разсмотрѣлъ учрежденія, сходныя съ Совѣстными Судами. При этомъ онъ напугалъ нашихъ трусливыхъ нѣмцевъ тѣмъ, что въ Петербургѣ обращаютъ большое вниманіе на писанныя въ Дерптѣ работы изъ Русскаго права; что Министръ можетъ самъ разсмотрѣть эту работу, такъ какъ она писана Русскимъ,—и тому подобными глупостями. Озенбрюггенъ радъ бы все сдѣлать, да тоже запуганъ. Сегодня онъ держалъ засѣданіе въ факультетѣ и они рѣшили передать тебѣ работу для передѣлки согласно замѣчаніямъ Тобина. Сію минуту получилъ объ этомъ увѣдомленіе отъ Озенбрюггена, которое посылаю тебѣ. Онъ обѣщалъ мнѣ, въ случаѣ, если работа не будетъ принята, передать писанное мнѣніе Тобина, по которому тебѣ будетъ очень легко въ недѣлю приклеить историческое введеніе. Досадно, другъ мой, да нечего дѣлать - сила солому ломитъ. Мой совѣтъ и просьба: не горячись, обдумай хладнокровно, не сердясь, и тогда рѣшайся. По моему мнѣнію, лучше остаться еще недѣлю или дней десять въ Петербургѣ и передѣлать совершенно, согласно замѣчаніямъ Тобина, твою работу. Такимъ образомъ ему не къ чему больше будетъ привязаться, такъ какъ ты исполнишь его требованія; остальные же господа будутъ счастливы и довольны, что могутъ пропустить твою работу, не боясь за свою кожу. Ради Бога только хладнокровіе и никакихъ внезапныхъ рѣшеній. Подожди дня два, пока прійдутъ твоя работа и мнѣніе Тобина, которыя я надѣюсь завтра тебѣ выслать, подумай, много ли тебѣ нужно будетъ времени, чтобы передѣлать работу, и рѣшись или остаться въ Петербургѣ лишнихъ недѣлю или двѣ, или ѣхать немедленно въ Варшаву и оттуда уже прислать работу. Ich stimme für's erstere; по крайней мѣрѣ тогда ты будешь совершен-

но покоенъ духомъ въ Варшавѣ. Озенбрюггенъ хотѣлъ тебѣ писать и взялъ твой адресъ. Штрюмпель, вѣроятно, напишетъ завтра; ожидалъ, пока я буду писать, чтобы прислать со мною письмо. Вообще вся штука самая досадная—нужно побольше стоицизму. Боюсь, чтобы его у тебя недостало и ты не вздумалъ бы бросить все и такимъ образомъ потерять все до сихъ поръ сдѣланное.

Благодарю тебя, другъ мой, за всѣ твои хлопоты по моему дѣлу; все сдѣлано тобою какъ можно было лучше—будемъ сидѣть у моря и ждать погоды. Я можетъ быть въ самомъ дѣлѣ zu ängstlich. Уповаю на Гедеона. Твоихъ посылокъ еще не получилъ; по полученіи исполню все согласно твоимъ распоряженіямъ. Благодарю тебя за память. Карову передалъ что пишешь о книгахъ. Благодарю тебя за Деппа. Если онъ тебѣ отдастъ деньги, то употреби ихъ, какъ хочешь; не поцеремонься истратить ихъ, если будетъ нужда. Расквитаться успѣемъ. Славно было бы, еслибы пальто Сенѣ могло прійти къ праздникамъ. Если же нельзя, то пришли его мнѣ съ оказіей. Это все, разумѣется, если Деппъ отдастъ деньги; если же нѣтъ, и ты уѣдешь до того, то скажи это Степанову; онъ истребуетъ. Онъ только сегодня въ 2 часа, съ Кюстеромъ, выѣхалъ отсюда. Навѣсти его—его адресъ: у Аничкина моста, въ Троицкомъ переулкѣ, въ домѣ генерала Зиновьева. Съ нимъ послалъ Фробенъ посылку къ Мари. Подарки Фробенымъ сегодня получены. Они всѣ запечатаны въ куверты съ надписями кому.

Благодарю тебя, милый другъ мой, за то, что ты приготовилъ мнѣ хорошій пріемъ въ Петербургѣ. Не знаю, скоро ли прійдется имъ воспользоваться—можетъ быть скорѣе, нежели ты ожидаешь. Я все полухвораю. Вотъ уже больше недѣли, какъ у меня каждый день сильныя головныя боли. Работаю немного; тоска меня совсѣмъ одолѣла. Цѣлый день одинъ—Паулусъ уѣхалъ въ Эстляндію къ Цуръ-Мюлену на нѣсколько дней. Съ Катеневымъ у меня маленькая Spannung и онъ не ходитъ ко мнѣ. Читать не хочу, чтобы не отрывать себя отъ занятій. Заниматься не могу—тоска; не могу себя пересилить. Мюнхъ на дняхъ переѣзжаетъ жить къ Фробену, гдѣ жилъ Штрюмпель,—будемъ вмѣстѣ заниматься; надѣюсь, пойдетъ лучше. Tante Lotchen съ старшею M-elle Гюбнеръ уѣзжаютъ завтра. Посылаю тебѣ письмо Елис. Мих.—es hat etwas zu bedeuten въ томъ, что касается Сони. Я еще на него не отвѣчалъ и потому пришли мнѣ его назадъ поскорѣе. Не забывай твоего брата и друга. Обнимаю тебя крѣпко.

М. Краснокутскій.

24.

21 декабря 1846 г.

Вчера писалъ я тебѣ подробно, милый другъ мой Володя; сегодня пишу нѣсколько строкъ, чтобы сказать тебѣ, что Urtheil не могъ достать отъ Озенбрюггена. Завтра надѣюсь его выслать, а сегодня посылаю brouillon твоей работы съ поправками Штрюмпеля. Нѣсколько минутъ тому назадъ получилъ обѣ твои посылки. Благодарю тебя, другъ мой, за штучку для перчатокъ. Это будетъ еще прибавка на моемъ туалетномъ столикѣ. Посылаю тебѣ письмо Штрюмпеля, которое онъ мнѣ сегодня прислалъ. Фробенъ тебѣ кланяется, также Тонни и всѣ остальные. Сегодня пили за здоровье Леонарда Фробена, поминали тебя.

Твой братъ и другъ

М. Краснокутскій.

25.

23 декабря 1846 г.

Третьяго дня послалъ тебѣ, милый другъ мой Володя, твою черновую работу съ письмомъ Штрюмпеля. Четвертаго дня писалъ тебѣ подробно. Сегодня прибавляю нѣсколько строкъ при посылкѣ Тобинскаго мнѣнія, которое я только вчера могъ получить отъ Озенбрюггена, чтобы списать и послать тебѣ. Озенбрюггенъ самъ будетъ тебѣ писать о томъ, что касается передѣлки твоей работы, и до какой степени ты долженъ удовлетворить требованіямъ этого мнѣнія. Историческаго предисловія не нужно—главная перемѣна должна состоять въ пополненіи. Тобину hat dein bischen Rechtsphilosophie sauer geschmackt—онъ не пропускаетъ случая это показать. По моему, онъ правъ только въ одномъ, а именно, что ты пропустилъ колдовство. Я это замѣтилъ, еще читая твою работу и повѣряя ее по Своду. Надѣюсь скоро получить отъ тебя увѣдомленіе, на что ты рѣшишься. Главное—не торопись. Твою работу, бывшую въ рукахъ Тобина и украшенную mit Paar Randglossen, которые впрочемъ не важны, пришлю посылкою,—она переплетена. Теперь у насъ хлопоты съ подарками. Твои будутъ фигурировать со славою и блескомъ. Прощай. Пиши. Обнимаю тебя. Твой братъ и другъ

М. Краснокутскій.

26.

Дерптъ, января 16-го 1847 г.

Письмо твое, милый другъ мой Володя, писанное 30-го декабря, я получилъ тому назадъ двѣ недѣли и не отвѣчалъ до сихъ поръ, собираясь написать тебѣ вдругъ побольше. Что касается до твоего рѣшенія работать въ Царскомъ Селѣ, которое впрочемъ теперь, какъ намъ писали, ты или уже оставилъ, или скоро оставишь, то я нахожу, что ты сдѣлалъ прекрасно. Надѣюсь скоро получить отъ тебя извѣстіе объ окончаніи твоей работы и о томъ, на что ты дальше рѣшишься. Что касается до того пріѣхать ли тебѣ въ Дерптъ или нѣтъ, то объ этомъ трудно сказать что нибудь положительное. Если твоя главная цѣль привезти работу и узнать отвѣтъ факультета, то это почти лишнее, потому что если ты удовлетворилъ требованіямъ факультета, выраженнымъ во мнѣніи Тобина, то можно ручаться навѣрное, что твоя работа пройдетъ безъ малѣйшей трудности. Отвѣта факультета здѣсь ты не дождешься, потому что на это нужно нѣсколько недѣль, а развѣ можешь получить совершенную увѣренность, что работа пройдетъ. Потому главное тебѣ должно разсчитать пожертвованія временемъ и деньгами, которыхъ отъ тебя потребуетъ эта поѣздка, увѣриться, что тебѣ легко будетъ, не ожидая долго на какой нибудь станціи (такъ какъ дилижансы не ходятъ черезъ Псковъ и ты, вѣроятно, располагаешь ѣхать не на Ригу въ Варшаву), достать пустое мѣсто въ дилижансѣ, и если ты увидишь, что затрудненія и издержки не такъ велики, то пріѣзжай, другъ мой, и ты обрадуешь всѣхъ насъ. Иначе же мой совѣтъ—уже не ожидать въ Петербургѣ рѣшенія, а просто выѣхать сейчасъ по высылкѣ мнѣ черновой работы. Что она пройдетъ, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія; факультетъ въ первый разъ поддался мнѣнію Тобина, отчасти имѣя на то причины, отчасти запуганный; теперь же, если Тобинъ захочетъ быть пристрастнымъ, какъ я замѣтилъ изъ словъ Озенбрюггена,—они больше не поддадутся.

Благодарю тебя за разсказъ о твоемъ бытьѣ, о вашихъ удовольствіяхъ. То, что я думалъ ѣхать въ Петербургъ, былъ больше бредъ отъ нечего дѣлать, и до вѣроятности исполненія было далеко. О тебѣ мы имѣли извѣстія во все время твоего отшельничества - только по письмамъ Мари Фробенъ, слышали, что ты былъ у Шёнига на вечерѣ, и что скоро кончишь работу. Мы здѣсь жили совершенно тихо и смирно. На праздники были маленькіе вечера у обоихъ Линде, Ропотовыхъ и у Тургеневой, гдѣ играли театръ и давали живыя картины. У Сени праздники были только въ первые два дня, а потомъ помаленьку начались

уроки. Впрочемъ въ удовольствіяхъ ему тоже не было недостатка; онъ былъ на праздникахъ со мною у Ропотовыхъ на вечерѣ, а прошлое воскресенье у Тургеневой. Въ субботу или завтра думаю повезти его къ Рачинскимъ. Это дѣлается съ согласія Штрюмпеля, который желаетъ уничтожить въ Сенѣ эту camaraderie съ гимназистами и все это Thun und Treiben этихъ мальчиковъ, которые, сойдясь, ничего не умѣютъ дѣлать и ничѣмъ заняться, если не стычками и борьбою. Кромѣ того Сеня по прежнему приходитъ ко мнѣ два раза въ недѣлю на урокъ. Пользы хоть и немного, но все же для него время не пропадаетъ. Что касается до Сони, то мои опасенія насчетъ ея, произведенныя письмомъ Елисав. Мих., разсѣялись немного, и я думаю, что оно писано не съ тѣмъ смысломъ, который я ему придалъ. Привязанность Сони къ Атакамъ начинаю себѣ объяснять такъ, какъ и ты. Она недавно опять писала ко мнѣ и наша переписка становится немножко серьезнѣе. Елис. Мих. пишетъ мнѣ, что въ августѣ она собирается въ Малороссію. Даетъ мнѣ извѣстія о Гришѣ, что онъ здоровъ, хорошо служитъ и очень любимъ своимъ полковникомъ и товарищами. Тоже самое пишетъ мнѣ и Над. Ив. Гинцъ, которая теперь находится на дачѣ Кинь-Грусть, въ Кіевѣ. Твои подарки, милый другъ мой, сдѣлали много радости дѣтямъ, у которыхъ въ этомъ году была богатая елка. Сеня тоже былъ одаренъ и елка принесла ему очень хорошее платье. Кромѣ того я ему обѣщалъ вмѣсто портфеля, который я купилъ для него, маленькое охотничье ружье для стрѣльбы лѣтомъ. Не знаю, легко ли это будетъ достать въ Петербургѣ, но здѣсь на ярмаркѣ нѣтъ. Думаю, что можно въ Тульскихъ оружейныхъ лавкахъ и не дороже 8 или 10 руб. сер. Если тебѣ будетъ время, другъ мой Володя, и ты будешь при деньгахъ, то купи такое и привези самъ, или, если рѣшишься не ѣхать, то пришли съ Степановымъ. Отъ него также возьми на это на мой переводъ денегъ, а я ему здѣсь заплачу. Что сказать тебѣ о себѣ? Я теперь по случаю ярмарки опять живу въ большой комнатѣ, имѣя Gross-mutter съ ея новою крикливою дѣвкой—своими сосѣдями. Перехожу послѣ ярмарки въ бывшія твои комнаты, изъ которыхъ одна ожидаетъ тебя къ твоему пріѣзду. Мюнхъ живетъ теперь въ той комнатѣ, гдѣ жилъ Штемпель, и мы вмѣстѣ занимаемся понемногу. Ида Глазаръ оставляетъ Дерптъ съ своимъ братомъ, который пріѣхалъ сюда на время. Пецольтъ, профессоръ агрономіи, уже здѣсь и я познакомился съ нимъ на обѣдѣ у Штрюмпеля 26 начнутся лекціи и я думаю послушать его Boden—und Pflanzenernährungskunde. Въ остальномъ все по старому. Прощай, обнимаю тебя. Если можешь, пріѣзжай. Всѣ желаютъ и говорятъ о томъ, какъ бы съ тобой увидѣться. Твой братъ и другъ

М. Краснокутскій.

P. S. При этомъ письмѣ письмо отъ Штрюмпеля и отъ Тонни. Третьяго дня наконецъ явился садовникъ Алекс. Мих. Я отдалъ ему деньги и паспортъ, и отвелъ къ Фробену. О дальнѣйшемъ, что съ нимъ случится, увѣдомлю тебя. Александръ М. вѣроятно не получилъ моего письма, потому что садовнику онъ далъ только записку, въ которой стоитъ: 5 р. сер. получить отъ Влад. Андр. Сторож. Развѣ не написать ли ему еще разъ?

27.

Дерптъ, 4-го февраля 1847 г.

Первое письмо твое, милый другъ мой Володя, вмѣстѣ съ присланною работою и съ письмами къ Озенбрюггену и Штрюмпелю, я получилъ 26-го января, т. е въ разгаръ масляницы, и потому отчасти, частью же и потому что хотѣлъ тебя увѣдомить сколько нибудь о томъ, какъ подвинулась твоя работа, я не писалъ къ тебѣ до сихъ поръ. Что касается до работы, то часть ея все еще находится въ корректурѣ у Штрюмпеля, другая же, большая, у переписчика. Эту работу не удастся приготовить къ подачѣ такъ же скоро, какъ первую; она и объемистѣе, да кромѣ того переписчикъ былъ боленъ эти дни. Сегодня ввечеру отправляюсь къ Штрюмпелю, чтобы взять у него послѣдніе листы. Переписчику отдамъ ихъ завтра, и надѣюсь, что въ концѣ этой недѣли буду имѣть возможность отдать готовую работу Озенбрюггену. Съ нимъ я видѣлся въ пятницу, въ концертѣ Эрнста; сказалъ ему, что ты прислалъ свою работу, которую я ему принесу на дняхъ, и кстати спросилъ его, не можетъ ли помѣшать твоей работѣ то, что ты говоришь о недостаткахъ уголовнаго судопроизводства совѣстнаго суда. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что это ничего, потому что при пересылкѣ работы министру можно будетъ выпустить это. Что касается до моего мнѣнія о твоей работѣ, то историческое введеніе хорошо, хотя оно больше имѣетъ видъ антикритики, нежели настоящаго историческаго введенія. Впрочемъ нѣкоторыя выраженія, относящіяся слишкомъ прямо къ Тобину, теперь очень смягчены. Напр. вмѣсто einige meinen сказано: man könnte meinen и т. п. Такъ названная тобою положительная часть мнѣ нравилась больше въ твоей прежней работѣ; она была, какъ ты самъ говоришь, самостоятельнѣе, и я думаю, что если бы ты туда вставилъ недостающее противу Свода, то избавилъ бы себя отъ лишней работы. Впрочемъ можно отвѣчать, что работа *пройдетъ,* и хотя я не хочу уговаривать тебя, не ожидая рѣшенія факуль-

тета (что продолжится недѣли три), ѣхать въ Варшаву, но на твоемъ мѣстѣ вѣроятно бы это сдѣлалъ. Дня черезъ два-три надѣюсь тебѣ переслать твою черновую работу, чтобы ты увидѣлъ, въ какомъ видѣ она пошла въ факультетъ, и поэтому рѣшился. Что касается до позволенія представить работу Петербургскому университету, то до этого дѣло не дойдетъ, и думаю, что ты этого не писалъ къ Озенбрюггену. Штрюмпелю письмо твое я отдалъ въ воскресенье по полученіи отъ Риттера портфеля. Это было кстати. 2-го былъ день рожденія М-е Штрюмпель и я отвезъ туда твое письмо и подарокъ. Письмо особенно, а подарокъ особенно; такъ, какъ я ихъ получилъ, отдавать не хотѣлось. Благодарю тебя, милый другъ, за твой подарокъ. Письма Гоголя я въ первый разъ читалъ здѣсь у Катенева, которому ихъ прислали изъ Петербурга, и написалъ Степанову, чтобы онъ привезъ мнѣ одинъ экземпляръ , такъ что по полученіи твоего у меня сдѣлалось ихъ два. Впрочемъ это очень кстати, потому что мой я хочу отослать Сонѣ. Отъ нея и Елис. Мих. я получилъ письмо; Елис. Мих. располагаетъ въ августѣ выѣхать въ Малороссію. То, что было въ прежнемъ письмѣ писано о замужествѣ, кажется ничего не значитъ, судя по этому письму; впрочемъ навѣрно узнаю изъ отвѣта, который получу на послѣднее письмо мое. Благодарю тебя, другъ мой, за копію съ моего свидѣтельства и за заказанное ружье Сенѣ. Что оно немножко дороже, нежели я хотѣлъ, это не бѣда, если только оно хорошо. Хотѣлось бы, чтобы оно также не было очень мало, и могло бы служить Сенѣ года четыре или пять. Если прійдется, то скажи мастеру, чтобы оно было немного побольше. Сеня не начнетъ его употреблять раньше этого лѣта. Я тебѣ писалъ, что Штрюмпель подарилъ ему къ Рожд. химію, основанную на экспериментахъ, такъ что она будетъ занимать его. Для всѣхъ означенныхъ тамъ экспериментовъ нужно было выписать разныхъ аппаратовъ на 10 р. сер. Кромѣ того я купилъ для Сени всѣ вещи Катенева. Штрюмпель хочетъ самъ проходить съ нимъ эту химію и дѣлать опыты. Очень желаю, чтобы это пошло. На дняхъ онъ говорилъ мнѣ, что съ новаго году онъ очень доволенъ Сеней и надѣется, что это будетъ продолжаться. Er fängt an bei seinen Beschäftigungen selbstthätig zu sein. Если бы это продолжалось и утвердилось! Бѣдный Пьеръ! Боюсь, что эта болѣзнь совсѣмъ убьетъ его духъ, если даже это и не совсѣмъ основательно, что онъ при смерти. Я также въ этомъ сомнѣваюсь, особенно зная болѣзнь. За ружье мы сочтемся и то, что я издержу меньше, то заплачу за тебя Карову. Переписка той работы стоила 2 руб. Эта будетъ стоить больше. Объ Александрѣ [1]) и о томъ,

---

[1]) Дараганѣ.

что онъ очень боленъ, я узналъ изъ недавно полученнаго письма отъ его жены. [1]) Она проситъ, если тотъ садовникъ не можетъ воротиться, выслать къ веснѣ другого. Такъ скоро это сдѣлать невозможно. Поищу и увѣдомлю ихъ въ Кіевъ, гдѣ они теперь находятся. Старый садовникъ былъ у меня еще разъ и все надѣется выпутаться изъ бѣды, да очень мало надежды.

Что касается до меня, то я все живу по прежнему. Въ субботу переѣхалъ въ свою новую квартиру, какъ только кончилась ярмарка и Gross-mutter переѣхала въ низъ. Устроился очень gemüthlich. Мои занятія идутъ по старому. Работаю немного, даже мало, но все же по немногу подвигаюсь впередъ. Кончилъ первую часть Рау, прохожу политику Брекера. Кстати объ немъ. Жена его перешла въ новоотдѣланный Palais Broecker, гдѣ будетъ по окончаніи траура огромный балъ; говорятъ, по полученіи этого извѣстія шелковыя матеріи вздорожали 10-ю процентами. Онъ остался жить съ сыновьми въ Villa Broecker, т. е. въ старомъ домѣ, гдѣ они располагаютъ проводить лѣто. Отдавая твою работу, узнаю у Озенбрюггена, можно ли мнѣ будетъ дѣлать экзаменъ въ маѣ у Брекера и Блума, такъ какъ они уѣзжаютъ за границу на лѣто. Остальные предметы вѣрно протяну до сентября, если не дальше. Изъ Мачкасъ получилъ извѣстія въ финансовомъ отношеніи не совершенно благопріятныя; цѣны на хлѣбъ, не смотря на дурной урожай прошлаго года, противъ ожиданія низки. Отчеты за 1846 годъ я уже, какъ опекунъ, за своимъ подписаніемъ, отослалъ въ Опеку. Надѣюсь, тамъ останутся довольны, потому что доходу показано до 30 тысячъ асс. Это первые мои отчеты и потому меня занимаетъ, не сдѣлаютъ ли какихъ нибудь привязокъ. Впрочемъ они составлены въ Мачкасахъ и пересмотрѣны письмоводителемъ Двор. Опеки.

Вотъ тебѣ все, милый другъ Володя, что касается до общихъ интересующихъ насъ предметовъ. О Фробенахъ не пишу ничего. Разсказать тебѣ, что мы дѣлали на масляницѣ, что творится въ домѣ, какъ всѣ поживаютъ и т. п. оставляю до слѣдующаго письма; да впрочемъ и сказать новаго нечего, тѣмъ больше, что ты все знаешь отъ Мари· Костиньку ожидаемъ къ серебр. свадьбѣ съ нетерпѣніемъ.

Мой привѣтъ передай ей, также и Мари. Говорили, что ты пріѣдешь къ свадьбѣ. Прощай. Обнимаю тебя горячо.

Твой братъ и другъ

М. Краснокутскій.

---

[1]) *Анны Евгеніевны.*

28.

Дерптъ, 16 февраля 1847 г.

Послѣднее письмо мое, писанное тому назадъ около десяти дней, ты вѣрно уже получилъ, милый другъ Володя, и, согласно моему обѣщанію, ожидаешь дальнѣйшихъ извѣстій о твоей работѣ и присылки черновой рукописи. Въ послѣднемъ письмѣ моемъ, если не ошибаюсь, я обѣщалъ тебѣ, что въ концѣ той же недѣли работа будетъ отдана Озенбрюггену; но случилось не такъ, потому что, благодаря болѣзни переписчика, работа никакъ не могла быть кончена раньше среды ввечеру. Въ четвергъ я отнесъ ее Озенбрюггену съ твоимъ письмомъ и получилъ отъ него увѣреніе, что онъ сдѣлаетъ все, что возможно, чтобы ты могъ получить скорѣйшій отвѣтъ, и обѣщалъ его самое позднее черезъ двѣ недѣли. Черновую твою работу я получилъ тоже въ среду, но откладывалъ со дня на день ея отправку, и потому ты до сихъ поръ еще не получилъ ея. Вчера, въ день серебряной свадьбы Фробена, я видѣлъ Озенбрюггена и получилъ отъ него извѣстія, которыя спѣшу передать тебѣ. Работа была уже у Тобина и онъ остался ею *чрезвычайно* доволенъ. Теперь она перейдетъ къ другимъ профессорамъ, которые безъ сомнѣнія ея не задержатъ, такъ что, послѣ этого отвѣта Тобина, тебѣ не остается ничего больше ждать въ Петербургѣ, если ты не хочешь получить непремѣнно письменное свидѣтельство факультета. Что касается до этого, то его могутъ выдать, можетъ быть, черезъ недѣлю, т. е. послѣ сдѣланнаго факультетомъ заключенія о принятіи твоей работы и о выдачѣ тебѣ диплома, но брать его не стоитъ, потому что, какъ мнѣ сказалъ Озенбрюггенъ, дипломъ можетъ быть выданъ пятью днями позже этого свидѣтельства. Потому, милый другъ, думаю, что, по полученіи тобою этого письма, тебѣ надобно или сейчасъ же ѣхать въ Варшаву, или, если ты хочешь имѣть полную увѣренность, что не найдется другихъ затрудненій, собравшись въ путь, ожидать свидѣтельства или диплома, которые я постараюсь выслать какъ можно скорѣе.

Балеманъ передалъ мнѣ твой привѣтъ. Онъ пріѣхалъ съ Костинькой, которую я не видѣлъ около десяти мѣсяцевъ, въ субботу въ половинѣ 9-го утра. Въ воскресенье былъ обѣдъ, на которомъ было человѣкъ десять изъ родныхъ Фробена,—все мужчины. Вчера же былъ большой балъ, на которомъ было больше полутораста человѣкъ. Все кончилось въ половинѣ шестого утра, но я, по обыкновенію, ушелъ въ половинѣ второго, не смотря на то, что былъ вмѣстѣ съ двумя Риттерами и Катеневымъ маршаломъ, т. е. вводилъ гостей и т. п. Варо-

чѣмъ не разсказываю тебѣ о балѣ, равно какъ и обо всѣхъ Ueberraschungen ничего, потому что ты это узнаешь отъ Мари или отъ Штюрмера, который ѣдетъ съ Балеманомъ завтра ввечеру назадъ въ Петербургъ.

Сегодня поутру былъ у меня Биленштейнъ и сказалъ, что получилъ отъ тебя письмо, гдѣ ты увѣдомляешь его, что ты отдалъ солдату 2 р. сер., которые онъ отдалъ мнѣ. За переписку твоей работы я заплатилъ 2 р. 75 к.

У Штрюмпеля всѣ здоровы. Симонъ былъ тоже вчера на балѣ и ночевалъ ночь у меня. Тамъ тоже праздновали 12-го этого мѣсяца серебряную свадьбу стариковъ Биленштейнъ. Было тамъ обыкновенное общество: Гофнеръ, Штейнъ и пр. Августъ сдѣлалъ транспарантъ съ именами своихъ отца и матери. Пецольтъ тоже былъ въ числѣ гостей. Прушинскій воротился изъ своей поѣздки въ Житомиръ и привезъ разныя новости о нашихъ сторонахъ. Твою работу посылаю съ Штюрмеромъ—такъ ты ее скорѣе получишь, нежели черезъ почту. Прощай. Обнимаю тебя. Пишу къ тебѣ поутру послѣ бала. Болитъ голова и къ тому же простудился, насморкъ. Обнимаю тебя.

Твой братъ и другъ

М. Краснокутскій.

29.

Дерптъ, 24-го февраля 1847 года.

Съ тѣхъ поръ, какъ я писалъ къ тебѣ въ послѣдній разъ, другъ мой Володя, и съ тѣхъ поръ, какъ я переслалъ тебѣ твою работу черезъ Штюрмера, получилъ я два письма отъ тебя; одно черезъ нѣсколько часовъ по отъѣздѣ путешественниковъ, отъ которыхъ ты вѣроятно уже услышалъ кое-что о нашихъ Дерптскихъ новостяхъ; другое—два часа тому назадъ съ 50 руб. сер.

Въ первомъ письмѣ своемъ ты пишешь мнѣ о К. Слава Богу, что это такъ кончилось, тѣмъ болѣе, что можно надѣяться, что время, жизнь въ семействѣ, удаленіе всего, что можетъ напомнить прошлое, заставятъ ее забыть тебя и ваши отношенія, которыя были источникомъ страданій для васъ обоихъ и приготовляли еще большія въ будущемъ. Ваши характеры слишкомъ несходны. Чувствую съ своей *стороны обязанность* заставить стараться забыть К. и старика Фробена

своимъ вниманіемъ то горе, которое ты невольно нанесъ имъ. Но не обвиняй себя строго, добрый другъ мой, въ тѣхъ испытаніяхъ, которыя черезъ тебя судьба приготовила К. Она со временемъ забудетъ ихъ, какъ и все семейство, и тогда ты опять будешь въ ихъ памяти тѣмъ, чѣмъ ты имъ былъ,—истиннымъ ихъ другомъ.

Старикъ Фробенъ поручаетъ тебѣ сказать, что онъ извиняется, что до сихъ поръ не отвѣчалъ, и, вѣроятно, скоро будетъ писать тебѣ. Если въ его письмѣ чувство отца и, можетъ быть, не вполнѣ понятыя имъ причины разрыва сдѣлаютъ его не совершенно справедливымъ къ тебѣ, то не грусти объ этомъ, милый другъ. Не оправдывайся и прерви пока всѣ сношенія съ семействомъ. Время wird alles wieder gutmachen. Что касается до меня, то мнѣ кажется, что чувства К. не могли еще пустить глубокихъ корней въ ея сердцѣ. Она, сколько я замѣтилъ, не груститъ, чему способствуютъ и родители, которые стараются ей доставить всѣ развлеченія. Говорю тебѣ объ этомъ не для того, чтобы успокоить тебя, но чтобы ты напрасно не дѣлалъ бы себѣ упрековъ.

По полученіи твоего второго письма сейчасъ же отправился къ Карову и заплатилъ ему весь долгъ, въ чемъ прилагаю росписку. Своихъ приплатилъ 4 р. 20 к., что съ заплоченными садовнику 5 р. и за переписку твоихъ работъ 5 р. 75 к. составитъ 14 р. 95 к. Отъ Биленштейна я получилъ заплоченные тобою за него солдату 2 р.—такъ что, съ вычетомъ за ружье, я остаюсь тебѣ долженъ 2 р. 5 к., кромѣ того, что будетъ стоить пересылка ружья. Эти деньги употреблю, чтобы заплатить за пересылку твоей работы, когда ее нужно будетъ посылать министру.

Отъ Карова пошелъ къ Озенбрюггену спросить его о работѣ и попросить, чтобы въ случаѣ, если дипломъ не можетъ быть готовъ къ началу марта, онъ написалъ къ тебѣ письмо, въ которомъ бы оффиціально извѣстилъ тебя, что твоя работа принята факультетомъ. На это онъ сказалъ, что онъ отвѣчаетъ за то, что работа принята, и готовъ написать тебѣ такого рода письмо. Чего же больше? Не полный ли это дипломъ? Согласись и уѣзжай. Что впрочемъ касается до диплома, то онъ все надѣется, что къ 8-му марта (терминъ, который ты назначилъ въ полученномъ имъ сегодня отъ тебя письмѣ) дипломъ можетъ быть выданъ, не смотря на то, что только сегодня получитъ онъ отъ Отто работу и передастъ ее Брекеру, котораго медленности онъ боится и хочетъ ihm dringend vorstellen, er möge die Arbeit nicht lange bei ihm behalten. Дипломъ можетъ быть готовъ черезъ два-три дня послѣ составленія Conseilbeschluss'а.

Радуюсь, милый другъ, что съ Papa у тебя все идетъ хорошо. Пріѣдешь въ Варшаву, тогда онъ согласится и продлитъ срокъ твоего

пребыванія за границею. Что касается до твоего мнѣнія о твоей карьерѣ, то я съ тобой согласенъ. Благодарю тебя за предложеніе выслать что мнѣ нужно изъ Петербурга—пока ничего не нужно. Я понемногу занимаюсь Фридлендеровскими предметами, которые мнѣ zusagen. Прохожу 2-ю часть Рау и посѣщаю Practicum, гдѣ сегодня въ классѣ будутъ разбирать одну работу и я оппонентомъ. Буду тебѣ писать, какъ скоро узнаю что нибудь отъ Озенбрюггена. Теперь спѣшу кончить и идти къ Фридлендеру. Прощай. Обнимаю тебя. Штрюмпель спрашиваетъ о тебѣ и кланяется. Обнимаю тебя.

Твой братъ и другъ

М. Краснокутскій.

30.

Дерптъ, 5-го марта 1847 г.

Сію минуту получилъ твое письмо, милый другъ Володя, гдѣ ты увѣдомляешь меня о своемъ отъѣздѣ, и спѣшу написать къ тебѣ нѣсколько строкъ, которыя ты могъ бы получить предъ твоимъ отъѣздомъ. Диплома къ 8-му марта (это можно сказать навѣрное)—выдать не успѣютъ; да даже, если бы и выдали, то онъ не прійдетъ къ твоему отъѣзду; это ты, вѣроятно, знаешь изъ письма Озенбрюггена, который писалъ къ тебѣ вчера или третьяго дня, чтобы увѣдомить тебя о томъ, что заключеніе совѣта надобно было представить къ подтвержденію куратора и т. д. Радуюсь, что это письмо можетъ тебѣ служить документомъ у Рара; дипломъ же я вышлю уже тебѣ въ Варшаву; только пришли мнѣ свой адресъ туда. Такъ какъ онъ пойдетъ застрахованный, то не ожидай его раньше, какъ недѣли черезъ три послѣ твоего пріѣзда. Кромѣ того, могутъ быть еще какія нибудь мѣшканья. Это, надѣюсь, не важно, потому что будетъ зависѣть только отъ болѣе или менѣе скорой процедуры; результатъ же, выдача диплома,—совершенно вѣренъ. Все замедленіе отъ того, что das ist ein ganz neuer Fall, es muss dem Kurator vorgelegt werden und das Diplom von einer anderer Ort als gewöhnlich gefertigt werden, какъ мнѣ сказалъ Озенбрюггенъ.

Извѣстія, которыя ты мнѣ даешь объ Александрѣ и Петрѣ Мих., самыя печальныя. Елис. Мих. писала ко мнѣ, что она тоже ничего *больше* не знаетъ, какъ что они опасно больны. Ник. Мих. видѣлъ

Гришу въ караулѣ въ Кременчугѣ; говорятъ, что онъ очень любимъ своими товарищами и особенно полковымъ командиромъ,—вотъ единственныя извѣстія, которыя я имѣю отъ Гриши. Больше ни о комъ и ничего. Надежда Ив. давно что то не отвѣчаетъ мнѣ на мои письма. Отъ нея, вѣроятно, узнаю многое—особенно, что касается до Александра, потому что она съ мужемъ теперь въ Кіевѣ. Грустно немного не знать ничего отъ своихъ, да надобно потерпѣть—дастъ Богъ осень, кончу экзаменъ, тогда, вѣрно, удастся увидѣться. Хочу окончательно думать объ этомъ. Собираюсь брать уроки у Крузе - это для экзамена будетъ большое облегченіе. У Блума и у Брекера дѣлаю экзаменъ въ концѣ апрѣля и началѣ мая. Хочется брать уроки у Штрюмпеля—не такъ для экзамена, какъ для себя; думаю съ нимъ поговорить. Это было бы очень кстати, особенно если я поѣду съ ними въ Курляндію. Это мнѣ хочется сдѣлать больше всего для того, чтобы сблизиться съ Штрюмпелемъ. Передъ отъѣздомъ отсюда, оставляя на его рукахъ Сеню совершенно,—мнѣ хочется узнать и обсудить его, какъ можно вѣрнѣе. До сихъ поръ мое сужденіе было составлено объ немъ по твоему. Это будетъ также облегченіемъ въ нашихъ будущихъ сношеніяхъ съ нимъ. Сблизиться съ нимъ, какъ ты знаешь, нельзя, ходя къ нему на чай; просидишь два часа съ нимъ, съ его женою, Прушинскимъ, Сеней и ничего ближе не узнаешь. Я думаю, что началомъ твоего сближенія съ нимъ были тоже отчасти уроки, кромѣ маленькихъ одолженій, которыя вы имѣли случай оказывать другъ другу. Попробую тоже средство и надѣюсь, что удастся. Боюсь только, что онъ все смотритъ на меня, какъ на человѣка, состоящаго отъ него по экзамену въ нѣкоторой зависимости, и потому, можетъ быть, will sich nicht näher einlassen.

По твоему порученію о высылкѣ Шлоссера Данзасу спрашивалъ у Карова, не вышли ли слѣдующія книги; отвѣчалъ, что нѣтъ, а когда выйдутъ, то онъ пришлетъ мнѣ. Тогда вышлю ихъ на имя его, или по адресу Натальи Андреевны, или скажу Карову, чтобы выслалъ самъ на имя Данзаса. Какъ ему удобнѣе?

Кончаю свое письмо, воротясь отъ обѣда. Передалъ твое порученіе Фробену. Онъ спрашивалъ меня еще вчера о тебѣ: правда ли, что ты уѣхалъ, какъ писала къ Костинькѣ одна изъ твоихъ кузинъ фонъ Фокъ. У насъ въ домѣ все по прежнему. Костинька совершенно такая же, какъ была и прежде. Только бѣдняжка M-elle Hübner какъ то все это время печальна. Нѣтъ тебя, чтобы помирить маленькія домашнія ссоры.

Прощай, милый другъ Володя. Ты оставляешь Петербургъ и мнѣ кажется, что я опять съ тобою разстаюсь. Было такъ близко, что казалось, какъ будто ты только на время насъ оставилъ. Теперь какъ

будто настоящая разлука, потому что кто знаетъ, когда опять увидимся. Пиши ко мнѣ о себѣ, о Papa, о своихъ, какъ что найдешь. Я тебя не легко забуду, потому что многимъ тебѣ обязанъ. Вѣрь привязанности и истинному уваженію твоего друга и брата

М. Краснокутскаго.

P. S. Твоя работа для подачи министру еще не переписана. Сегодня должна была быть готова, да переписчикъ опять неисправенъ. Впрочемъ это замедленія не дѣлаетъ. Обнимаю тебя крѣпко.

Твой М. К.

Merci за ружье Сени. Черезъ кого ты его посылаешь?

31.

Дерптъ, 18 марта 1847 г.

Вѣрно ты со дня на день ждешь, не дождешься своего диплома, милый другъ Володя, и, можетъ быть, пеняешь на меня, тѣмъ болѣе, что ты, какъ видно изъ послѣдняго письма твоего, отъ 8-го марта, писаннаго въ день отъѣзда, не получилъ моего послѣдняго посланія, отосланнаго въ среду и написаннаго черезъ нѣсколько часовъ по полученіи предпослѣдняго твоего письма, въ которомъ ты увѣдомляешь меня объ отъѣздѣ своемъ изъ Петербурга. Дѣло въ томъ, милый другъ, что въ совѣтѣ университета была рѣчь о томъ, долженъ ли ты по своему диплому получить и всѣ права гражданской службы, предоставляемыя тѣмъ, которые сдѣлали студенческій экзаменъ. Совѣтъ рѣшилъ, что законы не совершенно ясно рѣшаютъ этотъ вопросъ, и съ своимъ мнѣніемъ, чтобы такого рода дипломъ предоставлялъ всѣ права, даваемыя обыкновенно, представилъ все дѣло на разсмотрѣніе куратора. Теперь оно въ канцеляріи Крафштрема и въ этомъ лежитъ причина замедленія. Потому успокойся и успокой Papa, и будь увѣренъ, что при первой возможности дипломъ будетъ тебѣ высланъ.

Пишу тебѣ неожиданную новость о себѣ—именно, я сегодня ѣду въ Москву. Вчера я получилъ извѣстіе, по которому я долженъ былъ рѣшиться на эту поѣздку. Въ чемъ дѣло, разскажу тебѣ по возвращеніи. Теперь и тяжело, и недостаетъ времени. Ворочусь я черезъ три недѣли отъ сегоднешняго дня. Во время моего отсутствія Катеневъ *представитъ твою переписанную* для министра работу факультету и

будетъ узнавать, какъ подвигается дѣло. Если будетъ возможность, то онъ вышлетъ дипломъ на имя твоего Papa. Но если это будетъ за нѣсколько дней до моего пріѣзда, то я сдѣлаю это самъ. Дѣло въ томъ, что у меня нѣтъ твоего адреса въ Варшаву, такъ что я посылаю это письмо на имя твоего отца, надписавши только въ Варшаву. Надѣюсь, что оно дойдетъ до тебя. Въ Петербургѣ (такъ какъ я ѣду на него), если успѣю, буду у Натальи Андреевны и у Дмитрія. По дорогѣ увижу Петра Мих., если будетъ возможность. Новость о смерти Александра, кажется, неосновательна, я получилъ письмо отъ бабушки, гдѣ она проситъ прислать няньку для дѣтей Николая,—объ этомъ нѣтъ рѣчи.

У насъ въ домѣ всѣ здоровы. Фробенъ часто спрашиваетъ о тебѣ. Въ остальномъ все по прежнему—тихо и смирно. Дѣти всѣ здоровы.

Прощай, милый другъ, будь здоровъ и дай о себѣ вѣсточку. Что твои дѣла и поѣздка за границу? Обнимаю тебя. Прощай.

Твой другъ и братъ

М. Краснокутскій.

P. S. Черезъ два часа я выѣзжаю. Спасибо Гедеону, я получилъ метрическое свидѣтельство. Думаю представить его въ Петерб. въ герольдію. Тамъ поблагодарю Дмитрія за хлопоты.

32.

Москва, апрѣля 6-го 1847 года.

Надѣюсь, что ты получилъ уже, милый добрый другъ Володя, письмо мое изъ Дерпта, писанное въ день отъѣзда въ Москву, и находишься въ совершенномъ недоумѣніи о томъ, что со мною дѣлается. Еще больше будетъ твое удивленіе, когда ты узнаешь то, что я теперь собираюсь сказать тебѣ. Но прежде, милый другъ, я долженъ тысячу разъ просить тебя простить мнѣ мою скрытность—un défaut de Petit-Russien, лежащую, ты въ этомъ не сомнѣваешься, въ моей натурѣ, которую мнѣ трудно переломить, а не въ недостаткѣ довѣренности къ тебѣ. Мою откровенность, надобно, чтобы я самъ, или люди, которыхъ я люблю, изъ меня выжали. Надѣюсь, что ты простишь меня и не будешь сомнѣваться въ моей сердечной привязанности и въ искреннемъ уваженіи къ твоему характеру и качествамъ. Ты, милый другъ, былъ моимъ путеводителемъ и примѣромъ, и изъ малаго хорошаго, что во мнѣ есть, я весьма многимъ обязанъ тебѣ. Твое вліяніе и, если хочешь, бо-

гл

язнь твоего строгаго сужденія спасали меня отъ многаго дурнаго; дай Богъ, чтобы посѣянное тобою не вымерло, а больше всего, чтобы судьба свела насъ опять вмѣстѣ, и твой совѣтъ и дружба продолжали бы начатое дѣло добра.

Все дѣло въ томъ, милый другъ, что дней черезъ десять я буду женатъ. Надѣюсь, что ты догадаешься на комъ,--потому что тебѣ извѣстно существованіе писемъ, которыя я въ продолженіе двухъ лѣтъ получалъ отъ Филимоновыхъ и которыя только одни не были тебѣ показываемы. Я женюсь на Катеринѣ Павловнѣ Филимоновой и поручаю ее твоему расположенію. Какъ все случилось,—это я разскажу тебѣ въ нѣсколькихъ словахъ, хотя мой романъ, начавшійся три года тому назадъ, съ перваго пріѣзда моего въ Мачкасы, могъ бы занять нѣсколько страницъ. Прежде однакожь постараюсь передать тебѣ все, что касается до Катеньки, чтобы ты могъ правильно судить о моемъ положеніи, хотя совѣтую для того призвать на помощь твое воображеніе, потому что мое описаніе, писанное внѣ всякаго вліянія страсти, можетъ представить тебѣ все въ невыгодно-ложномъ свѣтѣ. Во первыхъ, она нисколько не хороша собою—у нея только пріятное лицо, особенно, когда оно одушевлено чувствомъ; дальше она старше меня двумя, тремя годами (навѣрное не знаю—такъ, судя по виду)—ein Altersverhältniss, welches als misslich erscheinen kann. Она умна, хотя не одарена блестящимъ умомъ, имѣетъ много здраваго смысла, нисколько не пропитана чтеніемъ романовъ и видитъ правильно вещи, и во всемъ, что касается до душевныхъ качествъ, я могу сказать, положа руку на сердце, что не знаю у нея никакого недостатка, который я могъ бы сказать тебѣ, развѣ только, что она тщеславна, что впрочемъ я говорю по ея словамъ, а не знаю по собственному сужденію. Кокетства она не имѣетъ нисколько такъ что я даже способствовалъ развитію этого качества въ отношеніи ко мнѣ Мои дружескія отношенія съ ея двумя старшими сестрами (обѣ дѣвушки) и съ нею начались съ перваго пріѣзда моего въ Мачкасы, такъ что мы при разставаньи обѣщали писать другъ другу, и первое время эта переписка шла черезъ ихъ старшаго брата, живущаго вмѣстѣ съ ними, но черезъ нѣсколько времени, за болѣзнью или лѣностью его, Катенька сама отвѣчала мнѣ, тѣмъ больше, что письма мои, хотя писанныя къ брату, относились всегда къ сестрицѣ. Съ тѣхъ поръ переписка наша шла уже черезъ нея, но всегда, по крайней мѣрѣ съ моей стороны, сохраняла чистый характеръ дружбы и расположенія,—до второго моего пріѣзда въ Мачкасы. Я по прежнему почти каждый день бывалъ у нихъ и такимъ образомъ искра привязанности, оставшаяся съ перваго моего пріѣзда и поддерживаемая нашей перепиской, развилась въ Катенькѣ, *sans que je m'en doutais* ou pour mieux dire sans que je veuille croire à mes

yeux (car si tu me connais, tu t'en souviendras, je suis si peu fat que je ne crois pas même à la possibilité d'être aimé) et prévenir le danger. Наконецъ я долженъ былъ повѣрить, но тогда уже было поздно. Я старался однакожъ не дать ей ложной надежды, увѣрялъ ее въ моей привязанности и дружбѣ, je lui disais qu'il ne m'était pas donné de sentir de l'amour, toutes sortes de choses enfin, которые были масломъ на огонь, car sans éteindre chaque espérance, lui laissaient entrevoir la possibilité de mon amour et nous permettaient de rester dans l'intimité. C'est mon inexpérience dans les choses du coeur et aussi la faiblesse de mon caractère qui en portent la faute. A la fin, pour donner une tournure quelconque aux yeux du monde à mes relations, nous nous sommes convenu avec les soeurs de Catherine (qui lui tiennent lieu de parents, et qui étaient jusqu'à la plus petite chose initiées en ce que concerne mes sentiments) de dire aux parents que j'étais promis, une chose à laquelle j'ai consenti avec la condition que je n'étais nullement lié, et que j'aurais le plein droit de renoncer à tout, en cas que mon coeur ne parlerait pas. Je suis parti de la campagne indécis, et espérant que mon absence et ma froideur me faifont oublier par Catherine.

Продолжаю, милый другъ, начатый вчера разсказъ. Съ такими мыслями я пріѣхалъ въ Дерптъ и здѣсь начался для меня рядъ внутреннихъ бореній, которыя были усилены двумя обстоятельствами: первое, —моимъ положеніемъ относительно Катеньки, которое, не связывая меня положительными обѣщаніями, вмѣстѣ съ тѣмъ не давало мнѣ и полной свободы слѣдовать моимъ внутреннимъ побужденіямъ; второе— сомнѣніемъ, не въ любви Катеньки ко мнѣ (cela serait une injustice que je n'avais jamais osé de faire à la vérité de ces sentiments), но въ продолжительности этого чувства, въ необходимости моей привязанности для ея счастія и т. д. Однимъ словомъ я былъ почти совершенно въ такомъ же положеніи, въ какомъ находился не подозрѣвая нисколько этого, ты самъ.

Разумѣется, одинакія причины должны были произвести одинакія слѣдствія Las de combattre mes propres sentiments, brisé, malheureux (car mes lettres froides et remplies de contrainte faisaient les tourments de Catherine dont je m'accusais et qui me faisaient souffrir), privé de l'influence salutaire qu'exerce sur moi la présence de Catherine, je lui écris une lettre où je renoncais à elle et à la possibilité de la rendre heureuse. Къ счастію это письмо попалось въ руки ея сестрамъ (я противъ обыкновенія не писалъ двѣ недѣли, и онѣ, боясь какихъ нибудь печальныхъ извѣстій и зная содержаніе всѣхъ моихъ писемъ, распечатали его) и я въ понедѣльникъ страстной недѣли получилъ отъ нихъ письмо, въ которомъ онѣ просили меня, если я рѣшился разорвать всѣ наши от-

ношенія, сдѣлать это лично, и для того пріѣхать въ Москву. На другой день, ты это знаешь изъ моего письма, я выѣхалъ изъ Дерпта съ твердымъ намѣреніемъ однимъ или другимъ образомъ положить конецъ моему нерѣшительному положенію. Не стану тебѣ разсказывать, какимъ образомъ (это случилось еще такъ недавно, что я не могу обсудить всего хладнокровно), но кончилось тѣмъ, что на третій день моего пріѣзда (въ четвергъ на первой недѣлѣ праздника) я предложилъ сестрамъ Катеньки воспользоваться апрѣлемъ мѣсяцемъ, остающимся у меня свободнымъ до экзамена Брекера и Блума, и соединить меня съ нею такъ, чтобы несуществующее въ эту минуту сомнѣніе и въ отдаленіи отъ нея было бы мнѣ невозможно, послѣ чего я уѣду въ Дерптъ оканчивать мой курсъ. Такимъ образомъ, милый другъ, рѣшилась моя будущность и черезъ дней десять (это зависитъ отъ того, какъ скоро Фробенъ вышлетъ мнѣ нужныя мнѣ бумаги) я буду женатъ.

Прежде, нежели ты, по этому письму, составишь свое сужденіе, милый другъ, позволь мнѣ предостеречь тебя отъ ложнаго обсужденія всѣхъ обстоятельствъ и моего положенія. Если сомнѣніе вкрадется въ твою душу (а это такъ легко), не давай ему воли, а, принявъ то, что я тебѣ говорю, такъ, какъ оно сказано, дальнѣйшее разъясненіе спроси у меня или предоставь времени.

Такъ какъ я не останусь здѣсь дольше, какъ до конца апрѣля, то пиши мнѣ въ Дерптъ, гдѣ я буду съ нетерпѣніемъ ожидать отъ тебя извѣстій.

Въ продолженіе этого короткаго времени я имѣлъ много опыта; я узналъ что самымъ большимъ врагомъ человѣка можетъ сдѣлаться его же воображеніе, что его онъ долженъ стараться сколько можно держать въ рукахъ, что единственное средство противъ него есть дѣятельность такого рода, которая бы наполнила умъ и воображеніе, и дала бы имъ пищу, что книжныя занятія для меня (думаю и для тебя) для этого негодятся и что нужна дѣятельность болѣе живая, связанная съ дѣйствительностью, однимъ словомъ—вещи, которыя (если у меня достанетъ твердости характера имъ слѣдовать) поведутъ меня къ счастію, такому, какъ оно можетъ быть у человѣка, живущаго въ дѣйствительности, а не въ воображеніи. Пріисканіе этой дѣятельности будетъ руководствовать меня въ планахъ о будущности и дѣлаетъ это и теперь; я думаю по окончаніи курса, осенью этого года, ѣхать въ Мачкасы и тамъ заняться устройствомъ дѣлъ и приведеніемъ ихъ въ такое положеніе, чтобы они позволили мнѣ жить въ столицѣ, гдѣ я надѣюсь съ помощью Скрыпицына, по матери брата Катеньки, найти мѣсто, соотвѣтствующее моимъ желаніямъ и принуждающее меня къ дѣятельности, отъ которой моя лѣность до сихъ поръ меня отвращала.

Передай теперь, или немного спустя, извѣстіе о моей женитьбѣ моимъ роднымъ въ общихъ словахъ, такъ какъ истина въ моихъ отношеніяхъ будетъ извѣстна только тебѣ и Степанову. Pour le côté matériel de la chose je t'informe que Catherine a près de 8 mille r. ass. de revenu à elle et que ses deux soeurs, qui l'aiment comme leur enfant et qui ont beaucoup d'amitié pour moi, veuillent lui laisser leure fortune (chaqu'une a autant que Catherine)—en sorte que mon mariage pourrait même paraître—женитьбой по разсчету. Mes décisions pour l'avenir demontreront qu'il n'en est pas ainsi. Elles ont une très bonne parenté ici (les Муравьевъ, Шереметьевъ,) —cela sont les choses dont je ne t'aurais pas écrit, si je ne savais pas qu'on te les demandera. Adieu, милый другъ Володя, обнимаю тебя крѣпко. Твой братъ и другъ.

М. К.

Чтобы познакомить тебя съ Катенькой, которой я часто прежде говорилъ о тебѣ то, что пишу на первой страницѣ письма къ тебѣ, и которая очень желала бы тебя узнать, я просилъ ее написать къ тебѣ нѣсколько строкъ. Надѣюсь, милый другъ, это не будетъ тебѣ непріятно, тѣмъ больше, что все написанное ею идетъ отъ сердца.

Comme c'est Michel lui même, qui m'autorise à me borner de ces quelques lignes, le ton cérémonieux qui devrait s'y faire sentir très naturellement,—cela me rend toute heureuse et c'est avec une joie bien aise, que je reçois de lui la permission de vous nommer mon cousin; cela m'est facile d'autant plus, que depuis, que mon coeur le chérit, il est bien disposé aussi à sympathiser avec ceux qui lui sont proches. Il est bien clair, que jusqu'à present j'aie été pour vous presque étrangère; mais pour ce qui vous regarde, il me parait, que pour moi, depuis assez longtemps, vous ne l'êtes plus, car bien bien souvent avec mon bon Ange, nous avons causé de vous et une partie des sentiments, qui pour vous remplissent son coeur, ont sans prière repassé dans le mien.

Accordez moi donc à vôtre tour un peu de vôtre amitié, qui me sera fort précieuse et croyez que je tacherai bien de la mériter. Il me serait très agréable de me faire connaître à vous, autrement que par le rayon de la plume, aussi je désire beaucoup, que ce temps s'il peut venir un jour ne soit pas trop éloigné; en attendant je me recommande à vôtre bienveillance et vous prie, mon cher cousin, de me permettre d'y compter; - cette assurance serait bien douce pour celle qui se dit vôtre devouée cousine.

Catherine K.

33.

Дерптъ, 8-го мая 1847 года.

Вчера, по пріѣздѣ изъ Москвы, получилъ я письмо твое, добрый другъ мой Володя, писанное отъ 1-го апрѣля, и спѣшу отвѣчать тебѣ, увѣдомить тебя о твоихъ дѣлахъ и разсказать кое-что о себѣ. Но прежде хочу попенять тебѣ за то, что ты не пишешь къ своимъ старымъ друзьямъ и роднымъ. Наталья Андреевна жалуется на тебя (я ее видѣлъ четыре дня тому назадъ, передъ выѣздомъ изъ Петербурга), Дмитрій тоже, я тоже—за то, что ты не отвѣчаешь мнѣ на два письма мои, одно отсюда, другое изъ Москвы, гдѣ я пишу тебѣ о предстоящей моей женитьбѣ.

Прежде всего, что касается до твоего диплома. По полученіи твоего письма, я вчера еще былъ у Озенбрюггена, котораго засталъ передъ самымъ его отъѣздомъ въ Гамбургъ на родину (вчера ввечеру онъ уѣхалъ), и узналъ отъ него, что тебѣ не высылаютъ диплома, потому что еще не вышло разрѣшеніе куратора касательно вопроса по поводу твоего диплома. Если не ошибаюсь, я писалъ уже тебѣ, что не знаютъ, дать ли тебѣ съ дипломомъ всѣ права по службѣ и на классный чинъ или такъ, какъ ты ожидалъ, просто какъ ученую степень. Совѣтъ рѣшился на первое и просилъ подтвержденія куратора, которое теперь и удерживаетъ выдачу твоего диплома. Такъ какъ твой отъѣздъ за границу зависитъ отъ полученія его, то я постараюсь черезъ Штрюмпеля или ректора передать ему это, и надѣюсь, что онъ тогда поторопится рѣшеніемъ. Кромѣ того, мнѣ надобно будетъ отдать ему письмо отъ Скрыпицына и я постараюсь въ разговорѣ ввернуть тоже самое. Пока жди, другъ Володя, а лучше всего поѣзжай за границу безъ диплома, который я вышлю къ Papa.

Что касается до меня, то, какъ ты и могъ ожидать по послѣднему моему письму,—я женатъ и, милый другъ (ты не можешь сомнѣваться въ правдѣ того, что я сказалъ тебѣ въ послѣднемъ письмѣ), чувствую, что это единственная дорога для меня къ счастію. Я рисковалъ сдѣлаться самымъ несчастнымъ и самымъ ненужнымъ человѣкомъ—сдѣлаться мечтателемъ. Я прежде не чувствовалъ и не находилъ ни въ чемъ удовольствія, потому что воображеніе мое выжимало всю сладость изъ дѣйствительности, и она дѣлалась для меня выжатымъ лимономъ. Одиночество, въ которомъ я всегда находился, прежнее чтеніе романовъ—сдѣлали меня такимъ. Теперь начну лѣчить самого себя, потому что чувствую, что былъ опасно боленъ и рисковалъ никогда не выздоровѣть. *Опасность* даетъ мнѣ силы. Дѣйствительность, занятіе, которое

бы дало въ истинно существующемъ пищу моему уму и воображенію и вполнѣ заняло бы ихъ, семейный кругъ въ минуты отдыха—вотъ единственное лѣкарство.

Сознавъ это, я теперь хочу и мою будущность устроить согласно этому. Что касается до настоящаго, то я теперь въ Дерптѣ, чтобы дѣлать экзаменъ у Брокера. Въ Дерптѣ я останусь недолго, не больше мѣсяца. Лѣто проведу въ Ревелѣ съ женою и ея сестрами, которыя пріѣдутъ туда въ началѣ іюня. Въ августѣ ворочусь въ Дерптъ кончать экзаменъ, и потомъ надѣюсь осенью же воротиться въ деревню, гдѣ мои уже будутъ ожидать меня. Здѣсь поступлю, какъ скоро будетъ возможно, въ службу, пока только для формы, а, главное, займусь устройствомъ моихъ дѣлъ такъ, чтобы мнѣ можно было оставить деревню надолго. Это продолжится два-три года, больше или меньше; это будетъ зависѣть, какъ на меня подѣйствуетъ этотъ родъ жизни и до какой степени предстоящія занятія займутъ меня. Все это однакожъ только ступени къ достиженію главной цѣли, именно службы такого рода, которая бы дала мнѣ кругъ дѣятельности и заняла бы меня. Въ выборѣ ея мнѣ поможетъ Скрыпицынъ, съ которымъ я познакомился въ Петербургѣ. Онъ человѣкъ умный, а главное, энергичный и дѣятельный, и потому очень можетъ быть, что я буду служить или у него, или подъ его вліяніемъ, а потому почти навѣрное въ Петербургѣ. Тамъ, дастъ Богъ, увидимся.

Прощай, другъ Володя. Будь здоровъ и веселъ, и не забывай своихъ друзей. Если боленъ—лѣчись или, по крайней мѣрѣ, старайся охладить твое живое воображеніе. Дѣйствительность - великое дѣло. Нашимъ русскимъ натурамъ, нашему уму—нужны живой интересъ и дѣятельность; только учиться—для нихъ ядъ. Русскому не быть нѣмецкимъ Gelehrter'омъ. Обнимаю тебя крѣпко. Озенбрюггенъ тебѣ кланяется и желаетъ встрѣтить за границей. Штрюмпеля еще не видѣлъ послѣ полученія твоего письма: онъ помнитъ тебя, какъ и Фробены, которыхъ я засталъ почти всѣхъ, кромѣ старика и Тони, больными. Въ городѣ общій гриппъ, которымъ былъ боленъ и Сеня. О Дерптѣ говорю мало, потому что въ полтора дня едва успѣлъ оглянуться.

Прощай еще разъ. Твой другъ и братъ

М. Краснокутскій.

P. S. Катя просила кланяться тебѣ, когда буду писать, и ожидаетъ отъ тебя пару дружескихъ словъ. Она въ Москвѣ до начала іюня. Немножко грустно одному здѣсь.

Засталъ письмо отъ Сони и Елис. Мих., писанное за нѣсколько дней до отъѣзда въ Малороссію.

34.

Дерптъ, іюня 6-го 1847 г.

Твое письмо, милый другъ Володя, отъ 11-го мая, я получилъ черезъ недѣлю послѣ моего пріѣзда, и не отвѣчалъ тебѣ до сихъ поръ, потому что, пріѣхавши сюда, писалъ тебѣ уже о твоихъ дѣлахъ. Теперь, наканунѣ отъѣзда въ Ревель, пишу къ тебѣ, другъ мой, чтобы сказать тебѣ, что я кончилъ Брекерскіе экзамены и въ августѣ, по возвращеніи изъ Ревеля, дѣлаю остальное. Надѣюсь, все пойдетъ благополучно. Жена съ своими сестрами выѣхала 2-го изъ Москвы и 10-го будетъ въ Ревелѣ, гдѣ я буду ожидать ее. Благодарю тебя за нее, другъ, за родственный привѣтъ, который ты ей передаешь въ своемъ письмѣ. Пиши мнѣ въ Ревель, въ домъ г-жи Нибергъ.

О твоихъ дѣлахъ, другъ, ни слуху ни духу. По пріѣздѣ былъ у куратора; онъ сказалъ, что все дѣло у Министра, но мало надежды, чтобы очень скоро былъ полученъ отвѣтъ. Что онъ будетъ благопріятный,—въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Просилъ и Отто, который теперь заступаетъ мѣсто декана, и онъ обѣщалъ сдѣлать все, что можно. Озенбрюггенъ уѣхалъ за границу, воротится въ концѣ іюля, и тогда отдамъ ему твое письмо. Онъ тоже ничего сдѣлать не могъ, особенно при его отношеніяхъ къ куратору. Булгаринъ пріѣхалъ; вѣроятно, уже писалъ къ твоему папѣ о твоемъ дѣлѣ, о которомъ онъ говорилъ съ куратомъ и меня разспрашивалъ. Дай Богъ, чтобы все пошло хорошо и ты уѣхалъ за границу, не ожидая диплома.

Штрюмпель здоровъ, какъ и все его семейство, которое тебя по прежнему помнитъ. Онъ пишетъ тебѣ самъ; - письмо при семъ прилагаю.

Сеня ѣдетъ со мною въ Ревель на три недѣли. Оттуда 8-го іюля отправляю его въ Ригу, а оттуда въ Либаву, гдѣ Штр. остается до конца августа, чтобы купаться въ морѣ.

Фробены всѣ здоровы. 10 дней тому назадъ Мари пріѣхала изъ Петербурга на все лѣто. Лотьхенъ Пурпье ожидаютъ со дня на день изъ Ревеля. Старикъ Фробенъ совершенно счастливъ; спрашиваетъ о тебѣ часто и ожидаетъ, чтобы ты ему писалъ. Теперь ты можешь это прекрасно сдѣлать. К., кажется, совершенно утѣшилась; по крайней мѣрѣ, она весела, и теперь о тебѣ по старому говорятъ въ семьѣ и вспоминаютъ тебя. Ты можешь въ этомъ отношеніи быть совершенно покойнымъ.

Соня пріѣхала въ Богодуховку съ Елис. Мих., какъ видно изъ послѣдняго письма Гриши. Онѣ тамъ недолго останутся: только до конца іюля.

Прощай, другъ Володя. Я помню и люблю тебя по старому. Пиши, другъ, о себѣ, а то я въ совершенномъ невѣдѣніи о твоей судьбѣ.

Твой другъ и братъ

М. Краснокутскій.

P. S. Кланяйся всѣмъ роднымъ. Пиши. Дерптскіе всѣ шлютъ тебѣ поклонъ.

35.

Дерптъ, 25-го сентября 1847 г.

Вѣроятно давно уже ждешь ты, милый другъ Володя, извѣстій отъ меня и отвѣта на письмо твое отъ 21-го іюня и теперь находишься въ неизвѣстности о томъ, гдѣ я и что дѣлаю. Этому приписываю также твое молчаніе, и то, что ты не увѣдомилъ насъ о перемѣнѣ твоихъ намѣреній—именно о томъ, что ты пробудешь до 1-го января въ Парижѣ. Послѣднее твое письмо, писанное передъ отъѣздомъ за границу, я получилъ въ Ревелѣ и собирался уже было отвѣчать тебѣ. Пріѣздъ Роб. Риттера, который привезъ извѣстіе о томъ, что ты оставилъ Лейпцигъ, слышанное имъ отъ Натальи Андреевны, остановило меня. Онъ пробылъ около двухъ недѣль въ Ревелѣ и я вмѣстѣ съ нимъ 31-го іюля выѣхалъ въ Дерптъ. Здѣсь я рѣшился отвѣчать тебѣ передъ тѣмъ, какъ прійдетъ время мнѣ совершенно оставить Дерптъ.

Теперь, добрый другъ мой, настала эта минута. Черезъ два дня, 28-го, я выѣзжаю отсюда. Въ два мѣсяца моего пребыванія здѣсь я сдѣлалъ немного. Въ 20-хъ числахъ августа я кончилъ экзаменъ и только въ прошлый понедѣльникъ сдѣлалъ коллоквіумъ; задержка произошла вслѣдствіе того, что сюда ожидали министра и потому остановили весь ходъ дѣлъ,—вѣроятно для того, чтобы привести въ порядокъ старыя. Сегодня получилъ отъ Озенбрюггена резолюцію. Дипломъ же выдадутъ мнѣ, когда подамъ работу. Что касается до оной, то я имѣлъ намѣреніе, такъ, какъ и ты совѣтуешь, написать ее здѣсь, даже собралъ всѣ матерьялы и началъ писать, но увидѣлъ, что дѣло не такъ легко, какъ увѣряютъ, и что для него, какъ и для всего, нужно Ruhe,

а если торопиться, то ничего не выйдетъ. Кромѣ того, осень на дворѣ и надобно подумать, что мнѣ предстоитъ дорога отъ Москвы до Ардатова, съ женою и сестрами, которыя ожидаютъ моего пріѣзда въ Москву. Позднею осенью трудно ѣхать такимъ большимъ поѣздомъ. Такимъ образомъ я отложилъ окончаніе моихъ Дерптскихъ дѣлъ и полученіе диплома мѣсяца на два. Главная ошибка была та, что я согласился взять предложенную мнѣ Тобиномъ тему, именно о бѣлопашцахъ и обѣльныхъ вотчинникахъ,—предметъ, допускающій только чисто историческое изложеніе, а я почти совершенно незнакомъ съ исторіею русскаго права и мнѣ надобно сначала до извѣстной степени познакомиться съ нею. Если бы я выбралъ предметъ, допускающій чисто догматическое изложеніе, то вѣроятно могъ бы теперь быть готовъ. Впрочемъ, я утѣшаю себя тѣмъ, что вся бѣда только въ томъ, что я двумя мѣсяцами позже получу дипломъ.

Кончивъ объ экзаменахъ, перейду à ma vie intime. Передъ выѣздомъ въ Ревель я тебѣ писалъ. Тамъ я прожилъ два мѣсяца въ кругу моихъ. Половину времени Сеня былъ съ нами. Мы были тамъ совершенно ограничены нашимъ кругомъ. Знакомыхъ не было ни души, кромѣ Рачинской да двухъ трехъ мимолетныхъ барынь. Время прошло незамѣтно, и я его употребилъ отчасти съ пользой для моего здоровья, отчасти и для экзамена. Мы вставали поздно, ходили передъ чаемъ купаться, потомъ, воротившись домой, я брался часа на два на три съ перерывками за мои занятія. Передъ обѣдомъ опять купанье и порядочная прогулка въ паркѣ. Передъ чаемъ опять прогулка, а вечеръ мы проводили до поздней ночи вмѣстѣ, мѣшая чтеніе болтовней. Устроились мы въ Ревелѣ прекрасно. Ты, я думаю, даже знаешь домъ, гдѣ я жилъ,—m-e Нибергъ, противъ салона желтый, двухъ-этажный, гдѣ жила одно лѣто Наталья Андреевна. Le plus agréable était, ce que nous avions un balcon vitré. Là (devant nous la mer, le salon, la promenade) nons passions tout notre temps. Le petit jardin au fond de la cour faisait aussi un grand agrément. Là on pouvait rester sur l'air sans se gener ni par rapport à la toilette ni surtout par rapport à ce qu'on soit.

Иногда я лазилъ на деревья или бѣгалъ съ Катенькой и съ сестрами, иногда мы тамъ читали или обѣдали, или послѣ обѣда ѣли землянику. Le tout était un mélange de la vie à la campagne et de la vie en ville—moins les inconvénients de l'une et de l'autre.

Сеня оставилъ насъ 12 іюля. Одинъ онъ отправился на пароходѣ въ Ригу, оттуда въ дилижансѣ въ Митаву, гдѣ Штрюмпель адресовалъ его къ Рейеру. Тамъ онъ взялъ мѣсто въ Personenwagen до Либавы, гдѣ, какъ ты вѣроятно знаешь, Штрюмпель провелъ часть лѣта, *чтобы купаться* въ морѣ. Туда онъ пріѣхалъ, обогащенный дорожною

опытностью—Reiseerfahrungen—и маленькими свѣдѣніями въ химіи, которую я съ нимъ немного проходилъ въ Ревелѣ.

Я оставилъ Ревель черезъ 19 дней послѣ Сени. Жена и сестры остались тамъ до двадцатыхъ чиселъ и въ концѣ августа уже были въ Москвѣ. Теперь онѣ тамъ цѣлый мѣсяцъ ожидаютъ у своей сестры, Полугарской,—моего пріѣзда. Въ Москвѣ мы пробудемъ вмѣстѣ четыре-пять дней и пустимся потомъ въ дальнѣйшій путь, такъ, что въ половинѣ октября я разсчитываю быть дома.

Сеня остается у Штрюмпеля. Рѣшено, что въ декабрѣ онъ будетъ держать экзаменъ въ гимназію и поступитъ въ третій классъ. Его развитіе идетъ по старому и ожидаемыхъ нами большихъ успѣховъ въ его моральномъ и умственномъ развитіи пока не оказалось. Не виню Штрюмпеля, потому что, зная, какъ трудно идетъ самообразованіе—die Selbsterziehung въ зрѣломъ возрастѣ, могу поэтому судить о томъ, какъ трудно дать другое направленіе воспитанію ребенка. Одно мнѣ не нравилось—неправильный и не предначертанный впередъ ходъ занятій; но этому поможетъ гимназія—потому желаю скорѣйшаго вступленія Сени. Разлука со мною при мысли, что у него никого не останется близкихъ, тяжела для Сени, но можетъ имѣть свою пользу тѣмъ, dass er sich enger an Strümpell anschliessen wird. Bis jetzt sieht er Strümpell's Gewalt über ihm als einen Joch an. Впрочемъ, на мое предложеніе взять его отъ Штрюмпеля и отдать въ какой нибудь пансіонъ онъ отвѣчалъ, что если я уѣзжаю, то онъ уже лучше останется у Штрюмпеля, потому что будетъ хоть одинъ человѣкъ, который принимаетъ въ немъ участіе. Это показалось мнѣ добрымъ знакомъ.

Не знаю, слышалъ ли ты что нибудь о Сонѣ. Въ Атакахъ замѣчалась исторія, которая можетъ кончиться свадьбою. Пока это секретъ. Мнѣ это дѣло даетъ заботу. Не описываю подробно, потому что было бы слишкомъ долго, да я и самъ не понимаю въ исторіи самаго главнаго, именно die Drangsgründe. Гриша по старому служитъ и недавно по поводу Сони и моей женитьбы прервалъ свое молчаніе, продолжавшееся около года. Мои планы въ будущемъ довольно неопредѣлительны, чтобы говорить объ нихъ,—по крайней мѣрѣ, въ отношеніи къ службѣ. По моимъ дѣламъ я долженъ сначала года два-три прожить въ деревнѣ. Съ этимъ планомъ должна сообразоваться и служба. Хочу начать ее чиновникомъ по особеннымъ порученіямъ при нашемъ губернаторѣ. Поступлю въ службу, какъ можно скорѣе; если возможно, въ началѣ зимы. Прослуживъ два или три года, или прямо поѣду въ Петербургъ, или сначала послужу немного по дворянскимъ выборамъ. Зимою, особенно, если Сонина исторія пріиметъ совершенно серьезный оборотъ, можетъ быть, поѣду съ Катенькой вдвоемъ въ Малороссію на два мѣсяца.

О тебѣ я знаю только то, что ты писалъ къ Штрюмпелю. Знаю, что ты встрѣтился въ Берлинѣ съ Петромъ Мих. и дѣлалъ съ нимъ прогулку по Рейну. Узнаю дальнѣйшее черезъ Наталью Андреевну въ Петербургѣ. Ей везу тѣ книги, которыя получены отъ Карова за все это время для тебя. A propos de livres—я хотѣлъ просить тебя, если ты при деньгахъ et si la chose est faisable et sans difficultés, купить мнѣ книгъ рублей на 200 или 300 асс. Мнѣ бы хотѣлось имѣть хорошій Conversationslexicon, впрочемъ не слишкомъ большой, и что найдешь лучшимъ изъ нѣмецкихъ классиковъ въ дешевыхъ изданіяхъ, и еще что разсудишь. Впрочемъ, другъ, это мысль, которая промелькнула у меня въ головѣ, и если все это также легко или легче сдѣлать черезъ Карова, то regarde la chose comme non avenue. Мнѣ вздумалось это, потому что хотѣлось имѣть пріятное и дѣльное воспоминаніе о твоей поѣздкѣ за границу. Объ одномъ прошу тебя: si la chose présente quelque difficulté, n'y pense plus ou je t'en voudrais pour toujours. Прощай. Обнимаю.

Твой братъ и другъ

М. Краснокутскій.

36.

Мѣднево, 2-го января 1848 года.

Три мѣсяца прошло съ тѣхъ поръ, какъ я писалъ тебѣ въ послѣдній разъ, передъ выѣздомъ изъ Дерпта, добрый братъ и другъ Володя, и до сихъ поръ не знаю даже, получилъ ли ты письмо мое, адресованное въ Парижъ poste restante. Надѣюсь, что ты получилъ его, и нашелъ въ немъ отвѣты на вопросы, которые ты мнѣ дѣлаешь обо мнѣ въ письмѣ твоемъ отъ 20-го октября н. с. Но съ тѣхъ поръ прошло три мѣсяца и происшедшая въ это время перемѣна въ моемъ положеніи пробуждаетъ въ тебѣ желаніе узнать, что теперь со мною дѣлается, если ты сохранилъ ко мнѣ ту дружбу и участіе, доказательствомъ которыхъ служитъ лежащее передо мною письмо твое. Теперь только, другъ, собрался отвѣчать тебѣ. Не пеняй за медленность. Переписка—таже привычка; хотя бы сердцемъ и не измѣнился, но, потерявъ ее, труднѣе возобновить прерванную нить дружескихъ сообщеній.

Въ своемъ письмѣ ты въ нѣсколькихъ словахъ передалъ мнѣ то, *что дѣлалось съ тобою* съ твоего отъѣзда за границу. Благодарю, другъ,

но хотѣлъ бы попенять тебѣ за то, что ты мало говоришь о томъ, что меня больше всего интересуетъ,—именно о твоей внутренней жизни. Правда, что въ этомъ отношеніи я самъ всегда бываю грѣшнѣе всѣхъ,— и что ты вправѣ оборотить на меня мои же слова.

Эти послѣдніе три мѣсяца моей жизни бѣдны внѣшними происшествіями. Въ концѣ сентября уѣхалъ я изъ Дерпта, въ половинѣ октября пріѣхалъ сюда, и съ тѣхъ поръ до сегоднешняго дня жилъ здѣсь, исключая двухнедѣльной поѣздки въ Симбирскъ, откуда я воротился пять дней тому назадъ. Такъ какъ я до сихъ поръ не получилъ своего диплома, который ожидаю со дня на день, то и не могъ начать службы. Въ Симбирскъ я ѣздилъ, чтобы приготовить себѣ мѣсто чиновника по особымъ порученіямъ у губернатора, который обѣщалъ его мнѣ по открытіи ожидаемой въ этомъ мѣсяцѣ вакансіи. Этимъ я обязанъ брату Катеньки Скрыницыну, по просьбѣ котораго мнѣ даютъ это мѣсто съ возможностью жить въ деревнѣ, исполняя только возлагаемыя порученія по сосѣднимъ уѣздамъ.

Ты спрашиваешь, счастливъ ли я? Главное условіе счастья, другъ, это быть довольнымъ самимъ собою, а ты меня столько знаешь, чтобы сомнѣваться въ томъ, достаетъ ли у меня воли выполнить это sine qua non. Ошибка, въ которую часто вводитъ насъ воображеніе, это думать, что перемѣна нашего положенія, какое бы то ни было важное внѣшнее обстоятельство, могутъ отразиться въ нашей внутренней жизни соотвѣтствующимъ переворотомъ. Я перемѣнился настолько, сколько того необходимо требовала перемѣна внѣшней обстановки и образа жизни. Скажу впрочемъ, что болѣе близкое столкновеніе съ практической, настоящей жизнью сдѣлало мнѣ пользу—тѣмъ, что укротило нѣсколько мое воображеніе. Что касается до внѣшней обстановки, условливающей наше счастье, то въ этомъ отношеніи я могу только благодарить судьбу. Слезы навертываются у меня на глазахъ, когда я подумаю о томъ, какъ меня любитъ Катенька, и какую нѣжную дружбу я нашелъ въ ея сестрахъ. Сѣмена чувства западаютъ въ мое сердце и не найдутъ его безплоднымъ, хоть, можетъ быть, и не такимъ благодарнымъ, какъ я желалъ бы.

Мой образъ жизни совершенно согласенъ съ моимъ вкусомъ. Одно, что я желалъ бы, это внести въ него больше труда. Мнѣ нужно самому дать пищу своей дѣятельности и слишкомъ большой произволъ, который я имѣю въ выборѣ, дѣлаетъ то, что я ни на чемъ не останавливаюсь надолго и рѣшительно. Въ отношеніи общества мы ограничены вполнѣ только нашимъ семействомъ, и, кромѣ двухъ братьевъ Катеньки, мы почти никого не видимъ. Разъ въ мѣсяцъ кого нибудь, и это рѣдко оставляетъ по себѣ пріятное впечатлѣніе. Недостатку мужского серьезнаго общества, которое я такъ люблю и которое возбуж-

даетъ во мнѣ всѣ серьезные интересы,—я желалъ бы помочь, но въ нашей глуши это трудно. Послѣ Крещенія думаю ѣхать къ нашему предводителю и сдѣлать еще нѣсколько знакомствъ, въ которыхъ, можетъ быть, найду то, чего ищу.

Въ моемъ письмѣ изъ Дерпта я писалъ тебѣ, другъ, о предложеніи, сдѣланномъ Сонѣ Крупенскимъ. Теперь пришла развязка. Соня невѣста и 30-го января назначена свадьба. Это извѣстіе принесло мнѣ недѣли три тому назадъ письмо Гриши, который взялъ отпускъ на нѣсколько мѣсяцевъ и пріѣхалъ въ Атаки, гдѣ при немъ все и рѣшилось. Теперь онъ воротился въ Малороссію, чтобы въ январѣ опять ѣхать къ свадьбѣ. Какъ мнѣ ни хочется быть свидѣтелемъ этой семейной радости, но не думаю, чтобы мнѣ удалось это. Кромѣ довольно значительныхъ издержекъ, связанныхъ съ такою далекою и трудною поѣздкою, меня останавливаютъ дѣла Катеньки и ожидающая меня служба. Кажется, приходится совершенно проститься на этотъ разъ съ надеждой увидѣть всѣхъ моихъ родныхъ.

Думаю, что ты по прежнему интересуешься всѣмъ, что дѣлается въ Дерптѣ, но на эту минуту не могу дать тебѣ новыхъ извѣстій. Со дня на день ожидаю писемъ отъ Фробена, который что-то позамедлилъ отвѣтомъ, и отъ Роберта Риттера, взявшаго на себя хлопоты о моемъ дипломѣ. Отъ Сени и Штрюмпеля получилъ письмо съ послѣдней почтой. Они пишутъ, что 20 декабря долженъ былъ быть экзаменъ Сени въ гимназію, и Штрюмпель надѣется, что его навѣрно пріймутъ въ терцу. Что касается до остального, то все идетъ по прежнему и въ этомъ отношеніи Сеня не перемѣнился. Даже послѣ моего отъѣзда онъ, сколько я могъ замѣтить изъ его писемъ, дѣлаетъ попытки эмансипацій. Ходитъ навѣщать Прушинскаго, который оставилъ домъ Штрюмпеля, Мишеля Кантакузена, который теперь одинъ, такъ какъ меньшой братъ его не воротился еще изъ Бессарабіи, куда уѣхалъ лѣтомъ. Въ послѣднемъ письмѣ моемъ я старался остановить эти попытки, и надѣюсь, что онѣ пройдутъ, когда Сеня увидитъ, что мой отъѣздъ не перемѣнилъ его отношеній къ Штрюмпелю. Ты знаешь, что Штрюмпель и Фробенъ писали тебѣ вмѣстѣ со мной, и что цѣлый пакетъ Дерптскихъ писемъ былъ мною отосланъ тебѣ въ моемъ письмѣ изъ Дерпта Я передавалъ Штрюмпелю и Фробену полученныя отъ тебя извѣстія, зная ихъ участіе къ тому, что до тебя касается. Дѣло Фробена, кажется, теперь въ незавидномъ положеніи. Въ послѣднемъ письмѣ своемъ, полученномъ мѣсяца два тому назадъ, онъ проситъ меня при случаѣ рекомендовать его, если кто отсюда поѣдетъ въ Дерптъ и пожелаетъ поступить въ пансіонъ. Кромѣ того онъ теперь согласенъ былъ бы взять и двухъ мальчиковъ отъ 10 лѣтъ, которые *бы* съ нимъ жили. Риттеры его не оставили. Передъ моимъ отъѣз-

домъ открывалась надежда, что Богуславскій (не знаю, знаешь ли ты его—кажется, добрый малый; пріятель Риттеровъ) поступитъ къ нимъ на этотъ семестръ. Прощай, другъ Володя. Когда пріѣдешь въ Лейпцигъ, то дай о себѣ вѣсточку. Обнимаю тебя съ горячностью друга и брата.

М. Краснокутскій.

P. S. Катенька благодаритъ тебя за память и передаетъ свой родственный привѣтъ.

37.

Майданъ, *8 сентября 1848 г.*

Дружескія письма твои отъ 24 іюля и 21 августа я получилъ, добрый братъ Володя. Спасибо, что вспомнилъ обо мнѣ, и за желаніе возобновить постоянную переписку. Для меня нѣтъ большей радости, какъ получать извѣстія отъ милыхъ мнѣ, но признаюсь, другъ, я такъ облѣнился писать, что мнѣ многаго стоитъ приняться за перо, и чѣмъ дальше оттягиваешь, тѣмъ труднѣе становится приняться за перо. Письмо твое изъ Варшавы я получилъ, другъ, но ожидалъ отъ тебя извѣстій изъ Петербурга. О твоемъ проѣздѣ туда я получилъ извѣстіе черезъ письмо Коха къ женѣ, гдѣ онъ разсказываетъ намъ вашу velléité de voyage pour Мачкасы. Впрочемъ, вышло, какъ видно, все къ лучшему. Въ то время, когда вы собирались ѣхать къ намъ, мы успѣли сгорѣть, такъ что мы бы не знали, гдѣ и пріютить васъ, и все путешествіе принесло бы вамъ мало удовольствія. 21-го іюня въ Мѣдневѣ загорѣлась крестьянская изба и отъ нея огонь распространился съ такою силою, что истребилъ въ продолженіе 3-хъ часовъ 120 крестьянскихъ дворовъ и нашъ домъ со всѣмъ дворомъ. Теперь это давно прошедшее и мы забыли бы нашъ пожаръ, если бы хлопоты о томъ, какъ бы намъ окончательно устроиться къ зимѣ, не напоминали намъ его. Все это время, со дня пожару, мы живемъ съ братьями Катеньки въ деревнѣ ея дяди Ижорина, въ 8-ми верстахъ отъ Мѣднева, и 15-и отъ Мачкасъ. Все это время я хлопочу о томъ, какъ мнѣ устроиться въ Мачкасахъ, сдѣлать нѣсколько лѣтъ бывшій покинутымъ домъ удобообитаемымъ. Къ 1-му октября я надѣюсь перейти туда.

И холера не оставила насъ своимъ посѣщеніемъ, хотя, благодаря Бога, минула нашу семью. Между крестьянами смертность была очень сильна, особенно въ Мѣдневѣ, гдѣ въ день хоронили по 11 и 12 человѣкъ.

Радуюсь, душа моя, что карьера твоя обозначилась, тѣмъ болѣе, что ты служишь въ Петербургѣ и это даетъ мнѣ надежду года черезъ два или три найти тебя тамъ, когда я оставлю нашу сторону. Признаюсь, другъ, она обманула мои ожиданія. Въ мѣсяцъ или два я вижу разъ кого нибудь; изъ сосѣдей—людей еще не встрѣчалъ. Всѣ сношенія ограничиваются визитами, дѣлаемыми и отдаваемыми черезъ два или три мѣсяца. На службу я поступилъ со 2-го мая и успѣлъ уже сдѣлать одно слѣдствіе, недѣль шесть тому назадъ, хотя я еще и не приведенъ къ присягѣ. Считаюсь я младшимъ чиновникомъ особ. порученій при здѣшнемъ губернаторѣ, считаюсь, говорю, потому что послѣ пожара я просилъ губернатора уволить меня по случаю моихъ дѣлъ отъ всякихъ порученій.

Voilà ma vie extérieure. Pour la vie intérieure—que t'en dirais-je? Elle est paisible et douce, et si je ne t'en parle pas plus longuement, c'est que tu ne connais pas les personnes qui la rendent telle—ma femme et ses soeurs. Que je fais bon ménage, tu ne peux pas en douter, connaissant mon caractère et celui de Catherine par ma lettre de Moscou. Je te dirais franchement pourtant qu'il manque dans ma vie un élément dont je sens quelquefois l'absence. C'est la diversité des impressions et des sensations que j'y voudrais introduire—chose impossible dans la solitude, où nous vivons. Ayant compris qu'en Russie on peut vivre quand on a un passé à se rappeller et non un avenir à remplir, j'aspire à présent de quitter la campagne. Malheureusement les circonstances et aussi la dernière catastrophe semblent éloigner ce temps.

Вотъ, другъ мой, кажется, довольно я поговорилъ о себѣ. Скажу еще, что занятій серьезныхъ у меня мало. Хлопоты все больше матерьяльные. Учусь хозяйству на практикѣ, узнаю крестьянскій бытъ, безъ знанія котораго въ русскомъ хозяйствѣ ни за что тронуться нельзя, и такимъ образомъ собираю маленькій капиталъ хозяйственной опытности и знаній, которыя мнѣ будутъ всегда полезны,—еслибы только хоть для того, чтобы имѣть возможность издали, оставя деревню, управлять своимъ имѣніемъ. Читаю скорѣе мало, нежели много,—большею частью журналы, изъ которыхъ Revue de deux mondes занимаетъ первое мѣсто.

Изъ Малороссіи получаю очень рѣдкія извѣстія. Гриша писалъ разъ въ апрѣлѣ и съ тѣхъ поръ не знаю, что съ нимъ дѣлается: выступилъ ли онъ въ походъ или остался на прежнихъ квартирахъ? Отъ Сени недавно получилъ извѣстіе, по возвращеніи его изъ Ней-Аутца. Твое житье въ Петербургѣ радуетъ меня много и въ отношеніи къ нему. Мнѣ была бы большая радость думать, что онъ проведетъ у *тебя недѣльку зимнихъ* ферій—я бы твоими глазами могъ слѣдить за

перемѣнами, которыя произойдутъ въ Сенѣ въ теченіе того времени, что я его оставилъ.

Родъ жизни, который ты ведешь, и то, какъ ты устроился, мнѣ очень понравились. Il est bon dans beaucoup de cas d'éloigner de soi tout souci matériel. Воображая себѣ твою жизнь, я думаю, что она многимъ будетъ похожа на Дерптскую, съ прибавкою разнообразія, присутствія живыхъ интересовъ и того, что прибавляетъ знанія людей и опыта жизнь въ большомъ городѣ.

Но пора кончить. Остается одна страница мѣста, а я, по просьбѣ Катеньки, долженъ дать тебѣ коммиссію, за которую ты на нее не разсердишься, хоть изъ за того, что она заставила меня написать тебѣ это письмо нѣсколькими днями раньше, нежели я располагалъ. Дѣло въ недостающихъ двухъ или трехъ кускахъ обоевъ. Вмѣстѣ съ этимъ письмомъ посылаю къ тебѣ образчикъ и особо 5 руб. сер. Эти обои были взяты на Малой Морской у Шеффера. Теперь оказалось, что для оклейки комнаты недостаетъ 2-хъ кусковъ (они по 70 к. с. за кусокъ) да кромѣ того бордюръ къ нимъ пропалъ въ пожаръ. Бордюру нужно на комнату 26 арш., того, который принадлежитъ къ этимъ обоямъ. Онъ узенькій и, кажется, не дороже 10 к. сер. Не ошибись въ томъ, что если бордюръ такой, что надобно разрѣзывать на двое, то его нужно на комнату только половинное число аршинъ. Хоть ты и узнаешь по себѣ, что les commissions c'est le fléau des habitants de la capitale, qui ont des amis en province, но я увѣренъ, что ты исполнишь съ удовольствіемъ Катенькино порученіе. Она тебя любитъ и посылаетъ дружескій привѣтъ. Кланяйся отъ меня M-me Фокъ и Риттеру. Передъ нимъ я виноватъ: не благодарилъ за высылку диплома. Извинись отъ меня.

Твой братъ и другъ

М. Краснокутскій.

38.

Мачкасы, декабря 3-го 1848-го года.

Много благодарю тебя, другъ Володя, за милое письмо твое отъ 15-го октября, и отъ Катеньки за присылку обоевъ, которые мы получили какъ разъ во время къ оклейкѣ дома. Я перебрался 10-го октября на новоселье въ Мачкасы и очень доволенъ своимъ новымъ жильемъ. Мы устроились здѣсь очень уютно и все это время почти не двига-

25

лись изъ дому, послѣ треволненій лѣта и осени. 7-го этого мѣсяца я однако располагаю ѣхать съ Катенькой въ Симбирскъ, гдѣ мнѣ давно пора побывать. Ѣду дней на десять—не больше, не для веселья, потому что у насъ тамъ очень мало знакомыхъ. Впрочемъ, кромѣ здѣшнихъ моихъ сосѣдей, которыхъ я найду тамъ, увижу, вѣроятно, и Тургеневу; я видѣлъ ее весною, когда былъ на сборной одинъ. Теперь познакомлю съ ней Катеньку. Тургенева, какъ говорятъ, теперь совершенно поселилась въ Симбирскѣ и хочетъ зимою вывозить дочь. Старшій сынъ ея, Леонъ, живетъ съ нею. Молодой Сусановъ, морякъ (если ты его помнишь), также въ Симбирскѣ въ отставкѣ.

Не знаю, писалъ ли я тебѣ, что братъ Григорій обѣщалъ въ послѣднемъ письмѣ своемъ пріѣхать ко мнѣ въ октябрѣ мѣсяцѣ. Но мы не дождались его, и съ тѣхъ поръ онъ не пишетъ ни слова, такъ что я не знаю, будетъ ли онъ зимою или нѣтъ. Сестра Катеньки Полугарская, которая живетъ въ Москвѣ, также располагала было пріѣхать къ намъ съ мужемъ, но, кажется, и это разстраивается, такъ что, ожидая нынѣшнюю зиму много гостей, мы проведемъ ее, какъ кажется, одни. Что касается до Сени, то по прошлой почтѣ я получилъ отъ него и отъ Штрюмпеля письма. Сеня, разумѣется, радуется при чаяніи удовольствій, ожидающихъ его въ Петербургѣ. Штрюмпель, хотя не можетъ проводить его самъ въ Петербургъ, но охотно согласенъ доставить ему это удовольствіе. Онъ, вѣроятно, уже писалъ къ тебѣ, прося тебя назначить время, когда ему прислать тебѣ Сеню и на сколько времени. Что меня еще радуетъ, это то, что Штрюмпель доволенъ Сеней гораздо больше прежняго. Чтобы доставить Сенѣ все возможное удовольствіе отъ поѣздки въ Петербургъ, и для его издержекъ, посылаю тебѣ, другъ Володя, съ этой же почтой 50 руб. сер. Изъ этихъ денегъ дай Сенѣ золотой отъ меня въ подарокъ къ Рождеству Христову. Остальныя истрать на его удовольствія и на его туалетъ, который, вѣроятно, найдешь въ самомъ жалкомъ видѣ. Въ случаѣ же найдешь эту сумму недостаточною, если надобно будетъ заказать больше платья, то увѣдомь меня и я тотчасъ же вышлю нужную сумму.

Перспектива поѣздки Сени меня радуетъ столько же, сколько его;—какъ потому, что она доставитъ ему удовольствіе, такъ и потому, что онъ будетъ съ тобою, и тѣмъ найдетъ въ ней и пользу. Благодарю тебя, милый братъ, за это удовольствіе.

Что касается до твоего вопроса о пожарахъ, то я приписываю какъ бывшій у насъ, такъ и большую часть другихъ, только случаю, которому помогали чрезвычайно сухое лѣто и постоянные сильные вѣтры, дѣлавшіе то, что неосторожное обращеніе съ огнемъ, проходившее часто при другихъ обстоятельствахъ безъ всякихъ слѣдствій, теперь *обыкновенно* влекло за собою пожаръ цѣлыхъ селъ.

Что касается до поджоговъ, то и они были безспорно нерѣдки. Приписывать ихъ тайнымъ обществамъ, особенно съ политическою цѣлью, или взваливать ихъ на шею бѣднымъ полякамъ, какъ это дѣлаютъ здѣсь, больше, нежели ни на чемъ не основано. Тебѣ, какъ криминалисту, легче объяснить частость преступленій въ этомъ случаѣ физіологіей преступленій. Какъ мнѣ кажется, поджигательство было въ этомъ году моральною эпидеміею. Частое совершеніе и безнаказанность преступленія вызывало на совершеніе его и того, которому безъ того оно не вспало бы на умъ

Что касается до политики, то, признаюсь, я начинаю теряться. Сначала ходъ происшествій соотвѣтствовалъ тѣмъ идеямъ, которыя мы имѣли о стремленіяхъ людей и обществъ въ дѣлѣ политики. Теперь же даже на мѣстѣ нельзя сказать, что будетъ завтра. Когда то этотъ хаосъ начнетъ приходить въ стройность?

Радуюсь, братъ, что твоя жизнь идетъ безмятежно и ты доволенъ собою. Живи дѣйствительностью, а не воображеніемъ,—это надобно помнить намъ обоимъ. Тому, у кого нѣтъ страстей, которыя бы влекли его въ кипящую дѣйствительность, надобно бросаться въ нее по разсудку.

Это напомнило мнѣ Степанова. Если ты не видишься съ нимъ, то не слыхалъ ли ты чего объ немъ. Въ Петербургѣ ли онъ по крайней мѣрѣ? Моя переписка съ нимъ прервалась по моей винѣ и я хотѣлъ бы написать ему.

Если услышишь что нибудь о нашихъ Дерптскихъ знакомыхъ, увѣдомляй меня: мнѣ было бы пріятно хоть знать о томъ, что съ ними дѣлается. Съ Малороссіей у меня тоже почти нѣтъ постоянной переписки и потому я ничего не знаю о нашихъ родныхъ. Что дѣлаютъ Петръ Мих. и Анна Мих? Я только по газетамъ зналъ, что онъ было получилъ мѣсто и потомъ оставилъ его.

Что сказать тебѣ о себѣ? Моя жизнь идетъ по старому. Строю планы, какъ бы оставить свое гнѣздо; думалъ было прожить зиму въ Симбирскѣ, да, кромѣ обстоятельствъ, и игра не стоитъ свѣчъ. Радъ былъ бы, если бы могъ провести лѣто въ Малороссіи и Одессѣ, да не надѣюсь на возможность. Каковъ этотъ годъ для владѣльцевъ имѣній, ты, вѣроятно, знаешь по разсказамъ или газетамъ. Пока только цвѣточки, а весной будутъ ягодки. Прощай, добрый другъ мой. Катенька поручаетъ себя твоему дружескому расположенію и памяти. Передай Сенѣ прилагаемое здѣсь письмецо и обними его за меня.

Братъ и другъ твой

М. Краснокутскій.

P. S. Je vous prie, faites aller Simon, s'il vient à Pétersbourg, chez mon beau frère M-eur Skripitzin. Il demeure à l'angle que forme la Perspective avec la Liteinaja—je ne m'en souviens pas quelle maison. Si cette adresse est trop vague, on peut savoir au département des cultes étrangers. J'ajoute à a 50 R. arg. encore 8 R. pour les frais du voyage pour retourner à Dorpat.

39.

С. Мачкасы, 5-го октября 1849 г.

Письмо твое отъ 19-го сентября я получилъ съ прошлой почтой, мой милый, добрый братъ и другъ Володя. Много виноватъ передъ тобою, не отвѣчавъ такъ долго на дружеское твое письмо отъ января; виноватъ не сердцемъ, потому что люблю и цѣню тебя, если не больше, то столько же, сколько и прежде, но лѣностью, которая помѣшала мнѣ кончить два письма, начатыя къ тебѣ, но не конченныя и залежавшіяся безъ отсылки и конца.

Что сказать тебѣ о впечатлѣніи, произведенномъ на меня присланнымъ тобою письмомъ Штрюмпеля? Оно меня поразило не тѣмъ, что имъ разрываются отношенія Штрюмпеля къ Сенѣ, но причиной разрыва. Оставивъ Сеню совершеннымъ ребенкомъ два года тому назадъ, я не ожидалъ, что онъ такъ скоро разовьется. Ему только въ ноябрѣ будетъ 16 лѣтъ, и, по его темпераменту, трудно было вообразить не только, что онъ въ эти годы влюбится, но даже, что онъ вообразитъ себѣ, что влюбился. Я готовъ считать все это совершеннымъ ребячествомъ, и какъ его поведеніе въ отношеніи къ женѣ Штрюмпеля, такъ и его журналъ полагаю слѣдствіемъ общества гимназистовъ, его товарищей, считающихъ, что влюбленный юноша получаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ патентъ на возмужалость и самостоятельность. Скажу тебѣ, что я бы даже желалъ, если это уже случилось, чтобы я ошибался и чтобы Сеня въ самомъ дѣлѣ былъ влюбленъ,—если это можно сказать о ребенкѣ его лѣтъ. Это разогрѣло бы его сердце, его чувства, которыя, не смотря на ихъ мягкость, можно назвать холодными. Я боюсь, что онъ не чувствуетъ ни къ кому теплой привязанности и желалъ бы въ этомъ ошибиться.

На разрывъ отношеній между Штрюмпелемъ и Сеней я смотрю довольно хладнокровно. Онъ былъ неизбѣженъ, но я думалъ, что онъ случится позже. По тремъ годамъ, проведеннымъ Сенею у Штрюмпеля до моего отъѣзда, можно было видѣть, что Сеню не привязывало

къ Штрюмпелю ни одно изъ тѣхъ чувствъ, которыя бы сдѣлали ихъ взаимныя отношенія довольно прямыми и пріятными до той степени, что Сеня, почувствовавъ свою независимость, которая достанется ему рано,—не захотѣлъ бы ихъ разорвать. Это было до такой степени ясно, что я передъ отъѣздомъ думалъ было взять Сеню отъ Штрюмпеля и помѣстить его у Гафнера. Хуже бы не было, а лучше могло быть, думалъ я, но оставилъ все по прежнему, надѣясь на будущее и на мой отъѣздъ, который могъ приблизить Сеню къ Штрюмпелю. Не могу обвинять Сеню въ холодности его отношеній къ Штрюмпелю, потому что самъ никогда не чувствовалъ къ нему симпатіи. Не хочу обвинять Штрюмпеля въ томъ, что есть, можетъ быть, неизбѣжное слѣдствіе совершеннаго контраста характеровъ.

Что касается до того, что дѣлать съ Сеней, то вступленіе въ военную службу есть крайность, къ которой нѣтъ нужды прибѣгать, и отвѣтственность, которой нельзя на себя принять. Я охотнѣе соглашусь, чтобы Сеня годъ или два ничѣмъ не занимался и ничего не дѣлалъ, нежели позволить ему вступить 16-ти лѣтъ въ военную службу, гдѣ, не имѣя никого, кто могъ бы его взять подъ свое покровительство и имѣть на него полное вліяніе, Сеня можетъ попасть въ самое дурное общество. По моему мнѣнію, намъ предстоитъ выборъ для него двухъ путей, но на который нельзя рѣшиться, не посовѣтовавшись съ нимъ самимъ, т. е. не обсудивъ, видя его самого, какое направленіе приняли его наклонности, характеръ и образъ мыслей. Первый путь: оставить Сеню въ Дерптѣ, помѣстивъ его къ Гафнеру, Шретеру или кому нибудь изъ гимназическихъ учителей, гдѣ онъ хотя и будетъ, какъ всѣ Дерптскіе юноши, предоставленъ самому себѣ въ своемъ моральномъ развитіи, но всетаки воспользуется всѣми преимуществами Дерпта и его гимназіи. Это путь самый возможный, и самый лучшій. Судя Сеню по аналогіи его характера съ моимъ, я увѣренъ, что онъ, предоставленный самому себѣ въ Дерптѣ, скорѣе и съ меньшими дурными послѣдствіями достигнетъ разумнаго пользованія своею независимостью. Если онъ сначала и будетъ употреблять ее во зло, то это не надолго,—у него нѣтъ страстей и дурныхъ наклонностей. Онъ попробуетъ дурного, но, удовлетворивъ любопытству и влеченію своего возраста, скоро отъ него отстанетъ. Морально развратиться, испортиться онъ не можетъ. У него мало характера, такъ что ему легче и покойнѣе дѣлать хорошее или лучше не дѣлать дурнаго, нежели его дѣлать. Не надѣясь на Штрюмпеля, или, лучше сказать, не извиняя своей лѣности тѣмъ, что Штрюмпель за него отвѣчаетъ, онъ не будетъ уже думать о томъ, какъ избѣжать принужденія учиться; но, полѣнясь первое время, увидитъ, что онъ самъ за себя отвѣчаетъ и начнетъ заниматься, если и немного, то подъ вліяніемъ внутренняго, а не наружнаго принужденія.

Но если, чего не думаю, Сеня не захочетъ быть въ гимназіи, если онъ потерялъ охоту къ занятіямъ и думаетъ серьезно о военной службѣ, то тогда, если можно, помѣщу его въ какое нибудь изъ военно-учебныхъ заведеній (Артиллерійское или Инженерное училище и т. п.) или, если онъ вышелъ изъ лѣтъ, возьму его въ Мачкасы съ хорошимъ Дерптскимъ гувернеромъ на два года, по прошествіи которыхъ онъ самъ рѣшитъ, что съ собою дѣлать.

Вотъ, другъ и братъ, вкороткѣ мои мысли о томъ, что предстоитъ дѣлать съ Сеней. До декабря все остается по старому, а до тѣхъ поръ кое что можетъ перемѣниться, можно успѣть все обдумать,—рѣшить же надобно на мѣстѣ, увидѣвъ Сеню. Потому, милый другъ, я рѣшаюсь на поѣздку въ Петербургъ, предположеніе которой въ видѣ полужеланія, полунамѣренія уже мѣсяца два занимаетъ насъ. Видѣть тебя, увидѣть твое житье бытье, переговорить съ тобою о себѣ, о моей будущности и о томъ, какъ ее устроить, было для меня самымъ большимъ удовольствіемъ, которое меня ожидало, и вмѣстѣ съ тѣмъ удовлетвореніемъ потребности моего сердца. Надѣюсь, что мое намѣреніе не встрѣтитъ препятствій. Въ ноябрѣ съѣзжу въ Симбирскъ за отпускомъ, а въ декабрѣ, около 8-го, выѣду въ Петербургъ.

Нѣсколько словъ о внѣшнихъ происшествіяхъ моей жизни, чтобы пополнить тебѣ промежутокъ одного года, въ теченіе котораго ты не имѣлъ отъ меня писемъ. Ты знаешь, что прошлою зимою въ январѣ братъ Григорій былъ у меня, прожилъ съ нами три недѣли и съ послѣднимъ зимнимъ путемъ поѣхалъ обратно въ Малороссію. Дорогой онъ заболѣлъ въ Курскѣ, пролежалъ тамъ у родныхъ Вареньки Эмануэль три мѣсяца въ горячкѣ и въ половинѣ мая только воротился въ Малороссію. Съ тѣхъ поръ не получаю отъ него извѣстій; знаю только, что онъ подалъ въ отставку и что располагалъ лѣто провести съ Соней въ Малороссіи, куда она хотѣла пріѣхать, а зимою ѣхать къ ней въ Бессарабію. Пріѣздъ Гриши былъ для меня большимъ удовольствіемъ, не смотря на краткость его пребыванія. Весною я ѣздилъ въ Симбирскъ представляться новому моему начальнику, губернатору князю Черкасскому, при которомъ продолжаю до сихъ поръ считаться чиновникомъ особыхъ порученій.

Благодарю тебя, милый другъ, за дружеское приглашеніе быть съ Катенькой твоимъ гостемъ въ Петербургѣ. Но такъ какъ насъ цѣлая семья, почти неразрывная, то нашъ пріѣздъ къ тебѣ былъ бы нашествіемъ иноплеменныхъ. Мы располагаемъ ѣхать всѣ вмѣстѣ, т. е. Катенька, ея двѣ сестры и я, до Москвы, гдѣ старшая сестра Катеньки останется до нашего возвращенія у своей замужней сестры Маріи Павловны Полугарской, мы же трое отправимся въ Петербургъ. Прошу *тебя быть мен*торомъ твоего Телемака на островѣ Калипсо ou pour

parler plus simplement de me conseiller la manière la plus commode et la moins chère de m'arranger pour les quatre ou six semaines que je compte passer à Pétersbourg. Les auberges—c'est ce qu'il y a de plus cher et de moins commode. Un bon hôtel garni, pas trop éloigné du centre de la ville, nous conviendrait fort. Trois chambres pour nous et une pour les gens est tout ce que nous pouvons souhaiter. Je parle d'un hôtel garni où on trouverait aussi la table ou du moins ложка да плошка, si on se fait apporter le manger. Ne connaissant pas Pétersbourg et les facilités qu'il présente pour les voyageurs qui veulent y passer quelques semaines, nous vous prions de nous guider dans notre pèlerinage. Ainsi, cher, ecrivez moi votre avis là-dessus et dites moi si je ne compte pas trop sur votre temps et votre complaisance en voulant vous prier avant mon départ de vous charger de recherches relativement à notre logement. Adieu, cher ami,—je ne dis pas encore au revoir, mais je le pense à part. Catherine te remercie pour ton amical souvenir et est toute heureuse de faire ta connaissance. Je t'embrasse et te serre la main.

Другъ и братъ твой

М. Краснокутскій.

P. S. Письмо Штрюмпеля прилагаю. Отъ него я получилъ письмо вмѣстѣ съ твоимъ отъ 8-го сентября; о Сенѣ онъ пишетъ только, что онъ имъ не совершенно доволенъ. Сеня же ничего самъ не пишетъ.

40.

Мачкасы, 15-го ноября 1849 г.

Письмо твое отъ 5-го ноября, добрый другъ мой Володя, я получилъ два дня тому назадъ. Письмо Штрюмпеля оправдало мои ожиданія тѣмъ, что я угадалъ, что первое письмо его было написано подъ вліяніемъ перваго впечатлѣнія и теперь онъ обсудилъ случившееся хладнокровно. Основываясь на этомъ предположеніи, въ письмѣ, которое я ему писалъ вскорѣ послѣ полученія твоего письма, я, не говоря о томъ, что узналъ отъ тебя, въ отвѣтъ на нѣкоторыя жалобы на Сеню обвинялъ преимущественно Сенину молодость и фальшивую идею независимости, которую онъ имѣетъ совершенно несоотвѣтственно его лѣтамъ. Чтобы тебѣ обсудить правильнѣе все случившееся, посылаю при семъ письмо Сени ко мнѣ, въ которомъ то, что Штрюмпель называетъ любовью къ своей женѣ, Сеня представляетъ въ видѣ идеаль-

ной дружбы. Заключеніе, которое можно вывести изъ письма Штрюмпеля, есть то, что онъ согласенъ оставить у себя Сеню. Что же касается до приглашенія пріѣхать тебѣ въ декабрѣ въ Дерптъ, то мое мнѣніе, другъ мой, что не лучше ли будетъ, если ты не поѣдешь, а напишешь Штрюмпелю, что обстоятельства тебѣ этого не позволяютъ теперь, что такъ какъ онъ согласенъ забыть Сенины шалости, то пусть останется все по прежнему до января мѣсяца, когда, по окончаніи зимнихъ вакансій, одинъ изъ насъ, или мы оба, проводимъ Сеню до Дерпта и тамъ возьмемъ съ него желаемое Штрюмпелемъ слово вести себя какъ должно. Я думаю, милый другъ, что такимъ образомъ будетъ лучше въ томъ отношеніи, что Сеня пріѣдетъ въ Петербургъ на вакансіи до нашего свиданія съ Штрюмпелемъ и мы успѣемъ въ это время увидѣть всѣ происшедшія въ немъ перемѣны, обдумать получше на что рѣшиться, и тогда уже съ полнымъ сознаніемъ дѣлаемаго передать его на руки Штрюмпелю. Меня также отчасти заставляетъ колебаться намѣреніе Штрюмпеля ѣхать на полъ года за границу, такъ какъ я не знаю, можно ли будетъ Сенѣ за нимъ слѣдовать, а въ противномъ случаѣ, на кого его оставитъ Штрюмпель? Я не думаю, чтобы Штрюмпель могъ найти что нибудь противъ того, что ты ему напишешь, такъ какъ онъ приглашалъ тебя въ декабрѣ, именно только для того, чтобы скорѣе рѣшить вопросъ, и твой пріѣздъ вмѣсто декабря въ январѣ не составитъ никакой разницы.

Мое намѣреніе пріѣхать въ Петербургъ не измѣнилось. Черезъ два дня я выѣзжаю въ Симбирскъ на недѣлю, чтобы получить отпускъ, и, какъ писалъ, между 6-мъ и 10-мъ декабря располагаю выѣхать отсюда. Но до отъѣзда мнѣ бы хотѣлось рѣшить вопросъ, лучше ли мнѣ прожить 4 или 6 недѣль моего пребыванія въ Петербургѣ въ гостинницѣ или на нанятой квартирѣ, такъ какъ отъ этого зависитъ число людей, которое я возьму съ собою въ Петербургъ. Въ первомъ случаѣ я обойдусь однимъ человѣкомъ, во 2-мъ меньше двухъ нельзя. Столъ и квартира въ моемъ бюджетѣ поѣздки должны стоить до 300 руб. сер. и отъ большей или меньшей тягучести этой суммы отчасти зависитъ, буду ли я имѣть возможность пробыть въ Петербургѣ полтора мѣсяца, какъ бы желалъ. Въ гостинницѣ этого станетъ не больше, какъ на 4 недѣли; а потому, также какъ и по удобству помѣщенія, я предпочитаю квартиру. Еслибы въ Петербургѣ можно было найти un hôtel garni въ родѣ Московскаго Варгина (отъ 500 до 600 р. асс. въ мѣсяцъ), гдѣ есть при помѣщеніи все, кромѣ стола, то ничего нельзя бы желать лучше. Но, говорятъ, въ Петербургѣ этого нѣтъ; потому мы желали бы хоть найти квартиру, гдѣ бы намъ не было нужно заботиться объ отопленіи. Если это можно, и если къ тому же можно еще уда-

лить заботу о водѣ, то это намъ бы въ половину облегчило первое устройство, которое довольно затруднительно и скучно людямъ, малознающимъ городъ.

Ты пишешь, что отъ 100 до 150 р. с. въ мѣсяцъ можно найти хорошо меблированное жилье со всѣми принадлежностями. Если ты разумѣешь подъ ними конюшню, сарай, погребъ, то отъ этого намъ толку мало, такъ какъ лошадей и экипажи мы будемъ нанимать, столъ же брать въ гостинницѣ. Для насъ же главное не имѣть много хлопотъ при устройствѣ жизни въ наемной квартирѣ, при незнаніи того, какъ обыкновенно дѣлается.

Впрочемъ я думаю, что если можно найти жилье съ отопленіемъ, то остальное будетъ не важно. Взять на прокатъ хрусталь, чайный и столовый сервизъ, и другой мелкій дрязгъ, вѣроятно, легко. Небольшое помѣщеніе изъ 4-хъ комнатъ и 1 для людей, меблированное и не далеко отъ центра города, я надѣюсь, что можно будетъ найти за 120 руб. сер. Потому, другъ мой, прошу тебя, поторопись отвѣтить мнѣ обо всѣхъ этихъ вещахъ, чтобы я зналъ твое мнѣніе до моего отъѣзда. Я же, если и не получу даже къ тому времени твоего отвѣта, дней за 6 до отъѣзда напишу тебѣ, и попрошу начать поиски (и нанять мнѣ жилище), на которые тебѣ будетъ до 10 дней, такъ какъ мы пробудемъ дня четыре въ Москвѣ и не раньше 16-го или 17-го будемъ на мѣстѣ. Тогда же увѣдомимъ о времени отъѣзда; я тебѣ дамъ адресъ, по которому ты меня увѣдомишь о слѣдствіяхъ твоихъ поисковъ въ Москву. Извини, другъ, что я, не спросясь тебя, поручаю тебѣ всѣ эти скучныя заботы, но я думаю, что тебѣ будетъ не лишнее заняться, хоть для другихъ, житейскимъ, о которомъ ты для себя вѣрно мало заботишься Прощай, другъ мой. Катенька тебѣ кланяется и желаетъ, чтобы, познакомясь, вы были бы друзьями.

М. Краснокутскій.

P. S. Письмо Сени положи въ свой архивъ достопамятностей прошедшихъ временъ.

41.

Мачкасы, 7-го декабря 1849 г.

Тебя удивитъ, милый другъ и братъ Володя, перемѣна, происшедшая въ моихъ предположеніяхъ, и о которой я теперь спѣшу тебя увѣдомить. Мы окончательно и совершенно оставили намѣреніе ѣхать въ Петербургъ въ нынѣшнюю зиму. Если ты желаешь знать причину этой внезапной перемѣны, то скажу тебѣ, что она очень сложна. Главное есть то, что письмо Штрюмпеля, писанное къ тебѣ, и другое—почти повтореніе перваго,—полученное отъ него мною, не дѣлаютъ болѣе мою поѣздку въ Петербургъ необходимою для дѣлъ Сени, такъ какъ Штрюмпель согласенъ оставить его у себя. Въ томъ же, что касается до окончательнаго съ нимъ согласія, я надѣюсь на тебя и готовность, которую ты имѣешь сдѣлать для Сени то, что ты сдѣлалъ бы для брата. Вторая причина суть денежныя обстоятельства, которыя крайне безнадежны, судя по тому виду, который они начинаютъ принимать теперь для всѣхъ почти здѣшнихъ владѣльцевъ. Хотя они сами по себѣ и не остановили бы насъ, но такъ какъ съ ихъ положеніемъ связана возможность исполненія моей цѣли—по прошествіи трехъ лѣтъ службы въ губерніи переѣхать въ Петербургъ, то я рѣшился остаться при первоначальномъ предположеніи—прожить до этого срока здѣсь, и не ѣхать въ Петербургъ до того времени, пока три года службы здѣсь и оконченный раздѣлъ нашего состоянія не сдѣлаютъ мнѣ возможнымъ совершить это не на одинъ мѣсяцъ, а надолго. Къ тому же, находя жизнь въ деревнѣ зимою, при нашемъ одиночествѣ, тяжелою, мы рѣшились провести двѣ зимы, которыя намъ предстоитъ прожить здѣсь, въ Симбирскѣ, согласно чему и переѣзжаемъ туда около 20-хъ чиселъ января съ намѣреніемъ пробыть тамъ до начала мая. Къ составленію этого плана побудило насъ еще то, что 15-го февраля будутъ въ Симбирскѣ выборы, на которыхъ я бы желалъ быть, и это обстоятельство заставило бы насъ, въ случаѣ поѣздки въ Петербургъ, во всякомъ случаѣ возвратиться домой къ началу февраля. Вотъ главныя причины перемѣны нашихъ намѣреній, не говоря о мелкихъ, о которыхъ было бы долго писать. Теперь все окончательно рѣшено, домъ въ Симбирскѣ взятъ и мы начинаемъ наши приготовленія къ переселенію.

Дѣла Сени, какъ кажется, находятся въ удовлетворительномъ и ясномъ положеніи. Штрюмпель согласенъ оставить его у себя, и форменнное обѣщаніе, котораго онъ требуетъ отъ Сени въ твоемъ присутствіи, не имѣетъ важности, такъ какъ Сеня желаетъ остаться у Штрюмпеля. Непріятно, въ случаѣ, если твои дѣла не позволяютъ тебѣ ѣхать

въ Дерптъ, то, что Штрюмпель желаетъ твоего тамъ присутствія, но надѣюсь, что онъ въ первомъ случаѣ согласится отказаться отъ него, такъ какъ Сеня можетъ дать это обѣщаніе тебѣ и въ Петербургѣ. Хотя я очень бы желалъ, чтобы ты увидѣлся съ Штрюмпелемъ и переговорилъ съ нимъ о Сенѣ, но не могу надѣяться, чтобы ты рѣшился на эту поѣздку безъ необходимой нужды, а потому и прошу тебя, другъ мой, рѣши въ дѣлахъ Сени все по твоему собственному убѣжденію и какъ признаешь за лучшее, какъ въ случаѣ, что ты поѣдешь въ Дерптъ, такъ въ противномъ, не связываясь моими мнѣніями, которыя я передалъ тебѣ въ первомъ моемъ письмѣ. Съ нынѣшней же почтой я буду писать Штрюмпелю, передамъ ему перемѣну моихъ намѣреній и удовольствіе, которое мнѣ дѣлаетъ его согласіе оставить Сеню у себя, и что въ остальномъ я надѣюсь на тебя вполнѣ.

Такъ какъ ты получишь это письмо къ 17-му и, можетъ быть, по твоимъ разсчетамъ и согласно письму Штрюмпеля, предпочтешь ѣхать въ Дерптъ до Рождества, а не проводишь Сеню обратно въ Дерптъ, когда онъ пріѣдетъ къ тебѣ на зимнія вакансіи, то передаю тебѣ то, о чемъ бы я желалъ знать намѣренія Штрюмпеля и о чемъ прошу тебя при свиданіи съ нимъ переговорить.

Штрюмпель предполагаетъ ѣхать лѣтомъ на четыре или шесть мѣсяцевъ за границу и, какъ кажется, намѣренъ оставить Сеню въ Дерптѣ, съ тѣмъ, чтобы онъ лѣтомъ пріѣхалъ сюда; Сеня же надѣется ѣхать съ нимъ, на что бы я былъ очень согласенъ, какъ равно и принять на часть Сени тѣ издержки, которыя будутъ сопряжены съ его поѣздкой съ Штрюмпелемъ, такъ какъ я бы не желалъ, чтобы Сеня остался въ теченіе долгаго времени одинъ въ Дерптѣ.

Хотя я и желаю, чтобы Сеня пріѣхалъ лѣтомъ сюда въ томъ случаѣ, если Штрюмпелю нельзя будетъ взять его съ собой, но я охотно откажусь отъ удовольствія видѣть его лѣтомъ, тѣмъ болѣе, что будущею зимою, въ половинѣ декабря или даже нѣсколько раньше, Сенѣ нужно будетъ пріѣхать ко мнѣ недѣль на шесть, такъ какъ его присутствіе при нашемъ раздѣлѣ будетъ необходимо. Я желалъ бы, чтобы Штрюмпель объ этомъ былъ предувѣдомленъ, и сказалъ, считаетъ ли онъ возможною отлучку Сени изъ Дерпта будущею зимою на два мѣсяца или около того.

Также при этомъ, и въ случаѣ, если онъ не поѣдетъ лѣтомъ за границу, не будетъ ли онъ считать вредными для гимназическаго курса Сени довольно долговременныя отлучки его изъ Дерпта, въ теченіи одного и того же года, въ какомъ случаѣ Сеня можетъ остаться въ Дерптѣ лѣтнія феріи будущаго года. При этомъ письмѣ прилагаю 100 руб. серебр., изъ которыхъ, будь такъ добръ, возьми 25 р. 65 к.

передержанныхъ тобою въ прошломъ году для Сени, остальныя же для его туалетныхъ и другихъ издержекъ. Изъ нихъ же возьми, въ случаѣ, если ты, разсчитывая на мой пріѣздъ въ Петербургъ, нанялъ для насъ помѣщеніе и далъ задатокъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ извини, любезный другъ, за принятые тобою безполезные хлопоты объ этомъ предметѣ. Ты можешь себѣ представить, какъ Катенькѣ и мнѣ жаль разстаться съ мыслью увидѣть тебя. Прощай, другъ мой. Крѣпко обнимаю тебя. Твой братъ и другъ

М. Краснокутскій.

42.

Симбирскъ, 29-го марта 1850 г.

Здѣсь получилъ письмо твое отъ 23-го января, милый, добрый другъ Володя! Пріѣхалъ я сюда въ самыхъ послѣднихъ числахъ января и скоро 2 мѣсяца, какъ живу здѣсь. Первое время послѣ полученія твоего письма не успѣлъ отвѣчать за выборами, продолжавшимися до 1-го марта, а это время откладывалъ со дня на день и потому отвѣчаю такъ поздно. Твое письмо заставило насъ всѣхъ смѣяться, воображая себѣ Сеню, завязывающаго галстухъ необыкновеннымъ узломъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ живо напомнило намъ его и обратило мои мысли къ прошедшему. Трудно мнѣ представить себѣ Сеню большимъ юношею, какъ ты его намъ описываешь, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ чертахъ характера юноши вполнѣ узнаю 14-и лѣтняго мальчика, какимъ его оставилъ. Очень хочется мнѣ его видѣть и я рѣшаюсь взять его въ Мачкасы на лѣто.

Какъ онъ много перемѣнился и развился, служитъ мнѣ доказательствомъ письмо, которое вчера получилъ отъ него. Оно написано по французски, довольно связно, и есть слогъ. Это первое письмо, которое на что нибудь похоже въ стилистическомъ отношеніи, потому что до сихъ поръ онъ писалъ, какъ восьмилѣтній ребенокъ. Все то, что ты пишешь про характеръ Сени, совершенно вѣрно; онъ считаетъ себя самостоятельнымъ и высказываетъ это совершенно открыто. Четырехмѣсячный отпускъ для Сени былъ бы слишкомъ длиненъ, и я думаю просить, чтобы его отпустили недѣль на 12 или на 3 мѣсяца, не больше. Отъ мысли взять его сюда зимою для раздѣла и такъ какъ онъ тогда увидитъ Гришу—я отказываюсь, тѣмъ больше, что, какъ *кажется*, *намъ* нельзя будетъ произвести окончательный раздѣлъ до

совершеннолѣтія Сени, а въ случаѣ, если мы приступимъ къ временному, то можно будетъ обойтись и безъ Сени. Гришу же я хочу уговорить пріѣхать къ намъ осенью, такъ, что онъ, можетъ быть, еще застанетъ Сеню. Что ты передаешь мнѣ о слухахъ про его женитьбу, то, кажется, это все пустяки. Хотя я не получаю отъ него извѣстій съ іюня мѣсяца, но думаю, что въ случаѣ, еслибы онъ рѣшился на женитьбу, то написалъ бы мнѣ. Кромѣ того, черезъ переписку его людей съ моими я узналъ бы это, а по послѣднимъ извѣстіямъ, полученнымъ изъ этихъ источниковъ, видно, что Гриша собирается пріѣхать къ намъ въ концѣ лѣта. Такимъ образомъ, какъ видишь, мы располагаемъ провести лѣто въ своемъ кругу и оно обѣщаетъ намъ много удовольствія. Но мы не довольствуемся тѣмъ, что предстоитъ, а хотимъ заманить тебя къ намъ. Что ты объ этомъ думаешь? Имѣешь ли ты возможность мѣсяца на два оставить Петербургъ и не составилъ ли другихъ плановъ въ этомъ отношеніи, такъ какъ Сеня пишетъ мнѣ, что ты лѣтомъ думаешь ѣхать въ Малороссію? Разумѣется, если это у тебя рѣшено и твой отецъ будетъ тамъ, или если ты поѣдешь въ Варшаву, то объ нашемъ планѣ и говорить нечего. Признаюсь, я такъ мало надѣюсь на его возможность, что, можетъ быть, и не писалъ бы объ немъ, еслибы не Катенька, которой очень хочется съ тобой познакомиться. Потому, другъ мой, скажи намъ, сбыточны ли наши желанія и нѣтъ ли возможности, чтобы ты пріѣхалъ къ намъ съ Сеней, хоть недѣль на шесть. Въ этомъ случаѣ, я увѣренъ, что и Кохъ, котораго мы уговариваемъ пріѣхать къ намъ лѣтомъ, что можетъ и случиться, навѣрное пріѣхалъ бы тоже, чтобы быть съ тобою.

Какъ я сказалъ въ началѣ моего письма, вотъ третій мѣсяцъ, какъ мы въ Симбирскѣ. Кажется, 28-го января мы пріѣхали сюда, первые дни прошли въ устройствѣ, а 15-го февраля начались выборы. Для меня они были довольно интересны, но было бы гораздо занимательнѣе, еслибы я больше зналъ людей и край. Первое время наша городская жизнь шла туго; не имѣя въ самомъ городѣ никого родныхъ или очень близкихъ знакомыхъ, мы скучали, все казалось чуждо. Теперь однако пообзнакомились съ здѣшними жителями. Мои служебныя занятія, противъ моего ожиданія и желанія, очень незначительны. Они ограничиваются пересмотромъ уголовныхъ дѣлъ, поступающихъ изъ Угол. Пал. и Уѣздныхъ Судовъ на утвержденіе губернатора. Впрочемъ занятіе само по себѣ хотя недостаточно, такъ какъ только четвертая часть этого рода дѣлъ проходитъ чрезъ мои руки, но довольно интересно, такъ какъ оно знакомитъ меня съ тѣмъ, какъ производятъ слѣдствія.

Въ первыхъ числахъ мая, т. е. на Ѳоминой недѣлѣ, мы собираемся обратно въ деревню. Если успѣешь, отвѣчай мнѣ сюда, особенно

если можешь подать мнѣ какую либо надежду видѣть тебя это лѣто. Кончаю тѣмъ письмо, чѣмъ хотѣлъ начать, сказавъ тебѣ мое сердечное: „благодарствуй" за все, что дѣлаешь для Сени. Желаю только, чтобы и онъ понялъ это и узналъ, что во всѣхъ случаяхъ его жизни, начиная съ Дерпта, ты для него дѣлалъ больше, нежели я. Сеня добрый юноша, не любить его нельзя, но всѣ ощущенія и чувства только поверхностно касаются его ума и сердца, не оставляя продолжительныхъ слѣдовъ. Не знаю, довольно ли прочно и на долго ли устроились опять его отношенія къ Штрюмпелю. Въ его письмѣ есть угроза: что де онъ, наконецъ, согласился остаться у Штрюмпеля, преимущественно убѣжденный словами Шретера, что его отношенія къ Штрюмпелю суть добровольныя, и что обязанности, которыя онъ имѣетъ въ отношеніи къ своему воспитателю, возложены на него имъ же самимъ, а не Штрюмпелемъ. Эти стремленія къ самостоятельности могутъ легко опять повести къ несогласію, если Сеня не сдѣлается разсудительнѣе.

И такъ прощай, милый, добрый братъ Володя! Хотѣлось бы сказать тебѣ: „до свиданья лѣтомъ." Что ты на это скажешь? Обнимаю тебя отъ всей души. Катенька тебя любитъ и очень желаетъ полюбить больше, узнавъ короче. Прощай.

Твой братъ

М. Краснокутскій.

43.

Симбирскъ, 5-го мая 1850 г.

На дняхъ получилъ письмо твое, добрый другъ и братъ Володя! Всѣмъ намъ очень жаль, что ты не можешь быть это лѣто, но, понимая вполнѣ причины, которыя удерживаютъ тебя въ Петербургѣ, и впередъ не слишкомъ разсчитывая на возможность видѣться съ тобою нынѣшнее лѣто, мирюсь съ невозможностью и откладываю наше свиданіе до болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ. Въ одно время съ твоимъ письмомъ мы получили и отвѣтъ Коха на приглашеніе пріѣхать къ намъ съ Сеней. Онъ не можетъ оставить Москвы и потому нынѣшнее лѣто мы увидимъ только одного Сеню. Что касается до него, то его поѣздка рѣшена. Я окончательно писалъ ему, чтобы онъ выѣзжалъ *изъ Дерпта послѣ* 20-го мая, далъ ему позволеніе, если желаетъ про-

быть съ недѣлю въ Петербургѣ, и не располагаю видѣть его въ Мачкасахъ раньше начала іюня. Что касается до того, какимъ образомъ онъ пріѣдетъ, то это не трудно устроить. До Москвы экспедируешь его ты, оттуда же, я рѣшусь по пріѣздѣ въ деревню, какъ ему пріѣхать. Можно будетъ сдѣлать или такъ, чтобы Сеня доѣхалъ до Нижняго въ дилижансѣ, а оттуда съ человѣкомъ, котораго я за нимъ вышлю, пріѣхавъ въ Мачкасы, или чтобы онъ прямо изъ Москвы ѣхалъ сюда, -(въ какомъ случаѣ посланный за нимъ человѣкъ будетъ его ждать въ Москвѣ). Въ деревнѣ я рѣшусь на одно изъ двухъ и согласно тому вышлю человѣка, Сеню же увѣдомлю въ Москву на имя Коха, у котораго Сеня можетъ и пробыть одинъ или два дня, которые онъ тамъ останется. Деньги на дорожныя издержки 150 руб. сер. я пришлю съ этой же или съ будущей почтой на твое имя въ Петербургъ. Обо всемъ этомъ я уже писалъ Сенѣ, адресуя письмо на имя Биленштейна, съ которымъ, какъ мнѣ писалъ и Штрюмпель, Сеня будетъ жить до своего отъѣзда. Въ случаѣ, еслибы Сеня изъ дорожныхъ денегъ въ Петербургѣ и поистратилъ часть на туалетъ, то это не бѣда, такъ какъ у посланнаго будутъ запасныя деньги.

Извѣстіе о женитьбѣ Гриши, которое ты намъ передаешь и въ которомъ нельзя уже сомнѣваться, насъ поразило. Не по самому факту, потому что въ теченіе года, что Гриша ко мнѣ не пишетъ, онъ бы успѣлъ не только жениться, но и имѣть дѣтей, но по несообразности дѣйствія съ характеромъ Гриши. Онъ такой вѣтеръ и такъ мало думалъ о женитьбѣ, что я не ожидалъ, чтобы онъ женился такъ скоро. Теперь дѣло сдѣлано и остается желать, чтобы все повернулось къ лучшему. Если Гриша женился на женщинѣ доброй, не глупой, съ характеромъ, но которая будетъ его любить, то онъ будетъ слушать жену и будетъ доволенъ своею судьбою. Въ противномъ случаѣ не будетъ никакого толку, потому что у Гриши характеру и воли почти нѣтъ, и къ тому онъ очень вѣтренъ, особенно въ денежныхъ отношеніяхъ. Не знаю, до какой степени женитьба будетъ имѣть вліяніе на его намѣреніе пріѣхать зимою въ Мачкасы. Если бы онъ отложилъ свой пріѣздъ, то это задержитъ нашъ раздѣлъ, что мнѣ было бы непріятно.

Я второй день только оправился отъ небольшой болѣзни, которая впрочемъ въ 4 дня меня такъ скрутила, что я дней 5 не могу совершенно оправиться. Это задержало мой выѣздъ въ деревню, такъ что я не располагаю выѣхать раньше, какъ черезъ 5 или 6 дней еще. Что касается до пользы въ отношеніи служебномъ, которую мнѣ принесло пребываніе въ Симбирскѣ, то она не велика, потому что мало занимался дѣлами,—гораздо меньше, нежели бы желалъ. Если бы я могъ ѣздить на слѣдствія, то это было бы не безъ большой пользы. Что

P. S. Не узнаешь ли что нибудь подробнѣе о женитьбѣ Гриши и о его женѣ чрезъ Наталью Андреевну отъ Богодуховскихъ. Мнѣ очень хотѣлось бы подробнѣе узнать обо всемъ, что касается Гришиной женитьбы; можетъ быть, я составилъ себѣ ложное о ней понятіе, и былъ бы радъ измѣнить его, такъ какъ письмо Гриши оставило во мнѣ очень грустное впечатлѣніе.

Примѣчаніе. „Какъ моя" приписано по приказанію Катерины Павловны, которая, по прочтеніи сего письма, заставила меня приписать это. Причемъ она пользуется случаемъ сказать, что обнимаетъ тебя, какъ брата, и сердита за то, что не ѣдешь къ намъ.

45.

Мачкасы, 17-го октября 1850 г.

Давно не писалъ я къ тебѣ, добрый братъ и другъ Володя, и давно также не получалъ и отъ тебя извѣстій, исключая черезъ Сеню, у котораго довольно о тебѣ распрашивалъ, да мало узналъ, потому что онъ плохой разскащикъ и такимъ же вѣрно показался и тебѣ, если имѣлъ время передать тебѣ что нибудь о насъ, какъ я ему это поручалъ. Не знаю, долго ли онъ остался въ Петербургѣ, такъ какъ, хотя онъ и писалъ намъ оттуда, но объ этомъ ничего не сказалъ. Если тебѣ интересно знать, какимъ я нашелъ Сеню, то скажу тебѣ, что я не ожидалъ его видѣть такимъ, какъ онъ мнѣ показался. Не говоря о физической перемѣнѣ (онъ такъ выросъ, возмужалъ и перемѣнился, что я его не узналъ, когда онъ вошелъ въ комнату), онъ и въ остальномъ мало похожъ на то, какимъ я себѣ его представлялъ. Скажу тебѣ откровенно, не думая винить въ томъ Штрюмпеля, что воспитаніе мало имѣло вліянія на Сеню. Всѣ природныя качества его, доброе сердце, понятливый умъ сохранились въ немъ, но за то и недостатки его не скрыты и не углажены, а напротивъ теперь съ возрастомъ болѣе бросаются въ глаза. Воспитаніе, можно сказать, не имѣло на нихъ никакого вліянія и, слагая вину этого на самого же Сеню, трудно найти въ Сенѣ природныя качества, которыя были бы развиты, или недостатки, которые были бы если не уничтожены, то по крайней мѣрѣ прикрыты имъ. Отъ того Сеня кажется даже хуже, нежели онъ есть. Его характеръ, не имѣя живости, кажется тяжелымъ, не имѣя твердости и воли,—упрямымъ; его обращеніе съ окружающими и родными, не имѣя сердечной открытости, кажется страннымъ и не проникну-

тымъуваженіемъ къ личности людей. Все это говорю тебѣ, чтобы высказать свое мнѣніе, но не заключи изъ этого, добрый другъ Володя, чтобы Сеня мнѣ не понравился; напротивъ того, я думаю, что самовоспитаніе, черезъ школу котораго его поведутъ жизнь и опытъ, совершенно измѣнитъ его, сгладивъ угловатость его недостатковъ, и сдѣлаетъ его такимъ, какимъ я бы желалъ его видѣть и какимъ онъ долженъ быть при хорошей основѣ, которая теперь облечена въ шероховатую форму. Не смотря на то, Катенька и теперь его полюбила, и мы разстались друзьями, не взирая на то, что часто съ нимъ ссорились. Еще одно замѣчаніе о Сенѣ. Дерптское воспитаніе нисколько не дало ему любви къ труду, сколько-нибудь серьезному и соединенному съ забавой, такъ что онъ всѣ три мѣсяца, что прожилъ здѣсь, ни разу не взялъ въ руки книги, исключая романовъ.

Что дѣлаешь между тѣмъ ты, добрый Волод? Скажи мнѣ отставка твоего батюшки не произведетъ никакой перемѣны въ твоихъ планахъ и не располагаешь ли ты оставить Петербургъ для Малороссіи? Этотъ вопросъ имѣетъ для меня самый живой интересъ, такъ какъ при нашихъ планахъ переѣхать въ Петербургъ, можетъ быть, даже будущею осенью, твое присутствіе тамъ и надежда пожить тамъ въ твоемъ обществѣ есть самое большое удовольствіе, которое меня тамъ ожидаетъ.

О себѣ скажу тебѣ, что въ половинѣ ноября я отправляюсь въ Симбирскъ; мы располагаемъ прожить тамъ всю зиму и въ декабрѣ ожидаемъ туда брата Гришу съ женою. Я съ нетерпѣніемъ ожидаю его, какъ для того, чтобы видѣть его въ его новомъ положеніи, такъ и для окончанія нашихъ дѣлъ и раздѣла, отъ котораго зависятъ всѣ мои предположенія, такъ какъ до окончанія его я не могу оставить Мачкасъ. Надѣюсь, все устроится къ осени и, наконецъ, каждый изъ насъ будетъ имѣть свою часть. Думаю, что раздѣлъ не потребуетъ пріѣзда Сени зимою, и если ему и мнѣ достанутся на двоихъ Мачкасы, то раздѣлъ между нами отложу до лѣта, когда ему можно будетъ пріѣхать сюда. Между тѣмъ начинаю устраивать такъ, чтобы обѣ части Мачкасъ были приготовлены предварительнымъ размежеваніемъ и выселеніемъ крестьянъ, такъ, что тогда надобно будетъ рѣшить только по жребію. Кстати, говоря о раздѣлѣ, скажу тебѣ, что я хотѣлъ тебя просить объ услугѣ, въ которой не откажешь, если можно. Зимою, при раздѣлѣ, мы должны будемъ заложить Мачкасы для уплаты Сонѣ 20 т. р. с. приданнаго. Согласишься ли ты по присланному свидѣтельству совершить залогъ? Сколько я знаю, это не составляетъ большихъ хлопотъ, такъ какъ Петръ Михайловичъ два раза закладывалъ Мачкасы по просьбѣ покойнаго отца. Кстати о немъ. Получилъ ли онъ мѣсто, котораго ищетъ? Кажется, онъ исполнилъ недавно какое

то порученіе въ Малороссіи, такъ какъ по газетамъ онъ проѣхалъ изъ Малороссіи черезъ Москву въ Петербургъ. О томъ, что Анна Михайловна директрисой Института въ Москвѣ, я узналъ только отъ Сени. Недавно получилъ письмо отъ Сони. Она увѣдомляетъ меня о томъ, что она родила сына, названнаго Матвѣемъ, который жилъ только три дня. Она и мужъ ея въ большомъ горѣ, — особенно онъ. Его всѣ очень хвалятъ. Онъ любитъ Соню очень горячо и она, какъ кажется, совсѣмъ счастлива. Соня увѣдомляетъ меня о новомъ несчастіи въ семействѣ Елисаветы Михайловны. Аристидъ сошелъ съ ума и можешь вообразить ея горе. Прощай, добрый другъ Володя! Обнимаю тебя отъ всей души за себя и за Катеньку.

Пиши мнѣ въ Симбирскъ, если не успѣешь писать раньше ноября. Прощай еще разъ.

Твой братъ и другъ

М. Краснокутскій.

46.

Симбирскъ, 18 декабря 1850 г.

Полтора мѣсяца тому назадъ я писалъ къ тебѣ, любезный другъ и братъ Володя, и надѣялся еще въ концѣ прошлаго мѣсяца получить отъ тебя отвѣтъ въ Мачкасы. Потомъ думалъ, не написалъ ли ты мнѣ въ Симбирскъ, но, по пріѣздѣ сюда 1-го декабря, также былъ обманутъ въ своемъ ожиданіи. Не получая отъ тебя такъ давно извѣстій, не знаю, чему приписать это. Не предполагая, чтобы мое письмо могло не дойти къ тебѣ, я думаю, ужъ не уѣхалъ ли ты изъ Петербурга въ отпускъ въ Малороссію, къ какому заключенію вело меня то, что я зналъ объ выходѣ въ отставку твоего отца и переѣздѣ его на житье въ Малороссію. Но теперь рѣшаюсь наконецъ еще разъ написать тебѣ, такъ какъ, можетъ быть, я и ошибаюсь въ своихъ заключеніяхъ и только занятія помѣшали тебѣ извѣстить меня о томъ, что ты дѣлаешь.

Ты знаешь уже, что я ожидаю Гришу въ Симбирскъ для предстоящаго намъ раздѣла. Я было ожидалъ его сюда еще въ декабрѣ, но по дорогамъ и такъ какъ онъ располагаетъ ѣхать на Москву—не думаю видѣть его здѣсь раньше 7-го января. Онъ пріѣдетъ сюда съ женою и останется до окончанія всѣхъ дѣлъ, что, можетъ быть, задержитъ его до

весны. Онъ очень желаетъ видѣть Сеню и это вмѣстѣ съ обстоятельствомъ раздѣла, по которому Сеня будетъ совершенно отдѣленъ, понуждаетъ меня рѣшиться на пріѣздъ Сени сюда. Я писалъ ему объ этомъ и спрашивалъ о времени, когда ему удобнѣе всего будетъ оставить Дерптъ безъ большого вреда для занятій. Онъ пишетъ, что будетъ держать экзаменъ въ приму передъ Рождествомъ, но не надѣется, чтобы онъ кончился для него совершенно удовлетворительно, но что во всякомъ случаѣ ему прійдется въ тѣхъ наукахъ, въ которыхъ экзаменъ будетъ неудаченъ, держать его вторично послѣ Рождества; потому съ прошлой почтой я и писалъ къ нему, чтобы онъ приготовлялся ѣхать около 7-го января, такъ что его пріѣздъ будетъ въ одно время или немного позже Гришинаго.

Въ послѣднемъ письмѣ моемъ я просилъ тебя, любезный другъ Володя, увѣдомить меня, можешь ли ты взять на себя исполненіе моей просьбы по залогу нашего имѣнія. Ты знаешь, что мы выдѣляемъ сестру Софью деньгами, почему должны заложить и перезаложить Мачкасы. Можешь ли ты взять на себя совершеніе займа въ опекунскомъ совѣтѣ по присланному свидѣтельству. Какъ я тебѣ писалъ, сколько я я знаю, это не сопряжено съ большими хлопотами и можетъ быть сдѣлано въ нѣсколько дней. Потому, если тебѣ возможно не отказать мнѣ въ исполненіи этой просьбы, то ты много насъ обяжешь. Впрочемъ, если это можетъ тебя сколько нибудь оторвать отъ твоихъ занятій и быть тебѣ затруднительнымъ, то скажи, такъ какъ мы можемъ сдѣлать залогъ въ Московскомъ опекунскомъ совѣтѣ. Что ты подѣлываешь? Произведетъ ли какую нибудь перемѣну въ твоихъ планахъ выходъ твоего отца въ отставку или нѣтъ? Не думаешь ли перебраться въ Малороссію? Я писалъ тебѣ, что я располагаю, если это будетъ сколько нибудь возможно, осенью будущаго года переѣхать въ Петербургъ,—и ты можешь думать, какъ я желаю, чтобы твои служебные планы не измѣнились, чтобы имѣть возможность пожить тамъ съ тобою.

Вотъ третья недѣля, какъ мы здѣсь. Живемъ по прошлогоднему. Я немного занимаюсь дѣлами, но все какъ постороннимъ, а не главнымъ занятіемъ. Надѣюсь, что ты мнѣ напишешь и не оставишь въ неизвѣстности о себѣ. Катенька тебѣ кланяется. Я тебя обнимаю отъ всей души.

Твой братъ и другъ

М. Краснокутскій.

47.

Симбирскъ, 28 марта 1851 г.

Благодарю тебя, добрый братъ и другъ Володя, за письмо твое отъ 1-го января, за твою дружескую готовность помочь намъ въ нашихъ дѣлахъ и взять на себя заботы по залогу Мачкасъ въ Опекунскомъ Совѣтѣ. Долго не писалъ я тебѣ въ отвѣтъ на письмо твое—все откладывалъ. Дождавшись Сени, началъ ждать пріѣзда Гриши, который заставилъ насъ ждать до первыхъ чиселъ марта, такъ что мы уже отчаявались въ его пріѣздѣ, и Сеня начиналъ собираться въ обратный путь, чтобы не упустить послѣдней зимней дороги, какъ вдругъ пріѣзжаетъ Гриша съ своей женой. Это перемѣнило наши предположенія, такъ что, во первыхъ, мы остались весновать въ Симбирскѣ, чего прежде никакъ не располагали; во вторыхъ, Сеня остался съ нами и онъ, посовѣтовавшись со мной, рѣшился остаться съ нами до совершеннаго окончанія раздѣла, что можетъ быть не раньше іюня мѣсяца. Хотя онъ такимъ образомъ теряетъ цѣлый семестръ, но, потерявъ уже часть его, не такъ жаль остальнаго, тѣмъ больше, что этой поѣздкой онъ надолго распростится съ Симбирскомъ и можетъ безъ перерывовъ продолжать свои занятія. Кромѣ того и въ гимназіи, какъ кажется, приманеры проводятъ свой первый семестръ по студенчески, т. е. не занимаясь, въ какомъ случаѣ пребываніе здѣсь сдѣлаетъ Сенѣ больше пользы, нежели въ Дерптѣ. Если ты помнишь, я писалъ въ одномъ изъ моихъ писемъ къ тебѣ, что нахожу характеръ Сени тяжелымъ и угловатымъ. Въ этомъ отношеніи въ нынѣшній его пріѣздъ въ сравненіи съ прежнимъ онъ очень измѣнился и не останавливается на этомъ пути -тѣмъ больше, что въ этомъ случаѣ слова и совѣты женщинъ, не затрогивающіе его щекотливаго самолюбія, дѣйствуютъ лучше другихъ.

Мы познакомились съ женою Гриши. Пока могу тебѣ только сказать, что она, кажется, добрая женщина, и любитъ Гришу. Они располагаютъ пробыть съ нами до августа и въ это время мы успѣемъ покороче познакомиться. Мы остались здѣсь до половины мая, а тамъ переѣдемъ въ Мачкасы, гдѣ и кончимъ раздѣлъ. Что касается до причинъ, задержавшихъ насъ здѣсь, то это есть, во первыхъ, полученіе свидѣтельства на залогъ Мачкасъ изъ Гражданской Палаты, которое я надѣюсь получить никакъ не позже Ѳоминой недѣли и по полученіи вышлю тебѣ съ описаніемъ имѣнія на полученіе прибавочныхъ по 10 р. сер. на душу и съ общею отъ насъ всѣхъ довѣренностью. Во *вторыхъ, задержало* насъ еще то, что раздѣльную запись на наше

Малороссійское имѣніе должно совершить въ Гражданской Палатѣ, теперь же мы не можемъ ее сдѣлать, такъ какъ надобно получить предварительно разрѣшеніе Опекунскаго Совѣта, гдѣ это имѣніе заложено. Пока, до высылки тебѣ довѣренности и свидѣтельства, я попрошу тебя, любезный другъ, помочь намъ слѣдующимъ:

1. По Малороссійскому имѣнію нашему, заложенному въ С.-Петербургскомъ Опекунскомъ Совѣтѣ 1825 года августа 7-го дня въ 7970 руб. сер., состоящему Полтавской губ. Пирятинскаго уѣзда, послано нами изъ Симбирска 10-го марта сего года объявленіе, гдѣ мы просимъ Опекунскій Совѣтъ дать намъ разрѣшеніе на отдѣлъ этого имѣнія одному изъ насъ и о своемъ разрѣшеніи увѣдомить Симбирскую Гражданскую Палату. Будь такъ добръ, узнай, далъ ли уже Опек. Сов. просимое разрѣшеніе, или нѣтъ, и если нѣтъ, то попроси, чтобы оно было дано и выслано въ Симбирскую Гражданскую Палату. Въ разрѣшеніи Опек. Совѣтъ отказать не можетъ, а потому здѣсь все дѣло только въ томъ, чтобы наше объявленіе не залежалось, а пошло въ ходъ.

2. Получена ли въ С.-Петербургскомъ Опекунскомъ Совѣтѣ копія съ довѣренности, данной Сонею Гришѣ на залогъ Мачкасъ, совершенной въ октябрѣ мѣсяцѣ 1850 года въ Могилевскомъ уѣздномъ судѣ (Подольской губ.). Такъ какъ довѣренность на залогъ имѣнія не считается въ Опек. Совѣтѣ дѣйствительною, пока не будетъ имъ получена изъ того же мѣста, которое свидѣтельствовало довѣренность, копія съ оной, то мы боимся, что Соня при совершеніи довѣренности не позаботилась о копіи, о чемъ къ ней и писали по пріѣздѣ Гриши, чтобы выслала. Теперь же хотѣли бы узнать, сдѣлала ли она это прежде, или нѣтъ, такъ какъ невысылка копіи можетъ задержать совершеніе займа.

3. Ты писалъ, что займы будутъ выдаваться по новой ревизіи только съ 1-го іюля; свидѣтельство же намъ выдадутъ по 9-й ревизіи. Правда ли то, что тебѣ прежде говорили, и если да, то намъ надобно будетъ позаботиться, чтобы число душъ было выставлено въ свидѣтельствѣ и по 8-й ревизіи, такъ какъ до 1-го іюля ждать слишкомъ долго.

Вотъ, добрый другъ мой Володя, пока все о нашихъ дѣлахъ, въ чемъ намъ нужна твоя помощь. Впрочемъ все это пока не важно, и если тебѣ не будетъ вскорѣ времени быть въ Опек. Сов., то избери время, когда тебѣ будетъ это сподручнѣе. Впрочемъ теперь, когда Анна Мих. назначена начальницею Института при Восп. домѣ, ты, вѣроятно, не рѣдко бываешь въ сосѣдствѣ Опек. Совѣта. Гриша, проѣзжая черезъ Тулу, былъ у Петра Михайловича. Говоритъ, что онъ очень постарѣлъ противъ того, что былъ тому назадъ 6 лѣтъ, когда я его

видѣлъ въ послѣдній разъ. Что дѣлаетъ Анна Мих.? Институтъ—настоящее поприще для ея дѣятельности, и я думаю, что она можетъ тамъ сдѣлать много добра,—съ ея дѣятельностью и современнымъ взглядомъ на воспитаніе.

Теперь, любезный братъ Володя, хочу спросить тебя о тебѣ самомъ. Что ты дѣлаешь, какъ живешь? Сеня говорилъ мнѣ, что, проѣзжая черезъ Петербургъ сюда, онъ засталъ тебя въ неблагопріятную минуту, въ отношеніи твоихъ домашнихъ дѣлъ. Какъ теперь все это устроилось? Надѣюсь, все къ лучшему; разскажи мнѣ это. Если братская услуга можетъ тебѣ понадобиться въ эту переходную минуту, я надѣюсь, что ты не забудешь меня, другъ Володя!

Что касается до нашего переѣзда въ Петербургъ осенью этого года, то мы по прежнему серьезно думаемъ объ этомъ. Одно только иногда заставляетъ меня задумываться: здоровье мое что то стало плохо—особенно по зимамъ. Нынѣшнюю зиму Катенька и я совсѣмъ расклеились. Съ весною оживаемъ. Зима вообще, чѣмъ дольше, мнѣ все становится труднѣе. При привычкѣ къ движенію, которую сдѣлаешь лѣтомъ, сидячая жизнь зимою, когда въ деревнѣ, да и въ Симбирскѣ, движенія найти нельзя, дѣлается невыносима. Иногда, думая о Петербургѣ, боюсь, что, располагая пріѣхать надолго туда, какъ бы не пришлось бѣжать. Впрочемъ, что будетъ, то будетъ, а будетъ то, что Богъ дастъ.

Прощай, любезный другъ и братъ Володя, обнимаю тебя отъ всей души. Катенька тебѣ передаетъ дружескій привѣтъ. Будь здоровъ и веселъ. Хандришь ли ты по прежнему и часто ли бываешь недоволенъ собой? Право, не за что клепать на себя самого. Тебѣ бы жениться; былъ бы доволенъ самъ собой, своимъ обѣдомъ и женой. Право, жениться доброе дѣло. Обнимаю тебя еще разъ. Прощай.

Твой братъ и другъ

М. Краснокутскій.

48.

Симбирскъ, 5 мая 1851 г.

Послѣднее письмо твое отъ 19-го апрѣля, любезный другъ Володя, я получилъ съ прошлой почтой. Благодарю тебя за свѣдѣнія, собранныя тобою въ Опекунскомъ Совѣтѣ; изъ нихъ одно было для меня особенно важно—именно, что разрѣшеніе на выдѣлъ Паекъ [1]) скоро вышлется, такъ какъ это теперь дѣлается единственнымъ дѣломъ, задерживающимъ насъ здѣсь. Въ среду, т. е. черезъ три дня, я вышлю тебѣ свидѣтельство, довѣренности и всѣ остальныя бумаги, нужныя для совершенія залога. Если же не успѣю въ среду, то черезъ недѣлю,—но всетаки въ среду будетъ сдѣлано главное, именно, вышлется изъ Губернскаго Правленія въ Сенатскую Типографію запретительная статья на Мачкасы, и если ты черезъ недѣлю по полученіи этого письма можешь поторопить тамъ напечатаніе ея, то это можетъ ускорить ходъ дѣла. Впрочемъ для насъ собственно я не прошу тебя очень торопиться совершеніемъ займа и для того принять лишніе хлопоты, которые необходимы, когда хочешь ускорить ходъ дѣла; но я думаю, что ты, вѣроятно, имѣешь намѣреніе провести лѣто въ Малороссіи (если это неправда, что твои отправляются за границу) и потому не останешься въ Петербургѣ дольше конца іюня. Для насъ же собственно, если мы получимъ деньги въ іюлѣ, то это не сдѣлаетъ задержки. Такъ какъ въ среду мы получимъ свидѣтельство на залогъ, то единственно насъ будетъ удерживать здѣсь ожиданіе разрѣшенія Опекунскаго Совѣта на выдѣлъ Паекъ, и какъ скоро оно получится, то мы составимъ раздѣльный актъ и уѣдемъ въ деревню.

Копія съ довѣренности, данной Сонею Гришѣ, выслана изъ Могилевскаго суда въ Опекунскій Совѣтъ, и въ этомъ отношеніи не будетъ никакой задержки для совершенія займа.

Что касается до того, что только послѣ 1-го іюля будутъ выдаваться ссуды по 9-й ревизіи, то, хотя это намъ составляетъ разсчетъ, заложить ли имѣніе по 8-й или 9-й ревизіи, такъ какъ по послѣдней у насъ на 28 душъ больше, слѣдовательно и ссуда должна быть больше на 2240 руб. сер., но, не смотря на это, если залогъ можетъ быть

---

[1]) С. Пайки—имѣніе Краснокутскихъ въ Пирятинскомъ уѣздѣ Полтавской губ. было потомъ продано Г. Н. Краснокутскимъ К. О. Катериничу, въ потомствѣ коего удержалось и понынѣ.

совершенъ раньше мѣсяцемъ, т. е. въ началѣ іюня, а главное, если ты не располагаешь остаться въ Петербургѣ дольше половины іюня или начала іюля, то мы согласны совершить заемъ по 8-й ревизіи. Впрочемъ я думаю, что есть средство согласить эти два противорѣчащія требованія (скорость займа и совершеніе его по 9-й ревизіи)—именно слѣдующимъ образомъ. Въ свидѣтельствѣ будетъ проставлено число душъ по обѣимъ ревизіямъ. Если теперь заложить 550 душъ и получить на нихъ ссуду, то остальныя 56 душъ мы уже заложимъ послѣ, особенно,—или нынѣшней осенью, или зимою, когда я буду въ Петербургѣ,—однимъ словомъ, смотря по обстоятельствамъ, такъ какъ 4500 р. сер., слѣдующіе на эти 56 душъ, намъ не необходимы теперь и останутся у насъ въ запасѣ. Если не ошибаюсь, изъ полнаго имѣнія позволено закладывать участками не менѣе 50 душъ, а потому такой ходъ залога возможенъ и мы соединяемъ наше удобство со скоростью. При случаѣ узнай, возможно ли это, и, по полученіи всѣхъ бумагъ, дѣйствуй, какъ признаешь за удобнѣйшее: или заложи по 8-й ревизіи, или употреби эту увертку. Можетъ быть, что всего скорѣе даже позволятъ взять ссуду на все количество душъ по 8-й ревизіи, а на лишнія, значущіяся по 9-й, допустятъ сдѣлать новый залогъ послѣ, по тому же свидѣтельству, не требуя новаго. Послѣднее очень важно, такъ какъ полученіе свидѣтельства сопряжено съ хлопотами и издержками.

Вотъ, любезный другъ и братъ Володя, пока все о нашихъ дѣлахъ. Отъ тебя ожидаю извѣстій о тебѣ. По полученіи этого письма пиши мнѣ въ Ардатовъ, такъ какъ, если все сдѣлается, какъ я ожидаю, мы оставимъ Симбирскъ въ половинѣ мая. Прощай. Обнимаю тебя отъ всего сердца.

Твой братъ и другъ

М. Краснокутскій.

49.

Симбирскъ, 12-го мая 1851 г.

Любезный другъ и братъ Володя! Наконецъ посылаю тебѣ всѣ бумаги, нужныя для залога Мачкасъ, а именно: 1. Свидѣтельство Симбирской Гражданской Палаты на залогъ и перезалогъ Мачкасъ; копія съ него прямо изъ Палаты выслана сегодня въ С. П. Опек. Совѣтъ. *2. Описаніе им*ѣнія на полученіе прибавочныхъ по 10 руб. сер. на ду-

шу; отъ онаго копія была отправлена давно въ Совѣтъ изъ канцеляріи гражданскаго губ. 3. Довѣренность, данная Соней Гришѣ на залогъ имѣнія съ правомъ по ней передовѣривать; копія съ оной отослана уже изъ Могилевскаго уѣзд. суда въ Совѣтъ, въ чемъ прилагаю 4) росписку почтовой конторы. 5. Довѣренность, данная отъ насъ всѣхъ тебѣ на залогъ Мачкасъ, съ которой копія сегодня отослана изъ Гражд. Палаты въ Опекунскій Совѣтъ, въ чемъ прилагаю 6) росписку Симбирской почтовой конторы.

Вотъ, любезный другъ, все, что нужно для совершенія займа, такъ что, надѣюсь, теперь ничто не остановитъ хода дѣла, какъ только то, чтобы въ Сенатской Типографіи поскорѣе пропечатали запрещеніе на наше имѣніе, о чемъ съ прошлой почтой недѣлю тому назадъ писано изъ Губернск. Правл. объявленіе въ Сенатскую Типографію. Если тебѣ можно будетъ попросить о пропечатаніи запрещенія, то затѣмъ уже никакой остановки быть не можетъ. Впрочемъ было бы хорошо, если бы ты, по полученіи этихъ бумагъ, узналъ, все ли въ нихъ исполнено и по формѣ, и не будетъ ли въ чемъ задержки. Кстати также, сдѣлай одолженіе, узнай, отчего это до сихъ поръ не высылаютъ разрѣшенія на выдѣлъ одному изъ насъ Паекъ. Въ присланной тобою отмѣткѣ чиновника Опекунскаго Сов. сказано, что оно пойдетъ на той же недѣлѣ къ докладу, такъ что я ожидалъ его черезъ недѣлю послѣ полученія твоего письма, а оно до сихъ поръ не пришло и теперь задерживаетъ насъ здѣсь. Надѣюсь получить его съ будущей почтой, и если получу, то на будущей недѣлѣ располагаю выѣхать отсюда, а потому съ полученія сего адресуй свои письма уже въ Ардатовъ. Въ послѣднемъ письмѣ моемъ я уже писалъ тебѣ, что намъ бы хотѣлось и какъ можно скорѣе сдѣлать заемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ не потерять 2000 руб. сер., слѣдующихъ на прибылыя по 9-ой ревизіи души. Теперь уже прошу тебя, если возможно, какъ я это писалъ, соединить скорость займа съ полученіемъ ссуды по 9-ой ревизіи, то сдѣлай такъ; если же нельзя, то заложи все имѣніе по 8-ой ревизіи; особенно, если залогъ по 3-ой ревизіи можно сдѣлать мѣсяцемъ раньше. Если же нужно будетъ подождать съ займомъ не болѣе 2-хъ недѣль, чтобы получить ссуду по 9-ой ревизіи, то столько можно подождать, разумѣется, если это не дѣлаетъ разсчета во времени для тебя, въ какомъ случаѣ дѣлай, какъ для тебя удобнѣе.

Для ясности всего займа и чтобы ты зналъ, сколько примѣрно слѣдуетъ намъ получить денегъ по оному, прилагаю разсчетъ примѣрный въ случаѣ займа по 8-ой ревизіи подъ залогъ 574-хъ душъ. Хотя въ свидѣтельствѣ и значится по 8-ой ревизіи 578 душъ, но при займѣ проси объ оставленіи 4-хъ душъ свободными, одной—для отпуска на волю, а 3-хъ—для свободнаго отчужденія ихъ, о чемъ и просить Опе-

кунскій Совѣтъ увѣдомить отъ себя Симбирскій и Ардатовскій уѣздные суды. Потомъ изъ слѣдующей суммы вычитается старый долгъ, котораго остается теперь 15,434 р. 63 к. сер., какъ видно изъ послѣдней квитанціи, копію съ которой при семъ посылаю. Подлинную же квитанцію, на случай могущаго встрѣтиться недоразумѣнія, вышлю тебѣ изъ Мачкасъ, такъ какъ она теперь тамъ. Потомъ въ этомъ разсчетѣ предназначается къ отсылкѣ Сонѣ, въ окончательную уплату ея приданнаго, остальныхъ 16,528 руб., которые и проси за вычетомъ изъ нихъ же вѣсовыхъ на почту отправить изъ Опекунскаго Совѣта Сонѣ, какъ о томъ сказано подробно въ самой довѣренности. Затѣмъ изъ слѣдующихъ намъ остальныхъ 12,900 руб. прошу тебя 7,500 руб. сер. выслать намъ билетами Сохранной Казны, изъ коихъ 4000 р. въ одномъ билетѣ на имя Гриши, остальные же 3,500 р. с. билетами на имя неизвѣстнаго: 3 билета по 1000 руб. и 1 въ 500 р. сер. Если же на имя неизвѣстнаго нельзя, то возьми ихъ на Сенино имя. Они принадлежатъ Сенѣ. Остальные затѣмъ 5,400 руб. сер. пришли деньгами. Если же заемъ будетъ по 9-ой ревизіи, то заложи 602 души, оставляя 4 свободными на прежнемъ основаніи, залишнія же затѣмъ деньги 2,240 р. сер., слѣдующія на прибылыя души, возьми также билетами Сохранной Казны.

Вотъ пока все, любезный другъ. Теперь нѣтъ времени больше писать; пора на почту. Мнѣ совѣстно, что я тебѣ столько хлопотъ дѣлаю. Извини. Пиши поскорѣе. Если можно, о ходѣ дѣла каждыя двѣ недѣли увѣдомляй въ двухъ словахъ. Прощай, будь здоровъ и веселъ.

Твой братъ и другъ

М. Краснокутскій.

50.

Мачкасы, 27-го іюля 1851 г.

Недѣли три тому назадъ получилъ я, добрый братъ и другъ Володя, письмо твое отъ 21-го іюня и присланные тобою документы. Что касается до задержки въ нашихъ дѣлахъ, сдѣлавшейся отъ невозможности совершить заемъ теперь, то хотя это и разстроило наши планы, но, пообдумавъ, мы нашли средство устроиться такъ, чтобы Гриша слѣдующія ему деньги вмѣсто тѣхъ, что были бы получены отъ *залога, получилъ изъ* Пирятинской опеки, гдѣ имѣются принадлежащія

Сенѣ, которыя Сенѣ и возвратятся по совершеніи залога. Только, кажется, Сонѣ эта задержка можетъ быть непріятна, такъ какъ ея мужъ разсчитывалъ на полученіе ихъ лѣтомъ сего года въ своихъ денежныхъ оборотахъ. Но что же дѣлать? Надобно и ей помириться съ невозможностью. Потому мы и рѣшились, не безпокоя Анну Михайловну, отложить залогъ до моего пріѣзда въ Петербургъ. На этотъ счетъ скажу тебѣ, любезный другъ Володя, что я рѣшился въ половинѣ или концѣ сентября выѣхать отсюда въ Петербургъ, совершенно распростившись съ здѣшними мѣстами на довольно долгое время. Нашъ переѣздъ въ Петербургъ на житье и для моей службы дѣлаетъ для меня еще болѣе чувствительнымъ то, что я не найду тебя тамъ,—сперва, такъ какъ твой отъѣздъ въ Херсонъ отлагаетъ еще на годъ время, когда я увижу тебя, потомъ—изъ эгоизма, такъ какъ мнѣ былъ дорогъ твой совѣтъ въ дѣлѣ избранія службы и какъ то теплѣе сердцу, когда знаешь, переѣзжая въ чужое мѣсто, что тебя встрѣтитъ дружеская рука. Но надобно помириться и съ этимъ—тѣмъ больше, что твоя поѣздка въ Херсонъ соотвѣтствуетъ твоимъ желаніямъ и служебнымъ планамъ.

Сеня въ эту минуту еще съ нами, но послѣзавтра выѣзжаетъ въ Дерптъ. Мы провожаемъ его до Ардатова, гдѣ кстати и кончимъ кое какія дѣла, какъ то довѣренности и т. п. Хорошо, что несовершеніе займа не могло быть ему задержкой въ отъѣздѣ, такъ что онъ можетъ пріѣхать къ началу семестра. Онъ ѣдетъ не на Петербургъ, а изъ Москвы на Смоленскъ и Псковъ—съ химерическою цѣлью познакомиться съ этой частью Россіи. Братъ Гриша здѣсь—собирается въ обратный путь въ половинѣ августа, и какъ только наши гости уѣдутъ, мы начнемъ также свои дорожніе сборы. Дѣла наши кончены, по крайней мѣрѣ въ отношеніи выдѣла Гриши и Сони. Чтоже касается до раздѣла Мачкасъ, то хотя актомъ его и нельзя будетъ сдѣлать до совершенія залога, но въ сущности и онъ конченъ.

Что дѣлаешь ты, любезный другъ Володя? О себѣ ты такъ мало пишешь, что я довольствуюсь только разсказами Сени о твоемъ житьѣ, которые впрочемъ и то только кое какъ вытянешь изъ Сени. Потому тѣмъ съ большимъ нетерпѣніемъ жду времени, когда увижу тебя. Дай Богъ, чтобы это было скоро, такъ какъ ты опасный человѣкъ: заѣхавъ въ Херсонъ, побывавъ въ Малороссіи, чего добраго вздумаешь гдѣ нибудь пріютиться въ тѣхъ краяхъ, такъ что потомъ тебя и не найдешь. Прощай, добрый другъ Володя. Крѣпко отъ всей души обнимаю тебя съ искреннимъ желаньемъ, чтобы ты былъ веселъ и счастливъ. Напиши сюда пару словъ, если успѣешь.

Твой братъ и другъ М. Краснокутскій.

51.

Петербургъ, 17-го октября 1851 г.

Вотъ недѣля, какъ мы въ Питерѣ, другъ и братъ Володя, и въ первыя минуты живѣе чувствую, что тебя здѣсь нѣтъ, и какъ бы я былъ счастливъ видѣть и обнять тебя въ эту минуту. Видно, судьба хочетъ испытать мое терпѣнье, бросая тебя въ противуположный конецъ Россіи въ ту минуту, когда я собрался на сѣверъ, думая найти тебя здѣсь. По крайней мѣрѣ, другъ, скажи что нибудь радостное о томъ, скоро ли ты сюда воротишься. Веселѣе ждать, когда знаешь что нибудь положительное. Впрочемъ о тебѣ надѣюсь узнать что нибудь вѣрное отъ нашихъ родныхъ, изъ которыхъ еще никого не видѣлъ. Петербургъ встрѣтилъ насъ не дружески. На третій день пріѣзда изъ нашей семьи двое, сестра Зинаида и я, заболѣли, и сидимъ четвертый день дома. Я впрочемъ поправляюсь и завтра надѣюсь выѣхать. Въ тотъ день, въ который я заболѣлъ, мы съ Катенькой собрались къ Аннѣ Михайловнѣ, и какъ она была о томъ предувѣдомлена и ждала насъ, то Катенька и поѣхала къ ней одна. Отъ нея узнала, что Николай Вас. Максимовичъ былъ въ тотъ еще день въ Петербургѣ, но на слѣдующій день собирался уѣхать.

Продолжаю это письмо къ тебѣ, другъ Володя, черезъ 4 дня послѣ того, какъ его началъ. Въ тотъ же день меня опять схватила простуда, сильный жаръ, такъ что я слегъ, и только сегодня, т. е. 21-го ввечеру, имѣю довольно силы, чтобы писать тебѣ. Четыре дня тому назадъ у насъ была Анна Михайловна. Она все говоритъ о тебѣ, но обѣщаетъ тебя намъ не раньше весны. Это время, хоть изрѣдка, пиши о себѣ. Мнѣ адресуй: на Мойкѣ, у Конюшеннаго мосту, въ домѣ Китчера кв. № 5, такъ какъ я на дняхъ тамъ нанялъ квартиру. Поэтому мы будемъ жить недалеко отъ Анны Михайловны. Что сказать тебѣ еще о себѣ? О залогѣ Мачкасъ дѣла еще не начиналъ. О службѣ не думалъ; у меня теперь отсрочка отпуска на 3 мѣсяца и въ это время надобно будетъ рѣшиться. Затѣмъ прошу тебя дать вѣсть о себѣ и не забывать искренно преданнаго тебѣ брата и друга.

М. Краснокутскій.

52.

С.-Петербургъ, 22 января 1852 г.

Поздненько отвѣчаю, другъ Володя, на письмо твое отъ 12 ноября. Разсчитываю впрочемъ, что отвѣтъ мой застанетъ тебя еще въ Херсонѣ, предъ самымъ отъѣздомъ. Мы всѣ ждемъ тебя съ нетерпѣніемъ, но я все не надѣюсь, чтобы ты пріѣхалъ раньше, какъ по послѣднему пути, такъ какъ твоего отца мы напрасно ждали сюда, какъ ты писалъ, въ половинѣ декабря. Вѣроятно, онъ отложилъ поѣздку сюда и его пребываніе въ Малороссіи удержитъ тебя тамъ недѣлю другую лишняго времени. Пріѣзжай поскорѣе, твой пріѣздъ мнѣ принесетъ счастье, потому что я началъ петербургскую жизнь неудачно. Былъ боленъ 3 раза, но надѣялся, что хоть Катенька будетъ крѣпиться, такъ какъ она первое время была бодрѣе всѣхъ насъ. Но и ей пришлось вытерпѣть свою очередь. Вотъ больше мѣсяца, какъ она больна, и дней десять тому назадъ усиливающаяся болѣзнь серьезно испугала меня. Теперь однако женѣ лучше, съ тѣхъ поръ, какъ ее лѣчитъ Меновскій, и я надѣюсь, что какъ скоро ей позволятъ выѣхать, то она вдругъ совсѣмъ оправится. Сеня провелъ съ нами Рождество, пробылъ до 16 января, и то не хотѣлось отпускать его. Онъ сталъ славный юноша и даже успѣлъ понравиться Аннѣ Михайловнѣ, которая прежде не очень была расположена къ нему. Предъ Рождествомъ на гимназическомъ актѣ Сеня читалъ рѣчь по французски „о развитіи французскаго языка.“ Это меня за него радовало - не по важности труда, а какъ шагъ къ самостоятельному занятію. Лѣтомъ онъ долженъ держать окончательный экзаменъ. Родныхъ нашихъ послѣднее время не часто видѣлъ. Дмитрій Дараганъ въ семейномъ горѣ: его теща имѣла два удара паралича, и мало надежды, чтобы она перенесла ихъ. Анна Михайл. тоже не совсѣмъ здорова, но, какъ всегда, крѣпится и не даетъ болѣзни взять верхъ надъ собою. Петръ Мих. здѣсь уже около двухъ недѣль; я его видѣлъ два раза; онъ уѣзжаетъ черезъ дней десять. Лиза точно, какъ ты пишешь,—прелесть дѣвушка. Она очень добра и мила. Мишель кружится въ вихрѣ свѣтскихъ удовольствій—онъ дебютировалъ въ свѣтѣ очень удачно и принадлежитъ ему совершенно.

О себѣ скажу, что еслибы не здоровье, то я ужился бы въ Петербургѣ. Во всякомъ случаѣ я пріѣхалъ сюда не на время, какъ ты предполагаешь, а чтобы здѣсь совершенно остаться, если не помѣшаетъ что-нибудь, выходящее изъ круга обыкновенныхъ предположеній. Мы совершенно устроились и мнѣ остается только начать службу. Это уже въ ходу, но я еще не знаю, удастся ли мнѣ получить штатное мѣсто

или долженъ буду только состоять при министерствѣ В. Д. Разумѣется, я желаю перваго, чтобы имѣть постоянную колею для моихъ занятій, и когда это сдѣлается, то буду въ состояніи обсудить, вполнѣ ли петербургская жизнь соотвѣтствуетъ моимъ наклонностямъ.

Вотъ все, другъ Володя, что хотѣлъ сказать тебѣ. Ожидаю твоего пріѣзда, чтобы обнять тебя также горячо, какъ дѣлаю это мысленно. Прощай другъ.

Преданный тебѣ братъ

М. Краснокутскій.

53.

Ревель, 21 іюня 1852 г.

Вчера получилъ я твои строки отъ 16-го, милый другъ Володя! Катенька писала тебѣ о нашемъ переѣздѣ на пароходѣ въ письмѣ, которое мы хотѣли отправить съ пароходомъ. Мы здѣсь теперь совершенно устроились и только дурная погода мѣшаетъ намъ вполнѣ пользоваться всѣми удовольствіями Екатериненталя. Купаться въ морѣ еще холодно и мы беремъ пока морскія ванны въ заведеніи. Петербургскихъ гостей здѣсь теперь меньше обыкновеннаго и въ обыкновенные дни въ паркѣ не очень людно. Зинаидина пріятельница пріѣхала въ среду и, разумѣется, во всѣхъ затрудненіяхъ своего устройства обратилась къ bonnes amies, которыя ей должны были помочь въ нуждѣ.

Что касается до главной цѣли нашей поѣздки въ Ревель, здоровья, то, надѣюсь, что она будетъ достигнута, особенно для Катеньки. Поѣздка на пароходѣ и всѣ страхи совершенно ее разстроили, такъ что она пріѣхала сюда совершенно больная, но 3 или 4 ванны уже сдѣлали ей пользу. Мы начинаемъ понемногу увеличивать наши прогулки—такъ вчера были у маяка и у каскада. Сенѣ я уже нанялъ квартиру, 2 маленькихъ комнаты, въ заведеніи ваннъ; черезъ 9 дней ожидаю его.

Очень обяжешь, милый другъ, если почаще будешь заставлять Василья проѣзжать лошадей. Всякій вечеръ для твоихъ прогулокъ съ Анной Мих. они въ твоемъ распоряженіи. Если нельзя будетъ достать телѣги для проѣздки пугливой лошади, то пусть онъ проѣзжаетъ ее пока верхомъ, а между тѣмъ поищетъ нанять телѣжку для выѣзда лошади, какъ это я приказывалъ. До свиданья, милый другъ. Надѣюсь,

что ты еще не измѣнилъ намъ въ мысляхъ и планахъ и всетаки располагаешь пріѣхать въ Ревель. Обнимаю тебя. Мой поклонъ Аннѣ Мих. Когда вы уѣзжаете? Всѣ мои дамы тебя цѣлуютъ; говорятъ, qu'elles embrassent le jeune homme au coeur d'or,—названіе, которое тебѣ дано. До свиданья.

М. Краснокутскій.

54.

Ревель, 6 августа 1852 г.

Письмо твое отъ 1-го числа я получилъ, милый другъ Володя! Нашъ больной, слава Богу, поправляется; теперь совершенно внѣ опасности, но въ двѣ недѣли болѣзни его такъ свернуло, что онъ до сихъ поръ не двигается съ постели. Больше 10 дней онъ ничего не ѣлъ, исхудалъ, ослабѣлъ, и не думаю, чтобы онъ могъ оправиться раньше 20-хъ чиселъ августа. Теперь онъ сидитъ на Hafersuppe, хоть аппетитъ и начинаетъ проявляться. Къ общему нашему удовольствію кажется, что его болѣзнь не помѣшаетъ ему поступить въ нынѣшнемъ семестрѣ въ университетъ; по крайней мѣрѣ Гафнеръ, которому я писалъ объ этомъ, обѣщаетъ сдѣлать то, что отъ него будетъ зависѣть, чтобы Сеня не потерялъ этого семестра [1].

Вчера получилъ извѣстія о Сонѣ. Пишетъ ея мужъ, такъ какъ она сама не можетъ теперь писать. Она беременна (въ шестомъ мѣсяцѣ) и ей предписано лежать въ постели еще два мѣсяца. О Гришѣ пишутъ, что онъ, по слухамъ, поѣхалъ въ Херсонскую губернію искать тамъ себѣ имѣніе; видно, покупка Черниговскаго имѣнія не состоялась. Прямыхъ же извѣстій ни я, ни Софья отъ него не имѣемъ. О Малороссіи пишутъ, что бабушка была очень больна; теперь поправляется; но еще не ходитъ. Елисавета Михайловна недавно воротилась изъ тѣхъ краевъ въ Атаки вмѣстѣ съ Екатериной Мих., которая останется тамъ довольно долго, вѣроятно, все время, что Юлія Ивановна пробудетъ за границей. Намъ очень любопытно видѣть тебя на новосельи, и Зинаида желала бы посмотрѣть, каковъ эффектъ обоевъ и мебели на твоей новой квартирѣ. Черезъ три недѣли наше желаніе осуществится. И такъ до свиданья, милый другъ! Мы всѣ безъ исключенія тебя цѣлуемъ—à la lettre.

Насчетъ того, что ты отказался отъ поѣздки въ Ревель, воображеніе моихъ дамъ не разыгрывается и не строитъ романовъ. Довольно

[1] Семенъ Николаевичъ Краснокутскій не оправился отъ постигшей его болѣзни и вскорѣ скончался.

въ самомъ дѣлѣ съ тебя и тѣхъ, которые сочиняетъ южное воображеніе нашихъ малороссіянокъ. Кланяйся отъ всѣхъ насъ Аннѣ Михайловнѣ, съ которой мы свидимся съ большимъ удовольствіемъ. Пожажалуйста, пользуйся сколько возможно моими лошадьми, а то онѣ застоятся такъ, что по пріѣздѣ нельзя будетъ ѣздить. Обнимаю тебя.

Твой братъ и другъ М. Краснокутскій.

55.

Варшава, 21 марта 1853 г.

Нынче ровно мѣсяцъ, какъ мы простились съ тобою, и три недѣли, какъ мы въ Варшавѣ, [1]) любезный другъ и братъ Володя, а съ тѣхъ поръ ни слуху-ни духу отъ тебя, не смотря на обѣщаніе писать и на безчисленное множество писемъ, которое послано нами тебѣ отсюда. Послѣднія двѣ недѣли мы каждый день ожидали, что получимъ отъ тебя хоть нѣсколько строкъ, но все напрасно. Теперь мы уже потеряли послѣднюю надежду, такъ какъ завтрашній день назначенъ нами для выѣзда отсюда. Хотя, можетъ быть, мы сами отчасти причиною твоего молчанія, такъ какъ, разсчитывая выѣхать раньше, нежели это случилось, мы писали тебѣ о скоромъ нашемъ выѣздѣ, но тѣмъ не менѣе пеняемъ на тебя, что ты не написалъ хоть нѣсколькихъ строкъ на всякій случай. Противъ нашего ожиданія мы прожили въ Варшавѣ три недѣли, частью, благодаря самой дурной погодѣ, которая даже на время остановила движеніе на желѣзныхъ дорогахъ, частью же по случаю простуды, которую я схватилъ здѣсь, и благодаря которой, не выходилъ изъ комнаты больше недѣли. Теперь погода установилась, а докторъ вчера далъ намъ разрѣшеніе выѣхать завтра, если погода останется также хороша. Надѣюсь, что ничто насъ больше не задержитъ и что во вторникъ ввечеру мы будемъ въ Дрезденѣ. До Дрездена намъ предстоятъ двѣ ночевки: въ Ченстоховѣ и въ Бреславлѣ. Въ Дрезденѣ не думаю, чтобы мы остались больше двухъ, много трехъ дней; осматривать городъ и его достопримѣчательности нѣтъ пока силъ,—такъ что, давъ себѣ время отдохнуть и немного полюбоваться городомъ, мы отправимся дальше. Въ Дрезденѣ думаемъ сложить наши шубы, которыя теперь беремъ съ собою; нѣсколько дней тому назадъ въ Варшавѣ ночью морозъ доходилъ до 14 градусовъ и

---

[1]) Супруги М. Н. и К. П. Краснокутскіе и сестры г-жи Краснокутской Зинаида и Софья Павловны Филимоновы по болѣзни оставили Петербургъ, гдѣ провели *зиму* съ 1852 на 1853 г., и отправились лѣчиться за границу. По пути остановились *въ Варшавѣ*.

ѣхать безъ шубъ и думать нечего, такъ какъ всѣ поля покрыты снѣгомъ.

М. П. Полугарская не похожа въ перепискѣ на тебя. Отъ нея мы получили здѣсь больше пяти писемъ *очень нужныхъ*. Между прочимъ она пишетъ, что остальныя вещи, которыя Егоръ долженъ былъ уложить и отправить въ Москву вслѣдъ за нашимъ отъѣздомъ, не посланы къ ней, а главное, что она не получила ключей отъ красныхъ большихъ сундуковъ, которые были отправлены при насъ. Эти ключи были оставлены Егору, чтобы отправить ихъ съ дѣвушкой Аксиньей въ Москву. Прикажи Егору, нисколько не медля, отправить всѣ вещи въ Москву; портьеры же и другія вещи, которыя назначены къ отсылкѣ туда только въ случаѣ, если онѣ не продадутся, онъ отправитъ послѣ и изъ за нихъ остальныхъ вещей отправкой задерживать не должно.

Твой отецъ былъ въ восхищеніи отъ извѣстія о твоемъ производствѣ. Доказательство этому, написанное его рукою на присланномъ тобою печатномъ листкѣ, посылаю тебѣ. Надѣюсь, что теперь ты началъ уже заботиться объ отпускѣ за границу и что къ половинѣ мая ты надѣешься его получить. Думаю, что ты лучше всего сдѣлаешь такъ, что по полученіи отпуска моремъ прямо поѣдешь за границу въ Парижъ, гдѣ мы будемъ ожидать тебя, поѣздку же въ Малороссію отложишь до августа, что сходно и съ желаніемъ твоего отца. Это представляетъ тебѣ еще и ту выгоду, что, пріѣхавъ въ августѣ въ Малороссію, въ случаѣ, если репрезентаціи, смотръ невѣстъ, разъѣзды по сосѣдямъ и пр., что ожидаетъ тебя въ Чевельчѣ, будетъ тебѣ не въ терпежъ, ты подъ предлогомъ окончанія отпуска можешь раньше уѣхать изъ Малороссіи. Если же ты поѣдешь туда весною въ началѣ отпуска, то тебѣ не дадутъ времени побывать за границей. Сестра твоя Лиза ѣдетъ въ началѣ лѣта въ деревню, именно въ концѣ апрѣля, потому тебѣ нѣтъ причины ѣхать на Варшаву, такъ какъ ты ея здѣсь уже не застанешь. Юлія Ивановна вчера получила свой паспортъ за границу и уѣзжаетъ черезъ недѣлю сперва въ Дрезденъ, а тамъ рѣшится, гдѣ проведетъ лѣто. Твой отецъ тоже оставляетъ Варшаву черезъ недѣлю. Вотъ все о твоихъ. Теперь ожидаю въ Парижъ извѣстій отъ тебя, на что ты рѣшишься. Надѣюсь, что ты не находишься въ нерѣшеніи насчетъ поѣздки за границу, и мы ожидаемъ въ половинѣ мая увидѣть тебя въ Парижѣ. Будь здоровъ и пиши намъ. Мои всѣ тебя цѣлуютъ и любятъ, хотя и сердятся на твое молчаніе и говорятъ: les absents ont toujours tort. Обнимаю тебя со всею горячностью брата и друга.

М. Краснокутскій.

56.

Дрезденъ, 3/15 апрѣля 1853 г.

Вѣроятно, ты удивишься, милый другъ Володя, читая „Дрезденъ" на письмѣ моемъ отъ 15 апрѣля, вмѣсто ожидаемаго тобою „Парижъ." Но что же дѣлать? Какъ видишь, мы подвигаемся медленно впередъ, не смотря на желѣзныя дороги. Послѣ нѣсколькихъ дней пути отдыхаемъ по недѣлямъ, и если это продолжится такъ, то не скоро доѣдемъ до Парижа. Послѣзавтра двѣ недѣли, какъ мы выѣхали изъ Варшавы; на другой день, т. е. 4-го апрѣля, были въ Бреславлѣ, гдѣ прожили три дня,—разумѣется, не безъ того, чтобы не прибѣгнуть къ доктору и аптекѣ. Отъ Варшавы до Ченстохова, гдѣ мы ночевали, и даже до самой границы путь намъ былъ самый благополучный, но тутъ въ Бреславлѣ перемѣна вагоновъ, суета на станціяхъ желѣзной дороги и самое движеніе на ней такъ подѣйствовали на слабые нервы всего общества и даже на мои, что мы рѣшились отдохнуть въ Бреславлѣ. Въ Дрезденъ мы пріѣхали въ четвергъ, 7-го апрѣля, послѣ 8 часовъ ѣзды отъ Бреславля, а здѣсь засѣли довольно прочно, такъ какъ не располагаемъ выѣхать отсюда раньше конца апрѣля. Когда мы въ дорогѣ, то погода намъ удивительно благопріятна, но какъ пріѣдемъ на мѣсто, то она перемѣняется и какъ бы хочетъ удержать насъ отъ дальнѣйшаго пути. Сегодня 8-ые сутки, что мы здѣсь, и каждый день топимъ печи по два раза въ Hôtel de Saxe, гдѣ мы расположились ждать теплаго времени и возможности путешествовать дальше безъ шубъ, которыя давятъ своею тяжестью при путешествіяхъ на желѣзныхъ дорогахъ, гдѣ главное—возможность какъ можно быстрѣе передвигаться. Дрезденъ прелесть что за городокъ, и еслибы здоровье и теплая погода, то провести здѣсь 2 или 2 недѣли весны должно быть настоящее наслажденіе. Очень возможно, что мы здѣсь и останемся столько времени, такъ какъ въ Парижѣ погода не лучше здѣшней и торопиться туда намъ нѣтъ необходимости. Мы такимъ образомъ успѣемъ побывать въ Саксонской Швейцаріи, если погода сдѣлается нѣсколько лучше, такъ какъ пока здѣсь почти каждый день перепархиваютъ снѣжинки, а по утрамъ бываютъ морозы градуса въ 3 или 4. Дрезденъ нравится намъ тѣмъ, что онъ такъ малъ, милъ и чистъ, какъ самая хорошенькая игрушка. Кромѣ того такъ близко поля и зелень, такъ скоро и удобно въ нѣсколько минутъ выѣзжаешь за городъ, что это для насъ, сохранившихъ любовь къ деревнѣ и зелени полей и луговъ, большое наслажденіе. Впрочемъ во все это время мы сдѣлали *только* одну прогулку подальше за городъ. Это по Плауенской дорогѣ

до Потчапеля. Не смотря на холодное и вѣтренное время, которое заставило насъ ѣхать въ крытой коляскѣ и не позволяло выйти изъ нея, поѣздка доставила всему обществу большое удовольствіе. Теперь въ этомъ намъ опять помѣха, потому что Катенька простудилась и сегодня третьи сутки, какъ не выходитъ изъ комнаты. Мое здоровье тоже въ довольно неудовлетворительномъ положеніи—въ Варшавѣ до простуды я чувствовалъ себя гораздо лучше; теперь же все не могу оправиться. Я не ожидалъ, что желѣзная дорога такъ подѣйствуетъ сильно на мои нервы; они были въ такомъ разстроенномъ состояніи, что сегодня только третью ночь я сплю какъ должно. Даже Николкѣ это путешествіе не пришлось съ непривычки по натурѣ, такъ что онъ, на вторую ночь послѣ нашего пріѣзда сюда, во снѣ началъ искать вагона, въ который ему слѣдовало будто бы сѣсть и, проснувшись, увидѣлъ себя не на кровати, а подъ нею. Мы ожидаемъ со дня на день пріѣзда Юліи Ивановны, которая, по нашему разсчету, должна бы уже быть здѣсь, такъ какъ она располагала выѣхать изъ Варшавы во вторникъ на этой недѣлѣ, а сегодня пятница. Во всякомъ случаѣ, вѣроятно, мы дождемся ея здѣсь, хотя бы она и позамедлила выѣздомъ. Картинную галлерею мы еще не видѣли; докторъ Геденіусъ, къ которому адресовалъ насъ Меновскій, и который теперь лечитъ и меня и Катеньку, не позволяетъ намъ идти туда—зданіе сыро и до теплаго времени туда опасно ходить. Дрезденъ теперь довольно пустъ и ожидаетъ только пріѣзда путешественниковъ, которые, какъ журавли, являются вмѣстѣ съ весною. Онъ пользуется этимъ временемъ, чтобы пріукраситься къ пріѣзду гостей. Во всѣхъ гостинницахъ чистятъ внутри, красятъ снаружи, пока же все идетъ еще по зимнему—не въ широкихъ размѣрахъ. Въ городѣ тоже не замѣтно большого движенія и по Потчапельской дорогѣ встрѣчаешь только фургоны съ каменнымъ углемъ вмѣсто тысячъ пѣшеходовъ, которыхъ, какъ говорятъ, видишь тамъ лѣтомъ.

Вотъ, милый другъ, пока всѣ наши заграничныя впечатлѣнія и приключенія. Что же дѣлаешь ты? Чѣмъ рѣшились твои предположенія? Началъ ли ты собираться въ путь, и можемъ ли мы продолжать надѣяться увидиться съ тобою за границей? Что дѣлается въ Петербургѣ? Мнѣ кажется, что уже полъ года прошло съ тѣхъ поръ, какъ я его оставилъ. Что дѣлаютъ наши родные и знакомые? Всѣмъ имъ отъ насъ передай дружескій привѣтъ. Вѣроятно, вы въ своемъ кругу, по субботамъ, вспоминаете и говорите о насъ, какъ и мы каждую субботу непремѣнно вспомнимъ, что въ этотъ день собирается родственный кругъ, и скажемъ: сегодня Володя у Анны Михайловны. Надѣюсь, что ты отвѣтишь мнѣ на всѣ мои вопросы о тебѣ поскорѣе и напишешь мнѣ по полученіи этого письма сюда, такъ какъ очень можетъ

быть, что мы останемся здѣсь дольше, нежели располагаемъ. Увѣдомь также меня и о нашихъ дѣлахъ. что дѣлается съ мебелью и квартирой? На этотъ счетъ я, признаюсь, не очень покоенъ, потому что здѣсь я узналъ кое-что о разныхъ продѣлкахъ Егора, по которымъ вижу, что на честность его разсчитывать нечего и что на него полагаться опасно. Если будешь имѣть возможность, контролируй его—и въ случаѣ нужды скажи ему, что я знаю, какъ онъ велъ себя послѣ возвращенія нашего изъ Ревеля, и что если это послѣднее порученіе онъ исполнитъ нечестно, то я не дамъ ему паспорта, а велю отправиться въ деревню, гдѣ онъ уже знаетъ, что его ожидаетъ.

16 апрѣля.

Вчера не успѣлъ окончить этого письма, а сегодня поутру мы получили черезъ Лизу изъ Варшавы твое письмо отъ 19-го марта. Очень радъ, что ты доволенъ стараніемъ Егора; желаю, чтобы онъ до конца остался такимъ же. Кромѣ твоего письма Лиза прислала письмо Антонины къ Катенькѣ, деревенскія же письма и *очень нужныя* изъ Москвы пришлетъ съ Юліей Ивановной, которая еще во вторникъ на будущей недѣлѣ выѣзжаетъ изъ Варшавы. Твой же отецъ долженъ выѣхать завтра. Пиши мнѣ пока въ Дрезденъ, въ Hôtel de Saxe, приписывая: а въ случаѣ отъѣзда—въ Парижъ, poste restante. Изъ твоего письма вижу, что если какое нибудь затрудненіе не обезкуражитъ тебя, мы можемъ надѣяться увидѣть тебя въ Парижѣ. Какъ бы это было хорошо! Надобно, чтобы кто нибудь поддерживалъ въ тебѣ рѣшимость ѣхать, а то я боюсь, чтобы ты какъ нибудь не позволилъ небольшимъ затрудненіямъ остановить тебя.

Очень радъ, что деньги Гришѣ всѣ высланы; теперь это дѣло совершенно кончено. Что касается до цѣнъ на мебель, то ты знаешь, что въ этомъ ты былъ вполнѣ уполномоченъ дѣйствовать, какъ признаешь за лучшее, и если квартира сдана, то все будетъ прекрасно. Что касается до продажи акцій, то съ этимъ торопиться нечего. Но мнѣ бы хотѣлось, въ случаѣ, если ты уѣдешь изъ Петербурга, чтобы ты устроилъ денежныя мои дѣла такимъ образомъ, дабы въ случаѣ нужды Риттеръ могъ по моему къ нему письму выслать находящіяся у него деньги мнѣ, туда, гдѣ я буду. Но до того еще далеко; успѣемъ списаться. Только объ одномъ хотѣлъ я тебя увѣдомить—это, что я на дняхъ буду писать въ Мачкасы, чтобы всѣ остающіяся свободными отъ продажъ деньги переслали къ тебѣ до твоего выѣзда изъ Петербурга, т. е. къ началу мая, а ты ихъ передашь Риттеру, чтобы они были бы наготовѣ къ осени. Впрочемъ, можетъ быть, изъ *Мачкасъ денегъ* и не пришлютъ, такъ какъ я прикажу это сдѣлать

только въ томъ случаѣ, если успѣютъ ихъ выслать до первыхъ чиселъ мая.

Вотъ все о дѣлахъ. Будь здоровъ и пиши поскорѣе и побольше. Обнимаю тебя отъ всей души.

Твой другъ и братъ

М. Краснокутскій.

57.

Дрезденъ, 14/26 апрѣля 1853 г.

Милый другъ Володя! Здѣсь получилъ я письмо твое отъ 28-го марта, адресованное въ Варшаву и пересланное Лизой сюда, вмѣстѣ съ Мачкасскими письмами. Благодарю тебя за устройство всѣхъ моихъ Петербургскихъ дѣлъ, которыя, я нахожу, приведены въ порядокъ очень хорошо, особенно потому что квартира наша сдана, и разсчетъ съ Китнеромъ за нее оконченъ. Что же касается до мебели изъ гостинной и спальни, то если будетъ случай ее продать, я буду очень радъ, хоть и съ довольно значительной уступкой противъ назначенныхъ мною цѣнъ; если же нѣтъ, и эту мебель негдѣ будетъ держать, то лучше всего отправить ее въ Мачкасы. Вообще распорядись, какъ найдешь удобнѣе и лучше, безъ большихъ хлопотъ, которыхъ она и не стоитъ.

Какъ ты видишь, любезный другъ, я все продолжаю писать тебѣ изъ Дрездена и пока еще не упоминаю о нашемъ отъѣздѣ въ Парижъ. Погода все еще не устанавливается, и вчера былъ первый весенній, солнечный день, которымъ мы воспользовались, чтобы сдѣлать загородную прогулку по правому берегу Эльбы bis zum königlichen Weinberg, весенней резиденціи Короля. Пока солнце не взглянетъ на насъ привѣтливо и этимъ не укрѣпитъ мои силы, я не думаю двигаться изъ Дрездена. Потому пока не могу и сказать, когда мы выѣдемъ отсюда; можетъ быть черезъ недѣлю, можетъ быть и черезъ двѣ. Пока наше предположеніе выѣхать въ началѣ мая, но я не увѣренъ въ томъ, чтобы, когда весенняя погода совершенно установится и силы мои поправятся, мы не вздумали пробыть здѣсь лишнихъ десять или двѣнадцать дней, которые посвятимъ осмотру Саксонской Швейцаріи и окрестностей Дрездена, кои по тѣмъ образчикамъ, какіе мы до сихъ поръ видѣли, вполнѣ очаровательны.

Теперь обращусь къ тебѣ. Ты, какъ кажется, отказался отъ поѣздки за границу. Съ одной стороны мнѣ это очень жаль, для себя и моихъ, такъ какъ мы должны отказаться отъ мысли видѣть тебя здѣсь и прожить съ тобою нѣсколько веселыхъ мѣсяцевъ въ Пиринеяхъ,—съ другой стороны не думаю, чтобы ты и собственно для себя выбралъ лучшее. Сестра твоя Лиза, хотя еще не рѣшилась, но всетаки собирается ѣхать на два или три мѣсяца за границу на воды въ Германію, въ каковомъ случаѣ уже не поѣдетъ въ Малороссію; Юлія Ивановна уже получила паспортъ и хотя до сихъ поръ медлитъ пріѣхать сюда, но во всякомъ случаѣ проведетъ лѣто тоже за границей; такъ что ты рискуешь, взявъ четырехъ-мѣсячный отпускъ, пробыть все время или почти глазъ на глазъ съ твоимъ отцомъ въ Чевельчѣ, или въ разъѣздахъ по сосѣдямъ, съ цѣлью осмотра невѣстъ и т. п. Потому, если уже трудности получить паспортъ и издержки поѣздки останавливаютъ тебя, не лучше ли будетъ тебѣ ѣхать въ Малороссію, не оставляя службы, т. е. взявъ 28 дневный отпускъ и просрочивъ еще столько же за болѣзнью? Когда ты серьезно располагалъ ѣхать за границу, я разсчитывалъ, что тебѣ достанетъ времени и на эту поѣздку, и на то, чтобы побывать въ Малороссіи. Выѣхавъ изъ Петербурга съ первымъ пароходомъ хоть въ половинѣ мая, ты могъ бы остаться за границей до половины сентября, положимъ до начала, т. е. отъ трехъ съ половиной до четырехъ мѣсяцевъ. Вторую половину сентября и половину октября ты провелъ бы въ Малороссіи, а въ концѣ октября возвратился бы въ Петербургъ. Не думаю, чтобы то, что я теперь пишу, подѣйствовало на твои предположенія, но во всякомъ случаѣ прошу тебя, какъ только ты окончательно рѣшишься на одно изъ двухъ, ѣхать или не ѣхать за границу, напиши мнѣ поскорѣе, чтобы я дольше не оставался въ неизвѣстности и не ласкалъ себя надеждой черезъ шесть, семь недѣль увидѣться съ тобою.

Будь такъ добръ, узнай въ Статистическомъ Комитетѣ, что дѣлается съ моей персоной: причисленъ ли я къ Министерству или окончательно оставленъ за штатомъ?—и въ этомъ послѣднемъ случаѣ попроси, чтобы выдали мнѣ аттестатъ, который получи за меня. Мнѣ нужно же, наконецъ, знать, на службѣ ли я, такъ какъ когда прійдетъ время просить о возобновленіи паспорта, мнѣ необходимо будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ просить и объ отставкѣ. Еще одна просьба. По присланнымъ тобою изъ деревни письмамъ я вижу, что за высылкой Гришѣ денегъ тамъ еще остается свободныхъ для моего распоряженія рублей 700 или 900 серебр., которые я прикажу съ этой же почтой Платону выслать въ Петербургъ на твое имя. Разсчитываю, что эти деньги прійдутъ туда къ половинѣ мая и застанутъ тебя. Передай ихъ Риттеру для *присоединенія* къ прежнимъ. Уѣзжая же изъ Петербурга въ Малорос-

сію на долгое время, т. е. на четыре мѣсяца, распорядись такъ: на всѣ находящіяся въ твоемъ распоряженіи деньги возьми мнѣ кредитивъ и перешли мнѣ его туда, гдѣ я буду. Такого рода распоряженіе для меня будетъ всего удобнѣе, такъ какъ я не знаю еще навѣрное, гдѣ я проведу осень и зиму, ты же не будешь въ Петербургѣ обратно раньше половины или конца сентября. Если же ты не уѣдешь на 4 мѣсяца, а только на короткое время, то оставь эти деньги у Риттера на проценты, такъ какъ тогда по возвращеніи твоемъ я успѣю написать тебѣ, куда мнѣ ихъ перевести. Въ случаѣ, если до твоего отъѣзда изъ Петербурга онѣ не будутъ еще присланы изъ Мачкасъ, то оставь на полученіе ихъ довѣренность и попроси Риттера или Петра Яковлевича [1]) взять кредитивъ и переслать его мнѣ.

15/27 *апрѣля.*

Вчера не успѣлъ отправить этого письма и потому отсылаю его сегодня, причемъ прибавляю свѣжія новости, полученныя изъ Варшавы. Вчера ввечеру Юлія Ивановна явилась къ намъ въ 7 часовъ. Она пріѣхала вчера въ 5 часовъ изъ Бреславля, гдѣ пробыла одинъ день. Изъ Варшавы она выѣхала 11-го апрѣля. Твой папа уѣхалъ изъ Варшавы за два дня до ея отъѣзда. Сегодня я ѣздилъ съ Катенькой къ Юліи Ивановнѣ; она не такъ то здорова сегодня, вчера же явилась къ намъ свѣжая и бодрая и пробыла до 10-го часу. Куда она отправится отсюда, еще не рѣшено. Здѣсь оставаться долго ей не хочется; много, если проживетъ до конца этой недѣли, т. е. три дня. Повидимому, она сама не знаетъ, что ей дѣлать съ собою, куда ѣхать и гдѣ жить лѣто. Въ Парижъ ѣхать боится, чтобы не издержаться, и пріѣдетъ туда къ концу пребыванія своего за границей. Твоя сестра Лиза окончательно рѣшилась ѣхать за границу и послѣ Пасхи, въ послѣднихъ числахъ апрѣля, выѣдетъ изъ Варшавы въ Дрезденъ, гдѣ пробудетъ до времени, когда начнетъ пить воды въ Шандау, въ 7 миляхъ отсюда. Потомъ опять воротится въ Дрезденъ, гдѣ пробудетъ до зимы, а можетъ быть, и дольше, для воспитанія Маши. На твой вопросъ о Машѣ отвѣчаю, что она очень умненькая дѣвочка, недурна собою и прехитрая. Жаль, что отецъ ее такъ балуетъ; онъ въ ней души не слышитъ – Лиза же построже; потому она и старается дѣйствовать такъ, чтобы отецъ защищалъ ее отъ Лизы. Мать оставитъ ее безъ чаю, а Николай Ивановичъ накормитъ ее шеколадомъ. Если она останется исключительно на рукахъ матери, то этотъ недостатокъ въ ея воспитаніи пройдетъ.

Прощай, другъ Володя. Пока пиши въ Дрезденъ въ Hôtel de Saxe, а въ случаѣ отъѣзда съ пересылкой въ Парижъ. Будь здоровъ и ве-

[1]) Фонъ-Фока.

селъ, и не забывай твоихъ друаей. Катенька и сестры говорятъ, что онп увѣрены, что ты уже позабылъ ихъ и что воспоминаніе о нихъ очень тускло отражается въ твоей памяти. Доказательствомъ чему служитъ твое церемонное письмо къ Катенькѣ. Обнимаю тебя еще разъ. Всѣмъ нашимъ роднымъ и друзьямъ каждому порознь и всѣмъ вмѣстѣ дружескій привѣтъ.

Твой братъ и другъ

М. Краснокутскій.

58.

Парижъ, 24 мая 1853 г.

Наконецъ пишу тебѣ изъ Парижа, милый другъ Володя! Сегодня 11 день, что мы здѣсь. Выѣхавъ изъ Дрездена 9 мая, мы пріѣхали сюда 13-го, и послѣ дорожныхъ злоключеній въ Брюсселѣ, гдѣ насилу нашли хорошее помѣщеніе въ гостинницѣ, и въ Парижѣ, по коему странствовали изъ гостинницы въ гостинницу больше часу, наконецъ устроились здѣсь на все время, что проведемъ здѣсь. Послѣ долгихъ разысканій намъ удалось нанять очень хорошенькую квартиру—Rue St. Honoré № 390, въ двухъ шагахъ отъ place de la Madeleine; слѣдовательно у насъ подъ бокомъ и бульвары, и Тюльерійскій садъ, и la place de la Concorde, и Елисейскія поля. Чтобы описать тебѣ точнѣе мѣсто, гдѣ наша квартира, скажу тебѣ, что она противъ церкви de l'Assomption, что на углу улицы de Luxembourg. Эта улица и улица Duphont, отъ угла которой нашъ домъ вторымъ, выводятъ насъ на бульвары и въ Тюльерійскій садъ. Вообще мы помѣстились прекрасно; хоть это и стоитъ 525 франковъ въ мѣсяцъ, но зато хорошо. Погода теперь поправилась совершенно и, можетъ быть, скоро мы забудемъ тѣ холода и снѣга, которыми встрѣтилъ насъ западъ Европы, подъ теплыми лучами Парижскаго солнца. Что мы будемъ дѣлать дальше, еще не рѣшено. Можетъ быть, въ половинѣ іюня насъ пошлютъ въ Виши, можетъ быть, мы останемся до половины іюля здѣсь, будемъ пить на мѣстѣ минеральныя воды и прямо поѣдемъ купаться въ морѣ въ Трувиль или куда присудятъ.

Въ Парижѣ я нашелъ два твоихъ письма: одно отъ 11-го, другое отъ 23 апрѣля, которое было переслано изъ Дрездена сюда. Пиши намъ *сюда* по новому моему адресу St. Honoré № 390, такъ какъ въ случаѣ

отъѣзда отсюда всетаки перешлютъ намъ письмо туда, гдѣ мы будемъ. Благодарю тебя, другъ Володя, за всѣ твои заботы о моихъ дѣлахъ—письма изъ деревни получилъ съ твоимъ письмомъ; если найдешь случай переслать мнѣ присылаемыя тебѣ оттуда бумаги, то пришли ихъ. Ты не отвѣчаешь мнѣ только на мой вопросъ о томъ, считаюсь ли я на службѣ, и если нѣтъ, то взялъ ли ты мой аттестатъ. Это мнѣ важно знать для подачи прошенія о продолженіи моего отпуска за границу, который скоро оканчивается. Что касается до продажи акцій, то въ этомъ я совершенно полагаюсь на тебя и опытность Риттера; вмѣсто же проданныхъ покупать какія либо другія акціи не желаю. Лучше полученныя за акціи деньги оставить въ рукахъ Риттера впредь до моего востребованія или положить ихъ въ Коммерческій Банкъ. Очень радъ, что бывшія у Риттера деньги пригодились тебѣ; пожалуйста не безпокойся о времени, когда ихъ отдашь; мнѣ теперь деньги не нужны и тѣхъ, которыя есть у Риттера, будетъ совершенно достаточно на всю мою заграничную поѣздку.

Отказавшись отъ поѣздки за границу, ты, можетъ быть, въ настоящихъ обстоятельствахъ поступилъ очень хорошо, другъ Володя, и хоть мнѣ очень жаль отказаться отъ надежды видѣть тебя здѣсь, но не могу не согласиться на твои доводы, что, можетъ быть, лучше тебѣ ѣхать мѣсяца на два въ Малороссію, нежели на короткое время за границу. Мы радуемся здѣсь твоимъ почестямъ, хотя твердо надѣялись, что, кромѣ внѣшняго блеску, онѣ принесутъ тебѣ и болѣе осязаемые результаты. Затѣмъ прощай, другъ Володя. Обнимаю тебя отъ всей души. Передай мой привѣтъ всѣмъ нашимъ роднымъ и друзьямъ—мы часто ихъ вспоминаемъ и порадовались за Дмитрія Дар. и за Ник. Ивановича. Что дѣлаетъ лѣтомъ Анна Мих.? Надѣюсь, поѣдетъ въ Ивановское. Пора ей вздохнуть немного. Лизаньку цѣлую. Отъ брата Гриши не имѣю извѣстій. Въ Атаки тебѣ бы хорошо было съѣздить.

Твой братъ и другъ

М. Краснокутскій.

Благодарю Васъ, милый другъ Володя, и всѣ мы за Ваше доброе письмо, которое мы получили здѣсь, благодарю Васъ за Sophie, за Zénéide и все дружеское, высказанное Вами. Мы Васъ очень очень любимъ и все думаю о томъ, какъ бы судьба наша Васъ не очень отъ насъ отдалила.

Вы часто бываете у А. М.—это мнѣ пріятно, но боюсь, чтобы безъ моего надзора Вы не были неблагоразумны и дочь не взяла бы перевѣса надъ матерью, что и опасно; я и такъ, защищая Васъ противъ Papa, думаю, что кривила душой, потому что и сама не совсѣмъ убѣждена

въ безопасности Вашей, а безъ ментора при Calypso знаете, что былъ бы Télémaque.

Прощайте, Володя, знаете, какъ я рада за Antonine и Дмитрія; они славные люди, не взирая на chou-chou—chou, и я ихъ очень люблю.

Если они еще въ Петербургѣ, скажите имъ много дружескаго, также и милымъ жителямъ грота Calypso; цѣлуйте всѣхъ, кого можете, скажите Лизѣ, что все сбираюсь ей писать, но время такъ идетъ въ Парижѣ, что я Вамъ, каюсь, насилу собралась сказать слово; такъ бѣгаешь цѣлый день, что силъ нѣтъ.

Прощайте; всѣ мы Васъ обнимаемъ и цѣлуемъ. Васѣ [1]) нашъ поклонъ.

К. К.

59.

Парижъ, 8-го іюня н. ст. 1853 года.

Милый другъ Володя! Я писалъ тебѣ уже разъ изъ Парижа по пріѣздѣ, въ отвѣтъ на послѣднее письмо твое, которое нашелъ здѣсь. Съ тѣхъ поръ напрасно жду отъ тебя извѣстій, хотя ты и обѣщалъ скоро писать опять. Думалъ было, что ты напишешь съ Скрыпицыными, которые 3 дня тому назадъ пріѣхали сюда, и ожидалъ, что съ ними ты пришлешь мнѣ и мои деревенскія бумаги, и вѣдомости, но обманулся въ своихъ ожиданіяхъ. Валерій Валерьевичъ сказалъ мнѣ, что онъ увѣдомлялъ тебя съ Егоромъ объ отъѣздѣ своемъ, такъ что я не знаю, чему приписать и твое молчаніе, и то, что ты не воспользовался случаемъ хоть на словахъ передать о себѣ извѣстія намъ. Право, когда далеко отъ своихъ, легко винить ихъ въ забывчивости, хоть часто обстоятельства могутъ имъ помѣшать сдѣлать то, что отъ нихъ ожидаешь. Думаю, что письмо мое застанетъ тебя, и ты не оставишь Петербурга, не написавъ ко мнѣ предъ отъѣздомъ. Будь такъ добръ, не забудь поручить кому нибудь переслать мнѣ письма изъ деревни, которыя прійдутъ на твое имя во время твоего отсутствія, а еще лучше передъ отъѣздомъ, особенно если уѣзжаешь надолго, напиши Платону, чтобы не писалъ больше на твое имя, а писалъ бы прямо ко мнѣ въ Парижъ. Чтобы сдѣлать ему это возможнымъ, пошли къ нему 4

---

[1]) *Василію* **Николаевичу Максимовичу.**

или 5 конвертовъ, на которыхъ напиши мой адресъ по французски. Что касается до присланныхъ изъ деревни бумагъ, то, если это тебѣ не будетъ трудно, сложи ихъ въ одинъ пакетъ, запечатай, надпиши адресъ Валерію Вал. Скрыпицыну и отошли ихъ къ Сибирскому генералъ-губернатору Муравьеву, съ словесной просьбой передать эти бумаги Вал. Вал., отъ котораго я ихъ получу. Въ концѣ іюня Муравьевъ отправляется въ Парижъ и застанетъ здѣсь Вал. Вал. и насъ. Впрочемъ лучше и проще, если ты пришлешь мнѣ ихъ посылкой по почтѣ,— если это не слишкомъ дорого стоитъ.

Въ послѣднемъ письмѣ твоемъ ты обѣщалъ мнѣ прислать кредитивъ въ тѣхъ деньгахъ, которыя были оставлены мною у Риттера, а также которыя должны были быть тебѣ присланы изъ Мачкасъ. Надѣюсь, что если ты уѣзжаешь надолго, то не забудешь этого сдѣлать, тѣмъ больше, что мнѣ бы хотѣлось получить кредитивъ въ половинѣ іюля,—во время, когда я оставлю Парижъ для купанья въ морѣ; такъ какъ наши предположенія насчетъ того, гдѣ мы проведемъ зиму, не обрисовались, то мнѣ не лишнее имѣть при себѣ кредитивъ, которымъ я могу воспользоваться, куда бы ни заѣхалъ. Также не забудь, милый другъ, уѣдомить меня о моей службѣ, о чемъ я просилъ тебя еще разъ въ послѣднемъ письмѣ; если я причисленъ къ Министерству, то меня могутъ выключить изъ службы прежде, нежели я подамъ въ отставку. Также надобно взять мой аттестатъ, если я больше не считаюсь на службѣ.

Тороплюсь кончить это письмо, чтобы оно еще застало тебя въ Петербургѣ, потому и не пишу теперь ничего о нашей Парижской жизни. Скажу только, что тульскій самоваръ, le poupon de M-lle Zénéide, какъ я его назвалъ, играетъ здѣсь важную роль и служитъ намъ вѣрой и правдой. Мы въ Парижѣ даемъ французамъ (à la famille Berière) русскіе чаи. Вчера были въ Jardin Mabille съ Скрыпицыными. Балъ былъ очень небольшой, но очень насъ всѣхъ позабавилъ. Все было очень прилично и вмѣстѣ съ тѣмъ забавно. Мы посѣщаемъ le marché des fleurs de la Madeleine, рядомъ съ нами,—и накупили тамъ цвѣтовъ для нашей террасы, на которой теперь проводимъ все время, когда дома, такъ какъ теперь погода много лучше и 2 дня даже очень жарко. Прощай другъ, Володя. Обнимаю тебя отъ всего сердца. Пиши пожалуйста почаще, хоть въ 2-хъ словахъ; всѣмъ роднымъ и знакомымъ нашъ привѣтъ. Прощай еще разъ.

Твой братъ и другъ

М. Краснокутскій.

60.

Парижъ, 2/14 іюня 1853 г.

Черезъ 2 дня послѣ отправленія послѣдняго письма моего къ тебѣ, другъ Володя, получилъ я твое письмо отъ 23 мая. Благодарю за всѣ вѣсти, которыя ты мнѣ даешь, и за присылку донесеній изъ Мачкасъ. Пишу теперь только нѣсколько словъ, которыя отправляю съ Катенькинымъ письмомъ, въ которомъ она передаетъ тебѣ подробнѣе о нашей Парижской жизни. Я согласенъ съ тобою, что такъ какъ уже тебѣ не удалось ѣхать нынѣшнее лѣто за границу, то, можетъ быть, лучшее, что ты могъ сдѣлать, — это остаться на лѣто въ Петербургѣ, пожертвовавъ удовольствіемъ для устройства твоихъ служебныхъ и денежныхъ дѣлъ. Поѣздка въ Малороссію, особенно на нѣсколько продолжительное время, не можетъ, какъ мнѣ кажется, принести тебѣ много удовольствія при настоящихъ обстоятельствахъ. Твой отецъ вѣроятно скучаетъ одинъ въ деревнѣ и ты сдѣлался бы пищей его дѣятельности и замышляемыхъ предположеній женитьбы. О Юліи Ивановнѣ мы ничего не знаемъ—въ Брюсселѣ она насъ не дождалась и мы даже не могли узнать, куда она уѣхала: по всей вѣроятности, въ Страсбургъ, а оттуда въ Швейцарію.

На вопросъ твой, когда я желаю получить деньги, увѣдомляю тебя, что въ случаѣ, если ты оставляешь Петербургъ съ тѣмъ, чтобы не возвращаться обратно до сентября, я бы желалъ, чтобы ты прислалъ мнѣ кредитивъ въ 1½ или 2 тысячи рублей серебромъ до твоего отъѣзда. Если же ты уѣзжаешь не очень надолго, или вовсе не оставишь Петербурга, то не высылай мнѣ денегъ до полученія отъ меня извѣстій. У меня теперь довольно денегъ: до начала сентября я могу быть совершенно покоенъ въ этомъ отношеніи,—а потому, когда рѣшится вопросъ, гдѣ мы будемъ купаться въ морѣ, или куда поѣдемъ послѣ морскихъ ваннъ, я напишу тебѣ, какъ и куда выслать мнѣ денегъ.

Благодарю тебя за извѣщеніе меня о полученіи тобою моего аттестата. Такъ какъ я теперь въ отставкѣ, то и могу жить беззаботно за границей, не прося отсрочки отпуска, и на основаніи общаго права жить за границей не больше двухъ лѣтъ. Будь такъ добръ, узнай объ этомъ въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, не называя меня, а какъ объ другомъ лицѣ. Здѣсь мнѣ говорятъ, будто я по моему паспорту могу жить, не прося о продолженіи отпуска, а только по возвращеніи изъ за *границы долженъ* привезти свидѣтельство о болѣзни. Прощай, другъ

Володя! Обнимаю тебя тысячу разъ. Скоро буду еще писать. Будь здоровъ и веселъ.

Твой братъ и другъ

М. Краснокутскій.

61.

Парижъ, 25 іюня—7-го іюля 1853 г.

Я получилъ письмо твое отъ 13-го числа, любезный другъ и братъ Володя! Благодарю за присылку кредитива; хотя я не желалъ бы начать пользоваться имъ раньше сентября, но кстати имѣть его и теперь. Не знаю еще, куда мы поѣдемъ на море; вопросъ не рѣшенный. Эти дни въ Парижѣ было очень холодно, а вчера и сегодня жара препорядочная. Вообще быстрые переходы отъ тепла къ холоду господствуютъ это лѣто. Холодная погода послѣднихъ дней подѣйствовала на меня неблагопріятно и, основываясь на этомъ, мы предполагаемъ, что намъ не слѣдуетъ ѣхать на морскія ванны на сѣверный берегъ Франціи, а отправиться или въ Бордо (т. е. въ Тестъ), или въ Біаррицъ на Атлантическомъ океанѣ, или наконецъ на берегъ Средиземнаго моря въ Марсель, или въ Сеттъ. Завтра будетъ у насъ консультація, и Шомель съ нашимъ докторомъ Хлюсневичемъ окончательно рѣшатъ, какъ мѣсто, гдѣ намъ купаться въ морѣ, такъ и вопросъ, гдѣ мы проведемъ зиму. Въ Парижѣ мы пробудемъ еще 2 недѣли, до 22-го іюля, и не знаю, воротимся ли опять сюда. Когда рѣшится вопросъ объ отъѣздѣ нашемъ, я увѣдомлю тебя, куда адресовать къ намъ письма.

Наша жизнь здѣсь идетъ по прежнему. Катенька, кажется, писала тебѣ, что мы перемѣнили квартиру и живемъ теперь Rue N-ve de Luxembourg № 8, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ прежней квартиры и еще ближе отъ Тюльери. Квартира эта еще больше и лучше прежней, и такъ какъ время теперь довольно пустое, то и досталась намъ недорого, за 450 фр. въ мѣсяцъ. Жизнь наша идетъ довольно регулярно. Софья почти все сидитъ дома у открытаго окна, съ англійскимъ вышиваньемъ въ рукахъ, смотритъ, что дѣлается на улицѣ и на большомъ дворѣ de la caserne de l'infanterie des gens d'armes, который прямо противъ нашихъ оконъ, слушаетъ les orgues de Barbarie и бросаетъ имъ су; Зинаида, какъ всегда, дѣятельна и забываетъ себя, чтобы прислуживать своимъ и, не

смотря на это, находитъ время кроить, и шить, и драпироваться вновь пріобрѣтенною шалью. Ей вообще для здоровья заграничная поѣздка очень хороша; съ выѣзда изъ Петербурга она совершенно здорова и сонъ и аппетитъ процвѣтаютъ. За то Катенькино здоровье очень плохо, и съ тѣхъ поръ, какъ она здѣсь, чувствуетъ себя гораздо хуже, нежели въ Петербургѣ. Съ отъѣзда изъ Петербурга она все почти больна и принимаетъ лѣкарства, которыя не дѣлаютъ никакой пользы. Одна надежда на морскія купанья, которыя всегда ей дѣлали такую большую пользу. Можетъ быть, настоящее ея положеніе есть только слѣдствіе душевныхъ треволненій послѣдней Петербургской зимы и дорожныхъ ажитацій. Потому бы я очень желалъ, чтобы намъ пришлось какъ можно меньше разъѣзжать. Чтобы кончить бюллетень о здоровьи, скажу и о себѣ, что хотя я и не совсѣмъ выздоровѣлъ, особенно нервы мои очень разстроены, но тѣмъ не менѣе, особенно на видъ, я очень много поправился съ тѣхъ поръ, какъ въ Парижѣ.

Родъ жизни нашей здѣсь слѣдующій. Катенька и я встаемъ въ 7 или 7½ часовъ. Я пью стаканъ Виши, и мы отправляемся часовъ въ 8 или въ Тюльери, или по бульварамъ, и возвращаемся часа черезъ полтора домой. Нашихъ застаемъ за чайнымъ столомъ. Зинаида распоряжается съ самоваромъ (avec son poupon), Софья погружается въ тарелку съ клубникой, Катенька начинаетъ разсказывать всѣ приключенія нашей прогулки съ свойственной ей живостью впечатлѣній, я беру свой журналъ и по временамъ прочитываю вслухъ нелѣпыя заключенія и возгласы французскихъ и англійскихъ журналовъ о Россіи, по поводу Восточныхъ дѣлъ. Часа черезъ полтора опять стаканъ Виши и новая прогулка съ Катенькой и Зинаидой, сопровождаемая набѣгами на магазины и болѣе или менѣе значительными пріобрѣтеніями нарядовъ и прочаго, послѣ чего мы возвращаемся домой и завтракаемъ. Между обѣдомъ, который бываетъ въ половинѣ шестого, и завтракомъ еще прогулка пѣшкомъ въ Тюльери, или въ коляскѣ подальше, визитъ доктора и т. п. Послѣ обѣда сонъ и чтеніе въ слухъ, въ половинѣ девятаго прогулка по освѣщеннымъ бульварамъ, въ половинѣ десятаго чай, а затѣмъ къ 12 часамъ всѣ уже въ постели. Мы были послѣднее время два раза въ Jardin des Plantes. Въ первое наше посѣщеніе, когда мы взошли въ зданіе, гдѣ слоны, жирафы и носорогъ, дикіе ослы, которые стоятъ тамъ же, встрѣтили насъ такимъ страшно-оглушительнымъ крикомъ, что Катенька обратилась въ бѣгство и едва успокоилась, узнавъ, что это не страшныя плотоядныя животныя. Жирафы - фавориты общества, дикія же животныя: медвѣди, гіены и тигры— не внушаютъ симпатіи. Балъ въ Mabille, куда я уговорилъ отправиться все общество, очень понравился Катенькѣ и Зинаидѣ, и мы на дняхъ *опять отправимся* туда или въ Chateau des fleurs, чтобы показать это-

го рода балы Софьѣ, которая не была тотъ разъ съ нами. Въ Булонскомъ лѣсу мы были всего 2 раза и онъ очень не понравился всему обществу, что очень натурально, особенно теперь, такъ какъ тамъ многое передѣлываютъ и все въ безпорядкѣ. По окрестностямъ Парижа съѣздить не собрались, il n'y a personne pour nous mettre en train de faire les excursions. Какъ нибудь надобно будетъ однако начать, чтобы не уѣхать изъ Парижа, не видѣвъ Версали и Сенъ-Клу.

Благодарю, другъ Володя, за извѣстія, которыя ты намъ сообщаешь о себѣ и всѣхъ нашихъ родныхъ. Если ты получаешь наши письма съ удовольствіемъ, то поэтому можешь судить, какъ пріятны намъ твои; потому не полѣнишься писать къ намъ чаще, хоть и коротко. Катенька, вѣроятно, не будетъ тебѣ писать съ этой почтой—у нея болятъ глаза,—за то я пишу за насъ обоихъ. Что ты остался въ Петербургѣ нынѣшнее лѣто, меня очень радуетъ, такъ какъ я увѣренъ, что это лучшее, что̀ ты могъ сдѣлать, если уже нельзя было тебѣ ѣхать за границу. За то мы часто вспоминаемъ о тебѣ и о томъ, сколько удовольствія доставило бы намъ твое присутствіе здѣсь съ нами. Катаясь въ коляскѣ по бульварамъ, мы всякій разъ говоримъ: „еслибы Володя былъ съ нами, мы бы пошли туда и сюда, посмотрѣли бы то и это." Говоря о нашей квартирѣ, мы назначаемъ комнату, въ которой бы ты жилъ у насъ и т. п. Не знаю, проживемъ ли мы все будущее лѣто за границей, но еслибы это случилось, мы впередъ возьмемъ съ тебя слово пріѣхать посмотрѣть Италію и Швейцарію вмѣстѣ. Скажи, что твоя служба? Пора бы обѣщаніямъ обратиться въ исполненіе. Мы слышали, что Гауеръ получилъ прекрасное мѣсто. Кланяйся ему отъ меня и поблагодари его еще разъ за дружеское расположеніе, которое онъ показалъ намъ въ послѣднее время. Мы часто вспоминаемъ его разсказы о Парижѣ, особенно, когда слышимъ крики продавцевъ газетъ или афишъ въ театры. Зато, когда и мы возвратимся въ Россію, Зинаида представитъ тебѣ вполнѣ живо крикъ продавцевъ пирожковъ въ Тюльери: „Voici les plaisirs des dames", если ты помнишь эти такъ называемые плезиры, похожіе на облатки католиковъ. Назначеніе Мишеля Дарагана въ Москву меня очень радуетъ—если мы поселимся тамъ, будетъ еще одинъ близкій человѣкъ. Напиши Марьѣ Павловнѣ въ отвѣтъ на ея посланія; она все думаетъ, что ты не получилъ ея двухъ писемъ. Кланяйся отъ всѣхъ насъ Аннѣ Михайловнѣ, скажи Лизѣ и дѣтямъ, что мы ихъ цѣлуемъ. Скажи Дитмару, если увидишь его, что Катенька не могла ему писать за глазною болью, и увѣдомь, въ Петербургѣ ли онъ. Всѣмъ роднымъ нашъ поклонъ. Тебя цѣлуемъ.

Твой братъ и другъ

М. Краснокутскій.

62.

Парижъ, 6/18 іюля 1853 г.

Я обѣщалъ написать тебѣ, милый другъ и братъ Володя, передъ нашимъ отъѣздомъ изъ Парижа и теперь исполняю это. На двухъ консультаціяхъ Шомеля для Катеньки и для меня рѣшено намъ отправиться въ Пломбьеръ брать тамъ ванны и души. Согласно этому мы завтра въ 10 часовъ отправляемся по желѣзной дорогѣ до Нанси, куда пріѣдемъ ввечеру и ночуемъ. Послѣзавтра поутру дилижансъ насъ отвозитъ оттуда въ Пломбьеръ; разстояніе всего 25 лье отъ Нанси. Въ Пломбьерѣ мы остаемся мѣсяцъ и оттуда отправляемся черезъ Дижонъ и Ліонъ на берега Средиземнаго моря, вѣроятно въ Сеттъ, для купанья въ морѣ. Прощаясь съ Парижемъ, мы жалѣемъ объ немъ, тѣмъ больше, что трудно навѣрное сказать, воротимся ли мы сюда. Для утѣшенія Зинаиды и Катеньки, которымъ больше всѣхъ насъ жаль разстаться навсегда съ Парижемъ, мы разсчитываемъ будущею весною возвратиться сюда, чтобы уже отсюда прямо отправиться на родину. Впрочемъ намъ всѣмъ хочется въ Пломбьеръ—городская жизнь, не смотря на близость и привлекательность Тюльерійскаго сада, Елисейскихъ полей и вечеромъ бульваровъ, немного надоѣла, особенно въ большіе жары, которые были дней десять тому назадъ въ теченіе недѣли. Теперь опять очень свѣжо и ввечеру нельзя выйти безъ легкаго пальто. Мы оставляемъ Парижъ довольно грузно—результатомъ пребыванія здѣсь и доказательствомъ соблазна Парижскихъ магазиновъ служитъ покупка трехъ чемодановъ, которые нужно было купить для укладки всѣхъ вещей. Послѣднее время Катенькино здоровье было лучше; только она страдаетъ зубами. По предписанію Шомеля, она должна была выдернуть дурной зубъ, отъ котораго, по его мнѣнію, у нея были нервическія боли въ лицѣ,—и раздраженіе, оставшееся послѣ этой операціи, произвело опухоль щеки и боль.

На дняхъ я ходилъ съ Софьей смотрѣть на начатую постройку de palais de l'industrie, въ которомъ будетъ выставка. Пока выведенъ только фундаментъ до оконъ и мѣстами начаты простѣнки между оконъ. Зданіе будетъ огромное. Мѣсто, гдѣ оно строится, вѣроятно тебѣ знакомо. Это на Елисейскихъ поляхъ на лѣво отъ grande avenue, которая идетъ къ barrière de l'Étoile, на открытомъ мѣстѣ, гдѣ прежде были небольшія кафе. Это зданіе удивительно украситъ Елисейскія поля, когда будетъ кончено. Лицевой фасадъ выходитъ на grande avenue, а задній почти доходитъ до набережной Сены. Въ Парижѣ теперь только *строятъ* и ломаютъ, и года черезъ два три, если всѣ тѣ предполо-

женія, которыя сдѣланы, будутъ исполнены, стараго Парижа, особенно на этой сторонѣ Сены, не узнаешь. Передъ Пале Рояле́мъ будетъ площадь de l'imperatrice; аркады Риволи будутъ продолжены до Пале-Рояля и площадь каруселя, образуемая соединеніемъ Тюльерійскаго дворца и Лувра съ фонтанами и скверами, будетъ окончена.

Но довольно о Парижѣ. Поговоримъ о тебѣ. Что ты дѣлаешь? Что твоя служба? Что дѣлаютъ всѣ наши Петербургскіе? Напиши намъ обо всемъ и адресуй свои письма par Nancy à Plombières, poste restante. Обнимаю тебя. Кланяйся всѣмъ нашимъ.

Твой братъ и другъ

М. Краснокутскій.

Володя милый! Цѣлую Васъ на прощанье изъ Парижа; ѣдемъ на новую жизнь въ горы; если лѣто будетъ теплѣе, то хорошо, а теперь то жарко, то холодно. Прощайте, жду отъ Васъ писемъ. Всѣ Васъ цѣлуютъ.

К. К.

63.

Пломбьеръ, 16/28 іюля 1853 г.

Благодарю тебя, милый другъ и братъ Володя, что ты не оставляешь насъ безъ извѣстій о себѣ. Твои письма радуютъ насъ несказанно, а потому, если прійдетъ лѣнь писать, подумай объ удовольствіи, которое можешь намъ доставить. Катенькино письмо передастъ тебѣ всѣ подробности нашей жизни въ Пломбьерѣ, — потому и не распространяюсь объ этомъ предметѣ. Все радостное въ семействѣ Анны Михайловны насъ искренно радуетъ и только ради тебя и друзей, которыхъ мы оставляемъ въ Петербургѣ, мы жалѣемъ объ немъ, когда, при нашихъ планахъ о возвращеніи въ Россію и устройствѣ себѣ тамъ гнѣзда, мы вспоминаемъ о невозможности жить для насъ въ Сѣверной Пальмирѣ. Наша жизнь здѣсь не представляетъ никакихъ удовольствій городской и общественной жизни. Пломбьеръ не похожъ на Германскія воды, къ которымъ стекаются путешественники со всѣхъ концовъ Европы. Сюда большею частью пріѣзжаютъ обществами изъ ближнихъ городовъ Франціи: изъ Ліона, Дижона, Нанси, Марселя, Мюльгаузена и т. п. и пріѣзжіе держатся своего кружка, прогуливаются вмѣстѣ по окрестностямъ, и т. д., не смѣшиваясь съ другими подоб-

ными же кружками. Общаго мѣста сборищъ нѣтъ съ Пломбьерѣ. Въ Салонѣ бываютъ 2 раза въ недѣлю балы, съ большими претензіями въ нарядахъ, безъ необходимой простоты. Гораздо больше доставилъ удовольствія намъ театръ. Здѣсь небольшая труппа провинціальныхъ актеровъ изъ Эпиналя, которая очень недурна. Вчера давали Le Bourreau des crones; мы всѣ четверо были въ театрѣ, устроенномъ въ залѣ Салона, и отъ души посмѣялись. Дешевизна этого удовольствія (2 франка—первыя мѣста), его непродолжительность, которая не даетъ времени устать, близость Салона отъ насъ, однимъ словомъ легкость, съ которою оно дается, дѣлаютъ то, что мы, кажется, будемъ постоянными посѣтителями здѣшняго театра. Всѣ остальныя удовольствія даетъ природа, которую еще больше цѣнишь послѣ 2-хъ мѣсяцевъ Парижской жизни.

Обнимаю тебя отъ души, другъ Володя! Катенька гонитъ меня въ ванну и приказываетъ кончить. Въ Мачкасы я писалъ передъ отъѣздомъ изъ Парижа. До того же никакъ не могъ собраться написать туда, и послѣ Дрездена это было мое первое письмо, потому и не мудрено, что Платонъ тревожится. Теперь постараюсь быть аккуратнѣе. Прощай. Обнимаю тебя еще разъ.

Твой братъ

М. Краснокутскій.

Милый Володя!

Вчера получили мы письмо Ваше; оно встрѣтило насъ на новосельи въ Plombières и чрезвычайно обрадовало насъ.

Мы уѣхали изъ Парижа 19-го іюля по желѣзной дорогѣ въ Nancy, тамъ ночевали въ хорошемъ Hôtel de Paris, и оттуда, не захотѣвъ ѣхать въ отходящихъ огромныхъ, высокихъ дилижансахъ, наняли хорошую коляску парою и отправились à petites journées сюда.

Это путешествіе было веселое, дорога почти вся въ горахъ, погода чудесная и очень пріятная. Четырехмѣстная коляска, крытая, покойная, и пара лошадей должны были насъ вести за 25 lieues и все по горамъ; нашъ кучеръ брался насъ доставить въ одинъ день, но мы захотѣли ѣхать степенно. Потому мы выѣхали изъ миленькаго города Nancy въ 3 часа по полудни и пріѣхали ночевать въ городъ Charmes; дорогою останавливались на полчаса въ одной деревнѣ дать отдыхъ лошадямъ, и зашли тутъ погулять въ одинъ château, котораго хозяйка встрѣтила насъ сама, и все показывала. Видъ чудесной, мы были въ восхищеніи; хозяйка этого château Mad. Malglène, живетъ тутъ съ мужемъ, женщина *уже пожилая, но* замѣчательная однимъ талантомъ. Она проводитъ

свое время, работая мебель и шкапы en laque, imitant le laque de Chine. Она намъ показывала цѣлые буфеты, наполненные фарфоромъ и серебромъ, которыхъ внутренность и наружность всѣ украшены d'incrustations. Очень милая старушка, гордится своей работой, и въ самомъ дѣлѣ, если бы я не сама видѣла, то не повѣрила бы, чтобы женщина могла дѣлать подобную работу. Ночевавъ въ Charmes, мы въ 6 часовъ утра пустились въ путь, пріѣхали въ Épinal, гдѣ очень пріятно завтракали и гуляли еще въ одномъ château на крайне высокой горѣ; чтобы взойти въ садъ, надо подняться на третій этажъ дома и оттуда уже идти въ садъ. Изъ Épinal уже начинаются les Vosges, дорога съ горы на гору, виды чудесные, такъ что мы, нетерпящіе русской ѣзды на долгихъ, радовались, что не ѣхали въ дилижансѣ. Нашъ кучеръ, M-r Calin de Nicolas, премилый старикъ въ сѣромъ фракѣ и chapeau de feutre, везъ насъ отлично и мы въ четыре часа пріѣхали въ Plombières.

Дорогою слухи о помѣщеніи въ Plombières были неутѣшительные; такая толпа, говорятъ, народу, что мѣста нѣтъ,—болѣе тысячи человѣкъ; это приводило насъ въ нѣкоторое смущеніе; наконецъ пріѣзжаемъ въ гостинницу de l'Ours, спрашиваемъ комнатъ,—нѣтъ; идемъ туда-сюда—все занято; отъ четырехъ до 8 часовъ вечера, мы бѣгали и не нашли ничего, а между тѣмъ дилижансы привозятъ все новыхъ путешественниковъ. Въ Hôtel здѣсь можно остановиться на одну ночь, а въ maison meublée никто не принимаетъ иначе, какъ на сезонъ, и если одинъ разъ помѣстится, да не понравится, то перейти нельзя, ибо не захотятъ принять; такое условіе сдѣлано между жителями.

Такимъ образомъ мы въ продолженіе четырехъ часовъ были въ критическомъ положеніи и не знали бы куда идти, еслибы не повстрѣчался намъ здѣшній sergent de police M-r Henriat, старый солдатъ, съ женой и дочерью, живущій въ маленькой избушкѣ, примѣрной чистоты. Онъ съ примѣрнымъ радушіемъ отдалъ намъ все, что имѣлъ, не пуская однако никого къ себѣ. Уступилъ намъ двѣ маленькія комнаты въ родѣ mansarde, но такія чистыя, что диво. Тутъ въ одной комнатѣ помѣстились сестры, а въ другой, la chambre de la fille de la maison, vraie chambre de Rigolette, мы съ Мишей.

Тутъ мы ночевали двѣ ночи; патріархальные наши хозяева такъ были милы и внимательны, что это напоминало les temps antiques. Мы вчера съ ними простились и поселились въ Hôtel de l'Ours; это гостинница, мы взяли въ ней три комнаты для себя и двѣ для людей. Окна наши обращены на горы, покрытыя лѣсомъ, видъ чудесный, и я нынче съ постели любовалась восходомъ солнца на горахъ.

Plombières такъ окруженъ горами, что совершенно въ ямѣ; природа чудесная; прогулки на ослахъ по горамъ меня утѣшаютъ неимо-

вѣрно. Мы уже ѣздили съ Мишей и Зинаидой очень далеко въ горы, и я въ восторгѣ, что нашла, наконецъ, животное по своимъ силамъ, котораго я не боюсь.

Жизнь здѣсь очень простая по существу ея; здѣсь маленькій городокъ, почти деревня, жители необыкновенной простоты.

Вотъ какъ мы начали здѣсь жить. Часу въ восьмомъ мы съ Мишей встаемъ и идемъ гулять, въ 10 пьемъ чай и завтракаемъ у себя, а не за table d'hôte, какъ сначала, гдѣ завтракъ начинаютъ съ супа и нѣтъ ему конца, а намъ теперь даютъ, что мы спросимъ.

Потомъ часовъ въ 11 мы идемъ, ѣдемъ на ослахъ, или будемъ ѣздить далеко въ коляскѣ; въ третьемъ часу Миша идетъ въ баню. Тутъ нѣчто для меня новое. Ванны здѣсь во многомъ числѣ: les bains des dames, возлѣ нашего Hôtel, les bains imperiaux, les bains temperés et le bain Romain, куда ходитъ Миша. Это круглая зала, очень хорошая, съ свѣтомъ сверху, и вокругъ нея всё маленькіе cabinets avec une cuve; въ залѣ можетъ гулять, кто хочетъ, и дамы, и мужчины, и всѣ желающіе, и покуда гуляешь, видишь купающихся, сидящихъ безмятежно въ ваннахъ,—иные въ толстой фланелевой рубашкѣ, иные въ перкалевой. Это спектакль оригинальный: въ одномъ кабинетѣ, совершенно открытомъ, вы видите даму, сидящую въ ваннѣ; возлѣ нея на стулѣ нѣжный супругъ въ теченіе ванны, которая продолжается для иныхъ три часа, читаетъ книгу. Напротивъ этой четы сидитъ съ открытыми дверями въ своей ваннѣ М. Краснокутскій, возлѣ него на стулѣ съ книгой или болтовней его тревожная супруга.

Ванна умѣренной теплоты, 18 град., но атмосфера въ залѣ настолько тропическая, что мнѣ даже вредно; потому я только на первый разъ высидѣла тамъ все время. Теперь, устроивъ Мишу, мало тамъ остаюсь; эти бани надъ горячимъ ключемъ воды такъ жарки, что на каменномъ полу стоять ногамъ непріятно,—жарко.

Миша тамъ сидитъ часъ, да 10 минутъ беретъ душъ на спину; ему пріятно, онъ, слава Богу, довольно хорошъ, и забавно видѣть, когда на ослѣ онъ, можно сказать, идетъ, а не ѣдетъ: такъ оселъ малъ, а ноги длинны.

Послѣ ванны, которая продолжается за четыре часа, остается мало до обѣда; въ пять идемъ за table d'hôte, гдѣ насъ садится человѣкъ иногда 70, шумъ ужасный; все довольно плохо: кушанья много, а толку мало; одинъ человѣкъ и три дѣвушки служатъ всѣмъ, и безпорядокъ ужасный; шумъ разговоровъ—невыносимый, иногда смѣшно, иногда скучно.

Мы сидимъ въ своемъ углѣ, и, какъ постоянные сосѣди, одинъ молодой очень миленькій испанецъ M-r de Romero и два француза; тутъ мы съ ними бесѣдуемъ и угощаемъ другъ друга.

Здѣсь все больше французы; человѣкъ тысячу насъ всѣхъ; много иностранцевъ, а русскіе очень рѣдко бываютъ — чисто французскія воды. Послѣ обѣда живущіе всѣ выходятъ на крыльцо, садятся на скамейкахъ и въ это время приходятъ обыкновенно дилижансы изъ Парижа, Nancy и проч., привозящія намъ народъ; тутъ всѣ дамы въ кружевахъ и съ претензіями толкуютъ avec les porteurs de blouses qui déchargent les effets—и такимъ образомъ до 7 часовъ отдыхаемъ. Въ этотъ часъ уже докторскіе наказы позволяютъ для прогулки одну дорогу, идущую по горѣ, ибо въ 7 часовъ чуть спустись внизъ, то уже сырость, и потому всѣ выползаемъ толпою на одну дорогу; тутъ то дамы распускаютъ свои мантильи и кружева; эта часть довольно глупая. При окружающей простотѣ эти туалеты и претензіи мнѣ смѣшны; потому я и люблю болѣе здѣсь утро, когда погода позволяетъ направиться въ горы; тамъ на ослѣ, въ своемъ кругѣ, и въ обществѣ только проводника, крестьянки или маленькаго мальчика изъ крестьянъ, гораздо веселѣе; такія чудесныя дорожки, такъ весело спускаться сверху внизъ по вьющейся тропинкѣ!

Такимъ то образомъ отъ 7 вечера до 8 мы тянемся всѣ на эту лѣкарственную прогулку, хотя видъ вездѣ чудесный по этой дорогѣ. Это утѣшительно. Въ 8 часовъ Салонъ освѣщенъ и въ простые дни сбираются тамъ послушать музыку, или читать журналъ, играть въ карты; или потанцовать à l'impromptu; но въ воскресенье балъ и въ четвергъ тоже.

Тутъ освѣщеніе жестокое, всѣ décolletées въ короткихъ рукавахъ и въ цвѣтахъ, кружевахъ; я вчера была съ Мишей, но это не забавляетъ.

Во вторникъ и субботу въ театрѣ возлѣ Салона актеры изъ Épinal забавляютъ публику; мы были съ Зинаидой и посмѣялись немного.

Вотъ Вамъ подробнѣйшее, кажется, описаніе нашей жизни; поймете ли Вы меня, не знаю, а писать старалась; глаза болятъ и пристально писать не могу. Мое здоровье (Вы, кажется, интересовались имъ въ послѣднемъ письмѣ) все очень гадко; въ Парижѣ les célèbres вырвали мнѣ три зуба, чтобъ прекратить мигрень или névralgie, которой я, по ихъ мнѣнію, страдаю. Не знаю, что будетъ: я еще не опускалась въ цѣлебныя струи, а на дняхъ и мнѣ совѣтуютъ.

Mad. Frouvillones могла очень легко вылѣчить свои нервы, но я при своемъ тревожномъ характерѣ, имѣя всегда вѣчную заботу о Мишѣ, которая есть mon idée fixe, не имѣю времени очень себя лелѣять, и если бы далъ Богъ только Мишу вылѣчить, то я уже поправлюсь на мѣстѣ.

Чего не выношу я здѣсь, то это переѣздовъ; пока я на мѣстѣ, все прекрасно. Въ Парижѣ хотя я была все время больна, но лучше

покойна. А какъ въ дорогѣ, то мои нервы не выносятъ тревоги. Я не боюсь совсѣмъ желѣзной дороги, и какъ въ вагонѣ, то я покойна, но нагруженіе и выгруженіе нашихъ персонъ въ вагоны и омнибусы суть для меня скверныя минуты. При пріѣздѣ на мѣсто, какъ, напримѣръ, здѣсь, изысканіе квартиръ, отвращеніе ко всему мрачному, сырому и гадкому, въ которое рискуешь попасть при тѣснотѣ, все это такъ меня разстраиваетъ, что долго не поправлюсь.

Однако прощайте, Володя, будетъ о себѣ; какъ я рада, что Дараганамъ везетъ; хотя я надъ Вами и подшучиваю, но сама ихъ очень люблю; все хорошее, выпавшее на долю Анны Михайловны, меня живо радуетъ.

Прощайте; не знаю, будетъ ли нынче Вамъ еще писать Миша; онъ ушелъ въ Салонъ читать журналъ, ибо дождь не позволилъ гулять и онъ нахмурился; здѣсь все погода непостоянная и больше дождливая, но первые три дня была чудесная.

Прощайте; всѣ Васъ обнимаемъ; мы вѣрно здѣсь пробудемъ три недѣли. Пишите France, par Nancy à Plombières, poste restante. Напишите мнѣ навѣрно, гдѣ Дитмаръ; я должна ему писать, а лѣнь тратить силы даромъ, если онъ не въ Петербургѣ. Напишите о Лизѣ Ушаковой, какъ ей адресовать письмо, и надолго ли она въ Дрезденѣ.

Прощайте, всѣхъ цѣлуйте, всѣмъ кланяйтесь.

К. К.

64.

Пломбьеръ, $\frac{\text{30 іюля}}{\text{11 августа}}$ 1853 г.

Мы получили послѣднее письмо твое отъ 18-го іюля, другъ и братъ Володя, и всей семьей благодаримъ тебя за твою аккуратность въ нашей перепискѣ. Если тебя, какъ ты говоришь, обрадовало наше движеніе на югъ, то въ отношеніи къ климату ты очень ошибся, такъ какъ Пломбьеръ, находясь на 1400 футовъ надъ поверхностью моря, на склонѣ Вогезскихъ горъ, далеко не можетъ похвастать климатомъ. Виноградъ здѣсь не растетъ, даже видно мало орѣховыхъ деревъ, и зимою снѣгъ покрываетъ землю на $1^1/_2$ аршина. Вотъ три дня, какъ сѣверо-восточный вѣтеръ дуетъ здѣсь и какъ бы гонитъ насъ отсюда. Хотя погода очень хороша и дни теплы, но съ заходомъ солнца дѣлается

холодно и ночи очень свѣжи. Къ счастью въ воскресенье, т. е. черезъ 2 дня, кончается мой курсъ и потому мы рѣшились не откладывать ни на одинъ день нашъ отъѣздъ. Въ воскресенье 14 августа въ 5 часовъ утра мы отправляемся до Дижона, куда прiѣдемъ въ тотъ же день ввечеру. Изъ Дижона $3^1/_2$ часа ѣзды по желѣзной дорогѣ до Шалона на Саонѣ, а оттуда на пароходѣ по Саонѣ мы отправимся въ Лiонъ. Говорятъ, берега Саоны очень живописны, и я бы очень желалъ, чтобы хорошая погода благопрiятствовала намъ въ этомъ водномъ путешествiи, чтобы Катенька и сестры полюбили путешествiе на пароходѣ по рѣкѣ. Въ Лiонѣ, вѣроятно, останемся одинъ или два дня, если понравится, и дольше, и потомъ будемъ продолжать нашъ путь въ Марсель, сперва на пароходѣ по Ронѣ до Авиньона, а оттуда по желѣзной дорогѣ до Марселя. Поэтому ты видишь, что мы избрали для купанья въ морѣ Марсель. Намъ предстоялъ выборъ между ею, Сеттомъ, и Ниццой. Мы выбрали Марсель, такъ какъ въ Ниццѣ, вѣроятно, проживемъ зиму, въ Сеттѣ же, не смотря на большiя удобства для купанья, слишкомъ мало развлеченiй для иностранцевъ. Потому, другъ Володя, по полученiи этого посланiя пиши намъ въ Марсель; оттуда, вѣроятно, вскорѣ получишь опять отъ насъ вѣсть. Катенька не пишетъ тебѣ, потому что у нея болятъ глаза. Результатъ Пломбьерскихъ ваннъ для меня довольно незначительный, если не ничтожный. Доктора говорятъ, что влiянiе ваннъ будетъ замѣтно по прошествiи нѣкотораго времени,—фраза, которою утѣшаютъ всѣхъ тѣхъ пацiентовъ, которымъ не помогли воды на мѣстѣ. Что касается до меня, то я убѣжденъ, что мнѣ нужны: les bains d'air et de soleil, avec le secours d'un bon regime, и потому очень радъ оставить Пломбьеръ, гдѣ чувствую себя, въ эти послѣднiе дни, что началось холодно, — нѣсколько хуже. Кромѣ того и родъ жизни здѣсь, какъ я уже тебѣ писалъ, почти вовсе лишенъ развлеченiй, особенно по вечерамъ, которые начинаются послѣ 7-ми часовъ, такъ какъ послѣ захода солнца становится прохладно, и берущимъ теплыя ванны не позволяютъ быть на воздухѣ. Почти всѣ ведутъ одинаковый родъ жизни. Поутру до 10 часовъ всякiй занятъ своими ваннами. Въ 10 часовъ по всему городу слышенъ звонъ колокольчиковъ, сзывающихъ къ завтраку за общiй столъ, такъ какъ здѣсь всѣ прiѣзжiе живутъ въ пансiонахъ у здѣшнихъ и даже нельзя найти квартиры безъ стола. Отъ 11 часовъ до 5 все время посвящено прогулкамъ и въ это время экипажи и караваны ословъ увозятъ всѣхъ по окрестностямъ. Мы больше пользуемся послѣднимъ родомъ движенiя, и съ Катенькой я почти каждый день путешествую по здѣшнимъ горамъ.

Вотъ, другъ мой, все о Пломбьерѣ. Что то ожидаетъ насъ въ Марсели? Мы надѣемся, что ты обрадуешь насъ тамъ скорыми вѣстями о себѣ. Какъ ты съѣздилъ въ Ивановское? Понравилось ли тебѣ т

Скажи пожалуйста, гдѣ Юлія Ивановна? Мы разстались съ ней въ Дрезденѣ и она обѣщала писать Катенькѣ въ Парижъ, но не исполнила обѣщанія. Долго ли Лиза пробудетъ въ Шандау? Мы всѣ кланяемся Аннѣ Михайловнѣ и всѣмъ нашимъ роднымъ. Гдѣ теперь Дмитрій Дараганъ съ женою? Оставили ли они вовсе Петербургъ? Катенька проситъ тебѣ сказать, что она три раза писала тебѣ, чтобы ты увѣдомилъ ее, въ Петербургѣ ли Дитмаръ, которому она должна отвѣчать на давнее письмо его, полученное въ Дрезденѣ, а ты ни слова объ этомъ. Изъ Дрездена Катенька послала Аннѣ Михайл. Карлсбадскихъ булавокъ; получила ли она ихъ? Онѣ посланы черезъ М. Зейдлицъ.

Я забылъ поблагодарить тебя за прошеніе въ Полтавскую Палату. Скажи, что дѣлается съ нашими каретами и остальною мебелью. Первыя вѣрно не продадутся, по крайней мѣрѣ этотъ годъ. Если успѣешь, при случаѣ взгляни, въ сохранности ли онѣ. Мебель же не удастся ли сбыть осенью въ сентябрѣ.

На твой совѣтъ провести зиму на Гіерскихъ островахъ, не знаю, что отвѣчать. Въ Марсели мы узнаемъ о томъ, какого рода удобства представляетъ жизнь тамъ, дологъ ли переѣздъ и т. п. Еще бы лучше поѣхать на зиму въ Алжиръ: изъ Марселя 56 часовъ ѣзды на пароходѣ,—да храбрости не хватитъ. Ниццу всѣ очень хвалятъ, но окончательно мы рѣшимся въ Марсели, гдѣ легко будетъ имѣть свѣдѣнія обо всемъ.

Прощай, другъ Володя. Обнимаю тебя отъ всей души. Всѣ тебя цѣлуемъ. Будь здоровъ и пиши къ искренно любящимъ тебя друзьямъ.

Твой М. Краснокутскій.

Цѣлую Васъ, Володя милый, отъ всей души, и благодарю за то, что обрадовались, встрѣтя въ П. нѣчто на меня похожее. Это пріятное доказательство дружбы, очень утѣшительное для истинно Васъ любящей. Пишите намъ поскорѣе. Прощайте. К.

65.

Марсель, 30-го августа 1853 г.

Милый Володя! Мы получили здѣсь отъ Васъ два письма, а вообще всѣхъ изъ разныхъ краевъ семь, въ томъ числѣ одно отъ Лизы Ушаковой, премилое; въ теченіе одной недѣли получить семь писемъ это очень сладко.

Мнѣ многое надо сказать Вамъ; не знаю, съ чего начать; у насъ и хорошо, и дурно,—попробую разсказать.

Мы оставили Plombières 14 августа; ванны Миша кончилъ, а тамъ такъ холодно, что мы спѣшили къ югу.

Оттуда ѣхали сначала въ дилижансѣ, потомъ по желѣзной дорогѣ и два переѣзда: изъ Шалона въ Ліонъ по Саонѣ, и изъ Ліона въ Avignon по Ронѣ—на пароходѣ. Это поѣздка скверная, особенно по Ронѣ; толпа людей и куча бочекъ сельдей, сильный вѣтеръ, большой безпорядокъ, и разговоры о часто случающихся съ пароходами горькихъ приключеніяхъ - все это для нашего слуха совсѣмъ непріятно; однако все окончилось для насъ хорошо, и мы въ Марселѣ. Пріѣхавъ въ Ліонъ, мы располагали тамъ пробыть только день, а вмѣсто того прожили 4; Зинаида, которую Вы какъ будто сглазили, столь здоровая въ Парижѣ, занемогла желудкомъ въ Ліонѣ, и прождавъ четыре дня, все еще полубольную повезли мы ее на пароходѣ, гдѣ кромѣ усталости, жары и суеты она ничего не нашла.

Теперь вотъ 9 дней, какъ мы здѣсь; сначала остановились въ городѣ; тутъ опять гадко; жары почти африканскіе, которые мы встрѣтили уже въ Ліонѣ, причиною многихъ болѣзней желудка и я, по пріѣздѣ въ Марсель, провела цѣлый день въ судорогахъ, тошнотѣ и проч.; тутъ, разумѣется, докторъ и всѣ vexations, безпокойная ночь; для больной Зинаиды нѣтъ спокойствія.

Два дня провели мы въ городѣ въ отысканіи квартиры около моря и, наконецъ, нашли себѣ дачу въ Prado, мѣстѣ, гдѣ купаются (это 4 версты отъ города); славный парадный домъ съ садомъ, терраса, ombragée de platanes, преуслужливый хозяинъ и его bonne, которая намъ готовитъ обѣдъ, двѣ славныя собаки, кошки, утки, куры, фрукты, однимъ словомъ все.

Время чудесное, мы на террасѣ живемъ и обѣдаемъ и пьемъ всѣ чай, тутъ шипитъ и поетъ русскій самоваръ,—можете передать это Гауеру.

Видите, что съ этой стороны все хорошо; Миша доволенъ, но здоровье не балуетъ; я поправилась отъ судорогъ и вчера торжествен-

но погрузилась въ сильныя волны Средиземнаго моря въ морскомъ костюмѣ, въ большой соломенной шляпѣ; прыгала и съ восторгомъ и страхомъ танцовала avec Jacques le baigneur—gros bon homme, avec quel la faiblesse féminine se confie dans les vagues.

Чудесно, я въ восторгѣ выбѣжала оттуда, точно новая, и нынче рано утромъ замышляла опять, но въ 3 часа передъ свѣтомъ Зинаиду схватили мои судороги и опять тревога: нужно было посылать за докторомъ,—это прискорбно; покуда я Вамъ пишу на террасѣ, она въ постели очень страдаетъ; дай Богъ, чтобъ поскорѣе прошло, но все это отыметъ у насъ пользу лѣченія.

Миша пріѣхалъ сюда очень бодрымъ; онъ выждалъ предписанный ему послѣ Plombières срокъ отдохновенія и началъ дня два тому назадъ купаться въ морѣ. Ему велѣно было только окунаться и быть въ водѣ очень мало; онъ такъ и сдѣлалъ, но вмѣсто того, чтобы приносить съ собою бодрость, выходилъ усталый и вовсе не хорошій, хотя вода удивительной теплоты. Видя такой результатъ, онъ пріостановился; увидимъ, что будетъ; можетъ быть, море ему не лѣкарство. Нынче онъ опять веселѣе. Мы съ нимъ встаемъ рано и много ходимъ; прогулки прекрасныя часовъ до 10, но въ теплые дни солнце ужасное, даже гулять вредно.

Мѣсто, гдѣ мы живемъ, слагается изъ двухъ длиннѣйшихъ аллей, ведущихъ къ морю, и дачъ; наша къ морю самая близкая; мы цѣлый день слышимъ шумъ волнъ прекраснаго моря и для меня, кажется, это единственное средство, чтобы быть человѣкомъ. Оно такъ дѣйствуетъ на мою мораль; мнѣ такъ весело, когда я выйду и бѣгу домой!

Если бы не эти обстоятельства здоровья, то намъ было бы здѣсь хорошо; мы живемъ очень патріархально и дружелюбно съ нашимъ хозяиномъ: c'est un négociant, M-r Fortuné Méry, petit célibataire, tout chétif et très complaisant. Онъ большой рыбакъ и часто приноситъ намъ рыбу къ обѣду, гдѣ Jeanne la cuisinière, подъ присмотромъ милаго нашего Миши, опытнаго, какъ Вы знаете, по части кухмистерской, ее жаритъ, и мы потомъ въ пять часовъ садимся за столъ, нерѣдко въ обществѣ нашего хозяина.

Многое, простое и новое въ жизни нашей, было бы пріятно, если бы не такъ часто всякій по очереди хворалъ.

Здѣсь мы видимъ немного русскихъ; возлѣ насъ живетъ въ Hôtel Mad. Солдейнъ; и консулъ нашъ М. Г. Кюстеръ, почти русскій, вчера пріѣзжалъ изъ города отдать Мишѣ визитъ; съ нимъ были и жена и дочь; онъ очень веселый человѣкъ; на дняхъ отправляемся къ нимъ.

Здѣсь во всякомъ случаѣ веселѣе, чѣмъ въ Plombières, хотя вообще рессурсовъ мало; но когда наше здоровье въ порядкѣ и погода—также, то очень хорошо.

Дай Богъ, чтобы погода продолжалась и далѣе такая же; вотъ уже сентябрь скоро, и мы послѣдніе почти пріѣхали сюда купаться, но еслибы такъ пошло, то еще можно бы довольно долго пользоваться моремъ.

Какъ досадно, что Вы не съ нами; Вамъ, какъ нарочно, вездѣ, гдѣ мы ни живемъ довольно постоянно, была бы комната хорошая; часто-часто всѣ мы сожалѣемъ, и для Васъ бы, милый Telemaque, было бы спасительнѣе, какъ вижу, —но чтоже дѣлать? Всему судьба. Если бы только Вы не очень безъ меня тамъ предавались нѣкоторымъ чувствамъ и мыслямъ!

Не знаю, могутъ ли сестры, по желанію Вашему, Вамъ написать; Софья сидитъ возлѣ Зинаиды, а я урвалась, чтобы побесѣдовать съ Вами, милый Володя.

Какое доброе и родственное письмо я получила отъ Лизы! Я тотчасъ же ей отвѣчала.

Здѣсь мы нашли письмо отъ Скрыпицына; они въ Trouville съ ума сходятъ отъ скуки и ихъ дочь очень была больна, а брату море оказалось вредно и они торопятся въ Парижъ. Видите, какъ за границей не все розы и здоровье не всѣмъ легко дается; намъ, конечно, въ отношеніи Миши нельзя роптать—онъ совсѣмъ другой; но онъ все говоритъ, что лѣтомъ и въ Мачкасахъ былъ бы здоровъ.

1 сентября. Кончаю только нынче письмо, которое оставила, не дописавъ, чтобъ идти въ море; въ эти два дня Зинаидѣ стало получше; она сошла поутру на террасу, но все едва ходитъ. Мы нынче въ 7 часовъ отправились съ Мишей, хозяиномъ и нашей cuisinière Jeanne покупать по берегу моря только что словленную рыбу для нашего обѣда, и видѣли всякую; здѣсь, le merlan, la sole—чудесныя. Оттуда мы поднялись въ гору надъ моремъ на одну дачу, и обратно спускались не безъ затрудненія; здѣсь многія дачи высоко надъ моремъ, на голыхъ частію скалахъ, но обработанныхъ мѣстами, и тутъ вы найдете цвѣтущіе лавры, des amandiers, des figuiers, и въ тѣхъ жилищахъ многіе живутъ зимой. Большая поэзія! И утромъ рано, сколько только силы позволяютъ намъ съ Мишей, мы ходимъ.

Погода удивительная, море чудесное и вчера часу въ восьмомъ такъ было тихо, что довольно далеко и безъ боязни прогулялись въ лодкахъ.

До сихъ поръ только я и нашъ Николай пользуемся моремъ; Миша не продолжаетъ купаться; охоты нѣтъ; ему одинъ воздухъ полезенъ,

да нравится нашъ образъ жизни и дача; дай Богъ, чтобъ это продолжалось!

Какъ Вы скучаете теперь, Володя, безъ милыхъ жителейгротаCalypso! Когда будете писать Лизѣ, то скажите, что мы ее отъ души цѣлуемъ.

Пожалуйста потрудитесь доставить, не замедля, эту записку Дитмару; давно должна я ему писать,—теперь кстати вспомнила при анекдотѣ о булавочкахъ.

Что скажу Вамъ еще? Вчера у насъ пила чай мад. Солдейнъ, добрая старушка, но она скоро ѣдетъ. До сихъ поръ мы какъ то не нуждаемся въ обществѣ,—лишь бы были всѣ здоровы, и наша созерцательная жизнь намъ не наскучаетъ; мы работаемъ, читаемъ и день проходитъ безъ труда.

Напишите мнѣ поскорѣе; мы всякій день о Васъ вспоминаемъ и жалѣемъ, что Васъ нѣтъ съ нами. Лиза очень сожалѣетъ также, что Вы не въ Schandau, и немного опять обращается съ подозрѣніями къ тѣмъ, на кого всѣ обвиненія падаютъ обыкновенно, когда дѣло касается Васъ. Я хотя и сама иногда также хочу на Васъ посердиться за это, но вспомню тотчасъ же, что съ сердцемъ сладить не легко, и умолкаю. Всякому свое въ жизни, лишь бы поменьше страдать только приходилось. Прощайте, добрый, милый Володя; какъ бы хотѣлось поцѣловать Васъ сію минуту и видѣть милое лицо Ваше! Вы вѣрно насъ также любите по прежнему и поймете, какъ свойственно мнѣ за тридесять земель имѣть иногда таковое желаніе.

Прощайте, пора кончить, много надо писать, но все лѣнь; только съ Вами бесѣдую не лѣниво.

Преданная Вамъ душевно К. К.

Je Vous embrasse, cher polisson, je suis livrée ici aux piqûres des cousins de Marseille, qui sont moins douces, que les petits baisers reçus, de temps à autre, du cousin de Pétersbourg. Adieu, ne nous oubliez pas, portez Vous bien.

Sophie.

Другъ Володя! И я въ свою очередь хочу побѣдить лѣнь, которая овладѣваетъ при этихъ жаркихъ дняхъ и когда такъ хорошо сидѣть на нашей террасѣ, подъ тѣнью платановъ, съ книгой въ рукахъ, хочу побѣдить лѣнь, чтобы написать тебѣ нѣсколько словъ. Оставляю перу Катеньки разсказать наше странствованіе сюда изъ Пломбьера; *она же пишетъ* тебѣ о нездоровьи Зинаиды, которая, бѣдняжка, ос-

тавила свое здоровье въ Парижѣ. Въ Пломбьерѣ еще шло не совсѣмъ дурно, но я думаю, что тамошній table d'hôte произвелъ отчасти настоящую болѣзнь. Она выѣхала полубольная изъ Пломбьера, почувствовала себя дурно въ Ліонѣ, гдѣ насъ встрѣтили настоящіе жаркіе дни, а теперь совсѣмъ слегла. Надѣюсь, что она скоро поправится и что разстройство желудка отчасти произошло отъ большихъ жаровъ, которые здѣсь теперь царствуютъ. Если она скоро оправится, то я надѣюсь, что намъ будетъ здѣсь очень хорошо. Мы нашли въ Прадо (Марсельскомъ Екатериненталѣ) премиленькую дачу за 400 фр. въ мѣсяцъ, гдѣ и поселились съ намѣреніемъ жить здѣсь, пока не прогонитъ насъ отсюда наступленіе зимы и перемѣна погоды. La plage au Prado est magnifique; la mer forme une anse entourée de tous les côtés de roches tout à fait nues et arides, excepté de celui du Prado qui forme une plaine parsemée de jolies maisons entourées de jardins. De la ville au Prado mène une très belle allée d'arbres qui finit à la mer. L'anse du Prado est entourée d'un côté d'un quai, qui au Prado même est très peu élevé du nievau de la mer, mais plus loin s'élève sur les rochers et surplombe la mer. Ce quai est notre promenade favorite est le dimanche tout Marseille s'y rend. Nous sommes à deux pas de la mer, dans un joli jardin qui cache notre maison sous ses ombrages. Notre logis se compose au rez-de-chaussée d'un salon, salle à manger et cuisine; au premier de cinq pièces qui nous servent de chambres à coucher. Mais malgré que les appartements sont jolis nous n'y restont guère. La vie se passe à rester sur la terrasse auprès de la maison où on est à l'ombre et à même de profiter des brises de mer qui rafraîchissent l'air.

Катенька тебѣ писала, что я не купаюсь. За то наслажденье видѣть ее, когда она идетъ купаться, или возвращается изъ моря. Лишь бы только она могла подольше имъ пользоваться, чтобы польза была надолго. Софья сторожитъ нашу больную, отъ времени до времени кушаетъ персикъ или грушу, впрочемъ съ должною осторожностью, и поглядываетъ на свои руки, которыя ужасно пострадали отъ укушеній здѣшнихъ комаровъ. Мы съ Катенькой гуляемъ по скаламъ и по тропинкѣ, которую называютъ здѣсь gratte-semelle, — такъ она камениста и крута; она купается, я читаю и курю, и день проходитъ очень скоро. Вотъ пока мое посланіе къ тебѣ. Скоро надѣюсь писать еще. Теперь же лѣнь и бумага кончается. Будь здоровъ и веселъ. Обнимаю тебя отъ всей души.

Твой другъ

М. Краснокутскій.

P. S. Что дѣлаетъ Николай Краснокутскій? [1]) Кланяйся ему отъ насъ и скажи, гдѣ онъ и видишься ли ты съ нимъ. Всѣмъ нашимъ роднымъ поклонъ.

66.

Марсель, $^{11}/_{23}$ сентября 1853 г.

Письмо твое отъ 12-го августа, другъ и братъ Володя, я получилъ здѣсь, также и то письмо, которое ты послалъ въ Пломбьеръ съ извѣстіями изъ Мачкасъ о предстоящемъ наборѣ. На дняхъ я писалъ объ этомъ въ деревню. Если оттуда будутъ еще какіе либо вопросы объ томъ же предметѣ, пришли мнѣ съ первой же почтой донесенія конторы, чтобы я могъ успѣть отвѣтить до начала набора. Не писалъ я тебѣ довольно давно, не хотѣлось жаловаться на погоду, которая въ послѣднюю половину сентября испортилась; было два-три дня дождливой погоды и нѣсколько дней дулъ Мистраль, сѣверо-западный вѣтеръ, который дуетъ здѣсь съ большою силою и приноситъ осенью и зимою холода. Теперь, четвертый день, время опять прекрасное; но и здѣсь замѣтно приближеніе осени. Утра холодныя, ввечеру послѣ 5-ти часовъ становится если не прохладно, то очень сыро, сильная роса и туманъ ложатся на землю, такъ что вечера мы проводимъ въ комнатахъ. Наша дача, которая въ сильные жары чудное убѣжище, гдѣ всегда найдешь свѣжесть и прохладу, наша тѣнистая терраса передъ домомъ съ ея платанами, при дождливой п годѣ, прибавляютъ сырости и отнимаютъ свѣтъ. Поэтому мы уже начинаемъ наши сборы и въ началѣ будущей недѣли, 27-го или 28-го, отправляемся въ Ниццу, куда и прошу тебя писать намъ. Катенька все это время очень мало пользовалась купаньемъ въ морѣ и во все время купалась семь или восемь разъ. Зинаидѣ наше пребываніе здѣсь тоже не было удачно: она почти все время была больна и теперь только начинаетъ поправляться. Мы почти никого изъ чужихъ не видимъ здѣсь; были раза три у нашего генеральнаго консула Кюстера, который также былъ раза три у насъ на дачѣ. Кромѣ него почти никто не бываетъ у насъ; за то нашъ хозяинъ, M-r Fortuné Méry, expéditeur maritime, все свободное отъ занятій въ го-

---

[1]) Николай Александровичъ Краснокутскій былъ впослѣдствіи генералъ-адъютантомъ и наказнымъ атаманомъ на Дону. Женатъ былъ на княжнѣ Аннѣ Григорьевнѣ *Голицыной* и оставилъ трехъ дочерей.

родѣ время посвящаетъ намъ и постоянный нашъ гость за обѣденнымъ столомъ. Sa bonne, M-lle Jeanne, исправляетъ должность нашей кухарки и кормитъ насъ морскими рыбами. Des soles, des merlans и т. п. обитатели Средиземнаго моря пришлись по вкусу Софьѣ Павловнѣ и всей семьѣ и истребляются исправно. Катерина Павловна объявила войну моркови, и les carottes au beurre avec une compote aux poires et des citrouilles au lait почти неизбѣжныя блюда за нашимъ столомъ. Мы встаемъ здѣсь довольно рано, рѣдко послѣ 7-ми часовъ, и вслѣдъ за тѣмъ я съ Катенькой отправляюсь гулять по дачамъ Prado. Въ числѣ ихъ есть очень и очень хорошія, такъ какъ здѣсь бастиды составляютъ главную роскошь негоціантовъ, живущихъ вообще очень скромно. Окрестности Марсели очень хороши. Весь городъ окруженъ грядою голыхъ скалъ, которыя представляютъ контрастъ съ зеленью садовъ и дачъ, окружающихъ городъ. Дня три тому назадъ мы всходили на гору, на которой построена часовня Notre Dame de la Garde, и съ колокольни ея видѣли чудный видъ. Весь городъ съ его окрестностью и окружающей его грядою скалъ, съ обоими портами съ одной стороны, съ другой—голубое Средиземное море съ голыми скалами, выдающимися на его гладкой поверхности. На одной изъ нихъ, ближайшей къ порту, le château d'Ifs, слѣдующія двѣ, les îles Pomegues, образуютъ карантинъ для судовъ. Мы объѣздили старый и новый портъ, видѣли, какъ выгружаютъ нашу Одесскую пшеницу, вчера видѣли le bassin de carénage, le chantier de la construction des vaisseaux и т. п. La baie des Catalans тоже не была забыта, хотя въ ней нѣтъ ничего особеннаго. Въ воскресенье собираемся смотрѣть L'aquedue de Roquefavour, по которому воды Дюрансы проведены въ Марсель. Этотъ водопроводъ конченъ пять лѣтъ тому назадъ и замѣчателенъ по своей вышинѣ. Это самая значительная постройка канала, которымъ проведены воды Дюрансы въ Марсель и который стоитъ 50 милліоновъ франковъ.

Пока, какъ ты знаешь, наше намѣреніе—прожить зиму въ Ниццѣ. Но это еще не рѣшено окончательно. Мнѣнія на этотъ счетъ очень разногласны и многіе говорятъ, что прожить 6 мѣсяцевъ въ Ниццѣ очень трудно, если, кромѣ климата, ищешь еще хоть немного общества и развлеченій, и совѣтуютъ ѣхать на зиму во Флоренцію, гдѣ хотя климатъ суровѣе, но жизнь гораздо разнообразнѣе и гораздо оживленнѣе. Пока рѣшено, что мы ѣдемъ въ Ниццу, и если, поживъ тамъ нѣсколько недѣль и ознакомясь съ городомъ, мы найдемъ, что то, что намъ говорятъ здѣсь, правда, то мы будемъ продолжать нашъ путь до Флоренціи, гдѣ уже окончательно поселимся на всю зиму.

Вотъ все объ насъ, другъ Володя. Теперь поговоримъ о тебѣ и твоихъ. Что ты теперь дѣлаешь? Надѣюсь, что твое одиночество пре-

Р. S. Что дѣлаетъ Николай Краснокутскій? [1] [redacted]
насъ и скажи, гдѣ онъ и видишься ли ты съ нимъ. [redacted]
роднымъ поклонъ. [redacted]

66.

Марсель, $^{11}/_{23}$ *сент* [redacted]

Письмо твое отъ 12-го августа, другъ и братъ [redacted]
чилъ здѣсь, также и то письмо, которое ты послалъ [redacted]
извѣстіями изъ Мачкасъ о предстоящемъ наборѣ. На [redacted]
объ этомъ въ деревню. Если оттуда будутъ еще как [redacted]
объ томъ же предметѣ, пришли мнѣ съ первой же [redacted]
конторы, чтобы я могъ успѣть отвѣтить до начала на [redacted]
я тебѣ довольно давно, не хотѣлось жаловаться на пог [redacted]
послѣднюю половину сентября испортилась; было два [redacted]
вой погоды и нѣсколько дней дулъ Мистраль, [redacted]
вѣтеръ, который дуетъ здѣсь съ большою силою и п [redacted]
и зимою холода. Теперь, четвертый день, время опять [redacted]
здѣсь замѣтно приближеніе осени. Утра холодныя, вве [redacted]
часовъ становится если не прохладно, то очень сыро, [redacted]
туманъ ложатся на землю, такъ что вечера мы прово [redacted]
тахъ. Наша дача, которая въ сильные жары чудн
всегда найдешь свѣжесть и прохладу, наша тѣниста
домомъ съ ея платанами, при дождливой п годѣ, при
и отнимаютъ свѣтъ. Поэтому мы уже начинаемъ наш
чалѣ будущей недѣли, 27-го или 28-го, отправляемся
прошу тебя писать намъ. Катенька все это время
валась купаньемъ въ морѣ и во все время купалась
Зинаидѣ наше пребываніе здѣсь тоже не было удачно
время была больна и теперь только начинаетъ попра
никого изъ чужихъ не видимъ здѣсь; были раза три
ральнаго консула Кюстера, который также былъ раз
дачѣ. Кромѣ него почти никто не бываетъ у насъ;
M-r Fortuné Méry, expéditeur maritime, все свободное

---

[1] Николай Александровичъ Краснокутскій былъ впослѣдс
тантомъ и наказнымъ атаманомъ на Дону. Женатъ былъ на
горьевнѣ Голицыной и оставилъ трехъ дочерей.

кратилось и l'île de Calypso опять видитъ юнаго Телемака въ камеръ-юнкерскомъ мундирѣ въ своихъ гостепріимныхъ стѣнахъ. Что дѣлаютъ Анна Мих. и Лиза? Что дѣти? Вѣроятно, въ настоящее время твоя жизнь опять потекла по прежнему, и идеи о гувернанткѣ, которыя возбудили противъ тебя сильное негодованіе Зинаиды, забыты совершенно. О твоихъ мы имѣемъ извѣстіе, благодаря Лизѣ, которая недавно опять писала Катенькѣ. Она, кажется, располагаетъ прожить зиму въ Дрезденѣ; мы же зовемъ ее въ Ниццу. Юлія Ивановна по послѣднимъ извѣстіямъ была въ Пиринеяхъ, въ Villars Cotterets на водахъ. Не знаю, гдѣ блуждаетъ теперь, и скоро ли располагаетъ возвратиться на родину. Не знаешь ли, состоится ли предположеніе твоего отца провести зиму въ Одессѣ? Пишетъ ли онъ тебѣ объ этомъ? Здѣсь я получилъ письмо отъ брата Гриши; онъ хозяйничаетъ у себя въ Екатеринославскомъ имѣніи; по прежнему доволенъ своей покупкой и надѣется, когда устроитъ свое хозяйство, что будетъ получать до 7 тыс. руб. сер. доходу; отъ сестры Сонички не имѣю писемъ; съ тѣхъ поръ, какъ мы за границей, она писала мнѣ всего одинъ только разъ. Въ одномъ изъ твоихъ писемъ ты писалъ мнѣ, что отпустилъ повара Матвѣя въ деревню. Не знаешь ли, надолго ли онъ отправился и имѣетъ ли хорошее мѣсто? Какъ тебѣ это показалось?—и если случится, узнай это. Когда же онъ возвратится, будь такъ добръ, напиши мнѣ. Я спрашиваю именно объ немъ потому, что его я предназначаю себѣ въ повара по возвращеніи и хотѣлъ бы на нынѣшнюю зиму отдать его къ Дюссо или на другую хорошую кухню для усовершенствованія въ гастрономіи.

Прощай, другъ Володя! Пиши намъ въ Ниццу, гдѣ мы навѣрное останемся около мѣсяца, если бы даже и не рѣшились остаться на зиму. Я обнимаю тебя отъ всего сердца. Катенька и сестры цѣлуютъ милаго Володю и поручаютъ ему поклониться отъ всей семьи роднымъ и друзьямъ; въ числѣ послѣднихъ не забудь Набокова, Дитмара и Гауера. Гдѣ теперь Дмитрій Дараганъ? Прощай и будь здоровъ и веселъ.

Твой братъ и другъ

М. Краснокутскій.

67.

Ницца, 2/14 октября 1853 г.

Вотъ завтра двѣ недѣли, какъ мы здѣсь, другъ Володя, и только теперь я собрался написать тебѣ. До сихъ поръ разыскиваніе квартиръ и средствъ, какъ устроиться на полугодовое житье на одномъ мѣстѣ, занимали насъ исключительно. Кромѣ того не хотѣлось писать тебѣ подъ вліяніемъ первыхъ впечатлѣній, которыя надобно еще повѣрить временемъ. Первую недѣлю мы провели здѣсь въ восхожденіи и нисхожденіи по лѣстницамъ домовъ, отдающихся въ наймы,—занятіе довольно скучное, особенно, когда не находишь ничего, чтобы понравилось. Марсель мы оставили, какъ ты знаешь, 18/30-го сентября и, выѣхавъ въ 9 часовъ утра въ этотъ день съ дилижансомъ, мы пріѣхали сюда на другой день въ 11 часовъ. Остановились въ Hôtel des Étrangers,—прехорошенькой гостинницѣ, гдѣ и рѣшились остаться на всю зиму;—такъ мѣстность и расположеніе дома понравились моимъ. Мы взяли 1 этажъ особеннаго флигеля, построеннаго внутри двора, фасадомъ на югъ, окнами въ небольшой, но вѣчно зеленѣющій садъ, разведенный внутри двора. Правда, что всѣ эти удобства стоятъ 3000 фр. за сезонъ, т. е. за полъ года, но такъ какъ мы не нашли ни одной симпатичной квартиры въ городѣ, то и рѣшились взять эту, тѣмъ больше, что она представляетъ то удобство, что не нужно заводить у себя стряпню и брать здѣшнюю прислугу. И такъ, другъ Володя, адресуй намъ въ Hôtel des Étrangers твои посланія, которыя здѣсь ожидаются съ самымъ живымъ нетерпѣніемъ. Вообще первое впечатлѣніе, которое производитъ Ницца, какъ городъ, не очень благопріятно. Какъ то не знаешь, городъ ли это, или нѣтъ, и не отдаешь себѣ отчета по физіономіи города, какого рода жизнь здѣсь беретъ верхъ, городская или деревенская. Кажется, надобно умѣть сдѣлать хорошую смѣсь изъ удовольствій, предоставленныхъ обѣими, посвящая дни прогулкамъ по окрестностямъ, которыя здѣсь точно прекрасны, а вечера—театру и обществу. Кромѣ того Ницца теперь еще вовсе не оживлена; настоящій сезонъ и съѣздъ гостей начинаются въ началѣ ноября. Изъ двухъ недѣль, что мы здѣсь, хорошихъ дней было всего не больше четырехъ; остальные дни, хотя было и тепло, но все время шли проливные дожди (les pluies de la St. Michel), которые продолжаются обыкновенно больше двухъ недѣль и составляютъ здѣшнюю осень—переходъ отъ лѣта къ зимѣ. Затѣмъ опять обѣщаютъ постоянно хорошую погоду. Мы, по крайней мѣрѣ Катенька и я, снова предполагаемъ начать прогулки на ослахъ, которые, по примѣру Пломбьера, здѣсь въ большомъ употребленіи, такъ

какъ по горамъ, которыми окружена Ницца, проложено мало дорогъ, удобныхъ для экипажа. Отсюда начинается знаменитая le chemin de la Corniche, ведущая въ Геную,—и по которой можетъ быть и мы проѣдемъ, если у насъ достанетъ храбрости съѣздить весною къ Пасхѣ во Флоренцію. Такъ какъ это время еще далеко, то наше общество не пугается очень этой мыслью; не знаю, не будетъ ли иначе, когда пріидетъ время осуществить ее. Кромѣ прогулокъ, надобно составить себѣ постоянное занятіе, и потому я собираюсь учиться итальянскому языку, въ чемъ хочетъ принять участіе и Зинаида. Съ недѣлю она чувствуетъ себя лучше, поправилась въ силахъ и участвуетъ въ нашихъ прогулкахъ. Видъ моря здѣсь плѣняетъ нашихъ дамъ и онѣ, какъ и я, не могутъ имъ налюбоваться. Прогулка по набережной, вдоль моря, необходимо повторяется каждый день, иногда даже и два раза.

Знакомыхъ у насъ пока, разумѣется, еще нѣтъ. Русскій консулъ M-r de Grivès довольно пріятный и образованный человѣкъ, но немного нелюдимъ и бѣгаетъ общества. Онъ уже не молодъ, лѣтъ подъ 40, и не женатъ. Можетъ быть и обойдется, и ознакомится. Изъ русскихъ здѣсь живетъ постоянно Чаховъ, нач. отдѣл. Морского Министерства. Онъ здѣсь уже 4 года живетъ безвыѣздно по болѣзни. Это послѣдній годъ, что онъ остается здѣсь. Съ нимъ еще не познакомился. Третьяго дня пріѣхала сюда M-me Сухозанетъ, урожд. Бѣлосельская, на зиму. Кромѣ того ожидаютъ еще семей 8 или 10 русскихъ, постоянно здѣсь проводящихъ зиму. Въ числѣ ихъ называютъ Чихачева, знаменитаго нашего путешественника. Его сестра, бывшая сначала замужемъ за Девлетъ-Кильдѣевымъ, овдовѣвъ, вышла замужъ за графа de Orestès, здѣшняго дворянина, и живетъ постоянно въ Ниццѣ. Англичане составляютъ большинство иностранцевъ, обитающихъ Ниццу, и по всему видно, что это ихъ царство: англійскія аптеки, ихъ церковь, англійскія вывѣски и объявленія, надпись на всѣхъ магазинахъ: „Englisch spocken". Потомъ много французовъ, и уже за ними идутъ остальныя націи. Довольно итальянцевъ, пріѣзжающихъ, особенно изъ Ломбардіи и Венеціи, на зиму.

Всѣ тебя цѣлуютъ. Я же обнимаю тебя отъ всей души. Прощай.

Твой братъ и другъ

М. Краснокутскій.

68.

Ницца, 25 октября н. ст. 1853 г.

Милый Володя! Письмо Ваше, писанное прямо сюда, мы получили на дняхъ; давно я ожидала отъ Васъ извѣстія и Вы поймете, какъ сильно я обрадовалась ему.

Вотъ три недѣли слишкомъ, что мы здѣсь. Первыя двѣ были для меня и, кажется, для всѣхъ довольно тяжелы; надо было рѣшиться, оставаться ли здѣсь, или нѣтъ, наконецъ, подумать объ устройствѣ себѣ пріятнаго жилища; все это и въ добавокъ жестоко дождливая погода—были для насъ скучны. Теперь всѣ эти ощущенія, кажется, замѣняются довольно пріятными; чему много способствуютъ погода и убѣжденіе въ томъ, что если мы имѣемъ цѣлью здоровье, то Ницца есть самое лучшее для того мѣсто. У насъ погода такая, что просто диковина; мы опять облеклись въ кисейныя платья, а то въ полдень гулять нельзя на солнцѣ,—такое оно горячее; дай Богъ, чтобы намъ и далѣе такъ погода улыбалась—тогда можно помириться съ тѣмъ, что можетъ быть въ существѣ жить здѣсь не такъ то весело. Мы рѣшились не разсчитывать очень на это, и предаться, сколько есть силъ, прогулкамъ, которыя здѣсь очень пріятны по живописности мѣстъ, и сколько можно занятіямъ. Такимъ образомъ Миша и Зинаида усердно принялись за итальянскій языкъ; она насъ смѣшитъ, ибо, исключая трехъ дней въ недѣлю, въ которые является M-r Giordani, она безпрерывно съ книгой въ рукахъ; даже гуляютъ они и трудятся какъ можно гармоничнѣе выговаривать итальянскія фразы.

Я очень рада, что Мишу это занимаетъ; для него это полезно и онъ, слава Богу, довольно въ духѣ. Насчетъ общества не знаю, какое мы можемъ себѣ составить; покуда изъ мужчинъ Миша знакомъ съ консуломъ и Чаховымъ, о которыхъ онъ Вамъ писалъ; на дняхъ съ нами познакомилось очень интересное семейство, которое живетъ съ нами въ одномъ Hôtel,—это графъ St. Vitale, его жена и двое очень милыхъ сыновей; она особенно—очень милая женщина, и мы удивились, когда узнали, что она дочь Marie Louise и графа Нейпергъ и, говорятъ удивительно похожа на мать. Они живутъ въ замкѣ около Пармы, куда она съ меньшимъ сыномъ уѣзжаетъ на дняхъ, но отецъ и старшій сынъ остаются на всю зиму въ одномъ домѣ съ нами и мы будемъ съ ними видѣться; движимые взаимной симпатіей мы скоро познакомились.

Русскихъ здѣсь, и проѣзжихъ и остающихся на зиму, довольно, но ни одного намъ нѣтъ знакомаго и всѣ поселились на берегу моря,

далеко отъ насъ; многіе изъ нихъ, какъ-то: Толстые и Щербатовы, пріѣзжаютъ сюда нѣсколько зимъ сряду, что служитъ доказательствомъ, что репутація Ниццы, какъ климатической станціи, заслуживаетъ вѣры.

Вы пишете, Володя, что гдѣ бы мы ни поселились, мы должны подумать о печахъ и двойныхъ окнахъ; отсюда это слушать забавно; въ Россіи объ этомъ говорить такъ легко, а когда на мѣстѣ, то выходитъ мудренѣе. Что это была бы за издержка сдѣлать двойныя окна и устроить печи по нашему? Я думаю, рѣдкіе этого потребовали бы.

Мы, сколько можно, законопатили свои двери и поселились въ защитномъ отъ вѣтра мѣстѣ,—за то мы и платимъ за наше жилище дороже, нежели бы хотѣли; въ сосѣдствѣ моря мы могли бы имѣть очень хорошенькую квартиру дешевле; но страхъ холода заставилъ насъ не пожалѣть заплатить дороже; при томъ же хозяинъ нашъ обѣщалъ, если намъ будетъ холодно, поставить намъ calorifère.

Теперь еще мысль о холодѣ не приходитъ въ голову; нашъ садикъ, куда выходятъ окна, такъ зеленъ, и такъ вѣетъ изъ него запахъ розъ и удивительныхъ датуръ, что, кажется, о зимѣ и толку нѣтъ. Но нельзя заблуждаться; вѣрно будетъ сколько нибудь холодно и мы съ Мишей для нашихъ утреннихъ прогулокъ надѣнемъ шубы; но теперь время просто очаровательное,—всѣ гуляютъ, кто въ колясках, кто верхомъ, кто на ослахъ; вообще очень оживлено на улицахъ.

Мнѣ серьезно часто приходитъ въ голову переманить сюда Лизу изъ Дрездена. Какъ бы было пріятно!—и для ея Маши здѣсь всевозможные учителя, ибо здѣсь и многіе большіе учатся разнымъ языкамъ,—примѣромъ Вамъ наши. Слѣдственно Лизѣ было бы здѣсь очень хорошо, а намъ еще лучше.

А что было бы совсѣмъ превосходно,—это, чтобы Володѣ быть съ нами; Вамъ совсѣмъ дурно безъ насъ оставаться; Вы живете затворникомъ, совсѣмъ невесело; видите—и въ гротѣ Calypso некогда Васъ любить, а намъ всегда есть время и мы бы Васъ лелѣяли, сколько могли, и повѣрьте, Вы были бы нами довольны, à force d'amour et de soins nous serions parvenus à vous rendre satisfait de nous et aurions gagné vôtre coeur. Право, Вы не повѣрите, какъ часто досадно, что Вы живете не въ приличной Вамъ атмосферѣ семейной жизни; Вы для нея созданы и такъ мало ею пользуетесь.

По возвращеніи нашемъ домой мы думаемъ серьезно позаботиться о Васъ: или остепенить Васъ, какъ говорится по-русски, или взять въ руки, любить и баловать, ибо всѣ мы къ Вамъ искренно привязаны и желаемъ Вамъ всего хорошаго.

Что скажу Вамъ еще? Насъ сердечно радуютъ художественные *успѣхи нашей Лизы* Дараганъ. Если Вы ей пишете, то скажите, что

мы душевно ее поздравляемъ съ успѣхами въ живописи и не сомнѣваемся, что теперь она всякій арабескъ можетъ. Цвѣтущее положеніе Дмитрія Дарагана чрезвычайно утѣшительно; имъ вообще пора было отдохнуть, и если ихъ Надя, бывши полковой командиршей, пользуется хорошимъ здоровьемъ, то они должны быть совершенно счастливы.

Прощайте покуда, Володя! Миша, кажется, къ Вамъ нынче не пишетъ, ибо онъ ждетъ своего учителя, и ходитъ съ книгой по комнатѣ, повторяя: il signor Federico, ricco negoziante и проч. Совершенно забылъ жену; при такой горячности надо ожидать успѣховъ. Я съ своей стороны, ревнуя вѣрно Мишу къ la bellissima lingua, прохожу курсъ мигреней жестокихъ; вотъ три дня, что страдаю неимовѣрно; кажется, нѣтъ для меня и климата въ отношеніи моего здоровья, а Зинаида также все часто хвораетъ. Sophie и ея лѣнь процвѣтаютъ по прежнему; одни только комары мучаютъ ее особенно.

Прощайте, пора кончить; пишите пожалуйста почаще; восторгъ, съ которымъ встрѣчаютъ Ваши письма, долженъ Васъ побуждать на то.

Любящая Васъ много К. К.

P. S. Всѣ Васъ обнимаютъ.

69.

Ницца, 6 ноября н. ст. 1853 г.

Милый Володя! Давно уже отъ Васъ нѣтъ писемъ, и вообще отъ всѣхъ родныхъ и знакомыхъ, что очень скучно. Пишу Вамъ не часто это время, ибо все нездорова,—такъ гадко; а безъ писемъ жить здѣсь не весело;—потому и превозмогаю свои недуги, чтобы поговорить съ Вами и Васъ побудить чаще бесѣдовать съ нами.

Что скажу Вамъ? Вотъ мѣсяцъ, что мы здѣсь, и даже болѣе; Миша все былъ здоровъ, но вотъ съ недѣлю опять не очень: вѣрно погрѣшилъ въ обѣдѣ и желудокъ капризничаетъ; Вы знаете, какая это для насъ забота; но Богъ дастъ, опять поправится діетой, на которую мы снова его осудили.

Кромѣ этого обстоятельства, намъ здѣсь по всему было бы недурно и нескучно; погоды лучше той, какая у насъ, требовать не возможно; мы уже въ ноябрѣ, а и на осень не похоже; хотя очень много дождей, но все же есть въ теченіе дня часы для прогулокъ, ибо почти все

время тепло такъ, что всегда можно выходить въ однихъ платьяхъ, и даже въ кисейныхъ, ибо когда проглянетъ солнце, то ужасно печетъ и нельзя двигаться безъ большого зонтика. Представьте себѣ, что рѣдко гдѣ видны желтые листья; большая часть садовъ такъ зелены, какъ въ маѣ; цѣлыя стѣны розъ въ полномъ разцвѣтѣ, а огороды - восхищеніе; зеленый горохъ на грядахъ еще въ цвѣту, и вообще вся зелень такъ свѣжа, что меня это изумляетъ, когда подумаю, что мы въ ноябрѣ; вчера еще къ моему удивленію видѣла свѣжую лѣсную землянику, а въ сосѣдствѣ нашемъ, въ Генуѣ и Пармѣ, теперь уже, говорятъ, нерѣдко бываетъ снѣгъ.

Мы цѣлый день на воздухѣ, но много и далеко ходить пѣшкомъ не въ силахъ; однако насъ трудно загнать домой; съ утра вставъ, мы съ Мишей, не взирая даже и на дождь, ходимъ на море и потомъ въ теченіе дня вмѣстѣ всѣ нерѣдко убѣгаемъ. Въ экипажѣ дальнія прогулки еще не совсѣмъ удобны по причинѣ дорогъ въ горахъ, легко портящихся отъ дождей, а у насъ были проливные, причинившіе большія несчастія sur le chemin de la Corniche, которая теперь представляетъ, кромѣ своей высоты надъ моремъ, и опасность утонуть въ источникахъ, текущихъ съ горъ, а потому, при всемъ моемъ желаніи ѣхать во Флоренцію, перспектива подобной дороги даетъ мнѣ маленькій ознобъ.

Но намъ до весны и здѣсь хорошо, если Миша будетъ уменъ; погода, лучше которой и представить себѣ нельзя; мы сидимъ на террасѣ и вездѣ открыты окна, воздухъ чудесный, въ немъ есть что-то успокоительное, а море—такая картина, что приводитъ постоянно меня въ восторгъ, и чѣмъ болѣе оно въ волненіи, тѣмъ оно голубѣе и чудеснѣе. Такъ весело ходить по самому краю, когда волны плещутъ сильно, такъ что заставляютъ отскочить; это волненіе моря большею частію бываетъ, когда въ воздухѣ такъ тихо, что нѣтъ ни малѣйшаго вѣтра, и солнце свѣтитъ, и небо голубое. Было три дня чудесной погоды, въ которые море такъ бушевало и билось о скалы, что я раза три на день ходила смотрѣть на эту чудеснѣйшую картину.

Мы живемъ все въ нашемъ Hôtel, довольные своей квартирой; покуда намъ не наскучило, ходимъ обѣдать за table d'hôte, гдѣ насъ нерѣдко человѣкъ 50; иногда забавно видѣть разныхъ оригиналовъ. Эти дни Миша на діетѣ и обѣдаетъ у себя, а мы все ходимъ туда, ибо имѣемъ двухъ очень милыхъ кавалеровъ,—это графъ San-Vitale, съ старшимъ сыномъ, о которыхъ я Вамъ писала; графъ остался здѣсь; сынъ—молодой человѣкъ, очень милый, лѣтъ 20; они у насъ часто бываютъ и за обѣдомъ мы вмѣстѣ сидимъ. Графиня, которая къ сожалѣнію уѣхала въ свой château, près de Parme, чрезвычайно милая, умная женщина; она, какъ я Вамъ говорила, дочь Marie Louise, и чрез-

вычайно на нее похожа—une femme parfaitement distinguée; мы очень сожалѣемъ, что, познакомившись такъ хорошо, она должна была ѣхать.

Теперь покуда у насъ мужское общество: двое San Vitale, нашъ консулъ M-r de Grivès и еще одинъ Чаховъ, чисто русскій;—очень пріятные люди, безъ фасоновъ и претензій. Здѣсь однако сбирается много русскихъ семействъ, но больше женщинъ, а съ ними не такъ то скоро сойдешься, а потому мы еще съ ними не знакомы; но очень часто русскій языкъ поражаетъ нашъ слухъ.

Какъ видите, Володя, здѣсь довольно элементовъ для простой и тихой жизни; все дѣло въ хорошей погодѣ и хорошемъ состояніи здоровья нашего; природа здѣсь чудесная и нельзя ею не восхищаться, но странно, что все какъ то хочется домой и намъ, и Мишѣ также; это меня отчасти очень утѣшаетъ, какъ доказательство, что мы крѣпко любимъ родную сторону, и если мнѣ прожить за границею долго, то я, не взирая на ноябрьскія розы Ниццы, соскучусь за нашимъ снѣгомъ и морозомъ.

Володя милый! Пишите поскорѣе и чаще; право, безъ писемъ боюсь почувствовать le mal du pays. Миша опять въ эту минуту съ M-r Giordano учится по-итальянски; не знаю, устроится ли это, но въ землѣ зеленаго гороха въ ноябрѣ у насъ, кажется, начинаютъ зеленѣть различные таланты. Зинаида имѣла нынче конференцію съ учителемъ музыки и замышляетъ учиться на фортепіано; тотъ ее увѣряетъ, будто встрѣчаются примѣры, что начинаютъ такъ поздно; не знаю, чѣмъ это кончится, mais nous voyons poindre des talents en herbe ensemble avec le pois verts. Прощайте, Володя, всѣ мы Васъ обнимаемъ, будьте здоровы и пишите чаще. Любящая Васъ по старому, если не больше.

К. К.

70.

Ницца, 16 ноября н. ст. 1853 г.

Милый Володя! Нынче рано утромъ получено Ваше письмо отъ 19 октября. Погода у насъ очень дурная, холодный дождь льетъ уже четыре дня, но мы всетаки выходимъ вставши, и вотъ сегодня возвратясь, я очень озябла. Чтобы согрѣть меня, Миша вынулъ за чаемъ изъ кармана письмо Ваше и другое отъ Лизы Ушаковой; крики восторга встрѣтили ихъ; къ сожалѣнію и въ томъ и въ другомъ немного было веселаго. Ваши новости, Володя, насъ растревожили до крайн-

P. S. Что дѣлаетъ Николай Краснокутскій? [1]) Кланяйся ему отъ насъ и скажи, гдѣ онъ и видишься ли ты съ нимъ. Всѣмъ нашимъ роднымъ поклонъ.

66.

Марсель, $^{11}/_{23}$ сентября 1853 г.

Письмо твое отъ 12-го августа, другъ и братъ Володя, я получилъ здѣсь, также и то письмо, которое ты послалъ въ Пломбьеръ съ извѣстіями изъ Мачкасъ о предстоящемъ наборѣ. На дняхъ я писалъ объ этомъ въ деревню. Если оттуда будутъ еще какіе либо вопросы объ томъ же предметѣ, пришли мнѣ съ первой же почтой донесенія конторы, чтобы я могъ успѣть отвѣтить до начала набора. Не писалъ я тебѣ довольно давно, не хотѣлось жаловаться на погоду, которая въ послѣднюю половину сентября испортилась; было два-три дня дождливой погоды и нѣсколько дней дулъ Мистраль, сѣверо-западный вѣтеръ, который дуетъ здѣсь съ большою силою и приноситъ осенью и зимою холода. Теперь, четвертый день, время опять прекрасное; но и здѣсь замѣтно приближеніе осени. Утра холодныя, ввечеру послѣ 5-ти часовъ становится если не прохладно, то очень сыро, сильная роса и туманъ ложатся на землю, такъ что вечера мы проводимъ въ комнатахъ. Наша дача, которая въ сильные жары чудное убѣжище, гдѣ всегда найдешь свѣжесть и прохладу, наша тѣнистая терраса передъ домомъ съ ея платанами, при дождливой погодѣ, прибавляютъ сырости и отнимаютъ свѣтъ. Поэтому мы уже начинаемъ наши сборы и въ началѣ будущей недѣли, 27-го или 28-го, отправляемся въ Ниццу, куда и прошу тебя писать намъ. Катенька все это время очень мало пользовалась купаньемъ въ морѣ и во все время купалась семь или восемь разъ. Зинаидѣ наше пребываніе здѣсь тоже не было удачно: она почти все время была больна и теперь только начинаетъ поправляться. Мы почти никого изъ чужихъ не видимъ здѣсь; были раза три у нашего генеральнаго консула Кюстера, который также былъ раза три у насъ на дачѣ. Кромѣ него почти никто не бываетъ у насъ; за то нашъ хозяинъ, M-r Fortuné Méry, expéditeur maritime, все свободное отъ занятій въ го-

---

[1]) Николай Александровичъ Краснокутскій былъ впослѣдствіи генералъ-адъютантомъ и наказнымъ атаманомъ на Дону. Женатъ былъ на княжнѣ Аннѣ Григорьевнѣ Голицыной и оставилъ трехъ дочерей.

родѣ время посвящаетъ намъ и постоянный нашъ гость за обѣденнымъ столомъ. Sa bonne, M-lle Jeanne, исправляетъ должность нашей кухарки и кормитъ насъ морскими рыбами. Des soles, des merlans и т. п. обитатели Средиземнаго моря пришлись по вкусу Софьѣ Павловнѣ и всей семьѣ и истребляются исправно. Катерина Павловна объявила войну моркови, и les carottes au beurre avec une compote aux poires et des citrouilles au lait почти неизбѣжныя блюда за нашимъ столомъ. Мы встаемъ здѣсь довольно рано, рѣдко послѣ 7-ми часовъ, и вслѣдъ за тѣмъ я съ Катенькой отправляюсь гулять по дачамъ Prado. Въ числѣ ихъ есть очень и очень хорошія, такъ какъ здѣсь бастиды составляютъ главную роскошь негоціантовъ, живущихъ вообще очень скромно. Окрестности Марсели очень хороши. Весь городъ окруженъ грядою голыхъ скалъ, которыя представляютъ контрастъ съ зеленью садовъ и дачъ, окружающихъ городъ. Дня три тому назадъ мы всходили на гору, на которой построена часовня Notre Dame de la Garde, и съ колокольни ея видѣли чудный видъ. Весь городъ съ его окрестностью и окружающей его грядою скалъ, съ обоими портами съ одной стороны, съ другой—голубое Средиземное море съ голыми скалами, выдающимися на его гладкой поверхности. На одной изъ нихъ, ближайшей къ порту, le château d'Ifs, слѣдующія двѣ, les îles Pomegues, образуютъ карантинъ для судовъ. Мы объѣздили старый и новый портъ, видѣли, какъ выгружаютъ нашу Одесскую пшеницу, вчера видѣли le bassin de carénage, le chantier de la construction des vaisseaux и т. п. La baie des Catalans тоже не была забыта, хотя въ ней нѣтъ ничего особеннаго. Въ воскресенье собираемся смотрѣть L'aquedue de Roquefavour, по которому воды Дюрансы проведены въ Марсель. Этотъ водопроводъ конченъ пять лѣтъ тому назадъ и замѣчателенъ по своей вышинѣ. Это самая значительная постройка канала, которымъ проведены воды Дюрансы въ Марсель и который стоитъ 50 милліоновъ франковъ.

Пока, какъ ты знаешь, наше намѣреніе—прожить зиму въ Ниццѣ. Но это еще не рѣшено окончательно. Мнѣнія на этотъ счетъ очень разногласны и многіе говорятъ, что прожить 6 мѣсяцевъ въ Ниццѣ очень трудно, если, кромѣ климата, ищешь еще хоть немного общества и развлеченій, и совѣтуютъ ѣхать на зиму во Флоренцію, гдѣ хотя климатъ суровѣе, но жизнь гораздо разнообразнѣе и гораздо оживленнѣе. Пока рѣшено, что мы ѣдемъ въ Ниццу, и если, поживъ тамъ нѣсколько недѣль и ознакомясь съ городомъ, мы найдемъ, что то, что намъ говорятъ здѣсь, правда, то мы будемъ продолжать нашъ путь до Флоренціи, гдѣ уже окончательно поселимся на всю зиму.

Вотъ все объ насъ, другъ Володя. Теперь поговоримъ о тебѣ и твоихъ. Что ты теперь дѣлаешь? Надѣюсь, что твое одиночество пре-

кратилось и l'île de Calypso опять видить юнаго Телемака въ камеръ-юнкерскомъ мундирѣ въ своихъ гостепріимныхъ стѣнахъ. Что дѣлаютъ Анна Мих. и Лиза? Что дѣти? Вѣроятно, въ настоящее время твоя жизнь опять потекла по прежнему, и идеи о гувернанткѣ, которыя возбудили противъ тебя сильное негодованіе Зинаиды, забыты совершенно. О твоихъ мы имѣемъ извѣстіе, благодаря Лизѣ, которая недавно опять писала Катенькѣ. Она, кажется, располагаетъ прожить зиму въ Дрезденѣ; мы же зовемъ ее въ Ниццу. Юлія Ивановна по послѣднимъ извѣстіямъ была въ Пиринеяхъ, въ Villars Cotterets на водахъ. Не знаю, гдѣ блуждаетъ теперь, и скоро ли располагаетъ возвратиться на родину. Не знаешь ли, состоится ли предположеніе твоего отца провести зиму въ Одессѣ? Пишетъ ли онъ тебѣ объ этомъ? Здѣсь я получилъ письмо отъ брата Гриши; онъ хозяйничаетъ у себя въ Екатеринославскомъ имѣніи; по прежнему доволенъ своей покупкой и надѣется, когда устроитъ свое хозяйство, что будетъ получать до 7 тыс. руб. сер. доходу; отъ сестры Сонички не имѣю писемъ; съ тѣхъ поръ, какъ мы за границей, она писала мнѣ всего одинъ только разъ. Въ одномъ изъ твоихъ писемъ ты писалъ мнѣ, что отпустилъ повара Матвѣя въ деревню. Не знаешь ли, надолго ли онъ отправился и имѣетъ ли хорошее мѣсто? Какъ тебѣ это показалось?—и если случится, узнай это. Когда же онъ возвратится, будь такъ добръ, напиши мнѣ. Я спрашиваю именно объ немъ потому, что его я предназначаю себѣ въ повара по возвращеніи и хотѣлъ бы на нынѣшнюю зиму отдать его къ Дюссо или на другую хорошую кухню для усовершенствованія въ гастрономіи.

Прощай, другъ Володя! Пиши намъ въ Ниццу, гдѣ мы навѣрное останемся около мѣсяца, если бы даже и не рѣшились остаться на зиму. Я обнимаю тебя отъ всего сердца. Катенька и сестры цѣлуютъ милаго Володю и поручаютъ ему поклониться отъ всей семьи роднымъ и друзьямъ; въ числѣ послѣднихъ не забудь Набокова, Дитмара и Гауера. Гдѣ теперь Дмитрій Дараганъ? Прощай и будь здоровъ и веселъ.

Твой братъ и другъ

М. Краснокутскій.

67.

Ницца, $^{2}/_{14}$ *октября 1853 г.*

Вотъ завтра двѣ недѣли, какъ мы здѣсь, другъ Володя, и только теперь я собрался написать тебѣ. До сихъ поръ разыскиваніе квартиръ и средствъ, какъ устроиться на полугодовое житье на одномъ мѣстѣ, занимали насъ исключительно. Кромѣ того не хотѣлось писать тебѣ подъ вліяніемъ первыхъ впечатлѣній, которыя надобно еще повѣрить временемъ. Первую недѣлю мы провели здѣсь въ восхожденіи и нисхожденіи по лѣстницамъ домовъ, отдающихся въ наймы,—занятіе довольно скучное, особенно, когда не находишь ничего, чтобы понравилось. Марсель мы оставили, какъ ты знаешь, $^{18}/_{30}$-го сентября и, выѣхавъ въ 9 часовъ утра въ этотъ день съ дилижансомъ, мы пріѣхали сюда на другой день въ 11 часовъ. Остановились въ Hôtel des Étrangers,—прехорошенькой гостинницѣ, гдѣ и рѣшились остаться на всю зиму;—такъ мѣстность и расположеніе дома понравились моимъ. Мы взяли 1 этажъ особеннаго флигеля, построеннаго внутри двора, фасадомъ на югъ, окнами въ небольшой, но вѣчно зеленѣющій садъ, разведенный внутри двора. Правда, что всѣ эти удобства стоятъ 3000 фр. за сезонъ, т. е. за полъ года, но такъ какъ мы не нашли ни одной симпатичной квартиры въ городѣ, то и рѣшились взять эту, тѣмъ больше, что она представляетъ то удобство, что не нужно заводить у себя стряпню и брать здѣшнюю прислугу. И такъ, другъ Володя, адресуй намъ въ Hôtel des Étrangers твои посланія, которыя здѣсь ожидаются съ самымъ живымъ нетерпѣніемъ. Вообще первое впечатлѣніе, которое производитъ Ницца, какъ городъ, не очень благопріятно. Какъ то не знаешь, городъ ли это, или нѣтъ, и не отдаешь себѣ отчета по физіономіи города, какого рода жизнь здѣсь беретъ верхъ, городская или деревенская. Кажется, надобно умѣть сдѣлать хорошую смѣсь изъ удовольствій, предоставленныхъ обѣими, посвящая дни прогулкамъ по окрестностямъ, которыя здѣсь точно прекрасны, а вечера—театру и обществу. Кромѣ того Ницца теперь еще вовсе не оживлена; настоящій сезонъ и съѣздъ гостей начинаются въ началѣ ноября. Изъ двухъ недѣль, что мы здѣсь, хорошихъ дней было всего не больше четырехъ; остальные дни, хотя было и тепло, но все время шли проливные дожди (les pluies de la St. Michel), которые продолжаются обыкновенно больше двухъ недѣль и составляютъ здѣшнюю осень—переходъ отъ лѣта къ зимѣ. Затѣмъ опять обѣщаютъ постоянно хорошую погоду. Мы, по крайней мѣрѣ Катенька и я, снова предполагаемъ начать прогулки на ослахъ, которые, по примѣру Пломбьера, здѣсь въ большомъ употребленіи, такъ

какъ по горамъ, которыми окружена Ницца, проложено мало дорогъ, удобныхъ для экипажа. Отсюда начинается знаменитая le chemin de la Corniche, ведущая въ Геную,—и по которой можетъ быть и мы проѣдемъ, если у насъ достанетъ храбрости съѣздить весною къ Пасхѣ во Флоренцію. Такъ какъ это время еще далеко, то наше общество не пугается очень этой мыслью; не знаю, не будетъ ли иначе, когда прійдетъ время осуществить ее. Кромѣ прогулокъ, надобно составить себѣ постоянное занятіе, и потому я собираюсь учиться итальянскому языку, въ чемъ хочетъ принять участіе и Зинаида. Съ недѣлю она чувствуетъ себя лучше, поправилась въ силахъ и участвуетъ въ нашихъ прогулкахъ. Видъ моря здѣсь плѣняетъ нашихъ дамъ и онѣ, какъ и я, не могутъ имъ налюбоваться. Прогулка по набережной, вдоль моря, необходимо повторяется каждый день, иногда даже и два раза.

Знакомыхъ у насъ пока, разумѣется, еще нѣтъ. Русскій консулъ M-r de Grivès довольно пріятный и образованный человѣкъ, но немного нелюдимъ и бѣгаетъ общества. Онъ уже не молодъ, лѣтъ подъ 40, и не женатъ. Можетъ быть и обойдется, и ознакомится. Изъ русскихъ здѣсь живетъ постоянно Чаховъ, нач. отдѣл. Морского Министерства. Онъ здѣсь уже 4 года живетъ безвыѣздно по болѣзни. Это послѣдній годъ, что онъ остается здѣсь. Съ нимъ еще не познакомился. Третьяго дня пріѣхала сюда M-me Сухозанетъ, урожд. Бѣлосельская, на зиму. Кромѣ того ожидаютъ еще семей 8 или 10 русскихъ, постоянно здѣсь проводящихъ зиму. Въ числѣ ихъ называютъ Чихачева, знаменитаго нашего путешественника. Его сестра, бывшая сначала замужемъ за Девлетъ-Кильдѣевымъ, овдовѣвъ, вышла замужъ за графа de Orestès, здѣшняго дворянина, и живетъ постоянно въ Ниццѣ. Англичане составляютъ большинство иностранцевъ, обитающихъ Ниццу, и по всему видно, что это ихъ царство: англійскія аптеки, ихъ церковь, англійскія вывѣски и объявленія, надпись на всѣхъ магазинахъ: „Englisch spocken“. Потомъ много французовъ, и уже за ними идутъ остальныя націи. Довольно итальянцевъ, пріѣзжающихъ, особенно изъ Ломбардіи и Венеціи, на зиму.

Всѣ тебя цѣлуютъ. Я же обнимаю тебя отъ всей души. Прощай.

Твой братъ и другъ

М. Краснокутскій.

68.

Ницца, 25 октября н. ст. 1853 г.

Милый Володя! Письмо Ваше, писанное прямо сюда, мы получили на дняхъ; давно я ожидала отъ Васъ извѣстія и Вы поймете, какъ сильно я обрадовалась ему.

Вотъ три недѣли слишкомъ, что мы здѣсь. Первыя двѣ были для меня и, кажется, для всѣхъ довольно тяжелы; надо было рѣшиться, оставаться ли здѣсь, или нѣтъ, наконецъ, подумать объ устройствѣ себѣ пріятнаго жилища; все это и въ добавокъ жестоко дождливая погода—были для насъ скучны. Теперь всѣ эти ощущенія, кажется, замѣняются довольно пріятными; чему много способствуютъ погода и убѣжденіе въ томъ, что если мы имѣемъ цѣлью здоровье, то Ницца есть самое лучшее для того мѣсто. У насъ погода такая, что просто диковина; мы опять облеклись въ кисейныя платья, а то въ полдень гулять нельзя на солнцѣ,—такое оно горячее; дай Богъ, чтобы намъ и далѣе такъ погода улыбалась—тогда можно помириться съ тѣмъ, что можетъ быть въ существѣ жить здѣсь не такъ то весело. Мы рѣшились не разсчитывать очень на это, и предаться, сколько есть силъ, прогулкамъ, которыя здѣсь очень пріятны по живописности мѣстъ, и сколько можно занятіямъ. Такимъ образомъ Миша и Зинаида усердно принялись за итальянскій языкъ; она насъ смѣшитъ, ибо, исключая трехъ дней въ недѣлю, въ которые является M-r Giordani, она безпрерывно съ книгой въ рукахъ; даже гуляютъ они и трудятся какъ можно гармоничнѣе выговаривать итальянскія фразы.

Я очень рада, что Мишу это занимаетъ; для него это полезно и онъ, слава Богу, довольно въ духѣ. Насчетъ общества не знаю, какое мы можемъ себѣ составить; покуда изъ мужчинъ Миша знакомъ съ консуломъ и Чаховымъ, о которыхъ онъ Вамъ писалъ; на дняхъ съ нами познакомилось очень интересное семейство, которое живетъ съ нами въ одномъ Hôtel,—это графъ St. Vitale, его жена и двое очень милыхъ сыновей; она особенно—очень милая женщина, и мы удивились, когда узнали, что она дочь Marie Louise и графа Нейпергъ и, говорятъ удивительно похожа на мать. Они живутъ въ замкѣ около Пармы, куда она съ меньшимъ сыномъ уѣзжаетъ на дняхъ, но отецъ и старшій сынъ остаются на всю зиму въ одномъ домѣ съ нами и мы будемъ съ ними видѣться; движимые взаимной симпатіей мы скоро познакомились.

Русскихъ здѣсь, и проѣзжихъ и остающихся на зиму, довольно, но ни одного намъ нѣтъ знакомаго и всѣ поселились на берегу моря,

далеко отъ насъ; многіе изъ нихъ, какъ-то: Толстые и Щербатовы, пріѣзжаютъ сюда нѣсколько зимъ сряду, что служитъ доказательствомъ, что репутація Ниццы, какъ климатической станціи, заслуживаетъ вѣры.

Вы пишете, Володя, что гдѣ бы мы ни поселились, мы должны подумать о печахъ и двойныхъ окнахъ; отсюда это слушать забавно; въ Россіи объ этомъ говорить такъ легко, а когда на мѣстѣ, то выходитъ мудренѣе. Что это была бы за издержка сдѣлать двойныя окна и устроить печи по нашему? Я думаю, рѣдкіе этого потребовали бы.

Мы, сколько можно, законопатили свои двери и поселились въ защитномъ отъ вѣтра мѣстѣ,—за то мы и платимъ за наше жилище дороже, нежели бы хотѣли; въ сосѣдствѣ моря мы могли бы имѣть очень хорошенькую квартиру дешевле; но страхъ холода заставилъ насъ не пожалѣть заплатить дороже; при томъ же хозяинъ нашъ обѣщалъ, если намъ будетъ холодно, поставить намъ calorifère.

Теперь еще мысль о холодѣ не приходитъ въ голову; нашъ садикъ, куда выходятъ окна, такъ зеленъ, и такъ вѣетъ изъ него запахъ розъ и удивительныхъ датуръ, что, кажется, о зимѣ и толку нѣтъ. Но нельзя заблуждаться; вѣрно будетъ сколько нибудь холодно и мы съ Мишей для нашихъ утреннихъ прогулокъ надѣнемъ шубы; но теперь время просто очаровательное,—всѣ гуляютъ, кто въ коляскахъ, кто верхомъ, кто на ослахъ; вообще очень оживлено на улицахъ.

Мнѣ серьезно часто приходитъ въ голову переманить сюда Лизу изъ Дрездена. Какъ бы было пріятно!—и для ея Маши здѣсь всевозможные учителя, ибо здѣсь и многіе большіе учатся разнымъ языкамъ,—примѣромъ Вамъ наши. Слѣдственно Лизѣ было бы здѣсь очень хорошо, а намъ еще лучше.

А что было бы совсѣмъ превосходно,—это, чтобы Володѣ быть съ нами; Вамъ совсѣмъ дурно безъ насъ оставаться; Вы живете затворникомъ, совсѣмъ невесело; видите—и въ гротѣ Calypso некогда Васъ любить, а намъ всегда есть время и мы бы Васъ лелѣяли, сколько могли, и повѣрьте, Вы были бы нами довольны, à force d'amour et de soins nous serions parvenus à vous rendre satisfait de nous et aurions gagné vôtre coeur. Право, Вы не повѣрите, какъ часто досадно, что Вы живете не въ приличной Вамъ атмосферѣ семейной жизни; Вы для нея созданы и такъ мало ею пользуетесь.

По возвращеніи нашемъ домой мы думаемъ серьезно позаботиться о Васъ: или остепенить Васъ, какъ говорится по-русски, или взять въ руки, любить и баловать, ибо всѣ мы къ Вамъ искренно привязаны и желаемъ Вамъ всего хорошаго.

Что скажу Вамъ еще? Насъ сердечно радуютъ художественные *успѣхи нашей Лизы* Дараганъ. Если Вы ей пишете, то скажите, что

мы душевно ее поздравляемъ съ успѣхами въ живописи и не сомнѣваемся, что теперь она всякій арабескъ можетъ. Цвѣтущее положеніе Дмитрія Дарагана чрезвычайно утѣшительно; имъ вообще пора было отдохнуть, и если ихъ Надя, бывши полковой командиршей, пользуется хорошимъ здоровьемъ, то они должны быть совершенно счастливы.

Прощайте покуда, Володя! Миша, кажется, къ Вамъ нынче не пишетъ, ибо онъ ждетъ своего учителя, и ходитъ съ книгой по комнатѣ, повторяя: il signor Federico, ricco negoziante и проч. Совершенно забылъ жену; при такой горячности надо ожидать успѣховъ. Я съ своей стороны, ревнуя вѣрно Мишу къ la bellissima lingua, прохожу курсъ мигреней жестокихъ; вотъ три дня, что страдаю неимовѣрно; кажется, нѣтъ для меня и климата въ отношеніи моего здоровья, а Зинаида также все часто хвораетъ. Sophie и ея лѣнь процвѣтаютъ по прежнему; одни только комары мучаютъ ее особенно.

Прощайте, пора кончить; пишите пожалуйста почаще; восторгъ, съ которымъ встрѣчаютъ Ваши письма, долженъ Васъ побуждать на то.

Любящая Васъ много К. К.

P. S. Всѣ Васъ обнимаютъ.

69.

Ницца, 6 ноября н. ст. 1853 г.

Милый Володя! Давно уже отъ Васъ нѣтъ писемъ, и вообще отъ всѣхъ родныхъ и знакомыхъ, что очень скучно. Пишу Вамъ не часто это время, ибо все нездорова,—такъ гадко; а безъ писемъ жить здѣсь не весело;—потому и превозмогаю свои недуги, чтобы поговорить съ Вами и Васъ побудить чаще бесѣдовать съ нами.

Что скажу Вамъ? Вотъ мѣсяцъ, что мы здѣсь, и даже болѣе; Миша все былъ здоровъ, но вотъ съ недѣлю опять не очень: вѣрно погрѣшилъ въ обѣдѣ и желудокъ капризничаетъ; Вы знаете, какая это для насъ забота; но Богъ дастъ, опять поправится діетой, на которую мы снова его осудили.

Кромѣ этого обстоятельства, намъ здѣсь по всему было бы недурно и нескучно; погоды лучше той, какая у насъ, требовать не возможно; мы уже въ ноябрѣ, а и на осень не похоже; хотя очень много дождей, но все же есть въ теченіе дня часы для прогулокъ, ибо почти все

время тепло такъ, что всегда можно выходить въ однихъ платьяхъ, и даже въ кисейныхъ, ибо когда проглянетъ солнце, то ужасно печетъ и нельзя двигаться безъ большого зонтика. Представьте себѣ, что рѣдко гдѣ видны желтые листья; большая часть садовъ такъ зелены, какъ въ маѣ; цѣлыя стѣны розъ въ полномъ разцвѣтѣ, а огороды – восхищеніе; зеленый горохъ на грядахъ еще въ цвѣту, и вообще вся зелень такъ свѣжа, что меня это изумляетъ, когда подумаю, что мы въ ноябрѣ; вчера еще къ моему удивленію видѣла свѣжую лѣсную землянику, а въ сосѣдствѣ нашемъ, въ Генуѣ и Пармѣ, теперь уже, говорятъ, нерѣдко бываетъ снѣгъ.

Мы цѣлый день на воздухѣ, но много и далеко ходить пѣшкомъ не въ силахъ; однако насъ трудно загнать домой; съ утра вставъ, мы съ Мишей, не взирая даже и на дождь, ходимъ на море и потомъ въ теченіе дня вмѣстѣ всѣ нерѣдко убѣгаемъ. Въ экипажѣ дальнія прогулки еще не совсѣмъ удобны по причинѣ дорогъ въ горахъ, легко портящихся отъ дождей, а у насъ были проливные, причинившіе большія несчастія sur le chemin de la Corniche, которая теперь представляетъ, кромѣ своей высоты надъ моремъ, и опасность утонуть въ источникахъ, текущихъ съ горъ, а потому, при всемъ моемъ желаніи ѣхать вс Флоренцію, перспектива подобной дороги даетъ мнѣ маленькій ознобъ.

Но намъ до весны и здѣсь хорошо, если Миша будетъ уменъ; погода, лучше которой и представить себѣ нельзя; мы сидимъ на террасѣ и вездѣ открыты окна, воздухъ чудесный, въ немъ есть что-то успокоительное, а море—такая картина, что приводитъ постоянно меня въ восторгъ, и чѣмъ болѣе оно въ волненіи, тѣмъ оно голубѣе и чудеснѣе. Такъ весело ходить по самому краю, когда волны плещутъ сильно, такъ что заставляютъ отскочить; это волненіе моря большею частію бываетъ, когда въ воздухѣ такъ тихо, что нѣтъ ни малѣйшаго вѣтра, и солнце свѣтитъ, и небо голубое. Было три дня чудесной погоды, въ которые море такъ бушевало и билось о скалы, что я раза три на день ходила смотрѣть на эту чудеснѣйшую картину.

Мы живемъ все въ нашемъ Hôtel, довольные своей квартирой; покуда намъ не наскучило, ходимъ обѣдать за table d'hôte, гдѣ насъ нерѣдко человѣкъ 50; иногда забавно видѣть разныхъ оригиналовъ. Эти дни Миша на діетѣ и обѣдаетъ у себя, а мы все ходимъ туда, ибо имѣемъ двухъ очень милыхъ кавалеровъ,—это графъ San-Vitale, съ старшимъ сыномъ, о которыхъ я Вамъ писала; графъ остался здѣсь; сынъ—молодой человѣкъ, очень милый, лѣтъ 20; они у насъ часто бываютъ и за обѣдомъ мы вмѣстѣ сидимъ. Графиня, которая къ сожалѣнію уѣхала въ свой château, près de Parme, чрезвычайно милая, умная женщина; она, какъ я Вамъ говорила, дочь Marie Louise, и чрез-

вычайно на нее похожа—une femme parfaitement distinguée; мы очень сожалѣемъ, что, познакомившись такъ хорошо, она должна была ѣхать.

Теперь покуда у насъ мужское общество: двое San Vitale, нашъ консулъ M-r de Grivès и еще одинъ Чаховъ, чисто русскій;—очень пріятные люди, безъ фасоновъ и претензій. Здѣсь однако сбирается много русскихъ семействъ, но больше женщинъ, а съ ними не такъ то скоро сойдешься, а потому мы еще съ ними не знакомы; но очень часто русскій языкъ поражаетъ нашъ слухъ.

Какъ видите, Володя, здѣсь довольно элементовъ для простой и тихой жизни; все дѣло въ хорошей погодѣ и хорошемъ состояніи здоровья нашего; природа здѣсь чудесная и нельзя ею не восхищаться, но странно, что все какъ то хочется домой и намъ, и Мишѣ также; это меня отчасти очень утѣшаетъ, какъ доказательство, что мы крѣпко любимъ родную сторону, и если мнѣ прожить за границею долго, то я, не взирая на ноябрьскія розы Ниццы, соскучусь за нашимъ снѣгомъ и морозомъ.

Володя милый! Пишите поскорѣе и чаще; право, безъ писемъ боюсь почувствовать le mal du pays. Миша опять въ эту минуту съ M-r Giordano учится по-итальянски; не знаю, устроится ли это, но въ землѣ зеленаго гороха въ ноябрѣ у насъ, кажется, начинаютъ зеленѣть различные таланты. Зинаида имѣла нынче конференцію съ учителемъ музыки и замышляетъ учиться на фортепіано; тотъ ее увѣряетъ, будто встрѣчаются примѣры, что начинаютъ такъ поздно; не знаю, чѣмъ это кончится, mais nous voyons poindre des talents en herbe ensemble avec le pois verts. Прощайте, Володя, всѣ мы Васъ обнимаемъ, будьте здоровы и пишите чаще. Любящая Васъ по старому, если не больше.

К. К.

70.

Ницца, 16 ноября н. ст. 1853 г.

Милый Володя! Нынче рано утромъ получено Ваше письмо отъ 19 октября. Погода у насъ очень дурная, холодный дождь льетъ уже четыре дня, но мы всетаки выходимъ вставши, и вотъ сегодня возвратясь, я очень озябла. Чтобы согрѣть меня, Миша вынулъ за чаемъ изъ кармана письмо Ваше и другое отъ Лизы Ушаковой; крики восторга встрѣтили ихъ; къ сожалѣнію и въ томъ и въ другомъ немного было веселаго. Ваши новости, Володя, насъ растревожили до край-

ности; Ваше намѣреніе переселиться въ Полтаву крайне огорчительно; это значитъ, что мы совсѣмъ потеряемъ Васъ и это ужасно. Въ Петербургѣ Вы всетаки остались бы нашимъ, еслибы мы и поселились въ Москвѣ, а Малороссія совсѣмъ заставитъ Васъ забыть насъ. Такъ досадно, что силъ нѣтъ; желаю душевно, чтобы все это не состоялось; говорю Вамъ искренно, ибо не могу помириться съ той мыслью, которая вмѣстѣ съ дурной погодой причиняетъ мнѣ сплинъ. Какъ все вдругъ мнѣ кажется мрачно на семейномъ горизонтѣ, а бѣдные жители грота Calypso?—какъ для нихъ теперь должно быть тяжело! Все это такъ неожиданно собралось одно къ одному, что и говорить объ этомъ не хочется. Передамъ Вамъ теперь, что пишетъ Лиза Ушакова; она уже въ Дрезденѣ, устроилась, но живетъ въ тревожномъ духѣ; Н. И. пріѣзжалъ къ ней почти проститься, ибо собирается къ князю Горчакову въ дѣйствующую армію на турецкую границу; но, по возвращеніи въ Варшаву, еще не выѣзжалъ оттуда вотъ уже мѣсяцъ, а занимался, въ ожиданіи приказа, распродажею всей своей мебели. Всѣ эти обстоятельства тревожатъ Лизу, которая остается въ Дрезденѣ, гдѣ ей живется недурно; имѣетъ нѣсколько пріятныхъ знакомыхъ, а Машу посылаетъ въ пансіонъ. Пишетъ еще, что можетъ быть Вамъ извѣстно, что Papa Вашъ, наскучивъ присматривать за дѣтьми, отвезъ обоихъ въ Одессу въ пансіонъ и теперь одинъ въ деревнѣ. Вотъ сколько новостей въ одно утро мы узнали.

На дняхъ получили письмо отъ Скрипицыныхъ изъ Парижа отъ 5 ноября; въ тотъ же вечеръ они выѣзжали, чтобы возвращаться въ Петербургъ, и всѣ трое, мать, отецъ и дочь, въ дурномъ состояніи здоровья; мало же братъ отдохнулъ за границей! Не знаю, какъ то будетъ намъ здѣсь, но вотъ четыре дня, что погода очень дурная; пока все еще цвѣтутъ розы, но становится похоже на нашъ октябрь,—холодно и дождь; мы топимъ каминъ, который нерѣдко дымится, а потому много даетъ заботы.

Миша, слава Богу, довольно бодръ, но я большею частью очень дурно веду себя: все нездорова и притомъ вѣрно чувствую le mal du pays; восхищена природой, но чувствую однако какую-то пустоту въ сердцѣ. Общество наше по прежнему все то же; особенно графы San Vitale съ нами часто видятся,—почти всякій вечеръ они у насъ; мы учимся вмѣстѣ разнымъ языкамъ, молодой графъ Альбертъ чрезвычайно милый молодой человѣкъ, ужасно любитъ русскій языкъ и мы заставляемъ его говорить по-русски, что онъ дѣлаетъ довольно легко, и нерѣдко мы смѣемся отъ души при этихъ урокахъ.

Русскихъ здѣсь довольно, но всѣ они мало ищутъ другъ друга; здѣсь же нѣтъ никакихъ общественныхъ мѣстъ, гдѣ бы всѣ соединялись, но всѣ живутъ у себя; говорятъ, многіе здѣсь, особенно Англи-

чапе, будутъ давать вечера, но намъ это лишнее, ибо Миша этого не любитъ. Намъ ни весело — ни скучно, день однако проходитъ незамѣтно въ чтеніи и урокахъ. Миша все возится съ итальянскими книгами, Зинаида серьезно занимается съ учителемъ музыки. Въ шестомъ часу мы всѣ сходимъ за table d'hôte, гдѣ на дняхъ насъ было около ста человѣкъ, и много пищи для наблюденія; Миша обѣдаетъ вотъ уже двѣ недѣли у себя въ комнатѣ, а нынче приглашенъ къ нашему консулу à un diner de malade.

Пишите, Володя, почаще, а главное постарайтесь не оставлять Петербурга; это отвратительно, ужасно.

Какъ то Вы встрѣтились съ М. М. Дарагановъ? Онъ такой добрый и милый. Гдѣ Вася Максимовичъ? Вы о немъ ничего не пишете. Надѣюсь, что не обвините въ лѣности, aussitôt vôtre lettre reçue, aussitôt j'y reponds.

Пожалуйста навѣстите брата, когда онъ возвратится, что̀ уже, вѣроятно, и совершилось; напишите, какими они воротились домой.

Прощайте покуда; Миша, я думаю, Вамъ будетъ отвѣчать на дняхъ; онъ надъ моимъ ухомъ, какъ комаръ, твердитъ свой урокъ, а въ столовой юная ученица музыки повторяетъ свое do re mi. Каково Вамъ это покажется, что за жаръ къ наукамъ? Я много здѣсь дѣлаю хорошаго, но все думаю о Россіи, гдѣ по моему всего лучше, и пріучаюсь издалека любить своихъ, особенно Васъ. Adieu, Володя, tous nous vousembrassons bien tendrement, ingrat que vous êtes de vouloir nous quitter; j'en veux aux Daragane de ne vous avoir pas arreté dans cette tentation de vous échapper. Adieu, je suis fachée, derangée au dela de toute expression. Écrivez nous plus vite. Aimante de tout coeur

С. К.

71.

Ницца, ⁵/₁₇ ноября 1853 г.

Сегодня получили мы послѣднее письмо твое, милый другъ Володя! Какъ ты видишь изъ письма Катеньки, оно насъ не обрадовало, и извѣстіе, которое ты передаешь намъ о возможномъ назначеніи тебя въ Полтаву, такъ тѣсно связано съ идеей о разлукѣ съ тобою на неопредѣленное время, что это натурально. Впрочемъ, не говоря объ эгоистической сторонѣ нашихъ чувствъ въ этомъ случаѣ, не знаю, желать ли и собственно для тебя осуществленія этого предположенія. При на-

стоящемъ ходѣ дѣлъ Богъ знаетъ, найдешь ли ты тамъ ту семейную жизнь, безъ которой для тебя, человѣка, не созданнаго для исключительно внѣшней дѣятельности, безъ честолюбивыхъ цѣлей, едва ли возможно счастье. Создавать опять себѣ семью въ чужой семьѣ - не легко теперь; на это, кромѣ случая, который подтолкнулъ бы къ тебѣ людей, съ которыми ты могъ бы сойтись, нужно и время. Но больше всего боюсь я для твоего душевнаго спокойствія тѣхъ домашнихъ столкновеній, отъ которыхъ ты часто страдалъ, живши далеко отъ твоего отца, и которыя необходимо усилятся при близости. Но будетъ, что будетъ. Будемъ надѣяться, что все устроится къ лучшему. Ты перешелъ черезъ Дунай; дай Богъ тебѣ побѣду надъ обстоятельствами. Мы обнимаемъ тебя отъ всего сердца и будемъ ожидать отъ тебя извѣстій еще съ большимъ нетерпѣніемъ, чѣмъ до сего. Кстати объ этомъ. Не смотря на то, что ты винишься въ томъ, что давно намъ не писалъ, и обѣщаешь исправиться, нельзя не побранить тебя. Право, если бы ты зналъ, какое удовольствіе, какую радость приносятъ твои письма, то не былъ бы для насъ такъ скупъ, сказавши себѣ, что, вѣроятно, нѣсколько строкъ, написанныхъ сюда, доставляютъ больше пользы больнымъ, нежели столько же строкъ, посвященныхъ сенатскимъ дѣламъ. Наша жизнь течетъ по прежнему, время идетъ скоро, хотя можно бы пожелать больше разнообразія. Поутру прогулки и занятія, передъ обѣдомъ для меня—чтеніе журналовъ, вечеръ же проводимъ обыкновенно дома, или въ обществѣ кого-нибудь изъ знакомыхъ, которыхъ впрочемъ очень немного. Кромѣ Сан-виталей, отца и сына, которые живутъ въ нашемъ же отелѣ, русскаго консула и Чахова (бывшаго нач. отд. въ Морскомъ Министерствѣ) мы ни съ кѣмъ не знакомы. Русскихъ семей нынѣшній годъ здѣсь больше обыкновеннаго; не знаю, случится ли съ ними познакомиться. На все нуженъ случай, особенно для людей неискательныхъ, которые не умѣютъ его создать. Но это все не такъ важно, какъ здоровье, а Катенькино не въ совершенно удовлетворительномъ положеніи. Эти 5 или 6 дней время было дурное, постоянно сырая и мокрая погода, и у нея возобновились петербургскія мигрени. Будемъ надѣяться, что съ перемѣной погоды онѣ пройдутъ.

Извѣстіе о назначеніи Николая Ивановича Ушакова дежурнымъ генераломъ въ дѣйствующую въ Валахіи армію и отъѣздъ Миши Дарагана туда—еще усилятъ интересъ, съ которымъ мы слѣдимъ за ходомъ дѣйствій въ Молдавіи и Валахіи. Я думаю, что дѣятельность Анны Мих поможетъ ей заглушить безпокойство, съ которымъ она отпуститъ Мишу, но мнѣ жаль бѣдной Любуши, которая такъ любитъ брата и такъ живо чувствуетъ.

Добрый Мих. Мих. Дараганъ, ты пишешь, былъ въ Петербургѣ. *Я его очень полюбилъ*; намъ очень интересно знать, какъ ему понра-

вилась Анна Михайловна и знакомство съ ней исправило ли тѣ ложныя о ней понятія, которыя у него могли быть. Доволенъ ли онъ жизнью въ Москвѣ и своимъ тамъ положеніемъ? Передай намъ также, что узнаешь о своихъ; Катенька пишетъ тебѣ о тѣхъ извѣстіяхъ, которыя сообщаетъ намъ Лиза, и которыя, кажется, не были тебѣ извѣстны.

Благодарю, другъ Володя, за извѣстія и заботы о моихъ дѣлахъ. Не думаешь ли ты, что для ускоренія взысканія съ имѣнія Бенкендорфа было бы необходимо подать прошеніе въ Переяславскій Уѣздный Судъ о скорѣйшемъ взысканіи этихъ денегъ и просить судъ, чтобы по полученіи ихъ онъ выслалъ бы ихъ на твое имя въ Петербургъ, если объ этомъ ничего не сказано въ постановленіи Гражданской Палаты по этому дѣлу. Буду ожидать съ нетерпѣніемъ присылки отчетовъ изъ деревни и особенно нѣсколькихъ русскихъ книгъ, которыя ты мнѣ обѣщаешь. Какъ кстати было, что я купилъ и взялъ съ собою передъ отъѣздомъ карту Россіи, издан. Почт. Деп.; по ней я теперь слѣжу за ходомъ дѣлъ въ Дунайскихъ княжествахъ и на Кавказѣ. Сочиненія Гоголя, которыя ты мнѣ далъ взять съ собою, доставляютъ большое удовольствіе де Гривесу (консулу) и Чахову, которые ихъ перечитываютъ, особенно первому, такъ какъ онъ оставилъ Россію больше 7 лѣтъ тому назадъ.

Въ итальянскомъ языкѣ я, говорятъ, дѣлаю успѣхи, но, кажется, мнѣ прійдется отказаться отъ надежды говорить на этомъ языкѣ, такъ здѣсь мало случаевъ къ этому. Вездѣ слышишь только французскій языкъ, народъ же говоритъ на своемъ patois Nisard, весьма не благозвучномъ офранцуженномъ нарѣчіи. Въ театрѣ тоже кромѣ оперы и французскихъ водевилей ничего другого не играютъ. Теперь строятъ новый театръ для комедій на итальянскомъ языкѣ. Развѣ если мы рѣшимся весною поѣхать въ Италію, то удастся примѣнить къ дѣлу то, что успѣю узнать. Но слишкомъ было бы довольно и того, чтобы я могъ читать свободно итальянскія книги.

Прощай, другъ Володя! Обнимаю тебя отъ всей души. Когда то мы съ тобою увидимся? Если судьба затащитъ тебя въ Полтаву, то, не говоря уже о невозможности свидѣться намъ на Западѣ, всетаки намъ прійдется сказать тебѣ надолго: прости. Вчера у де Гривеса, гдѣ я обѣдалъ, разговорились о Малороссіи. Это край, котораго тому, кто въ немъ родился, нельзя не любить, но жить тамъ, думаю, должно быть невесело, когда живешь настоящимъ и будущимъ, а не прошедшимъ. Всѣ тебя цѣлуютъ, — „нашего добраго Володю“, поручаютъ сказать сестры. Я же обнимаю тебя еще разъ.

Твой братъ и другъ

М. Краснокутскій.

72.

Ницца, 16/28 *декабря 1853 г.*

Другъ Володя! Въ послѣднемъ письмѣ своемъ я писалъ тебѣ, что Зинаида немного больна, и надѣялся, что это скоро пройдетъ, но вышло иначе; вотъ девять дней, какъ мы перетревожены ея болѣзнью, которая замучила ее бѣдную совершенно; восемь дней она крошки не брала въ ротъ и боли желудка были такъ сильны, что не давали ей минуты покоя; поворачивали ее на простыняхъ, и Софья всѣ эти ночи провела у ея постели на креслѣ. Болѣзнь, хотя не опасная, но серьезная и мучительная—весь домъ верхъ дномъ, и только сегодня мы нѣсколько поспокойнѣе, такъ какъ ночь была недурна и вообще нашей больной какъ будто получше. Надо надѣяться, что теперь пойдетъ къ лучшему, хотя я не предвижу, чтобы поправленіе было скорое. Докторъ, къ которому мы обратились, кажется хорошъ; по крайней мѣрѣ безъ нужды не даетъ безпрестанно лѣкарствъ и не шарлатанъ.

Письмо твое отъ 22-го ноября мы получили нѣсколько дней тому назадъ; оно помирило насъ съ прежними твоими письмами, тѣмъ больше, что ты передаешь намъ извѣстіе о томъ, что твое перемѣщеніе въ Полтаву не состоялось, что особенно обрадовало моихъ дамъ, которыя не большіе партизанки Малороссіи, и на твой возможный отъѣздъ туда смотрѣли, какъ на потерю тебя для насъ. Послѣ послѣдняго письма моего, написаннаго, кажется, подъ вліяніемъ дурной погоды, этотъ элементъ господствуетъ въ теченіе послѣднихъ десяти дней, изъ которыхъ не больше трехъ были хороши; сегодня же холоднѣе всѣхъ до сихъ поръ бывшихъ; поутру поднялся вѣтеръ и нанесъ тучу, изъ которой начали перепархивать въ воздухѣ снѣжинки. По утрамъ это время бываетъ не больше 3-хъ или 4-хъ градусовъ тепла. Такъ какъ главное занятіе въ обычной жизни гостей Ниццы прогулка, то вопросъ о погодѣ и занимаетъ первое мѣсто.

Сегодня четвертый день здѣшнихъ Рождественскихъ праздниковъ. Ночь наканунѣ и первый день празднуются очень шумно народомъ: стрѣльба изъ пушекъ, пѣсни и т. п. На первый день всѣ ѣдятъ жареную индѣйку,—какъ лютеране на Мартыновъ день гуся. Разсылаютъ знакомымъ жареныхъ индѣекъ и мы изъ своихъ оконъ съ удивленіемъ видѣли длинную процессію изъ 30 жареныхъ индѣекъ, отправляющуюся во всѣ концы города, къ знакомымъ хозяина нашей гостинницы, къ которымъ онъ послалъ этихъ пернатыхъ въ сопровожденіи великолѣпныхъ букетовъ. Здѣшніе холодные дни, какъ сегодня, производятъ *странное впечатлѣ*ніе на насъ; видишь, въ саду розаны цвѣтутъ, какъ

мы ихъ привыкли видѣть въ іюнѣ, а въ воздухѣ попархиваютъ снѣжинки; ближнія горы покрыты зеленью оливковыхъ деревьевъ, а за ними другая гряда горъ покрыта бѣлымъ снѣжнымъ покровомъ.

Праздники были поводомъ къ большому разгару свѣтскихъ удовольствій — каждый вечеръ балъ за баломъ. Вчера одна англичанка, богатая старуха, давала балъ, на которомъ было больше 250 гостей. Для него она выписала изъ Лондона ужинъ, который долженъ былъ на пароходѣ явиться сюда совершенно готовый, въ герметически закупоренныхъ оловяныхъ ящикахъ. Къ несчастью гостей адресъ на ящикахъ былъ написанъ невнятно, пароходъ, на которомъ былъ ожидаемый ужинъ, по пути въ Аѳины, заѣхалъ въ гавань Вилла Франка, но по адресу не могъ добиться толку, кому были присланы ящики, и потому отправился дальше съ ними. Благодаря этому случаю, гости остались безъ ужина и должны были довольствоваться конфетами и мороженнымъ, что̀ впрочемъ для нихъ было въ привычку, такъ какъ всѣ здѣшніе вечера обыкновенно не сопровождаются ужинами, исключая, разумѣется, тѣхъ, какіе даютъ русскіе, которые, по обычному хлѣбосольству, не отпускаютъ гостей, не накормивъ. Изъ русскихъ Трубецкіе и Толстой (шталмейстеръ) дали по одному вечеру. Кстати о мороженномъ: здѣсь оно очень хорошо и порція всего стоитъ 4 су, т. е. 5 коп. сер. Мы получили на завтрашній день приглашеніе на вечеръ къ нашему банкиру Авигдору; если дома все будетъ хорошо, то я собираюсь отправиться туда посмотрѣть наконецъ здѣшніе балы.

Кстати отъ банкира перейти къ деньгамъ; на дняхъ писалъ въ деревню, дѣлалъ распоряженія о доходахъ и приказалъ, чтобы въ февралѣ выслали на твое имя 3000 руб. сер. Увѣдомляю тебя объ этомъ, чтобы ты не удивился при полученіи ихъ. Пока положи ихъ въ кредитныя установленія до тѣхъ поръ, пока я не напишу тебѣ, на какое мѣсто мнѣ нужны будутъ весною векселя или кредитивъ. До сихъ поръ мы ровно ничего еще не рѣшили, когда оставляемъ Ниццу и куда отправимся. Kommt Zeit, kommt Rath, говорятъ нѣмцы.

Въ послѣднее время мы замѣчаемъ, что въ письмахъ твоихъ проявляется не совершенно спокойное состояніе твоей души. Такъ ли это или мы ошибаемся? Развѣ то внутреннее спокойствіе, которое, отражаясь на твоемъ лицѣ, заставляло Катеньку называть тебя въ послѣднее время твоего пребыванія въ Петербургѣ цѣлительнымъ бальзамомъ,—развѣ оно нарушено? Ты не пишешь намъ ничего о своей каждодневной жизни,—какъ она идетъ? Неужели послѣ отъѣзда нашего и Дмитрія Дарагана изъ Петербурга у тебя нѣтъ тамъ другого семейнаго круга, гдѣ бы тебѣ было привольно, кромѣ Анны Михайловны, и отлучки ея изъ Петербурга неужели оставляютъ тебя безсемейнымъ, одного съ твоими сенатскими дѣлами? Что дѣлается въ твоей семьѣ

въ Чевельчѣ? Не ожидаешь ли ты своего отца въ Петербургъ? Отъѣздъ Миши, я думаю, будетъ имѣть вліяніе на домашній бытъ Анны Михайловны тѣмъ, что съ удаленіемъ шумнаго, развлекающаго элемента Анна Мих. еще больше бросится въ омутъ институтскихъ дѣлъ, чтобы найти во внѣшней дѣятельности лѣкарство отъ внутренняго безпокойства. Ты намъ также давно ничего не писалъ о Васѣ Максимовичѣ. Что онъ дѣлаетъ? Живетъ ли по прежнему около тебя или почти что у тебя? Остается ли онъ такимъ же, какъ былъ, и его общество по прежнему не вноситъ въ твою жизнь никакого сколько нибудь развлекающаго элемента? Напиши также о твоихъ служебныхъ дѣлахъ: какой ходъ приняло твое перемѣщеніе въ Полтаву и по прежнему ли ты его желаешь? Я часто размышляю объ этомъ, и если изрѣдка и желаю его для тебя, думая, что провинціальная жизнь, лично и необходимо сближающая людей, спокойная и тихая, неизбѣжно ограниченная домашнимъ или короткимъ обществомъ, была бы тебѣ по характеру, за то опять часто боюсь ея для тебя, воображая, какъ мало симпатичныхъ людей находишь въ провинціи; чтобы столкнуться съ ними для такого неискательнаго и немного нелюдимаго человѣка, какимъ ты больше и больше дѣлаешься, нуженъ счастливый случай, и потому вѣрнѣе сохранить тѣ сердечныя связи, которыя у тебя есть и которыя твой отъѣздъ непремѣнно почти-что разорветъ.

Наша жизнь въ Ниццѣ идетъ совершенно однообразно, и съ тѣхъпоръ какъ мы писали тебѣ, въ ней не произошло ни малѣйшей перемѣны. Число нашихъ знакомыхъ не увеличилось. Сан-Витали, о которыхъ мы тебѣ писали, почти каждый вечеръ на нѣсколько часовъ бываютъ у насъ, иногда консулъ, а раза два въ мѣсяцъ театръ—вотъ все разнообразіе. Въ остальномъ мы въ совершенной зависимости отъ погоды: когда солнце на небѣ, день теплый, то и здоровье лучше, и на душѣ свѣтлѣе, и все кажется въ лучшемъ свѣтѣ! Нѣтъ солнца, вѣтеръ или дождь, туманныя облака на небѣ,—иногда и Ницца не нравится, и сердце и тѣло сжимаются и страдаютъ подъ вліяніемъ погоды. Не подумай изъ этого, чтобы я жаловался на здоровье! Разумѣется, это время года, здѣшняя зима, похожая на нашу хорошую осень, всетаки даетъ себя чувствовать, но однако Петербургскія ощущенія отдаются въ тѣлѣ, какъ эхо, напоминающее прошлый громъ, и между плохими днями у меня довольно и хорошихъ. Не могу сказать того же о Катенькѣ: она не поправляется и въ такомъ же положеніи, какъ была въ Петербургѣ. Зинаида все это время вела себя хорошо; только три дня тому назадъ опять воротились Петербургскіе желудочные припадки. Надѣюсь, не надолго. Она отказалась отъ итальянскаго языка, которымъ хотѣла заниматься вмѣстѣ со мною, и теперь я продолжаю учиться ему одинъ. *Не знаю, выйдетъ ли* толкъ изъ моего ученья и успѣю ли я узнать

его въ полъ года настолько, чтобы, составивши здѣсь небольшую итальянскую библіотеку изъ лучшихъ книгъ, одному чтеніемъ поддержать и сохранить пріобрѣтенныя свѣдѣнія. Говорить же на немъ не думаю, чтобы мнѣ удалось выучиться, такъ какъ здѣсь, какъ я уже тебѣ писалъ, мало случаевъ къ этому. Нынѣшній годъ здѣсь много русскихъ, но, какъ вездѣ, они разбились на кружки; есть аристократическій кружокъ, состоящій изъ Паниной, Щербатовой, Толстыхъ и т. п.; есть балтійско-нѣмецкій кружокъ: Икскюли, Паткули и т. п.— Черноморы, какъ ихъ зовутъ въ Дерптѣ. Есть совершенно демократическій кружокъ, составленный изъ разнородныхъ составныхъ частей. Нѣкоторые, особенно больные, живутъ въ сторонѣ, всякій на свой ладъ.

Вотъ, другъ Волоця, тебѣ и Ниццская жизнь съ туманной точки зрѣнія (нынче ночью былъ дождь, и солнце не хочетъ показаться и согрѣть насъ, принужденныхъ замѣнить его каминомъ.) Въ матерьяльномъ отношеніи мы теперь очень удобно устроились, перебравшись въ томъ же отелѣ въ другую квартиру, отдѣланную для насъ, гдѣ мы совершенно одни и гдѣ, кромѣ каминовъ, намъ поставили 2 фаянсовыя печи, согрѣвающія зябкихъ сѣверныхъ перелетныхъ гостей. Плановъ на будущее время, въ которыхъ бы мы опредѣляли свой будущій полетъ въ другія страны и время возвращенія на родину, мы еще не дѣлаемъ. Обнимаю тебя крѣпко-крѣпко и надѣюсь, что будущее твое посланіе не заставитъ насъ долго себя ждать и будетъ веселѣе.

Твой другъ и братъ

М. Краснокутскій.

73.

Ницца, $\frac{\textit{17-го февраля}}{\textit{1 марта}}$ *1854 г.*

Недавно писалъ тебѣ, другъ Володя, и опять хочу написать нѣсколько словъ по поводу полученныхъ нами новыхъ извѣстій изъ Мачкасъ и отъ Лизы. Насчетъ первыхъ я получилъ увѣдомленіе изъ Мачкасъ отъ 7-го января, съ вѣдомостями, по коему я вижу, что около этого времени еще не были оттуда высланы тебѣ 3000 руб. сер., согласно данному мною приказанію. Такъ какъ эта сумма находится въ приходѣ, то невысылку ея я приписываю замедленію въ ходѣ почты, по коему еще не получено мое приказаніе, такъ какъ прямо отсюда

письма идутъ очень долго. Но такъ какъ, въ настоящемъ положеніи вещей, очень можетъ быть, что намъ надобно будетъ выѣхать отсюда нѣсколько раньше, нежели мы прежде предполагали, можетъ быть, въ послѣднихъ числахъ здѣшняго марта мѣсяца, т. е. черезъ 4 недѣли, и какъ къ отъѣзду и на дорогу мнѣ нуженъ денежный секурсъ, чтобы быть совершенно обезпеченнымъ, то прошу тебя по полученіи этого письма, въ случаѣ, если ты мнѣ еще не выслалъ денегъ, за неполученіемъ ихъ изъ Мачкасъ, сдѣлать мнѣ слѣдующее одолженіе: достать 500 руб. сер. на нѣсколько недѣль и выслать мнѣ эту сумму, векселемъ или кредитивомъ, чтобы я могъ получить 2000 фр. здѣсь на мѣстѣ передъ отъѣздомъ. Такъ какъ деньги изъ Мачкасъ не могутъ замедлить, то по полученіи ихъ ты сейчасъ же и уплатишь этотъ долгъ, остальныя же не будешь высылать мнѣ до того, какъ я увѣдомлю тебя, куда мы отправимся: въ Вѣну, или въ Дрезденъ черезъ Франкфуртъ. Объ деньгахъ пишу тебѣ на всякій случай, такъ какъ не могу сомнѣваться, чтобы онѣ не были высланы къ настоящее время. Развѣ бы оба мои приказанія въ Мачкасы пропали на почтѣ! Потому на неожиданный случай, что точно еще тобою не получены деньги изъ Мачкасъ, доставши 500 руб., о которыхъ я тебя прошу, вмѣстѣ съ тѣмъ напиши приказаніе Платону, чтобы немедленно выслалъ тебѣ 3000 руб. сер.

Изъ начала моего письма и изъ предположенія оставить Ниццу раньше, нежели мы располагали, ты видишь, что духъ моихъ дамъ, особенно моей супруги, не въ совершенно спокойномъ состояніи,—не потому, чтобы для этого было малѣйшее основаніе,—но по обыкновенному влеченію ея воображенія создавать себѣ разныя химеры. Для успокоенія же ея нужно, чтобы она знала, что можетъ, когда захочетъ, оставить Ниццу; изъ этого и повторенныя просьбы о высылкѣ денегъ.

Вчера получили мы письмо отъ Лизы. Какъ я и предполагалъ, она не собирается уѣзжать въ Малороссію, въ чемъ я совершенно съ ней согласенъ, такъ какъ, при необходимой разлукѣ съ мужемъ, и для здоровья Лизы, и для воспитанія Маши, и даже въ денежномъ отношеніи жизнь въ Дрезденѣ представляетъ въ тысячу разъ болѣе удобствъ и выгодъ, нежели жизнь въ Малороссіи. Потому, исключая непредвидимыя обстоятельства, можно предполагать и желать для Лизы, чтобы она все время, что Николай Ив. будетъ въ арміи, оставалась бы въ Германіи. Лиза спрашиваетъ насъ о нашихъ проэктахъ на весну и какъ и гдѣ намъ съѣхаться. Она располагаетъ ѣхать въ концѣ нашего поста въ Берлинъ или Вѣну—говѣть, такъ какъ въ Дрезденѣ нѣтъ русской церкви. Катенька пишетъ ей и уговариваетъ для этого ѣхать въ Вѣну, гдѣ тогда мы вѣроятно съѣдемся. Только мы не знаемъ, когда начался нашъ постъ, не имѣя календаря; когда же узнаемъ отъ Лизы *время ея вы*ѣзда въ Вѣну, то постараемся пріѣхать туда въ одно время

съ нею. Не думаю, чтобы мы поѣхали во Флоренцію, какъ предполагали сначала. Погода здѣсь по прежнему очень хороша. Съ весеннимъ воздухомъ дѣлается сильнѣе желаніе увидѣть опять веселыя окрестности Дрездена, вмѣсто здѣшнихъ вѣчно зеленѣющихъ оливковыхъ деревьевъ, которыя потому то и лишены той свѣжей, весенней зелени, которой ищутъ глаза весною. Прощай, другъ Володя. Обнимаю тебя отъ всей души.

Твой братъ и другъ

М. Краснокутскій.

74.

Ницца, 2/14 *марта 1854 г.*

Третьяго дня получили мы, другъ Володя, послѣднее письмо твое отъ 13-го февраля. Благодаримъ тебя за высылку книгъ и отчетовъ. До сихъ поръ мы ихъ еще не получили, но, надѣюсь, они не замедлятъ. Одно только меня очень удивляетъ—это то, что ты до сихъ поръ не получилъ денегъ изъ Мачкасъ. По послѣднимъ извѣстіямъ оттуда, отъ 7-го января, я знаю, что тамъ къ концу декабря еще было на лицо болѣе 3,000 руб. сер.; я же приказывалъ, немедленно по полученіи этой суммы въ приходъ, выслать ее тебѣ, о чемъ и тебя предувѣдомлялъ. Сначала я думалъ, что мое приказаніе объ этомъ замедлило въ пути, но теперь начинаю думать, что оно пропало на почтѣ, что было бы очень непріятно, какъ въ отношеніи замедленія высылки денегъ, такъ и въ отношеніи моихъ другихъ распоряженій. Недавно писалъ туда подтвердительное приказаніе о немедленной высылкѣ къ тебѣ 3,000 р. сер., но такъ какъ мои письма идутъ болѣе 6 недѣль, то и боюсь замедленія изъ Мачкасъ. Потому и прошу тебя вновь, по полученіи сего, выслать мнѣ хоть 500 руб. сер., чтобы я могъ совершенно обезпеченнымъ выѣхать изъ Ниццы и, если вздумается, проѣхать въ Италію до Флоренціи, какъ мы это располагаемъ теперь. Вмѣстѣ съ тѣмъ для ускоренія присылки денегъ напиши Платону, чтобы поскорѣе ихъ выслалъ тебѣ, или еще лучше, если до сихъ поръ ты ихъ не получилъ, пошли ему приложенную при семъ записочку. Если ты по послѣднему письму моему уже выслалъ мнѣ деньги, то еще высылать больше, по полученіи ихъ изъ Мачкасъ, подожди, пока я не увѣдомлю тебя, куда мы отправимся и долго ли останемся въ Вѣнѣ, гдѣ мы назначили свиданіе Лизѣ, въ случаѣ если она рѣ-

шится ѣхать туда говѣть. Скоро, вѣроятно, получимъ отъ нея отвѣтъ, о содержаніи коего увѣдомимъ и тебя.

Въ настоящее время твои письма, кромѣ обыкновеннаго удовольствія, которое они намъ доставляютъ, производятъ успокоительное дѣйствіе на духъ моихъ дамъ и служатъ противоядіемъ противъ Московскихъ писемъ, наполненныхъ самыми несбыточными извѣстіями. Марья Павл. требуетъ, чтобы мы еще весною возвращались въ Россію; ты же уговариваешь остаться еще на будущую зиму для совершеннаго поправленія здоровья. По всей вѣроятности, мы изберемъ средній путь и пробудемъ за границей до конца августа. Наша жизнь здѣсь идетъ по прежнему; погода теперь стоитъ прекрасная—въ эту минуту пишу тебѣ у отвореннаго окна съ закрытыми жалузи, чтобы защититься отъ палящаго солнца, которое заставляетъ насъ ходить постоянно съ распущенными зонтиками. Говорятъ, что особенно въ февралѣ и мартѣ надобно беречься его вліянія. Софья поручаетъ тебѣ сказать, что она видѣла тебя во снѣ нынче ночью, что ей было очень пріятно; на планы же видѣть тебя нынѣшній годъ въ дѣйствительности, кажется, нечего разсчитывать. Мы гуляемъ каждый день въ открытой коляскѣ по окрестностямъ, которыя понемногу принимаютъ весенній видъ. Я по прежнему часа два въ день посвящаю чтенію журналовъ, и потомъ перечитываю моимъ дамамъ то, что особенно можетъ ихъ интересовать, т. е. все то, что выходитъ изъ-подъ русскаго пера. Отвѣтъ Государя на письмо Людовика Наполеона, меморандумъ нашего кабинета ко всѣмъ иностраннымъ дворамъ, объясняющій весь ходъ Восточнаго вопроса, и т. п.—наконецъ порадовали насъ тѣмъ, что мы услышали отвѣтъ на на всѣ обвиненія противъ Россіи.

Благодарю, другъ Володя, за всѣ извѣстія о близкихъ и родныхъ. Радуемся за Мишу, что онъ веселится,—онъ родился въ рубашкѣ и судьба ему такъ постоянно улыбается, что можно быть увѣреннымъ, что она и дальше ему не измѣнитъ. Ты не пишешь ничего о Дмитріи Дараганѣ: все ли онъ въ Валдаѣ, или находится въ другомъ мѣстѣ, также, гдѣ Антонина, съ нимъ ли, или пріѣдетъ къ отцу? Что дѣлаетъ Николай Ивановичъ Гауеръ—веселится ли по прежнему? Здоровье Катеньки и Зинаиды не въ совершенно удовлетворительномъ положеніи и аптекарская кухня все-таки насъ не оставляетъ. Ты пишешь о Васѣ [1]), что онъ оживился,—развѣ онъ собирается на дѣйствительную службу до окончанія академическаго курса? Ты не пишешь о себѣ, по прежнему ли ты посѣщаешь твоихъ оффиціальныхъ знакомыхъ или оставилъ ихъ. Пиши намъ почаще о себѣ и обо всемъ, что дѣлается въ на-

---

[1]) *Максимовичъ.*

стоящую минуту, когда надобно идти на защиту народнаго достоинства и чести; такъ хочется быть въ Россіи, гдѣ русскія чувства найдутъ отголосокъ. Но что съ этимъ дѣлать?—надобно покориться судьбѣ.

Прощай, другъ Володя! Будь веселъ и здоровъ, не забывай насъ и пиши почаще. Всѣ тебя обнимаютъ, какъ брата и друга.

Твой М. Краснокутскій.

75.

Ницца, 12/24 *марта 1854 г.*

Дней десять тому назадъ писалъ къ тебѣ, другъ Володя, и теперь опять принимаюсь за перо, чтобы сказать тебѣ нѣсколько словъ. Приближеніе весны, общій примѣръ всѣхъ гостей Ниццы, разъѣзжающихся понемногу въ разныя стороны, побуждаютъ и насъ ускорить нашъ выѣздъ отсюда, противъ того, какъ мы предполагали. По всѣмъ вѣроятіямъ, дней черезъ десять мы выѣзжаемъ отсюда прямо въ Вѣну. Ѣхать во Флоренцію уже не располагаемъ, съ одной стороны, потому что невысылка денегъ дѣлаетъ это невозможнымъ, съ другой стороны (еслибы мы и получили до отъѣзда деньги, о высылкѣ которыхъ я тебя просилъ) дорогъ слишкомъ утомляютъ насъ, особенно при ѣздѣ въ дилижансахъ; къ тому же въ Вѣнѣ все чувствуешь себя, какъ будто почти дома, такъ какъ 24 часа ѣзды по желѣзной дорогѣ переносятъ тебя въ Варшаву. Кромѣ того намъ оставаться за границей вѣроятно недолго, а видѣть интереснаго и въ Германіи много; потому лучше выбрать то, что дается легче. Поѣдемъ не торопясь, посмотримъ на Миланъ и Венецію, и въ половинѣ апрѣля, т. е. къ тому времени, когда тамъ можно надѣяться на хорошую погоду, будемъ въ Вѣнѣ. Потому, другъ Володя, не пиши намъ больше сюда, а адресуй, по полученіи сего, твои для насъ драгоцѣнныя посланія въ Вѣну. Очень бы хотѣли, по пріѣздѣ туда, найти тамъ Лизу, отъ которой еще не получили извѣстія, рѣшится ли она ѣхать говѣть туда, или въ Берлинъ. Если она поѣдетъ туда, то къ 16-му апрѣля (нов. стиля), къ началу страстной недѣли, она будетъ тамъ; значитъ, въ одно время съ нами. Если ты выслалъ мнѣ деньги сюда, и если я не получу ихъ до отъѣзда, то поручу переслать мнѣ ихъ въ Вѣну; тебя же прошу во всякомъ случаѣ, если бы даже ты и послалъ мнѣ сюда денегъ, всетаки прислать мнѣ еще 1500 руб. сер. въ Вѣну, такъ какъ тѣ, которыя меня не застанутъ здѣсь, могутъ запоздать въ пересылкѣ, а мнѣ бы хотѣ-

лось найти ихъ по пріѣздѣ въ Вѣну. Это, разумѣется, прошу тебя въ случаѣ, если ты получилъ деньги изъ Мачкасъ; если же нѣтъ, то только разсчитываю на 500 руб. сер., которые я просилъ тебя занять и прислать мнѣ до полученія изъ Мачкасъ секурса, и которые, если не получу ихъ еще здѣсь, прійдутъ ко мнѣ въ Вѣну, откуда я не двинусь до полученія денегъ. По кредитиву Гассера въ 3500 руб. сер. (13. 650 фр.) я деньги всѣ взялъ и этотъ кредитивъ будетъ переслань здѣшнимъ банкиромъ къ Гассеру. Потому надобно будетъ черезъ нѣсколько времени, когда Гассеръ получитъ кредитивъ, сдѣлать съ нимъ разсчетъ, сколько стоитъ пересылка денегъ, сколько приходится процентовъ отъ времени полученія имъ денегъ до времени полученія ихъ здѣсь мною, и затѣмъ, сколько остается получить съ него. Посланной тобою посылки мы до сихъ поръ еще не получили, что заставляетъ насъ думать, не пропала ли она, такъ какъ тотъ разъ мы получили посылку въ одинъ день почти съ письмомъ, гдѣ ты увѣдомляешь о высылкѣ ея, а теперь прошло около 10 дней съ полученія твоего письма. Развѣ этотъ разъ ты послалъ ее другимъ путемъ, нежели первый разъ? Изъ Мачкасъ дня два тому назадъ получилъ письмо, но самое краткое, служащее дополненіемъ къ предыдущему письму, котораго я не получилъ; не знаю, что и подумать объ этомъ безпорядкѣ въ корреспонденціи. Развѣ это письмо было переслано къ тебѣ вмѣстѣ съ вѣдомостями за декабрь, которыя должны были быть получены тобою въ концѣ января? Взгляни въ пакетѣ, полученномъ тобою въ это время, нѣтъ ли между вѣдомостями вложеннаго донесенія отъ конторы, и если оное найдется, то пришли мнѣ его, вѣдомости же оставь, такъ какъ онѣ мнѣ пока не нужны. Отвѣтъ на это письмо надѣюсь получить въ Вѣнѣ, куда располагаемъ пріѣхать, какъ я тебѣ писалъ, въ 20-хъ числахъ апрѣля. Желательно, чтобы насъ здѣсь ничто не задержало, хотя боюсь, что Зинаидино здоровье, если оно будетъ въ томъ же положеніи, какъ теперь, не позволитъ намъ путешествовать иначе, какъ съ большими роздыхами. Вотъ, другъ Володя, пока все, что я хотѣлъ сказать тебѣ. Затѣмъ обнимаю тебя за себя и за всѣхъ моихъ и прошу писать намъ чаще.

Твой другъ и братъ

М. Краснокутскій.

$^{16}/_{28}$ *марта.*

Другъ Володя! Только что запечатавъ, хотѣлъ третьяго дня отправить это письмо, какъ мнѣ принесли объявленіе о присылкѣ страннаго письма. Ожидая отъ тебя денегъ, я подождалъ отправлять это

письмо и вчера получилъ, какъ твое письмо отъ 25-го февраля, такъ и донесеніе Платона, и деньги. Благодарю тебя очень за присылку ихъ, такъ какъ замедленіе высылки ихъ изъ Мачкасъ, происшедшее, вѣроятно, отъ пропажи одного письма моего, насъ озабочивало, какъ ты это могъ видѣть изъ послѣднихъ нашихъ писемъ. Дней черезъ 8 или много 10 думаемъ выѣхать отсюда; въ Вѣнѣ будемъ ждать извѣстій отъ тебя. Насчетъ денегъ прошу тебя, какъ получишь изъ Мачкасъ еще 3000 руб. сер., вышли мнѣ на Вѣну векселей на 1500 руб. сер. Получить ихъ нѣсколько раньше, или нѣсколько позже, мнѣ все равно; потому попроси Риттера, чтобы воспользовался, когда найдетъ курсъ выгоднымъ, и купилъ бы векселей тогда на Вѣну. Во всякомъ случаѣ мнѣ хотѣлось бы получить ихъ къ 1-му маю по нашему стилю. Тороплюсь кончить мое посланіе; объ остальномъ будемъ писать на дняхъ. Обнимаю тебя.

Твой братъ и другъ

М. Краснокутскій.

76.

Ницца, $\frac{\text{25 марта}}{\text{6 апрѣля}}$ 1854 г.

Въ припискѣ къ послѣднему моему письму я увѣдомлялъ тебя, другъ и братъ Володя, о полученіи письма твоего отъ 25 февраля и присланныхъ съ нимъ векселей. Посылки, съ вѣдомостями я до сихъ поръ не получилъ и думаю, что она пропала. Впрочемъ оставляю здѣсь свой адресъ на Вѣну, для пересылки ихъ, въ случаѣ, если онѣ пріидутъ послѣ моего отъѣзда. Завтра поутру мы отправляемся отсюда въ Геную, по знаменитой chemin de la Corniche, которая наводитъ безсонницу на Катеньку, при ея воспріимчивости ко всѣмъ возможнымъ страхамъ. Она была здѣсь поставлена въ отношеніи нашего отъѣзда въ Геную entre le marteau et l'enclume: и по морю ѣхать бѣда, и по суху горе; наконецъ выбрали послѣднее. Гости Ниццы всѣ разъѣзжаются—большая часть русскихъ уѣхала на нынѣшней недѣлѣ на пароходѣ въ Геную, откуда хотятъ проѣхать во Флоренцію на 8 или 10 дней, и быть въ концѣ апрѣля или началѣ мая въ Германіи. Какъ я слышалъ, почти всѣ собираются возвращаться въ Россію осенью, воспользовавшись лѣтомъ водами въ Германіи. Примѣръ всѣхъ ѣдущихъ

во Флоренцію и то, что говорятъ о прелести ея весною, придаетъ дорожней храбрости моимъ дамамъ, такъ что нашъ паспортъ визированъ во Флоренцію. Только я сомнѣваюсь, чтобы эта храбрость устояла противъ усталости послѣ 24-хъ часовой, ѣзды и очень вѣроятно, что по пріѣздѣ въ Генную умы опять обратятся къ прежнему плану путешествія. Въ Вѣнѣ надѣюсь найти извѣстія отъ тебя; увѣдомь насъ, не слышно ли, что насъ вызовутъ изъ за границы домой; если это должно быть, то пріятно знать заранѣе, чтобы, смотря потому, распорядиться своимъ временемъ и дѣлами. Хотѣлось бы, чтобы было возможно остаться до августа въ Германіи и пользоваться тамъ водами. Для Зинаиды это особенно необходимо, и изъ Вѣны мы черезъ Дрезденъ думаемъ отправиться въ Карлсбадъ, или въ Маріенбадъ, такъ какъ тамошнія воды ей будутъ необходимы. Вотъ три мѣсяца, какъ она больна, и до сихъ поръ не можетъ поправиться.

Я просилъ уже тебя и теперь повторяю мою просьбу прислать мнѣ, по полученіи этого письма, въ Вѣну векселей на 1500 руб. сер. Попросишь Риттера взять ихъ на то мѣсто, на которое курсъ выгоднѣе, такъ какъ деньги мнѣ будутъ нужны не въ Вѣнѣ (на пребываніе тамъ мнѣ станетъ присланныхъ тобою), а на дальнѣйшій путь по Германіи, напр. въ Дрезденѣ Здѣсь много говорятъ о затрудненіи и большихъ издержкахъ, сопряженныхъ въ настоящее время съ пересылкой денегъ, и будто на Гамбургъ еще выгоднѣе другихъ мѣстъ брать векселя.

Отъ Лизы мы не получали извѣстій и только по газетамъ знаемъ о подвигахъ Николая Ивановича. Что то дѣлаетъ Миша Дараганъ? Поплясавши вдоволь въ Бухарестѣ, хорошо бы, еслибы удалось ему его желаніе сказать bon-jour Омеръ-пашѣ. Анна Мих., а особенно Лиза, я думаю въ большомъ за него безпокойствѣ, тѣмъ болѣе, что при его вѣтренной головѣ онъ имъ не будетъ писать часто. Право, когда обратишься мыслью на родину, вспомнишь живо настоящее положеніе вещей, то желаніе возвратиться домой дѣлается еще живѣе.

Прощай, другъ Володя! Мы всѣ обнимаемъ и цѣлуемъ тебя. Завтра поутру въ путь и теперь все идетъ въ укладку. Будь здоровъ и веселъ.

Твой братъ и другъ

М. Краснокутскій.

Милый Володя! Цѣлую Васъ крѣпко за себя и сестеръ; завтра ѣдемъ, мысль о Корнишахъ меня тревожитъ; при моей храбрости Вы это поймете. У насъ погода давно лѣтняя; все ароматы и цвѣты.

Прощайте, Ваша К.

77.

Венеція, 23 апрѣля 1854 г.

Милый Володя!

Христосъ Воскресе!—говорю Вамъ съ береговъ Адріатическаго моря. Здѣсь мы встрѣтили Пасху въ греческой церкви, гдѣ много насъ русскихъ собралось. Вотъ мы уже 3 дня въ Венеціи и здѣсь мнѣ очень нравится; мы живемъ на самомъ большомъ каналѣ и нерѣдко садимся въ гондолу; я, не любящая воды, съ удовольствіемъ катаюсь. Нынче, послѣ нашей обѣдни, было гулянье на водѣ; военная музыка ѣхала на украшенной гондолѣ, а за ней множество дамъ и мужчинъ катались часа полтора; очень оригинально.

Постараюсь Вамъ разсказать по порядку наше путешествіе со дня отъѣзда изъ Ниццы. Апрѣля 7 мы оставили Ниццу въ 8 часовъ утра; день былъ чудесный и мы, простившись съ пришедшими насъ проводить знакомыми, сѣли въ огромный дилижансъ и пустились по извѣстному chemin de la Corniche Первая часть этой дороги удивительно живописная, вышина дороги надъ моремъ значительная, такъ что смотрѣть внизъ не многіе любятъ, но удивительно, что на меня, при всей трусости, это не произвело дурного впечатлѣнія, а напротивъ. Проѣхавъ такъ всю ночь, мы утромъ пріѣхали въ Геную, гдѣ насъ ожидала заготовленная квартира въ гостинницѣ Hôtel de la ville въ самомъ портѣ. Видъ удивительный, при лунномъ свѣтѣ море было чудесное и намъ очень понравилось. Городъ прекрасный, извѣстный по множеству прекраснѣйшихъ мраморныхъ дворцовъ; тутъ при хорошей погодѣ явилась охота къ туризму. Мы ходили и ѣздили много, даже за городъ, посѣщали извѣстную villa Palavicini и разные palazzo. Michel былъ у Penabel и нашелъ его настолько постарѣвшимъ, что не могъ узнать.

Въ Генуѣ мы провели недѣлю довольно пріятно, кромѣ того, что все время были въ нерѣшеніи, ѣхать ли во Флоренцію; навигація была чудесная, пароходъ почти у нашихъ ногъ отправляется; но наконецъ, разсуждая шесть цѣлыхъ дней, рѣшились на седьмой отложить поѣздку до счастливѣйшаго времени, и взяли билетъ, чтобы ѣхать съ Corriere въ Миланъ. Такимъ образомъ мы отправились съ почтой, ѣхали цѣлую ночь и пріѣхали въ Миланъ поутру рано, довольно назябнувшись, ибо время перемѣнилось изъ жаркаго въ холодное; въ Миланѣ остановились въ лучшемъ Hôtel, но, не найдя комнатъ на солнце, страдали отъ холода, такъ что всѣ попростудились, чувствовали познобъ, пили горячее на ночь и кой какъ поправились. Черезъ четыре

дня уѣхали изъ скучнаго и холоднаго Милана, гдѣ восхищались только соборомъ. Въ слѣдствіе этой простуды Софья Павловна получила ревматизмъ въ пятку, такъ что теперь ступить не можетъ и сидитъ съ закутанной ногой.

Какъ видите, Володя, вотъ мы здѣсь съ 22-го и я пишу Вамъ это письмо всякій день понемногу. Здѣсь насъ встрѣтило очень пріятное то уже, что могли быть въ церкви въ день Пасхи, гдѣ греческій митрополитъ, служа обѣдню на своемъ языкѣ, читалъ въ удовольствіе русскимъ по славянски Евангеліе и нѣкоторыя молитвы; старикъ почтенный, съ сѣдой бородой; ему стоило это большого труда, но въ самомъ дѣлѣ очень любезно съ его стороны.

Теперь однако съ понедѣльника—погода ужасная; два мѣсяца слишкомъ царствовала тишина и бездождіе, а теперь вѣтеръ, дождикъ, и при здѣшней необходимости плавать - это не удобно; надо сидѣть дома и мы, можно сказать, сидимъ теперь не у моря, а въ морѣ и ждемъ погоды, ибо нашъ Hôtel, находясь на самомъ большомъ каналѣ, плаваетъ въ водѣ. Здѣсь пропасть русскихъ, возвращающихся изъ Италіи; всѣ направляются въ Германію. Мы живемъ въ гостинницѣ, вмѣстѣ съ Киндяковымъ, женатымъ на Скребницкой,—наши Симбирскіе жители; мы съ нимъ встрѣтились въ Генуѣ и ѣдемъ другъ за другомъ.

Наши разсчеты попасть въ Вѣну къ Святой не удались, и теперь, при этой погодѣ, всѣ пріостановились плыть въ Тріестъ. Такъ бурно, что нынче даже и пароходъ не пошелъ ни туда, ни оттуда.

Вотъ покуда, милый другъ Володя, всѣ наши похожденія. Какъ только погода прояснится, всѣ мы на пароходъ; только 6 часовъ до Тріеста, а тамъ 15 до Лайбаха въ дилижансѣ, а потомъ 15 желѣзной дорогой до Вѣны.

Сыта я, признаюсь, путешествовать, особенно въ дилижансахъ; желаю поскорѣе выѣхать на желѣзный путь. Въ Вѣнѣ теперь праздники по случаю свадьбы, такъ что помѣщеніе, говорятъ, трудно найти до 1 мая; пріѣхавъ туда, мы не можемъ еще сказать, сколько пробудемъ тамъ. Мы ожидаемъ найти деньги, которыя Миша Вамъ писалъ изъ Ниццы туда прислать; я бы очень желала ихъ тамъ найти, ибо это моя особенная забота, и надѣюсь, что ихъ найдемъ тамъ.

Если же Вы почему либо ихъ не послали еще туда, то Миша Васъ проситъ прислать ихъ, не медля, въ Дрезденъ poste restante, также en lettre chargée, какъ Вы прислали послѣдніе векселя въ Ниццу, чтобъ не пропало. Мы въ Вѣнѣ уже вѣрно такъ долго не останемся, какъ полагали прежде, ибо по дурной этой погодѣ просидимъ лишнее *время въ Венеціи,* что довольно скучно.

Изъ Вѣны мы поѣдемъ въ Дрезденъ къ Лизѣ, которая насъ ждетъ; тамъ подумаемъ вмѣстѣ, что намъ дѣлать: прожить ли гдѣ нибудь, какъ она приглашаетъ, лѣто вмѣстѣ, или намъ ѣхать въ Москву?

Прощайте пока, Володя, цѣлую Васъ; давно Вамъ не писала, ибо была неспокойна, за что мнѣ достается отъ Миши, но таковъ уже мой характеръ.

Цѣлую Васъ отъ всего сердца; до свиданія; когда доплыву до Дрездена, то буду поближе къ Вамъ. Всѣ мы Васъ цѣлуемъ.

К. К.

P. S. Миша Вамъ не пишетъ; что-то залѣнился; ушелъ обѣдать въ Café T. Carier.

78.

Вѣна, 5/17 *мая 1854 г.*

Третьяго дня ввечеру наконецъ добрались мы до Вѣны, другъ Володя, послѣ 5-и недѣльнаго путешествія, въ теченіе котораго мы оставили тебя почти безъ извѣстій о себѣ, такъ какъ, кромѣ письма Катеньки изъ Венеціи, ты не получалъ отъ насъ другихъ извѣстій, со дня отъѣзда изъ Ниццы по сію пору. Какъ ты знаешь уже, мы выѣхали изъ Ниццы 7-го апрѣля (н. с.) и, проѣхавъ страшившіе Катеньку Корниши, преспокойно и безъ всякихъ страховъ пріѣхали на другой день въ Геную. Здѣсь пробыли 6 дней, которые провели очень пріятно, благодаря поправившемуся здоровью Зинаиды, прекрасной погодѣ и живописному положенію города. За то въ Миланѣ насъ встрѣтилъ холодъ, и 4 дня, проведенные тамъ, не оставили намъ пріятныхъ воспоминаній. Также и городъ не понравился, исключая, разумѣется, чудную соборную церковь. Въ Венеціи вмѣсто того, чтобы пробыть, какъ располагали, всего недѣлю, мы прожили ровно три недѣли, такъ какъ наканунѣ дня, назначеннаго къ выѣзду, Зинаида заболѣла и пролежала около 2-хъ недѣль. Не смотря на неблагопріятныя обстоятельства, при которыхъ мы были въ Венеціи, и дождливую погоду, пребываніе тамъ не было для насъ непріятно, и оригинальное, живописное положеніе города намъ очень понравилось. Послѣ Венеціи мы уже не останавливались нигдѣ долго; въ 6 часовъ ѣзды на пароходѣ въ чудесную погоду переѣхали до Тріеста, переночевали тамъ, по-

томъ еще ночевали въ Лайбахѣ и остались день въ Грацѣ, и 15-го пріѣхали сюда. Въ теченіе 5-и недѣльнаго путешествія мы были безъ писемъ, и потому можешь вообразить, съ какою жадностью бросились на почту, гдѣ и нашли 2 твоихъ письма, отъ 3-го марта и 9 апрѣля, и 8 писемъ Марьи Павловны. Поэтому видишь сравнительную плодовитость твою и нашей любезной сестрицы, по фальшивымъ извѣстіямъ которой Платонъ въ деревнѣ получилъ увѣдомленіе, что я проведу Св. Хр. Воскресенье въ Варшавѣ, почему онъ и ожидаетъ меня уже въ Мачкасы. Между тѣмъ мы только что пріѣхали въ Вѣну, которая впрочемъ пока не очень намъ понравилась и, кажется, не удержитъ насъ долго въ своихъ стѣнахъ, тѣмъ болѣе, что впереди у насъ любимый Дрезденъ, въ которомъ ожидаетъ насъ Лиза. Вчера Катенька писала ей и по полученіи отъ нея извѣстій о томъ, какъ и гдѣ она намѣрена проводить лѣто, мы будемъ дѣлать и свои предположенія. Зинаидѣ, кажется, необходимо нужно будетъ пить Карлсбадскія воды; о себѣ не знаю, что мнѣ присовѣтуютъ. Окончательно все рѣшимъ въ Дрезденѣ, гдѣ и думаемъ консультировать эскулаповъ. Благодарю тебя, другъ Володя, за всѣ твои финансовыя заботы обо мнѣ; что касается по 1000 франковъ, приплоченныхъ Гассеру, то эту непріятную пилюлю глотаю съ философскимъ разсужденіемъ, что за то впередъ буду знать, что кредитивы стоятъ дорого и что гораздо выгоднѣе покупать векселя, при которыхъ по крайней мѣрѣ знаешь, сколько теряешь. Со дня на день буду ожидать присылки векселя въ 1250 руб. сер., который ты мнѣ обѣщаешь выслать 23-го апрѣля и который по моему разсчету долженъ пріити въ скорости, и, вѣроятно, выславъ тобою до полученія письма отъ Катеньки изъ Венеціи, гдѣ она пишетъ тебѣ, въ случаѣ его невысылки, послать вексель въ Дрезденъ, такъ какъ тогда мы еще не знали, что болѣзнь Зинаиды задержитъ насъ такъ долго въ дорогѣ. Здѣсь мы, вѣроятно, пробудемъ всего дней до 10-и, т. е. еще съ недѣлю; въ концѣ мая будемъ въ Дрезденѣ, такъ какъ надобно торопиться выбрать мѣсто, гдѣ проводить сезонъ, ибо курсъ водъ открывается въ іюнѣ. Отсюда буду еще разъ писать тебѣ; теперь же кончаю письмо. Обнимаю тебя отъ себя и отъ всѣхъ своихъ, которыя къ тому еще „цѣлуютъ милаго Володю," какъ приказано мнѣ тебѣ написать. Благодарю тебя за войну съ Переяславскимъ уѣзднымъ судомъ, побѣда надъ которымъ поправитъ бреши, причиненныя паденіемъ курса; надѣюсь, что ты пожнешь лавры на этомъ полѣ, какъ наши войска за Дунаемъ. Продолжай давать намъ извѣстія о Николаѣ Иван., Мишѣ, Дмитріи Дараганѣ, равно какъ и обо всемъ семействѣ Анны Михайловны, которую отъ меня поцѣлуй, равно какъ и Лизушу, — тоже и отъ всѣхъ моихъ.

Надѣюсь, что Непиръ ограничится только демонстраціями, но не прійдетъ пробовать крѣпости Кронштадтскаго гранита, такъ что вы проведете это лѣто спокойно и развѣ издали услышите громъ пушекъ. Будь веселъ и здоровъ, и люби насъ столько же, сколько мы тебя любимъ.

Твой братъ и другъ

М. Краснокутскій.

79.

Вѣна, [14]/26 *мая 1854 г.*

Другъ и братъ Володя!

Письмо твое отъ 26-го апрѣля, со вложеніемъ векселя въ 1250 руб. сер., адресованное тобою въ Дрезденъ, было переслано мнѣ по моему требованію сюда и пришло очень кстати для моихъ дамъ, которыя запаслись здѣсь бурнусами и мантильями на лѣтній сезонъ. Вообще въ дорогѣ деньги идутъ довольно шибко, особенно въ Италіи, гдѣ все двое дороже въ гостинницахъ, нежели въ Германіи, такъ что изъ первыхъ 1500 р., полученныхъ передъ отъѣздомъ изъ Ниццы, у меня ничего не осталось теперь, и я еще здѣсь издержу часть того, что получилъ по новому векселю. Потому и прошу тебя по полученіи сего выслать мнѣ еще денегъ. Мнѣ собственно нужно бы получить въ Дрезденѣ, до отъѣзда на воды, не больше 750 руб. сер., которыхъ съ тѣми, что у меня остаются теперь, будетъ мнѣ достаточно на путешествіе къ водамъ. Затѣмъ съ остальными я прошу тебя распорядиться такъ: на 1500 руб. сер. поручи Риттеру купить векселей, воспользовавшись выгоднымъ курсомъ, въ теченіе іюня или даже начала іюля мѣсяца, такъ чтобы я ихъ получить могъ въ половинѣ іюля. Затѣмъ остальные 750 руб. я оставляю у тебя съ тѣмъ, чтобы передъ отъѣздомъ въ Россію, если мы поступимъ согласно нашимъ настоящимъ предположеніямъ, получить ихъ въ Варшавѣ ассигнаціями, для дальнѣйшаго путешествія въ Москву. Поэтому ты видишь, что мы уже думаемъ о нашемъ возвращеніи въ Россію, и вотъ въ этомъ отношеніи наши предположенія. Сегодня ввечеру мы выѣзжаемъ въ Дрезденъ, гдѣ думаемъ остаться недѣли три, до второй половины іюня, совѣтоваться съ докторами, и съ наступленіемъ къ этому времени сезона для Богемскихъ водъ ѣхать туда—вѣроятно, въ Карлсбадъ или Маріен-

бадъ. Выдержавъ тамъ 6-недѣльный курсъ, возвратиться къ началу августа въ Дрезденъ, а въ половинѣ этого мѣсяца ѣхать въ Россію, черезъ Варшаву въ Москву. Такимъ образомъ мы пріѣдемъ въ Россію въ половинѣ нашего августа, въ теплое время, не осенью, когда опасно возвращаться въ наши сѣверные края. Изъ Москвы уже не располагаемъ ѣхать въ деревню, а устроимся тамъ заранѣе на зиму, такъ какъ петербургскій климатъ заставляетъ насъ отказаться отъ удовольствія жить въ сѣверной Пальмирѣ (удовольствіе, впрочемъ, въ настоящую минуту незавидное для женщинъ, не одаренныхъ большою храбростью и крѣпкими нервами), не смотря на любовь къ Петербургу, которая такъ велика въ сердцахъ моихъ дамъ. Этой привязанностью къ нему впрочемъ Петербургъ обязанъ не такъ можетъ быть самому себѣ, какъ живущимъ тамъ милымъ предметамъ, свиданіе съ которыми, посредствомъ С.-Петерб.-Моск. желѣзной дороги, заранѣе составляетъ предметъ домашнихъ разговоровъ. Въ Москвѣ узнаемъ, правду ли говоритъ извѣстное тебѣ письмо, „что въ Москвѣ страдаютъ избыткомъ здоровья“ и „всѣ люди толсты;“ къ тому еще кстати увеличиваются и перспективы составить семейный кругъ, а необходимость всѣмъ, ѣдущимъ изъ Петербурга внутрь Россіи, ѣхать черезъ Москву облегчаетъ возможность видѣть ихъ хоть разъ въ годъ. Перспектива же прожить еще зиму за границей не радуетъ въ настоящее время ни въ какомъ отношеніи. Срокъ паспорта кончается въ январѣ—можно ли будетъ продлить его? Не пришлось бы неожиданно въ концѣ осени оставить Германію для возвращенія домой! Большая потеря въ курсѣ при пересылкѣ денегъ, возможное и вѣроятное уменьшеніе доходовъ и увеличеніе издержекъ, а, наконецъ, главное: будетъ ли польза для здоровья отъ зимы, проведенной въ Германіи, въ климатѣ, довольно близко подходящемъ къ Московскому?—все это вмѣстѣ измѣняетъ съ обстоятельствами и наши проэкты. Вотъ тѣ, которые дѣлаются въ настоящее время; что будетъ дальше, увидимъ. Въ Дрезденѣ надѣемся обнять Лизу, которая въ настоящее время находится въ Шандау въ 35 верстахъ отъ Дрездена, $1^1/_4$ ѣзды по желѣзной дорогѣ. Она остается тамъ на все лѣто, такъ что предположенія наши провести лѣто вмѣстѣ не исполнятся. Третьяго дня Катенька получила отъ нея отвѣтъ на писанное отсюда письмо. Она не жалуется на свое здоровье и довольна своимъ мѣстопребываніемъ. Увидясь съ нею, извѣстимъ тебя о дальнѣйшемъ. Я прошу тебя выслать мнѣ теперь только 750 руб., но если курсъ и теперь выгодный, то пришли и побольше,—будетъ не лишнее; только не въ 1-мъ, а въ 2-хъ векселяхъ. Изъ Дрездена будемъ тебѣ писать больше, а теперь пока прощай. Въ торопяхъ началъ я письмо не съ той страницы. Будь здоровъ и веселъ. Подвиги твоего *отца насъ радуютъ*, особенно его всегдашній горячій патріотизмъ.

Сожженіе англійскаго парохода „Тигръ," которому онъ былъ свидѣтелемъ, я думаю его порадовало. Пиши намъ въ Дрезденъ, съ нетерпѣніемъ ожидаемъ отъ тебя извѣстій о тебѣ и всѣхъ близкихъ. Обнимаю тебя отъ души. Всѣ дамы тебя цѣлуютъ. Будь здоровъ и веселъ.

Твой братъ и другъ

М. Краснокутскій.

80.

Дрезденъ, 4 іюня 1854 г.

Володя милый! Вотъ недѣля, что мы здѣсь, въ миломъ градѣ, въ родственной атмосферѣ. Пріѣхавъ сюда, мы Лизы не нашли въ городѣ,— она была въ Schandau; я сейчасъ ей написала и она на другой день пріѣхала къ намъ и ночевала у насъ въ гостинницѣ. Мы такъ обрадовались и такъ говорили, что похудѣли отъ усталости. Чрезъ нѣсколько дней мы были у нея, - полтора часа отъ города по желѣзной дорогѣ, но все-таки довольно далеко, если не ночевать; но на этотъ разъ мы не могли долѣе оставаться, ибо были дѣла въ городѣ; должны были рѣшиться съ квартирой. Такимъ образомъ мы пріѣхали къ Лизѣ въ 1-мъ часу, пообѣдали въ три на чистомъ воздухѣ и въ 7 уѣхали домой. Schandau очень милое мѣстечко въ горахъ и есть начало Саксонской Швейцаріи; въ немъ очень много хорошенькихъ домиковъ, но такъ какъ оно совершенно въ ямѣ, то сырость къ вечеру очень большая, и мы ради Миши не рѣшились тамъ поселиться.

Мы теперь здѣсь недѣлю жили въ нашемъ миломъ Hôtel de Saxe, но вчера наняли квартиру на выѣздѣ, возлѣ embarcadère de Prague; хорошенькая квартира, окруженная садиками; мы очень довольны; говорятъ и дешевле жить на квартирѣ, чѣмъ въ Hôtel,—увидимъ.

Теперь мы ждемъ, что намъ скажутъ доктора. Вальтеръ, здѣшняя знаменитость, вчера только пріѣхалъ изъ Тироля, гдѣ путешествовалъ; у насъ здоровья все не ладятся; Зинаида особенно все больна; Миша сюда пріѣхалъ —былъ хорошъ, ибо время было хорошее, но теперь точно осень, холодъ и дождикъ, а вотъ уже іюнь. Что то рѣшатъ съ нами доктора? Никому не хочется на воды, а остались бы лѣто въ Дрезденѣ на милой нашей квартирѣ и ѣздили бы въ Schandau! Не знаю, что будетъ; насъ дороги утомляютъ,—переѣздъ отъ Вѣны сюда 22 часа; ночью перемѣна вагоновъ насъ измучила такъ, что въ недѣлю едва отдохнули.

Мы съ Лизой встрѣтились дружески; она очень мила; мы хохотали такъ, что ужасъ, вспоминая разныя лица и вещи; она удивительно поправилась противъ Варшавы; ея idée fixe - это желудокъ; онъ, кажется, въ порядкѣ и она весела, рисуетъ и гуляетъ въ горахъ en chapeau du pays, въ голубенькомъ платьицѣ, хоть куда; я очень ее люблю: она балуетъ Мишу моего, какъ малое дитя; вотъ это обстоятельство и самая ея привлекательная особа сильно меня къ ней привязываютъ.

Мы съ ней въ перепискѣ, покуда увидимся; на дняхъ думаемъ проѣхать къ ней, если погода позволитъ и здоровье Зинаиды; я въ Schandau простудила горло и совсѣмъ безъ голоса.

Мы съ Лизой много поговорили о Васъ; но признаюсь, мнѣ жестоко непріятно слышать о Вашемъ новомъ и дикомъ намѣреніи уѣхать къ Николаю Ивановичу. Меня это такъ разстроило, что вотъ недѣля минула, а не могу къ Вамъ писать.

Мы все думаемъ соединиться съ Вами въ Россіи, а Вы отъ насъ бѣжите; у Васъ, Володя, изъ всего заключаю, недобрыя мысли въ головѣ, и горько я сожалѣю о томъ, что я Васъ не увезла съ собою,—это было бы для Васъ столько же спасительно, какъ рѣзкій поступокъ Ментора съ Телемакомъ. Желаю очень получить отъ Васъ что нибудь утѣшительное, и уничтожающее мой противъ Васъ гнѣвъ. Вамъ бы теперь чудесно было бы быть здѣсь съ Лизой и съ нами; Вы бы насъ покороче узнали и увѣрились бы еще въ нашей къ Вамъ любви, въ которой вѣрно Вы не совсѣмъ увѣрены, потому что такъ скрытны.

Но не хочу болѣе сердиться; все утѣшаюсь, что узнаю что либо пріятнѣе и усмирюсь; покуда прощайте, цѣлую Васъ отъ всего сердца, хотя Вы коварнѣйшій другъ—признайтесь!

Миша писалъ Вамъ изъ Вѣны, чтобы прислали поскорѣе денегъ въ Дрезденъ; вѣрно Вы исполните это, ибо намъ безъ нихъ двинуться нельзя на воды. Здѣсь очень пріятно намъ было бы; но здоровье насъ трехъ весьма гадкое, отымаетъ силы на все.

Прощайте, цѣлую Васъ; всѣ Васъ цѣлуемъ. Ваша, хотя сердитая, но преданнѣйшая

К. К.

Пишите намъ въ Дрезденъ poste restante.

Что подѣлываешь ты, другъ Володя? Въ Дрезденѣ мы уже другую недѣлю, а писемъ отъ тебя нѣтъ, а въ тѣхъ двухъ, которыя мы получили отъ тебя въ Вѣнѣ, ты говоришь о себѣ самомъ такъ мало, что мы какъ будто потеряли нить твоей вседневной внутренней и внѣшней жизни. Катенька съ тобою за это воюетъ, потому я и оставляю ей бранное поприще, отъ себя же только скажу, что мы каждый день *жалѣемъ,* что тебя нѣтъ съ нами, такъ какъ твое присутствіе, въ ма-

ленькомъ родственномъ дружескомъ кругу, составляющемся изъ насъ и Лизы, было бы всѣмъ пріятно—и какъ бы пополнило его! Лизу мы застали много измѣнившеюся противъ того, какъ видѣли ее въ Варшавѣ. Она поздоровѣла, похорошѣла, пополнѣла, повеселѣла. При свиданіяхъ съ нею болтовни, разсказовъ, а особенно хохоту, много—и для полноты концерта недостаетъ твоего звонкаго смѣха. Дай Богъ, чтобы пребываніе въ Дрезденѣ и предписанія здѣшнихъ докторовъ принесли намъ пользу, особенно Зинаидѣ, которая изъ трехъ дней два больна, а у насъ, только есть лишь больной въ домѣ, всѣмъ невесело. Два дня и погода хмурится, за то чудный день былъ, когда ѣздили въ Шандау къ Лизѣ. Обѣдали на чистомъ воздухѣ, сидѣли на балконѣ, потомъ она провожала насъ до станціи желѣзной дороги, переѣхали вмѣстѣ на лодкѣ черезъ Эльбу (эта часть, благодаря 3-хъ недѣльной жизни въ Венеціи, обходится Катенькѣ довольно спокойно), любовались видами, такъ что эта прогулка дала намъ охоту поселиться на лѣто въ Шандау, къ чему насъ уговаривала и Лиза. Но, пообдумавъ все, рѣшились остаться пока въ Дрезденѣ, гдѣ удобнѣе совѣтоваться съ докторами, и здѣсь ждать ихъ рѣшенія, и потомъ предпринять то, что будетъ нужно. До того времени, такъ какъ мы остаемся здѣсь еще всего двѣ недѣли, на какое время и наняли здѣсь квартиру, я надѣюсь получить отъ тебя 750 руб. сер., о высылкѣ которыхъ я тебя просилъ. Остальные 1500 руб. сер., которые я назначаю для издержанія за границей, я просилъ тебя выслать тогда, когда курсъ будетъ всего выгоднѣе; лучше бы всего выслать ихъ золотомъ, причемъ меньше всего потеря. Такъ какъ вывозъ иностраннаго золота не воспрещенъ, то, я думаю ты могъ бы достать эту сумму червонцами и переслать ее черезъ почту, какъ это получаютъ здѣсь многіе изъ русскихъ. По послѣднему присланному тобою векселю на Гамбургъ въ 1250 руб. сер. я получилъ по переводѣ на наши деньги 1096 р. сер. (золот. француз. наполеондорами,) потери 150 р., что таки довольно значительно. Золото можно адресовать для передачи мнѣ черезъ посредство русскаго посольства въ Дрезденѣ, такъ какъ я еще не знаю, куда меня пошлютъ. Пока, кажется, насъ хотятъ разлучить: Зинаиду въ Карлсбадъ, меня въ Пирмонтъ на желѣзныя ванны. Сегодня (5-го іюня) поутру былъ у насъ на первой консультаціи докторъ Вальтеръ, la célébrité du moment, и послѣ двухнедѣльныхъ опытовъ и наблюденій, произнесетъ окончательный приговоръ. Объ этомъ мы тебя увѣдомимъ въ свое время. Пока же скажу, что мы очень хорошо здѣсь устроились на короткое время, которое здѣсь пробудемъ, оставили третьяго дня нашу гостинницу, любимый моими дамами Hôtel de Saxe, и поселились въ garni, хорошенькой свѣтлой и чистой квартирѣ, изъ оконъ которой видно во всѣ стороны зелень, на выѣздѣ изъ города, около станціи Богемской желѣзной дороги,

по которой въ $1^1/_2$ часа времени пріѣзжаешь въ Шандау. Вмѣстѣ съ тѣмъ къ заботамъ о водахъ и лѣкарствѣ стараемся примѣшать болѣе пріятныя о внѣшнемъ украшеніи себя, о нарядахъ, бѣльѣ и т. п. Особенно для послѣдняго Дрезденъ составляетъ главное мѣсто для русскихъ путешественниковъ, желающихъ возвратиться обезпеченными въ этомъ отношеніи домой. Кромѣ того мы нашли здѣсь одно русское семейство, нашихъ Симбирскихъ знакомыхъ, съ которыми встрѣтились еще въ Генуѣ, были нѣсколько дней вмѣстѣ тамъ, въ Миланѣ и больше недѣли въ Венеціи, и которыхъ опять догнали здѣсь. Кстати: въ Генуѣ видѣлъ Пинабеля;—онъ очень перемѣнился, подурнѣлъ, почернѣлъ, постарѣлъ; я такъ же мало въ немъ узналъ бы Псковскаго цвѣтущаго здоровьемъ и недурнаго собою молодаго человѣка, какъ онъ могъ меня узнать, едва припомнивъ мою фамилію и обстоятельства, въ которыхъ я съ нимъ познакомился. Изъ Москвы мы по прежнему часто и усердно получаемъ письма; изъ нихъ узнали, что Вал. Вал. Скрыпицынъ уѣхалъ на 4 мѣсяца въ Москву, покупаетъ тамъ домъ и дачу. Отъ Гриши и отъ сестры Софи не имѣю извѣстій—не слышалъ ли ты о второй чего нибудь? Будь здоровъ и веселъ. Передъ выѣздомъ въ Малороссію, еслибы туда собрался, поручи заранѣе высылки денегъ Риттеру. Затѣмъ обнимаю тебя отъ всего сердца за себя и за всѣхъ.

Твой братъ и другъ

М. Краснокутскій.

81.

Дрезденъ, $^{15}/_{27}$ *іюня 1854 г.*

Послѣднее письмо твое отъ 3-го этого мѣсяца мы получили четыре дня тому назадъ, любезный другъ Володя, и такъ какъ Зинаида сегодня, мы же завтра оставляемъ Дрезденъ, то и тороплюсь писать тебѣ, тѣмъ больше, что ты располагаешь оставить Петербургъ, я же желалъ бы, чтобы это письмо застало тебя еще на мѣстѣ. Увѣдомляю тебя, что въ нашихъ предположеніяхъ произошла нѣкоторая перемѣна. Зинаида, какъ я уже предъувѣдомлялъ тебя, уѣзжаетъ сегодня въ 2 часа въ Карлсбадъ, въ сопровожденіи M-e Schmidt Лизиной гувернантки. Мы же вмѣсто того, чтобы ѣхать въ Пирмонтъ, ѣдемъ въ Schwallbach, на желѣзныя воды, которыя такъ же дѣйствительны, какъ Пирмонтъ, но *имѣютъ преимущество* тѣмъ, что это мѣсто въ $^1/_2$ мили отъ Schlan-

genbad, гдѣ купанье мнѣ предписано, какъ Nachkur послѣ желѣзныхъ водъ. Schwallbach въ 2-хъ часахъ ѣзды отъ Франкфурта на Майнѣ, недалеко отъ Эмса, Висбадена и Гомбурга. Эта перемѣна въ моемъ лѣченіи мнѣ отчасти пріятна тѣмъ, что почти безъ вояжа я оканчиваю свое лѣченіе, и оттуда могу прямо возвращаться черезъ Дрезденъ, гдѣ мы соединяемся съ Зинаидой, въ Россію. Но эта перемѣна, требующая болѣе продолжительнаго путешествія и довольно долгаго пребыванія (всего почти 7 недѣль) въ одномъ мѣстѣ, дѣлаетъ нужною нѣкоторую перемѣну въ моихъ денежныхъ распоряженіяхъ, тѣмъ больше, что раздѣленіе нашего семейства надвое значительно увеличиваетъ издержки. Потому и прошу тебя теперь же, по полученіи этого письма, выслать мнѣ въ Schwallbach 500 руб. сер. или золотомъ, или векселемъ, который бы я могъ размѣнять во Франкфуртѣ. Затѣмъ поручи Риттеру всѣ остальныя деньги 1750 руб. сер. выслать мнѣ въ Дрезденъ къ первымъ числамъ нашего августа мѣсяца, такъ какъ къ этому времени я надѣюсь возвратиться сюда. Что же касается до денегъ, которыя мнѣ нужны будутъ въ Варшавѣ, то туда я приказываю выслать ихъ изъ Мачкасъ. Деньги же, которыя ты получилъ за дормезъ, оставь у себя впредь до необходимости. Продажей его я доволенъ; жаль только, что Яблонскій взялъ изъ этихъ денегъ 200 руб. Я думаю, что онъ не съ тѣмъ ихъ удержалъ, чтобы возвратить въ сентябрѣ, а скорѣе въ уплату за городскую карету, которая стоитъ у него и за которую я, кажется, остался ему долженъ 200 руб. сер. Объ этомъ прописано въ условіи на продажу этой кареты, которое находится у тебя. Взгляни въ немъ, такъ ли это, такъ какъ я этого навѣрное не помню. 500 руб., о присылкѣ которыхъ я пишу, попроси Риттера выслать въ 2-хъ или 3-хъ векселяхъ, а не въ одномъ. Тѣ же деньги, которыя я ожидаю въ августѣ въ Дрезденъ, могутъ быть и въ одномъ векселѣ, такъ какъ онѣ назначаются въ уплату за наши заказы здѣсь; кромѣ того, можетъ быть, мнѣ необходимо будетъ купить дорожнюю карету, чтобы ѣхать въ ней изъ Варшавы до Москвы, тѣмъ больше, что дормезъ мой проданъ, а намъ и въ послѣдствіи необходима дорожная карета. На случай, еслибы это письмо уже не застало тебя въ Петербургѣ, завтра напишу Риттеру о перемѣнѣ моихъ денежныхъ распоряженій. Надѣюсь впрочемъ, что ты еще не уѣхалъ, и даже желали бы этого, такъ какъ чѣмъ позже ты выѣдешь изъ Петербурга, тѣмъ больше вѣроятности, что на обратномъ пути изъ Малороссіи ты застанешь насъ уже въ Москвѣ, гдѣ я надѣюсь быть не позже половины сентября. Твое желаніе во чтобы то ни стало уѣхать на нѣкоторое время изъ Петербурга, потребность разсѣяться, подышать другимъ воздухомъ и пожить въ другой моральной атмосферѣ—для меня совершенно понятны и я буду радъ, когда узнаю, что тебѣ удалось исполнить твое желаніе, без

большихъ пожертвованій въ служебномъ отношеніи. Пиши намъ въ Schwallbach или въ Дрезденъ, откуда мнѣ будутъ пересылать всѣ письма. Деньги же вышли въ Schwallbach, и это чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, такъ какъ при настоящихъ обстоятельствахъ всегда лучше быть обезпеченнымъ заранѣе.

Продолжаю къ тебѣ это письмо, другъ Володя, въ 9 часовъ вечера. Сегодня поутру въ 2 часа мы проводили Зинаиду на желѣзную дорогу и въ настоящую минуту она должна быть въ Теплицѣ, гдѣ ночуетъ, а завтра ввечеру будетъ на мѣстѣ. Ты можешь себѣ вообразить ея горе и слезы при разлукѣ съ нами; отъ болѣзни и нервы ея разстроились, такъ что мы съ трудомъ уговорили ее рѣшиться ѣхать. Только бы она не очень горевала и не чувствовала себя одинокою въ Карлсбадѣ, а то и лѣченіе не пойдетъ въ толкъ. Мы завтра пускаемся въ путь, съ надеждой пріобрѣсти что нибудь для здоровья отъ этой поѣздки; не знаю, исполнится ли это; особенно это сомнительно, если лѣто будетъ также дурно, какъ было до сихъ поръ. Мы въ Дрезденѣ пробыли больше четырехъ недѣль и изъ нихъ едвали одна была съ теплыми и ясными днями; остальное же время—все дождь и холодъ.

При семъ прилагаю небольшое письмо къ Платону въ Мачкасы, которое прошу тебя переслать по почтѣ, адресовавъ его въ Мачкасскую вотчин. контору—Симбирск. губ. въ г. Ардатовъ. Пишу къ нему о присылкѣ мнѣ денэгъ къ половинѣ августа въ Варшаву, и такъ какъ я боюсь, чтобы съ письмомъ моимъ къ нему, которое напишу прямо отсюда, какъ либо не случилось тогоже, что съ письмомъ изъ Ниццы, которое не дошло, то для вѣрности пишу другое, которое тобя прошу переслать.

О посылкѣ, посланной въ Ниццу, ни слуху ни духу; и слѣдъ простылъ.

Надѣюсь, что въ родственномъ нашемъ кругу все благополучно и нѣтъ никакихъ несчастій.

Читая иногда извѣстія о несчастіяхъ, постигающихъ другихъ, невольно боишься и за своихъ близкихъ Твоя сестра Лиза, также и Маша, здоровы, хотя на Лизу и подѣйствовала перемѣна погоды, но вообще она очень поправилась; кажется, немного скучаетъ въ Шандау, гдѣ нѣтъ развлеченій, когда за дурной погодой нельзя сдѣлать шагу изъ дому.

Прощай, другъ Володя. Катенька цѣлуетъ тебя, сама же не пишетъ за глазною болью. Отсутствующая и присутствующая изъ *остальныхъ членовъ* нашей семьи также цѣлуютъ милаго Володю.

Я же обнимаю тебя отъ всей души и ожидаю извѣстій какъ изъ Петербурга, такъ и изъ Малороссіи.

Твой братъ и другъ

М. Краснокутскій.

82.

Швальбахъ, $\frac{26 \text{ іюня}}{8 \text{ іюля}}$ *1854 г.*

Передъ отъѣздомъ изъ Дрездена я писалъ тебѣ, добрый другъ и братъ Володя, объ измѣнившихся предположеніяхъ нашихъ въ отношеніи водъ; и потому ты не удивишься, что вмѣсто Пирмонта получаешь отъ меня письмо изъ Швальбаха. Вотъ 9 дней, какъ мы здѣсь, и какъ я беру ванны и пью воды. Швальбахъ не принадлежитъ къ числу тѣхъ водъ, которыя значительно посѣщаются какъ больными, такъ и здоровыми, не представляя ни тѣхъ жизненныхъ удобствъ, ни тѣхъ развлеченій, которыя находятъ въ Эмсѣ, Баденѣ и т. д. Число гостей не превышаетъ 1,500 чел., а потому здѣсь нѣтъ ни баловъ, ни концертовъ, ни другихъ подобнаго рода удовольствій. Но за то и жизнь тихая, пріятная, безъ пыщенья и претензій, безъ неумѣстныхъ туалетовъ, какъ въ Пломбьерѣ, гдѣ дамы для прогулокъ на ослахъ наряжались въ шелкъ и кружева; видно, что всѣ живутъ здѣсь для пользы и удовольствія, не заботясь много о другихъ, и о томъ, что скажутъ. Самое мѣсто гораздо веселѣе Пломбьера, такъ какъ почти всѣ дома, гдѣ живутъ гости, не въ самомъ городкѣ, который лежитъ ниже въ этой же долинѣ, а въ концѣ его, около парка или сада, который они окружаютъ полукругомъ, и въ которомъ находится, какъ то зданіе, гдѣ купаются, такъ и источники, изъ которыхъ пьютъ воду. Самый садъ очень хорошо содержится, такъ что весело, какъ смотрѣть на него изъ окошекъ, которыя всѣ обращены на него, такъ и гулять въ немъ, когда пьешь воды. Музыка почти постоянно играетъ: сперва поутру отъ 6 до 8 часовъ, а потомъ ввечеру въ тоже время, около источниковъ, такъ какъ здѣсь пьютъ воду два раза въ день. Сверхъ того ее же слышишь за table d'hôte, такъ какъ она поочередно играетъ за обѣдомъ въ 2-хъ лучшихъ здѣшнихъ гостинницахъ, въ одной изъ которыхъ, Allee-Saal или Hôtel de la promenade, мы и поселились. Вообще жизнь здѣсь была бы удобна, еслибы погода была благопріятна для жизни на воздухѣ; но вотъ уже второй мѣсяцъ, какъ во всей

Германіи постоянные дожди и холодная погода. Для больныхъ это очень не кстати, такъ какъ одно изъ главныхъ условій для успѣшнаго лѣченія водами—хорошая погода, а при настоящей, съ слабыми конституціями, схватываешь простуды, которыя, разумѣется, не поправляютъ здоровья. Я не выхожу изъ теплаго пальто, въ которомъ ходилъ всю зиму въ Ниццѣ, мои же дамы и не вынимаютъ кисейныхъ и барежевыхъ платьевъ, которыми запаслись изъ Дрездена. Къ тому и Зинаида не съ нами, а такъ какъ изъ ея писемъ видно, не смотря на то, что она старается скрыть это,—что она не легко переноситъ разлуку, при чемъ и лѣченье не можетъ быть очень успѣшно, то и забота о ней насъ нѣсколько тревожитъ. Больше, нежели когда, съ нетерпѣніемъ ожидаемъ писемъ; къ сожалѣнію однако въ числѣ ихъ не находимъ отъ тебя, хотя ты и необходимо долженъ бы писать, чтобы мы не оставались въ неизвѣстности о томъ, гдѣ ты. Мнѣ это также важно знать, чтобы угадать, получишь ли ты до отъѣзда послѣднее письмо мое изъ Дрездена, въ которомъ я прошу тебя сдѣлать нѣкоторыя измѣненія въ моихъ денежныхъ распоряженіяхъ, а именно, по полученіи письма, поскорѣе выслать мнѣ сюда вексель въ 500 руб. сер., который бы я могъ размѣнять во Франкфуртѣ, черезъ который поѣду обратнымъ путемъ отсюда; кромѣ того, всѣ остальныя мои деньги 1750 руб. выслать мнѣ въ Дрезденъ, въ Варшаву же ничего не высылать, такъ какъ я туда получу деньги на обратный путь изъ Мачкасъ. Надѣюсь, что ты насъ скоро обрадуешь письмомъ и разскажешь о себѣ и о всѣхъ родныхъ.

Въ политикѣ настоящая минута самая рѣшительная; что то изъ нея выйдетъ? Дай Богъ хорошее. Мы слышимъ отъ здѣшнихъ русскихъ, которыхъ здѣсь не очень много, что Петербуржцы ѣздятъ смотрѣть на флотъ Непира, который съ своей стороны смотритъ на Кронштадтъ, да видитъ, что виноградъ зеленъ, боится набить себѣ оскомину этимъ лакомымъ кускомъ. Русскихъ здѣсь семей съ пять; въ числѣ ихъ Штиглицъ, братъ банкира, съ женою, которая была въ Институтѣ съ Мари Медемъ. Капгеры, о которыхъ ты писалъ, по списку пріѣзжихъ – въ Эмсѣ; въ Дрезденѣ же, вѣроятно, не были, такъ какъ Лиза не получила черезъ нихъ отъ тебя письма. Она писала намъ сюда, безпокоится о Николаѣ Иван. Надѣюсь, что теперь успокоена полученіемъ отъ него извѣстій. Катенька не такъ то здорова, потому и не пишетъ тебѣ, но поручаетъ мнѣ цѣловать тебя; тоже и Софи. Обнимаю тебя отъ всей души. Кланяйся Аннѣ Михайл. и всѣмъ роднымъ.

Твой братъ и другъ

М. Краснокутскій.

83.

Карлсбадъ, 15/27 іюля 1854 г.

Ты ожидаешь получить отъ меня письмо изъ Швальбаха, а вмѣсто того я пишу тебѣ изъ Карлсбада, другъ Володя; такъ судьба играетъ человѣческими предположеніями. Я писалъ тебѣ изъ перваго изъ этихъ мѣстъ, никакъ не ожидая, что такъ скоро его оставлю. Какъ ты уже знаешь, я предполагалъ пробыть въ Швальбахѣ, который намъ очень понравился, четыре недѣли, и въ Шлангенбадѣ двѣ; вмѣсто того пробылъ тамъ только 15 дней. Виною этому была болѣзнь Зинаиды. Мы получили 10-го іюля письмо отъ нея изъ Карлсбада, гдѣ она увѣдомляетъ, что она очень занемогла, почему мы, не раздумывая дольше, на другой же день отправились въ путь, на который должны были употребить три дня. Слава Богу застали ее немного поправившейся, теперь же она совершенно выздоровѣла и опять продолжаетъ свой курсъ. Такъ какъ въ нашемъ семейномъ госпиталѣ надобно всегда прежде всего помогать той части цѣлаго, которая больше страдаетъ, то мы пока только и думаемъ о томъ, какъ бы намъ поправить Зинаиду совершенно, такъ какъ ея постоянные и мучительные припадки и болѣзнь насъ очень тревожили въ теченіе всего нынѣшняго года. Потому мы и остаемся здѣсь до окончанія ея курса, т. е. до 5-го августа. Въ Швальбахъ возвращаться не располагаемъ, тѣмъ больше, что особенно большой пользы отъ тамошнихъ водъ мнѣ не было, а на путь туда и оттуда назадъ въ Дрезденъ надобно употребить шесть дней; о любви же къ путешествіямъ моихъ дамъ ты знаешь. Потому мы начинаемъ обращать наши взоры и мысли на родину и думать о возвращеніи. Изъ Карлсбада возвратимся въ Дрезденъ, гдѣ пробудемъ вѣроятно около трехъ недѣль, такъ какъ по новымъ сдѣланнымъ мною денежнымъ распоряженіямъ я не ожидаю раньше 15-го августа (ст. ст.) присылки денегъ изъ деревни въ Варшаву, почему раньше этого срока туда и ѣхать не намѣренъ. О перемѣнѣ моихъ денежныхъ распоряженій я писалъ тебѣ, но мое письмо не застало тебя въ Петербургѣ; вѣроятно, Риттеръ исполнитъ ихъ по моему письму къ нему, хотя теперь. Передъ отъѣздомъ изъ Швальбаха получилъ твое послѣднее письмо отъ 16-го іюня. Желаю тебѣ, другъ Володя, много удовольствій отъ поѣздки въ Малороссію, чтобы ты былъ вознагражденъ за трудъ, съ которымъ тебѣ удалось добиться этой цѣли. Сколько я могъ понять изъ твоего письма, ты оставилъ свое мѣсто секретаря въ сенатѣ и теперь, вѣроятно, считаешься причисленнымъ къ департаменту министерства юстиціи. Хорошо бы, если бы безъ тебя похлопотали о томъ, что-

бы ты былъ причисленъ чинов. особ. пор. по министерству В. Д., какъ ты того желаешь, не то, не откроется ли хорошей прокурорской вакансіи. Въ твоемъ отпускѣ и для насъ есть очень пріятная сторона—это увидѣться съ тобою въ Москвѣ. Впередъ предупреждаю тебя, что мы потребуемъ отъ тебя дней десять, и уже никакъ не меньше недѣли, чтобы пробыть съ нами, и потому располагай своимъ временемъ согласно этому. Наша дружба къ тебѣ, а особенно со стороны моихъ дамъ, которыя, какъ ты знаешь, тебя очень горячо любятъ, требовательна; а потому и предупреждаю тебя о томъ, чего мы требуемъ,—это нашъ ultimatissimum (какъ называютъ австрійскія требованія), а при неисполненіи его—рѣшительная ссора. Карлсбадъ намъ нравится гораздо меньше Швальбаха; скорѣе не нравится. Виною тому отчасти то, что здѣсь гораздо замѣтнѣе настоящее положеніе политическаго горизонта. Русскихъ, которые обыкновенно оживляли Карлсбадъ, почти невидно, кромѣ точно больныхъ, стариковъ, и старухъ; вообще мало жизни, движенія, все довольно мертво. Намъ былъ въ Карлсбадѣ одинъ неожиданный сюрпризъ—это встрѣча съ Еленой Мих. Бартоломей. Четыре дня тому назадъ мы сидѣли преспокойно на скамейкѣ парка, какъ вдругъ видимъ высокую даму, проходящую мимо насъ. Зинаида узнала ее, Катенька остановила и мы провели вмѣстѣ весь вечеръ. Она ѣхала изъ Праги въ Маріенбадъ и, не найдя мѣста въ Карлсбадѣ, чтобы ѣхать дальше, остановилась здѣсь на сутки; благодаря этому случаю, мы провели вмѣстѣ очень пріятный вечеръ, въ разговорѣ о близкихъ и родныхъ. М-е Бартоломей намъ удивительно напомнила Анну Мих., особенно голосъ удивительно похожъ. Ввечеру, провожая ее до гостинницы, мнѣ все казалось, что я иду и говорю съ Анной Мих. Отъ сестры твоей Лизы послѣднее время не имѣли извѣстій; вѣрно лѣнится писать, что при настоящей жаркой погодѣ, которая здѣсь постоянно вотъ уже 12 дней, очень простительно. По пріѣздѣ сюда на другой же день я отослалъ Лизѣ назадъ ея гуверпантку М-е Schmidt, которая была съ Зинаидой здѣсь до нашего пріѣзда. Надѣюсь, что она намъ скоро напишетъ. Отъ тебя ожидаю того же, тѣмъ больше, что ты обѣщаешь не забывать насъ. Интересно узнать, какое впечатлѣніе произведетъ на тебя эта поѣздка. Благодарю, другъ Володя, за твои хлопоты по Иваненковскому дѣлу и за всѣ мои дѣла. Бумаги, которыя ты оставилъ въ Петербургѣ, вѣроятно мнѣ не будутъ нужны до возвращенія въ Москву; тогда напишемъ М. А. Цвиленьевой. Кому ты поручилъ пересылку ко мнѣ приходящихъ изъ Мачкасъ писемъ? Они мнѣ теперь довольно интересны, такъ какъ тамъ теперь рекрутскій наборъ по 12 чел. съ тысячи и мнѣ хочется узнать результатъ. Да также увѣдомь меня объ адресѣ каретника Яблонскаго; не помнишь ли ты, гдѣ онъ *живетъ? Мнѣ нужно* будетъ изъ Варшавы написать ему, чтобы онъ

переслалъ мнѣ въ Москву мою городскую карету; такъ какъ она не продана, то пусть мнѣ тамъ послужитъ. Я думаю ему поручить переслать ее туда по желѣзной дорогѣ. Не помнишь ли ты, какъ я стою въ денежномъ отношеніи къ Яблонскому? Кажется, я ему за взятыми имъ 200 руб. сер. ничего не буду долженъ. Объ этомъ послѣднемъ предметѣ увѣдомь меня хоть въ Варшаву, если не надѣешься, что твой отвѣтъ застанетъ меня еще за границей, гдѣ я пробуду всего еще почти ровно мѣсяцъ или 5 недѣль. Я думаю, письма въ Малороссію идутъ довольно долго. Пріятно было бы увидѣться въ Варшавѣ съ Дмитріемъ и Антониной; если они тамъ, то, я думаю, мы безъ труда ихъ найдемъ. Вчера я писалъ къ Лизѣ и просилъ ее изъ Варшавы узнать, тамъ ли они, и ихъ адресъ. Хочу написать Дмитрію и просить его поискать мнѣ дорожпую четырехмѣстную карету, для дороги въ Москву, на случай не найду въ Дрезденѣ. Съ удовольствіемъ увидимся и съ Васей Максимовичемъ. Какое то вліяніе произвели на него почти два года, которые прошли съ того времени, какъ мы разстались? Что же касается до насъ, другъ Володя, то мы, при свиданіи, не думаю, чтобы нашли другъ въ другѣ перемѣну, особенно моральную. Развѣ только, пробывъ нѣсколько дней вмѣстѣ, мы тебя еще злѣе полюбимъ (какъ выражается Катенька) и не захотимъ выпустить изъ нашихъ когтей. Всѣ мои поручаютъ тебя поцѣловать въ ожиданіи исполнить это въ дѣйствительности въ Москвѣ. Я же обнимаю со всею горячностью друга. Прошу напомнить обо мнѣ твоему папѣ и Юліи Ив. и передать имъ мой поклонъ. Также и отъ моихъ.

Твой братъ и другъ

М. Краснокутскій.

84.

Дрезденъ, 9/21 августа 1854 г.

Третьяго дня получили мы, милый другъ и братъ Володя, письмо твое отъ 17-го іюля изъ Чевельчи. Всѣхъ насъ оно очень обрадовало, какъ всегда это дѣлаютъ твои дружескія строки; что же касается до меня, то оно принесло мнѣ съ собою, такъ сказать, букетъ нашей милой Малороссіи. Запахъ черемухи изъ саду, жужжанье мухъ, лѣзущихъ въ глаза, наше южное Малороссійское солнце на голубомъ безоблачномъ небѣ, вѣтерокъ не шелохнетъ листомъ—все это наводитъ на тебя

такую пріятную неодолимую лѣнь, что пальцемъ шевельнуть не хочется, а только такъ бы себѣ лежать да думать о томъ и о другомъ, заставляя образы мѣстъ и лицъ пробѣгать передъ твоими глазами въ безпрерывной панорамѣ. Все это такъ живо напомнило мнѣ письмо твое; такъ и хочется взять Гоголя и еще живѣе и явственнѣе услышать то, что можно назвать голосомъ родины. И сборы на ярмарку въ Полтаву,—все это издали кажется такъ хорошо, что позавидовалъ бы тебѣ, еслибы не зналъ, что въ дѣйствительности вещи теряютъ тотъ розовый полусвѣтъ, которымъ окрашиваетъ ихъ воображеніе. Но во всякомъ случаѣ я радъ за тебя и увѣренъ, что если дома все тебѣ будетъ ладиться, то ты будешь очень и очень доволенъ своей поѣздкой. Перспектива увидѣться съ тобою въ Москвѣ для насъ такъ пріятна, что она еще больше усиливаетъ наше желаніе поскорѣе быть тамъ. Къ несчастью Зинаида наша такъ насъ все тревожитъ своимъ здоровьемъ, что намъ трудно навѣрное опредѣлить время нашего пріѣзда въ Москву. Какъ ты уже знаешь, мы оставили Швальбахъ раньше, нежели ожидали, застали Зинаиду въ Карлсбадѣ выздоравливающей отъ ея припадка болѣзни, пробыли съ нею въ Карлсбадѣ 2½ недѣли и 5-го августа (н. с.) пріѣхали сюда, располагая остаться здѣсь 15 или 20 дней. Но на третій день Зинаида заболѣла и докторъ хочетъ, чтобы она здѣсь пила Карлсбадскую воду еще 2 недѣли, что̀ она уже и начала. Но такъ какъ въ силахъ она плохо поправляется, то мы и не знаемъ, когда ея здоровье позволитъ намъ пуститься въ путь. Если все будетъ благополучно, то самое позднее мы выѣдемъ отсюда 4-го сентября (нов. ст.), въ Варшавѣ останемся, вѣроятно, дней 6 или 7, такъ какъ располагаю купить тамъ дорожный экипажъ, что потребуетъ нѣсколько времени. Кромѣ того отправка вещей и т. п. остановитъ выѣхать немедленно. Къ тому же Дмитрій [1]) съ женою тамъ въ лагерѣ и мы будемъ рады провести съ ними нѣсколько дней. Такимъ образомъ 2-го или 3-го сентября по нашему стилю мы пустимся въ дорогу и пріѣдемъ въ Москву около 12-го числа. Впрочемъ я все надѣюсь, что еслибы здоровье Зинаиды и задержало насъ гдѣ нибудь лишнюю недѣлю, то мы всетаки не пропустимъ твоего проѣзда черезъ Москву. Жаль только, что мы тогда еще не будемъ устроившись и ты не увидишь нашего каждодневнаго быта, но это не уйдетъ впередь. За то домъ съ бѣлой крышей и вычищенными полами будетъ уже обитаемъ хозяевами и ты узнаешь и обитателей сего священнаго дома, какъ называлъ его Кохъ. Изъ Варшавы буду тебѣ писать передъ самымъ выѣздомъ и тогда уже буду требовать, чтобы ты не медлилъ отъѣздомъ, чтобы

---

[1]) *Дарганъ.*

остаться съ нами подольше въ Москвѣ. Ты же отвѣчай на это письмо въ Варшаву: или poste restante, или Дмитрію въ Бѣлянскій лагерь. Какъ ты видишь, мы получаемъ всѣ твои письма очень исправно, благодаря предосторожности оставлять вездѣ адресъ, куда ихъ пересылать. Посланное въ Парижъ я получилъ въ Швальбахѣ, посланное туда получилъ здѣсь. Насчетъ денегъ тоже не безпокойся: все въ совершенной исправности. Риттеръ выслалъ мнѣ всѣ деньги—такъ, какъ я ему писалъ, и я теперь совершенно покоенъ, тѣмъ больше, что здѣсь получилъ извѣстіе и отъ Платона, что деньги высланы мнѣ уже въ Варшаву. Теперь все въ порядкѣ, и только бы Зинаида крѣпилась и вообще здоровья были бы недурны, то надѣюсь навѣрное обнять тебя въ Москвѣ. Благодарю, другъ, за пріятныя извѣстія о Соничкѣ. [1] Ты ее вѣроятно тамъ не увидишь, но пожалуйста поразспроси о ней поподробнѣе отъ Гинцовъ, [2] которымъ вся ея внутренняя жизнь извѣстна. Я бы также желалъ, чтобы ты поближе познакомился съ ними. Я ихъ очень люблю (особенно Вас. Ив.) и прошу тебя передать имъ это. Надежда Ив., не смотря на одинъ небольшой недостатокъ, за который ея многіе не любятъ, и который ты скоро замѣтишь, въ сущности добрая и милая женщина. Главное же они обое въ интеллектуальномъ отношеніи стоятъ несравненно выше большинства добрыхъ, но пустыхъ обитателей нашей любезной Малороссіи. Отъ Антонины [3]) Катенька получила отвѣтъ на послѣднее письмо—какъ всегда, очень любезный и родственный; обѣщаетъ поискать намъ дорожный экипажъ и даетъ небольшую коммиссію. Вася [4]) въ Варшавѣ. Сестра твоя Лиза здорова; по. пріѣздѣнашемъ сюда пріѣзжала изъ Шандау увидѣться съ нами и пробыла здѣсь съ Машей 2 дня. Она здорова и не скучаетъ въ Шандау, такъ какъ она нашла тамъ нѣсколько пріятныхъ знакомыхъ. Думаетъ остаться въ Дрезденѣ и эту зиму, что очень разсудительно. Только, такъ какъ она большая трусиха, то и боится, чтобы народныя волненія, или холера не выгнали ея отсюда. Это ея двѣ bêtes noires, но надѣюсь, что она избавится отъ нихъ и что мирный Дрезденъ не будетъ навѣщенъ ни однимъ изъ этихъ бѣдствій. Да кстати мы еще видѣли твоего пріятеля Гюне. По пріѣздѣ въ Дрезденъ, читая въ газетахъ о пріѣзжающихъ, я увидѣлъ и его въ числѣ таковыхъ и послалъ пригласить его къ себѣ. Онъ былъ у насъ 2 раза, но о тебѣ мало намъ разсказывалъ. Юноша очень скучаетъ за границей и, кажется, не заживется здѣсь. Нѣсколько дней тому назадъ онъ уѣхалъ въ Мюнхенъ на выставку. Я уже писалъ тебѣ, что въ Карлсбадѣ мы встрѣтили Е. М.

---

[1]) Крупенской. [2]) Гинцы жили въ с. Мицаловкѣ Золотоношскаго уѣзда Полтавской губ. [3]) Дараганъ. [4]) Максимовичъ.

Бартоломей. Сегодня (22-го авг.) мы отправляемся въ Шандау съ Катенькой, погостить у Лизаньки день, и завтра возвратимся въ Дрезденъ. Зинаида остается по нездоровью дома, съ ней и Софья. Черезъ часъ мы уѣзжаемъ. Будь здоровъ, другъ Володя, и не забывай насъ. Обнимаю тебя отъ всего сердца. Мои тебя цѣлуютъ. Мой поклонъ твоимъ и всѣмъ нашимъ роднымъ.

Твой братъ и другъ

М. Краснокутскій.

85.

Москва, 5-го февраля 1855 г.

Виноватъ передъ тобою, другъ Володя, въ томъ, что такъ долго не писалъ къ тебѣ и не поторопился отвѣчать на твое послѣднее письмо. Съ одной стороны былъ кой чѣмъ занятъ, съ другой и силъ мало—такъ и откладывалъ со дня на день. Переданное тобою извѣстіе о намѣреніи Николая Ивановича [1]) засѣдать въ Московскомъ сенатѣ насъ отъ души обрадовало. Дай Богъ, чтобы это устроилось и этимъ путемъ жизнь Лизы приняла бы нормальное направленіе; мы же встрѣтимъ ее въ Москвѣ съ искреннею радостью. Какого только рода впечатлѣніе произведетъ эта перемѣна на Лизу и улыбнется ли ей перспектива жизни въ Москвѣ? Вѣроятно, она тебѣ напишетъ объ этомъ. Увѣдомь также, рѣшено ли уже назначеніе Николая Ив. сенаторомъ или нѣтъ. Твое порученіе на счетъ Богодуховки я переслалъ Мишелю. Онъ, кажется, съ своей стороны считаетъ дѣло рѣшеннымъ и писалъ о высылкѣ ему всѣхъ документовъ на Богодуховку, нужныхъ для составленія купчей. Что же касается до описи скота и строеній, то откладываетъ это до лѣта, тѣмъ болѣе, что надѣется, если миръ будетъ заключенъ, имѣть возможность съѣздить въ Малороссію хоть на самое короткое время. Это было бы не дурно, такъ какъ дѣла скорѣе и легче рѣшаются на мѣстѣ и лично, чѣмъ черезъ переписку и посредниковъ. О Димитріи и Антонинѣ новыхъ извѣстій нѣтъ, и Стояновскій не знаетъ, когда они оставятъ Крымъ. Надобно думать, что не позже, какъ послѣднимъ зимнимъ путемъ они прибудутъ сюда. Отъ души радуюсь, что твоя жизнь устроилась такъ хорошо и что присут-

---

[1]) *Ушакова.*

ствіе Коли внесло въ нее семейный элементъ, который тебѣ необходимъ. Только устрой такъ, чтобы это продолжалась такимъ же образомъ и дальше. Подробности о твоемъ житьѣ-бытьѣ мы вѣроятно узнаемъ отъ Софи Дараганъ, которая завтра или послѣзавтра отправляется въ Питеръ. Она же тебѣ сообщитъ обо всемъ, что до насъ касается,—хоть и мало новаго можно передать, Съ новаго года у насъ гоститъ братъ Катеньки, который остается здѣсь еще съ недѣлю. Онъ пріѣхалъ изъ деревни провѣтриться и освѣжиться въ Москвѣ. Набоковъ насъ пріятно удивилъ своимъ посѣщеніемъ. Не смотря на его неаккуратность, по старой привычкѣ, мы къ нему расположены; да и видъ его порадовалъ; изъ желтаго и худого онъ сдѣлался полнымъ, здоровымъ молодымъ человѣкомъ. Какъ нарочно наканунѣ его пріѣзда я вспомнилъ о немъ и писалъ Егору сходить къ нему. О зонтикѣ и часахъ, сдѣлай дружбу, не заботься; они мнѣ не нужны и я только для порядка хотѣлъ кстати узнать, гдѣ они. Если послѣдніе тебѣ могутъ на что нибудь пригодиться, то ты мнѣ сдѣлаешь истинное удовольствіе, воспользовавшись ими. Послѣ напраснаго визита и контръ-визита, при которыхъ мы и Анна Евг. не застали другъ друга дома, чтобы разрушить горы, прошлое воскресенье я съ Катенькой отправились къ ней пораньше и застали ее дома. Она не знала, что ты былъ у Грановскихъ, и полагала, что имѣла болѣе повода думать, что ты не очень желалъ ее видѣть, такъ какъ она тамъ ждала тебя все утро, сказавъ дома, чтобы тебя туда прислали. Я нашелъ ее прежнею, очень простою въ обращеніи и скорѣе застѣнчивою, женщиною, въ противность репутаціи bas bleu, которую ей сдѣлали, и по которой Катенька ожидала встрѣтить черную, сухую, педагогическую женщину. Разница между образомъ, созданнымъ ея воображеніемъ, и дѣйствительностью была причиной, что она цѣлый день говорила о ней. Не знаю, установятся ли между нами далѣе постоянныя сношенія. Изъ Малороссійскихъ новостей есть только одна, именно, что Николай Вас. Максимовичъ собирается въ Москву, привезти меньшаго сына въ Корпусъ. Что дѣлается у васъ въ Питерѣ? Я слышалъ, что тамъ умы очень заняты эмансипаціею крестьянъ по случаю словъ, сказанныхъ Государемъ двумъ губернскимъ предводителямъ объ этомъ. Правда ли это? По случаю циркуляра Конст. Ник. о статьяхъ для Морск. Сборника я выписалъ этотъ журналъ. Обрати наше вниманіе на статьи особенно замѣчательныя. У насъ же вышла недавно въ свѣтъ книга, очень интересная: „Семейная хроника и воспоминанія“ С. Аксакова, отца славянофиловъ. Вѣроятно и въ Петербургѣ эта замѣчательная книга не останется безъ вниманія, но на всякій случай пришлю тебѣ ее. Думаю, что даже Колѣ можешь дать прочесть ее безвредно. Что дѣлаетъ Анна Михайл.? Обращаюсь черезъ тебя къ ней съ просьбой, если возможно, сдѣлать истинно доброе дѣло человѣку,

того заслуживающему,—бѣдному и старому отставному чиновнику колл. ассес. Сергѣю Семеновичу Свавицкому, просящему о помѣщеніи 8-ми-лѣтней дочери въ Николаевскій сиротскій институтъ. Если нельзя ее помѣстить кандидаткою какого нибудь лица, имѣющаго право назначать ихъ, то хоть на общемъ положеніи, по баллотировкѣ, наравнѣ съ прочими. Если это возможно, то увѣдомь, а также, какіе нужно представить документы и къ какому сроку. Я признаюсь, неохотно обременяю своими просьбами за кого либо, но въ этомъ случаѣ считаю, что это было бы истинно доброе дѣло. Старикъ вдовецъ и, не имѣя никакихъ средствъ, добываетъ кое что тѣмъ, что хлопочетъ по чужимъ дѣламъ. Я узналъ его при совершеніи акта на уступку мнѣ Гришей его части Мачкасъ.

Прощай, другъ Володя! Кохъ тебѣ кланяется, мы же тебя обнимаемъ отъ всей души.

Твой братъ и другъ

М. Краснокутскій.

86.

Москва, марта 6 дня 1855 г.

Дружеское письмо твое отъ 22 го и записочку о моемъ поступленіи въ Сенатъ я получилъ, добрый другъ и братъ Володя! Спасибо тебѣ, душа моя, за нихъ. Съ твоими доводами я совершенно согласенъ и потому также думаю, что безъ необходимости я не долженъ связывать себя службою, не смотря на нѣкоторыя выгоды, которыя она мнѣ представляетъ при данныхъ условіяхъ и личности. Но вопросъ теперь не въ этомъ одномъ, а въ томъ, что при недостаткѣ дворянъ въ Симбирской губ., при моихъ лѣтахъ и видѣ, не носящемъ на себѣ ясныхъ признаковъ того разстройства здоровья, которое существуетъ, я очень легко, въ случаѣ ополченія, могу быть выбранъ. Будучи выбраннымъ, нѣтъ средствъ отказаться, а между тѣмъ, не будучи мнительнымъ, думаю, что нѣсколько переходовъ или одинъ смотръ меня ухлопаютъ. О выборахъ въ губерніяхъ нельзя судить по выборамъ въ столицахъ, гдѣ число желающихъ превышаетъ потребность въ офицерахъ. Потому на поступленіе въ службу я смотрѣлъ преимущественно, какъ на средство, не какъ на цѣль. Притомъ же средство это было довольно удобное, *связывавшее меня* совершенно, и отъ котораго я могъ всегда отка-

заться съ минованіемъ въ немъ нужды, въ случаѣ перемѣны личности или неудобствъ, которыя могли бы оказаться, и о которыхъ ты пишешь, въ отношеніи моего здоровья. Надобно надѣяться, что къ половинѣ апрѣля можно будетъ яснѣе судить о будущемъ въ отношеніи мира или войны, а до того времени мнѣ и рѣшаться поступить на службу нѣтъ надобности. Скажи свое мнѣніе на эти замѣчанія въ такой же особой записочкѣ.

Въ настоящее время Москва стремится въ Петербургъ къ похоронамъ покойнаго Государя. Слухи о возможныхъ измѣненіяхъ во внутренней и внѣшней политикѣ ходятъ по городу, что вѣроятно повторяется и въ Петербургѣ, но вѣрить этимъ слухамъ довольно трудно! Такъ какъ тебѣ все извѣстно гораздо лучше, нежели намъ, то и не распространяюсь, а вмѣсто того скажу тебѣ кое что о моихъ дѣлахъ. Братъ Гриша меня уже давно упрашиваетъ, чтобы я или продалъ, или самъ купилъ его часть Мачкасъ, доставшуюся ему послѣ Сени. Не находя покупщика, я наконецъ согласился на его предложеніе купить съ разсрочкой денегъ. Такимъ образомъ я изъ 15 тысячъ руб., въ которыхъ оцѣнена имъ его часть, плачу ему теперь 7,500 руб., которые получу перезалогомъ изъ Мѣднева прибылыхъ по ревизіи душъ. Остальные 7,500 руб. долженъ я уплатить черезъ 5 лѣтъ. По этому случаю я уже приказалъ Платону ѣхать въ Симбирскъ для полученія свидѣтельства на залогъ Мѣднева и надѣюсь въ концѣ апрѣля покончить это дѣло. Кстати о залогѣ. Братъ Катеньки А. И. Филимоновъ, вотъ уже больше мѣсяца, какъ живетъ здѣсь, ожидая пропечатанія запрещенія на имѣніе его дѣда Ижорина въ „Сенатскихъ Вѣдомостяхъ", но запрещеніе до сихъ поръ не пропечатано, о чемъ я и просилъ бы тебя похлопотать. Вѣроятно, и о себѣ попрошу тебя о томъ же, такъ какъ мнѣ бы не хотѣлось, чтобы это дѣло задержало меня въ отъѣздѣ въ деревню дольше 10-го мая, что̀ возможно, если и мое запрещеніе не будутъ печатать почти 2 мѣсяца. Чтобы тебѣ самому не заботиться объ этомъ дѣлѣ, и также, чтобы оно навѣрное скоро было сдѣлано, не можешь ли ты употребить какого либо человѣка, который могъ бы и подмазать типографскіе станки Сената. Когда получится мое свидѣтельство, я тебя увѣдомлю и о высылкѣ запрещенія.

Катенька эти дни была больна; она оставила свое водолѣченіе, которое не принесло ей никакой пользы. Зинаида также не совсѣмъ здорова. Мы всѣ стремимся въ деревню, особенно я. Весеннее солнце, когда оно показывается, не смотря на лежащій снѣгъ, производитъ на меня такое вліяніе, что вотъ бы все бросилъ и полетѣлъ бы въ деревню.

Что дѣлается въ твоемъ родственномъ кружкѣ? Мишель Дараганъ, я думаю, щеголяетъ въ стрѣлковомъ мундирѣ, который, съ рус-

экстра-почтой, то, можетъ быть, тебѣ будетъ удобнѣе просто купить эполеты, какіе слѣдуетъ, и послать ихъ на имя Мордвинова въ штабъ начальника артиллеріи въ Варшаву. Что тебѣ будетъ удобнѣе, то и проситъ тебя Мишель сдѣлать.

Не получилъ ли ты новыхъ извѣстій о Лизѣ? Ѣдетъ ли она въ Одессу? По твоему письму, мы не могли понять, по какому случаю Николай Ивановичъ находится тамъ. Вѣдь онъ по своему мѣсту все время долженъ состоять при главномъ штабѣ южной арміи въ Кишиневѣ? Мирные слухи и ожиданіе коронаціи въ августѣ ходятъ и въ Москвѣ. Развязка близка и, разумѣется, я выжду ее, прежде нежели рѣшусь на что-либо въ служебномъ отношеніи. Ты совершенно правъ, говоря, что безъ необходимости я не долженъ брать на себя обязанностей, которыя не по моему здоровью. Объ Аннѣ Евгеньевнѣ, [1]) что она была въ Москвѣ, и пр.—мы услышали отъ тебя въ первый разъ. Въ апрѣлѣ начнемъ пріискивать себѣ жилище на будущую зиму, такъ какъ теперешнее не отдается на будущій годъ. Хотѣлось бы сдѣлать это заранѣе, чтобы имѣть возможность подольше пробыть въ деревнѣ осенью. И то за разливомъ рѣкъ и отдаленіемъ я теряю въ деревенской жизни начало весны, такъ какъ раньше 10-го мая не думаю, чтобы было возможно выѣхать отсюда. Впрочемъ, если будетъ коронація и при этомъ ты будешь въ Москвѣ, то это подѣйствуетъ на наши предположенія. Моя покупка у Гриши, надѣюсь, не будетъ имѣть вліянія на мое предположеніе жить зиму въ Москвѣ; она не уменьшитъ и не увеличитъ моихъ доходовъ, такъ какъ доходъ съ покупаемаго имѣнія долженъ покрывать уплату процентовъ въ Опекунскій Совѣтъ.

Обнимаю тебя отъ души, другъ Володя! Будь веселъ и здоровъ, и напиши, какъ проводишь праздники.

Твой братъ и другъ

М. Краснокутскій.

88.

Москва, 6 апрѣля 1855 г.

Мы думали, что ты обрадуешь насъ, другъ Володя, вѣсточкой къ праздникамъ, но до сихъ поръ наше ожиданіе не исполнилось. На-

---

[1]) *Фроловой.*

дѣюсь, ты здоровъ, и только удовольствія de l'île Calypso помѣшали тебѣ написать намъ. Думаю, что ты получилъ послѣднее письмо мое, писанное въ страстной четвергъ. Увѣдомь, что ты подѣлываешь и что слышно въ политическомъ мірѣ о развязкѣ кровавой драмы. Первыя конференціи послѣ Пасхи въ Вѣнѣ должны быть рѣшительными и слухъ о вѣроятномъ результатѣ, а особенно о закрытіи переговоровъ, вѣроятно, скоро сдѣлается извѣстнымъ. Теперешній же застой свѣдѣній скорѣе можно считать хорошимъ, нежели дурнымъ предзнаменованіемъ. Дня два тому назадъ получилъ письмо отъ сестры Сонички изъ Бессарабіи, въ отвѣтъ на мое посланіе, въ которомъ я приглашалъ ее въ случаѣ продолженія войны пріѣхать весною въ Москву и гостить у меня до возстановленія мира. Она пишетъ въ отвѣтъ, что прошлою осенью, когда ожидали вступленія турокъ въ Бессарабію, она думала искать здѣсь прибѣжища, но теперь во всякомъ случаѣ она съ семействомъ останется въ Бессарабіи, хотя бы и продолжалась война, такъ какъ ея мужу невозможно оставить свое состояніе на произволъ судьбы, и что въ этомъ послѣднемъ случаѣ они переѣдутъ въ Кишиневъ, гдѣ всетаки нельзя ожидать своевольствъ. Главной причиной этого рѣшенія я считаю то, что въ этомъ случаѣ надобно скорѣе ожидать вступленія австрійцевъ, которые не такъ опасны для мирныхъ жителей, какъ турецкіе баши-бузуки. Сверхъ того она пишетъ мнѣ много о своихъ дѣтяхъ (ты, кажется, знаешь, что у нея родился второй сынъ Гриша [1]) и особенно расхваливаетъ моего крестника Сеню [2]). Зоветъ, когда все будетъ мирно, къ себѣ въ гости, брать сывороточныя ванны, которыя, по ея словамъ, очень полезны. Жаль только, что для поѣздки въ Бессарабію мнѣ нужно было бы пожертвовать лѣтними мѣсяцами, самымъ для меня пріятнымъ временемъ для жизни въ деревнѣ у себя, необходимой также для моего здоровья. Потому Богъ знаетъ, когда-то мнѣ удастся увидѣться съ Софи и ея дѣтьми. Отъ брата Гриши тоже имѣлъ недавно извѣстія; онъ меня все торопитъ покупкой своего имѣнія, да и мнѣ надобно поторопиться, чтобы это дѣло не могло меня и на день задержать при отъѣздѣ въ Мачкасы. Сегодня я получилъ свидѣтельство Гражданской Палаты на залогъ Мѣднева; потому и прошу тебя поторопить пропечатаніе запрещенія въ „Сенатскихъ Вѣдомостяхъ". Свидѣтельство выдано 16-го марта за № 1957-мъ по исходной и № 31-мъ

---

[1]) Григорій Георгіевичъ Крупенскій служилъ впослѣдствіи въ лейбъ-гусарскомъ полку и юношею скончался въ Красноводскѣ въ 1879 г. отъ послѣдствій солнечнаго удара, полученнаго во время экспедиціи въ туркменскія степи генерала Лазарева, въ которой онъ принималъ участіе. [2]) Семенъ Георгіевичъ Крупенскій служилъ въ 1870-хъ годахъ въ артиллеріи на Кавказѣ и погибъ отъ тифа въ Александрополѣ въ концѣ 1877 г.

по крѣпостной книгѣ на имѣніе Симбирской губ. села Мѣднева, 600 душъ, г-жи Краснокутской и Филимоновыхъ. Запретительная статья, вѣроятно, послана, если не въ тотъ же день, то съ слѣдующей почтой, т. е. 19-го марта.

Вчера видѣлъ Николая Краснокутскаго. Онъ былъ здѣсь проѣздомъ въ Курскую губ., куда взялъ отпускъ на 15 дней; разсчитывалъ пробыть здѣсь самое короткое время, но Баденскій принцъ, который его знаетъ еще съ его путешествія за границу, задержалъ его на все время, что самъ оставался здѣсь, т. е. на четыре дня. Онъ вчера же хотѣлъ уѣхать и я его больше не видалъ. Говоритъ, что не зналъ о моемъ пребываніи въ Москвѣ; не знаю, правда ли.

Погода у насъ чудесная, весна такая ранняя, какъ рѣдко бываетъ. Водополь была сильная и внезапная, такъ что много было несчастій при переправахъ черезъ рѣки. Въ числѣ прочихъ одинъ князь Голицынъ и цѣлое семейство Барановскихъ утонули при переправѣ черезъ рѣку Пронь. Тяжело нагруженный паромъ опрокинуло льдинами. И наша Москва рѣка разгулялась, вышла изъ береговъ и затопила Замоскворѣчье. Говорятъ, надѣлала много убытковъ купцамъ, такъ какъ на той сторонѣ рѣки они преимущественно живутъ и почти всѣ магазины хлѣбные и прочіе—построены тамъ. Но видъ чудный съ Кремля, особенно съ бульвара противъ дворца; съ вышины видно все Замоскворѣчье и улицы, обращенные въ каналы, дѣлаютъ изъ него настоящую Венецію. Вчера мы ѣздили любоваться на этотъ видъ. Что подѣлываешь ты, другъ Володя? Увидимся ли мы нынѣшнюю весну? Не думаю, чтобы ты могъ пріѣхать сюда, даже проѣздомъ къ сестрѣ Лизѣ, какъ ты было предполагалъ. Что съ нею и гдѣ она? Мы всѣ обнимаемъ тебя отъ души и посылаемъ тебѣ нашъ праздничный поцѣлуй. Будь веселъ и здоровъ, да пиши о себѣ.

Твой братъ и другъ

М. Краснокутскій.

89.

Москва, 19 апрѣля 1855 г.

Благодарю, другъ Володя, за ходатайство въ типографіи о пропечатаніи запрещенія по Мѣдневу. Только бѣда та, что изъ Симбирска, *кажется,* *запоздали* высылкой запретительной статьи, такъ что

она еще до сихъ поръ не напечатана. На дняхъ писалъ къ Председателю Гражд. Пал. и просилъ о скорѣйшей высылкѣ ея. Надѣюсь, что если она не получена въ типографіи, то прійдетъ въ 20-хъ числахъ этого мѣсяца. Тебя же прошу черезъ 10 дней, т. е. около этого времени, какъ она должна прійти, освѣдомиться и напомнить Директору объ обѣщанномъ напечатаніи. Если все случится такъ, какъ я разсчитываю, то это дѣло не задержитъ моего выѣзда, въ противномъ случаѣ я или оставлю залогъ до осени, или дамъ здѣсь довѣренность на совершеніе его. По присланной запискѣ о дѣлѣ Медема увижусь съ Францевичемъ и передамъ тебѣ результатъ. До сей поры этого не сдѣлалъ, потому что ожидалъ въ четвергъ Стояновскаго, чтобы у него узнать о Францевичѣ; но онъ у насъ не обѣдалъ. Завтра же мы вмѣстѣ обѣдаемъ у Мишеля и вслѣдъ за тѣмъ исполню порученіе. Отъ Гриши получилъ на дняхъ письмо. Въ Екатеринославѣ устраивается госпиталь на 3000 чел. раненыхъ и выздоравливающихъ, и туда уже привозятъ безрукихъ солдатъ, жертвъ этой войны. Конференціи, какъ говорятъ въ Москвѣ, совершенно прерваны; что то будетъ? Теперь важно положеніе Австріи. Поговариваютъ о новомъ чрезвычайномъ наборѣ—по 17 человѣкъ съ 1000 душъ, но что то не вѣрится въ возможность его, особенно въ такомъ размѣрѣ; развѣ тамъ, гдѣ нѣтъ ополченія въ замѣнъ его. Напиши пожалуйста, если услышишь о призваніи остальныхъ губерній къ ополченію; надобно быть предупрежденнымъ.

У насъ все по прежнему—тихо и скромно. Это время мнѣ не очень здоровится. Мишель [1]) торгуетъ домъ Полугарскаго и дѣло возможное, что покупка состоится. И Мишелю бы кстати и для Полугарскихъ лучше, потому что жаль видѣть большой домъ не въ надлежащихъ рукахъ—пустыннымъ и неоживленнымъ. Для Полугарскихъ, при ихъ отшельнической жизни, довольно 4-хъ комнатъ. Егору если еще не высланъ паспортъ, то вскорѣ будетъ присланъ; объ этомъ уже давно мною приказано. Прощай, другъ Володя. Обнимаю тебя отъ всей души.

Твой другъ и братъ

М. Краснокутскій.

---

[1]) Михаилъ Михайловичъ Дараганъ.

90.

Москва, 26-го апрѣля 1855 г.

Твое посланіе отъ 20-го с. м. со статьею о Мѣдневѣ я получилъ, другъ и братъ Володя; искренно тебя благодарю за нее. Но къ исполненной тобою просьбѣ присовокупляю другую, которую, надѣюсь, тебѣ не будетъ затруднительно исполнить въ одинъ изъ твоихъ визитовъ въ Calypso. Это: зайти въ Опекунскій Совѣтъ и въ Экспедиціи по Симбирской губерніи узнать, отчего не послано до сего дня разрѣшенія Опекунскаго Совѣта въ Московскую Гражданскую Палату, на совершеніе акта объ уступкѣ штабъ-ротм. Григоріемъ Краснокутскимъ части имѣнія, ему принадлежащей, въ единственное владѣніе его брата титул. сов. Михаила, о чемъ, какъ отъ перваго, такъ и отъ второго, уже поданы прошенія въ Совѣтъ. Если разрѣшеніе еще не послано, то попроси послать скорѣе; препятствій со стороны Опекунскаго Совѣта быть не можетъ, и невысылка разрѣшенія теперь одна только можетъ задержать меня въ окончаніи моихъ дѣлъ, которыя въ настоящее время подвигаются довольно успѣшно впередъ. Три дня тому назадъ, 23-го, мы праздновали 8-ми-лѣтній юбилей нашей брачной жизни, впрочемъ самымъ семейнымъ образомъ, такъ какъ, кромѣ Мишеля съ женою, у насъ никого ввечеру не было. Поутру же навѣщали насъ Полугарскіе. Бѣдная Марья Павловна только теперь начинаетъ выѣзжать послѣ своей болѣзни, начавшейся 5-го января, но все еще очень слаба, и съ болѣзни въ этотъ день въ первый разъ была у насъ. Кстати, какой ты право колдунъ; первому тебѣ пришло въ голову, что Мишелю было бы кстати купить домъ Полугарскихъ, и по твоему предсказанію дѣло, можетъ быть, и сдѣлается на этихъ дняхъ. Мишелю домъ нравится, представляетъ большія удобства для дѣтей своимъ садомъ, а Полугарскій не прочь продать и въ цѣнѣ они сошлись. Я сватаю это дѣло, такъ какъ оно кстати и для Мишеля, и для Полугарскихъ, которымъ такой большой домъ имѣть не къ чему, при ихъ отшельнической жизни, Мишелю же кстати сдѣлаться Московскимъ жителемъ и обзавестись хорошимъ домомъ.

По дѣлу Медема видѣлся съ Францевичемъ. Онъ не повѣренный въ дѣлахъ наслѣдниковъ генеральши Кноррингъ, а ближайшій родственникъ ея дочери отъ перваго брака г-жи Колычевой, которая осталась единственной наслѣдницей покойной г-жи Кноррингъ. Онъ изъявилъ полную готовность помочь Медему вступить во владѣніе принадлежащими ему деньгами, и такъ какъ Колычева живетъ у него, то и нѣтъ сомнѣнія, что все будетъ сдѣлано, что нужно Медему для полу-

ченія денегъ по билету. Теперь дѣло въ томъ, чтобы Медемъ узналъ въ томъ кредитномъ учрежденіи, котораго у него билетъ, какого роду объявленіе нужно подать; при объявленіи не потребуютъ ли отъ г-жи Колычевой доказательствъ, что она есть единственная наслѣдница покойной г-жи Кноррингъ и т. д., однимъ словомъ, чтобы можно было все кончить разомъ. По собраніи справокъ пусть Медемъ пошлетъ на имя Францевича, адресуя письмо въ 1-ое Отдѣленіе 6-го Департамента Сената, ту бумагу, подъ которой нужна подпись г-жи Колычевой, и Францевичъ обѣщалъ, что она ею будетъ подписана и прислана по указанію. Если же нуженъ какой либо документъ кромѣ того, то его нужно увѣдомить. Приходится вести дѣло прямо съ Францевичемъ, потому что сегодня онъ долженъ уѣхать въ Тулу, откуда возвратится не раньше 10-го мая, когда, какъ я надѣюсь, меня уже не будетъ въ Москвѣ. Онъ показался мнѣ самымъ порядочнымъ молодымъ человѣкомъ, и думаю, на его слово можно положиться. У генеральши Кноррингъ не было другихъ дѣтей, кромѣ Колычевой.

Дня черезъ два собираемся въ Троицкую Лавру, и Софи Дараганъ ѣдетъ вмѣстѣ съ нами, чтобы познакомиться съ величайшею русскою святынею.

Обнимаю тебя отъ всей души, другъ Володя!

Твой братъ и другъ

М. Краснокутскій.

91.

Москва, 12-го мая 1855 г.

Письмо твое отъ 30-го апрѣля, другъ и братъ Володя, я получилъ и очень благодаренъ тебѣ за посѣщеніе Опекунскаго Совѣта по моему дѣлу. Разрѣшеніе его на переходъ имѣнія ко мнѣ получено; жаль только, что это всетаки не такъ много подвинуло впередъ окончаніе моихъ дѣлъ, какъ я ожидалъ. Предсѣдатель 2 Департам. здѣшней Гражд. Палаты страшный формалистъ и до того требователенъ при совершеніи актовъ, что большая часть дѣлъ совершается Москвичами въ Тверской Палатѣ, что при легкости сообщенія по желѣзной дорогѣ не затруднительно. Я жалѣю, что не прибѣгъ къ тому же средству и теперь дѣлаю послѣднюю попытку совершить актъ здѣсь; если же это неудастся, то оставлю это дѣло до Симбирска, куда [illegible]

Платона для совершенія акта, если не прійдется самому туда ѣхать въ случаѣ чрезвычайнаго собранія Дворянства, если и въ нашей губерніи будетъ ополченіе. Послѣдняго повидимому надобно ожидать, такъ какъ только тѣ губерніи западной полосы, въ которыхъ объявленъ теперь рекрутскій наборъ, вѣроятно не будутъ участвовать въ ополченіи.

Какъ ты знаешь, я было располагалъ около настоящаго времени быть уже на пути въ деревню, но вышло иначе. Наша Зинаида опять заболѣла по прежнему, и теперь четвертый день, какъ лежитъ въ постели. Вчера ей было получше, сегодня опять хуже, такъ что теперь я не могу съ вѣроятностью загадывать, когда ея здоровье позволитъ намъ двинуться отсюда. По аналогіи съ прежними ея припадками, думаю, что она не поправится совершенно раньше будущей недѣли, почему и не разсчитываю выѣхать отсюда прежде 20-хъ чиселъ этого мѣсяца. А пора было бы: такого жаркаго и сухого мая мѣсяца никто не запомнитъ; у насъ постоянные жары до 27 градусовъ въ тѣни и ночи тоже теплыя, какъ въ іюлѣ мѣсяцѣ. Изъ деревни тоже жалуются на жары и бездождіе. Третьяго дня читалъ указъ о новыхъ гражданскихъ мундирахъ. Скажи пожалуйста, распространяется ли это положеніе и на дворянскіе мундиры, или нѣтъ. Мнѣ показалось, что нѣтъ. Прочитавъ указъ, поторопился послать тебѣ деньги, и со вчерашней почтой отправилъ 100 руб. Объ камеръ-юнкерскихъ мундирахъ въ указѣ нѣтъ ничего; что слышно, какія у васъ будутъ полукафтанья? Здѣсь говорятъ, что бархатныя или суконныя, опушенныя соболемъ. Также говорятъ о переименованіи камергеровъ и камеръ-юнкеровъ въ стольниковъ и подстольниковъ.

Покупка Мишелемъ дома Полугарскихъ-дѣло рѣшенное; остается сдѣлать купчую, въ совершеніи которой здѣшняя Палата по обычаю дѣлаетъ затрудненія, такъ что дѣло кончится, вѣроятно, не раньше будущей недѣли. Софи оставляетъ проэктъ ѣхать въ Малороссію нынѣшнимъ лѣтомъ, а только поѣдетъ недѣли на двѣ въ Воронежъ увидѣться съ братомъ и съ дядею. Нынѣшнее лѣто ей надобно позаботиться объ устройствѣ покупаемаго дома. Для насъ эта покупка имѣетъ то удобство, что мы теперь будемъ близкіе сосѣди, и хотя я не разсчитываю оставить за собой домъ, гдѣ теперь живу, но во всякомъ случаѣ найму въ этихъ же краяхъ.

Я очень радъ, что твой папа привезетъ къ тебѣ брата Колю. Для тебя нужно имѣть около себя существо, о которомъ бы ты могъ постоянно заботиться, и къ тому же это будетъ разнообразить и веселить твою домашнюю жизнь, черезъ чуръ одинокую. Право это будетъ даже прекраснымъ лѣкарствомъ отъ сердечныхъ влеченій, которымъ ты *невольно поддавался* при настоящихъ условіяхъ твоего каждодневнаго

быта. Надѣюсь, что до нашего отъѣзда ты еще напишешь намъ о себѣ, я же увѣдомлю тебя о выѣздѣ отсюда въ день отъѣзда. Затѣмъ обнимаю тебя отъ всей души. Мои цѣлуютъ тебя, какъ всегда, съ истинною дружескою привязанностью. Будь здоровъ и веселъ и не забывай преданныхъ тебѣ друзей.

М. Краснокутскій.

P.S. Недавно получили письмо отъ Дитмара. Бѣдняга все боленъ, Онъ живетъ въ домѣ Толя на прежней квартирѣ Натальи Андреевны. Хорошо бы, если бы ты въ свободную минуту зашелъ навѣстить его. Право онъ предобрый и прекрасный человѣкъ. Что дѣлаютъ кузины и Петръ Яковлевичъ? [1]) Кончилъ ли онъ Макбета и не дѣлаетъ ли тебя жертвою своихъ поэтическихъ вдохновеній?

92.

Москва, 27 мая 1855 г.

Другъ Володя! Сегодня надѣемся выѣхать. Здоровье Зинаиды еще не совсѣмъ поправилось, но мы надѣемся, что дорога сдѣлаетъ ей пользу. Прошу, другъ, пиши намъ въ Мачкасы; мы съ нетерпѣніемъ будемъ ожидать отъ тебя вѣстей, на которыя ты сталъ въ послѣднее время скупъ. Вчера получилъ посланіе изъ деревни, гдѣ мнѣ пишетъ Платонъ, что у меня въ деревнѣ былъ пожаръ. Сгорѣло 11 дворовъ самыхъ зажиточныхъ крестьянъ и при этомъ погибла одна 21 года крестьянская дѣвушка, полуумная, которая осталась въ избѣ, когда загорѣлось. Пора мнѣ въ деревню, хоть и непріятно къ пріѣзду встрѣтить такое несчастіе. Дѣла свои здѣсь я покончилъ совершенно и послалъ Гришѣ деньги и векселя. Прощай, другъ Володя! Мы всѣ тебя обнимаемъ. Мишель Дараганъ [2]) гоститъ въ Москвѣ два дня проѣздомъ въ Тулу. Мы были вмѣстѣ при открытіи Эрмитажа (Московскій Излеръ), гдѣ былъ концертъ и цыгане, и юноша-красавецъ произвелъ большой эффектъ. Онъ точно очень хорошъ въ новомъ костюмѣ; совершенный представитель русскаго типа; напоминаетъ немножко портретъ Петра Великаго. Недостаетъ только le feu sacré du génie et de l'intelligence. Въ субботу ввечеру онъ отправился въ Тулу.

---

[1]) **Фонъ-Фокъ.** [2]) **Михаилъ Петровичъ Дараганъ.**

Мишель Дараганъ [1]) купилъ домъ Полугарскихъ; дѣло кончено. Софи не ѣдетъ въ Малороссію, а только въ Воронежъ, въ началѣ іюня на короткое время. Богъ съ тобою. Будь здоровъ.

Твой братъ и другъ

М. Краснокутскій.

93.

Мачкасы, іюля 6-го дня 1855 г.

Другъ Володя! Спасибо тебѣ за два твои письма отъ 7-го и 23-го іюня, изъ которыхъ послѣднее я получилъ вчера. Теперь спѣшу загладить мою вину, отвѣчая на оба твои письма. Съ пріѣзда въ деревню каждый день разъѣзжаю по полямъ и потому физическая усталость дѣлаетъ меня мало склоннымъ къ письму, къ тому же въ деревнѣ вся жизнь проходитъ на воздухѣ, подъ открытымъ небомъ, и идти писать въ комнаты не хочется. Теперь пишу тебѣ въ саду, подъ звуки разговоровъ моихъ дамъ, и потому извинишь, если письмо будетъ не очень связно. Отъ души радуюсь перемѣнѣ мѣста твоего служенія. Если бы и занятія показались тебѣ нѣсколько скучными, сравнительно съ сенатскими, въ чемъ я не сомнѣваюсь, но за то думаю, что ты будешь вознагражденъ не только матерьяльными выгодами въ настоящемъ, но и видами въ будущемъ. Переселеніе брата твоего Коли къ тебѣ будетъ въ этомъ случаѣ кстати тѣмъ, что дастъ тебѣ пріятное занятіе—воспитывать его и заботиться обо всемъ, до него касающемся. Съ другой стороны твое мѣсто дастъ тебѣ на это больше средствъ, такъ какъ, сколько бы твой папа ни положилъ на воспитаніе Коли, съ твоей стороны безъ денежныхъ пожертвованій не обойдется. Твоя квартира по расположенію очень мила и удобна; отъ души принимаю твое предложеніе на случаи пріѣзда въ Петербургъ погостить у тебя, принимаю это предложеніе не за себя одного, а и за Катеньку, такъ какъ одинъ (ты это знаешь) я никуда не ѣзжу. Впрочемъ не предвижу обстоятельствъ, по которымъ бы мнѣ пришлось ѣхать въ Петербургъ, исключая развѣ одного,—это если ты полѣнишься, или не найдешь времени пріѣзжать къ намъ въ Москву въ теченіе зимы; тогда уже

---

[1]) *Михаилъ Михайловичъ.*

мы пріѣдемъ обнять тебя, такъ какъ не долженъ пройти годъ безъ того, чтобы мы не видались при этой близости разстоянія.

Что тебѣ сказать о себѣ? Зинаида была нездорова, но теперь поправилась, мы всѣ слава Богу довольно здоровы и по силамъ наслаждаемся деревенской жизнью. По письмамъ изъ Москвы знаемъ, что Софи Дараганъ въ послѣднихъ числахъ іюня уѣхала въ Воронежъ, а Полугарскіе въ Оптинскую пустынь. Мишель теперь можетъ заняться передѣлкой и штукатуркой своего новаго дома, который можетъ быть очень хорошъ; они думаютъ переѣхать въ него осенью. Я теперь жду изъ Москвы со дня на день молотильную и вѣяльную машины, которыя тамъ заказалъ и которыя теперь уже въ дорогѣ сюда. Къ сожалѣнію они нынѣшній годъ не очень будутъ нужны, такъ какъ у насъ сильный неурожай. Послѣ необыкновенно теплой и ранней весны были сильные холода въ теченіе всего мая и части іюня, и засухи, такъ что яровыхъ почти вовсе не будетъ. Къ тому же въ нашихъ краяхъ было волненіе между крестьянами по случаю воззванія объ ополченіи отъ Святѣйшаго Синода. Безграмотные попы, надѣясь выслужиться, начали призывать крестьянъ къ ополченію, при чемъ распространились слухи, что по прослуженіи ими 3-хъ лѣтъ они съ семьями сдѣлаются свободными хлѣбопашцами. По этому случаю произошли волненія между крестьянами: въ иныхъ имѣніяхъ они не хотѣли работать помѣщику и земская полиція должна была употреблять мѣры и строгія наказанія для приведенія ихъ въ повиновеніе. Въ имѣніи дяди Катеньки Ижорина дѣло пошло иначе: достаточные и довольные мужики, объявляя, что они желаютъ поступить въ ополченіе, пошли просить о томъ архіерея и губернское начальство. Отосланные съ отказомъ, но съ благодарностью за ревность къ Вѣрѣ, такъ какъ они не высказывали ожидаемыхъ мірскихъ выгодъ, они вздумали отправиться съ фальшивыми паспортами въ Петербургъ къ Государю, въ числѣ 30 человѣкъ. Изъ нихъ дошли до мѣста 5 человѣкъ и, по ихъ словамъ, подавали просьбу Государю, которая была передана дежурному генералу, который отправилъ ихъ обратно къ помѣщику, говоря, что у него самого 40 тысячъ крестьянъ, и что еслибы они всѣ вздумали безъ приказа проситься въ ополченіе, то некому было бы и работать, и Петербургъ бы запрудили. Судя по этому отвѣту, и если ихъ показаніе не ложно, вѣроятно съ ними говорилъ графъ Орловъ. Теперь, какъ эти 5 человѣкъ, такъ и остальные 25, которые не имѣли средствъ дойти до Петербурга, возвратились обратно, и теперь будутъ судиться за фальшивые билеты и ослушаніе. А вся вина въ тѣхъ, которые такъ толковали воззваніе и распускали нелѣпые слухи, между тѣмъ какъ наказаніе падетъ на крестьянъ, хорошихъ по своему поведенію, и собственно не виноватыхъ, ибо кому же не захочется быть свободнымъ хлѣбопаш-

цемъ и владѣть всей помѣщичьей землей, не платя оброка, или не работая за землю.

Вотъ всѣ наши исторіи. Что дѣлается у васъ? Слышно ли что либо о Дмитріи и Антонинѣ Дараганъ? Кланяйся всѣмъ нашимъ роднымъ и знакомымъ.

Мои тебя цѣлуютъ, я же крѣпко обнимаю. Будь здоровъ, веселъ и пиши къ твоимъ друзьямъ.

Твой братъ и другъ

М. Краснокутскій.

94.

Москва, 3-го сентября 1855 г.

Милый Володя! Пишу Вамъ изъ Москвы, гдѣ мы уже дней съ шесть; Вы удивитесь, что такъ скоро мы вернулись, но нельзя было далѣе жить, по причинѣ здоровья. Мы почти совсѣмъ не писали Вамъ лѣтомъ, ибо всё были больны. Мишель сначала, потомъ Зинаида; и ее мы, совсѣмъ слабую, посадили въ карету, по совѣту доктора, и превезли сюда.

Вообще самое скучное лѣто провели мы среди неурожая, болѣзней и другихъ бѣдствій, и къ общей радости опять возвратились въ Москву.

Пока и теперь мы не совсѣмъ на твердой землѣ, потому что ищемъ другую квартиру и проходимъ чрезъ страшное мытарство исканія квартиръ; но всетаки я рада, что мы уже не въ деревнѣ, и не въ дорогѣ. По старому всякій день съ Дараганами видимся и сообщаемъ другъ другу свои домашнія заботы. Они въ хлопотахъ съ своимъ домомъ; имъ слѣдуетъ оставить свою квартиру къ 15-му сего мѣсяца, а въ новомъ домѣ такъ все еще не подвинуто къ концу и такой запахъ краски, что и не придумаешь, какъ переѣхать. Вчера ввечеру мы были у нихъ, и при насъ получено Ваше письмо.

Мишель Дараганъ теперь озабоченъ въ своемъ арсеналѣ, по причинѣ пріѣзда Государя, и Вамъ не отвѣчаетъ, а поручаетъ сказать, что не взирая на то, что самъ на выѣздѣ изъ квартиры, но ждетъ Анну Михайловну къ себѣ съ большимъ удовольствіемъ.

Мой же Мишель, кажется, Вамъ собирается писать; онъ занятъ *какими-то счетами* и не такъ то здоровъ. Болѣе не пишу: не въ уда-

рѣ, да и некогда; всѣ мы цѣлуемъ милаго надворнаго совѣтника и любимъ горячо, какъ и всегда. Прощайте, милый Володя, я очень рада увидѣть жителей острова Саlурво, а еще болѣе была бы рада обнять самого Улисса; такъ какъ на словахъ, какъ Вы говорите, Васъ нельзя назвать Телемакомъ. К. К.

P. S. Какъ будетъ хорошъ домъ Михаила Михайловича! Только что пришлось такъ торопиться съ отдѣлкой; но домъ будетъ чудесный.

Послѣднее письмо твое, другъ Володя, я получилъ дня за три до отъѣзда изъ Маккасъ; потому и не отвѣчалъ тебѣ оттуда, а отложилъ это до пріѣзда сюда. Мы выѣхали изъ деревни 23-го августа, дней десять раньше, чѣмъ я предполагалъ, по причинѣ болѣзни Зинаиды, которой и докторъ совѣтовалъ уѣхать во время, чтобы не пускаться въ дорогу при дурной погодѣ. 29-го поутру мы были здѣсь; путешествовали почти 6 сутокъ, потому что попали въ самый разъѣздъ съ Нижегородской ярмарки и часто принуждены были сидѣть на станціяхъ безъ лошадей. Я выѣхалъ изъ деревни почти въ то время, когда всѣ наши дворяне отправились въ Симбирскъ на экстраординарное собраніе, созванное по случаю манифеста. Передъ отъѣздомъ я писалъ письмо къ нашему уѣздному предводителю дворянства, въ коемъ писалъ къ нему, что, по извѣстному и ему разстроенному состоянію моего здоровья, не могу быть въ собраніи, равно искать чести быть избраннымъ въ ополченіе. Не знаю, будетъ ли имѣть вліяніе это письмо; въ случаѣ же избранія меня, я къ сожалѣнію долженъ буду просить объ увольненіи и представить свидѣтельство о болѣзни, такъ какъ при моемъ состояніи здоровья мнѣ не остается ничего другого.

Согласно твоему письму къ Мишелю, мы ожидаемъ видѣть Анну Мих. 7-го или 8-го въ Москвѣ. Мишель извиняется, что не отвѣчаетъ теперь тебѣ, но до отъѣзда Государя ему нѣтъ свободной минуты. Онъ даже не ѣздитъ теперь въ свой домъ, который отдѣлываютъ окончательно. Мишель долженъ оставить свою прежнюю квартиру 15-го, а такъ какъ сомнительно, чтобы его домъ былъ конченъ совершенно къ этому времени, то ему и не остается другого средства, какъ или нанять на 3 или 4 недѣли квартиру гдѣ нибудь по близости, или помѣститься въ 4-хъ комнатахъ своего дома, которыя будутъ готовы. Не смотря на предстоящую ему суматоху съ переселеніемъ, онъ поручаетъ мнѣ написать тебѣ, что онъ очень радъ принять Анну Михайловну и ожидаетъ ее согласно твоему письму къ 7-му или 8-му. Мой совѣтъ въ этомъ случаѣ тотъ, чтобы Анна Мих., если возможно, не отклады-

вала своего отъѣзда изъ Петербурга дальше назначеннаго тобою времени, такъ какъ во всякомъ случаѣ 15-го сентября Мишель долженъ очистить свою квартиру и бивуакировать въ теченіе какихъ нибудь 2-хъ недѣль. Я предложилъ бы, еслибы могъ, свой домъ Аннѣ Михайловнѣ, но нахожусь въ томъ же положеніи, какъ Мишель; мы ищемъ новую квартиру и теперь всѣ дни наши посвящены рысканью по городу и осмотру удобныхъ домовъ. Пишу тебѣ обо всѣхъ нашихъ дѣлахъ, но только не передавай ничего Аннѣ Михайловнѣ: она можетъ подумать, qu'il y a de la mauvaise volonté de la part de quelqu'un de nous; а только передай ей отвѣтъ Мишеля и отъ себя старайся поторопить ея отъѣздъ изъ Петербурга, чтобы она не пріѣхала сюда къ 15-му, въ самую сумятицу. На обратномъ же пути ея изъ Тулы, или Мишель уже будетъ въ новомъ своемъ домѣ, или мое затрудненіе насчетъ новой квартиры будетъ разрѣшено. Если успѣешь, то напиши намъ, когда Анна Мих. выѣзжаетъ изъ Петербурга. Поздравляемъ тебя съ производствомъ въ надворные совѣтники. Вѣдь это за выслугу лѣтъ? О производствѣ Петра Мих. въ генералъ-лейтенанты мы читали. Здѣсь у насъ сумятица по случаю пріѣзда Государя: иллюминаціи, выходы, представленія и разводы. Стояновскаго до сихъ поръ не видѣлъ; былъ у него:—„велѣли закладывать карету ѣхать во дворецъ, а сами пошли въ цирульню", отвѣтилъ мнѣ его Санчо-Панса. Мишель намъ сказывалъ, что Антонина Дараганъ въ Малороссіи; прямыхъ извѣстій отъ нея мы не имѣемъ, такъ какъ съ весны она не писала Катенькѣ. Гдѣ же Дмитрій? Развѣ всѣ дивизіи гренадерскаго корпуса въ Крыму? Какія наступили тяжелыя времена, и дай Богъ, чтобы зима принесла намъ наконецъ миръ,—такой, какого могутъ желать Государь и Россія! Прощай, другъ Володя! Спѣшу кончить. Обнимаю тебя отъ всего сердца. Дай Богъ, до скораго свиданья. Что пишетъ тебѣ твой папа? Увѣдомь о себѣ: здоровъ ли ты и веселъ ли?

Твой братъ и другъ

М. Краснокутскій.

P. S. Пиши по прежнему адресу къ намъ и пришли свой адресъ; и мы, и Мишель потеряли твои письма, гдѣ онъ былъ написанъ.

Дочери Петра Михайловича и Анны Николаевны [illegible].
Елисавета, Александра и Ева.

95.

Москва, 16 сентября 1855 г.

Спѣшу отвѣчать тебѣ, милый другъ Володя, на письмо твое отъ 12-го с. м.; хотя желаніе твое имѣть отъ насъ подробныя извѣстія показалось намъ не совершенно безкорыстнымъ и мы не могли принять его исключительно на свой счетъ, но оно тѣмъ не менѣе совершенно натурально, и потому, не медля, удовлетворяю твоему любопытству. Анна Мих. пріѣхала сюда 9-го числа, съ своими тремя розанами [1]), оставила же Москву 13-го ввечеру въ 7-мъ часу; значитъ, пробыла съ нами почти 5 сутокъ. На станціи желѣзной дороги ждали ее наши экипажи, которые и привезли всю семью на прежнюю квартиру Мишеля. Въ тотъ же день, 9-го, Анна Мих. успѣла еще быть на церемоніи молебствія и благословенія Стрѣлковаго полка, отправленной митрополитомъ, и на которой присутствовали Вдовствующая Императрица и Екатерина Михайловна. Здѣсь ее толпа такъ притиснула, что дѣло дошло до слезъ, и только, благодаря какому то широкоплечему и атлетическому неизвѣстному полковнику, Анна Мих. выбралась изъ толпы, не оставивъ въ ней своей шали и шляпки. На слѣдующій день 10-го всѣ обѣдали у насъ, при чемъ были Стояновскій и Кохъ, которому очень понравились всѣ кузины, въ особенности однакожъ самая младшая. 11-го вся семья обѣдала у Мишеля; а послѣ театра, куда съ дѣтьми ѣздила наша Софи, за трауромъ Софи Дараганъ, Анна Мих. съ Лизой и Евочкой отправились въ 12-мъ часу ночи въ Троицко-Сергѣевскую Лавру. Саша за простудой не участвовала въ поѣздкѣ. Къ Тройцѣ Анна Мих. пріѣхала поутру въ 8 часовъ, пробыла тамъ до вечера, осмотрѣла все замѣчательное, была у отца намѣстника и 13-го поутру, въ день, назначенный для выѣзда въ Тулу, возвратилась въ Москву. Въ этотъ день мы всѣ обѣдали у Мишеля и въ 6 часовъ проводили гостей на почту, гдѣ они сѣли въ почтовыя кареты, которыя должны ихъ доставить къ Петру Михайловичу. [2]) Вотъ матеріальные факты; что касается до впечатлѣній, то они были таковы, какъ мы ихъ ожидали. Анна Мих. затормошила бѣдную Софи Дараганъ, которая съ своей медлительностью и тихостью совершенно теряется предъ бурною подвижностью Анны Мих. Лиза такъ же добра и мила, какъ и была; если она не такъ нравится на первый взглядъ отсутствіемъ кокетства и живости, зато

---

[1]) У Петра Михайловича и Анны Михайловны Дараганъ было три дочери: Елисавета, Александра и Ева. [2]) Петръ Михайловичъ Дараганъ былъ въ эту пору тульскимъ губернаторомъ.

нельзя не любить ея за ея нѣжный и преданный характеръ, узнавъ ее ближе. Саша выросла и выправилась; въ ней больше другихъ замѣтно присутствіе буйной и живой крови Балугьянскихъ, которая взяла рѣшительный верхъ надъ Дарагановской. Ева же—общая любимица, какъ за свою миловидность, такъ и за характеръ, обѣщающій много хорошаго. Бѣдняжка выѣхала отсюда больною; у Троицы простудилась и сѣла въ карету съ жаромъ и головною болью. Что касается до Миши, то онъ остался тотъ же: его человѣкъ, посланный изъ Петербурга въ Колпино, ждать его тамъ съ вещами, неизвѣстно какъ прибылъ прямо въ Москву безъ вещей, и уже отправлялся обратно отсюда, какъ на станціи желѣзной дороги встрѣтился съ нашимъ Стрѣлкомъ, только что прибывшимъ. Въ Колпино дали знать по телеграфу о присылкѣ вещей, но тѣмъ не менѣе Миша два дня щеголялъ въ платьи своихъ товарищей и въ чужомъ мундирѣ былъ на молебствіи. Здѣсь онъ не попадалъ во время ни на одинъ изъ родственныхъ обѣдовъ и къ довершенію уѣхалъ изъ Москвы въ шинели Мишеля, оставивъ ему въ замѣну свой стрѣлковый армякъ. Если онъ также хозяйничаетъ и съ своею ротою, то не растерялъ бы онъ и ее дорогой.

Выборы въ ополченіе по нашей губерніи кончены; я исключенъ по болѣзни. Начальникомъ дружины нашего уѣзда избранъ бывшій лейбъ-гусаръ Ланской, сынъ министра. Хотя сборъ ополченія назначенъ съ 1-го октября по 1-ое ноября, но уже получены распоряженія о вооруженіи ратниковъ изъ московскихъ запасовъ. Видно, дружины недолго пробудутъ на мѣстѣ.

Насчетъ нашего устройства скажу тебѣ, что по пріѣздѣ мы двѣ недѣли ѣздили по всѣмъ московскимъ переулкамъ, отъ Сивцова вражка и Собачьей площадки до Николы на Пескахъ, Козьяго Болота и Патріаршихъ прудовъ, и нигдѣ не нашли квартиры, которая была бы удобнѣе и дешевле, при неимѣніи своей мебели, какъ домъ Савина. Потому мы и рѣшились остаться здѣсь, хотя 1,300 р. сер.—цѣна, которая, по нынѣшнему времени и неутѣшительной перспективѣ въ будущемъ, мнѣ вовсе не по бюджету.

На этомъ основаніи я возобновилъ еще на годъ контрактъ, и домъ Савина въ нынѣшнемъ году, какъ и въ прошломъ, простираетъ къ тебѣ свои объятія, ожидая исполненія обѣщанія быть въ нѣдрахъ его на Рождество.

17-го сентября. Вчерашній день мое письмо прервано пріѣздомъ Валерія Валеріевича, который явился сюда на четыре дня по дѣламъ своимъ. Сегодня наша имянинница Софи справляетъ день своего ангела, разумѣется, противъ своей воли, такъ какъ ты знаешь, какъ она не любитъ быть героинею какихъ либо торжествъ. Но на этотъ разъ нельзя было избавить ее отъ сего, тѣмъ больше, что у Мишеля нынче по-

реѣздъ на новую квартиру, гдѣ они и будутъ уже ночевать эту ночь. Поэтому вся семья соберется сегодня у насъ, дѣти же со вчерашняго дня перевезены къ намъ и останутся у насъ все время, что будетъ продолжаться суматоха устройства въ новомъ, очень хорошенькомъ жилищѣ. Особенно же хорошъ балконъ, съ котораго чудесный видъ, и садъ, который отдѣлывается и охорашивается. Жаль, что ты не увидишь этого лѣтомъ; зимою же главная прелесть мѣста теряется.

Полугарскіе три дня тому назадъ пріѣхали изъ Оптинской Пустыни, гдѣ провели лѣто. Они живутъ теперь еще ближе отъ насъ, нежели жили, и по этому случаю посланники ординарные и экстраординарные съ весьма важными и секретными порученіями, передаваемыми вдвойнѣ, письменно и словесно,—являются къ намъ отъ Марьи Павловны. Оканчиваю письмо мое, такъ какъ время пріѣзда друзей приближается. Напиши намъ о пріѣздѣ папы, брата, о томъ, какъ устроится переселеніе Коли къ тебѣ, и о всемъ, что до тебя касается. Валерій Вал. уговариваетъ нашу Софи ѣхать съ нимъ на нѣсколько дней въ Петербургъ погостить у него; но, кажется, не смотря на желаніе это сдѣлать, къ чему главнымъ поводомъ служитъ потребность поцѣловать милаго Володю и привезть о немъ извѣстія, она откажется отъ этой поѣздки. Затѣмъ обнимаю тебя отъ всей души. Мои всѣ тебя цѣлуютъ. Будь здоровъ и веселъ, и исполни обѣщаніе быть на Рождество у преданныхъ тебѣ друзей.

Твой М. Краснокутскій.

96.

Москва, 15-го октября 1855 г.

Нѣсколько позамедлилъ отвѣтомъ на послѣднее письмо твое, другъ Володя, какъ потому, что ты изъ четырехъ дружескихъ устъ можешь узнать о насъ все довольно подробно, такъ больше отъ того, что, зная, въ какія заботы и хлопоты ты будешь погруженъ первое время по пріѣздѣ твоего папы, не могъ разсчитывать на скорое извѣстіе отъ тебя. Дай Богъ, чтобы этотъ пріѣздъ принесъ тебѣ побольше радости и чтобы въ Колѣ ты нашелъ ребенка, къ которому бы могъ привязаться. Ты уже знаешь, какою неожиданностью былъ для всѣхъ нашихъ пріѣздъ твоего отца въ Москву, равно посвященъ въ драматическую встрѣчу съ нимъ нашихъ на желѣзной дорогѣ. Не могу придумать прины, почему папа не захотѣлъ видѣть насъ здѣсь, и предполагая,

какъ Мишель, такъ и я пользуемся расположеніемъ его, мнѣ остается приписывать всю эту немилость къ москвичамъ присутствію здѣсь Анны Михайловны. Какой результатъ имѣло путешествіе вмѣстѣ по желѣзной дорогѣ и успѣла ли Анна Мих., перешедшая въ вагонъ твоего отца въ ту минуту, когда двинулся поѣздъ, заключить съ нимъ мировую, или только подлила масла на огонь, какъ это съ ней часто случается? Передай намъ это, и то, какъ долго твой папа думаетъ погостить у тебя, какъ ты нашелъ Колю и какъ располагаешь его устроить у себя.

А право хорошо было бы, если бы въ тебѣ проснулось и зашевелилось честолюбіе! Для нашихъ неэнергичныхъ натуръ шпоры—славная вещь, и жизнь, я думаю, пошла бы полнѣе и ровнѣе, если бы за недочетомъ въ привязанностяхъ ты нашелъ бы успѣхъ въ честолюбіи и опять наоборотъ. При свиданіи (такъ какъ мы совершенно увѣрены въ исполненіи тобою обѣщанія погостить у насъ на Рождество), можетъ быть, удастся потолковать о всей этой сути, а до того твою хандру, которая, кажется, давно тебя не навѣщала, разсѣетъ пріѣздъ твоихъ гостей. У насъ все идетъ по старому. Петербургскимъ гостямъ, кажется, понравился домъ Мишеля, хоть они и видѣли его въ порядочномъ безпорядкѣ и неоконченнымъ отдѣлкой. Передай Аннѣ Мих., что Софи Дараганъ нашла себѣ новую гувернантку вмѣсто Васильевой; потому она проситъ Анну Мих. не хлопотать о пріисканіи ей гувернантки. Выборъ Васильевой оказался неудачнымъ: она не слишкомъ молода для маленькихъ дѣтей, требующихъ больше физическихъ попеченій и собственно воспитанія, а не уроковъ и классовъ. Васильева еще въ домѣ у Мишеля, новая же гувернантка М-е Вольфъ, француженка, бывшая замужемъ за нѣмцемъ, вступаетъ къ нимъ съ завтрешняго дня.

На желѣзной дорогѣ твой отецъ съ Мишелемъ говорили о продажѣ доли Мишеля въ Богодуховскомъ имѣніи; кажется, сходятся, такъ что твой папа давалъ даже задатокъ Мишелю. Не знаю, серьезно ли это было, или нѣтъ; только Мишель не прочь продать имѣніе, и если твой отецъ того же серьезно желаетъ, то дѣло можетъ сладиться. Спроси объ этомъ папу и тогда, чтобы покончить дѣло скоро, они спишутся между собою, а купчую могутъ совершить проѣздомъ папы черезъ Москву, когда во всемъ сойдутся.

Манифестъ о наборѣ и неудачи въ Крыму и въ Азіи взволновали Москву, такъ что здѣшнія старушки распустили слухъ о новомъ ополченіи по 17 чел. съ 1000 и о поголовномъ призваніи всѣхъ дворянъ къ оружію. Для Катеньки новая бѣда—страшиться за меня. Вчера также я слышалъ, что Клейнмихель вышелъ въ отставку, и на его мѣсто назначенъ принцъ Петръ Ольденбургскій, собственно же Министерствомъ *будетъ управлять* Чевкинъ. О первомъ говорили довольно опредѣли-

тельно. Вообще вопросы внутренней политики для насъ еще интереснѣе, нежели касающіеся внѣшней; вторая зависитъ отъ чистыхъ случайностей и весь интересъ сосредоточенъ въ телеграфическихъ депешахъ и оффиціальныхъ извѣстіяхъ; о первыхъ же въ Петербургѣ знаютъ больше, чѣмъ въ Москвѣ, и потому при случаѣ, въ свободную минуту, передай, что слышно. Что дѣлаетъ Государь въ Николаевѣ и долго ли тамъ останется? Здѣсь говорятъ о слѣдствіи, производимомъ тамъ насчетъ продовольствія и употребленія запасовъ. Нынѣшній годъ будетъ особенно тяжелъ для юго-восточной Россіи, гдѣ неурожай яровыхъ хлѣбовъ безпримѣрный; мало губерній, въ которыхъ бы возвратились сѣмена, а въ иныхъ, напр. въ Тамбовской и Воронежской, не собрано и $^1/_{10}$ сѣмянъ. Пишу къ тебѣ это, вспоминая статью Герцена: Петербургъ и Москва. Кстати пришли ее мнѣ при случаѣ; хочется переписать, чтобы имѣть у себя.

Начавъ это письмо третьяго дня, кончаю сегодня, 17-го. Обнимаю тебя отъ всей души; мои тебя цѣлуютъ. Будь здоровъ и веселъ. Богъ съ тобою.

Твой братъ и другъ

М. Краснокутскій.

97.

Москва, 7 апрѣля 1856 г.

Мы съ нетерпѣніемъ ожидали отъ тебя извѣстій, другъ Володя, а я отвѣта на мое послѣднее письмо, и только полученіе Мишелемъ твоего послѣдняго посланія, сообщеннаго и намъ, успокоило на время общій ропотъ. Онъ замолкъ отъ твоего обѣщанія пріѣхать навѣстить насъ. Но откладывать твой пріѣздъ на послѣпраздничное время ты не долженъ, сперва, потому-что тогда что-нибудь, напр. служебныя обязанности, можетъ помѣшать тебѣ, во вторыхъ, такъ какъ тогда необходимо твой пріѣздъ будетъ кратковременный; теперь же, выѣхавъ въ среду на страстной, ты можешь отговѣться въ православной Москвѣ и быть нашимъ краснымъ яичкомъ на всю Святую недѣлю. Если же ты уже началъ говѣть, то въ субботу во всякомъ случаѣ можешь быть съ нами. Финансовыя затрудненія, надѣюсь, тебя не остановятъ. Потому, если твое сердце не удерживаетъ тебя въ Петербургѣ, обрадуй твоимъ пріѣздомъ.

Мы разсчитывали было, что Мишель поѣдетъ на этой недѣлѣ въ въ Петербургъ и уговоритъ тебя ѣхать вмѣстѣ съ нимъ обратно, но пріѣздъ Безака перемѣнилъ его намѣренія, и Мишель поѣдетъ въ Петербургъ уже послѣ праздниковъ. Безакъ пріѣхалъ вчера и мы видѣли его ввечеру и играли въ ералашъ. Сегодня онъ долженъ былъ отправиться въ дальнѣйшій путь. О Николаѣ Ив. Безакъ говорилъ, что передъ отъѣздомъ онъ справлялся объ его назначеніи и узналъ, что Горчакову сдѣланъ запросъ, на какой родъ службы онъ считаетъ его способнымъ. Отвѣта еще не послѣдовало, а потому и дѣло безъ движенія. Я вспомнилъ это къ тому, что сегодня отвозилъ на почту письмо Катеньки къ сестрѣ твоей Лизѣ. По Курьерку Варшавскому видно, что Ник. Ив. 22-го марта выѣхалъ изъ Варшавы за границу; въ паспортѣ сказано: въ Маріенбадъ.

Петръ Мих. [1]) собирается въ Москву на коронацію [2]); онъ писалъ на дняхъ о томъ къ Мишелю и спрашивалъ его, можетъ ли у него помѣститься на это время. Анна Мих., вѣроятно, не будетъ свидѣтельницею этого торжества, не смотря на вѣроятное желаніе молодого поколѣнія насладиться имъ. Вѣроятно, она послѣдуетъ благимъ путемъ, который предстоитъ и намъ,—предпочтетъ суетѣ мірской деревенскую жизнь. Тебя о твоихъ предположеніяхъ на лѣто и спрашивать нечего - твои мечты витаютъ на брегахъ озеръ новгородскихъ. И то дѣло; только мнѣ хотѣлось бы объясненія одного мѣста твоего письма къ Мишелю, гдѣ ты говоришь, что будешь искать простора. Оставляю это до свиданія, пока же обнимаю тебя мысленно отъ всего сердца и передаю тебѣ дружескій поцѣлуй отъ всѣхъ моихъ. Будь здоровъ.

Твой братъ и другъ

М. Краснокутскій.

P. S. Надѣемся на скорый письменный или изустный отвѣтъ. Катенька и сестры просятъ тебя забѣжать при первой удобной минутѣ къ Вал. Валерьевичу. Онѣ не получаютъ отвѣта на свои письма и знаютъ отъ Жеребцова, что у него больна дочь. Потрудись передать, что узнаешь о немъ и объ его отъѣздѣ за границу.

---

[1]) *Дараганъ*, тогдашній тульскій губернаторъ. [2]) Императора Александра II.

98.

Москва, 12-го ноября 1856 г.

Твое письмо отъ 28-го октября очень насъ порадовало, другъ и братъ Володя, такъ какъ мы уже были въ нетерпѣніи, не получая отъ тебя извѣстій. Надѣюсь, что въ настоящее время ты совершенно устроилъ свой домашній бытъ [1]) и, не смотря на зиму, въ твоемъ домикѣ, въ саду Васильевскаго Острова, будетъ вѣчная весна. Теперь ты вѣрно свободнѣе, и я принимаю серьезнѣе твое обѣщаніе писать намъ регулярно. Встрѣчи съ дѣтьми Анны Мих. на желѣзной дорогѣ мы, какъ нарочно, ожидали и говорили объ ея возможности. Пребываніе Данзаса въ Петербургѣ доставитъ тебѣ много пріятныхъ минутъ при наклонности обоихъ супруговъ быть домосѣдами; ваши всѣ удовольствія сосредоточатся у домашняго очага, у котораго холостяку пріятно отвести душу. Я вполнѣ согласенъ на твое домосѣдство—только съ условіемъ, чтобы оно не помѣшало тебѣ исполнить твое обѣщаніе—пріѣхать погостить у насъ въ теченіе нынѣшней зимы. Мы, ровно недѣля сегодня, какъ переѣхали въ нашъ новый домъ. Въ помѣщеніи мы отчасти выиграли тѣмъ, что въ нижнемъ этажѣ у меня есть большой теплый кабинетъ съ туалетною комнатою, которые мнѣ будетъ очень удобно уступить молодымъ супругамъ, когда они навѣстятъ насъ. Домъ Савина тоже не остался безъ жильцовъ: Мишель Дараганъ продалъ свой домъ за 23,000 руб. сер. князю Черкасскому и третьяго дня переѣхалъ на оставленную нами квартиру. Мы живемъ теперь, противъ прежняго, немного ближе другъ отъ друга, такъ какъ наше жилище находится на Поварской, въ домѣ Кошелева, въ двухъ шагахъ отъ Кудринской площади. Дараганы, особенно Софи [2]), съ сожалѣніемъ оставили свой хорошенькій домъ, но что дѣлать?—не хотѣлось упустить покупщика, и такимъ образомъ они до весны - жильцы Савина. У Дмитрія Дарагана все благополучно; Антонина почти совершенно поправилась. Крестинъ, въ которыхъ участвуютъ Катенька и Мишель, какъ крестные мать и отецъ, до сихъ поръ еще не было. Ожидаютъ соизволенія Государя на просьбу быть воспріемникомъ новорожденной [3]). Мы видимся довольно часто.

---

[1]) 16-го сентября 1856 г. состоялась свадьба Владимира Андреевича съ Варварой Ананіевной Александровичъ и молодые поселились въ Петербургѣ на Васильевскомъ острову. [2]) Софья Адамовна. [3]) Марья Дмитріевна Дараганъ была потомъ замужемъ за Матвѣемъ Яковлевичемъ Дараганомъ и умерла въ молодыхъ лѣтахъ, не оставивъ потомства.

17 ноября. Письмо это оканчиваю черезъ 5 дней послѣ его начала; пріѣздъ нашихъ добрыхъ знакомыхъ, Киндяковыхъ, отправляющихся изъ Симбирска въ Петербургъ на житье, помѣшалъ тогда кончить это письмо. О моихъ и себѣ ничего особеннаго сказать не могу; все это время прошло для насъ между удовольствіями родственнаго кружка и хлопотами о пріисканіи и устройствѣ новой квартиры. Только одно непріятное извѣстіе изъ деревни разстроило всѣ наши планы на будущее время и предположенія о поѣздкѣ за границу и свиданіи тамъ съ сестрой Соней. 15-го октября въ Мачкасахъ дезертиръ изъ тамошнихъ крестьянъ, бывшій прежде 8 лѣтъ въ бѣгахъ, и, по возвращеніи изъ побѣгу въ прошломъ году, отданный въ рекруты, поджегъ на гумнѣ весь собранный въ скирдахъ хлѣбъ. Плоды трудовъ цѣлаго года и ожиданія дохода въ 2 или 3 часа времени были обращены въ дымъ и золу. Убытокъ въ 7.000 руб. сер., причиненный этимъ дѣломъ, заставляетъ меня отказаться отъ моего прежняго намѣренія ѣхать за границу, а надо вмѣсто того продолжать на неопредѣленное время жить поскромнѣе въ Москвѣ. Мнѣ жаль этого только въ отношеніи къ свиданію съ сестрою, отъ которой я получилъ нѣсколько дней тому назадъ письмо, гдѣ она уже окончательно условливается со мною о мѣстѣ свиданья на будущую зиму. Братъ Гриша пишетъ ко мнѣ, что неурожай у нихъ очень чувствителенъ для доходовъ владѣльцевъ, не смотря на высокія цѣны, и онъ принужденъ остаться зимовать у себя въ деревнѣ. Анну Михайловну ждутъ здѣсь къ декабрю. Дмитрій Дараганъ ждетъ къ себѣ свою сестру, Савицкую, изъ Екатеринослава. Петруша Максимовичъ [1]) тому назадъ недѣли двѣ пріѣхалъ для поступленія въ полкъ Дмитрія Ивановича и теперь живетъ у него. Онъ очень добрый юноша, безъ всякихъ претензій, и цѣнитъ всякую къ нему ласку и вниманіе.

Вотъ всѣ наши семейныя новости; политическія же, по Московскимъ слухамъ, предвѣщающимъ войну, мнѣ кажутся вовсе невѣроятными. Говорятъ много о желѣзныхъ дорогахъ, но достовѣрнаго, какія именно линіи будутъ прежде всего приведены въ исполненіе, ничего не знаемъ. Слышно также, будто послѣ ревизіи крестьянамъ будетъ даровано право выкупа. Что вѣрнаго слышно объ этомъ у васъ въ Питерѣ?

---

[1]) Петръ Николаевичъ Максимовичъ много лѣтъ подрядъ служилъ по выборамъ въ Золотоношскомъ уѣздѣ Полтавской губ и скончался въ г. Золотоношѣ, не достигнувъ еще старости. Онъ былъ женатъ на сестрѣ Дмитрія Ивановича Дагана, Анастасіи Ивановнѣ, бывшей дотого дважды замужемъ: за Невѣровскимъ *Савицкимъ*. *См. Фам*. Арх. т. II, стр. 681.

Прощай, другъ Володя. Пиши намъ, а главное пріѣзжай. Когда ты ожидаешь родныхъ Вареньки и твою belle-mère? Обнимаю тебя отъ всего сердца за себя и за моихъ дамъ и цѣлую ручку моей милой кузины. До свиданья.

Твой братъ и другъ

М. Краснокутскій.

99.

Москва, 29 ноября 1856 г.

Письмо твое отъ 21-го с. м. я получилъ, добрый другъ мой Володя, и узналъ въ немъ дорогого намъ le cousin au coeur d'or. Искренно благодарю тебя за участіе въ моихъ Мачкасскихъ происшествіяхъ, которыя ты такъ горячо принялъ къ сердцу. Что касается до денежной потери, понесенной мною, то она мнѣ чувствительна особенно, потому что заставляетъ меня отказаться отъ предполагаемаго свиданья съ сестрой Соничкой за границей. На обыденную мою жизнь она, надѣюсь, не будетъ имѣть очень чувствительнаго вліянія. Раздѣливъ ее на нѣсколько лѣтъ отсрочкой платежей въ Опекунскій Совѣтъ, пополнивъ убыль нынѣшняго года продажею хлѣбныхъ запасовъ, хотя сильно уменьшенныхъ двумя прошедшими неблагопріятными годами, но всетаки имѣющихся, я надѣюсь кое какъ свести концы съ концами въ бюджетѣ моей московской жизни—разумѣется, при благополучномъ ходѣ дѣлъ въ будущемъ.

Ваши письма и хорошенькій подарокъ твоей милой жены Катенька получила наканунѣ своихъ имянинъ. Не благодарю Вареньку и тебя за ваше дружеское вниманіе, такъ какъ Катенька сама сдѣлаетъ это, какъ только будетъ посвободнѣе; скажу только, что наколка очень мила, очень идетъ Катенькѣ, которая и была въ ней 24-го числа. Въ этотъ день всѣ наши родные и друзья обѣдали у насъ и Анна Михайловна была такъ любезна, что поторопилась выѣздомъ изъ Ивановскаго, и въ этотъ день поутру пріѣхала въ Москву. Она провела у насъ этотъ день, во вторникъ, т. е. третьяго дня, присутствовала на крестинахъ маленькой Маши [1]), Катенькиной крестницы, и останется еще съ недѣлю въ Москвѣ. Она очень пополнѣла и поздоровѣла; такая

---

[1]) Марьи Дмитріевны Дарагакъ.

же М-е Ураганъ, какъ и была, и, вѣроятно, домъ Савина, столь мирный въ наше время, видитъ съ удивленьемъ тормошенье и суету. Дочерей она ожидаетъ въ Тулу не вслѣдъ за собою, какъ ты пишешь, а только въ январѣ, послѣ праздниковъ, чтобы имѣть предлогъ въ Тулѣ не дѣлать праздниковъ и большихъ пріемовъ по случаю ихъ отсутствія. Что касается до твоего намѣренія, другъ Володя, можетъ быть пріѣхать навѣстить насъ одному, то противъ этого я рѣшительно возстаю. Если ты въ самомъ дѣлѣ по разсудку думаешь, что тебѣ не слѣдуетъ везти Вареньку съ собою, то я вношу слишкомъ мало эгоизма въ дружбу, чтобы уговаривать тебя пріѣхать одного. Не думаю, чтобы поѣздка по желѣзной дорогѣ могла повредить здоровью Вареньки; путешествіе въ вагонѣ, тепло-одѣтой, не то, что ѣзда по Петербургскимъ улицамъ, гдѣ всегда царствуетъ сквозной вѣтеръ, который такъ бранилъ твой папа. Къ тому же эта поѣздка, вѣроятно, будетъ пріятна Варенькѣ, такъ какъ она нѣсколькими днями раньше встрѣтитъ свою мать. Впрочемъ, такъ какъ пріѣздъ вашъ доставилъ бы намъ слишкомъ большое удовольствіе, не смѣю уговаривать тебя къ тому, другъ Володя, предупреждаю только, что если бы ты на это какъ нибудь рѣшился, не ожидай пробыть у насъ меньше недѣли. Пріѣхать сюда къ 22-му и пробыть здѣсь до 1-го января—было бы прекрасно, и время для тебя свободное.

Начатое три дня тому назадъ письмо оканчиваю сегодня, т. е. въ субботу. За различными родственными собраніями не могъ раньше его кончить. Кстати подоспѣло и письмо Катеньки, которое прилагаю. Такъ какъ вы получите его, вѣроятно, во вторникъ, то и поздравляю милую кузину съ имянинами, а тебя съ имянинницей. Цѣлую васъ обоихъ съ искренней братской дружбой и привязанностью.

Дмитрій Дараганъ ѣдетъ завтра въ Петербургъ—благодарить Государя за соизволеніе быть воспріемникомъ его дочери. Своей претензіи на тебя, о недовольно-торжественномъ объявленіи рожденія у него дочери, онъ намъ не говорилъ, но у насъ, по подобному же случаю, были также разнаго рода объясненія, о коихъ разскажемъ когда-нибудь при свиданіи. Онъ ѣдетъ одинъ - безъ Анны Михайловны, какъ было писала Катенька. Вообще же предупреждаю, что намѣреніе Анны Мих. пріѣхать въ Петербургъ, которое впрочемъ, можетъ быть, и не исполнится, должно быть секретомъ для всѣхъ Петербургскихъ, также какъ и для ея дочерей. Она желаетъ сдѣлать имъ сюрпризъ, почему и просила не писать о своемъ предположеніи.

Вѣроятно, ты увидишься съ Дмитріемъ, который остановится у Гауеровъ. Онъ не долго пробудетъ въ Петербургѣ и по его возвра-*щеніи мы отъ него* разспросимъ, какъ вы поживаете на Васильевскомъ

острову; отъ него же надѣемся узнать, ждать ли намъ къ себѣ дорогихъ гостей. Прощай, другъ Володя. Обнимаю тебя отъ всей души.

Искренно преданный тебѣ братъ

М. Краснокутскій.

100.

Москва, 10 января 1857 г.

Начинаю мое посланіе къ тебѣ, добрый другъ Володя, моимъ искреннимъ поздравленіемъ съ ожидающею тебя радостью—быть отцемъ; хотя ты только намекаешь на это въ полученномъ нами вчера письмѣ твоемъ, но Анна Мих. передала намъ это извѣстіе. Искренно желаю тебѣ и Варенькѣ, чтобы наступившій новый годъ принесъ вамъ много радостей и счастія. Хотя немного поздно прійдутъ къ вамъ мои искреннія пожеланія, но виною тому, что я такъ давно не писалъ и до сихъ поръ не отвѣчалъ на письмо твое, другъ Володя, полученное за нѣсколько дней до праздниковъ,—виною тому сначала родственныя увеселенія по случаю пріѣзда Анны Мих., потомъ то, что передъ Новымъ Годомъ я чувствовалъ себя нехорошо, что и продолжалось съ недѣлю.

Оба письма твои полны предположеній о перемѣнѣ мѣста службы и удаленіи отъ суетнаго Петербурга въ мирный Кіевъ или Харьковъ. Что сказать тебѣ объ этомъ? Чтобы люди, которые любятъ тебя, и отъ которыхъ исполненіе этого проэкта удалитъ тебя въ дальную Малороссію, если не навсегда, то на неопредѣленное время, встрѣтили его пріязненно,—ожидать нельзя. Но и отстранивъ эгоистическое чувство, нельзя согласиться, чтобы переселеніе въ Харьковъ или Кіевъ представляло для тебя какія-нибудь выгоды. До твоей женитьбы ты нѣсколько разъ поговаривалъ о томъ, чтобы твою службу въ Сенатѣ промѣнять на болѣе видное мѣсто въ провинціи, но тогда можно было смотрѣть на это удаленіе, какъ на временное и отчасти вынужденное недостаточностью средствъ для матеріальной жизни въ Петербургѣ и разными побочными обстоятельствами. Тогда я не былъ противъ этого намѣренія и соглашался съ выгодностью этой перемѣны. Теперь же, мнѣ кажется, всѣ условія для тебя измѣнились. Твоя служба представляетъ тебѣ всевозможныя выгоды и удобства, виды въ будущемъ, возможность каждый годъ ѣздить въ деревню и т. д., чего ты не найдешь въ службѣ губернской. Въ

ше, въ самыхъ первыхъ числахъ мая, до начала нашихъ дорожныхъ сборовъ. Каково здоровье Вареньки? Когда она ожидаетъ? Вѣроятно это удерживаетъ тебя на лѣто въ Петербургѣ, если не получишь назначенія въ Харьковъ.

Отъ Гриши получилъ на дняхъ письмо. Его дѣла, кажется, не въ удовлетворительномъ положеніи, по причинѣ бывшаго у нихъ неурожая и падежа скота. Отъ сестры Сонички жду извѣстій, когда она поѣдетъ за границу: весною или осенью? Какъ я тебѣ писалъ, въ первомъ случаѣ я, вѣроятно, рѣшусь на будущую зиму ѣхать туда же для свиданья съ ней. Въ противномъ случаѣ отложу свою поѣздку еще на годъ. Мои дѣла, благодаря Бога, въ удовлетворительномъ положеніи, такъ что я могу взять 20 акцій желѣзныхъ дорогъ. Исполненіе этого взялъ на себя одинъ изъ моихъ знакомыхъ, ѣдущій съ этой цѣлью въ Петербургъ. Берешь ли и ты, какъ предполагалъ, акціи?

При полученіи назначенія въ Харьковѣ, во всякомъ случаѣ надѣюсь, что ты меня о семъ увѣдомишь немедленно, хоть двумя строчками, также и о времени, когда ты надѣешься совсѣмъ выѣхать изъ Петербурга. Дай тебѣ Богъ успѣха. Я обнимаю тебя отъ всей души, поручая себя дружескому расположенію моей милой кузины.

Катенька и сестры цѣлуютъ васъ обоихъ. Будь здоровъ и веселъ.

Твой братъ и другъ

М. Краснокутскій.

103.

Москва, 29-го апрѣля 1857 г.

Твое порученіе, другъ Володя, я хотѣлъ исполнить сегодня, но не могъ взять мѣстъ въ почтовой каретѣ по слѣдующимъ причинамъ: Кареты ходятъ изъ Москвы до Курска по понедѣльникамъ, вторникамъ и пятницамъ, но по этому тракту мѣста до Орла можно взять только наканунѣ дня выѣзда, въ томъ случаѣ, если не будутъ взяты мѣста вплоть до Курска; потому обезпечить себѣ мѣста до Орла впередъ можно только, заплативъ за мѣста до Курска; внутреннее стоитъ 24 р., наружное 17 руб.; когда же можно взять мѣста до Орла, то они стоятъ внутри 17 р., снаружи 12 р ; я остановился бросить лишнихъ 17 руб., взявъ мѣста до Курска, тѣмъ болѣе, что время терпитъ, и *получивъ твой отвѣтъ* черезъ три, четыре дня, я всегда успѣю взять

мѣста на 17-ое, 20-ое или 21-ое мая,—по твоему выбору изъ этихъ трехъ дней.

До Нѣжина почтовыя кареты вовсе не ходятъ; отъ Орла же до Кіева начинаютъ ходить, только когда дороги совершенно просохнутъ, что обыкновенно бываетъ между половиною и концомъ мая мѣсяца; но мѣста здѣсь отъ Орла до Кіева брать нельзя, а ихъ берутъ уже по пріѣздѣ въ Орелъ: цѣна внутреннему 26 руб., наружному 18 руб. на разстояніи между этими двумя городами. Результатъ всего тотъ, что если взять мѣсто теперь до Курска на 20-ое мая, то очень можетъ быть, что Марья Дав. [1]) найдетъ ходъ почтовыхъ каретъ отъ Орла до Кіева установившимся. Опасно то, что по пріѣздѣ въ Орелъ она не найдетъ мѣста въ первыхъ отправленіяхъ, а принуждена будетъ ждать; неудобно то, что дорога до Кіева будетъ стоить за 3 мѣста 120 руб. Не будетъ ли удобнѣе, такъ какъ вы выѣзжаете въ одно время, ѣхать вамъ вмѣстѣ, а Марьѣ Давид. въ тарантасѣ доѣхать отъ того мѣста, гдѣ дорога въ Харьковъ расходится съ дорогой въ Кручу, въ это послѣднее мѣсто. На этотъ счетъ буду ожидать твоего рѣшенія, брать ли мѣста до Курска или нѣтъ.

Радуюсь, милый другъ, благополучному исходу твоихъ исканій. Увѣренъ, что ты будешь доволенъ своимъ назначеніемъ, и родомъ жизни, который ожидаетъ тебя въ Харьковѣ. Лишь бы только всѣ формальности назначенія не затянулись долѣе 15-го мая. Что я готовъ ждать тебя здѣсь до 20-го и дольше, въ этомъ ты не можешь сомнѣваться, такъ какъ я не могу не увидѣться и не проститься съ тобою предъ предстоящею, вѣроятно, долгою разлукою. Но такъ какъ ты не зависишь здѣсь отъ самого себя, то я и рѣшился такъ: если къ 12-му или 13-му мая ты напишешь мнѣ, что не можешь опредѣлительно назначить дня твоего выѣзда изъ Петербурга, то я немедленно по полученіи твоего письма, т. е. 15-го мая, а то хоть и раньше (если ты еще прежде увидишь, что твое дѣло затягивается) пріѣду на 2 дня въ Петербургъ, чтобы исключительно посвятить ихъ тебѣ и проститься съ тобою. Объ этомъ тоже не позже 14-го ожидаю получить отъ тебя увѣдомленіе. Мой пріѣздъ тебя не стѣснитъ; я пріѣду съ Катенькой, остановлюсь въ гостинницѣ и проведу 2 дня исключительно съ тобою.

Сегодня смотрѣлъ твою карету; она уже выкрашена, главное все сдѣлано, но по увѣдомленіи твоемъ о днѣ выѣзда я потороплю окончаніе разныхъ мелочей, которыя обыкновенно дѣлаются передъ сдачею экипажа. Тарантасъ тоже въ порядкѣ, такъ что когда бы ты не перемѣнилъ твое послѣднее предположеніе, онъ будетъ готовъ для путе-

---

[1]) **Марья Давидовна Корсунъ, теща Владимира Андреевича.**

шествія. Дмитрію Дарагану о мебели передалъ. Если Мишель останется въ Петербургѣ, то, разумѣется, купитъ твою мебель, что для васъ обоихъ будетъ очень кстати.

Надѣюсь, что во время пребыванія Марьи Давидовны въ Москвѣ, для осмотра ея достопримѣчательностей, мы будемъ имѣть удовольствіе видѣть ее.

Теперь передаю тебѣ общую нашу просьбу, въ исполненіи которой ты, я увѣренъ, намъ не откажешь: сними съ себя портретъ у Бергамаско и подари его намъ.

Вторая моя просьба состоитъ въ этомъ: въ свободную минуту заѣзжай къ старику Риттеру и скажи ему, что я, въ случаѣ отъѣзда за границу, прошу его взять на себя переводъ мнѣ денегъ за границу, и сохраненіе у себя моихъ доходовъ впредь до моего востребованія съ зачетомъ 4% на сто, какъ прежде. Если онъ будетъ согласенъ, то я передъ отъѣздомъ за границу пришлю ему, какъ деньги для покупки векселей, такъ и распоряжусь о пересылкѣ къ нему всѣхъ доходовъ съ имѣнія во время моего отсутствія. Это порученіе исполни только въ случаѣ, если оно не затруднитъ тебя, такъ какъ я и самъ могу съ нимъ списаться, а вздумалъ поручить тебѣ передать ему сказанное, предполагая, что, можетъ быть, ты будешь у него передъ отъѣздомъ.

Отъ сестры Сонички получилъ письмо, въ коемъ она меня увѣдомляетъ, что вѣроятно выѣдетъ за границу 15-го мая. Впрочемъ это не навѣрное, а можетъ быть и осенью. Отъ брата Гриши получилъ телеграфическую депешу изъ Одессы съ увѣдомленіемъ, что онъ пріѣхалъ туда, на пути въ Бессарабію, къ сестрѣ Соничкѣ, съ которой онъ хочетъ проститься передъ ея отъѣздомъ.

Всѣ мои цѣлуютъ тебя и Варецьку. Я обнимаю васъ обоихъ. Кохъ тебѣ кланяется. Будь здоровъ. Желаю тебѣ удачи и скорыхъ сборовъ.

Твой братъ и другъ

М. Краснокутскій.

P. S. Мишелю скажи, что мы всѣ его любимъ и помнимъ.

104.

Москва, 19-го сентября 1857 г.

Поздравляю тебя, милый другъ Володя, также и дорогую Вареньку, съ счастливымъ рожденіемъ сына. Всѣ мы желаемъ вамъ полной радости и счастья малюткѣ. Письмо твое отъ 17-го августа, содержавшее это извѣстіе, было получено мною только третьяго дня ввечеру, черезъ мѣсяцъ послѣ его отсылки. Виною тому то, что оно уже не застало меня въ Мачкасахъ, откуда мы выѣхали 3-го сентября, и было мнѣ переслано оттуда сюда. Такимъ образомъ оно опоздало, такъ какъ въ тотъ же день, т. е. 17-го поутру, Мишель Дараганъ пріѣхалъ въ Москву и сообщилъ намъ уже свѣдѣнія по времени позднѣйшія, нежели содержавшіяся въ письмѣ твоемъ. Итакъ ты въ настоящее время въ Харьковѣ. Какъ же начинаетъ обстанавливаться твоя жизнь, а главное твои служебныя занятія? О первой ты еще, вѣроятно, не можешь составить вѣрнаго заключенія, такъ какъ нужно время, чтобы она опредѣлилась, но о вторыхъ, т. е. о вѣроятныхъ отношеніяхъ къ Зиновьеву и къ обществу студентовъ, должно было собраться довольно данныхъ. Хороша ли твоя квартира? Какъ ты устроился съ экипажемъ? Не могу ли я въ этомъ отношеніи быть полезенъ тебѣ? Такъ какъ тебѣ предстоятъ экстренныя издержки по устройству твоего быта, то располагай серіями на это, и если тебѣ не былъ бы лишнимъ еще денежный секурсъ, то увѣдомь. О первыхъ ты вовсе не заботься: онѣ мнѣ не нужны; второй я могу предоставить тебѣ до весны, такъ какъ наша поѣздка за границу отложена до этого времени. Потому, если тебѣ нужна карета, и въ Харьковѣ ее найти трудно, заказать же въ Москвѣ тебѣ было бы сподручно, то я могу взять это на себя, разсчитаемся же, когда будешь при деньгахъ.

Измѣненіе нашего намѣренія ѣхать осенью за границу сдѣлалось совершенно неожиданно. Въ Мачкасахъ еще я получилъ письмо отъ сестры Сонички, гдѣ она увѣдомляетъ, что измѣнить намѣреніе зимовать въ Аѳинахъ они не могутъ, а отправляются туда въ половинѣ сентября. Не смотря на это, я оставался при прежнемъ намѣреніи до пріѣзда въ Москву, послѣдовавшаго 9-го с. м.

Дорога осенью, холодъ и слякоть, перспектива сдѣлать 1200 верстъ до Варшавы въ половинѣ октября, до котораго времени могли бы затянуться наши сборы, даже самое путешествіе за границей въ осеннее время, при нетопленныхъ комнатахъ, все это, а главное отсутствіе сильнаго побужденія ѣхать теперь же, когда весною это будетъ пріятнѣе,—заставили насъ черезъ нѣсколько дней по пріѣздѣ сюда перерѣшить

и расположиться на зимнія квартиры въ Москвѣ. Правда, что съ выѣздомъ отсюда всѣхъ Дарагановъ, особенно же Мишеля, пребываніе здѣсь не обѣщаетъ того удовольствія, какъ прежде,—но съ этимъ легче помириться.

Мишель уѣхалъ изъ Москвы въ тотъ день, когда было начато это письмо, т. е. 19-го. На службу ему представляются разные виды: коммиссія въ Кіевѣ, или вице-директорство въ Петербургѣ. О томъ, какъ и что опредѣлится по его пріѣздѣ, онъ обѣщалъ увѣдомить изъ Петербурга. Софи съ дѣтьми, какъ ты знаешь, осталась въ Богодуховкѣ, и если Мишель останется въ Петербургѣ, то пріѣдетъ сюда въ октябрѣ.

Изъ Петербурга извѣстія слѣдующія: свадьба Лизы была въ Ивановскомъ 2 сентября. На другой день молодые и всѣ гости уѣхали въ Петербургъ. 5-го былъ большой обѣдъ и вечеръ у матери Веревкина въ деревнѣ около Петербурга, на коемъ была и Антонина Дараганъ, не ѣздившая на свадьбу. Туда ѣздилъ Дмитрій одинъ. Молодые оставляютъ Петербургъ 20-го сентября, заѣзжаютъ въ Ивановское, пріѣзжаютъ къ 25-му сюда и отправляются въ Веневъ, гдѣ Веревкинъ купилъ и отдѣлалъ домъ. Анна Мих. съ дочерьми пріѣзжаютъ въ Тулу къ 15-му октября; Петръ Мих. уже возвратился съ свадьбы и Мишель видѣлся съ нимъ въ Тулѣ. Дмитрій за маневры получилъ Владиміра 3-й степени. Зеленый былъ на свадьбѣ Лизы и поговариваютъ о томъ, что какъ бы не устроилась новая свадьба въ семьѣ Анны Михайловны.

Вотъ всѣ семейныя новости. Общеинтересныхъ новостей мало, исключая вопроса объ эмансипаціи, который вновь сдѣлался предметомъ общаго вниманія и разговоровъ. Говорятъ, что указъ, назначающій 10 лѣтъ для устройства отношеній землевладѣльцевъ къ крестьянамъ, уже подписанъ; что опредѣлены только общія нормы, по коимъ послѣдніе получатъ осѣдлость и собственность на усадебную землю, выгоны и огороды, въ остальномъ же опредѣленіе отношеній предоставлено обсужденію дворянства, различно по губерніямъ, смотря по мѣстнымъ условіямъ. Путь самый благоразумный, такъ какъ контроль правительства останется въ силѣ для обезпеченія крестьянъ.

Кохъ [1]) тебѣ кланяется. Его нынче лѣтомъ обокрали; похитили всѣ деньги, билеты, акціи, серебро, бѣлье и платье. На нѣсколько дней у него осталось только то, что было на немъ. Къ счастію, благодаря всеобщему участію, принятому въ немъ, и дѣятельности полицейскихъ сыщиковъ, все отыскано и потеря Коха не превышаетъ 1,500 руб. сер., частью растраченныхъ ворами, частью употребленныхъ на поиски Во-

---

[1]) **Владимиръ Ивановичъ Кохъ, профессоръ акушерства и женскихъ болѣзней** ***въ Московскомъ*** **университетѣ.**

ровъ (слугу Коха съ сообщникомъ, тоже прежде бывшимъ у него въ услуженіи)—поймали въ Харьковской губ. въ удѣльномъ селеніи, откуда послѣдній былъ родомъ. Твой кузенъ[1]) бываетъ у насъ по прежнему; на ваканціи онъ не ѣздилъ. Мы всѣ здоровы, по прежнему тебя помнимъ и любимъ. Мои дамы обнимаютъ тебя и цѣлуютъ Вареньку. Будь здоровъ и пиши искренно любящему тебя брату.

М. Краснокутскій.

105.

Москва, 22 октября 1857 г.

Письмо твое отъ 8-го октября насъ искренно порадовало, добрый другъ мой Володя! Дай Богъ, чтобы и дальше все соотвѣтствовало началу, которое, по словамъ твоимъ, такъ хорошо. Тѣшитъ меня также и надежда увидѣться съ тобой въ Варшавѣ. Что тебѣ необходимо съѣздить туда, посмотрѣть на маіоратъ и пообсудить объ обезпеченіи себѣ дохода отъ него на будущее время—это не подлежитъ сомнѣнію. Остается только желать, чтобы ты, не затягивая поѣздки, предпринялъ ее въ первыхъ числахъ мая. Тогда я съ увѣренностью могу разсчитывать на свиданье съ тобой въ Варшавѣ.

Твоя же семья, вѣроятно, въ тоже время отправится въ деревню, куда и ты заѣдешь на обратномъ пути. Что касается до устройства твоего домашняго быта, то отсутствіе казенной квартиры составляетъ порядочную брешь въ твоемъ бюджетѣ. Хорошо бы, еслибы это не продлилось болѣе года, такъ какъ и на скорую перемѣну мѣста, вѣроятно, трудно разсчитывать, а надобно ожидать очищенія ваканціи. Признаюсь, я думалъ о необходимости кареты для тебя, не столько въ отношеніи удобствъ, какъ для представительности, которая необходима въ губернскомъ городѣ, особенно въ началѣ, когда еще только по платью встрѣчаютъ. Четвероместная городская карета, лучшихъ мастеровъ, стоитъ отъ 900 до 1000 руб. сер.,—такъ цѣны теперь на все поднялись. Петровичъ сдѣлаетъ за 850 руб. и, думаю, сдѣлаетъ хорошо. Мишель не нахвалится своей дорожной каретой. Что же касается до 135 руб., взятыхъ за твою, причемъ колеса дорогой ломались, то думаю, что Петровичъ тутъ мало виноватъ. Эти деньги преимуще-

---

[1]) **Николай Ильичъ Стороженко.**

ственно пошли на внѣшность, какъ то: окраску заново, кожу и т. п. Что же касается до прочности, то старушку сколько ни румянь, молодой не будетъ. Это можно сказать и о старыхъ экипажахъ; это же испытываю я каждый годъ съ моей Варшавской каретой, которая хоть и нова, но дурно сдѣлана, а потому, не смотря на каждогодныя передѣлки и чинки, все ломается.

Если у тебя нѣтъ и дорожняго экипажа, то, можетъ быть, ты найдешь выгоднѣе заказать дорожную карету, которая могла бы служить и городской, какъ у Мишеля. Весь дорожный приборъ, запасная рессора—все снимается, и даже есть два стана колесъ: одинъ для дороги, другой для городской ѣзды. Только это стоитъ 1,300 руб. сер. и если у тебя есть въ чемъ ѣздить изъ Харькова въ деревню, то употреблять такую сумму не стоитъ. Ожидаю обо всемъ этомъ твоего отвѣта. На заказъ карета можетъ быть готова въ половинѣ февраля, для отправленія послѣднимъ зимнимъ путемъ.

Сегодня ровно недѣля, какъ Мишель простился съ нами. Онъ не зналъ навѣрное, поѣдетъ ли на Харьковъ или прямымъ путемъ въ Богодуховку, а потому и передамъ тебѣ то, что до него касается. Онъ получилъ назначеніе управляющаго Кіевской Коммиссіей и теперь поѣхалъ въ деревню, чтобы, взявъ жену и дѣтей, отправиться въ Кіевъ. Назначеніемъ своимъ онъ очень доволенъ, такъ какъ въ Петербургѣ жизнь при тѣхъ размѣрахъ, которые она приняла, и при тамошней дороговизнѣ, была бы ему не по состоянію. Хоть намъ и было очень жаль потерять возможность видѣться съ нимъ такъ часто, какъ это было бы возможно, еслибы онъ жилъ въ Петербургѣ, но нельзя не порадоваться за него по тѣмъ удобствамъ, которыя ему представляетъ Кіевъ и для жизни, и воспитанія дѣтей, и для устройства его деревенскаго хозяйства и дѣлъ.

Отъ него же я слышалъ, что твой отецъ намѣренъ также поселиться на зиму въ Кіевѣ.

Сестра моя Соничка уѣхала уже за границу. Я получилъ въ концѣ сентября телеграфическую депешу отъ Гриши изъ Одессы о томъ, что онъ предупредилъ ее пріѣздомъ туда, что она 30-го сент. садится на пароходъ и отправляется черезъ Константинополь въ Аѳины. Гриша былъ у нея въ деревнѣ, прогостилъ нѣсколько недѣль и, возвращаясь оттуда, далъ мнѣ знать объ ея отъѣздѣ. Въ моемъ отвѣтѣ я увѣдомилъ его, что остаюсь зимовать въ Москвѣ.

Отъ Антонины Дараганъ получено на дняхъ письмо. Она теперь еще въ Царскомъ Селѣ, въ ожиданіи, когда очистятся казармы для *полка въ Грановскомъ* домѣ. Она пишетъ, что у нихъ будетъ очень

хорошее помѣщеніе тамъ, и зоветъ моихъ дамъ пріѣхать къ нимъ погостить. Катенькѣ и Зинаидѣ очень хотѣлось бы поѣхать, но не знаю, рѣшатся ли онѣ.

Въ Москвѣ особенныхъ новостей нѣтъ, кромѣ приключенія со студентами, о которомъ, вѣроятно, дошли и къ вамъ слухи. Въ Петербургѣ молва удесятерила важность случившагося до того, что говорила, будто одинъ изъ студентовъ умеръ и 15.000 человѣкъ слѣдовало при похоронахъ за его гробомъ. Это происшествіе должно тебя интересовать, но я не описываю его, такъ какъ твой кузенъ взялся передать тебѣ его со всѣми подробностями.

Кохъ тебѣ кланяется. Мы всѣ цѣлуемъ тебя и Вареньку. Будьте здоровы и не забывайте преданныхъ Вамъ друзей.

Твой братъ и другъ

М. Краснокутскій.

106.

Москва, 28 октября 1857 г.

Вчера получилъ я, добрый другъ мой Володя, письмо твое отъ 22-го с. м. Такъ какъ сегодня отходитъ экстра-почта въ Харьковъ, то и спѣшу отвѣчать тебѣ накороткѣ, такъ какъ ты вскорѣ долженъ получить послѣднее, довольно длинное посланіе мое. Исполняя желаніе твое, такъ какъ твой кузенъ можетъ запоздать описаніемъ бывшей здѣсь со студентами исторіи, передамъ тебѣ ее вкратцѣ На Сергіевъ день молодежь собралась къ имяниннику-студенту попировать. Имянинникъ отправился за виномъ въ погребокъ и несъ его домой, когда подгулявшій квартальный окликнулъ его, принимая за вора. Такъ какъ это было уже около его квартиры, то студентъ, не обращая вниманія на окликъ, юркнулъ въ калитку и къ себѣ. Квартальный вошелъ въ домъ и началъ производить тамъ обыскъ предполагаемаго мошенника, Слыша это, студенты отворили дверь своей комнаты и сказали ему, что посторонняго никого нѣтъ, а что взошедшій былъ одинъ изъ нихъ. Квартальный отвѣтилъ: „такъ значитъ мошенникъ есть между вами", за что получилъ оплеуху. На это онъ отвѣтилъ тѣмъ же, а его вытолкали изъ дому. Пока главная вина на сторонѣ студентовъ, но здѣсь начинается самоуправство полиціи. Квартальный собралъ будочниковъ и дворниковъ, и хотѣлъ взять студентовъ, но неудачно; его выгнали.

Тогда онъ отправился въ Депо Части, собралъ пожарную команду, казаковъ, дворниковъ, и съ крикомъ, что здѣсь собрались поляки-заговорщики, приказалъ штурмовать домъ. Выбивъ рамы изъ оконъ и снявъ двери, имъ удалось добраться до комнаты, гдѣ наконецъ заперлись студенты. Дверь разрубили топорами, и квартальный съ обнаженной шпагой, казаки съ нагайками и будочники ворвались туда. Студенты защищались стульями, но ихъ перевязали, избили нагайками и шпагой, которая потомъ оказалась окровавленной, и въ этомъ видѣ, при крикахъ толпы: „бей ихъ мошенниковъ, бунтовщиковъ“, отвели въ Часть. Бѣдные молодые люди были такъ избиты и изранены по головѣ, лицу и т. д., что ихъ отправили въ Клинику, бросили тамъ кровь, но впрочемъ все кончилось благополучно и теперь всѣ выздоровѣли. Слѣдствіе продолжается.

Поведеніе Ковалевскаго при этомъ и при сборищѣ студентовъ на слѣдующій день, въ числѣ до 1000 человѣкъ, для принесенія жалобы и требованія удовлетворенія,—было безукоризненно. Но, кажется, все кончится тѣмъ, что квартальный и частный приставъ пострадаютъ, а главное полицейское управленіе, духъ дѣйствій и самоуправство коего подало поводъ квартальному поступить такъ,—останется въ сторонѣ. Замѣчательно, что когда Закревскій узналъ о предполагаемомъ сборѣ студентовъ въ Университетѣ, то распорядился, чтобы батальонъ пѣхоты съ боевыми зарядами ночевалъ въ Экзерсисъ-гаузѣ,—и во время сборища этотъ батальонъ маневрировалъ на улицѣ. Телеграфическая депеша, посланная въ Петербургъ, говорятъ, была того же содержанія, именно, что „студенты бунтуютъ“. Сборище же въ сущности было самое мирное, безъ безпорядковъ, но разумѣется нестройное, какими бываютъ массы, не привыкшія дѣйствовать вмѣстѣ и не имѣющія вожаковъ.

Радуюсь, другъ Володя, успѣшному ходу твоей службы. Ты только не пишешь, какое мѣсто ты надѣешься занять. Думаю, что молодежь пожалѣетъ о тебѣ, при разставаньи; такъ мало ее пріучили къ дѣйствію, основанному на морали, а не на принужденіи. Если сдѣлаешься агрономомъ, то это меня порадуетъ: у насъ съ тобой будетъ еще лишній общій интересъ. Зиновьевъ былъ здѣсь въ Обществѣ Сельск. Хоз. начальникомъ отдѣленія машинъ и улучшенныхъ орудій и самъ изобрѣлъ зерносушильню, впрочемъ не вполнѣ удовлетворительную. Покупка дома въ Харьковѣ вполнѣ привяжетъ васъ къ нему. Кто знаетъ, можетъ быть, намъ приведется увидѣться тамъ, или въ Малороссіи. Если я изъ-за границы рѣшусь ѣхать къ Сонечкѣ въ Бессарабію, то не упущу случая побывать въ Малороссіи и въ Кіевѣ. Надо же обновить дѣтскія и юношескія воспоминанія о родинѣ.

Въ одно время съ твоимъ письмомъ получилъ такое же отъ Себ. Риттера, теперь студента медицинскаго факультета въ Дерптѣ, съ которымъ я въ перепискѣ, по случаю сооруженія памятника на могилѣ брата Сени. Риттеръ пишетъ о своихъ братьяхъ, что Робертъ теперь инспекторомъ классовъ въ Школѣ Правовѣденія, а Паулусъ съ годъ тому, взявъ отставку, поѣхалъ за границу. Константинъ Павловичъ[1]) уѣхалъ въ Липецкъ, но вмѣсто него здѣсь теперь его братъ Александръ Павловичъ, котораго ты впрочемъ не знаешь. Ожидаемъ сюда вскорѣ Дитмара который долженъ возвратиться изъ поѣздки въ Бессарабію и Крымъ, для устройства новой таможенной линіи на новой границѣ. Мы всѣ цѣлуемъ тебя и Вареньку.

Будь здоровъ, счастливъ и помни твоихъ друзей.

Твой М. Краснокутскій.

107.

Москва, 12-го января 1858 г.

Виноватъ, добрый другъ мой Володя, очень виноватъ передъ тобою моимъ долгимъ молчаніемъ. Не знаю, какъ и случилось то, что я такъ долго не писалъ тебѣ, и письмо твое лежало на моемъ столѣ въ числѣ тѣхъ, на которыя я не отвѣчалъ; и желаніе было, такъ что со дня на день думалъ о томъ, что вотъ молъ завтра напишу, и особенныхъ обстоятельствъ, мѣшавшихъ мнѣ сдѣлать это, не было; должно быть лѣнь лукавая какъ-нибудь забралась въ меня, да и смутила. Въ извиненіе свое могу сказать, что у меня было таки довольно дѣлъ и своихъ, и чужихъ (Полугарскаго), которыя требовали времени. Я совершилъ три залога или перезалога имѣній въ Опек. Совѣтѣ, договоръ объ отпускѣ крестьянъ въ свободные хлѣбопашцы, духовныя завѣщанія, да къ тому еще теперь принялся за окончаніе моего предположенія или проэкта къ освобожденію крестьянъ. Ты не хочешь слова „эмансипація" (пожалуй назовемъ предпринятое дѣло устройствомъ помѣщичьихъ крестьянъ), думая, что непонятное слово „инвентари" много способствовало къ тому, чтобы отвратить отъ самого дѣла. Признаюсь, сомнѣваюсь въ правильности этого взгляда. „Инвентари"—слово не новое для тѣхъ губерній, гдѣ они введены, а неуспѣху ихъ двѣ причины: продажность и дурное устройство низшихъ судебныхъ и административныхъ мѣстъ и непониманіе помѣщиками возможности легальныхъ

---

[1]) Филимоновъ.

отношеній къ крестьянамъ. Все приходитъ къ одному корню: *отсутствію чувства законности*, которое присуще и внизу, и вверху. Да, другъ мой, я не пес имистъ, напротивъ, скорѣе тоже оптимистъ, какъ и ты (разумѣется, не въ той степени), но никогда не ожидалъ, чтобы дворянство было такъ мало подготовлено, не скажу, къ принятію (это вопросъ матеріальныхъ интересовъ), а къ пониманію того, что ему предстоитъ сдѣлать. Черезъ моего домохозяина я бываю вмѣстѣ и говорю объ этомъ дѣлѣ съ московскими умниками, съ людьми, которые всегда считались ревностными эмансипаторомн, и, увы!—вижу и слышу ясное непониманіе дѣла, умышленное затрудненіе разрѣшенія вопроса, съ цѣлью показать невозможность отказаться отъ крѣпостнаго права, и проэкты, невозможные въ исполненіи, потому что всѣ они вертятся на одномъ: пусть правительство заплатитъ намъ за крестьянъ, да съ нихъ и получаетъ. Тутъ являются и облигаціи, и серіи, и переводъ долга Опекунскому Совѣту и т. д. Въ извиненіе надобно сознаться, что если въ промысловыхъ губерніяхъ, гдѣ только личность крестьянина, а не земля, составляетъ источникъ дохода помѣщика, примѣнить въ строгости правила, начертанныя для С.-Петербургской губ., то большинство владѣльцевъ раззорится. За усадьбы должно быть уплочено въ 12 лѣтъ, сверхъ оброка, платимаго, за землю; а между тѣмъ и въ оброкѣ часто бываютъ недоимки. Результатъ: въ теченіе 12 лѣтъ получить возможно высшій оброкъ, перезаложить имѣніе, да и откланяться, предоставя его Кредитнымъ Учрежденіямъ.

Кромѣ занятій, и здоровье, какъ мое, такъ особенно Катеньки, нынѣшнюю зиму въ самомъ неудовлетворительномъ положеніи. У Катеньки вся нервная система такъ разстроена, что ни аллопатія, ни гомеопатія, къ которой она прибѣгла теперь, уже больше мѣсяца, не дѣлаютъ ей пользы, и только купанье въ морѣ остается послѣдней надеждой. Я тоже не могу похвалиться своимъ здоровьемъ: перемѣнчивая ли зима или уже вообще организмъ, довольно разстроенный и требующій подчинки, виною тому,—не знаю; но только по всѣмъ этимъ причинамъ (не говоря о томъ, что и безъ того я не вижу для себя лично необходимости остаться въ Россіи), я не измѣняю прежняго моего рѣшенія ѣхать весною за границу. Еслибы я чувствовалъ въ себѣ довольно силъ, чтобы быть дѣятелемъ въ дѣлѣ общеполезномъ, вещь другая. Но для личныхъ моихъ выгодъ, которыя, надѣюсь, не очень пострадаютъ при настоящей перемѣнѣ, не нахожу нужнымъ жертвовать здоровьемъ. Оно дороже денегъ; дай только Богъ, чтобы была польза, особенно для Катеньки.

Искренно радуюсь, другъ Володя, что твое семейное и служебное положеніе во всемъ тебя радуетъ. Дай мнѣ вѣсть, на какое мѣсто ты *себя готовишь?* Помощника Попечителя, вѣроятно? Что мѣняешь родъ

службы? Стояновскій три дня тому назадъ оставилъ Москву для Герольдіи. Отъ Мишеля недавно получилъ письмо. Онъ и его семья очень довольны Кіевомъ и весьма сблизились съ твоей сестрой Лизой. Деньги 300 руб. я получилъ. Благодарю за нихъ. Мои всѣ цѣлуютъ тебя и Вареньку. Обнимаю тебя отъ всей души.

Твой братъ и другъ

М. Краснокутскій.

108.

Москва, 16 апрѣля 1858 г.

Письмо твое отъ 31 марта я получилъ, любезный другъ и братъ Володя! На вопросъ твой обо мнѣ увѣдомляю, что предположенія мои не измѣнились. Въ началѣ мая, около 10-го числа, надѣюсь выѣхать изъ Москвы за границу. Предполагаю остаться тамъ два лѣта и одну зиму, т. е. до осени 1859 года. Думаю, что до тѣхъ поръ въ деревнѣ дѣлать нечего. Крестьяне не согласятся въ настоящее время ни на какія измѣненія, клонящіяся къ улучшенію ихъ быта. Они ожидаютъ гораздо больше того, чѣмъ имъ даютъ или предлагаютъ, хотя и это навѣрное больше, нежели то, что имъ дано будетъ положеніемъ, составленнымъ комитетомъ. Составленіе и утвержденіе правительствомъ новыхъ положеній потребуетъ, думаю, не менѣе полутора года времени, если не больше. Такимъ образомъ я возвращусь въ самую пору, чтобы приводить въ дѣйствіе новое положеніе и, согласно ему, устраивать свое хозяйство. Объ уплатѣ мнѣ твоего долга не заботься; денегъ у меня хватаетъ на цѣлый годъ жизни за границей. Когда же будешь при деньгахъ, въ положеніи болѣе благопріятномъ, чѣмъ нынѣшній годъ, тогда поручишь изъ маіоратскихъ доходовъ отдать этотъ долгъ въ Варшавѣ, тому банкиру, которому я поручу пересылку тѣхъ суммъ за границу,—вѣроятно, Френкелю или Эпштейну. Кому именно, это я скажу Блюменфельду, къ которому прошу тебя дать мнѣ письмецо на всякій случай; можетъ быть, прійдется попросить его помочь мнѣ въ разныхъ дѣлахъ въ Варшавѣ, какъ то: въ выборѣ банкира, въ томъ, куда пристроить мою дорожнюю карету, которая останется тамъ до моего возвращенія, и т. п., смотря по нуждѣ. Къ Блюменфельду или прямо напиши отъ себя, а меня увѣдомь объ его адресѣ, или же въ письмѣ ко мнѣ вложи нѣсколько строкъ къ нему, которыя я передамъ ему по пріѣздѣ. Только выставь его адресъ.

Очень радъ, другъ Володя, что тебя радуетъ твой сынокъ и тѣшитъ переѣздъ въ новоустроенный домъ. Желаю, чтобы и служба тебя веселила. Назначеніе Ковалевскаго министромъ, вѣроятно, благопріятствуетъ тебѣ, такъ какъ ты ему лично извѣстенъ. О другихъ перемѣнахъ, кромѣ уже извѣстныхъ тебѣ оффиціально, много говорятъ, но что въ нихъ правды, неизвѣстно. Говорятъ, что Васильчиковъ будетъ на мѣсто Сухозанета, Панинъ на мѣсто Киселева въ Парижъ, Ростовцевъ или Левшинъ на мѣсто Ланскаго и т. д.; всего не перескажешь. Какъ всегда, между ложнымъ найдется и частичка правды; но какъ ее теперь отдѣлить?

Вчера пріѣхалъ сюда Миша Дараганъ, сынъ Николая Михайловича. Ѣдетъ въ Питеръ искать счастья на службѣ. Даемъ ему письма къ Набокову и Дитмару. Дай Богъ ему удачи и возможность найти мѣсто. Главная надежда на Стояновскаго. Юноша славный, довольно развитой и образованный, но съ доброй порціей Дараганской флегмы. Самъ себѣ дороги не сдѣлаетъ.

О семействѣ Анны Мих. я тебѣ, кажется, писалъ. Она сама тормошится въ Тулѣ, что иногда отражается на насъ порученіями о покупкѣ туалетныхъ и гастрономическихъ принадлежностей. Сегодня отправляется въ Тулу транспортъ вина, спаржи, конфетъ, трюфелей, башмаковъ и т. п. къ 23-му числу, дню имянинъ Саши. Будетъ балъ. Лиза Веревкина ожидаетъ родовъ осенью и на это время поселится съ мужемъ въ Москвѣ. Онъ человѣкъ тщеславный, мелочной и безъ истиннаго благородства въ поступкахъ. Миша Петровичъ Дараганъ былъ здѣсь наканунѣ Святой. Ѣздилъ на недѣлю погостить въ Тулу. Кажется, маленько остепенился; осенью кончаетъ курсъ Академіи и собирается или за границу, или на Кавказъ. Михаилъ Мих. Дараганъ пишетъ ко мнѣ, хоть не очень часто, Софи также; она вѣроятно уже въ Богодуховкѣ, такъ какъ на Ѳоминой хотѣла ѣхать туда; Мишель также располагалъ заѣхать туда же на нѣкоторое время при объѣздѣ госпиталей. Потомъ онъ отправится въ дальнѣйшее путешествіе, а Софи съ дѣтьми располагаетъ прожить мѣсяцъ, или около, въ деревнѣ Лизы Ушаковой Не увидишь ли тамъ ея, если поѣдешь на ваканціи въ деревню.

О журналѣ Желтухина скажу тебѣ, что первые 2 номера должны выйти на этой недѣлѣ. Ему было много хлопотъ: всѣ заготовленныя статьи цензура не пропускала и онъ долженъ былъ ѣхать въ Петербургъ, хлопотать о смягченіи правилъ, при которыхъ невозможно было свободное обсужденіе вопроса. Это ему удалось и онъ съ запасомъ статей, съ обѣщаніями сотрудниковъ въ будущемъ доставлять матеріалы для журнала и съ обѣщаніемъ Ковалевскаго перемѣнить цензора воз-

вратился три дня тому назадъ въ Москву. Онъ писалъ тебѣ самъ изъ Питера.

Мои обнимаютъ тебя и Вареньку, я тоже. Будь здоровъ и не забывай искренно преданнаго тебѣ брата и друга.

М. Краснокутскій.

P. S. Отсюда передъ отъѣздомъ напишу, куда адресовать мнѣ за границу. Но до того ожидаю отъ тебя письма сюда передъ моимъ отъѣздомъ.

109.

Москва, 6 мая 1858 г.

Письмо твое отъ 30-го апрѣля успокоило меня, любезный другъ Володя, относительно исторіи харьковскихъ студентовъ. Въ Москвѣ она сдѣлалась извѣстною совершенно въ иномъ видѣ, а главное говорили, что ты уже подалъ въ отставку въ слѣдствіе незаконныхъ дѣйствій Зиновьева. Вообще эта исторія разсказывается здѣсь болѣе въ пользу студентовъ, нежели въ пользу бывшаго помощника попечителя Московскаго Округа. Такъ какъ шумъ и драка студентовъ случились съ людьми Салтыкова и въ домѣ, занимаемомъ имъ то строгость Зиновьева объясняли желаньемъ подслужиться Лужину. Говорятъ, что не было сдѣлано подробнаго изслѣдованія о случившемся, такъ какъ Салтыкову, вмѣшавшемуся въ драку, досталось при этомъ; дальше говорятъ, что 2 студента съ Дона были выключены безъ изслѣдованія, безъ согласія Совѣта Университета и отправлены съ жандармомъ къ Хомутову. Слухи эти ходятъ не въ студенческомъ мірѣ, а въ обществѣ московскихъ умниковъ, профессоровъ и т. д. Вѣроятно, недоброжелательство и прежняя нелюбовь къ Зиновьеву тому причиной. О твоей же отставкѣ говорили, что она была протестаціей противъ образа дѣйствій Зиновьева. Очень желаю, чтобы эта исторія благополучно кончилась и не сдѣлала тебѣ непріятною твою настоящую должность. Думаютъ, что Ковалевскій лѣтомъ будетъ въ Харьковѣ, и его пребываніе тамъ, можетъ быть, дастъ тебѣ случай получить мѣсто инспектора учеб. завед.

Пишу тебѣ передъ моимъ отъѣздомъ. 10-го числа, т. е. черезъ четыре дня, я надѣюсь выѣхать отсюда. За адресъ Блюменфельда благодарю. Изъ Варшавы отправлюсь въ Дрезденъ, гдѣ уже рѣшусь, ку-

да ѣхать дальше, смотря по полученнымъ отъ сестры Сони извѣстіямъ. Если она останется ждать родовъ (въ іюнѣ мѣсяцѣ) въ Парижѣ, то сперва съѣзжу повидаться съ нею туда, а потомъ въ Пломбьеръ; если же она въ Германіи, то, найдя ее тамъ и поживъ съ нею не болѣе 2-хъ недѣль, отправлюсь въ Пломбьеръ. Туда надо торопиться, чтобы воспользоваться сезономъ.

Тебѣ напишу, когда буду у Сони или въ Пломбьерѣ; ты же, если вздумаешь увѣдомить меня о себѣ, адресуй письмо въ Дрезденъ; тамъ будетъ извѣстенъ мой адресъ и письма будутъ пересланы мнѣ.

Надѣюсь, здоровье твоего сына не безпокоитъ тебя болѣе; съ твоимъ тревожнымъ характеромъ дѣтскія болѣзни, вѣроятно, дѣлаютъ тебѣ много тревогъ. Доволенъ ли ты своимъ новымъ домомъ и удобно ли устроился? Надолго ли поѣдешь въ деревню? Вѣроятно, на все вакаціонное время. Николай Стороженко бываетъ у насъ довольно часто— раза 2 въ недѣлю Онъ, вѣроятно, поѣдетъ къ отцу на лѣто и, можетъ быть, встрѣтится съ тобою у твоего отца. Кохъ тебѣ кланяется; онъ тоже интересовался очень харьковской исторіей студентовъ по отношенію ея къ тебѣ

Мой рѣзкій приговоръ о Веревкинѣ основанъ на фактахъ. Впрочемъ это не мѣшаетъ ему быть хорошимъ мужемъ, а Лизѣ счастливою въ своей семейной жизни. Есть люди, которыхъ нельзя не любить и не цѣнить, какъ пріятелей, друзей или добрыхъ знакомыхъ, но которые самые дурные отцы и мужья. Бываетъ и наоборотъ. Веревкинъ мелоченъ, тщеславенъ и лишенъ истиннаго благородства въ сношеніяхъ съ людьми. Это мое сужденіе, хотя основанное на положительныхъ данныхъ, но, можетъ быть, одинъ случай еще не доказательство. Soyons optimistes! La vie leurs est plus facile. Обнимаю тебя за себя и своихъ. Твой братъ и другъ

М. Краснокутскій.

P. S. Варенькѣ мой дружескій привѣтъ; тоже и отъ моихъ. Радуюсь за ея здоровье, что оно хорошо.

110.

Остенде, 7/19 августа 1858 г.

Въ послѣдній разъ я писалъ тебѣ, милый другъ Володя, передъ моимъ отъѣздомъ изъ Москвы, т. е. тому назадъ почти три мѣсяца. Прошло много времени, которое для тебя было довольно тягостно. Изъ писемъ Екатерины Мих. къ Елисаветѣ Мих. Кантакузиной въ Дрезденъ я узналъ о болѣзни и потомъ о кончинѣ твоего отца. Принимая горячее участіе во всемъ, что до тебя касается, я хотѣлъ тутъ же писать къ тебѣ, но такъ какъ это было передъ отъѣздомъ изъ Дрездена, то дорожніе сборы помѣшали мнѣ исполнить мое желаніе. Теперь пишу тебѣ въ Харьковъ, думая, что ты уже тамъ. Съ нетерпѣніемъ буду ждать твоихъ писемъ, чтобы узнать, что ты дѣлаешь, и какія перемѣны въ твоихъ намѣреніяхъ произвели новыя обстоятельства, въ которыхъ ты находишься. Можетъ быть, обязанности опекуна надъ сестрою и братомъ заставятъ тебя оставить служебное поприще, особенно, если оно теперь по-прежнему представляетъ мало видовъ въ будущемъ. Открывающіяся мѣста уѣздныхъ начальниковъ были бы вполнѣ по твоему вкусу и, думаю, тебѣ не такъ бы трудно было въ Петербургѣ получить этого рода мѣсто, вблизи отъ твоихъ интересовъ.

Пишу тебѣ изъ Остенде, куда я пріѣхалъ 10 дней тому назадъ. Изъ Москвы я благополучно пріѣхалъ въ Дрезденъ, послѣ случайной встрѣчи въ Бреславлѣ за table d' hôte съ мужемъ сестры Сонички. Въ Дрезденѣ я нашелъ ее съ дѣтьми; она пріѣхала ожидать тамъ родовъ и черезъ четыре дня послѣ моего пріѣзда родила сына [1]), котораго и крестили въ Дрезденѣ Катенька съ Григоріемъ Кантакузинымъ (онъ былъ женатъ на сестрѣ Крупенскаго). Недѣли черезъ три послѣ нашего пріѣзда пріѣхала въ Дрезденъ и Елисавета Михайловна съ внучкой. Пріѣздъ Луи-Наполеона въ Пломбьеръ и невозможность по этому случаю найти тамъ помѣщеніе заставили меня отложить намѣреніе ѣхать туда на воды и такимъ образомъ мы пробыли въ Дрезденѣ, въ семейномъ кругу, 8 недѣль. Я даже доволенъ, что это такъ случилось, такъ какъ я имѣлъ время познакомиться какъ съ Соничкой, которую зналъ 15-и лѣтней дѣвочкой-институткой, такъ и съ ея мужемъ. Онъ мнѣ понравился, но не сошелся съ моими дамами; Соничку же онъ полюбили. Впрочемъ главное — это то, что Соничка, кажется, совершенно счастлива. Въ первыхъ числахъ августа н. с. я выѣхалъ изъ Дрездена въ Остенде, гдѣ Катенькѣ предписано купаться въ мо-

---

[1]) **Михаила Георгіевича.**

рѣ, что она уже начала, и съ большою пользою. Надѣюсь, что пребываніе здѣсь поправитъ ея нервы, которые въ послѣднее время были въ чрезвычайно разстроенномъ положеніи. Въ Остенде я располагаю пробыть еще мѣсяцъ, или 5 недѣль, и около 25 сентября н. с. быть уже въ Парижѣ, гдѣ, пробывъ около мѣсяца, ѣхать въ Ниццу. Надѣюсь пріѣхать туда къ 1 ноябрю н. с. на зимовку. Вотъ мой itinéraire de voyage; смотря по этому, пиши мнѣ, или, если успѣешь, то въ Остенде, не то въ Парижъ, poste restante. Впрочемъ не затрудняйся куда писать—письма дойдутъ, такъ какъ при отъѣздѣ я оставляю адресъ, куда мнѣ ихъ пересылать; только не франкируй своихъ, какъ и я дѣлаю.

Прощай, другъ Володя! Я и всѣ мои обнимаемъ тебя и цѣлуемъ Вареньку. Будь здоровъ и пиши намъ.

Твой братъ и другъ

М. Краснокутскій.

P. S. Что Саша Дараганъ выходитъ за Арбузова, тебѣ вѣрно извѣстно. Не знаю, знаешь ли ты, что Владиміръ Краснокутскій женился въ Казани на Загоскиной, внучкѣ писателя Загоскина; говорятъ, она мила и умна.

Обнимаю и я Васъ, милый Володя, давно мы съ Вами разстались даже и въ письмахъ Цѣлую Вареньку. Пишите намъ однако.

К. К.

111.

Ницца, $^{12}/_{24}$ *ноября 1858 г.*

Письмо твое отъ 25 сентября, милый другъ Володя, я получилъ передъ моимъ отъѣздомъ изъ Парижа. Согласно моимъ предположеніямъ я выѣхалъ изъ Остенде въ послѣднихъ числахъ сентября (нов. стиля), послѣ пятинедѣльнаго пребыванія тамъ, которое сдѣлало пользу Катенькѣ. По пріѣздѣ въ Парижъ, гдѣ я разсчитывалъ остаться мѣсяцъ, мы взяли на это время un appartement meublé въ Rue de Luxembourg. Прекрасная погода очень благопріятствовала намъ въ Парижѣ и это, вмѣстѣ съ пребываніемъ тамъ нѣсколькихъ коротко знакомыхъ семей, дѣлало пріятнымъ наше пребываніе тамъ. Н. И. Гауеръ пробылъ тамъ почти все время съ нами въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Съ нимъ

мы часто вспоминаемъ о тебѣ. Не смотря на всѣ развлеченія Парижа, мы съ радостью оставили его для Ниццы. Наслажденія, которыя доставляетъ природа, намъ необходимы для здоровья и больше по вкусу чѣмъ всѣ городскія удовольствія; къ тому же надобно было ожидать и настоящей парижской осени, которая, какъ говорятъ, незавидна. 26 октября мы выѣхали изъ Парижа и 1 ноября (н. с.) были въ Ниццѣ, которую увидѣли опять съ удовольствіемъ. Скоро четыре недѣли, какъ мы здѣсь, и я только теперь собрался писать тебѣ въ отвѣтъ на твое дружеское посланіе. Все то, что ты мнѣ пишешь о себѣ, оправдываетъ мои ожиданія въ отношеніи твоей будущности. Для того, чтобы сдѣлать карьеру и даже чтобы быть столько полезнымъ въ публичной дѣятельности, сколько этого можно-бы ожидать съ твоимъ желаніемъ пользы,—нужно больше честолюбія, чѣмъ сколько его есть у тебя. Потому-то я не могу не признать вполнѣ разумнымъ твоего рѣшенія, если тебѣ не дадутъ мѣста помощника попечителя, оставить службу. Отложивъ даже чисто денежный разсчетъ, который теперь для тебя вѣроятно не составляетъ насущнаго вопроса, я думаю, что ты можешь сдѣлать больше пользы для общества въ скромной сферѣ дѣятельности помѣщика. Твоя общительная натура и твой примѣръ могутъ быть очень благотворны въ той, надобно сознаться, еще довольно дикой средѣ, съ которой приходишь въ соприкосновеніе, живя въ деревнѣ. Я разумѣю здѣсь не крестьянъ, которые вездѣ одинаковы (у насъ они, при необразованности, хоть не очень испорчены); я говорю о нашемъ дворянствѣ. Не говоря о той пользѣ, которую ты можешь принести себѣ разумнымъ устройствомъ твоего хозяйства, которое повсемѣстно должно выдержать кризисъ при переходѣ, хотя и постепенномъ, къ вольному труду,—теперь открывается тебѣ возможность быть полезнымъ въ качествѣ мирового судьи, волостного начальника и т. д. Что касается до меня, то, признаюсь, я рѣдко когда жалѣлъ такъ объ отсутствіи физическихъ силъ и о плохомъ здоровьи своемъ и жены, какъ въ то время, когда долженъ былъ отказаться отъ предлагаемаго мнѣ выбора въ депутаты по крестьянскому вопросу и отъ надежды, даже въ послѣдствіи, быть дѣятельно-полезнымъ въ той сферѣ дѣятельности, которая такъ соотвѣтствуетъ моимъ наклонностямъ. Кстати скажу тебѣ о себѣ, что поѣздка за границу нѣсколько поправила мое здоровье. Хоть, какъ ты знаешь, я и не былъ въ Пломбьерѣ и ничѣмъ не лѣчился, но отсутствіе всякаго умственнаго труда, лѣто и т. д.—подкрѣпили мои силы. Что касается до моихъ предположеній въ будущемъ, то поѣздка въ Малороссію принадлежитъ къ любимымъ моимъ мечтамъ. Говорю: „мечтамъ,“ потому что пока мнѣ слишкомъ трудно опредѣлить степень возможности исполненія. Если эмансипаціонный вопросъ будетъ требовать настоятель-

но моего присутствія въ деревнѣ, то, проведя будущее лѣто за границей, мнѣ нужно будетъ ѣхать на зиму въ Москву, съ тѣмъ, чтобы слѣдующее лѣто непремѣнно быть въ Мачкасахъ. Утѣшаю себя тѣмъ, что по приведеніи этого дѣла въ исполненіе слѣдующее лѣто я буду имѣть возможность посвятить поѣздкѣ въ Малороссію

Въ Ниццѣ мы имѣли извѣстія отъ Софи Дараганъ. Сколько я могъ судить изъ приписки Мишеля, его будущее еще не вполнѣ рѣшено и, вѣроятно, служебную карьеру его еще нельзя считать оконченною. Только не знаю и не могу себѣ представить, какіе виды ему еще представляются въ этомъ отношеніи. Желаю тебѣ, милый другъ, успѣха во всѣхъ твоихъ дѣлахъ и ожидаю, что ты увѣдомишь меня обо всемъ, что до тебя касается. Мы всѣ тебя обнимаемъ и цѣлуемъ Вареньку.

Твой братъ и другъ

М. Краснокутскій.

P. S. Благодарю за деньги; я еще не писалъ къ Блюменфельду. Располагаешь ли ты ѣхать въ Варшаву? Если поѣдешь, то хорошо было бы, если бы эта поѣздка случилась будущею осенью; мы могли бы встрѣтиться въ Варшавѣ. Твои письма ко мнѣ адресуй: Piémont à Nice. Place Massena, № 2.

112.

Ницца, 12/24 февраля 1859 г.

Дней десять тому назадъ получилъ я, милый другъ Володя, письмо твое отъ 29 декабря. Почта отъ Ниццы въ Харьковъ ходитъ не меньше мѣсяца, а изъ деревни я иногда получаю извѣстія черезъ 2 мѣсяца послѣ отправленія ихъ, если письмо вмѣсто того, чтобы идти на Москву, попадетъ на Пензу, Тамбовъ, Курскъ и Харьковъ, между тѣмъ, какъ на Москву, я получаю оттуда письмо черезъ 20 дней. Итакъ ты теперь больше не чиновникъ и, вѣроятно, не попадешь опять на прежнюю колею. Оставя Петербургъ, трудно было тебѣ не разстаться и со службой. Безъ крайней необходимости и при отсутствіи честолюбія у насъ еще трудно служить. Хоть ты и остался съ Зиновьевымъ въ хорошихъ отношеніяхъ, но, узнавъ его короче, вѣрно согласишься съ тѣмъ, что онъ малостоющій человѣкъ. Въ управленіи университетами *теперь* наступила антилиберальная реакція. Я согласенъ съ тобою, что

наша университетская молодежь слишкомъ склонна къ злоупотребленію свободою, но думаю, что и къ пользованію свободой надобно привыкать. Сосредоточеніе полицейской власти въ рукахъ ректора и совѣта университета, какъ въ Дерптѣ, было бы лучшимъ средствомъ, чтобы пріучить нашу университетскую молодежь къ уваженію властей.

Думаю, другъ мой, что ты не будешь скучать о службѣ. Для того, чтобы быть помѣщикомъ полезнымъ для себя и для общества, нѣтъ необходимости жить постоянно въ деревнѣ. Скорѣй напротивъ: при существующихъ у насъ условіяхъ деревенской жизни необходимо проводить нѣсколько мѣсяцевъ въ году въ городѣ, чтобы поддерживать привычку къ разносторонней умственной дѣятельности, которая à la longue не удовлетворяется однимъ чтеніемъ. Особенно въ настоящее время, когда у насъ рѣшается столько громадно-важныхъ вопросовъ, было бы особенно тяжело не имѣть возможности раздѣлить своихъ мыслей съ сочувствующими имъ людьми. Желаю теперь тебѣ только одного: чтобы ты полюбилъ хозяйство. Для этого нужно познакомиться съ нимъ поближе, узнать его не только въ томъ видѣ, какъ оно у насъ существуетъ, но еще и такимъ, какимъ оно можетъ быть, приняться за улучшенія, за постановку улучшенныхъ машинъ, и тогда понемногу такъ увлечешься дѣломъ, что полюбишь его само по себѣ, а не за одну только выгоду, имъ доставляемую.

Очень желалъ бы увидѣться съ тобой въ Варшавѣ; если твои предположенія не измѣнятся и ты будешь тамъ въ августѣ, то очень вѣроятно, что мы тамъ встрѣтимся. А тебѣ, кажется, очень нужно будетъ для твоихъ дѣлъ не откладывать этой поѣздки.

О себѣ скажу тебѣ, что мнѣ еще предстоитъ прожить въ Ниццѣ два мѣсяца. Въ концѣ апрѣля нов. стиля, или въ первыхъ числахъ мая, мы располагаемъ ѣхать въ Парижъ, гдѣ пробудемъ май мѣсяцъ. Въ началѣ іюня мы ѣдемъ въ Пломбьеръ и пробудемъ тамъ до начала іюля. Іюль мѣсяцъ будетъ посвященъ путешествію по Рейну и пребыванію на германскихъ водахъ въ Баденъ-Баденѣ и т. д.—только не для лѣченья, а для удовольствія. Въ августѣ, въ первыхъ числахъ, надобно уже быть въ Остендѣ, для морского купанья, которое продлится мѣсяцъ, или 5 недѣль. Затѣмъ наступитъ время возвращенія въ Россію. Впрочемъ скажу тебѣ, что это еще не окончательно рѣшенный вопросъ, возвращаюсь ли я осенью въ Россію, или пробуду еще зиму въ Ниццѣ. Прекрасная зима, которую мы провели здѣсь, множество русскихъ, которыхъ находишь здѣсь и число коихъ еще увеличится будущей зимой, когда вдовствующая Императрица будетъ зимовать здѣсь (что почти навѣрное), русская церковь, нашъ флотъ и т. д.—все это дѣлаетъ очень увлекательною мысль прожить здѣсь еще одну зиму. Но съ другой стороны надобно думать, что рѣшеніе вопроса о крестьянахъ не затянется не-

долго и что нынѣшнею осенью онъ будетъ рѣшенъ. Тогда нужно спѣшить домой, чтобы позаботиться о дѣлахъ своихъ и устроить свое хозяйство согласно новому порядку. Говорятъ, что крестьянскій вопросъ разрѣшится финансовымъ путемъ и что правительство рѣшилось на эту мѣру въ убѣжденіи, что только такимъ образомъ дѣло разрѣшится скоро и мирно.

Искренно желаю, чтобы было такъ, хотя не скрываю отъ себя громадныхъ трудностей окончательной финансовой мѣры и тѣхъ потерь, которыя ожидаютъ владѣльцевъ. Въ этомъ случаѣ я считаю неизбѣжнымъ мое возвращеніе домой, если не остановитъ меня что-нибудь неожиданное. Пребываніе въ Ниццѣ, не смотря на его пріятность, не сдѣлало особенной пользы ни Катенькѣ, ни мнѣ. Я еще вообще не могу жаловаться, но она бѣдная провела очень дурно весь прошлый годъ.

Думаю, что лучше всего будетъ, если ты отвѣтишь мнѣ уже не сюда, а въ Парижъ, poste restante. Не встрѣтимъ ли мы тамъ Анны Мих.? Извѣстія объ ней мы имѣемъ черезъ Антонину Ив. Дараганъ, которая пишетъ, что вопросъ о поѣздкѣ Анны Мих. еще не рѣшенъ окончательно. Думаю однакожъ, что она кончитъ тѣмъ, что уѣдетъ за границу, не такъ по здоровью Евы, о которомъ извѣстія разногласны, но чтобы показать ей чужія края и самой немножко потормошиться. О потерѣ Мишелемъ Дарагановъ сына мы были извѣщены письмомъ Софьи Адамовны. Въ самомъ дѣлѣ тяжелая потеря для бѣдныхъ родителей. Антонина пишетъ, что Мишель рѣшается оставить Богодуховку и теперь долженъ находиться въ Кременчугѣ, для исполненія порученія Военнаго Министра, послѣ чего получитъ очень хорошее мѣсто; какое именно, не знаю.

Катенька и сестры цѣлуютъ тебя и Вареньку; я обнимаю васъ обоихъ и отъ души желаю вамъ семейнаго счастья. Прощай, другъ Володя! Будь здоровъ и не забывай искренно любящаго тебя брата и друга.

М. Краснокутскій.

113.

Баденъ-Баденъ, 3/15 *августа 1859 г.*

Давно, очень давно собираюсь я писать тебѣ, милый другъ Володя, и только теперь собрался отвѣчать на письмо твое отъ 23 марта, полученное мною въ Парижѣ. Теперь пользуюсь минутами нездоровья, чтобы поговорить съ тобою и передать тебѣ новость, которая безъ сом-

нѣнія удивитъ и обрадуетъ тебя. Зинаида вышла замужъ за генерала Вранкена. Не помню, писалъ ли я тебѣ изъ Ниццы, что въ числѣ нашихъ хорошихъ знакомыхъ и домашнихъ друзей былъ милый, умный и образованный человѣкъ, проводящій по нездоровью зиму въ Ниццѣ, отставной генералъ-маіоръ Вранкенъ. Такъ какъ онъ лѣтъ шесть былъ въ Варшавѣ начальникомъ корпуснаго штаба при Панютинѣ, то, можетъ быть, ты встрѣчалъ его, или знаешь по репутаціи. Но дѣло въ томъ, что въ Ниццѣ начались наше короткое знакомство и дружба, а между Зинаидой и Вранкеномъ привязанность, которой развязка была 10-го августа, пять дней тому назадъ, въ православной Висбаденской церкви. Наши молодые вполнѣ счастливы и мы теперь всѣ вмѣстѣ находимся здѣсь, пока не ударитъ часъ разлуки, такъ какъ я все собираюсь въ послѣднихъ числахъ этого мѣсяца н. с. ѣхать въ Россію, а новобрачные остаются здѣсь всю осень, а на зиму опять уѣзжаютъ въ Ниццу, чего требуетъ здоровье Вранкена.

Въ послѣдній разъ я писалъ тебѣ оттуда. Теперь передамъ тебѣ, какъ и гдѣ мы провели нынѣшнее лѣто. Изъ Ниццы, какъ ты знаешь, мы поѣхали въ Парижъ, гдѣ пробыли отъ начала мая до половины іюня. Затѣмъ отправились въ Пломбьеръ, гдѣ я бралъ свои ванны, отъ которыхъ впрочемъ нынѣшній годъ не получилъ очень большой пользы. Наконецъ 12 іюля мы пріѣхали въ Баденъ, такъ какъ при отъѣздѣ изъ Ниццы здѣсь было назначено свиданье съ Вранкеномъ, который бралъ ванны въ Вильдбадѣ. Здѣсь послѣдовало предложеніе и согласіе Зинаиды, и такъ какъ я располагаю возвратиться въ Россію, то и надобно было торопиться свадьбой. Присылка бумагъ изъ Россіи и формальности затянули дѣло до 10-го числа. 7-го мы отправились въ Висбаденъ, гдѣ есть русская церковь и священникъ, и въ день же свадьбы выѣхали оттуда обратно въ Баденъ. Катенька не ѣздила съ нами; ея здоровье все неудовлетворительно и она беретъ здѣсь ванны изъ сосновыхъ шишекъ, курсъ которыхъ окончится только черезъ 2 недѣли. Это обстоятельство задерживаетъ мой отъѣздъ въ Россію, такъ что я не ранѣе 29 или 30-го н. с. выѣду изъ Бадена. Такъ какъ я не располагаю останавливаться нигдѣ, исключая на время нужное для отдыха, то къ 7 сентябрю думаю быть въ Варшавѣ. Искренней радостью было-бы для меня застать тебя тамъ. Если предположенія твои, съ послѣдняго письма твоего, не измѣнились, то мое посланіе застанетъ тебя уже въ Варшавѣ. Потому и адресую его на имя Блюменфельда. Прошу тебя, немедленно по полученіи его, дать мнѣ отвѣтъ, хоть въ пару строчекъ, сюда. Даже если ты запоздалъ пріѣздомъ въ Варшаву и по разсчету тебѣ покажется, что твой отвѣтъ не застанетъ меня здѣсь, всетаки пиши мнѣ сюда à Baden-Baden, Wilhelmsstrasse № 60, такъ какъ здоровье Катеньки можетъ задержать мой отъѣздъ и даже

заставить отложить его до весны. При такомъ здоровьи, какъ наше, надобно на все разсчитывать.

Искренно радуюсь, другъ Володя, твоему семейному счастью и поздравляю тебя съ приращеніемъ твоей семьи, которое въ настоящее время вѣрно уже исполнилось.

Нынѣшній годъ счастливъ для семьи Дарагановъ. Желаніе Дмитрія сбылось и у него родился сынъ Иванъ, какъ я это узналъ вчера изъ записочки Стояновскаго, полученной мною въ письмѣ М. П. Полугарской. У Мишеля Дарагана тоже ожидается увеличеніе семьи, въ замѣнъ той утраты, которую онъ понесъ.

Я, кажется, писалъ тебѣ, что М. П. Полугарская овдовѣла: ея мужъ умеръ въ началѣ нынѣшняго года и она теперь поселилась у Тройцы, гдѣ похоронила его. Теперь у нея осталась только одна привязанность—къ сестрамъ, и это обстоятельство лежитъ въ числѣ другихъ причинъ, побуждающихъ меня къ возвращенію въ Москву. Что касается до крестьянскаго вопроса, то хотя я не увѣренъ, что будущей весною можно уже будетъ приступить къ рѣшительной реорганизаціи нашего хозяйства, на основаніи окончательномъ и неизмѣнномъ, но предполагаю, что всетаки надобно подготовиться къ этому заранѣе, зная уже принципы, принятые въ основаніе предстоящаго преобразованія.

О томъ, что Блюменфельдъ не могъ мнѣ выслать денегъ, ты не безпокойся; онѣ мнѣ не были нужны. Но прошу тебя о слѣдующей услугѣ: можетъ быть, я пріѣду въ Варшаву безъ денегъ, такъ какъ я не приказывалъ выслать мнѣ ихъ туда изъ деревни; потому уполномочь Блюменфельда дать мнѣ отъ 500 до 600 руб. сер., если они мнѣ понадобятся, или изъ твоихъ денегъ, если онѣ у него будутъ, или подъ твоимъ поручительствомъ, такъ какъ онъ не знаетъ моей solvabilité. Я возвращу ихъ по пріѣздѣ въ Москву или прямо тебѣ, если деньги будутъ твои, или Блюменфельду, если онъ добудетъ ихъ изъ другого источника.

Затѣмъ прощай, добрый другъ мой Володя! Мои дамы цѣлуютъ тебя и Вареньку. Я обнимаю тебя отъ всей души и цѣлую твоихъ. Не забывай и люби по прежнему твоего искренняго друга и брата.

М. Краснокутскій.

114.

Москва, 30 ноября 1860 г.

Твое письмо отъ 16-го октября очень меня обрадовало, другъ Володя, такъ какъ изъ него видно, что ты доволенъ своей жизненной обстановкой, счастливъ своей семьей и не желаешь перемѣнъ, что̀, признаться, въ нашъ вѣкъ явленіе не совсѣмъ обыденное. То, что ты передалъ намъ о себѣ въ письмѣ, было дополнено разсказами Николая Ильича [1]), котораго разспрашивали о тебѣ до самыхъ мелкихъ подробностей. Винятъ тебя только въ томъ, что ты большой домосѣдъ и теряешь свою прежнюю подвижность. Остается тебѣ пожелать одного: это, чтобы между твоими сосѣдями нашлись люди, которые по уму и сердцу были бы тебѣ подъ пару и съ которыми бы ты коротко сблизился. Какъ ни дорогъ семейный кругъ, какъ ни увлекательны книги, но безъ людей—человѣку такому общительному, какъ ты (да и я тоже), приходится или отказаться отъ задушевныхъ бесѣдъ и терпѣть лишеніе, или по нуждѣ сближаться съ людьми, которымъ пожалуй самъ приносишь пользу, но отъ коихъ за то не получаешь ничего путнаго въ возвратъ.

Порадовался я успѣху твоего хозяйства, и твоему рѣшенію не сдѣлаться спутникомъ Оренбургскаго солнца [2]). Нѣтъ сомнѣнія, что ты своею дѣятельностью въ деревнѣ будешь вдвое полезнѣе своимъ дѣтямъ, чѣмъ начавъ опять служебную карьеру, гдѣ добьешься ли еще чего нибудь, и которую вѣрно бы пришлось бросить, да еще, можетъ быть, съ горечью на душѣ. Мишель тоже, какъ я слышалъ, не соблазнился предстоявшею возможностью продолжать службу, что̀ въ отношеніи его меня еще больше порадовало, чѣмъ за тебя. Ты если бы началъ служить, то, повредивъ себѣ, вѣрно бы сдѣлалъ пользу обществу; Мишель же не подготовленъ къ гражданской службѣ, особенно при настоящихъ условіяхъ и общественныхъ требованіяхъ.

Тебя интересуетъ крестьянскій вопросъ. Не знаю, удалось ли тебѣ познакомиться съ системою предстоящаго его рѣшенія. Я читалъ всѣ окончательныя работы Коммиссій уже въ формѣ законовъ, переданныя въ Главный Комитетъ подъ предсѣдательствомъ В. К. Константина Николаевича. По довольно вѣрнымъ свѣдѣніямъ слышно, что разсмотрѣніе тамъ будетъ кончено къ 1 декабря, затѣмъ до Рождества просмотрится въ Государственномъ Совѣтѣ и въ январѣ Манифестъ и По-

---

[1]) Стороженко. [2]) Александра Павловича Безака, назначеннаго Оренбургскимъ генералъ-губернаторомъ.

ложенія будутъ обнародованы. Со дня обнародованія, до установленія помѣщиками Уставныхъ Грамотъ по ихъ имѣніямъ, на что назначено 9 мѣсяцевъ, остается трехдневная барщина. Весь успѣхъ новаго порядка основанъ на личности мировыхъ посредниковъ. По предложенію Коммиссій они избираются изъ 20 кандидатовъ, назначенныхъ дворянами уѣзда, посредствомъ выборныхъ отъ крестьянъ, собирающихся въ уѣздномъ городѣ подъ предсѣдательствомъ Городского Головы. Говорятъ, что Главный Комитетъ рѣшилъ на первое трехлѣтіе выборъ изъ представленныхъ кандидатовъ предоставить правительству. До объявленія Положеній не слѣдуетъ дѣлать никакихъ измѣненій въ хозяйствѣ, кромѣ введенія улучшенныхъ оруцій или увеличенія скотоводства, такъ какъ эти мѣры уменьшатъ потребность въ обязательномъ трудѣ, который какъ уменьшится по числу дней, такъ и потеряетъ много въ качествѣ при отсутствіи полновластія помѣщика. Дурно исполненную барщину помѣщикъ можетъ заставить передѣлать; если же этого нельзя, то отправить виновнаго для наказанія въ Земскую Полицію. Зато крестьянинъ имѣетъ право жалобы Мировому Посреднику и при трехъ основательныхъ жалобахъ помѣщикъ лишается права отсылать для наказанія.

На вопросъ твой о машинахъ сообщу тебѣ, что по опытамъ, бывшимъ на здѣшнемъ хуторѣ при Общ. С. Х., и вообще по всѣмъ отзывамъ хозяевъ косильная машина Вуда превосходна и ею вопросъ о механическомъ сѣнокошеніи рѣшенъ окончательно. Она легка и не требуетъ опытнаго механика при управленіи, какъ жатвенная машина Макъ-Кормика, которая безъ опытнаго въ управленіи машинами работника не будетъ удовлетворительно дѣйствовать. Къ тому она тяжела и 4 сильныхъ лошади впрягаются въ нее, да и то нужно двѣ смѣны для дневной постоянной работы. Точеніе рѣжущихъ частей отнимаетъ много времени.

Журналъ Общ. Сельск. Хоз. подъ новою редакціей Н. И. Анненкова сталъ хорошъ и потому могу тебѣ смѣло его рекомендовать. Я не знакомъ съ Записками Общ. Сел. Хоз. Южной Россіи, которыя по мѣстному характеру статей болѣе соотвѣтствуютъ твоему хозяйству; но во всякомъ случаѣ и первый журналъ для тебя будетъ полезенъ. Изъ сельско-хоз. журналовъ рекомендую еще Записки Лебедянскаго Общ. Какъ для выписки машинъ, такъ и для книгъ или журналовъ я состою, какъ ты, надѣюсь, и увѣренъ, въ твоемъ полномъ распоряженіи.

Что сказать тебѣ о нашемъ житьѣ? Мы, какъ ты, кажется, знаешь, поселились на Малой Дмитровкѣ въ д. Хлюстиной. Живемъ мы всѣ вмѣстѣ, благодаря Бога въ той же дружбѣ и согласіи, какъ и тогда, когда тебѣ былъ знакомъ нашъ семейный бытъ. По прежнему нашъ кругъ знакомыхъ ограничивается близкими и короткими людьми. Къ *сожалѣнію въ* эти 3 года число ихъ поубавилось и мои дамы особенно

жалѣютъ о доброй Софи Дараганъ и ея семьѣ, съ которыми мы такъ дружно жили. Теперь изъ родныхъ у насъ никого нѣтъ, а изъ близкихъ знакомыхъ, кто за границей, кто въ деревнѣ. Надобно понемногу заводить ихъ вновь. Особенно мои дамы вздыхаютъ объ этомъ и жалѣютъ о Ниццѣ, и не примиряются пока ни съ здѣшнимъ климатомъ, ни съ нашими порядками. Братъ мой Гриша обѣщаетъ пріѣхать зимою ко мнѣ, что̀ радуетъ меня и моихъ, такъ какъ онѣ очень его любятъ, хотя мы и не можемъ помириться съ прошедшимъ Настасьи Егоровны, которая, какъ и я слышалъ, много измѣнилась. Сомнѣваюсь только, чтобы излѣченіе было радикальное—le vieil homme percera toujours.

Обращусь къ тебѣ въ заключеніе съ просьбою. Можетъ быть, ты помнишь наше дѣло о взысканіи по закладной, данной покойному отцу Иваненковой. Ты въ свою поѣздку въ Малороссію однажды хлопоталъ о немъ по моей просьбѣ. Дѣло въ томъ, что въ Переяславскомъ Уѣздномъ Судѣ на удовлетвореніе претензій на Иваненкову удержано при залогѣ ея имѣнія въ Опек. Сов. въ 1853 году 24,500 р., хранящихся въ Приказѣ, именно на удовлетвореніе, какъ сказано въ указѣ Палаты, „г. Краснокутскаго по закладной, а Гуельсмучи по условію съ Иваненковой". До сихъ поръ Переясл. Уѣздный Судъ отказывался удовлетворить насъ слѣдуемой суммой (болѣе 2500 руб.) подъ предлогомъ, что Гуельсмучи переуступилъ свое право полученія купцу Брауну и между нимъ и Иваненковой возникъ споръ. Между тѣмъ наше требованіе и требованіе Гуельсмучи не состоятъ ни въ какой связи и искъ по закладной признанъ безспорнымъ и спора никѣмъ не было предъявлено. Вся остановка за подмазкой въ Пер. Уѣзд. Судѣ. Не найдется ли въ Пирятинѣ или въ другомъ мѣстѣ у тебя знакомаго дѣльца, который взялъ бы на себя всѣ заботы по этому дѣлу, съ тѣмъ, что $1/3$ полученной суммы я согласенъ предоставить ему за хлопоты и издержки. Дѣло это извѣстно всѣмъ старымъ дѣльцамъ въ Пирятинѣ и Переяславѣ, и кто его знаетъ, тотъ возьмется навѣрно хлопотать, такъ какъ въ полученіи денегъ не можетъ быть сомнѣнія. Если найдешь ходатая по дѣлу, на сказанномъ ли выше условіи или на другомъ, по твоему усмотрѣнію, то я и братъ Гриша пришлемъ на его имя довѣренность для ходатайства по дѣламъ и для полученія по взысканію.

Николай Стороженко, который по пріѣздѣ изъ Малороссіи былъ у насъ раза четыре въ теченіе двухъ недѣль, теперь пропалъ и мы его давненько не видали; не зная же его адреса, я не могъ его найти. Полагаемъ, что онъ уѣхалъ въ деревню къ Прибытковымъ, у которыхъ давалъ прежде уроки и жилъ въ домѣ, и которые его звали туда.

Кохъ—все прежній и всегда вспоминаетъ о тебѣ съ удовольствіемъ; дѣла его по прежнему идутъ прекрасно. Собирается весною на нѣсколько мѣсяцевъ за границу повеселиться и отдохнуть.

Вотъ все интересное, что могу сообщить тебѣ. О себѣ прибавлю, что мои дѣла и хозяйство идутъ пока вполнѣ удовлетворительно. Что-то будетъ лѣтомъ, когда я собираюсь въ Мачкасы? Хочется побывать тамъ и похозяйничать. Только здоровье Катеньки - очень и очень плохое, и разстроенные ея нервы меня тревожатъ. Съ ея напуганнымъ воображеніемъ и нервичностью какъ-то она уживется въ деревнѣ! Всѣ мои всегда съ старой дружбой вспоминаютъ тебя и поручаютъ цѣловать тебя и Вареньку. Я отъ всей души обнимаю тебя и цѣлую твою добрую подругу. Будь здоровъ.

Твой преданный братъ и другъ

М. Краснокутскій

Харьковская студенческая исторія 1858 г.

(Къ стр. 539).

1.

Въ ночь съ 12-го на 13-е апрѣля, въ половинѣ четвертаго утра, пришелъ ко мнѣ на квартиру унтеръ-офицеръ съ донесеніемъ, что полицеймейстеръ потребовалъ дежурнаго субъ-инспектора по какому-то происшествію, въ которомъ замѣшаны студенты. 13-го въ воскресеніе, въ 8 ч. утра, отправился я въ дежурную, гдѣ засталъ студентовъ Кутырева, Терцынкова, Чаусова и Прозоровскаго. Я тотчасъ же послалъ за Петровскимъ и Кіевскимъ и посадилъ ихъ подъ арестъ за ослушаніе субъ-инспектору слѣдовать за нимъ. Распросивъ студентовъ о происшествіи, я въ десятомъ часу отправился къ г. попечителю, который, будучи предупрежденъ уже о случившемся безпорядкѣ, встрѣтилъ меня замѣчаніемъ, зачѣмъ не было тотчасъ донесено ему о происшествіи. Послѣ обѣдни я отправился къ князю Салтыкову, гдѣ засталъ чиновника Попова, отъ которыхъ узналъ подробности; затѣмъ спросилъ проживающихъ въ томъ же домѣ студентовъ Суровцева и Чаусова и изъ соображенія всѣхъ собранныхъ показаній составилъ краткій рапортъ, представленный г. попечителю. По моему донесенію, г. попечитель сдѣлалъ распоряженіе о посаженіи Терцынкова, Чаусова и Кіевскаго на 3 недѣли подъ арестъ; Прозоровскому велѣлъ подать объ *вольненіи, а насчетъ* Петровскаго и Кутырева сказалъ, что они бу-

дутъ немедленно высланы къ атаману, о чемъ имъ и было мною объявлено въ понедѣльникъ, для сбора ихъ въ дорогу. Во вторникъ 15-го утромъ они были отправлены безъ всякаго шума. Въ среду 16-го, собравши студентовъ въ числѣ около 150 челов. въ аудиторію, я прочелъ имъ нѣсколько словъ отъ г. попечителя, послѣ чего счелъ нужнымъ сказать имъ нѣсколько словъ отъ себя; при этомъ возражали 1) Завадскій, 2) Прянишниковъ, 3) Трифоновъ, 4) Полоницкій, 5) Краснощековъ 2-ой, 6) Номикосовъ. Изъ нихъ четыре первые говорили довольно рѣзко. Потомъ мнѣ сказали, что Прель (?) свистѣлъ. Принявши это къ свѣдѣнію, я полагалъ сдѣлать относительно нихъ распоряженіе въ послѣдствіи.

Въ четвергъ, 17-го, послѣ обѣдни, къ которой явилось весьма много студентовъ, я счелъ нужнымъ спросить ихъ, для чего они собрались. На отвѣтъ, что они хотятъ принесть просьбу г. попечителю, я собралъ ихъ въ аудиторію и сказалъ, чтобы они избрали нѣсколько человѣкъ, съ которыми я могъ бы переговорить, такъ какъ съ толпою я говорить не могу. Это происходило въ тишинѣ; выбранные студенты: Номикосовъ, Марковъ, Левченко, Португаловъ, Гектанъ, Хлоповъ, Ладовскій и Гулевичъ пришли за мною въ дежурную и я тотчасъ же послалъ за студентомъ Чаусовымъ, на котораго всѣ ссылались, что онъ далъ невѣрное показаніе. Поговоривъ съ ними часа два, я сказалъ наконецъ, что имъ остается *почтительнѣйше* просить г. попечителя, чтобы онъ обратилъ вниманіе на облегченіе судьбы Кутырева и Петровскаго. Въ пятницу, 18-го, студенты собрались въ аудиторіи и просили, чтобы я позволилъ имъ выбрать депутатовъ, на что я отвѣчалъ, что отнынѣ считаю всякіе сборы незаконными и что прежніе депутаты, если хотятъ, могутъ идти къ г. попечителю. Поэтому къ г. попечителю явились: Марковъ, Гектанъ, Португаловъ, Левченко, Хлоповъ, Номикосовъ и Прянишниковъ. Между тѣмъ другіе студенты собрались въ садикъ и, не смотря на мои увѣщанія разойтись, не исполнили этого. Когда я сталъ грозить, что буду записывать, Антоновъ отвѣчалъ, что придется всѣхъ записать.

2.

Министерство Народнаго Просвѣщенія. Харьковскій Учебный Округъ. Канцелярія Попечителя. Столъ 1. 15 апрѣля 1858 года. № 973. Харьковъ.

Г. Инспектору Студентовъ Императорскаго Харьковскаго Университета.

Прошу покорнѣйше Ваше Высокоблагородіе собрать всѣхъ на лекціяхъ находящихся сегодня студентовъ и сообщить имъ прилагаемыя при семъ нѣсколько словъ отъ меня, которыя я самъ передалъ бы имъ, если бы не былъ отвлеченъ экзаменами въ Институтѣ, на которыхъ я долженъ присутствовать цѣлое утро.

Попечитель П. Зиновьевъ.

Господа!

Нѣкоторые изъ вашихъ товарищей, 13 апрѣля, позволили себѣ совершить такой проступокъ противу общественной нравственности, который я, ради чести носимаго вами мундира и ради спокойствія города, не могу оставить безнаказаннымъ.

Ночью, въ нетрезвомъ видѣ, они стали ломиться къ своимъ товарищамъ, которые ихъ къ себѣ не пускали, и нѣкоторые изъ нихъ позволили себѣ еще сверхъ того осыпать бранью выбѣжавшихъ на произведенный ими шумъ людей, подрались съ ними и, въ довершеніе всего, не хотѣли повиноваться требованію субь-инспектора слѣдовать за нимъ въ дежурную. Эти послѣдніе, какъ недостойные носить вашъ мундиръ, исключены изъ университета! Не могу скрыть отъ васъ моего сожалѣнія, что могутъ быть между вами люди, столь мало понимающіе приличія. Мнѣ это тѣмъ прискорбнѣе, что подобныя происшествія роняютъ достоинство харьковскихъ студентовъ, о которыхъ еще такъ недавно я далъ самый лестный отзывъ Государю Императору. Пусть каждый изъ васъ подумаетъ, какое чувство овладѣло бы имъ, если бы необузданная толпа встревожила такимъ образомъ, не только его, но мать его, сестеръ и родныхъ, и тогда онъ навѣрно пойметъ, что такія дѣйствія составляютъ грубое насиліе и непозволительное нарушеніе общественнаго спокойствія. Законъ налагаетъ тяжелую отвѣтственность на подобныхъ нарушителей порядка и я не считаю себя въ правѣ защищать ихъ отъ преслѣдованія закона. Старайтесь же, господа, не впа-

дать въ такіе проступки и всячески удерживать отъ нихъ тѣхъ изъ вашихъ товарищей, которые по мягкости своей могли бы увлечься на такую дорогу, которая закроетъ имъ немедленно двери университета и разстроитъ и всю будущность ихъ, и ожиданія ихъ родителей.

П. Зиновьевъ.

15-го апрѣля.

3.

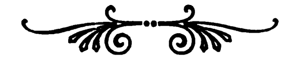
Новочеркаскъ, 1858 года 14 іюня.

Многоуважаемый Начальникъ Владиміръ Андреевичъ!

Мы бы не рѣшились утруждать Васъ нашимъ письмомъ, но Вы были такъ снисходительны, что позволили, въ случаѣ необходимости, писать Вамъ о нашемъ горѣ. Рядъ наказаній, которымъ мы подверглись, еще не кончился. Самое худшее еще впереди. Когда мы пріѣхали въ Черкаскъ, атамана нашего не было дома. Начальство наше рѣшительно не знало, что съ нами дѣлать, затруднялось въ выборѣ наказанія; наконецъ придумало—опредѣлить насъ рядовыми въ учебный казачій полкъ. Однако милосердный Богъ не допустилъ состояться этому рѣшенію. Атаманъ, вскорѣ по пріѣздѣ въ Черкаскъ, это рѣшеніе перемѣнилъ: онъ приказалъ посадить насъ на двѣ недѣли на гауптвахту и заставить подать прошеніе объ исключеніи изъ числа студентовъ Харьковскаго университета. Начальство Харьковскаго университета, сказалъ атаманъ, не желаетъ васъ видѣть студентами во ввѣренномъ ему университетѣ, но вы можете ѣхать въ другой университетъ. Опредѣленный срокъ нашего заключенія, двѣ недѣли, уже кончился. Прошеніе объ исключеніи изъ университета мы подали на имя атамана. Владиміръ Андреевичъ! Вы можете еще много сдѣлать въ нашу пользу: отъ Васъ зависитъ дать намъ свидѣтельство съ хорошимъ поведеніемъ и не сгубить окончательно нашу будущность. Нужно правду сказать, что поступленіе въ другой университетъ, по крайней мѣрѣ для меня, есть дѣло почти невозможное, по ограниченности состоянія. Но буду ли я рядовымъ, или полковымъ писаремъ, или чѣмъ-нибудь въ этомъ родѣ, хорошее поведеніе необходимо. Сдѣлайте доброе дѣло, Владиміръ Андреевичъ! Дайте намъ такое поведеніе, которое бы не стало камнемъ преткновенія въ тяжеломъ и сомнительномъ пути нашемъ. Съ исключеніемъ изъ университета, насъ лишаютъ и войскового содержанія. Содержать себя собственными средствами въ другомъ уни-

верситетѣ и платить деньги за право слушанія лекцій—я не вижу почти никакой возможности. Поэтому смѣю спросить у Васъ, Владиміръ Андреевичъ, можно ли мнѣ надѣяться поступить въ Харьковскій университетъ, по крайней мѣрѣ черезъ годъ? Позволятъ ли мнѣ въ Харьковскомъ университетѣ держать экзаменъ въ 5-й курсъ, а Петровскому окончательный? Въ Харьковѣ я имѣю знакомыхъ, съ помощью ихъ могу имѣть уроки; въ Харьковскомъ университетѣ намъ хорошо извѣстна метода преподаванія, система медицинскихъ наукъ. Это такія выгоды, какихъ въ другомъ университетѣ мы не будемъ имѣть. Помня Ваши утѣшенія и обѣщанія, во время посѣщенія нашей квартиры, мы, сколько было возможно въ нашемъ положеніи, не покидали медицины и занимались ею въ надеждѣ на Ваше благородное содѣйствіе въ пользу нашу. Пожалѣйте насъ, Владиміръ Андреевичъ, и помогите нашему горю: если мы не кончимъ курса, намъ остается одна прямая дорога – въ Грузію, рядовыми, безъ всякой надежды, потому что оба мы, Петровскій и я, не дворяне. Дайте намъ возможность лучшей участи, мы же останемся Вамъ благодарны и признательны въ продолженіе всей жизни. Съ истиннымъ почтеніемъ и преданностью имѣю честь быть покорнѣйшимъ слугою Вашего Высокоблагородія Дмитрій Кутыревъ.

P. S. Петровскаго въ Черкаскѣ нѣтъ въ настоящее время. Съ своей стороны онъ покорнѣйше проситъ Васъ о томъ же, о чемъ я имѣю честь изложить Вамъ въ этомъ письмѣ.



2.

Министерство Народнаго Просвѣщенія. Харьковскій Учебный Округъ. Канцелярія Попечителя. Столъ 1. 15 апрѣля 1858 года. № 973. Харьковъ.

Г. Инспектору Студентовъ Императорскаго Харьковскаго Университета.

Прошу покорнѣйше Ваше Высокоблагородіе собрать всѣхъ на лекціяхъ находящихся сегодня студентовъ и сообщить имъ прилагаемыя при семъ нѣсколько словъ отъ меня, которыя я самъ передалъ бы имъ, если бы не былъ отвлеченъ экзаменами въ Институтѣ, на которыхъ я долженъ присутствовать цѣлое утро.

Попечитель П. Зиновьевъ.

Господа!

Нѣкоторые изъ вашихъ товарищей, 13 апрѣля, позволили себѣ совершить такой проступокъ противу общественной нравственности, который я, ради чести носимаго вами мундира и ради спокойствія города, не могу оставить безнаказаннымъ.

Ночью, въ нетрезвомъ видѣ, они стали ломиться къ своимъ товарищамъ, которые ихъ къ себѣ не пускали, и нѣкоторые изъ нихъ позволили себѣ еще сверхъ того осыпать бранью выбѣжавшихъ на произведенный ими шумъ людей, подрались съ ними и, въ довершеніе всего, не хотѣли повиноваться требованію суб-инспектора слѣдовать за нимъ въ дежурную. Эти послѣдніе, какъ недостойные носить вашъ мундиръ, исключены изъ университета! Не могу скрыть отъ васъ моего сожалѣнія, что могутъ быть между вами люди, столь мало понимающіе приличія. Мнѣ это тѣмъ прискорбнѣе, что подобныя происшествія роняютъ достоинство харьковскихъ студентовъ, о которыхъ еще такъ недавно я далъ самый лестный отзывъ Государю Императору. Пусть каждый изъ васъ подумаетъ, какое чувство овладѣло бы имъ, если бы необузданная толпа встревожила такимъ образомъ, не только его, но мать его, сестеръ и родныхъ, и тогда онъ навѣрно пойметъ, что такія дѣйствія составляютъ грубое насиліе и непозволительное нарушеніе общественнаго спокойствія. Законъ налагаетъ тяжелую отвѣтственность на подобныхъ нарушителей порядка и я не считаю себя въ правѣ *защищать* ихъ отъ преслѣдованія закона. Старайтесь же, господа, не впа-

дать въ такіе проступки и всячески удерживать отъ нихъ тѣхъ изъ вашихъ товарищей, которые по мягкости своей могли бы увлечься на такую дорогу, которая закроетъ имъ немедленно двери университета и разстроитъ и всю будущность ихъ, и ожиданія ихъ родителей.

П. Зиновьевъ.

15-го апрѣля.

3.

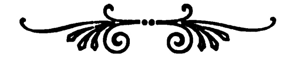
Новочеркаскъ, 1858 года 14 іюня.

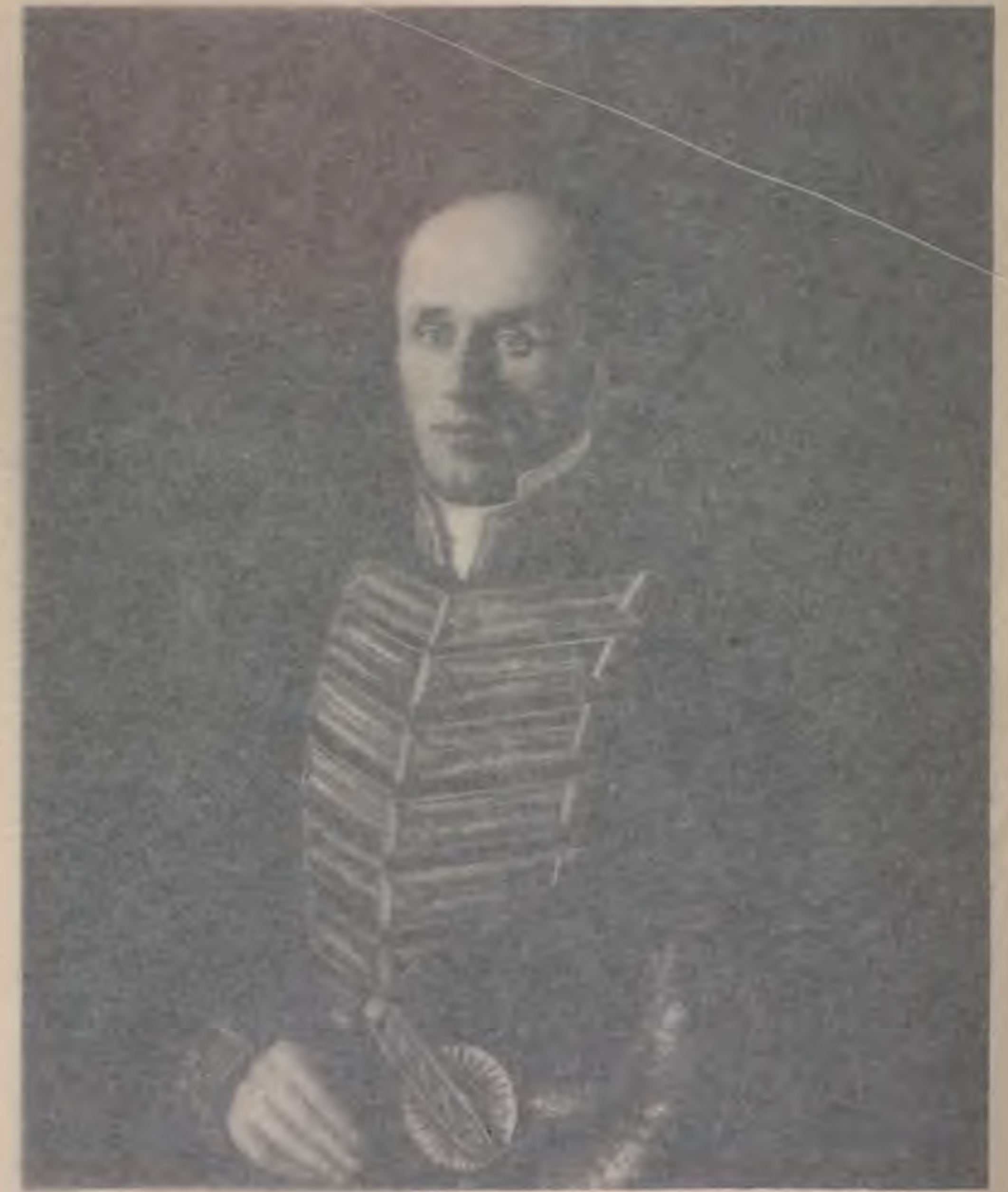
Многоуважаемый Начальникъ Владиміръ Андреевичъ!

Мы бы не рѣшились утруждать Васъ нашимъ письмомъ, но Вы были такъ снисходительны, что позволили, въ случаѣ необходимости, писать Вамъ о нашемъ горѣ. Рядъ наказаній, которымъ мы подверглись, еще не кончился. Самое худшее еще впереди. Когда мы пріѣхали въ Черкаскъ, атамана нашего не было дома. Начальство наше рѣшительно не знало, что съ нами дѣлать, затруднялось въ выборѣ наказанія; наконецъ придумало—опредѣлить насъ рядовыми въ учебный казачій полкъ. Однако милосердный Богъ не допустилъ состояться этому рѣшенію. Атаманъ, вскорѣ по пріѣздѣ въ Черкаскъ, это рѣшеніе перемѣнилъ: онъ приказалъ посадить насъ на двѣ недѣли на гауптвахту и заставить подать прошеніе объ исключеніи изъ числа студентовъ Харьковскаго университета. Начальство Харьковскаго университета, сказалъ атаманъ, не желаетъ васъ видѣть студентами во ввѣренномъ ему университетѣ, но вы можете ѣхать въ другой университетъ. Опредѣленный срокъ нашего заключенія, двѣ недѣли, уже кончился. Прошеніе объ исключеніи изъ университета мы подали на имя атамана. Владиміръ Андреевичъ! Вы можете еще много сдѣлать въ нашу пользу: отъ Васъ зависитъ дать намъ свидѣтельство съ хорошимъ поведеніемъ и не сгубить окончательно нашу будущность. Нужно правду сказать, что поступленіе въ другой университетъ, по крайней мѣрѣ для меня, есть дѣло почти невозможное, по ограниченности состоянія. Но буду ли я рядовымъ, или полковымъ писаремъ, или чѣмъ-нибудь въ этомъ родѣ, хорошее поведеніе необходимо. Сдѣлайте доброе дѣло, Владиміръ Андреевичъ! Дайте намъ такое поведеніе, которое бы не стало камнемъ преткновенія въ тяжеломъ и сомнительномъ пути нашемъ. Съ исключеніемъ изъ университета, насъ лишаютъ и войскового содержанія. Содержать себя собственными средствами въ другомъ уни-

верситетѣ и платить деньги за право слушанія лекцій—я не вижу почти никакой возможности. Поэтому смѣю спросить у Васъ, Владиміръ Андреевичъ, можно ли мнѣ надѣяться поступить въ Харьковскій университетъ, по крайней мѣрѣ черезъ годъ? Позволятъ ли мнѣ въ Харьковскомъ университетѣ держать экзаменъ въ 5-й курсъ, а Петровскому окончательный? Въ Харьковѣ я имѣю знакомыхъ, съ помощью ихъ могу имѣть уроки; въ Харьковскомъ университетѣ намъ хорошо извѣстна метода преподаванія, система медицинскихъ наукъ. Это такія выгоды, какихъ въ другомъ университетѣ мы не будемъ имѣть. Помня Ваши утѣшенія и обѣщанія, во время посѣщенія нашей квартиры, мы, сколько было возможно въ нашемъ положеніи, не покидали медицины и занимались ею въ надеждѣ на Ваше благородное содѣйствіе въ пользу нашу. Пожалѣйте насъ, Владиміръ Андреевичъ, и помогите нашему горю: если мы не кончимъ курса, намъ остается одна прямая дорога — въ Грузію, рядовыми, безъ всякой надежды, потому что оба мы, Петровскій и я, не дворяне. Дайте намъ возможность лучшей участи, мы же останемся Вамъ благодарны и признательны въ продолженіе всей жизни. Съ истиннымъ почтеніемъ и преданностью имѣю честь быть покорнѣйшимъ слугою Вашего Высокоблагородія Дмитрій Кутыревъ.

P. S. Петровскаго въ Черкаскѣ нѣтъ въ настоящее время. Съ своей стороны онъ покорнѣйше проситъ Васъ о томъ же, о чемъ я имѣю честь изложить Вамъ въ этомъ письмѣ.





Владиміръ Андреевичъ

Стороженко

въ формѣ камеръ-юнкера Высочайшаго Двора.

Письма къ Владиміру Андреевичу Анны Михайловны Дараганъ, урожденной Балугьянской [1].

(1849– 1858).

1.

С. Ивановское, 25 іюля 1849 г.

Часа два, какъ получила черезъ сестру Александру Михайловну твой адресъ, и радуюсь возможности тебѣ писать, хотя по справедливости я столько же въ правѣ ожидать извѣстія отъ тебя, какъ ты отъ меня, если не болѣе; ты живешь среди говора, движенія, страстей и вздора людскаго, а потому, съ одной или съ другой точки зрѣнія, всегда найдется что̀ подмѣтить и что̀ передать для наблюденія другому; а здѣсь? Здѣсь надо высматривать новостей у погоды, а эти новости, вѣроятно, на крыльяхъ тучъ и вѣтра сами доходятъ до васъ, и заставляютъ васъ, какъ насъ, укрываться подъ зонтикъ. Одна стоющая изъ нашихъ краевъ новость та, что Либуша въ Богодуховкѣ; послѣ того, мнѣ кажется, ни живые, ни мертвые не въ правѣ упрекнуть меня въ неуваженіи и отсутствіи должнаго вниманія къ старикамъ Дараганамъ. А что мнѣ разлука съ дочерью не шутка, а забота душевная,—пойметъ каждый, который понимаетъ значеніе дѣвушки въ

---

[1]) Количество сохранившихся писемъ Анны Михайловны довольно значительно, но только меньшая часть ихъ могла войти въ настоящее собраніе въ виду того, что большинство не имѣетъ на себѣ обозначенія годовъ, въ которые они писаны, и такимъ образомъ изъ нихъ нельзя составить хронологически-послѣдовательной цѣпи. Безъ послѣдовательности же письма теряютъ свою цѣну документовъ семейной исторіи.

15 лѣтъ, воспитанной неразлучно съ матерью. Я позволила сестрѣ А. М. сообщить тебѣ письмо Либуши, зная, что не въ одномъ только отношеніи любопытства ты прочитаешь это письмо съ интересомъ; а позволеніе тебѣ его читать—лучшее доказательство увѣренности моей въ твою ко мнѣ дружбу и моего уваженія къ тебѣ. Ты, другъ Володя, часто вертишься у меня на умѣ, и не разъ досадовала я на себя, что не записала дома M-me Феде и не разспросила тебя о новой квартирѣ; такъ прошло много времени, пока sur ma demande à gauche et à droite, enfin M-me Kapherr m'a écrit ton adresse en me donnant le conseil de préférer celle du senat à celle de ton logement privé, qu'elle ignorait si tu avais gardé on changé. Par une raison semblable je n'écris pas à Dmitre auquel je dois faire parvenir mes remerciements pour l'affaire dans laquelle il m'a prêté son aide et qui a réussie. En ce moment je suis préoccupée uniquement de l'issue du voyage de Votre oncle chez ses parents et plus interessée encore de revoir au plus vite ma fille à laquelle je crains d'y voir conclure un mariage dans le genre de sa cousine Sophie Krasnokoutsky. Le sang a ses lois que la raison cherche en vain de vaincre et ma fille entre dans cet âge dangereux où la passion éconduit la raison, et trompe le coeur. Il faut être savant ou bête pour ne pas trouver du plaisir à causer avec les amis absents, et comme je ne te fais pas l'honneur de Te classer parmi la race hebdomadaire des premiers, ni dans la catégorie surabondante des 2-s, j'attends que tu m'écrives, et que Tu jases en m'écrivant, un peu sur tout ce qui traversera ta mémoire, ton coeur, ton imagination et même le coin philosophique de ton cerveau. Je ne suis en contact avec le monde extérieur que par quelques très rares lettres d'Alexandrine, les salonades de la semaine qui éconduit le jugement du lecteur par de brillantes saillies dépourvues de raison et surtout de raison politique et les С. Вѣдомости qui semblent *hérétiques* à force de courir après quelques faits nouveaux. Avec un tel secours, l'esprit s'engourdie facilement pour ne plus se réveiller, aussi le mien s'excuse de n'avoir rien de digne du votre à Vous offrir. Ma vie se passe en petits détails domestiques, la vie de campagne y obligeant forcement; et s'il me reste du temps c'est les enfants qui me le prennent. Ce déluge morcelé qui fait tomber dans l'eau l'espoir du laboureur, me rends soucieuse pour l'hiver de tous les mortels. C'est l'homme des champs, vivant des efforts de ses mains, aux prises avec tous les éléments, risquant sa santé à chaque sillon, c'est ce vaillant guerrier da la paix qui devrait être le moins éprouvé par le Ciel et c'est lui au contraire qui endure le plus de peine, de privations, de misères. Pierre me donne qnelques détails sur l'administration de Богодуховка, qui prouvent que là aussi cela pourrait être mieux. A son retour j'ignore où il portera ses pas, mais j'espére qu'il en sera fini de ses vaccances et que sa santé lui permettra de rentrer au service. Dis-moi comment Tu a arrangé ton existence de garçon? tiens tu ménage où vis-tu à vol d'oiseau? Lorsque tu seras bout de patience à chercher le comfort sans le trouver, prends moi comme

femme de charges et mes filles feront les grisettes à l'aide de leurs aiguilles, et nous te ferons ton ménage avec moins de frais et non moins de conscience que ne le font tes parisiennes chéries, jeune et vieille. Et ton Hollandaise? est ce que l'enchantement dure toujours? Tu vois que j'ai raison à attendre avec impatience de tes nouvelles. Le plaisir en réserve, je Te dis au revoir. Tu serais plus qu'un ami admirable si prenant un congé d'une quinzaine Tu te laissais rouler jusqu'à moi qui serait vraiment heureuse de Te recevoir chez elle, bonheur qui m'est refusée depuis que nous nous sommes dit adieu dans la caserne. J'ai été vivement saisie de la nouvelle de la mort d'Alexandrine Максимовичъ; c'était une bonne âme et qui manquera à sa famille. J'ai appris que Dieu a fait grâce à l'une des filles de la tante, de son existence de martyre; il n'est pas toujours donné de pleurer les partants et leur départ est souvent une délivrance pour laquelle il faut savoir remercier Dieu. Encore une fois viens si tu peux, et écris si tu ne viens pas. De toutes les manières Tu est attendu par la tante-amie.

A. D.

2.

14 сентября 1849 г.

Другъ мой Володя!

Смерть Великаго Князя [1]) ускорила время возвращенія Петра Михайловича на службу. Не опоздалъ ли онъ? - время покажетъ, а пока главное пріискать ему небольшую квартиру, важнѣйшее условіе которой—чистота и солнце, столь необходимыя требованія его здоровья. Помочь пріискать такой уголокъ между Вознесенскимъ мостомъ и Таврическимъ садомъ прошу твоего содѣйствія. Всего нужны Петру Михайловичу двѣ комнаты и кухня. Съ нимъ пріѣдутъ поваръ и Герасимъ; будетъ лишнее помѣщеніе, остановится у него мѣсяца на три Либуша; не будетъ —тогда уже условлено Либушу помѣстить у М-me Медемъ. Я желаю Петру Михайловичу дѣтей ради мѣста въ Петербургѣ; иначе Миша пойдетъ по своимъ идеямъ или, еще хуже, увлечется лестью, мечтами на несбыточные успѣхи; если же Петръ Михайловичъ опредѣленъ будетъ за тридевять земель отъ Петербурга, тогда я останусь въ

[1]) Смерть Вел. Князя Михаила Павловича послѣдовала въ Варшавѣ 28 августа 1849 г.

деревнѣ. На твое льстивое письмо отвѣчать не буду, потому что не нахожу въ головѣ своей ни малѣйшаго запаса подобныхъ же фразъ, а повторять запросто, что я тебя люблю остаткомъ воспріимчивости моего израсходованнаго сердца, почитаю лишнимъ; ты въ этомъ убѣжденъ. Пріѣдетъ Петръ Михайловичъ самъ, наговорится съ тобой о поѣздкѣ своей въ Богодуховку; при всѣхъ усиліяхъ воли не могу найти въ себѣ и слѣда преданности этому краю, и обхожу этотъ предметъ, какъ вредный для меня. Невозможность тебѣ заглянуть ко мнѣ въ Ивановское меня огорчила, но отдаю полную справедливость причинамъ отказа. Напиши, другъ мой, можешь-ли или нѣтъ исполнить мою просьбу, а всего времени до отъѣзда Петра Михайловича три недѣли. У Петра Михайловича будетъ также лошадь, и поэтому стойло на пару необходимо. Для избѣжанія лишнихъ словъ прилагаю письмо Лонгинова; ты убѣдишься черезъ него, что я не оставила мысли переселиться съ дѣтьми жить на казенную квартиру и на даровое содержаніе; но это въ такомъ только случаѣ, если Петръ Михайловичъ не найдетъ средства своею службою обезпечить существованіе своей семьи. Смерть маленькой княжны отняла у меня лирическое вдохновеніе и я бросила писать, - притомъ ревматизмъ сводитъ руку; теперь заниматься буду исключительно дѣтьми и хозяйствомъ, а съ свѣтомъ счетъ конченъ. Прощай, другъ мой; когда утвердишься на службѣ, вспомни, что я живу, и пожертвуй своей трудовой копѣйкой на прогоны къ любящей тебя искренно.

Tante.

3.

С. Ивановское, 1-го октября 1849 г.

Вліяніемъ тишины, теплоты, простора распашной жизни среди простолюдиновъ и своей семьи, здоровье твоего дяди обновилось, какъ обновляются поверхностно старыя картины, которыя точно также скоро теряютъ свой непрочный лоскъ отъ перваго движенія, перемѣщенія или измѣненія температуры. Съ первыми хлопьями снѣга обнаружились опять припадки лимфатическаго сложенія обманчиво-крѣпкаго Петра Михайловича и теперь онъ сидитъ угрюмо у камина, не задумывая впередъ, а въ бездумьи или раздумьи, что врядъ-ли не одно и тоже. Крикъ: „война“ [1]) электризовалъ стараго кавалериста, громъ по-

---

[1]) Подразумѣвается венгерская кампанія.

бѣды подѣйствовалъ оглушительно на вновь пробужденныя мечты, и послѣ минутной надежды на новыя звѣзды дѣйствительность во всей наготѣ овладѣла мыслями Петра Михайловича и обезоруживаетъ его своею скудостью на счастье, почести, и все то, что служащему, вскормленному на службѣ, кажется необходимымъ для существованія политическаго. Оставаться жить здѣсь для Петра Михайловича значитъ идти на встрѣчу участи Ивана Петровича, [1] который пролежалъ вторымъ Діогеномъ, закутавшись въ свой артиллерійскій плащъ,—съ чувствомъ ненависти къ людямъ, чуть что не полъ-жизни человѣческой; идти на службу—почти что переселяться вслѣдъ за Великимъ Княземъ въ селенія праведныхъ!—такъ сильно раздражено воображеніе Петра Михайловича этой неожиданной потерей, которую онъ называетъ концомъ всѣхъ удачъ въ службѣ. Трудно рѣшить, какъ въ такомъ случаѣ дѣйствовать, а за недостаткомъ рѣшимости день проходитъ за днемъ, что́ все тоже, что держать въ карманѣ капиталъ и проживать его въ раздумьи, какіе изъ него извлечь проценты. Рѣшено только то, что безполезно устраиваться впередъ, а слѣдовательно остается поблагодарить тебя, другъ мой, за готовность удѣлить на нашу долю часть твоего времени, что́ при твоемъ взглядѣ на вещи уступка не маловажная. Переселеніе твое въ нѣмецкую колонію—доказательство послѣдовательности твоихъ идей и меня за тебя радуетъ. Жить анахоретомъ не въ природѣ твоей, переплывать Неву въ погонѣ за увеселеніями не въ твоей натурѣ; поэтому остается вѣроятнымъ, что ты, какъ кротъ, заберешься въ какую-нибудь нѣмецкую норку и будешь тамъ укрываться уютно отъ шума пустословія и празднаго движенія. Куда бы ни забрался ты, лишь бы поближе къ цѣли твоихъ желаній,—вотъ вся доля моихъ желаній тебѣ; а пока не выпадетъ изъ дыряваго мѣшка фортуны твой выигрышъ, не забывай насъ, добрый философъ, увѣдомляй о себѣ, о людяхъ, о дѣлахъ и бездѣльяхъ; писанный фельетонъ чуть-ли не интереснѣе иного печатнаго. Мнѣ здѣсь послышалось, будто жена Аркадія Мейгофа разрушилась и превратилась въ пригоршню земли. Такъ-ли? Разъ только видѣла Мейгофа, не говорила съ нимъ двухъ словъ, но не могу не сочувствовать человѣку, который сосредоточилъ все свое счастье въ чувствахъ супружеской любви; онъ вѣрно не плачетъ, не жалуется, не рисуется въ своемъ горѣ, но столь же вѣрно, что впереди у него нѣтъ никакихъ надеждъ, никакихъ желаній, и что всѣ звѣзды земли готовъ онъ промѣнять на одну звѣзду на небѣ. Послышалось мнѣ еще, что Мишель Краснокутскій живетъ въ своемъ помѣстьи сибаритомъ. Ядъ врядъ-ли удачнѣе отравляетъ людей, чѣмъ

---

[1] Дарагана. О немъ см. Фам. Арх. т. II, стр. 678—679.

лесть, похвалы и преувеличенныя ласки, въ послѣдствіяхъ своихъ похожія на ласки жены Самсона; мнѣ бы жаль было, если бы счастливыя дарованія ума и души Мишеля утонули въ нѣгѣ, праздности и безсмысленныхъ наслажденіяхъ самодовольнаго Пана. Въ ожиданіи возвращенія Дмитрія изъ крестоваго похода не пишу его любезной подругѣ, а когда они опять самъ другъ умѣстятся въ своемъ щегольскомъ уголкѣ, тогда попрошу меня извѣстить, чтобы я могла поздравить ихъ съ благополучнымъ окончаніемъ войны. Пока дѣла не вынудятъ, не располагаю разорять себя поѣздками въ Петербургъ; на время мнѣ тамъ дѣлать нечего, — сердце мое тамъ ничего не ищетъ, карманъ ничего не ожидаетъ, а умъ ничего не надѣется; зима въ деревнѣ короче, чѣмъ въ городѣ: не успѣешь убрать хлѣбъ въ амбаръ, какъ и выдавать опять на посѣвъ придется, не говоря уже о прочихъ дѣлахъ, которыя могутъ замѣнить скуку театровъ, монотонію баловъ, однозвучіе концертовъ и tutti frutti; одно, чему завидую,—близость книжныхъ лавокъ, и если Пьеръ рѣшится оставаться на своемъ креслѣ передъ каминомъ, попрошу тебя кой о чемъ по сей экспедиціи, а пока обнимаю тебя со всею горячностью старой любви и любви старой Тетки.

4.

15 іюля 1850 г.

Наконецъ, другъ мой Володя, нахожу не время, а силы тебѣ написать нѣсколько словъ. Время иногда и есть въ остаткѣ, а силы всегда истощаются прежде него. Я здѣсь таки приплачиваюсь здоровьемъ, ибо нахожусь въ положеніи хозяйки дома, которая изъ тщеславія живетъ не по средствамъ. Во всемъ—кудели; прочнаго ни въ чемъ; за неимѣніемъ силъ помочь горю лучше о немъ молчать. Авось твой путь проляжетъ когда-нибудь черезъ Москву, тогда потолкуемъ. Пьеръ пишетъ, что видѣлся съ твоимъ отцомъ и что слѣды des grandeurs déchues видны на его лицѣ; трудно устоять противъ искушенія честолюбія; вотъ почему я такъ желаю скорѣе возвратиться въ свою долину, ибо чѣмъ далѣе отъ людей, тѣмъ ближе къ Богу, а какъ не разсуждать — это всему начало и конецъ. Честолюбивая женщина еще жалче честолюбиваго мужчины, а мѣсто начальницы весьма способно къ развитію чванолюбія. Пишетъ Пьеръ о помѣщеніи Евиньки Максимовичъ не на казенный счетъ, а въ квартирѣ у меня, съ моими дѣтьми. Я отказала. Памятно *мнѣ* происшествіе съ Соней Краснокутской; легко быть можетъ, что *опять со мной* **такъ поступятъ. Любила я Александрину, она всегда**

была ко мнѣ одинакова, рада была бы отплатить за доброе мнѣніе попеченіемъ объ ея дочери, но - боюсь! боюсь! Проживу 100 лѣтъ, не изгладятся изъ оскорбленной души отношенія дома Дарагановыхъ ко мнѣ втъ теченіе послѣднихъ семи лѣтъ. Легко сказать, не легко пережить, и вотъ послѣдствія. Я въ Москвѣ начальствую, а Пьеръ въ Полтавѣ ревизуетъ. Онъ доволенъ, веселъ, здоровъ. Онъ меня обожаетъ, потому что пятый годъ не знаетъ семейныхъ заботъ. Рада была бы я, если бы тоска Антонины оправдалась приращеніемъ семейства. Замужество безъ дѣтей неестественное положеніе; если исполнятся желанія Дмитрія, напиши, не полѣнись. Заѣзжалъ Сеня. Не узнала. Перемѣнился à son avantage, болѣе не медвѣдь. Вижу иногда братьевъ Васи Максимовича. Пьеръ самолюбивъ, а другой грубоватъ, неотесанъ, и ненадеженъ въ наукахъ, говоря мѣстнымъ нарѣчіемъ; Пьера еще можно отесать, а другого наврядъ-ли. Теперь въ лагерѣ. Мои дѣти здоровы; Ваня начинаетъ учиться, рѣзвъ, горячъ, добръ, неглупъ. Объ дѣвочкахъ говорить нечего. Твое мнѣніе о Мишѣ мнѣ пріятно; я почитаю его тщеславнымъ и паркетнымъ,—два качества нелицевыя въ моихъ глазахъ. Ожидаю его на двѣ недѣли къ себѣ; лишь бы не ждать напрасно. Не оставляй его, если можешь; толковый разговоръ лучше безтолковыхъ книгъ, а молодежь умна только начитанностью. Случается, я скучаю по деревнѣ, другого лишенія не ощущаю. Приведетъ случай свидѣться съ тобою, будетъ мнѣ большая радость, а пока обнимаю тебя мысленно съ искреннею любовью.

А. Дараганъ.

5.

25 іюля 1851 г.

Весь день сегодня провозилась въ дѣлахъ; искала между прочимъ квартиру Мишѣ, и возвратившись домой, нашла твое милое, но нечеткое письмо, которое еще болѣе подстрекало мое нетерпѣніе при чтеніи. Я уже было собралась слѣдующее мое письмо начать изреченіемъ: aus den Augen, aus dem Sinn,—а тутъ какъ разъ твоя вѣсточка отъ 11-го іюля. Главное порадовали меня твои удовлетворительныя извѣстія насчетъ твоихъ отношеній служебныхъ и съ товарищами; потомъ утѣшилъ ты меня родственною привязанностью къ моей семьѣ. Либуша съ своей стороны во второмъ письмѣ изъ Лондона пишетъ: „embrassez mes trois frères et mes deux cousins.“ Не знаю, по какому по-

воду, два изъ Лондонскихъ ея писемъ ко мнѣ не дошли, и поэтому il y a une lacune dans ses nouvelles; всего получила я три письма, изъ которыхъ послѣднее писано въ самый день пріѣзда въ Парижъ 4-го іюля, а по нашему 22-го іюня, изъ чего видно совершенное измѣненіе въ намѣреніи прожить въ Лондонѣ мѣсяцъ. Кажется, что разсчетъ въ томъ виноватъ, но Бишка подробно не изъясняется. Пьеръ поручилъ мнѣ пересылать ему письма, что я совѣстливо исполнять вмѣняю себѣ въ обязанность. Я остаюсь при одномъ желаніи, чтобы поѣздка эта послужила къ отвлеченію крови отъ верхнихъ частей тѣла, но до сихъ поръ головныя боли не уступаютъ, хотя Бишка не жалуется, какъ здѣсь, все на жаръ; второе ея письмо изъ Лондона и первое изъ Парижа были написаны дѣльно и порадовали меня своимъ изложеніемъ. Пока Либуша высматриваетъ красоты природы и искусства Запада Европы, я на сѣверѣ высматриваю удобную, теплую квартиру для Миши, и хотя мои обстоятельства и позволяютъ мнѣ нанять ему удобную квартиру по близости полка, но нравственныя причины меня удерживаютъ, и въ этомъ колебаніи проходятъ дни безъ окончательнаго результата. Ты отгадаешь причину непроизводства Миши къ 1-му іюля, несмотря на то, что онъ ловкостью своею, какъ ординарецъ, обратилъ на себя вниманіе всей публики; я же этою первою неудачею довольна, потому что Миша чуть что изъ ума не вышелъ отъ ожиданія. Ты меня крайне одолжишь, если займешься пріисканіемъ ему коня; я положила на сей предметъ 1000 р. въ ломбардъ, и теперь буду ожидать, гдѣ найду. Дѣти и Александрина въ Ивановскомъ блаженствуютъ; она пишетъ: „écrivez, arrivez et je n'arriverai pas,“—она возвратится не ранѣе конца сентября. Мы съ Иваномъ Христ. даже не говоримъ каждый о своей скукѣ, а видимо, что она ему не въ терпежъ. Въ этомъ отношеніи онъ весь въ M-me Hélène: она налегаетъ всею тяжестію своихъ чувствъ на сочувствіе своихъ окружающихъ; нѣтъ другой рѣчи, какъ о себѣ, и дорогое *я, мнѣ*, такъ полонитъ ея мысли, что и прочіе невластны располагать своими чувствами и рѣчами иначе, какъ ей въ унисонъ. Ты пишешь мнѣ о перемѣнѣ мнѣній на Золотоношскомъ горизонтѣ. Скажу: Lass die Todten ruhen! Das Grab ist tief und still, und schauderhaft sein Blick—лучше не говорить о томъ, что всегда волненіемъ, грозой отзывается въ душѣ моей. Изъ всѣхъ воспоминаній прошедшаго, которыя мой разсудокъ укрощаетъ, пріятенъ мнѣ лишь тотъ моментъ, когда, отвозя меня домой въ 1843-мъ году въ февралѣ, ты меня обнялъ, сказавъ: „Вы не повѣрите, какъ мнѣ жаль Васъ“. Съ тѣхъ поръ я вполнѣ убѣдилась, что правильно оцѣнила всю теплоту твоего сердца, и молю Бога, чтобы не нашла въ немъ охлажденія, пока еще живу. Итакъ выключимъ изъ круга нашихъ бесѣдъ все то, что тѣсно связано съ мало-

душными чувствами родныхъ рода и породы Золотоношской, развѣ что дѣла заставятъ насъ говорить о нихъ; тогда это будетъ другой вопросъ. Недостатокъ нѣжности въ маленькихъ дѣтяхъ происходитъ часто отъ недостатка *случая* развивать врожденное природное влеченіе дѣтей къ ласкѣ. Чтобы дѣти ласкали, надо ихъ ласкать; и ихъ сердца охладѣваютъ отъ недостатка пищи. Естественнымъ развитіемъ чувствъ и мыслей недовольно дорожатъ въ наше время и слишкомъ торопятся замѣнить его искусственными средствами.

Я уже теперь радуюсь знакомству съ твоимъ отцемъ; я полагаю, что исключу его изъ моей Золотоношской галлереи. Постараемся, чтобы Петербургъ ему понравился; тогда улучшится и твое финансовое положеніе, а это для меня вопросъ не послѣдній. Въ квартирѣ моей предполагаются значительныя передѣлки, но по другому плану, чѣмъ мы задумали весною. Кухня будетъ внизу—столовая замѣнитъ мѣсто кухни; изъ заведенія будетъ 1-я комната пріемная, 2-я моя спальня; зала; Либуша; ея комнату займутъ Саша и Ева; за перегородкой горничныя; а возлѣ прихожей Иванъ Ивановичъ, пока не окажется, куда его въ школу. Я ѣздила въ Петергофъ по случаю имянинъ Цесаревны, отвозила ей подарокъ и удостоилась *лестнаго* отзыва. Я запросто люблю Цесаревну и меня радуетъ ея благосклонный обо мнѣ отзывъ. Но изъ Высочайшаго двора никого не имѣла счастія видѣть.

Дѣло моей инструкціи еще не рѣшено, но мой планъ дѣйствія не измѣняется. Я вѣрю въ призваніе, и если, по волѣ Божіей, *на своемъ мѣстѣ*, я удержусь; если нѣтъ,—паду. Время свое скажетъ, а для утѣшенія въ паденіи есть книга Премудростей Соломоновыхъ. Имѣла случай познакомиться съ Турчаниновымъ, нашла дѣльнаго человѣка и ожидаю его къ себѣ въ четвергъ въ 7 часовъ. Пиши мнѣ, душа моя, хоть разъ въ 2 недѣли, но давай знать, что дѣлаешь и чего не дѣлаешь, и зѣвота твоя меня займетъ. Я на дачу не поѣхала, денегъ не получила и сижу въ одной единой комнатѣ:-замышляю ѣхать въ Москву, но не знаю еще, какъ быть. Дорога готова; ѣзды 18-ть часовъ; *видѣла* пріѣзжаго, который утромъ былъ въ Москвѣ, а ночью сталъ въ Петербургѣ. При этихъ условіяхъ буду домагаться близости Тулы, а Петербургъ вѣрно лишится многихъ жителей. Толкуютъ разные анекдоты насчетъ графа К. М., но зависть, быть можетъ или должно быть, многое преувеличиваетъ, а въ особенности зло придумана исторія объ убійствѣ рукою Г. одного бѣднаго почтоваго смотрителя за Москвою. Ожиданіе княжескаго достоинства порождаетъ сильную интригу и злоумышленность противъ царскаго любимца. Что должно быть, то и будетъ, ни на волосъ ни менѣе, ни болѣе, а все суета суетъ;—только вѣрно, что я тебя люблю всѣмъ

сердцемъ, какъ родного сына, а не условнаго племянника. А Максимовичи всё еще маневрируютъ. Петръ назначенъ къ Данзасу. Да поможетъ тебѣ Господь въ твоихъ дѣлахъ!

6.

21 сентября 1851 г.

Вотъ послѣднее письмо Бишки, послѣ котораго уже ни слова не было, и вотъ причина разстройства духа, отъ котораго и тебѣ писать нѣтъ охоты, или, лучше сказать, силъ. Сенаторъ Капгеръ справлялся въ домѣ Спасскихъ, и тамъ говорятъ, что послѣднія извѣстія хороши, но трудно предположить, чтобы Либуша безъ уважительной причины оставила свою мать въ тревожномъ состояніи; а скорѣе надо думать, что Спасская изъ предосторожности, чтобы до меня слухи не дошли, не описываетъ настоящаго положенія у нихъ дѣлъ. Еще двѣ недѣли тоски. Спасская вѣрно будетъ въ назначенный ею срокъ и тогда увидимъ, что Господь намъ сулилъ, а пока будемъ укрѣплять себя надеждой.

Другія дѣтки еще также въ деревнѣ и не спѣшатъ домой, потому что имъ и тамъ хорошо. Александрина [1]) съ совершеннымъ равнодушіемъ приняла извѣстіе о возвышеніи ея мужа въ сановники. У Миши въ головѣ и сердцѣ лишь онъ самъ, а какъ малѣйшія даже его движенія—отпечатокъ его внутренняго, равно внѣшняго сходства съ его отцомъ, то и не предвижу я въ этомъ красавцѣ чувствъ и дѣлъ, обогащающихъ домашнее счастіе. Наврядъ-ли онъ найдетъ удовольствіе жить съ нами зимою, а вѣроятнѣе будетъ искать сочувствія въ чужихъ. Отъ меня не доживетъ до упрека, но и не заговоритъ моихъ убѣжденій нѣкоторыми пошлыми увѣреньями. Чужіе его всегда будутъ любить; близкихъ друзей у него будетъ столько же, сколько у Петра Михайловича. Меня радуетъ, что ты въ Херсонѣ скучаешь; быть можетъ, это ускоритъ ваше возвращеніе и тѣмъ обогатится моя душевная жизнь. Ты пожалуйста опять въ нѣмецкую колонію не забирайся, а пріютись гдѣ-нибудь поближе ко мнѣ, à moins que сердечныя причины тебя за Неву влекутъ. Евинька Максимовичъ налицо. Пріятная у нея наружность, и я расположена заниматься этою маленькою цыганочкою. Отецъ говоритъ, что имѣетъ въ виду жениха для старшей дочери,

---

[1]) *Капгеръ.*

что меня успокаиваетъ насчетъ ея судьбы. Я всегда Александрину Максимовичъ любила за ея прямодушіе и потому принимаю искреннее родственное участіе въ ея дѣтяхъ. Въ моей жизни нѣтъ и есть измѣненія; день слѣдуетъ за днемъ въ прежнемъ порядкѣ, но довѣріе идетъ все болѣе и болѣе мнѣ навстрѣчу, и это мнѣ окрыляетъ мою дѣятельность. Даже инспекторъ начинаетъ улыбаться съ меньшимъ макіавелизмомъ. Увидимъ. Благо, что Ивановское за мною; иначе я не дѣйствовала бы такъ самостоятельно и независимо отъ внѣшнихъ обстоятельствъ. Но бока все болѣе и болѣе болятъ и вынуждаютъ къ осторожности; иной день, какъ теперь, сижу дома, выжидаю облегченія боли, чтобы вновь хлопотать. Семеновскіе все еще въ деревнѣ. Слышу отъ Максимовича, что старуха Дараганъ [1]) очень больна. Послѣ нея буду я на очереди старухъ, и въ силу этого права обнимаю и благословляю тебя съ любовью друга и матери. До свиданья! Какъ скоро отъ Бишки будутъ извѣстія или ее самоё увижу, ни дня не оставлю тебя безъ письма.

7.

25 января 1852 г.

Случай удостовѣрилъ меня еще болѣе въ искренности твоей ко мнѣ привязанности и я, чтобы тебя обнять и поблагодарить, встаю въ 5-ть часовъ и пишу къ тебѣ. Ты въ мой конвертъ вложилъ письмо къ Өедору Ивановичу. Братъ его Дмитрій обѣдалъ у меня, и Петръ Михайловичъ и всѣ дружески любопытствовали узнать, что ты дѣлаешь. Я распечатываю и вдругъ: Өедоръ Ивановичъ! Дмитрія эта случайность очень забавляла и, не читая далѣе, я передала письмо ему, но онъ настоялъ, что надо узнать твои секреты, прочелъ твое письмо въ слухъ, и вотъ какъ я узнала, что ты скучаешь, не получая долго отъ меня писемъ. J'ai une douleur à l'épine dorsale qui me gêne en écrivant, et de plus un mal de tête chronique qui ne céde à aucun remède; voilà les causes involontaires qui mettent les entraves, à notre correspondance, mais la douleur est plus forte que moi. Pierre nous a expliqué ce que sont les événements d'Odessa dont tu parles. Vraiment, il arrive qu'on souhaite de voir reussir un vol aux

---

[1]) Ева Яковлевна. См. Фам. Арх. т. II, стр. 297.

petits gens, tant les grands sont des voleurs impunis! Cette fois j'aurai voulu que cela ne fut pas parce que je me réjouissais bien sincèrement de l'approche de février qui devait te rendre à ma famille. Tu es le seul qui me manque pour que je ne veuille d'aucune autre société, et si crains une seule chose c'est que nous t'aimerons trop; en ceci mon expérience et ta prudence doivent se lier contre le naif entraînement de ta cousine qui sans se douter t'aime plus que tous ses autres cousins et cousines. Elle a fait une bonne fortune: le peintre Neff l'a pris en amitié, et s'est offert de la diriger; elle fréquente tous les jours son atelier et revient toujours ivre de joie en nous disant parfois très naïvement: „mais vraiment j'ai du talent!" et puis commence de parler projets d'artiste! Levis lui trouve autant de talents pour la musique, mais elle penche évidemment vers la peinture, et si on la laissait faire, elle mangerait des couleurs et dormirait sur une palette. Michel dépense en bal toute son intelligence et toutes ses facultés et ce jeune homme, si beau, si recherché, servira un jour de triste exemple de la puissance de la vanité sur la raison. Les deux suivantes Ève et Sacha sont de bonnes et dociles petites filles. M-r Jean est pétri d'esprit et paresseux comme un génie; pour le faire rentrer un peu dans la route commune j'ai imaginé de le faire courir à la Peter-Schule et aujourd'hui même je termine cette affaire importante qui doit donner une impulsion suivie aux occupations très irrégulières d'un homme de 10 ans. Voilà le cercle de mes préoccupations tracées; au delà rien ne m'attire, rien ne me préoccupe, et ainsi ce sera jusqu'au grand jour de mon départ pour Jérusalem et de ma reclusion à Ivanovsky. Autour de moi toujours le même ералашъ, ералашъ d'esprit, de coeur et d'habitudes; un vide dans les désirs, dans les actions, dans le but de l'existence. Faute de moyens on ne s'amuse pas dans notre cercle; et on n'en est que plus découragé car on s'amuse partout ailleurs. La vieille Hauer est à la veille de rendre sa fille Daragann héritière de sa jolie fortune; elle est paralysée du bras et du pied et ne sera qu'une moribonde le temps qu'elle vivra. On parle de l'arrivée de votre père; ne l'ayant jamais vu je ne suis pas la moins impatiente à désirer le voir, pourvu que son voyage ne le mette pas de mauvaise humeur, car un homme de cette trempe ne se met pas en route pour une Grisi ou un Mario; il doit y avoir une autre cause et je me la demande? Mon mari n'est présent que de sa personne chez nous pour quelques semaines, sa pensée, son être intellectuel s'est fixé à Toula. Il ne questionne sur rien avec l'intérêt qui provoque la confidence; il se contente de ce qu'il voit sans chercher a pénétrer dans le fond des choses. Mais là-dessus viendra le moment d'une causerie intime au fond d'une causeuse. Ma journée de malade se passe à demi couchée sur mon divan à veiller sur l'Institut par l'effet du magnétisme, car ma personne est l'objet le plus rare qu'on puisse maintenant voir à l'etablissement. Si je suis mieux, je Vous écrirai, si je continue à souffrir, Vous viendrez m'aider à souffrir moins; en attendant les honneurs de la *Начальница me* sont accordés, souvent je pense: „comme les titres qu'on re-

çoit avant de mourir". Ma position est bonne, mais elle me déplait. Vous ayant embrassé de tout mon coeur je Vous dis, mon ami chéri, au revoir!

La femme de Michel K.[1]) est un être maladif se dorlotant avec des maux de nerfs.

А. Д.

8.

30 іюля 1854 г.

Писать писала, но не въ Пирятинъ, а въ Золотоношу,—вотъ и отвѣтъ на обвиненіе моего противъ тебя молчанія. Отъ тебя только вчера, 29 іюля, получено 1-е письмо. Новостей никакихъ. Отъ Миши сегодня изъ Журжи письмо: здоровъ, на аванпостахъ. Изъ Ивановскаго все хорошія вѣсти. Я собираюсь туда 30-го и пробуду до 27-го; ты на обратномъ пути заѣзжай и вывози насъ оттуда. Les Medem доѣхали royalement до Ставрополя, женихъ выѣхалъ за 300 верстъ, вездѣ былъ приготовленъ обѣдъ и ночлегъ. Я пила Маріенбадскія воды, только что перестала; слабость въ глазахъ возвратилась и голова по-прежнему. Петръ Михайловичъ повсегдашнему скупится на бумагу и не пишетъ. Кукуленька и Жанокъ[2]) въ Смоленской губерніи у Ефимовичей. Извѣстіе о смерти Густава сильно растревожило Ивана Христіановича; но Густаву при его домашней обстановкѣ жить нельзя было. Не было надлежащаго ухода при лихорадочномъ напряженіи къ выздоровленію; ѣлъ, пилъ невпопадъ и тифусъ одолѣлъ. Тебѣ слѣдовало бы поспѣшать на счетъ вакансіи: здѣсь вѣрное упустишь, тамъ химеру наживешь. Не устроилъ тебя при камеръ-юнкерствѣ, не устроитъ никогда. *Ему*[3]) отъ меня поклонъ; мнѣ говорилъ, что дастъ широко жить а имени ради, слова не сдержалъ; другой разъ не повѣрю. До свиданья, мой прекрасный другъ! Съ Ершовымъ кончила и вексель получила. Отъ Энгельгарта ничего. Спасская уѣхала за границу и подала ко взысканію; нашелся добрый человѣкъ, далъ мнѣ 3 т. и я разсчиталась съ нею безъ хлопотъ. Вотъ все самое важное, касающееся до меня. Про политическія дѣла ты знаешь, что мой интересъ ограничивается здоровьемъ Миши.

А. Дараганъ.

---

[1]) Катерина Павловна Краснокутская. [2]) Александра Михайловна и Иванъ Христіановичъ Капгеры. [3]) Подразумѣвается Андрей Яковлевичъ.

9.

10 марта 1856 г.

Эта мысль—намъ общая; на ней въ душѣ моей основала я рѣшеніе, заданное мнѣ честью и совѣстью. Никому, даже тебѣ, не высказала я своихъ 5-ти лѣтнихъ страданій; горе мое затаивала отъ всѣхъ преждевременнымъ отхожденіемъ на сонъ грядущій. Быстро развившаяся сѣдина, фотографіи и кисть Нефа, изображающія во мнѣ усталость, тоску, грусть, - вотъ что обличало мои душевныя страданія. Прекратить безплодное стремленіе пришла пора тогда, - когда коварство и корысть соединили свои начала, чтобы противодѣйствовать правотѣ и прогрессу. Я не вступила въ борьбу на грязномъ поприщѣ интриги, я отступила, по внушенію голоса чести, живительно дѣйствующаго во мнѣ. Знаю, что правда начинаетъ пускать ростки, но таже хитрость можетъ вторично попрать истину, и въ душу мою врѣзалось глубоко, твердо—убѣжденіе моего безсилія противъ такихъ орудій. Осуществить мысль, чтобы употребить меня теоретически въ пользу дѣла общественнаго воспитанія,—требуетъ времени и глубокой разработки. Членомъ женскаго совѣта меня сдѣлать нельзя, потому что въ совѣтъ женщинъ не допускаютъ; иначе бы давно склонились на мою долголѣтнюю, неотступную просьбу—дать моимъ начертаніямъ гласность, средство, способъ къ обсужденію посредствомъ непристрастныхъ спеціалистовъ въ дѣлѣ воспитанія женскаго. Надо, чтобы начальствующіе прежде увѣровали въ трудность управленія столь многосложнымъ заведеніемъ, даже мѣстно неустроеннымъ; тогда они отступятся сами отъ своихъ предубѣжденій и согласятся, что мои требованія не имѣли и тѣни личныхъ видовъ, вольничества, самоуправства, а всѣ единодушно были направляемы къ общественной пользѣ, къ осуществленію высокой мысли Государя, Основателя Николаевскаго Института, сдѣлать Сиротскій институтъ разсадникомъ и орудіемъ добраго просвѣщенія для средняго сословія и небогатаго дворянства. Въ дѣлахъ такой важности надо умѣть подражать поборникамъ успѣха, просвѣщенія, и пострадать за истину, не давая себя поработить ни угрозой, ни страхомъ, ни лишеніями. Такіе вопросы, какіе возбудила я, наставленная опытностью и болѣе чѣмъ 30-ти лѣтнимъ влеченіемъ къ дѣлу воспитанія, такіе вопросы не остаются неразрѣшенными; а какъ, когда и кѣмъ они разрѣшатся—такія дѣла покончить предоставляетъ Промыслъ самъ себѣ; и я искать ничего не буду, потому что я не рождена для искательствъ; а во мнѣ есть сила труда, терпѣнія нравственнаго и выдержка въ трудныхъ житейскихъ обстоятельствахъ.

Благодарю за участіе; твоимъ дорожу. А. Дараганъ.

10.

Москва, 26 мая 1856 г.

Въ воскресеніе выѣхала, въ понедѣльникъ ночевала въ Ивановскомъ, во вторникъ выкладывалась, въ среду уложилась, въ четвергъ уѣхала, въ пятницу пріѣхала въ Москву. Сегодня уѣзжаю обратно и везу съ собою всю семью Мишеля [1]) и моихъ младшихъ. Надо было кое-что пояснить и, чтобы не вышло недоразумѣнія, воспользовалась чугункой. Наши дороги въ дикомъ состояніи: дожди до того разбороздили глину, что ѣдешь изъ ямы въ яму, а Софи не ѣзжалая боярыня. Въ Валдайкѣ ямщикъ новый мой тарантасъ разбилъ въ дребезги; остались невредимы колеса и ось, прочее все за-ново дѣлать приходится; предложить такой экипажъ семьѣ Мишеля я не рѣшалась, а онъ рѣшилъ „ѣхать" и мы ѣдемъ à la merci du vent, de la pluie et de la boue. Я теперь себя охранила, какъ Пиладъ, а своимъ знаніемъ мѣстности надѣюсь быть въ дорогѣ небезполезною своимъ гостямъ. Евиньку нашла похудѣвшей и она меня очень озабочиваетъ. Миша пріѣзжаетъ въ концѣ іюня. Пьеръ и Мишель также въ концѣ іюня. Къ 5-му іюля [2]) вся Дараганщина будетъ въ сборѣ, не порть семейнаго праздника и будь среди насъ, которымъ ты и близокъ и дорогъ.

Наши собираются и грузятъ домъ съ непривычки къ сельской жизни. У меня въ деревнѣ все въ разстройствѣ; въ лѣто не поправить, что заглохло въ 5 лѣтъ. Лучшаго не выдумать, какъ жить своимъ для себя, а правительство и безъ насъ устроитъ свои дѣла. Не огорчай отказомъ и обрадуй своимъ пріѣздомъ твоихъ родныхъ и друзей. Колю забери; ему деревня по сердцу. Итакъ до свиданія, другъ Володя!

А. Дараганъ.

Уѣзжаемъ черезъ часъ.

---

[1]) Михаила Михайл[illegible]овны.

чувствіе желанію Миши соскоблить съ себя мишуру военной ливреи и облачиться въ хитонъ труженическій. Но Миша не изъ тѣхъ, которые, начертавъ себѣ планъ, идутъ, какъ выражается Шиллеръ въ своемъ Pilgrim:

Ueber Schlünde baut'ich Stege,
Brücken durch den wilden Fluss. (à peu près).

Ему нуженъ костыль дружбы для первыхъ шаговъ, и ты, Володя, удѣли отъ полноты твоей теперешней жизни и потолкуй съ Мишей о томъ: что? и какъ? И когда все будетъ надлежащимъ образомъ обсуждено, извѣсти меня, насколько и въ чемъ нужно будетъ мое содѣйствіе для упроченія его предположеній. Внѣшняя наша жизнь не во власти нашей, но жизнь убѣжденій человѣкъ носитъ въ себѣ и съ собою и въ счастіи и въ горѣ, и зная твои многолѣтнія воззрѣнія на отношенія общественныя, которыя отъ „женитьбы" перемѣниться не могутъ, потому что не имѣютъ ничего общаго съ женитьбой, я смѣло обращаюсь къ тебѣ, какъ къ человѣку той школы, тѣхъ идей, къ которымъ мой Миша хочетъ пристать.

Уступая необходимости оставить Еву еще на нѣсколько недѣль подъ наблюденіемъ Бѣляева, я 24-го выѣзжаю изъ Ивановскаго, и буду между Тулой и моей деревней, отлежащей отъ желѣзной дороги на 24 часа переѣзда, ждать случая знакомства съ твоей женой, которую поцѣлуй отъ меня за ея приписочку и за то, что полюбила своихъ кузинъ, къ счастію ихъ, любимыхъ всѣмъ своимъ родственнымъ, обширнымъ кружкомъ. Когда поживешь въ свою очередь „одинъ" въ своей деревнѣ, тогда безъ дальнѣйшихъ выводовъ найдешь ключъ къ предложенной тобою мнѣ загадкѣ: „не ужъ-то Вы не скучаете однѣ?" Въ кругу безплодныхъ моихъ институтскихъ занятій я весьма часто гораздо ближе была къ скукѣ, чѣмъ здѣсь, гдѣ въ окружности 12 верстъ нѣтъ души живой. Извѣстіе, что Ваня поселился у Пельница, тоже пришлось мнѣ по нутру, и вознагражденіе матерьяльное, которымъ это распоряженіе обязываетъ меня относительно Пельница, маловажно къ сравненіи съ нравственной выгодой, истекающей для Вани изъ сближенія съ хорошимъ человѣкомъ. Чтобы поблагодарить Пельница, мнѣ нужны его адресъ, имя, отчество, и ты потрудись эти свѣдѣнія доставить мнѣ въ Тулу. Касательно твоего предположенія „жить открыто" у себя и „закрыто" для выѣздовъ, мнѣ кажется, что время должно само собою пояснить несообразность подобнаго барскаго предположенія, и сколько я въ этихъ законахъ общественныхъ смыслю, то мнѣ сдается, что однѣ Императрицы, счастливицы, не обязаны игомъ платежа и податей визитовъ. При томъ въ этихъ скучныхъ переѣздахъ по однимъ и тѣмъ же

улицамъ все же есть элементъ общенія идей, и съ этой точки зрѣнія для ума своя небезъинтересная сторона. Требовать къ себѣ вниманія, не одолжаясь вниманіемъ ни кому, есть признакъ удовлетвореннаго желанія и достигнутой цѣли; но какъ движеніе есть законъ природы, то безнаказанно ему противиться нельзя, и въ продолжительномъ отчужденіи отъ общепринятыхъ условій общественныхъ отношеній кроется зародышъ внутренней скуки, что̀ язвительнѣе всего разстраиваетъ счастіе домашнее. Это мой взглядъ на предложенную аксіому „принимать, а не выѣзжать". За уцѣлѣвшую любовь къ сестрамъ благодарю, какъ всегда цѣнила „шестилѣтнее твое вниманіе", которое ты почелъ нужнымъ мнѣ припомнить, какъ будто у меня память сердца коротка. Но влюбленные отъ пьяныхъ разнятся лишь тѣмъ, что одни упиваются крѣпкимъ виномъ, а другіе—подслащеннымъ. Если въ Сборникѣ будутъ статьи *по мнѣ*, то продолжай доставлять его мнѣ. Замѣчательно быстра перемѣна *слога и словъ* въ журналистикѣ. Но гдѣ основаніе всѣмъ этимъ льготамъ? Поживемъ—увидимъ. Прощайте, дѣти!

Варенькина тетушка и Володинъ другъ

А. Дараганъ.

13.

12 февраля 1857 г.

Еще не распечатавши пакета, говорю: „отъ Володи статейка." Вотъ, дружокъ, прямыя наши, прочныя обоюдныя отношенія. Что ни случись, насъ будетъ связывать интересъ человѣческій, а не частный. Хотя сама въ лѣсъ гляжу, но не согласна ни съ твоимъ, ни съ предположеніемъ брата Дарагана—переселяться *во-свояси*. Еще для брата есть въ деревнѣ положительный интересъ: онъ и тамъ будетъ добывать копѣйку, какъ добывалъ ее вездѣ, гдѣ ни жилъ. Это добываніе,—цѣль и пружина его дѣятельности. Но ты—другое дѣло. Ты свойства характера мягкаго, ты увлечешься легко чужими вліяніями, и твоей женѣ достаточно поплакать три часа, чтобы тебя увлечь за тридевять земель отъ людей, не только отъ Петербурга. Отъ всей [illegible]ти, какъ для родного сына, желаю, чтобы твои п[illegible]
чивы. Не знаю, какъ и что водитс[illegible]
шемъ городѣ всего вдоволь, кромѣ [illegible]
всѣ почти замѣчательные журна[illegible]

Тургеневъ, Толстой, Григоровичъ, Хомяковъ, кн. Долгорукій, Анна Зонтагъ, и многіе другіе, имена которыхъ мнѣ не приходятъ на память. Быть можетъ, въ Харьковѣ, въ Кіевѣ иначе, но въ Тулѣ не видать движенія умовъ. Послѣдствіемъ присланнаго мнѣ объявленія „Русскаго Педагогическаго Вѣстника" было письмо отъ меня къ редактору Вышнеградскому, котораго я всегда уважала, сознавая въ немъ большія педагогическія способности, съ которымъ всегда симпатизировала, и отъ журнала котораго ожидаю много дѣльнаго. И потому, дружокъ, подпишись для меня и перешли въ Тулу, откуда въ свое время пересылаться будетъ въ Ивановское. Туда стремлюсь я всѣми мыслями и всею моею дѣятельностью. Представительность мнѣ не по душѣ, а здѣсь кромѣ служебныхъ отношеній и гнуснѣйшаго театра ничего нѣтъ, что̀ бы могло утѣшать сердце и ободрять духъ. Проѣздомъ, уговори твоего зайчика заѣхать съ тобой въ Ивановское. Пусть взглянетъ на сѣверную природу, авось слюбится. Насъ здѣсь потѣшаютъ, какъ умѣютъ, намъ приходится быть внимательными за вниманіе, но кого не потѣшалъ Дворъ, того не потѣшатъ и дворяне. Кажется, что старость беретъ свое, не смотря на бодрость тѣлесную. Меня ничто болѣе не потѣшаетъ, и все представляется въ самомъ мелочномъ видѣ; и наша, тебя увлекающая, литература меня не чаруетъ, а вертится по моему она въ весьма тѣсномъ, подражательномъ кружкѣ. Саша выболѣла и теперь поправляется. Ева здорова. Лиза изрѣдка рисуетъ, мало говоритъ, а еще меньше улыбается. Пьеръ живетъ своею привычною отдѣльною жизнью. Болѣе сказать нечего. Довольно занимательная здѣсь личность полков. Зеленый, изъ моряковъ, на 4-мъ бастіонѣ простоявшій 11 мѣсяцевъ, командуя Тобольцами. Полкъ его носитъ тотъ же благородный отпечатокъ, какъ и онъ самъ. Человѣкъ 42-хъ лѣтъ, положительный идеями, сердцемъ таинственный, для дамскихъ разсчетовъ неуловимый, и отъ того всѣми здѣсь поставленный на ходули. Идетъ въ чистую и переходитъ въ Парижъ. Другая забавная личность „Ревизоръ" изъ М. В. Д. какой-то Тобаровскій, тотъ самый, что уцѣлѣлъ изъ коммиссіи гр. Віельгорскаго въ Севастополѣ. Что эти люди говорятъ, то не слыхать ушамъ Царскимъ!.. Каждую среду въ клубѣ танцуютъ, и высшимъ мѣстнымъ обществомъ наложено запрещеніе на наряды дамскіе. Являются въ домашнихъ платьяхъ и этимъ общество многочисленнѣе съ каждымъ разомъ. Когда нибудь перешлю тебѣ статейку о Тулѣ для П. Вѣдомостей. А пока прощай, будь здоровъ и Варенькѣ мой привѣтъ.

А. Дараганъ.

Изъ нѣмецкихъ началъ выработана статья, вновь мнѣ тобою доставленная, но все въ ней высказано благородно, твердо, самостоятельно.

Мало кто пойметъ эту сжатую рѣчь, но для понимающихъ въ ней кроется много вѣрно изслѣдованнаго. Это не школьная выходка à la Разинъ. Здѣсь одинъ учитель гимназіи, однокашникъ школьный Р., совершенно остервѣнѣлъ при чтеніи этихъ нападеній на учителей и мнѣ сообщилъ свое возраженіе, въ которомъ болѣе проявленія желчи, чѣмъ мысли. Но въ теперешній періодъ свободы изложенія найдутся приверженцы и этому возраженію. Одно въ этомъ проявленіи дѣльно: чувство затронутой чести сословія. И то хорошо.

14.

14 марта 1857 г.

Не спѣши, Володя, переселяться во-свояси. Тебѣ не свыкнуться съ жизнью безъ жизни, а женѣ твоей не вѣкъ пріучаться къ новой обстановкѣ жизни. При помощи твоей тещи, Варенька скорѣе свыкнется съ новымъ своимъ положеніемъ, а послѣ родовъ слѣдовъ не останется отъ теперешнихъ недуговъ. Полагать ихъ климатическими неумѣстно; бываютъ женщины, всегда чувствующія себя больными въ беременности. Обожди важное обстоятельство родовъ, гдѣ всякая медицинская помощь можетъ потребоваться, и потомъ уже, когда жена вступитъ во 2-ю фазу супружеской жизни, вопросъ о переселеніи получитъ свое настоящее значеніе. Теперь эта поспѣшность можетъ лишь разстроить твое выгодное служебное положеніе. Скоро вашъ родственный кругъ расширится переѣздомъ на службу Михаила Михайловича и общество Софи многимъ порадуетъ Вареньку. На все, тобою изложенное „о семейныхъ началахъ воспитанія“, я только относительно согласна, а въ общемъ примѣненіи эта теорія такъ же неправильна и неосновательна, какъ и отжившая „правительственныхъ воспитательныхъ заведеній“. Общаго приложенія ни въ какомъ дѣлѣ быть не можетъ, а въ дѣлѣ воспитанія и того менѣе. Какъ прежняя система, такъ и теперешняя, не минуютъ злоупотребленій и доказательствомъ тому можетъ послужить случай: получающему жалованье адмиралу выдали на воспитаніе 10-ти дѣтей, по разряду возрастовъ, около 3-хъ тысячъ. Вотъ основаніе будущаго семейнаго воспитанія, и гдѣ отъ казны не будетъ вспомоществованія, тамъ и не будетъ семейнаго образованія. Платежъ — подрядъ за образованіе своихъ дѣтей?! Гдѣ мѣсто чувству врожденному, человѣческому? Не хорошо и это. О своихъ и себѣ сказывать нечего. Живемъ, или вѣрнѣе живы. Весьма любопытна относительно появленія Педагогическаго Вѣстника; но сотрудники—

люди устарѣлые. Продолжай сообщать о себѣ и о современныхъ интересахъ, за сочувствіемъ дѣло не станетъ.

Тебя любящая А. Дараганъ.

Твоей семьѣ мой родственный привѣтъ. Узнай отъ Пельница, получилъ ли онъ чрезъ Ваню 25 р. для его чаю.

15.

Тула, 25 апрѣля 1857 г.

Добрый Владиміръ Андреевичъ!

Сбылась и судьба Лизы, твоей любимой кузины Бильки, Бишки, Либуши. Вся Малороссія, полъ Москвы и четверть Петербурга были уже извѣщены о твоей помолвкѣ съ Варенькой, когда вѣсть о томъ дошла до меня въ Ивановское, чрезъ твое опоздалое письмо. Въ рѣшительный часъ судьбы Либуши мысль о тебѣ стояла неразлучно съ мыслью о будущности нашей общей любимицы. Мое первое слово, родственное и душевное къ жениху Лизы, Веревкину, было: „Вы не можете мнѣ не быть по душѣ, Ваше имя „Владимира Николаевича" для меня знаменательно." Богатство вотчины Веревкина заключается въ его любви къ Либушѣ. Онъ имѣлъ на предметѣ, въ окрестностяхъ Тулы, невѣсту съ 1000 душами незаложеннаго имѣнія; вся Тула, или, лучше сказать, всѣ тульскія маменьки отреклись любезничать съ полковымъ командиромъ, зная его намѣренія, и сдѣланныя ему стороною предложенія. Знакомство съ Лизой, общая о ней выгодная молва—измѣнили его виды; сердце, увлеченіе пересилило всѣ доводы и разсчеты разсудка, и сердце взяло верхъ надъ умомъ. Я съ довѣріемъ въ благородство души, въ силу воли и теплоту сердца положила свою руку на моихъ дѣтей, преклонившихъ колѣна предъ благословлявшими ихъ родителями. Чувство религіозности не вызвано минутно обстоятельствами внаружу въ сердцѣ Владимира Николаевича; онъ, кажется, съ дѣтства направленъ къ убѣжденію всякое дѣло начинать молитвою. Наружно онъ не дуренъ и не красавецъ. Не молодъ и не старъ. 36-ти лѣтъ. Ума практическаго; сердца горячаго; душа съ увлеченіемъ. Любимъ сослуживцами. Лично извѣстной храбрости и носитъ на себѣ отпечатокъ человѣка, бывшаго въ кровавомъ бою Севастополя. Вотъ поруки счастія нашей Бильки, насколько вѣроятности *могутъ обезпечивать* судьбу человѣческую. Веревкина я обняла горячо,

когда онъ просилъ меня вѣнчать его въ Ивановскомъ, 2-го сентября и согласился безъ запинки ѣхать изъ-подъ вѣнца съ Либушей въ той заслуженной каретѣ, въ которой ѣхали ея мать и отецъ, и въ которой въ 1848-мъ году я перевезла умирающаго Петра Михайловича въ благословенный, цѣлительный уголокъ Ивановскаго. Отсутствіе внѣшнихъ потребностей тщеславной жизни меня успокаиваетъ также немало насчетъ мнѣ мало знакомаго жениха Лизы; но я знаю, что бѣдность въ супружествѣ взвѣшивается не грошами, а чувствами и *единомысліемъ*. Образованіемъ Веревкинъ пара Либушѣ. Молилась я Богу въ горькіе часы тяжкихъ и неожиданныхъ испытаній моей жизни, молюсь и теперь въ часъ радости, въ надеждѣ и твердой вѣрѣ въ Его Промыслъ. Прощай, Володя, желаю и тебѣ прочнаго, продолжительнаго супружескаго счастья.

Твой другъ и родственница

А. Дараганъ.

16.

25 іюля 1857 г.

Сегодня день моей родственной переписки, передъ обратнымъ моимъ возвращеніемъ въ Ивановское изъ Петербурга, куда вызвали меня дѣла будущности Либуши. Мнѣ отрадно переслать тебѣ, Володя, письма выписки Веревкина къ Либушѣ по поводу свадебныхъ издержекъ. Счастлива я, что осуществляется мое желаніе имѣть въ зятѣ человѣка безкорыстнаго, прямодушнаго и исполненнаго христіанскаго благочестія. Съ этими данными я твердо уповаю на семейное счастье нашей съ тобой любимицы. Лиза все болѣе и болѣе привязывается къ доброму Веревкину и пишетъ мнѣ, что скучаетъ его продолжительнымъ отсутствіемъ, которое должно кончиться къ 6 августа. Александрина съ дѣтьми и мужемъ уже въ Ивановскомъ; прочіе съѣдутся къ 15-му. Какъ мнѣ не жалѣть, что тебя нѣтъ и не будетъ, и быть можетъ, болѣе никогда! Легко сказывается, но тяжело чувство разлуки съ человѣкомъ, который составлялъ неотъемлемую частичку семейства и слился въ одно чувство съ дѣтьми въ душѣ моей. Напиши, Володя, какъ живется? Что служба? Все-ли по твоему ожиданію сложилось? Что Варенька? Ея здоровье? Ея душевное расположеніе? Развивается ли въ ней угнетенная было дѣятельность, веселѣе ли ей тамъ, чѣмъ было здѣсь? Это все жизненные вопросы для твоего счастья и спокойствія, и потому не могутъ не занимать

меня глубоко. Улучи время отъ службы и дома и не оставь безъ отвѣта кличъ и запросъ стараго и преданнаго тебѣ друга

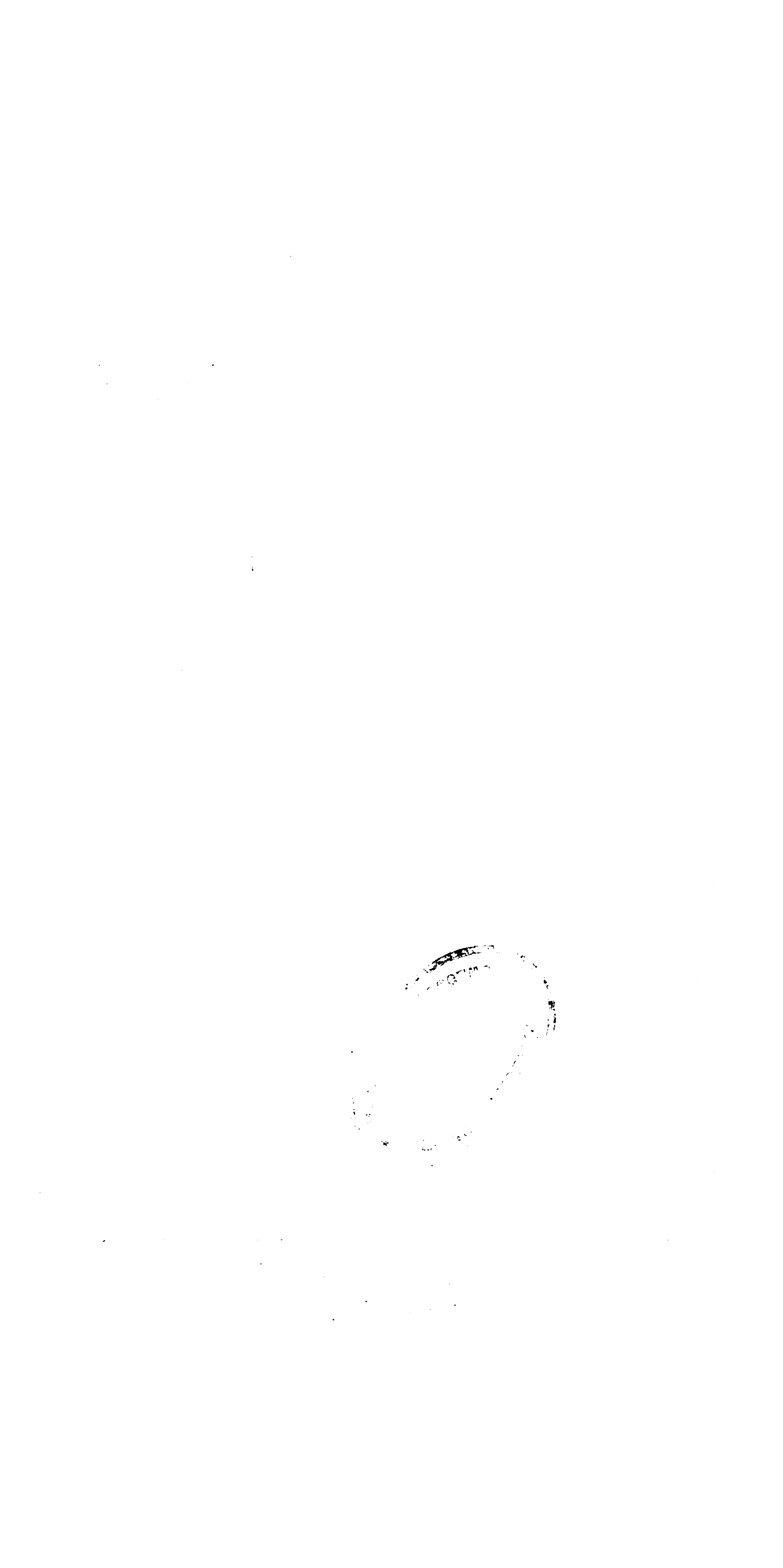
А. Дараганъ.

M-elle Нивисъ уѣзжаетъ на 2 мѣсяца за границу на счетъ одной пріятельницы изъ классныхъ дамъ, которой выпала доля выйти замужъ за человѣка съ доходомъ въ 40 т. р.

17.

14 сентября 1857 г.

Совершилось 2 го сентября 1857-года, и совершилось вовсемъсогласно желанію и чувствамъ нашей Либуши. Собрались родные и друзья, изъ близкихъ и дальнихъ странъ, и кто какъ понималъ любовь и преданность, тотъ такъ ихъ и выразилъ: кто дѣломъ, кто словомъ. Съѣхались: братья Владимира Николаевича, одинъ съ Кавказа, другой изъ Москвы, его же двоюродные, они же и приглашенные въ шафера, Третьяковъ, полковникъ, изъ Харькова, Яхонтовъ изъ Пскова. Общій, жениха и невѣсты, другъ и поклонникъ, А. А. Зеленый, едва возставшій отъ тяжкой болѣзни, по службѣ прикованный временно къ Петербургу, оторвался отъ государственныхъ дѣлъ, отклонился отъ Высочайшаго доклада, по должности товарища министра госуд. имуществъ, и вмѣстѣ съ прочими довершилъ нашъ семейно-дружно-родственный кругъ. Марья Михайловна, Мери, оба сына: Мишель и Коля, направили свой путь изъ Пскова на Новгородъ, а оттуда до ст. Волховской, а тамъ обычнымъ путемъ до Валдайки и къ намъ. Oncle Jean, съ добрѣйшей Кукуленькой, съ дѣтьми, чадами и домочадцами, всѣ единодушно поднялись съ своего гнѣзда и переселились въ наши края ради великаго дня 2 го сентября. Вслѣдъ за семействомъ Капгера, подъѣхалъ Пьеръ изъ Тулы, а 31 августа, увидѣвъ подъѣзжающую на дворъ коляску, всѣ мы выбѣжали встрѣчать новыхъ гостей и нашему общему изумленному взгляду предстала Елена Михайловна, бросившая Парижъ, его очарованія, царскія и королевскія приглашенія, ради одного дня многозначительнаго въ судьбѣ любимой племянницы. Не успѣли мы оправиться отъ такой неожиданной радости, кое-какъ высказать нашу благодарность за такую родственную любовь, какъ наше удивленіе и радость увеличились пріѣздомъ Екатерины Михайловны, едва и непрочно оправившейся отъ долговременной, изнурительной нервной болѣзни. Были на-лицо: 4 пред-



Дмитрій Ивановичъ
Дараганъ.

ставителя дома Веревкиныхъ, 4 представительницы родового дома Балугьянскихъ; кромѣ отца, не было ни души изъ дома Дарагановъ, но явился Дмитрій Ивановичъ и изгладилъ своимъ радушнымъ словомъ грустное впечатлѣніе отсутствія любимѣйшаго изъ племянниковъ, усыновленнаго долголѣтнимъ пребываніемъ въ средѣ семьи моей; какъ ни избранъ, ни многочисленъ былъ кругъ родственниковъ, собравшихся принести свою долю молитвъ, благословеній и добрыхъ желаній въ напутствіе будущности Либуши, остались незамѣненными и пустыми мѣста, принадлежавшія по праву чувствъ тебѣ и Нефу. Ваше обоюдное отсутствіе, васъ обоихъ, ближайшихъ друзей всей дѣвичьей жизни Либуши, какъ бы свидѣтельствовало неизмѣнную истину вѣкового изрѣченія: „il n'y a de sûr que les liens de famille établies par la main de la Providence pour la consolation et le soutient dans les épreuves, aux quelles aucun être humain ne sourait se soustraire.“ Приготовилась Либуша къ грядущей жизни принятіемъ Св. Таинъ за недѣлю до 2-го сентября. Въ воскресенье 1-го сентября въ сопровожденіи всей поименованной семьи отслушали мы обѣдню въ той церкви, гдѣ за годъ до того ты слушалъ молебенъ 5-го іюля, въ честь и здравіе самой любимой изъ твоихъ кузинъ. День 2-го сентября былъ дождливый, облачный, сырой. Не менѣе того, изъ всѣхъ окрестностей собрался народъ помолиться за Елис. Петр. и поглазѣть на господъ. Благодаря обязательному вниманію Дмитрія Ивановича, 16-ть человѣкъ полковыхъ гвардейскихъ пѣвчихъ стройнымъ хоромъ встрѣтили невѣсту, грядущую въ храмъ Божій. Единодушныя горячія молитвы одной семьи возносились къ Богу во время служенія церковнаго. Усердіемъ брата и дружка Мих. Петр. вся церковь была убрана цвѣтами и вѣнчаніе совершалось въ кругу вѣнка далій, послѣднихъ осеннихъ цвѣтовъ. На томъ же коврѣ, на которомъ 25-ть лѣтъ передъ тѣмъ родители Либуши посвятили себя трудамъ супружеской жизни, на коврѣ работы Елисаветы Яковлевны и бабушки Дараганъ, стояла Либуша на колѣняхъ и молилась такъ тихо, что одни Ангелы могли вникнуть въ эту молитву и вознести ее къ Промыслителю всѣхъ живущихъ. У паперти церкви приняла молодыхъ та же карета, въ которой, изъ церкви на Литейную, въ родительскій домъ, пріѣзжали и мы 2-го сентября за родительскимъ благословеніемъ. Удержанная домашними обстоятельствами въ Петербургѣ, сестра моя, Лиза Столпакова, замѣнила себя присылкою образа, и этимъ многозначительнымъ даромъ бывшей моей старшей дочери, какъ ты по сердцу былъ мнѣ всегда старшимъ сыномъ, благословили мы заочно вторую мою Лизу, при возвращеніи ея изъ-подъ вѣнца. Тихо начались обычныя поздравленія, развиваясь все громче и громче, по мѣрѣ того, какъ душа утихала отъ восторженнаго духовнаго настроенія молитвою и слезами во время совершенія многозначительнаго церковнаго обряда брако-

сочетанія. Стряхнула молодежь минутное увлеченіе въ духовный неисповѣдимый міръ, и предалась житейской радости, земному веселью. Начался пиръ по древнимъ обычаямъ русскихъ бояръ, въ простосердечіи и изобиліи жизни въ деревнѣ. Молодыхъ, за брачнымъ столомъ, окружали 32 человѣка своей семьи. Начался веселый говоръ, полилось шампанское, сперва тонкой струей, а тамъ и ключемъ. Привстали старшіе, поклонились отецъ, мать да старшіе въ родѣ молодой четѣ и безмолвно высказали имъ свои задушевныя желанія. Отблагодарили молодые отца и мать родную и другихъ родственниковъ. Право провозглашать тосты осталось за Дмитріемъ Ивановичемъ, и когда весь уставъ величанія былъ поочередно пройденъ, сказала я: „не всѣ любящіе Елисавету Петровну на лицо, провозгласите за здравіе отсутствующихъ нашихъ общихъ родныхъ и друзей".... и былъ ты, нашею любовью, среди этого семейнаго пира, и всѣ мы пожелали тебѣ много, много хорошаго, и не тебѣ одному, а всѣмъ тѣмъ, кому обстоятельства помѣшали быть въ этотъ день съ нами.

Прошли времена боярскихъ піитовъ, стихоплетовъ, иначе бы Ивановскій Гомеръ неминуемо воспѣлъ бы о томъ, какъ въ день свадьбы боярышни Елисаветы Петровны съ бояриномъ Владимиромъ Николаевичемъ медъ-пиво текло въ волю, и какъ бояре себя угощали и народъ не забывали; а въ доказательство довольства и щедротъ господскихъ помянулъ бы о томъ, что на семъ пиршествѣ изволили съизрасходовать: 6 кулей муки пшеничной, 3-хъ кормленныхъ быковъ въ 21 пудъ вѣсу, винъ заморскихъ дорогихъ 30 бутылокъ, да разныхъ сластей, плодовъ всѣхъ видовъ и сортовъ безъ счету, кромѣ 50-ти ф. конфектъ привозныхъ, которыми женихъ угощалъ подругъ невѣсты, а онѣ сердечныя тутъ же и утѣшались, и обливались слезами, прощаясь съ подруженькой . . . Вѣрно то, что въ Ивановскомъ очищены амбары, погреба, оранжереи, парники, кладовыя во славу и здравіе Елис. Петровны. Не въ ущербъ мнѣ, а въ радость угощала я 2-го сент. считанныхъ 200 человѣкъ, большихъ и малыхъ, богатыхъ и убогихъ, своихъ и чужихъ. Женихъ выкатилъ народу 4-е ведра водки, а мать поставила имъ на столъ быка, 5 барановъ, куль яблоковъ, да взяла на свои плечи, въ память дочери, подати всей вотчины! За то сколько добродушныхъ молитвъ вознеслось къ Подателю всѣхъ благъ за молодую чету, и сколько земныхъ, благодарственныхъ поклоновъ положено за князя и княгиню! Странно, что такое величаніе и въ обычаяхъ здѣшняго края. Къ концу нашего пиршества я вышла изъ-за стола и возвратилась въ русской одеждѣ, поднося всѣмъ гостямъ круговую чашу изъ стопы, доставшейся мнѣ отъ дѣдушки Дарагана. „Многолѣтіе" провожало этотъ заздравный кубокъ. Всѣ были счастливы, веселы, единодушная радость, безъ примѣси городского жеманства, соединяла всю

собранную семью новобрачныхъ. Незатѣйливый балъ закончила празднество. Въ 6-ть часовъ утра, вслѣдъ за молодыми, выѣхали и мои дорогіе гости. Потянулись экипажи одинъ за другимъ, и только продолжительный припѣвъ ямщиковъ: „ахъ, какъ нѣтъ у насъ такого молодца“, и далѣе „полтиною ворота онъ отворялъ“—напоминаетъ здѣшнему краю, что Владиміръ Николаевичъ увезъ отсюда Елисавету Петровну и что здѣсь болѣе нѣтъ кому утѣшать больныхъ, лѣчить хромыхъ, и мирить ссорящихся.... Теперь Лиза близъ Гатчины, въ Войсковицахъ у своей тещи, а я здѣсь въ Ивановскомъ одна съ младшими сестрами Либуши.

Извѣстіе о счастливомъ семейномъ твоемъ событіи, рожденіемъ тебѣ сына Андрюши, получили мы какъ разъ 1-го сентября вечеромъ. Что ты будешь столь же попечительный отецъ, какъ ты внимательный мужъ, почтительный сынъ и былъ теплымъ, преданнымъ другомъ и нѣжнымъ братомъ нареченнымъ твоимъ сестрамъ, въ этомъ, кто тебя знаетъ, всякій долженъ сознаться, но дай Богъ Варенькѣ, съ чувствомъ матери, развитія тѣхъ чувствъ и силъ нравственныхъ, которыя женщинѣ необходимы для исполненія ея многозначительныхъ жизненныхъ обязанностей. Надо полагать, что слишкомъ большая изнѣженность со стороны ея матери подавили въ Варенькѣ ту самонадѣянность и самостоятельность, которыхъ отсутствіе въ молодые годы очень мило, но съ годами дѣлается тягостнымъ для окружающихъ. На тебѣ лежитъ обязанность перевоспитать твою милую жену, и нѣтъ сомнѣнія, что при ея любви къ тебѣ, при ея умныхъ глазахъ, добротѣ и врожденной любезности, ты вполнѣ успѣешь. Тогда твое домашнее счастіе будетъ вполнѣ упрочено, и намъ, тебѣ безъ лести преданнымъ родственникамъ, нечего болѣе желать тебѣ. Природный умъ просвѣчиваетъ въ глазахъ Вареньки, но она на мои глаза кажется „запуганнымъ воробышкомъ“, который даже свободно дышать не смѣетъ при другихъ. Какая бы ни была причина этой нравственной трусости, слѣдуетъ ее изгладить, и поставить твою жену на свои ноги, придать ей надлежащую самоувѣренность и умѣрить ту застѣнчивость, которая дѣлаетъ ей тягостными всѣ общественныя сношенія. Жить въ тѣсной, узкой семейной средѣ мужчинѣ невозможно безъ утраты его умственной дѣятельности, а ты, полъ-жизни посвятившій развитію всѣхъ твоихъ способностей, не долженъ стеречь Харьковскую молодежь отъ разгульной жизни и шатанія по театрамъ и закулиснымъ оргіямъ. Твоихъ надеждъ придать твоей должности нравственное значеніе я, по собственному опыту, не раздѣляю. Если бы собрать въ одну цифру всю потраченную мною дѣятельность и безплодныя усилія на усовершенствованіе нравственнаго образованія бывшаго моего женскаго университета, тогда вышелъ бы итогъ, который, въ значеніи цифръ, равнялся бы огромному благопріобрѣтенному достоянію. Но при существующемъ, узаконенномъ порядкѣ дѣлъ, никакое частное вліяніе не можетъ поколебать об-

щественное укоренѣлое безнравствіе, и вѣроятно, уже это одно данное къ твоему университетскому поприщу приведетъ къ тому, что ты, по примѣру не одного Цинцината отправишься во-свояси „свеклу разводить“ и жечь леденцы изъ свекловичнаго сахару твоему Андрюшѣ. Горестны подобныя убѣжденія, но они плоды опытности. Смотри на пребываніе въ Харьковѣ не со стороны служебной дѣятельности, а домашнихъ выгодъ, и подчиняясь нелѣпымъ условіямъ твоей службы, займись основательно своими дѣлами, своею семьею, и своими интересами; тогда университетская среда достигнетъ для тебя желанной цѣли. Ты будешь окруженъ міромъ умственной дѣятельности, среди которой пробудится и любознательность твоей жены, и поймете тогда вы другъ друга вполнѣ и счастіе останется при васъ. Мнѣ старухѣ позволительно высказывать всѣ свои задушевныя мысли, а вамъ, дѣтямъ, не лишнее пользоваться уроками времени и не дуться на стариковъ за ихъ прямую рѣчь.

Твоего первороднаго и первозваннаго Андрея благословляю любовью бабушки. Быть можетъ, задумаю когда нибудь навѣстить тебя у тебя въ деревнѣ, а пока устраиваю свой уголъ на сѣверѣ, и все болѣе и болѣе нахожу въ немъ отрады и спокойствія. Домъ къ свадьбѣ принарядился и теперь въ немъ всѣмъ вамъ, женатымъ братьямъ и сестрамъ, довольно будетъ мѣста. Обнимаю Вареньку съ искреннею къ ней любовью, и прошу тебя отъ времени до времени извѣщать меня о твоемъ житьѣ бытьѣ, а я о своемъ не буду умалчивать. Писали мы, я и Лиза, къ тебѣ лѣтомъ, но ты не упоминаешь о полученіи. Скажу мимоходомъ и вскользь, что меня повсемѣстныя нововведенія и принципы вовсе не увлекаютъ, не убѣждаютъ и не утѣшаютъ.

Всегда и вездѣ тебя любящая

Анна Дараганъ.

18.

22 іюня 1858 г.

Безчисленное число разъ собиралась тебѣ написать, и останавливалась изъ за разныхъ житейскихъ хлопотъ; теперь должно быть опоздала новостью, что Саша выходитъ замужъ за Дмитрія Алексѣевича *Арбузова,* бывшаго командира стрѣлковъ Царской Фамиліи, и флигель-*адъютанта. Теперь* онъ стоитъ съ полкомъ своимъ, Тобольскимъ, въ Тулѣ.

Сватовство это длилось почти съ годъ, и пришло къ концу 28-го мая, день ихъ помолвки. Распространяться объ этомъ предметѣ нахожу лишнимъ. Сашѣ 20-ть лѣтъ и настала пора рѣчи Тани: „я, няня, не больна, а влюблена". Арбузовъ недуренъ собою, уменъ, опытенъ, положителенъ, ему 36 лѣтъ; имѣетъ состояніе и будущность служебную. Я теперь въ Петербургѣ для заготовленія неизбѣжнаго приданнаго—посильнаго. Другая моя забота—приданное ожидаемому внуку; благодаря Бога, Либуша здорова, бодра, и счастлива ожиданіемъ чувствъ матери. Зато Евинька насъ эту зиму сильно озабочивала своимъ здоровьемъ; кашель съ кровохарканьемъ въ послѣднее время дошелъ до тревожныхъ размѣровъ; лѣто она проводитъ у Либуши въ Веневѣ, гдѣ теперь и Саша, за моимъ отсутствіемъ, а на зиму, по окончаніи свадьбы Саши въ августѣ, и родовъ Либуши въ сентябрѣ, я уѣзжаю съ Евинькой на югъ Франціи, до совершеннаго возстановленія ея силъ и здоровья. Вотъ главнѣйшія мои событія семейныя со времени послѣдняго твоего письма; да и ты неправъ, что считаешься со мною письмами; у тебя были служебныя непріятности, а я только по наслышкѣ кой-что про нихъ знаю, да опытомъ научена не слишкомъ слухамъ вѣряться. Передай же мнѣ самъ сущность дѣла, и гдѣ и какъ ты теперь состоишь на службѣ? Отъ amico Нефа есть извѣстія: онъ выѣхалъ изъ Соренто и направляетъ свой путь обратно въ Пиру; Марлуци помолвлена за Гринвальда, молодого путешественника. Краснокутскіе уѣхали. Капгеры и Исакіевскій соборъ остаются неподвижно на своихъ мѣстахъ. Теперь у нихъ домашній человѣкъ Алекс. Алекс. Зеленой, товарищъ Министра Имуществъ. Хорошій и умный собесѣдникъ. Медемы на лѣто въ Курляндіи, а на зиму отецъ и сынъ баронъ за-границу, а дамы въ Тифлисъ къ губернаторшѣ. Нашъ Миша кончаетъ курсъ въ Академіи, а тамъ неизвѣстно куда; Ваня на будущее лѣто офицеромъ ѣдетъ также на Кавказъ. Вотъ все насчетъ нашихъ ближайшихъ здѣшнихъ. У Мери Сименсъ сынъ, и теперь дочь на радость ей родилась на дняхъ. Теперь, другъ Володя, отвѣтъ за тобою; ты не откладывай, не считайся со мною полу-слѣпою старухою, а пиши по мѣрѣ желанія и памяти о мнѣ. О твоихъ увѣдомь меня подробно; все тебѣ дорогое мнѣ близко и я отъ души и чистаго сердца желаю тебѣ семейнаго счастія и служебнаго успѣха. Прощай, будь здоровъ и не забывай меня, твоего стараго друга.

Анна Дараганъ.

19.

Конца 1858 г.

Представляется случай поздравить тебя съ сыномъ Либуши, мною нареченнымъ Николаемъ; Либа сама кормитъ, хотя и не безъ утомленія и истощенія силъ. Случай — нашъ тульскій домашній знакомый, Василій Николаевичъ Бестужевъ-Рюминъ, артиллеристъ, служитъ чѣмъ-то на заводѣ Тульскомъ. Умный, а еще болѣе любознательный молодой человѣкъ лѣтъ 22-хъ, къ сожалѣнію наружностью не соотвѣтствующій пріятной своей умственной личности; мой ежедневный шахматникъ, изобрѣтатель карточной игры по фамиліи Безикъ, услаждающій вечерній досугъ Начальника Губерніи. Вы сойдетесь, потому что оба вы изъ породы человѣковъ, а не двуногихъ животныхъ. О всѣхъ и вся тульскихъ дастъ онъ тебѣ удовлетворительный отвѣтъ, включая и Алексѣя Петровича Стороженка, пробывшаго по дѣламъ службы здѣсь болѣе мѣсяца, и légèrement empoisonné à la Neff par le contact journalier avec la douce et jolie M-me Lise. M-me Arbousoff еще безсознательно довольна своею судьбою, но до того мало самостоятельно развита, что нельзя опредѣлить, чего она отъ жизни требуетъ и въ чемъ будетъ полагать счастіе свое обыденное.

Ева постарому тщедушна. Поѣздка все еще впереди по стеченію семейныхъ другихъ обстоятельствъ. Вотъ главное; остальное выжимай изъ многоглаголиваго Бестужева и приласкай его съ обычной тебѣ привѣтливостью. Здѣшній комитетъ дѣйствуетъ медленно, но какъ, это мнѣ неизвѣстно. Я избѣгаю представительности, это и дорого и скучно—и сколько могу, уединяюсь за мой рабочій столъ, гдѣ читаю, пока глаза могутъ. Въ томъ и вся существенная сторона моей тульской жизни.

Письма къ Владимиру Андреевичу его двоюродной сестры Елисаветы Петровны Дараганъ, по мужу Веревкиной.

(1852—1858).

1.

Le 1-er janvier 1852 à 2 heures de la nuit.

Bon jour, bonne année, cher cousin! Nous venons de faire en famille une brillante réception au nouvel an, et riche de tous les voeux rassemblés depuis minuit sur ma tête, je viens partager ma bonne fortune avec Vous. Pourtant si le bonheur devra me luire sous d'aussi tristes auspices qu'aujourd'hui, je ne Vous veux pas pour disciple. Depuis quelque temps Maman me donne des inquiétudes sérieuses: elle maigrit, elle palit et sa tête lui fait tellement mal, que même elle avoue des souffrances insurmontables. Oh, mon Dieu, mon Dieu, si... Mais non; il faut être folle, comme moi, pour voir tout cela, et pour vouloir Vous le dire; allons n'y pensons plus; j'espére dans la miséricorde divine et je ne crains rien; parlons d'autres choses, ou je Vous enverrai au lieu de mon bonheur les tristes pensées, qui m'assiégent dans ce moment. Que dois-je Vous dire donc? Rien et rien; j'ai beau vouloir, je rebrousse d'idée à chaque instant, aussi j'aime mieux ne pas Vous écrire aujourd'hui; pardonnez moi avec Votre indulgence habituelle cette humeur maussade et ennuyeuse. Je voudrais Vous la cacher, tachez de ne pas la voir... Bonne nuit.

Liba.

Le 17 janvier 1852.

J'ai dû attendre deux semaines pour attraper ma bonne humeur et avec elle le moment de Vous écrire. Vous m'en voulez pour ce retard, n'est-ce-pas,

mais Vous ne Vous fâcherez plus, je suis sûre, quand Vous saurez, que je suis heureuse, bien heureuse. Papa est arrivé, Maman va bien et avec elle et moi et les enfants et toute la maison. Et à present que je ne suis plus triste et que j'ai calmé ma joie, je vais Vous raconter raisonnablement tout ce que Vous voulez savoir, car il est temps, que cette lettre Vous parvienne.

J'aime les bals aussi peu que toujours et le dessin plus que jamais. Je Vous ai parlé de Neff. Je Vous ai même écrit, qu'il m'avait proposé de venir dessiner chez lui, que je n'y suis pas allée, parceque je ne comprenais rien à cette invitation, qu'il est venu enfin lui même, qu'il a expliqué toute l'affaire, qu'il a dit un: *Oui, je le désire, je le demande*, très clair, qui m'a decidé, et que le lendemain j'étais installée dans son atelier. J'y vais depuis deux semaines à présent tous le jours de 10 à 2 heures. Jean m'accompagne à pied lorsqu'il fait beau et on m'envoie chercher lorsqu'il fait mauvais. Je dessine beaucoup, donc je m'amuse, mais ce que Vous étonnera, c'est que je barbouille à l'huile, et bien pour le commencement, et que Neff m'encourage,—même trop, je pense. Comment cette bonne fortune m'est arrivée, je ne le sais pas, et quand je vois mon bon vieux jetter sa palette et ses pinceaux pour venir à la rencontre de „sa petite“, je suis prête à crier miracle. Neff est vieux, il a froid, moi j'étouffe de chaleur, j'ai l'imprudence de dire, et pas plus de chauffage à l'atelier. Un autre jour mes pieds me gèlent, vite un tapis à mes ordres; et pendant que par un temps de loups Neff trotte à pied, son traîneau est à ma disposition, et si je refuse, malheur à moi: je suis grondée et on me boude longtemps — et dire qu'il n'y a pas du désintéressement dans le monde. Ma musique va assez bien malgré toute ma paresse, et mon amour pour le dessin. Lewis tâche de me prouver que c'est la musique que je devais choisir, que mon talent est là. Je l'écoute et j'étudie, que puis-je faire de plus? L'oncle Fock soigne mes livres anglais, mon frère mes manières du grand monde, les petites m'enseignent à être bonne soeur, Neff veut me faire peintre, Lewis musicienne, Lode chanteuse, Bacн tout, le général Zace soigne mon cheval à monter, enfin tout le monde contribue par un peu à mon education. et si je n'aurais pas Maman pour maintenir la balance, j'aurais eu peur de justifier le proverbe allemand: Viele Köche versaltzen die Suppe; et ici je Vous quitte. Cette lettre est destinée à être déraisonnable; l'arrivée de Papa me la fait terminer sans rimes ni raisons. A bientôt.

Je Vous embrasse de toute la joie de mon coeur.

Votre Bichka.

2.

7 іюля 1854 г.

Въ селѣ Ивановскомъ все, слава Богу, состоитъ благополучно; дѣти здоровы, веселы, учатся съ удовольствіемъ, работаютъ прилежно, гуляютъ много, купаются часто и наслаждаются свободною, счастливою жизнью. Отъ Maman получено два письма въ одинъ и тотъ же день. Первое отъ 23-го, другое отъ 29-го іюня. Одно навело пасмурную тучку на наше свѣтлое Ивановское, другое развеселило насъ. Въ одномъ насъ бранили за долгое молчаніе и учили уму-разуму, въ другомъ благодарили за письма, за фрукты и объявляли, что Виля Медемъ, Poupe-Cati и студентъ проведутъ лѣто съ нами. Съ этого же дня мы начали ожидать любезныхъ гостей; прождали день-другой: я переселилась наверхъ въ свою комнату, уступая Вашу Вилѣ и студенту, взяла Ваню къ себѣ въ сосѣдство, а его комнату устроила для Poupe-Cati. Въ воскресенье 4-го іюля мы были въ Петровѣ; Трувельеръ далъ мнѣ рисовать шесть гирляндъ, въ аршинъ длины каждая, для новой церкви, для украшенія балдахина надъ алтаремъ; я приняла работу съ довольнымъ видомъ, а въ сущности горевала, что мое лѣто пропадаетъ за этой вывѣсочной работой. Но Ваше письмо получила я тутъ-же и горе замѣнилось радостью. На другой день меня встрѣтили за чаемъ съ гирляндами, цвѣтами, вензелемъ, кренделемъ, фруктами, и музыкой. Купальня была убрана березками, обстановлена кругомъ деревьями и я вошла, какъ въ садъ, сопровождаемая хорошенькими наядами. C'était vraiment joli à voir et si j'étais peintre la postérité aurait un tableau de plus à garder. Только-что все это торжество кончилось, слышу—звонъ колокольчика и перекладная къ намъ на дворъ. Цѣлуются, обнимаются, радуются; я принимаю гостей и ввожу ихъ въ столовую. Гости смотрятъ на меня, потомъ на огромный вензель: Е. Д. изъ брусничныхъ листовъ, красующійся въ своей неправильности въ столовой на стѣнѣ, и вдругъ: „Ah, c'est Votre fête.“ Опять цѣлуются, опять радуются; то, что я приняла за намѣреніе, была нечаянность, но нечаянность удачная, которая была самымъ лучшимъ подаркомъ. Гости кушали фрукты, пили чай, обѣжали садъ, оранжереи, выкупались и пошли отдыхать, а я отправилась разспрашивать Павла, который съ ними пріѣхалъ, о Петербургскихъ домашнихъ новостяхъ. Онъ передалъ мнѣ письма Маріи Александровны, Софи Русановъ и Maman. Maman писала нѣсколько словъ только; просила не оставлять ея безъ извѣстія о нашемъ житьѣ бытьѣ; говорила, что холера усиливается и что Gustave Kapherr былъ опасно ею боленъ; приказывала не слу-

шать жалобъ людей на Гелдмана и т. д. Къ обѣду мы всѣ собрались и тутъ за разговоромъ я узнала, что у моей Великой Княгини было большое горе (Elle n'a été mère que trois heures! j'en était toute triste et le lendemain j'ai écrit à Hélène Strandmann pour avoir de ses nouvelles); впрочемъ день прошелъ весело: мы ѣздили на сѣнокосъ и тамъ съ большимъ аппетитомъ уничтожили фрукты, которые Dietz прислалъ мнѣ. Вечеромъ всѣ болтали, всѣ смѣялись и даже дикій студентъ, Quasimoda de première force, чувствовалъ себя какъ дома. Мы разстались въ часъ и на другой день занятія продолжались, какъ и прежде: всякій занимается своимъ и никто никому не мѣшаетъ. Такъ кончился знаменитый день 5-го іюля, который вмѣстилъ въ полномъ смыслѣ всю нашу ежедневную жизнь и всѣ частныя удовольствія собралъ въ одно пріятное воспоминаніе. Тутъ должно бы кончиться мое письмо, но, сдѣлавъ неудачный опытъ въ лаконизмѣ, позволю себѣ поболтать съ Вами, Володя, лишнюю минуту, чтобы сказать Вамъ, что и у меня есть желаніе, всегдашнее, сильное, и что это желаніе – Ваше счастье. Когда Вы уѣхали, мы долго слѣдили за Вами глазами и душою, и хотя смѣхомъ отвѣчала я на романическіе намеки и замѣчанія моихъ сестрицъ, однако грустно и тяжело было мнѣ. Я легла спать, но я не спала, и если на другой день увидала бы Васъ, то встрѣтила бы, какъ брата, и сказала бы: ты. Я люблю тебя, Володя, люблю много, но люблю, какъ брата, и больна мнѣ невольная мысль, что это, можетъ быть, недостаточно для твоего счастья. Ты часто говорилъ мнѣ о своихъ чувствахъ; зачѣмъ же мнѣ молчать? Да, я люблю тебя, Володя, и оттого чувствую, что ты на мнѣ сосредоточилъ свои радости, свои надежды, и что въ моей судьбѣ твоя будущность, и грустно мнѣ бываетъ въ минуты этого сознанія и невольно мое упованіе въ судьбы Божія колеблется и я мыслю твоими словами: Богу нѣтъ дѣла до этого. Но это минута, а всегда я вѣрую, что Создатель каждому даетъ долю испытанія и счастія. Присоединись и ты къ моей надеждѣ, къ моей вѣрѣ: Создатель не отказалъ тебѣ въ любви сестры, у которой есть слеза и молитва за тебя; онъ пошлетъ тебѣ и спутницу на вѣкъ,—и если счастіе улыбнется тебѣ и не въ моихъ глазахъ, то всетаки оно еще твое достояніе. Ищи и найдешь. Прощай, обнимаю тебя.

Лиза.

3.

Ивановское, 18 сентября 1856 г.

Итакъ, добрый другъ мой, судьба твоя рѣшена! Ты любишь, любимъ и счастливъ. Отъ души поздравляю тебя и надѣюсь, что мы въ твоей милой Варочкѣ найдемъ тѣ-же родственныя, дружескія чувства, которыми мы такъ готовы надѣлить ее. Если я горячо возставала противъ твоего неотмѣннаго желанія жениться во что бы то ни стало (parti pris), то я теперь столь же горячо радуюсь, что это желаніе такъ согласовалось съ твоимъ счастіемъ. Никто, какъ Богъ!.

Поѣздка наша въ Калахальню разстроилась: здоровье Евы требуетъ большого спокойствія и ухода, а дома то и другое всего легче можно доставить, да къ тому же Maman еще не рѣшила, гдѣ мы проведемъ зиму, а при этой неизвѣстности всего лучше оставаться вмѣстѣ, чтобы лишними разъѣздами не стѣснять Maman. Итакъ мы остаемся въ Ивановскомъ на неопредѣленное время. Я могла бы описать тебѣ подробно наше тихое, скромное житье-бытье, но длинныя описанія тебѣ теперь не прійдутся по сердцу, время твое дорого, и такъ кончаю.

Моя привычная откровенность и теперь не даетъ мнѣ покоя; хотѣлось смолчать, а душа такъ и поетъ: скажи, да скажи. И такъ скажу тебѣ, Володя, что мнѣ больно, что ты не подумалъ написать мнѣ о важномъ событіи твоей жизни. Узнать о немъ черезъ Maman — кажется, все равно, а на повѣрку выходитъ, что нѣтъ. Къ тому же я тебѣ писала въ маѣ и въ правѣ ждать отвѣта. Если Варочка „все будетъ плакать,“ если ты уѣдешь хоть на одинъ мѣсяцъ, то какъ же Лизѣ не грустить, если ты добровольно отступаешь отъ 6-ти лѣтней дружбы. Твое молчаніе есть отступленіе. Выходила бы я замужъ съ тѣми же данными любви и счастья, я написала бы тебѣ: „Володя, я счастлива, порадуйся со мною, я заслуживаю эту радость, потому что въ счастьи не забыла тебя, моего друга.“ Ты не подумалъ объ этомъ; жаль, ну да Богъ съ тобой! Изъ за этого не разссоримся. Доброе зерно, какъ бы оно ни было засорено землею тяжелою, неурожайною, каменистою, — доброе зерно всетаки просверлитъ себѣ путь и выглянетъ на свѣтъ Божій крѣпкимъ, свѣжимъ стебелькомъ. Больно, больно грѣетъ его солнышко-другой завялъ бы, засохъ, а отъ добраго зерна вытерпитъ. И холодомъ обдастъ его, — но корень сидитъ глубоко въ землѣ и выморозить его не легко. И ведры и непогода все нипочемъ — онъ растетъ себѣ, растетъ людямъ на радость, а посѣявшему его на славу. Вотъ отъ чего и я, погрустивъ о твоемъ равнодушіи и признавшись тебѣ

въ этой грусти, забываю мое горе при мысли, что я попала въ обширный разрядъ кузинъ только на время, а что со временемъ ты мнѣ возвратишь мое обычное значеніе

друга твоего Лизы.

Voici un fait qui t'amusera. Tu sais que le dernier souvenir que Tu m'as donné était le cachet. Je ne sais si tu as fait attention à ce que la manche du cachet représente un pauvre petit chien terrassé par des griffes de lion; mais moi j'en ai été frappée. J'y attachais involontairement une signification allégorique. Tu étais le pauvre être tombé dans les griffes d'une idée fixe (le mariage) et comme les idées fixes, les partis pris, menent souvent au malheur, je n'avais pas besoin de beaucoup d'imagination pour donner une signification au cachet et te voir victime de ce parti pris. Un de ces jours *je trouve* le cachet *cassé*. Toute peu superstitieuse que je suis, mon esprit est tellement frappé par cette aventure que je ne donne pas de regret au bijou anéanti, mais que je m'écrie: Volodia aime sa future femme, son mariage est volontaire, il est heureux! Quelques jours plus tard la lettre dit: oui à toutes les suppositions de mon imagination.

Je n'ai permis cette lettre que comme le dernier cri d'une ame ulcéré. Déchire la, mais ne déchire pas un noble coeur et reste l'ami d'une soeur qui t'aime.

4.

25-го февраля 1857 г.

Не по заказу вспоминаю я моего стараго друга и не впервые останавливаю мысль на тебѣ, добрый братъ мой! Не напиши ты мнѣ такого веселаго письма, ты бы получилъ отъ меня посланіе грустнаго содержанія съ соболѣзнованіями о небывалыхъ печаляхъ. Земля слухами полна,--а до меня дошли слухи о тебѣ, которые какъ то грустно отозвались во мнѣ и задѣли меня за живое. Теперь это все некстати; слава Богу, что ты доволенъ, счастливъ. Письмо твое меня очень обрадовало. Знаешь, я часто думаю и припоминаю себѣ многозначащія слова твои въ одномъ изъ твоихъ писемъ ко мнѣ: „Дастъ Богъ, Лиза, ты сумѣешь и въ другихъ обстоятельствахъ и съ другимъ чувствомъ сохранить отношенія, которыя для меня дороги." Я переношу *эти слова вопросительно* къ тебѣ, и все, что подтверждаетъ ихъ, мнѣ

дорого и пріятно. Итакъ благодарю за новое доказательство твоей памяти обо мнѣ, мой добрый Володя; вѣрь, я цѣнила и цѣню твое вниманіе, и тѣмъ же готова платить тебѣ. Ты желаешь знать, довольна-ли я? Хотя ты меня иногда и поддразнивалъ свѣтскими стремленіями, но ты хорошо знаешь, какъ далека я отъ этого: домашняя же жизнь наша давно не имѣла такой полноты, и я желаю одного только, чтобы она продолжалась, наперекоръ артистическимъ началамъ, европейскому любопытству, и безпокойному желанію чего-нибудь новаго, лучшаго, —долго-долго. Что Богъ дастъ дальше, не знаю,—а теперь, смотря на моего стараго папу, на мою первую любовь, я счастлива, довольна. Я передала мою старую привычку ухаживать за папою Евѣ. Папа возится съ ней, какъ бывало со своей старухой; дѣвочки полюбили, привязались отъ души къ своему незнакомому папѣ. Танцовала я много, въ бальныхъ кавалерахъ недостатка нѣтъ. Общество меня балуетъ; я стараюсь слѣдовать твоему совѣту, сошла съ пьедестала и всѣмъ отъ меня ласковый привѣтъ. Полковникъ Зеленый тебѣ извѣстенъ по реляціямъ 4-го бастіона; онъ не получилъ еще отставки, а пока онъ здѣсь, мы имѣемъ въ немъ общество человѣка образованнаго, умнаго, рѣдкаго. Я называю его, какъ главный интересъ Тулы; онъ не женатъ, хотя и застрахованъ кѣмъ то или чѣмъ то, что̀ не мѣшаетъ однако всѣмъ надѣяться тронуть это каменное сердце, а это сердце поверхностно любезно со всѣми; на мою долю выпадаютъ также увлекательные, интересные разговоры. Другой интересъ провинціи—это полковникъ Веревкинъ; онъ тебя знаетъ, тебѣ кланяется. Кажется, добрый малый; мы видимъ его рѣдко: онъ стоитъ въ 50 верстахъ отъ Тулы. Дамы для меня все еще довольно чужія; близко я не сойдусь ни съ кѣмъ.

Цѣлую Варю и тебя; отзываютъ отъ письма; боюсь, что не кончу позже, и потому кончаю.

Твой другъ и сестра

Лиза Дараганъ.

въ э
шири
мнѣ

m'a
ma
de
sig
d'
m
p
p
q
d

цемъ очень скромно и тихо въ 50 верстахъ отъ Тулы, въ гадкомъ одишкѣ. Онъ хорошій хозяинъ, любитъ жизнь семейную,—и теперь ьно хлопочетъ устроить мнѣ уголокъ со всѣми возможными удобствами, чтобы вознаградить меня за тѣ развлеченія, балы, выѣзды, отъ торыхъ я такъ добровольно отказываюсь. Владимиръ твоихъ лѣтъ, онъ моложавъ на видъ и душа его такая же. „Меня одно безпокоъ“, говоритъ онъ мнѣ часто, „буду ли я въ состояніи удовлетворить съ умственно и нравственно; военная жизнь часто убиваетъ образовательныя стремленія—пріймемся вмѣстѣ за книги; когда жена молода проч., а мужъ ее любитъ, она должна дѣйствовать благотворно на него,—подъ ея вліяніемъ онъ долженъ идти впередъ; будемъ усовершенствовать другъ друга“. Владимиръ горячъ, вспыльчивъ; я не боюсь того: доброта свойственна женщинѣ; передъ крутымъ, пылкимъ нравомъ она становится еще добрѣе и въ этой противоположности состоитъ я сила. Владимиръ желаетъ поддаться мнѣ въ этомъ отношеніи, а я рада, что у него характеръ обозначенный, твердый: онъ и мнѣ поможетъ не гнуться, а стойко глядѣть на жизнь. Да поможетъ намъ Господь въ нашихъ добрыхъ желаніяхъ и намѣреніяхъ! Увижу-ли я тебя, добрый братъ мой, до 2-го сентября? 16-го мая мы будемъ въ Москвѣ; планы мы дѣлаемъ; на сколько они сбыточны, не знаю, а потому не говорю о нихъ. Рѣшительно отвѣть, Володя! Еслибъ ты зналъ, какъ я молюсь, чтобъ это *да*, которое вырвалось у меня невольно изъ души при видѣ смущенія и сердечной тоски почти что незнакомаго, чужого мнѣ человѣка,—составило бы счастье того, кто его вызвалъ;—ты бы зналъ, что и отвѣтъ не легко обходится. Тоска Владимира прошла и перешла въ мою душу. Онъ давно счастливъ; я же только-что начинаю думать объ этомъ счастьи и, вѣроятно, продумаю всю жизнь, какъ сохранить его. Обнимаю тебя и остаюсь навсегда твой другъ и сестра

Лиза.

6.

7-го декабря 1857 г.

Давнымъ-давно писала я къ тебѣ, любезный и добрый другъ Володя, справлялась о твоемъ житьѣ-бытьѣ въ Харьковѣ; ты не былъ тогда еще отцомъ семейства и цѣль моего письма была узнать о здоровьи Вари. Писала тебѣ изъ Ивановскаго Лиза Дараганъ, но она отвѣта не дождалась, а Лиза Веревкина узнала вскорѣ послѣ своей свадьбы,

5.

2-го мая 1857 г.

Добрый мой Володя!

Посылаю тебѣ письмо, давно написанное и не отосланное къ тебѣ по причинамъ, лишившимся теперь всякаго интереса. Желаю, чтобы оно послужило тебѣ доказательствомъ моей памяти о тебѣ, хотя эта память никогда и не доходила до тебя. Переворотъ въ моей судьбѣ измѣняетъ многое. Желаю остаться для тебя тѣмъ, чѣмъ была; прошу остаться моимъ другомъ, не смотря на то, что Господь посылаетъ мнѣ его на всю жизнь въ человѣкѣ, совершенно чужомъ, но который скоро станетъ для меня самымъ близкимъ. Владимиръ Николаевичъ Веревкинъ часто говоритъ о тебѣ; онъ тебя хорошо знаетъ, любитъ, цѣнитъ. Изгладился-ли онъ изъ твоей памяти? Знаешь ли ты, что и кто твой бывшій товарищъ, будущій мужъ мой? Ты искалъ жену, похожую на меня, я не искала мужа, тебѣ подобнаго, хотя душевно радуюсь, что нахожу во Владимирѣ Николаевичѣ много сходства съ тобою. Это сходство состоитъ именно въ его чувствахъ къ нашему семейству: онъ, какъ и ты, родственный человѣкъ.

Я не смѣю сомнѣваться въ его любви; онъ для меня пожертвовалъ желаніемъ матери, совѣтами родни, своими собственными привычками, правилами, взглядами на жизнь, которая до сихъ поръ для него имѣла значеніе самое практическое, покойное, разсчетливое. Онъ убѣдилъ мать позволить ему чувствовать, а не считать, успокоилъ всѣхъ и себя, и такъ радостно, такъ довѣрчиво смотритъ на меня, такъ увѣровалъ въ силу своей любви, въ свое счастье, что я не могу не соглашаться съ нимъ. Я была больна съ недѣлю—онъ не отходилъ отъ меня и въ эти дни его горячее сердце, его нѣжныя ласки, его колѣнопреклоненія (онъ не боится ихъ) убѣдили меня, что я мечтала не о невозможномъ. Не стою я, можетъ быть, этой мечты; заслужить ее, отблагодарить за дѣйствительность—теперь мое единственное желаніе. Онъ знаетъ, что любить его, какъ онъ меня любитъ, я еще не въ состояніи, но онъ говоритъ, что будущность его въ моихъ глазахъ, что эти глаза сулятъ счастье и любовь тому, кто будетъ добиваться этого. Онъ не ошибется, дастъ Богъ. Молились мы много: Владимиръ серьезно набоженъ; помолись и ты съ нами, другъ мой. Ты лучше насъ знаешь, что надо для счастья мужа и жены. У Веревкина, кромѣ службы, дѣятельности и желанія труда, нѣтъ ничего, чѣмъ бы обезпечить нашу жизнь. Онъ *увѣряетъ*, что жена не стѣснитъ, а облегчитъ ему жизнь; жить мы

будемъ очень скромно и тихо въ 50 верстахъ отъ Тулы, въ гадкомъ городишкѣ. Онъ хорошій хозяинъ, любитъ жизнь семейную,—и теперь сильно хлопочетъ устроить мнѣ уголокъ со всѣми возможными удобствами, чтобы вознаградить меня за тѣ развлеченія, балы, выѣзды, отъ которыхъ я такъ добровольно отказываюсь. Владимиръ твоихъ лѣтъ, но онъ моложавъ на видъ и душа его такая же. „Меня одно безпокоитъ", говоритъ онъ мнѣ часто, „буду ли я въ состояніи удовлетворить Васъ умственно и нравственно; военная жизнь часто убиваетъ образовательныя стремленія—пріймемся вмѣстѣ за книги; когда жена молода и проч., а мужъ ее любитъ, она должна дѣйствовать благотворно на него,—подъ ея вліяніемъ онъ долженъ идти впередъ; будемъ усовершенствовать другъ друга". Владимиръ горячъ, вспыльчивъ; я не боюсь этого: доброта свойственна женщинѣ; передъ крутымъ, пылкимъ нравомъ она становится еще добрѣе и въ этой противоположности состоитъ ея сила. Владимиръ желаетъ поддаться мнѣ въ этомъ отношеніи, а я рада, что у него характеръ обозначенный, твердый: онъ и мнѣ поможетъ не гнуться, а стойко глядѣть на жизнь. Да поможетъ намъ Господь въ нашихъ добрыхъ желаніяхъ и намѣреніяхъ! Увижу-ли я тебя, добрый братъ мой, до 2-го сентября? 16-го мая мы будемъ въ Москвѣ; планы мы дѣлаемъ; на сколько они сбыточны, не знаю, а потому не говорю о нихъ. Рѣшительно отвѣть, Володя! Еслибъ ты зналъ, какъ я молюсь, чтобъ это *да*, которое вырвалось у меня невольно изъ души при видѣ смущенія и сердечной тоски почти что незнакомаго, чужого мнѣ человѣка,—составило бы счастье того, кто его вызвалъ;—ты бы зналъ, что и отвѣтъ не легко обходится. Тоска Владимира прошла и перешла въ мою душу. Онъ давно счастливъ; я же только-что начинаю думать объ этомъ счастьи и, вѣроятно, продумаю всю жизнь, какъ сохранить его. Обнимаю тебя и остаюсь навсегда твой другъ и сестра

Лиза.

6.

7-го декабря 1857 г.

Давнымъ-давно писала я къ тебѣ, любезный и добрый другъ Володя, справлялась о твоемъ житьѣ-бытьѣ въ Харьковѣ; ты не былъ тогда еще отцомъ семейства и цѣль моего письма была узнать о здоровьи Вари. Писала тебѣ изъ Ивановскаго Лиза Дараганъ, но она отвѣта не дождалась, а Лиза Веревкина узнала вскорѣ послѣ своей свадьбы,

5.

2-го мая 1857 г.

Добрый мой Володя!

Посылаю тебѣ письмо, давно написанное и не отосланное къ тебѣ по причинамъ, лишившимся теперь всякаго интереса. Желаю, чтобы оно послужило тебѣ доказательствомъ моей памяти о тебѣ, хотя эта память никогда и не доходила до тебя. Переворотъ въ моей судьбѣ измѣняетъ многое. Желаю остаться для тебя тѣмъ, чѣмъ была; прошу остаться моимъ другомъ, не смотря на то, что Господь посылаетъ мнѣ его на всю жизнь въ человѣкѣ, совершенно чужомъ, но который скоро станетъ для меня самымъ близкимъ. Владимиръ Николаевичъ Веревкинъ часто говоритъ о тебѣ; онъ тебя хорошо знаетъ, любитъ, цѣнитъ. Изгладился-ли онъ изъ твоей памяти? Знаешь ли ты, что и кто твой бывшій товарищъ, будущій мужъ мой? Ты искалъ жену, похожую на меня, я не искала мужа, тебѣ подобнаго, хотя душевно радуюсь, что нахожу во Владимирѣ Николаевичѣ много сходства съ тобою. Это сходство состоитъ именно въ его чувствахъ къ нашему семейству: онъ, какъ и ты, родственный человѣкъ.

Я не смѣю сомнѣваться въ его любви; онъ для меня пожертвовалъ желаніемъ матери, совѣтами родни, своими собственными привычками, правилами, взглядами на жизнь, которая до сихъ поръ для него имѣла значеніе самое практическое, покойное, разсчетливое. Онъ убѣдилъ мать позволить ему чувствовать, а не считать, успокоилъ всѣхъ и себя, и такъ радостно, такъ довѣрчиво смотритъ на меня, такъ увѣровалъ въ силу своей любви, въ свое счастье, что я не могу не соглашаться съ нимъ. Я была больна съ недѣлю—онъ не отходилъ отъ меня и въ эти дни его горячее сердце, его нѣжныя ласки, его колѣнопреклоненія (онъ не боится ихъ) убѣдили меня, что я мечтала не о невозможномъ. Не стою я, можетъ быть, этой мечты; заслужить ее, отблагодарить за дѣйствительность—теперь мое единственное желаніе. Онъ знаетъ, что любить его, какъ онъ меня любитъ, я еще не въ состояніи, но онъ говоритъ, что будущность его въ моихъ глазахъ, что эти глаза сулятъ счастье и любовь тому, кто будетъ добиваться этого. Онъ не ошибется, дастъ Богъ. Молились мы много: Владимиръ серьезно набоженъ; помолись и ты съ нами, другъ мой. Ты лучше насъ знаешь, что надо для счастья мужа и жены. У Веревкина, кромѣ службы, дѣятельности и желанія труда, нѣтъ ничего, чѣмъ бы обезпечить нашу жизнь. Онъ увѣряетъ, что жена не стѣснитъ, а облегчитъ ему жизнь; жить мы

будемъ очень скромно и тихо въ 50 верстахъ отъ Тулы, въ гадкомъ городишкѣ. Онъ хорошій хозяинъ, любитъ жизнь семейную,—и теперь сильно хлопочетъ устроить мнѣ уголокъ со всѣми возможными удобствами, чтобы вознаградить меня за тѣ развлеченія, балы, выѣзды, отъ которыхъ я такъ добровольно отказываюсь. Владимиръ твоихъ лѣтъ, но онъ моложавъ на видъ и душа его такая же. „Меня одно безпокоитъ", говоритъ онъ мнѣ часто, „буду ли я въ состояніи удовлетворить Васъ умственно и нравственно; военная жизнь часто убиваетъ образовательныя стремленія—пріймемся вмѣстѣ за книги; когда жена молода и проч., а мужъ ее любитъ, она должна дѣйствовать благотворно на него,—подъ ея вліяніемъ онъ долженъ идти впередъ; будемъ усовершенствовать другъ друга". Владимиръ горячъ, вспыльчивъ; я не боюсь этого: доброта свойственна женщинѣ; передъ крутымъ, пылкимъ нравомъ она становится еще добрѣе и въ этой противоположности состоитъ ея сила. Владимиръ желаетъ поддаться мнѣ въ этомъ отношеніи, а я рада, что у него характеръ обозначенный, твердый: онъ и мнѣ поможетъ не гнуться, а стойко глядѣть па жизнь. Да поможетъ намъ Господь въ нашихъ добрыхъ желаніяхъ и намѣреніяхъ! Увижу-ли я тебя, добрый братъ мой, до 2-го сентября? 16-го мая мы будемъ въ Москвѣ; планы мы дѣлаемъ; на сколько они сбыточны, не знаю, а потому не говорю о нихъ. Рѣшительно отвѣть, Володя! Еслибъ ты зналъ, какъ я молюсь, чтобъ это *да*, которое вырвалось у меня невольно изъ души при видѣ смущенія и сердечной тоски почти что незнакомаго, чужого мнѣ человѣка,—составило бы счастье того, кто его вызвалъ;—ты бы зналъ, что и отвѣтъ не легко обходится. Тоска Владимира прошла и перешла въ мою душу. Онъ давно счастливъ; я же только-что начинаю думать объ этомъ счастьи и, вѣроятно, продумаю всю жизнь, какъ сохранить его. Обнимаю тебя и остаюсь навсегда твой другъ и сестра

Лиза.

6.

7-го декабря 1857 г.

Давнымъ-давно писала я къ тебѣ, любезный и добрый другъ Володя, справлялась о твоемъ житьѣ-бытьѣ въ Харьковѣ; ты не былъ тогда еще отцомъ семейства и цѣль моего письма была узнать о здоровьи Вари. Писала тебѣ изъ Ивановскаго Лиза Дараганъ, но она отвѣта не дождалась, а Лиза Веревкина узнала вскорѣ послѣ своей свадьбы,

что Богъ далъ тебѣ сына! Собиралась не разъ уже поздравить тебя и Варю, и высказать вамъ мое сочувствіе къ вашей радости, но день за днемъ, при перемѣнѣ обстоятельствъ, уносилъ мое намѣреніе писать.

Четверть года пронеслась надъ днемъ, которымъ отдѣлилась я отъ моей семьи, но я по старому вѣрна моимъ первымъ привязанностямъ, привычкамъ, чувствамъ, и вотъ почему берусь за перо, чтобъ написать тебѣ, другъ Володя, какъ будто бы дни, а не мѣсяцы прошли съ тѣхъ поръ, какъ я писала тебѣ въ послѣдній разъ. Ты узналъ отъ Maman подробности нашего семейнаго съѣзда въ Ивановскомъ. Отвѣтъ твой на письмо Maman мы получили только на дняхъ въ Тулѣ, а потому думаю, что ты, не имѣвъ давно извѣстій отъ насъ, будешь радъ получить вѣсточку изъ родной семьи. Ровно мѣсяцъ послѣ свадьбы, т. е. 2 октября я опять была въ Ивановскомъ; пробывъ тамъ 3 дня, а въ Москвѣ десять, мы 15 октября прибыли въ Тулу, гдѣ я и осталась у папы, пока Владиміръ хлопоталъ о моемъ устройствѣ и помѣщеніи въ Веневѣ. Въ Веневѣ я была всего недѣлю, потому что пріѣздъ Maman и сестеръ вытребовалъ меня опять сюда; но въ эту недѣлю я убѣдилась, что мой прелестный уголокъ прійдется мнѣ по сердцу и нраву. Переѣзжаю я туда окончательно завтра, чтобы пробыть тамъ до праздниковъ. Близость Тулы сливаетъ наши два хозяйства въ одно, и мы совершаемъ раздѣляющія насъ 45 верстъ по мѣрѣ силъ и возможности. Владиміръ, соглашаясь со мною, что я съ нимъ на вѣки нераздѣльна, а что обстоятельства не всегда такъ благопріятны въ отношеніи близости моей семьи, даетъ мнѣ безсрочные отпуски, которыми я пользуюсь радостно, можетъ быть, по тому, что не проходитъ дня безъ писемъ мужа и недѣли безъ его пріѣзда. Зная, помня, какъ заживо затронулъ меня вопросъ о твоемъ счастьи, Володя, вопросъ, теперь уже разгаданный, я полагаю, что и ты желалъ бы знать отъ меня самой, счастлива ли я своимъ послѣднимъ счастьемъ. А потому скажу откровенно: *да*, потому что любима болѣе, чѣмъ я даже ожидала. Я только и требовала отъ жизни любви неограниченной, сильной, святой; и Богъ далъ мнѣ найти ее въ добромъ сердцѣ моего Владиміра.

Не стану дѣлать описаній идиллическихъ; хочешь заглянуть въ нашъ бытъ, въ нашъ мирный уголокъ,--тебѣ всегда сердца наши настежъ, а перо мое берется описать просто, что и какъ есть. Мой мужъ любитъ тебя очень, по всѣмъ моимъ разсказамъ, и называетъ тебя моимъ *лучшимъ* другомъ до него. Я вполнѣ согласна съ этимъ, и храня въ памяти твою дружбу и всегдашнее вниманіе ко мнѣ, желала бы очень, чтобы разстояніе не разлучило совершенно наши жизни, а чтобы и ты и я отзывались отъ времени до времени на голосъ сердца, чувствуя, что то голосъ не притворный, а истинный интересъ другъ къ другу. Напиши мнѣ, что твой сынишка. Каковъ молодецъ, на кого изъ

вас похожъ? Вѣдь онъ меня въ старухи прочитъ, въ тетушки произвелъ. Обними и расцѣлуй его за меня. Что дѣлаетъ Варя? Какъ хорошо, что она взяла на себя всѣ заботы и труды первоначальнаго воспитанія; они вознаградятся сторицею. Дай-то Богъ и мнѣ дожить до такихъ заботъ! Что сказать тебѣ о моей жизни домашней? Домикъ нашъ—уголокъ прелестный, une bonbonnière. C'est gracieux, coquet, d'une simple élégance et digne de toute ville autrement conditionnée que Veneff. Домъ нашъ дѣлится на двѣ половины: одна казенная, безъ всякой роскоши, даже безъ крашенныхъ половъ,—это столовая и кабинетъ мужа, гдѣ онъ хлопочетъ и трудится съ военной семьей. Другая моя, или скорѣе наша, куда ни одно приказаніе, ни одно служебное отношеніе не переступаютъ чрезъ порогъ, и гдѣ повсюду видна заботливая любящая рука, которая сдѣлала больше, чѣмъ нужно для спокойствія и удобства жизни жены. Всѣ наши удовольствія сосредочены ради обстоятельствъ въ домашнемъ быту, а потому Владимиръ и придалъ ему сколько могъ роскоши и убранства, чтобы глазамъ моимъ не надоѣло смотрѣть и радоваться. У меня рояль Вирта, красокъ, нотъ, книгъ, цвѣтовъ запасъ огромный. Bien souvent étendue sur ma couchette, j'abandonne mon livre pour me laisser aller aux rêves de la réalité. Je suis des yeux les rayons de soleil qui pénétrent à travers mes rideaux roses baissés et qui rejaillissent de cette teinte sur les plantes et les fleurs qui garnissent mon réduit, sur les belles couleurs du moelleux tapis étendu à mes pieds et sur tous les objets de la chambre leurs donnant un relief artistique. Je rêve à tout ce que m'entoure, car dans tout cela il y a beaucoup d'amour, beaucoup de calme gaieté. Et puis arrive mon mari, et tout vieux mari qu'il est, il me débite de ces langages flatteurs aux quels nous autres femmes nous nous laissons toujours prendre. Et d'une conversation déraisonnable nous passons à la raison, nous ouvrons franchement l'un à l'autre nos pensées, notre passé, nos plans et nos désirs pour l'avenir. Ты знаешь, что первый подарокъ моего жениха былъ браслетъ, изображающій георгіевскую ленту и крестъ,—soi-disant за храбрость. Я благодарю вседневно Бога за эту минутную храбрость, которою соединилась моя жизнь съ жизнью умнаго, добраго челевѣка. Владимиръ понялъ, что для моего полнаго счастья нужно ему сдѣлаться братомъ моимъ сестрамъ и сыномъ моимъ родителямъ; онъ и не отдѣляетъ меня отъ первыхъ привязанностей, а самъ вошелъ работникомъ въ семью, какъ онъ говоритъ.

Мама ѣдетъ 15-го декабря въ Петербургъ съ Сашей на мѣсяцъ, Ева останется у меня; въ расположеніи нашего дома была имъ назначена постоянная квартира; я рада, что моя дѣвочка будетъ у меня подъ крылышкомъ. Праздники мы проведемъ съ папой, который радъ, что его старшая дочь останется, дастъ Богъ, у него дома подъ рукою. Что

сказать тебѣ еще? Миша надѣлъ аксельбанты, Ваня ефрейторъ; учится хорошо. Саша похорошѣла очень и совершенно благоразумная, серьезная дѣвочка. Ева также славная крошка, хвораетъ немного по временамъ; балуема и любима всѣми; выросла, вытянулась порядочно. Новая моя родня приняла меня въ свою среду съ теплымъ род твеннымъ чувствомъ. Владимиръ улыбался только, видя, что его выборъ одобренъ, и платилъ мнѣ удвоенной нѣжностью за перемѣну мыслей въ мою пользу тѣхъ, которые за него считали и разсчитывали. Владимиръ счастливъ, я это знаю, я это чувствую, а это убѣжденіе составляетъ и мое счастье. Онъ находитъ, что съ его Лизой нѣтъ горя на свѣтѣ, и дай Богъ, чтобъ эта вѣра ему осталась. Ты, другъ Володя, вспоминаешь же когда-нибудь о старой Бишкѣ? Скажу тебѣ, что говорятъ другіе: она весело и прямо смотритъ на жизнь съ обновленной вѣрой въ любовь и дружбу. Впрочемъ, твоей дружбѣ я всегда вѣрила и эта мысль такъ укоренилась, что я не могу и теперь отбросить ее. Вотъ причина моего длиннаго, откровеннаго посланія; не взыщи. Ce n'est pas une page d'un vieux roman, detachée, c'est un simple bonjour, comme on le dit au XIX siècle. Bonjour donc, mon cher et bon cousin, et puisse ce bonjour te faire un peu du plaisir que j'ai à te l'adresser.

Обнимаю Варю, тебя и Андрюшу. Я не навязываюсь на отвѣтъ, не завязываю регулярной переписки, а оставляю за собою только неотъемлемое право справляться о васъ всѣхъ, когда душа того потребуетъ, а также и напоминать о той, которая васъ любитъ искренно, родственно.

Лиза Веревкина.

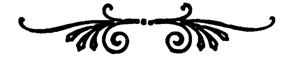
7.

Веневъ, 20-го іюня 1858 г.

Не знаю, добрый другъ и братъ Володя, я ли первая сообщу тебѣ радостную вѣсть о помолвкѣ нашей Саши. Но какъ бы то ни было, а писать о чемъ нибудь другомъ, не говоря сначала о счастливой невѣстѣ и ея славномъ женихѣ, мнѣ невозможно. И потому скажу тебѣ, что судьба улыбнулась Сашѣ; ея сердечко давно уже втихомолку билось на встрѣчу тому человѣку, который избралъ ее. Арбузовъ, другъ и пріятель моего мужа и сослуживецъ его по дивизіи,—тебѣ тоже не совсѣмъ чужой человѣкъ. Не знаю, помнишь ли ты его, какъ корпуснаго товарища, и какую память оставилъ онъ по себѣ; теперь же онъ человѣкъ положительный, съ характеромъ, умный, добрый, пріятный въ общежитіи, веселаго нрава,—памъ всѣмъ по душѣ. Богатство не

должно бы причисляться къ другимъ серьезнымъ даннымъ счастья, но когда оно есть у мужа, при искренней взаимной любви, оно пріятно и весьма. Сашинъ женихъ имѣетъ состояніе, а съ нимъ возможно жить, не стѣсняясь службою и служебными отношеніями. Это также хорошо, и намъ остается только радоваться и благодарить Бога за ту участь, которая выпала Сашѣ на долю. Что ты порадуешься съ нами, это вѣрно, а потому, не зная, писала ли къ тебѣ Maman, и зная, что Сашѣ теперь не до писанья, беру на себя эту пріятную обязанность. Тутъ ты вѣрно улыбнешься, а, можетъ быть, и разсмѣешься, а всетаки я повторяю, что мнѣ пріятно писать тебѣ, мой добрый братъ Володя, какъ будто бы я принимаюсь снова за дружескую старинную бесѣду нашу, за ту неумолкаемую, неисчерпаемую болтовню, которая велась между нами о томъ, о семъ, а больше ни о чемъ. Если бы эта болтовня допускалась въ письмахъ, я писала бы тебѣ часто; но что хорошо на словахъ, то часто бываетъ тягостно, скучно, несносно на письмѣ, а потому я долго, радостно болтала бы съ тобою о моей тихой, скромной жизни, и не нахожу въ этой жизни чѣмъ-бы наполнить страничку въ нашей лѣнивой перепискѣ. Стороною я имѣла вѣсточку о тебѣ и Варѣ. Скажи, что значатъ эти непріятности, о которыхъ упоминали Краснокутскіе? Что разсердило тебя? Правда ли, что ты хочешь или хотѣлъ оставить университетъ? Напиши мнѣ, на чемъ остановился ты, доволенъ-ли или нѣтъ, и что предвидится въ будущемъ. Maman уѣхала на два мѣсяца въ Петербургъ и Ивановское для хлопотъ и заботъ о Сашѣ, оставя дѣвочекъ у меня. Здоровье Евы въ послѣднее время было весьма неудовлетворительно. Лѣто въ Веневѣ равняется деревенской жизни и, дастъ Богъ, однообразіе, аккуратность этой жизни помогутъ ея трудному росту и развитію. Саша остается вблизи своего милаго, который навѣщаетъ насъ часто; судьба ихъ рѣшилась 11-го мая у меня въ саду и потому оба они любятъ мой милый уголокъ. Въ концѣ августа мы переѣзжаемъ въ Тулу, гдѣ 16 сентября назначена свадьба. А тамъ вскорѣ и мнѣ предстоитъ радость подарить Maman счастливымъ днемъ, пожаловать ее въ бабушки! Ты уже знакомъ съ этимъ счастьемъ; у меня же и Вольдемара сердце трепетно бьется ожиданіемъ. Поцѣлуй отъ меня моего племянника; я очень рада, что его ручонки тянутся къ портрету; пожалуйста развивай его способности любить меня. Обнимаю Варю и тебя, мой другъ, и передаю вамъ нашъ общій дружескій привѣтъ.

Лиза Веревкина.



Дополненіе къ Родословнику.

(т. I, стр. 501—512).

---

10. **Михаилъ Стефановичъ**, по матери—родной племянникъ святителя Іоасафа Горленка (см. т. I, стр. 98), секундъ-маіоръ (1765). Жена—N. N. Хапенко. За нимъ числилось душъ крестьянъ: въ 1782 г. въ с. Лялинцахъ Прилуцкаго у. муж. 25, жен. 22; въ 1795 г. въ с. Лялинцахъ—муж. 34, жен. 45, въ с. Ступаковкѣ того же уѣзда муж. 108, жен. 91.

15. **Петръ Даниловичъ** род. въ 1769 г., въ службу вступилъ вахмистромъ въ Софійскій карабинерный полкъ 1 мая 1779 г., съ 16-го февраля 1783 г. былъ регистраторомъ въ штабѣ гр. Румянцева, въ поручики произведенъ 15 марта 1785 г., съ этимъ же чиномъ и уволенъ отъ службы 30 декабря 1797 г. Въ походахъ былъ: съ 7 ноября 1787 г. по 18 іюня 1788 г. въ Польшѣ, а съ того времени въ Молдавіи при взятіи г. Хотина. Женатъ былъ на княжнѣ Варварѣ Николаевнѣ Мусхеловой, дочери князя Николая Георгіевича Мусхелова, владѣвшаго имѣніемъ въ м. Великихъ-Будищахъ Зѣньковскаго у. Жилъ въ слободѣ Лисогорѣ Борзенскаго у. (см. т. I, стр. 149-154). Въ 1817 г., будучи уже вдовымъ, переселился въ м. Великія Будища для управленія имѣніемъ, доставшимся его сыновьямъ Николаю и Алексѣю отъ ихъ дѣда князя Н. Г. Мусхелова. Въ 1817 г. числилось за ними душъ крестьянъ: въ м. Великихъ-Будищахъ муж. и жен. п. 103, въ хуторѣ Криворотчишиной-Балкѣ 12 об. п.

18. **Яковъ Александровичъ** род. въ 1766 г., скончался въ 1822 г. Въ службу вступилъ подпрапорщикомъ въ Малороссійскій гренадерскій полкъ 27 іюня 1781 г. въ старшіе унтеръ-офицеры произведенъ 16 ноября того-же года, въ 1784 г.—сержантъ Козловскаго мушкатерскаго полка, въ прапорщики произведенъ 1 января 1786 г., въ подпоручики - 1-го же января 1788 г., въ 1792 г. - поручикъ (т. I, стр. 48); былъ въ походѣ противъ турокъ въ 1781 г. при Кинбурнѣ въ

Очаковской степи и противъ поляковъ въ 1794-1795 гг.; уволенъ въ отставку 10 февраля 1797 г. 7 ноября 1784 г. мать его Өекла Ивановна, урожденная Себастіановичъ, по второму мужу княгиня Орбеліани, выдѣлила ему изъ своего наслѣдственнаго имѣнія Глинскаго у. въ с. Брагинцахъ 41 д. крестьянъ об. п., дворъ въ с. Брагинцахъ, лѣса въ дачахъ Брагинскихъ: Замиковщину и Ониковщину, 600 р. наличными деньгами, 20 рабочихъ воловъ, 23 штуки коровъ и молодняка, 65 ульевъ пчелъ, половинную часть помола въ мельницѣ на р. Козинѣ въ с. Брагинцахъ и вѣтряную мельницу тамъ-же. Кромѣ того Яковъ Александровичъ владѣлъ доставшимися ему отъ отца родовыми имѣніями при м. Иваницѣ, д. Лучковкѣ, м. Ичнѣ, с. Ржавцѣ, д. Томашовкѣ и д. Гужовкѣ, всего 240 душъ крестьянъ об. пола. Жилъ онъ постоянно по выходѣ въ отставку въ с. Брагинцахъ. Женатъ былъ на дочери коллежскаго ассесора и Глинскаго предводителя дворянства Даріи Петровнѣ Тарновской.

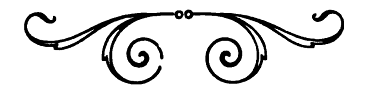
Марія Павловна . . . . 14. Съ 6 февраля 1846 г. была замужемъ за отставнымъ капитаномъ Флоромъ Осиповичемъ Свѣтомъ, родившимся въ 1802 г.; за нею въ с. Ржавцѣ числилось душъ крестьянъ: муж. 69, жен. 58, и земли 380 дес.

24. **Николай Петровичъ** род. 12 апрѣля 1805 г. въ слободѣ Лисогорѣ, воспріемникомъ при св. крещеніи былъ дѣдъ по матери князь Николай Георгіевичъ Мусхеловъ. Съ 1834 г. сдѣлался совмѣстно съ братомъ Алексѣемъ владѣльцемъ имѣнія въ с. Жемчужномъ и с. Юрьевкѣ Павлоградскаго у. Екатеринославской губ. Въ 1869 г. въ этихъ селахъ числилось 180 душъ временно-обязанныхъ крестьянъ бывшаго владѣнія Строженковъ.

25. **Алексѣй Петровичъ** род. въ слободѣ Лисогорѣ 12 ноября 1806 г. Воспріемникомъ при св. крещеніи былъ князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ, въ честь котораго новорожденный названъ былъ Алексѣемъ. Въ службу вступилъ на правахъ вольноопредѣляющихся въ бывшій Нѣжинскій конно-егерскій полкъ унтеръ-офицеромъ 31 декабря 1824 г., переименованъ юнкеромъ - 21 мая 1825 г., въ прапорщики произведенъ — 3 іюня 1828 г., назначенъ адъютантомъ 2-й бригады 1-й конноегерской дивизіи съ оставленіемъ въ полку - 25 августа 1831 г., переведенъ въ Новороссійскій драгунскій полкъ — 24 іюля 1832 г., произведенъ въ поручики — 10 апрѣля 1834 г., назначенъ и. д. бригаднаго адъютанта 2-й бригады 1-й драгунской дивизіи съ оставленіемъ въ полку — 14 мая 1836 г., утвержденъ адъютантомъ - 5 сентября 1836 г., произведенъ въ штабсъ-капитаны—1 ноября 1836 г., пожалованъ орденомъ св. Владимира 4-й степени—29 октября 1837 г., произведенъ въ капитаны—20 іюня 1838 г., пожалованъ орденомъ св. Станислава 2-й ст.— 11 сентября 1839 г., назначенъ въ штабъ 3-го резервнаго кавалер-

скаго корпуса для занятій по дѣлопроизводству—13 апрѣля 1840 г., утвержденъ старшимъ адъютантомъ штаба 3-го резервнаго кавалерійскаго корпуса съ оставленіемъ въ полку—22 ноября 1841 г., награжденъ орденомъ св. Станислава 2-й ст. съ короной—15 декабря 1842 г., произведенъ въ маіоры съ отчисленіемъ по кавалеріи и съ оставленіемъ при прежней должности—2 января 1846 г., назначенъ оберъ-вагенмейстеромъ въ 3-мъ резервномъ кавалерійскомъ корпусѣ съ переводомъ въ 10-ю фурштатскую бригаду—23 апрѣля 1846 г., назначенъ для особыхъ порученій къ Кіевскому, Подольскому и Волынскому генералъ-губернатору съ зачисленіемъ по кавалеріи—13 марта 1851 г., пожалованъ орденомъ св. Анны 2 ст.—28 октября 1852 г., переименованъ въ надворные совѣтники при отставкѣ—24 мая 1854 г., назначенъ и. д. чиновника особыхъ порученій VI класса при министрѣ внутреннихъ дѣлъ—15 іюня 1854 г., командированъ въ Новгородскую губ. для открытія виновныхъ въ кражѣ у гр. Мусина-Пушкина на сумму до 300 тыс. рублей—17 іюля 1854 г., возложено на него секретное порученіе—съ 10 по 24 іюня 1855 г., пожалованъ орденомъ св. Анны 2-й ст. съ короной -24 іюня 1855 г., за выслугу въ офицерскихъ чинахъ 25 лѣтъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4-й ст.—26 ноября 1855 г., командированъ по дѣламъ ополченія въ Саратовскую губернію—27 января 1856 г., произведенъ въ коллежскіе совѣтники—28 сентября 1857 г., утвержденъ въ должности чиновника особыхъ порученій при министрѣ внутреннихъ дѣлъ VI класса—6 ноября 1857 г., произведенъ въ статскіе совѣтники—29 іюля 1860 г., назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій V класса при министрѣ внутреннихъ дѣлъ—9 іюля 1861 г., произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники—17 апрѣля 1863 г., награжденъ орденомъ св. Владимира 3 ст.—19 апрѣля 1864 г., командированъ въ распоряженіе Виленскаго, Ковенскаго, Гродненскаго и Минскаго генералъ-губернатора—28 декабря 1865 г., вновь назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій при министрѣ внутреннихъ дѣлъ V класса сверхъ штата—28 сентября 1866 г., пожалованъ орденомъ св. Станислава 1-й ст.—16 апрѣля 1867 г., уволенъ отъ службы -23 мая 1868 г. Того же 1868 г. 30-го апрѣля Алексѣй Петровичъ купилъ въ Брестскомъ у. казенную ферму при с. Тюхеничи и съ 24-го іюня сдѣланъ былъ предводителемъ дворянства и предсѣдателемъ съѣзда мировыхъ посредниковъ Брестскаго уѣзда. Въ этихъ должностяхъ онъ оставался до самой смерти, послѣдовавшей 6 ноября 1874 г. Въ походахъ противъ непріятелей былъ: въ 1829 г. въ Турціи, въ 1831 г. въ Польшѣ (за дѣла 13—15 сентября 1831 г. при оттѣсненіи корпуса Ружицкаго въ Галицію награжденъ орденомъ св. Анны 3-й ст. съ бантомъ) и въ 1849 г. въ Венгріи. Портретъ его помѣщенъ на стр. 454 *т. I-го Фам. Архива.*

39. **Яковъ Александровичъ**, род. 20 октября 1829 г., въ службѣ находился съ 28 августа 1848 г. по 15 октября 1857 г. въ Каргопольскомъ и Финляндскомъ драгунскихъ полкахъ и вышелъ въ отставку штабсъ-капитаномъ. Женился 16 февраля 1857 г. на Аннѣ Никаноровнѣ Бѣлолибской, дочери отставнаго поручика Никанора Андреевича Бѣлолибскаго въ с. Ѣздочномъ Ново-Оскольскаго у. Курской губ. Портретъ его приложенъ ко 2-му тому Фамильнаго Архива, стр. 404.



Оглавленіе 3-го тома.

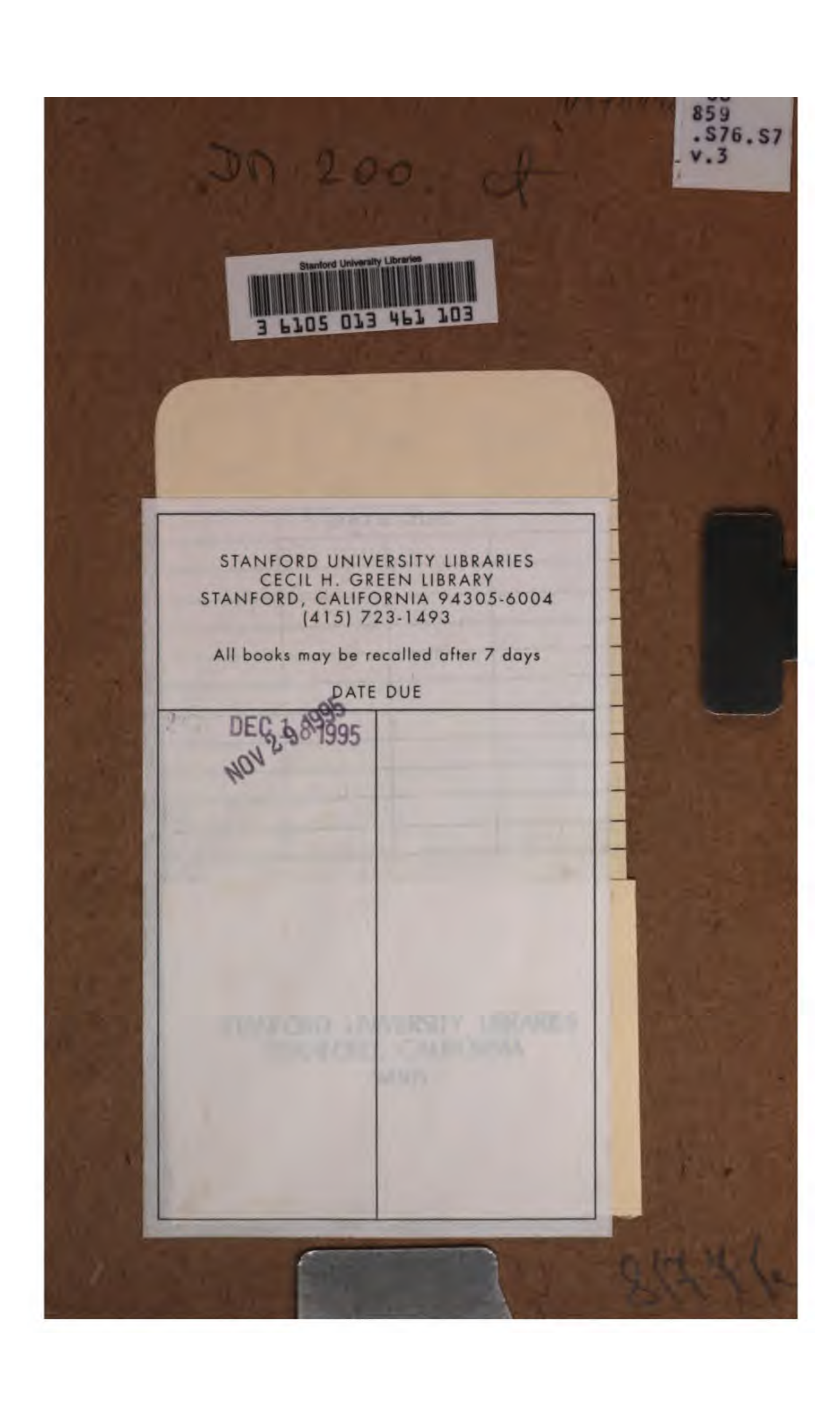
Списокъ портретовъ.

Третій томъ „Фамильнаго Архива“ былъ уже приготовленъ къ выпуску, когда намъ сдѣлался извѣстнымъ II томъ сочиненія И. Фр. Павловскаго: „Къ исторіи Полтавскаго дворянства“, Полтава 1907 г. На стр. 48 его мы нашли снимокъ съ той группы членовъ Полтавскаго губернскаго комитета по устройству и улучшенію быта помѣщичьихъ крестьянъ, какая воспроизведена у насъ въ виду участія въ комитетѣ автора изданныхъ въ III томѣ писемъ, Н. И. Ушакова. На стр. 49 напечатанъ списокъ участвовавшихъ въ группѣ лицъ. Повторяемъ его здѣсь:

1. Миркаловъ Николай Григорьевичъ.
2. Лейбинъ Петръ Васильевичъ.
3. Гамалѣя Василій Ѳедотовичъ.
4. Ставицкій Петръ Васильевичъ.
5. Данилевскій Иванъ Семеновичъ.
6. Олиферъ Максимъ Семеновичъ.
7. Рихтеръ Ѳедоръ Александровичъ.
8. Тарновскій Василій Петровичъ.
9. Скоропадскій Петръ Ивановичъ.
10. Щербакъ Андрей Александровичъ.
11. Россоловскій (имя и отчество неизвѣстны), чиновникъ, командированный министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, исполнявшій обязанности секретаря.
12. Бѣлуха-Кохановскій Михаилъ Андреевичъ.
13. Захаровъ Николай Александровичъ.
14. Даниленко Василій Григорьевичъ.
15. Джунковскій Петръ Степановичъ.
16. Гриневичъ Иванъ Кузьмичъ.
17. Князь Кавкасидзе Владиміръ Семеновичъ.
18. Ушаковъ Николай Ивановичъ.
19. Кирьяковъ Григорій Степановичъ.
20. Гинцъ Василій Ивановичъ.
21. Лукьяновичъ Андрей Васильевичъ.
22. Катериничъ Кириллъ Осиповичъ.
23. Баклановъ Провъ Петровичъ.

24. Капнистъ Василій Семеновичъ.
25. Милорадовичъ Левъ Григорьевичъ.
26. Ильяшенко Петръ Сергѣевичъ.
27. Трипольскій Павелъ Алексѣевичъ.
28. Лейбинъ Григорій Степановичъ.
29. Чарнышъ Василій Васильевичъ.
30. Графъ О'Рурвъ Морицъ Егоровичъ.
31. Рейзеръ Алексѣй Степановичъ.
32. Алексѣевъ Александръ Степановичъ.
33. Бутовскій Дмитрій Петровичъ
34. Остроградскій Александръ Александровичъ.
35. Гудимъ-Левковичъ Іустинъ Максимовичъ.
36. Высоцкій Степанъ Степановичъ.
37. Богдановичъ Александръ Васильевичъ.
38. Марковичъ Михаилъ Андреевичъ.
39. Туманскій Василій Ивановичъ.
40. Позенъ Михаилъ Павловичъ.
41. Князь Кочубей Левъ Викторовичъ.
42. Сулима Григорій Павловичъ.
43. Гудимъ-Левковичъ Павелъ Максимовичъ.
44. Сулима Петръ Михайловичъ.
45. Ильяшенко Петръ Степановичъ.

Лица въ этомъ спискѣ перечислены, начиная сверху, отъ лѣвой руки къ правой. Изъ него видно, что называвшій намъ членовъ комитета современникъ ошибся въ опредѣленіи двухъ лицъ: Н. Г. Миркалова онъ счелъ за А. А. Марковича, а П. М. Сулиму за М. Г. Александровича. Просимъ читателя исправить эти двѣ подписи подъ группой.



859
.S76.S7
v.3
Stanford University Libraries
3 6105 013 461 103
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(415) 723-1493
All books may be recalled after 7 days
DATE DUE
DEC 1 9 1995
NOV 2 9 1995